Одесской Городской
Публичной Библіотеки.
(Основ. въ 1829 г.).

XIV
тд.
1606

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/russkieportretyx03niko

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Édition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

III томъ
1 выпускъ

TOME III
FASCICULE 1

1907

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

PORTRAITS RUSSES

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

ТОМЪ III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1907

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

TOME III

St-PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ÉTAT
1907

1

Свѣтлѣйшій князь **ДИМИТРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1771 — 1844, сынъ бригадира князя Владиміра Борисовича отъ брака съ графиней Наталіей Петровной Чернышевой, извѣстной „princesse Moustache“ (см. т. I, №№ 41 и 42), родился 29 Октября 1771 года; онъ получилъ блестящее образованіе сначала дома, въ Москвѣ, у родителей, а потомъ въ Страсбургской военной академіи, гдѣ Голицынъ пробылъ шесть лѣтъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Борисомъ. Окончивъ курсъ въ этомъ, въ то время извѣстномъ, заведеніи, оба брата совершили со своими родителями путешествіе по Европѣ, а затѣмъ поселились въ Парижѣ, гдѣ молодые люди могли видѣть все великолѣпіе Версальскаго двора. Наканунѣ революціи Голицыны вернулись въ Россію, и князь Димитрій Владиміровичъ поступилъ на службу въ Конную гвардію. Тотчасъ послѣ поступленія въ ряды войскъ, князь Голицынъ имѣлъ счастіе попасть въ Польскую кампанію и отличиться при штурмѣ Праги въ 1794 г., подъ начальствомъ Суворова. Быстро подвигаясь въ чинахъ при Императорѣ Павлѣ, онъ уже былъ генералъ-лейтенантомъ въ 1800 году. Наполеоновскія войны выдвинули князя еще болѣе, и онъ пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную славу отличнаго кавалерійскаго генерала: Пултускъ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтъ, Гейльсбергъ, въ 1806 и 1807 гг., связаны съ именемъ князя Голицына. Послѣ Шведской войны князь вышелъ въ отставку, въ коей находился до 1812 г., и употребилъ это время на путешествіе по Германіи и на слушаніе лекцій въ тамошнихъ университетахъ. Когда Кутузовъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ, онъ поручилъ князю Д. В. Голицыну конницу 2-й арміи, съ которой Голицынъ успѣшно дѣйствовалъ подъ Бородинымъ, Вязьмой и Краснымъ. Въ 1813 г., продолжая командовать двумя кирасирскими дивизіями, князь принялъ дѣятельное участіе въ бояхъ подъ Бауценомъ, Люценомъ, Кульмомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ, а также въ кампаніи 1814 года. Послѣ этого, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ командовалъ 1 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и этимъ закончилъ свою боевую карьеру, имѣя почти всѣ военныя отличія. Съ 1820 г., послѣ смерти Тормасова, Александръ I назначилъ князя Голицына Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и въ этой должности онъ пробылъ 24 года, до своей кончины. На этомъ отвѣтственномъ посту Голицынъ проявилъ способности администратора и организатора, особенно важныя послѣ разоренія Москвы въ 1812 г.; онъ сумѣлъ заслужить всеобщую любовь и уваженіе москвичей, которые цѣнили его доступность, гостепріимство и справедливость. Императоръ Николай I осыпалъ его милостями, давъ ему титулъ свѣтлѣйшаго и свой портретъ, украшенный алмазами; Москва же доселѣ съ благодарностью вспоминаетъ время его правленія и учредила премію за лучшую его біографію. Послѣдніе годы своей жизни князь часто болѣлъ; въ 1843 г. онъ поѣхалъ лѣчиться за границу и скончался въ Парижѣ на 2-й день Пасхи, 27 Марта 1844 года. Вся Москва встрѣчала и провожала до могилы его тѣло; онъ погребенъ, рядомъ съ женой, въ церкви арх. Михаила, въ Донскомъ монастырѣ. Князь былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Васильчиковой (сестрѣ Иларіона Васильевича) и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Владиміра и Бориса, бывшихъ генералъ-адъютантами Императора Александра II, и двухъ дочерей. Свѣтлѣйшій князь Димитрій Борисовичъ Голицынъ, генералъ-адъютантъ и завѣдывающій царскими охотами нынѣ, при Императорѣ Николаѣ II, его прямой внукъ.

До конца своей жизни, князь Д. В. Голицынъ глубоко чтилъ свою своенравную мать, которая всегда была строга къ сыну и даже тогда, когда онъ сдѣлался генералъ-губернаторомъ, обращалась съ нимъ, какъ съ мальчикомъ. „Князь былъ видный мужчина, высокій ростомъ, съ величественной осанкой, имѣлъ прекрасные черты и цвѣтъ лица. Проведши всю свою первую молодость въ чужихъ краяхъ, онъ, конечно, хорошо зналъ иностранные языки и очень плохо русскій, такъ что, когда сдѣлался Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и ему приходилось говорить гдѣ-нибудь рѣчь, онъ самъ писалъ ее на французскомъ языкѣ, потомъ отдавалъ для перевода на русскій и почти затверживалъ, чтобы сумѣть прочитать по бумажкѣ. Но впослѣдствіи онъ научился по-русски, и хотя у него сохранилось въ выговорѣ что-то иностранное, онъ, однако, объяснялся довольно изрядно. Онъ былъ очень близорукъ и, что странно, застѣнчивъ, и потому нѣкоторые считали его гордымъ, но кто зналъ его короче и бывалъ съ нимъ въ небольшомъ обществѣ, можетъ свидѣтельствовать, что кажущаяся гордость или необщительность происходила именно отъ природной застѣнчивости, а иногда отъ недостаточнаго знанія природнаго языка, что мѣшало ему привѣтствовать каждаго, какъ бы ему хотѣлось“.

(Съ портрета Риссъ 1835 г.; принадлежитъ свѣтл. князю Д. Б. Голицыну, с. Б. Вяземы, Московской губ.)

Le prince sérénissime **DMITRI VLADIMIROWITCH GOLITZYNE**, 1771—1844, fils du prince Vladimir Borissowitch Golitzyne, brigadier, et de la comtesse Natalie Pétrowna Tchernycheff, la fameuse **Princesse Moustache** (v. T. I, №№ 41 et 42), naquit le 29 octobre 1771. Il reçut une brillante éducation, d'abord à Moscou, chez ses parents, puis à l'Académie Militaire de Strasbourg, où il passa six ans avec son frère aîné Boris. A leur sortie de cet établissement, alors renommé, les deux frères firent avec leurs parents un voyage en Europe, puis la famille se fixa à Paris, où les jeunes gens purent voir toute la magnificence de la Cour de Versailles. A la veille de la Révolution, les Golitzyne rentrèrent en Russie, et le prince Dmitri prit du service à la Garde à cheval. Il eut presque aussitôt le bonheur de se trouver à la campagne de Pologne et de se distinguer à l'assaut de Praga en 1794, sous les ordres de Souvoroff. Favorisé d'un avancement rapide sous l'Empereur Paul, il était déjà général lieutenant en 1800. Les guerres napoléoniennes le mirent encore plus en relief et lui valurent le renom entièrement mérité d'un parfait général de cavalerie: Pultusk, Preussisch-Eylau, Gutstadt, Heilsberg, en 1806 et 1807, sont liés à son nom. Après la guerre de Suède, il donna sa démission et resta en retraite jusqu'en 1812, voyageant en Allemagne et y suivant les cours des universités. Koutouzoff, devenu commandant en chef, lui confia la cavalerie de la 2e armée, avec laquelle il opéra avec succès sous Borodino, Viazma et Krasnoïé. Il prit, toujours à la tête de deux divisions de cuirassiers, une part active aux batailles de Bautzen, Lutzen, Kulm, Dresde et Leipzig, en 1813, ainsi qu'à la campagne de 1814. Il commanda ensuite cinq ans le 1er corps de cavalerie de réserve et termina là sa carrière active, titulaire de presque toutes les distinctions militaires. En 1820, à la mort de Tormassoff, Alexandre Ier le nomma général gouverneur de Moscou, et il le resta vingt-quatre ans, jusqu'à sa mort. Il déploya à ce poste difficile des talents d'administrateur et d'organisateur, particulièrement précieux en raison des ravages de 1812; il sut se concilier l'affection générale et l'estime des moscovites par son humeur accessible et accueillante et par son équité. L'Empereur Nicolas Ier le combla de faveurs, lui conféra le titre d'altesse sérénissime et son portrait enrichi de brillants, et Moscou parle encore avec reconnaissance du temps de son administration et a institué un prix pour la meilleure biographie qui serait publiée de lui. Les dernières années de sa vie, il fut fréquemment malade: il alla en 1843 se soigner à l'étranger, et mourut à Paris le Lundi de Pâques, 27 mars 1844. Tout Moscou vint au-devant de sa dépouille et suivit ses funérailles; il fut inhumé près de sa femme à l'église St-Michel, au monastère Donskoï. Il avait épousé la sœur d'Hilarion Vassiltchikoff, Tatiana Vassiliewna, dont il eut deux fils, Vladimir et Boris, aides de camp de l'Empereur Alexandre II, et deux filles. Le prince sérénissime Dmitri Borissowitch Golitzyne, général aide de camp et directeur des chasses Impériales, sous l'Empereur actuel Nicolas II, est son petit-fils.

Jusqu'à la fin de sa vie, le prince Golitzyne eut une profonde vénération pour sa fantasque mère, qui le tint toujours sévèrement, et, même devenu gouverneur de Moscou, ne cessa de le traiter en petit garçon. „Bel homme, grand, majestueux d'allure, il avait des traits et un teint magnifiques. Ayant passé toute sa première jeunesse à l'étranger, il savait naturellement bien les autres langues et très mal le russe, de sorte que, quand il avait un discours à faire, à Moscou, il le composait lui-même en français et se le faisait traduire en russe, pour l'apprendre presque par cœur et pouvoir le lire plus facilement. Mais dans la suite, il apprit le russe, et, malgré son accent étranger, le parla assez convenablement. Il avait une forte myopie, et, chose bizarre, de la timidité, interprétée parfois comme fierté; mais les personnes qui le connaissent de près et l'ont fréquenté en petite compagnie peuvent attester que cette apparente fierté ou insociabilité tenait bien à de la timidité naturelle, et parfois à une connaissance insuffisante de la langue, qui l'empêchait d'accueillir chacun comme il aurait voulu".

(D'après un original de Riss, 1835, appartenant au prince sérénissime D. Golitzyne, Bolchiya Viazémy, gouv. de Moscou.)

Писъ Риссъ, 1835

Свѣтъ Князь Дмитрій Владиміровичъ
Голицынъ, 1771–1844

Peint par Riss, 1835

Le Prince Dmitri Vladimirowitch
Golitzyne, 1771–1844

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшая княгиня **ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ГОЛИЦЫНА**, 1783—1841, дочь бригадира Василія Алексѣевича Васильчикова, женатаго на Екатеринѣ Иларіоновнѣ Овцыной, родилась 7 Января 1783 г.; въ царствованіе Павла I пожалована фрейлиной, а 6 Февраля 1800 г. вѣнчалась при дворѣ съ княземъ Димитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Мать князя Голицына, извѣстная „princesse Moustache“, „не считала Васильчиковыхъ довольно знатными, неохотно согласилась на бракъ сына, и первое время, говорятъ, невѣстка много терпѣла отъ своей самонравной и надменной свекрови“. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ и до назначенія Московскимъ генералъ-губернаторомъ, князь Голицынъ былъ въ отставкѣ, и супруги жили въ своемъ с. Рождественѣ, недалеко отъ Москвы. Здѣсь они построили домъ, обновили церковь, развели прекрасный садъ; „княгиня любила цвѣты и много занималась садомъ, построила оранжереи, и все было въ небольшихъ размѣрахъ“ (позднѣе княгиня сдѣлалась учредительницей въ Москвѣ Общества любителей садоводства). „Домъ былъ отдѣланъ внутри очень просто: вездѣ березовая мебель, нигдѣ ни золоченія, ни шелковыхъ матерій, но множество портретовъ семейныхъ; въ билліардной была большая семейная картина—изображеніе семейства Чернышевыхъ: фигуръ много и всѣ почти въ натуральную величину; кисть по времени прекрасная“.

Княгиня Голицына „и съ молоду не была красавицей, но трудно себѣ представить лицо болѣе пріятное и привѣтливое. Она была небольшого роста, худощавая и довольно слабаго здоровья. Голицыныхъ всѣ уважали, а княгиню, которая была ангельской доброты, отъ мала до велика всѣ обожали. Надо было видѣть, до чего она бывала привѣтлива на своихъ балахъ: весь вечеръ все ходитъ, для всѣхъ почти было у ней ласковое, привѣтливое слово, а ежели кому нечего ей было сказать—пройдетъ мимо и улыбнется“. Княгиня Голицына много сдѣлала добра для Москвы: ея попеченіями основанъ былъ домъ трудолюбія, учреждены сиротскія училища; она особенно заботилась „о распространеніи образованія среди дѣвицъ бѣднаго класса“ и „съ любовью матери“ заботилась о сиротахъ-дѣтяхъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и пріютовъ. Князь Шаликовъ еще въ 1824 г. писалъ къ портрету княгини:

„Не нужны лира, кисть, рѣзецъ, Въ восторгѣ скажетъ мать, отецъ:
Чтобы друзья добра женой плѣнялись сею! Домъ трудолюбія и нравовъ созданъ ею!“

Памятникомъ заботы княгини о крестьянахъ остался корзиночный промыселъ въ селѣ Б. Вяземахъ. Княгиня, бывши въ Швейцаріи, увидала тамъ производство корзинъ, выписала оттуда мастеровъ, которые и научили крестьянъ плести корзины изъ ракитника. И сейчасъ еще поѣзда на ст. Голицыно, Брестской ж. д., осаждаютъ жители этого села, предлагая купить разныя корзинки и плетеныя издѣлія.

У княгини Т. В. Голицыной было четверо дѣтей: дочери—Екатерина (за княземъ Н. В. Долгорукимъ) и Наталія (за гр. П. А. Протасовымъ), и 2 сына—Владиміръ (р. 1815 г.) и Борисъ (р. 1819 г.). „Всѣ дѣти были очень хороши лицомъ; у меньшой изъ дочерей былъ прекрасный цвѣтъ лица, а мальчики въ дѣтскомъ возрастѣ были, какъ херувимы; обѣ княжны вышли замужъ очень молодыми“. Воспитаніе дѣтей „занимало время княгини; женщина умная, благочестивая и высокой добродѣтели, она была рождена для тихой семейной жизни“; она часто жалѣла въ Москвѣ о жизни въ Рождественѣ и говаривала: „Когда въ семействѣ бываютъ дочери и сыновья, воспитаніе однихъ мѣшаетъ обыкновенно воспитанію другихъ; я въ этомъ была особенно счастлива: когда воспитаніе моихъ дочерей окончилось, и я отдала ихъ замужъ, тогда началось воспитаніе сыновей, и я могла исключительно ими заняться“.

Княгиня Голицына въ день коронаціи Николая I была пожалована въ статсъ-дамы. Съ 30-хъ гг. здоровье ея окончательно разстроилось, но она не покидала до конца дней занятій дѣлами благотворительности. Послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій княгиня Голицына скончалась 28 Января 1841 г.; погребена она въ церкви св. арх. Михаила, въ Донскомъ монастырѣ. Въ печати появились ея некрологи, при чемъ издатель „Москвитянина“ писалъ: „Она давно уже жила для неба и какъ будто на небѣ; тамъ, тамъ получитъ она награду за свои земныя неземныя добродѣтели! Казалось, цѣлый городъ двинулся принести усопшей послѣднюю дань признательности и благоговѣнія“, а „С.-Петербургскія Вѣдомости“ замѣчали, что „Москва вполнѣ искренно раздѣляетъ безутѣшную скорбь своего градоначальника“.

(Съ портрета Риссъ 1835 г.; собственность свѣтл. князя Д. Б. Голицына, с. Б. Вяземы, Московской губ.)

La princesse sérénissime TATIANA VASSILIEWNA GOLITZYNE, 1783—1841, fille du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff et de Catherine Ilarionowna, née Ovtzyne, naquit le 7 janvier 1783. Demoiselle d'honneur sous Paul Ier, elle épousa à la Cour, le 6 février 1800, le prince Dmitri Vladimirowitch Golitzyne, dont la mère, la fameuse Princesse Moustache, „ne trouvant pas les Vassiltchikoff d'assez haute noblesse, ne consentit qu'à regret au mariage, et, avec son caractère acariâtre et hautain, fit dans les premiers temps la vie dure à la jeune princesse". De la fin des guerres napoléoniennes à sa nomination comme général gouverneur de Moscou, le prince Golitzyne fut en retraite, et les époux habitèrent leur domaine de Rojdestvéno, près Moscou, où ils firent bâtir une maison, restaurer l'église et planter un jardin magnifique: la princesse, qui fonda plus tard à Moscou la Société des Amateurs de jardinage, „aimait les fleurs, s'occupait beaucoup de son jardin et y fit construire des serres. Tout était sur un pied modeste; l'aménagement de la maison était tout simple: un mobilier tout en bouleau, point de dorures ni de soieries, mais une quantité de portraits de famille; il y avait dans la salle de billard un grand tableau de famille représentant les Tchernycheff, avec de nombreux personnages, presque tous grandeur naturelle, et d'une très bonne facture pour l'époque".

La princesse Golitzyne „n'avait jamais été belle, même étant jeune, mais on ne saurait se figurer une personne plus agréable et plus avenante. Elle était de petite taille, maigre et délicate de santé. Les Golitzyne jouissaient de l'estime générale, mais la princesse, avec sa bonté angélique, était adorée de tous, du petit au grand. Il fallait voir quelle affabilité elle déployait à ses bals: toute la soirée sur pied, il n'y avait guère personne pour qui elle n'eût un mot aimable, accueillant, et, quand elle n'avait rien à vous dire, elle vous souriait en passant". Elle fit beaucoup de bien à Moscou: ce fut elle qui fonda une maison de travail et fit créer des écoles d'orphelins; elle mit un soin particulier „à la propagation de l'instruction parmi les jeunes filles de la classe pauvre", et témoignait une sollicitude „toute maternelle" aux pupilles des divers asiles et établissements de bienfaisance. Le prince Chalikoff écrivait dès 1824 au bas de son portrait:

„Point de pinceau, de lyre, d'ébauchoir,
„Pour lui gagner le cœur de tout ami du bien:
„Chacun ravi sait qu'on lui doit
„La maison de travail et de moralité!"

Il reste un monument de la sollicitude de la princesse pour les paysans, l'industrie de la vannerie au bourg de Bolchiya Viazémy. Elle avait vu cette industrie au cours d'un voyage en Suisse, et en fit venir des vanniers pour apprendre aux paysans à faire des paniers en cytise. Aujourd'hui encore, à la station de Golitzyno, sur la ligne de Brest, les villageois du bourg viennent aux trains offrir des corbeilles et de la vannerie de leur façon.

La princesse Golitzyne eut quatre enfants: deux filles, Catherine, mariée au prince N. Dolgorouky, et Natalie, au comte N. Protassoff, et deux fils, Vladimir, né en 1815, et Boris, né en 1819. „Tous ses enfants étaient très jolis; la plus jeune fille avait un teint magnifique, et les garçons, étant petits, étaient de vrais chérubins; les deux princesses se marièrent très jeunes". L'éducation des enfants „occupait le temps de la princesse; intelligente, pieuse et d'une haute vertu, elle était née pour la vie de famille paisible"; à Moscou, elle regretta souvent la vie de Rojdestvéno, et répétait: „Quand il y a dans une famille des filles et des garçons, l'éducation des uns gêne ordinairement celle des autres; j'ai été favorisée sous ce rapport: quand l'éducation de mes filles a été terminée, et que je les ai eues mariées, celle de mes garçons a commencé, et j'ai pu m'en occuper exclusivement".

La princesse Golitzyne fut faite dame d'honneur le jour du couronnement de Nicolas Ier. Peu après 1830, elle perdit irrémédiablement la santé, mais sans renoncer jusqu'à la fin de ses jours à ses œuvres de bienfaisance. Elle mourut, après de longues et cruelles souffrances, le 28 janvier 1841, et fut inhumée à l'église St-Michel, au monastère Donskoï. La presse inséra des nécrologes; le Moskvitianine disait: „Depuis longtemps, elle vivait pour le ciel, et, pour ainsi dire, au ciel; c'est là, c'est là qu'elle recevra la récompense des vertus qu'elle eut en ce monde et qui n'étaient pas de ce monde! La ville paraît être venue tout entière apporter à la défunte l'hommage de sa reconnaissance et de sa vénération", et les Péterbourgskiya Védomosti— „Moscou partage bien sincèrement l'inconsolable douleur de son gouverneur".

(D'après l'original de Riss, 1835, appartenant au prince sérénissime D. Golitzyne, Bolchiya Viazémy, gouv. de Moscou.)

Пис. Риссъ, 1836

Свѣтл. Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, 1783-1841

Peint par Riss, 1836

La Princesse Tatiana Vassiliewna Golitzyne, 1783-1841

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ **ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ**, 1711—1762, сынъ генералъ-майора Ивана Максимовича отъ брака съ Татьяной Ермолаевной Нечаевой, 12-и лѣтъ опредѣленъ пажомъ къ Екатеринѣ I, а въ 1731 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ Цесаревны Елисаветы Петровны. Благодаря женитьбѣ на любимицѣ Цесаревны Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, Шуваловъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Елисаветѣ Петровнѣ, до самой своей кончины остававшейся неизмѣнно милостивой къ обоимъ супругамъ. По восшествіи Цесаревны на престолъ, Шуваловъ былъ пожалованъ въ камергеры, въ поручики лейбъ-компаніи и получилъ Александровскую ленту. Въ 1744 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика и званіе сенатора, 5 Сентября 1746 г. возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство, въ 1751 г. произведенъ въ генералъ-аншефы и пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1753 г. получилъ Андреевскую ленту, въ 1755 г. назначенъ главноприсутствующимъ въ Межевой канцеляріи, въ 1756 г. — конференцъ-министромъ и генералъ-фельдцейхмейстеромъ, съ 1758 по 1760 г. былъ вице-президентомъ Военной коллегіи. По своему значенію и дѣятельности, Шуваловъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди дѣятелей Елисаветинскаго времени, между которыми не найдется никого, кто бы могъ посоперничать съ нимъ въ необыкновенной неутомимости и разносторонности. Почти все, что обсуждалось въ Сенатѣ съ 1745 по 1766 г. было предложено Шуваловымъ. Онъ не могъ существовать безъ проектовъ, касавшихся самыхъ разнообразныхъ государственныхъ нуждъ, главнымъ же образомъ арміи и финансовъ. Любимымъ его дѣтищемъ была артиллерія, въ усовершенствованіи которой онъ принималъ личное участіе (его знаменитыя гаубицы). По его иниціативѣ приступлено было къ генеральному межеванію и составленію новаго уложенія. При такомъ разнообразіи интересовъ не все выходившее изъ-подъ пера Шувалова могло быть зрѣло обдумано и полезно для государства, но уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, заботы объ усовершенствованіи артиллеріи, предположенія объ уничтоженіи подушной подати заслуживаютъ быть отмѣченными. Зато его мѣры, преслѣдовавшія увеличеніе государственныхъ доходовъ, достигали иногда совершенно противоположной цѣли. Такъ, передача горныхъ заводовъ и промысловъ частнымъ лицамъ только обогатила послѣднихъ, въ томъ числѣ и самого Шувалова, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ всѣ Сѣверные и Каспійскіе рыбные промыслы, Гороблагодатскіе заводы, табачный и винный откупа и составившаго себѣ состояніе въ 400.000 рублей годового дохода. Полезныя стороны дѣятельности Шувалова остаются въ тѣни по винѣ его отрицательныхъ качествъ. Ему много вредило его стремленіе все захватить въ свои руки, его необыкновенныя самоувѣренность, властолюбіе и сребролюбіе. Заботясь о народномъ благѣ, онъ не забывалъ и себя; стараясь о соблюденіи повсюду правосудія, первый нарушалъ законы. Уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ онъ содѣйствовалъ успѣхамъ торговли, незаконными привилегіями и монополіями, въ которыхъ принималъ главное участіе, причинялъ ей только вредъ. Вліяніе Шувалова, особенно усилившееся съ тѣхъ поръ, какъ его двоюродный братъ сдѣлался фаворитомъ, было такъ велико, что Сенатъ безпрекословно исполнялъ его волю. Рѣзкій и надменный съ низшими, Шуваловъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ съ людьми, отъ которыхъ могла зависѣть его судьба: льстилъ Государынѣ, одаривая ея придворныхъ дамъ, старался подслужиться къ Разумовскому и терпѣливо выносилъ его побои. Шуваловъ обладалъ несомнѣннымъ умомъ и, по свидѣтельству князя Я. Шаховского, краснорѣчіемъ, хотя слогъ его проектовъ запутанный и неуклюжій. Одаренный красивой наружностью, онъ умѣлъ нравиться женщинамъ и даже въ концѣ жизни, по собственному его сознанію, „глазами и сердцемъ приносилъ жертву красотѣ“. По выраженію Щербатова, въ немъ „сластолюбіе, соединясь съ пышностью и властолюбіемъ, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами“. Въ концѣ царствованія Елисаветы Шуваловъ тяжко заболѣлъ, но, несмотря на свою болѣзнь, онъ оставался въ силѣ и въ первые дни царствованія Петра III, сдѣлавшаго его фельдмаршаломъ. 4 Января 1762 г. онъ скончался и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ.

Шуваловъ былъ женатъ дважды. Овдовѣвъ въ 1759 г., онъ въ Февралѣ 1761 г. женился на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Одоевской, скончавшейся отъ родовъ 20 Ноября того же года. Изъ дѣтей, родившихся отъ перваго брака, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ только одинъ сынъ Андрей.

(Съ портрета Рокотова; собственность графини Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE IVANOWITCH CHOUVALOFF, 1711—1762, fils du général major Ivan Maximowitch Chouvaloff et de Tatiana Ermolaewna, née Nétchaeff, fut fait, à l'âge de 12 ans, page de Catherine Ire, puis, en 1731, gentilhomme de la chambre de la Césarewna Elisabeth Pétrowna, dont son mariage avec la favorite Mavra Egorowna Chépéleff fit de lui un des plus intimes, et qui ne cessa jusqu'à sa mort de témoigner sa faveur aux deux époux. A son avènement, Chouvaloff fut fait chambellan, lieutenant de la compagnie du Corps et chevalier de St-Alexandre. Général lieutenant et sénateur en 1744, il fut, le 5 septembre 1746, élevé à la dignité de comte de l'Empire Russe, en 1751 promu général en chef et fait général aide de camp, en 1755 décoré de St-André, en 1755 nommé membre principal du tribunal d'arpentage, en 1756 grand maître de l'artillerie, et fut, de 1758 à 1760, vice président du Collège Militaire. Son importance et ses fonctions lui assurent une des premières places parmi les personnages du temps d'Elisabeth, dont aucun ne saurait rivaliser avec lui en raison de son activité infatigable et variée. Presque tout ce qui passa au Sénat de 1745 à 1766 émanait de lui. Il n'y avait pas d'existence pour lui sans projets dans les branches les plus diverses de l'administration, en particulier l'armée et les finances; mais son enfant chéri était l'artillerie, au perfectionnement de laquelle il contribua personnellement avec ses fameux obusiers. C'est à lui que revient l'initiative d'un arpentage général et celle du nouveau code. Avec une telle variété d'action, tout ce qui sortait de sa plume ne pouvait être mûrement conçu et utile à l'Etat, mais la suppression des douanes intérieures, les perfectionnements de l'artillerie, le projet de suppression de la capitation méritent d'être signalés. Par contre, ses mesures en vue d'accroître les revenus de l'Etat aboutirent parfois à un résultat tout opposé: ainsi la transmission à des particuliers des industries métallurgiques et autres ne fit qu'enrichir les titulaires, entre autres Chouvaloff lui-même, qui accapara toutes les pêcheries du Nord et de la Caspienne, les usines de Goroblagodat et les fermes du tabac et de l'alcool, et se fit 400.000 roubles de revenu annuel. Les traits défavorables de son caractère jettent une ombre sur les côtés utiles de son activité: ce qui lui fit beaucoup de tort, c'était sa manie de mettre la main sur tout, c'était aussi son assurance, son ambition et sa cupidité extraordinaires. Dans sa sollicitude pour le bien public, il ne s'oubliait pas lui-même: dans son zèle à faire respecter partout la justice, il était le premier à violer la loi. Sa suppression des douanes intérieures contribua aux progrès du commerce, auquel les affaires illégales de brevets et de monopoles dont il fut le principal agent ne firent que du tort. L'influence de Chouvaloff, considérablement accrue depuis l'élévation de son cousin au titre de favori, était si grande, que le Sénat accomplissait aveuglément sa volonté. Rude et arrogant avec ses inférieurs, il était tout autre avec ceux dont son sort pouvait dépendre, flattant l'Impératrice, avec les présents qu'il offrait à ses dames de Cour, flagornant Razoumowsky et endurant patiemment ses coups. Il ne manquait certainement pas d'esprit, ni, au témoignage du prince J. Chakhowskoï, d'éloquence, bien que le style de ses projets fût confus et gauche. Doué d'un physique avantageux, il savait plaire aux femmes, et, même sur ses vieux jours, de son propre aveu, „offrait ses yeux et son cœur en sacrifice à la beauté". Chez lui, selon l'expression de Chtcherbatoff, „la sensualité, jointe au faste et à l'ambition, l'emporta sur les bonnes mœurs". A la fin du règne d'Elisabeth, il tomba gravement malade, et néanmoins, il était encore puissant dans les premiers jours du règne de Pierre III, qui le fit feld-maréchal. Il mourut le 4 janvier 1762 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

Chouvaloff fut marié deux fois. Veuf en 1759, il se remaria en février 1761 à la princesse Anne Ivanowna Odoewsky, qui mourut en couches le 20 novembre suivant. Des enfants de son premier mariage, un seul, André, parvint à l'âge d'homme.

(D'après l'original de Rokotoff, appartenant à la comtesse E. Chouvaloff, St-Pétersbourg.)

Пис Рокотовъ

Peint par Rokotoff

Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, 1711-1762

Le Comte Pierre Ivanowitch Chouvaloff, 1711-1762

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

4

Графиня МАВРА ЕГОРОВНА ШУВАЛОВА, 1708—1759, родилась 23 Апрѣля 1708 г. и по родству отца ея, Егора Ильича Шепелева, съ Дмитріемъ Андреевичемъ Шепелевымъ, женатымъ на дочери пастора Глюка, считалась въ свойствѣ съ Екатериной I. Уже 11-и лѣтъ отъ роду она была „дѣвушкою“ (камеръ-юнгферой) при комнатахъ царевны Анны Петровны, и съ этого времени начинается ея дружба съ дочерьми Петра Великаго, полюбившими рѣзвую и умную „Маврушку“. По выходѣ замужъ Анны Петровны за герцога Голштинскаго, она въ 1727 г. сопровождала принцессу въ Кіль, гдѣ оставалась при ней до ея смерти и вернулась съ ея тѣломъ въ Россію. Все это время она находилась въ постоянной перепискѣ съ Елисаветой Петровной, и эти письма ея, подъ которыми она подписывалась: „ваша раба и дочь и холопка и кузына“, или „вѣрная ваша дочь Маврушка Шепелева“, эти письма — крайне любопытныя по своей наивности и по бытовымъ подробностямъ жизни — представляютъ интересный и рѣдкій образецъ эпистолярнаго стиля русской женщины Петровской эпохи. Съ Цесаревной Елисаветой Шепелеву соединяла общность вкусовъ и привычекъ, любовь къ пѣнію, стихотворству, къ играмъ и забавамъ и драматическимъ представленіямъ. Ею была даже написана комедія, въ которой дѣйствующимъ лицомъ „въ образѣ богини, принцессы Лавры“, была выставлена Елисавета Петровна. Комедія эта была представлена въ царствованіе Анны Іоанновны на домашнемъ театрѣ Цесаревны и, будучи сочтена за политическую демонстрацію, повлекла розыскъ Тайной канцеляріи. Любительница пѣнія и церковныхъ службъ, набожная Мавра Шепелева ѣздила въ 1738 г. въ Малороссію набирать пѣвчихъ для придворнаго хора Цесаревны и съ дороги писала ей, хвалясь „дишкантами и альтистами“, которыхъ она везла изъ Нѣжина, гдѣ пребываніе ея было особенно пріятно. „Также водки сладкія, хорошія, очень дешевы“, прибавляла она, „а не хуже дубельтовыхъ. Жидовъ множество, и видѣла ихъ собакъ. Алексѣю Григорьевичу отдаю поклонъ и прошу бутылочку шемпанскова прислать мнѣ на дорогу. Ей Богу, пію горѣлку!“

По восшествіи на престолъ, Императрица Елисавета въ Февралѣ 1742 г. выдала уже немолодую свою любимицу за своего камеръ-юнкера Петра Ивановича Шувалова, а въ день коронаціи пожаловала ее въ статсъ-дамы съ пребогатымъ портретомъ. Этому браку обязано было семейство Шуваловыхъ своимъ возвышеніемъ при дворѣ Елисаветы и своимъ вліяніемъ на Императрицу, которое, по словамъ Екатерины II, вполнѣ уравновѣшивало вліяніе Разумовскаго. Это не мѣшало Маврѣ Егоровнѣ подлаживаться къ Разумовскому и служить благодарственные молебны, когда мужъ ея возвращался съ охоты съ нимъ, „не будучи батожьемъ отъ него сѣченъ“. Сама Екатерина, будучи Великой Княгиней, прибѣгала къ посредничеству Мавры Егоровны въ своихъ частыхъ недоразумѣніяхъ съ Императрицей, но въ запискахъ своихъ упоминаетъ о ней лишь вскользь по поводу очень непріятной болѣзни, которою страдала графиня Шувалова со времени рожденія своего перваго ребенка. Некрасивая и даже, по словамъ князя Долгорукаго, „довольно отвратительная“, а по свидѣтельству князя Щербатова, „женщина, исполненная многихъ пороковъ“, графиня Шувалова была „рѣдкаго ума и съ ничѣмъ несравнимой склонности къ интригѣ“. Въ то же время она была преданной и любящей женой, добродушной и веселой женщиной, любившей хорошо поѣсть и выпить и играть въ азартныя игры.

Графиня М. Е. Шувалова скончалась 9 Іюня 1759 г. и похоронена въ Николаевскомъ Малицкомъ монастырѣ, близъ Твери, гдѣ, заболѣвъ во время беременности старшимъ сыномъ Николаемъ, получила исцѣленіе отъ иконы св. Николая Чудотворца въ 1742 году. Кромѣ этого сына, умершаго въ 1754 г., имѣла еще одного, Андрея (р. 1744 г., † 1789 г.).

(Съ портрета Рокотова; собственность Е. А. Балашовой, въ С.-Петербургѣ.)

4

La comtesse MAVRA ÉGOROWNA CHOUVALOFF, 1708—1759, naquit le 23 avril 1708, et, en raison de la parenté de son père, Egor Ilyitch Chépéleff, avec Dmitri Andréewitch Chépéleff, marié à la fille du pasteur Glück, était considérée comme parente par alliance de Catherine Ière. Elle fut dès l'âge de 11 ans fille de service de la Tzarewna Anna Pétrowna, et c'est de cette époque que date son amitié avec les filles de Pierre-le-Grand, qui prirent en affection leur Mavrouchka pour son humeur sémillante et son esprit. Après le mariage d'Anna Pétrowna avec le duc de Holstein, elle accompagna en 1727 la princesse à Kiel, y resta près d'elle jusqu'à sa mort et ramena sa dépouille en Russie. Elle était alors en correspondance suivie avec Elisabeth Pétrowna, et ses lettres, signées „Votre esclave et votre fille et votre serve et votre cousine", ou „Votre fille fidèle Mavrouchka Chépéleff", et extrêmement curieuses par leur naïveté et leurs détails matériels, fournissent un intéressant et rare échantillon du style épistolaire de la femme russe de l'époque de Pierre-le-Grand. Elle avait avec la Césarewna Elisabeth une communauté de goûts et d'habitudes, la même passion pour le chant, la poésie, les jeux et amusement et les représentations dramatiques. Elle composa même une comédie dont un des personnages était, „sous la forme d'une déesse, la princesse Laure", Elisabeth elle-même, et qui, mise à la scène au palais de la Césarewna sous le règne d'Anne Ioannowna fut interprétée comme une démonstration politique et mit sur pied la Chancellerie secrète. Par amour pour le chant et les services religieux, la pieuse Mavra Chépéleff alla en 1738 en Petite-Russie chercher des chantres pour les chœurs de la Césarewna, à laquelle elle écrivit de là-bas pour lui vanter les sopranos et contraltos qu'elle ramenait de Néjine, où elle avait fait un séjour particulièrement agréable. „Et aussi des liqueurs, douces, excellentes, très bon marché", ajoutait-elle, „et pas plus mal que celles de Dubelt. Des Juifs en masse: je les ai vus, ces chiens de Juifs. Compliments à Alexis Grigoriewitch, et envoyez-moi, s'il vous plaît, une bouteille de champagne pour le voyage. Vrai de vrai, je bois du schnaps!"

Parvenue au trône, l'Impératrice Elisabeth maria en février 1742 sa favorite, déjà d'un certain âge, avec son gentilhomme de la chambre Pierre Ivanowitch Chouvaloff, et, le jour de son couronnement, la fit dame d'honneur avec portrait d'une grande richesse. C'est à ce mariage que les Chouvaloff durent leur élévation à la Cour d'Elisabeth et leur influence sur l'Impératrice, qui, dit Catherine II, faisait absolument contre-poids à celle de Razoumowsky: ce qui n'empêchait pas la princesse de flagorner celui-ci et de faire célébrer des services d'actions de grâces quand son mari avait été à la chasse avec lui et revenait „sans s'être fait rosser par lui". Catherine elle-même, étant Grande-Duchesse, avait souvent recours à son entremise dans ses fréquents malentendus avec l'Impératrice, mais dans ses Mémoires, elle ne parle d'elle qu'en passant, à propos d'une maladie fort désagréable dont elle souffrait depuis ses premières couches. Laide, et même, selon l'expression du prince Dolgorouky, „un peu repoussante", „femme", au témoignage du prince Chtcherbatoff, „remplie de vices", la comtesse Chouvaloff était „pétrie d'esprit et avait un penchant incurable pour l'intrigue". Epouse dévouée et aimante, d'humeur bienveillante et gaie, elle aimait la bonne chère, la boisson et les cartes.

La comtesse Chouvaloff mourut le 9 juin 1759 et fut inhumée au monastère Malitzky-Nikolaewsky, près Tver, où elle avait obtenu de l'image de St-Nicolas-le-Thaumaturge la guérison de la maladie qu'elle avait faite en 1742, étant enceinte de son fils aîné Nicolas. Outre ce fils, mort en 1754, elle en avait un autre, André (1744—1789).

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à Mme C. Balachoff, St-Pétersbourg.)

Графиня Мавра Егоровна
Шувалова

La Comtesse Mavra Egorovna
Chouvaloff

Писъ Рокотовъ

Графиня Мавра Егоровна
Шувалова, 1708-1759

Peint par Rokoloff

La Comtesse Marie Egorowna
Chouvaloff, 1708-1759

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

5

Графъ **ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ КУШЕЛЕВЪ**, 1754 — 1833, адмиралъ, любимецъ Павла I, 10-и лѣтъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ, въ 1768 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1770 г. въ мичманы, послѣ чего принималъ участіе въ Архипелажской экспедиціи графа Орлова-Чесменскаго. По возвращеніи въ Петербургъ онъ сдѣлался извѣстенъ Великому Князю Павлу Петровичу, пріобрѣлъ его расположеніе и назначенъ былъ командиромъ Гатчинской флотиліи. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ любимцевъ, которые никогда не подвергались опалѣ Павла I. При Екатеринѣ II Кушелевъ дослужился до чина капитана 1 ранга, въ 1793 году. По воцареніи Павла I, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, затѣмъ переименованъ въ вице-адмиралы, а 7 Ноября 1796 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1798 г. Кушелевъ произведенъ въ адмиралы и назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи, 22 Февраля 1799 г. возведенъ въ графское достоинство и 29 Іюня того же года получилъ орденъ св. Андрея. Въ теченіе царствованія Павла I Кушелевъ принималъ ближайшее участіе въ судьбахъ русскаго флота, такъ какъ черезъ него шли всѣ распоряженія Государя по морской части. Онъ работалъ очень дѣятельно на пользу флота, въ особенности по части улучшенія корабельнаго дѣла и собиранія географическихъ картъ. Большое вниманіе обращалъ онъ также на изученіе моряками Балтійскаго моря. При немъ былъ составленъ новый уставъ военнаго флота, при чемъ самъ онъ написалъ: „Разсужденіе о морскихъ сигналахъ, служащихъ къ распоряженію военныхъ флотовъ“. По отзыву графа С. Р. Воронцова, Кушелевъ принесъ много пользы русскому флоту, бывшему до тѣхъ поръ „въ непростительномъ нерадѣніи“. По восшествіи на престолъ Александра I, онъ былъ устраненъ отъ дѣлъ и занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ Псковскомъ имѣніи, откуда только изрѣдка пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы навѣстить сиротъ-сыновей, воспитывавшихся у сестры его жены. Кушелевъ получилъ отъ Павла I большія земельныя владѣнія, и богатство его еще увеличилось послѣ его второго брака съ графиней Любовью Ильиничной Безбородко (р. 1783 г., † 1809 г.).

Графъ Г. Г. Кушелевъ оставилъ по себѣ память честнаго и „прекраснѣйшей души“ человѣка. Скончался онъ 14 Ноября 1833 года. Отъ перваго брака онъ имѣлъ дочь Александру (за княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ), отъ 2-го брака—2 сыновей: Александра (р. 1800 г., † 1855 г.) и Григорія (р. 1802 г., † 1855 г.).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность В. П. Кочубея, въ Кіевѣ.)

5

Le comte GRÉGOIRE GRIGORIEWITCH KOUCHÉLEFF, 1754—1833, amiral, favori de Paul Ier, entra à l'âge de 10 ans à l'Ecole Navale; garde-marine en 1768, enseigne en 1770, il fit ensuite l'expédition de l'Archipel avec le comte Orloff-Tchesmensky. De retour à St-Pétersbourg, il se fit connaître au Grand-Duc Paul Pétrowitch, se concilia ses bonnes grâces et fut nommé commandant de la flottille de Gatchina. Il fut du petit nombre des favoris qui n'encoururent jamais la disgrâce de Paul Ier. Il parvint sous Catherine II au grade de capitaine de 1er rang, en 1793. Promu général major à l'avènement de Paul, il permuta ensuite vice-amiral, et fut fait le 7 novembre 1796 général aide de camp. Amiral en 1798, puis vice-président du Collège des Amirautés, il fut élevé à la dignité de comte le 22 février 1799 et décoré de St-André le 29 juin suivant. Il eut pendant tout le règne une part immédiate aux destinées de la marine russe, car toutes les mesures que prenait l'Empereur pour la partie navale passaient par ses mains; il joua un rôle très actif et très efficace, en particulier pour les constructions navales et la topographie marine. Il donna aussi tous ses soins à l'instruction des marins de la Baltique. Il fit rédiger un nouveau règlement de la marine de guerre et composa lui-même une Etude sur les signaux maritimes en usage dans les marines de guerre. Au témoignage du comte S. Worontzoff, il fit beaucoup de bien à la marine russe, avant lui „dans un impardonnable abandon". Destitué à l'avènement d'Alexandre Ier, il alla faire valoir son domaine de Pskoff, ne venant à Pétersbourg qu'à de rares intervalles pour voir ses fils, élevés, à défaut de leur mère, chez une tante maternelle. Il avait reçu de Paul Ier d'immenses biens-fonds, et devint encore plus riche par son second mariage avec la comtesse Bezborodko (1785—1809).

Le comte Kouchéleff mourut le 14 novembre 1833, laissant après lui la mémoire d'un honnête homme et „d'une âme splendide". Il eut de son premier mariage une fille Alexandrine, mariée au prince Alexis Alexandrowitch Lobanoff-Rostowsky, et du second deux fils, Alexandre (1800—1855) et Grégoire (1802—1855).

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à B. Kotchoubey, Kieff.)

Пис. Боровиковский

Графъ Григорій Григорьевичъ
Кушелевъ, 1754–1833

Peint par Borovikowsky

Le Comte Grégoire Grigoriewitch
Kouchéleff, 1754–1833

6

Графиня **ЛЮБОВЬ ИЛЬИНИЧНА КУШЕЛЕВА**, 1783—1809, дочь графа Ильи Андреевича Безбородко отъ брака съ Анной Ивановной Ширяй (см. т. II, №№ 11 и 12), вмѣстѣ съ сестрой Клеопатрой, впослѣдствіи княгиней Лобановой-Ростовской, была наслѣдницей колоссальнаго состоянія знаменитаго дяди, князя Александра Андреевича Безбородко. Фрейлина двора Императора Павла, она была богатѣйшей въ Россіи невѣстой, при чемъ на ея долю изъ наслѣдства князя приходилось движимаго и недвижимаго имущества, кромѣ капиталовъ, по самой скромной оцѣнкѣ, на 10 милліоновъ рублей. Ей было всего 16 лѣтъ, когда она, 2 Октября 1799 г., вышла замужъ за любимца Павла I графа Григорія Григорьевича Кушелева, 45-лѣтняго вдовца, человѣка, игравшаго въ то время видную роль при дворѣ и осыпаннаго милостями Императора. По свидѣтельству Шишкова, Государь былъ недоволенъ женитьбой Кушелева, и когда послѣдній заболѣлъ, Павелъ выразилъ увѣренность, что „англичанинъ“, докторъ Вилліе, его „уморитъ“, прибавивъ: „Впрочемъ, не велика бѣда, если и умретъ! Онъ женился на богатствѣ и пошелъ въ холопы къ своей женѣ. Я самъ, сударь, люблю женщинъ, но не стану ѣздить за ними на запяткахъ!“ Видя такое его на графа Кушелева негодованіе, Шишковъ осмѣлился сказать: „Государь, можетъ-быть, онъ не хорошо сдѣлалъ, что въ такихъ лѣтахъ женился, но я смѣю за него ручаться, что къ этому побудило его достоинство сей дѣвицы, а не богатство ея, въ которомъ онъ, будучи столько отъ Вашего Величества награжденъ, не имѣетъ никакой надобности“...

Графиня Л. И. Кушелева умерла, очень молодой, 14 Іюня 1809 г., оставивъ двоихъ маленькихъ сыновей: Александра (р. 4 Сентября 1800 г., † 6 Апрѣля 1855 г.), которому 6 Апрѣля 1816 г. разрѣшено именоваться графомъ Кушелевымъ-Безбородко, и Григорія (р. 1802 г., † 1855 г.). Графиня Кушелева погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность В. П. Кочубея, въ Кіевѣ.)

6

La comtesse **LIOUBOFF ILYINITCHNA KOUCHÉLEFF**, 1785—1809, fille du comte Elie Andréewitch Bezborodko et d'Anne Ivanowna, née Chiriaï (v. T. II, №№ 11 et 12), fut, avec sa sœur Cléopâtre, dans la suite princesse Lobanoff-Rostowsky, héritière de la fortune colossale de son célèbre oncle, le prince Alexandre Andréewitch Bezborodko. Demoiselle d'honneur à la Cour de Paul Ier, elle était le plus riche parti de Russie, et eut pour sa part d'héritage, outre l'argent liquide, des biens meubles et immeubles qu'on ne saurait évaluer à moins de dix millions de roubles. Elle n'avait que 16 ans quand elle épousa, le 2 octobre 1799, le comte Grégoire Grigoriewitch Kouchéleff, favori de Paul Ier, veuf, âgé de 45 ans, alors fort en vue à la Cour et comblé des faveurs impériales. Au témoignage de Chichkoff, l'Empereur fut mécontent de ce mariage et, Kouchéleff étant tombé malade, émit la certitude que „l'anglais" (le docteur Wyllie) „le ferait mourir", en ajoutant: „Du reste, le mal ne sera pas grand, s'il meurt. Il a fait un mariage riche, et le voilà l'esclave de sa femme. Moi-même, Monsieur, j'aime bien les femmes, mais je voudrais pas leur servir de laquais!" A cette sortie, Chichkoff se permit de répondre: „Sire, il a peut-être eu tort de se marier à cet âge, mais j'ose me porter garant pour lui qu'il ne l'a fait que pour le mérite de cette personne, et non pour sa richesse, dont, en raison des générosités de Votre Majesté, il n'a nul besoin"....

La comtesse Kouchéleff mourut jeune, le 14 juin 1809, laissant deux petits garçons, Alexandre (4 septembre 1800—6 avril 1855), qui reçut le 6 avril 1816 l'autorisation de s'appeler comte Kouchéleff-Bezborodko, et Grégoire (1802—1855). Elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à B. Kotchoubey, Kieff.)

Пис Боровиковский

Графиня Любовь Ильинична
Кушелева, 178--1809

Peint par Borovikowsky

La Comtesse Liouboff Ilyinitchna
Kouchéleff, 178--1809

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКОЙ, 1704—1795, побочный сынъ фельдмаршала князя Ив. Юр. Трубецкого, взятаго шведами въ плѣнъ при Нарвѣ, родился въ Стокгольмѣ 3 Февраля 1704 г.; мать его была шведка, по преданію принадлежавшая къ высшему обществу (баронесса Вреде или Спарре). Дѣтство его протекло въ Швеціи, въ семьѣ отца, очень къ нему расположенной. Точныхъ свѣдѣній объ его воспитаніи и образованіи не сохранилось, но извѣстно, что онъ учился въ Копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ. Службу началъ Бецкой въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и въ 1722 г. былъ секретаремъ при послѣ въ Парижѣ князѣ В. Л. Долгорукомъ, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ состоялъ адъютантомъ при отцѣ. Дальнѣйшему его возвышенію содѣйствовала дружба Императрицы Елисаветы съ его сестрой принцессой Гессенъ-Гомбургской. Въ 1741 г. онъ былъ назначенъ камергеромъ къ Великому Князю Петру. Служба при маломъ дворѣ положила начало дружескому отношенію къ нему Екатерины II. Когда Бестужевъ счелъ нужнымъ перемѣнить составъ придворныхъ наслѣдника, Бецкой въ 1747 г. былъ уволенъ съ чиномъ генералъ-майора. Съ этого года до 1762 г. онъ почти все время находился за границей, и это пребываніе имѣло рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу: онъ заинтересовался устройствомъ въ чужихъ краяхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Во время пребыванія въ Парижѣ Бецкой сблизился съ г-жей Жоффренъ, въ знаменитомъ салонѣ которой собирались корифеи французской литературы, и подпалъ подъ вліяніе энциклопедистовъ, въ особенности Руссо. Тогда-то уже, безъ сомнѣнія, у него возникли тѣ педагогическіе идеалы, которые черезъ нѣсколько лѣтъ ему удалось примѣнить на практикѣ. Петръ III, по вступленіи на престолъ, вызвалъ Бецкого въ Россію, пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго и чинъ генералъ-поручика и назначилъ его главнымъ директоромъ Канцеляріи Строеній. По восшествіи на престолъ Екатерины II, передъ Бецкимъ открылось обширное поле дѣятельности, такъ какъ Императрица, сама поклонница французской просвѣтительной философіи, дала ему возможность осуществить его идеи. Бецкой былъ одушевленъ мыслью о возможности создать новую породу людей, болѣе способную воспріять европейскую цивилизацію, путемъ воспитанія молодого поколѣнія въ закрытыхъ, для огражденія его отъ вліянія порочной среды, учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. По его плану былъ преобразованъ Шляхетный Сухопутный кадетскій корпусъ, и учреждено первое женское учебное заведеніе „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“ (Смольный). Затѣмъ устроены были имъ коммерческое и мѣщанскія училища, такъ какъ онъ придавалъ большое значеніе созданію въ Россіи образованнаго третьяго сословія. Наконецъ, ему обязаны своимъ возникновеніемъ Воспитательные дома, въ Петербургѣ и Москвѣ. Бецкой, кромѣ того, стоялъ во главѣ Академіи Художествъ въ качествѣ ея президента и продолжалъ управлять Канцеляріей Строеній. Ему обязанъ Петербургъ своей гранитной набережной и рѣшеткой Лѣтняго сада. За свои труды онъ былъ награжденъ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника (1767 г.), орденами св. Андрея (1768 г.) и Владиміра 1 ст. (1782 г.) и выбитой въ честь его медалью (1772 г.). Бецкой былъ близокъ къ Екатеринѣ II, долгое время былъ ея чтецомъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ дряхлѣлъ, она стала охладѣвать къ нему. Подъ конецъ жизни онъ ослѣпъ и былъ разбитъ параличемъ. Скончался онъ 31 Августа 1795 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви. Бецкой не былъ женатъ. Большую часть своего состоянія онъ оставилъ своей „воспитанницѣ“ А. И. Соколовой (см. т. II, № 35). Человѣкъ самостоятельный, не честолюбивый, онъ больше всего думалъ о благѣ отечества. Въ то время какъ любимцы Екатерины II составляли громадныя состоянія, онъ сравнительно былъ небогатъ и много тратилъ на дѣла благотворенія. Съ виду холодный и суровый, онъ былъ привѣтливъ и добръ; очень любознательный, онъ находилъ время, чтобы заниматься разведеніемъ шелковичныхъ червей и искусственнымъ высиживаніемъ цыплятъ. Въ частной жизни онъ былъ крайне воздержанъ и велъ уединенный образъ жизни. Дѣятельность Бецкого подвергалась неоднократно осужденію и насмѣшкамъ, но за нимъ остается великая заслуга: онъ первый явился поборникомъ всеобщаго образованія, содѣйствуя распространенію грамотности въ народѣ и женскому образованію. „Quod aevo promeruit, aeterne obtinuit“, написано на его памятникѣ.

(Съ портрета А. Рослена; Академія Художествъ, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN IVANOWITCH BETZKOÏ, 1704—1795, fils naturel du feld-maréchal prince Ivan Youriewitch Troubetzkoï, fait prisonnier par les Suédois à Narva, naquit à Stockholm le 3 février 1704, d'une mère suédoise qui aurait appartenu à la plus haute société (baronne de Wrede ou de Sparre). Son enfance s'écoula en Suède, dans la famille de son père, où il était très aimé. Sans avoir de renseignements précis sur son instruction et son éducation, on sait seulement qu'il fit des études au Corps des Cadets de Copenhague. Il débuta au service au Collège des Affaires étrangères, devint en 1722 secrétaire du prince B. Dolgorouky, ambassadeur à Paris, puis fut quelques années aide de camp de son père. Ce qui contribua à son élévation ultérieure fut l'amitié de l'Impératrice Elisabeth avec sa sœur la princesse de Hesse-Hombourg. Chambellan du Grand-Duc Pierre en 1741, son service à la Petite Cour marque pour lui le début de la faveur de Catherine II. Déplacé avec grade de général major, lorsqu'en 1747 Bestoujeff jugea nécessaire de remplacer tout l'entourage de l'Héritier, il resta ensuite à l'étranger sans interruption jusqu'en 1762, et ce séjour eut une influence décisive sur son avenir: il s'intéressa à l'organisation dans les autres pays des établissements d'éducation et de bienfaisance. Il fit lors de son séjour à Paris la connaissance de Mme Geoffrin, dont le célèbre salon réunissait les coryphées de la littérature française, et tomba sous l'influence des Encyclopédistes, en particulier de Rousseau. C'est certainement alors qu'il conçut, en matière de pédagogie, les idéaux qu'il devait mettre en pratique quelques années plus tard. Pierre III, arrivé au trône, le fit revenir en Russie, lui conféra l'ordre de St-Alexandre Newsky et le grade de général lieutenant, et le nomma directeur général de la Chancellerie des Constructions. Puis l'avènement de Catherine II ouvrit un vaste champ à son activité, car l'Impératrice, adepte elle-même des doctrines civilisatrices de la philosophie française, lui donna la possibilité de réaliser ses idées. Il était enthousiasmé de la pensée de pouvoir créer une race nouvelle, plus propre à recevoir la civilisation européenne, en élevant la jeune génération dans des établissements d'instruction et d'éducation fermés, et soustraits ainsi à l'influence d'un milieu vicié. C'est d'après ce plan que fut transformé le Corps des Cadets et fondé le premier établissement d'instruction de jeunes filles, la Société d'éducation des jeunes filles nobles (Smolna). Il organisa ensuite une école de commerce et des écoles pour la bourgeoisie, car il attribuait une grande importance à la constitution en Russie d'un tiers état instruit. C'est enfin à lui qu'on doit les Enfants-Trouvés de Pétersbourg et de Moscou. Il était en outre à la tête de l'Académie des Beaux-Arts comme président et continuait à administrer la Chancellerie des Constructions; Pétersbourg lui est redevable de ses quais de granit et de sa grille du Jardin d'Eté. Ses travaux lui valurent le rang de conseiller privé actuel (1767), les ordres de St-André (1768) et de St-Vladimir de 1re classe (1782), et une médaille fut frappée en son honneur en 1772. Betzkoï était un intime de Catherine II; il fut longtemps son lecteur, mais au fur et à mesure de sa décrépitude, elle se détacha de lui. Sur la fin de sa vie, il devint aveugle paralytique. Il mourut le 31 août 1795 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église de l'Annonciation.

Betzkoï ne fut pas marié. Il laissa la plus grande partie de sa fortune à une „pupille", Mlle A. Sokoloff (v. T. II, № 35). Indépendant et exempt d'ambition, sa première préoccupation était le bien de sa patrie. Tandis que les favoris de Catherine II firent de grosses fortunes, il resta relativement pauvre et dépensa beaucoup en œuvres de bienfaisance. Sous des dehors de froideur et de rudesse, il était accueillant et bon; esprit curieux, il trouvait du temps pour faire l'élevage des vers à soie et le couvage artificiel des poulets. Il était d'une extrême sobriété et menait une vie retirée. Son œuvre excita souvent la désapprobation et la risée, mais il a du moins un grand mérite: il fut le premier champion de l'instruction universelle, par le zèle avec lequel il travailla à répandre les rudiments dans le peuple et à développer l'instruction des jeunes filles.

(D'après un original de Roslin, Académie des Beaux-Arts, St-Pétersbourg.)

Писъ Рослень

Иванъ Ивановичъ
Бецкій, 1704–1795

Peint par Roslin

Ivan Ivanowitch
Betzky, 1704–1795

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1727 — 1797, фаворитъ Императрицы Елисаветы Петровны, двоюродный братъ графа П. И. Шувалова, сынъ гвардіи капитана Ивана Максимовича († 1741 г.) и его жены Татьяны Родіоновны Ратиславской († 1756 г.), родился въ Москвѣ 1 Ноября 1727 г.; здѣсь же провелъ дѣтство и учился у одного учителя съ Суворовымъ, при чемъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ склонность къ наукамъ. Когда со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны возвысились его двоюродные братья, Шуваловъ былъ взятъ ко двору въ пажи, но и здѣсь онъ не измѣнилъ своимъ склонностямъ: его всегда видѣли съ книжкой въ рукахъ. Шуваловы рѣшили воспользоваться красивой наружностью молодого родственника, чтобы сдѣлать изъ него фаворита Государыни. 4 Сентября 1749 г. И. И. Шуваловъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, но вполнѣ утвердился онъ въ 1751 г., когда Шуваловымъ удалось устранить Бекетова. Съ этого времени до самой смерти Императрицы, Иванъ Ивановичъ пользовался ея расположеніемъ. Онъ былъ пожалованъ въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты, получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Его значеніе было велико въ послѣдніе годы жизни Елисаветы, когда всѣ государственныя дѣла проходили черезъ его руки. Но, занимая первое мѣсто, Шуваловъ, не обладавшій крупнымъ умомъ государственнаго человѣка, по своей добродушной и нѣсколько лѣнивой природѣ, лично не имѣлъ большого вліянія на ходъ дѣлъ, а былъ только орудіемъ въ рукахъ графа П. И. Шувалова. Мягкій и доброжелательный, врагъ ссоръ и шума, онъ старался со всѣми быть въ добрыхъ отношеніяхъ и иногда являлся даже въ роли примирителя другихъ; поэтому онъ имѣлъ мало враговъ. Вполнѣ безкорыстный, Шуваловъ отказывался отъ матеріальныхъ выгодъ и не принялъ графскаго титула. Однако, была одна область, куда его влекли личные вкусы, и гдѣ онъ господствовалъ неограниченно, это — область наукъ и искусствъ, что доставило ему прозваніе „Россійскаго мецената“ и сдѣлало его имя навсегда памятнымъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ основателя перваго русскаго университета въ Москвѣ (12 Января 1755 г., день Ангела его матери). Шуваловъ былъ назначенъ „куратором“ университета и постоянно заботился о немъ, хотя лично посѣтилъ его лишь въ 1778 г.; по его же мысли были учреждены въ 1757 г. Академія Художествъ и въ 1758 г. гимназія въ Казани. Имя Шувалова неразрывно связано также съ именемъ его современника — Ломоносова: онъ былъ его покровителемъ, вмѣстѣ съ нимъ обсуждалъ проектъ университета и былъ воспѣтъ Ломоносовымъ въ многочисленныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Слава о Шуваловѣ, какъ о просвѣщенномъ русскомъ вельможѣ, распространилась и за границей; онъ переписывался съ Гельвеціемъ, Дидро и Даламберомъ, а Вольтеръ сказалъ о немъ: „C'est un des hommes le plus poli et le plus aimable que j'aie jamais vu“. Смерть Елисаветы Петровны измѣнила положеніе Шувалова. Петръ III назначилъ его директоромъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, но пруссаки видѣли въ немъ своего главнаго врага и стремились возстановить противъ него Императора. Послѣ Іюньскаго переворота, Шуваловъ сейчасъ же присягнулъ Екатеринѣ II, но при дворѣ на первое мѣсто стали или новые люди, или враги Шувалова, и онъ отправился въ долголѣтнее заграничное путешествіе, пробывъ за границей, въ Италіи и Франціи, 14 лѣтъ. Время сгладило неудовольствіе Екатерины II: она стала давать ему порученія; въ 1773 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, когда же въ 1777 г. возвратился въ Россію, Государыня встрѣтила его, какъ „дорогого гостя“, и пожаловала ему званіе оберъ-камергера и ордена св. Андрея и Владиміра 1 ст.; онъ сдѣлался ея постояннымъ партнеромъ въ картахъ и сопровождалъ ее въ Крымъ. Шуваловъ жилъ окруженный книгами, статуями, картинами и собиравшимся у него обществомъ писателей и образованнѣйшихъ людей. Самъ онъ былъ еще „рѣчью и видомъ бодръ, но слабъ ногами, лицо у него было всегда спокойное, обращеніе со всѣми упредительное; въ разговорахъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю; русскій языкъ его былъ съ красивой обдѣлкой въ тонкостяхъ и тонахъ, французскій онъ употреблялъ, когда хотѣлъ что сильнѣе выразить“. Шуваловъ скончался 14 Ноября 1797 г. и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Дмитріевъ писалъ о немъ:

„Съ цвѣтущей младости до сребряныхъ власовъ Таланту каждому покровъ,
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ, Почтенъ, доступенъ и любезенъ!“

(Съ портрета Де-Вельи; находится въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN IVANOWITCH CHOUVALOFF, 1727—1797, favori de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, cousin du comte Pierre Chouvaloff, fils du capitaine de la garde Ivan Maximowitch († 1741) et de sa femme Tatiana Rodionowna Ratislawsky († 1756), naquit à Moscou le 1er novembre 1727; y passa son enfance et y reçut son instruction avec Souvoroff chez le même maître; dès sa plus tendre enfance fit preuve de capacité pour les sciences. Lorsque, à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, ses cousins s'élevèrent, Chouvaloff fut reçu page à la cour, mais il n'en changea pas pour cela de penchants: on le voyait toujours un livre à la main. Les Chouvaloff résolurent de mettre à profit le bel extérieur de leur jeune parent pour en faire le favori de l'Impératrice. Le 4 septembre 1749, I. I. Chouvaloff fut nommé gentilhomme de la chambre, mais sa position ne s'affermit définitivement qu'en 1751, lorsque les Chouvaloff réussirent à éloigner Békétoff. A partir de cette époque, jusqu'à la mort de l'Impératrice, Ivan Ivanowitch jouit de sa faveur. Il fut créé lieutenant général et aide de camp général, reçut l'ordre de St-Alexandre Newsky. Son crédit fut grand dans les dernières années da la vie d'Elisabeth, quand toutes les affaires d'Etat passaient par ses mains. Mais, quoique occupant la première place, Chouvaloff, qui ne possédait pas l'esprit étendu d'un homme d'Etat, n'avait pas, personnellement, une grande influence sur la marche des affaires à cause de son naturel bon enfant et quelque peu paresseux et n'était qu'un instrument entre les mains du comte P. I. Chouvaloff. Doux et bienveillant, ennemi des discussions et du bruit, il s'efforçait d'être en bonnes relations avec tout le monde et remplissait parfois le rôle de conciliateur; voilà pourquoi il eut peu d'ennemis. Entièrement désintéressé, Chouvaloff resta indifférent aux intérêts matériels et refusa le titre de comte. Il y avait pourtant une sphère où l'attiraient ses goûts personnels et où il régnait sans limite: c'était le domaine des sciences et des arts, ce qui lui valut le surnom de „Mécène russe“ et rendit son nom célèbre à jamais dans l'histoire de la civilisation russe, comme fondateur de la première université russe à Moscou (12 janvier 1755, jour de fête du saint de sa mère). Chouvaloff fut nommé „curateur“ de l'université et s'en occupa constamment, bien qu'il ne l'ait visitée personnellement qu'en 1778; c'est d'après son idée que furent fondés en 1757 l'Académie des Beaux-Arts et en 1758 le gymnase de Kazan. Le nom de Chouvaloff est étroitement lié à celui de son contemporain—Lomonossoff: il fut le protecteur de ce dernier, élabora avec lui le projet de l'université et fut chanté par Lomonossoff dans de nombreuses œuvres poétiques. Son renom, comme celui d'un seigneur russe éclairé se répandit aussi à l'étranger; il était en correspondance avec Helvétius, Diderot et d'Alembert, et Voltaire a dit de lui: „C'est un des hommes le plus poli et le plus aimable que j'aie jamais vu“. La mort d'Elisabeth Pétrowna changea la position de Chouvaloff. Pierre III le nomma directeur du Corps des cadets de terre, mais les Prussiens voyaient en lui leur principal ennemi et s'efforcèrent de le brouiller avec l'Empereur. Après le coup d'état de juin, Chouvaloff prêta immédiatement serment à Catherine II, mais, soit de nouveaux personnages, soit des ennemis de Chouvaloff occupèrent le premier rang à la cour et il partit pour un voyage de longue durée à l'étranger où il séjourna 14 ans, en Italie et en France. Le temps apaisa le mécontentement de Catherine II: elle le chargea de différentes missions; en 1775, il fut élevé à la dignité de conseiller privé actuel et, lorsque, en 1777, il revint en Russie, l'Impératrice l'accueillit en „hôte bienvenu“ et lui conféra le titre de grand chambellan et l'ordre de St-André et de St-Vladimir de 1e cl.; il devint son partenaire habituel aux cartes et l'accompagna en Crimée. Chouvaloff vivait entouré de livres, de statues et de tableaux et réunissait autour de lui une société d'écrivains et d'hommes des plus instruits. Lui-même était encore „vert d'aspect, avait le langage vif, mais sa démarche n'était pas assurée; il avait le visage toujours calme, sa manière d'être était prévenante envers tous; dans la conversation, il s'exprimait lucidement et promptement; il parlait un russe élégamment choisi dans ses finesses et ses nuances; il se servait du français lorsqu'il désirait exprimer quelque chose avec plus de force. Chouvaloff expira le 14 novembre 1797 et est inhumé dans l'église de l'Annonciation du couvent d'Alexandre Newsky. Dmitrieff a écrit à son sujet:

„De la jeunesse florissante à la blanche vieillesse,
Des pauvres Chouvaloff fut le recours;
De chaque talent le protecteur,
Honoré, accessible et affable!“

(D'après un original de De-Veilly; Académie des Beaux-Arts, St-Pétersbourg.)

Пис. де-Велли

Иванъ Ивановичъ
Шуваловъ, 1727–1797

Peint par de Velly

Ivan Ivanowitch
Chouvaloff, 1727–1797

Графъ **МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ**, 1772—1839, сынъ священника Владимірской епархіи, знаменитый дѣятель Александровской эпохи. Получивъ школьное образованіе во Владимірской семинаріи и въ главной семинаріи въ Петербургѣ, Сперанскій уклонился отъ предназначавшагося ему духовнаго поприща, поступивъ, по рекомендаціи митрополита Гавріила, домашнимъ секретаремъ къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину. Когда Куракинъ, съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, то и Сперанскій сдѣлался однимъ изъ важныхъ дѣльцовъ генералъ-прокурорской канцеляріи. Отсюда начало служебной карьеры Сперанскаго, отсюда начало и самообразованія его личности. Бѣдный, приниженный семинаристъ, не смѣвшій сначала даже обѣдать за однимъ столомъ съ пріютившимъ его вельможей, всѣ силы блестящаго своего ума и необычайнаго умѣнья приспособляться направилъ онъ на то, чтобы стать не ниже, а во многихъ отношеніяхъ и выше уровня той среды, въ которую поставила его судьба. Съ чрезвычайной легкостью онъ довершилъ свѣтское свое воспитаніе, тщательно изучивъ при томъ новые языки и европейскую литературу, а на служебномъ поприщѣ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ по своей работоспособности и знанію дѣлъ не только для Куракина, но и для трехъ его преемниковъ, какъ ни мало они были похожи другъ на друга. Съ воцареніемъ Александра I, когда въ правящихъ сферахъ проявился „зудъ“ къ реформамъ, и отвлеченные принципы нужно было примѣнять къ русской дѣйствительности, а французскіе діалоги переводить на русскій языкъ, Сперанскій оказался самымъ способнымъ для дѣла человѣкомъ; уже тогда онъ былъ лично извѣстенъ Государю, получилъ званіе статсъ-секретаря и переведенъ былъ на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ. Министръ В. П. Кочубей во время болѣзни своей посылалъ его съ докладами къ Государю, и тогда даровитый докладчикъ обворожилъ его своимъ яснымъ умомъ, искусствомъ находить практическое выраженіе для туманныхъ либеральныхъ принциповъ, коими проникнутъ былъ Александръ I и его „комитетъ общественной безопасности“. Государь приблизилъ Сперанскаго къ своей особѣ, а затѣмъ, въ 1808 г., поручилъ ему разработать по западно-европейскимъ образцамъ планъ государственныхъ преобразованій въ либеральномъ духѣ, съ учрежденіемъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Но Сперанскому удалось осуществить только часть этого плана: онъ не сумѣлъ понять двойственности характера Императора, напуганнаго явной оппозиціей дворянства новымъ, либеральнымъ теченіямъ, не сумѣлъ заручиться и содѣйствіемъ знати и придворныхъ круговъ. Предъ началомъ войны 1812 г. Императоръ Александръ пожертвовалъ Сперанскимъ въ залогъ примиренія своего съ оппозиціей, и, обвиненный въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, неосторожный и опасный „parvenu“ сосланъ былъ на жительство въ Пермь. Съ тѣхъ поръ опальный временщикъ уже не возвратилъ себѣ прежняго значенія, хотя, уступая просьбамъ Аракчеева, Императоръ въ 1816 г. и назначилъ Сперанскаго сначала Пензенскимъ губернаторомъ, а потомъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ,— на мѣста, весьма отдаленныя отъ Петербурга: наступившія времена реакціи, казалось, не отвѣчали либеральному духу изгнанника. На самомъ же дѣлѣ, когда въ 1821 г. Аракчеевъ усилъ добиться возвращенія „друга“ своего Сперанскаго въ Петербургъ, съ назначеніемъ его членомъ Государственнаго Совѣта, то изгнанникъ этотъ оказался значительно преобразившимся: съ одной стороны, осуждая прежніе преобразовательные свои планы, онъ нашелъ, что „возможность законодательнаго сословія, сильнаго и просвѣщеннаго, весьма мало представляетъ вѣроятности“, съ другой—напечаталъ похвальное слово Аракчееву и его военнымъ поселеніямъ. Послѣ 14 Декабря, назначенный Императоромъ Николаемъ I въ члены Верховнаго суда надъ декабристами, Сперанскій принялъ особое участіе въ составленіи приговора надъ ними. Конецъ жизни своей онъ посвятилъ составленію „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“ и „Свода Законовъ“; за эту работу Сперанскій награжденъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и графскимъ достоинствомъ: она дала установившимся бюрократическимъ формамъ незыблемое законодательное основаніе.

(Съ портрета Тропинина; принадлежитъ Р. Д. Вострякову, въ Москвѣ.)

Le comte MICHEL MIKHAÏLOWITCH SPERANSKY, 1772—1839, fils d'un prêtre du diocèse de Vladimir, célèbre homme d'Etat de l'époque d'Alexandre. Après des études au séminaire de Vladimir et au séminaire principal de St-Pétersbourg, il fut d'abord, sur la recommandation du métropolite Gabriel, secrétaire particulier du prince Alexis Borissowitch Kourakine, puis, quand celui-ci eut été nommé, à l'avènement de Paul Ier, procureur général, devint un des fonctionnaires les plus importants de sa chancellerie. Ce fut là l'origine de sa carrière, ce fut aussi celle du développement qu'il sut donner lui-même à sa personnalité. Le pauvre petit séminariste qui, au début, n'osait même pas dîner à la table de son tout-puissant protecteur employa toutes les forces de son brillant esprit et de son extraordinaire faculté d'adaptation à se mettre à la hauteur du milieu où le sort l'avait placé, et même au-dessus sous bien des rapports. Il réussit sans la moindre difficulté à parfaire son éducation mondaine et à y joindre une connaissance sérieuse des langues vivantes et de la littérature européenne; dans le service, grâce à sa puissance de travail et à sa compétence en affaires, il sut se rendre indispensable, non seulement à Kourakine, mais encore à ses trois successeurs, tout différents qu'ils étaient. A l'avènement d'Alexandre Ier, quand les sphères dirigeantes éprouvèrent leur „démangeaison" de réformes et qu'il fallut appliquer à la réalité russe des principes abstraits et traduire en russe des dialogues français, Spéransky se trouva tout désigné; déjà personnellement connu de Sa Majesté, il reçut le titre de secrétaire d'état et fut mis au ministère de l'intérieur. Chargé, pendant la maladie du ministre, V. Kotchoubey, de présenter les rapports à l'Empereur, il le fascina par sa lucidité d'esprit et par son talent pour trouver une expression pratique aux nébuleux principes libéraux dont étaient imbus Alexandre Ier et son Comité de Salut Public. Le Souverain l'attacha à sa personne, puis, en 1808, le chargea d'élaborer, sur les modèles de l'Occident, un plan de réformes gouvernementales dans le sens libéral, avec institution d'une Douma d'Etat et d'un Conseil de l'Empire. Il y échoua en partie, pour n'avoir su ni comprendre l'humeur à double face de l'Empereur, effrayé par l'opposition ouverte de la noblesse aux nouvelles tendances libérales, ni s'assurer le concours de l'aristocratie et de la Cour. Peu avant la guerre de 1812, l'Empereur le sacrifia comme gage de sa réconciliation avec l'opposition: accusé de relations avec Napoléon, l'imprudent et dangereux „parvenu" fut relégué à Perm, et dès lors ne retrouva plus jamais son importance de jadis, même quand Araktchéeff l'eut fait nommer, en 1816, d'abord gouverneur de Penza, puis général gouverneur de la Sibérie, toutes fonctions dont le siège était fort éloigné de Pétersbourg: la nouvelle ère de réaction ne semblait convenir en rien au libéralisme de l'exilé. En réalité, lorsqu'en 1821, Araktchéeff eut réussi à obtenir le rappel de son „ami" à Pétersbourg comme membre du Conseil de l'Empire, ledit exilé se trouva considérablement transformé: d'une part, il condamna ses projets réformateurs d'autrefois et déclara „fort peu probable la possibilité d'une classe législative, forte et éclairée", de l'autre, il publia un panégyrique d'Araktchéeff et de ses colonies militaires. Après le 14 décembre, nommé par Nicolas Ier membre de la Haute Cour de Justice, il collabora particulièrement à la rédaction de l'arrêt des Décabristes. La fin de sa vie fut consacrée à un Recueil complet des Lois de l'Empire Russe et à un Code de Lois, qui lui valurent St-André et la dignité de comte et donnaient aux formes bureaucratiques établies une puissante assiette légale.

(D'après un original de Tropinine, appartenant à R. Vostriakoff, Moscou.)

Пис. Тропининъ

Графъ Михаилъ Михайловичъ
Сперанскій, 1772 1839

Peint. par Tropinine

Le Comte Michel Mikhaïlowitch
Spéransky, 1772 1839

Графиня ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА СКАВРОНСКАЯ, 1761—1829, самая красивая изъ пяти сестеръ Энгельгардъ и самая любимая племянница Потемкина, пользовалась особеннымъ расположеніемъ Императрицы Екатерины, которой была хорошо извѣстна ея продолжительная связь съ „свѣтлѣйшимъ“. Человѣкъ, который пренебрегъ прошлымъ своей восхитительной невѣсты и предпочелъ выгоды могущественнаго покровительства сильныхъ міра, былъ молодой, болѣзненный и недалекій графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій (р. 1757 г., † 23 Ноября 1793 г.), племянникъ Императрицы Елисаветы. Прямой потомокъ Лифляндскаго крестьянина, разысканнаго Екатериной I среди чухонскихъ болотъ, графъ Скавронскій, выросшій и воспитанный въ Италіи, не зналъ Россіи и ея языка; зато въ Италіи онъ слылъ меценатомъ и самъ серіозно считалъ себя знатокомъ античнаго и современнаго ему искусства, южныхъ винъ и въ особенности музыки. „Былъ онъ великій чудакъ“, говоритъ о немъ Вигель, „никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какой-то ералашъ, давалъ концерты“... Ни прежде, ни послѣ, вѣроятно, міръ не видѣлъ болѣе страстнаго и неистоваго меломана, но также и менѣе одареннаго музыкальными способностями. Меломанія Скавронскаго носила характеръ какого-то барскаго самодурства, въ ней было много нелѣпаго, комическаго и шутовского. До безумія любя итальянскую музыку, онъ считалъ себя не только знатокомъ ея, но и композиторомъ, хотя не имѣлъ таланта и вкуса. Только благодаря его богатству, находились пѣвцы и музыканты, соглашавшіеся исполнять его произведенія, находились терпѣливые слушатели ихъ и цѣнители, восхвалявшіе эти произведенія за вкусные обѣды и щедрыя подачки. Скавронскій даже прислугѣ приказалъ не иначе ему докладывать, какъ речитативами по нотамъ. Самъ онъ отдавалъ приказанія тоже въ музыкальной формѣ, а гости, желая угодить ему, вели съ нимъ разговоры въ видѣ вокальныхъ импровизацій. Когда въ началѣ 1780 г. Скавронскій явился въ Петербургъ, „свѣтлѣйшій“ увидѣлъ въ немъ подходящаго жениха для „Катеньки“, связи съ которой не намѣренъ былъ прерывать... Князь Долгорукій, родственникъ Скавронскаго по матери, въ своемъ „Капищѣ сердца“ говоритъ: „Онъ влюбился, и добрый дядюшка благословилъ счастливый бракъ“, при томъ „его ласкали при дворѣ для Потемкина выгодъ“. 18 Ноября 1781 г. состоялась свадьба, затѣмъ мужъ уѣхалъ въ Неаполь, а жена оставалась до конца 1780-хъ годовъ въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ влюбленнаго въ нее князя П. Д. Цициanова, „не прочь была пококетничать“; по натурѣ женщина апатичная, холодная, безстрастная, она была избалована всеобщимъ поклоненіемъ и, по замѣчанію Сегюра, „представляя собой живое воплощеніе Амура, кружила всѣмъ головы“. Ее воспѣлъ и Державинъ, когда златокудрая Пирра „заря безъ тучъ“, уже 37-лѣтняя женщина, выходила за графа Литту:

„Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.
Но если-бъ, что меня касалось,
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесь въ знакъ моего спасенья
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ!“

Когда графиня Скавронская была въ Неаполѣ, туда пріѣхала въ 1790 г. знаменитая г-жа Виже-Лебренъ, и Скавронскій, „fort amoureux“, просилъ модную художницу написать портретъ его жены; благодаря этому, мы имѣемъ ея отзывъ о графинѣ, „cette belle nonchalante“: „La comtesse était douce et jolie comme un ange. Son bonheur était de vivre étendue sur un canapé, enveloppée d'une grande pelisse noire et sans corset. Elle m'a conté que, pour s'endormir, elle avait une esclave sous son lit, qui lui racontait tous les soirs la même histoire. Elle n'avait aucune instruction, et sa conversation était des plus nulles: en dépit de tout cela, grâce à sa ravissante figure et à une douceur angélique, elle avait un charme invincible“... Прилагаемый портретъ, пастель, написанъ Виже-Лебренъ въ 1790 году: „L'ambassadrice est peinte presque en pied, tenant en main et regardant un médaillon sur lequel était le portrait de son mari“. Г-жа Лебренъ писала еще 2 бюстовыхъ портрета графини Скавронской—одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ I т. „Русскихъ портретовъ“, другой намъ неизвѣстенъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаловичу.)

10

La comtesse CATHERINE VASSILIEWNA SKAVRONSKY, 1761—1829, la plus belle des cinq sœurs Engelhardt et la nièce préférée de Potemkine, jouissait de la faveur particulière de l'Impératrice Catherine, qui était au fait de sa longue liaison avec le sérénissime. L'homme qui ferma les yeux sur le passé d'une ravissante fiancée pour profiter de la puissante protection des grands de ce monde fut le jeune, maladif et insignifiant comte Paul Martynowitch Skavronsky (1757—23 novembre 1793), neveu de l'Impératrice Elisabeth. Descendant en ligne directe d'un paysan de Livonie tiré par Catherine Ire des marécages baltiques, né et élevé en Italie, il ne connaissait pas la Russie ni sa langue, mais avait en Italie le renom d'un Mécène et se considérait lui-même comme connaisseur sérieux en fait d'art ancien et moderne, de vins du Midi et surtout de musique. „C'était", dit Wiegel, „un grand excentrique; aucun pays ne lui plaisait que l'Italie; il préférait à tout la musique, composait lui-même je ne sais quel galimatias et donnait des concerts"... Avant lui comme après, le monde ne vit sans doute jamais mélomane aussi passionné et frénétique, et en même temps aussi dénué de facultés musicales. Sa mélomanie faisait l'effet de quelque extravagance de grand seigneur et comportait une bonne part d'absurdité, de comique et de bouffonnerie. Amateur fou de musique italienne, il s'en considérait non seulement comme connaisseur, mais comme compositeur, tout en n'ayant ni talent ni goût. Ce n'était qu'à sa fortune qu'il devait de trouver des chanteurs et des musiciens pour exécuter ses compositions, et des invités pour les écouter patiemment et dire du bien de la musique de sa façon en échange de ses bons dîners et de ses générosités. Les domestiques eux-mêmes étaient stylés à ne jamais annoncer qu'en récitatifs; lui, donnait également ses ordres en musique, et ses visiteurs, pour lui complaire, lui faisaient leur conversation sous forme d'improvisations vocales. Lorsque, au commencement de 1780, il vint à Pétersbourg, Potemkine trouva en lui le fiancé qu'il fallait pour Katenka, avec laquelle il comptait ne pas rompre... Le prince Dolgorouky, parent de Skavronsky par sa mère, dit dans son Sanctuaire de mon cœur: „Il tomba amoureux et le bon oncle bénit l'heureux mariage", et aussi: „On le flattait à la Cour pour l'amour de Potemkine". Le mariage fut célébré le 18 novembre 1781, puis le mari partit pour Naples et la femme resta jusqu'à la fin des années 80 à Pétersbourg où, selon le prince P. Tzitzianoff, amoureux d'elle, „elle était assez portée à la coquetterie". Nature indolente, froide, apathique, elle fut gâtée par l'adoration générale: „Incarnation vivante de l'Amour", dit Ségur, „elle tournait toutes les têtes".

La comtesse Skavronsky était à Naples en 1790, lors du séjour de la célèbre Mme Vigée-Lebrun, et le mari, „fort amoureux", demanda un portrait de sa femme à l'artiste en vogue, dont on possède, par cette occasion, le témoignage sur „cette belle nonchalante": „La comtesse était douce et jolie comme un ange. Son bonheur était de vivre étendue sur un canapé enveloppée d'une grande pelisse noire et sans corset. Elle m'a conté que, pour s'endormir, elle avait une esclave sous son lit, qui lui racontait tous les soirs la même histoire. Elle n'avait aucune instruction et sa conversation était des plus nulles: en dépit de tout cela, grâce à sa ravissante figure et à une douceur angélique, elle avait un charme invincible". Le portrait ci-joint, par Vigée-Lebrun, un pastel, est de 1790: „L'ambassadrice est peinte presque en pied, tenant en main et regardant un médaillon sur lequel était le portrait de son mari". La même artiste a fait deux autres portraits, en buste, de la comtesse: l'un figure au Tome I des Portraits Russes, l'autre nous est inconnu.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис. В. Лебренъ, 1790

Графиня Екатерина Васильевна Скавронская, 1761–1829

Peint par Vigée Lebrun, 1790

La Comtesse Catherine Vassiliewna Skavronsky, 1761–1829

Свѣтлѣйшая княгиня ЖАНЕТТА (Анна) ИВАНОВНА ЛОПУХИНА, 178.—1869, дочь барона Эрнеста-Іоахима фонъ-Венкстернъ, изъ Ганновера, и его жены Маріанны-Каролины Бремеръ, въ первомъ бракѣ была за графомъ Давидомъ Максимовичемъ Алопеусомъ (р. 1769 г., † 1831 г.), посланникомъ въ Берлинѣ; отъ этого брака она имѣла 2 сыновей: Александра († 1841 г.; при миссіи въ Туринѣ) и Федора, и дочь Александру (р. 1808 г., † 1848 г.; за виконтомъ Лаферронне). Овдовѣвъ 13 Іюня 1831 г., графиня Алопеусъ 30 Октября 1833 г. вышла за свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина, который, встрѣтивъ ее, въ то время „знаменитую красавицу", 25 лѣтъ тому назадъ, 1 Января 1808 г., въ Петербургѣ, „полюбилъ ее больше всего и всѣхъ" и оставался вѣренъ этой любви болѣе 60 лѣтъ, что не мѣшало ему имѣть въ годы молодости многочисленныя любовныя интриги. Вѣнчаніе происходило въ домовой церкви Демидова, въ Санъ-Донато, близъ Флоренціи; послѣ свадьбы Лопухинъ поселился въ своемъ роскошномъ имѣніи Корсуни, Кіевской губерніи. Извѣстная нѣкогда своею красотою, Лопухина, по свидѣтельству графа Бутурлина, „соединяла таковыя же нравственныя и душевныя качества, была натуральна въ своемъ обращеніи, плавна и элегантна въ своихъ движеніяхъ; кротость и доброта, написанныя на ея лицѣ, дѣлали ее симпатичною съ перваго на нее взгляда". Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, слышавшій въ 1869 г. разсказы самого князя Лопухина, пишетъ: „Любовь къ прекрасной графинѣ не очень стѣсняла Лопухина въ любовныхъ похожденіяхъ: въ 1817 г. онъ жилъ попеременно то въ Твери, то въ Петербургѣ и въ каждомъ изъ этихъ городовъ имѣлъ любовную интригу; обѣ его любезныя сильно ревновали другъ друга. Вдругъ Лопухинъ получаетъ извѣстіе, что графиня Алопеусъ пріѣхала въ Петербургъ; онъ скачетъ, чтобы увидѣть ее, а за нимъ ѣдетъ и Тверская его любовница, полагая, что накроетъ его у Петербургской. Она пріѣзжаетъ, видится съ Петербургскою особою, но не находитъ у нея Лопухина, и обѣ, убѣдившись взаимно, что онъ пріѣхалъ для графини Алопеусъ, помирились. Между тѣмъ въ Петербургскомъ обществѣ онъ считался завиднымъ женихомъ, и многія матери искали какъ бы сдѣлаться его тещами; но Лопухину было не до женитьбы; однажды на вечерѣ у Princesse Nocturne, княгиня В., увидавъ графиню Алопеусъ, стала съ жаромъ и во всеуслышаніе упрекать ее въ томъ, что изъ-за нея Лопухинъ не хочетъ жениться на ея дочери.... Послѣ свадьбы новобрачные отправились въ Россію. Лопухину уже было за 45 лѣтъ, а жена его была двумя или тремя годами старше его. Говорятъ, что она была ревнива и что, желая удалить своего мужа отъ всякаго соблазна, заставила его почти безвыѣздно жить въ деревнѣ, лѣтомъ и зимою. Лопухинъ принялся за постройку новаго дома и за устройство великолѣпнаго сада, расположеннаго въ живописной мѣстности на скалистыхъ берегахъ рѣки Роси... Домъ устроенъ самымъ роскошнымъ образомъ: изысканный столъ, отличныя и даже рѣдкія вина, два полныхъ состава прислуги, оркестръ, два хора, словомъ всѣ барскія затѣи можно найти въ Корсуни! Но все это до самой кончины княгини Лопухиной существовало для удовольствія однихъ хозяевъ и самаго тѣснаго кружка приближенныхъ. Княгиня не любила гостей, въ послѣдніе же годы, пережившъ всѣхъ своихъ дѣтей отъ перваго брака, она не покидала траура и сдѣлалась еще недоступнѣе прежняго. Бывало, когда невзначай кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, или даже изъ родныхъ ея мужа, заѣдетъ въ Корсунь, она, подъ предлогомъ болѣзни, не являлась къ столу. Я, впрочемъ, слышалъ", прибавляетъ князь Лобановъ, „что это была женщина рѣдкаго ума и начитанности, и что она въ высшей степени обладала даромъ вести разговоръ въ обществѣ".

Княгиня Лопухина подъ конецъ жизни ослѣпла и умерла въ глубокой старости въ Январѣ 1869 года.

(Съ акварельнаго портрета К. Брюллова, 1833 г.; собственность свѣтл. князя Н. П. Лопухина-Демидова, м. Корсунь, Кіевской губ.)

11

La princesse sérénissime JEANNETTE (Anne) IVANOWNA LOPOUKHINE, 178 .—1869, fille du baron Ernest-Joachim von Wenckstern, de Hanovre, et de Marianne-Caroline, née Brehmer, épousa en premières noces le comte David Maximowitch Alopéus (1769—1831), ambassadeur à Berlin; elle eut de ce mariage deux fils, Alexandre († 1841), attaché à la mission de Turin, et Théodore, et une fille Alexandrine (1808—1848), mariée au vicomte La Ferronnays. Devenue veuve le 13 juin 1831, elle épousa le 30 octobre 1833 le prince sérénissime Paul Pétrowitch Lopoukhine, qui, l'ayant rencontrée à Pétersbourg vingt-cinq ans auparavant, le 1er janvier 1808, alors qu'elle était „beauté célèbre", „s'était épris d'elle plus que de tout au monde et de tout le monde", et resta constant plus de soixante ans, ce qui ne l'empêcha pas d'avoir, étant jeune, de nombreuses intrigues amoureuses. Le mariage eut lieu à l'église du palais Démidoff, à San-Donato, près Florence, puis Lopoukhine alla se fixer dans sa magnifique propriété de Korsoun, gouvernement de Kieff. Jadis célèbre pour sa beauté, la princesse, au témoignage du comte Boutourline, „y joignait les qualités de l'âme et du cœur, du naturel dans les manières, de l'élégance et de la distinction dans l'allure; la douceur et la bonté peintes sur son visage la rendaient sympathique dès le premier abord". Le prince A. Lobanoff-Rostowsky donne les détails suivants qu'il avait entendus en 1869 de la bouche même de Lopoukhine: „L'amour de la belle comtesse ne le gênait guère dans ses aventures amoureuses: il passa l'année 1817 tantôt à Tver, tantôt à Pétersbourg, et, dans chacune de ces deux villes, il avait une intrigue; ses deux belles étaient très jalouses l'une de l'autre. Il apprend tout à coup que la comtesse Alopéus est à Pétersbourg; il y vole la voir, et sa maîtresse de Tver s'élance après lui, croyant le surprendre avec celle de Pétersbourg. Elle arrive chez la dame, n'y trouve pas Lopoukhine, et toutes deux se rendent compte que c'est pour la comtesse Alopéus qu'il est venu, et font la paix. Cependant, dans la société de Pétersbourg, il passait pour un parti enviable, et bien des mères l'auraient voulu pour leurs filles, mais il ne songeait guère au mariage. A une soirée chez la Princesse Nocturne, la princesse V., apercevant la comtesse Alopéus, se mit à lui reprocher avec violence et devant tout le monde d'être cause que Lopoukhine ne voulait pas épouser sa fille... Il se maria à l'âge de 45 ans; sa femme avait deux ou trois ans de plus. On dit qu'elle était très jalouse, et que, pour le mettre à l'abri des tentations, elle l'obligeait à vivre constamment à la campagne, été comme hiver. Il se fit construire une maison neuve, avec un jardin splendide, dans un endroit pittoresque des bords rocheux de la Rosia... La maison était montée avec le plus grand luxe: une table recherchée, des vins exquis et même rares, double personnel de domestiques, un orchestre, deux chœurs, en un mot, tous les raffinements de la vie seigneuriale, à Korsoun! Mais, jusqu'à la mort de la princesse, tout cela ne servit qu'au plaisir des maîtres et d'un tout petit nombre d'intimes. La princesse n'aimait pas recevoir, et, dans les derniers temps, après la perte de tous les enfants de son premier mariage, elle ne quitta plus le deuil et devint encore plus renfermée: si par hasard il venait à Korsoun quelque vieil ami, ou même un parent de son mari, il lui arrivait même de ne pas paraître à table sous prétexte d'indisposition. J'ai d'ailleurs entendu dire", ajoute le prince Lobanoff, „qu'elle avait un esprit peu commun et de la lecture, et possédait au plus haut point le don de la conversation en société".

La princesse devint aveugle sur ses vieux jours, et mourut, dans une vieillesse avancée, en janvier 1869.

(D'après une aquarelle de Ch. Brulloff, 1833, appartenant au prince sérénissime N. Lopoukhine-Démidoff, Korsoun, gouv. de Kieff.)

Пис. К. Брюлловъ, 1833

Свѣт. Княгиня Жанетта Ивановна Лопухина, 178·–1869

Peint par K. Brulloff. 1833

La Princesse Jeannette Ivanowna Lopoukhine, 178·–1869

Князь МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ, 1745—1813, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Голенищевыхъ-Кутузовыхъ; единственный сынъ Иларіона Матвѣевича, генералъ-поручика и сенатора, женатаго на Беклемишевой, родился 5 Сентября 1745 года. Въ 1765 г. начинается боевая карьера Михаила Иларіоновича, сперва въ Польшѣ, потомъ въ арміи гр. Румянцева, гдѣ онъ служилъ по квартирмейстерской части. Въ слѣдующемъ году Кутузовъ переведенъ за разныя проказы въ Крымскую армію кн. Василія Долгорукаго, и здѣсь, въ 1774 г., получилъ при взятіи Шумы, близъ Алушты, свою знаменитую первую рану въ правый глазъ; за это дѣло былъ удостоенъ св. Георгія 4-й ст.; рана заставила Кутузова серіозно лѣчиться за границей, въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай быть представленнымъ королю Фридриху Великому и фельдмаршалу Лаудону. Начиная съ 1776 г., Кутузовъ находился почти безотлучно при Суворовѣ; въ 1788 г. при Очаковѣ снова раненъ въ голову, но лѣченіе этой раны было такъ же благополучно, какъ и первый разъ; въ 1789 и 1790 гг. Кутузовъ весьма удачно дѣйствовалъ противъ турокъ. Суворовъ такъ выразился о подвигахъ Кутузова подъ Измаиломъ: „Кутузовъ оказалъ новые опыты воинскаго искусства и личной своей храбрости. Онъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой“; по поводу того же дѣла Суворовъ сказалъ свою извѣстную фразу, что „Кутузова и Рибасъ не обманетъ“. Въ слѣдующемъ 1791 г. Кутузовъ поступилъ подъ начальство князя Н. В. Репнина и, вмѣстѣ съ княземъ С. Ф. Голицынымъ и княземъ Г. С. Волконскимъ, участвовалъ въ разгромѣ турокъ у Мачина. За это дѣло всѣ три генерала удостоились получить св. Георгія 2 ст., согласно представленію князя Репнина. Послѣ Ясскаго мира Кутузовъ былъ отправленъ Императрицей въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь. Въ 1794 г., послѣ смерти графа Ангальта, Кутузовъ былъ назначенъ директоромъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса, „разсадника воинскихъ людей“, по выраженію Екатерины II, и лично преподавалъ кадетамъ военную исторію и тактику. При Павлѣ I Кутузовъ успѣшно выполнилъ дипломатическія порученія въ Берлинѣ и получилъ, въ 1800 г., Андреевскую ленту. При воцареніи Императора Александра I, Кутузовъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто графа Палена, но въ 1802 г. просилъ увольненія и удалился въ свое Волынское имѣніе. Война 1805 г. снова заставила его принять начальство надъ русской арміей; къ сожалѣнію, благоразумные совѣты Кутузова не были приняты, и кампанія окончилась злополучнымъ Аустерлицемъ. Здѣсь онъ снова былъ раненъ въ щеку. Впавъ въ немилость послѣ этихъ событій, Кутузовъ былъ назначенъ сперва Кіевскимъ, а потомъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1811 г. онъ удачнымъ миромъ закончилъ войну съ турками и 29 Октября получилъ графскій титулъ. Наконецъ наступилъ 1812 годъ. Послѣ неладовъ между Барклаемъ и Багратіономъ, Государь избралъ указаннаго народнымъ желаніемъ, хотя и не любимаго имъ самимъ, Кутузова и назначилъ его главнокомандующимъ русской арміей. Бородинская битва и всѣ дѣйствія противъ войскъ Наполеона до Березины связаны съ именемъ Кутузова. За все это время онъ былъ награжденъ княжескимъ достоинствомъ, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, фельдмаршальскимъ жезломъ, названіемъ „Смоленскаго“ и орденомъ св. Георгія 1-й степени. Въ минуту всеобщаго увлеченія, Кутузовъ одинъ вѣрно оцѣнивалъ обстоятельства, совѣтовалъ остановиться на Вислѣ и не воевать „за освобожденіе Германіи“. Въ началѣ 1813 г., 16 Апрѣля, Кутузовъ скончался въ Бунцлау отъ перенесенныхъ лишеній и старыхъ недуговъ; тѣло его предано землѣ въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ.

Князь Кутузовъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ; одаренный быстро схватывающимъ и гибкимъ умомъ, выдающійся дипломатъ, спокойный и хладнокровный полководецъ, онъ умѣлъ вселять къ себѣ довѣріе въ подчиненныхъ, а его военныя способности были оцѣнены такими людьми, какъ Румянцевъ и Суворовъ. Въ старости, подъ видомъ вѣчной сонливости, онъ все замѣчалъ и со свойственной ему ироніей всегда умѣлъ быть на высотѣ положенія.

(Съ портрета Дау; Фельдмаршальская зала Зимняго Дворца.)

12

Le prince MICHEL HILARIONOWITCH KOUTOUZOFF-SMOLENSKY, 1745—1813, descendant de la vieille famille noble des Golénichtcheff-Koutouzoff et fils unique du général major et sénateur Hilarion Matvéewitch Koutouzoff et de sa femme, née Béklémicheff, naquit le 5 septembre 1745. Il fit ses premières armes en 1765, d'abord en Pologne, puis à l'état-major de l'armée du comte Roumiantzeff. L'année suivante, on l'envoya pour divers méfaits à l'armée de Crimée du prince Basile Dolgorouky, et là, il reçut en 1774, à la prise de Chouma, près Alouchta, sa première et célèbre blessure à l'œil droit, qui lui valut St-Georges de 4e classe, et l'obligea à aller se soigner sérieusement à l'étranger, à Berlin et à Vienne, où il eut l'occasion d'être présenté à Frédéric-le-Grand et au feld-maréchal Laudon. A partir de 1776, il fut presque incessamment attaché à Souvoroff; à Otchakoff, en 1788, il reçut à la tête une nouvelle blessure, dont la guérison fut du reste aussi heureuse que celle de la première. En 1789 et 1790, il prit part avec un plein succès aux opérations contre les Turcs. Souvoroff dit à propos de ses exploits sous Ismaïl: „Koutouzoff a déployé une fois de plus son habileté consommée et sa valeur personnelle. Il marchait à mon aile gauche, mais il a été mon bras droit"; ce fut aussi à cette occasion que Souvoroff prononça sa fameuse phrase: „De Ribas lui-même ne viendra pas à bout de Koutouzoff". L'année suivante, en 1791, Koutouzoff alla servir sous les ordres du prince Repnine, et, avec le prince S. Golitzyne et le prince G. Wolkonsky, tailla les Turcs en pièces à Matchine: cette affaire leur valut à tous les trois St-Georges de 2e classe, sur la proposition du prince Repnine. Après la paix de Yassy, Koutouzoff fut envoyé par l'Impératrice en qualité d'ambassadeur extraordinaire à Constantinople. En 1794, à la mort du comte d'Anhalt, il fut nommé directeur du Corps des Cadets, cette „pépinière militaire", selon l'expression de Catherine II, et y enseigna lui-même l'histoire et la tactique. Sous Paul Ier, il mena à bien diverses missions diplomatiques à Berlin et reçut en 1800 le cordon de St-André. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut nommé gouverneur militaire de Pétersbourg à la place du comte Pahlen, mais donna sa démission en 1802 pour se retirer dans ses terres en Volhynie. La guerre de 1805 le remit à la tête de l'armée russe: ses sages conseils ne furent malheureusement pas écoutés, et la campagne aboutit au désastre d'Austerlitz, où il reçut une nouvelle blessure à la joue. Tombé en disgrâce à la suite de ces événements, il fut nommé général gouverneur, d'abord de Kieff, puis de Vilna. En 1811, il mit fin par une paix heureuse à la guerre de Turquie et, le 29 octobre, fut élevé à la dignité de comte. Puis vint 1812. A la suite des dissentiments survenus entre Barclay de Tolly et Bagration, l'Empereur choisit, contre son sentiment personnel, celui que désignait l'opinion publique, Koutouzoff, pour le faire commandant en chef de l'armée russe. La bataille de Borodino et toutes les opérations contre Napoléon jusqu'à la Bérézina sont attachées au nom de Koutouzoff. Il reçut successivement au cours de cette campagne la dignité de prince avec titre d'altesse sérénissime, le bâton de feld-maréchal, le nom de Smolensky et l'ordre de St-Georges de 1re classe. Au milieu de l'entraînement général, il fut le seul à apprécier sainement la situation: il conseillait de s'arrêter à la Vistule et de ne pas combattre „pour la liberté de l'Allemagne". Il mourut le 16 avril 1813 à Bunzlau, des fatigues de la campagne et de ses vieilles infirmités, et fut inhumé à Pétersbourg, à la cathédrale de Kazan.

Le prince Koutouzoff était un vrai russe; esprit prompt et souple, diplomate éminent, il avait un sang-froid imperturbable sur le champ de bataille; il savait inspirer confiance à ses subordonnés, et ses talents militaires furent appréciés par les Roumiantzeff et les Souvoroff. Sur ses vieux jours, avec son air éternellement endormi, il ne laissait rien échapper et, avec l'ironie qui lui était propre, sut toujours être à la hauteur de la situation.

(D'après l'original de Dawe, Salle des Feld-Maréchaux, Palais d'Hiver.)

Пис. Day

Peint par Dawe

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій, 1745-1813

Le Prince Michel Illarionowitch Koutouzoff-Smolensky, 1745-1813

13

Князь **МИХАИЛЪ БОГДАНОВИЧЪ БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ**, 1761—1818, происходилъ изъ Шотландскаго рода, переселившагося сперва въ Германію, потомъ въ Лифляндію; дѣдъ его былъ бургомистромъ въ Ригѣ, отецъ, женатый на дѣвицѣ Вермеленъ, служилъ при Екатеринѣ II въ военной службѣ; средній изъ сыновей послѣдняго, Михаилъ Богдановичъ, вступилъ на службу въ Псковскій карабинерный полкъ въ 1778 г. корнетомъ. Служа послѣдовательно адъютантомъ у Паткуля, графа Ангальта и принца Ангальтъ-Бернбургъ, родственника Екатерины II, Барклай обратилъ на себя вниманіе этихъ лицъ своей исполнительностью и строгимъ отношеніемъ къ службѣ. Въ Турецкую кампанію 1789 г. онъ былъ при осадѣ Очакова, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., при взятіи Аккермана и Бендеръ; въ Финляндіи находился въ войскахъ Игельстрома въ 1790 г., а Польская кампанія 1794 г. дала возможность Барклаю выказать свою храбрость и хладнокровіе и доставила ему штабъ-офицерскій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й ст.; будучи въ 1799 г. генералъ-майоромъ, Барклай прекрасно командовалъ въ теченіе 9 лѣтъ 4-мъ Егерскимъ полкомъ, шефомъ коего онъ состоялъ. Кампанія 1806 и 1807 гг. выдвинула быстро Михаила Богдановича, какъ одного изъ нашихъ лучшихъ генераловъ. Въ сраженіи подъ Пултускомъ онъ командовалъ правымъ флангомъ (награжденъ за это дѣло орденомъ св. Георгія 3-й ст.), при Прейсишъ-Эйлау былъ серіозно раненъ. Когда, раненый, онъ лежалъ въ Мемелѣ, его посѣтилъ Императоръ Александръ I, дотолѣ лично его не знавшій, и этотъ случай, конечно, благопріятно отозвался на дальнѣйшей карьерѣ Михаила Богдановича. Уже въ качествѣ начальника дивизіи, Барклай весьма успѣшно дѣйствовалъ въ Шведскую кампанію 1808 г., а въ слѣдующемъ году, послѣ присоединенія Финляндіи, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Финляндской арміей и Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Несмотря на кратковременное пребываніе въ этой должности, Барклай сумѣлъ быстро завести порядокъ въ управленіи Финляндіей, а также ввелъ примѣрную дисциплину въ войскахъ. Въ Январѣ 1810 г. онъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Здѣсь, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ и въ 1812 г. получилъ командованіе 1-й арміей, оставаясь военнымъ министромъ. Стоя упорно за отступленіе и за постепенное втягиваніе Наполеоновскихъ полчищъ въ глубину страны, Барклай навлекъ на себя большое неудовольствіе народа, арміи и болѣе пылкихъ подчиненныхъ ему генераловъ, а также своего старшаго товарища, князя Багратіона. Послѣдствіемъ этого была замѣна его Кутузовымъ. Но, несмотря на это пониженіе, Барклай велъ себя геройски подъ Бородинымъ, заслуживъ орденъ св. Георгія 2-й ст. Но послѣ этого разстроенное здоровье и нравственный гнётъ заставили Михаила Богдановича удалиться съ театра военныхъ дѣйствій. Онъ жилъ до Февраля 1813 г. въ своемъ помѣстьѣ въ Лифляндіи, когда, снова обласканный Императоромъ Александромъ I, вступилъ въ командованіе 3-й арміей, а послѣ Бауцена сталъ во главѣ русско-прусской арміи, вмѣсто Витгенштейна. Дѣйствія Барклая въ 1813 и 1814 гг. вполнѣ поддержали его репутацію выдающагося боевого генерала; онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и звѣздой св. Георгія 1 ст., а за взятіе Парижа сдѣланъ фельдмаршаломъ; 22 Декабря 1813 г. Барклай-де-Толли былъ возведенъ въ графское, а 30 Августа 1815 г. въ княжеское Россійской Имперіи достоинство. Въ 1815 г. онъ снова выступилъ во главѣ 200-тысячной арміи, чтобы итти съ ней въ предѣлы Франціи, но пораженіе Наполеона подъ Ватерлоо прекратило военныя дѣйствія. Затѣмъ, въ мирные года, онъ продолжалъ командовать 1-й арміей, имѣя главную квартиру въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, но разстроенное здоровье принудило его ѣхать лѣчиться на Германскія воды; въ пути онъ скончался, близъ Кенигсберга, 14 Мая 1818 года.

Князь Барклай-де-Толли былъ женатъ на Еленѣ Ивановнѣ фонъ-деръ-Смиттенъ († 1828 г.), отъ которой имѣлъ одного только сына, князя Эрнеста Михайловича (полковникъ и флигель-адъютантъ; женатъ на Леокадіи Кампенгаузенъ). Михаилъ Богдановичъ былъ высоко порядочнымъ человѣкомъ въ частной жизни, удивительно хладнокровнымъ въ бояхъ и обладалъ прекрасными военными способностями.

(Съ портрета, писаннаго Г. Дау и находящагося въ фельдмаршальской залѣ Зимняго Дворца.)

Le prince MICHEL BOGDANOWITCH BARCLAY-DE-TOLLY, 1761—1818, descendait d'une famille écossaise émigrée d'abord en Allemagne, puis en Livonie; son grand-père fut bourgmestre de Riga, et son père, marié à une demoiselle Wermelen, militaire sous Catherine II. Second de trois frères, il entra au service en 1778 comme cornette aux carabiniers de Pskoff. Successivement aide de camp de Patkul, du comte d'Anhalt et du prince d'Anhalt-Bernbourg, parent de Catherine II, il se fit remarquer d'eux par sa ponctualité et sa rigueur dans le service. Il fit la campagne de Turquie de 1789, et fut au siège d'Otchakoff, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe, et à la prise d'Akkermann et de Bender; on le trouve l'année suivante en Finlande à l'armée d'Igelström, puis, en 1794, en Pologne, où il révéla sa bravoure et son sang-froid et gagna le grade d'officier et St-Georges de 4e classe. Général major en 1799, il commanda brillamment pendant neuf ans le 4e chasseurs, dont il était chef. La campagne de 1806/1807 le mit rapidement en relief comme un de nos meilleurs généraux: Pultusk, où il dirigeait l'aile droite, lui valut St-Georges de 3e classe, et il fut grièvement blessé à Preussisch-Eylau; la visite dont l'Empereur Alexandre Ier, qui ne le connaissait pas encore personnellement, l'honora alors à Mémel, où il était en traitement, eut naturellement une heureuse influence sur la suite de sa carrière. Il était déjà à la tête d'une division lorsqu'il fit avec un plein succès la campagne de Suède de 1808, et, l'année suivante, après l'annexion de la Finlande, il fut nommé commandant en chef de l'armée de Finlande et général gouverneur en Finlande, et promu général d'infanterie. Il n'y resta que peu de temps, mais sut rapidement faire régner l'ordre dans l'administration du pays et une discipline exemplaire parmi les troupes. Ministre de la Guerre en janvier 1810, il employa deux années à faire tous les préparatifs nécessaires à la lutte contre Napoléon, et, en 1812, reçut le commandement de la 1re armée, tout en restant ministre. Partisan acharné de la retraite devant les hordes napoléoniennes, pour les laisser s'enfoncer graduellement dans l'intérieur du pays, il s'attira le violent mécontentement de la nation, de l'armée et de ses subordonnés plus ardents, ainsi que de son vieux camarade le prince Bagration, et finalement fut remplacé par Koutouzoff. Malgré cette humiliation, il eut à Borodino une conduite héroïque, qui lui valut St-Georges de 2e classe. Mais sa santé ébranlée et son moral déprimé lui firent quitter le théâtre des opérations militaires. Il se retira dans son domaine de Livonie, jusqu'à ce qu'en février 1813, un retour de faveur d'Alexandre Ier le mît à la tête de la 3e armée: après Bautzen, il succéda à Wittgenstein dans le commandement de l'armée russo-prussienne. Ses opérations en 1813/1814 soutinrent dignement son renom d'homme de guerre éminent; il fut en récompense décoré de St-André et de l'ordre de St-Georges de 1re classe, à la prise de Paris, fait feld-maréchal, puis élevé, le 22 décembre 1813, à la dignité de comte, et, le 30 août 1815, à celle de prince de l'Empire Russe. En 1815, il allait envahir le territoire français avec une armée de 200.000 hommes, quand Waterloo vint mettre fin à la guerre. La paix rétablie, il conserva le commandement de la 1re armée, avec son quartier général à Mohileff-sur-le-Dniester, mais le mauvais état de sa santé l'obligea à aller prendre les eaux en Allemagne: il mourut en route, près de Königsberg, le 14 mai 1818.

Le prince Barclay-de-Tolly épousa Hélène Ivanowna von der Smitten († 1828), dont il n'eut qu'un fils, Ernest, colonel et aide de camp de Sa Majesté, marié à Léocadie Kampenhausen. D'une haute valeur morale comme homme privé et d'un sang-froid extraordinaire au feu, Barclay-de-Tolly était doué de remarquables talents militaires.

(D'après l'original de G. Dawe, Salle des Feld-Maréchaux, Palais d'Hiver.)

Пис: Day — Peint. par Dawe

Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли, 1761-1818 | Le Prince Michel Bogdanowitch Barclay de Tolly, 1761-1818

Графъ АЛЕКСѢЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1748—1822, старшій сынъ графа Кирилла Григорьевича отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился 12 Сентября 1748 г.; гетманъ старался дать сыновьямъ солидное и разностороннее образованіе, при чемъ образованіе графа А. К. Разумовскаго было закончено продолжительнымъ заграничнымъ путешествіемъ, во время котораго онъ слушалъ лекціи въ Страсбургѣ и посѣтилъ Италію и Англію. Записанный при рожденіи въ военную службу, онъ былъ произведенъ Петромъ III въ ротмистры и переименованъ въ камеръ-юнкеры; въ 1775 г. Разумовскій былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, но уже въ 1778 г. вышелъ въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ своей великолѣпной подмосковной с. Горенкахъ. 28 Іюня 1786 г. онъ былъ пропзведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, но самолюбіе, оскорбленное отказомъ Екатерины назначить его президентомъ Коммерцъ-коллегіи, снова побудило его въ 1793 г. удалиться въ частную жизнь. Александръ I назначилъ Разумовскаго 2 Ноября 1807 г. попечителемъ Московскаго университета, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 11 Апрѣля 1810 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія. Разумовскій, однако, вскорѣ утомился новой дѣятельностью и 26 Мая 1812 г. испросилъ отпускъ, къ большому неудовольствію Александра I. Охлажденіе Государя и болѣзнь глазъ побудили Разумовскаго въ 1814 г. просить объ отставкѣ, на которую Императоръ согласился „сверхъ воли“. Послѣдніе годы жизни Разумовскій провелъ въ Малороссіи, въ Почепѣ, гдѣ и умеръ 5 Апрѣля 1822 года. Останки его, послѣ продажи Почепа графу Клейнмихелю, были перенесены въ Спасскій Новгородъ-Сѣверскій монастырь; надъ могилой графа А. К. Разумовскаго возвышается гробница съ надписью, въ которой ему присвоено названіе „бѣднымъ помощника, наукамъ покровителя“. Отъ брака съ графиней В. П. Шереметевой, Разумовскій имѣлъ 2 сыновей и 2 дочерей, да отъ дочери своего берейтора, М. М. Соболевской, имѣлъ 5 „воспитанниковъ“ и 5 „воспитанницъ“, получившихъ фамилію „Перовскихъ“.

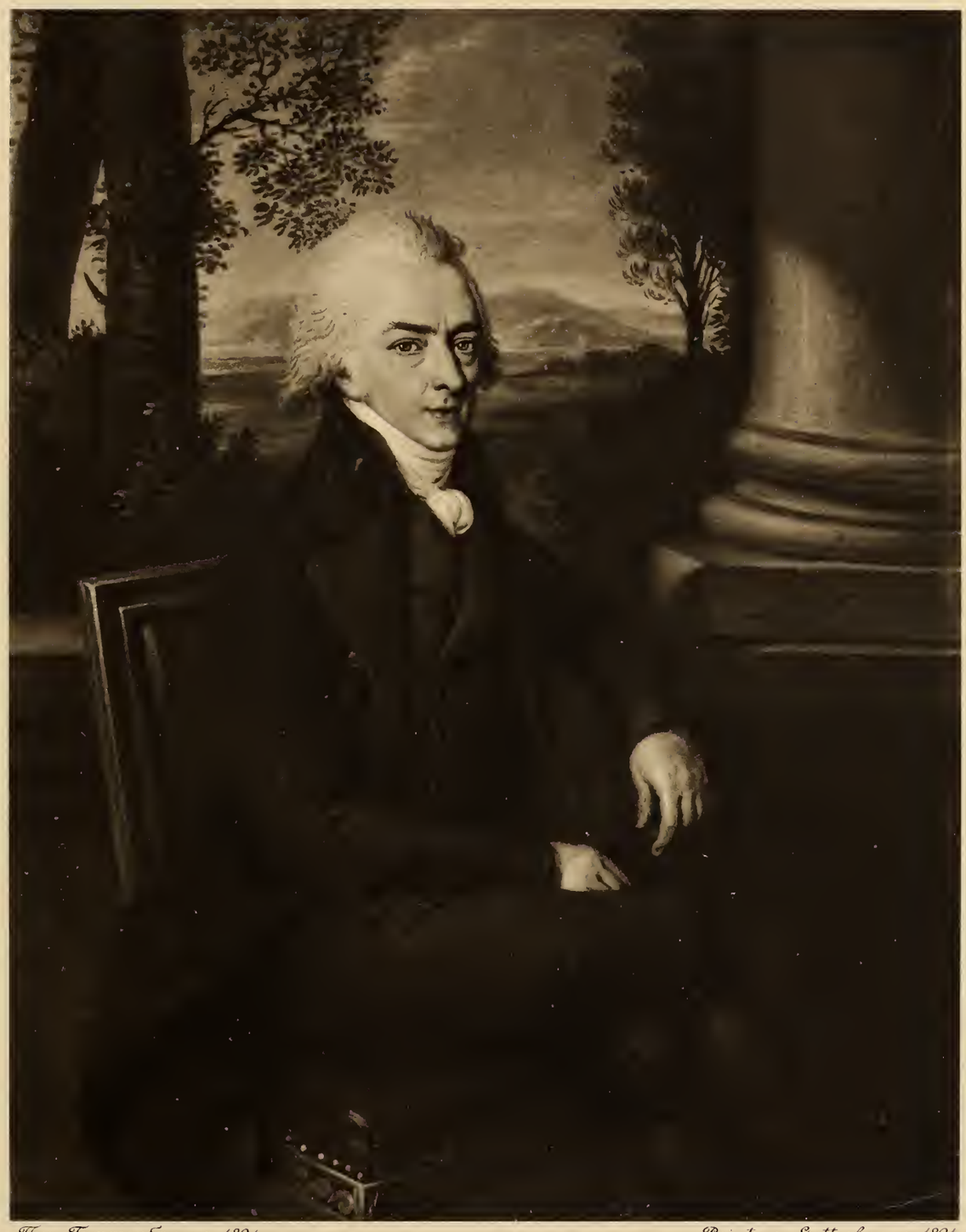
Графъ А. К. Разумовскій былъ человѣкъ тяжелаго характера, суровый, мрачный и нелюдимый. Къ этимъ качествамъ присоединялись еще и другія, обусловленныя аристократической обстановкой, въ которую поставила Разумовскихъ игра счастья. Этотъ, по выраженію Вигеля, „начиненный французскою литературою“ внукъ пастуха считалъ себя „русскимъ Монморанси“ и съ непомѣрною гордостью смотрѣлъ на простыхъ смертныхъ, не взысканныхъ „припадками счастья“. Онъ не довѣрялъ людямъ, прямо не любилъ видѣть ихъ, предпочитая сидѣть въ своемъ кабинетѣ, впрочемъ, при недовѣріи къ людямъ, онъ всегда находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ: онъ былъ и вольтеріанцемъ, и масономъ, и другомъ іезуитовъ. Разумовскій не былъ нечувствителенъ къ „чести и похвалѣ“; въ 25 лѣтъ онъ не прочь былъ занять какой-нибудь соотвѣтствовавшій его достоинствамъ постъ, въ родѣ президента Камеръ- или Мануфактуръ-коллегіи и выходилъ изъ себя, когда встрѣчалъ лишь „постоянныя у Двора огорченія“, утѣшая себя тѣмъ, что въ высшихъ сферахъ „поставляютъ въ достоинство одни преимущества тѣлесныя“. Но въ то же время ему была свойственна, по выраженію его отца, „проклятая лѣность“ и ему скоро надоѣдали служебныя занятія. Его считали знатокомъ ботаники, и его садъ въ Горенкахъ и оранжереи были признаны „чудомъ Россіи“. Но этотъ капризный дилетантъ разводилъ свои сады лишь для того, чтобы убить незанятое время, и не былъ способенъ къ серіозной научной работѣ, какъ братъ его, минералогъ гр. Григорій. По выраженію Вигеля, Разумовскій „изъ познаній своихъ дѣлалъ то же употребленіе, что изъ богатства, наслаждался имп безъ всякой пользы для другихъ“. Кромѣ того, онъ былъ также одержимъ страстью производить дорогія и ненужныя постройки. Продавъ за 400.000 руб. благоустроенный домъ на Воздвиженкѣ, онъ истратилъ милліонъ рублей на постройку дворца на Гороховомъ полѣ. Безумная расточительность въ соединеніи съ откупными аферами разстроили его громадное состояніе, и въ послѣдніе годы жизни онъ осаждалъ Александра I просьбами купить въ казну его домъ на Гороховомъ полѣ. Какъ министръ, онъ не оставилъ по себѣ, по выраженію Вигеля, „никакой памяти“. При немъ былъ открытъ Царскосельскій Лицей, было издано много циркуляровъ, но лично министру принадлежали только написанные имъ собственноручно—церемоніалъ открытія Царскосельскаго Лицея да правила для наблюденія за температурой въ помѣщеніяхъ этого заведенія...

(Съ портрета Гуттенбрунна, 1801 г.; находится въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le comte ALEXIS KIRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1748—1822, fils aîné du comte Cyrille Grigoriewitch et de Catherine Ivanowna Narychkine, sa femme, naquit le 12 septembre 1748. L'hetman, son père, s'efforça de donner à ses fils une éducation solide et variée, et le comte A. K. Razoumowsky fit un voyage de longue durée à l'étranger, pendant lequel il étudia à Strasbourg et visita l'Italie et l'Angleterre. Voué, dès sa naissance, au service militaire, il fut promu par Pierre III capitaine de cavalerie et nommé gentilhomme de la chambre; en 1775, il devint chambellan actuel, quitta en 1778 le service et vécut dans son magnifique domaine de Gorenky, près Moscou. Le 28 juin 1786, promu au grade de conseiller privé, il fut nommé sénateur, mais son amour-propre blessé de n'avoir pas été appelé à la présidence du Collège du Commerce en 1795, l'engagea de nouveau à se retirer dans la vie privée. Alexandre Ier le nomma, le 2 novembre 1807, curateur de l'université de Moscou avec le grade de conseiller privé actuel et, le 11 avril 1810, ministre de l'instruction publique. Mais Razoumowsky se fatigua bientôt de ses nouvelles fonctions et demanda un congé le 26 mai 1812, au grand mécontentement de l'Empereur. Le refroidissement de Sa Majesté à son égard et une maladie d'yeux engagèrent le comte à demander en 1814 sa retraite, ce à quoi Alexandre Ier accéda „contre son gré". Il passa ses dernières années en Petite-Russie, à Potchep, où il mourut le 5 avril 1822. Ses restes, après la vente de son domaine au comte Kleinmichel, furent transférés au monastère Spassky de Novgorod-Séverskoï. Sur sa tombe est érigé un monument avec une inscription, où il est nommé „l'aide des pauvres, le protecteur des sciences". Il eut de son mariage avec la comtesse B. Chérémeteff deux fils et deux filles et de la fille de son écuyer, M. M. Sobolewsky, cinq garçons et cinq filles, qui reçurent le nom de Pérowsky.

Le comte A. Razoumowsky avait un caractère difficile, sévère, morne et misanthrope. A ces qualités s'en joignaient d'autres, qui dépendaient de la mise en scène où le jeu de la fortune avait placé les Razoumowsky. Cet homme „imbu", suivant Viegel, „de la littérature française", petit-fils de berger, se croyait un „Montmorency russe" et regardait avec un excessif orgueil les simples mortels, qui n'avaient pas été comblés „des biens de la fortune". Il n'avait aucune confiance aux hommes, il n'aimait pas les voir, préférait rester dans son cabinet et pourtant, malgré sa méfiance, il se trouvait toujours influencé: il était et voltairien, et franc-maçon, et ami des jésuites. Razoumowsky n'était pas insensible „à l'honneur et à la louange". A 25 ans, il était prêt à occuper un poste conforme à sa dignité, dans le genre de celui de président de la „Kamer-Collegia" ou du Collège des manufactures; il sortait des gonds, quand il ne rencontrait sans cesse „à la cour que mortification", et il s'en consolait par la pensée que „seuls les avantages physiques vous sont comptés" dans les hautes sphères. Mais en même temps, suivant le dire du père, „la maudite paresse" était son propre, et les occupations du service l'ennuyaient bien vite. Il passait pour un connaisseur de botanique, et son jardin et ses serres à Gorenky étaient réputés „une merveille de la Russie". Mais ce capricieux dilettante ne cultivait ses jardins que pour tuer le temps et n'était pas capable, comme son frère Grégoire, le minéralogiste, d'un travail scientifique sérieux. Viegel déclare que Razoumowsky „faisait le même emploi de ses connaissances que de ses richesses, il en jouissait sans aucun profit pour les autres". Il était en outre pris de la passion de construire des édifices aussi chers qu'inutiles. Après avoir vendu 400.000 roubles sa belle maison à Vozdvigenka, il dépensa un million à la construction d'un palais au champ Gorokhoff. Son insensée prodigalité et ses spéculations dérangèrent son immense fortune, et les derniers temps de sa vie il assiégeait Alexandre Ier de demandes: il voulait vendre à la couronne sa maison du champ Gorokhoff. Il ne laissa comme ministre, suivant Viegel, „aucun souvenir". C'est sous lui que fut fondé le lycée de Tzarskoé-Sélo et que furent éditées beaucoup de circulaires; mais ce qui lui appartient en propre, ce sont le cérémonial de l'inauguration du lycée, qu'il a écrit lui-même, et les règlements sur la température dans les différents locaux de cet établissement.

(D'après le portrait de Guttenbrunn, 1801; se trouve au musée d'Alexandre III.)



Писъ Гуттенбруннъ, 1801

Графъ Алексѣй Кириловичъ
Разумовскій, 1748 - 1822

Peint par Guttenbrunn, 1801

Le Comte Alexis Kyrillowitch
Razoumowsky, 1748-1822

15

Графиня АННА АЛЕКСѢЕВНА МАТЮШКИНА, 1722—1804, старшая изъ дочерей князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина, женатаго на баронессѣ Аннѣ Петровнѣ Шафировой, старшей дочери вице-канцлера времени Петра Великаго, родилась въ 1722 г., а по „Запискамъ“ Екатерины II около 1716 года. Обѣ сестры ея, фрейлины Императрицы Елисаветы, состояли при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; послѣ смерти въ 1746 г. отъ горячки одной изъ нихъ, княжна Анна была выписана изъ Москвы Императрицей Елисаветой, чтобы занять мѣсто покойной. Другая сестра ея, княжна Дарья Алексѣевна, въ слѣдующемъ же году вышла замужъ за жениха умершей ихъ сестры, князя Александра Михайловича Голицына, и такимъ образомъ изъ трехъ сестеръ Гагариныхъ княжна Анна Алексѣевна одна осталась при Великой Княгинѣ въ трудное время ея жизни. Въ своихъ „Запискахъ“ Екатерина II не разъ упоминаетъ съ доброжелательствомъ о княжнѣ Гагариной, которая изъ всѣхъ приставленныхъ къ ней Елисаветой придворныхъ дамъ была наиболѣе ей предана и доказала это на дѣлѣ. Служа сначала посредницей въ начинавшейся интригѣ Екатерины съ графомъ Захаромъ Чернышевымъ и замѣтивъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко, она не только отказалась передавать любовныя записочки Великой Княгини, но и пожурила ее за роль, которую она заставляла ее играть, и Екатерина, насколько видно изъ ея „Записокъ“, ничуть не претендовала на нее за это. Въ то же время Гагарина не скрывала своей антипатіи къ Сергѣю Салтыкову, и, несмотря на это, Екатерина не только любила ее, но „даже довѣряла ей“. Живя, однако, въ этой придворной атмосферѣ сентиментальныхъ интригъ и любовныхъ похожденій, княжна А. А. Гагарина не забывала и себя. Немолодая и некрасивая, но умная и изворотливая, обладая къ тому же порядочнымъ состояніемъ, она искала и для себя жениха среди придворной молодежи. Къ несчастію, два раза выборъ ея останавливался довольно неудачно на молодыхъ красавцахъ, обратившихъ уже на себя вниманіе самой Елисаветы. Замѣтивъ, вѣроятно, ея склонность къ Шувалову, Елисавета, какъ говорили, придиралась къ ней въ числѣ прочихъ придворныхъ щеголихъ, дѣлала ей выговоры за ея наряды и даже формально запрещала ей носить тѣ или другіе модные уборы. Лишь въ третій разъ судьба улыбнулась княжнѣ Гагариной, когда ей приглянулся красавецъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ (р. 1725 г., † 1800 г.), возведенный впослѣдствіи Императоромъ Австрійскимъ Францомъ I въ графское Римской Имперіи достоинство (18 Ноября 1762 г.). Тутъ ужъ ей помогла сама Императрица, желавшая въ это время отдалить княжну Гагарину отъ Малаго двора. Елисавета Петровна склонила старую генеральшу Матюшкину, не желавшую брака сына съ пожилою, почти 40-лѣтнею, княжною, дать свое согласіе, и свадьба состоялась въ 1754 г.; Екатерина, хотя и съ сожалѣніемъ, разсталась со своей любимицей, но была довольна ея счастіемъ и всегда къ ней особенно благоволила. 8-го Марта 1759 г. Анна Алексѣевна Матюшкина находилась при кончинѣ и перевезеніи тѣла дочери Екатерины, Великой Княжны Анны Петровны, въ Невскій монастырь, а потомъ на дежурствѣ до погребенія. Въ день коронаціи Екатерины, 22 Сентября 1762 г., она была пожалована въ статсъ-дамы даже передъ княгиней Е. Р. Дашковой. Особенно отличалъ ее и Императоръ Павелъ I въ память службы ея при дворѣ его отца и черезъ 6 дней по вступленіи своемъ на престолъ возвелъ ее въ достоинство оберъ-гофмейстерины. Въ этомъ званіи она первая начала носить портретъ на правой сторонѣ. Въ день коронаціи своей, на которую, за дряхлостью, графиня Матюшкина не могла пріѣхать изъ Петербурга, Павелъ пожаловалъ ее въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины 1 кл., а черезъ нѣкоторое время, въ знакъ особой своей милости, препроводилъ ей для ношенія свой и Императрицы Маріи Ѳеодоровны портреты.

Графиня Матюшкина скончалась 3 Мая 1804 г. и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, въ палаткѣ между церковью Благовѣщенія и Св. Духа; она имѣла сына, графа Николая Дмитріевича († 1775 г., холостымъ), и дочь, Софію (р. 1755 г., † 1796 г.; за графомъ Юріемъ Михайловичемъ Вielьгорскимъ).

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

La comtesse ANNA ALEXÉEWNA MATIOUCHKINE, 1722—1804, fille aînée du prince Alexis Matvéewitch Gagarine et de la baronne Anna Pétrowna Chafiroff, fille aînée du vice-chancelier du temps de Pierre-le-Grand, naquit en 1722, et, selon les Mémoires de Catherine II, en 1716. Ses deux sœurs, demoiselles d'honneur de l'Impératrice Elisabeth, étaient attachées à la personne de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna. A la mort de l'une d'elles, qui succomba à la fièvre chaude en 1746, la princesse Anna fut appelée de Moscou par l'Impératrice Elisabeth pour lui succéder. La seconde sœur, la princesse Daria Alexéewna, se maria l'année suivante avec le fiancé de la défunte, le prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne, et des trois sœurs Gagarine, la princesse Anna seule resta auprès de la Grande-Duchesse pendant le temps pénible de sa vie. Catherine II, dans ses „Mémoires", parle plus d'une fois avec bienveillance de la princesse Gagarine, qui, de toutes les dames de cour qu'Elisabeth lui avait attachées, lui fut le plus dévouée et elle le prouva par des faits. Elle servit d'abord de médiatrice dans l'intrigue qui commençait entre Catherine et le comte Zakhar Tchernycheff, mais, remarquant que cela allait trop loin, elle refusa non seulement de remettre les billets doux de la Grande-Duchesse, mais elle la gronda pour le rôle qu'elle lui faisait jouer, et Catherine, autant qu'on le voit dans ses „Mémoires", n'en ressentit aucun grief. A cette même époque, la princesse Gagarine ne cacha point son antipathie pour Serge Saltykoff et pourtant Catherine l'aima et „eut confiance en elle". La princesse ne s'oublia pas elle-même dans cette atmosphère d'intrigues sentimentales et d'aventures galantes. Ni jeune, ni belle, mais intelligente et pleine de ressources, possédant en outre une fortune convenable, elle se chercha un fiancé parmi la jeunesse de la Cour. Mais son choix s'arrêta malheureusement, à deux reprises différentes, sur de beaux jeunes gens, qui avaient déjà attiré l'attention d'Elisabeth. L'Impératrice, remarquant sans doute son penchant pour Chouvaloff, lui chercha noise, dit-on, lui fit des remarques sur sa toilette et lui défendit positivement de porter telle ou telle parure à la mode. Ce ne fut que la troisième fois que le sort lui sourit, quand elle s'éprit du beau Dmitri Mikhaïlowitch Matiouchkine (1725—1800), élevé dans la suite à la dignité de comte du Saint-Empire Romain (le 18 novembre 1762). L'Impératrice, elle-même, lui vint en aide; elle désirait alors l'éloigner de la Petite Cour. Elisabeth Pétrowna engagea la vieille générale Matiouchkine, qui ne voulait pas que son fils épousât une princesse âgée, qui avait près de 40 ans, à donner son consentement, et le mariage eut lieu en 1754. Catherine se sépara, quoique à regret, de sa favorite, mais fut contente de son bonheur et lui témoigna toujours une bienveillance particulière. Le 8 mars 1759, la comtesse Matiouchkine fut présente à la mort de la fille de Catherine, la Grande-Duchesse Anna Pétrowna, au transport de son corps au monastère de Newsky et elle fut de service jusqu'à l'enterrement. Le jour du couronnement, le 22 septembre 1762, elle devint dame d'honneur. L'Empereur Paul la distingua d'une manière toute particulière, en mémoire de son service à la Cour de son père et, six jours après son avènement au trône, il l'éleva à la dignité de grande-maîtresse de la Cour. Ce fut elle la première, qui, en cette qualité, portât le portrait au côté droit. Le jour de son couronnement, la comtesse ne put, pour cause d'infirmité, arriver à St-Pétersbourg, et Paul la nomma dame de l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe; quelque temps après, l'Empereur, en signe de faveur spéciale, lui envoya, pour les porter, son portrait et celui de l'Impératrice Marie Féodorowna.

La comtesse Matiouchkine mourut le 3 mai 1804; elle fut enterrée à la laure d'Alexandre Newsky, entre l'église de l'Annonciation et celle du Saint-Esprit. Elle avait un fils, le comte Nicolas Dmitriewitch († célibataire en 1775), et une fille Sophie (née en 1755, † en 1796), mariée au comte George Mikhaïlowitch Vielgorsky.

(D'après un original, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина, 1722-1804 | La Comtesse Anna Alexéewna Matiouchkine, 1722-1804

· Экспед. загот. Госуд. Бумагъ. Manufacture des papiers de l'Etat

16

Графъ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, 1713—1788, старшій сынъ сподвижника Петра Великаго фельдмаршала графа Бориса Петровича отъ второго его брака съ Анной Петровной Салтыковой, по первому мужу Нарышкиной, родился 26 Февраля 1713 г.; записанный въ Преображенскій полкъ, онъ до воцаренія Елисаветы выслужилъ лишь чинъ капитана и званіе камергера. Пожалованный Елисаветою въ дѣйствительные камергеры, онъ сталъ быстро возвышаться по чиновной лѣстницѣ, благодаря женитьбѣ на тридцатилѣтней красавицѣ княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской (р. 11 Сентября 1711 г., † 2 Октября 1767 г.), дочери канцлера князя Черкасскаго и наслѣдницѣ богатѣйшаго въ Россіи состоянія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны Шереметевъ дослужился до чина генералъ-аншефа и званія генералъ-адъютанта и былъ украшенъ орденами св. Анны и Александра Невскаго. Петръ III пожаловалъ его въ оберъ-камергеры и наградилъ орденомъ св. Андрея. Екатерина II назначила его сенаторомъ. Оставивъ службу въ 1768 г., Шереметевъ умеръ 30 Ноября 1788 г. и погребенъ въ Знаменской церкви Московскаго Новоспасскаго монастыря; отъ брака съ княжной В. А. Черкасской имѣлъ 4 сыновей: Бориса-Порфирія, Алексѣя, Николая и Петра, изъ которыхъ первые двое и послѣдній умерли въ дѣтствѣ, и дочерей Марію („зовомую“ въ жизни Анной), умершую отъ оспы 17 Мая 1768 г., Варвару (въ замужествѣ за графомъ А. К. Разумовскимъ) и Марію (умерла въ младенчествѣ); кромѣ того, онъ имѣлъ еще нѣсколько „воспитанниковъ“ (Реметевы).

Въ противоположность своему знаменитому отцу, полвѣка со славой подвизавшемуся на военномъ поприщѣ, графъ П. Б. Шереметевъ не обнаружилъ способностей ни къ военной, ни къ гражданской службѣ. Единственнымъ плодомъ его служебной дѣятельности является составленный имъ „Уставъ о должностяхъ и преимуществахъ оберъ-камергера“. Обладая 140.000 душъ крестьянъ, онъ не обременялъ себя службой и жилъ въ свое удовольствіе. Ему не были чужды извѣстные умственные и художественные запросы: для него выписывались изъ-за границы политическія и философскія сочиненія и газеты „рейнскія, лейденскія и колоньскія“. Онъ собралъ и издалъ въ свѣтъ бумаги своего отца; его театръ и оркестръ были лучшими въ Россіи. Его служащіе были постоянно озабочены пріобрѣтеніемъ для него то „рѣдкихъ рудъ, окаменѣлостей и животныхъ“, то „бюстовъ эллинскихъ боговъ“, то гравюры „съ картинъ славнаго живописца Мурпллова“. То онъ мечталъ объ устройствѣ для Кусковскаго пруда яхтъ „со всѣмъ украшеніемъ“, командой и съ пушками, то заботился о покупкѣ раковинъ для уборки Кусковскаго грота. Но при всѣхъ затѣяхъ и причудахъ графъ П. Б. Шереметевъ оставался всегда расчетливымъ хозяиномъ, входившимъ во всѣ мелочи своего огромнаго хозяйства. Служащіе графа хорошо знали, что онъ „въ большіе депансы входить не намѣренъ“. Онъ самъ опредѣлялъ, сколько „французскихъ калачей“ долженъ получать ежедневно каждый изъ его домочадцевъ, соображалъ, какъ бы повыгоднѣе перекрыть флигеля и сдѣлать рѣшетку въ Петербургскомъ домѣ. Отъ его зоркаго глаза не ускользала мелочь въ родѣ того, что въ присланной изъ вотчины колотой рыбѣ „трехъ форелей не явилось“. Все у него было основано на практическихъ соображеніяхъ: онъ устраивалъ въ своихъ вотчинахъ школы, для обученія крѣпостныхъ наукамъ, „которыя по дому нужны“. Какъ расчетливый хозяинъ, онъ былъ противникомъ эксплоатаціи крѣпостныхъ, находя нужнымъ маломочныхъ „отъ всѣхъ ихъ тягостей освободить“, чтобы они „могли себя поправить и прійти въ лучшее состояніе“. Какъ практическій человѣкъ, графъ Шереметевъ всегда не прочь былъ посылкой „абрикозовъ“ и другихъ оранжерейныхъ диковинокъ или инымъ какимъ способомъ запискать, по обычаю того времени, у нужнаго человѣка, въ родѣ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, ссылаясь на то, что „въ князѣ Александрѣ Алексѣевичѣ всегда бываетъ надобность“. Но зато, когда нужно было поддержать фамильную честь, графъ П. Б. Шереметевъ, хотя и жалуясь на „большіе расходы“, торжественно принималъ Екатерину II въ Кусковѣ и давалъ праздники, поражавшіе иностранцевъ никогда невиданною ими пышностью.

(Съ портрета И. Аргунова; собственность графа А. Д. Шереметева, с. Останкино, Московской губ.)

16

Le comte PIERRE BORISSOWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1713—1788, fils aîné du feld-maréchal comte Boris Pétrowitch (le compagnon d'œuvre de Pierre-le-Grand) de son second mariage avec Anne Pétrowna Saltykoff, en premières noces Narychkine, naquit le 26 février 1713; inscrit sur les rangs du régiment de Préobrajensky, il n'avait atteint à l'avènement d'Elisabeth que le grade de capitaine et le titre de chambellan. Créé par Elisabeth chambellan actuel, il fit rapidement son chemin dans la voie hiérarchique, grâce à son mariage avec la belle princesse Varvara Alexéewna Tcherkassky (1711—1767), âgée de 30 ans, fille du chancelier prince Tcherkassky et héritière de la plus grande fortune de Russie. Sous le règne d'Elisabeth Pétrowna, Chérémétef atteignit le grade de général en chef, le titre d'aide de camp général et fut décoré des ordres de Ste-Anne et d'Alexandre Newsky. Pierre III le fit grand chambellan et lui conféra l'ordre de St-André. Catherine II le nomma sénateur. Chérémétef quitta le service en 1768 et mourut le 30 novembre 1788; il est inhumé à Moscou, dans l'église de Znamensky du monastère de Novospassky; il eut de son mariage avec la princesse B. Tcherkassky quatre fils: Boris-Porphyre, Alexis, Nicolas et Pierre (les deux premiers et le dernier moururent tout jeunes), et trois filles: Marie („appelée" Anne), morte de la petite vérole le 17 mai 1768, Varvara (qui épousa le comte A. Razoumowsky) et Marie (morte au berceau); il avait de plus plusieurs „pupilles" (les Rémétef).

A l'opposé de son illustre père, qui suivit avec éclat la carrière des armes pendant un demi-siècle, le comte Chérémétef ne fit preuve de talent ni au militaire, ni au civil. Son „Règlement des obligations et des prérogatives du grand chambellan" est le seul résultat de son service actif. Possédant 140.000 serfs, son service ne le surchargeait pas, et il vivait à sa guise. Il n'était pas étranger à certaines questions intellectuelles et artistiques: on faisait venir de l'étranger à son usage des ouvrages politiques et philosophiques et les gazettes „du Rhin, de Leyde et de Cologne". Il rassembla et publia les papiers de son père; son théâtre et son orchestre étaient les meilleurs de la Russie. Ses serviteurs étaient constamment en train d'acquérir pour son compte soit „des minerais rares, des fossiles et des animaux", soit „des bustes des dieux de la Grèce", soit des gravures „reproduisant les tableaux de l'illustre peintre Murillo". Tantôt il songeait à faire construire pour l'étang de Kouskovo des yachts „avec tout leur gréement", ayant un équipage au complet et des canons, tantôt il était occupé à acheter des coquillages pour orner la grotte de Kouskovo. Le comte Chérémétef, malgré toutes ses innovations et ses bizarreries, n'en était pas moins administrateur regardant, entrant dans les moindres détails de la gestion de ses immenses domaines. Les serviteurs du comte n'ignoraient pas „qu'il n'avait pas l'intention de faire de grandes dépenses". Il fixait lui-même le nombre de „croissants de France" que devait recevoir quotidiennement chacun des membres de son entourage, et calculait les moyens de recouvrir le plus avantageusement possible les ailes de sa maison de Pétersbourg et d'y établir une grille. Aucune vétille n'échappait à son œil perspicace, pas même „l'absence de trois truites" sur le nombre des poissons tués au trident qu'on lui avait envoyés de son domaine. Tout chez lui était affaire de calcul pratique: il établissait dans ses propriétés des écoles pour inculquer à ses serfs les connaissances „bonnes pour le ménage". Maître prévoyant, il était opposé à l'exploitation des serfs, trouvant nécessaire „de libérer les chétifs de toutes leurs corvées", afin „qu'ils pussent se remettre et prendre du corps". En homme pratique, le comte Chérémétef ne répugnait pas, soit en faisant cadeau „d'abricots" ou d'autres raretés de serre, soit en employant quelque autre moyen, à se faire valoir, selon l'usage du temps, aux yeux d'une personne indispensable, comme l'était par exemple le procureur général prince Viazemsky, alléguant „qu'on pouvait toujours avoir besoin du prince Alexandre". En revanche, quand il s'agissait de soutenir le renom de la famille, le comte Chérémétef, tout en se plaignant „des grands frais", recevait solennellement Catherine II à Kouskovo et donnait des fêtes qui éblouissaient les étrangers par leur pompe inaccoutumée.

(D'après un original d'Argounoff, appartenant au comte A. Chérémétef, Ostankino, gouv. de Moscou.)

Пис. И. Аргуновъ

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, 1713-1788

Peint par I. Argounoff

Le Comte Pierre Borissowitch Chéréméteff, 1713-1788

17

Княгиня **АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1763—1842, дочь гвардіи капитана царевича Грузинскаго Александра Бакаровича, женатаго на княжнѣ Маріи Александровнѣ Меншиковой, была супруга, съ 1790 г., генералъ-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына (1766—1822; см. т. III, № 115). Въ первомъ бракѣ Анна Александровна была за побочнымъ сыномъ вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицына, Александромъ Александровичемъ де-Лицынымъ (р. 1760 г., † 1789 г.).

Княгиня Анна Александровна, умная, добродѣтельная и хозяйственная, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и играла большую роль въ высшемъ свѣтѣ подъ именемъ „princesse Boris“. Письма ея, рисующія петербургское общество конца царствованія Екатерины II, дышащія искренностью и прямотою, напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1887 года.

Отъ перваго брака у княгини Голицыной дѣтей не было, отъ второго она имѣла троихъ сыновей и пять дочерей.

(Съ портрета В. Лебренъ, 1796 г.; собственность Е. А. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

17

La princesse **ANNE ALEXANDROWNA GOLITZYNE**, 1763 — 1842, fille du tzarévitch de Géorgie, Alexandre Bakarowitch, capitaine de la garde, et de la princesse Darie Alexandrowna Menchikoff, devint en 1790 la femme du lieutenant-général le prince Boris Andréewitch Golitzyne (1766—1822; v. T. III, № 115). Anne Alexandrowna avait épousé en premières noces Alexandre Alexandrowitch de Litzyne (1760—1789), fils naturel du vice-chancelier, le prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne.

La princesse Anne Golitzyne était intelligente, vertueuse et bonne ménagère; elle jouissait de l'estime de tous et jouait un beau rôle dans le grand monde sous le nom de „princesse Boris". Ses lettres, qui peignent la société pétersbourgeoise de la fin du règne de Catherine II, respirent la sincérité et la droiture; elles ont été publiées dans le „Messager historique" de 1887.

La princesse n'eut pas d'enfant du premier mariage, mais elle eut du second 3 fils et 5 filles.

(D'après le portrait de V. Lebrun, 1796, appartenant à Mme E. Narychkine, St-Pétersbourg.)

Пис Виже-Лебренъ

Княгиня Анна Александровна Голицына, 1763-1842

Peint par Vigée-Lebrun

La Princesse Anna Alexandrowna Golitzyne, 1763-1842

Графиня ПРАСКОВІЯ ИВАНОВНА ШЕРЕМЕТЕВА, 1768—1803, дочь крѣпостного князей Черкасскихъ Ивана Ковалевскаго, родилась 20 Іюля 1768 года; въ дѣтствѣ была взята изъ родительскаго дома жившей у графа Петра Борисовича Шереметева родственницей его, княгиней Маріей Михайловной Долгорукой, и воспитана въ Кусковской школѣ графа. Какъ и другія воспитанницы этой школы, предназначавшіяся къ выступленію на домашнемъ театрѣ графа, она получила совершенно исключительное образованіе, обучалась французскому и итальянскому языкамъ; одаренная большими музыкальными способностями и хорошимъ голосомъ, она съ успѣхомъ сдѣлала свои первые шаги на Кусковской сценѣ подъ именемъ „Жемчуговой“. Любовь къ музыкѣ и совмѣстныя ею занятія сблизили ее, въ началѣ 80-хъ годовъ, съ сыномъ графа П. Б. Шереметева, графомъ Николаемъ Петровичемъ (р. 1751 г., † 1809 г.), и когда въ 1801 г. она сдѣлалась графиней Шереметевой, существовавшія между ними отношенія характеризовались уже ея мужемъ, какъ „двадцатилѣтняя привычка другъ къ другу“. Бракосочетаніе совершено было 8 Ноября 1801 г. въ Москвѣ, въ церкви Симеона Столпника, на Поварской, въ присутствіи только немногихъ свидѣтелей, но объявлено о бракѣ было лишь въ 1803 г., вслѣдъ за рожденіемъ ихъ сына, графа Димитрія. Бракъ этотъ, признанный и одобренный Императорами Павломъ и Александромъ I, явился не только неожиданностью для свѣта, удивленнаго женитьбою знатнаго вельможи на крѣпостной, „une de ses esclaves“, какъ выразилась графиня Ш. К. Ливенъ, но и разочарованіемъ для нѣкоторыхъ членовъ семьи гр. Н. П. Шереметева, разсчитывавшихъ на его наслѣдство. Только благодаря этому браку, огромное Шереметевское состояніе не увеличило собою богатствъ графовъ Разумовскихъ. Между тѣмъ, какъ говорится въ жизнеописаніи графини П. И. Шереметевой, найденномъ въ бумагахъ Шереметевскаго архива, „единымъ поводомъ къ возведенію ея супругомъ на высочайшую степень земного благополучія“ была „безпремѣнная неразлучность, въ продолженіе которой сія вѣрная, всѣми чувствіями преданная супруга безпрестанно дышала единою волею, единымъ угожденіемъ и страстною приверженностью къ супругу“. Послѣ бракосочетанія графъ Шереметевъ съ женою, до того проживавшіе большею частью въ Подмосковныхъ имѣніяхъ, Кусковѣ и Останкинѣ, переѣхали въ Петербургъ въ Шереметевскій домъ, на Фонтанкѣ. Скоро вслѣдъ за этимъ въ немъ и скончалась графиня Прасковія Ивановна отъ тяжелой болѣзни, три недѣли спустя послѣ рожденія сына, 23 Февраля 1803 г.; похоронена графиня въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, въ усыпальницѣ графовъ Шереметевыхъ. Неутѣшная печаль мужа, пережившаго ее всего на 6 лѣтъ, и трогательная его память о супругѣ, которою проникнуты всѣ послѣдовавшія за ея смертью его распоряженія, свидѣтельствуютъ о нѣжной привязанности, соединявшей графа съ избранницей его сердца.

Графиня П. И. Шереметева не отличалась особенной красотой; сложенія она была слабаго и болѣзненнаго и, выздоровѣвъ разъ послѣ тяжкой болѣзни, избрала себѣ девизомъ и вырѣзала на печати слѣдующій текстъ: „Наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде“. Отличительными чертами характера этой умной, глубоко вѣрующей русской женщины были доброта и скромность. Свѣтлый, обаятельный образъ графини-крестьянки пережилъ ее и надолго сохранился въ памяти, но и при ея жизни—широкая ея благотворительность была извѣстна всѣмъ „сирымъ и безпомощнымъ“: „никогда злато ея не оставалось въ сокровенности, щедрая рука ея простиралась всегда къ бѣдности и нищетѣ, и казнохранилища ея, при всѣхъ способахъ наполненія, остались пусты: все роздано—все обращено на помощь человѣчеству“. По ея завѣщанію, графомъ П. П. Шереметевымъ былъ построенъ въ Москвѣ странноприимный домъ, съ больницей, и положенъ капиталъ на выдачу приданаго бѣднымъ невѣстамъ.

Вокругъ имени графини П. И. Шереметевой сложилась поэтическая легенда, вылившаяся въ русской пѣснѣ, воспѣвающей яко бы случайную ея встрѣчу съ бариномъ, будущимъ мужемъ, „вечеромъ позднимъ“, „у зеленаго лужка“. Ей же была посвящена книга француза Дюваля: „Элегія къ тѣни графини П. И. Шереметевой“, съ гравюрой Осипова (съ оригинала Изабе), изображающей мавзолей съ льющимся изъ него родникомъ, утоляющимъ жажду бѣдныхъ и больныхъ, и съ надписью:

„Такъ бѣднымъ, коимъ вѣкъ она благотворила,
„Изъ гроба своего источникъ благъ открыла“.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность графа А. Д. Шереметева, с. Останкино, Московской губ.)

La comtesse PRASCOVIE IVANOWNA CHÉRÉMÉTEFF, 1768—1803, fille d'un serf des princes Tcherkassky, Ivan Kovalewsky, naquit le 20 juillet 1768. Elle fut, enfant, retirée de la maison paternelle par une parente du comte Pierre Borissowitch Chéréméteff, qui vivait chez lui, la princesse Marthe Mikhaïlowna Dolgorouky, et élevée à l'école du comte, à Kouskovo. Comme toutes les autres élèves de cette école, destinées à paraître sur le théâtre des Chéréméteff, elle reçut une excellente éducation et apprit les langues française et italienne. Douée de grandes capacités pour la musique et d'une belle voix, elle débuta avec succès à Kouskovo, sous le nom de „Gemtchougova". Son amour pour la musique et ses occupations avec le fils du comte, Nicolas Pétrowitch (né en 1751, † en 1809), la rapprochèrent au commencement des années 80 de son mari; aussi, quand elle devint comtesse, en 1801, ce dernier put dire, en parlant des relations qui existaient déjà entre eux: „Nous nous sommes habitués l'un à l'autre depuis vingt ans". Les noces eurent lieu le 8 novembre 1801 à Moscou, dans l'église de Siméon Stolpnik sur la Povarskaïa, en présence de peu de témoins. Le mariage ne fut déclaré qu'en 1803, après la naissance d'un fils, Dmitri. Cette union, reconnue et approuvée par les Empereurs Paul et Alexandre Ier, fut non seulement une surprise pour le monde, étonné qu'un dignitaire eût épousé „une de ses esclaves", comme le disait la comtesse Lieven, mais encore un désappointement pour quelques membres de la famille, qui comptaient sur son héritage. C'est grâce seulement à ce mariage que la colossale fortune des Chéréméteff ne vint pas augmenter celle du comte Razoumowsky. Cependant, comme on le voit dans la biographie du comte Pierre, trouvée dans les archives de famille, „le seul motif qu'avait le comte de l'élever au comble du bonheur terrestre" était „l'invariable constance avec laquelle cette épouse fidèle, entièrement dévouée, n'avait sans cesse qu'une volonté, qu'un plaisir et qu'un attachement passionné à son mari". Après la noce, le comte Chéréméteff et sa femme, qui jusqu'alors n'avaient guère vécu que dans les domaines de Kouskovo et d'Ostankino, près de Moscou, se fixèrent à St-Pétersbourg dans leur maison, sur la Fontanka. Bientôt après la comtesse Prascovie Ivanowna mourut d'une grave maladie, trois semaines après la naissance d'un fils, le 23 février 1803. Elle fut enterrée dans l'église de Lazare, à la laure d'Alexandre Newsky, dans le caveau des comtes Chéréméteff. La douleur de l'inconsolable mari, qui ne lui survécut que six ans, et le souvenir ému qu'il en a gardé et qui se remarque dans toutes les dispositions prises après sa mort, témoignent du tendre attachement qui l'unissait à l'élue de son cœur. La comtesse Chéréméteff ne se distinguait pas par une beauté spéciale; elle était d'une constitution faible et maladive, et, un jour, relevant d'une grave maladie, elle se choisit comme devise et fit graver sur son sceau le texte suivant: „Le Seigneur, m'ayant envoyé des épreuves, ne m'a pas puni de mort". La bonté et la modestie étaient les traits caractéristiques de cette femme russe, intelligente et profondément croyante. L'image sereine et enchanteresse de la comtesse-paysanne lui a survécu, mais, pendant toute sa vie, sa grande bienfaisance était connue de tous „les orphelins et les délaissés": „Jamais son or ne restait caché, elle tendait toujours une main généreuse à la pauvreté et à la misère, et son trésor, quoiqu'il eût tous les moyens de se remplir, restait vide: tout était distribué, tout allait au secours de l'humanité". Le comte Chéréméteff, donnant suite à sa dernière volonté, construisit à Moscou un hospice avec un hôpital et y plaça un fonds pour doter les filles pauvres.

Le nom de la comtesse est entouré d'une légende poétique, qui a passé dans un chant russe, célébrant sa rencontre fortuite avec un seigneur, son futur époux, „tard le soir, sur la pelouse verte". Alexandre Duval lui a dédié son livre (Paris, 1804), „A l'ombre de Prascovia, comtesse de Chéréméteff, élégie", avec une gravure, composée par Isabey, représentant un mausolée, d'où s'échappe une source, étanchant la soif des pauvres et des malades et avec cette inscription:

„Ainsi l'humanité qu'elle a toujours servie
Trouve à son tombeau même une Source de Vie".

(D'après l'original d'Angélique Kauffmann, appartenant au comte A. Chéréméteff, Ostankino, gouv. de Moscou.)

Пис Анжелика Кауфманъ

Графиня Прасковія Ивановна Шереметева, 1768–1803

Peint par Angélique Kauffmann

La Comtesse Prascovie Ivanowna Chérémeleff, 1768–1803

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture de papiers de l'Etat

19

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА ЛЬВОВА, 1755—1807, дочь оберъ-прокурора Сената, бригадира Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова, отъ брака съ княжной Авдотьей Петровной Мышецкой, родная сестра второй жены Державина, получила блестящее по тому времени домашнее воспитаніе: прекрасно говорила по-французски и неправильно писала по-русски. Красавицы сестры Дьяковы появились въ высшемъ обществѣ Петербурга, блистали на вечерахъ у Л. А. Нарышкина и обращали на себя вниманіе Великаго Князя Павла Петровича. Дарья, увѣковѣченная поэтомъ подъ именемъ „Милены“, вышла позднѣе за Державина, а Марія—за архитектора, почетнаго члена Академіи Художествъ, Николая Александровича Львова (р. 1751 г., † 22 Декабря 1803 г.), друга Державина и остроумнѣйшаго человѣка своего времени. Бракъ этотъ совершился при романической обстановкѣ, характеризующей влюбленныхъ. Родители противились браку дочери съ Львовымъ; тогда, около 1780 г., они обвѣнчались тайно въ Галерной гавани, и изъ церкви новобрачная вернулась въ родительскій домъ. Такъ продолжалось это болѣе 3 лѣтъ, пока, наконецъ, въ концѣ 1783 г. или началѣ 1784 г., Дьяковъ не далъ своего согласія; рѣшено было устроить свадьбу въ Ревелѣ. Когда насталъ часъ вѣнчанія, собравшимся роднымъ и гостямъ было объявлено, что женихъ и невѣста давно уже повѣнчаны. Чтобы не пропали даромъ всѣ приготовленія, тутъ же повѣнчали, вмѣсто господъ, лакея и горничную. Мужъ М. А. Львовой былъ близокъ съ писателями, поэтами и художниками своего времени, и домъ Львовыхъ сдѣлался мѣстомъ, гдѣ собиралось общество, интересовавшееся искусствомъ и литературой, при чемъ красавицу хозяйку, отличавшуюся добрымъ и веселымъ характеромъ, окружало всеобщее поклоненіе: влюбленный въ нее Хемницеръ посвятилъ ей свои басни; наши знаменитые художники Левицкій и Боровиковскій писали ея портреты. Два чудныхъ портрета перваго, писанныхъ въ 1778 и 1786 гг., въ самый расцвѣтъ ея красоты, украшаютъ собой Львовское собраніе портретовъ Румянцевскаго музея, въ Москвѣ; Боровиковскій написалъ съ нея нѣсколько миніатюръ, хотя этотъ родъ живописи и являлся у него рѣдкимъ исключеніемъ. Державинъ, подъ именемъ „Миловидовой“, вывелъ ее дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи „Кутерьма отъ Кондратьевъ“.

У Львовой было 2 сына, Леонидъ и Николай, и 3 дочери, Елизавета (за Львовымъ), Вѣра (за Воейковымъ) и Прасковья (за Бороздинымъ). Скончалась Марія Алексѣевна, 52 лѣтъ, 14 Іюня 1807 г., и Державинъ написалъ на смерть ея стихотвореніе „Поминки“:

„Побѣдительница смертныхъ,
„Не имѣя силъ терпѣть
„Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
„Поразила Майну—смерть.
„Возрыдали вкругъ Эроты,
„Всплакалъ, возрыдалъ и я“...

(Съ портрета, писаннаго Левицкимъ въ 1786 г.; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

19

MARIE ALEXÉEWNA LVOFF, 1755—1807, fille du brigadier Alexis Afanassiewitch Diakoff, haut procureur du Sénat, et d'Eudoxie Pétrowna, née princesse Mychetzky, était sœur de la seconde femme de Derjavine. Elle reçut à la maison paternelle une brillante éducation dans le goût de l'époque: elle parlait le français à la perfection et ne savait pas écrire correctement le russe. Les sœurs Diakoff firent paraître leur beauté dans la haute société de Pétersbourg, brillèrent aux bals de L. Narychkine et attirèrent l'attention du Grand-Duc Paul. Daria, immortalisée par Derjavine sous le nom de „Milène", devint dans la suite la femme du poète, et Marie épousa Nicolas Alexandrowitch Lvoff (1751—22 décembre 1803), architecte, membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts, ami de Derjavine et l'homme le plus spirituel du temps. Le mariage eut lieu dans des circonstances romanesques. Les parents de la jeune fille s'étaient opposés à l'union; alors, vers 1780, les amoureux se firent marier clandestinement au Port des Galères, et à la sortie de l'église, la mariée rentra à la maison paternelle. Trois ans passèrent ainsi; à la fin de 1783, ou au commencement de 1784, Diakoff finit par donner son consentement; il fut décidé que le mariage se ferait à Rével. Le moment de la cérémonie arrivé, on annonça à la famille et aux invités que l'union était chose faite depuis longtemps. Pour faire servir les préparatifs, on maria séance tenante, au lieu des maîtres, un laquais et une femme de chambre. Lvoff était familier avec des écrivains, des poètes et des artistes du temps, et sa maison devint le rendez-vous de toute une société d'amateurs d'art et de littérature; la belle Mme Lvoff, avec sa bonté et sa gaîté, était l'objet des attentions de tous: Khemnitzer fut amoureux d'elle et lui dédia ses Fables, et nos célèbres peintres, Lévitzky et Borovikowsky, firent son portrait. Deux merveilleux originaux du premier, datés de 1778 et 1786, époque culminante de sa beauté, ornent la collection Lvoff au musée Roumiantzeff. On a aussi d'elle plusieurs miniatures par Borovikowsky, genre tout exceptionnel pour l'artiste. C'est également elle le personnage de „Milovidova" (en russe—„la Gentille") d'une comédie de Derjavine.

Mme Lvoff eut deux fils, Léonide et Nicolas, et trois filles, Elisabeth (Mme Lvoff), Véra (Mme Voeïkoff) et Prascovie (Mme Borozdine). Elle mourut à l'âge de 52 ans, le 14 juin 1807, et Derjavine composa à cette occasion une poésie intitulée „Souvenir":

„Celle qui vainc tous les mortels,
„Ne pouvant de cette beauté
„Souffrir les conquêtes sans nombre,
„La Mort, a frappé Maïna.
„Les Amours à l'envi sanglotent
„Et je pleure aussi, je gémis"...

(D'après l'original de Lévitzky, 1786; Musée Roumiantzeff, Moscou.)

Пис Левицкій, 1785

Peint par Lévitsky, 1785

Марія Алексѣевна
Львова, 1755-1807

Marie Alexéewna
Lvoff, 1755-1807

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ БАКУНИНЪ, 1762—1805, сынъ тайнаго совѣтника, члена Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Петра Васильевича Бакунина-меньшого († 13 Мая 1786 г.), отъ брака съ Анной Сергѣевной Татищевой († 19 Октября 1778 г.), родился 24 Мая 1762 г.; въ 1777 г. былъ опредѣленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; позднѣе, до 1789 г., состоялъ въ чинѣ коллежскаго асессора при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, затѣмъ пріѣхалъ въ Россію и, пожалованный въ камеръ-юнкеры, исполнялъ обязанности директора Императорской Академіи Наукъ съ 12 Августа 1794 г. по 1796 г., во время отпуска княгини Е. Р. Дашковой; 12 Ноября 1796 г. Бакунинъ былъ утвержденъ въ должности и оставался директоромъ Академіи до 8 Апрѣля 1798 г., когда былъ назначенъ къ посольству въ Вѣну; въ 1800 г. уволенъ отъ службы, пожалованный 3 Января 1797 г. въ камергеры, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; 21 Іюня 1801 г. былъ принятъ обратно на службу въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ дѣлъ „для употребленія къ мѣсту, званію и способностямъ сообразному“, и опредѣленъ къ миссіи въ Дрезденъ.

Бакунинъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Саблуковой, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей, Александра и Семена, и дочь Екатерину. Умеръ онъ 24 Декабря 1805 года.

(Съ портрета, писаннаго пастелью; собственность Великаго Князя Николая Михаловича.)

20

PAUL PÉTROWITCH BAKOUNINE, 1762 — 1805, fils du conseiller privé, membre du Collège des affaires étrangères Pierre Vassiliewitch Bakounine junior († le 13 mai 1786) et de sa femme, Anne Serguéewna Tatichtcheff († le 19 octobre 1778), naquit le 24 mai 1762. Il entra au service en 1777 au Ministère des affaires étrangères; il fut plus tard, jusqu'en 1789, attaché, en qualité d'assesseur de collège, à l'ambassade russe de Londres. Il revint ensuite en Russie et, nommé gentilhomme de la chambre, il remplit les fonctions de directeur de l'Académie Impériale des sciences, du 12 août 1794 à 1796, pendant l'absence de la princesse E. R. Dachkoff. Le 12 novembre 1796, il fut confirmé dans cette charge et y resta jusqu'au 8 avril 1798, où nous le voyons à l'ambassade russe à Vienne. Il quitta le service en 1800, chambellan depuis le 3 janvier 1797 et conseiller d'état actuel. Le 21 juin 1801, il rentra de nouveau au service du Ministère des affaires étrangères „comme candidat à une place conforme à son rang et à ses capacités". Il fut nommé à la légation de Dresde. P. P. Bakounine était marié à Catherine Alexandrowna Sabloukoff, dont il eut deux fils, Alexandre et Siméon, et une fille Catherine. Il mourut le 24 décembre 1805.

(D'après un portrait au pastel, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Павелъ Петровичъ
Бакунинъ, 1762–1805

Paul Pétrowitch
Bakounine, 1762–1805

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

21

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БАКУНИНА, 1779 — 18 . . , дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, члена Государственнаго Совѣта Александра Александровича Саблукова (р. 11 Февраля 1749 г., † 7 Мая 1828 г.), женатаго на Екатеринѣ Андреевнѣ Волковой (кавалерственная дама; † 11 Апрѣля 1820 г.), была родной сестрой генераловъ Александра (р. 22 Октября 1783 г., † 3 Марта 1857 г.) и Николая (р. 1 Мая 1776 г., † 20 Іюня 1848 г.) Саблуковыхъ, изъ которыхъ послѣдній извѣстенъ своими интересными записками о смерти Павла I.

Благодаря заботамъ матери, женщины высоко образованной и гуманной, всѣ дѣти получили весьма тщательное домашнее образованіе и прекрасно знали языки, въ томъ числѣ англійскій, къ которому въ семьѣ питали особую слабость. Около 1795 г. Екатерина Александровна вышла замужъ за камеръ-юнкера Павла Петровича Бакунина. Овдовѣвъ 24 Декабря 1805 г., она надолго пережила мужа; точно годъ смерти ея намъ неизвѣстенъ, но она скончалась послѣ 1828 года (годъ смерти ея отца, когда она еще „оплакивала его кончину“ съ братьями и сестрами).

Отъ брака съ Павломъ Петровичемъ Бакунинымъ (р. 1762 г., † 1805 г.), она имѣла двоихъ сыновей: Александра (р. 1 Августа 1797 г.; тайный совѣтникъ, губернаторъ въ Твери; женатъ былъ въ 1-мъ бракѣ на Аннѣ Борисовнѣ Зеленской, во 2-мъ—на Маріи Александровнѣ Щулепниковой) и Семена (родился въ Англіи въ 1802 г.; камергеръ, женатъ былъ на С. Н. Мухановой), и дочь Екатерину († 7 Декабря 1869 г.; въ нее былъ влюбленъ Пушкинъ; фрейлина, съ 1834 г. въ замужествѣ за А. А. Полторацкимъ, р. 7 Іюля 1792 г., † 13 Марта 1855 г.; оба погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ).

(Съ портрета, писаннаго пастелью; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

21

CATHERINE ALEXANDROWNA BAKOUNINE, 1779—18.., fille du conseiller privé actuel, sénateur et membre du Conseil de l'Empire Alexandre Alexandrowitch Sabloukoff (né le 11 février 1749, † le 7 mai 1828) et de sa femme, Catherine Andréewna Volkoff (dame de Sainte-Catherine; † le 11 avril 1820), était la sœur des généraux Alexandre (né le 22 octobre 1783, † le 3 mars 1857) et Nicolas (né le 1er mai 1776, † le 20 juin 1848) Sabloukoff, dont le dernier est connu par ses intéressants mémoires sur la mort de Paul Ier.

Sa mère, femme d'une haute instruction, donna à tous ses enfants une éducation très soignée; ils connaissaient parfaitement les langues, surtout l'anglais, qui était la langue de prédilection de la famille. Catherine Alexandrowna se maria, vers l'année 1795, avec le gentilhomme de la chambre Paul Pétrowitch Bakounine. Veuve de bonne heure, le 24 décembre 1805, elle survécut longtemps à son mari. L'année de sa mort ne nous est pas connue; elle survécut aussi à son père, qui mourut en 1828 et dont elle „pleura la mort" avec ses frères et sœurs.

Elle eut de son mariage avec Paul Pétrowitch Bakounine (né en 1762, † en 1805) deux fils, Alexandre (né le 1er août 1797; conseiller privé, gouverneur de Tver; marié en premières noces à Anne Borissowna Zélensky et en secondes à Marie Alexandrowna Chtchoulepnikoff) et Siméon (né en Angleterre en 1802; chambellan, marié à S. N. Moukhanoff), et une fille Catherine († le 7 décembre 1869; Pouchkine en fut épris; demoiselle d'honneur, mariée en 1834 à A. Poltoratzky, né le 7 juillet 1792, † le 13 mars 1855; les deux sont enterrés dans le monastère de Novodévitchy à St-Pétersbourg).

(D'après un portrait au pastel, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Екатерина Александровна Бакунина, 1779-18··

Catherine Alexandrowna Bakounine, 1779-18··

· Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

22

Княгиня **АННА МИХАЙЛОВНА ПРОЗОРОВСКАЯ**, 1747—1824, супруга генералъ-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровскаго (р. 1732 г., † 1809 г.), дочь генералъ-аншефа князя Михаила Никитича Волконскаго (р. 1713 г., † 1788 г.) отъ брака съ Елисаветой Алексѣевной Макаровой († 1782 г.), родилась 28 Іюня 1747 года; въ 1765 г. была пожалована во фрейлины. По словамъ Карабанова, была сговорена за генералъ-поручика князя Петра Михайловича Голицына, убитаго въ 1775 г. на дуэли Шепелевымъ, а послѣ вышла за князя А. А. Прозоровскаго; въ коронацію Императора Александра I, 15 Сентября 1801 г., пожалована въ статсъ-дамы, а дочь ея—во фрейлины; 18 Апрѣля 1809 г. княгиня Прозоровская получила орденъ св. Екатерины 1 кл., а въ 1813 г. сопровождала Императрицу Елисавету Алексѣевну въ путешествіи за границу, за что получила, по возвращеніи въ Петербургъ, въ знакъ признательности, небольшой портретъ Государыни въ медальонѣ, украшенномъ брильянтами, который всегда носила на груди, на цѣпочкѣ.

Отъ брака съ фельдмаршаломъ Прозоровскимъ, послѣднимъ въ родѣ, имѣла двухъ дочерей: Елену (р. 1781 г., † 1795 г.) и Анну (р. 1782 г., † 1863 г.; замужемъ за егермейстеромъ княземъ Федоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ).

Съ княгиней Анной Михайловной Прозоровской произошелъ въ жизни странный случай, едва не окончившійся трагически. Когда, въ 1795 г., умерла ея старшая дочь, Елена, смерть ея такъ подѣйствовала на княгиню, что она упала въ обморокъ, и всѣ старанія привести ее въ чувство были безуспѣшны. Доктора сочли ее мертвою; ее положили на столъ, и уже Дворъ и весь городъ спѣшили на панихиду, когда ея горничной и жившему въ ея домѣ французу доктору пришло въ голову, что княгиня не умерла, а находится въ летаргическомъ снѣ, что и оказалось на самомъ дѣлѣ. Княгиня ожила, поправилась и скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ, 29 Сентября 1824 года. Императоръ Александръ II разсказывалъ впослѣдствіи ея внучкѣ, княгинѣ Ю. Ф. Куракиной, что въ дѣтствѣ всегда пугался княгини Анны Михайловны Прозоровской, которую видалъ при Дворѣ своей бабушки, такъ какъ ему сказали, что она разъ была уже мертвой.

(Съ портрета К. Рейхеля 1816 г.; собственность князя А. А. Голицына-Прозоровскаго, с. Раменское, Московской губ.)

22

La princesse **ANNA MIKHAÏLOWNA PROZOROWSKY**, 1747—1824, épouse du général feld-maréchal prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky (né en 1732, † 1809), fille du général en chef prince Michel Nikititch Wolkonsky (né en 1713, † 1788), de son mariage avec Elisabeth Alexéewna Makaroff († 1782), naquit le 28 juin 1747; fut nommée demoiselle d'honneur en 1765. D'après Karabanoff, aurait été la promise du général lieutenant prince Pierre Mikhaïlowitch Golitzyne, tué en duel, en 1775, par Chépeleff; elle épousa le prince Prozorowsky; au couronnement de l'Empereur Alexandre Ier, le 15 septembre 1801, fut nommée dame de la Cour, et sa fille demoiselle d'honneur; le 18 avril 1809, la princesse Prozorowsky reçut l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe, accompagna ensuite, en 1813, l'Impératrice Elisabeth Alexéewna dans un voyage à l'étranger, ce qui lui valut, à son retour à St-Pétersbourg, en signe de gratitude, un petit portrait de l'Impératrice dans un médaillon enrichi de diamants, qu'elle portait toujours sur la poitrine à une chaînette.

De cet hymen avec le feld-maréchal Prozorowsky, dernier de la race, elle eut deux filles: Hélène (née en 1781, † 1795) et Anna (née en 1782, † 1863; elle épousa le veneur prince Théodore Serguéewitch Golitzyne).

Une aventure singulière eut lieu dans la vie de la princesse A. Prozorowsky, elle faillit même se terminer tragiquement. Lorsque sa fille aînée, Hélène, mourut en 1795, sa mort impressionna tellement la princesse qu'elle perdit connaissance et tous les efforts pour la ranimer demeurèrent infructueux. Les médecins la crurent morte; on la mit sur un lit de parade et déjà la Cour et toute la ville se rendaient en hâte au service funèbre, quand il vint à l'idée de sa femme de chambre et d'un docteur français, qui demeurait chez elle, que la princesse n'était pas morte, mais était tombée en léthargie, ce qui fut en effet reconnu. La princesse revint à elle, se rétablit et s'éteignit dans un âge avancé, le 29 septembre 1824. L'Empereur Alexandre II racontait dans la suite à la princesse J. Kourakine, petite-fille de cette dernière, que, dans son enfance, la princesse A. Prozorowsky, qu'il voyait à la Cour de sa grand'mère, lui causait toujours une grande frayeur, parce qu'on lui avait dit qu'elle avait déjà été morte.

(D'après un original de Ch. Reichel, 1816, appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, Ramenskoïé, gouv. de Moscou.)

Пис Рейхель, 1816

Княгиня Анна Михайловна
Прозоровская, 1747-1824

Peint par Reichel, 1816

La Princesse Anna Mikhailowna
Prozorowsky, 1747-1824

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшій князь **ХРИСТОФОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ЛИВЕНЪ**, 1774—1838, второй сынъ генералъ-майора Андрея Романовича фонъ-Ливена († 4 Февраля 1781 г.) отъ брака съ Шарлоттой Карловной фонъ-Поссе, родился въ Кіевѣ 6 Мая 1774 г.; былъ записанъ въ артиллерію въ 1779 г.; позднѣе Ливенъ сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру, несмотря на то, что 19-и лѣтъ, 29 Сентября 1789 г., былъ еще только штыкъ-юнкеромъ. Въ 1790 г., 5 Декабря, онъ былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ прапорщикомъ, а 1 Января 1791 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1794 г.—въ поручики. За это время Ливенъ участвовалъ въ Шведской войнѣ (1790 г.) и волонтеромъ въ Австрійской арміи во время кампаніи съ французами въ Нидерландахъ (1794 г.). По возвращеніи въ Россію, 20 Февраля 1796 г., Ливенъ произведенъ въ подполковники арміи, съ назначеніемъ во Владимірскій драгунскій, а затѣмъ въ Тульскій мушкатерскій полкъ. Отправленный на Кавказъ, участвовалъ въ походѣ графа В. Зубова противъ Персіи, былъ при взятіи Дербента и въ экспедиціи въ Грузію. Въ 1797 г., 27 Апрѣля, Ливенъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, а въ 1798 г., 27 Іюля, прямо произведенъ въ генералъ-майоры, съ пожалованіемъ генералъ-адъютантомъ, и назначенъ 12 Ноября начальникомъ Военно-походной канцеляріи Его Величества. Награжденный командорскимъ крестомъ Мальтійскаго ордена и Аннинской звѣздой, 22 Февраля 1799 г. Ливенъ сдѣлался графомъ вслѣдствіе пожалованія Павломъ I его матери въ графское достоинство. Въ 1805 г. графъ Ливенъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Вишау и подъ Аустерлицемъ и 28 Января 1806 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст., а въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1808 г., оставаясь генералъ-адъютантомъ, Ливенъ зачисленъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и 31 Декабря 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ Прусскомъ. Въ Берлинѣ Ливенъ оставался недолго; пожалованный 17 Февраля 1812 г. Александровской лентой, 5 Сентября того же года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ ему суждено было пробыть болѣе 20 лѣтъ, пережить смѣну царствованія и неоднократныя перемѣны курса русской политики среди трудныхъ обстоятельствъ смутнаго положенія всей Европы, требовавшихъ, можетъ-быть, болѣе крупнаго таланта. Впрочемъ, дѣятельность самого Ливена, въ качествѣ дипломата, постоянно заслоняется въ исторіи тогдашней политики яркой фигурой его супруги, извѣстной Даріи Христофоровны Ливенъ, необузданное тщеславіе которой и честолюбіе искали себѣ удовлетворенія не столько въ эксцентричныхъ поступкахъ ея частной жизни, сколько въ успѣхахъ въ роли „женщины-дипломата“ и „Сивиллы“ въ общеевропейской политикѣ. Украшенный цѣлымъ рядомъ иностранныхъ орденовъ, Ливенъ съ 1819 г. генералъ-отъ-инфантеріи, а съ 1826 г. свѣтлѣйшій князь (вслѣдствіе пожалованія этого титула матери его, графинѣ Ш. К. Ливенъ), въ этомъ же году былъ награжденъ орденомъ св. Андрея, а въ 1832 г. звѣздой св. Владиміра 1-й степени. Отозванный изъ Англіи, князь Ливенъ, 22 Апрѣля 1834 г., на основаніи § 27 учрежденія объ Императорской фамиліи, назначенъ въ званіе попечителя къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу.

Сопровождая Цесаревича въ его путешествіи по Европѣ, князь Х. А. Ливенъ скончался въ Римѣ 29 Декабря 1838 года; похороненъ въ имѣніи Мезотенъ, въ Курляндіи.

(Съ портрета Лауренса; собственность свѣтлѣйшаго князя А. Н. Ливена.)

23

Le prince CHRISTOPHE ANDRÉEWITCH LIEVEN, 1774—1838, second fils du général major André Romanowitch Lieven († 4 février 1781) et de Charlotte Karlowna Possé, sa femme, naquit à Kieff le 6 mai 1774 et fut inscrit à l'artillerie en 1779. Il fit ensuite une rapide et brillante carrière, mais, à 19 ans, le 29 septembre 1789, n'était que sous-officier. Le 5 décembre 1790, il passa enseigne au régiment Sémenowsky; le 1er janvier 1791, il devint sous-lieutenant et en 1794 lieutenant. Lieven prit part à la guerre de Suède (1790) et combattit dans les Pays-Bas les Français dans les rangs de l'armée autrichienne (1794). A son retour en Russie, le 20 février 1796, il fut promu lieutenant-colonel au régiment de dragons de Vladimir et passa ensuite dans les Mousquetaires de Toula. Envoyé au Caucase, il prit part à l'expédition du comte Zouboff contre la Perse, assista à la prise de Derbent et à l'expédition de Géorgie. Le 27 avril 1797, il devint aide de camp, le 27 juillet 1798, il fut d'emblée promu général major et aide de camp général et nommé le 12 novembre chef de la chancellerie de campagne de Sa Majesté. En possession de la croix de l'ordre de Malte et de la plaque de Ste-Anne, il fut le 22 février 1799, à la suite de sa mère, élevé à la dignité de comte par Paul Ier. En 1805, il prit part aux batailles de Vichau et d'Austerlitz, le 28 janvier 1806, il reçut St-Georges de 3e classe, et, l'année suivante, fut promu lieutenant-général. Il entra en 1808 au ministère des affaires étrangères, tout en restant aide de camp général, et le 31 décembre 1809, il fut nommé envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près du roi de Prusse. Il ne séjourna pas longtemps à Berlin; il reçut le cordon d'Alexandre le 17 février 1812, et fut appelé, le 5 septembre, au poste d'ambassadeur extraordinaire à Londres. Il y resta plus de 20 ans, survécut à un changement de règne et à des changements fréquents de la politique russe, au milieu de pénibles circonstances que traversait une Europe inquiète, circonstances qui auraient, peut-être, exigé un talent plus solide. Du reste l'activité diplomatique de Lieven paraît effacée par la brillante figure de sa femme, la fameuse Darie Khristophorowna Lieven, dont la vanité et l'ambition effrénée trouvaient satisfaction, non pas tant dans les actes excentriques de sa vie privée, que dans ses succès de „femme-diplomate“ et de „Sybille“ de la politique européenne. Lieven, couvert de décorations étrangères, général d'infanterie depuis 1819, prince sérénissime depuis 1826 (il avait bénéficié de ce titre octroyé à sa mère, la comtesse Charlotte Lieven), reçut la même année St-André et en 1832 St-Vladimir de 1e classe. Le 22 avril 1834, il fut rappelé d'Angleterre et élevé à la dignité de curateur du Grand-Duc Héritier Alexandre Nikolaewitch, plus tard l'Empereur Alexandre II.

Le prince C. A. Lieven mourut à Rome, le 29 décembre 1838, pendant le voyage du Césarévitch, qu'il accompagnait en Europe, et fut enterré dans son bien Mézoten en Courlande.

(D'après le portrait de Lawrence; propriété du prince sérénissime A. Lieven.)

Князь Христофоръ Андреевичъ Ливенъ, 1770–1838

Le Prince Christophe Andréewitch Lieven, 1770–1838

Экспе... Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture de papier de l'Etat

Княгиня ДАРЬЯ (Доротея) ХРИСТОФОРОВНА ЛИВЕНЪ, 1785—1857, дочь генерала-отъ-инфантеріи Христофора Ивановича Бенкендорфа, родилась 17 Декабря 1785 г.; мать ея, рожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, была лучшимъ другомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая послѣ смерти ея, въ 1797 г., взяла на себя заботы о ея дочеряхъ, воспитывавшихся въ Смольномъ. Старшая изъ нихъ, Доротея, еще за годъ до выпуска была пожалована фрейлиной, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи курса, въ 1800 г., была выдана Императрицей замужъ за 26-лѣтняго графа Христофора Андреевича Ливена († 1838 г.). Первые годы своей замужней жизни графиня Ливенъ провела въ Россіи, въ придворной обстановкѣ, мало ее удовлетворявшей, и она съ восторгомъ привѣтствовала назначеніе мужа въ 1810 г. посланникомъ въ Берлинъ, а 2 года спустя—въ Лондонъ. Здѣсь она сразу заняла выдающееся положеніе въ англійскомъ обществѣ, и ея салонъ скоро сдѣлался мѣстомъ собранія крупныхъ государственныхъ людей. Но на дипломатической аренѣ, въ признанномъ за нею всей Европой качествѣ „женщины-дипломата“, „дипломатической Сивиллы“, графиня Ливенъ открыто выступила только послѣ Аахенскаго конгресса, на которомъ она близко сошлась съ Меттернихомъ, котораго позднѣе возненавидѣла; съ этой интимной связью и подъ ея вліяніемъ въ ней зародилась страсть къ политикѣ и дипломатическимъ интригамъ. Политическая ея карьера была прервана въ 1834 г. назначеніемъ князя Ливена воспитателемъ Наслѣдника. Ей пришлось вернуться въ Россію, но, несмотря на блескъ высокаго положенія при Дворѣ (съ 1828 г. она была уже статсъ-дамою), строгій этикетъ придворной сферы, при охлажденіи къ мужу и привычкѣ къ свободному и независимому образу жизни, страшно ее тяготилъ. Она „тосковала по Лондону и въ великолѣпномъ Царскосельскомъ дворцѣ чувствовала себя отдаленною отъ Европы“. Здоровье ея, сильно потрясенное смертью отъ скарлатины двухъ ея младшихъ сыновей, потребовало перемѣны климата, и она воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы уѣхать въ 1835 г. за границу и никогда больше не возвращаться въ Россію. Поселившись сначала въ Баденѣ, она скоро окончательно основалась въ Парижѣ, несмотря на настоянія мужа, убѣждавшаго ее вернуться въ отечество, и на „преслѣдованія“ Императора Николая Павловича, недовольнаго ея пребываніемъ во Франціи. Впрочемъ, вліяніе ея на политику вообще очень преувеличивалось и друзьями ея, и врагами; таковъ отзывъ о ней Императрицы Евгеніи, сказавшей, что Крымская война создана была „этимъ женскимъ посольствомъ“; между тѣмъ Шатобріанъ писалъ о Ливенъ: „Une femme commune, fatigante, aride, qui n'avait qu'un seul genre de conversation, la politique vulgaire; du reste elle ne savait rien, et elle cachait la disette de ses idées sous l'abondance de ses paroles“. Смерть мужа въ 1838 г. развязала ей руки, а начавшаяся въ 1837 г., когда ей было уже 52 года, и до конца жизни бывшая „ея единственнымъ счастіемъ“ дружба съ Гизо дала ей возможность снова предаться въ Парижѣ своей страсти къ политикѣ; естественно, что ея привязанность и близость къ Гизо заставляли ее жить его интересами и содѣйствовать успѣху его плановъ всею ловкостью ея гибкаго ума, замѣнившаго обаяніе молодости.

Княгиня Ливенъ скончалась 15 Января 1857 г., въ Парижѣ, на рукахъ Гизо. Въ послѣдней своей запискѣ къ нему, писанной наканунѣ смерти, княгиня благодарила Гизо „за 20 лѣтъ счастья“. Похоронена она въ Курляндіи, въ родовомъ помѣстьѣ Мезотенъ, близъ Митавы.

Княгиня Ливенъ въ молодости не была красива; но высокаго роста, прямая и худая, съ слишкомъ длинной шеей, она имѣла гордую осанку и, по словамъ современниковъ, обладала какой-то невыразимой прелестью, отражавшеюся въ ея огненныхъ черныхъ глазахъ. При большомъ умѣ, она не отличалась ни образованностью, ни начитанностью, но владѣла въ совершенствѣ перомъ. Разсчетливая и эгоистичная, съ характеромъ прямымъ и правдивымъ, она отличалась постоянствомъ своихъ привязанностей и соединяла съ отсутствіемъ настоящей сердечности большую чувствительность. При этомъ она питала какой-то болѣзненный, неопредѣленный страхъ къ скукѣ: жизнь на виду у всѣхъ и постоянное общеніе съ умными и интересными людьми сдѣлались для нея существенною потребностью и научили ее глубокому знанію человѣческаго сердца. Этими ея качествами и недостатками одинаково объясняется ея успѣхъ средн самыхъ выдающихся государственныхъ людей ея времени; честолюбивая и не лишенная большой доли снобизма, она дорожила этими успѣхами болѣе всего и имъ же всего болѣе обязана была своею извѣстностью.

(Съ рисунка Лауренса, 1823 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La princesse DARIE (Dorothée) KHRISTOPHOROWNA LIEVEN, 1785—1857, fille du général d'infanterie Christophe Ivanowitch Benkendorf, naquit le 17 décembre 1785. Sa mère, née Schilling-von-Kanstadt, était la meilleure amie de l'Impératrice Marie Féodorowna; aussi, quand elle mourut en 1797, la Souveraine eut-elle soin de ses filles, élèves de l'institut Smolna. L'aînée, Dorothée, fut nommée demoiselle d'honneur une année avant la fin de ses études, et l'Impératrice lui fit épouser quelques mois après, en 1800, le comte Lieven, âgé de 26 ans († en 1838). La comtesse passa les premières années de sa vie conjugale en Russie, à la Cour, ce qui la contentait médiocrement, aussi accueillit-elle avec transport la nomination de son mari au poste d'ambassadeur à Berlin en 1810; deux ans plus tard, il fut transféré à Londres. Elle s'y fit à l'instant une place marquante dans la société anglaise, et son salon fut le rendez-vous des grands hommes d'Etat. Mais la comtesse Lieven ne débuta ouvertement sur l'arène diplomatique, où elle mit en œuvre ses capacités reconnues de l'Europe entière, qui lui donna le nom de „femme-diplomate", de „Sibylle diplomate", qu'après le congrès d'Aix-la-Chapelle, où elle se lia intimement avec Metternich, qu'elle vint d'ailleurs à détester quelque temps après. C'est grâce à cette liaison et sous son influence qu'elle se prit de passion pour la politique et les intrigues diplomatiques. Sa carrière politique fut interrompue en 1834 par la nomination du prince Lieven au poste de gouverneur de l'héritier. Elle dut revenir en Russie, mais, malgré sa brillante position à la Cour (elle était depuis 1828 dame d'honneur), la sévère étiquette qui y régnait, le refroidissement qu'elle ressentait à l'égard de son mari et l'habitude d'un genre de vie indépendant lui rendirent son existence pénible. Elle „regrettait Londres et, dans le superbe palais de Tzarskoé-Sélo, elle se sentait éloignée de l'Europe". Sa santé, fortement ébranlée par la perte de ses deux cadets, qui moururent de la scarlatine, exigeait un changement de climat; elle saisit cette occasion pour partir en 1835 à l'étranger et ne plus revenir en Russie. Elle habita d'abord Baden, puis elle se fixa définitivement à Paris, malgré les prières de son mari qui la persuadait de revenir dans sa patrie et les „instances" de l'Empereur Nicolas, mécontent de son séjour en France. Du reste son influence sur la politique a été en général fort exagérée et par ses amis et par ses ennemis. Telle est l'opinion de l'Impératrice Eugénie, qui disait que la guerre de Crimée avait été engendrée par „cette femme-diplomate". Chateaubriand écrivit ce qui suit de la princesse: „Une femme commune, fatiguante, aride, qui n'avait qu'un seul genre de conversation, la politique vulgaire; du reste elle ne savait rien, et elle cachait la disette de ses idées sous l'abondance de ses paroles". La mort de son mari en 1838 lui délia les mains, et son amitié avec Guizot, qui avait commencé en 1837, quand elle avait 52 ans, et qui fut jusqu'à sa mort „son unique bonheur", lui donna de nouveau la possibilité de s'adonner à la politique. Son attachement pour Guizot et son intimité avec lui lui firent naturellement vivre ses intérêts, et elle coopéra à la réussite de ses plans de toute la force de son esprit adroit et flexible, qui remplaçait en elle l'enchantement de la jeunesse. La princesse Lieven mourut à Paris, dans les bras de Guizot, le 15 janvier 1857. Dans le dernier billet qu'elle lui écrivait la veille de sa mort, elle le remerciait „pour un bonheur de 20 ans". Elle fut enterrée en Courlande, dans le domaine patrimonial de Mézoten, près de Mitau.

La princesse Lieven n'était pas belle dans sa jeunesse; grande de taille, droite et sèche et le cou long, elle avait une prestance orgueilleuse et, suivant le dire de ses contemporains, elle avait un charme inexprimable, qui se réflétait dans ses yeux noirs de feu. Elle avait un grand esprit; elle ne se distinguait pas par l'instruction et la lecture, mais elle était maître dans l'art d'écrire. Econome et égoïste, elle avait un caractère droit et juste, ses attachements étaient constants et, si l'on remarquait en elle l'absence de vraie cordialité, on voyait par contre sa grande sensibilité. Elle éprouvait une certaine crainte maladive, indéterminée de l'ennui. Une vie en plein jour et de constantes relations avec les savants et les hommes intéressants étaient pour elle une nécessité et elle y puisa une connaissance profonde du cœur humain. Ses qualités ainsi que ses défauts expliquent ses succès auprès des hommes d'Etat les plus distingués de son temps et, comme elle était ambitieuse et avait une grande dose de snobisme, elle tenait à ses succès plus qu'à autre chose et c'est à eux qu'elle doit le plus sa célébrité.

(D'après le dessin de Lawrence, 1823, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис: Лоренсъ – Peint par Lawrence

Княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, 1785-1857 | La Princesse Daria Khristoforowna Lieven, 1785-1857

Экспед. Заот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Et

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ХРАПОВИЦКІЙ, 1749—1801, сынъ бригадира и сержанта Лейбъ-Компаніи Василія Ивановича отъ второго брака съ Еленой Михайловной Сердюковой, по преданію, дочерью Петра Великаго, родился 7 Марта 1749 г. и былъ крестникомъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича; записанный въ Семеновскій полкъ, воспитанникъ Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, произведенный въ 1766 г. въ поручики, Храповицкій съ юныхъ лѣтъ получилъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, поддержанную въ немъ одобреніями самого Ломоносова. Онъ занимался переводами, писалъ стихи и „трагедіи“. Уже въ 1772 г. Новиковъ въ своемъ „Словарѣ“ говорилъ о немъ: „Молодой и острый человѣкъ, любитель словесныхъ наукъ; писалъ много разныхъ стихотвореній и былъ похваленъ письмомъ г. Сумарокова“; его переводы „всѣ за чистоту слога, а сочиненія также и за остроту знающими людьми весьма похваляются“. Въ то же время, состоя при графѣ К. Г. Разумовскомъ, Храповицкій былъ учителемъ извѣстнаго Радищева. Записанный въ масонскую ложу Елагина, человѣкъ для своего времени широко образованный, обладавшій бойкимъ перомъ, онъ, перейдя на службу въ Сенатъ, въ 1777 г. былъ уже оберъ-секретаремъ и любимцемъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго: по словамъ Державина, „онъ ввелъ легкій и пріятный слогъ въ канцелярскія дѣла“, а Дмитріевъ „въ способности къ письмоводству“ могъ сравнить его „развѣ только со Сперанскимъ“. 18 Января 1782 г. Храповицкій опредѣленъ статсъ-секретаремъ Императрицы „при собственныхъ ея дѣлахъ“ и, пробывъ въ этой должности 11 лѣтъ, сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ ей и довѣреннымъ лицомъ. Памятникомъ этого періода его жизни остался его знаменитый „Дневникъ“, ежедневная краткая запись всего, что видѣлъ и слышалъ Храповицкій въ кабинетѣ Екатерины II, съ подлиннымъ текстомъ всѣхъ словъ, отзывовъ и замѣчаній Императрицы; не своей литературной и служебной дѣятельностью, а этимъ „Дневникомъ“ Храповицкій заслужилъ право на память въ исторіи: ни одна книга не дастъ лучшаго понятія объ умѣ, характерѣ и домашней жизни Екатерины II. Но этотъ же „Дневникъ“, о которомъ провѣдала Императрица, былъ причиной удаленія отъ должности любимаго статсъ-секретаря, за котораго Екатерина „руку свою готова была дать на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ“. Ревнивая къ своей славѣ, Екатерина любила быть „Минервой“, но не хотѣла перейти въ потомство со всѣми слабостями, слезами, особенностями обыкновенной женщины: 2 Сентября 1793 г. Храповицкій былъ назначенъ сенаторомъ. Искренній почитатель Екатерины, онъ, и оставивъ дворъ, убѣждалъ своего друга Державина воспѣвать неравнодушную къ похваламъ „Фелицу“,—„владычицу Киргизскую“.

„Тучный собой, имѣлъ Храповицкій нравъ гибкій, вкрадчивый и долженъ стать на ряду съ утонченными придворными: онъ умѣлъ ладить съ Вяземскимъ и Безбородкою, познакомился у Завадовскаго съ Мамоновымъ, былъ друженъ съ камердинеромъ Зотовымъ“, когда же вступилъ на престолъ Павелъ, Храповицкій это „всевожделѣнное“ вступленіе привѣтствовалъ одою, за что получилъ Аннинскую ленту.

„Увѣряютъ, будто Храповицкій, при всѣхъ достоинствахъ, имѣлъ одинаковую слабость съ безсмертнымъ Ломоносовымъ, только предавался оной, ложась спать, въ надеждѣ, что не будетъ потребованъ во дворецъ“, когда же, по словамъ графа Блудова, „Екатерина звала его къ себѣ невзначай, не въ урочное утреннее время, то Храповицкому приходилось окачиваться холодной водою, чтобы предстать Монархинѣ въ сколько-нибудь благообразномъ видѣ“: въ этихъ случаяхъ онъ переживалъ непріятныя минуты. Храповицкій не былъ усерднымъ сенаторомъ и писалъ: „Шалитъ въ Сенатѣ братья наша, ‖ Изъ многихъ дѣлъ выходитъ каша: ‖ У многихъ свой червякъ въ мозгу“! Въ обществѣ онъ былъ „утороплен и застѣнчивъ, но предъ всѣми учтивъ и ласковъ; съ друзьями же живъ, остеръ и любезенъ, говорилъ съ точностью, складно и скоро“; по словамъ Карамзина, онъ былъ „добрый человѣкъ, хотя и худой стихотворецъ“.

А. В. Храповицкій не былъ женатъ, но отъ Прасковьи Ивановны Гурьевой (р. 9 Октября 1757 г., † 16 Октября 1813 г.; похоронена на Фарфоровомъ кладбищѣ) у него было 4 сына (въ малолѣтствѣ утверждены въ дворянствѣ, записаны въ гвардію, получили фамилію и права законныхъ дѣтей) и 2 дочери. Прилагаемый портретъ, изображающій Храповицкаго въ концѣ его жизни (послѣ 1797 г.; совершенно неизвѣстный), идетъ изъ его потомства.

Получивъ 15 Сентября 1801 г. отъ Александра I чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника, Храповицкій умеръ въ томъ же году, 29 Декабря, и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго г-жѣ А. Ф. Фуксъ, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH KHRAPOWITZKY, 1749—1801, fils du brigadier et sergent de l'escorte impériale, Basile Ivanowitch, et de sa femme en secondes noces, Hélène Mikhaïlowna Serdioukoff, que la légende dit être la fille de Pierre-le-Grand, naquit le 7 mars 1749 et était le filleul du Grand-Duc Pierre Féodorowitch. Elève du corps des cadets, il fut inscrit au régiment Sémenowsky et fut promu lieutenant en 1766. Khrapowitzky eut, dès ses jeunes années, des dispositions littéraires, que Lomonossoff encourageait. Il s'occupait de traductions, écrivait des vers et des „tragédies". Novikoff écrivait de lui en 1772 dans son dictionnaire: „C'est un jeune homme subtil, aimant la littérature; il a fait beaucoup de différents vers et M. Soumarokoff fit son éloge par lettre"; ses traductions „étaient toutes fort bien accueillies par les personnes compétentes pour la pureté de leur style et ses compositions joignaient à cette qualité beaucoup de finesse". C'est vers la même époque que, se trouvant auprès du comte K. G. Razoumowsky, il devint le maître du fameux Radichtcheff. Il était membre de la loge Elaguine, c'était un homme très instruit pour son temps, il possédait une plume vigoureuse; aussi, quand il entra au Sénat en 1777, il était déjà premier secrétaire et le favori du procureur-général le prince Viazemsky. Suivant Derjavine, „il introduisit dans les dossiers de chancellerie un style léger et agréable", et Dmitrieff déclare que „ses capacités de secrétaire" ne pouvaient le faire comparer „qu'à Spéransky". „Le 18 janvier 1782, Khrapowitzky fut nommé secrétaire d'Etat de l'Impératrice pour ses propres affaires"; il remplit onze ans ces fonctions, sut se rendre indispensable et devint la personne de confiance de la Souveraine. Le monument littéraire de cette période de sa vie restera son célèbre „journal", court aperçu quotidien de tout ce qu'il avait vu et entendu dans le cabinet de Catherine II, avec le texte original de tous les dires et de toutes les remarques de l'Impératrice. C'est ce „journal" et non son service et son activité littéraire qui lui donna le droit de survivre dans l'histoire; aucun livre en effet ne nous donne une meilleure idée de l'esprit, du caractère et de la vie privée de Catherine II. Mais ce fut aussi ce „journal", dont l'Impératrice eut vent, qui fut cause du congé donné au secrétaire d'Etat favori; Catherine „était prête à mettre la main au feu que Khrapowitzky n'exerçait pas de concussions". Mais jalouse de sa gloire, elle voulait être „Minerve" et ne désirait point passer à la postérité avec toutes les faiblesses, les larmes et les autres particularités d'une femme ordinaire. Le 2 septembre 1793, Khrapowitzky devint sénateur. Sincère admirateur de Catherine, il persuada, après avoir quitté la Cour, à son ami Derjavine de chanter „Félitza",—„la Souveraine des Kirghiz" qui était sensible aux louanges.

„Khrapowitzky était obèse, il avait un caractère flexible, insinuant et pouvait se comparer aux courtisans les plus raffinés; il sut s'entendre avec Viazemsky et Bezborodko, fit chez Zavadowsky la connaissance de Mamonoff, était ami du valet de chambre Zotoff". Quand Paul monta sur le trône, Khrapowitzky célébra cet avènement „désiré de tous" dans une ode qui lui valut le cordon de Ste-Anne.

„On assure que Khrapowitzky avec toutes ses qualités avait la faiblesse de l'immortel Lomonossoff; il s'y adonnait seulement, en se couchant, dans l'espoir de n'être pas appelé à la Cour; „quand Catherine", selon le dire du comte Bloudoff, „l'appelait chez elle inopinément et non le matin à heure fixe, il était obligé de s'arroser d'eau froide pour se présenter convenablement à l'Impératrice". Il eut, sous ce rapport, des minutes fort désagréables à passer. Khrapowitzky n'était point un zélé sénateur: „Nos frères font des sottises au Sénat", écrit-il, „beaucoup d'affaires n'y aboutissent qu'à un gâchis; plusieurs ont une araignée dans le plafond". Il était dans la société „toujours pressé, embarrassé et timide, mais affable et caressant avec tous; il était avec ses amis vif, subtil, aimable, il parlait avec précision, couramment et vite"; suivant Karamzine, „c'était un bon homme, quoique mauvais versificateur".

A. V. Khrapowitzky ne fut pas marié, mais il eut de Prascovie Ivanowna Gourieff (née le 9 octobre 1757, † le 16 octobre 1813, et enterrée au cimetière de la fabrique de porcelaine) 4 fils (anoblis encore enfants et inscrits dans la garde; ils reçurent tous les droits des enfants légitimes) et deux filles. Le portrait ci-joint, représentant Khrapowitzky à la fin de sa vie (après 1797 et inconnu jusqu'à ce jour), nous vient de ses descendants.

Il reçut le 15 septembre 1801 d'Alexandre Ier le titre de conseiller privé et mourut la même année, le 29 décembre. Il est enterré au cimetière Lazareff, à la laure d'Alexandre Newsky.

(D'après le portrait, appartenant à Mme A. Fukhs, à St-Pétersbourg.)

Александръ Васильевичъ
Храповицкій, 1749–1801

Alexandre Vassiliewitch
Khrapovitzky, 1749–1801

Экспед. Заот. Госуд. Бумаг. — Manufacture de papier de l'Etat

Князь АДАМЪ-ЮРІЙ АДАМОВИЧЪ ЧАРТОРИЖСКІЙ, 1770—1861, польскій политическій дѣятель, русскій министръ Иностранныхъ дѣлъ и попечитель Виленскаго учебнаго округа. Среди политическихъ бурь, наполнявшихъ исторію Польши во второй половинѣ XVIII вѣка и приведшихъ къ ея раздѣлу между сосѣдями, отецъ Чарторижскаго, князь Адамъ-Казиміръ, и мать княгиня Изабелла, рожденная Флеммингъ, извѣстная „матка ойчизны“, играли не маловажную роль: послѣ смерти короля Августа III, князь Адамъ-Казиміръ былъ даже кандидатомъ на Польскій престолъ, но поступился своими правами въ пользу двоюроднаго своего брата, Станислава Понятовскаго, бывшаго избранникомъ Императрицы Екатерины II. Патріотическая дѣятельность родителей Чарторижскаго наложила на его судьбу особый отпечатокъ, такъ что въ теченіе всей жизни онъ поставлялъ себѣ единственной цѣлью стремиться къ возрожденію Польши. Довершивъ свое домашнее образованіе путешествіемъ за границу, князь Адамъ уже въ 1792 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, но послѣдовавшая за вторымъ раздѣломъ Польши конфискація имѣній Чарторижскихъ вынудила князя Адама, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, отправиться ко двору Екатерины, въ Петербургъ, ходатайствовать о снятіи конфискаціи. Въ Петербургѣ Чарторижскимъ много помогъ своимъ вліяніемъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, извѣстный своею дружбой съ ихъ матерью; даже, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, самъ князь Адамъ былъ плодомъ его связи съ ней. Обласканный Императрицей, Чарторижскій былъ зачисленъ въ придворный штатъ и имѣлъ случай сблизиться съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, либеральныя настроенія котораго, казалось, могли содѣйствовать дѣлу возсозданія Польши; образованный и ловкій полякъ умѣлъ въ то же время пріобрѣсти довѣріе и супруги его, Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, близкія отношенія Чарторижскаго къ великокняжеской четѣ явились причиною удаленія его изъ Россіи, съ назначеніемъ посланникомъ ко двору Сардинскаго короля. Въ 1801 г., по кончинѣ Павла I, Императоръ Александръ тотчасъ вызвалъ друга своего въ Петербургъ и сдѣлалъ его членомъ „негласнаго комитета“ для обсужденія предположенныхъ реформъ въ Россіи и вслѣдъ затѣмъ помощникомъ Государственнаго канцлера А. Р. Воронцова, по удаленіи котораго въ деревню, Чарторижскій вступилъ въ управленіе министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Цѣлью Чарторижскаго явилось (путемъ коалиціи противъ Наполеона съ Англіей и Австріей) измѣненіе политической карты Европы для возстановленія Польскаго королевства, чему Александръ выражалъ большое сочувствіе; однако, пораженіе при Аустерлицѣ, неудачи Прусской кампаніи и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе Александра съ Наполеономъ помѣшали осуществленію этого плана. Чарторижскій долженъ былъ отказаться отъ управленія министерствомъ и заняться дѣлами ввѣреннаго ему Виленскаго учебнаго округа, при чемъ всѣ старанія Чарторижскаго направлены были къ колонизаціи края; вліяніе его на Императора оставалось еще довольно сильнымъ, и образованіе на Вѣнскомъ конгрессѣ Царства Польскаго, въ политической уніи съ Россіей, было въ значительной степени слѣдствіемъ его внушеній. Но Императоръ Александръ въ это время уже началъ понимать конечныя цѣли Чарторижскаго и не назначилъ его намѣстникомъ вновь созданнаго Царства, что было завѣтной его мечтою, а въ 1823 г. даже назначилъ слѣдствіе по дѣламъ Виленскаго округа и удалилъ Чарторижскаго отъ должности попечителя. Возстаніе въ Польшѣ 1830 г. вызвало его въ Варшаву, гдѣ онъ занялъ должность президента Сената и національнаго правительства; о немъ стали уже говорить, какъ о будущемъ королѣ Польши, но усмиреніе возстанія положило навсегда предѣлъ его политической дѣятельности и принудило его эмигрировать во Францію. Впрочемъ, до конца своей жизни онъ оставался знаменемъ польскаго дѣла, а его домъ въ Парижѣ, Hôtel Lambert, центромъ объединяющей дѣятельности „бѣлыхъ“ польскихъ эмигрантовъ. Онъ оставилъ послѣ себя „Записки“, весьма важныя для русской исторіи конца XVIII и начала XIX вѣка, несмотря на односторонность политической тенденціи ихъ автора и завѣдомыя умолчанія о многихъ существенныхъ фактахъ его богатой событіями жизни.

(Съ портрета Олешкевича; Московскій Румянцевскій музей.)

Le prince ADAM-YOURI ADAMOWITCH CZARTORYSKY, 1770—1861, homme politique polonais, ministre des Affaires étrangères de Russie et curateur de l'arrondissement scolaire de Vilna. Dans les orages politiques qui remplirent l'histoire de la Pologne pendant la seconde moitié du XVIIIe siècle et aboutirent à son partage entre ses voisins, le père de Czartorysky, le prince Adam-Casimir, et sa mère, la princesse Isabelle, née Flemming, la fameuse Mère de la Patrie, jouèrent un rôle important: à la mort du roi Auguste III, le prince Adam-Casimir fut même candidat au trône de Pologne, mais renonça à ses droits en faveur de son cousin Stanislas Poniatowsky, l'élu de l'Impératrice Catherine II. L'activité patriotique des parents de Czartorysky imprima à sa destinée un cachet particulier: le but unique de toute sa vie fut le rétablissement de la Pologne. Après avoir complété par un voyage à l'étranger l'éducation reçue au foyer paternel, le prince Adam prit part dès 1792 aux opérations militaires contre les Russes, mais le second partage entraîna la confiscation des biens de la famille, et il dut aller avec son frère Constantin à la Cour de St-Pétersbourg, solliciter la main-levée de Catherine II. Là, les deux frères trouvèrent une aide puissante près du prince Nicolas Repnine, connu pour son amitié avec leur mère: selon certains contemporains, le prince Adam lui-même aurait été le fruit de cette liaison. Comblé d'amitiés par l'Impératrice, il fut attaché à la Cour et eut l'occasion de se lier avec le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, dont les dispositions libérales semblaient pouvoir favoriser la cause de la restauration de la Pologne; l'adroit et instruit Polonais sut en même temps gagner également la confiance de sa femme, la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna. A l'avènement de l'Empereur Paul, ses relations avec le couple grand-ducal le firent éloigner de Russie et envoyer comme ambassadeur à la cour du roi de Sardaigne. En 1801, à la mort de Paul Ier, l'Empereur Alexandre rappela tout de suite son ami à Pétersbourg et le fit membre du Comité secret chargé d'étudier les projets de réformes, puis adjoint au chancelier A. Worontzoff, à la disgrâce duquel il lui confia le ministère des Affaires étrangères. Le but de Czartorysky était de former, avec l'Angleterre et l'Autriche, une coalition contre Napoléon pour restaurer, à la faveur d'un remaniement de la carte de l'Europe, le royaume de Pologne. Ce plan avait l'approbation d'Alexandre, mais la défaite d'Austerlitz, les échecs de la campagne de Prusse et le rapprochement qui suivit avec Napoléon en empêchèrent la réalisation. Czartorysky dut quitter le ministère pour prendre l'administration de l'arrondissement scolaire de Vilna, où il employa tous ses efforts à la colonisation du pays; son influence sur l'Empereur était restée encore assez forte, et la formation, au Congrès de Vienne, d'un royaume de Pologne sous le sceptre russe fut en grande partie le résultat de ses insinuations. Mais l'Empereur, qui alors commençait déjà à percer ses intentions à jour, ne l'en fit pas vice-roi, ce qui était son rêve, et ordonna même, en 1823, une enquête dans l'arrondissement de Vilna, qui aboutit à la révocation du curateur. L'insurrection de 1830 rappela Czartorysky à Varsovie, comme président du Sénat et du gouvernement national; on le faisait même déjà roi de Pologne, quand la répression de l'insurrection mit fin pour toujours à sa carrière politique et l'obligea d'émigrer en France. Il resta d'ailleurs jusqu'à la fin de ses jours le porte-drapeau de la cause polonaise, et sa maison à Paris, l'Hôtel Lambert, fut le quartier-général des Blancs. Il a laissé des Mémoires, très importants pour l'histoire de Russie de la fin du XVIIIe et du commencement du XIXe siècle malgré l'exclusivisme de ses tendances politiques et son silence intentionnel sur nombre de faits essentiels de sa vie si remplie d'événements.

(D'après l'original d'Olechkewitch, Musée Roumiantzeff, Moscou.)

Пис. Олешкевичъ — Peint par Oleschkewitch

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій, 1770-1861 | Le Prince Adam Adamowitch Czartorysky, 1770-1861

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь **ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮФЯКИНЪ**, 1769—1845, сынъ князя Ивана Петровича Тюфякина (1740—1804), бывшаго „командиромъ“ Императорскихъ Московскихъ дворцовъ и садовъ, отъ брака съ княжной Маріей Александровной Долгорукой, родился въ 1769 г.; началъ службу въ Семеновскомъ полку; въ 1793 г. былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ двора Великаго Князя Александра Павловича и, спустя пять лѣтъ, пожалованъ въ камергеры; 20 Апрѣля 1799 г. Тюфякинъ, въ чинѣ подпоручика, былъ уволенъ отъ службы и сосланъ Императоромъ Павломъ I въ Москву. Воцареніе Александра Павловича, повидимому, не отразилось на его судьбѣ въ такой мѣрѣ, какъ онъ того желалъ, и, по словамъ Вигеля, „видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ царя, онъ съ досады поселился въ Парижѣ“. Впрочемъ, уже въ 1812 г., 4 Апрѣля, состоялось назначеніе Тюфякина, какъ знатока театровъ, вице-директоромъ и присутствующимъ въ Конторѣ театральной дирекціи, для управленія хозяйственной частью.

Князь Тюфякинъ оказался дѣловитымъ и энергичнымъ администраторомъ; онъ скоро завоевалъ себѣ выдающееся положеніе и расширилъ свою компетенцію, въ особенности послѣ ухода въ отставку его непримиримаго врага по службѣ въ дирекціи — князя А. А. Шаховского. Ему удалось быстро поправить финансовое положеніе Императорскихъ театровъ, которые, вмѣсто дефицита, стали приносить доходъ. Дѣятельность его была оцѣнена Государемъ: Тюфякинъ былъ пожалованъ въ гофмейстеры (22 Іюня 1816 г.), орденомъ св. Владиміра 2-й степени, 14 Февраля 1818 г. удостоенъ Высочайшей благодарности, при рескриптѣ, а 6 Апрѣля 1819 г., по выходѣ въ отставку А. Л. Нарышкина, былъ назначенъ главнымъ директоромъ. Онъ съ неменьшимъ рвеніемъ продолжалъ служить театру, и время его дирекціи одинъ изъ современниковъ называетъ „апогеемъ всѣхъ трупъ“. Впрочемъ, враги Тюфякина не дремали, и интрига сдѣлала свое дѣло: 24 Октября 1821 г. послѣдовалъ указъ, коимъ князь Тюфякинъ „вовсе увольнялся отъ управленія театрами“, и на его мѣсто назначался дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Майковъ.

Князь Тюфякинъ уѣхалъ за границу, гдѣ и провелъ остальную часть жизни. Въ 1841 г. онъ былъ уволенъ отъ должности дѣйствительнаго камергера, въ званіи гофмейстера и командора Мальтійскаго ордена. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ 19 Февраля 1845 года. Въ Парижѣ, между прочимъ, его видѣлъ князь П. А. Вяземскій, отозвавшійся о немъ, какъ о „любезномъ“ человѣкѣ, „парижскій домъ котораго былъ очень гостепріименъ для туземцевъ и для заѣзжихъ земляковъ“. А. И. Тургеневъ, попавшій въ Январѣ 1828 г. на балъ къ Тюфякину, сообщилъ въ письмѣ къ своему брату Николаю Ивановичу слѣдующія подробности: „Вчера былъ на балѣ у князя Тюфякина, который собралъ всѣхъ красавицъ и fashionables Парижа, всю знать и проч.... Онъ живетъ на бульварѣ, противъ театра; убралъ картинами, книгами и коврами домъ свой.... словомъ, сибаритствуетъ и даетъ изрѣдка балы, надъ коими парижане иногда смѣются, но куда всѣ попасть желаютъ и подличаютъ ему изъ-за приглашенія. Онъ угощаетъ роскошно, но чаемъ и конфектами, а не по-русски. Я видѣлъ тутъ и дворъ и городъ: многихъ, о коихъ зналъ только по слуху; были и фельдмаршалы Наполеона, и капитаны гвардіи короля“... Д. Н. Свербеевъ, разсказывая о житьѣ Тюфякина въ Парижѣ, передаетъ, будто бы онъ былъ близокъ съ одной изъ парижскихъ актрисъ, Mlle Irma, съ которой всюду появлялся и былъ поэтому „предметомъ постоянныхъ печатныхъ насмѣшекъ въ мелкихъ парижскихъ журналахъ, какъ, напр., „Migoir“, и проч.; тамъ окрестили его княземъ „Tout-faquin“. Современники оставили о князѣ Тюфякинѣ совершенно противоположные отзывы: по словамъ Вигеля, онъ былъ „скученъ, несносенъ, своенравенъ и зналъ одни только чувственныя наслажденія“. „Обращеніе князя Тюфякина съ артистами доходило иногда до безобразнаго самоуправства и цинизма“, говоритъ о немъ П. П. Каратыгинъ, подмѣтившій у князя „монгольскія замашки“; тогда какъ его сослуживецъ Р. М. Зотовъ свидѣтельствуетъ, что Тюфякинъ „былъ обходительнаго права и благороднѣйшихъ правилъ, часто очень вспыльчивъ, но отходчивъ и снисходителенъ“.

Князь П. И. Тюфякинъ былъ женатъ на фрейлинѣ Екатеринѣ Осиповнѣ Хорватъ (р. 1777 г., † 6 Марта 1802 г.; погребена въ Сергіевской Пустыни, въ склепѣ графовъ Зубовыхъ), дочери генералъ-лейтенанта, бывшаго Воронежскаго, а затѣмъ Екатеринославскаго губернатора, и жены его, Анны Александровны Зубовой, сестры фаворита князя Платона Зубова. Князь Тюфякинъ умеръ бездѣтнымъ, и съ его смертью пресѣкся родъ князей Тюфякиныхъ, отрасли князей Оболенскихъ.

(Съ портрета Липуйля, 1838 г.; собственность князя Д. Н. Долгорукаго, с. Волынщина, Московской губ.)

Le prince PIERRE IVANOWITCH TUFIAKINE, 1769—1845, fils du prince Ivan Pétrowitch Tufiakine (1740—1804), ancien commandant des Palais et Jardins Impériaux de Moscou, et de Marie Alexandrowna, née princesse Dolgorouky, naquit en 1769. Entré au service au régiment Sémenowsky, il devint en 1793 gentilhomme de la chambre à la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, et, cinq ans plus tard, chambellan. Le 20 avril 1799, alors sous-lieutenant, il fut destitué par l'Empereur Paul Ier et relégué à Moscou. L'avènement d'Alexandre ne semble pas avoir eu sur son sort toute l'influence qu'il aurait désirée, et, dit Wiegel, „se voyant déçu dans son espoir de devenir favori de l'Empereur, de dépit il alla se fixer à Paris". D'ailleurs, dès 1812, le 4 avril, il fut nommé, comme connaisseur en matière théâtrale, sous-directeur et membre du Bureau de la Direction des Théâtres, pour la partie administrative. Administrateur entendu et énergique, il se fit bientôt une situation éminente et élargit le cercle de sa compétence, surtout après la retraite de son implacable ennemi au service de la direction, le prince A. Chakhowskoï. Il eut vite fait de rétablir les finances des Théâtres Impériaux, et le déficit fit place au bénéfice. Son administration fut appréciée par l'Empereur: il fut fait maître de la Cour le 22 juin 1816, décoré de St-Vladimir de 2e classe, honoré le 14 février 1818 d'un rescrit lui exprimant la gratitude de Sa Majesté, et, le 6 avril 1819, à la retraite de A. Narychkine, nommé directeur général. Son zèle au service du théâtre ne se ralentit nullement, et un contemporain appelle l'époque de sa direction „l'apogée de toutes les troupes". D'ailleurs ses ennemis ne s'endormaient pas, et l'intrigue fit son œuvre: un oukaze du 24 octobre 1821 lui „retirait complètement la direction des Théâtres", pour le remplacer par le conseiller d'état actuel A. Maïkoff.

Le prince Tufiakine partit pour l'étranger, où il passa le reste de sa vie. En 1841, il fut dépouillé de ses fonctions de chambellan actuel, et de ses dignités de maître de la Cour et de commandeur de l'Ordre de Malte. Il passa ses dernières années à Paris, où il mourut le 19 février 1845. Il y vit, entre autres, le prince P. Viazemsky, qui parle de lui comme d'un homme „aimable", „ouvrant largement sa maison de Paris aux français et à ses concitoyens de passage". A. Tourguéneff, qui se trouva à un bal chez lui en janvier 1828, communique par lettre à son frère Nicolas les détails suivants: „Hier, j'ai été à un bal chez le prince Tufiakine, qui avait réuni toutes les beautés et les fashionables de Paris, toute l'aristocratie, etc.... Il habite sur le boulevard, en face du théâtre: tout est garni de tableaux, de livres et de tapis; en un mot, c'est un sybarite. Il donne assez rarement des bals, dont les Parisiens se moquent quelquefois, mais tout le monde veut en être, et ce ne sont que révérences pour se faire inviter. Il traite magnifiquement: mais du thé et des bonbons, pas à la russe! J'ai vu là et la Cour et la ville: beaucoup de gens que je ne connaissais que pour en avoir entendu parler; et de tous les camps, des feld-maréchaux de Napoléon et des capitaines de la Garde Royale"... D. Sverbéeff, à propos du séjour de Tufiakine à Paris, prétend qu'il était intime d'une actrice parisienne, Mlle Irma, et qu'il la montrait partout, s'attirant ainsi les railleries continuelles des petits périodiques de Paris, comme le Miroir et autres, qui l'avaient baptisé le prince Tout-Faquin. Les contemporains sont d'opinions absolument opposées sur son compte: Wiegel le trouve „ennuyeux, insupportable, capricieux et ne connaissant que les plaisirs sensuels". „Son attitude avec les artistes allait parfois jusqu'aux voies de fait et à un cynisme sans nom", dit de lui P. Karatyguine, qui lui avait remarqué „des allures à la mongole"; par contre, au témoignage de son collègue R. Zotoff, „c'était un caractère affable et un parfait galant homme, parfois très emporté, mais sans rancune et débonnaire".

Le prince Tufiakine avait épousé la demoiselle d'honneur Catherine Ossipowna Khorvat (1777—6 mars 1802, inhumée au monastère St-Serge, dans la crypte des comtes Zouboff), fille d'un général lieutenant gouverneur de Voronèje, puis d'Ekatérinoslav, et d'Anne Alexandrowna, née Zouboff, sœur du favori prince Platon Zouboff. Le prince Tufiakine mourut sans enfants: avec lui s'éteignit la race des princes Tufiakine, branche de celle des princes Obolensky.

(D'après l'original de Lipouille, 1838, appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

Пис. Липуйль, 1838

Князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, 1769–1845

Peint. par Lypoul, 1838

Le Prince Pierre Ivanowitch Tioufiakine, 1769–1845

Экспед Загот Госуд Бумагъ. Manufacture des papiers de l'Etat

Княжна **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ХОВАНСКАЯ**, 1762—1813, и **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ХРУЩОВА**, 1761— ..... Княжна Екатерина Николаевна Хованская, дочь умершаго въ 1775 г. полковника князя Николая Васильевича Хованскаго отъ брака съ Маріей Николаевной Щепотьевой, родилась въ 1762 году (годъ рожденія ея подъ портретомъ ея не точенъ) и, поступивъ въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ въ 1767 г., окончила курсъ со вторымъ выпускомъ въ 1779 г.; въ Маѣ 1786 г., княжна Хованская вышла замужъ за Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, впослѣдствіи статсъ-секретаря Императора Павла, сенатора, почетнаго опекуна Воспитательнаго дома. Въ 1798 г. Нелединскій получилъ приказаніе удалиться отъ Двора; переселившись въ Москву, Нелединскіе зажили открытымъ домомъ, въ кругу многочисленной родни и друзей, среди которыхъ было не мало выдающихся литераторовъ. Но слабое здоровье Екатерины Николаевны доставляло много безпокойства ея мужу, окружавшему ее всевозможными попеченіями. Страдая мучительною внутреннею болѣзнью, женщина крайне слабая и нервная, очень впечатлительная и увлекающаяся, Е. Н. Нелединская вынесла изъ полученнаго въ Смольномъ воспитанія большую любовь къ театру и особенно восторгалась извѣстной актрисой Семеновой.

При нашествіи Наполеона, безпокойства этого тяжелаго времени такъ сильно повліяли на нее, что нервныя страданія ея усилились до степени опасной болѣзни, что побудило Нелединскаго въ Январѣ 1813 г. просить о переводѣ его въ Петербургскій Сенатъ. Мысль о возвращеніи въ Петербургъ очень обрадовала Екатерину Николаевну, но ей не суждено было дожить до этого. Она скончалась въ Ярославлѣ 13 Апрѣля 1813 г.; тѣло ея было перевезено въ Москву и предано землѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ХРУЩОВА, дочь премьеръ-майора Николая Семеновича Хрущова, умершаго до 1798 г., женатаго на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Волконской. Время ея рожденія можетъ быть приблизительно опредѣлено около 1761 г. (въ подписи подъ ея портретомъ годъ не вѣренъ), такъ какъ извѣстно, что она окончила курсъ во второмъ выпускѣ въ 1779 г., слѣдовательно, поступила въ Смольный въ 1767 г., а принимались туда дѣвочки не старше 6-и лѣтъ. Имя ея сохранилось въ лѣтописяхъ Смольнаго монастыря, не благодаря успѣхамъ въ наукахъ, а по участію, принятому ею въ праздникѣ 24 Іюля 1777 г., данномъ въ институтѣ въ присутствіи Екатерины II и короля Шведскаго Густава III, на которомъ она выступила въ операѣ „Земира и Азоръ“. „Въ одной сценѣ“, сказано въ описаніи этого праздника въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, „въ которой дѣвица Хрущова представляла безобразнаго Азора, чарованіе, надъ нимъ произведенное, долженствовало исчезнуть при сорваніи береженнаго имъ цвѣтка для Божества благотворительнаго. Цвѣтокъ былъ сорванъ по предсказанію, и госпожа дѣвица Хрущова, при названіи имени Великой Екатерины, сняла съ себя страшную маску, воспріяла прежній свой образъ, но, произнося нѣкоторыя благодарныя изреченія, относительныя къ своей Покровительницѣ или паче къ своему благотворительному Божеству, окропилась ручьями слезъ, и изліяніе нѣжныхъ ея чувствъ прерывало слова ея“... Игра Хрущовой особенно понравилась королю Шведскому, пожаловавшему, „изъ отмѣннаго своего къ воспитывающимся усердія, брильянтовое сердечко дѣвицѣ Е. Н. Хрущовой“. По тому же случаю „нѣкто, Чувствительный Гражданинъ“, сочинилъ слѣдующіе стихи:

„Нарекши чтимое межъ нами Божество,
Хрущова наконецъ волшебство низложила,
Но въ насъ произвела другое чаровство:
Она пріятностьми сердца обворожила“.

О послѣдующей судьбѣ Хрущовой, равно какъ о времени ея кончины и мѣстѣ погребенія, свѣдѣній намъ найти не удалось, но имѣется указаніе, что она была замужемъ за полковникомъ Фонъ-Ломанъ.

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

La princesse **CATHERINE NIKOLAEWNA KHOVANSKY**, 1762—1813, et **CATHERINE NIKOLAEWNA KHROUCHTCHOFF**, 1761— ..... La princesse Catherine Nikolaewna Khovansky, fille du prince Nicolas Vassiliewitch Khovansky († 1775), colonel, et de Marie Nikolaewna, née Chtchépotieff, naquit en 1762 (la date donnée sous le portrait est inexacte), et, entrée en 1767 à Smolna, en sortit en 1779 dans la seconde promotion. Elle épousa en mai 1786 Youri Alexandrowitch Nélédinsky-Méletzky, dans la suite secrétaire d'Etat de l'Empereur Paul, sénateur et curateur honoraire des Enfants-Trouvés. Eloigné de la Cour en 1798, il alla se fixer à Moscou, où ils vécurent largement, recevant quantité de parents et amis, parmi lesquels se trouvaient bon nombre d'écrivains en renom. Mais la santé délicate de Mme Nélédinsky donnait beaucoup de souci à son mari, qui l'entourait de tous les soins imaginables. Atteinte d'une cruelle maladie interne, persoune d'une faiblesse et d'une nervosité extrêmes, très impressionnable et sujette aux entraînements, elle avait emporté de Smolna la passion du théâtre et était surtout enthousiaste de la fameuse actrice Sémenoff.

Lors de l'invasion de Napoléon, elle se ressentit si vivement des agitations de ce moment terrible, que son affection nerveuse dégénéra en une maladie grave, qui détermina son mari à demander en janvier 1813 à passer au Sénat de Pétersbourg. Elle était toute heureuse à l'idée de rentrer à Pétersbourg, mais il ne lui fut pas donné de vivre jusque-là. Elle mourut à Yaroslavl le 13 avril 1813; son corps fut ramené à Moscou et inhumé au monastère Novospassky.

CATHERINE NIKOLAEWNA KHROUCHTCHOFF, fille du premier major Nicolas Sémenowitch Khrouchtchoff († avant 1798) et de Prascovie Mikhaïlowna, née princesse Wolkonsky. L'époque de sa naissance peut être approximativement fixée vers 1761 (la date donnée sous le portrait est inexacte), car on sait qu'elle sortit de Smolna dans la seconde promotion, en 1779; elle y était donc entrée en 1767: or les élèves n'y étaient admises que jusqu'à 6 ans. Son nom s'est conservé dans les annales de Smolna, non pas en raison de ses succès scolaires, mais pour la part qu'elle prit à la fête donnée à l'institut le 24 juillet 1777 en présence de Catherine II et du Roi de Suède Gustave III, et où elle parut dans l'opéra-comique Zémire et Azor. „Dans une scène", dit le Journal de St-Pétersbourg dans son compte-rendu, „où Mlle Khrouchtchoff faisait l'affreux Azor, le sort jeté sur lui devait cesser d'agir quand serait cueillie la fleur qu'il réservait pour la Divinité bienfaitrice. La fleur fut cueillie selon la prédiction, et Mlle Khrouchtchoff, en proclamant le nom de Catherine la Grande, enleva son masque horrible et reprit sa première forme, mais, en prononçant quelques mots de gratitude à l'adresse de sa Protectrice, ou plutôt de sa Divinité bienfaitrice, elle fondit en larmes, et ses paroles furent interrompues par ses épanchements de tendresse"... Son jeu plut particulièrement au Roi de Suède, qui décerna, „dans sa profonde sollicitude pour les jeunes élèves, un cœur en diamants à Mlle Khrouchtchoff". A la même occasion, „Un Citoyen Sensible" composa les vers suivants:

„Par la Divinité que nous vénérons tous,
„Khrouchtchoff détruit enfin cet affreux sortilège,
„Mais jette en même temps sur nous un autre sort:
„Ses charmes pour toujours ont fasciné nos cœurs".

Quant à ce que devint dans la suite Mlle Khrouchtchoff, à la date de sa mort et au lieu de sa sépulture, les renseignements font défaut: on sait seulement qu'elle épousa le colonel Von Loman.

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис Левицкій, 1773

Княжна Е.Ѳ. Хованская, 1758–1813,
и Е.Ѳ. Хрущова, 1758– · · · ·

Peint par Lévitsky, 1773

La Pˢˢᵉ Catherine Khovansky, 1758–1813,
et Catherine Khrouchtcheff, 1758– · · · ·

29

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА БОРЩЕВА, 1759 — 1843, дочь отставного фурьера Семена Ивановича Борщева, родилась 9 Августа 1759 года (годъ рожденія въ подписи подъ портретомъ не точенъ). Принята была въ Смольный институтъ при первомъ пріемѣ воспитанницъ въ 1764 г. въ основанное Екатериною Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Окончила курсъ въ первомъ выпускѣ 1776 г., съ золотою медалью первой величины, вензелемъ Императрицы на лентѣ съ одной золотой полоской и пенсіей по 250 руб. въ годъ. Будучи предназначенной къ пожалованію фрейлиной при Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, скончавшейся за нѣсколько дней до перваго выпуска смолянокъ, она была принята ко Двору 14 Іюня 1776 г. и назначена состоять, вмѣстѣ съ любимою своей подругою по институту Е. И. Нелидовой, фрейлиною при второй супругѣ Цесаревича, Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ этомъ офиціальномъ званіи Н. С. Борщева сопровождала „графа и графиню Сѣверныхъ“ въ ихъ путешествіи по Европѣ въ 1782 г. и, вмѣстѣ съ фрейлиной Нелидовой, во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ „имѣла шагъ“ передъ княгиней Салтыковой и г-жей Бенкендорфъ, сопровождавшихъ великокняжескую чету неофиціально. Борщева не пользовалась, однако, особеннымъ расположеніемъ Великой Княгини, которая во время путешествія всегда тяготилась присутствіемъ своихъ фрейлинъ, мѣшавшихъ ей оставаться въ обществѣ г-жи Бенкендорфъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы Н. С. Борщева вышла замужъ за Клавдія Семеновича Мусина-Пушкина, отъ котораго имѣла шесть сыновей: Петра, Павла, Александра, Сергѣя, Николая и Ивана, и двухъ дочерей: Екатерину и Александру. Вторымъ бракомъ она вышла за генералъ-майора барона Вильгельма-Людвига Ховенъ, и въ 1809 г. была назначена состоять гофмейстериной при фрейлинахъ, а вслѣдъ за тѣмъ была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась въ глубокой старости 31 Октября 1843 года.

На портретѣ Левицкаго Н. С. Борщева изображена въ костюмѣ, въ которомъ она участвовала въ спектаклѣ, данномъ въ Смольномъ при первомъ выпускѣ воспитанницъ въ 1776 году. Обладая хорошимъ голосомъ, она появлялась въ бытность свою въ Смольномъ и во французскихъ операхъ, при чемъ исполненіе ею въ операхъ „La Servante Maîtresse“ роли „Пандолфовой“ воспѣто было въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 29 Ноября 1779 г. хвалебными стихами, начинавшимися такъ:

„Борщева, въ операхъ съ Нелидовой играя
И ей подобнымъ же талантомъ обладая,
Подобну похвалу себѣ пріобрѣла
И въ зрителяхъ сердца ты пѣніемъ зажгла“....

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

29

NATALIE SÉMENOWNA BORCHTCHEFF, 1759—1843, fille du fourrier en retraite Siméon Ivanowitch Borchtcheff, naquit le 9 août 1759 (la date donnée sous le portrait est inexacte). Admise à Smolna en 1764, l'année même de la fondation par Catherine II de la Société d'Education des Jeunes Filles Nobles, elle en sortit dans la première promotion en 1776 avec une médaille d'or de première classe, le chiffre de l'Impératrice sur ruban à une bande dorée et une pension de 250 roubles par an. Désignée comme future demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, qui mourut quelques jours avant la sortie de la première promotion de Smolna, elle entra à la Cour le 14 juin 1776 et fut nommée, avec sa camarade d'institut préférée, Mlle Nélidoff, demoiselle d'honneur de la seconde femme du Césarewitch, la Grande-Duchesse Marie Féodorowna. En cette qualité officielle, elle accompagna le comte et la comtesse du Nord dans leur voyage d'Europe en 1782, et, ainsi que Mlle Nélidoff, eut le pas dans toutes les circonstances officielles sur la princesse Saltykoff et Mme Benkendorf, qui accompagnaient le couple Grand-Ducal non officiellement. Elle ne profita pas, toutefois, de la faveur particulière de la Grande-Duchesse, gênée durant tout le voyage par la présence de ses demoiselles d'honneur, qui l'empêchaient de rester dans la société de Mme Benkendorf. Elle épousa, peu après son retour de l'étranger, Claude Sémenowitch Moussine-Pouchkine, dont elle eut six fils, Pierre, Paul, Alexandre, Serge, Nicolas et Ivan, et deux filles, Catherine et Alexandrine. Elle épousa en secondes noces le baron Guillaume-Louis Howen, général major, et fut faite en 1809 maîtresse de la Cour, puis dame de Ste-Catherine. Elle mourut dans une profonde vieillesse le 31 octobre 1843.

Le portrait de Lévitzky représente Mlle Borchtcheff avec le costume dans lequel elle figura au spectacle donné à Smolna en 1776 pour la sortie de la première promotion. Douée d'une jolie voix, elle joua également à Smolna les opéras français: son jeu dans La Servante Maîtresse, où elle faisait Pandolfe, fut célébré dans le Journal de St-Pétersbourg du 29 novembre 1779 par des vers élogieux commençant ainsi:

„Avecque Nélidoff jouant les opéras,
„Borchtcheff, y déployant un semblable talent,
„D'une semblable gloire en fut récompensée,
„Et par son chant divin embrasa tous les cœurs“...

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис. Левицкій

Наталія Семеновна
Горицова, 1758-1843

Peint par Lévitsky

Natalie Sémenowna
Borchtcheff, 1758-1843

Экспед. Загот. Госуд. Бумаг. — Manufacture des papiers de l'Etat

30

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА МОЛЧАНОВА, 1758—1809, дочь коллежскаго совѣтника Ивана Яковлевича Молчанова, родилась 9 Ноября 1758 г. (даты въ подписи подъ портретомъ не точны) и взята была на воспитаніе супругой оберъ-егермейстера Маріей Павловной Нарышкиной, рожденной Балкъ-Полевой, которая и опредѣлила ее въ 1764 г. въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Окончивъ курсъ въ 1776 г. второю, съ золотой медалью и „знакомъ отмѣны“ (золотымъ шифромъ Императрицы) на лентѣ съ тремя золотыми полосками, она получила также и пенсію по 250 руб. въ годъ изъ процентовъ съ капитала въ 100.000 руб., пожертвованнаго Екатериною II при первомъ выпускѣ смолянокъ „на содержаніе и снабженіе приданымъ тѣхъ, которыя сей помощи по выходѣ изъ Общества, а паче когда поступятъ въ супружество, ни откуда не могутъ имѣть“. 19 Іюня 1776 г. Молчанова взята была ко Двору и, вмѣстѣ съ своей подругой по институту Г. И. Алымовой, была послана навстрѣчу прибывавшей въ Россію невѣсты Великаго Князя Павла Петровича, принцессы Софіи-Доротеи Виртембергской. Е. И. Молчанова вышла замужъ за генералъ-майора Сергѣя Адамовича Олсуфьева, второго сына секретаря Екатерины II, Адама Васильевича, и получила отъ своей воспитательницы М. П. Нарышкиной „приличное приданое, смотря при томъ на качество ей принадлежащаго жениха“. Отъ этого брака она имѣла одного сына, бывшаго впослѣдствіи Пензенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и дочь — за тайнымъ совѣтникомъ Дмитріемъ Сергѣевичемъ Жеребцовымъ. Скончалась Е. И. Олсуфьева 3 Сентября 1809 г. и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

На портретѣ Левицкаго, писанномъ въ 1776 г., Молчанова изображена декламирующею по книгѣ. Въ бытность свою въ Смольномъ она отличалась, кажется, и искусствомъ вышиванья, если судить по словамъ Екатерины въ запискѣ къ ея подругѣ по институту Левшиной: „Betzky met dans ma chambre au Palais d'Hiver un sofa à la turque; il n'y a que Votre face travaillée par Mlle Moltchanoff que j'ai placée moi-même: c'est un meuble d'affection qui ne quittera pas la place que je lui ai donnée“.

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

30

CATHERINE IVANOWNA MOLTCHANOFF, 1758—1809, fille du conseiller de collège Ivan Yakovlewitch Moltchanoff, naquit le 9 novembre 1758 (les dates données sous le portrait sont inexactes); la femme du grand veneur Marie Pavlowna Narychkine, née Balk-Polévoï, se chargea de son éducation, et la mit à Smolna en 1764. Elle en sortit seconde en 1776, avec une médaille d'or, le Signe de distinction (chiffre en or de l'Impératrice) sur ruban à trois bandes dorées, et une pension annuelle de 250 roubles provenant des intérêts d'un capital de 100.000 roubles assigné par Catherine II, lors de la sortie de la première promotion de Smolna, „à l'entretien et au trousseau de celles auxquelles cette ressource, à la sortie de l'institut et surtout à leur mariage, ne pourrait venir d'autre part". Entrée à la Cour le 19 juin 1776, elle fut chargée, avec sa camarade d'institut Mlle Alymoff, d'aller recevoir à son entrée en Russie la princesse Sophie-Dorothée de Wurtemberg, fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch. Elle épousa le général major Serge Adamowitch Olsoufieff, second fils du secrétaire de Catherine II, et reçut de Mme Narychkine qui l'avait élevée „un trousseau convenable, eu égard à la qualité de son fiancé". Elle eut de ce mariage un fils, dans la suite maréchal de la noblesse du gouvernement de Penza, et une fille, qui épousa le conseiller privé Dmitri Serguéewitch Jérebtzoff. Elle mourut le 3 septembre 1809, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Sur le portrait de Lévitzky, fait en 1776, Mlle Moltchanoff est représentée déclamant dans un livre. Etant à Smolna, elle avait, paraît-il, un autre talent, celui de broder, à juger d'après le passage suivant d'un billet de Catherine II à sa camarade d'institut Mlle Levchine: „Betzky met dans ma chambre au Palais d'Hiver un sofa à la turque; il n'y a que Votre face travaillée par Mlle Moltchanoff que j'ai placée moi-même: c'est un meuble d'affection qui ne quittera pas la place que je lui ai donnée".

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис Левицкій, 1776 — Peint par Lévitsky, 1776

Екатерина Ивановна Молчанова, 1762-1815 | Catherine Ivanowna Moltchanoff, 1762-1813

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА, 1758—1839, дочь поручика Ивана Дмитріевича отъ брака съ Анной Александровной Симоновой, родилась 12 Декабря 1758 г. въ с. Климятинѣ, Дорогобужскаго уѣзда. Въ 1765 г. она была принята въ только-что основанный Екатериной II Смольный институтъ, гдѣ рано обратила на себя вниманіе своей способностью къ танцамъ и чрезвычайной граціей. Въ 1775 г. Екатерина II велѣла Левицкому написать портретъ Нелидовой, танцующей менуэтъ. По окончаніи въ 1776 г. института (съ шифромъ и малой золотой медалью), она была назначена фрейлиной къ Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а затѣмъ къ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Проницательный умъ и твердый самостоятельный характеръ Нелидовой помогли ей быстро освоиться съ новой для нея обстановкой. Маленькая брюнетка, Нелидова была некрасива, но умные, блестящіе черные глаза, выразительное лицо, подвижной веселый характеръ, разговоръ, блещущій остроуміемъ, невольно привлекали къ ней. Цесаревичъ сталъ находить удовольствіе въ обществѣ фрейлины своей супруги, а потомъ дошелъ до рыцарскаго ей поклоненія. Живостью своего ума, искренностью и благородствомъ своихъ сужденій, она умѣла отвѣчать душевнымъ запросамъ Павла Петровича, съ его рыцарскимъ характеромъ и стремленіями къ правдѣ и народному благу, въ большей степени, чѣмъ его супруга, отличавшаяся нѣмецкой аккуратностью и методичностью. Нервная, надломленная натура Цесаревича въ стремленіи къ душевному равновѣсію находила нѣкоторое успокоеніе и поддержку въ свойствахъ ума и характера Нелидовой. Она постепенно совершенно овладѣла умомъ и сердцемъ Павла Петровича и, понявъ свойство его характера, умѣла имъ управлять. Въ своей восторженности она пришла къ убѣжденію, что „самъ Богъ предназначилъ ее“ охранять Павла и руководить имъ для общаго блага. Связь ихъ была чисто нравственная, отчасти на религіозно-мистической подкладкѣ; по словамъ самого Павла I, его соединяла съ Нелидовой „дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая“. Людямъ непонятны были такія отношенія, и уже съ 1785 г. Нелидову при дворѣ и въ обществѣ считали любовницей Павла, существованіе же клеветы заставляло Великаго Князя удвоить публичное выраженіе своего уваженія къ дѣвушкѣ, несправедливо страдающей изъ-за него. Марія Ѳеодоровна первоначально не придавала значенія сближенію мужа съ фрейлиной и даже пользовалась ея вліяніемъ для своихъ цѣлей, но затѣмъ стала имъ возмущаться, а Нелидова не замѣчала, сколько горечи должно было накопиться въ душѣ оскорбленной супруги. Съ 1795 г. интриги враговъ Нелидовой уменьшили вліяніе ея на Павла, зато возросло довѣріе къ ней Цесаревны, понявшей, что Нелидова—ея союзница. Въ 1796 г. произошла между друзьями размолвка, и Нелидова уединилась въ Смольномъ, гдѣ она поселилась еще раньше, только на время пріѣзжая ко двору. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I значеніе Нелидовой возстановилось, съ Маріей же Ѳеодоровной онѣ заключили настоящій дружественный союзъ для блага любимаго обѣими человѣка. Ихъ старанія были направлены на то, чтобы удерживать Государя отъ вспышекъ гнѣва и необдуманныхъ рѣшеній, ходатайствовать за опальныхъ, замѣщать высшія должности благонамѣренными и преданными людьми. Собственно на государственныя дѣла Нелидова не могла имѣть вліянія, такъ какъ, не имѣя твердыхъ политическихъ убѣжденій и государственнаго ума и оставаясь всегда восторженно-сентиментальной институткой, руководилась обыкновенно нравственными и сердечными мотивами. Въ 1798 г. враги Императрицы и Нелидовой внушили Павлу I, что онъ находится подъ опекой супруги и ея камеръ-фрейлины, царствующихъ его именемъ, и устроили замѣну Нелидовой Лопухиной. Послѣ высылки изъ Петербурга въ замокъ Лоде графини Н. А. Буксгевденъ, любимой подруги Нелидовой, послѣдняя, въ Сентябрѣ 1798 г., тоже удалилась въ Лоде и только въ началѣ 1800 г. испросила разрѣшеніе вернуться въ Смольный. Смерть Павла I очень потрясла Нелидову; она быстро состарилась и посѣдѣла. Дружба ея съ Императрицей продолжалась до смерти послѣдней, и голосъ ея въ дѣлахъ царской семьи имѣлъ большой вѣсъ. По смерти Маріи Ѳеодоровны, Нелидова, почти всѣми забытая, доживала свой вѣкъ въ Смольномъ, сохранивъ до конца свой своеобразный пылкій умъ, продолжая плѣнять своей бесѣдой, но въ то же время доставляя много непріятностей близкимъ своей ворчливостью и требовательностью. Скончалась она 2 Января 1839 г. на рукахъ своей любимой племянницы и воспитанницы, княгини Трубецкой, и погребена на Охтенскомъ кладбищѣ, расположенномъ противъ милаго ея сердцу Смольнаго.

(Съ портрета Левицкаго; Большой Петергофскій дворецъ.)

CATHERINE IVANOWNA NÉLIDOFF, 1758—1839, fille du lieutenant Ivan Dmitriewitch Nélidoff et d'Anne Alexandrowna, née Simonoff, naquit le 12 décembre 1758 à Klimiatine, district de Dorogobouge. Admise en 1765 à l'institut Smolna récemment fondé par Catherine II, elle s'y fit bientôt remarquer par son aptitude pour la danse et sa grâce incomparable. En 1775, l'Impératrice la fit peindre par Lévitzky dansant le menuet. A sa sortie de l'institut en 1776, avec le chiffre et la petite médaille d'or, elle fut faite demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, puis de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna. Esprit pénétrant, caractère ferme et personnel, elle eut vite fait de s'adapter à un milieu nouveau pour elle. Petite et brune, elle n'était pas belle, mais ses yeux noirs vifs et brillants, son visage expressif, son animation et sa gaieté, sa conversation pétillante d'esprit, tout attirait involontairement vers elle. Le Césarewitch se mit à prendre plaisir à la société de la demoiselle d'honneur de sa femme, puis en vint à lui vouer un culte chevaleresque: la vivacité de son esprit, la franchise et la noblesse de ses jugements la mettaient mieux à même de satisfaire une âme comme celle de ce prince, chevaleresque, éprise de justice et de dévouement au bien public, que la Grande-Duchesse, allemande compassée et méthodique; dans ses qualités d'esprit et de caractère, cette nature nerveuse et dévoyée, à la recherche de son équilibre moral, trouvait un soulagement et un appui.... Mlle Nélidoff prit à la longue un ascendant complet sur l'esprit et le cœur de Paul Pétrowitch, saisit la nature de son caractère, et finit par savoir le gouverner. Dans son enthousiasme, elle en vint à la conviction qu'elle était „destinée par Dieu même“ pour préserver Paul et le diriger dans l'intérêt du bien général. La liaison était purement morale, teintée de mysticisme religieux; c'était, dit Paul Ier lui-même, „une amitié sacrée et tendre, mais innocente et pure“. Le public ne pouvait comprendre des rapports de cette nature, et, dès 1785, Mlle Nélidoff passait à la Cour et dans la société pour la maîtresse de Paul, que la calomnie porta à redoubler les témoignages publics de sa déférence envers une jeune fille qui souffrait injustement pour lui. La Grande-Duchesse n'attribua d'abord aucune importance à cette intimité, qu'elle fit même servir à ses visées, mais ensuite elle s'en indigna, et Mlle Nélidoff ne s'apercevait pas de toute l'amertume qu'elle amoncelait dans le cœur de l'épouse outragée. A partir de 1795, la demoiselle d'honneur perdit de son empire sur Paul grâce aux intrigues de ses ennemis, mais gagna par contre dans la confiance de la Césarewna, qui s'était découvert en elle une alliée. La brouille devint complète en 1796, et Mlle Nélidoff se retira à Smolna, où elle était fixée depuis quelque temps, ne venant à la Cour que par intervalles. A l'avènement de Paul Ier, elle reprit tout son crédit, et conclut avec Marie Féodorowna une véritable alliance pour le bien de celui qu'elles aimaient toutes deux. Leurs efforts tendaient surtout à préserver le Souverain des accès de colère et des résolutions inconsidérées, à intercéder pour les victimes de la disgrâce, à faire donner les grandes charges à des personnages bien intentionnés et dévoués. Sur les affaires d'état proprement dites, Mlle Nélidoff ne pouvait avoir d'influence: elle manquait et d'opinions politiques arrêtées et de la tournure d'esprit nécessaire, et conserva toujours son exaltation et son sentimentalisme d'institut, sans autres mobiles de conduite que ceux qu'elle trouvait dans son sens moral et dans son cœur. En 1798, les ennemis de l'Impératrice et de Mlle Nélidoff insinuèrent à Paul Ier qu'il était sous la tutelle de sa femme et de la demoiselle d'honneur, gouvernant ensemble sous son nom, et poussèrent Mlle Lopoukhine à la place de Mlle Nélidoff, qui, après le renvoi de Pétersbourg de sa meilleure amie la comtesse Buxhœwden, alla en septembre 1798 la rejoindre au château de Lodé, et n'obtint qu'au commencement de 1800 l'autorisation de rentrer à Smolna. La mort de Paul Ier lui porta un coup terrible; elle vieillit et blanchit rapidement. Jusqu'à la mort de l'Impératrice, elle resta en relations d'amitié avec elle, et sa voix fut d'un grand poids dans les affaires de la famille Impériale. Après, presque complètement oubliée, elle termina ses jours à Smolna, conservant jusqu'au bout son ardeur si particulière et sa conversation séduisante, mais faisant en même temps le désespoir de son entourage avec son humeur grincheuse et son exigence. Elle mourut le 2 janvier 1839 dans les bras de sa nièce et pupille bien aimée la princesse Troubetzkoï, et fut inhumée au cimetière d'Okhta, en face de son cher Smolna.

(D'après l'original de Lévitzky, Grand Palais, Péterhof.)

Пис. Левицкій, 1773 — Peint. par Lévitsky, 1773

Екатерина Ивановна Нелидова, 1758-1839 | Catherine Ivanowna Nelidoff, 1758-1839

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ЛЕВШИНА, 1757 — 1782, дочь премьеръ-майора Петра Ивановича Левшина и первой жены его, Татьяны Ивановны, рожденной княжны Кольцовой-Масальской, родилась 1 Января 1757 года (годъ рожденія ея въ подписи подъ портретомъ не точенъ). Оставшись всего 4-хъ лѣтъ послѣ смерти матери (отецъ ея вторымъ бракомъ женился на Агафьѣ Никитичнѣ Люшиной), она была принята въ Смольный институтъ въ 1764 г., при самомъ основаніи Екатериною Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ заведеніи она пробыла 12 лѣтъ и по окончаніи полнаго курса была выпущена въ 1776 г., съ золотою медалью первой величины, „знакомъ отмѣны“, состоявшимъ изъ золотого вензеля Екатерины на бѣлой лентѣ съ двумя золотыми полосками, и пожизненной пенсіей въ 250 руб. въ годъ. Этихъ наградъ дѣвица Левшина была удостоена, какъ окончившая курсъ четвертой по счету въ числѣ первыхъ шести ученицъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ выпуска, 2 Іюня 1776 г., Левшина была пожалована во фрейлины и взята на житье во дворецъ, а 29 Апрѣля 1780 г. сочеталась бракомъ съ капитаномъ Измайловскаго полка княземъ Петромъ Александровичемъ Черкасскимъ, сыномъ умершаго въ 1749 г. въ Сибири Смоленскаго губернатора князя Александра Андреевича Черкасскаго, сосланнаго при Аннѣ за сочувствіе къ возведенію на престолъ будущаго Императора Петра III.

Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ; молодая княгиня Черкасская умерла 25 лѣтъ отъ роду, 26 Августа 1782 г., и погребена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ (могила ея не сохранилась).

Изъ смолянокъ перваго выпуска А. П. Левшина извѣстна особенною привязанностью къ ней Императрицы Екатерины II, пріобрѣтенною ею при самомъ вступленіи въ заведеніе. Императрица вела съ ней шутливую переписку, называя ее „моя черномазая Левушка“ и увѣряя, что ей скоро придется купить очки, такъ какъ она испортила себѣ зрѣніе разборомъ мелкихъ каракулей своей любимицы. „Mademoiselle, Votre plume, Votre langue et Votre cœur vont à merveille, et en vérité je Vous aime beaucoup“, писала ей Государыня. Въ одной изъ своихъ записокъ къ Левшиной, написанной, когда „Левушка“ была уже въ старшемъ классѣ, называемомъ „бѣлымъ“ по цвѣту платьевъ воспитанницъ, Екатерина оставила намъ и ея портретъ: „grande demoiselle blanche, au teint brunâtre, au nez de perroquet, qui produisait un si grand magasin de voyelles quand j'arrivais ou je partais; écrit aussi naturellement que ses lettres sont remplies d'enjouement, sans affectation et sans recherche“.

На превосходномъ портретѣ Левицкаго, писанномъ въ 1775 г. по заказу Екатерины, Левшина изображена занимающеюся тѣмъ искусствомъ, въ которомъ она наиболѣе отличалась, а именно танцующей, въ костюмѣ, въ которомъ она участвовала на одномъ изъ театральныхъ представленій въ Смольномъ.

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

32

ALEXANDRINE PÉTROWNA LEVCHINE, 1757—1782, fille du premier major Pierre Ivanowitch Levchine et de sa première femme, Tatiana Ivanowna, née princesse Koltzoff-Massalsky, naquit le 1er janvier 1757 (la date de naissance donnée sous le portrait est inexacte). Orpheline de mère dès l'âge de 4 ans (son père se remaria à Agathe Nikititchna Liouchine), elle fut admise à Smolna en 1764, l'année même de la fondation par Catherine II de la Société d'Education des Jeunes Filles Nobles. Elle y resta douze ans, y fit toutes ses classes, et en sortit en 1776 avec une médaille d'or de première classe, le Signe de distinction, chiffre en or de l'Impératrice sur ruban blanc à deux bandes dorées, et une pension viagère de 250 roubles par an. Ces récompenses lui furent décernées comme quatrième des six premières de sa promotion de sortie.

Un mois plus tard, le 2 juin 1776, Mlle Levchine fut faite demoiselle d'honneur et logée au Palais, puis elle épousa le 29 avril 1780 le prince Pierre Alexandrowitch Tcherkassky, capitaine au régiment Izmaïlowsky, fils du prince Alexandre Andréewitch Tcherkassky, mort en 1749 en Sibérie, où il avait été relégué sous la régence d'Anne pour son adhésion à l'élévation au trône du futur Empereur Pierre III.

La jeune princesse Tcherkassky n'eut pas d'enfants et mourut à 25 ans le 26 août 1782; elle fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï, où sa sépulture a aujourd'hui disparu.

Dans la première promotion de Smolna, Mlle Levchine est connue pour l'attachement particulier que Catherine II lui témoigna dès son entrée à l'institut. La Souveraine entretenait avec elle une correspondance badine, l'appelant „ma brune Lévouchka“ et assurant qu'il lui faudrait bientôt acheter des lunettes, car les pattes de mouche de sa jeune favorite lui avaient abîmé la vue: „Mademoiselle, Votre plume, Votre langue et Votre cœur vont à merveille, et en vérité je Vous aime beaucoup“, lui écrivait l'Impératrice. Dans un billet écrit à Lévouchka déjà élève de la plus grande classe, celle des blanches, comme on les appelait à cause de la couleur de leur vêtement, Catherine nous a laissé un portrait d'elle: „grande demoiselle blanche, au teint brunâtre, au nez de perroquet, qui produisait un si grand magasin de voyelles quand j'arrivais ou je partais; écrit aussi naturellement que ses lettres sont remplies d'enjouement, sans affectation et sans recherche“.

Le magnifique portrait de Lévitzky, fait en 1775 sur commande de Catherine, représente Mlle Levchine occupée à l'art où elle excellait surtout, la danse, dans le costume avec lequel elle figura à une représentation théâtrale à Smolna.

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

[illegible] LEVITSKY, 1757–1782, fille du premier major Pierre [illegible] [illegible] premier [illegible], [illegible], née princesse Koltzoff-Massalsky, naquit le 1er janvier [illegible] [illegible] dans le portrait est inexacte). Orpheline de mère dès l'âge de 4 ans [illegible] remarie à Agathe [illegible] Lanskoïe; elle fut admise à Smolna en 1764, Lanskoï même [illegible] par Catherine II et la Société d'Éducation des Jeunes Filles Nobles. Elle y resta douze ans, [illegible] en 1776 avec une médaille d'or du première classe, le signe du dis[illegible], [illegible] de l'Impératrice sur ruban blanc à deux bandes dorées, et une pension [illegible] par [illegible] comme quatrième des six premières de sa promotion [illegible].

[illegible] plus tard, le 4 juin 1776, Mlle Levitsky fut faite demoiselle d'honneur et logée au Palais, [illegible] le prince Pierre Alexandrovitch Tcherkasky, capitaine au régiment [illegible]. [illegible] Tcherkasky, mort en 1796 en Sibérie, où il avait été relégué [illegible] Empereur Pierre III.

[illegible] Tcherkasky [illegible] à 37 ans le 26 août 1799; elle fut [illegible] [illegible] disparu.

[illegible] demoiselle d'honneur, Mlle Levitsky est connue pour l'attachement particulier que [illegible] Catherine II. [illegible] avec elle une correspondance [illegible], [illegible] „[illegible]" et [illegible] qu'il lui tendait bientôt achetés des lunettes, car les [illegible] „Mademoiselle, Votre plume, Votre langue [illegible] merveille, et [illegible] beaucoup", lui écrivait l'Impératrice. Dans un [illegible] Levitsky [illegible] élève de la plus grande classe, celle des blanches, comme on les appelait à [illegible] de leur vêtement. Catherine [illegible] portrait d'elle, „grande demoiselle blanche, [illegible] quand j'arrivais on [illegible], [illegible] naturellement [illegible] affectation et sans [illegible]".

Le [illegible] portrait de Levitsky, fait en 1773 sur commande de Catherine, représente Mlle Levitsky [illegible] elle [illegible], dans le costume avec lequel elle figura à une [illegible] à Smolna.

(D'après l'original de Levitsky, Palais de Peterhof.)

Пис Левицкій, 1775 | Peint. par Lévitsky, 1775

Александра Петровна Левшина, 1758-1782 | Alexandrine Pétrowna Levchine, 1758-1782

33

Княгиня ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ГАГАРИНА, 1790—1873, дочь статсъ-секретаря Екатерины II, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Александровича Соймонова (р. 1737 г., † 1800 г.) отъ брака съ Екатериной Ивановной Болтиной (р. 1756 г., † 1790 г.), внучка историка И. Н. Болтина, родилась 23 Мая 1790 г.; матери она лишилась при рожденіи и получила воспитаніе подъ руководствомъ француженки Mme Ребюфиль. Дѣтство ея прошло средн раздоровъ между отцомъ и бабушкой ея по матери, хотѣвшей взять внучку къ себѣ на воспитаніе. Дѣло восходило до Екатерины II, но Императрица не пожелала вмѣшиваться въ семейныя дѣла своего секретаря. Подобно своей знаменитой сестрѣ, Софіи Петровнѣ Свѣчиной, и княгиня Е. П. Гагарина перешла въ католичество. По отзывамъ современниковъ, она отличалась высокими достоинствами ума и сердца; между прочимъ, Жуковскій характеризовалъ ее въ одномъ изъ писемъ къ Д. Н. Свербееву, какъ „очень замѣчательную и милую женщину“.

Княгиня Гагарина была замужемъ за посланникомъ въ Римѣ и Мюнхенѣ, тайнымъ совѣтникомъ княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ. Княгиня временно расходилась съ мужемъ во время увлеченія послѣдняго знаменитой Маріей Антоновной Нарышкиной. Потомъ за границей супруги жили вмѣстѣ. „Nous avons ici“, т.-е. во Флоренціи, пишетъ графъ Ф. Головкинъ 13 Ноября 1816 г., „le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre... Cela“ (конецъ близости съ Нарышкиной) „l'a remis avec sa femme, dont cette passion l'avait séparé, et ils paraissent heureux... La princesse Gagarine est intimement liée avec ma nièce Tolstoï par le catholicisme. Elles sont à la tête des femmes de qualité qui ont abjuré et dont le zèle imprudent a causé l'expulsion des Jésuites. Ici, où elles sont libres d'adorer le Dieu de Rome, elles sont d'une mesure extrême, mais à Pétersbourg, elles voulaient le martyre comme les Italiennes veulent un amant“.

Отъ брака съ княземъ Г. И. Гагаринымъ, она имѣла 5 сыновей: Григорія (р. 1810 г., † 1893 г.), Евгенія (р. 1811 г., † 1886 г.), Льва (р. 1818 г., † 1892 г.), Ѳеофила (р. 1820 г., † 1853 г.) и Александра (р. 1827 г.). Скончалась княгиня Е. П. Гагарина 27 Февраля 1873 г. и погребена въ Москвѣ, на новѣрческомъ кладбищѣ, на Введенскихъ горахъ.

(Съ портрета Барбье; собственность М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

33

La princesse CATHERINE PÉTROWNA GAGARINE, 1790 — 1873, fille du secrétaire d'état de Catherine II, conseiller privé actuel, Pierre Alexandrowitch Soïmonoff (1737—1800), et de Catherine Ivanowna, née Boltine (1756—1790), était petite-fille de l'historien Boltine et naquit le 23 mai 1790. Elle perdit sa mère en venant au monde et fit son éducation sous la direction d'une française, Mme Rebufil. Son enfance se passa au milieu des disputes de son père avec sa grand'mère, qui voulait l'élever près d'elle: le bruit en parvint jusqu'à Catherine II, qui ne voulut cependant pas se mêler des affaires de famille de son secrétaire. Comme sa célèbre sœur Sophie Svétchine, la princesse Gagarine embrassa le catholicisme. Au témoignage des contemporains, elle se distinguait par de hautes qualités d'esprit et de cœur; Joukowsky, entre autres, la caractérise dans une lettre à Sverbéeff comme „très remarquable et charmante personne".

La princesse avait épousé le prince Grégoire Ivanowitch Gagarine, conseiller privé, ambassadeur à Rome et à Munich, dont elle se sépara quelque temps à l'époque de sa passion pour la fameuse Marie Antonowna Narychkine, puis avec lequel elle revint plus tard, à l'étranger. „Nous avons ici" (à Florence), écrit le comte Th. Golovkine le 13 novembre 1816, „le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre... Cela" (la fin de son intimité avec Mme Narychkine) „l'a remis avec sa femme, dont cette passion l'avait séparé, et ils paraissent fort heureux... La princesse Gagarine est intimement liée avec ma nièce Tolstoï par le catholicisme. Elles sont à la tête des femmes de qualité qui ont abjuré et dont le zèle imprudent a causé l'expulsion des Jésuites. Ici, où elles sont libres d'adorer le Dieu de Rome, elles sont d'une mesure extrême, mais à Pétersbourg, elles voulaient le martyre comme les Italiennes veulent un amant".

La princesse Gagarine eut de son mariage cinq fils, Grégoire (1810 — 1893), Eugène (1811 — 1886), Léon (1818 — 1892), Théophile (1820 — 1853) et Alexandre (né 1827). Elle mourut le 27 février 1873, et fut inhumée à Moscou, au cimetière des confessions non orthodoxes.

(D'après l'original de Barbier appartenant à Mme M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

(Pièce originale et fac-similé appartenant à Mme M. Rassely, St-Pétersbourg.)

Пис Барбье

Княгиня Екатерина Петровна Гагарина, 1790–1875

Dessiné par Barbier

La Princesse Catherine Pétrowna Gagarine, 1790–1875

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

34

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВАЛУЕВА, 1757—1836, дочь статскаго совѣтника Александра Родіоновича Кошелева отъ брака съ Анастасіей Егоровной Еремѣевой, была родная сестра члена Государственнаго Совѣта и оберъ-гофмейстера, извѣстнаго мистика и масона Родіона Александровича Кошелева († 1827 г.), лица весьма близкаго къ Императору Александру и друга князя А. Н. Голицына. Дарья Александровна Кошелева въ 1772 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера Петра Степановича Валуева (р. 1743 г., † 1814 г.), позднѣе оберъ-церемоніймейстера и начальника Московскаго дворцоваго управленія и Кремлевской экспедиціи.

Отъ этого брака было 4 сына: Петръ († 1812 г.), Александръ (отецъ графа П. А. Валуева), Павелъ и Степанъ († 1844 г.), и 5 дочерей: Екатерина (1774—1848; камеръ-фрейлина), Анна, Софья, Анастасія и Прасковья (за Аксаковымъ).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

34

DARIA ALEXANDROWNA VALOUÏEFF, 1757—1836, fille du conseiller d'état Alexandre Rodionowitch Kochéleff et d'Anastasie Egorowna, née Eréméeff, était sœur de Rodion Kochéleff († 1827), connu comme mystique et franc-maçon, membre du Conseil de l'Empire et grand maître de la Cour, intime de l'Empereur Alexandre et ami du prince A. Golitzyne. Elle épousa en 1772 Pierre Stépanowitch Valouïeff (1743—1814), gentilhomme de la chambre, dans la suite grand maître des cérémonies et chef de l'administration des Palais de Moscou et de l'expédition du Kremlin.

Elle eut de ce mariage quatre fils, Pierre († 1812), Alexandre, père du comte P. Valouïeff, Paul et Stéphane († 1844), et cinq filles, Catherine (1774—1848), demoiselle d'honneur, Anne, Sophie, Anastasie et Prascovie, mariée à Aksakoff.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Писъ Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Дарья Александровна
Валуева, 1757–1836

Daria Alexandrowna
Valouess, 1757–1836

МАРІЯ АНТОНОВНА НАРЫШКИНА, 1779—1854, младшая дочь князя Антона Четвертинскаго (см. т. I, №№ 104 и 105), родилась 3 Февраля 1779 г.; Екатериной II была пожалована во фрейлины и въ 1795 году вышла замужъ за Дмитрія Львовича Нарышкина; Державинъ воспѣлъ это событіе въ стихахъ, гдѣ „Дафнисъ“ увѣрялъ: „Лишь ты, хозяйка молодая, ‖ Монхъ пребудешь счастьемъ дней!“ „Нѣтъ, ты!“ отвѣчала Дафна... Но поэтъ, въ своей „пастушеской эклогѣ“, оказался плохимъ пророкомъ. Какъ первая красавица, Нарышкина блистала при дворѣ Павла и скоро обратила на себя благосклонное вниманіе Великаго Князя Александра. „Всѣхъ Асназія милѣй: ‖ Черными очей огнями, ‖ Грудью пышною своей... ‖ Она чувствуетъ, вздыхаетъ, ‖ Нѣжная видна душа, ‖ И сама того не знаетъ, ‖ Чѣмъ всѣхъ больше хороша!“ Такъ изобразилъ Нарышкину Державинъ, увѣряя, что „мудрецы по ней вздыхаютъ, и Перикл въ нее влюбленъ“. „Le grand veneur Narychkine“, говоритъ графъ Ф. Головкинъ, „était un mari complaisant; au reste, la grâce et la beauté de sa femme, la séduisante Marie Antonowna, ne le touchaient point. Cependant ces charmes étaient suffisamment attrayants pour occuper le cœur d'un puissant monarque, même s'ils n'étaient parés „que d'une simple robe de crêpe blanc et d'une guirlande de ces fleurs bleues qu'on appelle: Ne m'oubliez pas“... „О взаимной ея любви съ Императоромъ Александромъ“, писалъ Вигель, „я не позволилъ бы себѣ говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной“. Но этому сближенію предшествовалъ эпизодъ, о которомъ разсказываетъ графиня Головина въ своихъ „Запискахъ“: „На балахъ (1801 г., во время масленицы) Великій Князь Александръ началъ обращать вниманіе на красавицу Нарышкину; у него уже завязывалась интрига, и онъ разсчитывалъ на успѣхъ, когда князь Зубовъ пошутилъ надъ Великимъ Княземъ относительно его ухаживаній за Нарышкиной и сообщилъ ему, что и онъ могъ быть доволенъ ея обращеніемъ. Они обѣщали давать другъ другу отчетъ въ ходѣ своихъ дѣлъ и подтвердили честнымъ словомъ, что имѣющій менѣе успѣха уступитъ другому... Нѣсколько времени спустя, Зубовъ показалъ записочки, которыя были ему переданы Нарышкиной. Великій Князь удалился безъ сожалѣнія, онъ даже выразился съ презрѣніемъ объ этой женщинѣ“... Однако, это продолжалось недолго. Затѣмъ послѣдовали годы взаимной близости, и только лѣтомъ 1814 г. Вигель, которому М. А. покровительствовала, выражалъ сожалѣніе, что „царственная связь, увы! уже совершенно разорвана“. Чрезъ мѣсяцъ послѣ рожденія у Нарышкиной сына, послѣдовалъ 30 Августа 1813 г. такой собственноручный рескриптъ Александра Павловича Д. Л. Нарышкину: „Принимая искреннее участіе въ благосостояніи семейства вашего, я, согласно съ желаніемъ вашимъ, полагаю сдѣлать слѣдующее распоряженіе: 1) Все движимое и недвижимое имѣніе, какое оставаться будетъ по кончинѣ вашей, раздѣлить между братомъ Еммануломъ и сестрами его, Мариною и Софіею, на законномъ основаніи; 2) такимъ образомъ имѣніе, доставшееся Еммануилу и Софіи, оцѣнить, съ тѣмъ, что сумма, какая за оное причтется, заплачена будетъ дочери вашей Маринѣ изъ моего Кабинета. По предстоящей вамъ надобности въ деньгахъ, вы получите при семъ триста тысячъ рублей. Сумма сія въ свое время должна быть вычтена изъ той, которая выше сего назначается въ пользу старшей сестры Марины. Ежели при жизни моей не могъ бы я привести къ совершенію сего постановленія, я возлагаю на наслѣдниковъ монхъ исполнить во всей силѣ и со всей точностью сію столь близкую къ сердцу моему обязанность“. Послѣ рескрипта скоро послѣдовалъ разрывъ; по словамъ графини Эделингъ, Нарышкина „сама порвала ту связь, которую не умѣла цѣнить“, а графъ Головкинъ въ 1816 г. писалъ изъ Флоренціи: „Nous avons ici le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre; lui a une sorte de célébrité: la belle Narychkine s'en amouracha, leurs amours furent imprudentes; la belle eut injonction de voyager et le secrétaire d'Etat fut congédié“...

Нарышкина умерла 6 Сентября 1854 г. за границей и похоронена въ Мюнхенѣ, на кладбищѣ „Südlicher Friedhof“; у нея было пять дочерей: Марина (р. 1798 г., † 1871 г.), двѣ Елизаветы и Зинаида умерли въ младенчествѣ (въ 1803 г., въ 1804 г. и послѣдняя 18 Іюля 1810 г.), и Софья (р. 1808 г., † 1824 г.); единственный ея сынъ, получившій необычное мистическое имя Эммануила, родился 30 Іюля 1813 г. († 1902 г.), въ то время, когда „Съ нами Богъ“ сдѣлалось девизомъ побѣдоноснаго, но уже начавшаго склоняться къ мистицизму Императора Александра.

(Съ портрета, писаннаго въ С.-Петербургѣ, въ 1801 г., подпись Eduard Strocly; собственность А. Н. Нарышкиной.)

MARIE ANTONOWNA NARYCHKINE, 1779—1854, fille cadette du prince Antoine Tchetvertinsky (v. T. I, NNos 104 & 105), naquit le 3 février 1779. Demoiselle d'honneur de Catherine II, elle épousa en 1795 Dmitri Lvowitch Narychkine; Derjavine chanta cet événement dans des vers où Daphnis disait: „Toi seule, ô ma jeune épousée, Feras le bonheur de mes jours!" et Daphné répondait: „Non, c'est toi!"... Mais l'auteur de cette Pastorale fut mauvais prophète. Mme Narychkine brillait à la Cour de Paul pour sa beauté sans égale, et attira bientôt l'attention bienveillante du Grand-Duc Alexandre. „Aspasie est la plus gentille, Et par le feu de ses yeux noirs, Et par son sein luxuriant... Elle est sensible, elle soupire, On voit qu'elle est une âme tendre; Elle-même elle ne sait pas Ce qui fait qu'elle est la plus belle!" Ainsi la dépeint Derjavine, et il ajoute: „Les sages soupirent pour elle, Périclès en est amoureux". „Le grand veneur Narychkine", dit le comte T. Golovkine, „était un mari complaisant; au reste, la grâce et la beauté de sa femme ne le touchaient point. Cependant ces charmes étaient suffisamment attrayants pour occuper le cœur d'un puissant monarque, même s'ils n'étaient parés „que d'une simple robe de crêpe blanc et d'une guirlande de ces fleurs qu'on appelle: Ne m'oubliez pas"... „De leur amour réciproque avec l'Empereur Alexandre", dit Wiegel, „je ne me permettrais pas de parler, si c'était encore un secret pour quelqu'un". Mais le rapprochement fut précédé d'un épisode raconté par la comtesse Golovine dans ses Mémoires: „Aux bals" (du carnaval 1801), „le Grand-Duc Alexandre commença à faire attention à la belle Narychkine; il avait déjà noué une intrigue et comptait sur le succès, quand le comte Zouboff le plaisanta sur ses assiduités, en ajoutant que lui non plus n'avait pas à se plaindre d'elle. Ils se promirent de se tenir mutuellement au courant de la marche des affaires et se donnèrent leur parole que le moins heureux céderait la place à l'autre... Zouboff montra peu après des billets de Mme Narychkine. Le Grand-Duc se retira sans regret, s'exprimant même avec mépris sur cette femme"... Pour peu de temps, cependant! Ce furent ensuite des années d'intimité, et seulement à l'été de 1814, Wiegel, protégé de Mme Narychkine, exprime le regret de voir „la liaison royale maintenant, hélas! complètement rompue". Un mois après la naissance du fils de Mme Narychkine, Alexandre avait donné, le 30 août 1813, un rescrit autographe au nom de son mari, ainsi conçu: „Prenant un sincère intérêt au bien-être de votre famille, j'ai arrêté, conformément à votre désir, les dispositions suivantes: 1) Tous les biens meubles et immeubles laissés à votre décès seront partagés entre le frère Emmanuel et ses sœurs Marine et Sophie, selon la loi; 2) Il sera fait en conséquence une estimation de la propriété donnée à Emmanuel et Sophie, et le montant de l'évaluation en sera versé à votre fille Marine par mon Cabinet. Pour vos besoins immédiats, vous recevrez ci-joint trois cent mille roubles, à valoir sur la somme portée plus haut comme revenant à votre aînée Marine. Si je ne pouvais, de mon vivant, mettre à exécution moi-même ces dispositions, je charge mes héritiers de remplir en toute vigueur et ponctualité cette obligation si chère à mon cœur". La rupture suivit de près; au témoignage de la comtesse Edeling, ce fut Mme Narychkine qui „rompit elle-même cette liaison, qu'elle ne savait pas apprécier", et le comte Golovkine écrit de Florence en 1816: „Nous avons ici le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre; lui a une sorte de célébrité: la belle Narychkine s'en amouracha, leurs amours furent imprudentes; la belle eut injonction de voyager et le secrétaire d'Etat fut congédié".

Mme Narychkine mourut le 6 septembre 1854 à l'étranger, et fut inhumée à Munich, au cimetière Südlicher Friedhof. Elle eut cinq filles: Marine (1798—1871), deux Elisabeth et Zénaïde, mortes en bas âge en 1803, 1804 et le 18 juillet 1810, et Sophie (1808—1824); son unique fils († 1902), qui reçut le peu ordinaire prénom mystique d'Emmanuel, était né le 30 juillet 1813, à l'époque où, victorieux, mais versant déjà dans le mysticisme, l'Empereur Alexandre avait pris pour devise: Dieu avec Nous!

(D'après un original fait à St-Pétersbourg en 1801 et signé Eduard Strocly, appartenant à Mme A. Narychkine.)

Марія Антоновна
Нарышкина, 1779-1854

Marie Antonowna
Naryschkine, 1779-1854

ДМИТРІЙ ЛЬВОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ, 1764—1838, сынъ оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина отъ брака съ племянницей графа А. Г. Разумовскаго Маріной Осиповной Закревской, родился 30 Мая 1764 года. Сынъ одного изъ ближайшихъ къ Екатеринѣ II придворныхъ сановниковъ, Нарышкинъ пользовался расположеніемъ Императрицы и 1 Января 1793 года пожалованъ въ камергеры; 6 Августа 1798 г. онъ получилъ званіе гофмейстера, а въ 1804 г. сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ. Умеръ Д. Л. Нарышкинъ 31 Марта 1838 года и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Булгаринъ называетъ Нарышкина „прекраснымъ мужчиной, истинно аристократической наружности". По отзыву Вигеля, онъ „принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени; со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но такъ же, какъ почти всѣ они, сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ, при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ". Обладая 25.000 душъ крестьянъ, Нарышкинъ славился своимъ изысканнымъ хлѣбосольствомъ и оркестромъ роговой музыки, увеселявшимъ игрою на золоченыхъ рогахъ аристократическое общество, собиравшееся на роскошной дачѣ Нарышкина, на Каменномъ Островѣ. Предоставляя приказчикамъ управленіе своими вотчинами, Нарышкинъ былъ не прочь разыграть роль патріархальнаго помѣщика-отца: въ церкви родовой Нарышкинской подмосковной вотчины, с. Покровскаго на Филяхъ, находится образъ Спасителя, которымъ, какъ гласитъ надпись, Д. Л. Нарышкинъ „благословилъ" своихъ крестьянъ въ 1819 году, въ бытность свою въ с. Покровскомъ „со всею фамиліею". Въ 1795 г. онъ вступилъ въ бракъ съ княжной Маріей Антоновной Четвертинской. Державинъ привѣтствовалъ „новоселье молодыхъ" пастушеской эклогой, въ которой „Дафна"-Четвертинская надѣялась „вкушать златыхъ дней токъ" съ помощью „Дафниса"-Нарышкина. Но пожеланія поэта не осуществились, и бракъ Нарышкиныхъ не былъ благословленъ любовью и вѣрностью. „Неестественная, невозможная", по отзыву очевидцевъ, красота Нарышкиной возбудила страсть въ Александрѣ I. Стихотворцы, подобные Державину, признавая, что „мудрецы по ней вздыхаютъ, и Периклъ въ нее влюбленъ", еще пытались опровергать „злыя молвы" насчетъ репутаціи новой „Аспазіи", но прозапки не скрывали истины. „О взаимной любви ея съ Императоромъ Александромъ", писалъ Вигель, „я не позволилъ бы себѣ говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной". Тотъ же Вигель лѣтомъ 1814 г. выражалъ сожалѣніе, что полезная для его личныхъ видовъ на протекцію „царственная связь, увы! уже совершенно разорвалась".

Д. Л. Нарышкинъ занималъ невидное и довольно двусмысленное положеніе среди „свободно почтительнаго съ хозяйкой" веселаго общества въ своемъ роскошномъ домѣ, получившемъ отъ Александра I имя „Капуи" за исполненную нѣги и наслажденій атмосферу въ „храмѣ красоты", какъ Вигель называлъ внутреннія аппартаменты Нарышкиной. По наблюденію современниковъ, Дмитрій Львовичъ, „повидимому, не пользовался отношеніями, существовавшими между монархомъ и его супругой", да едва ли и былъ способенъ на это по своему „нетвердому" уму и характеру. Въ концѣ концовъ „широкое барское житье" привело къ учрежденію надъ нимъ попечительства, по требованію его супруги, не мало способствовавшей разстройству его состоянія, и престарѣлый оберъ-егермейстеръ на склонѣ дней получалъ на расходъ лишь по 40.000 руб. асс. въ годъ.

(Съ портрета Гуттенбрунна; собственность А. Н. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

36

DMITRI LVOWITCH NARYCHKINE, 1764—1838, fils de Léon Alexandrowitch Narychkine, grand écuyer, et de Marine Ossipowna, née Zakrewsky, nièce du comte A. Razoumowsky, naquit le 30 mai 1764. Fils d'un des dignitaires de la Cour les plus intimes de Catherine II, il jouissait de la faveur de l'Impératrice, et, le 1er janvier 1793, fut fait chambellan; maître de la Cour le 6 août 1798, il devint en 1804 grand veneur. Il mourut le 31 mars 1838 et fut inhumé dans l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

Boulgarine appelle Narychkine „un bel homme, à l'extérieur vraiment aristocratique". Au témoignage de Wiegel, il „était du petit nombre des courtisans grands seigneurs restés de l'époque précédente; il avait leur courtoisie sans contrainte envers tout le monde, leur noblesse de cœur et de manières, joignant d'ailleurs, comme presque tous, au goût de la volupté et du faste et à la prodigalité un certain manque de fermeté d'âme et de caractère". Possesseur de 25.000 têtes de paysans, il était réputé pour son hospitalité raffinée et l'orchestre de cors dorés qu'il faisait jouer pour l'aristocratique société des invités de sa luxueuse villa de Kamenny-Ostroff. Laissant à des intendants le soin d'administrer ses domaines, il était assez porté à jouer, comme propriétaire, le rôle patriarcal de père de ses paysans: l'église du domaine patrimonial des Narychkine, à Pokrowskoïé, près Moscou, renferme une image du Sauveur, avec laquelle, dit une inscription, il les „bénit" lorsqu'il vint en 1819 „avec toute sa famille". Il épousa en 1795 la princesse Marie Antonowna Tchetvertinsky. Derjavine composa en l'honneur des nouveaux mariés une pastorale, où Daphné-Tchetvertinsky espérait „Goûter de jours dorés le cours" avec Daphnis-Narychkine. Mais les vœux du poète ne se réalisèrent pas, et l'union ne fut couronnée ni d'amour ni de fidélité. La beauté „surnaturelle, invraisemblable", au témoignage des contemporains, de Mme Narychkine, excita la passion d'Alexandre Ier. La poésie, à l'exemple de Derjavine, tout en reconnaissant que „Les sages soupirent pour elle, Périclès en est amoureux", contestaient bien les „mauvais propos" touchant la réputation de la nouvelle Aspasie; mais, en prose, on ne cachait pas la vérité. „De leur amour réciproque avec l'Empereur Alexandre", dit Wiegel, „je ne me permettrais pas de parler, si c'était encore un secret pour quelqu'un". Le même Wiegel exprime à l'été de 1814 le regret de voir „maintenant, hélas! complètement rompue cette liaison royale", qui pouvait lui procurer une protection personnelle.

Narychkine avait une position effacée et assez ambiguë parmi la société joyeuse et „libre de ses hommages à Madame" qui se réunissait dans la luxueuse maison surnommée Capoue par Alexandre Ier pour l'atmosphère de mollesse et de jouissances du „Temple de la Beauté", comme Wiegel appelait les appartements particuliers de Mme Narychkine. Le mari, au témoignage des contemporains, „ne semblait pas tirer parti des rapports du Monarque et de sa femme", et n'en était d'ailleurs guère capable, en raison de son „manque de fermeté" d'âme et de caractère. Le grand train de vie des Narychkine aboutit à un conseil judiciaire, sur la demande de la femme, qui n'avait pas peu contribué à ruiner son mari, et le vieux grand veneur en fut réduit sur son déclin à un budget de 40.000 roubles par an.

(D'après un original de Guttenbrunn, appartenant à Mme A. Narychkine, St-Pétersbourg.)

Пис. Гуттенбрунн

Peint par Guttenbrunn

Дмитрій Львовичъ
Нарышкинъ, 1758 1838

Dmitri Lvowitch
Narychkine, 1758 1838

37

Графиня МАРИНА ДМИТРІЕВНА ГУРЬЕВА, 1798—1871, старшая дочь оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина отъ брака съ извѣстной фавориткой Александра I княжной Маріей Антоновной Четвертинской. Съ 1819 года она была замужемъ за посланникомъ въ Гаагѣ, Римѣ и Неаполѣ, тайнымъ совѣтникомъ графомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Гурьевымъ († 21 Февраля 1849 г.) и имѣла одного сына, Александра, и двухъ дочерей, Ольгу (р. 1820 г., † 1853 г.; за княземъ В. Б. Святополкъ-Четвертинскимъ) и Александру (р. 1825 г.; за княземъ И. Н. Гагаринымъ).

Графиня М. Д. Гурьева скончалась 11 Августа 1871 года.

Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ признавалъ Марину Дмитріевну несомнѣнно своей дочерью и ей одной желалъ оставить все свое состояніе; графиня Гурьева отличалась блестящей красотой, унаслѣдовавъ ее отъ матери, на которую походила и своимъ характеромъ. По словамъ Ф. И. Іордана въ его „Запискахъ“, графиня Гурьева была „очень легкомысленна и являла особое вниманіе къ банкиру Александру Торлони“...

(Съ портрета, принадлежащаго А. Н. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

37

La comtesse **MARINE DMITRIEWNA GOURIEFF**, 1798 — 1871, fille aînée du grand veneur Dmitri Lvowitch Narychkine et de la célèbre favorite d'Alexandre Ier, Marie Antonowna, née princesse Tchetvertinsky, épousa en 1819 le comte Nicolas Dmitriewitch Gourieff († 21 février 1849), conseiller privé, ambassadeur à La Haye, à Rome et à Naples, dont elle eut un fils, Alexandre, et deux filles, Olga (1820—1853), mariée au prince Sviatopolk-Tchetvertinsky, et Alexandrine (née 1825), mariée au prince N. Gagarine.

La comtesse Gourieff mourut le 11 août 1871.

Dmitri Lvowitch Narychkine la considérait vraiment comme sa fille et tint à la faire son unique héritière. Elle était d'une beauté remarquable, qu'elle tenait de sa mère, dont elle avait également le caractère. Au témoignage de Jordan dans ses Mémoires, elle était très frivole et distinguait particulièrement le banquier Alexandre Torloni...

(D'après un original appartenant à Mme A. Narychkine, St-Pétersbourg.)

Графиня Марина Дмитріевна Гурьева, 1798–1871 | *La Comtesse Marine Dmitriewna Gourieff, 1798–1871*

Экспед. Заго. Госуд. Бумаг. Manufacture des papiers de l'Etat

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ, 1806—1844, сынъ Ивана Васильевича Кривцова отъ брака съ Вѣрой Ивановной Карповой, родился въ 1806 г.; воспитывался, вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ, впослѣдствіи декабристомъ, на иждивеніи Императора Александра Павловича, въ Гофвилѣ, въ пансіонѣ знаменитаго Фелленберга. На службу П. И. Кривцовъ поступилъ очень рано: уже въ Мартѣ 1823 г. онъ былъ опредѣленъ актуаріусомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ причисленіемъ къ нашей миссіи въ Берлинѣ; въ Августѣ 1826 г. Кривцовъ перевелся въ Римъ, гдѣ и протекла вся его дальнѣйшая служба, сначала въ качествѣ второго секретаря посольства, затѣмъ (съ Декабря 1834 г.) перваго, а съ Января 1840 года—въ должности начальника надъ русскими художниками въ Римѣ, посылаемыми туда для усовершенствованія; кромѣ того, онъ неоднократно исправлялъ обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ придворномъ званіи П. И. Кривцовъ находился съ 1828 г., когда былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а съ 1835 г. былъ въ званіи камергера. Онъ умеръ 12 Августа 1844 года въ Любичахъ, имѣніи его брата Николая, въ Тамбовской губерніи, въ той самой комнатѣ, гдѣ скончался Н. И. Кривцовъ.

О Кривцовѣ сохранилось не мало отзывовъ современниковъ, художниковъ и писателей, жившихъ въ Римѣ, или посѣщавшихъ Вѣчный Городъ. Отзывы эти нѣсколько сдержаны (отзывъ Гоголя даже суровъ), но въ общемъ всѣ удостовѣряютъ, что онъ былъ „ласковъ“, любезенъ и пользовался расположеніемъ художниковъ, бывшихъ подъ его наблюденіемъ и, между прочимъ, оставившихъ въ его альбомѣ знаки своихъ къ нему симпатій. Между прочимъ, въ Римѣ написалъ портретъ П. И. Кривцова и, какъ говорятъ, очень удачно Каневскій. (По словамъ В. В. Стасова, послѣ смерти Кривцова художественный альбомъ его перешелъ по наслѣдству къ зятю его, Николаю Михайловичу Орлову.) Одинъ изъ современниковъ такъ охарактеризовалъ П. И. Кривцова: „Кривцовъ представлялъ собой типъ русскаго барина добраго стараго времени, не лишеннаго, впрочемъ, здраваго взгляда вообще и даже на искусство; такъ, составленный имъ проектъ объ учрежденіи мозаическаго отдѣленія, по разсмотрѣніи совѣтомъ Академіи Художествъ, одобренъ былъ вполнѣ, и признано, что, дѣйствительно, ни въ одной изъ странъ Европы нельзя столь удобно и съ наименьшимъ расходомъ учредить такое отдѣленіе, какъ въ Россіи“.

П. И. Кривцовъ былъ женатъ (съ 1837 г.) на княжнѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Репниной (р. 1817 г., † 1855 г.); отъ этого брака онъ имѣлъ одного сына, Николая, и дочь Ольгу, бывшую въ замужествѣ за Н. М. Орловымъ.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность Е. И. Орловой, въ Москвѣ.)

38

PAUL IVANOWITCH KRIVTZOFF, 1806 — 1844, fils d'Ivan Vassiliewitch Krivtzoff et de Véra Ivanowna, née Karpoff, naquit en 1806, et fit son éducation, ainsi que son frère Serge, plus tard décabriste, aux frais de l'Empereur Alexandre, à Hofvill, dans la pension bien connue Fehlenberg. Il entra tout jeune au service: dès 1823, en mars, actuaire au Collège des Affaires étrangères, il fut attaché à notre mission de Berlin. En août 1826, il passa à Rome, où il fit toute sa carrière ultérieure, comme deuxième, puis (décembre 1834) premier secrétaire d'ambassade, et, depuis janvier 1840, comme chef des artistes russes que l'Académie des Beaux-Arts envoyait se perfectionner à Rome; il remplit de plus à plusieurs reprises les fonctions de chargé d'affaires. A la Cour, il fut gentilhomme de la chambre en 1828 et chambellan en 1835. Il mourut le 12 août 1844 dans la propriété de son frère Nicolas, à Loubitchi, gouvernement de Tamboff, dans la même chambre où mourut son frère.

On a sur Krivtzoff nombre de témoignages de contemporains, artistes et écrivains, ayant habité ou passé à Rome. Les appréciations, toutes plutôt modérées (celle de Gogol est même sévère), sont pourtant unanimes à le représenter comme „affable", aimable et bien vu des artistes placés sous sa surveillance, qui laissèrent d'ailleurs dans son album des traces de leur sympathie. Ainsi, à Rome, Kanewsky fit de lui un portrait, dit-on, très réussi. (Au témoignage de V. Stassoff, son album d'artiste passa après sa mort à son gendre et héritier Nicolas Mikhaïlowitch Orloff.) Un contemporain donne de lui la caractéristique suivante: „Krivtzoff était un type de seigneur russe du bon vieux temps, non dépourvu d'ailleurs de jugement en général, et en particulier en matière d'art: ainsi son projet de Section de Mosaïque fut, après examen, entièrement approuvé par le Conseil de l'Académie des Beaux-Arts, qui estima qu'effectivement, dans aucun pays d'Europe un tel projet ne serait plus facile et moins coûteux à réaliser qu'en Russie".

Krivtzoff épousa en 1837 la princesse Elisabeth Nikolaewna Repnine (1817—1855). Il eut de ce mariage un fils Nicolas et une fille Olga, mariée à N. Orloff.

(D'après l'original de Brulloff appartenant à Mlle C. Orloff, Moscou.)

Пис К. Брюловъ

Павелъ Ивановичъ
Кривцовъ, 1806 1844

Peint par Ch. Brulloff

Paul Ivanowitch
Krivtzoff, 1806 1844

39

СОФІЯ ПЕТРОВНА АПРАКСИНА, 1802—1886, дочь извѣстнаго генерала, русскаго посла въ Парижѣ, графа Петра Александровича Толстого, отъ брака его съ княжной Маріей Алексѣевной Голицыной (см. т. I, №№ 38 и 185), родилась 3 Апрѣля 1802 г.; 16-и лѣтъ она вышла замужъ за сына извѣстнаго Московскаго старожила и богача, флигель-адъютанта Владиміра Степановича Апраксина.

Отъ этого брака у нея было четверо дѣтей: Наталія (р. 5 Мая 1820 г., † 24 Сентября 1853 г.; дѣвица), Викторъ (р. 1822 г., † 19 Января 1898 г.), Петръ (р. 11 Августа 1824 г., † 7 Марта 1831 г.) и Марія (р. 1827 г., † 4 Апрѣля 1887 г.; за княземъ Мещерскимъ).

Рано овдовѣвъ, 1 Іюня 1833 г., С. П. Апраксина посвятила себя всецѣло воспитанію дѣтей, а также уходу за престарѣлымъ одинокимъ отцомъ, графомъ П. А. Толстымъ (1769—1844), и заботамъ о своей младшей сестрѣ Евдокіи (р. 1817 г.), вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа А. Д. Гурьева. Съ 1848 г. она была гофмейстериною при дворѣ Великой Княгини Александры Іосифовны, но оставила эту должность въ 1854 г., потерявъ свою старшую дочь Наталію. С. П. Апраксина скончалась 4 Ноября 1886 г. и похоронена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ.

По свидѣтельству современницы, въ 1818 г. „молодая Апраксина была прекрасна собой: свѣжа и румяна, совершенная роза“; лицо, хорошо знавшее С. П. Апраксину, пишетъ: „Она была самой обворожительной красавицей; восхитительная, граціозная, умная, серіозная, достаточно образованная и весьма начитанная, прелестная свѣтская барыня, она въ то же время была строго православная, глубоко вѣрующая женщина, съ твердыми, какъ кремень, правилами и убѣжденіями, пылкая, не знающая компромиссовъ, въ то же время она была добра, доступна и готова всегда помочь всякому нуждающемуся“.

(Съ портрета Риссъ; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

39

SOPHIE PETROWNA APRAXINE, 1802—1886, fille du comte Pierre Alexandrowitch Tolstoï, général, connu comme ambassadeur russe à Paris, et de Marie Alexéewna, née princesse Golitzyne (v. T. I, №№ 38 et 185), naquit le 3 avril 1802. Elle épousa, à l'âge de 16 ans, Vladimir Stépanowitch Apraxine, aide de camp de Sa Majesté, dont le père est connu comme moscovite de souche et richard.

Elle eut de ce mariage quatre enfants: Natalie (5 mai 1820—24 septembre 1853), non mariée, Victor (1822—19 janvier 1898), Pierre (11 août 1824—7 mars 1831) et Marie (1827—4 avril 1887), mariée au prince Mechtchersky.

Devenue veuve de bonne heure, le 1er juin 1833, Mme Apraxine se consacra entièrement à l'éducation de ses enfants, ainsi qu'aux soins de son vieux père resté seul, le comte P. Tolstoï (1769—1844), et de sa plus jeune sœur Eudoxie (née 1817), mariée dans la suite au comte A. Gourieff. Elle devint en 1848 maîtresse de la Cour de la Grande-Duchesse Constantin, mais renonça à cette dignité en 1854, à la mort de sa fille aînée Natalie. Elle mourut le 4 novembre 1886, et fut inhumée à Moscou, au monastère Novodévitchi, près de son mari.

Au témoignage d'une contemporaine, en 1818, „la jeune Apraxine était très belle: une fraîcheur et un teint de rose". Quelqu'un qui la connut bien écrit: „Elle était tout ce qu'il y a d'enchanteur; ravissante, gracieuse, de l'esprit, du sérieux, assez d'instruction et beaucoup de lectures; charmante mondaine, elle était en même temps d'une rigoureuse orthodoxie et d'une foi profonde, ferme comme un roc dans ses principes et ses convictions, ardente, étrangère aux compromis, d'ailleurs bonne, accessible et toujours prête à venir en aide".

(D'après un original de Riss appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouvernement de Moscou.)

Пис. Рисъ

Peint par Riss

Софія Петровна
Апраксина, 1802–1886

Sophie Pétrowna
Apraxine, 1802–1886

ИВАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ РИБОПЬЕРЪ, 1750 — 1790, происходилъ отъ младшей вѣтви знатной Эльзасской фамиліи Ribeaupierre (Rappolstein), состоявшей въ родствѣ съ баварскими Виттельсбахами, и былъ сынъ друга Вольтера Марка-Стефана де-Рибопьера. Онъ выросъ на Женевскомъ озерѣ въ замкѣ La Ligniѐre и получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ. По примѣру многихъ швейцарцевъ, искавшихъ счастія на чужбинѣ, и своихъ двухъ старшихъ братьевъ, служившихъ въ испанской службѣ, Рибопьеръ сначала добылъ патентъ на чинъ лейтенанта голландской службы, а затѣмъ въ концѣ 70-хъ годовъ отправился въ Россію и, благодаря завязавшемуся въ Тюбингенѣ знакомству съ княземъ Н. Б. Юсуповымъ и С. С. Апраксинымъ и особенно рекомендательному письму Вольтера, былъ назначенъ адъютантомъ Потемкина. Свое положеніе при Дворѣ Рибопьеръ закрѣпилъ бракомъ съ фрейлиной Аграфеной Александровной Бибиковой, находившейся подъ особымъ покровительствомъ Екатерины II, и главнымъ образомъ дружбой съ фаворитомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, который, по собственному признанію, „почти жить не могъ безъ Ивана Степановича“. Получивъ при содѣйствіи Мамонова чинъ бригадира, Рибопьеръ послѣ удаленія отъ Двора фаворита отправился въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію и былъ убитъ при штурмѣ Измаила 11 Декабря 1790 года.

Отъ брака съ А. А. Бибиковой, Рибопьеръ имѣлъ сына Александра, получившаго впослѣдствіи графскій титулъ, и трехъ дочерей: Анастасію, Елизавету, бывшую въ замужествѣ за Александромъ Александровичемъ Полянскимъ, сыномъ фаворитки Петра III, графини Елизаветы Романовны Воронцовой, и Екатерину, бывшую въ замужествѣ за А. В. Зыбинымъ.

Умный, красивый, обладавшій изящными манерами Рибопьеръ производилъ чарующее впечатлѣніе на людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. По отзывамъ современниковъ, „il était chéri de toute sa famille et généralement de ses compatriotes“. Хитрый и ловкій, прозванный за сдержанность „dieu du silence“, онъ умѣлъ нравиться людямъ разныхъ взглядовъ и положеній. Онъ былъ другомъ Лагарпа и, какъ утверждаютъ, рекомендовалъ его въ наставники Великаго Князя Александра Павловича. При тѣсныхъ связяхъ съ заграничными либералами и „философами“, Рибопьеръ дѣятельно ухаживалъ за Мамоновымъ, „просиживая у Его Превосходительства часто до 3-хъ часовъ ночи“, и удостоился быть приглашеннымъ на интимныя Эрмитажныя собранія Екатерины II. Иные, впрочемъ, какъ Безбородко, считали этого блестящаго авантюриста безпринципнымъ и вреднымъ интриганомъ. Между прочимъ его обвиняли въ томъ, что онъ обманулъ Екатерину, устроивъ бракъ Мамонова со своей свойственницей, княжной Дарьей Ѳедоровной Щербатовой. Доказавшій свою храбрость своей смертью, „tragique et glorieuse“, Рибопьеръ не былъ способенъ рисковать своей придворной карьерой и „былъ блѣденъ, какъ платокъ“, когда ему пришлось оправдываться передъ оскорбленной измѣной Мамонова престарѣлой Императрицей. „Я позвала“, писала Екатерина Потемкину послѣ разрыва съ фаворитомъ въ Іюнѣ 1789 г., „Рибопьера, который былъ конфидентомъ въ теченіе года. Я его нашла нѣмымъ и трепещущимъ: я сказала ему, что они напрасно скрывали все это и обманывали меня въ продолженіе года и, что еще хуже, не открылись вамъ“.

(Съ портрета Левицкаго, 1789 г.; собственность графа Г. И. Рибопьера, въ С.-Петербургѣ.)

40

IVAN STÉPANOWITCH RIBEAUPIERRE, 1750—1790, de la branche cadette de la famille notable d'Alsace des Ribeaupierre (Rappolstein), apparentée aux Wittelsbach de Bavière, était fils de Marc-Stéphane de Ribeaupierre, l'ami de Voltaire. Il grandit au château de La Liguière, sur les bords du lac de Genève, et fit ses études à l'université de Tubingen. A l'exemple de beaucoup de Suisses qui cherchaient fortune à l'étranger, et de ses deux frères aînés, entrés au service de l'Espagne, il se fit donner d'abord un brevet de lieutenant de l'armée hollandaise, puis, à la fin des années 70, se rendit en Russie, et, grâce aux relations qu'il avait nouées à Tubingen avec le prince N. Youssoupoff et S. Apraxine, et surtout à une lettre de recommandation de Voltaire, fut nommé aide de camp de Potemkine. Il affermit sa situation à la Cour par son mariage avec la demoiselle d'honneur Agrippine Alexandrowna Bibikoff, favorisée de la protection spéciale de Catherine II, et surtout par son amitié avec le favori Dmitrieff-Mamonoff, qui, de son propre aveu, „ne pouvait guère vivre sans Ribeaupierre". Promu brigadier grâce à son intermédiaire, il alla, lors de la disgrâce du favori, à l'armée de Turquie, et périt à l'assaut d'Ismaïl le 11 décembre 1790.

De son mariage avec Agrippine Bibikoff, Ribeaupierre eut un fils Alexandre, qui reçut dans la suite le titre de comte, et trois filles, Anastasie, Elisabeth, qui épousa Alexandre Alexandrowitch Poliansky, fils de la comtesse Elisabeth Worontzoff, favorite de Pierre III, et Catherine, qui épousa A. Zybine.

Intelligent et bel homme aux manières élégantes, Ribeaupierre produisait sur quiconque l'approchait une impression fascinatrice. Au témoignage des contemporains, „il était chéri de toute sa famille et généralement de ses compatriotes". Rusé et adroit, d'une réserve qui l'avait fait surnommer le dieu du silence, il savait plaire à des gens de toute espèce d'opinions et de positions. Ami de La Harpe, il le recommanda, dit-on, comme précepteur du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. En relations étroites avec les libéraux et „philosophes" de l'étranger, il fit une cour assidue à Mamonoff, „restant souvent chez Son Excellence jusqu'à trois heures du matin", et eut l'honneur d'être admis par Catherine II à ses réunions intimes de l'Ermitage. Quelques-uns d'ailleurs, comme Bezborodko, regardaient ce brillant aventurier comme un intrigant sans principes et nuisible. On lui reprochait, entre autres choses, d'avoir trompé Catherine en arrangeant le mariage de Mamonoff avec sa parente par alliance, la princesse Daria Féodorowna Chtcherbatoff. Ribeaupierre, qui prouva sa bravoure par sa mort „tragique et glorieuse", n'était pas homme à risquer sa carrière à la Cour, et c'est „pâle comme un linge" qu'il vint se justifier devant l'Impératrice vieillissante, blessée de la trahison de Mamonoff. „J'ai fait venir", écrivait Catherine à Potemkine après la rupture avec le favori en juin 1789, „Ribeaupierre, qui a été confident un an. Je l'ai trouvé muet et tremblant: je lui ai dit qu'ils avaient eu tort de cacher tout cela, de me tromper toute une année, et, qui pis est, de ne rien vous dire".

(D'après un original de Lévitzky, 1789, appartenant au comte G. Ribeaupierre, St-Pétersbourg.)

Пис Левицкій, 1789 | Peint par Lévitsky, 1789

Иванъ Степановичъ Рибопьеръ, 1750-1790

Ivan Stepanowitch Ribeaupierre, 1750-1790

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ ...

41

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 1771—1831, и его жена, **ЕЛЕНА ПЕТРОВНА**, 1774—1823, съ ихъ дѣтьми.

Сергѣй Васильевичъ Толстой, гвардіи капитанъ-поручикъ, сынъ полковника Василія Ивановича отъ брака съ Александрой Ивановной Майковой (р. 26 Мая 1737 г., † 28 Января 1812 г.), родился 16 Октября 1771 года; умеръ 60 лѣтъ, 4 Августа 1831 года.

Жена его, Елена Петровна, родилась 20 Апрѣля 1774 г. и была старшая дочь генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Петровича Долгорукаго (р. 1744 г., † 1815 г.), женатаго на Анастасіи Симоновнѣ Лаптевой († 1827 г.), и старшая сестра извѣстныхъ князей Петра (р. 1777 г., † 1806 г.) и Михаила (р. 1780 г.; убитъ при Иденсальми 15 Октября 1809 г.), сподвижниковъ Александра I въ первые годы его царствованія. Е. П. Толстая была очень любима послѣднимъ братомъ и снабжала его деньгами во время поѣздки его въ Парижъ курьеромъ въ 1800 году. Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ князь М. П. Долгорукій говоритъ: „Я думаю, что для меня хорошо было бы пріучиться немного къ обществу. Слышу за 600 миль, что ты говоришь: „И очень! и очень!“ — Извините-съ, совсѣмъ не нужно, особенно для меня, который всегда одинаковаго духа, какъ ты очень хорошо знаешь. Посылаю тебѣ 3 тетради Гайдна; можетъ-быть, ты знаешь многія изъ этихъ пьесъ, но ораторіумъ совсѣмъ новая вещь, онъ всего 2 недѣли что напечатанъ, онъ прекрасенъ; прошу забыть твою лѣнь и садиться за клавикорды“. — „Мой поклонъ твоему мужу, котораго я очень люблю“, пишетъ онъ другой разъ; „поцѣлуй Василія отъ меня... Прощай, я началъ было фразу, которую не успѣлъ бы кончить до воскресенія, дѣло въ томъ, что я тебя очень люблю!“

Е. П. Толстая скончалась 22 Февраля 1823 г. и похоронена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. У Толстыхъ были дѣти: Василій (полковникъ; р. 15 Января 1797 г., † въ Пятигорскѣ 25 Августа 1839 г.), Владиміръ (р. 1806 г.; декабристъ) и дочь Александра (съ 29 Апрѣля 1823 г. за графомъ А. П. Шереметевымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ С. А. Щербатовой, въ С.-Петербургѣ.)

41

SERGE VASSILIEWITCH TOLSTOÏ, 1771—1831, et sa femme, HÉLENE PÉTROWNA, 1774—1823, avec leurs enfants.

Serge Vassiliewitch Tolstoï, capitaine-lieutenant de la Garde, fils du colonel Basile Ivanowitch Tolstoï et d'Alexandrine Ivanowna, née Maïkoff (26 mai 1737—28 janvier 1812), naquit le 16 octobre 1771. Il mourut à 60 ans, le 4 août 1831.

Sa femme, Hélène Pétrowna, née le 20 avril 1774, était fille aînée du général d'infanterie prince Pierre Pétrowitch Dolgorouky (1744—1815) et d'Anastasie Simonowna, née Lapteff († 1827), et sœur aînée des princes Pierre (1777—1806) et Michel (né en 1780, tué à Idensalmi le 15 octobre 1809), connus comme compagnons d'armes d'Alexandre Ier dans les premières années de son règne. Elle était très aimée de ce frère Michel, et lui donna de l'argent lorsqu'il alla en courrier à Paris en 1800. Il lui écrit alors: „Je crois que ce serait une bonne chose pour moi de m'habituer un peu à la société. Je t'entends d'ici, à 600 milles: „Excellente même, excellente!"—„Mais pardon! Tout à fait inutile, surtout pour moi, avec l'égalité d'humeur que tu me connais parfaitement. Je t'envoie trois cahiers de Haydn. Tu connais peut-être beaucoup de ces morceaux, mais l'oratorio est quelque chose de tout à fait nouveau, qui ne date que de quinze jours: c'est magnifique! Je te prie d'oublier ta paresse et de te mettre au piano".... „Mes compliments à ton mari, que j'aime beaucoup", écrit-il une autre fois; „embrasse Basile pour moi... Au revoir! J'allais commencer une phrase qui nous aurait conduits jusqu'à dimanche: c'est que je t'aime beaucoup!"

Mme Tolstoï mourut le 22 février 1823, et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï. Elle eut trois enfants, Basile, colonel, né le 15 janvier 1797, mort à Piatigorsk le 25 août 1839, Vladimir, né en 1806, décabriste, et une fille Alexandrine, mariée le 29 avril 1823 au comte A. Panine.

(D'après un original appartenant à la princesse S. Chtcherbatoff, St-Pétersbourg.)

Сергѣй Васильевичъ
Толстой, 1771-1831, и его жена
Елена Петровна, 1774-1823

Serge Vassiliewitch
Tolstoï, 1771-1831, et sa femme
Hélène Pétrowna, 1774-1823

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

42

Княжны **КУРАКИНЫ: ЕЛЕНА АЛЕКСѢЕВНА**, 1787—1869, и **АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВНА**, 1788—1819, родныя сестры, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина (р. 1759 г., † 1829 г.) и извѣстной музыкантши и любительницы театра княгини Наталіи Ивановны, рожденной Головиной (р. 1768 г., † 1831 г.), оставившей интересныя записки о своей жизни.

Старшая изъ сестеръ, княжна Елена, родившаяся 9 Марта 1787 г., такъ же, какъ и мать, музыкантша и пѣвица, была сначала невѣстой князя Дмитрія Михайловича Волконскаго, впослѣдствіи сенатора, но бракъ этотъ разстроился, и она вышла замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Николая Ивановича Зотова, отъ котораго имѣла только двухъ дочерей: Наталію (р. 1807 г., † 1873 г.), въ замужествѣ, съ 1825 г., за княземъ Павломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ (р. 1796 г., † 1864 г.), и Елизавету (р. 1809 г., † 1872 г.) — за свѣтлѣйшимъ княземъ А. И. Чернышевымъ.

Младшая, княжна Александра, родившаяся 3 Февраля 1788 г., вышла замужъ 25 Января 1807 г. за Николая Сергѣевича Салтыкова (р. 1786 г., † 1846 г.). Она прожила съ мужемъ всего 2 года, когда полковникъ Петръ Александровичъ Чичеринъ (р. 1778 г., † 1848 г.; командиръ лб.-гв. Драгунскаго полка въ 1812 г., впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) увезъ ее отъ живого мужа и „женился на ней безъ формальнаго развода съ первымъ мужемъ“, послѣ чего дядя ея, извѣстный князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ теченіе 8 лѣтъ ни разу не упомянулъ имени своей племянницы.

Дѣтей отъ перваго брака у ней не было, дѣти же ея отъ П. А. Чичерина, а именно: 4 сына — Александръ († 1835 г.), Павелъ (р. 1811 г.), Константинъ (р. 1816 г., † 1867 г.), Петръ (р. 1817 г.), и 2 дочери: Екатерина (фрейлина, дѣвица, † 1874 г.) и Наталья (дѣвица), получили права законныхъ дѣтей по Высочайшему указу 31 Декабря 1819 г., но уже послѣ кончины ихъ матери, которая умерла 12 Мая 1819 г.; похоронена она была въ Сергіевой пустыни, близъ С.-Петербурга. На могилѣ ея, кромѣ датъ, вырѣзано было только одно слово: „Alexandrine“; теперь нѣтъ уже и самой могилы.

(Съ портрета Боровиковскаго, 1802 г.; собственность князя Анатолія Александровича Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

42

Les princesses KOURAKINE: HÉLÈNE ALEXÉEWNA, 1787—1869, et ALEXANDRINE ALEXÉEWNA, 1788—1819, sœurs, filles du prince Alexis Borissowitch Kourakine (1759—1829), conseiller privé actuel, procureur général, et de la princesse Natalie Ivanowna, née Golovine (1768—1831), connue comme musicienne et amateur de théâtre, et auteur d'intéressants Mémoires.

L'aînée des deux sœurs, la princesse Hélène, née le 9 mars 1787, musicienne et cantatrice comme sa mère, fut d'abord fiancée au prince Dmitri Mikhaïlowitch Wolkonsky, plus tard sénateur, mais le mariage ne se fit pas, et elle épousa le comte Nicolas Ivanowitch Zotoff, conseiller d'état actuel, dont elle n'eut que deux filles, Natalie (1807—1873), mariée en 1825 au prince Paul Alexéewitch Golitzyne (1796—1864), et Elisabeth (1809—1872), mariée au prince sérénissime A. Tchernycheff.

La plus jeune, la princesse Alexandrine, née le 3 février 1788, épousa le 25 janvier 1807 Nicolas Serguéewitch Saltykoff (1786—1846). Elle n'était mariée que depuis deux ans, lorsque le colonel Pierre Alexandrowitch Tchitchérine (1778—1848), commandant des dragons de la Garde en 1812, plus tard général aide de camp, l'enleva du vivant de son mari et „l'épousa sans qu'elle fût formellement divorcée", après quoi son oncle, le célèbre prince Alexandre Borissowitch Kourakine, fut huit ans sans vouloir entendre parler de sa nièce.

Elle n'eut pas d'enfants de son premier mariage, mais elle eut de Tchitchérine quatre fils, Alexandre († 1835), Paul (né 1811), Constantin (1816—1867) et Pierre (né 1817), et deux filles, qui ne furent pas mariées, Catherine († 1874), demoiselle d'honneur, et Natalie. Tous ces enfants furent légitimés par un oukaze de Sa Majesté en date du 31 décembre 1819, postérieur par conséquent à la mort de la mère, décédée le 12 mai précédent et inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Son tombeau, qui ne portait, outre les dates, qu'un seul mot: „Alexandrine", a aujourd'hui disparu.

(D'après un original de Borovikowsky, 1802, appartenant au prince Anatole Alexandrowitch Kourakine, St-Pétersbourg.)

Пис Боровиковскій, 1802

Кн Елена, 178.–1869, и Александра, 1789 1819, Алексѣевны, Куракины

Peint par Borovikowsky, 1802

Les Pses Kourakine Hélène, 178.–1869, et Alexandrine, 1789 1819

43

Княгиня АННА ГРИГОРЬЕВНА БѢЛОСЕЛЬСКАЯ-БѢЛОЗЕРСКАЯ, 1773 — 1846, младшая изъ двухъ дочерей статсъ-секретаря Екатерины II Григорія Васильевича Козицкаго (р. 1724 г., † 1755 г.), женатаго на Екатеринѣ Ивановнѣ Мясниковой, родилась 26 Мая 1773 года. Будучи богатой невѣстой, благодаря своей матери, унаслѣдовавшей часть огромнаго Твердышево-Мясниковскаго состоянія, она остановила на себѣ выборъ князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго, извѣстнаго русскаго мецената, посланника въ Дрезденѣ и Туринѣ, впослѣдствіи оберъ-шенка и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, женившагося на ней послѣ смерти въ 1792 г. своей первой жены, рожденной Татищевой. „Спесивое родство", говоритъ Вигель, „видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, mésalliance", который, однако, весьма поправилъ дѣла князя А. М. Бѣлосельскаго, вернувшагося изъ-за границы совершенно разореннымъ. Домъ Бѣлосельскихъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ по роскоши и богатству пріемовъ и обстановкѣ.

Не унаслѣдовавъ отъ матери ни ума ея, ни умѣнія держать себя въ свѣтѣ, княгиня А. Г. Бѣлосельская не была любима въ обществѣ, гдѣ ее находили скучною и чванною. „La princesse Bélosselski", говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь П. Долгорукій, „qui était née et avait passé sa vie au sein d'immenses richesses, avait toujours l'air d'une femme de chambre endimanchée et prêtait à rire. La cousine germaine du prince Bélosselski, la princesse Voldemar Galitzyne, si connue pour la hauteur de son caractère, traitait la princesse Bélosselski avec un dédain à peine dissimulé, mais elle fut toujours aimable et gracieuse pour Mme Kozitzki, à laquelle personne ne se serait avisé de manquer". Княгиня Бѣлосельская умѣла, однако, хорошо вести свои дѣла и занялась устройствомъ купленнаго въ 1784 г. за 90.000 рублей ассигнаціями у Разумовскихъ заброшеннаго Крестовскаго острова, на которомъ тогда, по словамъ Вигеля, одного лѣса было еще на полмилліона рублей. Съ этого времени, съ постройкою ею вблизи отремонтированнаго стараго дома нѣсколькихъ дачъ и устройствомъ разныхъ увеселительныхъ приманокъ, качелей и горъ, Крестовскій островъ сталъ въ началѣ Александровскаго царствованія моднымъ дачнымъ мѣстомъ, а княгиня Бѣлосельская, уже овдовѣвшая, признана всѣми, по словамъ того же Вигеля, за „Lady des Isles". Благодаря положенію мужа, она не осталась чуждою и придворныхъ отличій: была кавалерственной дамой ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, а въ 1832 г. была пожалована въ статсъ-дамы. Она состояла также почетнымъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества. Овдовѣвъ, княгиня часто жила въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, доставшемся ей отъ матери, на углу Тверской и Козицкаго переулка. Большая любительница картъ, она пыталась ввести карточную игру во время концертовъ въ Московскомъ Дворянскомъ собраніи, но потерпѣла неудачу. Скончалась она 14 Февраля 1846 г. и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Княгиня А. Г. Бѣлосельская имѣла одного сына, князя Эспера Александровича (р.1802 г., † 1846 г.), перваго мужа извѣстной княгини Елены Павловны Кочубей, и двухъ дочерей: Екатерину (за генераломъ-отъ-артиллеріи Иваномъ Онуфріевичемъ Сухозанетомъ) и Елизавету (за генералъ-лейтенантомъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ).

(Съ портрета И. Грёза; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, въ С.-Петербургѣ.)

43

La princesse ANNE GRIGORIEWNA BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, 1773—1846, la plus jeune des deux filles du secrétaire d'état de Catherine II Grégoire Vassiliewitch Kozitzky (1724—1755) et de Catherine Ivanowna, née Miasnikoff, naquit le 26 mai 1773. Riche parti, grâce à sa mère qui avait hérité d'une partie de l'immense fortune des Tverdycheff-Miasnikoff, elle fixa le choix du prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky, connu comme Mécène russe, ambassadeur à Dresde et à Turin, dans la suite grand échanson et conseiller privé actuel, qui l'épousa après la mort, en 1792, de sa première femme, née Tatichtcheff. „La morgue des siens", dit Wiegel, „voyait dans cette union une mésalliance", qui cependant remit fort bien en point les affaires du prince, rentré de l'étranger complètement ruiné. La maison Bélosselsky devint une des premières de Pétersbourg pour la richesse des réceptions et le luxe de l'installation.

La princesse Bélosselsky n'avait ni l'esprit ni l'usage du monde qui distinguaient sa mère, et n'était pas aimée dans la société: on la trouvait ennuyeuse et guindée. „La princesse Bélosselsky", dit dans ses Souvenirs le prince P. Dolgorouky, „qui était née et avait passé sa vie au sein d'immenses richesses, avait toujours l'air d'une femme de chambre endimanchée et prêtait à rire. La cousine germaine du prince Bélosselsky, la princesse Voldemar Galitzyne, si connue pour la hauteur de son caractère, traitait la princesse Bélosselsky avec un dédain à peine dissimulé, mais elle fut toujours aimable et gracieuse pour Mme Kozitzky, à laquelle personne ne se serait avisé de manquer". La princesse sut cependant bien s'arranger: elle remit en état l'île Krestowsky, qui, abandonnée par les Razoumowsky et achetée 90.000 roubles en 1784, contenait encore à ce moment, dit Wiegel, pour plus d'un demi-million rien que de bois. La vieille maison fut restaurée et entourée de quelques villas neuves, des attractions diverses, balançoires, montagnes russes, furent organisées: dès lors, Krestowsky devint au début du règne d'Alexandre la villégiature à la mode, et la princesse Bélosselsky, alors veuve, fut généralement dénommée, au témoignage du même Wiegel, „la Lady des Isles". La position de son mari lui donna part aux distinctions de la Cour: grand croix de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem, elle devint dame d'honneur en 1832, et fut également membre honoraire de la Société Impériale Economique Libre. Devenue veuve, elle habita souvent à Moscou la maison qu'elle avait héritée de sa mère, au coin de la Tverskaïa et du Kozitzky Péréoulok. Grand amateur du jeu de cartes, elle tenta, mais sans succès, de le mettre à la mode pendant les concerts de l'Assemblée de la Noblesse à Moscou. Elle mourut le 14 février 1846, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

La princesse Bélosselsky eut un fils, le prince Espère (1802—1846), premier mari de la princesse Hélène Pavlowna Kotchoubey, et deux filles, Catherine, mariée au général d'artillerie Ivan Onufriewitch Soukhozanet, et Elisabeth au général lieutenant Alexandre Ivanowitch Tchernycheff.

(D'après un original de Greuze appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Въ III томѣ настоящаго изданія, подъ № 43, въ числѣ геліогравюръ помѣщенъ портретъ, съ обозначеніемъ въ подписи, что это—„Княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская-Бѣлозерская". Между тѣмъ на означенномъ портретѣ изображена *Баронесса Наталія Михайловна Строганова, рожденная княжна Бѣлосельская.*

Біографическая замѣтка о послѣдней помѣщается во 2 вып. IV т., на отдѣльномъ листкѣ, который можетъ быть помѣщенъ въ III томъ на соотвѣтствующее мѣсто.

Портретъ княгини А. Г. Бѣлосельской-Бѣлозерской, рожденной Козицкой, кисти Виже-Лебренъ, будетъ помѣщенъ въ 4 вып. IV тома „Русскихъ Портретовъ".

L'identification donnée pour le № 43 du Tome III des PORTRAITS RUSSES est inexacte. La personne représentée est non pas, comme le porte la légende de l'héliogravure, La Princesse Anne Grigoriewna Bélosselsky-Bélozersky, mais bien La Baronne Natalie Mikhaïlowna Stroganoff, née Princesse Bélosselsky, dont la notice biographique est jointe au présent Fascicule 2 du Tome IV, sur une feuille volante, pour être insérée à sa place au Tome III.

Le portrait de la Princesse Anne Grigoriewna Bélosselsky-Bélozersky, née Kozitzky, par Vigée-Lebrun, figurera au Fascicule 4 du présent Tome IV.

Пис Грёзъ

Княгиня Анна Григорьевна
Бѣлосельская-Бѣлозерская, 1767-1846

Peint par Greuze

La Princesse Anna Grigoriewna
Bèlosielsky-Bèlozersky. 1767-1846

ПРАСКОВЬЯ АРСЕНЬЕВНА БАРТЕНЕВА, 1811—1872, камеръ-фрейлина, дочь статскаго совѣтника Арсенія Ивановича (р. 8 Апрѣля 1780 г., † 21 Іюля 1861 г.) отъ брака съ Ѳеодосіей Ивановной Бутурлиной (р. 31 Января 1790 г., † 22 Октября 1835 г.), родилась 13 Ноября 1811 г.; мать ея, пѣвица, ученица Мускети, пользовавшаяся извѣстностью въ Московскомъ обществѣ, отличалась большими странностями, благодаря которымъ воспитаніе ея 8 человѣкъ дѣтей проходило въ очень неблагопріятной обстановкѣ. Вотъ что разсказываетъ о ней современница, Е. П. Янькова: „Бартенева была охотница веселиться и мыкаться изъ дома въ домъ. Какъ начнется день, насажаетъ она своихъ дѣтей въ четверомѣстную свою карету и поѣдетъ въ гости. Гдѣ есть дѣти, она туда привезетъ своихъ: въ томъ домѣ, положимъ, барышни берутъ урокъ музыки, вотъ она и проситъ хозяйку: „Позвольте и моимъ дѣвочкамъ послушать, какъ ваши дочери играютъ“. Такъ прикинетъ своихъ дочерей, а сама съ мальчиками отправится, гдѣ есть мальчики; въ томъ домѣ какой-нибудь учитель исторіи или математики: „Ваши сыновья за урокомъ, ну, и очень хорошо, позвольте и моимъ послушать“. Тутъ она броситъ мальчиковъ, а сама поѣдетъ куда-нибудь обѣдать, а вечеромъ заѣдетъ за мальчиками, а потомъ за дѣвочками — и домой. Такія путешествія она совершала каждый день и дѣтей не кормила и не учила дома. Если же ей почему-либо не удавалось гдѣ-нибудь размѣстить своихъ дѣтей на день, она или возила ихъ съ собой по гостямъ, или же оставляла ихъ въ каретѣ, въ которую клали, на всякій случай, что-нибудь съѣстное... Дѣти такъ привыкли къ этой кочующей жизни, что говаривали: „Намъ нуженъ домъ только для того, чтобы переночевать, а днемъ намъ нужна большая карета; жаль только, что наша безъ печи, а то бы намъ и домъ не нуженъ“. Въ письмахъ А. Я. Булгакова къ брату часто упоминается „Ѳишенька“ Бартенева и говорится о ея страсти къ выѣздамъ.

Дочь ея, Прасковья Арсеньевна, кромѣ красоты, обладала прекраснымъ голосомъ, долго сохранившимся у ней, и сдѣлалась извѣстной великосвѣтской пѣвицей. Во время пребыванія Высочайшихъ особъ въ Москвѣ ее всегда приглашали во дворецъ для пѣнія, и Императрица Александра Ѳеодоровна, оцѣнившая и другія выдающіяся достоинства дѣвушки, приблизила ее къ себѣ: она была пожалована въ фрейлины, а впослѣдствіи была камеръ-фрейлиной.

П. А. Бартенева скончалась, на 61 году жизни, 24 Января 1872 г. и похоронена въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

44

PRASCOVIE ARSÉNIEWNA BARTÉNEFF, 1811 — 1872, demoiselle d'honneur honoraire, fille du conseiller d'état Arsène Ivanowitch Barténeff (8 avril 1780 — 21 juillet 1861) et de Théodosie Ivanowna, née Boutourline (31 janvier 1790 — 22 octobre 1835), naquit le 13 novembre 1811. Sa mère, cantatrice, élève de Muscheti, était connue dans la société de Moscou, et avait de grandes bizarreries, qui créèrent pour l'éducation de ses huit enfants un milieu très défavorable. Voici ce que raconte à ce sujet une contemporaine, Mme E. Yankoff: „Mme Barténeff aimait prendre du bon temps et traîner d'une maison à l'autre. Pour commencer sa journée, elle met ses enfants dans sa voiture à quatre places et part en visite. Où il y a des enfants, elle conduit les siens. Dans une maison, par exemple, les filles ont leur leçon de musique: elle va dire à la mère: „Permettez aussi a mes filles d'écouter jouer les vôtres". Elle y plante ses filles, et la voila partie avec ses garçons la où il y a des garçons. Elle y trouve le maître d'histoire ou de calcul: „Vos enfants sont à leur leçon: bon, très bien, laissez les miens suivre aussi". Elle fourre là ses fils, et s'en va dîner n'importe où; le soir, elle repasse prendre les garçons, puis les filles, et on rentre. Tous les jours elle faisait de ces voyages-là, et jamais ses enfants ne mangeaient ni ne travaillaient chez elle. S'il n'y avait pas moyen de les caser pour la journée d'une manière ou de l'autre, elle les emmenait en visite, ou bien les laissait dans la voiture, avec n'importe quoi à manger, à tout hasard.... Les enfants avaient si bien pris l'habitude de cette vie nomade, qu'ils disaient: „La maison ne nous sert que pour dormir; pour le jour, il nous faut une grande voiture. Et encore, s'il y avait un poêle dans la nôtre, il n'y aurait pas besoin de maison du tout". Dans ses lettres à son frère, Alexandre Boulgakoff parle souvent de Mme Barténeff (Fichenka) et de sa passion des sorties.

Sa fille Prascovie avait, outre sa beauté, une voix magnifique, qu'elle conserva longtemps, et qui lui fit une notoriété dans le grand monde. Quand des personnages de la Famille Impériale venaient à Moscou, on la faisait toujours chanter au Palais, et l'Impératrice Alexandra Féodorowna, qui faisait également grand cas des éminentes qualités de la jeune fille, l'approcha d'elle et la fit d'abord demoiselle d'honneur, puis demoiselle d'honneur honoraire.

Mlle Barténeff mourut dans sa 61e année, le 24 janvier 1872, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

(D'après un original de Ch. Brulloff, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

[illegible] ARSÉNIEWNA BARTÉNEFF, 1811—1872, demoiselle d'honneur [illegible], fille [illegible] [illegible] Arsène Ivanowitch Barteneff (8 avril 1780—21 juillet 1861) et de [illegible] Ivanowna, [illegible] (?? janvier 1790—22 octobre 1855), naquit le 15 novembre 1811. Sa mère, [illegible], [illegible] Moschkow, était connue dans la société de Moscou et avait de grandes [illegible], qui créèrent pour l'éducation de ses huit enfants un milieu très défavorable. Voici ce que raconte à ce sujet [illegible] contemporaine Mme E. Yankoff: „Mme Barteneff aimait prendre du bon temps et traîner d'une [illegible] à l'autre. Pour commencer sa journée, elle met ses enfants dans sa voiture à quatre places et part [illegible] il y a des [illegible] elle conduit les siens. Dans une maison, par exemple, les filles ont leur [illegible] de musique: elle va dire à la mère: „Permettez aussi à mes filles d'écouter jouer les vôtres". Elle y [illegible] ses filles, et [illegible] [illegible] il y a des garçons. Elle y trouve le maître [illegible] de calcul: „Vos enfants sont si bien formés! [illegible] très bien, laissez les miens suivre aussi". [illegible] son fils [illegible] [illegible] elle repasse prendre les garçons, puis les filles, et se retire. [illegible] [illegible], et jamais ses enfants ne mangeaient [illegible] elle, [illegible] [illegible] d'une maison ou de l'autre, elle [illegible] [illegible] à tout hasard". Les enfants avaient [illegible] „la maison ne nous [illegible] dormir; pour [illegible] il y avait un poêle dans le salon, il n'y aurait pas [illegible] [illegible] Boulgakoff parle [illegible] de Mme Barteneff [illegible] [illegible].

[illegible] Prascovie [illegible] une voix magnifique, qu'elle [illegible], et qui lui [illegible] dans le grand monde. [illegible] des personnages de la Famille Impériale [illegible] à Moscou, [illegible] l'Impératrice Alexandra Féodorowna, qui [illegible] [illegible] de la jeune fille [illegible] d'elle et la fit d'abord demoiselle d'honneur, [illegible] demoiselle d'honneur [illegible].

Mlle Barteneff mourut dans sa 61e année, le 24 janvier 1872 et fut inhumée au [illegible] St-Serge [illegible] Pétersbourg.

(D'après un original de Ch. Brulloff, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Пис. К. Брюллов

Peint par Ch. Brulloff

Прасковья Арсеньевна
Бартенева, 1811–1872

Prascovie Arséniewna
Barléneff, 1811–1872

Графъ ЭММАНУИЛЪ ФРАНЦЕВИЧЪ СЕНЪ-ПРИ, 1776—1814, изъ древней и знатной французской роялистской фамиліи, сынъ графа Франца Сенъ-При, посла въ Португаліи, Испаніи и Турціи, позднѣе эмигранта, женатаго на дочери Австрійскаго посла въ Константинополѣ графа Людольфа, родился 29 Апрѣля 1776 г. въ Константинополѣ; научившись въ дѣтствѣ турецкому и греческому языку, графъ С.-При получилъ отличное образованіе, законченное въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Въ 1793 г. онъ вступилъ въ русскую службу, въ Артиллерійскій и Инженерный Кадетскій (2-й) корпусъ; затѣмъ былъ переведенъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ, при чемъ въ день коронаціи Павла произведенъ въ капитаны, послѣ чего вскорѣ былъ отставленъ и удалился временно во Францію, гдѣ былъ адъютантомъ герцога Ангулемскаго. Окончательно эмигрировавъ изъ отечества послѣ воцаренія Наполеона, графъ снова вступилъ въ русскую службу и пожалованъ полковникомъ Семеновскаго полка, а затѣмъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Егерскаго батальона, съ которымъ участвовалъ въ бою подъ Аустерлицемъ: здѣсь онъ выказалъ храбрость и военныя дарованія, подъ нимъ была убита лошадь; за Аустерлицъ онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.; въ 1807 г., во время сраженія при Гутштадтѣ, С.-При былъ раненъ въ ногу картечью. Только въ 1809 г. онъ могъ возвратиться въ строй и, назначенный командиромъ 6-го Егерскаго полка, отправился въ Дунайскую армію, гдѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ и отличился при взятіи Ловчи, командуя особымъ отрядомъ. Въ теченіе этой кампаніи онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, пожалованъ въ генералъ-адъютанты и получилъ звѣзды Анны 1-й ст. и Владиміра 2-й ст.; назначенный начальникомъ штаба 2-й арміи Багратіона, С.-При находился при князѣ въ 1812 году. При Бородинѣ Багратіонъ былъ смертельно раненъ, а С.-При тяжко контуженъ; на рукахъ послѣдняго Багратіонъ и скончался въ с. Спмахъ. По возвращеніи графа С.-При къ арміи, Государь поручилъ ему въ Вильнѣ заботы о раненыхъ: онъ посѣщалъ зараженные госпитали и „тысячи его земляковъ были спасены имъ отъ смерти“. Въ кампанію 1813 г. С.-При участвовалъ въ Люценскомъ и Бауценскомъ сраженіяхъ. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ назначенъ въ Августѣ 1813 г. командиромъ 8-го пѣх. корпуса и участвовалъ въ битвѣ при Лейпцигѣ, при чемъ ворвался въ одни изъ воротъ города. 28 Февраля 1814 г. С.-При взялъ штурмомъ Реймсъ, за что былъ награжденъ орд. св. Георгія 2-й ст.; между тѣмъ, самъ Наполеонъ, разбивъ пруссаковъ, изъ Суассона повернулъ на Реймсъ и неожиданно обрушился на отрядъ графа С.-При, который не вѣрилъ въ возможность этого движенія и велъ себя довольно безпечно, за что и поплатился. Въ самомъ началѣ боя ядро поразило его въ плечо, раздробило руку и сбросило съ лошади, онъ сильно расшибся и лишился сознанія. Придя въ себя, онъ увидѣлъ картину пораженія и общаго бѣгства своихъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, онъ былъ внесенъ въ каре батальона Рязанскаго пѣхотнаго полка, подъ командой Скобелева: „Полковникъ, спасите меня“, сказалъ онъ. „Спасти не могу, графъ, а умремъ вмѣстѣ“, отвѣчалъ Скобелевъ. Однако, храбрецы спаслись. С.-При былъ перевезенъ въ Лаонъ, гдѣ, послѣ страшныхъ страданій отъ ранъ, скончался 17 Марта 1814 г.; передъ смертью, благодаря въ письмѣ Александра I за рескриптъ и звѣзду св. Георгія, С.-При говорилъ: „Смѣю думать, что пораженія не случилось бы, если бы меня не ранили“. Похороненъ онъ былъ подъ Лаонскимъ соборомъ, но памятникъ его уничтоженъ во время революціи 1830 года.

По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, графъ С.-При былъ „небольшого роста, прекраснаго лицомъ; живость характера смягчалась необыкновенной добротой“; онъ былъ глубоко набоженъ и постоянно въ походѣ заходилъ помолиться въ церкви; солдаты боготворили его, какъ „начальника, самаго попечительнаго. Среди боя являлся онъ въ мѣстахъ опаснѣйшихъ, распоряжался хладнокровно. Послѣ боя не предавался покою, доколѣ лично не удостовѣрялся, подана-ли помощь раненымъ русскимъ и непріятелямъ, ибо въ сраженномъ врагѣ видѣлъ только страждущаго брата. Отбиваемую на войнѣ добычу раздавалъ солдатамъ. Однажды только взялъ онъ себѣ зрительную трубу маршала Макдональда, которую завѣщалъ передъ смертью своему лучшему другу, графу М. С. Воронцову“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte **EMMANUEL DE SAINT-PRIEST**, 1776 — 1814, d'une famille de la vieille noblesse royaliste de France, fils du comte François de Saint-Priest, ambassadeur en Portugal, en Espagne et en Turquie, et d'une fille du comte Ludolff, ambassadeur d'Autriche à Constantinople, naquit à Constantinople le 29 avril 1776. Il apprit dès l'enfance le turc et le grec, et reçut une excellente instruction, qu'il compléta à l'université de Heidelberg. Il prit en 1793 du service en Russie, au Corps des Cadets de l'artillerie et du génie, d'où il sortit lieutenant au régiment Sémenowsky. Fait capitaine le jour du couronnement de Paul Ier, il quitta le service peu après, et se fixa pour quelque temps en France, où il fut aide de camp du duc d'Angoulême. Il émigra définitivement à l'avènement de Napoléon pour reprendre du service en Russie comme colonel au régiment Sémenowsky, puis commandant du bataillon des chasseurs de la Garde, avec lequel il se trouva à Austerlitz: il eut un cheval tué sous lui, et déploya une bravoure et des talents qui lui valurent St-Georges de 4e classe. Blessé à Gutstadt, en 1807, d'un coup de mitraille à la jambe, il ne put rentrer dans le rang qu'en 1809; nommé commandant du 6e chasseurs et envoyé à l'armée du Danube, il prit part à de nombreux combats, et, à la tête d'un corps détaché, se distingua à la prise de Lovtcha. Il reçut au cours de cette campagne le grade de général major, celui de général aide de camp, et les étoiles de Ste-Anne de 1re classe et de St-Vladimir de 2e classe. Nommé chef d'état-major de la 2e armée, celle de Bagration, il fut attaché au prince en 1812. A Borodino, où Bagration fut mortellement blessé, Saint-Priest reçut une grave contusion, et recueillit lui-même à Simy le dernier soupir de son chef. A son retour à l'armée, l'Empereur lui confia le soin des blessés à Vilna: il visitait les hôpitaux infectés et „sauva de la mort des milliers de ses compatriotes". A la campagne de 1813, il fut à Lutzen et Bautzen. Promu général lieutenant et mis en août 1813 à la tête du 8e corps d'infanterie, il prit part à la bataille de Leipzig, et força une des portes de la ville. Le 28 août 1814, il prit Reims d'assaut, ce qui lui valut St-Georges de 2e classe; sur ces entrefaites, Napoléon en personne, après avoir écrasé les Prussiens, tourna de Soissons sur Reims, et tomba à l'improviste sur le détachement de Saint-Priest, qui ne croyait pas à la possibilité d'un pareil mouvement et n'était nullement sur ses gardes. Il paya cher son insouciance: atteint à l'épaule et désarçonné dès le début du combat par un boulet qui lui fracassa le bras, il fit une chute meurtrière et perdit connaissance. Il reprit ses sens pour voir le spectacle de la défaite et de la débandade générale des siens. Au témoignage de Mikhaïlowsky-Danilewsky, il se fit porter au carré de l'infanterie de Riazan, commandée par Skobéleff: „Colonel", s'écria-t-il, „sauvez-moi!" — „Je ne peux rien pour vous, Comte", lui répondit Skobéleff: „nous allons mourir ensemble!" Pourtant, les deux braves furent sauvés. Saint-Priest fut transporté à Laon et y mourut de ses blessures dans de cruelles souffrances, le 17 mars 1814; il dit, à son lit de mort, dans une lettre écrite à l'Empereur pour le remercier de son rescrit et de l'étoile de St-Georges: „J'ose croire que nous n'aurions pas été battus si je n'avais pas été blessé". Il fut inhumé dans la cathédrale de Laon, mais son monument fut détruit lors de la révolution de 1830.

Au témoignage de Mikhaïlowsky-Danilewsky, le comte de Saint-Priest était „petit, et très beau de visage; la vivacité de son humeur était tempérée par une grande bonté"; d'une profonde piété, il entrait constamment dans les églises, en campagne, pour prier. Les hommes l'idolâtraient „comme chef, en raison de son extrême sollicitude. Au feu, on le voyait dans les endroits les plus exposés, donnant tranquillement ses ordres. Après la bataille, il ne connaissait pas de repos avant de s'être assuré par lui-même si on avait secouru tous les blessés, aussi bien russes qu'ennemis, car dans un ennemi abattu il ne voyait qu'un frère souffrant. Le butin, il le faisait distribuer aux hommes; une fois seulement, il prit pour lui la lorgnette du maréchal Macdonald, qu'il légua à sa mort à son meilleur ami, le comte M. Worontzoff".

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Пис. Day — Peint par Dawe

Графъ Эммануилъ Францевичъ
де Сенъ При, 1776 1814

Le Comte Emanuel Frantsewitch
de Saint Priest, 1776 1814

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

46

Свѣтлѣйшая княгиня **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА МЕНШИКОВА**, 1764 — 1832, дочь оберъ-гофмаршала, тайнаго совѣтника князя Николая Михайловича Голицына (р. 1727 г., † 1786 г.) и княгини Екатерины Александровны, рожденной Головиной (р. 1728 г., † 1769 г.), жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, дѣйствительнаго камергера свѣтлѣйшаго князя Сергѣя Александровича Меншикова (р. 4 Сентября 1746 г., † 12 Апрѣля 1815 г.), родилась 14 Ноября 1764 г., умерла 7 Ноября 1832 года.

Княгиня имѣла 2 сыновей: Александра (адмиралъ, извѣстный главнокомандующій въ Крыму) и Николая (р. 1790), и 2 дочерей: Елизавету (р. 1791 г., † 1802 г.) и Екатерину (р. 1794 г., † 1835 г.; за княземъ Гагаринымъ).

Княгиня Е. Н. Меншикова, по свидѣтельству современниковъ, была очень хороша собой; она извѣстна была своей близостью къ знаменитому графу Армфельду, другу короля Густава III. Впрочемъ, по словамъ князя П. Долгорукаго, „le prince Serge Menchikoff avait hérité de la nullité de son père, et, malheureusement, des goûts dépravés de son célèbre aïeul; il était d'autant moins excusable, qu'il se trouvait marié à l'une des plus belles femmes de la Russie“.

О прилагаемомъ портретѣ, писанномъ г-жею Виже-Лебренъ въ 1796 г. въ Петербургѣ, въ перечнѣ своихъ работъ, художница говоритъ: „La princesse Menszikoff jusqu'à mi-jambe, tenant son enfant“.

Существуетъ еще гравированный, черной манерой, портретъ княгини Е. Н. Меншиковой съ портрета, писаннаго А. Граффомъ въ 1793 году.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность князя Н. Н. Гагарина, С.-Петербургъ.)

Писъ Вижее-Лебренъ

Княгиня Екатерина Николаевна
Меньшикова, 1764–1832

Peint par Vigee-Lebrun

La Princesse Catherine Nikolaewna
Menchikoff, 1764–1832

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ, 1780—1858, генералъ-майоръ, извѣстный „отважный и неутомимый“ партизанъ эпохи Отечественной войны, родомъ изъ Тверскихъ дворянъ, получилъ образованіе во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ гвардейской артиллеріи. Въ 1800 г. онъ пожалованъ былъ въ кавалеры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Первые годы XIX столѣтія Сеславинъ провелъ въ безпрерывныхъ походахъ Наполеоновскихъ войнъ и совершилъ кампаніи на Дунаѣ, проявляя вездѣ рѣдкую „храбрость и искусство“, за что, получивъ 9 ранъ, награжденъ: золотымъ оружіемъ за Гейльсбергъ, Владиміромъ 4 ст. за Фридландъ и Анною 2 ст.—за Чаушкіой, гдѣ раненъ былъ въ правую руку. Но извѣстность Сеславина основана на его дѣятельности въ 1812 году. Адъютантъ Барклая-де-Толли, онъ высоко цѣнилъ этого полководца, который его очень любилъ, но и преемникъ Барклая, Кутузовъ, сумѣлъ по достоинству оцѣнить Сеславина, который подъ Бородинымъ проявилъ необыкновенную храбрость и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; послѣ занятія Москвы французами, Сеславину порученъ былъ особый партизанскій отрядъ „съ цѣлью истребленія транспортовъ съ жизненнымъ и военнымъ продовольствіемъ французской арміи“ и для дѣйствій на Боровской и Смоленской дорогахъ. Громадная заслуга Сеславина въ 1812 г. заключалась въ томъ, что онъ первый открылъ движеніе Наполеона на Калугу и, предупредивъ Кутузова, далъ возможность разбить французовъ подъ Малоярославцемъ. Сеславинъ хорошо сознавалъ и самъ великое значеніе этого событія для дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій и любилъ объ этомъ говорить. Затѣмъ Сеславинъ занялъ Вязьму, потомъ Борисовъ и открылъ послѣ этого сообщеніе между арміями Чичагова и Витгенштейна, за что пожалованъ во флигель-адъютанты; 29 Ноября онъ занялъ Вильну, но тутъ тяжело былъ раненъ въ руку, съ раздробленіемъ кости. Только уже въ кампанію 1814 г. онъ опять является командиромъ партизанскаго отряда во Франціи и отрѣзываетъ сообщенія Парижа.

Послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, Сеславинъ провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, лѣчась отъ ранъ, и тутъ у него явился, въ 1819 г., планъ произвести изслѣдованія Индіи съ цѣлью узнать, можетъ ли Россія „внести оружіе въ остъ-индскія владѣнія англичанъ и уничтожить и изгнать ихъ оттуда“. Этотъ проектъ былъ имъ сообщенъ графу П. А. Толстому.

Возвратившись въ Россію, Сеславинъ оставилъ службу, удалился въ свое Тверское имѣніе, сельцо Есемово; здѣсь онъ одинъ доживалъ свой долгій вѣкъ. При громадномъ самолюбіи, онъ считалъ себя неоцѣненнымъ и недостаточно вознагражденнымъ, сдѣлался почти отшельникомъ, характеръ его сталъ нелюдимымъ и угрюмымъ. Среди книгъ, постоянно вспоминалъ онъ пережитую великую эпоху; критикуя Михайловскаго-Данилевскаго, писалъ отрывки своихъ воспоминаній, при чемъ весь былъ въ прошедшемъ, пессимистически смотря на настоящее и будущее.

Сеславинъ умеръ 78 лѣтъ, въ Апрѣлѣ 1858 года.

Онъ отличался изумительной энергіей, поразительной смѣлостью, большимъ умомъ и значительными военными способностями. Сеславинъ былъ популяренъ и изображался на лубочныхъ картинахъ, какъ народный герой; былъ близокъ и любимъ солдатами, которые говорили про него: „Вотъ нашъ Георгій храбрый на бѣломъ конѣ“. Пылкій и увлекающійся въ бою, Сеславинъ имѣлъ доброе сердце и „чувства христіанина“; память его свободна отъ тѣхъ излишнихъ жестокостей, которыми прославились нѣкоторые другіе партизаны.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

ALEXANDRE NIKITITCH SÉSLAVINE, 1780—1858, général major, connu comme „audacieux et infatigable" partisan de l'époque de la Guerre Patriotique, était d'une famille noble de Tver, fit ses études au 2e Corps des Cadets et entra au service à l'artillerie de la Garde. En 1800, il fut fait chevalier de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem. Pendant les premières années du siècle, il prit une part continuelle aux guerres de Napoléon et fit campagne sur le Danube: partout il déploya „une valeur et une habileté" peu communes, et, neuf fois blessé, gagna une épée d'or à Heilsberg, St-Vladimir de 4e classe à Friedland et Ste-Anne de 2e classe à Tchaouchkioï, où il fut atteint au bras droit. Mais c'est surtout en 1812 qu'il se rendit célèbre. Aide de camp de Barclay de Tolly, il avait une grande admiration pour ce capitaine, qui l'aimait beaucoup et dont le successeur Koutouzoff sut aussi l'apprécier à sa valeur. A Borodino, il déploya une bravoure extraordinaire et reçut St-Georges de 4e classe. Après l'occupation de Moscou par les Français, il reçut le commandement d'un détachement de partisans „chargé de détruire les transports de vivres et de munitions de l'armée française" et d'opérer sur les routes de Borowsk et de Smolensk. Le grand mérite de Séslavine en 1812 fut d'avoir été le premier à s'apercevoir du mouvement de Napoléon sur Kalouga et d'avoir prévenu Koutouzoff, ce qui permit d'écraser l'ennemi à Malo-Yaroslavetz. Lui-même se rendait bien compte de l'influence considérable qui devait en résulter sur la marche ultérieure des opérations, et il aimait à en parler. Il occupa ensuite Viazma, puis Borissoff, après quoi il ouvrit la communication entre les armées de Tchitchagoff et de Wittgenstein, ce qui lui valut le grade d'aide de camp de Sa Majesté. Le 29 novembre, il entra à Vilna, mais là il fut grièvement atteint d'un projectile qui lui fracassa le bras. Ce ne fut qu'à la campagne de 1814 qu'il rentra en ligne à la tête d'un détachement de partisans avec lequel il opéra en France et coupa Paris de ses communications.

Les guerres de Napoléon terminées, Séslavine passa quelques années à l'étranger pour se remettre de ses blessures. Là il conçut en 1819 son projet de reconnaissance de l'Inde en vue d'établir s'il serait possible à la Russie „de porter ses armes dans les possessions des Anglais aux Indes Orientales pour les exterminer et les chasser", projet qu'il communiqua au comte P. Tolstoï.

De retour en Russie, il donna sa démission pour se retirer à Essémovo, sa propriété du gouvernement de Tver, où il passa les longues années qui lui restaient à vivre. D'un amour-propre démesuré, il se trouvait méconnu et mal récompensé, et se fit presque ermite: il devint d'une humeur insociable et morose. Plongé dans les livres, il rappelait incessamment la glorieuse époque qu'il avait traversée; critiquant Mikhaïlowsky-Danilewsky, il composa des fragments de Mémoires, où il se montre tout entier dans le passé et rempli de pessimisme à l'égard du présent et de l'avenir.

Séslavine mourut à 78 ans, en avril 1858. Il se distinguait par une énergie surprenante, une audace extraordinaire, une grande intelligence et des talents militaires considérables. Il jouissait d'une vogue prononcée et fut un des héros préférés de l'imagerie populaire; il était familier de ses hommes, qui l'aimaient et disaient de lui: „Voilà notre brave Saint-Georges sur son cheval blanc". Ardent et enthousiaste au feu, il avait un bon cœur et „des sentiments de chrétien"; sa mémoire est pure des cruautés inutiles par lesquelles se signalèrent d'autres partisans.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

47

Пис. Day, 1823

Александръ Никитичъ
Сеславинъ, 1784-1858

Peint. par Dawe, 1823

Alexandre Nikititch
Séslavine, 1784-1858

48

Баронесса **ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА ЧЕРКАСОВА**, 1742—1819, и сестра ея, княжна **ЕВДОКІЯ МИХАЙЛОВНА БѢЛОСЕЛЬСКАЯ**, 1745—1824. Баронесса Елизавета Михайловна Черкасова, вторая дочь князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго (р. 1702 г., † 1755 г.), отъ второго брака его съ графиней Наталіей Григорьевной Чернышевой (р. 1711 г., † 1760 г.), была фрейлиной Екатерины II. Вышла замужъ за вице-адмирала, отъ флота генералъ-кригсъ-комиссара, барона Ивана Ивановича Черкасова (р. 1732 г., † 1811 г.). Бракъ былъ бездѣтный; умерла она 15 Февраля 1819 года.

Княжна Евдокія Михайловна, младшая сестра предыдущей, родилась 5 Октября 1745 года; 5 Октября 1773 г. она взята была ко двору невѣсты Великаго Князя Павла Петровича, Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, во фрейлины и вскорѣ снискала не только довѣріе, но и дружбу ея, а послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, въ 1776 г., была пожалована Екатериной II во фрейлины Высочайшаго двора. Въ замужествѣ была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Василіемъ Петровичемъ Салтыковымъ († 1807 г.), отъ котораго имѣла двоихъ сыновей, Сергѣя и Михаила. Скончалась Е. М. Салтыкова 31 Августа 1824 года; похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

48

La baronne ÉLISABETH MIKHAÏLOWNA TCHERKASSOFF, 1742—1819, et sa sœur, la princesse EUDOXIE MIKHAÏLOWNA BÉLOSSELSKY, 1745—1824. La baronne Elisabeth Mikhaïlowna Tcherkassoff, seconde fille du prince Michel Andréewitch Bélosselsky (1702—1755) et de sa seconde femme Natalie Grigoriewna, née comtesse Tchernycheff (1711—1760), fut demoiselle d'honneur de Catherine II. Elle épousa le baron Ivan Ivanowitch Tcherkassoff (1732—1811), vice-amiral et commissaire général de la marine. Elle n'eut pas d'enfants et mourut le 15 février 1819.

La princesse Eudoxie Mikhaïlowna, sœur cadette de la précédente, naquit le 5 octobre 1745. Elle devint le 5 octobre 1773 demoiselle d'honneur à la Cour de la fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch, la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, dont elle se concilia bientôt non seulement la confiance, mais encore l'amitié, et à la mort de laquelle, en 1776, elle fut faite demoiselle d'honneur de Catherine II. Elle épousa le conseiller privé actuel Basile Pétrowitch Saltykoff († 1807), dont elle eut deux fils, Serge et Michel. Elle mourut le 31 août 1824, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Княжны Елизавета, 1742–1819,
и Евдокія, 1745–1824, Михайловны
Бѣлосельскія

Les Princesses Elisabeth, 1742–1819,
et Eudoxie, 1745–1821,
Bélosselsky

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня АГРАФЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РИБОПЬЕРЪ, 1755—1812, дочь извѣстнаго сподвижника Екатерины, генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова отъ брака его съ княжной Анастасіей Степановной Козловской, родилась 17 Февраля 1755 года. По полученіи извѣстія о смерти отца ея, скончавшагося въ Бугульмѣ, при преслѣдованіи Пугачева, въ 1774 году, она была взята Императрицей Екатериной во фрейлины. Въ это время комплектъ фрейлинъ состоялъ всего изъ 12 дѣвицъ, обязанныхъ жить во дворцѣ и поочередно дежурить при Императрицѣ. Но, во вниманіе къ овдовѣвшей ея матери, объявившей, что хотя пожалованіе ея дочери во фрейлины она считаетъ величайшею честью для всего своего рода, но не можетъ рѣшиться на разлуку съ нею, Екатерина позволила ей жить дома, что явилось первымъ примѣромъ такого рода. Это не мѣшало молодой Бибиковой дежурить съ величайшей аккуратностью, такъ что даже во время сильнаго наводненія, затопившаго Петербургъ въ 1777 г., она отправилась, несмотря на опасность, въ лодкѣ на дежурство во дворецъ. Будучи очень привлекательной наружности, она имѣла большой успѣхъ въ свѣтѣ и одно время была сильно увлечена графомъ Ангальтомъ, но вышла, въ 1778 году, замужъ за молодого и краснваго адъютанта Потемкина, Ивана Степановича Рибопьера. Бракъ этотъ былъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ матерью ея и всей вообще родней, относившимися съ предубѣжденіемъ къ молодому иностранцу, котораго считали совершенно ошибочно чуть-ли не авантюристомъ и при томъ сомнительнаго происхожденія. Близость Рибопьера къ фавориту А. М. Дмитріеву-Мамонову и родство его жены съ княжной Д. Ѳ. Щербатовой заставили молодыхъ Рибопьеровъ принимать близкое участіе въ любовной интригѣ фаворита, долгое время тщательно скрываемой отъ Государыни; свиданія его съ княжною Щербатовой происходили у Рибопьеровъ, и послѣ свадьбы Мамонова Екатерина, до сего времени благоволившая къ нимъ, съ горечью ихъ обвиняла въ неблагодарности. „Я знаю, кто предатели“, сказала она Зотову: „Рибопьеръ и его жена устроили эту свадьбу. Они безсовѣстно надо мной подшутили“. Но уже въ слѣдующемъ, 1790 году, Рибопьеръ отправился въ армію Потемкина, убитъ былъ при штурмѣ Измаила, и Екатерина, нѣжно полюбившая его малолѣтняго сына и часто съ нимъ забавлявшаяся, вернула свое расположеніе и Аграфенѣ Александровнѣ. Она послала ей, черезъ сына, приглашеніе на малое собраніе въ Эрмитажѣ, считавшееся въ то время величайшею честью, за которую г-жа Рибопьеръ въ слѣдующее же воскресенье отправилась снова во дворецъ благодарить Государыню, какъ было принято послѣ полученія Высочайшей милости.

Оставшись вдовою, съ тремя дочерьми и сыномъ, А. А. Рибопьеръ продолжала жить въ купленномъ еще при жизни мужа домѣ герцога Виртембергскаго, на Моховой, и вела открытый образъ жизни, принимая съ особеннымъ радушіемъ иностранныхъ дипломатовъ, между которыми Сегюръ и Кобенцель были ея ежедневными посѣтителями. Но въ концѣ царствованія Павла она снова, со всѣмъ семействомъ, подверглась опалѣ при Дворѣ послѣ дуэли ея сына съ княземъ Борисомъ Антоновичемъ Святополкъ-Четвертинскимъ. Молодой Рибопьеръ былъ разжалованъ и заключенъ въ крѣпость, а Аграфена Александровна съ дочерьми выслана изъ Петербурга и отдана подъ надзоръ полиціи, а домъ ея и имущество были конфискованы. Рѣшивъ скрыть свою ссылку отъ арестованнаго сына, чтобы не увеличивать его безпокойства, она передъ выѣздомъ изъ Петербурга оставила много писемъ съ адресомъ на его имя, писанныхъ ея рукою, при которыхъ поручила посылать ему съѣстные припасы. Въ самый день восшествія на престолъ Александра Павловича за нею былъ посланъ курьеръ, и она вернулась въ Петербургъ, не успѣвъ доѣхать до имѣнія, назначеннаго ей мѣстомъ изгнанія.

Аграфена Александровна Рибопьеръ скончалась 23 Іюня 1812 года и погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Она оставила трехъ дочерей: Анастасію, Елизавету и Екатерину, и сына, впослѣдствіи графа, Александра Ивановича Рибопьера (р. 1781 г., † 1865 г.).

(Съ портрета, приписываемаго Ротари; собственность графа Г. И. Рибопьера, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse AGRIPPINE ALEXANDROWNA RIBEAUPIERRE, 1755—1812, fille du célèbre compagnon d'armes de Catherine, le général en chef Alexandre Ilyitch Bibikoff, et d'Anastasie Stépanowna, née princesse Kozlowsky, naquit le 17 février 1755. A la nouvelle de la mort de son père, décédé à Bougoulm en 1774 en poursuivant Pougatcheff, l'Impératrice Catherine la prit au nombre de ses demoiselles d'honneur. Il y en avait à cette époque douze en tout, et qui devaient habiter au Palais, pour être de service à tour de rôle près de l'Impératrice. Mais, par attention pour sa mère, qui, devenue veuve, déclara ne pouvoir se séparer d'elle, fallût-il renoncer à l'honneur considérable auquel elle était sensible pour tous les siens, Catherine l'autorisa à habiter dans sa famille: c'était le premier exemple d'une telle faveur. Cela n'empêcha pas la jeune fille de remplir ses fonctions avec la plus parfaite exactitude: lors même de la grande inondation qui submergea Pétersbourg en 1777, elle ne craignit pas d'affronter le danger pour aller en barque faire son service au Palais. Charmante de sa personne, elle eut un grand succès dans le monde, et se prit même un moment d'une vive passion pour le comte d'Anhalt, mais épousa en 1778 un jeune et bel aide de camp de Potemkine, Ivan Stépanowitch Ribeaupierre. Cette union excita le mécontentement de sa mère et de toute sa famille, qui, prévenue contre le jeune étranger, le considérait comme un aventurier, et de naissance douteuse. L'intimité de Ribeaupierre avec le favori Dmitrieff-Mamonoff et la parenté de sa femme avec la princesse Chtcherbatoff engagea à fond les jeunes époux dans l'intrigue amoureuse du favori, tenue longtemps et soigneusement secrète à l'Impératrice: c'est chez eux qu'avaient lieu les entrevues de Mamonoff et de la princesse, après le mariage desquels Catherine, jusqu'alors bien disposée à l'égard des Ribeaupierre, se mit à leur reprocher amèrement leur ingratitude. „Je connais les traîtres", dit-elle à Zotoff: „ce sont Ribeaupierre et sa femme qui ont fait le mariage. Ils m'ont indignement jouée". Mais dès l'année suivante, en 1790, Ribeaupierre alla à l'armée de Potemkine, où il périt à l'assaut d'Ismaïl, et Catherine, qui avait pris son petit garçon en amitié et jouait souvent avec lui, rendit également sa faveur à la mère: elle lui fit remettre par l'enfant une invitation à une petite réunion de l'Ermitage, ce qui était alors un honneur extrême, dont Mme Ribeaupierre revint le dimanche suivant au Palais remercier l'Impératrice, comme il était de rigueur après une grâce de Sa Majesté.

Restée veuve avec trois filles et un fils, Mme Ribeaupierre continua à habiter à la Mokhovaïa la maison du duc de Wurtemberg qu'elle avait achetée du vivant de son mari, où elle tenait table ouverte et réservait un accueil particulièrement chaleureux aux diplomates étrangers, entre autres Ségur et Cobentzel, qui venaient tous les jours. Mais à la fin du règne de Paul, elle retomba en disgrâce avec toute sa famille à la suite du duel de son fils avec le prince Boris Antonowitch Sviatopolk-Tchetvertinsky. Son fils fut destitué et interné dans une forteresse; quant à elle, chassée de Pétersbourg avec ses filles et soumise à la surveillance de la police, elle eut sa maison et ses biens confisqués. Elle résolut, pour épargner à son fils détenu un surcroît d'inquiétude, de lui cacher sa relégation, et laissa, avant de quitter Pétersbourg, une provision de lettres à son adresse, écrites de sa main, pour lui être remises en même temps que des envois de vivres. Mais un courrier envoyé après elle le jour même de l'avènement d'Alexandre Ier la fit revenir à Pétersbourg sans avoir eu le temps d'arriver à la résidence qui lui était assignée.

Mme Ribeaupierre mourut le 23 juin 1812 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Elle laissa trois filles, Anastasie, Elisabeth et Catherine, et un fils, Alexandre (1781—1865), dans la suite comte.

(D'après un original attribué à Rotary et appartenant au comte G. Ribeaupierre, St-Pétersbourg.)

(D'après un original attribué à Rotary et appartenant au comte G. Ribeaupierre à Pétersbourg.)

Пис Ротари

Аграфена Александровна
Рибопьеръ, 1755 1812

Peint par Rotary

Agrippine Alexandrowna
Ribeaupierre. 1755 1812

50

Графиня МАРІЯ ФЕДОРОВНА ЗУБОВА, 1773—1810, дочь генералъ-поручика князя Каспара Федоровича Любомірскаго, родилась 16 Іюля 1773 г. и въ молодыхъ годахъ вышла замужъ за графа Прота Потоцкаго, по смерти котораго вскорѣ сдѣлалась женой графа Валеріана Александровича Зубова (р. 28 Ноября 1771 г., † 21 Іюня 1804 г.), красавца, окруженнаго къ тому же ореоломъ героя, которому ядро ея соотечественниковъ оторвало ногу. Отъ этого брака у ней былъ сынъ Платонъ, умершій въ дѣтствѣ.

Графъ В. А. Зубовъ умеръ въ 1804 г., и она, 31 года, вторично овдовѣла. Въ 3-й разъ она была замужемъ за генералъ-адъютантомъ, шефомъ Кавалергардскаго полка Федоромъ Петровичемъ Уваровымъ, весьма близкимъ человѣкомъ къ Императору Александру Павловичу; третьему мужу, который ее пережилъ, она оставила большое состояніе, полученное ею отъ отца и перваго мужа, а именно обширныя имѣнія въ Волынской губерніи. Умерла М. Ф. Уварова 15 Марта 1810 г. и погребена въ Троице-Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, около родовой усыпальницы Зубовыхъ; на памятникѣ ея стоитъ мраморный ея бюстъ.

Легкомысленная полька, графиня Зубова отличалась веселымъ характеромъ и блистала красотой; еще въ 1805 г., по словамъ С. Н. Марина, въ Петербургѣ ѣздили смотрѣть, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Кутайсовыхъ, танцовала она „шаль“. Въ послѣдніе годы жизни она была разбита параличомъ.

Ф. П. Уваровъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1824 г. помѣстилъ такой пунктъ: „Портреты покойной моей супруги оставляю: писанный Тончи — графинѣ Калиновской, а писанный madame Le-Brun — княгинѣ Елизаветѣ Адамовнѣ Гагариной“. Гдѣ находится въ настоящее время первый изъ нихъ — намъ неизвѣстно, снимокъ же со второго прилагается здѣсь, въ видѣ геліогравюры. Г-жа Виже-Лебренъ, въ своихъ запискахъ такъ говоритъ объ этомъ портретѣ, писанномъ ею въ Петербургѣ, въ 1795 году: „La comtesse Potocka, en pied, couchée sur un très grand divan, tenant une colombe sur son sein; cette comtesse est une des plus jolies femmes que j'aie peintes“.

(Съ портрета Виже-Лебренъ, 1795 г.; собственность княгини В. Ѳ. Гагариной, С.-Петербургъ.)

50

La comtesse MARIE FÉODOROWNA ZOUBOFF, 1773 — 1810, fille du prince Gaspard Lubomirsky, général lieutenant, née le 16 juillet 1773, épousa toute jeune le comte Prote Potocki, à la mort duquel elle se remaria bientôt au comte Valérien Alexandrowitch Zouboff (28 novembre 1771 — 21 juin 1804), connu comme bel homme et couronné de plus d'une auréole de héros pour avoir eu la jambe emportée par un boulet parti des rangs des compatriotes de sa future femme. Elle eut de ce mariage un fils Platon, mort enfant.

Le comte Valérien Zouboff mort en 1804, elle se retrouva veuve à 31 ans. Elle épousa en troisièmes noces Théodore Pétrowitch Ouvaroff, général lieutenant, chef du régiment des Chevaliers-Gardes et intime d'Alexandre Ier, et lui laissa en mourant la grosse fortune qu'elle tenait de son père et de son premier mari, et qui consistait en terres considérables en Volhynie. Elle mourut le 15 mars 1810 et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg; sa tombe, située non loin du caveau de la famille Zouboff, est ornée de son buste en marbre.

Frivole polonaise, la comtesse Zouboff était d'un caractère gai et d'une grande beauté; encore en 1803, au témoignage de Marine, les pétersbourgeois allaient la voir chez les Koutaïssoff, par exemple, danser la danse du châle. Dans ses dernières années, elle fut frappée de paralysie.

Th. Ouvaroff mit en 1824 la clause suivante dans son testament: „Je lègue les portraits de ma défunte femme: celui de Tonci à la comtesse Kalinowsky, et celui de Madame Le-Brun à la princesse Elisabeth Adamowna Gagarine". Le sort du premier nous est inconnu; le second est celui dont nous donnons ci-joint une reproduction en héliogravure. Mme Vigée-Lebrun, dans ses Mémoires, dit de ce portrait, qu'elle fit à Pétersbourg en 1795: „La comtesse Potocka, en pied, couchée sur un très grand divan, tenant une colombe sur son sein; cette comtesse est une des plus jolies femmes que j'aie peintes".

(D'après un original de Vigée-Lebrun, 1795, appartenant à la princesse V. Gagarine, St-Pétersbourg.)

Пис Виэже Лебренъ

Графиня Марія Федоровна
Зубова. 1775 1810

Peint par Vigée-Lebrun

La Comtesse Marie Féodorowna
Zoubоff. 1775-1810

Экспед. Загот. Госуд Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

МАКСИМЪ МАКСИМОВИЧЪ АЛОПЕУСЪ, 1748—1822, сынъ лютеранскаго пастора, родился въ Выборгѣ 21 Января 1748 г.; готовясь къ духовному званію, онъ изучалъ богословіе сначала въ Абоскомъ, а потомъ въ Гёттингенскомъ университетахъ. Графъ Н. И. Панинъ приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ довѣреннаго чиновника и сдѣлалъ правителемъ своей канцеляріи. Алопеусъ былъ назначенъ министромъ-резидентомъ при дворѣ епископа Любскаго, въ Эйтинѣ. Тамъ служилъ онъ Цесаревичу Павлу Петровичу посредникомъ въ тайной перепискѣ съ Фридрихомъ II и Вильгельмомъ II. Часто бывая въ Берлинѣ, онъ сблизился съ Прусскими государственными людьми, графомъ Герцбергомъ и любимцемъ молодого короля, генераломъ Бишофсвердеромъ. Во время второй Турецкой войны Берлинскій дворъ, дѣйствуя въ согласіи съ Англіей, занялъ враждебное Россіи положеніе и заключилъ союзъ съ Польшей и Турціей. Алопеусъ, проѣзжая лѣтомъ 1789 г. чрезъ Берлинъ, былъ принятъ королемъ и его министрами и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, выразилъ убѣжденіе, что путемъ дружественныхъ объясненій возможно отвлечь Пруссію отъ союза и возстановить прежнія съ нею отношенія. Екатерина II, недовольная посланникомъ графомъ Нессельроде, рѣшила отправить туда Алопеуса. Прибывъ въ Берлинъ осенью 1789 г., въ качествѣ „простого путешественника“, онъ оставался тамъ шесть лѣтъ. Мѣсто посланника продолжалъ занимать графъ Нессельроде, а съ 1794 г. Колычевъ, но сношенія съ Прусскимъ правительствомъ велъ Алопеусъ. Сначала усилія не увѣнчались успѣхомъ; но когда Англійское правительство отказалось отъ мысли объявить войну Россіи, то графъ Герцбергъ вступилъ въ переговоры съ Алопеусомъ о примиреніи съ Россіей цѣною уступки Пруссіи польскихъ городовъ Данцига и Торна. Событія въ Польшѣ содѣйствовали сближенію Россіи съ Пруссіей, послѣдствіемъ чего былъ въ Январѣ 1793 г. второй раздѣлъ Польши только между договорившимися сторонами, съ исключеніемъ Австріи. Въ этихъ переговорахъ Алопеусъ принималъ дѣятельное участіе и въ 1792 г. сопровождалъ короля Вильгельма II въ походъ во Францію, окончившійся полною неудачею. Послѣдовавшее заключеніе, весной 1795 г., мира съ Франціей въ Базелѣ снова породило охлажденіе между Петербургомъ и Берлиномъ, и хотя въ Октябрѣ 1795 г. состоялся третій раздѣлъ Польши, но Алопеусъ, какъ „persona gratissima“ при Берлинскомъ дворѣ, былъ отозванъ изъ Берлина. Безбородко и братья Воронцовы обвиняли тогда Алопеуса въ потворствѣ Пруссіи, подозрѣвая его даже въ принесеніи русскихъ интересовъ въ жертву выгодамъ Берлинскаго двора. Послѣ недолгаго пребыванія резидентомъ при Германскомъ союзномъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, 30 Ноября 1796 г. онъ назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и ему поручено веденіе переговоровъ съ Шверинскимъ дворомъ о бракѣ наслѣднаго герцога съ Великою Княжною Еленой Павловной; по вступленіи въ должность первенствующаго члена Иностранной Коллегіи графа Ростопчина, считавшаго Алопеуса „пруссакомъ тѣломъ и душою“, послѣдній въ 1800 г. былъ уволенъ отъ службы. Въ 1801 г. онъ былъ назначенъ въ Кассель, а годъ спустя—чрезвычайнымъ посланникомъ при королѣ Прусскомъ, при чемъ вновь содѣйствовалъ сближенію Пруссіи съ Россіей, послѣдствіемъ чего было прибытіе Александра I въ Берлинъ и клятва въ вѣчной дружбѣ, принесенная имъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на гробницѣ Фридриха Великаго, а также заключеніе въ Потсдамѣ союзнаго договора. Тильзитскій миръ положилъ конецъ его дипломатической дѣятельности, какъ страстнаго противника Франціи. Съ 1808-го по 1815-й годъ онъ проживалъ въ отставкѣ въ Германіи.

Побѣдоносный исходъ Отечественной войны и предпринятая Императоромъ Александромъ война за освобожденіе Германіи и Европы вызвали возвращеніе Алопеуса въ третій разъ на службу, но въ 1815 г. онъ вышелъ въ отставку и послѣдніе годы жизни провелъ въ южной Германіи; умеръ онъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 6 Іюня 1822 года.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

MAXIME MAXIMOWITCH ALOPÉUS, 1748—1822, fils d'un pasteur luthérien, naquit à Wiborg le 21 janvier 1748; il se prépara à la carrière ecclésiastique et étudia la théologie, d'abord à l'université d'Abo, puis à celle de Göttingue. Le comte N. Panine se l'attacha comme homme de confiance, et lui confia la direction de sa chancellerie. Ministre résident à la Cour de l'évêque de Lubeck, à Eutin, il y servit d'intermédiaire au Césarewitch Paul Pétrowitch pour sa correspondance secrète avec Frédéric II et Guillaume II. Il allait souvent à Berlin et se lia avec des hommes d'état prussiens, le comte de Herzberg et le favori du jeune Roi, le général Bischofswerder. Lors de la seconde guerre de Turquie, la Cour de Berlin, d'accord avec celle d'Angleterre, prit une position hostile à la Russie et fit alliance avec la Pologne et la Turquie. Alopéus, de passage à Berlin à l'été de 1789, fut reçu par le Roi et ses ministres, et, de retour à Pétersbourg, exprima la conviction qu'il suffirait d'explications amicales pour détacher la Prusse de l'alliance et rétablir les rapports avec elle. Catherine II, mécontente de l'ambassadeur le comte Nesselrode, envoya Alopéus, qui, arrivé à Berlin à l'automne de 1789 en qualité de „simple voyageur", y resta six ans: le poste d'ambassadeur fut toujours occupé par Nesselrode, et, à partir de 1794, par Kolytcheff, mais c'était Alopéus qui entretenait les relations avec le gouvernement prussien. Ses efforts ne furent pas tout de suite couronnés de succès; mais, quand l'Angleterre eut renoncé à déclarer la guerre à la Russie, le comte de Herzberg entama des négociations avec Alopéus pour un arrangement avec la Russie sur la base de la cession des villes polonaises de Danzig et de Thorn. Les événements de Pologne contribuèrent encore à un rapprochement, et le résultat fut, en janvier 1793, le second partage entre les parties négociantes seulement, à l'exclusion de l'Autriche. Alopéus prit une part active aux négociations et accompagna en 1792 le Roi Guillaume II dans sa campagne de France, qui aboutit à un échec complet. La paix de Bâle, au printemps de 1795, jeta un froid entre Pétersbourg et Berlin, et le troisième partage d'octobre 1795 ne put empêcher le rappel d'Alopéus, „persona gratissima" à la Cour de Berlin. Bezborodko et les frères Worontzoff l'accusaient alors de connivence avec la Prusse, et le soupçonnaient même de sacrifier les intérêts russes au profit de cette puissance. Après un court séjour à Ratisbonne comme résident près la diète de la Confédération Germanique, il fut nommé le 30 novembre 1796 membre du Collège des Affaires étrangères et chargé des pourparlers avec la Cour de Schwerin pour le mariage du Duc héritier avec la Grande-Duchesse Hélène Pavlowna; mais l'arrivée à la présidence du Collège du comte Rostoptchine, qui le considérait comme „Prussien d'âme et de corps", le fit relever de ses fonctions en 1800. Nommé à Cassel en 1801, il devint l'année suivante envoyé extraordinaire près le Roi de Prusse, et se remit à travailler au rapprochement de la Russie avec la Prusse: ses efforts aboutirent au voyage d'Alexandre Ier à Berlin et aux serments d'éternelle amitié échangés avec Frédéric-Guillaume III sur le tombeau de Frédéric-le-Grand, ainsi qu'au traité d'alliance conclu à Potsdam. La paix de Tilsitt marque la fin de sa carrière diplomatique, comme fougueux adversaire de la France. De 1808 à 1813, il vécut dans la retraite en Allemagne.

L'issue victorieuse de la Guerre Patriotique et la guerre entreprise par l'Empereur Alexandre pour la délivrance de l'Allemagne et de l'Europe amenèrent un nouveau rappel d'Alopéus aux affaires, mais il reprit sa retraite en 1815 et passa les dernières années de sa vie dans l'Allemagne du Sud. Il mourut à Francfort-sur-le-Mein le 6 juin 1822.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

51

Максимъ Максимовичъ Алопеусъ,
1748 — 1822

Maxime Maximowitch Alopéus,
1748 — 1822

52

Графъ Давидъ Максимовичъ Алопеусъ,
1769 — 1831

Le Comte David Maximowitch Alopéus,
1769 — 1831

53

Пи. Бичеманнъ — Peint par Bienemann

Екатерина Александровна Лопухина,
17.. — 1810

Catherine Alexandrowna Lopoukhine,
17.. — 1810

54

Сенатъ. кн. Павелъ Петровичъ Лопухинъ,
1788 — 1873

Le Pce Sme Paul Pétrowitch Lopoukhine,
1788 — 1873

52

Графъ ДАВИДЪ МАКСИМОВИЧЪ АЛОПЕУСЪ, 1769—1831, младшій братъ Максима Максимовича, родился въ Выборгѣ 14 Декабря 1769 г.; воспитывался въ Военной школѣ въ Штутгартѣ, но посвятилъ всю свою жизнь гражданской службѣ, избравъ карьеру дипломата и поступивъ на службу въ 1789 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Сначала секретарь русской миссіи въ Стокгольмѣ, Алопеусъ въ 1803 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Шведскомъ дворѣ. Во время войны 1808 г. онъ не успѣлъ выѣхать, былъ арестованъ и, пробывъ 3 мѣсяца въ заключеніи, наконецъ, отпущенъ въ Либаву. Во время мирныхъ переговоровъ съ Швеціей въ Фридрихсгамѣ, Алопеусъ былъ, вмѣстѣ съ графомъ Румянцевымъ, представителемъ Россіи и 9 Сентября 1808 г. подписалъ актъ присоединенія къ Россійской Имперіи всей Финляндіи. Въ слѣдующемъ году Алопеусъ былъ назначенъ посланникомъ ко двору Неаполитанскаго короля, а въ 1811 г., вслѣдствіе недоразумѣній, перемѣщенъ въ Виртембергъ; назначенный въ 1813 г. полномочнымъ министромъ при королѣ Прусскомъ, онъ сопровождалъ союзныя арміи въ походахъ 1813—15 гг., а затѣмъ, съ этого года, въ теченіе 16-и лѣтъ оставался посломъ въ Берлинѣ, продолжая политику своего старшаго брата и стараясь о наиболѣе тѣсномъ сближеніи Пруссіи съ Россіей. Въ 1814 г. Алопеусу былъ пожалованъ баронскій титулъ, а въ 1820 г. онъ былъ возведенъ въ графы.

Д. М. Алопеусъ былъ женатъ на дочери барона Эрнеста-Іоахима фонъ-Венкстерна, изъ Ганновера, отъ брака его съ Маріанной-Каролиной Бремеръ, Жаннетѣ (р. 178. г., † 1869 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Александра († 1841 г.; секретарь миссіи въ Туринѣ) и Федора († 185. г.; генералъ-майоръ, женатъ на баронессѣ Александрѣ Петровнѣ Фредериксъ), и дочь Александрину (род. въ Петербургѣ въ 1808 г., † въ Парижѣ 9 Февраля 1848 г.; въ замужествѣ Лаферонне, извѣстна по сочиненію „Récit d'une source par Mme Augustus“). Вдова Д. М. Алопеуса, графиня Жанлста или Анна Ивановна, вышла вторично замужъ за свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина.

Графъ Д. М. Алопеусъ умеръ въ Берлинѣ 13 Іюня 1831 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

52

Le comte DAVID MAXIMOWITCH ALOPÉUS, 1769—1831, frère cadet de Maxime Alopéus, naquit à Wiborg le 14 décembre 1769. Il fit ses études à l'école militaire de Stuttgard, mais passa toute sa vie au service civil: il se destinait à la carrière diplomatique et entra en 1789 au Collège des Affaires étrangères. D'abord secrétaire de la mission russe à Stockholm, il fut nommé en 1803 envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près la Cour de Suède. Arrêté et emprisonné au début de la guerre de 1808 avant d'avoir eu le temps de partir, il ne fut relâché que trois mois plus tard et embarqué pour Libau. Il fut, avec le comte Roumiantzeff, représentant de la Russie aux négociations de paix de Frederikshamn, et signa, le 9 septembre 1808, l'acte qui annexait à l'Empire de Russie toute la Finlande. Nommé l'année suivante envoyé à la Cour du Roi de Naples, il la quitta en 1811, à la suite de malentendus, et passa en Wurtemberg. Devenu en 1813 ministre plénipotentiaire près le Roi de Prusse, il accompagna les Alliés en 1813/1815, et passa ensuite seize ans comme ambassadeur à Berlin, où il continua la politique de son frère aîné en travaillant à un rapprochement aussi étroit que possible entre la Prusse et la Russie. Il reçut en 1814 le titre de baron, et, en 1820, la dignité de comte.

David Alopéus épousa la fille Jeannette (178.—1869) du baron hanovrien Ernest-Joachim von Wenckstern et de Marianne-Caroline Brehmer. Il eut d'elle deux fils, Alexandre († 1841), secrétaire à la mission de Turin, et Théodore († 185.), général major, marié à la baronne Alexandrine Pétrowna Frederichs, et une fille Alexandrine (1808—9 février 1848), née à Pétersbourg, morte à Paris, mariée au vicomte La Ferronnays et connue par son Récit d'une source, par Mme Augustus.

Le comte D. Alopéus mourut à Berlin le 13 juin 1831, et sa veuve épousa en secondes noces le prince P. Lopoukhine.

(D'après une aquarelle appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

53

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛОПУХИНА, 178 .—1810, дочь Александра Ивановича Лопухина, двоюроднаго брата свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина, отъ брака съ Анной Алексѣевной Яблочковой.

Е. А. Лопухина умерла въ 1810 году незамужней.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаловича.)

53

CATHERINE ALEXANDROWNA LOPOUKHINE, 178 . —1810, fille d'Alexandre Ivanowitch Lopoukhine, cousin germain du prince sérénissime Pierre Vassiliewitch Lopoukhine, et d'Anne Alexéewna, née Yablotchkoff. Elle mourut non mariée en 1810.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Свѣтлѣйшій князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛОПУХИНЪ, 1788—1873, единственный сынъ князя Петра Васильевича отъ второго его брака съ Екатериной Николаевной Шетневой (см. т. II, №№ 16 и 18), родился „въ годъ взятія Очакова“, т.-е. въ 1788 г.; съ дѣтства записанный въ Преображенскій полкъ, 8 Марта 1800 года онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ поручики, а черезъ годъ, 18 Марта, пожалованъ Александромъ I въ камергеры. Въ 1806 г., 30 Октября, поступилъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ, при чемъ участвовалъ въ Прусскомъ походѣ 1807 г., состоя при Беннигсенѣ. Въ Отечественную войну Лопухинъ былъ при Ермоловѣ, который находилъ въ немъ „смѣлость, добрую волю и хорошія способности, дающія надежду“. Произведенный за сраженіе при Красномъ въ полковники, онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813/15 гг., при чемъ за сраженіе при Денневицѣ получилъ золотую шпагу, за отличіе подъ Люттихомъ и участіе во взятіи Суассона награжденъ орд. св. Георгія 4-й ст.; 6 Февраля 1817 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ въ 1-й Уланской дивизіи. Будучи масономъ и даже начальникомъ ложи „Трехъ добродѣтелей“, въ Петербургѣ, Лопухинъ былъ однимъ изъ основателей „Союза Благоденствія“, избранъ былъ въ число „блюстителей“ и участвовалъ въ составленіи устава, т.-е. „Зеленой книги“. Цѣли этого тайнаго общества, по словамъ Лопухина, заключались въ намѣреніи „ввести въ государствѣ мысли либеральныя, могущія приготовить къ представительному правленію“, при чемъ единственнымъ средствомъ воздѣйствія допускалъ—„дѣйствовать на мнѣніе“. Возвратившись изъ-за границы въ 1821 г., Лопухинъ узналъ, что общество распалось, но вскорѣ Никита Муравьевъ предложилъ ему вступить въ возобновляемое общество; онъ подписалъ присягу, и этимъ ограничилось все его участіе; онъ даже не зналъ ни цѣлей, ни позднѣйшихъ дѣйствій общества. Въ 1825 г., 28 Декабря, Лопухинъ былъ допрошенъ Государемъ, откровенно показалъ о своемъ участіи въ тайныхъ обществахъ и былъ „Высочайше освобожденъ“. Въ 1827 г. былъ назначенъ начальникомъ 2-й Конно-егерской дивизіи, 25 Іюня 1829 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 8 Ноября 1830 г.—командиромъ 1-й Гусарской дивизіи. За участіе въ усмиреніи Польскаго мятежа, при чемъ онъ былъ во многихъ бояхъ и при взятіи Варшавы, награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст. и Георгія 3-й ст.; 11 Января 1835 г. вышелъ въ отставку.

Лопухинъ былъ женатъ на гр. Жаннетѣ Алонсусъ; 30 Октября 1833 г. онъ вѣнчался съ ней въ С.-Донато, близъ Флоренціи. По словамъ Бутурлина, въ это время „Лопухины составляли красивую еще, хотя и пожилую пару“.

Единственный сынъ у отца, молодой Лопухинъ зналъ, что его современемъ ожидало огромное состояніе и „съ увлеченіемъ предался самой разгульной жизни“. Подъ 1820 г. графъ Бутурлинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Нерѣдко бывалъ у насъ во Флоренціи свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, молодчина во всемъ блескѣ типической красоты при высокомъ ростѣ“... Неудивительно, что онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, такъ что, говорятъ, одна изъ извѣстныхъ Петербургскихъ дамъ, „сѣтуя, что недостаточно обращала на себя его вниманіе, сказала: „Онъ такъ красивъ, что я готова ему отомстить за себя и за тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ сдѣлаетъ, откусивъ ему носъ“. Въ старости „онъ хвалился своими успѣхами въ обществѣ, своимъ умѣньемъ вести разомъ нѣсколько любовныхъ интригъ и не вѣрилъ въ женскую добродѣтель. Это, однако, не помѣшало ему влюбиться однажды не на шутку“ въ свою будущую жену. По описанію князя Лобанова, Лопухинъ въ 1869 г. былъ „бодрый и свѣжій старикъ, въ обхожденіи чрезвычайно любезенъ, въ нашемъ поколѣніи мы уже отвыкли отъ подобнаго обращенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что князь Лопухинъ представляетъ собою типъ стараго русскаго барина, въ самомъ полномъ и достойномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на свои преклонныя лѣта, сохранилъ всю свѣжесть своей памяти, въ разговорахъ его постоянно отражались его правдивость и добросовѣстность“, при этомъ „старикъ любилъ разсказывать анекдоты, не совсѣмъ приличные“. Въ Корсуни князь „жилъ въ вельможной обстановкѣ“; въ огромномъ залѣ, „похожемъ на музей“, каждую субботу давались концерты; князь „не только самъ дирижировалъ, но и сочинялъ музыку, не стѣсняясь иногда вставлять въ нее мотивы изъ извѣстныхъ итальянскихъ оперъ“.

Князь П. П. Лопухинъ умеръ въ Корсуни 23 Февраля 1873 г.; дѣтей у него не было; княжескій титулъ и фамилія его перешли къ старшему его внуку (по сестрѣ) Н. Н. Демидову.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince sérénissime **PAUL PÉTROWITCH LOPOUKHINE**, 1788—1873, fils unique du prince Pierre Vassiliewitch Lopoukhine et de sa seconde femme Catherine Nikolaewna Chtchetneff (v. T. II, №№ 16 et 18), naquit „l'année de la prise d'Otchakoff", c'est-à-dire en 1788. Enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il fut nommé le 8 mars 1800 aide de camp de Sa Majesté et promu lieutenant, puis, un an plus tard, le 18 mars, fait chambellan par Alexandre Ier. Lieutenant le 30 octobre 1806 aux Chevaliers-Gardes et toujours aide de camp de Sa Majesté, il fit la campagne de Prusse de 1807, attaché à Bennigsen. Yermoloff, auquel il fut attaché pendant la Guerre Patriotique, lui trouvait „de la hardiesse, de la bonne volonté et des facultés qui promettaient". Colonel après Krasnoïé, il fit les campagnes de 1813/1815: la bataille de Dennewitz lui valut une épée d'or, sa valeur à Liège et sa conduite à la prise de Soissons St-Georges de 4e classe, et, le 6 février 1817, il passa général major et commandant de brigade à la 1re division de uhlans. Franc-maçon et même vénérable de la loge des Trois-Vertus à St-Pétersbourg, il était un des fondateurs de l'Alliance de Prospérité, fut élu Gardien et collabora à la rédaction du règlement dit Livre Vert. Le but de cette société secrète était, dit-il lui-même, „de répandre dans l'Etat des idées libérales, propres à préparer le régime représentatif", et elle n'admettait d'autre moyen d'action que „l'action sur l'opinion"... De retour de l'étranger en 1821, il trouva la société désagrégée, mais bientôt Nikita Mouravieff la rétablit et l'y fit rentrer; il signa le serment, et ce fut tout: il ne savait pas le but véritable de la société et n'en connut pas les actes ultérieurs. En 1825, le 28 décembre, interrogé par l'Empereur, il avoua franchement son affiliation à des sociétés secrètes, et fut „mis en liberté par ordre de Sa Majesté". Chef de la 2e division de chasseurs à cheval en 1827, il fut, le 25 juin 1829, promu général lieutenant, et, le 8 novembre 1830, nommé commandant de la 1re division de hussards. Lors de l'insurrection de Pologne, il prit part à de nombreux combats et à la prise de Varsovie, et fut décoré de St-Vladimir de 2e classe et de St-Georges de 3e classe. Il prit sa retraite le 11 janvier 1835.

Lopoukhine épousa la comtesse Jeannette Alopéus; le mariage fut célébré le 30 octobre 1833 à San-Donato, près de Florence. Les nouveaux époux, dit Boutourline, „faisaient encore un beau couple, malgré l'âge".

Fils unique, le jeune Lopoukhine savait qu'il aurait un jour une grosse fortune et „se livra avec entraînement à la vie la plus désordonnée". Le comte Boutourline note dans son Journal sous 1820: „Nous avons eu souvent à Florence la visite du prince sérénissime Lopoukhine, un gaillard de première taille, dans tout l'éclat d'une beauté typique... Rien d'étonnant à ce qu'il eût un succès considérable auprès des femmes, à tel point qu'une dame connue de Pétersbourg, „de dépit" de n'avoir qu'insuffisamment attiré son attention, avait dit: „Il est si beau que je suis prête à lui manger le nez pour me venger, moi et les malheureuses qu'il pourra encore faire". Dans sa vieillesse, „il était vanté pour ses succès dans la société, son art de mener de front plusieurs intrigues amoureuses à la fois et son incrédulité en matière de vertu féminine. Ce qui ne l'empêcha pas de devenir un jour amoureux pour tout de bon" de sa future femme. Au témoignage du prince Lobanoff, Lopoukhine était en 1869 „un vieillard frais et vert, aux manières d'une amabilité extrême, dont l'habitude est perdue dans notre génération. On peut dire sans exagérer qu'il est le type du vieux seigneur russe, dans toute la plus digne acception du terme. Malgré son âge avancé, il avait conservé toute sa fraîcheur de mémoire, et ses propos respiraient sans cesse l'équité et la conscience qui le caractérisaient"; ajoutons que „le vieillard aimait à raconter des anecdotes qui n'étaient pas tout à fait convenables". A Korsoun, le prince „menait une vie de grand seigneur": dans une immense salle, „comme un musée", il y avait concert tous les samedis, et „non seulement il dirigeait l'orchestre lui-même, mais encore il composait, sans se faire scrupule de piller au besoin les grands opéras italiens".

Le prince Lopoukhine mourut à Korsoun le 23 février 1873, sans laisser d'enfants. Son titre de prince et son nom passèrent à son petit-neveu par sa sœur, N. Démidoff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ, 1784—1812, младшій сынъ графа Ивана Павловича Кутайсова отъ брака съ Анной Петровной Рѣзвой, родился 30 Августа 1784 г.; его головокружительная, блестящая карьера, однако, настолько выкупалась дѣйствительно выдающимися талантами и высокими нравственными качествами этого совсѣмъ юнаго генерала, что зависть и злословіе не коснулись его благородной личности, несмотря на всю ненависть, чтобы не сказать презрѣніе, къ его отцу фавориту, бывшему брадобрею и камердинеру Императора. Записанный 10-и лѣтъ вахмистромъ въ Конную гвардію, 12-и онъ былъ переведенъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и въ томъ же 1796 г. капитаномъ Великолуцкаго полка назначенъ состоять при Кутузовѣ. Будучи въ 14 лѣтъ генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантомъ, Кутайсовъ, по собственному желанію, въ 1799 г. былъ переведенъ въ артиллерію, съ назначеніемъ состоять при Аракчеевѣ, при чемъ Кутайсовъ обнаружилъ качества выдающагося артиллериста. Въ 1805 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и принималъ участіе въ походахъ 1806 и 1807 гг., командовалъ артиллеріей подъ Пултускомъ и особенно отличился при Прейсиш-Эйлау, гдѣ съ 36 орудіями спасъ отъ гибели центръ арміи, отбивъ маршала Даву. За этотъ подвигъ Кутайсовъ получилъ прямо Георгія 3 степени. Въ 1809 г. онъ былъ начальникомъ артиллеріи въ корпусѣ князя С. Ф. Голицына. Промежутокъ между войнами Кутайсовъ посвятилъ самообразованію: сначала въ Вѣнѣ онъ изучалъ арабскій и турецкій языки, затѣмъ въ Парижѣ, въ статскомъ платьѣ, во фракѣ, посѣщалъ высшія учебныя заведенія, слушая математическія науки; въ то же время онъ принятъ былъ въ кругу знаменитыхъ Наполеоновскихъ генераловъ. Въ Отечественную войну ему пришлось опять служить съ Кутузовымъ, который часто убѣждалъ его „не вдаваться излишне въ опасности“, но это было напрасно. 26 Августа 1812 г. въ Бородинскомъ бою Кутайсовъ бросился въ штыки во главѣ нѣхоты лѣваго крыла, и только конь, съ окровавленнымъ сѣдломъ, вернулся назадъ. Наканунѣ смерти онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и только ужъ вечеромъ, усѣвшись среди офицеровъ и солдатъ, пилъ чай съ ржаными сухарями.

Нѣтъ отзывовъ, неблагопріятныхъ Кутайсову! Современникъ, восхваляя его, пишетъ: „Онъ былъ небольшого роста, блѣдный лицомъ, тѣлосложенія слабаго, глаза его были голубые, влажные, полные выраженія и ума; вся физіономія носила отпечатокъ доброты“. Прекрасный математикъ, онъ любилъ музыку, писалъ стихи и прекрасно рисовалъ карикатуры. „Совсѣмъ здоровый, пролеживалъ онъ иногда въ постели по мѣсяцу, и во все сіе время былъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ, не однимъ предметомъ, но десятью вдругъ. Вокругъ постели его стояло до десяти табуретовъ, въ родѣ столовъ. Любознательность его не имѣла границъ; въ верховой ѣздѣ, танцахъ, гимнастикѣ онъ былъ искусенъ; добродушенъ, щедръ, чрезвычайно привѣтливъ въ обращеніи; онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ знавшихъ его, и единогласно были признаваемы въ немъ всѣ достоинства его“. Даже самъ Вигель, который мало кого хвалитъ, оставилъ цѣлый панегирикъ: „Все то, что можетъ льстить только тщеславію, все то, что можетъ жестоко оскорбить самолюбіе, все то испыталъ Кутайсовъ почти въ ребячествѣ. Послѣ перемѣны царствованія, всякій почиталъ обязанностью лягнуть падшаго фаворита, который поспѣшилъ удалиться за границу, а жену и дѣтей оставилъ въ Петербургѣ на жертву ненависти и презрѣнія. Однако же, на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшаго его сына ни одинъ дерзкій взглядъ не смѣлъ подняться. Что удивительнаго, если всѣ женщины были отъ него безъ ума, когда мущины имъ плѣнялись? Не знаю, кого бы онъ не любилъ, но нѣкоторыхъ любилъ болѣе прочихъ, и мнѣ кажется, что я былъ въ числѣ ихъ“. Подчиненные обожали Кутайсова. „Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его чрезвычайно искуснымъ, если бы не зналъ, что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное; всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его: въ немъ была какая-то магія. Вокругъ Кутайсова было все такъ живо, такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пристойно, какъ онъ самъ; молодыя дамы могли бы, не краснѣя, находиться въ его военномъ обществѣ. Вскорѣ потомъ умеръ онъ героемъ, какъ умереть ему надлежало. Спасибо Жуковскому, что онъ въ прекрасныхъ стихахъ сохранилъ память о столь прекрасномъ существованіи: безъ него простылъ бы и слѣдъ такого диковиннаго человѣка“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH KOUTAÏSSOFF, 1784—1812, plus jeune fils du comte Ivan Pavlowitch Koutaïssoff et d'Anne Pétrowna, née Rezvoï, naquit le 30 août 1784. Il fit une carrière brillante, étourdissante, mais aussi les talents réellement éminents et les hautes qualités morales de ce tout jeune général préservèrent sa belle personnalité des atteintes de l'envie et de la médisance, malgré toute la haine, pour ne pas dire le mépris qu'excitait son père le favori, l'ancien barbier et valet de chambre de l'Empereur. Enrôlé à l'âge de 10 ans sous-officier à la Garde à cheval, il passa deux ans après sergent au régiment Préobragensky, et, la même année, capitaine au régiment de Vélikié-Louki, fut attaché à Koutouzoff. Commissaire général aux vivres à l'âge de 14 ans, il permuta sur sa demande dans l'artillerie en 1799, fut attaché à Araktchéeff, et déploya alors d'éminentes capacités d'artilleur. Général major en 1805, il fit les campagnes de 1806 et 1807; il avait à Pultusk le commandement de l'artillerie, et se distingua particulièrement à Preussisch-Eylau, où, avec 36 pièces, il sauva le centre en repoussant le maréchal Davoust; cet exploit lui valut d'emblée St-Georges de 3e classe. En 1809, il fut chef de l'artillerie au corps du prince S. Golitzyne. Dans l'intervalle de ses campagnes, il travaillait à compléter son instruction: à Vienne d'abord, il étudia l'arabe et le turc, puis à Paris, vêtu en civil, toujours en habit, il alla aux cours de mathématiques des établissements d'enseignement supérieur; alors aussi, il fut reçu dans le cercle des célèbres généraux de Napoléon. Pendant la Guerre Patriotique, il se trouva encore avec Koutouzoff, qui lui recommandait souvent de „ne pas s'exposer trop", mais en vain: le 26 août 1812, à Borodino, Koutaïssoff s'élança à la baïonnette à la tête de l'infanterie de l'aile gauche, et on ne vit revenir que son cheval, avec une selle ensanglantée. La veille il était resté toute la journée sans rien manger, et seulement le soir, installé au milieu des officiers et des hommes, il avait pris du thé avec des biscuits de seigle.

Sur Koutaïssoff, pas une note discordante! Un contemporain, faisant son éloge, dit: „De petite taille, le teint pâle, de complexion délicate, il avait les yeux bleus, humides, pleins d'expression et d'esprit; tout son visage respirait la bonté". Excellent mathématicien, il aimait la musique et réussissait fort bien la caricature. „En pleine santé, il restait parfois au lit un mois entier, incessamment occupé, non pas à une seule chose, mais à dix à la fois, avec une dizaine de tabourets autour de son lit en guise de tables. C'était un esprit d'une curiosité sans bornes; l'équitation, la danse, la gymnastique lui étaient familières. Sa bienveillance, sa générosité, son extrême affabilité lui gagnaient tous les cœurs, et tous ses mérites étaient unanimement reconnus". Wiegel lui-même, d'ordinaire chiche d'éloges, fait ici tout un panégyrique: „Tout ce qui peut flatter la vanité, tout ce qui peut blesser cruellement l'amour-propre, Koutaïssoff l'éprouva encore presque enfant. Au changement de règne, chacun se crut obligé de donner son coup de pied au favori déchu, qui s'empressa de partir pour l'étranger, laissant à Pétersbourg sa femme et ses enfants en butte à la haine et au mépris. Pourtant, sur le beau visage, plein de sérénité et de noblesse, de son plus jeune fils, nul n'osa lever un regard d'insolence. Rien d'étonnant si toutes les femmes étaient folles de lui, quand il captivait les hommes même. Je ne sais qui il pouvait ne pas aimer, mais il avait des préférés, et je crois avoir été de ceux-là". Il était adoré de ses subordonnés: „Je n'oublierai jamais son attitude à leur égard; j'y verrais une extrême habileté, si je ne savais qu'en cet homme tout était naturel. Tout le monde lui regardait dans les yeux pour deviner ses désirs, et il avait l'air d'un aîné au milieu de frères qui l'aiment et le craignent. Il avait je ne sais quoi de magique: autour de lui, tout était aussi animé, aussi gai, et en même temps aussi digne que lui-même; une jeune femme aurait pu, sans avoir à rougir, rester avec lui dans une société d'officiers. Une mort héroïque l'attendait bientôt, une mort comme il lui en fallait une. Merci à Joukowsky d'avoir en de magnifiques vers conservé la mémoire d'une aussi belle existence: sans lui, il ne serait resté trace d'un homme aussi prodigieux!"

(D'après un original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH KOUTAÏSSOFF (1784—1812), plus jeune fils du comte Ivan [illegible] Koutaïssoff et d'Anne Pétrowna, née Resvoï, [illegible]. Il fit une carrière brillante [illegible], mais aussi les talents réellement éminents et les [illegible] de ce tout jeune général [illegible] sa belle personnalité des atteintes de l'envie et de [illegible], malgré toute la haine, pour ne pas dire le mépris, qu'excitait son père le favori, l'ancien barbier [illegible] de l'Empereur. [illegible] à l'âge de 10 ans sous-officier à la Garde à cheval, il passa [illegible] au régiment Préobrajensky, et, la même année, capitaine au régiment de [illegible] Koutouzoff. Commissaire général aux vivres à l'âge de 14 ans, il permuta sur sa demande [illegible] en 1799, fut attaché à Arakhchéeff, et déploya [illegible] d'éminentes capacités d'artilleur. Général [illegible] il fit les campagnes de 1806 et 1807, il avait à [illegible] le commandement de l'artillerie, et se [illegible] particulièrement à Preussisch-Eylau, où, avec 36 pièces, il sauva le centre en repoussant le maréchal [illegible], cet exploit lui valut [illegible] St-Georges de 3e classe. En 1809, il fut chef de l'artillerie [illegible] prince S. Golitzyne. Dans l'intervalle de ces campagnes, il travaillait à compléter son instruction [illegible], il étudia l'art [illegible] et [illegible], puis à Paris, vêtu en civil, toujours en habit, il alla aux cours [illegible] des établissements d'enseignement supérieur; alors aussi, il fut reçu dans le cercle [illegible] de Napoléon. Pendant la Guerre Patriotique, il se trouva encore avec Koutouzoff, qui lui [illegible] de „ne pas [illegible] trop", mais en vain: le 26 août 1812, à Borodino, Koutaïssoff [illegible] à la tête de l'infanterie de l'aile gauche, et on ne vit revenir que son cheval, [illegible]. La veille il était [illegible] la journée sans rien manger, et seulement le soir, [illegible] des officiers et des hommes, il avait pris du thé avec des biscuits de seigle.

[illegible] „De petite taille, [illegible] d'esprit; tout [illegible], il aimait la musique et [illegible] fort bien la caricature. [illegible] une seule [illegible]. C'était un esprit [illegible] lui étaient [illegible]; sa bienveillance, [illegible] et tous ses [illegible] unanimement [illegible]. Tout ce qui peut flatter [illegible] encore presque enfant, [illegible] son coup de pied [illegible], qui s'empressa [illegible] à Pétersbourg sa femme et ses enfants [illegible] et au [illegible]. Pourtant, sur le beau visage, [illegible] lever un regard [illegible] toutes les femmes étaient folles de [illegible] les hommes même. Je ne sais qui il pouvait ne pas aimer, mais il avait des préférés, et [illegible] de ceux-là". Il était adoré de ses subordonnés: „Je n'oublierai jamais son attitude à leur [illegible] une extrême habileté, si je ne savais qu'en cet homme tout était naturel. Tout le monde lui [illegible] dans les yeux pour deviner ses désirs, et il avait l'air d'un aîné au milieu de frères qui l'aiment et le [illegible]. Il avait je ne sais quoi de magique; autour de lui, tout était aussi animé, aussi gai et [illegible] digne que lui [illegible] une jeune femme aurait pu, sans avoir à rougir, rester avec lui [illegible]. Une mort héroïque l'attendait bientôt, une mort comme il lui en fallait une. Merci à Joukowsky d'avoir [illegible] de magnifiques vers conservé la mémoire d'une aussi belle existence: sans lui, il ne [illegible] d'un homme aussi prodigieux!"

(D'après un original de G. Dawe, Galerie [illegible] Palais d'Hiver.)

55

Нис. І. Доу

Графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ,
1784 — 1812

Peint par G. Dow

Le Comte Alexandre Ivanowitch Koutaïssoff,
1784 — 1812

56

Графиня Прасковія Петровна Кутайсова,
1785 — 1870

La Comtesse Praskovia Petrowna Koutaïssoff,
1785 — 1870

57

Нис. А. Брюлловъ

Peint par A. Brullow

Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ,
1780 — 1840

Le Comte Paul Ivanowitch Koutaïssoff,
1780 — 1840

56

Графиня **ПРАСКОВІЯ ПЕТРОВНА КУТАЙСОВА**, 1780—1870, дочь свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина (см. т. II, № 16) и первой его супруги Прасковіи Ивановны Левшиной (см. т. II, № 17), была младшей сестрой княгини Анны Петровны Гагариной, извѣстной фаворитки Императора Павла; въ періодъ особенно сильнаго вліянія послѣдней при дворѣ и возвышенія всей семьи Лопухиныхъ, она снискала также расположеніе Государя, который пожаловалъ ее во фрейлины и выдалъ замужъ за старшаго сына своего любимца, графа Павла Ивановича Кутайсова (р. 1780 г., † 1840 г.). Свадьба состоялась 28 Мая 1800 г. при дворѣ. Позднѣе Кутайсова была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2 класса.

Отъ брака съ графомъ П. И. Кутайсовымъ у нея было двое сыновей: Иванъ (женатъ на Е. Д. Шепелевой) и Ипполитъ (женатъ на княжнѣ Н. А. Урусовой), и двѣ дочери: Анна (за царевичемъ Грузинскимъ Окропиромъ Георгіевичемъ) и Александра (р. 1804 г., † 1881 г.; за княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ).

Графиня П. П. Кутайсова скончалась въ глубокой старости 25 Апрѣля 1870 г. и похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежавшаго [въ 1902 г.] князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

56

La comtesse **PRASCOVIE PÉTROWNA KOUTAÏSSOFF**, 1780—1870, fille du prince sérénissime Pierre Vassiliewitch Lopoukhine (v. T. II, № 16) et de sa première femme Prascovie Ivanowna Levchine (v. T. II, № 17), était la plus jeune sœur de la princesse Anne Pétrowna Gagarine, la fameuse favorite de l'Empereur Paul; à l'époque de la plus grande influence de celle-ci à la Cour et de l'élévation de tous les Lopoukhine, elle rechercha également la faveur de l'Empereur, qui la fit demoiselle d'honneur et la maria au fils aîné de son favori le comte Paul Ivanowitch Koutaïssoff (1780—1840): le mariage eut lieu à la Cour le 28 mai 1800. La comtesse devint dans la suite dame de Ste-Catherine.

Elle eut de ce mariage deux fils, Ivan, marié à Mlle Chépéleff, et Hippolyte, à la princesse N. Ouroussoff, et deux filles, Anne, mariée au tzarewitch de Géorgie Okropir Géorgiewitch, et Alexandrine (1804—1881), au prince Alexis Alexéewitch Golitzyne.

La comtesse Koutaïssoff mourut dans une vieillesse avancée le 25 avril 1870, et fut inhumée au cimetière Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original ayant appartenu en 1902 au prince P. Golitzyne, Moscou.)

57

Графъ ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ, 1780—1840, старшій братъ графа Александра Ивановича, далеко уступавшій послѣднему въ способностяхъ и успѣхахъ по службѣ, родился 25 Ноября 1780 г.; 7-и лѣтъ зачисленъ въ Конную гвардію, въ 1790 г. былъ уже вахмистромъ, въ 1795 г.—капитаномъ арміи, а 1 Января 1796 г. назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ. По просьбѣ отца, извѣстный А. С. Шишковъ бралъ П. Кутайсова съ собой въ заграничное путешествіе, но поѣздка эта, въ Дрезденъ, а оттуда въ Карлсбадъ, видимо не принесла большой пользы молодому человѣку, о которомъ Шишковъ въ своихъ „Запискахъ“ даетъ рядъ далеко нелестныхъ отзывовъ.

Пожалованный въ 1799 г. орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Кутайсовъ 7 Января 1800 г. сдѣланъ былъ камергеромъ, 19 Мая—статсъ-секретаремъ, а 8 Ноября—почетнымъ командоромъ Мальтійскаго ордена. На другой день по восшествіи на престолъ Александра I назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ, пока въ 1809 г. не былъ назначенъ и. д. оберъ-прокурора 6 департамента Сената, въ Москвѣ. Въ 1811 г. онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., а въ 1812 г.—за успѣшное „перемѣщеніе“ Московскаго Сената въ Казань, „за усердіе и заботы“, золотую табакерку. Въ 1815 г. Кутайсовъ былъ назначенъ обоер-прокуроромъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ, въ 1816 г. произведенъ въ тайные совѣтники и 13 Января слѣдующаго года пожалованъ въ сенаторы 2 департамента. Переселившись въ Петербургъ, состоялъ съ 1822 г. членомъ комитета главной дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, членомъ комиссіи по постройкѣ Исакіевскаго собора, членомъ комитета объ убійствѣ дѣвицы М. Алтуховой, затѣмъ предсѣдателемъ комиссіи о похищеніи золота на Уралѣ; получивъ въ Январѣ 1826 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст., Кутайсовъ былъ пожалованъ 22 Августа въ егермейстеры. Въ 1829 г. ревизовалъ Закавказскій край, въ 1832 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла и назначенъ вице-президентомъ Гофъ-интендантской конторы, съ переименованіемъ въ гофмейстеры; въ слѣдующемъ году получилъ Александровскую ленту, въ 1834 г. пожалованъ въ оберъ-гофмейстеры, съ назначеніемъ президентомъ Гофъ-конторы, а въ 1837 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Кутайсовъ долго состоялъ предсѣдателемъ общества поощренія художниковъ.

Въ письмахъ А. Я. Булгакова можно найти нѣсколько отрывочныхъ, но не слишкомъ благопріятныхъ отзывовъ о Кутайсовѣ.

Графъ П. И. Кутайсовъ умеръ 9 Марта 1840 г.; онъ былъ женатъ съ 28 Мая 1800 г. на княжнѣ Прасковіи Петровнѣ Лопухиной, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей и двухъ дочерей.

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; принадлежалъ [въ 1902 г.] князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

57

Le comte PAUL IVANOWITCH KOUTAÏSSOFF, 1780—1840, frère aîné du comte Alexandre Ivanowitch, le cédant en beaucoup à celui-ci en capacités et en succès dans sa carrière, naquit le 25 novembre 1780, fut porté sur les rôles de la Garde à cheval à l'âge de sept ans; en 1790 était déjà maréchal des logis et en 1795 — capitaine dans l'armée et le 1er janvier 1796 fut nommé commissaire général des vivres. A la demande de son père, le célèbre A. S. Chichkoff, emmena P. Koutaïssoff dans un voyage à l'étranger; mais ce voyage, d'abord à Dresde et de là à Carlsbad, ne fut pas apparemment d'une grande utilité au jeune homme, sur lequel Chichkoff, dans ses „Mémoires", donne une suite de témoignages très peu flatteurs. Ayant reçu en 1799 l'ordre de St-Jean de Jérusalem, Koutaïssoff le 7 janvier 1800 fut fait chambellan, le 19 mai— secrétaire d'Etat, et le 8 novembre — commandeur honorifique de l'ordre de Malte. Le lendemain de l'avènement au trône d'Alexandre Ier, il fut nommé membre du Collège des Affaires étrangères, où il servit plusieurs années, jusqu'à sa nomination, en 1809, de procureur général surnuméraire du 6e département du Sénat à Moscou. En 1811, il reçut l'ordre de Ste-Anne de 1re classe et en 1812, pour l'heureuse „translation" à Kazan du Sénat de Moscou, „pour son zèle et ses soins" une tabatière d'or. En 1815, Koutaïssoff fut nommé procureur général de l'assemblée des départements de Moscou, en 1816, élevé à la dignité de conseiller privé, et le 13 janvier de l'année suivante, à celle de sénateur du 2e département. Après s'être fixé à St-Pétersbourg, fut membre, à partir de 1822, du comité de la Direction générale des théâtres impériaux de St-Pétersbourg, membre de la commission de l'édification de la cathédrale de St-Isaac, membre du comité chargé de l'instruction du meurtre de la jeune M. Altoukhoff, puis président de la commission sur les détournements de l'or dans l'Oural; après avoir reçu en janvier 1826 l'ordre de St-Vladimir de 2e classe, Koutaïssoff obtint, le 22 août, la charge de veneur. En 1829, il révisa la province de Transcaucasie, en 1832, reçut comme récompense l'ordre de l'Aigle blanc et fut nommé vice président des bureaux de l'Intendance de la cour avec le titre de maître de la cour; l'année d'après, il reçut le cordon de St-Alexandre, en 1834, fut élevé à la dignité de grand-maître de la cour et nommé président des Bureaux de la cour, et en 1837 membre du Conseil d'Etat. Koutaïssoff fut longtemps président de la société pour l'encouragement des Beaux-Arts.

On peut trouver dans les lettres de A. Boulgakoff quelques jugements décousus et peu flatteurs sur Koutaïssoff.

Le comte Koutaïssoff mourut le 9 mars 1840; il était marié, depuis le 28 mai 1800, à la princesse Prascovie Pétrowna Lopoukhine dont il eut deux fils et deux filles.

(D'après une aquarelle d'A. Brulloff, ayant appartenu en 1902 au prince P. Golitzyne, Moscou.)

КАРЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ БАГГОВУТЪ, 1761—1812, сынъ Гарріенскаго ландрихтера Фридриха-Вильгельма, женатаго на Шарлоттѣ-Элеонорѣ фонъ-Розенталь, принадлежитъ къ числу выдающихся боевыхъ генераловъ и сподвижниковъ Императора Александра, эпохи Отечественной войны. Дворянскій родъ Баггговутовъ (Baggehufwud), Норвежскаго происхожденія, въ XVIII вѣкѣ переселился въ Эстляндію, гдѣ 16 Сентября 1761 г. въ имѣніи отца родился Карлъ Федоровичъ; на 18-мъ году онъ началъ службу прапорщикомъ въ Тобольскомъ пѣхотномъ полку, а въ 1782 г.—боевое поприще въ походѣ противъ Крымскихъ татаръ. Во вторую Турецкую войну, находясь въ корпусѣ князя Репнина, участвовалъ въ пораженіи сераскира Гассана-паши и при покореніи Бендеръ. Разстроенное здоровье заставило его въ 1791 г. покинуть службу, съ чиномъ премьеръ-майора; въ 1792 г. война съ Польшей снова вернула Багговута на службу. При первомъ извѣстіи объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ онъ поспѣшилъ къ главнокомандующему графу Каховскому и въ качествѣ волонтера принялъ участіе въ дѣлахъ съ поляками. Въ 1794 г., въ день избіенія русскихъ въ Варшавѣ, Багговутъ находился тамъ и спасся, только благодаря отчаянной храбрости, пробившись съ небольшимъ отрядомъ сквозь толпы мятежниковъ. Жена его, Елизавета Яковлевна, рожденная фонъ-Фокъ († 1830 г.), была захвачена поляками, заключена въ Пражскую тюрьму и, подвергаясь опасности быть разстрѣлянной, спаслась въ день взятія Праги русскими войсками, бѣжавъ въ русскій лагерь, гдѣ и встрѣтилась съ мужемъ. Въ царствованіе Павла I Багговутъ произведенъ въ генералъ-майоры, но вскорѣ подвергся немилости и былъ внезапно отставленъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I онъ снова былъ принятъ на службу, которую и не покидалъ до славной своей смерти въ Тарутинскомъ сраженіи. Въ кампанію 1805 г. онъ находился въ арміи Беннигсена, а затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ походахъ 1806 и 1807 гг. и въ Шведской войнѣ 1808 г., гдѣ, во время болѣзни князя Багратіона, командовалъ войсками, расположенными вдоль Ботническаго залива. За Пултускъ, Вольфсдорфъ и Прейсишъ-Эйлау награжденъ Георгіемъ 3 кл. и Анной 1 ст., а за Шведскую войну—орденомъ св. Владиміра 2 степени. Незадолго до Пултускаго сраженія произошелъ эпизодъ, въ которомъ высказался отважный рыцарскій характеръ Карла Федоровича: находясь на передовой позиціи, Багговутъ вошелъ въ переговоры съ непріятельскими офицерами съ цѣлью прекратить безполезную перестрѣлку часовыхъ. Во время объясненія, выстрѣломъ нашего часового, неожиданно убитъ одинъ изъ французскихъ офицеровъ, что вызвало негодованіе французовъ. Тогда Багговутъ, подойдя къ непріятелямъ, сказалъ: „Смотрите, я стою передъ вами, прикажите стрѣлять въ меня; здѣсь несчастная ошибка: русскіе неспособны къ вѣроломству!“ Непріятельскій часовой прицѣлился, но въ то мгновеніе, когда онъ спускалъ курокъ, офицеръ, изумленный самоотверженіемъ Багговута, ударилъ часового по рукѣ, пуля пролетѣла мимо, и офицеръ, привѣтствуя его, сказалъ: „Генералъ, вы герой! Живите для славы соотечественниковъ вашихъ“.

Въ Отечественную войну 1812 г. Багговутъ командовалъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и въ Бородинскомъ сраженіи покрылъ себя славою, замѣнивъ на лѣвомъ флангѣ убитаго Тучкова. За сраженіе это ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, но эта награда получена была послѣ Тарутинскаго боя, гдѣ однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ ядеръ Багговутъ былъ убитъ наповалъ. Багговутъ умеръ бездѣтнымъ. У него было три брата и сестра Юлія (р. 15 Октября 1760 г., † въ Сентябрѣ 1839 г.; 2-я жена графа Густава-Фридриха Адлерберга, кавалерственная дама и впослѣдствіи начальница Смольнаго института).

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

CHARLES THÉODOROWITCH BAGGOVOUT, 1761—1812, fils de Frédéric-Guillaume qui était magistrat et de Charlotte-Eléonore, née von Rosental, fut un des plus éminents hommes de guerre et compagnons d'armes de l'Empereur Alexandre à l'époque de la Guerre Patriotique. La famille noble des Baggovout (Baggehufwud), d'origine norvégienne, passa au XVIIIe siècle en Esthonie, où, le 16 septembre 1761, dans le domaine paternel, naquit le future général. Il débuta au service à l'âge de 18 ans comme porte-enseigne au régiment d'infanterie de Tobolsk, et fit ses premières armes en 1782 contre les Tatares de Crimée. A la seconde campagne de Turquie, au corps du prince Repnine, il contribua à la défaite du séraskier Hassan-Pacha et à la prise de Bender. Le mauvais état de sa santé l'obligea en 1791 à quitter le service, avec rang de premier-major; en 1792, la guerre de Pologne le rappela au service: à la première nouvelle de l'ouverture des hostilités, il s'empressa d'aller trouver le commandant en chef, comte Kakhovsky, et prit part aux opérations comme volontaire. En 1794, le jour du massacre des Russes à Varsovie, il se trouvait dans la ville et ne réussit à s'échapper que grâce à sa bravoure désespérée, en se frayant un passage avec une poignée d'hommes à travers la foule des insurgés. Sa femme, Elisabeth Yakovlewna, née von Fock († 1830), tomba aux mains des Polonais, fut internée à la prison de Praga, et, au risque d'être fusillée, s'échappa le jour de la prise de Praga et se sauva au camp russe, où elle retrouva son mari. Sous le règne de Paul Ier, Baggovout fut promu général major, mais tomba bientôt en disgrâce et fut brusquement destitué. A l'avènement d'Alexandre Ier, il rentra au service, pour ne plus le quitter jusqu'à sa mort glorieuse à Taroutino. Il fit la campagne de 1805 à l'armée de Bennigsen, puis prit une part active aux campagnes de 1806 et 1807, ainsi qu'à la guerre de Suède de 1808, où, pendant la maladie du prince Bagration, il commanda les troupes réparties le long du golfe de Botnie. Pultusk, Wolfsdorf et Preussisch-Eylau lui valurent St-Georges de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe, et la guerre de Suède, St-Vladimir de 2e classe. Peu avant la bataille de Pultusk, eut lieu un épisode qui témoigne de sa bravoure et de son caractère chevaleresque: se trouvant à une position avancée, il était entré en pourparlers avec des officiers ennemis pour faire cesser la fusillade inutile des sentinelles; au cours des négociations un coup de feu d'une sentinelle russe abattit un officier français, ce qui provoqua l'indignation des Français. Alors Baggovout s'avança vers l'ennemi et dit: „Regardez, me voilà devant vous; commandez le feu! C'est une terrible méprise: les Russes sont incapables de félonie!" La sentinelle ennemie le coucha en joue mais, au moment où elle tirait, l'officier, étonné de l'intrépidité de Baggovout, fit dévier le coup en frappant le bras du soldat, et le félicita en lui disant: „Général, vous êtes un héros. Vivez pour la gloire de vos compatriotes!"

A la Guerre Patriotique, Baggovout commandait le 2e corps d'infanterie, et, à Borodino, se couvrit de gloire à la tête de l'aile gauche, après la mort de Toutchkoff. Cette bataille lui valut St-Alexandre Newsky, qui ne lui fut cependant conféré qu'après Taroutino, où il fut tué raide par un des premiers boulets. Il ne laissait pas d'enfants. Il avait trois frères et une sœur Julie (15 octobre 1760, † septembre 1839; seconde femme du comte Gustave-Frédéric Adlerberg, dame de Ste-Catherine, et plus tard directrice de l'Institut Smolna).

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

58

Карлъ Федоровичъ *Charles Féodorowitch*
Баговутъ, *Baggovout,*
1761 — 1812 *1761 — 1812*

59

Федоръ Григорьевичъ *Théodore Grigoriewitch*
Гоголь, *Gogel,*
1775 — 1827 *1775 — 1827*

60

Александръ Яковлевичъ *Alexandre Yakovlewitch*
Рудзевичъ, *Roudzewitch,*
1776 — 1829 *1776 — 1829*

61

Александръ Александровичъ *Alexandre Alexandrowitch*
Бибиковъ, *Bibikoff,*
1765 — 1822 *1765 — 1822*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

59

ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ГОГЕЛЬ, 1775—1827, сынъ француза изъ Монбельяра, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорія Григорьевича Гогеля, директора Нѣмецкихъ колоній, родился въ Саратовѣ 1 Марта 1775 г.; службу началъ въ Конной гвардіи, куда на 11-мъ году зачисленъ вахмистромъ. По желанію родителей, отправленъ для окончательнаго воспитанія во Францію и въ 1792 г., вернувшись въ Россію, пропзведенъ въ капитаны С.-Петербургскаго драгунскаго полка. Быстро возвышаясь въ чинахъ, Гогель, въ 1804 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ, а затѣмъ шефомъ 5 Егерскаго полка. Боевую дѣятельность началъ онъ во главѣ этого полка, участвуя въ 1805 г. въ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ 1807 г., отличившись подъ Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтомъ, награжденъ Георгіемъ 4 ст., за Гейльсбергъ — Владиміромъ 3 кл., а за Фридландъ пожалованъ Прусскимъ королемъ орденомъ „Pour le mérite“ и Императоромъ Александромъ—пожизненной арендой на 12 лѣтъ. Въ 1812 г., командуя бригадой 26-й пѣхотной дивизіи Паскевича, участвовалъ въ бояхъ подъ Смолепскомъ и 24 Августа находился на лѣвомъ флангѣ Шевардинскаго редута. Въ день Бородинскаго боя былъ въ центрѣ, близъ рѣчки Колочи, гдѣ долго удерживалъ натиски сильнѣйшаго непріятеля. Послѣ Тарутинскаго сраженія, находясь подъ начальствомъ Платова, участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ его корпуса. Особенное мужество проявилъ Гогель въ сраженіи подъ Краспымъ, гдѣ съ успѣхомъ отразилъ безумныя атаки Нея на батареи Милорадовича. За свои подвиги въ Отечественную войну награжденъ чиномъ генералъ-майора и лентою св. Анны. Въ 1813 г. за взятіе Гамбурга пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 кл., а по окончаніи войнъ, въ 1816 г. назначенъ начальникомъ 28-й пѣхотной дивизіи, которою и командовалъ послѣ переименованія ея въ 25-ю до самой своей смерти, послѣдовавшей неожиданно 17 Апрѣля 1827 г. отъ паралича сердца.

За свои прекрасныя душевныя качества Федоръ Григорьевичъ Гогель пользовался любовью и уваженіемъ подчиненныхъ, которые послѣ смерти воздвигли на могилѣ его, въ полуверстѣ отъ Дубно, близъ Брестъ-Литовской дороги, великолѣпный памятникъ. Онъ пользовался также особеннымъ уваженіемъ и любовью Великаго Князя Константина Павловича.

Ф. Г. Гогель былъ женатъ два раза; отъ перваго брака съ дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріей Александровной Юній у него было два сына: Григорій (генералъ-адъютантъ; р. 1808 г., † 17 Ноября 1881 г.) и Валеріанъ (статскій совѣтникъ; р. 1813 г.); отъ второго, съ графиней Каролиной Олизаръ, рожденной графиней Мола,—сынъ Константинъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

THÉODORE GRIGORIEWITCH GOGEL, 1775—1827, fils d'un français de Montbeliard, le conseiller d'état actuel, Grégoire Grigoriewitch Gogel, directeur des colonies allemandes, naquit à Saratoff le 1er mars 1775. Enrôlé dans sa 11e année sous-officier à la Garde à cheval, il fut ensuite envoyé en France par ses parents pour y compléter son éducation. De retour en Russie, il fut promu capitaine au régiment de dragons de St-Pétersbourg. Il eut un avancement rapide: nommé commandant avec rang de colonel en 1804, il devint ensuite chef du 5e régiment de chasseurs, à la tête duquel il fit ses premières armes à Austerlitz. En 1807, Preussisch-Eylau et Gutstadt lui valurent St-Georges de 4e classe, et Heilsberg—St-Vladimir de 3e classe; il reçut pour Friedland, de la part du Roi de Prusse, l'ordre prussien „Pour le Mérite", et, de celle de l'Empereur Alexandre, une arende pour douze ans. En 1812, à la tête d'une brigade de la 26-e division de Paskewitch, il prit part aux combats livrés sous Smolensk et, le 24 août, se trouva au flanc gauche de la redoute Chevardin. A Borodino, il était au centre près de la Kolytcha, où il soutint longtemps la poussée d'un ennemi supérieur en nombre. Après Taroutino, il prit part, sous les ordres de Platoff, à toutes les opérations de son corps. Il déploya une bravoure particulière à Krasnoïé, où il repoussa avec succès les attaques enragées de Ney contre la batterie Miloradowitch. Ses exploits à la Guerre Patriotique lui valurent le grade de général major et le cordon de Ste-Anne, et, en 1813, la prise de Hambourg, St-Georges de 3e classe. A la paix, en 1816, il fut nommé chef de la 28e division d'infanterie, qu'il commanda encore quand elle fut devenue la 25e, jusqu'à sa mort. Il mourut subitement le 17 avril 1827, d'une paralysie du cœur.

Gogel jouissait, en raison de ses qualités supérieures, de l'affection et de l'estime de ses subordonnés, qui firent élever sur sa tombe, à une demi-verste de Doubno, près de la ligne de Brest, un monument magnifique. Il était également honoré de l'affection et de l'estime particulière du Grand-Duc Constantin Pavlowitch.

Gogel fut marié deux fois. Il eut de son premier mariage, avec la fille Marie du conseiller d'état actuel Alexandre Youny, deux fils, Grégoire (1808—17 nov. 1881), général aide de camp, et Valérien, né en 1813, conseiller d'état, et, de son second mariage, avec la comtesse Caroline Olizard, née comtesse Mola, un fils Constantin.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ РУДЗЕВИЧЪ, 1776—1829, сынъ Крымскаго татарина Якуба Измаиловича (Рудзевича), за услуги, оказанныя при покореніи Крыма, награжденнаго Императрицей Екатериной II чиномъ статскаго совѣтника; послѣ смерти отца, мать явилась съ дѣтьми въ Петербургъ, и тутъ дѣти были крещены; сынъ Александръ, крестникъ Императрицы и Великаго Князя Александра Павловича, былъ принятъ въ Греческій кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1792 г. капитаномъ Генеральнаго штаба. Боевая дѣятельность А. Я. Рудзевича началась въ Польшѣ въ 1794 г., гдѣ онъ проявилъ недюжинныя способности въ качествѣ офицера Генеральнаго штаба, и уже въ 1796 г. ему поручена была топографическая съёмка Финляндіи, а въ 1801 г., по личному приказанію Императора Павла, дано было особенно важное порученіе по составленію описанія и укрѣпленію береговъ Финляндіи на случай обороны противъ Англійскаго флота. Въ царствованіе Александра I Рудзевичъ, находившійся въ это время въ Кавказской арміи, за выдающуюся храбрость въ дѣлахъ противъ горцевъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Выйдя въ отставку, Рудзевичъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Крыму, устраивая свои имущественныя дѣла, но въ концѣ 1809 г. вернулся на службу и снова въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствовалъ на Кавказѣ противъ горцевъ, при чемъ получилъ орденъ св. Георгія 3 степени. Въ Отечественную войну, находясь въ Дунайской арміи Чичагова, въ Ноябрѣ 1812 г. съ корпусомъ Ланжерона перешелъ границу и участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 гг., особенно отличившись подъ Бауценомъ и Лейпцигомъ. Въ кампанію 1814 г. Рудзевичъ взялъ штурмомъ послѣднюю опору французовъ, Монмартрское укрѣпленіе, за что награжденъ Георгіемъ 2-го класса. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, Рудзевичъ съ 1814 по 1816 г., въ отсутствіе герцога Ришелье, исполнялъ должность Херсонскаго военнаго губернатора, а затѣмъ послѣдовательно командовалъ 6 и 7 пѣхотными корпусами. Въ коронацію Императора Николая I онъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а во время Турецкой войны 1828 г. командовалъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

Рудзевичъ скончался 23 Августа 1829 г., скоропостижно отъ паралича, получивъ незадолго передъ тѣмъ извѣстіе о смерти старшаго сына Якова, который умеръ отъ ранъ, полученныхъ при штурмѣ Варны. Кромѣ Якова, у него было еще три сына: Николай, Александръ и Михаилъ, и шесть дочерей; изъ нихъ Елизавета вышла замужъ за генералъ-майора Севастьянова и Марія была фрейлиной Императрицы Александры Ѳеодоровны. Рудзевичъ былъ женатъ на дочери статскаго совѣтника Маріи Евстафіевнѣ Нотара. Погребенъ онъ въ своемъ имѣніи, въ Крыму, близъ Карасу-Базара.

По отзыву современника, Рудзевичъ былъ „высокаго роста, прекрасенъ собой, строенъ, тѣлосложенія самаго крѣпкаго. Одаренный отъ природы обширнымъ, проницательнымъ умомъ и получивъ превосходное воспитаніе, онъ употребилъ всѣ свои высокія способности на изученіе военнаго искусства, страстно имъ любимаго. На войнѣ онъ являлся начальникомъ распорядительнымъ и неустрашимымъ; въ сраженіяхъ надо было удивляться его хладнокровію, смѣтливости, вѣрному взгляду на дѣло“.

(Съ миніатюры, находящейся въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича.)

60

ALEXANDRE YAKOVLEWITCH ROUDZEWITCH, 1776—1829, fils du tatare de Crimée Yakoub Izmaïlowitch (Roudzewitch), qui avait reçu de Catherine II, pour services rendus lors de la conquête de la Crimée, le rang de conseiller d'état actuel. A la mort du père, la mère vint à Pétersbourg avec les enfants, qui furent baptisés. Le jeune Alexandre, filleul de l'Impératrice et du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, fut admis au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1792 capitaine à l'état-major général. Il fit ses premières armes en 1794, en Pologne, où il déploya des capacités peu communes comme officier de l'état-major général. Dès 1796, il fut chargé de levés topographiques en Finlande, et, en 1801, sur l'ordre personnel de Paul Ier, d'une mission particulièrement importante, celle de rédiger la description et d'organiser la défense des côtes finlandaises, en raison de la présence de la flotte anglaise. Sous Alexandre Ier, la bravoure remarquable qu'il déploya à l'armée du Caucase dans les opérations contre les montagnards lui valut St-Georges de 4e classe. Il donna ensuite sa démission, et passa quelques années en Crimée, à mettre en ordre ses affaires personnelles, mais rentra au service en 1809, et reprit pour plusieurs années au Caucase les opérations contre les indigènes: il gagna alors St-Georges de 3e classe. Lors de la Guerre Patriotique, à l'armée du Danube, sous Tchitchagoff, il passa la frontière en novembre 1812 avec le corps Langeron, et fit les campagnes de 1813 et 1814, où il se distingua particulièrement à Bautzen et à Leipzig; en 1814 l'enlèvement de la Butte Montmartre, le dernier retranchement des Français, lui valut St-Georges de 2e classe. A la fin des guerres napoléoniennes, il remplit en l'absence du duc de Richelieu, de 1814 à 1816, les fonctions de gouverneur militaire de Kherson, puis fut successivement à la tête des 6e et 7e corps d'infanterie. Au couronnement de Nicolas Ier, il fut promu général d'infanterie, et, à la guerre de Turquie de 1828, commanda le 3e corps d'infanterie.

Roudzewitch mourut subitement le 23 août 1829, peu après avoir appris la nouvelle de la mort de son fils aîné Jacob, à la suite des blessures reçues à l'assaut de Varna. Outre ce fils, il en avait trois autres, Nicolas, Alexandre et Michel, et six filles, dont Elisabeth épousa le général major Sébastianoff, et Marie fut demoiselle d'honneur de l'Impératrice Alexandra Féodorowna. Il avait épousé la fille du conseiller d'état Marie Eustafiewna Notara. Il fut inhumé en Crimée, dans sa propriété, près de Karassou-Bazar.

Au témoignage d'un contemporain, Roudzewitch était „de haute taille, bel homme, bien fait, des plus robustes. Naturellement doué d'un esprit vaste et pénétrant et muni d'une excellente éducation, il employa toutes ses remarquables facultés à l'étude de l'art militaire, qu'il aimait passionnément. En campagne, c'était un chef entendu et intrépide; sur le champ de bataille, il avait un sang-froid, une sagacité, une justesse de vues étonnants".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

61

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БИБИКОВЪ, 1765—1822, сынъ извѣстнаго генералъ-аншефа Александра Ильича, успѣшно дѣйствовавшаго противъ Пугачева и умершаго во время этой экспедиціи, маршала Екатерининской большой комиссіи, отъ брака его съ княжной Анастасіей Семеновной Козловской (р. 26 Декабря 1729 г., † 4 Мая 1800 г.), родился 7 Января 1765 г.; 3-хъ лѣтъ онъ былъ записанъ въ Измайловскій полкъ, а 9-и лѣтъ, въ память только-что умершаго отца, произведенъ въ офицеры; въ 1787 г. онъ былъ уже гвардіи капитаномъ и сопровождалъ Екатерину II въ ея поѣздкѣ въ Крымъ. Подъ начальствомъ друга отца, И. И. Михельсона, участвовалъ въ Шведской войнѣ, „явилъ“ тамъ „рѣдкіе опыты неустрашимости“, отбилъ орудіе, былъ раненъ и получилъ Георгія 4 ст.; позднѣе участвовалъ въ бою при Роченсальмѣ, гдѣ принцъ Нассау-Зигенъ разбилъ шведскій флотъ, а высадившись опять на берегъ, командовалъ батальономъ Преображенскаго полка. Сблизившись въ это время съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, Бибиковъ, пожалованный въ 1795 г. въ камергеры, сумѣлъ сохранить расположеніе Павла I, былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ посланникомъ сначала въ Португалію, а затѣмъ въ Саксонію, но въ 1800 г. былъ пожалованъ въ сенаторы, а въ 1806 г. избранъ начальникомъ милиціи Ораніенбаумскаго уѣзда. Назначенный затѣмъ, въ 1808 г., посланникомъ при Неаполитанскомъ дворѣ, Бибиковъ вернулся оттуда наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію и былъ выбранъ Петербургскимъ дворянствомъ въ помощники къ начальнику ополченія, своему дядѣ, знаменитому Кутузову, женатому на родной сестрѣ его отца. 28 Сентября ополченіе Бибикова присоединилось къ арміи Витгенштейна и вслѣдъ затѣмъ со славой участвовало въ бою подъ Полоцкомъ. Бибиковъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл., при чемъ Витгенштейнъ высказалъ ему свое удивленіе: „Никогда не думалъ я найти въ человѣкѣ, давно оставившемъ военную службу, столько геройскаго духа!“ Раненый въ ногу при деревнѣ Смольной, Бибиковъ тѣмъ не менѣе участвовалъ въ битвѣ на р. Березинѣ, при деревнѣ Студеновкѣ, при чемъ, не имѣя возможности сѣсть на лошадь верхомъ, разъѣзжалъ въ саняхъ, распоряжаясь боемъ; затѣмъ онъ принялъ участіе въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг., пока разстроившееся здоровье не заставило его покинуть армію и вернуться въ Петербургъ. Любившее его ополченіе поднесло Бибикову золотую шпагу, съ надписью: „Сенатору Бибикову — С.-Петербургское ополченіе“, а Государь разрѣшилъ ему носить военный мундиръ, чѣмъ онъ особенно дорожилъ.

А. А. Бибиковъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Ханыковой (р. 10 Февраля 1772 г., † 29 Декабря 1826 г.), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей: Василія и Александра, и дочь Александру (въ замужествѣ за генералъ-майоромъ Н. М. Безобразовымъ).

Отправившись лѣчиться за границу, Бибиковъ умеръ въ Дрезденѣ 20 Іюля 1822 г.; похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Человѣкъ просвѣщенный, пополнившій свое образованіе во время дипломатической службы за границей, Бибиковъ любилъ науки и литературу, составилъ и издалъ жизнеописаніе своего отца и былъ особеннымъ цѣнителемъ искусства: въ Дрезденѣ и Неаполѣ имъ собрана была прекрасная картинная галлерея, которую высоко цѣнили знатоки.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

61

ALEXANDRE ALEXANDROWITCH BIBIKOFF, 1765—1822, fils d'Alexandre Ilyitch, célèbre général en chef, maréchal de la Grande Commission de Catherine, qui opéra avec succès contre Pougatcheff et mourut au cours de cette expédition, et d'Anastasie Sémenowna, née princesse Kozlowsky (26 décembre 1729—4 mai 1800), naquit le 7 janvier 1765. Enrôlé à l'âge de 3 ans au régiment Izmaïlowsky, il passa officier à 9 ans, en mémoire de son père qui venait de mourir. En 1787, il était déjà capitaine de la Garde, et accompagna Catherine II dans son voyage de Crimée. Il fit, sous les ordres d'un ami de son père, I. Michelson, la campagne de Suède, où il „déploya des prodiges de valeur", enleva une pièce, fut blessé et reçut St-Georges de 4e classe; on le retrouve plus tard au combat de Ruotsinsalmi, où le prince de Nassau Siegen défit la flotte suédoise: après quoi, il débarqua et prit le commandement d'un bataillon du régiment Préobragensky. Il se lia alors d'amitié avec le Grand-Duc Paul Pétrowitch, et, fait chambellan en 1795, sut conserver la faveur de l'Empereur Paul Ier, fut fait conseiller privé et nommé envoyé, d'abord en Portugal, puis en Saxe. Mais en 1800, il devint sénateur, et, en 1806, fut élu chef de la milice du district d'Oranienbaum. Nommé ensuite, en 1808, envoyé près la Cour de Naples, il rentra en Russie à la veille de l'invasion de 1812, et fut élu par la noblesse de Pétersbourg adjoint au chef de la milice, son oncle, le célèbre Koutouzoff, mari de la sœur de son père. Le 28 septembre, il rejoignit avec sa troupe l'armée de Wittgenstein et prit part avec gloire au combat de Polotzk. Il reçut en récompense St-Georges de 3e classe, et Wittgenstein lui témoigna son admiration: „Je ne croyais jamais trouver tant d'héroïsme chez un homme retiré du service depuis si longtemps". Blessé à la jambe près du village de Smolna, Bibikoff combattit néanmoins à la Bérézina, près de Stoudianka, et, ne pouvant se tenir à cheval, donna ses ordres en traîneau. Il prit ensuite part aux campagnes de 1813 et 1814, mais sa santé l'obligea bientôt à quitter l'armée et à revenir à Pétersbourg. Sa milice l'aimait beaucoup et lui offrit une épée d'or avec l'inscription: „Au Sénateur Bibikoff, la Milice de St-Pétersbourg", et l'Empereur l'autorisa à porter l'uniforme militaire, auquel il tenait particulièrement.

Bibikoff épousa Anna Vassiliewna Khanykoff (10 février 1772—29 décembre 1826), dont il eut deux fils, Basile et Alexandre, et une fille Alexandrine, mariée au général major N. Bezobrazoff.

Pendant un séjour à l'étranger, où il était allé pour sa santé, Bibikoff mourut à Dresde le 20 juillet 1822; il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. C'était un homme éclairé, qui avait complété son instruction lors de son service diplomatique à l'étranger; il aimait la science et la littérature, composa et publia une biographie de son père et était grand appréciateur d'art: à Dresde et à Naples, il se fit une magnifique galerie de tableaux, fort estimée des connaisseurs.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

62

Князь Яковъ Петровичъ Шаховской,
1705 — 1777

Le Prince Jacob Pëtrowitch Chakhowskoï,
1705 — 1777

63

Пис. Ротари

Peint par Rotari

Графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ,
1710 — 1771

Le Comte Alexandre Ivanowitch Chouvaloff,
1710 — 1771

Князь ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ШАХОВСКОЙ, 1705—1777, сынъ князя Петра Ивановича, родился 8 Октября 1705 г.; въ дѣтствѣ лишился отца и былъ взятъ на воспитаніе дядей княземъ А. И. Шаховскимъ. Въ 1719 г. Шаховской поступилъ солдатомъ въ Семеновскій полкъ, а затѣмъ перешелъ въ Конную гвардію. Съ 1734 по 1736 г. состоялъ при дядѣ, управлявшемъ тогда Малороссіей, а затѣмъ добровольцемъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ. Въ 1740 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Главную полицію, а въ регентство благоволившаго къ нему Бирона—начальникомъ ея. Правительница, не отрѣшая Шаховского, назначила генералъ-полицеймейстеромъ Наумова, а Шаховской, благодаря покровительству графа Головкина, былъ пожалованъ въ сенаторы. Елисаветой Петровной онъ былъ назначенъ сначала оберъ-прокуроромъ Св. Синода, 29 Марта 1753 г.—генералъ-кригсъ-комиссаромъ, а 16 Августа 1760 г. генералъ-прокуроромъ. Подавшій въ отставку въ день смерти Елисаветы, Шаховской былъ назначенъ Екатериной II сенаторомъ, при чемъ Императрица руководилась его совѣтами въ дѣлѣ секуляризаціи церковныхъ имѣній; отъ Екатерины князь Шаховской получилъ орденъ св. Андрея и денегъ и подарковъ на 35/т. руб. Выйдя въ 1766 г. въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князь Шаховской умеръ въ Москвѣ 23 Іюля 1777 г. и погребенъ въ Малой Соборной церкви Донского монастыря. Онъ былъ женатъ 2 раза: 1) на княжнѣ Александрѣ Алексѣевнѣ Путятиной, 2) на Евдокіи Егоровнѣ Лопухиной, рожденной Фаминцыной. Отъ перваго брака имѣлъ сына Ѳедора († 1782 г.) и дочерей: Анну (за кн. Ф. А. Голицынымъ) и Марію (за Н. Н. Салтыковымъ), а отъ второго брака сына Алексѣя († 1791 г.).

Князь Я. П. Шаховской считается примѣромъ добродѣтельнаго сановника. Самъ Радищевъ считалъ достойнымъ себя описать жизнь его, избравши эпиграфомъ стихи Державина:

„Закону Божію послушенъ,
Чувствителенъ, великодушенъ,
Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
Къ себѣ строжѣе, чѣмъ къ другому,
Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Идетъ лишь по пути прямому“.

Главнымъ источникомъ для біографіи князя Шаховского служатъ его „Записки“. Этимъ „Записками“ до извѣстной степени онъ обязанъ своей высокой репутаціей. Строгій законникъ, онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ подчиненныхъ ему учрежденіяхъ все „шлось порядочно и сходно съ указами“. Служебное усердіе, „ревностное устремленіе“ князя Шаховского было, по его признанію, „съ честолюбіемъ смѣшано“, и онъ не прочь былъ „сыскивать склонности“ сильныхъ людей. Ему нельзя отказать въ извѣстной смѣлости, вѣроятно, преувеличенной въ „Записках“, по которымъ выходитъ, что отъ него постоянно „плакали“ самые сильные люди: синодальные члены „на колѣняхъ со слезами“ просили „взять“ отъ нихъ тяжелаго оберъ-прокурора; графъ П. И. Шуваловъ „со слезами“ жаловался на Шаховского, „растревожившаго ему всѣ жизненные спирты“; Великій Князь, „являя въ лицѣ своемъ слезы“, выходилъ изъ себя отъ „упрямства и неучтивости“ генералъ-прокурора. Биронъ, по непонятной причинѣ, повышалъ и собственноручно „потчевалъ кофіемъ“ говорившаго ему дерзости конфидента Волынскаго. На другой день послѣ „благосклонныхъ разговоровъ“ регента, князь Шаховской „усчастливился“, протолкавшись среди „истинныхъ дѣтей отечества“ и подписавшись на присяжномъ листѣ, „учинить пристойный поклонъ“ правительницѣ и „стать позади окружавшихъ ее господъ“. Чуть не прямо съ именинаго банкета у своего „многомогущаго“ графа Головкина князь Шаховской устремился въ „Цесаревнинскій дворецъ“ для принесенія „подданническихъ поздравленій“ и новой присяги, вмѣсто нарушенной, а затѣмъ распоряжался отправкой въ Сибирь бывшихъ министровъ и въ числѣ ихъ своего „благотворителя“ Головкина, для успокоенія совѣсти „нагрузивъ свои мысли сожалительными восторгами“. Въ Синодѣ Шаховской всѣ 12 лѣтъ провелъ въ упорной и мелочной борьбѣ съ синодальными членами, при чемъ оберъ-прокуроръ старался всячески увеличить „свой у Ея Императорскаго Величества кредитъ“, а синодалы „умалить его кредитъ старались“.

Въ общемъ, несмотря на преувеличенія „Записокъ“, князь Я. П. Шаховской былъ однимъ изъ самыхъ чистыхъ и честныхъ дѣльцовъ XVIII вѣка.

(Съ портрета, принадлежащаго П. О. Смирнову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince JACOB PÉTROWITCH CHAKHOWSKOÏ, 1705—1777, fils du prince Pierre Ivanowitch, est né le 8 octobre 1705; perdit son père étant encore enfant et fut élevé par son oncle, le prince A. I. Chakhowskoï. En 1719, il entra au régiment de Sémenowsky et passa ensuite dans la Garde à cheval. De 1734 à 1736, il fut attaché à son oncle, qui gouvernait alors la Petite-Russie, et prit part ensuite comme volontaire à la guerre de Turquie. En 1740, il fut nommé conseiller de la Police générale et en devint le chef pendant la régence de Biron, bien disposé à son égard. La régente, sans révoquer Chakhowskoï, nomma Naoumoff directeur général de la police, et Chakhowskoï, grâce à la protection du comte Golovkine, fut élevé à la dignité de sénateur. Il fut d'abord nommé par Elisabeth Pétrowna premier procureur du St-Synode, le 29 mars 1753— commissaire général des armées et, le 16 août 1760, procureur général. Ayant donné sa démission le jour de la mort d'Elisabeth, Chakhowskoï fut nommé sénateur par Catherine II, et l'Impératrice suivit ses conseils dans l'affaire de la sécularisation des propriétés ecclésiastiques; le prince Chakhowskoï reçut de Catherine l'ordre de St-André, de l'argent et des cadeaux d'une valeur de 35 mille roubles. Ayant le titre de conseiller privé actuel, il prit sa retraite en 1766; le prince Chakhowskoï mourut à Moscou le 23 juillet 1777 et est inhumé à l'église au monastère Donskoï. Il a été marié deux fois: la première à la princesse Alexandra Alexéewna Poutiatine, la deuxième à Eudoxie Egorowna Lopoukhine, née Famintzine. Il eut du premier lit: un fils, Théodore († en 1782) et deux filles: Anne (mariée au prince Th. Golitzyne) et Marie (à N. Saltykoff), et du deuxième lit un fils, Alexis († en 1791). Le prince Chakhowskoï est donné comme exemple du seigneur vertueux. Radichtcheff lui-même se jugea digne de décrire sa vie et choisit comme épigraphe les vers de Derjavine:

„Obéissant à la religion,
Sensible, magnanime,
Ni fier, ni bas, ni poltron,
Envers soi plus sévère qu'envers autrui,
Non porté aux actions basses,
Seulement le droit chemin il suit".

Les „Mémoires" du prince Chakhowskoï ont servi de source principale pour sa biographie. C'est à ces „Mémoires" qu'il est redevable, jusqu'à un certain point, de sa haute réputation. Législateur sévère, il veillait jalousement à ce que, dans les institutions qui se trouvaient sous sa dépendance, „tout s'accomplît régulièrement et selon les lois". Le service zélé—„l'élan de zèle" du prince Chakhowskoï n'était pas, d'après son aveu, „exempt d'ambition", et il ne dédaignait pas de „rechercher la faveur" des puissants. On ne peut lui refuser une certaine hardiesse, probablement exagérée dans ses „Mémoires", d'après lesquels il ressort que les gens les plus puissants „répandaient des larmes" constamment à cause de lui: les membres du Synode suppliaient „en larmes, à genoux" de les délivrer du terrible procureur général; le comte I. Chouvaloff se plaignait „en versant des larmes" de Chakhowskoï „qui tarissait en lui les sources de la vie"; le Grand-Duc, „le visage en larmes", se mettait hors de lui à cause de „son entêtement et de ses incivilités". Biron, pour des raisons incompréhensibles, élevait, et de sa propre main „régalait de café" son confident Volynsky qui lui disait des insolences. Le lendemain des „condescendantes conversations" du régent, le prince Chakhowskoï „eut l'honneur", après s'être frayé un chemin parmi „les vrais enfants de la patrie" et après avoir signé la prestation de serment, „de présenter dignement ses hommages" à la régente et de „se placer derrière les seigneurs qui l'entouraient". Presque au sortir d'un banquet de fête chez son „haut et puissant" comte Golovkine, le prince Chakhowskoï se précipita au „palais de l'héritière" pour y présenter „ses félicitations féales" et y prêter un nouveau serment en lieu de celui qu'il venait de violer, puis prit ses mesures pour déporter en Sibérie les anciens ministres et, dans le nombre, son „bienfaiteur" Golovkine, „ayant (pour tranquilliser sa conscience) le cœur oppressé d'un douloureux enthousiasme". Douze années entières se passèrent, au Synode, pour Chakhowskoï, dans une lutte opiniâtre et vétilleuse avec les „synodaux", occasion pour le procureur général de tâcher de toutes les façons d'augmenter „son crédit auprès de Sa Majesté Impériale", tandis que les employés du Synode „s'efforçaient de le discréditer".

En général, malgré les exagérations des „Mémoires", le prince Chakhowskoï fut un des plus irréprochables et des plus probes hommes d'Etat du XVIIIe siècle.

(D'après un original appartenant à P. Smirnoff, St-Pétersbourg.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1710—1771, старшій братъ графа Петра Ивановича Шувалова и двоюродный братъ фаворита Елисаветы Петровны Ивана Ивановича Шувалова, изъ камеръ-юнкеровъ Цесаревны Елисаветы при ея воцареніи былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, унтеръ-лейтенанты Лейбъ-Компаніи и генералъ-майоры и получилъ ордена Анны 1 ст. и Александра Невскаго; въ послѣдующія 10 лѣтъ былъ пожалованъ въ поручики Лейбъ-Компаніи, генералъ-лейтенанты, генералъ-адъютанты и генералъ-аншефы; въ 1746 г., вмѣстѣ съ братомъ, былъ возведенъ въ графское достоинство; въ 1753 г. украшенъ орденомъ св. Андрея, а въ 1756 г. назначенъ членомъ Конференціи. П. И. Шуваловъ, желая черезъ своего человѣка быть въ курсѣ сыскныхъ дѣлъ, провелъ брата въ начальники Тайной канцеляріи; съ цѣлью имѣть надежнаго шпіона при Маломъ дворѣ, онъ же рекомендовалъ его въ 1754 г. въ гофмаршалы къ Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, и Петръ III наградилъ не бывшаго никогда на войнѣ генералъ-аншефа фельдмаршальскимъ жезломъ, пожаловавъ ему 2000 душъ крестьянъ. Уволенный Екатериной II отъ службы, онъ умеръ 4 Января 1771 года. Отъ брака съ Екатериной Ивановной Кастюриной онъ имѣлъ одну дочь Екатерину, вышедшую замужъ за графа Г. И. Головкина.

Въ качествѣ „инквизитора“, Шуваловъ былъ, по выраженію Екатерины II, „пугаломъ Двора, города и всей имперіи“. Его занятія были тяжелы, неблагодарны и безцѣльны. Всѣ эти многочисленныя покушенія на „поврежденіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества здравія“ и „важныя, злодѣйственныя, непристойныя разсужденія и толкованія“ не стоили того труда, который тратилъ на изслѣдованіе ихъ А. И. Шуваловъ. Ему рѣдко удавалось выслѣдить сколько-нибудь важнаго и родовитаго преступника; зато цѣлыми годами приходилось допрашивать только бѣглыхъ крѣпостныхъ, потерявшихъ надежду на освобожденіе колодниковъ и солдатъ, „въ разныя времена и множественное число битыхъ шпицъ-рутенами и кошками“. Покушенія сводились къ тому, что какой-нибудь бѣглый солдатъ „дѣлалъ подъ курами апробацію порошка“, предназначеннаго для Елисаветы, и у куръ будто бы „ноги оторвало“, или что какой-то не имѣвшій доступа ко Двору монахъ „заморилъ въ горшкѣ траву черемицу“ для отравленія Великаго Князя. Не говоря уже о множествѣ „ложныхъ сказываній слова и дѣла“, казавшіяся тогда „важными“, разсужденія представляли ни для кого неопасную болтовню о томъ, что „недостойно въ нашемъ Великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть“, что Елисавета „не природная“, что она „ѣздитъ да гуляетъ“, вмѣсто того, чтобы „ѣздить въ Коллегію“, что „баба бабски нажаловала“ Разумовскихъ и другихъ „подлаго воспитанія“ людей. Всѣ эти измученные и доведенные до безумія люди, желая измѣнить тяжелое настоящее, или устремляли взоръ въ прошедшее, утверждая, что Петръ II живъ и скрывается до времени за границей, или мечтали о будущемъ, уповая на воцареніе принца Іоанна; но имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи средства были самыя фантастическія и неопасныя для трона Елисаветы, подобныя плану какихъ-то купца и канцеляриста провезти черезъ границу „въ дехтярной бочкѣ книгу „Правда воли монаршей“ и оную книгу объявить Прусскому королю и учинить противъ Россіи возмущеніе“. Все сводилось къ платоническимъ желаніямъ, бредовымъ пророчествамъ и неосуществимымъ надеждамъ въ родѣ того, что какіе-то „десять генераловъ“ Императрицу „возненавидятъ и сожгутъ ее огнемъ“. Но всѣ эти вздорныя дѣла имѣли для обвиняемыхъ послѣдствіемъ кнутъ, вырываніе ноздрей и каторгу, а для Шувалова „постоянные тяжелые труды“, разстроившіе его здоровье и вызвавшіе у него „особеннаго рода судорожныя движенія во всей правой сторонѣ лица, проявлявшіяся при всякомъ волненіи“. Находясь всецѣло подъ вліяніемъ своего „устремительнаго“ брата, графъ А. И. Шуваловъ не былъ самъ человѣкомъ энергичнымъ и находчивымъ. Стоило только его оборвать, какъ это дѣлала Екатерина, чтобы онъ тотчасъ испугался и началъ безпомощно „моргать глазами“. Своимъ потворствомъ „Голштинскимъ увлеченіямъ“ Петра онъ пріобрѣлъ его непрочную привязанность; своимъ безтактнымъ шпіонствомъ онъ пріобрѣлъ непримиримую ненависть Екатерины II.

(Съ портрета, писаннаго графомъ Ротари; Гатчинскій дворецъ.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH CHOUVALOFF, 1710—1771, frère aîné du comte Pierre Ivanowitch Chouvaloff et cousin du favori d'Elisabeth Pétrowna, Ivan Ivanowitch Chouvaloff, du nombre des gentilshommes de la chambre de la Césarewna Elisabeth, à son avènement au trône, reçut le titre de chambellan actuel, puis les grades de sous-lieutenant à la compagnie des gardes et de major général et les ordres de Ste-Anne 1e cl., et d'Alexandre Newsky; pendant les 10 années suivantes, fut promu lieutenant à la compagnie des gardes, lieutenant général, aide de camp général et général en chef; en 1746, en même temps que son frère, fut élevé à la dignité de comte; en 1753, décoré de l'ordre de St-André, puis, en 1756, nommé membre de la Conférence. P. J. Chouvaloff, désirant être tenu au courant des affaires de la haute police par un de ses proches, fit nommer son frère chef de la Chancellerie secrète; dans le but d'avoir, à la petite Cour, un espion sur lequel il pût compter, il le recommanda, en 1754, en qualité de maréchal de la cour au Grand-Duc Pierre Féodorowitch, et Pierre III octroya, à un général en chef qui n'avait jamais été à la guerre, le bâton de feld-maréchal et lui fit cadeau de 2000 paysans. Révoqué de ses fonctions par Catherine II, il mourut le 4 janvier 1771. De son union avec Catherine Ivanowna Kastiurine, il eut une fille, Catherine, qui épousa le comte G. J. Golovkine.

Comme „inquisiteur", Chouvaloff était, selon l'expression de Catherine II, „l'épouvantail de la Cour, de la capitale et de tout l'empire". Ses fonctions étaient pénibles, ingrates et sans but. Tous ces innombrables attentats contre „la précieuse santé de Sa Majesté Impériale" et tous ces „mots et jugements malins, criminels et inconvenants", ne valaient pas la peine que se donnait A. I. Chouvaloff pour les instruire. Il réussissait rarement à mettre la main sur un criminel quelque peu important et titré; en revanche, il ne fallait interroger, durant des années, que des serfs fugitifs, des forçats et des soldats „ayant subi en maintes occasions et nombre de fois la bastonnade et la flagellation", tous gens ayant perdu l'espoir de leur affranchissement. Les attentats se réduisaient à ce que quelque soldat fugitif „avait expérimenté sur des poules des poudres", destinées à Elisabeth, et les poules, à ce qu'il paraît, „avaient été privées de l'usage de leurs pattes"; ou bien encore, un moine quelconque (n'ayant pas ses entrées à la Cour) „avait fait macérer dans un pot des aulx sauvages" pour empoisonner le Grand-Duc. Sans énumérer la quantité „de fausses dénonciations pour crimes de haute trahison", rappelons en passant quelques propos paraissant alors „importants" et qui, au fond n'étaient que d'innocents commérages sans danger pour personne sur ce que: „dans notre grand empire de Russie, il ne seyait pas au sexe féminin d'occuper le trône"; qu'Elisabeth était „illégitime"; qu'elle ne faisait que se divertir et mener une vie dissolue au lieu de „se rendre au Collège"; qu'une „femme avait, en femme, comblé de faveurs" les Razoumowsky et autres gens „de basse extraction". Tous ces gens tourmentés et réduits au désespoir, désirant changer le présent si difficile, ou se reportaient au passé, affirmant que Pierre II était vivant et se cachait à l'étranger jusqu'au temps convenable, ou rêvaient au futur, comptant sur l'avènement du prince Jean; mais les ressources dont ils disposaient étaient des plus fantastiques et des plus inoffensives pour le trône d'Elisabeth comme le projet, par exemple, d'un marchand et d'un clerc de faire passer par la frontière, „dans un tonneau de goudron le livre „De la vérité sur la volonté monarchique", de présenter ledit livre au roi de Prusse et de provoquer un soulèvement contre la Russie". Tout se bornait à des désirs platoniques, à des prophéties extravagantes et à d'irréalisables espoirs dans le goût suivant: „dix généraux haïront l'Impératrice et la feront périr par le feu". Mais toutes ces absurdes affaires avaient comme conséquence pour les accusés la peine du fouet, la mutilation du nez et la déportation; quant à Chouvaloff, „ces travaux incessants et pénibles" ruinaient sa santé et lui causaient, dans tout le côté droit du visage, des mouvements convulsifs tout particuliers, qui se produisaient à la moindre émotion. Se trouvant entièrement sous l'influence de son „bouillant" frère, le comte A. I. Chouvaloff n'était pas par lui-même un homme énergique et ingénieux. Il suffisait de lui couper la parole, comme le faisait Catherine, pour qu'il se troublât instantanément et se mît à „cligner des yeux" éperdument. En encourageant Pierre dans ses „engouements pour le Holstein", il acquit son attachement passager; par son espionnage importun, il s'attira la haine irréconciliable de Catherine II.

(D'après un original peint par le comte Rotary, palais de Gatchina.)

Графъ **ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ**, 1763—1829, сынъ графа Петра Александровича отъ брака съ графиней Маріей Романовной Воронцовой, родился 14 Декабря 1763 г.; его крестной матерью была Екатерина II, пожаловавшая крестника у купели сержантомъ гвардіи. Потерявъ въ младенчествѣ мать, Бутурлинъ былъ воспитанъ дядей, графомъ А. Р. Воронцовымъ. Изъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса онъ поступилъ въ адъютанты къ Потемкину, но черезъ 6 недѣль былъ причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Служебная карьера его не была блестяща: въ 1803 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ, но не выѣхалъ туда, вслѣдствіе разрыва дипломатическихъ сношеній; въ 1809 г. онъ отказался отъ предложеннаго ему поста посланника въ Штутгартѣ и былъ назначенъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа. Достигнувъ чина тайнаго совѣтника и званія дѣйствительнаго камергера и сенатора, но не имѣя при этомъ ни одного ордена, Бутурлинъ въ 1817 г. навсегда покинулъ Россію и поселился во Флоренціи, гдѣ и умеръ 7 Ноября 1829 г.; онъ погребенъ въ греческой церкви въ Ливорно. Отъ брака съ своей троюродной сестрой, графиней Анной Артемьевной Воронцовой, онъ имѣлъ 2 сыновей и 3 дочерей.

Графъ Бутурлинъ обладалъ обширной начитанностью и феноменальной памятью, позволявшей ему цитировать наизусть всѣхъ латинскихъ и французскихъ классиковъ и безошибочно указывать страницы книгъ въ его громадной библіотекѣ. Онъ считалъ своимъ долгомъ ежедневно пріобрѣтать какое-нибудь новое знаніе и былъ въ жизни аккуратенъ и пунктуаленъ. „Faites des cure-dents (зубочистки), mais faites quelque chose“, было его поговоркой. Но „respect pour les heures“, которымъ онъ хвастался, сводился къ точному распредѣленію свободно избранныхъ и необременительныхъ занятій. Всякій обязательный служебный трудъ былъ для него „хомутомъ“; онъ служилъ „отрывками“, то выходя въ отставку, то причисляясь къ какому-нибудь не строгому и не обременяющему занятіями вѣдомству. Крупное богатство давало ему возможность посвящать досуги удовлетворенію своихъ изящныхъ вкусовъ и дилетантскихъ наклонностей. Онъ собралъ обширную и рѣдкую библіотеку и, когда она въ 1812 г. въ Москвѣ сгорѣла, успѣлъ собрать и другую въ 33.000 томовъ, покупалъ картины, устраивалъ оранжереи, занимался физическими опытами, бѣлой магіей, фокусами à la Pinetti, писалъ французскіе стихи и съ успѣхомъ распѣвалъ въ великосвѣтскихъ спектакляхъ французскіе и итальянскіе романсы, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Онъ не былъ чуждъ самодурства и причудъ: опаздывавшіе къ началу его спектаклей гости находили ворота его дома запертыми; несмотря на громадныя издержки, его бѣлье отсылалось для стирки въ Парижъ. Какъ хозяинъ, онъ не стоялъ выше многихъ людей его времени и круга: безъ толка и выгоды продавалъ помѣстья, безъ умѣнья пускался въ откупныя дѣла и становился жертвой аферистовъ. Доходъ съ Воронежскихъ и Калужскихъ имѣній и сами имѣнія проживались подъ южнымъ небомъ Италіи.

По словамъ сына, убѣжденія графа Д. П. Бутурлина „скорѣе склонялись къ либерализму“: онъ увлекался всякимъ модньмъ теченіемъ, въ молодости былъ масономъ и симпатизировалъ революціи, въ старости былъ поборникомъ филэллинизма; несмотря на то, что въ семьѣ его близкіе ему люди были убѣжденными католиками, самъ онъ оставался строго православнымъ, имѣлъ церковь въ своемъ палаццо, говѣлъ по 4 раза въ годъ и умеръ, держа въ рукахъ крестъ съ мощами.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

64

Le comte DMITRI PÉTROWITCH BOUTOURLINE, 1763—1829, fils du comte Pierre Alexandrowitch, issu de son mariage avec la comtesse Marie Romanowna Worontzoff, est né le 14 décembre 1763; sa marraine fut Catherine II qui conféra à son filleul, sur les fonts baptismaux, le grade de sergent de la garde. Ayant perdu sa mère dans sa plus tendre enfance, Boutourline fut élevé par son oncle, le comte A. R. Worontzoff. Du Corps des cadets de terre, il entra au service comme aide de camp de Potemkine, mais au bout de 6 semaines, il fut attaché au Collège des Affaires étrangères. Sa carrière ne fut pas brillante: en 1803, il fut nommé ambassadeur à Rome, mais ne s'y rendit pas par suite de la rupture des relations diplomatiques; en 1809, il refusa le poste d'ambassadeur qui lui était offert à Stuttgart et fut nommé directeur de l'Ermitage impérial. Parvenu au grade de conseiller privé et à la dignité de chambellan et à celle de sénateur, mais sans avoir obtenu une seule décoration, Boutourline, en 1817, quitta la Russie pour toujours et se fixa à Florence, où il mourut le 7 novembre 1829; il est enterré dans l'église grecque de Livourne. De son mariage avec sa cousine issue de germain, la comtesse Anne Artémiewna Worontzoff, il eut 2 fils et 3 filles.

Le comte Boutourline avait beaucoup de lecture et possédait une mémoire phénoménale qui lui permettait de citer par cœur tous les classiques latins et français, et d'indiquer sans faute les pages des livres de son immense bibliothèque. Il regardait comme son devoir d'acquérir chaque jour quelque nouvelle connaissance et était réglé et ponctuel dans sa vie. „Faites des cure-dents, mais faites quelque chose", était son proverbe. Mais „le respect pour les heures", dont il faisait parade, se réduisait à la distribution exacte d'occupations librement choisies et peu gênantes. Tout service obligatoire était pour lui „un joug"; il servait „par intervalles" tantôt donnant sa démission, tantôt prenant du service dans un département peu asservissant et n'imposant pas trop d'occupations. Une grande fortune lui donnait la possibilité de consacrer ses loisirs à la satisfaction de ses goûts d'artiste et à ses penchants de dilettante. Il rassembla une bibliothèque rare et immense, et quand, en 1812, elle devint la proie des flammes, il réussit à en rassembler une autre de 33.000 volumes; il achetait des tableaux, établissait des orangeries, s'occupait d'expériences de physique, de magie naturelle, de tours à la Pinetti, composait des vers français et, dans les spectacles de la haute société, chantait avec succès des romances françaises et italiennes, en s'accompagnant avec la guitare. Il n'était pas étranger aux bizarreries et aux caprices: les invités qui arrivaient en retard pour le commencement de ses représentations trouvaient portes closes; malgré ses énormes dépenses, il faisait blanchir son linge à Paris. Comme propriétaire, il ne surpassait pas beaucoup de personnes de son temps et de sa société: il vendait sans discernement et sans profit ses propriétés, se lançait sans connaissance de cause dans des affermages, et devenait la victime des spéculateurs. Les revenus de ses biens de Voronèje et de Kalouga et les biens eux-mêmes se dépensaient sous le ciel méridional de l'Italie.

A en croire son fils, les convictions du comte D. P. Boutourline „inclinaient plutôt vers le libéralisme": il se laissait entraîner par tout mouvement nouveau; dans sa jeunesse, il fut maçon et était sympathique à la révolution; dans sa vieillesse, il fut défenseur du philhellénisme; quoique dans sa famille tous ses proches fussent catholiques fervents, il n'en resta pas moins orthodoxe rigide, avait une chapelle dans son palais, jeûnait quatre fois l'an et mourut tenant entre ses mains une croix avec des reliques.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

64

Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ,
1763 — 1829

Le Comte Dmitri Pétrowitch Boutourline,
1763 — 1829

65

Графиня Анна Артемьевна Бутурлина,
1777 — 183 .

La Comtesse Anne Artémiewna Boutourline,
1777 — 183 .

66

Пис. Молинари

Peint par Molinari

Прасковія Артемьевна Тимофеева,
178 . — 1842

Prascovie Artémiewna Timoféeff,
178 . — 1842

67

Графиня Екатерина Артемьевна Воронцова,
1780 — 1836

La Comtesse Catherine Artémiewna Worontzoff,
1780 — 1836

Графиня **АННА АРТЕМЬЕВНА БУТУРЛИНА**, 1777—183., вторая дочь графа Артемія Ивановича Воронцова и графини Прасковьи Федоровны, рожденной Квашниной-Самариной, 16-и лѣтъ отъ роду, въ 1793 г., вышла замужъ за своего троюроднаго брата, графа Дмитрія Петровича Бутурлина. Свадьба состоялась подъ нѣкоторымъ давленіемъ на нерѣшительнаго жениха со стороны тетки ея, Анны Ивановны Нарышкиной, и была отпразднована въ Тамбовскомъ имѣніи графа А. И. Воронцова, селѣ Бѣлкинѣ, къ ней же впослѣдствіи перешедшемъ. Въ виду молодости невѣсты, къ ней была послѣ свадьбы приставлена компаньонкою старая француженка, М-мъ Ребрукъ, но уже на первыхъ порахъ своего супружества молодая графиня Бутурлина проявила несвойственную ея лѣтамъ энергію и рѣшительность. Находясь въ Воронежѣ и узнавъ тамъ на балу, что какой-то аферистъ вздумалъ воспользоваться ея отсутствіемъ, чтобы вовлечь ея мужа въ очень невыгодную сдѣлку, она тутъ же, какъ была, въ бальномъ платьѣ, бросилась въ карету и, проскакавъ 160 верстъ, пріѣхала въ деревню во-время, чтобы остановить мужа отъ разоренія.

Графиня Бутурлина очень любила деревенскую жизнь, гдѣ любимымъ занятіемъ ея было садоводство. Обладая большою способностью къ рисованію, она занималась также и живописью миніатюрой на слоновой кости, въ которой достигла большого совершенства, писала акварелью съ натуры и, будучи поклонницей г-жи де Севинье, письма которой знала почти наизусть, усвоила въ своей французской корреспонденціи образцовый письменный слогъ; по-русски же писала съ трудомъ. Вообще женщина очень образованная, умная, впечатлительная и характерная, она любила общество и, какъ въ деревенскомъ своемъ домѣ, такъ и въ Петербургѣ, охотно принимала иностранцевъ, французскихъ эмигрантовъ и путешественниковъ. У нея часто бывали графъ Жозефъ де-Мэстръ, патеръ Журданъ и другіе іезуиты, бывшіе въ то время въ апогеѣ своей силы въ Россіи, и подъ ихъ вліяніемъ уже въ 1813/14 гг. началась подготовка ея перехода въ латинство, несмотря, а можетъ-быть, благодаря тому, что по природѣ своей она была очень религіозна. Въ 1817 г., для здоровья мужа, графиня Бутурлина со всѣмъ семействомъ переселилась въ Италію; главнымъ мѣстопребываніемъ ихъ была избрана Флоренція, гдѣ они поселились сначала въ нанятой ими виллѣ Пальміери, а затѣмъ въ купленномъ ими палаццо Никколини. Жизнь въ католической странѣ совершенно оторвала Бутурлину отъ Россіи, и мало-по-малу космополитизмъ и чужеземный складъ жизни совершенно ею овладѣли. Около 1825 г. она съ дочерьми и старшимъ сыномъ окончательно перешла въ католичество и, хотя перемѣна религіи женою и дѣтьми не могла не отозваться тяжело на старомъ графѣ, оставшемся вѣрнымъ православію и имѣвшемъ даже домовую церковь въ своемъ Итальянскомъ палаццо, графиня Бутурлина сумѣла „сохранить ненарушимымъ домашній очагъ свой“. Овдовѣвъ въ 1829 году, она только разъ побывала въ Россіи, чтобы заняться устройствомъ запутанныхъ дѣлъ своего младшаго сына; скончалась она во Флоренціи въ преклонныхъ лѣтахъ послѣ 1836 года.

Графиня А. А. Бутурлина имѣла двухъ сыновей: Петра и Михаила, и трехъ дочерей: Марію, Елизавету и Елену, вышедшихъ замужъ за иностранцевъ; первая—за Тосканскаго графа Дини, вторая—за Ломбардскаго маркиза Соммарива и третья—за Ломбардскаго князя Видоніа-Сорреджіано.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

65

La comtesse ANNA ARTHÉMIEWNA BOUTOURLINE, 1777—183., seconde fille du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff et de la comtesse Prascovie Féodorowna, née Kvachnine-Samarine, épousa à 16 ans son cousin au troisième degré, le comte Dmitri Pétrowitch Boutourline. Le mariage eut lieu, non sans que sa tante, Anna Ivanowna Narychkine, eût exercé une certaine pression sur l'indécis fiancé; il fut célébré dans le domaine de Belkine, que le comte Worontzoff avait dans le gouvernement de Tambov, et qui passa dans la suite à sa fille. Vu la jeunesse de la fiancée, on lui donna après la noce, comme compagne, une vieille française, Mme Rebrouc; mais, dès les premiers temps de son mariage, la jeune comtesse montra une énergie, une audace qui n'était pas de son âge. A Voronèje, elle apprit dans un bal qu'un certain spéculateur pensait profiter de son absence pour attirer son mari dans une affaire fort désavantageuse; elle se jeta en toilette de bal dans une voiture, fit 160 verstes et arriva à temps pour sauver le comte de la ruine.

La comtesse Boutourline aimait beaucoup la vie de campagne, où son occupation favorite était le jardinage. Douée de grandes capacités pour le dessin, elle s'occupa de miniature sur ivoire et atteignit en cet art une grande perfection. Elle fit aussi des aquarelles d'après nature. Sincère admiratrice de Mme de Sévigné, dont elle connaissait les lettres à peu près par cœur, elle acquit, dans sa correspondance française, un chef-d'œuvre de style épistolaire. Elle écrivait par contre le russe avec difficulté. En général, c'était une femme instruite, intelligente, impressionnable et de caractère; elle aimait le monde et recevait, dans sa campagne et à St-Pétersbourg, les étrangers, les émigrés français et les voyageurs. Le comte Joseph de Maistre, le père Jourdan et d'autres Jésuites, qui étaient alors à l'apogée de leur puissance en Russie, venaient souvent la voir. C'est sous leur influence que, dans les années 1813 et 1814, elle commença à se préparer à entrer dans le giron de l'église catholique, nonobstant sa nature essentiellement religieuse et peut-être grâce à elle. En 1817, la santé de son époux décida la comtesse à s'installer avec toute sa famille en Italie. Elle choisit comme séjour Florence et s'établit d'abord dans la villa Palmieri, puis au palais Niccolini, qu'elle avait acheté. L'existence dans un pays catholique détourna complètement la comtesse de la Russie, et le cosmopolitisme et les habitudes étrangères de vie s'emparèrent de sa personne. En 1825, elle passa complètement au catholicisme avec ses filles et son fils aîné et, quoique le vieux comte, resté fidèle à l'orthodoxie et qui avait une église dans son palais italien, dût lourdement ressentir le changement de religion de sa femme et de ses enfants, la comtesse Boutourline sut „conserver intact son foyer domestique". Veuve en 1829, elle revint une seule fois en Russie pour arranger les affaires embrouillées de son cadet. Elle mourut à un âge avancé après 1836.

La comtesse Boutourline avait deux fils, Pierre et Michel, et trois filles, Marie, Elisabeth et Hélène, mariées à des étrangers: la première au comte de Toscane Dini, la seconde au marquis de Lombardie Sommariva et la troisième au prince de Lombardie Vidonia-Sorreggiano.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

66

ПРАСКОВІЯ АРТЕМЬЕВНА ТИМОФЕЕВА, 178.—1842, была младшей дочерью графа Артемія Ивановича Воронцова отъ брака съ Прасковіей Федоровной Квашниной-Самариной. Воспитаніе получила въ Смольномъ институтѣ и въ 1813 г. вступила въ бракъ съ Тамбовскимъ помѣщикомъ Александромъ Ульяновичемъ Тимофеевымъ, сыномъ откупщика, возведеннымъ въ дворянство. Бракъ этотъ считался въ семьѣ Воронцовыхъ за mésalliance и состоялся, лишь благодаря разстроенному состоянію графа Артемія Ивановича Воронцова, который незадолго передъ смертью согласился отдать свою дочь за богатаго, но неродовитаго сосѣда, съ тѣмъ, чтобы послѣдній выкупилъ продававшееся за долги Тамбовское имѣніе его, село Воронцовку, и закрѣпилъ его за своей будущей женою, что и было тѣмъ сдѣлано. Прасковью Артемьевну Тимофееву дворовые и крестьяне, видѣвшіе въ ней коренную помѣщицу села Воронцовки, продолжали звать не иначе какъ графинею, и она не имѣла, кажется, основаній жаловаться на свою судьбу. Мужъ ея былъ добрѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ и во всемъ старался ей угождать; на нее же, въ свою очередь, имѣла большое вліяніе жившая у нихъ въ домѣ гувернантка-француженка, мадамъ Матернъ, властвовавшая надъ всѣми въ Воронцовкѣ.

Овдовѣвъ въ 1832 г., П. А. Тимофеева сама скончалась десять лѣтъ спустя, въ 1842 г., и похоронена въ Петербургѣ; у ней было двое сыновей: Евгеній (р. 1818 г., † 1861 г.) и Артемій († 1862 г.), и три дочери: Аделаида (замужемъ за княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Голицынымъ; † 1847 г., въ Туринѣ), Надежда (за морскимъ офицеромъ Василіемъ Артемьевичемъ Гавришенко) и Елизавета († 1906 г.; въ первомъ бракѣ за Андреемъ Евграфовичемъ Кикинымъ, а во второмъ—за Константиномъ Аркадьевичемъ Болдыревымъ).

(Съ портрета Молинари; собственность А. К. Болдырева, с. Воронцовка, Тамбовской губ.)

66

PRASCOVIE ARTÉMIEWNA TIMOFÉEFF, 178. — 1842, était la fille cadette du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff, de son mariage avec Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine. Elle fut élevée à l'institut de Smolna et épousa, en 1813, Alexandre Oulianowitch Timoféeff, propriétaire foncier de Tamboff, fils anobli d'un fermier général. Ce mariage était considéré, dans la famille des Worontzoff, comme une mésalliance et ne se conclut que grâce aux affaires embrouillées du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff, qui, peu de temps avant sa mort, consentit à donner sa fille en mariage à son voisin, riche, il est vrai, mais roturier, à la condition que celui-ci rachetât sa propriété de Tamboff, le village de Worontzowka mis en vente pour dettes, et en assurât la possession à sa future épouse, ce qu'il fit. La domesticité et les paysans, qui voyaient en Prascovie Artémiewna Timoféeff la propriétaire primitive du village de Worontzowka, ne l'appelaient pas autrement que „comtesse", et elle n'eut, à ce qu'il paraît, aucune raison de se plaindre de son sort. Son mari était l'homme le meilleur et le plus respectable et tâchait de lui être agréable en tout; une gouvernante, une Française, madame Materne, qui vivait chez eux avait à son tour une grande influence sur elle et commandait à tous à Worontzowka.

Devenue veuve en 1832, P. A. Timoféeff mourut elle-même dix ans après, en 1842, et est ensevelie à St-Pétersbourg; elle eut deux fils: Eugène (1818—1861) et Arthème († 1862), et trois filles: Adélaïde (mariée au prince Nicolas Grigoriewitch Golitzyne; † 1847, à Turin), Nadejda (mariée à Basile Artémiewitch Gavrichenko, officier de marine) et Elisabeth († 1906; mariée en premières noces à André Eugraphowitch Kikine, et en secondes—à Constantin Arkadiewitch Boldyreff).

(D'après un original de Molinari; propriété d'A. Boldyreff, Worontzowka, gouv. de Tamboff.)

67

Графиня ЕКАТЕРИНА АРТЕМЬЕВНА ВОРОНЦОВА, 1780—1836, вторая дочь графа Артемія Ивановича Воронцова и жены его Прасковіи Федоровны Квашниной-Самариной, родилась въ 1780 году. Назначенная состоять при Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, она пользовалась ея дружбою и сопровождала ее за границу въ 1799 году; послѣ же развода ея съ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ до конца жизни сохранила свой фрейлинскій окладъ и квартиру во дворцѣ, при чемъ она, очень живая и болтливая особа, была любимой собесѣдницей Императрицы Елисаветы Алексѣевны, къ которой была также близка. Изъ Россіи она часто навѣщала Великую Княгиню Анну Ѳеодоровну въ Швейцаріи, а подъ конецъ жизни, послѣ кончины Императрицы Елисаветы Алексѣвны, переселилась въ Москву, въ домъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, съ сестрою коего, княжною Еленой Михайловной, была очень дружна.

Не послѣдовавъ примѣру своихъ сестеръ, графини Маріи Артемьевны Воронцовой и графини Анны Артемьевны Бутурлиной, перешедшихъ въ католичество, она осталась вѣрна православію и скончалась въ Москвѣ 19 Февраля 1836 года, 55 лѣтъ; похоронена въ Донскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

67

La comtesse CATHERINE ARTÉMIEWNA WORONTZOFF, 1780—1836, seconde fille du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff et de sa femme Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine, est née en 1780. Désignée pour être attachée à la personne de la Grande-Duchesse Anna Féodorowna, elle fut honorée de son amitié et l'accompagna à l'étranger en 1799; après son divorce avec le Grand-Duc héritier Constantin Pavlowitch, elle conserva, jusqu'à la fin de sa vie, son traitement de demoiselle d'honneur et son appartement au palais; étant une personne très vive et très babillarde, c'était l'interlocutrice favorite de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, dont elle était aussi proche. De Russie, elle allait souvent voir la Grande-Duchesse Anna Féodorowna en Suisse, et sur la fin de ses jours, après la mort de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, elle se fixa à Moscou, dans la maison du prince Serge Mikhaïlowitch Golitzyne, avec la sœur duquel, la princesse Hélène Mikhaïlowna, elle était très liée.

Elle ne suivit pas l'exemple de ses sœurs, la comtesse Marie Artémiewna Worontzoff et la comtesse Anna Artémiewna Boutourline, qui avaient embrassé le catholicisme, resta fidèle à l'orthodoxie et mourut à Moscou le 19 février 1856, âgée de 55 ans; elle est inhumée au monastère Donskoï.

(D'une miniature de la collection de Mme J. Chérémeteff, St-Pétersbourg.)

Графиня **ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ПОТЕМКИНА**, 1794—187., дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Петра Сергѣевича Трубецкого и первой его жены княжны Дарьи Александровны Грузинской († 1796), по смерти матери, воспитывалась со своими двоюродными сестрами, княжнами Голицыными, такъ какъ въ семьѣ были только мальчики, и изъ 5 братьевъ ея—старшій, Сергѣй, былъ позднѣе декабристъ, „диктаторъ" предполагавшагося правительства. Имѣя лично хорошія средства по матери, княжна Трубецкая вышла въ 1817 г. за послѣдняго представителя графской линіи Потемкиныхъ, графа Сергѣя Павловича (р. 25 Декабря 1787 г.), обладателя огромнаго состоянія. Молодые супруги жили въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, въ своемъ домѣ, отличавшемся богатствомъ и художественной роскошью, обличавшей изящный вкусъ хозяевъ. Писатель и музыкантъ, скульпторъ и архитекторъ, графъ Потемкинъ писалъ и „Размышленія при гробѣ" фельдмаршала князя Кутузова, и составлялъ новые куплеты къ романсу Алябьева „Соловей, мой соловей" для пѣвицы Зонтагъ; переводилъ „Гоѳолію" и Расина для театра и въ то же время строилъ иконостасъ въ Чудовомъ монастырѣ. Его жена отличалась поразительнымъ изяществомъ. Тѣмъ не менѣе супруги не были счастливы; виной тому была необузданная расточительность мужа и его крупная игра. Онъ прожилъ все свое состояніе, скрывался отъ кредиторовъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ.... Жена хлопотала объ избавленіи мужа отъ опеки (ей опека давала 30/т. руб. въ годъ, а ему всего 6/т.) и переносила много огорченій; она даже не имѣла утѣшенія въ семьѣ: ей страстно хотѣлось имѣть дѣтей, и ихъ у нея не было. Въ 1841 г. супруги окончательно разстались, послѣ того какъ Потемкинъ переѣхалъ въ Петербургъ. Графиня Потемкина, женщина рѣдкой красоты, была всѣми уважаема, отличалась скромностью и простотой. Еще будучи очень молодой, въ 1822 г., она пропагандировала среди Московскихъ дамъ скромность въ нарядахъ, а „именно не носить ни блондъ, ни кружевъ, ни перьевъ, ѣздить на балы въ простыхъ креповыхъ платьяхъ безъ накладокъ, деньги же, которыя останутся дома, отдавать бѣднымъ", но, кажется, заключаетъ А. Я. Булгаковъ, „это такъ и останется, несмотря на согласіе многихъ здѣшнихъ щеголихъ". Когда, въ 1829 г., чрезъ Москву проѣзжалъ Персидскій принцъ, князь Д. В. Голицынъ представилъ принцу графиню Потемкину. Она привѣтствовала его фразой на персидскомъ языкѣ, на что принцъ съ восточной галантностью отвѣтилъ: „Ce que je vois m'étonne plus que ce que je viens d'entendre". Овдовѣвъ 25 Февраля 1858 г., въ Августѣ 1859 г. графиня Потемкина вышла замужъ за сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго (р. 1794 г., † 19 Марта 1879 г.), побочнаго сына графа Л. К. Разумовскаго и Прасковіи Михайловны Соболевской, сестры матери Перовскихъ. Впрочемъ, этотъ поздній бракъ завершилъ давнишнюю и глубокую взаимную привязанность. У Подчаскаго былъ внѣбрачный сынъ („Левъ Подчаскій, сынъ неизвѣстной дворянки, родился въ Москвѣ, въ 1836 г., въ приходѣ церкви св. Екатерины, на Б. Ордынкѣ, крестный сынъ князя Н. С. Меншикова и дворянки Е. П. Крицкой, воспитанникъ сенатора И. И. Подчаскаго; 20 Февраля 1857 г. возведенъ въ дворянство"); сначала онъ служилъ въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, а потомъ слѣдователемъ въ Калугѣ; этотъ „веселый и всѣми любимый молодой человѣкъ" умеръ отъ чахотки въ Висбаденѣ. Графиня Потемкина извѣстна тѣмъ, что до старости сохранила свою красоту. Въ Сентябрѣ 1870 г. Мухановъ писалъ въ своемъ „Дневникѣ": „Къ обѣду пріѣхали Подчаскіе, которые очень оцѣнили обѣдъ, особливо миловидная еще и по сіе время бывшая графиня Потемкина, нѣкогда столь славившаяся своей красотой", а графъ Бутурлинъ говоритъ: „Ей отлично бы шло прозвище русской Нинонъ-де-л'Анкло, такъ какъ даже и въ то время (1860 г.) можно было ее включить въ число неувядшихъ красавицъ, а ей было за 60 лѣтъ; она сильно измѣнилась 3 года позднѣе, когда я ее видѣлъ въ 1863 г., едва оправившуюся послѣ потери единственнаго ея сына, умершаго въ Висбаденѣ"; Свербѣевъ въ 1869 г. пишетъ о ней: „великолѣпнѣйшая изъ красавицъ, нынѣшняя все еще изящная, элегантная старушка".

Въ концѣ 1821 г. Ризенеръ написалъ портретъ Потемкиной, во весь ростъ, въ бѣломъ платьѣ, сидящей на балконѣ, вдали видъ Симонова монастыря. Такъ какъ графъ не заплатилъ за работу 5/т. р., Ризенеръ продавалъ портретъ за 2½/т., а князь Сергѣй Гагаринъ давалъ 1½/т. р. Гдѣ находится этотъ портретъ—намъ неизвѣстно.

(Съ акварельнаго портрета Гау, 1843 г.; собственность князя А. А. Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse ELISABETH PÉTROWNA POTEMKINE, 1794—187., fille du conseiller d'état actuel prince Pierre Serguéewitch Troubetzkoï et de sa première femme, la princesse Darie Alexandrowna Grouzinsky († 1796), fut élevée, après la mort de sa mère, avec ses cousines, les princesses Golitzyne, vu que dans sa famille il n'y avait que des garçons, dont l'un des cinq—son aîné, Serge, fut dans la suite un des décabristes, „dictateur" du gouvernement projeté. Tenant de sa mère une fortune personnelle considérable, la princesse Troubetzkoï épousa en 1817 le dernier rejeton de la lignée des comtes Potemkine, le comte Serge Pavlowitch (né le 25 décembre 1787), possesseur d'une fortune colossale. Les jeunes époux habitaient Moscou, à la Prétchistenka, dans leur propre maison qui se distinguait par son opulence et un luxe artistique dénotant le goût raffiné des maîtres. Ecrivain et musicien, sculpteur et architecte, le comte Potemkine écrivit les „Réflexions en présence du cercueil" du feld-maréchal prince Koutouzoff et composa de nouveaux couplets pour la romance d'Aliabieff „Rossignol, mon Rossignol" destinés à la cantatrice Zontag; traduisait „Athalie" et Racine pour le théâtre et, en même temps, faisait construire un iconostase au monastère Tchoudov. Sa femme se distinguait par une rare élégance. Néanmoins, les époux n'étaient pas heureux; la faute doit en être imputée à la prodigalité effrénée et au gros jeu du mari. Il dissipa toute sa fortune, se cacha à ses créanciers, fut emprisonné.... Sa femme fit des démarches pour le libérer de la tutelle (qui lui accordait, à elle, 30.000 r. par an; à lui, 6000 en tout) et supporta bien des déboires; elle était même privée des consolations que procurent les joies de la famille: elle désirait ardemment avoir des enfants et elle n'en avait pas. En 1841, après que Potemkine se fut fixé à Pétersbourg, les époux se séparèrent définitivement. La comtesse Potemkine, femme d'une rare beauté, était honorée de tous et se distinguait par sa modestie et sa simplicité. Etant encore très jeune, en 1822, elle prêcha, parmi les dames de Moscou, la modestie dans les parures à savoir: „qu'il ne fallait porter ni blondes, ni dentelles, ni plumes, qu'il fallait aller au bal en simples robes de crêpe sans garnitures et donner aux pauvres l'argent qui resterait à la maison", mais, il me semble, conclut A. Boulgakoff, que „cela restera ainsi malgré le consentement de beaucoup de petites-maîtresses d'ici". En 1829, lors du passage du prince de Perse à Moscou, le prince D. Golitzyne lui présenta la comtesse Potemkine. Elle lui adressa un compliment en langue persane, sur quoi le prince répondit avec une galanterie tout orientale: „Ce que je vois m'étonne plus que ce que je viens d'entendre". Etant devenue veuve le 25 février 1858, la comtesse Potemkine épousa, au mois d'août 1859, le sénateur Hippolyte Ivanowitch Podtchasky (né en 1794, † le 19 mars 1879), fils naturel du comte L. K. Razoumowsky et de Prascovie Mikhaïlowna Sobolewsky, sœur de la mère des Pérowsky. Ce mariage tardif couronnait d'ailleurs un profond attachement mutuel, datant de longtemps. Podtchasky avait un fils né hors du mariage („Léon Podtchasky, fils de dame noble inconnue, né à Moscou en 1836, dans la paroisse de l'église de Ste-Catherine, à la Gr. Ordynka, filleul du prince N. S. Menchikoff et de noble dame E. P. Kritzky, pupille du sénateur H. I. Podtchasky; fut anobli le 20 février 1857); il servit d'abord aux Archives des Affaires étrangères de Moscou, ensuite comme magistrat à Kalouga; „ce jeune homme gai et aimé de tous" mourut de la phthisie à Wiesbaden. Un des titres de la comtesse Potemkine à la célébrité est d'avoir conservé sa beauté jusque dans la plus profonde vieillesse. Au mois de septembre 1870, Moukhanoff écrivait dans son „Journal": „Pour le dîner arrivèrent les Podtchasky, qui goûtèrent beaucoup le dîner, tout particulièrement l'ex-comtesse Potemkine, encore si gentille maintenant et auparavant si réputée pour sa beauté", et le comte Boutourline dit en parlant d'elle: „Le surnom de „Ninon de Lenclos" russe lui aurait très bien convenu, parce que même à cette époque (1860) on aurait pu la mettre au nombre des beautés bien conservées, et elle avait plus de 60 ans; elle était énormément changée 3 ans plus tard, lorsque je la vis en 1863, à peine remise de la perte de son fils unique, mort à Wiesbaden"; Sverbéeff en 1869 écrit à son sujet: „La plus belle d'entre les belles, maintenant encore une jolie et élégante vieille".

A la fin de 1821, Riesener a peint son portrait en pied, en robe blanche, assise au balcon, avec la vue du monastère de St-Simon dans le lointain. Le comte n'ayant pas payé 5000 r. pour cette œuvre, Riesener en demanda 2500, et le prince Serge Gagarine en offrit 1500. On ignore où se trouve ce portrait.

(D'après une aquarelle de Hau, 1843, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

68

Пис. Гау. 1843

Графиня Елизавета Петровна Потемкина,
1794 — 187 .

Peint par Hau, 1843

La Comtesse Elisabeth Pétrowna Potemkine,
1794 — 187 .

69

Пис. Босси, 183.

Графиня Юлія Павловна Самоїлова,
1803 — 1875

Peint par Bossi, 183.

La Comtesse Julie Pavlowna Samoïloff,
1803 — 1875

Графиня **ЮЛІЯ ПАВЛОВНА САМОЙЛОВА**, 1803—1875, дочь генерала-отъ-кавалеріи графа Павла Петровича Палена (р. 1775 г., † 1834 г.) отъ перваго его брака съ графиней Маріей Павловной Скавронской, старшей дочерью графини Екатерины Васильевны Скавронской, племянницы Потемкина; рано лишилась она материнскихъ заботъ: графиня Паленъ въ 1804 г. развелась съ мужемъ и затѣмъ вступила во второй бракъ съ графомъ А. И. Ожаровскимъ. Юлія воспитывалась въ домѣ бабушки, второй мужъ которой, бездѣтный графъ Литта, перенесъ на нее чисто отцовскую нѣжность и страстно къ ней привязался, особенно послѣ смерти любимой жены въ 1829 г.; графъ Литта завѣщалъ Юліи все свое колоссальное состояніе, часть котораго передалъ ей еще при жизни, когда она, будучи фрейлиной, вышла въ 1825 г. за сына Екатерининскаго генералъ-прокурора, флигель-адъютанта графа Николая Александровича Самойлова († 23 Іюля 1842 г.), оказавшагося, какъ и она, послѣднимъ въ родѣ, такъ какъ бракъ былъ бездѣтный. Разставшись съ мужемъ, Самойлова одно время жила въ Славянкѣ, около Петербурга, доставшейся ей изъ рода Скавронскихъ. Самойлова была красива, умна, прелестна, обворожительно любезна, и въ ея Славянкѣ собирался цвѣтъ Петербургскаго общества. Легенда приписываетъ ей же починъ катаній на Стрѣлку, на Елагиномъ островѣ. Николай Павловичъ былъ недоволенъ постояннымъ собраніями въ Славянкѣ и предложилъ Самойловой продать ея дачу двору. Самойлова принуждена была исполнить желаніе Государя, но будто бы сказала при этомъ: „Ѣздили не въ Славянку, а къ графинѣ Самойловой, и гдѣ бы она ни была, будутъ продолжать къ ней ѣздить“. Она начала кататься на Елагиномъ островѣ; туда стали пріѣзжать ея поклонники, а затѣмъ эти катанія на Стрѣлку вошли въ моду. Таково преданіе старожиловъ. Иначе о покупкѣ Славянки разсказываетъ другой современникъ, графъ Корфъ: „Графиня Самойлова, пользовавшаяся большой, но не совсѣмъ лестной репутаціей, по смерти перваго мужа вышла вторично за границей за иностранца, что лишило ее русскаго подданства и заставило продать недвижимыя имѣнія, въ томъ числѣ и „Графскую Славянку“, имѣніе истинно царское. Николай I велѣлъ купить ее, но покупка не состоялась, и графъ Воронцовъ-Дашковъ купилъ имѣніе; тогда Государь велѣлъ немедленно купить Славянку, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ родственникъ (по Скавронскимъ), имѣлъ право выкупа“. Второй мужъ, виновникъ продажи Славянки, былъ итальянскій нѣвецъ Пери († 1846 г.). О причинахъ разлада ея съ первымъ мужемъ говорили, что причиной того была близость графини съ Барантомъ-сыномъ, Тургеневъ же разсказываетъ такъ: „Литта рекомендовалъ Самойловымъ А. Я. Мишковскаго для управленія имѣніями. Мишковскій вошелъ въ довѣріе графа Самойлова и сдѣлался его сотоварищемъ въ кутежахъ; въ то же время онъ пріобрѣлъ милостивое расположеніе графини, что имѣло послѣдствіемъ разводъ супруговъ. Самойлова дала Мишковскому заемныхъ писемъ на 800/т. р., Литта ихъ опротестовалъ, но Мишковскаго спасла женитьба на дочери статсъ-секретаря Марченко“. Самойлова прожила въ Италіи и Франціи 40 лѣтъ. Въ Миланѣ она имѣла свой дворецъ, около Парижа имѣніе Груссе, гдѣ была масса художественныхъ вещей. Въ Италіи, въ ея домѣ собирались литераторы и художники; она была въ дружбѣ съ композиторами Россини, Беллини, Доницетти; извѣстный К. Брюлловъ питалъ къ ней чувства болѣе сильныя, чѣмъ дружба: онъ писалъ безъ конца портреты графини и повторялъ ея типъ на своихъ картинахъ. Бутурлинъ говоритъ про одинъ изъ портретовъ Брюллова: „Самойлова изображена во весь ростъ, сходящей съ лѣстницы Миланскаго театра съ маскою въ рукѣ; къ ней прижимается ея прелестная воспитанница Джіованнина въ костюмѣ гречанки“ (портретъ находится въ музеѣ Александра III). Есть еще ея портреты: во весь ростъ, гдѣ негръ откидываетъ ей портьеру (у Гинцбурга, въ Кіевѣ), въ видѣ наѣздницы (Третьяковская галлерея), и, наконецъ, она изображена на первомъ планѣ, на лѣвой сторонѣ картины „Послѣдній день Помпеи“. Джіованнину, которая изображалась съ нею, Самойлова выдала замужъ, давши ей большое приданое. Въ 1863 г. Самойлова, 58-и лѣтъ, вышла замужъ за французскаго дипломата графа де-Морнэ (64 лѣтъ), но скоро они разошлись, и она приняла снова фамилію перваго своего мужа.

Подъ конецъ жизни графиня Самойлова совершенно разстроила свое огромное состояніе и умерла въ Парижѣ въ 1875 г., среди сравнительно скромной обстановки.

(Съ акварельнаго портрета Босси, 1835 г.; собственность князя А. А. Куракина, С.-Петербургъ.)

La comtesse JULIE PAVLOWNA SAMOÏLOFF, 1803—1875, était la fille du général de cavalerie, le comte Paul Pétrowitch Pahlen (né en 1775, † en 1834) et de sa première femme, la comtesse Marie Pavlowna Skavronsky, fille aînée de la comtesse Catherine Vassiliewna Skavronsky, nièce de Potemkine. Julie fut privée de bonne heure des soins maternels; en 1804, la comtesse, sa mère, divorça et convola en secondes noces avec le comte A. Ojarowsky. Julie fut élevée dans la maison de sa grand'mère, que le comte Litta, son second mari, qui n'avait pas d'enfants, entoura d'un pur amour paternel. Il lui était passionnément attaché, surtout après la mort de sa femme bien aimée (1829). Le comte légua à Julie sa colossale fortune, dont il lui remit, de son vivant, une partie, lorsque, étant demoiselle d'honneur, elle épousa en 1825 le fils du procureur général l'aide de camp et comte Nicolas Alexandrowitch Samoïloff (mort le 23 juillet 1842), qui, comme elle, fut le dernier de sa race, puisque leur mariage fut stérile. Une fois séparée de son mari, Mme Samoïloff vécut un temps près de St-Pétersbourg, à Slavianka, qui lui venait de la famille Skavronsky. Elle était belle, intelligente, charmante, aimable à ravir, et la fleur de la société St-Pétersbourgeoise se réunissait chez elle. La légende lui attribue l'initiative des promenades en équipages à la Pointe, dans l'île d'Elaguine. Nicolas Pavlowitch était mécontent des réunions fréquentes qui avaient lieu à Slavianka et proposa à Mme Samoïloff de vendre sa maison de campagne à la Cour. Elle fut forcée d'accéder au désir de l'Empereur, et on lui prête, à cette occasion, les paroles suivantes: „On ne venait pas à Slavianka, mais chez la comtesse Samoïloff, et on continuera à aller la voir en quelque endroit qu'elle se trouve". Elle commença à se promener à Elaguine, ses admirateurs l'y suivirent, et les promenades à la Pointe entrèrent en vogue. Telle est la légende des aborigènes. Le baron Korff, son contemporain, raconte d'une autre manière la vente de la villa: „La comtesse Samoïloff jouissait d'une grande réputation, mais elle n'était pas bien flatteuse. A la mort de son premier mari, elle épousa un étranger; elle perdit par là la naturalisation russe et dut vendre ses immeubles, entre autres la „Slavianka comtale" qui était un domaine vraiment princier. Nicolas Ier voulut l'avoir, mais ce fut le comte Vorontzoff-Daschkoff qui la reçut. Alors l'Empereur ordonna d'acheter immédiatement Slavianka d'autant plus que, comme parent (par les Skavronsky), il avait le droit de rachat". Ce second mari de la comtesse, qui fut cause de la vente de ses biens, était le chantre italien Perry († en 1846). On dit que la raison de son divorce avec son premier mari fut l'intimité de la comtesse avec Barante-fils; mais Tourguéneff raconte ce fait de la manière suivante: „Litta avait recommandé aux Samoïloff A. Ia. Michkowsky pour gérer leurs biens. Ce dernier acquit la confiance du comte et devint son compagnon de plaisir; en même temps il entra dans les bonnes grâces de la comtesse, ce qui amena la catastrophe. Mme Samoïloff donna à Michkowsky une lettre de change de 800.000 roubles, Litta la protesta, et ce qui sauva l'ex-gérant, ce fut son mariage avec la fille du secrétaire d'Etat Martchenko". Mme Samoïloff vécut 40 ans en Italie et en France. Elle avait son palais à Milan, elle possédait près Paris le domaine Grousset, où il y avait quantité de choses artistiques. Elle réunissait chez elle en Italie les littérateurs et les artistes. Elle était en amitié avec les compositeurs, Rossini, Bellini, Donizetti. Le célèbre Ch. Brulloff avait pour elle un sentiment plus fort que l'amitié; il peignait sans cesse ses portraits et la représentait souvent dans ses tableaux. Boutourline disait, à propos d'une de ses toiles: „Mme Samoïloff y est en grandeur naturelle, descendant les escaliers du théâtre de Milan, un masque à la main; sa charmante élève, Djiovannina, dans le costume d'une grecque, se serre contre elle" (ce tableau se trouve au musée d'Alexandre III). Nous avons encore d'autres portraits: l'un la représente en grandeur naturelle, avec un nègre qui lui ouvre la portière (chez Guntzbourg, à Kieff); l'autre, en amazone (galerie Trétiakoff). Enfin elle se voit au premier plan à gauche du tableau „le dernier jour de Pompéi". Mme Samoïloff maria Djiovannina et lui donna une forte dot. Elle se maria, elle, à 58 ans avec le diplomate français, le comte de Mornay (64 ans), mais bientôt ils se séparèrent et elle reprit le nom de son premier mari.

A la fin de sa vie, la comtesse Samoïloff dérangea complètement son immense fortune et mourut à Paris en 1875, au milieu d'un intérieur relativement modeste.

(D'après l'aquarelle de Bossi, 1835, propriété du prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

70

Княгиня ПРАСКОВІЯ ФЕДОРОВНА ГАГАРИНА, 1757—1801, дочь Кіевскаго генералъ-губернатора генералъ-аншефа Федора Матвѣевича Воейкова, женатаго на вдовѣ Аннѣ Ивановнѣ Жеребцовой, родилась 25 Октября 1757 г.; въ 1775 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера, позднѣе министра коммерціи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гавріила Петровича Гагарина (р. 1745 г., † 1808 г.).

Отъ этого брака у ней былъ сынъ Павелъ (см. т. I, № 73), генералъ-адъютантъ Павла I, женатый на извѣстной княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, и 5 дочерей: Марія (р. 18 Сентября 1778 г., † 14 Марта 1835 г.; за бригадиромъ А. Н. Висленевымъ; см. т. II, № 86), Елена (р. 1780 г., † 1842 г.), Анна (р. 25 Мая 1782 г., † 25 Іюня 1856 г.; за П. В. Головинымъ; см. т. I, № 21), Екатерина (р. 28 Августа 1783 г., † 2 Марта 1861 г.; за княземъ Н. С. Долгорукимъ; см. т. I, № 22) и Варвара (р. 21 Декабря 1784 г., † 11 Апрѣля 1808 г.; за А. Г. Сигуновымъ; см. т. I, № 21).

Княгиня П. Ф. Гагарина умерла на 44-мъ году, 11 Іюля 1801 года, въ Серпуховѣ; похоронена подъ Покровской церковью въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ портрета Рокотова; собственность Н. П. Жеребцовой, въ С.-Петербургѣ.)

70

La princesse PRASCOVIE FÉODOROWNA GAGARINE, 1757—1801, fille du gouverneur général de Kiev, général en chef, Théodore Matvéewitch Voéikoff, marié à la veuve Anna Ivanowna Jérebtzoff, est née le 25 octobre 1757; elle épousa, en 1775, un gentilhomme de la chambre, plus tard ministre du commerce et conseiller privé actuel, le prince Gabriel Pétrowitch Gagarine (né en 1745, † en 1808).

Elle eut de cette union un fils, Paul (v. T. I, № 73), aide de camp général de Paul Ier, marié à la célèbre princesse Anna Pétrowna Lopoukhine, et cinq filles: Marie (née le 18 septembre 1778, † le 14 mars 1835; épousa le brigadier A. N. Visléneff; v. T. II, № 86); Hélène (née en 1780, † en 1842); Anna (née le 25 mai 1782, † le 25 juin 1856; épousa P. B. Golovine; v. T. I, № 21); Catherine (née le 28 août 1783, † le 2 mars 1861; épousa le prince N. S. Dolgorouky; v. T. I, № 22), et Varvara (née le 21 décembre 1784, † le 11 avril 1808; épousa A. G. Sigounoff; v. T. I, № 21).

La princesse P. F. Gagarine mourut, dans sa 44e année, le 11 juillet 1801, à Serpoukhoff et est inhumée dans l'église de l'Intercession de la Ste-Vierge du couvent Novospassky, à Moscou.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à Mme N. Jérebtzoff, St-Pétersbourg.)

70

71

72

73

70

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Княгиня Прасковія Федоровна Гагарина, 1757 — 1801

La Princesse Prascovie Féodorowna Gagarine, 1757 — 1801

71

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Графиня Дарья Федоровна Дмитріева-Мамонова, 1762 — 1801

La Comtesse Daria Féodorowna Dmitrieff-Mamonoff, 1762 — 1801

72

Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ, 1745 — 1808

Le Prince Gabriel Pétrowitsch Gagarine, 1745 — 1808

73

Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, 1777 — 1850

Le Prince Paul Gabrielowitsch Gagarine, 1777 — 1850

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня **ДАРЬЯ ФЕДОРОВНА ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА**, 1762—1801, дочь генералъ-поручика князя Федора Федоровича Щербатова и первой жены его, княжны Маріи Александровны Бековичъ-Черкасской, родилась 29 Апрѣля 1762 года. Бракъ ея родителей былъ несчастливъ: мать принуждена была оставить домъ мужа и вернуться къ своему отцу, у котораго и умерла, оставивъ у него малолѣтнюю свою дочь. Послѣ смерти дѣда, княжна Щербатова, по просьбѣ тетки своей, княжны Дарьи Александровны Черкасской, заинтересовавшей Потемкина въ судьбѣ своей племянницы, была взята Екатериной II въ Зимній дворецъ и воспитана на половинѣ фрейлинъ, подъ присмотромъ баронессы Мальтицъ, а 1 Января 1787 г. пожалована во фрейлины. Но „присмотръ“ баронессы Мальтицъ не былъ, очевидно, строгъ, такъ какъ въ томъ же году „открыта была интрига“ княжны Щербатовой съ Англійскимъ министромъ-резидентомъ при русскомъ дворѣ Фитцъ Гербертомъ, сильно въ нее влюбившимся. Кромѣ того, за нею оказались долги, до 30/т. р., сумма для того времени значительная, а затѣмъ началась извѣстная ея исторія съ фаворитомъ самой Екатерины, графомъ Александромъ Матвѣевичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ (р. 1758 г., † 1803 г.), причинившая столько горя Императрицѣ. Объ этомъ „маханіи“, какъ тогда говорили, между фаворитомъ и княжной Щербатовой знали долгое время очень немногіе, между прочими супруги Рибопьеръ, покровительствовавшіе влюбленнымъ. Между ними происходилъ обмѣнъ записокъ черезъ камеръ-лакеевъ, устраивались свиданія въ саду и во дворцѣ, на которыя Мамоновъ проходилъ черезъ комнаты фрейлины Шкурной. Хотя самъ Потемкинъ, подмѣтившій, какъ Мамоновъ посылалъ изъ-за стола фрукты княжнѣ Щербатовой, и намекалъ на это Императрицѣ, но Екатерина узнала объ этомъ лишь два года спустя; 18 Іюня 1789 г., замѣтивъ охлажденіе фаворита, она вызвала его на объясненіе и предложила „отойти“ съ почетомъ, для чего бралась устроить его бракъ съ богатѣйшей невѣстой, 13-лѣтней графиней Брюсъ. Когда Мамоновъ признался ей, что онъ уже два года какъ влюбленъ въ княжну Щербатову, „которая его попрекать богатствомъ не будетъ“, и уже „полгода какъ далъ слово жениться“, Екатерина, оскорбленная двоедушіемъ (duplicité), какъ она говорила, Мамонова, рѣшила немедленно ихъ обвѣнчать. 20 Іюня, передъ вечернимъ выходомъ, она сама обручила графа и княжну богатыми перстнями, стоившими 10.000 руб., а они, „стоя на колѣняхъ“, говоритъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ, „плакали, просили прощенья и—прощены“. Волненіе ихъ было такъ сильно, что, по разсказу Гарновскаго, съ ними обоими сдѣлался обморокъ. „Ils devraient être en extase“, сказала потомъ Екатерина, „mais au contraire ils pleurent“. Бракосочетаніе состоялось въ воскресенье, 1 Іюля, въ 9 часовъ вечера, въ Царскосельской придворной церкви, въ присутствіи очень немногихъ лицъ; невѣста, по обычаю, убрана была у Государыни, которая благословила ее образомъ, но на свадьбѣ не присутствовала. На другой день, 2 Іюля, въ полночь, щедро одаренный фаворитъ уѣхалъ съ женою въ Москву, гдѣ у него въ томъ же году родился сынъ Матвѣй. Прошло немного времени, и Мамоновъ, и жена его были уже изображены Екатериной въ сатирической поэмѣ: „Параша и Саша“.

Бракъ графини Д. Ф. Мамоновой былъ не изъ счастливыхъ. Первые годы мужъ ея постоянно болѣлъ, хандрилъ, просился у Императрицы назадъ въ Петербургъ и выражалъ даже готовность оставить для этого семью. И до Екатерины доходили вѣсти, что Мамоновъ „не былъ счастливъ, съ ума сошелъ, дерется съ женой“, бранитъ жену, что старики его родители „невѣсткой недовольны“. По замѣчанію Головкина: „Il ne sut être ni tout, ni rien, ni quelque chose; il ne s'accorda plus d'autre distraction que de maltraiter sa femme, qu'il accusait sans cesse d'être la cause de sa parfaite nullité“.—„Онъ не можетъ быть счастливъ“, говорила Екатерина, „разница ходить съ кѣмъ по саду и видѣться на четверть часа, или жить вмѣстѣ“.

Графиня Д. Ф. Мамонова скончалась въ Москвѣ 9 Ноября 1801 г., оставивъ сына Матвѣя (р. 1789 г., † 1863 г.) и дочь Марію († дѣвицей, въ 185 . г.); похоронена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

(Съ портрета Рокотова; собственность Н. П. Жеребцовой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse DARIA FÉODOROWNA DMITRIEFF-MAMONOFF, 1762—1801, fille du lieutenant général le prince Théodore Féodorowitch Chtcherbatoff et de sa première femme, la princesse Marie Alexandrowna Békowitch-Tcherkasky, naquit le 29 avril 1762. Le mariage de ses parents ne fut pas heureux: la mère fut forcée de quitter la maison du mari et de retourner chez son père, où elle mourut, en lui laissant sa fille encore mineure. Après la mort de l'aïeul, la princesse Chtcherbatoff, sur la demande de sa tante, la princesse Daria Alexandrowna Tcherkasky, qui avait intéressé Potemkine au sort de sa nièce, fut accueillie au Palais d'hiver par Catherine II et élevée, sous la surveillance de la baronne Maltitz, dans les appartements des demoiselles d'honneur; elle le devint le 1er janvier 1787. Mais la surveillance de la baronne ne fut pas apparemment bien sévère, car, la même année, „on découvrit une intrigue de la princesse Chtcherbatoff avec le ministre-résident anglais près la cour de Russie, Fitz Herbert, qui en était fortement épris. Elle avait de plus des dettes qui montaient à 30.000 roubles, somme considérable à cette époque, et bientôt commença sa fameuse histoire avec le favori de Catherine, le comte Alexandre Matvéewitch Dmitrieff-Mamonoff (né en 1758, † en 1803), histoire qui causa tant de peine à Catherine. Bien peu de personnes eurent connaissance de ce „trémoussement", comme on le disait alors, du favori et de la princesse; les époux Ribeaupierre protégeaient les amoureux. Un échange de lettres eut lieu par l'intermédiaire des laquais de la chambre, on organisait des rendez-vous au jardin et au palais, où Mamonoff arrivait par la chambre de la demoiselle d'honneur Chkourine. Quoique Potemkine lui-même eût remarqué que Mamonoff envoyait à la princesse des fruits de la table et en eût soufflé un mot à l'Impératrice, Catherine ne l'apprit que deux ans après. Le 18 juin 1789, remarquant que son favori se refroidissait à son égard, elle provoqua une explication, lui proposa de „se retirer" avec honneur et prit sur elle d'arranger son mariage avec la richissime fiancée, la comtesse Bruce, âgée de 13 ans. Quand Mamonoff lui eut appris qu'il était depuis deux ans déjà épris de la princesse Chtcherbatoff, „qui ne lui reprochera pas sa richesse" et qu'il „lui avait promis le mariage depuis six mois", Catherine, offensée de la duplicité, c'est son mot, de Mamonoff, se décida à les marier sur-le-champ. Le 20 juin, avant la réception du soir, elle les fiança elle-même en leur donnant de riches alliances d'une valeur de 10.000 roubles, et eux „à genoux", dit Khrapowitzky dans son journal, „pleuraient, demandaient pardon et furent pardonnés". Leur agitation était telle, au dire de Garnowsky, qu'ils tombèrent en syncope. „Ils devraient être en extase", dit ensuite Catherine, „mais au contraire ils pleurent". La noce eut lieu le dimanche 1er juillet, à 9 heures du soir, dans la chapelle de la cour à Tzarskoé-Sélo, en présence de très peu de monde. La fiancée fut, d'après la coutume, habillée chez l'Impératrice, qui la bénit avec une image sainte, mais elle n'assista pas à la cérémonie. Le lendemain, le 2 juillet, à minuit, le favori, comblé de présents, partit pour Moscou avec sa femme, où, la même année, lui naquit un fils Matthieu. Peu de temps après, Mamonoff et sa femme furent dépeints par Catherine dans son poème satirique „Paracha et Sacha".

Le mariage de la comtesse D. F. Mamonoff ne fut pas heureux. Les premières années, son mari fut continuellement malade, avait le spleen, demandait à l'Impératrice son rappel à St-Pétersbourg et se disait prêt pour cela à quitter sa famille. Catherine apprit même que Mamonoff „n'était pas heureux, qu'il était devenu fou, qu'il se battait avec sa femme", qu'il la grondait et que ses vieux parents „n'étaient pas contents de leur bru". Suivant Golovkine, „il ne sut être ni tout, ni rien, ni quelque chose; il ne s'accorda plus d'autre distraction que de maltraiter sa femme, qu'il accusait sans cesse d'être la cause de sa parfaite nullité". „Il ne peut être heureux", dit Catherine, „il y a une différence entre aller au jardin, se voir un quart d'heure et vivre ensemble". La comtesse Mamonoff mourut à Moscou le 9 novembre 1801, laissant un fils, Matthieu (né en 1789, † en 1863) et une fille Marie († demoiselle en 185.). Elle fut enterrée à Moscou dans le monastère Donskoï.

(D'après l'original de Rokotoff, appartenant à Mme N. Jérebtzoff, St-Pétersbourg.)

Князь ГАВРІИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1745—1808, сынъ князя Петра Ивановича, женатаго на Аннѣ Михайловнѣ Леонтьевой (р. 20 Іюля 1715 г., † 6 Февраля 1782 г.), родился 9 Января 1745 г.; обладатель большого состоянія, родственникъ Нарышкиныхъ по матери, онъ въ юности пользовался расположеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны. Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, которое должно было дополнить его образованіе, Гагаринъ былъ пожалованъ въ 1774 г. въ камеръ-юнкеры, а 24 Ноября 1781 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 6 Департамента Сената, въ Москвѣ. Въ 1783 г. онъ сдѣланъ камергеромъ, въ 1786 г. получилъ ордена св. Анны 1-й ст. и св. Владиміра 2-й ст., затѣмъ пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы. Въ то же время Гагаринъ былъ главнымъ директоромъ Государственныхъ заемнаго и вспомогательнаго банковъ, позднѣе министромъ коммерціи, при чемъ имъ былъ изданъ „Банкротскій уставъ“. Павелъ I сдѣлалъ его членомъ Совѣта и возложилъ на Гагарина 5 Апрѣля 1797 г. Александровскую ленту, а въ 1800 г. пожаловалъ его орденомъ св. Андрея Первозваннаго и произвелъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Милости Павла Петровича объясняются, конечно, въ значительной степени тѣмъ, что его сынъ, князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, былъ женатъ на фавориткѣ Государя Аннѣ Петровнѣ Лопухиной. Кромѣ того, графъ Ф. Головкинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „De nouveaux personnages parurent tout à coup sur la scène; le prince Gabriel Gagarine, ancien ami de Lopoukhine, ancien amant de Mme Lopoukhine et par la suite le père de Mademoiselle, contribuant avec tout son esprit, et il en avait plus que les autres, et sa profonde immoralité à l'affermissement de ce nouveau parti“.

Князь Г. П. Гагаринъ былъ ревностнымъ масономъ въ ложѣ Лабзина „Умирающій сфинксъ“, при чемъ сохранились его рукописныя рѣчи, произносившіяся имъ въ ложѣ.

Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Москвѣ и въ своемъ имѣніи с. Богословскомъ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губ., при чемъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ такими москвичами, какъ графъ А. М. Мамоновъ и его жена, П. В. Головинъ, женившійся потомъ на его дочери, княжнѣ Аннѣ, и извѣстный своимъ благочестіемъ, и др. Впрочемъ, и самъ князь Г. П. Гагаринъ любилъ заниматься богословскими вопросами, былъ близокъ и въ перепискѣ съ извѣстнымъ митрополитомъ Московскимъ Платономъ, который очень цѣнилъ его благочестіе и одобрялъ его литературные труды. Въ 1798 г. князь Гагаринъ напечаталъ въ Синодальной типографіи свои произведенія: 1) Акаѳистъ св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову; 2) Акаѳистъ со службою, житіемъ и чудесами св. Димитрію, митрополиту и чудотворцу Ростовскому, и 3) Службу препод. Ѳеодосію, Тотемскому чудотворцу. Послѣ его смерти, сынъ въ 1813 г. издалъ собраніе другихъ сочиненій отца, подъ заглавіемъ „Забавы уединенія моего въ селѣ Богословскомъ“.

Князь Гагаринъ былъ женатъ на Прасковіи Федоровнѣ Воейковой; скончался съ 18 на 19 Января 1808 года.

Сочиненная имъ самимъ эпитафія, сдѣлавшаяся потомъ ходячей въ „кладбищенской литературѣ“, гласила:

„Прохожій! Ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я;
Постой и отдохни на камнѣ у меня;
Взгляни, что сдѣлалось со тварью горделивой,
Гдѣ дѣлся человѣкъ? И прахъ заросъ крапивой!
Сорви-жъ былиночку и вспомни обо мнѣ!
Я дома, ты въ гостяхъ: подумай о себѣ!“

(Съ портрета, принадлежащаго Н. П. Жеребцовой, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince GABRIEL PÉTROWITCH GAGARINE, 1745—1808, fils du prince Pierre Ivanowitch, marié à Anne Mikhaïlowna Léontieff (née le 20 juillet 1715, † le 6 février 1782), naquit le 9 janvier 1745. Possesseur d'une grande fortune, parent des Narychkine par sa mère, il fut, dans sa jeunesse, en faveur auprès de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. A son retour de l'étranger, où il avait dû compléter son instruction, Gagarine fut nommé en 1774 gentilhomme de la chambre et le 24 novembre 1781 procureur-général au 6e département du Sénat à Moscou. Il devint en 1785 chambellan et en 1786 reçut l'ordre de Ste-Anne 1ère classe et le St-Vladimir 2de; puis on lui octroya le titre de conseiller privé et la dignité de sénateur. Gagarine était en même temps directeur général des banques impériales de prêts et de secours; il fut nommé ensuite ministre du commerce et publia le „Code des faillites". Paul Ier le fit membre du Conseil, le revêtit le 5 avril 1797 du cordon de St-Alexandre et en 1800 lui octroya le St-André et le titre de conseiller privé actuel. Les faveurs de Paul Pétrowitch s'expliquent en grande partie, cela va sans dire, par le fait que son fils, le prince Pierre Gavrilowitch Gagarine, était marié à la favorite de l'Empereur, Anne Pétrowna Lopoukhine. Le comte Th. Golovine dit encore dans ses mémoires: „De nouveaux personnages parurent tout à coup sur la scène; le prince Gabriel Gagarine, ancien ami de Lopoukhine, ancien amant de Mme Lopoukhine et par la suite le père de Mademoiselle, contribuant avec tout son esprit, et il en avait plus que les autres, et sa profonde immoralité à l'affermissement de ce nouveau parti".

Le prince G. P. Gagarine était un zélé franc-maçon de la loge Labzine „le sphinx mourant"; on a conservé ses discours manuscrits, prononcés à la loge.

Il passa les dernières années de sa vie à Moscou et dans son domaine de Bogoslovsk, district de Dmitrovsky, gouv. de Moscou; il était en rapports amicaux avec des Moscovites, tels que le comte A. M. Mamonoff et sa femme, P. Golovine, qui épousa plus tard sa fille, la princesse Anne, et qui était connu par sa piété, et d'autres. Du reste le prince G. P. Gagarine aimait aussi s'occuper de questions théologiques, était intime et en correspondance avec le célèbre métropolite de Moscou, Platon, qui prisait fort sa piété et approuvait ses travaux littéraires. En 1798, le prince Gagarine publia à l'imprimerie du St-Synode ses œuvres: 1) Acathiste à la gloire du saint apôtre et évangéliste Jean, le Théologien; 2) Acathiste à la gloire du service, de la vie et des miracles du St-Dmitri, métropolite et thaumaturge de Rostoff, et 3) Office du révérend Théodosie, thaumaturge de Totemsk. Après sa mort, son fils publia, en 1813, d'autres œuvres de son père sous le titre de „Passe-temps de ma solitude dans le village de Bogoslovsk".

Le prince Gagarine était marié à Prascovie Féodorowna Voéikoff; il mourut dans la nuit 18 au 19 janvier 1808.

L'épitaphe qu'il s'est composée et qui est entrée dans la „littérature des cimetières", a la teneur suivante:

„Passant! tu marches, mais tu te coucheras comme moi;
Arrête-toi, repose-toi sur la pierre près de moi;
Regarde! qu'est devenue la créature orgueilleuse,
Où l'homme s'est-il fourré? Et ses cendres se sont couvertes d'orties!
Cueille un brin d'herbe et souviens-toi de moi!
Je suis chez moi, toi en visite: Pense à toi!"

(D'après l'original, appartenant à Mme N. Jérebtzoff, à St-Pétersbourg.)

73

Князь ПАВЕЛЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1777—1850, генералъ-адъютантъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гавріила Петровича и княгини Прасковьи Федоровны, рожденной Воейковой, на 3-мъ году былъ записанъ въ сержанты Преображенскаго полка, а въ 1799 г. былъ уже майоромъ. Князь П. Г. Гагаринъ обязанъ своимъ возвышеніемъ расположенію къ нему княжны Анны Петровны Лопухиной, особы, къ которой Императоръ Павелъ воспылалъ сильной и продолжительной страстью послѣ охлажденія къ Е. И. Нелидовой. Чуждая честолюбивыхъ стремленій, дѣвушка скромная, съ мечтательнымъ характеромъ, Лопухина тяготилась исключительнымъ вниманіемъ Государя и, когда Павелъ сдѣлался слишкомъ требовательнымъ, призналась ему, что ея сердце принадлежитъ князю Гагарину, бывшему тогда на войнѣ въ Италіи. Павелъ предписалъ Суворову прислать Гагарина курьеромъ съ извѣстіемъ о ближайшей побѣдѣ, что и было исполнено послѣ битвы при Требіи. Князь былъ произведенъ въ полковники, затѣмъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и командоры Мальтійскаго ордена, а 8 Февраля 1800 года обвѣнчался съ Лопухиной. Выгоды положенія, повидимому, искупали въ глазахъ Гагарина послѣдующую близость жены къ Императору, не удержавшемуся на положеніи безупречнаго рыцаря, и Гагаринъ потомъ называлъ жену „своей благодѣтельницею“. Въ началѣ царствованія Александра I Гагаринъ былъ назначенъ посланникомъ при королѣ Сардинскомъ и оставался на этомъ посту до 1803 года. Въ 1805 г. онъ лишился жены, въ 1808 г. сопровождалъ Государя на Эрфуртское свиданіе, въ 1809 г.—въ Финляндію, въ 1812 г. назначенъ директоромъ Инспекторскаго департамента, а въ 1814 г. вышелъ въ отставку.

Объ отношеніяхъ князя П. Г. Гагарина къ женѣ послѣ смерти Павла I существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Какъ бы то ни было, но смерть жены сдѣлала Гагарина оригиналомъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ на Дворцовой набережной, а выходя на улицу, подбиралъ больныхъ и увѣчныхъ собакъ, которыя наполняли его домъ, лежали по диванамъ и кресламъ. Цѣлая комната была наполнена летающими на свободѣ птицами, а голубей и галокъ онъ кормилъ ежедневно съ балкона въ опредѣленные часы. О внѣшности своей онъ пересталъ заботиться: съ ермолкой на лысой головѣ, въ старомъ халатѣ прогуливался онъ по улицамъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея. Онъ не чуждъ былъ литературы: печаталъ стихи въ „Вѣстникѣ Европы“ Жуковскаго и написалъ замѣтки о своемъ пребываніи въ Финляндіи въ 1809 году. Будучи библіофиломъ, собралъ большую библіотеку, въ которой было много рѣдкостей и всѣ вновь выходившія книги.

Въ 1831 году, 24 Мая, князь П. Г. Гагаринъ женился на балеринѣ Маріи Ивановнѣ Спиридоновой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Александру († въ молодости) и Наталію (р. 13 Февраля 1837 г., † въ 1905 г.; за Жеребцовымъ). Послѣ женитьбы онъ измѣнилъ прежній образъ жизни, оставилъ свое уединеніе, завелъ охоту... Умеръ 2 Апрѣля 1850 года и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго Ф. А. Головину, с. Новоспасское-Деденево, Московской губ.)

ANNA ALEXÉEWNA OLÉNINE, 1808—1888, fille du célèbre président de l'Académie des Beaux-Arts Alexis Nikolaewitch (v. Tome I, № 34) et d'Elisabeth Markowna Poltoratzky, est née le 11 août 1808. L'une des plus brillantes beautés du temps de Pouchkine, elle a grandi au milieu des hommes de lettres et des artistes qui se réunissaient dans le salon des Olénine à St-Pétersbourg et à Prioutino, et elle était devenue leur favorite; Kryloff et Gniéditch gâtaient „l'intelligente petite Annette". Nous lui devons plus d'une des merveilleuses poésies que Pouchkine lui a dédiées. Le grand poète s'inclinant devant sa beauté l'aima sérieusement et rechercha sa main, mais sans succès. Dans son „âme amoureuse" il conservait „ses rêves heureux", et dans ses vers il a chanté „son pied mignon", ses „boucles blondes" et ses yeux pleins d'expression:

„Toi-même avoue, as-tu vu rien de mieux
Que les doux yeux de ma belle Olénine?
Que de génie profond ils recèlent,
Combien aussi de candeur enfantine!
Quelle molle langueur ils nous révèlent,
Et combien de rêveurs et tendres feux!
Les baisse-t-elle, et modeste et gracieuse,
C'est le triomphe de la chasteté;
Mais relevant sa paupière rêveuse,
De Raphaël c'est l'ange extasié".

Le poète recommande également le charmant visage de cette jeune beauté à l'attention de l'artiste (G. Dawe):

„De ton crayon divin faut-il que tu te serves
Pour fixer à jamais un portrait trop flatté,
Car mon profil arabe en vain tu le conserves
Il n'en sera pas moins par Méphisto sifflé.
Rends-nous plutôt les traits de la belle Olénine,
Car brûlant de l'ardeur d'un génie inspiré,
Il faut que le talent en tout lieu ne s'incline
Que devant la jeunesse unie à la beauté!"

Une année plus tard, en 1829, Pouchkine lui écrivait:

„Je vous aime toujours, car il peut bien se faire
Que l'amour dans mon sein n'ait pu se consumer;
Cet aveu cependant ne doit pas vous déplaire,
Car je ne voudrais pas en rien vous chagriner.
Longtemps je vous aimai sans espoir en silence,
Me sentant tour à tour ou timide ou jaloux;
Je vous aimai tout plein de tendre prévenance
Et comme je voudrais qu'un autre fût pour vous!"

Ayant été admise au nombre des demoiselles d'honneur à l'âge de 17 ans, Anna Alexéewna Olénine, même à la Cour, était réputée pour une des premières beautés, et elle se faisait remarquer tant par son enjouement que par son inclination pour tout ce qui est beau et élégant, par ces „péchés séducteurs", selon l'expression de Gniéditch qui alors lui disait:

„Quand vous ressembleraient toutes les pécheresses....
J'entendis l'autre jour qu'en certains lieux on blâme
De vos charmes l'attrait, votre esprit séducteur;
Mais que ces médisants ne troublent point votre âme,
Et sans vous repentir péchez, péchez sans peur,
Tant par votre gaîté que votre aimable humeur".

En 1840, Anna Alexéewna Olénine épousa un officier de hussards de la garde impériale Th. Andrault de Langéron (né à Brest le 16 mars 1804 et décédé le 7 juillet 1885 dans le château de la famille Langéron, dans le département de la Nièvre, en France; il était fils naturel du comte de Langéron et d'Angèle Djerjanowsky). Après la mort de son père, survenue en 1843, A. A. Andrault s'en alla à Varsovie, où son mari, pendant 14 ans (à partir de 1847), fut président de la ville, puis sénateur des départements de Varsovie. Après la mort de son mari, elle s'installa pour toujours dans le bien de sa fille Ouvaroff, dans le gouvernement de Volhynie. Elle s'éteignit doucement conservant jusqu'à la fin toute la fraîcheur de son esprit, aimant à s'enfoncer dans les souvenirs de son cher et lointain passé dont elle se ressouvenait dans les moindres détails. Elle avait reçu une éducation toute française, mais grâce aux habitués du salon de son père, elle aima la littérature russe, la poésie et les beaux-arts. Elle entreprit plusieurs fois d'écrire ses mémoires, et cependant elle ne laissa rien. Elle est morte le 15 décembre 1888 en Volhynie, et elle a été inhumée au couvent de Kortz.

De son mariage avec Th. Andrault elle a eu un fils, Théodore Féodorowitch (colonel, né le 15 octobre 1845, mort le 3 juin 1899), et trois filles: Alexandrine (née le 1 août 1842; mariée d'abord à Garbinsky, puis en secondes noces à Ladislaw Malkowsky), Sophie (née le 13 juin 1844; mariée au général baron Stahl von Holstein) et Antonine (née le 21 octobre 1847; mariée d'abord à Ap. Ap. Ouvaroff, puis en secondes noces à Voïdé).

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff, 1825; propriété de Mme Voïdé, St-Pétersbourg.)

76

77

78

79

[illegible] sa vue de mieux Et combien de revers si tendres fous
[illegible] de vos belle Oksane? Des baisers-Lelle, et modeste et gracieuse
[illegible] (c'est le triomphe de la chasteté,
[illegible] de candeur enhardie! Vient relever sa parpière rêveuse,
[illegible] pour toujours ils nous révèlent De Raphaël c'est l'ange extasié.

[illegible] demande également le charmant visage de cette jeune beauté à l'attention de l'artiste

[illegible] ayon divin tant il y a de se revoir Rendez-nous plutôt les traits de la belle Oksane
[illegible] à jamais on pourrait trop belle. Car brûlant de l'ardeur d'un génie inspiré
[illegible] petit public se voit si se connaître Il faut que le talent en tout lieu se révèle
[illegible] vous pas connu par Madame Vigé Que devant la jeunesse unie à la beauté

[illegible] en 1872. Pouchkine les écrivait

[illegible] vous imaginez vous il peut vous se dire Longtemps je vous aimai sans espoir et
[illegible] [illegible] vous avez vu ce sentiment Me voilà tour à tour ou timide ou
[illegible] [illegible] je vous aimai tout plein de tendre
[illegible] [illegible] Et comme je voudrais qu'un autre fût

Elle n'avait que 17 ans. Anna Alexéewna [illegible] se laissait remarquer tant par [illegible] si élégant, par ces „péchés séducteurs"

[illegible] Mais que vos ennemis ne troublent point
[illegible] Et sans vous repentir pêchez, pêchez sans
[illegible] Tant que votre gaîté que votre aimable

[illegible] de hussards de la garde impériale le [illegible] juillet 1885 dans le château de la famille [illegible] naturel du comte de Langeron et d'Ange[illegible]. A. Andrault s'en alla à Varsovie, où [illegible] poste de 1841. Il présidait de la ville, puis sénateur des départements de [illegible] mort, elle épousa pour troisième dans le bien de sa fille Ouvaroff, dans le [illegible]. Elle s'éteignit tendrement conservant jusqu'à la fin toute la fraîcheur de son esprit [illegible] les souvenirs de son cher et fontain passé dont elle se ressouvenait dans les [illegible] reçu une éducation toute française, mais grâce aux habitudes du salon de sa [illegible] russe, la guerre et les beaux arts. Elle entreprit plusieurs fois d'écrire ses [illegible] laissa rien. Elle est morte le 15 décembre 1888 en Volhynie, et elle a été [illegible]

[illegible] avec M. Andrault elle a eu un fils, Théodore Féodorowitch (colonel, né le [illegible] 1890, et trois filles: Alexandrine (née le 1 août 1842, mariée d'abord à [illegible] puis à Ladislaw Malkowsky), Sophie (née le 14 juin 1844, mariée au général [illegible] le 21 octobre 1847, mariée d'abord à Ap. Ap. Ouvaroff, puis en [illegible] à Hahn).

[illegible] impériale de P. Sokoloff 1845, propriété de Mme Voïde, St-Petersbourg.

74

Пис. П. Соколовъ, 1825 — Peint par P. Sokoloff, 1825

Анна Алексѣевна Оленина, 1808 — 1888

Anne Alexéewna Olénine, 1808 — 1888

75

Пис. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Елизавета Марковна Оленина, 1768 — 1838

Elisabeth Markowna Olénine, 1768 — 1838

76

Анна Петровна Бунина, 1774 — 1828

Anne Pétrowna Bounine, 1774 — 1828

77

Александра Осиповна Смирнова, 1810 — 1882

Alexandrine Ossipowna Smirnoff, 1810 — 1882

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА ОЛЕНИНА, 1768—1838, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марка Федоровича Полторацкаго, управлявшаго придворной пѣвческой капеллою, отъ брака съ Агаѳоклеею Александровною Шишковою, родилась 2 Мая 1768 г.; выйдя въ самомъ началѣ 1790-хъ годовъ за Алексѣя Николаевича Оленина (р. 1763 г., † 1843 г.), извѣстнаго впослѣдствіи директора Императорской Публичной библіотеки, президента Академіи Художествъ и члена Государственнаго Совѣта, Елизавета Марковна всегда раздѣляла научные и художественные интересы мужа и умѣла поддерживать оживленіе и непринужденность среди общества, „Оленинскаго кружка“, состоявшаго изъ писателей и поэтовъ, ученыхъ и художниковъ, и собиравшагося въ ея „салонѣ“, въ „Ноевомъ ковчегѣ“, по выраженію Вигеля, гдѣ „разнородное, не менѣе того весьма согласное, общество давало ему видъ трогательной патріархальности“.

Современники изображаютъ Оленину въ своихъ воспоминаніяхъ въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. Такъ, по словамъ графа Уварова, она была „образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ“. Даже Вигель восторженно отзывается о ней: „Его (Оленина) подруга, исключая роста (Олениңъ былъ поразительно малъ), была во многомъ съ нимъ схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всѣмъ, но въ изъявленіи его нѣкоторая преувеличенность заставляла иныхъ весьма несправедливо сомнѣваться въ его искренности. Склонность къ балагурству и любовь къ общежитію побѣждали въ Елизаветѣ Марковнѣ самыя тѣлесныя страданія, коимъ такъ часто была подвержена: лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Тутъ и мужская твердость воли, и ангельское терпѣніе, которое дается однѣмъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ—такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ—столь образованной привѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей европейской жизни съ простотой, съ обычаями русской старины.... Домъ сей былъ уважаемъ, по-моему, онъ могъ назваться образцовымъ, хотя имѣлъ и мало подражателей. Миръ праху вашему, чета неоцѣненная! Простите мнѣ, если безпристрастіе и правдоподобіе мое вынудили меня коснуться нѣкоторыхъ несовершенствъ, неразрывныхъ съ человѣческою слабостью: самыя тѣни, наведенныя мною на свѣтлую картину жизни вашей, я думаю, еще болѣе выказываютъ всѣ красоты ея. Я иногда тоскую по васъ!“

Отъ брака съ Олениным у ней было 3 сына: Николай (прапорщикъ Семеновскаго полка, убитъ при Бородинѣ), Петръ (генералъ-майоръ; р. 1793 г., † 1868 г.) и Алексѣй (дѣйствительный статскій совѣтникъ; р. 30 Мая 1797 г., † 25 Декабря 1854 г.), и 2 дочери: Варвара (р. 1802 г., † 1877 г.; за двоюроднымъ дядей, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гр. Никан. Олениным) и Анна (р. 11 Августа 1808 г., † 15 Декабря 1888 г.; за сенаторомъ Ф. А. Андро).

Е. М. Оленина скончалась въ Петербургѣ 3 Іюля 1838 года. Не одинъ Вигель „тосковалъ“ по ней: мужъ хотя и пережилъ ее на 5 лѣтъ, но съ ея смертью прекратились въ его домѣ обычныя многолюдныя собранія представителей тогдашней литературы и искусства. Оленина похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ ея слѣдующая эпитафія, сочиненная Крыловымъ, котораго она когда-то у себя „баловала и откармливала“:

„Супруга нѣжная и другъ своихъ дѣтей,
Да успокоится она отъ жизни сей!
Въ безсмертьи, тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханья,
Оставя по себѣ тоску семьѣ своей
И сладостныя вспоминанія. К—ъ“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность Н. Д. Романова, С.-Петербургъ.)

ÉLISABETH MARKOWNA OLÉNINE, 1768—1838, fille du conseiller d'état actuel Marc Féodorowitch Poltoratsky, directeur de la Chapelle de la Cour, et d'Agathoclée Alexandrowna Chichkoff, est née le 2 mai 1768. Un peu après 1790 elle épousa Alexis Nikolaewitch Olénine (1763—1843) qui s'est fait un nom dans la suite comme directeur de la Bibliothèque Impériale, président de l'Académie des Beaux-Arts et membre du Conseil d'Etat. Elisabeth Markowna partagea toujours les intérêts scientifiques et artistiques de son mari, et elle a su soutenir l'animation et la libre aisance dans la société du „cercle des Olénine", société composée d'hommes de lettres, de poètes, de savants et d'artistes qui se réunissaient dans son salon de „l'Arche de Noé", selon l'expression de Wiegel, salon auquel „la diversité des types, qui n'excluait aucunement la bonne harmonie, donnait quelque chose de patriarcal et de touchant".

Les contemporains d'E. M. Olénine nous ont laissé d'elle des souvenirs qui la représentent sous les plus sympathiques couleurs. Ainsi, d'après les propres expressions du comte Ouvaroff, elle était „le modèle des vertus féminines, la plus tendre des mères, une femme exemplaire douée d'un esprit pénétrant et d'une humeur bénigne". Wiegel lui-même en parle d'une manière enthousiaste: „Son amie (d'Olénine), la stature exceptée (Olénine était d'une taille étonnamment petite), lui ressemblait en bien des choses. Cette intelligente femme était remplie de bienveillance pour tous, mais comme il y avait quelque exagération dans l'expression de ce sentiment, cela porta quelques personnes à douter, quoique à tort, de la sincérité d'Elisabeth Markowna. Son inclination au bel esprit et son amour de la société eurent en elle raison des plus dures souffrances corporelles, auxquelles elle était si souvent en butte: couchée sur un large divan, entourée de monde et visiblement souffrante, elle n'en souriait pas moins à ses hôtes. C'était en elle la ferme volonté d'un homme jointe à la patience d'un ange, qui n'est accordée qu'aux seules femmes. Elle voulait que tous se sentissent chez elle gais et sans contrainte, et ce désir était constamment satisfait. Nulle part on ne rencontrait autant de liberté et de bienséance à la fois, dans aucune famille une concorde aussi parfaite, une aussi grande réciprocité de tendresse; il n'y avait pas de maîtres de maison d'une affabilité plus avenante. Le plus remarquable c'était l'union de tous les agréments de la vie à l'européenne avec la simplicité, avec les coutumes de la vieille Russie.... Cette maison était estimée et, selon moi, on pouvait l'appeler une maison modèle, bien qu'elle ait eu peu d'imitateurs. La paix soit à vos cendres, couple inestimable! Pardonnez-moi si mon impartialité et la vérité m'ont forcé à faire allusion à quelques imperfections inséparables de l'humaine faiblesse; les ombres même que j'ai pu répandre dans la peinture de votre vie en montreront davantage, j'en suis sûr, toute la beauté. Quelquefois en pensant à vous je me sens pris d'ennui!"

De son mariage avec Olénine elle a eu trois fils: Nicolas (enseigne au régiment Sémenowsky; tué à Borodino), Pierre (général-major; 1793—1868) et Alexis (conseiller d'état actuel; né le 30 mai 1797, mort le 25 décembre 1854), et deux filles: Barbe (1802—1877; mariée au cousin germain de son père, le conseiller d'état actuel Grégoire Nikandrowitch Olénine) et Anne (née le 11 août 1808, morte le 15 décembre 1888; mariée au sénateur Th. Andrault).

E. M. Olénine est morte à St-Pétersbourg le 3 juillet 1838. Wiegel n'est pas le seul qui ait soupiré après elle, car, bien que son mari lui ait survécu de cinq ans, néanmoins les grandes réunions des représentants de la littérature et des beaux-arts cessèrent dès sa mort. Elle a été enterrée au cimetière de Tikhvine de la laure d'Alexandre Newsky. Kryloff, qu'elle avait autrefois gâté et qui avait toujours trouvé chez elle son couvert mis, a composé pour son épitaphe les vers suivants:

„Que la tendre épouse, de ses enfants l'amie
Puisse se reposer des soins de cette vie
Dans un monde éternel sans larmes ni soupirs!
Nous quittant elle laisse à tous les siens ravie
Et l'angoisse poignante et les doux souvenirs.— K.".

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à N. Romanoff, St-Pétersbourg.)

АННА ПЕТРОВНА БУНИНА, 1774—1829, дочь прапорщика Петра Максимовича Бунина отъ брака его съ Анной Ивановной Лодыгиной, родилась въ имѣніи отца, с. Урусовѣ, Ряжскаго уѣзда, 7 Января 1774 г.; потерявъ черезъ годъ свою мать, она воспиталась у тетки, гдѣ получила очень скромное начальное образованіе, но уже на 13-мъ году начала писать стихи; затѣмъ, до 1798 г. жила у сестры своей, Варвары Петровны Усовой, и часто бывала въ Москвѣ, гдѣ познакомилась съ нѣкоторыми литераторами, а въ 1801 г., потерявъ отца, переѣхала къ другой сестрѣ, М. П. Семеновой (бабкѣ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, крестника А. П. Буниной); въ 1802 г. переселилась въ Петербургъ и здѣсь усиленно занималась изученіемъ языковъ, математикой и словесностью. Начавъ печататься еще въ 1799 г., Бунина стала сотрудничать въ тогдашнихъ журналахъ; въ 1808 г. вышелъ ея переводъ „Правилъ поэзіи“ аббата Баттё, съ „присовокупленіемъ Россійскаго стопосложенія“, а съ 1809 по 1812 г.—двѣ части собранія ея стихотвореній „Неопытная Муза“; за поднесеніе его Императрицѣ Елисаветѣ Бунина получила 400 р. пенсіона; затѣмъ она издала дидактическую поэму „О счастіи“, сборникъ „Сельскіе вечера“, повѣсть „Спасеніе Ѳивъ“ и др., а за поэму „Падающій Фаэтонъ“ получила отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны золотую съ брильянтами лиру для ношенія въ торжественныхъ случаяхъ; въ это время она уже состояла почетнымъ членомъ основанной въ 1811 г. „Бесѣды любителей Россійскаго слова“: талантъ ея высоко цѣнился Державинымъ и Шишковымъ, которые содѣйствовали ея извѣстности. Шишковъ заботился и о матеріальной обезпеченности поэтессы; такъ, во время заграничнаго похода, онъ, при содѣйствіи Кутузова, исходатайствовалъ ей пожизненную пенсію въ 2000 р. за то, какъ говорилось въ Именномъ указѣ 2 Марта 1813 г., что она „при бѣдномъ состояніи своемъ сама себя воспитала и прилежностью къ ученію и трудамъ пріобрѣла отличные въ словесности и стихотворствѣ таланты, которыхъ уже многіе опыты оказала“. Вскорѣ затѣмъ Бунина захворала: по однимъ словамъ, у нея начался ракъ въ груди, по другимъ — какая-то нервная болѣзнь въ рукѣ; ее окружили заботами, использовали всѣ средства, но ничто не помогало, и Бунина на средства, дарованныя ей Александромъ I и Императрицей Маріей Ѳеодоровной, отправилась въ Англію и провела около двухъ лѣтъ въ Лондонѣ (1815—1817 гг.), гдѣ оказалъ ей поддержку путешествовавшій тогда за-границей Великій Князь Николай Павловичъ. Лѣченіе не принесло ей особенной пользы, и остальная жизнь Буниной была лишь цѣпью страданій. Однако, съ 1819 по 1821 г. она издала 3 части „Собранія стихотвореній“, занималась переводомъ съ англійскаго „Нравственныхъ и философическихъ бесѣдъ Блера“ (изд. 1829). Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, Бунина скончалась 4 Декабря 1829 г. въ с. Денисовкѣ, имѣніи племянника, Д. М. Бунина, а погребена въ 5 верстахъ оттуда, въ с. Урусовѣ.

О сочиненіяхъ Буниной современники отзывались съ восторгомъ; по словамъ одного изъ нихъ, стихотворенія ея „ознаменованы печатью истиннаго, сильнаго и часто глубокаго чувства“, а Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ отводитъ Буниной „отличное мѣсто въ числѣ писателей и первое между писательницами Россіи“. Ее воспѣли въ стихахъ Дмитріевъ, Хвостовъ, Милоновъ, князь Шаликовъ. Державинъ писалъ ей: „Стихи твои пріятны, звонки, Показываютъ умъ намъ тонкій“.... Зато если имъ Бунина представлялась „Русскою Сафо“, „Сѣверной Коринной“, „Десятой Музой“,—писатели новой школы (Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ) отзывались о ней еще при ея жизни только съ иронією и насмѣшкой. Сохранился „альбомъ“ Буниной (Р. Арх., 1902, I), гдѣ, на ряду со стихами, Шишковъ записалъ свои „мысли“ о женщинѣ; особенно интересны „размышленія“ самой Буниной по этому поводу, „бросающія свѣтъ на ея взгляды на положеніе у насъ женщины вообще и писательницы въ частности въ ту эпоху; это любопытныя черточки для исторіи женскаго вопроса въ прошломъ вѣкѣ“.

По словамъ племянника Буниной, Э. И. Стогова, она была „замѣчательно хорошенькою“: „небольшого роста, немного продолговатое лицо, черные волосы, но лицо бѣлое съ прекраснымъ румянцемъ, очень живые, блестящіе глаза, движенія граціозны“; по свидѣтельству племянницы, П. И. Буниной, портретъ писательницы, сдѣланный незадолго до ея смерти, очень вѣрно передаетъ черты ея лица.

(Съ портрета, принадлежащаго А. Е. Носу, въ Москвѣ.)

ANNA PÉTROWNA BOUNINE, 1774—1829, fille de l'enseigne Pierre Maximowitch Bounine et d'Anna Ivanowna Lodyguine, est née dans le bien de son père, au village d'Ouroussovo, du district de Riagesk, le 7 janvier 1774; elle perdit sa mère au bout d'une année et fut élevée chez sa tante où elle ne reçut qu'une modeste éducation; cependant dès l'âge de 13 ans elle commença à faire des vers. Elle vécut ensuite chez sa sœur Barbe Pétrowna Oussoff jusqu'en l'année 1798, et souvent elle allait à Moscou où elle fit la connaissance de plusieurs littérateurs. En 1801, après avoir perdu son père, elle s'en alla chez une autre sœur, M. P. Sémenoff (grand'mère de P. P. Sémenoff-Tiane-Chansky son filleul). En 1802, elle s'installa à St-Pétersbourg où elle se mit à étudier avec ardeur les langues, les mathématiques et la littérature. Ayant commencé à publier ses œuvres dès 1799, elle coopéra dès lors à la rédaction des Revues de ce temps. En 1808, elle publia sa traduction du „Cours de Belles-Lettres" de l'abbé Le Batteux, avec un appendice concernant fa „Métrique russe"; de 1809 à 1812 elle a publié deux parties de son recueil de poésies „La Muse inexpérimentée" qu'elle dédia à l'Impératrice Elisabeth dont elle reçut, à cette occasion, une pension de 400 roubles. Elle publia ensuite un poème didactique „Du bonheur", ses „Soirées au village" et plusieurs nouvelles, entre autres „La délivrance de Thèbes". Pour son poème „La chute de Phaéton" elle reçut de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna une lyre d'or ornée de brillants pour la porter dans les occasions solennelles. Dans ce temps-là elle faisait déjà partie, à titre de membre honoraire, du cercle „Les amis de la littérature russe" londé en 1811. Son talent a été hautement apprécié par Derjavine et Chichkoff, qui ont contribué à sa célébrité. De plus Chichkoff prenait soin de la situation matérielle de la poétesse et, pendant ses campagnes à l'étranger, concurremment avec Koutousoff, il lui fit obtenir une pension à vie de 2000 roubles „pour avoir", selon les propres termes de l'édit du 2 mars 1813, „nonobstant sa pauvreté, fait elle-même son éducation et acquis, par son application au travail, des talents remarquables tant dans la littérature en général que dans la poésie en particulier, talents dont elle a déjà fait voir les preuves". Peu de temps après elle tomba malade; selon les uns c'était un commencement de cancer au sein, mais les autres prétendaient que c'était une maladie nerveuse de la main. On l'entoura de soins, on épuisa tous les moyens, mais en vain, et, aux frais de l'Empereur Alexandre Ier et de l'Impératrice Marie Féodorowna, elle partit pour l'Angleterre où elle passa à peu près deux années à Londres (1815—1817). Elle y reçut également des secours du Grand-Duc Nicolas Pavlowitch qui voyageait alors à l'étranger. Son traitement ne lui apporta pas de grands soulagements, et le reste de sa vie ne fut plus qu'une suite de souffrances. Néanmoins de 1819 à 1821 elle a publié trois parties de son „Recueil de poésies"; elle s'occupa d'une traduction de l'anglais des „Entretiens moraux et philosophiques" de Blair, publiée en 1829. Ainsi, toujours changeant de place, elle mourut le 4 décembre 1829 au village de Dénissovka, dans le bien de son neveu D. M. Bounine, et elle a été inhumée à cinq verstes de là au village d'Ouroussovo.

Les contemporains d'Anna Pétrowna Bounine ont parlé de ses ouvrages avec enthousiasme. L'un d'eux s'exprime en ces termes: „Ses poésies sont empreintes d'un sentiment vrai, fort et souvent profond", et Gretch, dans son „Essai de l'histoire de la littérature russe", lui donne une place éminente parmi les littérateurs et la place en tête des femmes auteurs. Elle a été chantée en vers par Dmitrieff, Khvostoff, Milonoff et le prince Chalikoff. Derjavine lui a écrit: „Tes vers sont agréablement sonores, Ils nous dévoilent un esprit subtil". Mais si A. P. Bounine leur semblait être la „Sapho russe", la „Corinne du Nord", la „Dixième Muse", en revanche les écrivains de la nouvelle école (Batiouchkoff, Joukovsky, Pouchkine), n'en parlent, même de son vivant, qu'avec ironie ou en se moquant. On a conservé l'album de A. P. Bounine (Archives russes, 1902, I) dans lequel, avec des vers, Chichkoff a inscrit ses „pensées" sur la femme; mais sur cette matière les réflexions d'Anna Pétrowna elle-même sont particulièrement intéressantes, „jetant de la lumière sur sa manière de considérer chez nous et à cette époque la situation de la femme en général et des femmes auteurs en particulier; ce sont de bien curieuses esquisses et qui peuvent servir à l'histoire de l'émancipation de la femme au siècle passé".

D'après les propres paroles du neveu de A. P. Bounine, E. J. Stogoff, elle était „remarquablement belle, pas très grande, les cheveux noirs, le visage un peu allongé, blanc et rose, des yeux très vifs et brillants, des mouvements gracieux". D'après le témoignage de sa nièce N. I. Bounine, le portrait de la poétesse, fait un peu avant sa mort, rend fidèlement les traits de son visage.

(D'après un portrait, appartenant à A. Noss, à Moscou.)

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА СМИРНОВА, 1809 — 1882, дочь француза, Одесскаго коменданта Осипа Ивановича Россета († 1814 г.), женатаго на Надеждѣ Ивановнѣ Лореръ (во 2-мъ бракѣ за генераломъ Арнольди), по матери происходила отъ кн. Циціановыхъ; „сирена-очаровательница“, „дѣва-роза“, А. О. Россетъ, по окончаніи курса въ Екатерининскомъ институтѣ съ шифромъ, сдѣлалась любимой фрейлиной Императрицы Александры Ѳеодоровны; блистая при дворѣ, она пользовалась расположеніемъ Государя Николая I, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ любилъ непринужденно бесѣдовать съ умной красавицей, забавлявшей его, большого любителя каламбуровъ, своей живой рѣчью и блестками тонкаго остроумія. Институтское воспитаніе не наложило на нее слѣдовъ сентиментализма; природный умъ и дарованія дали ей возможность найти интересы въ области литературы, искусства и музыки; попавъ въ кружокъ писателей и поэтовъ, она сблизилась съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и особенно съ Пушкинымъ, позднѣе ея друзьями и поклонниками были Гоголь, И. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, все люди самыхъ различныхъ направленій, оттѣнковъ и характеровъ. Тайна вліянія ея на всѣхъ этихъ людей заключалась, однако, не въ ея красотѣ, а въ умѣ, въ ея широкомъ образованіи и обширной начитанности. Она вела дѣятельную переписку со своими литературными друзьями и дѣлалась ихъ незамѣтной и непзмѣнной совѣтчицей; надо было имѣть ея особенное умѣнье приспособиться и войти въ интересы каждаго изъ столь разнообразныхъ корреспондентовъ, чтобы быть въ состояніи вліять на пылкаго И. С. Аксакова, дѣлить религіозно-мистическія исканія больного Гоголя, или своими отвлеченными разсужденіями заинтересовать сильный философскій умъ такого холоднаго человѣка, какъ Самаринъ; увлекавшійся ея красотой Хомяковъ сравнивалъ ея душу съ „дымомъ молитвенныхъ кадилъ“ и писалъ: „О, дѣва-роза, для чего ‖ Мнѣ грудь волнуешь ты“... Въ 1831 г. Россетъ вышла замужъ за Н. М. Смирнова (р. 16 Мая 1807 г., † 4 Марта 1870 г.), позднѣе Калужскаго и Петербургскаго губернатора и сенатора, въ то время молодого дипломата-англомана. Въ „салонѣ“ Смирновой собиралось избранное общество, господствовали умственные и культурные интересы, одно направленіе смѣняло другое,—тутъ собирались и славянофилы, и позднѣе дѣятели по освобожденію крестьянъ....

Смирнова вела съ юныхъ лѣтъ дневникъ, въ которомъ особенно любопытны мѣста, характеризующія Николая I въ его отношеніяхъ къ Пушкину, ея сношенія съ поэтомъ и подробно записанные цѣлые разговоры и сцены... Но записки эти не отличаются безпристрастіемъ, почему ими можно пользоваться только съ большой осторожностью; къ тому же онѣ редактированы уже послѣ ея смерти, послѣдовавшей 7 Іюля 1882 г. въ Парижѣ; похоронена она въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ.

„Не высокаго роста брюнетка, съ чудными глазами, очень черными, которые то становились задумчивыми, то вспыхивали огнемъ, то смотрѣли серіозно, почти сурово“, Смирнова „смущала своими глазами, своимъ прямымъ, ироническимъ взглядомъ; у нея были очаровательные черные, со стальнымъ оттѣнкомъ, волосы, у ней было классическое сложеніе статуи, классическій профиль, лебединыя движенія“... Полуфранцуженка по отцу, по словамъ князя Барятинскаго, она „имѣла въ себѣ черты лучшей грузинской крови“. Юлія Строганова (рожд. д'Альмеда) написала такой ея „портретъ“: „Хорошенькая ли она? Не знаю; трудно анализировать это шаловливое личико, полное ума... Миловидная, изящная, граціозная и пикантная: улыбается — ею восторгаются, улыбается — подпадаютъ ея очарованію; каждое ея замѣчаніе носитъ видъ легкой эпиграммы, она воспріимчива и потому иногда не ровна; ея воображеніе — калейдоскопъ; она вкладываетъ умъ во все, даже въ самыя банальныя вещи“...

Но лучше всего характеризовалъ Смирнову Пушкинъ, неоднократно воспѣвавшій ее, „придворныхъ витязей грозу“, и „ея черкесскіе глаза“, и вписавшій ей въ „альбомъ“:

„Въ тревогѣ шестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды голосъ благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло“...

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Е. М. Смирновой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRINE OSSIPOWNA SMIRNOFF, 1809—1882, fille d'un Français, commandant de la place d'Odessa, Joseph Ivanowitch Rosset († 1814), et de Nadejda Ivanowna Lorère (qui épousa le général Arnoldi en secondes noces), descendait de par sa mère des princes Tzitzianoff. A. O. Rosset, „la sirène enchanteresse", „la fille-rose", après avoir fini ses études avec distinction à l'institut Catherine devint la dame d'honneur favorite de l'Impératrice Alexandra Féodorowna; étoile brillante à la Cour, elle jouit des faveurs de l'Empereur Nicolas Ier, et le Grand-Duc Michel Pavlowitch aimait à s'entretenir librement avec cette intelligente et belle personne qui l'amusait, lui grand amateur de jeux de mots, par sa conversation pleine de vivacité et ses fines reparties. L'éducation qu'elle avait reçue à l'institut ne lui laissa aucune trace de sentimentalité, et son esprit naturel, ainsi que ses talents lui permirent de s'intéresser à la littérature aussi bien qu'aux beaux-arts et à la musique. Ayant eu l'occasion d'entrer dans le cercle des hommes de lettres et des poètes, elle se lia avec Joukowsky, Viazemsky, mais surtout avec Pouchkine; plus tard ses amis et adorateurs furent Gogol, I. Axakoff, J. Samarine, tous gens de tendances différentes, très nuancés entre eux et de caractères divers. Le secret de son influence sur tout ce monde n'était pas dans sa beauté; elle en imposait par son esprit, ses connaissances étendues et par le fait qu'elle avait un immense fond de lecture. Elle entretenait une correspondance très suivie avec ses amis en littérature, et sans qu'ils s'en rendissent compte, ses conseils leur devenaient de plus en plus nécessaires. Il fallait posséder son talent remarquable de s'insinuer dans les intérêts de chacun de ses correspondants si différents les uns des autres pour avoir de l'influence sur le fougueux Axakoff, partager les religieuses et mystiques recherches du valétudinaire Gogol ou pour intéresser par des raisonnements abstraits le solide et philosophique esprit d'un homme aussi froid que Samarine. Captivé par sa beauté, Khomiakoff comparait son âme „à l'encens qui monte au ciel pendant la prière", et il écrivait: „Dis-le-moi donc, ô fille-rose, „Pourquoi me troubles-tu si fort?"... En 1831, A. O. Rosset épousa N. M. Smirnoff (né le 16 mai 1807, mort le 4 mars 1870) qui fut dans la suite gouverneur à Kalouga, à St-Pétersbourg, puis sénateur, mais alors jeune diplomate et anglomane. Elle rassembla dans son salon une société choisie qui ne poursuivait d'autre but que la culture intellectuelle, et les tendances se succédaient les unes aux autres. Là se réunirent les slavophiles, puis plus tard les partisans de l'émancipation des serfs...

A. O. Smirnoff dès sa jeunesse tint un journal dans lequel les pages les plus curieuses sont celles où elle caractérise Nicolas Ier dans ses rapports avec Pouchkine, ses propres relations avec le poète et où elle conserve des conversations et des scènes entières rapportées avec une infinité de détails... Cependant ces notes ne sont pas exemptes de partialité, aussi faut-il en user avec la plus grande précaution; elles n'ont du reste été rédigées qu'après sa mort survenue le 7 juillet 1882 à Paris. Elle a été inhumée à Moscou au monastère de Notre-Dame du Don.

„A. O. Smirnoff était une brunette de petite taille, avec des yeux admirables, très noirs et qui tantôt devenaient rêveurs, tantôt se remplissaient de feu ou regardaient sérieusement et même avec quelque rudesse. Elle avait une manière de regarder dans les yeux d'une façon si pénétrante que l'on s'en intimidait. Elle avait de magnifiques cheveux noirs avec des reflets d'acier, le port d'une statue antique, un profil classique, des mouvements de cygne"... A demi Française par son père, selon les paroles du prince Bariatinsky, elle avait en elle „le plus pur des traits du sang géorgien". Julie Stroganoff (née d'Alméda) a défini son „portrait" de la manière suivante: „Est-elle belle? Je ne sais; il est difficile d'analyser ce gai visage plein d'esprit... D'un air avenant, élégante, gracieuse et piquante, si elle sourit, on se sent pris d'enthousiasme pour elle; elle sourit, et l'on tombe sous le charme. Chacune de ses remarques porte le caractère d'une légère épigramme. Elle est très impressionnable, aussi n'est-elle pas toujours égale. Son imagination est un caléidoscope. Elle met de l'esprit partout, même dans les choses les plus banales"...

Mais mieux que tous Pouchkine a caractérisé A. O. Smirnoff; il écrivait dans son album:

„Bien que soumise à la vaine influence
Et de la cour et du monde élégant,
J'ai su m'armer de froide indifférence.
Simple de cœur, esprit indépendant,
La vérité seule a pu me séduire
Et j'étais bonne aussi bien qu'un enfant.
L'inepte foule m'a toujours fait rire,
Je la jugeais sans gêne et sainement"...

(D'après une aquarelle, appartenant à Mme E. Smirnoff, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ СВИСТУНОВЪ, 1770—1815, сынъ тайнаго совѣтника, сенатора, довольно извѣстнаго въ свое время поэта, Петра Семеновича Свистунова (р. 1732 г., † 1808 г.), женатаго на Александрѣ Егоровнѣ Неплюевой, родился 9 Іюля 1770 г.; Свистуновъ съ молодыхъ лѣтъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Павла Петровича и по вступленіи его на престолъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и затѣмъ, 13 Января 1800 г., въ камергеры ко двору Великой Княжны Маріи Павловны. Павелъ I самъ сосваталъ Свистунову невѣсту въ лицѣ фрейлины Маріи Алексѣевны Ржевской, дочери любимой „смольнянки“ Екатерины II, Глафиры Ивановны Ржевской, рожденной Алымовой. „По случаю этой свадьбы“, пишетъ послѣдняя въ своихъ „Запискахъ“, „Императоръ былъ очень въ духѣ, желалъ присутствовать при одѣваніи невѣсты и велѣлъ сдѣлать роскошныя приготовленія. Свадьба должна была происходить въ Павловскѣ; Кутайсовъ и Гагарина были недовольны всѣмъ этимъ. Кутайсовъ замедлилъ прислать въ Царское Село придворные экипажи. Зная, что Императоръ терпѣть не можетъ, чтобы опаздывали, мы сѣли въ свои кареты, но прибыли ко двору 2 часами позднѣе назначеннаго времени и нашли всѣхъ въ тревогѣ. Императрица, будучи въ отчаяніи, всячески старалась скрыть отъ меня причину тревоги. Дѣло было въ томъ, что Императоръ приказалъ отрѣшить отъ должности моего мужа, жениха и его отца“.... Тогда Г. И. Ржевская, мать невѣсты, убѣдила Гагарину написать Павлу записку: „Вѣнчаніе еще не кончилось, когда прибылъ Кутайсовъ, умоляя меня не выражать своего неудовольствія передъ Императоромъ, который успокоился и приглашаетъ меня со всѣмъ семействомъ къ себѣ въ кабинетъ; онъ обошелся съ нами какъ нельзя лучше, осыпавъ насъ любезностями“. Свадьба эта состоялась 30 Мая 1800 года.

Свистуновъ былъ искренно преданъ Павлу I и долго не могъ примириться съ воцареніемъ Александра Павловича: тотчасъ вышелъ въ отставку и только около 1812 г., по убѣжденіямъ своего друга Вязмитинова, поступилъ вновь на службу въ министерство полиціи.

Н. П. Свистуновъ былъ человѣкъ мистически настроенный, масонъ и почитатель Лабзина. По словамъ княжны В. Туркестановой, „le feu m-r Swistounoff voyait beaucoup Labzine et lui attribuait en grande partie le changement qui s'était opéré en lui“; онъ былъ близкимъ другомъ („excellent ami“) послѣдней, и она, узнавъ о кончинѣ Свистунова, писала о своемъ горѣ въ Москву Кристину: „Je perds en lui un homme qui m'a été bien sincèrement attaché et qui avait en moi une confiance sans bornes. Il n'était pas heureux, et souvent j'ai eu le bonheur de lui offrir quelque consolation; de son côté, il m'a été souvent aussi très utile. Ce cher homme était d'une piété exemplaire et sans la moindre bigoterie; enfin, c'était une âme qui correspondait avec la mienne sur bien des points, et toute ma vie je le regretterai par rapport à moi-même“. Свистуновъ поѣхалъ на Кавказскія минеральныя воды лѣчиться и тамъ умеръ отъ лихорадки 16 Августа 1815 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго П. И. Щукину, въ Москвѣ.)

NICOLAS PÉTROWITCH SWISTOUNOFF, 1770—1815, fils du conseiller privé et poète réputé en son temps, Pierre Sémenowitch (1732—1808), et d'Alexandrine Egorowna Néplioueff, sa femme, naquit le 9 juillet 1770. Dès ses jeunes années, Swistounoff fut dans les bonnes grâces de Paul Pétrowitch, qui, à son avènement au trône, le fit conseiller d'Etat actuel. Il le nomma plus tard, le 13 janvier 1800, chambellan de la cour de la Grande-Duchesse Marie Pavlowna. Paul Ier lui-même lui trouva une fiancée en la personne de la demoiselle d'honneur, Marie Alexéewna Rjewski, fille de l'élève de Smolny, Glaphira Ivanowna Rjewski, née Alimoff, qui fut la favorite de Catherine II.

„Le jour de cette noce", écrit-elle dans ses mémoires, „l'Empereur était de fort bonne humeur, il voulut assister à la toilette de la fiancée et fit de luxueux préparatifs. Le mariage devait avoir lieu à Pavlowsk; Koutaïssoff et Mme Gagarine en furent mécontents. Koutaïssoff tarda à envoyer les équipages de la cour à Tzarskoé Sélo. Sachant que l'Empereur ne pouvait souffrir qu'on fût en retard, nous prîmes nos voitures et arrivâmes à la cour deux heures après l'heure fixée et nous trouvâmes tout le monde inquiet. L'Impératrice, qui était au désespoir, s'efforçait néanmoins de me cacher la cause de son trouble. Il paraît que l'Empereur avait ordonné de démettre de leurs fonctions mon mari, le fiancé et son père". Alors madame Rjewski, mère de la fiancée, persuada Gagarine d'écrire à Paul. „La bénédiction nuptiale n'était pas terminée que Koutaïssoff arriva et me supplia de ne pas exprimer mon mécontentement devant l'Empereur, qui s'était calmé et m'appelait avec toute ma famille dans son cabinet; il nous reçut le mieux du monde et nous combla d'amabilités". La noce eut lieu le 30 mai 1800.

Swistounoff fut sincèrement dévoué à Paul Ier et longtemps il ne put se résigner à l'avènement d'Alexandre Pavlowitch. Il prit à l'instant sa retraite, et ce ne fut qu'en 1812, sur les instances de son ami Viazmitinoff, qu'il rentra au service dans le ministère de la police.

N. P. Swistounoff était un homme à tendances mystiques, il était franc-maçon et admirateur de Labzine. D'après la princesse B Tourkestanoff, „le feu m-r Swistounoff voyait beaucoup Labzine et lui attribuait en grande partie le changement qui s'était opéré en lui"; il était „excellent ami" de la princesse et, quand cette dernière apprit la mort de Swistounoff, elle écrivit son chagrin à Kristine à Moscou: „Je perds en lui un homme qui m'a été bien sincèrement attaché et qui avait en moi une confiance sans bornes. Il n'était pas heureux, et souvent j'ai eu le bonheur de lui offrir quelque consolation; de son côté, il m'a été souvent aussi très utile. Ce cher homme était d'une piété exemplaire et sans la moindre bigoterie; enfin, c'était une âme qui correspondait avec la mienne sur bien des points, et toute ma vie je le regretterai par rapport à moi-même". Swistounoff était allé se soigner aux eaux minérales du Caucase et y mourut de fièvre le 16 août 1815.

(D'après une aquarelle, appartenant à P. Chtchoukine, Moscou.)

78

79

80

81

(D'après une aquarelle appartenant à P. Chtchoukine, Moscou.)

78

Николай Петровичъ Свистуновъ.

Николай Петровичъ Свистуновъ
Nicolas Pétrowitch Svistounoff,
1770 — 1815

79

Марія Алексѣевна Свистунова.

Марія Алексѣевна Свистунова
Marie Alexéewna Svistounoff,
1778 — 1866

80

Пис. О. Кипренскій — Peint par O. Kiprensky

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ
Constantin Nikolaewitch Batiouchkoff,
1787 — 1855

81

Пис. А. Брюлловъ. Peint par A. Brulloff

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій
Alexis Alexéewitch Pérowsky,
1787 — 1836

79

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА СВИСТУНОВА, 1778—1866, дочь писателя и поэта сенатора Алексѣя Андреевича Ржевскаго (см. т. II, № 192) отъ второго его брака съ Глафирой Ивановной Алымовой (см. т. II, № 185), въ царствованіе Павла I была пожалована во фрейлины, а 30 Мая 1800 г. вышла замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера Николая Петровича Свистунова.

Отъ этого брака у ней было 2 сына и 4 дочери: Петръ (р. 1803 г., † 1889 г.; декабристъ, женатъ въ Сибири на Татьянѣ Степановнѣ Неугодниковой), Алексѣй (р. 1808 г., † 1872 г.; дѣйствительный тайный совѣтникъ, женатъ на графинѣ Н. Л. Соллогубъ), Глафира (за генераломъ графомъ Ал. Ант. де-Бальменъ, русскимъ комиссаромъ при Наполеонѣ, на островѣ св. Елены, въ 1816—1821 гг.), Александра (р. 1802 г., † 1891 г.; за барономъ Людвигомъ Гальзъ-де-Мальвирадъ), Аглая и Варвара.

Воспитаніе дѣтей было всецѣло въ рукахъ матери, склонной къ мистицизму, которая отдала сыновей въ іезуитскій пансіонъ, а дочерямъ старалась привить взгляды въ духѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій. Михайловскій-Данилевскій называетъ Свистунову „извѣстной богомолкой“, что не мѣшало ей, однако, устраивать танцовальные вечера въ великій постъ, что очень смущало въ то время высшую Петербургскую администрацію. Несомнѣнно она принадлежала къ немалому числу тѣхъ русскихъ женщинъ этой эпохи, которыя въ страстныхъ поискахъ истины, или слѣдуя модѣ, незамѣтно для себя, попадали въ руки іезуитовъ и разныхъ патеровъ и переходили въ лоно католической церкви.

М. А. Свистунова по смерти мужа († 1815 г.) перешла въ католичество, а послѣ ссылки старшаго сына въ 1826 г. въ каторгу, навсегда удалилась за границу и умерла въ Парижѣ, въ монастырѣ „du St-Cœur de Marie“, 1 Сентября 1866 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго П. И. Щукину, въ Москвѣ.)

79

MARIE ALEXÉEWNA SWISTOUNOFF, 1778 — 1866, fille de l'écrivain, poète et sénateur Alexis Andréewitch Rjewsky (v. T. II, № 192) et de Glaphira Ivanowna Alimoff qu'il avait épousée en secondes noces (v. T. II, № 185), devint demoiselle d'honneur sous le règne de Paul Ier et épousa, le 30 mai 1800, le conseiller d'Etat actuel et chambellan Nicolas Pétrowitch Swistounoff.

Il eut de ce mariage deux fils et quatre filles: Pierre (né en 1803, † en 1889; décabriste, exilé en Sibérie, où il épousa Tatiana Stépanowna Néougodnikoff), Alexis (1808—1872; conseiller privé actuel, marié à la comtesse N. Solohoub), Glaphira (femme du général, comte A. de-Balmain, commissaire russe auprès de Napoléon à Ste-Hélène, 1816—1821), Alexandrine (1802—1891; femme du baron Galz-de-Malvirade), Aglaé et Barbe.

L'éducation des enfants a été faite exclusivement par la mère, portée au mysticisme. Elle mit ses fils dans un pensionnat de Jésuites et tâcha d'inculquer à ses filles ses croyances religieuses. Mikhaïlowski-Danilewski l'appelle la „célèbre dévote"; cela ne l'empêcha pas pourtant de donner pendant le grand carême une soirée dansante, qui déconcerta la haute administration saint-pétersbourgeoise. Elle appartenait certainement au grand nombre des dames russes de cette époque, qui, recherchant passionnément la vérité ou suivant la mode, tombèrent, sans s'en apercevoir, entre les mains des Jésuites et de différents pères et entrèrent dans le giron de l'église catholique.

Mme Swistounoff, après la mort de son mari (1815), embrassa le catholicisme et s'établit complètement à l'étranger, quand son fils aîné fut condamné en 1826 aux travaux forcés. Elle mourut à Paris dans le couvent du St-Cœur de Marie le 1 septembre 1866.

(D'après une aquarelle, appartenant à P. Chtchoukine, Moscou.)

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ, 1787 — 1855, сынъ Николая Львовича Батюшкова († 1817 г.) отъ перваго брака его съ Александрой Григорьевной Бердяевой († 1795 г., въ сумасшествіи), родился въ Вологдѣ 18 Мая 1787 г.; побывавъ въ двухъ Петербургскихъ пансіонахъ, онъ въ 1802 г. поселился у своихъ родственниковъ М. Н. и Е. Ф. Муравьевыхъ, въ лицѣ коихъ нашелъ себѣ и образованнаго, просвѣщеннаго руководителя, и вторую мать, окружившую его нѣжною заботливостью. Въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, гдѣ онъ началъ службу, и въ домѣ Муравьевыхъ онъ встрѣчался съ цѣлымъ рядомъ писателей; къ этому же времени относятся и первые опыты юнаго поэта, литературныя симпатіи котораго уже тогда опредѣлились: онъ вошелъ въ кругъ писателей—сторонниковъ и почитателей Карамзина. Въ 1807 г. Батюшковъ поступилъ въ милицію и отправился въ заграничный походъ, принялъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, подъ Гейльсбергомъ былъ раненъ и лѣчился въ Ригѣ, а затѣмъ, переведенный въ лб.-гв. Егерскій полкъ, былъ во многихъ дѣлахъ въ Финляндіи; въ 1809 г. онъ жилъ въ Петербургѣ и въ своей Новгородской деревнѣ Хантоновѣ, гдѣ проводилъ время въ чтеніи и усиленныхъ литературныхъ занятіяхъ; въ 1810 г., въ Москвѣ, познакомился съ Карамзинымъ и сошелся съ Жуковскимъ и другими писателями, а въ Апрѣлѣ 1812 г. поступилъ подъ начальство А. Н. Оленина въ Публичную библіотеку, гдѣ пріобрѣлъ много новыхъ литературныхъ знакомствъ. Укрывшись, по взятіи Москвы, въ Нижнемъ, Батюшковъ опредѣлился затѣмъ адъютантомъ къ А. Н. Бахметеву, а потомъ—къ Раевскому и былъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и другихъ дѣлахъ до взятія Парижа включительно. Переведенный штабсъ-капитаномъ въ Измайловскій полкъ, онъ черезъ Англію и Швецію вернулся (1814 г.) въ Петербургъ, затѣмъ жилъ въ деревнѣ, въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ выпустилъ (1817 г.) свои „Опыты въ стихахъ и прозѣ“, снова опредѣлился въ Библіотеку и сталъ посѣтителемъ собраній „Арзамаса“, въ который былъ принятъ, съ прозвищемъ „Ахилла“, еще въ 1815 году; здѣсь онъ близко познакомился съ Пушкинымъ. Задумавъ перейти на дипломатическую службу, Батюшковъ обратился съ просьбою къ Александру I, а самъ, въ серединѣ 1818 г., отправился на югъ, въ Одессу и Крымъ; назначенный въ Неаполитанскую миссію, онъ въ Февралѣ 1819 г. прибылъ туда, посѣтивъ по дорогѣ Римъ, куда вскорѣ и совсѣмъ переѣхалъ, причисленный къ тамошней миссіи. Уже съ зачатками тяжелаго душевнаго недуга, онъ вскорѣ былъ уволенъ (въ Маѣ 1821 г.) для лѣченія въ безсрочный отпускъ. Теплицъ, Дрезденъ, Симферополь, Петербургъ, Зонненштейнъ, Москва и, наконецъ, Вологда—вотъ этапы дальнѣйшей страдальческой жизни поэта; постепенно теряя первоначальную остроту, его душевная болѣзнь приняла безнадежный характеръ, и лишь въ послѣдніе годы жизни Батюшковъ проявлялъ проблески сознанія. Земныя страданія его окончились 7 Іюля 1855 г.; погребенъ онъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, близъ Вологды.

Русская литература лишилась Батюшкова въ пору полнаго развитія его поэтическихъ дарованій, которыя позволяли ожидать отъ него еще многаго; несмотря на это, произведенія его самобытнаго таланта даютъ ему право на первостепенное мѣсто въ ряду нашихъ поэтовъ. Стремленіе оставить избитый путь стараго піитическаго искусства и пойти по новой—своей—дорогѣ, почерпая матеріалъ для созданій во внутреннемъ своемъ настроеніи, замѣтно уже въ первыхъ опытахъ поэта. Стихотворенія Батюшкова, то жизнерадостныя и шаловливыя, то меланхолическія, проникнутыя разочарованіемъ, тоской по несбывшимся мечтамъ, являются отраженіемъ движеній его души и сердца, всегда искренни и непосредственны. Кромѣ этихъ внутреннихъ достоинствъ, его произведенія оставили крупный слѣдъ въ исторіи развитія нашего стихотворнаго языка, придавъ ему гибкость, упругость, правильность и чистоту, красоту и гармоничность; труды Батюшкова въ значительной мѣрѣ подготовили дорогу Пушкину.

У Батюшкова было четыре родныхъ сестры: Александра (умершая дѣвицей), Анна, бывшая за Абр. Ил. Гревенсъ, Елизавета—за П. А. Шиповымъ, и Варвара—за Арк. Ап. Соколовымъ; отъ второго брака отца, съ Авдотьей Николаевной Теглевой, онъ имѣлъ брата Помпея (р. 1811 г., † 1890 г.; дѣйств. тайн. сов.), женатаго на С. Н. Кривцовой († 1901 г.), издавшаго въ 1885—1887 гг. собраніе сочиненій нашего поэта, и сестру Юлію, фрейлину, вышедшую за генералъ-адъютанта Н. В. Зиновьева (р. 1801 г., † 1882 г.) и умершую 6 Ноября 1869 г.

(Съ портрета О. Кипренскаго; собственность барона П. Е. Врангеля, въ С.-Петербургѣ.)

CONSTANTIN NIKOLAEWITCH BATIOUCHKOFF, 1787—1855, fils de Nicolas Lvowitch Batiouchkoff († en 1817), de son premier mariage avec Alexandra Grigoriewna Berdiaeff († en 1795, en état de démence), naquit à Vologda le 18 mai 1787; après avoir séjourné dans deux pensionnats de Pétersbourg, il s'établit en 1802 chez ses parents M. N. et E. F. Mouravieff, en la personne desquels il trouva, d'un côté, un guide instruit et éclairé, de l'autre, une seconde mère qui l'entoura de tendres soins. Dans le département de l'Instruction publique, où il commença son service, et dans la maison Mouravieff, il rencontrait tout un monde d'écrivains; c'est à cette époque que se rapportent les premiers essais du jeune poète, dont les sympathies littéraires étaient déjà fixées: il fit partie d'un cercle d'écrivains, tous partisans et admirateurs de Karamzine. En 1807, Batiouchkoff s'engagea dans la milice et partit pour une campagne à l'étranger, prit part à plusieurs combats, fut blessé à Heilsberg et se soigna à Riga; ensuite, transféré dans le régiment des chasseurs de la garde, assista à beaucoup d'affaires en Finlande; en 1809, il demeura à Pétersbourg et dans son village de Khantonoff (gouv. de Novgorod) où il passait son temps à lire et à s'occuper assidûment de littérature; en 1810, à Moscou, il fit la connaissance de Karamzine et se lia avec Joukowsky et d'autres écrivains et, en avril 1812, entra à la Bibliothèque publique sous les ordres de A. N. Olénine, où il fit de nouvelles connaissances littéraires. S'étant réfugié à Nijni, après la prise de Moscou, Batiouchkoff devint aide de camp de A. N. Bakhméteff, puis de Raewsky, prit part à la bataille de Leipzig et à d'autres affaires, jusqu'à la prise de Paris inclusivement. Transféré comme capitaine en second au régiment d'Izmaïloff, il revint à Pétersbourg par l'Angleterre et la Suède (1814), vécut ensuite à la campagne, à Kamenetz-Podolsky, à Moscou et à Pétersbourg, où il publia (en 1817) ses „Essais en vers et en prose", entra de nouveau à la Bibliothèque et devint un des habitués des assemblées de „l'Arzamas" où il fut admis avec le surnom „d'Achille" déjà en 1815; il s'y lia étroitement avec Pouchkine. Ayant résolu de changer de service pour la diplomatie, Batiouchkoff adressa une requête à Alexandre Ier et partit, lui-même, au milieu de 1818 pour le sud, à Odessa et en Crimée; nommé à la légation de Naples, il y arriva en février 1819 après avoir visité en chemin Rome où il se fixa bientôt tout à fait, en qualité d'attaché à notre légation. Ayant déjà en lui les germes d'une grave infirmité intellectuelle, il fut bientôt mis à la retraite (en mai 1821) avec congé illimité pour se soigner. Tœplitz, Dresde, Simphéropol, Pétersbourg, Sonnenstein, Moscou et enfin Vologda—voilà les étapes de la vie ultérieure douloureuse du poète; perdant peu à peu sa première acuité, sa maladie intellectuelle prit un caractère désespéré et ce n'est que dans les dernières années de sa vie que Batiouchkoff manifesta quelques lueurs de lucidité. Ses souffrances terrestres se terminèrent le 7 juillet 1855; il est inhumé dans le couvent de Spasso-Priloutzky, près Vologda.

Les lettres russes ont perdu Batiouchkoff à l'époque du plein épanouissement de ses dons poétiques qui promettaient encore beaucoup; malgré cela, les productions de son talent original lui donnent le droit d'occuper une place prépondérante dans le rang de nos poètes. Les tentatives d'abandonner le chemin battu du vieil art poétique et d'en suivre un nouveau—le sien, en puisant la matière de ses productions dans son for intérieur, se font déjà sentir dans les premiers essais du poète. Les poésies de Batiouchkoff, tantôt pleines de vie et folâtres, tantôt mélancoliques, pénétrées de déceptions, d'aspirations vers d'irréalisables rêves, sont la réflexion des mouvements de son âme et de son cœur, toujours sincères et naturels. Outre ces qualités intérieures, ses productions ont laissé une grande trace dans l'histoire du développement de notre langue poétique en lui donnant de la souplesse, de l'élasticité, de la régularité et de la pureté, de la beauté et de l'harmonie; les travaux de Batiouchkoff ont préparé dans une mesure considérable le chemin de Pouchkine.

Batiouchkoff a eu quatre sœurs germaines: Alexandra (morte non mariée); Anna, mariée à Abr. Il. Grevens; Elisabeth—à P. A. Chipiloff, et Varvara—à Arc. Sokoloff; du second mariage de son père avec Avdotia Nikolaewna Tegleff, il eut un frère—Pompée (né en 1811, † en 1890; conseill. pr. act.) qui épousa S. N. Krivtzoff († en 1901) et qui publia en 1885—1887 un recueil des œuvres de notre poète—et une sœur, Julie, demoiselle d'honneur, qui épousa l'aide de camp général Zinovief (né en 1801, † en 1882) et mourut le 6 novembre 1869.

(D'après l'original de Kiprensky; propriété du baron N. Wrangel, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЕРОВСКІЙ, 1789—1836, старшій сынъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго отъ дочери берейтора графа, Маріи Михайловны Соболевской, фамилію свою получилъ отъ подмосковнаго села Перова. Прекрасно подготовленный дома, онъ въ 1805 г. поступилъ въ Московскій университетъ и въ 1807 г., по прочтеніи трехъ пробныхъ лекцій по предметамъ естественныхъ наукъ, получилъ высшую ученую степень—доктора философіи и словесныхъ наукъ. Служа (съ 1808 г.) въ 6 Московскомъ департаментѣ Сената, Перовскій сблизился съ Жуковскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, вступилъ въ Общества—Испытателей природы, Исторіи и древностей Россійскихъ и Любителей Россійской словесности, а также познакомился съ кружкомъ масоновъ. Въ 1812 г. онъ опредѣлился секретаремъ министра Финансовъ по Департаменту Внѣшней торговли, но уже въ Іюлѣ этого года зачислился штабсъ-ротмистромъ въ 3-й Украинскій полкъ, принялъ участіе во многихъ дѣлахъ съ французами, состоялъ адъютантомъ у князя Н. Г. Репнина и прожилъ при немъ около двухъ лѣтъ въ Дрезденѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ 1816 г., онъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Департаментъ Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ; чрезъ послѣдняго онъ расширилъ кругъ своихъ литературныхъ знакомствъ, а по смерти отца († 1822 г.), любившаго его болѣе другихъ дѣтей, вышелъ въ отставку и поселился въ полученномъ по наслѣдству с. Погорѣльцахъ (Сосницкаго уѣзда, Черниговской губ.), гдѣ проводилъ время въ чтеніи (къ нему перешла Петербургская библіотека графа Разумовскаго), въ литературныхъ и хозяйственныхъ занятіяхъ и заботахъ о воспитаніи сына его сестры Анны Алексѣевны († 1857 г.) отъ несчастнаго брака ея (съ 1816 г.) съ графомъ Константиномъ Петровичемъ Толстымъ (р. 1779 г., † 1870 г.), впослѣдствіи извѣстнаго поэта графа А. К. Толстого (р. 24 Августа 1817 г.). Въ 1825 г., подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго, онъ выступилъ въ печати съ фантастическою повѣстью: „Лафертовская маковница“, вызвавшею восторженный отзывъ Пушкина. Въ Мартѣ того же года Перовскій обратился къ Александру I съ просьбою о назначеніи его попечителемъ Харьковскаго Учебнаго округа; желаніе его было удовлетворено (3 Мая); кромѣ того, въ 1826 г., произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ членомъ Комитета по устройству учебныхъ заведеній, а затѣмъ и предсѣдателемъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Рѣдко бывая въ Харьковѣ, онъ не проявилъ особенной заботливости къ дѣламъ университета, но успѣлъ своими распоряженіями упразднить въ немъ выборное начало и тѣмъ возбудить противъ себя неудовольствіе части профессоровъ. Онъ жилъ за границей, въ Петербургѣ и въ Погорѣльцахъ и вскорѣ (20 Марта 1830 г.) вышелъ въ отставку. Въ 1828 г. онъ выпустилъ, также подъ псевдонимомъ, сборникъ фантастическихъ разсказовъ подъ заглавіемъ: „Двойникъ, или мои вечера въ Малороссіи“, а въ 1829 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и издалъ свою извѣстную и до сихъ поръ читаемую сказку: „Черная курица, или подземные жители“, написанную для графа А. К. Толстого; затѣмъ онъ сотрудничалъ въ журналѣ „Бабочка“ и въ „Литературной Газетѣ“ барона Дельвига и Пушкина, съ коимъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ; здѣсь появилось начало извѣстнаго его романа „Монастырка“, вызвавшаго вскорѣ столько споровъ между романтиками и ихъ противниками. Оставивъ, затѣмъ, литературное поприще, Перовскій, всей душой привязавшійся къ сыну молодой красавицы сестры, жившей тогда недалеко отъ Погорѣлицъ, въ б. имѣніи гетмана, с. Красномъ Рогѣ, замѣнилъ Толстому отца и всецѣло посвятилъ себя его воспитанію; вмѣстѣ съ нимъ и его матерью онъ много путешествовалъ по Россіи и за границей, при чемъ связи и большія средства повсюду открывали имъ двери: въ Веймарѣ ихъ принималъ герцогъ и самъ Гете, всюду они останавливались, разыскивали знакомыхъ, посѣщали художниковъ, дѣлали большія покупки произведеній искусства. Съ 1827 г. такія заграничныя поѣздки повторялись почти ежегодно. Въ 1834 г. Перовскій жилъ съ сестрой въ Москвѣ, братья Брюлловы, его друзья, писали портреты его и всей семьи, при чемъ закутившій Карлъ Брюлловъ такъ и не написалъ портрета графини Анны Алексѣевны. Отправившись въ Ниццу для лѣченія грудной жабы, Перовскій умеръ въ Варшавѣ 9 Іюля 1836 г., завѣщавъ все состояніе своему Алешѣ, на рукахъ котораго онъ скончался, и который унаслѣдовалъ отъ него и его недюжинныя литературныя дарованія и внѣшнее сходство. По отзывамъ знавшихъ его и судя по портретамъ, Перовскій чертами своего лица напоминалъ Байрона, а хромота на одну ногу еще увеличивала это наружное сходство.

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; собственность В. Л. Гарязиной, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS ALEXÉEWITCH PÉROWSKY, 1789—1836, fils aîné du comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky et de la fille du piqueur du comte, Marie Mikhaïlowna Sobolevsky, tire sa famille de Pérovo, village près de Moscou. Très bien préparé à la maison, il entra à l'université de Moscou en 1805 et, en 1807, après avoir soutenu trois thèses en sciences naturelles, reçut le plus haut grade universitaire: celui de docteur en philosophie et ès lettres. Servant (à partir de 1808) au 6e département du Sénat de Moscou, Pérowsky se lia avec Joukowsky, avec le prince P. A. Viazemsky, entra dans les sociétés „des Naturalistes, d'Histoire et d'antiquités russes, des Amis des lettres russes", et fit aussi connaissance d'un cercle de maçons. Il entra, en 1812, en qualité de secrétaire du ministre des Finances au Département du Commerce extérieur, mais déjà au mois de juillet de la même année, s'engagea comme capitaine en second dans le 3e régiment d'Ukraine, prit part à beaucoup d'affaires contre les Français, fut aide de camp du prince N. G. Repnine et vécut près de deux ans, auprès de lui, à Dresde. De retour à St-Pétersbourg, en 1816, il entra comme employé pour missions spéciales au Département des Cultes des confessions étrangères dont le directeur était A. I. Tourguéneff; par l'entremise de celui-ci, le cercle de ses connaissances littéraires s'accrut et, après la mort de son père († en 1822) qui l'aimait plus que ses autres enfants, il donna sa démission et s'établit à Pogoreltzy (gouvernement de Tchernigoff, district de Sosnitzky), village dont il avait hérité, où il passait son temps à lire (la bibliothèque de Pétersbourg du comte Razoumowsky lui était échue), à s'occuper de littérature et d'économie rurale et à s'appliquer à l'éducation du fils de sa sœur Anna Alexéewna († en 1857) de son malheureux mariage (en 1816) avec le comte Constantin Pétrowitch Tolstoï (né en 1779, † en 1870), dans la suite le célèbre poète comte A. C. Tolstoï (né le 24 août 1817). En 1825, il débuta, sous le pseudonyme d'Antoine Pogorelsky, par une nouvelle fantastique „La „Makownitza" de Lafertoff" (Vendeuse de pains de graines de pavots) qui mérita l'éloge enthousiaste de Pouchkine. Au mois de mars de la même année, Pérowsky demanda à Alexandre Ier de le nommer curateur de l'arrondissement scolaire de Kharkoff; son désir fut accompli (le 3 mai); de plus, en 1826, promu conseiller d'état actuel, il fut nommé membre du Comité d'organisation des établissements d'instruction publique, puis directeur du Comité d'examen des livres classiques. N'étant que rarement à Kharkoff, il ne fit pas preuve d'une grande sollicitude pour les affaires de l'université, mais réussit, par ses mesures, à en bannir le droit électoral et par cela souleva contre lui le mécontentement d'une partie des professeurs. Il vécut à l'étranger, à Pétersbourg et à Pogoreltzy, puis bientôt (le 20 mars 1830) démissionna. En 1828, il publia, toujours sous son pseudonyme, un recueil de contes fantastiques sous le titre: „Le Sosie ou mes soirées en Petite-Russie", et en 1829 fut élu membre de l'Académie de Russie et édita son célèbre conte, qui se lit encore maintenant „La Poule noire ou Les habitants souterrains", écrite pour le comte A. C. Tolstoï; ensuite, il collabora au journal „Le Papillon" et à la „Gazette littéraire" du baron Delwig et de Pouchkine avec lesquels il entretenait des relations amicales; c'est là que parut le commencement de son célèbre roman „La Recluse" qui provoqua bientôt tant de discussions entre les romantiques et leurs adversaires. Quittant ensuite la carrière littéraire, Pérowsky, qui s'était attaché de toute son âme au fils de sa jeune et belle sœur, qui vivait alors non loin de Pogoreltzy, dans la ci-devant propriété du hetman la Corne Rouge, tint lieu de père à Tolstoï et se consacra entièrement à son éducation; il voyagea beaucoup, avec lui et avec sa mère, en Russie et à l'étranger; ses liaisons et ses grands moyens faisaient ouvrir, en cette occasion, les portes toutes grandes devant eux: à Weimar, ils furent reçus par le duc et par Gœthe lui-même; ils s'arrêtaient partout, nouant des liaisons, visitant les artistes et faisant de grands achats d'œuvres artistiques. A dater de 1827, ces voyages à l'étranger se répètent presque annuellement. En 1834, lorsque Pérowsky vivait avec sa sœur à Moscou, les frères Brulloff, ses amis, peignant son portrait et ceux de toute la famille, il arriva que Charles Brulloff qui menait joyeuse vie omit de faire le portrait de la comtesse Anna Alexéewna. Après s'être rendu à Nice pour y traiter une angine de poitrine, Pérowsky mourut à Varsovie le 9 juillet 1836 en léguant toute sa fortune à son „petit Alexis" entre les bras duquel il expira et qui hérita aussi de son talent exceptionnel et de sa ressemblance extérieure. D'après les témoignages de ceux qui le connaissaient, et si l'on en juge par son portrait, Pérowsky, par les traits de son visage, rappelait Byron; il boitait d'un pied, ce qui augmentait encore cette ressemblance extérieure.

(D'après l'aquarelle d'A. Brulloff, appartenant à Mme V. Gariazine, St-Pétersbourg.)

82

ВАРВАРА ДМИТРІЕВНА МУХАНОВА, 1774—1845, кавалерственная дама ордена св. Екатерины меньшаго креста (съ 18 Апрѣля 1809 г.), статсъ-дама (съ 7 Ноября 1831 г.), дочь полковника Дмитрія Романовича Тургенева, женатаго на Аннѣ Федоровнѣ Ушаковой, родилась 19 Февраля 1774 г.; въ замужествѣ была за оберъ-шталмейстеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Ильичемъ Мухановымъ (р. 1762 г., † 1842 г.), отъ котораго имѣла 4 дочерей: Марію (р. 1803 г.), Анну (р. 1804 г.), Елизавету (р. 1806 г.) и Екатерину (р. 1809 г.). Дочери ея были фрейлинами и замужъ не вышли. Онѣ отличались благочестіемъ, пользовались расположеніемъ и покровительствомъ митрополита Филарета и были почитательницами намѣстника Троицкой Сергіевой лавры архимандрита Антонія. Старшая изъ дочерей, Марія, оставила „записки“ („Русскій Архивъ“, 1878 г., и отдѣльно), въ которыхъ много говоритъ о своемъ отцѣ и его семействѣ.

В. Д. Муханова скончалась 13 Іюля 1845 г. и погребена въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

82

VARVARA DMITRIEWNA MOUKHANOFF, 1774—1845, dame chevalière de l'ordre de Ste-Catherine (à partir du 18 avril 1809), dame de la cour (à partir du 7 novembre 1831), fille du colonel Dmitri Romanowitch Tourguéneff, marié à Anna Féodorowna Ouchakoff, est née le 19 février 1774; elle épousa le grand écuyer, conseiller privé actuel, Serge Ilyitch Moukhanoff (né en 1762, † en 1842) dont elle eut quatre filles: Marie (née en 1803), Anne (née en 1804), Elisabeth (née en 1806) et Catherine (née en 1809). Ses filles furent demoiselles d'honneur et ne se marièrent pas. Elles se distinguaient par leur piété, jouissaient de la bienveillance et de la protection du métropolite Philarète et étaient admiratrices du vicaire général de l'abbaye de la Trinité et de St-Serge, l'archimandrite Antoine. Marie, l'aînée des filles, a laissé des „Mémoires" („Archives russes" 1878 et séparément) dans lesquels elle parle beaucoup de son père et de sa famille.

V. D. Moukhanoff expira le 13 juillet 1845 et est inhumée dans l'abbaye de la Trinité et de St-Serge.

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff; propriété du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис. П. Соколовъ — Peint par P. Sokoloff

Варвара Дмитріевна Муханова, *1774 — 1845*

Varvara Dmitriewna Moukhanoff, *1774 — 1845*

Пис. П. Соколовъ — Peint par P. Sokoloff

Серпый Ильичъ Мухановъ, *1762 — 1842*

Serge Ilyitch Moukhanoff, *1762 — 1842*

СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ МУХАНОВЪ, 1762—1842, сынъ полковника Конной гвардіи Ильи Ипатовича, женатаго на Прасковіи Федоровнѣ Сафоновой, родился 27 Іюня 1762 г.; началъ службу въ Преображенскомъ полку, откуда переведенъ былъ въ 1781 г. въ Конную гвардію вахмистромъ; 3 года спустя, произведенъ въ корнеты; 15 Ноября 1792 г. произведенъ въ ротмистры, а 15 Ноября 1796 г.—въ полковники. Отставленный отъ службы въ Мартѣ 1798 г., въ Августѣ онъ вновь былъ вызванъ въ Петербургъ, пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ въ должность шталмейстера, а черезъ мѣсяцъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Изгнанный со службы, благодаря наговорамъ Константина Павловича, Мухановъ былъ принятъ ко двору по личному желанію Государя: „Въ $2^1/_2$ года своей службы въ царствованіе Павла“, пишетъ дочь Муханова, „отецъ не видалъ отъ Государя косого взгляда, дѣлалъ все, что хотѣлъ, одѣвался, какъ Государь не любилъ, и не слыхалъ никакого упрека; напротивъ, Государь говаривалъ, что онъ никому не вѣритъ, кромѣ двухъ Сергѣевъ—своему духовнику и моему отцу“. Впрочемъ, надо прибавить, что Мухановъ умѣлъ ладить съ Кутайсовымъ, Великій Князь Александръ самъ записывалъ въ немъ, а Императрица Марія Ѳеодоровна питала къ нему полное довѣріе и особенное расположеніе, которыя сохранила къ Муханову до самой своей кончины. Послѣдній, въ свою очередь, боготворилъ и почиталъ Императрицу, находился съ ней въ перепискѣ, помогалъ ей въ управленіи ея учрежденіями и часто исполнялъ ея личныя порученія по части благотворительности. На Великихъ Князей и Княженъ онъ смотрѣлъ, какъ на дѣтей, выросшихъ на его глазахъ, но не любилъ Константина Павловича за его необузданный нравъ и однажды былъ глубоко обиженъ Великой Княгиней Екатериной Павловной, которая его приняла въ залѣ, на общемъ пріемѣ, и заговорила съ нимъ на французскомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ. Въ 1808 г., 26 Апрѣля, Мухановъ былъ пожалованъ въ обръ-шталмейстеры, въ 1809 г. получилъ Александровскую звѣзду, а въ 1813 г.—орденъ св. Владиміра 2 ст.; состоя въ этой должности, онъ много заботился объ улучшеніи въ Россіи породъ кровныхъ лошадей. Въ коронацію Императора Николая I Мухановъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Разныя интриги дважды заставляли его временно удаляться отъ двора: въ 1820 г. и въ 1829 г. онъ находился въ безсрочномъ отпуску для лѣченія болѣзни, при чемъ въ послѣдній разъ Муханову былъ пожалованъ сверхъ жалованья пенсіонъ въ 15/т. рублей.

С. И. Мухановъ скончался, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 20 Марта 1842 г., почти 80 лѣтъ, и погребенъ въ Троицкой лаврѣ; онъ былъ женатъ на Варварѣ Дмитріевнѣ Тургеневой, отъ которой имѣлъ 4-хъ дочерей.

„Росту онъ былъ большого и съ самой пріятной наружностью: имѣлъ глаза каріе, кроткіе и ласковые, характеръ ровный и чрезвычайно привѣтливый, носъ неправильный; въ семействѣ онъ былъ настоящимъ ангеломъ и другомъ своихъ дѣтей; онъ былъ очень богомоленъ; къ музыкѣ онъ не имѣлъ склонности, но любилъ садоводство; одѣвался онъ всегда очень аккуратно, такъ что племянники совѣстились бывать у него въ сюртукахъ, потому что онъ самъ ходилъ во фракѣ. Друзей онъ имѣлъ много, въ немъ было что-то привлекательное“; подчиненные и слуги его любили, но его прямота и рѣзкій языкъ не всѣмъ бывали пріятны. Онъ не любилъ Аракчеева и не скрывалъ этого даже предъ Александромъ, также мало былъ онъ расположенъ и къ другому близкому къ Государю лицу, къ князю П. М. Волконскому, котораго подозрѣвалъ въ интригахъ противъ себя. Когда послѣдній сказалъ ему: „Вы не сѣтуйте на меня, С. И., я исполняю только волю Государя“, Мухановъ отвѣтилъ: „Конечно, всякую волю царскую мы обязаны исполнять; даже если бы Государь сказалъ мнѣ: Повѣсь П. М. Волконскаго на осинѣ, я сейчасъ бы это исполнилъ“. Привыкнувъ держать себя „не подобострастно, но съ достоинствомъ, привязанный всѣмъ сердцемъ къ царскому семейству“, Мухановъ смѣло, хотя временами и рѣзко, говорилъ и Александру I, и Николаю I, и Великимъ Князьямъ Константину и Михаилу, и даже самой обожаемой имъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SERGE ILYITCH MOUKHANOFF, 1762—1842, fils du colonel de la Garde à cheval Elie Ipatowitch, marié à Prascovie Féodorowna Saphonoff, est né le 27 juin 1762; il commença son service au régiment de Préobragensky, d'où, en 1781, il passa dans la Garde à cheval avec le grade de maréchal des logis; 3 ans plus tard, fut promu cornette; le 15 novembre 1792 promu capitaine de cavalerie et le 15 novembre 1796 colonel. Mis en disponibilité en mars 1798, il fut rappelé à Pétersbourg au mois d'août, nommé conseiller d'état et commis à la charge d'écuyer et au bout d'un mois promu conseiller d'état actuel. Chassé du service, grâce aux insinuations de Constantin Pavlowitch, Moukhanoff fut reçu à la cour sur le désir personnel de l'Empereur: „Pendant les $2^1/_2$ années de son service, sous le règne de Paul", écrit la fille de Moukhanoff, „l'Empereur ne regarda jamais mon père de travers, il faisait tout ce qu'il lui plaisait, se mettait à l'encontre du goût de l'Empereur et n'essuyait aucun reproche; bien au contraire, l'Empereur disait qu'il ne se fiait à personne, sinon aux deux Serge—dont l'un était son confesseur, et l'autre mon père". Il faut ajouter d'ailleurs que Moukhanoff savait vivre en bonne intelligence avec Koutaïssoff, le Grand-Duc Alexandre lui-même le recherchait, et l'Impératrice Marie Féodorowna lui témoignait une entière confiance et une bienveillance toute particulière, qu'elle conserva à Moukhanoff jusqu'à sa fin. Celui-ci, à son tour, adorait et idolâtrait l'Impératrice, était en correspondance avec elle, l'aidait dans la direction de ses établissements et exécutait souvent ses œuvres personnelles de bienfaisance. Il considérait les Grands-Ducs et les Grandes-Duchesses comme des enfants qui avaient grandi sous ses yeux, mais il n'aimait pas Constantin Pavlowitch à cause de son caractère emporté et fut une fois cruellement offensé par la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna qui le reçut dans une salle, à une réception publique, et lui adressa la parole en français qu'il ne savait pas. En 1808, le 26 avril, Moukhanoff fut élevé à la dignité de grand écuyer; en 1809, reçut la plaque de St-Alexandre et, en 1813, l'ordre de St-Vladimir de 2e classe; dans l'exercice de cette charge, il s'occupa beaucoup de l'amélioration, en Russie, des races des purs sang. Au couronnement de l'Empereur Nicolas Ier, Moukhanoff reçut l'ordre de St-André. Différentes intrigues le forcèrent deux fois à s'éloigner momentanément de la cour; en 1820 et en 1829, il obtint un congé illimité pour se soigner et, à ce fait, il reçut en dernier lieu, outre son traitement, une pension de 15 mille roubles.

S. I. Moukhanoff expira le 20 mars 1842 ayant le grade de conseiller privé actuel, presque à l'âge de 80 ans et est inhumé dans l'abbaye de la Trinité; il était marié à Varvara Dmitriewna Tourguéneff dont il eut quatre filles.

„Il était de haute taille et avait un extérieur très agréable, les yeux bruns, doux et caressants, le nez irrégulier, un caractère égal et extrêmement affable; au sein de la famille c'était un vrai ange et l'ami de ses enfants; il était très dévot, n'avait pas de goût pour la musique, mais aimait l'horticulture, s'habillait toujours avec une telle recherche, que ses neveux se gênaient d'aller le voir en redingote, parce que lui-même était en habit. Il avait beaucoup d'amis, il y avait en lui quelque chose „d'attirant"; ses subordonnés et ses domestiques l'aimaient, mais sa droiture et sa parole âpre ne plaisaient pas à tout le monde. Il n'aimait pas Araktchéeff et ne le cachait pas, même en présence d'Alexandre; il n'était pas très bien disposé non plus à l'égard d'un autre familier de l'Empereur, le prince P. M. Wolkonsky, qu'il soupçonnait d'intriguer contre lui. Ce dernier lui disant: „Ne vous formalisez pas, S. I., je ne fais qu'accomplir la volonté de l'Empereur", Moukhanoff lui répondit: „Certainement, nous sommes obligés d'accomplir n'importe quel ordre de l'Empereur; même si l'Empereur me disait: „Fais pendre P. M. Wolkonsky à un tremble", j'exécuterais cela sans délai". Habitué à se conduire „sans servilité, mais avec dignité, attaché de tout cœur à la famille impériale", Moukhanoff avait son franc parler, parfois brusque, avec Alexandre Ier et Nicolas Ier, avec les Grands-Ducs Constantin et Michel et même avec l'Impératrice Marie Féodorowna elle-même, qu'il adorait.

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

СЕРГѢЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ДОМАШНЕВЪ, 1743—1795, сынъ члена Соляной конторы статскаго совѣтника Герасима Яковлевича Домашнева и, какъ кажется, любимой камеръ-фрау Елисаветы Петровны Анны Дмитріевны Домашневой (сослана была въ Москву за намѣреніе околдовать Государыню); записанный въ дѣтствѣ въ Измайловскій полкъ, учился въ Московскомъ университетѣ и былъ другомъ и товарищемъ Д. И. Фонъ-Визина; въ 1760 г. былъ произведенъ въ офицеры, а въ 1767 г. засѣдалъ въ Комиссіи Уложенія въ качествѣ депутата отъ Сумского дворянства. Послѣ того путешествовалъ за границей, а въ 1772 г. участвовалъ въ экспедиціи графа Орлова-Чесменскаго въ Архипелагъ, гдѣ во время Морейской экспедиціи командовалъ Албанскимъ легіономъ. Пользуясь покровительствомъ Орловыхъ, Домашневъ въ томъ же году былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1775 г. назначенъ директоромъ Академіи Наукъ, а въ 1778 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованъ въ камергеры. Онъ имѣлъ въ свое время репутацію не только человѣка образованнаго, но и ученаго, выступивъ рано на литературное поприще: ему было всего 20 лѣтъ, когда онъ началъ печатать мелкія свои произведенія и стихи въ журналахъ того времени, затѣмъ писалъ сочиненія по географіи, наконецъ, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Академіи, въ 1776 г., произнесъ рѣчь, безсвязную, на плохомъ французскомъ языкѣ.

Какъ директоръ Академіи, Домашневъ не сдѣлалъ ничего достойнаго памяти, не говоря о томъ, что, по сознанію самой Императрицы, привелъ въ крайній упадокъ хозяйственную часть: библіотека была запущена и въ безпорядкѣ, музеи и собранія не пополнялись, цѣлыя коллекціи стояли годами неразобранными. Впрочемъ, въ 1778 г. Академіей былъ выпущенъ одинъ томъ „Начертанія общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской Имперіи“, предпринятаго лично Домашневымъ. Послѣднему нельзя, однако, отказать въ извѣстной долѣ оригинальности взглядовъ: опережая на сто лѣтъ современныхъ сторонниковъ такой „существенной“ реформы русскаго правописанія, Домашневъ былъ ярымъ противникомъ буквы „ъ“, и во время его директорства одинъ отдѣлъ Академическихъ извѣстій въ 1781 г. печатался безъ ненавистной директору буквы.

„Ставленникъ“ Орловыхъ, преемникъ по Академіи графа В. Г. Орлова, Домашневъ, однако, не считалъ нужнымъ слѣдовать примѣру своего предшественника въ своихъ отношеніяхъ къ академикамъ и профессорамъ. Домашневъ смотрѣлъ на Комиссію Академіи, какъ на подчиненную ему всецѣло канцелярію, не стѣснялся давать приказы, дѣлать выговоры, къ чему академики не привыкли при Орловѣ, усвоившемъ себѣ въ Германскихъ университетахъ вкусы нѣмецкаго студента, уваженіе и корректность обращенія съ учеными. Академики, съ такой знаменитостью какъ слѣпецъ Эйлеръ во главѣ, писали протесты и жалобы Императрицѣ, и 24 Января 1783 г. Домашневъ, послѣ ревизіи Академіи княземъ Вяземскимъ, былъ уволенъ, а на его мѣсто назначена извѣстная княгиня Е. Р. Дашкова, считавшая своего предшественника „полной бездарностью“; по ея увѣренію, и сама Императрица при назначеніи Дашковой обозвала Домашнева „дуракомъ“. Неудивительно, что на него была написана сатира въ формѣ акаѳиста съ припѣвомъ:

„Се грядетъ малоумный въ Академію, съ мудрыми присутствуетъ на сѣдалищѣ.
Время, время лишиться его, да не погибнетъ Академія!“

С. Г. Домашневъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Оболенской (р. 1764 г., † 25 Марта 1828 г.), отъ которой имѣлъ сына Ивана и дочерей Прасковію и Марію (одна изъ дочерей за М. Ф. Сухотинымъ). Умеръ онъ 23 Августа 1795 г., 52 лѣтъ, и похороненъ въ Даниловомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго М. С. Сухотину, с. Кочеты, Тульской губерніи.)

SERGE GUÉRASSIMOWITCH DOMACHNEFF, 1743—1795, fils du conseiller d'état Guérassime Iakovlewitch Domachneff, membre des bureaux de la gabelle, et, à ce qu'il paraît, de la dame d'honneur favorite d'Elisabeth Pétrowna, Anne Dmitriewna Domachneff (reléguée à Moscou pour avoir voulu jeter un sort sur l'Impératrice), inscrit, dans son enfance, sur les rôles du régiment d'Izmaïloff, fit ses études à l'université de Moscou et fut l'ami et le camarade de D. I. Von-Vizine; il fut promu officier en 1760 et siégea, en 1767, dans la Commission du „Code" en qualité de député de la noblesse de Soumy. Il voyagea ensuite à l'étranger et prit part, en 1772, à l'expédition du comte Orloff-Tchesmensky dans l'Archipel, où, pendant l'expédition de Morée, il commandait la légion d'Albanie. Mettant à profit la protection des Orloff, Domachneff, la même année, fut nommé gentilhomme de la chambre, en 1775 — directeur de l'Académie des Sciences et, en 1778— conseiller d'état actuel et élevé à la dignité de chambellan. Il eut, de son temps, non seulement la réputation d'un homme instruit, mais encore celle d'un savant, car il se fit connaître de bonne heure dans la carrière littéraire: il n'avait encore que 20 ans qu'il publiait déjà de petits ouvrages et des vers dans les journaux du temps, ensuite il composa des opuscules sur la géographie, enfin, au jubilé de l'Académie, en 1776, il prononça un discours décousu, en mauvais français.

Comme directeur de l'Académie, Domachneff ne fit rien qui soit digne d'être rappelé, sans compter que, de l'aveu de l'Impératrice elle-même, l'administration du matériel périclita par sa faute: la bibliothèque était négligée et en désordre, les musées et les collections ne se complétaient pas, des collections entières restaient des années non classées. D'autre part, en 1778, l'Académie publia un tome des „Esquisses de la description générale, topographique et physique de l'empire de Russie", entreprises personnellement par Domachneff. On ne peut, cependant, refuser à ce dernier une certaine part d'originalité; devançant de cent ans les partisans actuels d'une réforme „essentielle" de l'orthographe russe, Domachneff était un adversaire déclaré de la lettre „ъ" (prhier ier) et nne section des Nouvelles de l'Académie, en 1781, sous sa direction, s'imprima sans la lettre abhorrée du directeur.

Favori des Orloff, successeur à l'Académie du comte V. G. Orloff, Domachneff ne crut pas nécessaire cependant de suivre l'exemple de son prédécesseur dans ses relations avec les académiciens et les professeurs. Domachneff envisageait la Commission de l'Académie comme une chancellerie qui lui était entièrement soumise, ne se gênait pas pour donner des ordres, faire des remontrances, ce à quoi les académiciens n'étaient pas habitués du temps d'Orloff qui avait contracté dans les universités d'Allemagne les goûts de l'étudiant allemand, le respect et les manières polies envers les savants. Les académiciens, ayant à leur tête le célèbre Euler, l'aveugle, écrivaient des protestations et des plaintes à l'Impératrice et, le 24 janvier 1783, Domachneff, après la révision de l'Académie par le prince Viazemsky, fut révoqué, et la célèbre princesse E. R. Dachkoff, qui traitait son prédécesseur „d'absolue nullité", fut nommée à sa place; à l'en croire, l'Impératrice elle-même en nommant Dachkoff appela Domachneff „imbécile". Il n'est pas étonnant qu'on ait composé sur lui une satyre ayant la forme d'une acathiste avec le refrain:

„Voici un faible d'esprit qui vient à l'Académie, des sages il est dans l'assemblée.
Temps, ô temps! tu le perdras! Que l'Académie ne périsse pas!"

S. G. Domachneff était marié à la princesse Varvara Ivanowna Obolensky (née en 1764, † le 25 mars 1828) dont il eut un fils, Jean, et deux filles, Prascovie et Marie (l'une des filles a épousé M. F. Soukhotine). Il mourut le 23 août 1795, à l'âge de 52 ans, et est inhumé dans le monastère de St-Daniel, à Moscou.

(D'après un portrait, appartenant à M. Soukhotine, Kotchety, gouv. de Toula.)

[illegible] DOMACHNEFF, [illegible], fils du conseiller d'État [illegible] membre [illegible] de la famille, et, à ce qu'il paraît, de la dame d'honneur [illegible] Anne Dmitrievna Domachneff [illegible] à Moscou pour avoir voulu jeter [illegible] dans son enfance, [illegible] régiment [illegible]. Il fit ses études à l'[illegible] l'ami et le camarade de [illegible] Von-Visine; il fut promu [illegible] en 17[illegible] et [illegible] la Commission du „Code“ en qualité de député de la noblesse de [illegible]. Il voyagea ensuite [illegible] part, en 1772, à l'expédition du comte Orloff-Tchesmensky dans l'Archipel, où pendant [illegible] de Turcs, il commandait la légion d'Albanie. [illegible] la protection des Orloff, Domachneff [illegible], fut nommé gentilhomme de la chambre, en 1775 — directeur de l'Académie des Sciences [illegible] conseiller d'État actuel et élevé à la dignité de chambellan. Il eut, de son temps, non seulement la [illegible] d'un homme instruit, mais encore celle d'un savant, car il se fit connaître de bonne heure dans le [illegible] littéraire: il n'avait encore que 20 ans qu'il publiait déjà de petits ouvrages et des vers dans les [illegible] du temps; ensuite il composa des opuscules sur la géographie; enfin, au jubilé de l'Académie, en 17[illegible] [illegible] un discours [illegible], en mauvais français.

Comme directeur de l'Académie, Domachneff ne fit rien qui soit digne d'être rappelé, [illegible] de l'Impératrice elle-même, l'administration du matériel périclita par sa faute: la bibliothèque [illegible] les musées et les collections ne se complétaient pas, des collections entières [illegible]. D'autre part, en 17[illegible], l'Académie publia un tome des „Esquisses de la [illegible]“, entreprises personnellement par Domachneff [illegible] son adversaire déclaré [illegible].

[illegible] du comte V. G. Orloff, Domachneff ne crut pas [illegible] avec les académiciens et les professeurs [illegible] qui lui était entièrement [illegible] à quoi les académiciens n'[illegible] Allemagne les goûts de l'étudiant [illegible] les académiciens, ayant à leur tête le célèbre [illegible] et, le 24 janvier 178[illegible], Domachneff [illegible] de l'Académie par le prince [illegible] la célèbre princesse E. R. Dachkoff [illegible] nommée à sa place; à l'en croire, l'Impératrice [illegible] Domachneff [illegible]. Il n'est pas étonnant qu'on ait composé sur lui [illegible] ayant la forme d'une [illegible] avec le refrain:

„Voici un faible d'esprit qui vient à l'Académie, des sages [illegible] dans l'assemblée.
[illegible] à temps! [illegible] Que l'Académie ne périsse pas!“

S. G. Domachneff était marié à la princesse Varvara Ivanovna Obolensky (née en 17[illegible]) [illegible] dont il eut un fils, [illegible], et deux filles, Prascovie et Marie (l'une des filles a épousé M. [illegible]). [illegible] mourut le [illegible] août 1795, à l'âge de 52 ans, et est inhumé dans le monastère de St-Daniel, à Moscou.

(D'après un portrait, appartenant à [illegible] Kaliteeff, gouv. de Toula.)

84

Серѣй Герасимовичъ Домашневъ,
1743 — 1795

Serge Guérassimowitch Domachneff,
1743 — 1795

85

Князь Андрей Петровичъ Оболенскій,
1769 — 1852

Le Prince André Pétrowitch Obolensky,
1769 — 1852

86

Варвара Ивановна Домашнева,
1765 — 1828

Varvara Ivanowna Domachneff,
1765 — 1828

Экспед. Заког. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ОБОЛЕНСКІЙ, 1769—1852, сынъ надворнаго совѣтника князя Петра Александровича (р. 1742 г., † 1822 г.), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской (р. 1741 г., † 1811 г.), родился 1 Августа 1769 г.; въ дѣтствѣ записанъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ въ 1790 г. былъ уже подпоручикомъ; 18 Іюня 1794 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1797 г., будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, назначенъ церемоніймейстеромъ ордена св. Анны. Пробывъ 17 лѣтъ въ отставкѣ, 1 Января 1817 г. Оболенскій былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, въ 1824 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а 19 Іюля 1825 г. уволенъ и замѣщенъ А. А. Писаревымъ. Будучи попечителемъ, онъ „проявилъ замѣчательно плодотворную дѣятельность, какъ относительно университета, такъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній, до низшихъ народныхъ школъ включительно“, при чемъ на долю князя Оболенскаго выпала нелегкая обязанность построить зданія университета, представлявшія послѣ 1812 г. груды развалинъ, Медицинскій институтъ, Университетскую типографію, возобновить и пополнить погибшія и расхищенныя университетскія коллекціи, библіотеку, музеи, физическіе инструменты. Болѣе чѣмъ 8-лѣтнее управленіе князя Оболенскаго округомъ, по отзывамъ современниковъ, „достойно замѣчанія: не будучи ученымъ, онъ умѣлъ цѣнить, любилъ и уважалъ просвѣщеніе“. Во времена Рунича и Магницкаго, Оболенскій употреблялъ все свое вліяніе, чтобы, „благодаря довѣрію къ нему начальства, оградить Московскій университетъ отъ злыхъ навѣтовъ и нареканій“. Одинъ изъ современниковъ писалъ о князѣ: „Онъ отличался превосходнымъ природнымъ умомъ, умѣлъ владѣть собою, обходился со всѣми ласково и привѣтливо; былъ любимъ и уважаемъ въ обществѣ“; другой всиоминалъ „патріархальное, отеческое правленіе“ Оболенскаго: „Помню настрой чувствъ между учащими и учащимися. Это была общая семья, въ которой князь А. П. былъ старшій, всѣми чтимый. Въ теченіе всего своего попечительства ему не представлялось случая огорчить кого-либо изъ гг. профессоровъ или студентовъ и чиновниковъ“.

Князь А. П. Оболенскій умеръ 19 Февраля 1852 г. и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ; онъ былъ женатъ два раза и имѣлъ многочисленную семью, съ которой жилъ зимой въ Москвѣ, на Рождественкѣ, а лѣтомъ въ с. Троицкомъ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. Князь А. П. Оболенскій былъ настоящимъ главой, патріархомъ не только въ семьѣ, но и для всего рода Оболенскихъ. Нѣсколько поколѣній собирались въ его домѣ по праздникамъ и въ дни семейныхъ торжествъ. „Члены младшаго поколѣнія прежде вступленія въ общественную жизнь представлялись кн. Андрею Петровичу. Всѣ родственники любили его; младшіе братья и сестры относились къ нему, какъ къ отцу. Ничего важнаго не начиналось, даже въ боковыхъ линіяхъ, безъ его совѣта и благословенія; всѣ приходили къ нему за добрымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, за помощью и покровительствомъ. Даже люди посторонніе прибѣгали къ его житейской опытности, поручали ему своихъ сиротъ и вручали значительныя суммы на дѣла благотворительности. Передъ смертью Оболенскій былъ боленъ недолго. Всѣ родные окружали своего патріарха во время его предсмертной болѣзни, и послѣднія его слова были: „Какъ сладко мнѣ быть больнымъ, сколько любви меня окружаетъ“. Первой супругой его была Марѳа Андреевна Маслова (р. 1768 г., † 1796 г.), второй, съ 31 Іюля 1804 г. — княжна Софья Павловна Гагарина (р. 5 Сентября 1787 г., † 9 Ноября 1860 г.; погребена въ Донскомъ монастырѣ). Отъ перваго брака у него была одна только дочь Екатерина (р. 9 Января 1796 г., † 23 Апрѣля 1849 г.; за генералъ-майоромъ Ник. Аполл. Волковымъ), отъ второго брака 10 человѣкъ дѣтей: 1) Софья (р. 15 Іюля 1810 г.; за В. В. Давыдовымъ), 2) Михаилъ (р. 28 Ноября 1811 г., † 13 Февраля 1866 г.), 3) Наталія (р. 20 Декабря 1812 г.; за генералъ-майоромъ С. П. Озеровымъ), 4) Владиміръ (р. 13 Сентября 1814 г., † 24 Апрѣля 1877 г.), 5) Екатерина (р. 17 Октября 1815 г., † въ дѣтствѣ), 6) Александра (р. 20 Октября 1817 г., † 5 Ноября 1844 г., дѣвицей), 7) Василій (р. 15 Октября 1818 г., † 16 Августа 1883 г.), 8) Іродіонъ (р. 2 Января 1820 г., † 22 Августа 1891 г.), 9) Николай (р. 1 Февраля 1822 г., † 27 Марта 1867 г.) и 10) Сергѣй (р. 14 Марта 1824 г., † въ дѣтствѣ).

Князь П. А. Вяземскій, родственникъ князя А. П. Оболенскаго, говоритъ, что онъ былъ „честный, высокой нравственности, здравомыслящій и духовно-религіозный человѣкъ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ю. В. Арсеньеву, въ Москвѣ.)

Le prince ANDRÉ PÉTROWITCH OBOLENSKY, 1769—1852, fils du conseiller de cour, le prince Pierre Alexandrowitch (né en 1742, † en 1822), et de la princesse Catherine Andréewna Viazemsky, sa femme (née en 1741, † en 1811), naquit le premier août 1769. Inscrit enfant au régiment de Préobragensky, il y devint sous-lieutenant en 1790. Le 18 juin 1794, nous le voyons gentilhomme de la cour, et, en 1797, déjà conseiller actuel, il fut nommé maître des cérémonies de l'ordre Ste-Anne. Après dix-sept ans passés dans la retraite, il rentra au service, le 1er janvier 1817, en qualité de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou; en 1824, il fut promu au grade de conseiller privé et, le 19 juillet 1825, il se retira, et A. A. Pissareff le remplaça. Comme curateur, le prince Obolensky „manifesta une activité remarquablement féconde, tant pour l'université que pour les autres établissements scolaires de son ressort, les écoles primaires y comprises". Il eut la tâche, qui n'était point facile, de reconstruire l'université, qui, après 1812, présentait un monceau de décombres, l'institut de médecine, l'imprimerie universitaire; il dut de plus renouveler et compléter les collections de l'université perdues ou volées, la bibliothèque, le musée et les instruments de physique. L'administration du prince Obolensky, qui dura plus de huit ans „est remarquable", au dire des contemporains; „sans être un savant, il sut estimer, aimer et respecter l'instruction". Du temps de Rounitch et de Magnitsky, il employa toute son influence, „grâce à la confiance qu'il inspirait aux autorités, pour défendre l'université des reproches et des allusions de mauvaise foi". Un de ses contemporains s'exprime, en parlant de lui, en ces termes: „Il se distinguait par un excellent esprit naturel, il savait être maître de soi, son commerce était avec tous affable et avenant; il était aimé et estimé dans la société". Un autre parle de „l'administration patriarcale et patriotique" d'Obolensky: „Je me souviens", dit-il, „de la disposition d'esprit qui régnait entre élèves et professeurs. C'était une commune famille, dont l'aîné était le prince A. P. Obolensky, vénéré de tous. Pendant tout le temps de sa curatelle, il n'eut pas l'occasion d'offenser quiconque des professeurs, des étudiants et des employés".

Le prince Obolensky mourut le 19 février 1852 et fut enterré dans le monastère de la Vierge-du-Don, à Moscou. Il avait été deux fois marié et avait une nombreuse famille, avec laquelle il vivait l'hiver à Moscou, à la Rojdestvenka, l'été dans le domaine de Troïtzk, district de Podolsk, gouv. de Moscou. Le prince A. P. Obolensky était le véritable chef, le patriarche, non seulement de sa famille, mais encore de toute la maison Obolensky. Plusieurs générations se réunissaient chez lui les jours de fêtes et de solennités de famille. „Les membres de la jeune génération se présentaient au prince André Pétrowitch avant d'entrer dans la vie publique. Tous les parents l'aimaient. Les jeunes, frères et sœurs, s'adressaient à lui comme à un père. Rien d'important ne se commençait, même dans les lignes latérales, sans son conseil et sa bénédiction; on venait lui demander conseil, chercher auprès de lui consolation, secours et protection. Même les étrangers avaient recours à son expérience de la vie, lui confiaient leurs orphelins et d'importantes sommes pour des œuvres de bienfaisance". Il ne fut pas longtemps malade avant de mourir. Tous les parents entourèrent le patriarche à son heure dernière. „Il m'est si doux d'être malade, que d'amour m'entoure", telles furent ses dernières paroles. Sa première femme fut Marthe Andréewna Massloff (née en 1768, † en 1796); sa seconde, qu'il épousa le 31 juillet 1804, fut la princesse Sophie Pavlowna Gagarine (née le 5 septembre 1787, † le 9 novembre 1860 et enterrée au monastère de la Vierge-du-Don). Il n'eut du premier lit qu'une fille Catherine, mariée au général-major Nic. Apoll. Volkoff (née le 9 janvier 1796, † le 23 avril 1849); par contre il eut dix enfants du second: 1) Sophie (née le 15 juillet 1810, mariée à V. V. Davydoff), 2) Michel (né le 28 novembre 1811, † le 13 février 1866), 3) Natalie (née le 20 décembre 1812, mariée au général-major S. P. Ozéroff), 4) Vladimir (né le 13 septembre 1814, † le 24 avril 1877), 5) Catherine (née le 17 octobre 1815, † enfant), 6) Alexandrine (née le 20 octobre 1817, † le 5 novembre 1844, restée demoiselle), 7) Basile (né le 15 octobre 1818, † le 16 août 1883), 8) Hérodien (né le 2 janvier 1820, † le 22 août 1891), 9) Nicolas (né le 1er février 1822, † le 27 mars 1867), 10) Serge (né le 14 mars 1824, † enfant).

Le prince P. A. Viazemsky, son parent, dit de lui, qu'il était „un honnête homme, d'une haute moralité, d'un jugement sain et spirituellement religieux".

(D'après une miniature, appartenant à G. Arsénieff, à Moscou.)

86

ВАРВАРА ИВАНОВНА ДОМАШНЕВА, 1765—1828, жена дѣйствительнаго камергера, директора Императорской Академіи Наукъ, Сергѣя Герасимовича Домашнева (р. 1743 г., † 1795 г.), была дочь подполковника князя Ивана Петровича Оболенскаго, женатаго на вдовѣ Маріи Алексѣевнѣ Нарышкиной, рожденной Тараканової († 24 Ноября 1782 г.).

Овдовѣвъ въ 1795 г., В. И. Домашнева жила въ Москвѣ, гдѣ и умерла 25 Марта 1828 г., на 64 году; похоронена въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ; на памятникѣ ея находится слѣдующая стихотворная эпитафія, прибавляющая нѣкоторыя мелкія черты изъ біографіи погребенной подъ нимъ „дѣйствительной камергерши“:

„Съ любовію къ Христу и вѣрой несомнѣнной
Она свершила путь невѣрной жизни сей;
Познала горести и, міръ забывъ мятежный,
Съ надеждой къ вѣчности душой стремилась всей;
Всю жизнь свою Творцу и ближнимъ посвятила
И въ храмѣ духъ Ему въ день Пасхи возвратила“.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. С. Сухотину, въ Москвѣ.)

86

VARVARA IVANOWNA DOMACHNEFF, 1765—1828, femme de Serge Guérassimowitch Domachneff, chambellan actuel, directeur de l'Académie Impériale des Sciences (né en 1743, † en 1795), était fille du lieutenant colonel, prince Ivan Pétrowitch Obolensky, marié à la veuve Marie Alexéewna Narychkine, née Tarakanoff († le 24 novembre 1782).

Devenue veuve en 1795, V. I. Domachneff demeura à Moscou où elle mourut le 25 mars 1828, dans sa 64e année; elle est inhumée dans le monastère de St-Daniel à Moscou; sur son tombeau se trouve l'épitaphe suivante, qui ajoute quelques petits traits à la biographie de la „chambellane actuelle" qui repose dessous:

„Croyant indubitablement
Et le Christ adorant,
De cette inconstante vie
La route par elle fut suivie;
Les déboires, les a goûtés,
De toute âme s'envolant vers l'éternité,
Oubliant le monde vain,
Consacra son existence entière
Au Créateur et au prochain,
Et dans son sanctuaire,
Le jour de Pâques, l'esprit rendit".

(D'une miniature, appartenant à M. Soukhotine, à Moscou.)

САРА ГРЕЙГЪ, 1752—1793, жена адмирала Самуила Карловича Грейга (р. 1736 г., † 1788 г.), какъ и мужъ ея, родомъ изъ Шотландіи, происходила изъ фамиліи Кукъ (Cooke) и была двоюродною сестрою знаменитаго мореплавателя Джемса Кука (р. 1728 г., † 1779 г.). Судя по надписи на ея памятникѣ, время ея рожденія должно быть отнесено къ 1752 году; замужъ же за Самуила Карловича Грейга, состоявшаго уже съ 1764 г. на русской службѣ, она вышла, по семейнымъ свѣдѣніямъ, около 1774 г.; отъ этого брака она имѣла четырехъ сыновей: Алексѣя, Самуила, Ивана (John) и Карла, и дочь Евгенію (р. 1784 г.). Изъ ея дѣтей лишь старшій сынъ, Алексѣй Самойловичъ (р. 1775 г., † 1845 г.), состоялъ на русской службѣ и также былъ адмираломъ русскаго флота; остальныя же дѣти остались, какъ и потомство ихъ, въ Великобританскомъ подданствѣ.

Небольшого роста, тонкая и стройная, Сара Грейгъ отличалась замѣчательною скромностью, тихимъ характеромъ и, несмотря на высокое положеніе мужа и расположеніе къ нему Императрицы Екатерины II, всегда держалась вдали отъ свѣта, который не любила и гдѣ показывалась лишь по необходимости. Принадлежа къ англиканскому вѣроисповѣданію, особенно строгому въ Шотландіи, очень набожная и вѣрующая женщина, она вся ушла въ семейную жизнь и послѣ смерти мужа, скончавшагося въ разлукѣ съ ней, на Ревельскомъ рейдѣ, посвятила себя исключительно воспитанію дѣтей. Оплакивая смерть Грейга, Екатерина II вспомнила о ней и предписала Пущину „обнадежить вдову Монаршимъ призрѣніемъ“, вслѣдъ за симъ назначивъ ей пенсію изъ Кабинета въ 2000 рублей и пожаловавъ ей съ дѣтьми въ потомственное владѣніе 15 рижскихъ гаковъ, данныхъ ея покойному мужу въ пожизненную аренду. Къ ней же и ея потомству перешла построенная Екатериной и подаренная ею впослѣдствіи Грейгу дача „Сансанюи“ (Sans ennui), близъ Ораніенбаума. Для характеристики Сары Грейгъ не безынтересенъ тотъ фактъ, что, умирая, она поручила свою девятилѣтнюю дочь попеченію не знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а семейству англійскаго банкира въ Петербургѣ, Андерсена, которое она знала и уважала, какъ порядочныхъ и набожныхъ людей.

Вдова адмирала Грейга лишь на пять лѣтъ пережила мужа и скончалась въ 1793 г.; похоронена была 13 Августа 1793 г. въ Петербургѣ, на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. На могилѣ ея воздвигнутъ мраморный памятникъ, изображающій плачущую женщину, съ такой англійской надписью:

„Sacred
to the memory of Sarah Greig,
relict of Admiral Sir Samuel Greig,
interred
the 13-th of August 1793
Aged 41 year“.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Александрѣ Самойловнѣ Стенбокъ, въ С.-Петербургѣ.)

SARAH GREIG, 1752—1793, femme de l'amiral Samuel Karlowitch Greig (1736—1788), d'origine écossaise comme son mari, descendait de la famille Cooke et était cousine du fameux navigateur James Cooke (1728—1779). Elle naquit, à en croire l'inscription de son monument funéraire, en 1752. Elle épousa en 1774 environ, comme nous le montrent les annales de famille, Samuel Karlowitch, qui était au service russe depuis 1764. Elle eut quatre fils de cette union: Alexis, Samuel, Ivan (John), Charles et une fille Eugénie (née en 1784). Seul son fils aîné, Alexis (1775—1845), servit la Couronne et devint amiral. Les autres restèrent, avec leur descendance, sujets britanniques.

Petite de taille, svelte et élancée, Sarah Greig se distinguait par une remarquable modestie et un caractère tranquille, et, malgré la haute position de son mari et la faveur dont elle jouissait auprès de l'Impératrice Catherine II, elle vécut toujours loin du monde, qu'elle n'aimait pas; elle n'y apparaissait que par nécessité. De confession anglicane, surtout austère en Ecosse, femme très pieuse et croyante, elle vivait la vie de famille et, après la mort de son mari, qui mourut loin d'elle en rade de Réval, elle se consacra entièrement à l'éducation de ses enfants. Catherine II, qui pleurait Greig, se souvint d'elle et ordonna à Pouchtchine de lui „assurer la protection Impériale". Bientôt après elle „reçut une pension de 2000 roubles et la possession héréditaire de 15 „hakens" (mesure agraire) de Riga", donnés à feu son époux en jouissance viagère. C'est aussi à elle, et à sa postérité, que passa la maison de campagne „Sans ennui", près d'Oranienbaum, construite par Catherine et donnée dans la suite à Greig. Le fait suivant n'est pas sans intérêt pour caractériser Sarah Greig: en mourant, elle confia sa fille de neuf ans, non pas à des dignitaires haut placés, mais à la famille du banquier anglais à St-Pétersbourg, Andersen, qu'elle connaissait et estimait, comme étant composée de personnes rangées et pieuses.

La veuve de l'amiral Greig ne survécut que cinq ans à son mari et mourut en 1793. Elle fut enterrée le 13 août 1793 au cimetière luthérien de Smolensk à St-Pétersbourg. Sur sa tombe on érigea un monument, représentant une femme qui pleure, avec cette inscription anglaise:

„Sacred
to the memory of Sarah Greig,
relict of Admiral Sir Samuel Greig,
interred
the 13-th of August 1793
Aged 41 year".

(D'après le portrait, appartenant à la comtesse A. Sténbock, St-Pétersbourg.)

(D'après le portrait appartenant à la comtesse A. Stenbock, St-Pétersbourg.)

Сарра Грейгъ, *Sarah Greigh,*
1742 — 1793 *1742 — 1793*

Пис. Левицкій *Peint par Levitzky*

Самуилъ Карловичъ Грейгъ, *Samuel Karlowitch Greigh,*
1736 — 1788 *1736 — 1788*

САМУИЛЪ КАРЛОВИЧЪ ГРЕЙГЪ, 1735—1788, происходилъ изъ стариннаго Шотландскаго рода; 30-и лѣтъ, въ 1764 г., принятъ былъ на русскую службу, съ чиномъ капитана 1-го ранга. Онъ оказалъ своему новому отечеству важныя услуги, давшія ему возможность занять видное мѣсто среди сотрудниковъ Екатерины II. Въ особенности онъ былъ полезенъ своими совѣтами при постройкѣ и вооруженіи новыхъ военныхъ судовъ. Въ 1769 г. Грейгъ былъ произведенъ въ бригадиры, а въ 1770 г. въ контръ-адмиралы. Онъ принималъ участіе въ Архипелагской экспедиціи и былъ побѣдителемъ въ Чесменскомъ сраженіи, за которое получилъ орденъ св. Георгія 2 ст. и Аннинскую ленту (1774 г.).

Въ 1775 г. Грейгъ, произведенный въ вице-адмиралы, назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, въ 1776 г. получилъ Александровскую звѣзду, въ 1782 г. произведенъ въ адмиралы и получилъ Владимірскую ленту. Во время войны со Швеціей ему было поручено командованіе флотомъ, и 6 Іюля 1788 г. онъ одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гохландѣ, за что получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Послѣ пораженія непріятельскій флотъ укрылся въ Свеаборгѣ, и Грейгъ предпринялъ блокаду крѣпости, но во время этой блокады, 15 Октября 1788 г., скончался на адмиральскомъ кораблѣ „Ростиславъ“. Екатерина II была очень опечалена извѣстіемъ о смерти Грейга. „Чувствительная прискорбность и слезы: c'est une grande perte, c'est une perte pour l'Etat“,— занесъ Храповицкій слова Государыни въ свой дневникъ. Императрица воздвигла гробницу изъ бѣлаго мрамора надъ его могилой въ Ревельской Dom Kirche и въ 1790 г. велѣла выбить медаль въ воспоминаніе его трудовъ и службы.

Грейгъ былъ женатъ на Сарѣ Кукъ и имѣлъ отъ нея 4 сыновей: Алексѣя (р. 1766 г., † 1845 г.), тоже извѣстнаго адмирала, Самуила, Джона, Чарльса, и дочь Евгенію; изъ его дѣтей только одинъ Алексѣй былъ русскій подданный, прочія же остались въ Великобританскомъ подданствѣ.

(Съ портрета Левицкаго; собственность графини А. С. Стенбокъ, въ С.-Петербургѣ.)

89

Le prince **GEORGES ALEXÉEWITCH GOLITZYNE**, 1772—1811, fils du général-major Alexis Borissowitch († en 1792) et de sa femme, la princesse Anne Egorowna Grouzinsky († en 1779), naquit le 14 août 1772. Il perdit de bonne heure sa mère et fut élevé à Paris, où l'avait envoyé sa propre tante, la comtesse A. B. Apraxine, avec un gouverneur français. Son séjour en France lui donna une belle connaissance du français, mais le gâta complètement: il devint libertin et joueur, ce qui le mena à une mort prématurée.

Le prince G. A. Golitzyne était un homme de talent: il possédait des capacités extraordinaires de caricaturiste et se distinguait par son esprit. Il était chambellan et atteignit le grade de général-major; il reçut le 1er janvier 1795 St-Georges de 4e classe. Il tomba en disgrâce sous Paul Ier et fut exilé à Moscou, où il mourut de mort subite le 21 décembre 1811. Le prince Golitzyne était le frère de la comtesse Marie Alexéewna Tolstoï, célèbre à Moscou, et de la comtesse E. A. Ostermann-Tolstoï.

(D'après le portrait de Molinari; Hôpital Golitzyne, à Moscou.)

Пис. Молинари *Peint par Mollinari*

Князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ, 1773 — 1811

Le Prince Egor Alexéewitch Golitzyne, 1773 — 1811

Пис. Росленъ, 1778 *Peint par Roslin, 1778*

Княгиня Дарья Алексѣевна Голицына, 1724 — 1798

La Princesse Daria Alexéewna Golitzyne, 1724 — 1798

90

Княгиня **ДАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА ГОЛИЦЫНА**, 1724—1798, младшая дочь князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина отъ брака его съ баронессой Анной Петровной Шафировой, родилась въ Январѣ 1724 г.; фрейлина Императрицы Елисаветы Петровны, вмѣстѣ съ другою своею сестрою, умершею въ 1746 г., княжна Гагарина была назначена состоять при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Послѣ смерти сестры, она вышла въ 1747 г. замужъ за ея жениха, камергера, впослѣдствіи фельдмаршала, генералъ-адъютанта князя Александра Михайловича Голицына (р. 1718 г., † 1783 г.). Хотя она и состояла при Великой Княгинѣ гораздо меньше времени, чѣмъ старшая ея сестра княжна Анна Алексѣевна, занявшая ея мѣсто, но пользовалась всегда большою пріязнью Екатерины, до и послѣ вступленія ея на престолъ. 15 Августа 1775 г., при принятіи Великою Княгинею Наталіею Алексѣевною православія, княгиня Голицына была пожалована въ статсъ-дамы и орденомъ св. Екатерины. Довольно полная, представительной наружности, веселая и общительная, она, по словамъ Карабанова, „была весьма глупая женщина“. Про нее разсказывали, что, соскучившись разъ лѣтомъ на дачѣ, она слѣдующимъ возгласомъ встрѣтила пріѣзжую гостью: „Ахъ, какъ я тебѣ рада, а то смерть было скучно, и со скуки я уже хотѣла было велѣть пересѣчь своихъ араповъ!“ Гостей у нея всегда былъ полный домъ, она жила очень открыто, давала балы, концерты и особенно любила устраивать у себя домашніе спектакли, на которыхъ давались французскіе комедіи и провербы.

Бракъ княгини Д. А. Голицыной былъ бездѣтный; скончалась она 10 Мая 1798 г. и похоронена, рядомъ съ мужемъ, въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Рослена, 1778 г.; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

90

La princesse **DARIA ALEXÉEWNA GOLITZYNE**, 1724—1798, fille cadette du prince Alexis Matvéewitch Gagarine, de son mariage avec la baronne Anne Pétrowna Chafiroff, naquit en janvier 1724; demoiselle d'honneur de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, la princesse Gagarine fut désignée pour être attachée avec une autre de ses sœurs, morte en 1746, à la personne de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna. Après la mort de sa sœur, elle épousa, en 1747, le fiancé de cette dernière, le chambellan prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne, dans la suite feld-maréchal, aide de camp général (né en 1718, † en 1783). Quoique attachée à la personne de la Grande-Duchesse bien moins longtemps que sa sœur aînée la princesse Anne Alexéewna qui la remplaça, elle n'en jouit pas moins de son affection, aussi bien avant qu'après son avènement au trône. Le 15 août 1773, lorsque la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna embrassa l'orthodoxie, la princesse Golitzyne fut nommée dame d'honneur et reçut l'ordre de Ste-Catherine. Assez forte, d'un extérieur imposant, gaie et aimant la société, c'était, d'après Karabanoff, „une femme très bornée". On raconte d'elle qu'une fois, s'ennuyant en été à la campagne, elle accueillit une visite par l'exclamation suivante: „Ah! que je suis contente de te voir; je m'ennuyais à mort, et ne sachant où me mettre, j'allais faire fouetter mes nègres!" Sa maison ne désemplissait pas de monde, elle vivait largement, donnait des bals, des concerts, et aimait surtout à faire représenter chez elle des spectacles de société, où l'on donnait des comédies françaises et des proverbes.

L'union de la princesse Golitzyne fut stérile; elle mourut le 10 mai 1798 et est inhumée à côté de son époux dans l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Roslin, 1778, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminky, gouv. de Moscou.)

91

Свѣтлѣйшій князь **ПЕТРЪ ХРИСТІАНОВИЧЪ ВИТГЕНШТЕЙНЪ**, 1769—1843, сынъ генералъ-поручика графа Христіана-Людвига-Казиміра (1725—1797) отъ перваго его брака съ графиней Амаліей-Лунзой Финкенштейнъ, родился въ Нѣжинѣ 6 Января 1769 г. и воспитывался въ домѣ князя Н. И. Салтыкова, который тогда былъ воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. Въ 1781 г. записанъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ, въ 1789 г. переведенъ вахмистромъ въ Конную гвардію, а въ 1790 г. произведенъ въ офицеры. Въ 1795 г. Витгенштейнъ участвовалъ впервые въ Польской кампаніи, гдѣ обратилъ на себя вниманіе корпуснаго командира Дерфельдена и графа Валеріана Зубова, отличившихъ его за храбрость и распорядительность подъ Дубенкой и Хельмомъ, а также при штурмѣ Праги. Наградой ему за эту кампанію былъ орденъ св. Георгія и нѣсколько чиновъ. Когда графъ Зубовъ былъ назначенъ начальникомъ русскихъ войскъ на Кавказѣ, онъ взялъ Витгенштейна съ собой и, по взятіи Дербента, послалъ его съ ключами города къ Императору Павлу курьеромъ. Въ 1798 г. Петръ Христіановичъ получилъ чинъ полковника, въ 1799 г.—генералъ-майора, а въ слѣдующемъ—назначенъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка. Въ 1801 г. Витгенштейнъ назначенъ командиромъ Елизаветградскаго гусарскаго полка, а въ 1805 г. принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ, какъ и въ 1806 г. въ Турціи, состоя въ корпусѣ Эссена. За рядъ отличій былъ ему наградами: Георгій 3-й ст.—за Амштетенъ, Анна 1-й ст.—за Аустерлицъ, Владиміръ 3-й ст., чинъ генералъ-лейтенанта и назначеніе шефомъ Л.-гв. Гусарскаго полка. Въ Отечественную войну Петръ Христіановичъ командовалъ 1-мъ корпусомъ въ арміи Барклая и прикрывалъ Сѣверную столицу. Блестящія дѣла подъ Клястицами, Головчицею, Полоцкомъ велись подъ его руководствомъ. Георгій 2-й ст., орденъ св. Александра Невскаго и 12/т. пенсіи были новыми наградами счастливаго генерала. Въ 1813 г. Витгенштейнъ получилъ командованіе русско-прусской арміей, но послѣ Бауцена сдалъ эту должность Барклаю-де-Толли. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, а въ 1814 г. подъ Баръ-сюръ-Объ, гдѣ былъ раненъ и не могъ участвовать при въѣздѣ въ Парижъ. Конецъ кампаніи засталъ Витгенштейна покрытымъ знаками отличія; между прочимъ онъ сдѣланъ былъ Андреевскимъ кавалеромъ (за Люценъ), а въ 1818 г. назначенъ главнокомандующимъ второй арміей и членомъ Государственнаго Совѣта. Въ день коронаціи Императора Николая I графъ Витгенштейнъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, а Маріупольскій гусарскій полкъ названъ его именемъ, и онъ назначенъ его шефомъ. Послѣдними военными дѣлами графа была Турецкая кампанія 1828 года, послѣ чего онъ поселился въ имѣніи своемъ Каменка (Подольской губ.), живя то въ немъ, то въ другомъ богатѣйшемъ своемъ имѣніи Верки, близъ Вильны. 1 Мая 1834 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III возвелъ Витгенштейна въ свѣтлѣйшее княжеское достоинство королевства Прусскаго.

Витгенштейнъ былъ женатъ на Антуанеттѣ Станиславовнѣ Снарской (р. 11 Марта 1779 г., † 15 Іюня 1855 г.), отъ которой имѣлъ 5 сыновей: Льва, Александра, Георгія, Алексѣя и Николая, и дочь Эмилію (въ замужествѣ за княземъ П. И. Трубецкимъ). Витгенштейнъ скончался 75-лѣтнимъ старцемъ 30 Мая 1843 года, заслуживъ всеобщее уваженіе, какъ человѣкъ и опытный боевой генералъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Барятинскому, с. Иваневское, Курской губ.)

91

Le prince **PIERRE KHRISTIANOWITCH WITTGENSTEIN**, 1769 — 1843, fils du lieutenant-général, le comte Chrétien-Louis-Casimir (1725—1797), et de sa femme en premières noces, la comtesse Amélie-Louise Finkenstein, naquit à Niégine le 6 janvier 1769 et fut élevé dans la maison du prince N. I. Saltykoff, qui était gouverneur des Grands-Ducs Alexandre et Constantin Pavlowitch. En 1781, il entra comme sergent au régiment Sémenowsky, passa en 1789 aux gardes à cheval, en qualité de maréchal des logis, et fut promu officier en 1790. Il prit part en 1795 à la campagne de Pologne et attira sur lui l'attention du commandant Derfelden et du comte Valérien Zouboff, par son courage et son activité aux batailles de Doubenka et de Chelm et à l'assaut de Prague. Cette campagne lui valut l'ordre de St-Georges et quelques grades. Quand le comte Zouboff fut nommé chef des troupes russes au Caucase, il prit Wittgenstein avec lui et, après la prise de Derbent, l'envoya à St-Pétersbourg avec les clefs de la ville pour faire un rapport à l'Empereur Paul. Nous voyons Pierre Khristianowitch colonel en 1798, général-major en 1799 et l'année suivante chef du régiment des hussards de Marioupol. Wittgenstein fut nommé en 1801 commandant des hussards d'Elisabetgrad, prit en 1805 une part active à toutes les actions et se distingua en Turquie sous Essen en 1806. Il reçut pour d'éclatants services: St-Georges de 3e classe à Amstetten, Ste-Anne de 1e classe et St-Vladimir de 3e classe à Austerlitz; il fut de plus promu au grade de lieutenant-général et nommé chef des Hussards de la garde impériale. En 1812, il commandait le premier corps de l'armée de Barclay-de-Tolly et couvrit la capitale du Nord. C'est sous son commandement qu'eurent lieu les fameuses actions de Kliastitzy, de Golovtchitza et de Polotzk. St-Georges de 2e classe, St-Alexandre Newsky et 12.000 roubles de pension furent les nouvelles faveurs accordées à l'heureux général. En 1813, Wittgenstein reçut le commandement de l'armée russo-prussienne, commandement qu'il dut remettre, après Bautzen, à Barclay-de-Tolly. Il prit une part active à la bataille de Dresde et de Leipzig, fut blessé à Bar-sur-Aube en 1814 et ne put assister à l'entrée des alliés à Paris. Cette campagne le couvrit de marques de distinction: il fut nommé chevalier de St-André à Lutzen, commandant en chef de la seconde armée et membre du Conseil de l'Empire en 1818. Le comte fut promu, au couronnement de l'Empereur Nicolas Ier, feld-maréchal, et il devint chef du régiment des hussards de Marioupol qui reçut son nom. La campagne de Turquie de 1828 fut témoin de ses derniers faits d'armes. Il vécut ensuite, tantôt dans son bien de Kamenka (gouv. de Podolsk), tantôt dans son luxueux domaine de Verki, près de Vilna. Frédéric-Guillaume III l'éleva le 1er mai 1834 à la dignité de prince sérénissime du royaume de Prusse.

Wittgenstein fut marié à Antoinette Stanislavowna Snarsky (née le 11 mars 1779, † le 15 juin 1855), dont il eut cinq fils: Léon, Alexandre, Georges, Alexis et Nicolas, et une fille Emilie (mariée au prince P. I. Troubetzkoï). Wittgenstein mourut dans sa 75e année, le 30 mai 1843, estimé de tous comme homme et comme général expérimenté.

(D'après l'original, appartenant au prince A. Bariatinsky, Ivanowskoé, gouv. de Koursk.)

91

Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ,
1769 — 1843

Le Prince Pierre Khristianowitch Wittgenstein,
1769 — 1843

92

Пис. Г. Дау

Князь Валерьянъ Григорьевичъ Мадатовъ,
1782 — 1829

Peint par G. Dawe

Le Prince Valérien Grigoriewitch Madatoff,
1782 — 1829

Князь ВАЛЕРІАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ МАДАТОВЪ, 1782—1829, родился въ Карабахѣ 18 Мая 1782 г.; рано лишившись родителей, своими усѣхами и славою обязанъ былъ исключительно себѣ. Въ военную службу Мадатовъ былъ опредѣленъ въ 1797 г., по особому повелѣнію Павла I, портупей-прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, откуда переведенъ подпоручикомъ въ Павловскій гренадерскій, а затѣмъ поручикомъ въ Мингрельскій пѣхотный полкъ. Боевая дѣятельность князя Мадатова началась въ Турецкую войну 1808 г., во время которой онъ проявилъ удивительную храбрость и заслужилъ золотое оружіе. Наѣздникъ, кавалеристъ въ душѣ, Мадатовъ въ 1810 г. былъ произведенъ въ ротмистры, съ переводомъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, гдѣ вскорѣ произведенъ въ майоры. За лихое кавалерійское дѣло подъ Батинымъ, гдѣ онъ разбилъ 4-тысячный отрядъ турецкой кавалеріи, князь Мадатовъ пожалованъ чиномъ подполковника и орд. св. Георгія 4 ст.; передъ этимъ боемъ, разговаривая съ Ланскимъ, Мадатовъ, говорятъ, сказалъ: „Что бы мнѣ сдѣлать, чтобы получить Георгія?“ Ланской показалъ ему на густую колонну турецкой конницы и, шутя, сказалъ Мадатову: „Разбей ихъ“. Мадатовъ понесся на нихъ съ 2 эскадронами Александрійскихъ гусаръ, и турки бѣжали. Отечественная война 1812 г. застала Мадатова въ корпусѣ Тормасова, гдѣ онъ командовалъ передовымъ отрядомъ авангарда. Въ сраженіи подъ Кобринымъ, 15 Іюля 1812 г., Мадатовъ съ небольшимъ отрядомъ разбилъ 5/т. саксонской кавалеріи; за бой подъ Калишемъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл.; въ 1813 г. за Люценъ и Лейпцигъ получилъ орд. св. Владиміра 3 ст. и чинъ генералъ-майора. Рана пулею на вылетъ въ лѣвую руку, полученная имъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, при чемъ онъ до конца боя оставался во главѣ Александрійцевъ, продержала его внѣ строя до 1814 года, когда, пренебрегая лѣченіемъ, Мадатовъ все-таки вернулся въ армію и вмѣстѣ съ ней вступилъ въ столицу Франціи. „Азіатецъ, лихой наѣздникъ“, говоритъ современникъ, „онъ предался въ Парижѣ упоенію наслажденій и сорвалъ нѣсколько банковъ“. Вернувшись въ Россію, Мадатовъ былъ переведенъ въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ и тутъ, назначенный начальникомъ войскъ на родинѣ, въ Карабахскомъ ханствѣ, принималъ съ 1817 по 1820 г. дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ противъ горцевъ и при покореніи Дагестана и ханства Казикумыкскаго. Послѣ завоеванія этихъ областей, послѣднія были поручены его управленію, которое продолжалось до 1826 года. За это время онъ заявилъ себя опытнымъ администраторомъ и много сдѣлалъ для умиротворенія завоеваннаго края, чему способствовало его превосходное знаніе мѣстныхъ языковъ. Вторженіе персіянъ въ предѣлы Кавказа въ 1826 г. заставило Ермолова отправить противъ нихъ князя Мадатова. Рядъ успѣховъ нашихъ войскъ закончился полнымъ пораженіемъ персовъ подъ Шамхорой, гдѣ русскимъ пришлось драться противъ впятеро сильнѣйшаго непріятеля. За эту побѣду князь Мадатовъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Турецкая война 1828 г. была послѣднимъ его боевымъ поприщемъ: подъ Шумлой, во главѣ двухъ эскадроновъ Александрійскихъ гусаръ, онъ врубился въ турецкія траншеи. 4 Сентября 1829 г. его не стало. Чахотка, которой онъ страдалъ всю жизнь, съ горловымъ кровотеченіемъ, въ 2 дня свела Мадатова въ могилу. Похороненъ онъ былъ сначала въ Шумлѣ, позднѣе тѣло его было перевезено вдовой его, Софьей Александровной, рожденной Саблуковой (р. 21 Ноября 1787 г., † 4 Сентября 1875 г.), въ С.-Петербургъ и погребено на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; ею же издано было въ 1837 г. жизнеописаніе князя В. Г. Мадатова.

„Въ молодости веселый, бойкій нравъ Мадатова пріобрѣлъ ему пріязнь товарищей; любилъ онъ бивачные пиры и шумное разгулье. Только видѣвшіе его въ пылу сраженій могутъ знать, до какой степени простиралась его неустрашимость, въ его спокойной отвагѣ, въ его мгновенной рѣшимости было какое-то вдохновеніе“... „Какая-то смѣсь азіатскихъ привычекъ съ европейскими“ дѣлала его неоцѣнимымъ администраторомъ на Кавказѣ: съ однимъ изъ владѣльцевъ онъ казался другомъ, другому обѣщалъ награды и вниманіе Государя, третьихъ защищалъ, „въ поступкахъ его видна была прозорливость и необходимая въ сношеніяхъ съ азіатами гибкость ума“. Доступный всякому, онъ творилъ судъ быстрый и безпристрастный, такъ что о немъ говорили: „Женщина въ Карабахѣ можетъ ходить смѣло съ блюдомъ золота на головѣ, и никто не обидитъ ее“.

(Съ портрета Г. Дау; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

Le prince VALÉRIEN GRIGORIEWITCH MADATOFF, 1782—1829, naquit à Karabakh (Caucase) le 18 mai 1782; orphelin de bonne heure, il ne dut qu'à lui-même ses succès et sa gloire. Il entra en 1797, sur un ordre formel de Paul Ier, avec le grade de sous-officier, dans le régiment Préobragensky; il passa ensuite sous-lieutenant aux Grenadiers de Pavlowsk et, peu de temps après, lieutenant au régiment d'infanterie de Mingrélie. Il débuta dans la carrière militaire par la campagne de Turquie de 1808; il s'y distingua par une bravoure exceptionnelle et reçut un sabre en or. Cavalier dans l'âme, Madatoff fut promu capitaine en 1810 et passa au régiment des Hussards d'Alexandre, où il devint bientôt major. Une belle charge de cavalerie sous Batine, où il écrasa un détachement de quatre mille Turcs, lui valut le grade de lieutenant-colonel et l'ordre de St-Georges de 4e classe. Avant la bataille, il s'entretenait, dit-on, avec Lanskoï et lui dit: „Que dois-je faire pour avoir St-Georges?" Lanskoï lui montra une colonne de cavaliers turcs et lui répondit, en plaisantant: „Ecrase-les". Madatoff s'élança sur eux avec deux escadrons de Hussards d'Alexandre, et les Turcs s'enfuirent. Lorsque la campagne de 1812 commença, il faisait partie du corps du général Tormassoff et commandait l'avant-garde. A la bataille de Kobrine, le 15 juillet 1812, un petit détachement lui suffit pour battre cinq mille cavaliers saxons. La bataille de Kaliche lui valut St-Georges de 3e classe et celles de Lutzen et de Leipzig en 1813 St-Vladimir de 3e classe et le grade de général-major. Une grave blessure à la main gauche, reçue à la bataille de Leipzig et qui ne l'empêcha pas de rester jusqu'à la fin du combat à la tête de ses Hussards, le retint hors des rangs jusqu'en 1814. Il revint alors à l'armée, sans se soucier de sa blessure, et entra avec elle dans la capitale de la France. „C'est un asiatique, un brave cavalier", dit de lui un contemporain, „il s'est adonné aux plaisirs à Paris et a fait sauter quelques banques". De retour en Russie, Madatoff fut nommé chef du corps d'armée du Caucase, qui se trouvait dans le kanat de Karabakh; il prit, de 1817 à 1820, une part active aux actions guerrières du Caucase contre les montagnards et soumit le Daghestan et le kanat de Kasikoumyk. Il fut ensuite nommé administrateur des régions qu'il avait conquises et resta en place jusqu'en 1826. Il se montra à la hauteur de sa tâche et fit beaucoup pour pacifier la contrée; il fut aidé dans ses efforts par sa belle connaissance des dialectes locaux. L'invasion des Perses en 1826 força Ermoloff à envoyer le prince Madatoff contre eux. Les nombreux succès de nos armées amenèrent enfin la défaite complète des Perses à Chamkhora, où les Russes durent se battre un contre cinq. Cette brillante victoire valut au prince le grade de lieutenant-général. La campagne de Turquie en 1828 fut témoin de son dernier fait d'armes; à Choumla, il enfonça les tranchées turques, à la tête de deux escadrons de Hussards d'Alexandre. Il mourut le 4 septembre 1829. La phthisie, dont il souffrit la vie durant, et des hémorrhagies le menèrent en deux jours au tombeau. Il fut d'abord enterré à Choumla, puis son corps fut transporté par sa veuve, Sophie Alexandrowna, née Sabloukoff (née le 21 novembre 1787, † le 4 septembre 1875), à St-Pétersbourg, au cimetière Tikhvinsky, à la laure d'Alexandre Newsky; ce fut elle qui publia en 1837 la biographie du prince V. Madatoff. „Son caractère gai et vif le fit aimer de ses camarades de jeunesse: il aimait la vie de bivouac et les bruyantes bamboches. Seuls ceux qui l'ont vu dans le feu des combats peuvent savoir jusqu'où allait son intrépidité; il y avait de l'inspiration dans son sang-froid et dans son hardiesse du moment".... „Un certain mélange d'habitudes asiatiques et européennes", faisait de lui un précieux administrateur du Caucase, il semblait ami avec l'un des potentats asiatiques, il promettait au second des récompenses et la faveur de l'Empereur, il défendait d'autres. „On voyait dans ses actes de la perspicacité et de la souplesse d'esprit, si nécessaires dans les relations avec les peuples de l'Orient". Il était accessible à tous, il rendait une prompte justice, et son impartialité faisait dire de lui: „Une femme peut aller hardiment à Karabakh, un plat d'or sur la tête, personne ne l'offensera".

(D'après un original de G. Dawe; musée Roumiantzeff, à Moscou.)

АВДОТЬЯ ИЛЬИНИЧНА ИСТОМИНА, 179 .—1848, одна изъ самыхъ блестящихъ балетныхъ звѣздъ начала XIX столѣтія, „искусная танцовщица и извѣстная красавица, въ теченіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ“. Самъ Пушкинъ воспѣлъ ее въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина;—она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ...
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ,—какъ пухъ отъ устъ Эола!
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстро ножкой ножку бьетъ!“

Не на сценѣ только Истомина интересовала Пушкина; въ одномъ письмѣ онъ проситъ: „Пиши мнѣ о Дидло, о черкешенкѣ Истоминой (т.-е. въ балетѣ „Кавказскій плѣнникъ“), за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому плѣннику“. Долго не имѣвшая „равныхъ въ балетѣ“, Истомина была, по словамъ современнаго балетомана, „средняго роста брюнетка, красивая, очень стройная, съ черными огненными глазами, прикрываемыми длинными рѣсницами, которые придавали особый характеръ ея физіономіи; она имѣла большую силу въ ногахъ, апломбъ на сценѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ грацію, легкость, быстроту въ движеніяхъ: пируэтъ ея и элевація были изумительны“... О ней же другой спеціалистъ пишетъ: „Истомина увлекающаяся натура; исполненіе ея отличалось нѣгой, страстностью, огнемъ, жизнью, у ней былъ темпераментъ, она плѣняла зрителей“. Ученица Дидло, Истомина дебютировала 30 Августа 1815 г. въ балетѣ „Анисъ и Галатея“ и сразу снискала расположеніе знатоковъ. Истомина особенно была хороша въ балетахъ: „Зефиръ и Флора“, „Федра и Ипполитъ“, „Лиза и Коленъ“, „Кавказскій плѣнникъ“, а также въ водевиляхъ и комедіяхъ, какъ, напримѣръ, „Путешествующая танцовщица“, поставленная въ бенефисъ Истоминой въ Январѣ 1824 г., гдѣ она „исполнила прекрасно три разнохарактерныя роли, и публика слышала ея лебединый голосъ: дикція ея была вѣрная, органъ голоса пріятный, взглядъ быстрый и чрезвычайно кокетливый“. Очаровательная женщина на сценѣ и въ жизни, Истомина была окружена поклонниками, которые ее осаждали, между тѣмъ съ самаго появленія ея въ балетѣ „счастливымъ ея обладателемъ“ былъ офицеръ Кавалергардскаго полка В. В. Шереметевъ (р. 1794 г., † 1817 г.); прожили они вмѣстѣ на одной квартирѣ два года, когда начались недоразумѣнія и ссоры. Она жаловалась, что намѣрена его давно оставить „по безпокойному его характеру и жестокимъ съ нею поступкамъ“, а другіе увѣряли, что Шереметевъ предъ ней „провинился только тѣмъ, что обмелѣлъ его карманъ“. 3 Ноября 1817 г. она уѣхала къ своей подругѣ, а 5-го А. С. Грибоѣдовъ, другъ Шереметева, отвезъ ее, тайно, вечеромъ „на чай“ къ камеръ-юнкеру графу А. П. Завадовскому, другому своему пріятелю. Что тутъ было—неизвѣстно, но, кажется, не обошлось безъ разговоровъ „о любви“ и „разныхъ предложеній“, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ она уѣхала къ себѣ. Но Шереметевъ слѣдилъ, ревновалъ и на 3-й день поспѣшилъ съ ней примириться, былъ „въ чистосердечномъ раскаяніи и отчаяніи“ и увезъ Истомину домой, гдѣ „мольбами и угрозами“ вынудилъ ее признаться, что она была у Завадовскаго. Подзадориваемый корнетомъ Якубовичемъ (будущій декабристъ), Шереметевъ послалъ вызовъ Завадовскому, послѣ чего Грибоѣдовъ пожелалъ стрѣляться съ Якубовичемъ. 12 Ноября первая дуэль состоялась, и Шереметевъ былъ убитъ на мѣстѣ, а осенью 1818 г. въ Тифлисѣ Якубовичъ ранилъ въ руку Грибоѣдова. Истомина, по словамъ ея современницы, Головачевой-Панаевой, позднѣе вышла замужъ за актера Годунова, овдовѣвъ, собиралась поступить въ монастырь, но потомъ, сойдя со сцены, была замужемъ за второстепеннымъ актеромъ Экунинымъ. Въ то время она была „уже тяжеловѣсной, растолстѣвшей пожилой женщиной; желая казаться моложе, была всегда набѣлена и нарумянена; волосы у нея были черны, какъ смоль: говорили, что она ихъ краситъ; глаза были большіе, черные и блестящіе“.

А. И. Истомина умерла отъ холеры и погребена на кладбищѣ Большой Охты. Могила ея уже едва замѣтна (въ 1897 г.), небольшой памятникъ изъ бѣлаго мрамора сломанъ и валялся около, на немъ сохранилась надпись: „Авдотья Ильинична Экунина, отставная артистка, † 26 Іюня 1848 г.“. Рядомъ погребены: ея мужъ—„артистъ Павелъ Семеновичъ Экунинъ, умеръ 10 Января 1849 г.“, сестра—„Анна Ильинична Истомина, р. 7 Февраля 1801 г., † 20 Іюля 1822 г.“, и, вѣроятно, мать—„Анисья Ивановна Истомина, р. 24 Декабря 1778 г., † 19 Декабря 1804 г.“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

EUDOXIE ILYINITCHNA ISTOMINE, 179. — 1848, une des étoiles les plus brillantes du ballet du XIXe siècle, „ingénieuse danseuse et beauté célèbre a séduit pendant de nombreuses années les spectateurs et a fait perdre la tête à de jeunes officiers". Pouchkine même l'a chantée dans son Eugène Onéguine:

„Et le rideau se lève enfin
Sur Istomina, la danseuse,
Qui paraît, belle et vaporeuse;
De nymphes un troupeau charmant
Vient l'entourer au même instant
A peine elle effleure la planche
D'un petit pied si gracieux
Que l'on croirait voir, vers les cieux
S'envoler une plume blanche.
On ne sait qu'admirer le plus
Entrechats ou jetés-battus".

Mais ce n'est pas seulement à la scène qu'elle a intéressé Pouchkine; dans une de ses lettres, il dit: „Ecris-moi de Didelot, d'Istomine la Tcherkesse à laquelle j'ai fait une fois la cour à l'instar du prisonnier du Caucase". Elle n'eut pas de longtemps „d'égale au ballet", elle était, suivant un contemporain spécialiste dans cet art, „brunette, de taille moyenne, très bien faite, avec de brillants yeux noirs, recouverts de longs cils, qui donnaient un caractère spécial à sa physionomie; elle avait une grande force dans les jambes, de l'aplomb sur la scène et avec cela une grâce, une légèreté, une rapidité de mouvements; ses pirouettes et ses sauts étaient étonnants". Un autre spécialiste écrit: „Istomine est une nature séduisante; son travail se distingue par la délicatesse, la passion, le feu, la vie, elle avait du tempérament, elle séduisait les spectateurs". Elève de Didelot, Istomine débuta le 30 août 1815 dans le ballet „Apis et Galatée", et elle s'attira à l'instant la faveur des connaisseurs. Elle jouait surtout bien dans les ballets: „Zéphire et Flore", „Phèdre et Hippolyte", „Lise et Colin", „Le prisonnier du Caucase". Elle ne jouait pas moins bien dans les vaudevilles et les comédies, comme, par exemple, dans „La danseuse voyageuse", qui fut montée pour son bénéfice en janvier 1824; „elle y remplit excellemment trois rôles de caractères différents, et le public écouta sa voix de cygne: sa diction était juste, sa voix agréable, son regard rapide et très coquet". C'était une femme enchanteresse sur la scène et dans la vie; elle était entourée d'admirateurs, qui l'assiégeaient, tandis que „son heureux possesseur", depuis son apparition sur la scène, était B. Chérémeteff, officier chevalier-garde (1794—1817). Ils vivaient ensemble depuis deux ans quand des malentendus et des querelles commencèrent. Elle se plaignait qu'elle eût depuis longtemps l'intention de le quitter „en raison de son caractère remuant et de ses cruels procédés"; d'autres affirmaient que Chérémeteff „ne s'accusait devant elle que d'avoir vidé ses poches". Elle alla chez son amie le 3 novembre 1817; mais le 5, A. S. Griboédoff, ami de Chérémeteff, l'emmena secrètement le soir, „pour prendre le thé", chez le gentilhomme de la chambre le comte Zavadowsky, son ami aussi. On ne sait ce qui s'y passa, mais il semble qu'on parlât „amour" et que l'on fît „différentes ouvertures"; quoi qu'il en soit, elle rentra chez elle le même soir. Mais Chérémeteff avait l'œil au guet, était jaloux et se réconcilia le troisième jour. „Son repentir et son désespoir étaient sincères", et il ramena Istomine chez lui, où „à force de prières et de menaces" il la força d'avouer qu'elle avait été chez Zavadowsky. Poussé à bout par Yakoubowitch (futur décabriste), Chérémeteff provoqua en duel Zavadowsky, après quoi Griboédoff désira se battre avec l'instigateur. Le 12 novembre, le premier duel eut lieu, et Chérémeteff fut tué raide; l'automne de l'année 1818, Yakoubowitch blessa à la main Griboédoff à Tiflis. Istomine, selon sa contemporaine, Mme Golovatcheff-Panaeff, épousa plus tard l'acteur Godounoff, devint veuve, voulut entrer au couvent et y renonça pour convoler en secondes noces avec l'acteur Ekounine. Elle était alors „une femme âgée, pesante et atteinte d'embonpoint; mais voulant paraître jeune, elle se fardait; elle avait des cheveux noirs de jais; on disait qu'elle les teignait; ses yeux étaient grands, noirs et luisants".

Istomine mourut du choléra et fut enterrée au cimetière de la Grande Okhta. Son tombeau est à peine visible (en 1897), le petit monument en marbre blanc est brisé, mais l'inscription y est conservée: „Eudoxie Ilyinitchna Ekounine, artiste en retraite, † le 26 juin 1848". A côté d'elle sont enterrés son mari — „l'artiste Paul Sémenowitch Ekounine, † le 10 janvier 1849", sa sœur — „Anne Ilyinitchna Istomine, née le 7 février 1801, † le 20 juillet 1822" et probablement sa mère — „Anysie Ivanowna Istomine, née le 24 décembre 1778, † le 19 décembre 1804".

(D'après une miniature, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

93

Авдотья Ильинична *Eudoxie Iyinitchna*
Истомина, *Istomine,*
179 . — 1848 *179 . — 1848*

94

Пис. О. Кипренскій, 182[illegible] *Peint par O. Kiprensky, 182[illegible]*

Екатерина Александровна *Catherine Alexandrowna*
Телешова, *Telechoff,*
1805 — 1850 *1805 — 1850*

95

Пис. О. Кипренскій *Peint par O. Kiprensky*

Князь Иванъ Алексѣевичъ *Le Prince Ivan Alexéewitch*
Гагаринъ, *Gagarine,*
1771 — 1832 *1771 — 1832*

96

Пис. К. Брюлловъ *Peint par Ch. Brulloff*

Екатерина Семеновна *Catherine Sémenowna*
Семенова, *Sémenoff,*
1786 — 1849 *1786 — 1849*

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТЕЛЕШОВА, 1805—1850, знаменитая балерина, ученица Дидло, родилась 23 Ноября 1805 г.; выступила на сценѣ въ 1823 г. одновременно съ другой, тоже изящной танцовщицей, Вѣрой Зубовой: обѣ были талантливы, обѣ красивы, обѣ имѣли массу поклонниковъ ихъ таланта и красоты, сначала подруги по школѣ, позднѣе соперницы. Телешова была изящная, увлекательная женщина: высокаго роста стройная брюнетка, она была первая выдающаяся пантомимная танцовщица, съ чрезвычайной выразительной мимикой, при томъ обладала замѣчательной легкостью въ танцахъ. Она особенно отличалась въ балетахъ „Дезертиръ“, „Федра и Ипполитъ“, въ комедіи „Батюшкина дочка“, въ операѣ „Фенелла“ и проч. Несмотря на успѣхи въ балетѣ, она извѣстна была своей привязанностью къ драматическому искусству. Родственница извѣстной Ежовой, „домоправительницы“ князя Шаховского, Телешова пользовалась расположеніемъ закулиснаго начальства, и услужливый Дидло назначалъ ей тѣ роли, которыя ей нравились. Одно время, когда ея сильнымъ „покровителемъ“ сдѣлался самъ Петербургскій военный губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, она сама стала „закулисной султаншей“. Говорили даже, что изъ-за нее погибла другая талантливая балерина Новицкая, которая отказалась играть съ ней второстепенную роль; Милорадовичъ такъ напугалъ ее своими угрозами посадить въ смирительный домъ, что она слегла въ постель и скоро умерла. Однако, близость Телешовой съ всегда легкомысленнымъ героемъ Отечественной войны продолжалась недолго, и скоро въ кабинетѣ его уже красовалось скульптурное изображеніе миніатюрной ножки красавицы В. А. Зубовой, которой она славилась, и которая украшала столы балетомановъ того времени. Съ 1827 г. Телешова имѣла званіе „придворной танцовщицы“; послѣ этого она прожила еще 27 лѣтъ и пережила свою сценическую славу; отъ Аѳанасія Федоровича Шишмарева у ней было 5 сыновей и дочь Екатерина, получившіе фамилію Телешовыхъ.

К. Брюлловъ увѣковѣчилъ черты лица Телешовой на своей извѣстной картинѣ „Итальянка у фонтана“, О. Кипренскій написалъ ея портретъ масляными красками, сдѣлавъ въ то же время набросокъ перомъ съ натуры (въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ), а А. С. Грибоѣдовъ, бывшій въ числѣ ея поклонниковъ и восхищенный ея граціозными позами въ балетѣ „Русланъ и Людмила“, гдѣ она, какъ волшебница, обольщаетъ Руслана, написалъ восторженные стихи:

„О кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной,
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?
И вдругъ—какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ пьетъ
Стопою, свыше окрыленной...
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ-будто влаги обаянье,
Прерывно персей волнованье,
И томной думы по́лонъ взоръ:
Созданье выспренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эѳира
Несется легкій метеоръ“...

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1828 г.; собственность И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ.)

CATHERINE ALEXANDROWNA TÉLÉCHOFF, 1805—1850, célèbre danseuse, élève de Didelot, est née le 23 novembre 1805; elle débuta sur la scène en 1823, en même temps qu'une autre danseuse non moins élégante, Véra Zouboff: toutes deux avaient du talent et de la beauté et une foule d'adorateurs; elles furent tout d'abord camarades d'école, plus tard rivales. Téléchoff était une brune de haute taille, svelte, élégante et séduisante; sa mimique extraordinairement expressive et sa merveilleuse légèreté firent d'elle notre première remarquable danseuse de pantomime. Elle était incomparable dans les ballets „le Déserteur", „Phèdre et Hippolyte", dans la comédie „la Fille à papa", dans „la Muette de Portici" et autres. Outre ses succès de danseuse, elle était connue pour son goût pour l'art dramatique. Téléchoff, étant parente de la fameuse Ejoff, „maîtresse de maison" du prince Chakhovskoï, jouissait de la faveur de l'administration théâtrale, et le complaisant Didelot lui confiait les rôles qui lui plaisaient. Lorsque son haut „protecteur" fut le gouverneur militaire de St-Pétersbourg en personne, le comte M. Miloradowitch, elle devint, pour un temps, „sultane de coulisses". On lui a même imputé la mort d'une autre ballerine de talent, Novitzky, qui périt pour avoir refusé de jouer avec elle dans un rôle secondaire; Miloradowitch l'effraya tellement par ses menaces de la faire enfermer dans une maison de force, qu'elle s'alita et mourut. Cependant l'intimité de Téléchoff avec le héros de la Guerre Patriotique, toujours volage, ne fut pas durable, et bientôt, une reproduction en marbre du pied mignon de la belle Zouboff, qui faisait sa gloire et ornait les tables des amateurs du ballet d'alors, figura dans son cabinet. A partir de 1827, Téléchoff porta le titre de „danseuse de la Cour"; elle vécut encore 27 ans après cela, survivant à sa renommée théâtrale; elle eut d'Athanase Chichmareff cinq fils et une fille, Catherine, qui s'appelèrent Téléchoff.

Ch. Brulloff a immortalisé les traits de Téléchoff dans son célèbre tableau „l'Italienne à la fontaine"; Kiprensky a peint son portrait, en faisant en même temps une esquisse à la plume d'après nature (galerie Trétiakoff, Moscou), et Griboïédoff, qui comptait parmi ses admirateurs, enthousiasmé par ses poses gracieuses dans le ballet „Rousslan et Liudmila" où, dans le rôle d'enchanteresse, elle doit séduire Rousslan, composa ces vers enthousiastes:

„Est-ce Aglaé, l'Amour, ou l'une des Péris
Ayant abandonné le séjour des Houris
Pour un monde étranger, après s'être voilée
D'un nuage léger? Soudain son envolée
Au vent est semblable! Astre, subitement
Brillant, disparaissant, luisant au firmament,
D'un pied ailé d'en haut, elle dévore l'espace.
Son sourire sans mots s'entend,
Un voile baissé négligemment
Rappelle la fraîcheur de l'onde;
Ses seins se soulèvent tour à tour,
Ses regards sont pleins d'un doux amour;
Créature d'un céleste monde,
Sur l'éther elle semble glisser,
Météore léger qui va passer"...

(D'après un original de Kiprensky, 1828, appartenant à I. Tzvetkoff, Moscou.)

95

Князь ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1771—1832, сынъ тайнаго совѣтника князя Алексѣя Ивановича отъ брака съ княжной Ириной Григорьевной Урусовой († 1796 г.), родился 16 Сентября 1771 г.; зачисленъ былъ въ службу въ 1773 г. въ Преображенскій полкъ, потомъ переведенъ въ Измайловскій; 1 Февраля 1796 г. изъ капитанъ-поручиковъ пожалованъ въ камергеры и съ 1810 г. управлялъ дворомъ Великой Княгини Екатерины Павловны; въ 1819 г., будучи шталмейстеромъ, назначенъ сенаторомъ, а въ 1829 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Князь Гагаринъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Балабиной (р. 28 Марта 1773 г., † 23 Мая 1803 г.), отъ которой имѣлъ сыновей: Дмитрія, Григорія, Константина, Алексѣя и Владиміра. Во второй разъ князь Гагаринъ женился въ 1828 г. на знаменитой артисткѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Семеновой (р. 7 Ноября 1786 г., † 1 Марта 1849 г.).

Князь Гагаринъ, „прожившъ въ Петербургѣ съ Е. С. Семеновою неразлучно болѣе 15 лѣтъ и имѣя отъ нея дѣтей, одного сына и 3 дочерей, долженъ былъ переѣхать въ Москву, чтобы имѣть ближайшій надзоръ за помѣстьями въ 4/т. душъ, въ Тамбовской губерніи. Они оставили Петербургъ навсегда въ Февралѣ 1827 года“. Въ Москвѣ жили замужнія сестры князя Гагарина и его дядя, 80-тилѣтній бездѣтный вдовецъ, князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ († 1828 г.), оставившій племяннику все свое состояніе. „При жизни и за нѣсколько дней до своей смерти, князь Петръ Ивановичъ часто уговаривалъ Екатерину Семеновну выйти замужъ за князя Ивана Алексѣевича, но она не рѣшалась: она опасалась, что, по предразсудкамъ того времени, званіе княгини принудитъ ее навсегда оставить сценическое искусство, которое она любила страстно. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ тогдашняго времени; онъ былъ страстный любитель сценическаго искусства, ваянія и живописи, отличалъ человѣка только по личнымъ его достоинствамъ и, будучи въ высшей степени религіозенъ, чтилъ таланты, какъ даръ Божій“. Въ Маѣ 1828 г., „рано утромъ, въ церкви (Тихвинской), что въ Лужникахъ, близъ Дѣвичьяго поля, онъ сочетался бракомъ съ Екатериной Семеновной, въ присутствіи близкихъ родныхъ и двухъ или трехъ свидѣтелей; день свадьбы проведенъ былъ скромно, въ семейномъ кругу“. Въ Августѣ 1828 г. Гагаринъ далъ „свидѣтельство“ своей „воспитанницѣ“, малолѣтней Надеждѣ Ивановнѣ Стародубской, что она рождена отъ матери свободнаго состоянія (эта дочь Гагарина и Семеновой была въ несчастномъ замужествѣ за М. М. Корніолинъ-Пинскимъ и въ 1859 г. разведена послѣ долголѣтняго процесса съ мужемъ).

Князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ скончался 12 Октября 1832 г. и похороненъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры О. Кипренскаго, принадлежащей П. А. Ефремову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince IVAN ALEXÉEWITCH GAGARINE, 1771—1832, fils du conseiller privé le prince Alexis Ivanowitch et de la princesse Irène Grigoriewna Ouroussoff († en 1796), naquit le 16 septembre 1771. En 1773, il fut inscrit au régiment Préobragensky, puis dans celui d'Ismaïlowsky, où il atteignit le grade de capitaine lieutenant. Fait chambellan le 1er février 1796, il géra depuis 1810 les affaires de la Cour de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna; écuyer depuis quelque temps, il fut nommé sénateur en 1819 et devint conseiller privé actuel en 1829.

Le prince Gagarine fut deux fois marié: il épousa en premières noces Elisabeth Ivanowna Balabine (née le 28 mars 1773, † le 23 mai 1803), dont il eut cinq fils: Dmitri, Grégoire, Constantin, Alexis et Vladimir, et en secondes noces en 1828 la célèbre artiste Catherine Sémenowna Sémenoff (née le 7 novembre 1786, † le 1er mars 1849).

Le prince Gagarine, „après avoir vécu plus de quinze ans à St-Pétersbourg avec Catherine Sémenoff, dont il eut un fils et trois filles, dut s'installer à Moscou, pour surveiller de plus près les domaines de 4000 paysans, qu'il avait dans le gouvernement de Tamboff. Ils quittèrent St-Pétersbourg pour toujours en février 1827". A Moscou vivaient les sœurs mariées du prince et son oncle, un veuf octogénaire sans enfants, le prince Pierre Ivanowitch, qui légua sa fortune à son neveu. „De son vivant et quelques jours avant sa mort (1828), le prince Pierre Ivanowitch persuadait souvent Catherine Sémenoff d'épouser le prince Ivan Alexéewitch, mais elle ne s'y décidait pas, craignant que, suivant les préjugés du temps, le titre de princesse ne la forçât de quitter à tout jamais la scène, qu'elle aimait passionnément. Le prince Ivan Alexéewitch était étranger aux préjugés d'alors de sa classe; il aimait aussi passionnément le théâtre, la sculpture et la peinture, ne distinguait les hommes que par leurs mérites personnels et, étant profondément religieux, voyait dans les talents un don de Dieu". En mai 1828, „il se maria avec Catherine Sémenoff de grand matin à l'église (de Tikhvine) à Loujniki, près du champ Dévitchy, en présence de proches parents et de deux ou trois témoins. On passa modestement le jour des noces en famille". En août 1828, le prince Gagarine donna à la jeune Nadejda Ivanowna Starodoubsky, „sa pupille", „un certificat" constatant qu'elle était née d'une mère libre (cette fille du prince et de madame Sémenoff fut mariée à M. M. Kornioline-Pinsky, avec lequel elle divorça en 1859, après un long procès).

Le prince Gagarine mourut le 12 octobre 1832 et fut enterré à Moscou dans le monastère de Novospassky.

(D'après une miniature de Kiprensky, appartenant à P. Efrémoff, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА, 1786—1849, знаменитая драматическая актриса, побочная дочь учителя Кадетскаго корпуса Жданова и крѣпостной дѣвушки, родилась 7 Ноября 1786 г.; въ 1803 г., 3 Февраля, окончивъ ученье въ Театральной школѣ, подъ руководствомъ Дмитревскаго, она дебютировала въ комедіи „Нанина“. Недюжинное дарованіе, блестящая внѣшность, прекрасный звучный голосъ обратили на нее вниманіе такихъ любителей, какъ А. Н. Оленинъ и князь Шаховской. Сначала послѣдній, а позднѣе Гнѣдичъ, серіозно ею увлеченный, какъ женщиной, взялись ее учить съ голоса и проходить съ ней роли, при чемъ нельзя сказать, принесли ли они больше пользы, или вреда; было много приверженцевъ Семеновой, которые были увѣрены, что эти учителя „портили“ ея природный громадный талантъ, который способенъ былъ подчиняться не выучкѣ, а только увлеченію и вдохновенію, вспыхивалъ огнемъ въ минуты страсти или страданій, которыя переживала артистка въ своей роли. Она была неподражаемой исполнительницей трагическихъ ролей на русской сценѣ, и публика выносила восторженное впечатлѣніе... Неподдѣльной искренностью чувства она покоряла зрителей, и Пушкинъ увѣковѣчилъ ея успѣхи въ своихъ стихахъ:

„....Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ“.

Другой современникъ и театралъ писалъ о ней: „Самое пылкое воображеніе живописца не могло бы придумать прекраснѣйшаго идеала женской красоты для трагическихъ ролей; и при этомъ голосъ чистый, звучный, пріятный, при малѣйшемъ одушевленіи страстей потрясающій всѣ фибры человѣческаго сердца“. Въ смыслѣ развитія своего таланта Семенова сдѣлала, однако, не много: избалованная всеобщимъ поклоненіемъ, она скоро почила на лаврахъ, стала лѣниться и довольно поверхностно изучать роли, опуская всѣ детали, при томъ ей недоставало общаго образованія; блестки собственнаго дарованія, усердное подражаніе съ 1808 г. французской артисткѣ Жоржъ и наставленія руководителей сдѣлали позднѣе игру ея „чудной смѣсью“, по отзыву ея почитателя, С. Аксакова, писавшаго: „Вся эта амальгама, озаренная поразительной сценической красотой молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ очаровательнаго голоса — производила увлеченіе, восторгъ и вызывала громъ рукоплесканій“. Въ то же самое время другой цѣнитель былъ такого мнѣнія: „Семенова погибла безвозвратно, она дальше не пойдетъ!“ Мелочно тщеславная, капризная, завистливая, она окунулась въ омутъ закулисныхъ интригъ, брала неподходящія ей роли, забывая свою внѣшность и свои лѣта. Требовательность ея доходила до невѣроятныхъ предѣловъ: когда, въ 1822 г., извѣстный Катенинъ, полковникъ Преображенскаго полка, позволилъ себѣ, вмѣстѣ со всей публикой, выразить свое неудовольствіе по поводу появленія Азаревичевой, протежируемой Семеновой, въ заглавной роли трагедіи „Поликсена“, разгнѣванная „Гекуба“-Семенова поѣхала къ графу Милорадовичу съ жалобой, и генералъ-губернаторъ сказалъ Катенину: „Наша первая актриса Семенова не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы останетесь судьею ея представленій, а это было бы большое лишеніе для публики, и потому я васъ прошу не ѣздить въ театръ, когда будетъ играть г-жа Семенова“. Князь Шаховской ея побаивался и не любилъ: „наша актриса имѣла большое вліяніе на дирекцію, ее уважали; взглядъ ея былъ выразителенъ, рѣчь повелительна, осанка величественна, такъ что, не зная, встрѣтясь съ ней внѣ сцены, всякій всегда бы сказалъ: „вотъ она, Семенова!“ Въ послѣдніе годы лучшей ея ролью была „Заремба“ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“. Въ 1826 г. она оставила сцену и, переселившись въ Москву, въ 1828 г. вышла замужъ за князя П. А. Гагарина, съ которымъ прожила въ Петербургѣ 15 лѣтъ и имѣла сына и 3 дочерей. Изрѣдка она выступала въ домашнихъ или благотворительныхъ спектакляхъ, но у нея въ домѣ бывали Пушкинъ, москвичи Аксаковъ, Погодинъ, Надеждинъ... Послѣдніе годы ея жизни были омрачены непріятнымъ процессомъ, который велъ сенаторъ М. М. Корніолинъ-Пинскій со своей женой, старшей изъ ея дочерей, Надеждой Ивановной (въ 1833 г. вышла замужъ, 16-и лѣтъ), окончившійся разводомъ въ 1859 году.

Овдовѣвъ въ 1832 г., Семенова умерла въ Петербургѣ, разбитая параличомъ, 1 Марта 1849 года; похоронена она на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность П. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ.)

CATHERINE SÉMENOWNA SÉMENOFF, 1786—1849, célèbre actrice dramatique, enfant naturelle de Jdanoff, maître d'un corps de cadets et d'une esclave, naquit le 7 novembre 1786. Elle acheva en 1803, le 3 février, ses études à l'Ecole théâtrale, sous la direction de Dmitriewsky, et fit son premier début dans la comédie „Nanine". Son remarquable talent, son brillant extérieur, sa belle voix sonore lui attirèrent l'attention d'amateurs aussi sérieux que A. N. Olénine et le prince Chakhowskoï. Ce dernier d'abord, puis Gnéditch, fortement épris d'elle comme femme, se mirent à lui donner des leçons de diction et à étudier des rôles avec elle; l'on ne peut dire si ce fut ou non à son avantage. Quoi qu'il en soit, beaucoup d'admirateurs de Sémenoff étaient persuadés que ces „maîtres" avaient gâté son énorme talent naturel, qui ne se faisait pas à une école, mais à l'entraînement et à l'inspiration, et qui ressortait dans les minutes de passion et de souffrance que vivait l'actrice dans ses rôles. Elle était un interprète inimitable des rôles tragiques sur la scène russe et faisait sur le public une impression enthousiaste. Elle subjuguait les spectateurs par la sincérité de son sentiment, et Pouchkine a immortalisé ses succès dans ses vers:

„C'est là que, dans la tragédie,
Sémenowa fut applaudie,
Qu'Ozéroff fit venir des pleurs
A tant et tant de spectateurs".

Un autre amateur contemporain du théâtre écrit ce qui suit: „La plus vive imagination d'un peintre ne pourrait rêver un plus bel idéal de beauté féminine pour les rôles tragiques; et à ceci venait s'ajouter une voix pure, sonore, agréable, qui ébranlait toutes les fibres du cœur humain à la moindre inspiration de la passion". Sémenoff a peu fait pour développer son talent: gâtée par le culte que tous lui offraient, elle se fia bientôt à ses lauriers, devint paresseuse et se mit à apprendre les rôles assez superficiellement, sans faire attention aux détails; elle manquait aussi d'instruction générale. Son propre talent, l'imitation studieuse depuis 1808 de l'artiste française George et les leçons de ses directeurs firent plus tard de son jeu un „merveilleux mélange", comme le dit son adorateur Aksakoff, qui s'exprime en ces termes: „Tout cet amalgame, éclairé par l'étonnante beauté scénique de la jeune actrice, rempli de sentiment et de feu, rendu dans les sons doux et sonores d'une voix enchanteresse, excitait l'entraînement, l'enthousiasme de tous et un tonnerre d'applaudissements". Un autre critique déclare dans le même temps que Sémenoff est perdue sans retour, qu'elle n'ira pas plus loin". Vaniteuse dans les petites choses, capricieuse et envieuse, elle tomba dans le gouffre des intrigues cachées, se chargeait de rôles qui ne lui convenaient pas et oubliait son âge. Ses exigences dépassaient toute borne: quand, en 1822, le fameux Katénine, colonel du régiment Préobragensky, se permit, avec le reste des spectateurs, d'exprimer son mécontentement de voir apparaître Mme Azarévitcheff, sa protégée, dans le rôle principal de la tragédie „Polyxène", „Hécube"-Sémenoff irritée se rendit chez le comte Miloradowitch pour porter plainte, et le gouverneur général dit à Katénine: „Notre primadonne Sémenoff ne veut point paraître sur la scène tant que vous serez juge de ses représentations; ce serait une grande privation pour le public, aussi je vous prie de ne plus aller au théâtre quand elle joue". Le prince Chakhowskoï la craignait et ne l'aimait pas: notre actrice, dit-il, avait une grande influence sur la direction, on l'estimait; son regard était expressif, son parler impérieux, sa taille majestueuse et quiconque la rencontrait hors de la scène, même sans la connaître, disait: „La voilà, Mme Sémenoff". Le meilleur rôle de ses dernières années fut „Zaremba" dans la „Fontaine de Bakhtchisaraï". En 1826, elle quitta la scène et s'établit à Moscou. Elle épousa en 1828 le prince I. A. Gagarine, avec lequel elle vécut 15 ans et eut un fils et 3 filles. De temps à autre elle apparaissait sur des théâtres privés et donnait des représentations de bienfaisance, mais elle recevait chez elle Pouchkine, les moscovites Aksakoff, Pogodine, Nadejdine... Les dernières années de sa vie furent attristées par le désagréable procès intenté par le sénateur M. M. Kornioline-Pinsky à sa femme, qui était l'aînée de ses filles, Nadejda Ivanowna (elle s'était mariée à 16 ans en 1833), procès qui finit par le divorce en 1859.

Sémenoff, veuve depuis l'année 1832, mourut à St-Pétersbourg le 1er mars 1849, frappée de paralysie, et fut enterrée au cimetière de Mitrofanieff.

(D'après un original de Ch. Brulloff, appartenant à I. Tzvetkoff, à Moscou.)

Князь **МИХАИЛЪ НИКИТИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ**, 1713—1788, сынъ князя Никиты Федоровича отъ брака съ Аграфеной Петровной Бестужевой-Рюминой, родился 9 Октября 1713 года; вслѣдствіе опалы, постигшей Бестужевыхъ при Петрѣ II, Волконскій, послѣ заточенія въ монастырь его матери, жилъ въ ссылкѣ съ дядей, М. П. Бестужевымъ, въ Бѣлозерскѣ. Его помѣшавшійся отецъ игралъ роль шута при дворѣ Императрицы Анны. Послѣ прощенія въ 1732 г. братьевъ Бестужевыхъ, Государыня приказала зачислить 19-лѣтняго князя Волконскаго въ Кадетскій корпусъ; выпущенный оттуда въ 1736 г. подпоручикомъ, онъ отличился въ Турецкой войнѣ, а въ 1740 г. состоялъ адъютантомъ при Лифляндскомъ генералъ-губернаторѣ Ласси. 9 Ноября 1756 г. Волконскій, въ чинѣ генералъ-майора, былъ назначенъ министромъ при Польскомъ дворѣ и пробылъ въ Варшавѣ 2 года, заслуживъ расположеніе Августа III и орденъ Бѣлаго Орла. Опала, постигшая канцлера, не коснулась его племянника, и 15 Февраля 1758 г. Волконскій получилъ рескриптъ, обнадеживавшій его „о продолженіи неотмѣнной милости и благоволенія“. Назначенный 29 Августа 1758 г. въ дѣйствующую армію и командуя бригадой, онъ отличился при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ. Пожалованный въ генералъ-поручики, осенью 1761 г. былъ назначенъ командующимъ войсками, расположенными въ Познани, „къ сохраненію тишины въ Польшѣ“. Князь Волконскій былъ сторонникомъ Екатерины II и по воцареніи ея получилъ орденъ Александра Невскаго, званіе сенатора и чины генералъ-аншефа и подполковника Конной гвардіи. Въ 1764 г. онъ командовалъ корпусомъ въ Польшѣ, а въ 1767 г. получилъ орденъ св. Андрея и въ томъ же году, въ званіи генералъ-адъютанта, былъ депутатомъ отъ Сената въ Комиссіи для составленія Уложенія. 14 Ноября 1768 г. Волконскій выступилъ въ Совѣтѣ противъ Панина съ запросомъ о польскихъ дѣлахъ, вызвавшимъ замѣну въ Варшавѣ племянника Панина, крутого князя Репнина, самимъ княземъ Волконскимъ, какъ человѣкомъ болѣе мягкимъ и способнымъ примирить поляковъ съ Россіей. Прибывъ 22 Мая 1769 г. въ Варшаву, Волконскій увидѣлъ невозможность измѣнить политику своего предшественника: вслѣдствіе поддержки Россіей диссидентовъ „отъ самаго знатнаго вельможи до послѣдняго нищаго всѣ смертельно ненавидѣли все Московское“, а „непомѣрно слабый король не только ослабѣвалъ въ преданности своей къ интересамъ Россіи, но даже явно противъ нихъ дѣйствовалъ“, мечталъ о примиреніи „съ мятущеюся частью народа“, этой „мнимой націей“, по выраженію Волконскаго. Чтобы подѣйствовать на „зыбкій духъ“ короля, онъ ѣздилъ во дворецъ „постращать“ Станислава и указывалъ ему, что онъ „держится на престолѣ одними русскими войсками“. Князь Волконскій заботился объ устройствѣ конфедераціи изъ приверженцевъ Россіи, но не встрѣчалъ поддержки въ Петербургѣ, и въ началѣ 1771 г. оставилъ Варшаву. 5 Ноября 1771 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву для того, чтобы докончить дѣло успокоенія столицы, уже умиротворенной послѣ чумы и сентябрьскаго бунта Григоріемъ Орловымъ. Кромѣ того, Волконскому пришлось „успокоивать умы жителей“, возбужденные успѣхами Пугачева, и заботиться о соблюденіи порядка во время его казни. На него же было возложено и введеніе новыхъ губернскихъ учрежденій 1775 г. и при немъ для приведенія Москвы „въ благоустройство“ былъ учрежденъ „Каменный приказъ“, не принесшій, впрочемъ, пользы вслѣдствіе того, что самъ Волконскій противодѣйствовалъ ему, подъ вліяніемъ своего оберъ-полиціймейстера Архарова, недовольнаго изъятіемъ изъ вѣдомства полиціи строительныхъ дѣлъ. Уволенный въ 1780 г. въ отставку, Волконскій умеръ 8 Декабря 1788 г. и погребенъ въ семейной усыпальницѣ въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ.

Отъ брака съ дочерью кабинетъ-секретаря Петра I, Елизаветой Алексѣевной Макаровой, князь Волконскій имѣлъ двоихъ сыновей: Льва и Павла, и двухъ дочерей: Марію, умершую въ дѣтствѣ, и Анну, вышедшую замужъ за князя Александра Александровича Прозоровскаго.

Обходительный и хлѣбосольный, князь Волконскій былъ знающимъ администраторомъ. „Peu de personnes“, писалъ о немъ графъ С. Р. Воронцовъ, „connaissent aussi bien que lui l'intérieur de la Russie et ont des idées aussi saines sur l'administration qu'il convient d'y établir“. Какъ опытный администраторъ, онъ составилъ въ 1774 г. проектъ „о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи имперіи на губерніи“, какъ дипломатъ, князь Волконскій потерпѣлъ полную неудачу въ Польшѣ, дѣла которой въ эпоху Барской конфедераціи представляли полный хаосъ....

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince MICHEL NIKITITCH WOLKONSKY, 1713—1788, fils du prince Nicétas Féodorowitch et de sa femme Agrippine Pétrowna Bestoujeff-Rumine, naquit le 9 octobre 1713. Lorsque les Bestoujeff eurent encouru la disgrâce de Pierre II et que sa mère fut confinée dans un monastère, Wolkonsky vécut en exil avec son oncle, M. P. Bestoujeff, à Bélozersk. Son père, tombé en démence, joua le rôle de bouffon à la Cour de l'Impératrice Anne. Quand, en 1732, les frères Bestoujeff furent graciés, l'Impératrice fit entrer au corps des cadets le jeune prince qui avait dix-neuf ans. Il en sortit en 1736 sous-lieutenant et se distingua à la guerre de Turquie; en 1740, il devint aide de camp de Lassy, gouverneur général de Livonie et, le 9 novembre 1756, promu général-major, il fut nommé ministre à la cour de Pologne; il y resta deux ans, était bien vu d'Auguste III et reçut l'Aigle Blanc. La disgrâce encourue par le chancelier n'atteignit point son neveu, et le 15 février 1758, il reçut un rescrit qui lui assurait „la continuation de la faveur et des bonnes grâces du Souverain". Le 29 août 1758, il entra dans l'armée active et se distingua, à la tête d'une brigade, à Paltzig et à Kunersdorf. Promu au grade de lieutenant-général à l'automne de 1761, il commanda les troupes disposées en Posnanie „pour maintenir l'ordre en Pologne". Le prince Wolkonsky était un partisan de Catherine II et, à son avènement au trône, il reçut l'ordre d'Alexandre Newsky, la dignité de sénateur et les grades de général en chef et de lieutenant-colonel de la garde à cheval. En 1764, il commanda un corps d'armée en Pologne et, en 1767, il reçut St-André. Puis, en qualité d'aide de camp général, il fut le délégué du Sénat à la Commission chargée d'élaborer les codes. Le 14 novembre 1768, au Conseil, Wolkonsky adressa à Panine une interpellation sur les affaires de Pologne, ce qui amena le rappel de Varsovie du neveu de Panine, l'irascible prince Repnine, et son remplacement par le prince Wolkonsky, qui, grâce à son caractère malléable, semblait plus apte à concilier les Polonais. Il arriva le 22 mai 1769 à Varsovie et se vit bientôt dans l'impossibilité de changer la politique de son prédécesseur: comme la Russie soutenait les dissidents „tous, depuis le grand dignitaire jusqu'au dernier mendiant, détestaient mortellement tout ce qui venait de Moscou" et „le roi, d'une extrême faiblesse, non seulement faiblissait dans son dévouement aux intérêts russes, mais encore agissait ouvertement contre eux" et songeait à se concilier „la partie révoltée de la nation", cette „nation imaginaire", suivant Wolkonsky. Pour agir sur „l'esprit vacillant" du roi, il alla au palais „effrayer" Stanislas et lui démontrer que „seules les troupes russes le maintenaient sur le trône". Le prince Wolkonsky cherchait à créer une confédération des partisans de la Russie, mais il ne fut point soutenu par le gouvernement, et il quitta Varsovie au commencement de 1771. Le 5 novembre de la même année, il fut nommé commandant en chef de Moscou pour achever l'apaisement de la capitale après la peste et la révolte de septembre qu'avaient combattues le comte Grégoire Orloff. Il eut de plus à „tranquilliser les esprits" excités par le succès de Pougatcheff et à faire observer l'ordre pendant son supplice. Il eut aussi à introduire les nouvelles institutions gouvernementales de 1775 et pour mettre „le bon ordre" à Moscou, ce fut sous lui qu'on institua „l'ordonnance touchant les travaux de maçonnerie", qui du reste ne porta pas de fruit, car Wolkonsky la combattit sous l'influence de son grand-maître de police Arkharoff, mécontent qu'on enlevât les constructions du ressort de la police. Le prince Wolkonsky reçut son congé en 1780, mourut le 8 décembre 1788 et fut enterré dans le caveau de famille au monastère Pafnoutieff à Borovsk.

Il eut de son mariage avec la fille du secrétaire du cabinet de Pierre Ier, Elisabeth Alexéewna Makaroff, deux fils, Léon et Paul, et deux filles, Marie, qui mourut enfant, et Anne, mariée au prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky.

Affable et hospitalier, le prince Wolkonsky était un administrateur intelligent. „Peu de personnes", dit de lui le comte S. R. Worontzoff, „connaissent aussi bien que lui l'intérieur de la Russie et ont des idées aussi saines sur l'administration qu'il convient d'y établir". Il composa en 1774 un projet sur „l'amélioration des tribunaux et la division de l'Empire en gouvernements". Mais le prince subit comme diplomate un échec complet en Pologne, où les affaires étaient dans un désordre complet à l'époque de la confédération de Bar.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

97

Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, 1713 — 1789

Le Prince Michel Nikititch Wolkonsky, 1713 — 1789

98

Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, 1732 — 1809

Le Prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky, 1732 — 1809

99

Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, 1781 — 1826

Le Prince Théodore Sergiéewitch Golitzyne, 1781 — 1826

100

Пис. Тангерманнъ, 1809

Княгиня Анна Александровна Голицына, 1782 — 1863

Peint par Tangermann, 1809

La Princesse Anna Alexandrowna Golitzyne, 1782 — 1863

Князь **АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПРОЗОРОВСКІЙ**, 1732—1809, сынъ лейтенанта князя Акександра Никитича отъ второго его брака съ княжной Анной Борисовной Голицыной, въ 1742 г. зачисленный солдатомъ въ Семеновскій полкъ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и былъ раненъ въ сраженіяхъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ и Цорндорфѣ. Послѣ войны Прозоровскій командовалъ послѣдовательно пѣхотными полками—Углицкимъ, С.-Петербургскимъ и 4-мъ Гренадерскимъ. Произведенный въ 1764 г. въ генералъ-майоры, онъ въ 1766 и 1767 гг. стоялъ съ „деташементомъ“ въ Варшавѣ, а въ 1768 г. нанесъ пораженіе конфедератамъ при Бродахъ, за что получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Во время Турецкой войны, съ 1769 г., Прозоровскій служилъ въ арміи князя Долгорукаго-Крымскаго и былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика, Александровской лентой, Георгіемъ 3-й ст. и вотчиной въ Бѣлоруссіи. Съ 1775 по 1780 г. онъ командовалъ Украинской дивизіей, при чемъ въ 1777 г. получилъ орденъ Георгія 2-й ст. „за крымскія дѣла“. Будучи съ 1780 по 1784 г. намѣстникомъ Орловскимъ и Курскимъ, князь Прозоровскій въ 1783 г. былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и 19 Февраля 1790 г. назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, съ награжденіемъ орденомъ св. Андрея. Назначеніе его въ Москву было однимъ изъ явныхъ признаковъ реакціи, наступившей въ концѣ царствованія Екатерины II. Ему было поручено подтянуть Москву, и онъ ознаменовалъ свое управленіе преслѣдованіемъ раскольниковъ, розыскомъ „якобинцевъ“ и полнымъ разгромомъ въ 1792 г. мартинистовъ, группировавшихся около Н. И. Новикова. Прозоровскій съ величайшей энергіей разыскивалъ и допрашивалъ мартинистовъ и послѣ рѣшенія ихъ участи долго еще жегъ отобранныя у нихъ вредныя книги. Екатерина, воспользовавшись его усердіемъ, тѣмъ не менѣе презрительно третировала его и не только ничѣмъ не наградила, но еще смѣялась надъ тѣмъ, что онъ въ 1793 г. „пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ“. Лишь въ 1795 г. Прозоровскій получилъ орденъ Владиміра 1-й ст., но 21 Марта покинулъ Москву. Павелъ I назначилъ его 24 Ноября 1796 г. командующимъ Смолепской дивизіей, но уже 6 Января 1797 г. сослалъ въ деревню, гдѣ онъ занялся откупами и нуждался въ покровительствѣ Владимірскаго губернатора князя И. М. Долгорукаго. Александръ I пригласилъ его вступить въ службу и пожаловалъ его жену въ статсъ-дамы. Въ 1806 г. Прозоровскій былъ начальникомъ 6-й области ополченія; пожалованный 30 Августа 1807 г. въ фельдмаршалы, онъ въ 1808 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турціей. Не сдѣлавъ на Дунаѣ ничего существеннаго, князь Прозоровскій, здѣсь, подъ Мачиномъ, и умеръ отъ дряхлости и объяденія 9 Августа 1809 года; тѣло его погребено въ Кіево-Печерской лаврѣ. Отъ брака съ княжной Анной Михайловной Волконской онъ имѣлъ двухъ дочерей: Елизавету († 14 лѣтъ) и Анну (въ замужествѣ за княземъ Ф. С. Голицынымъ).

Не получившій образованія, ограниченный и надменный, посѣдѣвшій во фронтѣ, князь А. А. Прозоровскій не терпѣлъ вольнодумства и ненавидѣлъ якобинцевъ и масоновъ. Въ Новиковѣ и Лопухинѣ онъ видѣлъ опаснѣйшихъ враговъ государства и преслѣдовалъ ихъ съ энергіей и страстностью, не гнушаясь угрозами и всѣми видами шпіонства. Онъ придавалъ такое значеніе аресту Новикова и обставилъ это дѣло такими военными предосторожностями, что графъ Разумовскій съ насмѣшкой замѣтилъ: „Вотъ расхвастался, какъ будто городъ взялъ! Да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать, такъ и притащилъ бы его“. Въ число запрещенныхъ книгъ онъ включилъ сдѣланный Карамзинымъ переводъ Шекспировскаго „Юлія Цезаря“ и, говорятъ, принялъ подстрочныя ссылки на стихи Священнаго Писанія за какую-то „опасную масонскую кабалистику“. Мѣтко охарактеризовалъ князя Прозоровскаго Потемкинъ въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ, по поводу назначенія его въ Москву: „Ваше Величество выдвинули изъ Вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ Вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ, только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince ALEXANDRE ALEXANDROWITCH PROZOROWSKY, 1732—1809, fils du lieutenant prince Alexandre Nikititch et de sa seconde femme la princesse Anne Borissowna Golitzyne, entra en 1742 comme soldat au régiment Sémenowsky, prit part à la Guerre de Sept Ans et fut blessé à Gross-Egersdorf et à Zorndorf. Après la guerre, Prozorowsky commanda les régiments d'infanterie d'Ouglitz, de St-Pétersbourg et le 4e grenadiers. Nommé en 1764 général major, il occupa en 1766 et en 1767 Varsovie avec „un détachement". En 1768, il remporta une victoire sur les confédérés à Brody, ce qui lui valut Ste-Anne de 1re classe. Pendant la guerre de Turquie, Prozorowsky fut, dès 1769, attaché à l'armée du prince Dolgorouky-Krymsky; il y fut promu général-lieutenant et reçut le grand cordon de St-Alexandre, St-Georges de 3e classe et un domaine dans la Russie Blanche. De 1775 à 1780, il commanda la division de l'Ukraine et obtint en 1777 St-Georges de 2e classe „pour les affaires de Crimée". De 1780 à 1784, il fut vice-roi d'Orel et de Koursk et nommé en 1783 général en chef. Le 19 février 1790, il devint commandant en chef de Moscou et fut décoré de St-André. Cette nomination était un des symptômes de la réaction, qui commença à la fin du règne de Catherine II. Il fut chargé de faire rentrer Moscou dans l'ordre et, il se distingua par sa poursuite des dissidents, ses recherches „des jacobins", et la destruction complète en 1792 des martinistes, qui se groupaient autour de N. I. Novikoff. Prozorowsky rechercha et interrogea les martinistes avec la plus grande énergie et, longtemps après avoir décidé de leur sort, il brûla les livres pernicieux qu'il leur avait enlevés. Catherine, qui avait profité de son zèle, le traitait néanmoins avec mépris, et non seulement elle ne le récompensa pas, mais encore se moqua de ce qu'en 1793, „il était venu chercher une récompense pour avoir détruit les martinistes". Il ne reçut qu'en 1795 St-Vladimir de 1re classe, et, le 21 mars, il dut quitter Moscou. Paul Ier le nomma le 24 novembre 1796 commandant de la division de Smolensk et le renvoya le 6 janvier 1797 dans ses terres, où il avait le monopole de la vente des spiritueux et recourait à la protection du gouverneur de Vladimir, le prince I. M. Dolgorouky. Alexandre Ier l'invita à rentrer au service et nomma sa femme dame d'honneur. En 1806, Prozorowsky était chef de la milice du 6e arrondissement. Nommé maréchal le 30 août 1807, il fut appelé en 1808 au commandement en chef lors de la guerre de Turquie. Il ne se distingua pas sur le Danube et mourut le 9 août 1809 à Matchine de décrépitude et d'indigestion. Il fut enterré à la laure Kievo-Pétchersk. Il eut de son mariage avec la princesse Anne Mikhaïlowna Volkonsky deux filles, Elisabeth († à 14 ans) et Anne (mariée au prince F. S. Golitzyne).

Homme sans instruction, borné et hautain, le prince Prozorowsky, qui avait blanchi au service militaire, ne pouvait souffrir la libre-pensée et détestait jacobins et francs-maçons. Il voyait en Novikoff et en Lopoukhine les ennemis les plus dangereux de l'Etat, les poursuivait avec énergie et passion et ne reculait pas devant les menaces et toute sorte d'espionnage. Il donna une telle importance à l'arrestation de Novikoff et prit de telles mesures de précaution, que le comte Razoumowsky dit avec malice: „Il ne cesse de se vanter comme s'il avait pris une ville! Mais s'il l'avait envoyé chercher par un adjoint de maire de village ou un boulanger, il l'aurait attrapé". Il mettait au nombre des livres prohibés la traduction de Jules César de Shakespeare faite par Karamzine, et prit, dit-on, des citations interlinéaires de versets de la Bible pour „une science cabalistique maçonnique dangereuse". Le prince Potemkine caractérise le prince Prozorowsky avec beaucoup de justesse, quand il écrit à Catherine à propos de sa nomination à Moscou: „Madame, Vous avez pris de Votre arsenal le plus vieux canon, qui certainement frappera, mais à tort et à travers, et craignez qu'il ne souille de sang le nom de Votre Majesté".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь ФЕДОРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1781—1826, сынъ генералъ-аншефа князя Сергѣя Федоровича отъ его брака съ племянницей князя Потемкина, Варварой Васильевной Энгельгардтъ (см. т. II, №№ 7 и 58), восьми лѣтъ отъ роду былъ уже вахмистромъ лб.-гв. Коннаго полка, а въ 1792 г. произведенъ въ корнеты; 7 Января 1797 г. переведенъ въ Кавалергардскіе эскадроны; въ Мартѣ 1798 г. произведенъ въ подпоручики, а 28 Октября отставленъ отъ службы. Вигель даетъ слѣдующую характеристику князя Голицына: „Князь Федоръ не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ былъ бы замѣчателенъ. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ пріобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ тотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его выказывать, а немущему скрывать его недостатки. Въ немъ образовался князь Федоръ Голицынъ, а какъ французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ. Казалось, онъ взялъ себѣ девизомъ—„все для большого свѣта, его успѣховъ и наслажденій“. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой дѣлали наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодости, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія. Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необычайнымъ вкусомъ: что касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всѣми драгоцѣнными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій геній. Еще одну великую способность имѣлъ князь Федоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно приготовлять великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ“. „Я слышалъ“, пишетъ В. Соллогубъ, „еще разсказъ о томъ, что однажды Государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ на Гатчинской эспланадѣ. Вдругъ, передъ развернутымъ фронтомъ, пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Ф. С. Голицынъ“. Въ описываемое время, относящееся къ началу царствованія Императора Александра I, князь Голицынъ былъ въ званіи камеръ-юнкера (съ 15 Сентября 1801 г.); въ 1804 г. пожалованъ онъ камергеромъ, съ причисленіемъ къ Московскому архиву Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Къ этому времени относятся слѣдующія строки изъ воспоминаній Вигеля: Князь Ф. С. Голицынъ „находилъ, что не иначе можно блистать, какъ въ столицѣ и при Дворѣ; а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ. Много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственной дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14.000 душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Отъ великолѣпій Двора по временамъ отдалялся онъ, чтобы мѣнять ихъ на пышность своего собственнаго великокняжескаго житья, которое намѣренъ былъ завести онъ въ отдаленномъ помѣстьѣ. Ему хотѣлось, чтобы замокъ его походилъ на Павловскій дворецъ; огромный, красивый прудъ хотѣлъ онъ обратить въ широкую рѣчку; для открытія видовъ дѣлалъ просѣки и рубилъ славныя деревья въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ цѣнится золотомъ, однимъ словомъ, знатнымъ образомъ куралесилъ“... 1 Іюля 1817 г. князь Ф. С. Голицынъ былъ назначенъ егермейстеромъ и начальникомъ Егермейстерской конторы, гдѣ и прослужилъ до 1825 г., когда вышелъ въ отставку. Въ Январѣ слѣдующаго 1826 года онъ умеръ и похороненъ въ своемъ родовомъ имѣніи Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Голицыну-Прозоровскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince THÉODORE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1781—1826, fils du général en chef prince Serge Féodorowitch de son mariage avec la nièce du prince Potemkine, Varvara Vassiliewna Engelhardt (v. T. II, №№ 7 et 58), était déjà, à l'âge de sept ans, maréchal des logis dans la garde à cheval et, en 1792, promu cornette; le 7 janvier 1797, il passa aux chevaliers-gardes, en mars 1798, fut nommé sous-lieutenant et, le 28 octobre, mis en disponibilité. Viegel caractérise ainsi le prince Golitzyne: „Le prince Théodore se ferait remarquer non seulement dans notre société restreinte, mais même dans la plus brillante et la plus nombreuse. Ayant reçu une éducation aussi déplorable que celle de ses frères, il acquit pourtant dans le commerce de la haute société ce bon ton qui donne à un homme d'esprit tant d'occasions d'en faire parade, et à celui qui n'en a pas, le moyen de cacher ses défauts. Voilà l'éducation que reçut le prince Golitzyne, et comme le français était le signe distinctif du bon ton, il le maniait si aisément et si élégamment que je n'en avais point entendu de pareil jusqu'alors. On aurait pu croire qu'il avait pris pour devise: „Tout pour le grand monde, ses succès et ses délices". Et voilà pourquoi j'ai connu peu de personnes qui eussent autant d'affabilité mondaine et d'esprit. Son visage, semblable à celui d'une nourrice russe, blanc, plein, large, vermeil, mais au regard perçant et au sourire séduisant, rendait son extérieur très agréable; étant jeune, par les artifices de la toilette, il sut élégamment atténuer son embonpoint extraordinaire. Il chantait les romances à ravir et s'appliquait à la lecture des romans; c'est à cela, à ce qu'il paraît, que se bornaient toutes ses connaissances. En outre il était doué d'un goût hors de pair et s'entendait à arranger les chambres et à les orner de mille bibelots précieux mieux que personne, c'était un vrai génie pour les trouvailles de ce genre. Le prince Théodore avait encore un grand talent: il n'y avait personne en Russie qui sût aussi bien que lui organiser des fêtes magnifiques et en être l'ordonnateur". „J'ai entendu raconter", écrit V. Sollohub, „que l'Empereur se disposait une fois à passer en revue un régiment de cavalerie sur l'esplanade de Gatchina. Tout à coup, une cavalcade inattendue passa ventre à terre devant le front des troupes. En tête galopait à bride abattue une dame d'une corpulence phénoménale, en amazone verte et en chapeau à plumes. Un effronté petit-maître caracolait à ses côtés et se répandait en amabilités. Une suite peu nombreuse les suivait encore. Cette mascarade intempestive fut arrêtée sur-le-champ. Celui qui était déguisé en dame était le prince obèse Th. Golitzyne". A l'époque que nous décrivons et qui se rapporte au commencement du règne de l'Empereur Alexandre Ier, le prince Golitzyne était gentilhomme de la chambre (à partir du 15 septembre 1801); en 1804, il fut fait chambellan et attaché aux archives du Collège des affaires étrangères de Moscou.

C'est à ce moment qu'ont trait les lignes suivantes des mémoires de Viegel: „Il jugeait qu'on ne pouvait briller autrement que dans la capitale et à la Cour; et comme toutes les facultés de son esprit, et il en avait de reste, y étaient tendues, il y réussissait complètement. Ce qui contribua beaucoup à cela fut son mariage avantageux avec la fille unique du feld-maréchal prince Prozorowsky qui avait quatorze mille serfs desquels, dans la suite, il ne lui resta guère que la dixième partie. Il s'éloignait de temps à autre des magnificences de la Cour pour les échanger contre l'appareil d'une existence toute princière qu'il voulait établir dans son domaine lointain. Il aurait voulu que son château ressemblât au palais de Pavlowsk; il désirait faire d'un immense et bel étang une petite rivière; pour se créer de nouveaux points de vue, il faisait faire des trouées et abattre des arbres superbes dans des steppes où le bois vaut de l'or; en un mot, il faisait des bévues en grand"... Le 1er juillet 1817, le prince obtint la charge de veneur et de directeur des Bureaux de la vénerie, où il servit jusqu'en 1825, lorsqu'il prit sa retraite. Il mourut au mois de janvier de l'année suivante (1826) et fut enseveli à Zoubrilowka, son bien héréditaire, dans le district de Balachoff, gouvernement de Saratoff.

(D'après une miniature, appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, St-Pétersbourg.)

100

Княгиня **АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1782—1863, родилась 28 Декабря 1782 года. Послѣдняя въ родѣ князей Прозоровскихъ, она была младшею изъ двухъ дочерей фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровскаго (р. 1732 г., † 1809 г.) отъ брака его съ княжною Анной Михайловной Волконской (р. 1747 г., † 1824 г.). Пожалованная во фрейлины въ день коронаціи Императора Александра I, 15 Сентября 1801 года, она вышла замужъ 14 Февраля 1809 г. за князя Федора Сергѣевича Голицына, которому принесла громадное состояніе, унаслѣдованное ею отъ бездѣтныхъ дядей по матери, князей Волконскихъ. Живя до замужества съ матерью, она состояла вмѣстѣ съ тѣмъ свитною фрейлиною Императрицы Маріи Ѳеодоровны; воспитанная въ ея школѣ, княжна Прозоровская усвоила себѣ многія черты характера и привычки Государыни, какъ-то: любовь „къ строгому порядку въ жизни, къ постоянному труду, къ ходьбѣ во всякую погоду, къ открытымъ окнамъ, даже сквознякамъ“... Умная женщина, съ характеромъ благороднымъ и независимымъ, она не раздѣляла любви своего мужа къ роскошной свѣтской жизни, предпочитая чтеніе и домашнюю обстановку въ обществѣ дѣтей. Лѣтнее время любила проводить въ Саратовскомъ имѣніи Голицыныхъ, с. Зубриловкѣ, гдѣ много занималась устроеннымъ ея мужемъ на собственныя средства Институтомъ для дочерей мѣстныхъ дворянъ, пользовавшимся покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ той же Зубриловкѣ она провела безвыѣздно пять лѣтъ послѣ смерти мужа, когда разстроенныя его широкимъ образомъ жизни дѣла потребовали продажи Петербургскаго дома, дачи въ Царскомъ Селѣ, картинной галлереи и даже закрытія Института въ Зубриловкѣ. Здѣсь она занялась воспитаніемъ дѣтей, которыхъ держала въ строгой дисциплинѣ, но предоставляя имъ свободу движеній на воздухѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ началѣ 30-хъ годовъ, когда старшіе сыновья ея поступили въ военную службу, княгиня А. А. Голицына заняла видное положеніе въ свѣтѣ, была кавалерственною дамою ордена св. Екатерины, но сохранила свои привычки къ простому и спартанскому образу жизни; „каждый день, въ 8 ч. утра, во всякую погоду она ходила со своей дочерью гулять по городу въ сопровожденіи цѣлой стаи уродливыхъ собакъ, которыхъ она очень любила, и при которыхъ состоялъ карликъ Иванъ Васильевичъ“. По свидѣтельству Вигеля, „она любила читать классическихъ авторовъ и изучать древнюю исторію; если же принимала участіе во всѣхъ свѣтскихъ собраніяхъ, гдѣ блистала своимъ умомъ, то только въ угоду мужу и въ силу чувства долга, который всегда ставила выше всего“. Голицына имѣла „всѣ свойства европейскихъ аристократокъ прежняго времени: отличаясь умомъ и добротой, она въ то же время была холодна и надменна и дѣлалась любезна только съ коротко знакомыми людьми. Ея учтивость безъ малѣйшей улыбки казалась обидной ея сосѣдямъ по Зубриловкѣ, которые поэтому рѣдко посѣщали ее, и ея общество ограничивалось тѣснымъ домашнимъ кругомъ изъ наемныхъ иностранокъ и иностранцевъ“.

Княгиня Голицына скончалась въ Петербургѣ, 81 года, 12 Декабря 1863 г., пережившъ многихъ изъ своихъ дѣтей; тѣло ея было перевезено въ Зубриловку и предано землѣ рядомъ съ мужемъ. У нея было шесть сыновей: князья: Александръ (р. 1810 г., † 1899 г.), Сергѣй (р. 1812 г., † 1849 г.), Михаилъ (р. 1813 г., † 1814 г.), Давидъ (р. 1816 г., † 1855 г.), Константинъ (р. 1818 г., † 1884 г.) и Борисъ (р. 1819 г., † 1896 г.), и три дочери, изъ конхъ старшая, княжна Тансія (р. 1811 г., † 1812 г.), умерла въ дѣтствѣ, а младшая, Александра (р. 1817 г., † 1841 г.), скончалась незамужней, вторая же, княжна Юлія (р. 1814 г., † 1881 г.), была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ.

10 Ноября 1852 г. Высочайше разрѣшено старшему сыну княгини Анны Александровны, князю Александру Федоровичу Голицыну, съ нисходящимъ его потомствомъ, именоваться княземъ Голицынымъ-Прозоровскимъ.

(Съ миніатюры Тангермана, 1809 г., принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

100

La princesse **ANNA ALEXANDROWNA GOLITZYNE**, 1782—1863, est née le 28 décembre 1782; c'était la cadette des deux filles du feld-maréchal prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky (1732—1809) de son mariage avec la princesse Anna Mikhaïlowna Wolkonsky (1747—1824) et la dernière de la race des princes Prozorowsky. Le jour du couronnement de l'Empereur Alexandre Ier, le 15 septembre 1801, elle fut nommée demoiselle d'honneur et, huit ans après, le 14 février 1809, elle épousa le prince Théodore Golitzyne, auquel elle apporta en dot une immense fortune qu'elle tenait de ses oncles maternels, les princes Wolkonsky qui n'avaient pas d'enfants. Elle vécut jusqu'à son mariage avec sa mère et fut attachée en même temps, en qualité de demoiselle d'honneur, à la suite de l'Impératrice Marie Féodorowna; élevée à son école, la princesse Prozorowsky s'assimila beaucoup de traits du caractère de l'Impératrice et toutes ses habitudes: elle aimait „un ordre réglé dans la vie, un travail continuel, les promenades par n'importe quel temps, l'air et même les courants d'air". C'était une femme intelligente, au caractère noble et indépendant, qui ne partageait pas l'attachement de son époux pour la vie brillante du monde, y préférant la lecture et le foyer domestique dans la compagnie de ses enfants. Elle aimait à passer l'été à Zoubrilowka (gouv. de Saratoff), domaine des Golitzyne, où elle s'occupait beaucoup de l'Institut des filles des nobles de l'endroit, élevé aux frais personnels de son mari et placé sous le patronage de l'Impératrice Marie Féodorowna. C'est à Zoubrilowka qu'elle passa cinq ans de suite après la mort de son mari dont les affaires, délabrées à cause de son grand train de vie, la forcèrent alors à vendre leur maison de Pétersbourg, leur campagne de Tsarskoïé-Sélo, leur galerie de tableaux et même à fermer l'Institut de Zoubrilowka. Elle s'y occupa de l'éducation de ses enfants, les élevant sous une discipline sévère, mais leur accordant toute liberté de mouvement en plein air. De retour à Pétersbourg, au commencement de 1830, lorsque ses fils aînés embrassèrent la carrière militaire, la princesse Golitzyne occupa une grande place dans le monde, fut dame de Ste-Catherine, mais n'en conserva pas moins ses habitudes d'existence simple et spartiate: „chaque jour, à 8 heures du matin, n'importe par quel temps, elle allait se promener par les rues avec sa fille accompagnée de toute une troupe de chiens difformes qu'elle aimait beaucoup, confiés aux soins du nain Ivan Vassiliewitch". Viegel rapporte „qu'elle aimait à lire les auteurs classiques et à étudier l'histoire ancienne; si elle prenait part à toutes les assemblées mondaines, où elle brillait par son esprit, ce n'était que pour plaire à son mari et pour accomplir son devoir qu'elle mettait au-dessus de tout". La princesse Golitzyne „avait toutes les qualités distinctives des grandes dames de son époque: elle se distinguait par son esprit et sa bonté tout en étant froide et hautaine, et ne devenait affable qu'avec les personnes qu'elle connaissait de longue date. Sa politesse outrée paraissait offensante à ses voisins de Zoubrilowka qui évitaient de la voir, et sa société se bornait à un entourage très restreint d'étrangers et d'étrangères à gages".

La princesse Golitzyne mourut à Pétersbourg, à l'âge de 81 ans, le 12 décembre 1863, après avoir survécu à beaucoup de ses enfants; ses restes furent transportés à Zoubrilowka et inhumés aux côtés de son époux. Elle eut six fils, les princes: Alexandre (1810—1899), Serge (1812—1849), Michel (1813—1814), David (1816—1855), Constantin (1818—1884) et Boris (1819—1896), et trois filles, dont l'aînée, la princesse Thaïs (1811—1812), mourut en bas âge, et la cadette, la princesse Alexandrine (1817—1841), mourut sans s'être mariée; quant à la deuxième, la princesse Julie (1814—1881), elle épousa le prince Alexis Kourakine.

Le 10 novembre 1852, le prince Alexandre Golitzyne, fils aîné de la princesse Anna Alexandrowna, reçut, pour lui et pour sa descendance, l'autorisation impériale de porter le nom de prince Golitzyne-Prozorowsky.

(D'après une miniature de Tangermann, 1809, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Княгиня ЕКАТЕРИНА ДМИТРІЕВНА ВОЛКОНСКАЯ, 1749—1799, дочь князя Дмитрія Юрьевича Трубецкого († 9 Декабря 1792 г.), женатаго на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Одоевской († 4 Февраля 1788 г.), родилась 15 Сентября 1749 г.; уже немолодой вышла замужъ за генералъ-аншефа князя Николая Сергѣевича Волконскаго (р. 30 Марта 1753 г., † 3 Февраля 1821 г.; см. т. I, № 179). Скончалась она 8 Мая 1799 г., оставивъ единственную дочь Марію (р. 1790 г., † 7 Марта 1830 г.), которая вышла потомъ за графа Николая Ильича Толстого (р. 1797 г.) и сдѣлалась матерью знаменитаго писателя графа Льва Николаевича (р. 28 Августа 1828 г.).

Въ своихъ „воспоминаніяхъ“ Левъ Николаевичъ разсказываетъ о своемъ дѣдѣ со стороны матери слѣдующее: „Про дѣда я знаю то, что, достигнувъ высокихъ чиновъ генералъ-аншефа при Екатеринѣ, онъ вдругъ потерялъ свое положеніе, вслѣдствіе отказа жениться на племянницѣ и любовницѣ Потемкина, Варенькѣ Энгельгардтъ. На предложеніе Потемкина, онъ отвѣчалъ: „Съ чего онъ взялъ, чтобы я женился на его б....“. За этотъ отвѣтъ онъ не только остановился въ своей служебной карьерѣ, но былъ назначенъ воеводой въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ, кажется, до воцаренія Павла, когда вышелъ въ отставку и, женившись на княжнѣ Е. Д. Трубецкой, поселился въ полученномъ отъ своего отца имѣніи Ясной Полянѣ. Княгиня Екатерина Дмитріевна рано умерла, оставивъ моему дѣду единственную дочь Марію. Съ этой-то сильно любимой дочерью и ея компаньонкой француженкой и прожилъ мой дѣдъ до своей смерти, около 1821 года. Дѣдъ мой считался очень строгимъ хозяиномъ, но я никогда не слыхалъ разсказовъ о его жестокостяхъ и наказаніяхъ, столь обычныхъ въ то время. Я думаю, что они были, но восторженное уваженіе къ его важности и разумности было такъ велико въ дворовыхъ и крестьянахъ его времени, которыхъ я часто разспрашивалъ про него, что, хотя я и слышалъ осужденія моего отца, я слышалъ только похвалы уму, хозяйственности и заботѣ о крестьянахъ и въ особенности огромной дворнѣ моего дѣда. Онъ построилъ прекрасныя помѣщенія для дворовыхъ и заботился о томъ, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одѣты и веселились бы. По праздникамъ онъ устраивалъ для нихъ увеселенія, качели, хороводы. Еще болѣе онъ заботился, какъ всякій умный помѣщикъ того времени, о благосостояніи крестьянъ, и они благоденствовали, тѣмъ болѣе, что высокое положеніе дѣда, внушая уваженіе становымъ, исправникамъ и засѣдателю, избавляло ихъ отъ притѣсненія начальства. Вѣроятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Всѣ его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таковъ же разбитый имъ паркъ передъ домомъ. Вѣроятно, онъ также очень любилъ музыку, потому что только для себя и для матери держалъ свой хорошій небольшой оркестръ. Я еще засталъ огромный, въ три обхвата вязъ, росшій въ клину липовой аллеи, и вокругъ котораго были сдѣланы скамьи и пюпитры для музыкантовъ. По утрамъ онъ гулялъ по аллеѣ, слушая музыку. Охоты онъ терпѣть не могъ, а любилъ цвѣты и оранжерейныя растенія“. Далѣе Левъ Николаевичъ разсказываетъ: „Странная судьба и самымъ страннымъ образомъ свела его съ той самой Варенькой Энгельгардтъ, за отказъ отъ которой онъ пострадалъ во время своей службы. Варенька эта вышла за князя Сергѣя Федоровича Голицына, получившаго вслѣдствіе этого всякаго рода чины, ордена и награды. Съ этимъ-то Сергѣемъ Федоровичемъ и его семьей, слѣдовательно и съ Варварой Васильевной, сблизился мой дѣдъ до такой степени, что мать моя была съ дѣтства обручена одному изъ десяти сыновей Голицына“.... Едва ли это не было только семейнымъ преданіемъ, и самъ Л. Н. Толстой сомнѣвается въ его достовѣрности.

(Съ портрета Рокотова; собственность графа Л. Н. Толстого, Ясная Поляна, Тульской губ.)

101

La princesse CATHERINE DMITRIEWNA WOLKONSKY, 1749—1799, fille du prince Dmitri Youriéwitch Troubetzkoï († le 9 décembre 1792), marié à la princesse Varvara Ivanowna Odoewsky († le 4 février 1788), est née le 15 septembre 1749; épousa, n'étant plus très jeune, le général en chef prince Nicolas Serguéewitch Wolkonsky (né le 30 mars 1753, † le 3 février 1821; v. T. I, № 179). Elle mourut le 8 mai 1799, laissant une fille unique, Marie (née en 1790, † le 7 mars 1830), qui épousa dans la suite le comte Nicolas Ilyitch Tolstoï (né en 1797) et fut la mère du comte Léon Tolstoï, le célèbre écrivain (né le 28 août 1828).

Dans son „Autobiographie“ (La Revue, 1906, № 10) le comte Léon Tolstoï raconte sur son grand-père maternel ce qui suit: „De mon grand-père maternel, je sais, qu'après avoir atteint le grade élevé de général en chef, au temps de Catherine, il perdit d'un coup sa situation à cause de son refus d'épouser la nièce de Potemkine, en même temps sa maîtresse, Varenka Engelhardt. A la proposition de Potemkine, il répondit: „Où a-t-il pris que je sois capable d'épouser sa g.....“. Cette réponse non seulement lui brisa sa carrière, mais lui valut d'être nommé gouverneur d'Arkhangel où il resta jusqu'au règne de Paul. Quand il prit sa retraite, après avoir épousé la princesse Catherine Dmitriewna Troubetzkoï, il s'installa dans son domaine d'Iasnaïa Poliana qu'il tenait de son père Serge Féodorowitch. La princesse Catherine Dmitriewna mourut très tôt laissant à mon grand-père une fille unique, Marie. C'est avec cette fille, qu'il aimait profondément, et sa dame de compagnie, une Française, que grand-père vécut jusqu'à sa mort survenue en 1821. Mon grand-père avait la réputation d'un maître très sévère, mais je n'ai jamais rien entendu raconter de ses cruautés ni des punitions habituelles en son temps; je pense qu'elles existaient, mais le respect enthousiaste que lui valaient son importance et sa sagesse était si grand, que de ses domestiques et ses paysans que j'ai interrogés souvent sur lui, je n'ai entendu que des louanges pour son esprit et pour le souci qu'il prenait de ses paysans et de son immense domesticité. Il fit construire de très beaux bâtiments pour les domestiques, et veillait à ce qu'ils fussent non seulement rassasiés, mais bien vêtus et joyeux. Pendant les fêtes, il organisait pour eux des jeux: les escarpolettes, les rondes....

„Comme chaque propriétaire intelligent de son temps, il se souciait encore davantage du bien-être de ses paysans qui étaient d'autant plus heureux que, comme la haute situation de mon grand-père et l'importance de sa personne inspiraient le respect des policiers, ils étaient débarrassés des oppressions des autorités.

„Il devait avoir le sentiment esthétique très développé: toutes ses constructions non seulement sont solides et commodes, mais élégantes, ainsi que le parc qu'il fit tracer devant la maison. Il devait aussi aimer la musique, car, pour lui et ma mère, il organisa un orchestre, petit, mais très bon. J'ai trouvé encore dans l'allée des tilleuls, un gros orme de trois brassées, autour duquel on avait fait des bancs et des pupitres pour les musiciens. Le matin, en se promenant dans l'allée, il écoutait la musique. Il détestait la chasse, mais aimait les fleurs et les plantes de serre“. Plus loin, Tolstoï continue ainsi son récit: „Le sort le réunit de la façon la plus étrange avec cette même Varenka Engelhardt qu'il avait refusé d'épouser, ce qui lui avait valu sa disgrâce. Cette Varenka avait épousé le prince Serge Féodorowitch Golitzyne qui reçut, à cause de ce mariage, des grades et des récompenses de toutes sortes. C'est avec lui et sa famille, et par conséquent avec Varvara Vassiliewna, que s'acoquina mon grand-père jusqu'à tel point, que ma mère, dès l'enfance, fut fiancée à l'un des dix fils Golitzyne“.... Ce n'était sans doute qu'une tradition de famille, et Tolstoï lui-même ne semble pas y ajouter grande foi.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au comte L. Tolstoï, Iasnaïa Poliana, gouv. de Toula.)

101

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Княгиня Екатерина Дмитріевна Волконская,
1749 — 1799

La Princesse Catherine Dmitriewna Wolkonsky,
1749 — 1799

102

103

Князь Николай Ивановичъ Горчаковъ,
1731 — 1811

Le Prince Nicolas Ivanowitch Gortchakoff,
1731 — 1811

Графъ Илья Андреевичъ Толстой,
175. — 1820

Le Comte Elie Andréewitch Tolstoï,
175. — 1820

102

Князь **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ**, 1731—1811, сынъ подполковника князя Ивана Федоровича (р. 1694 г., † 1750 г.), женатаго на княжнѣ Татьянѣ Григорьевнѣ Морткиной, въ 1751 г. былъ поручикомъ Брянскаго Ландмилицкаго полка, въ 1793 г. былъ секундъ-майоромъ въ отставкѣ. Человѣкъ богатый, онъ владѣлъ домомъ въ Москвѣ, въ Гнѣздникахъ, и имѣлъ болѣе 1200 душъ въ уѣздахъ, Черньскомъ, Бѣлевскомъ, Крапивенскомъ и Егорьевскомъ, и въ Орловскомъ намѣстничествѣ. Умеръ онъ вдовцомъ (имя жены неизвѣстно) 4 Мая 1811 г.; у него было 3 сына: Михаилъ (р. 1769 г.), Василій (р. 1771 г.) и Александръ († до 1797 г., въ молодости), и 2 дочери: Пелагея (р. 1762 г., † 25 Мая 1838 г.), бывшая въ замужествѣ за графомъ Ильею Андреевичемъ Толстымъ († 1820 г.), дѣдомъ графа Льва Николаевича Толстого, и Наталія (р. 1768 г.), въ замужествѣ за Леонтіемъ Ивановичемъ Депрерадовичемъ.

„Моя бабушка, Пелагея Николаевна“, пишетъ графъ Л. Н. Толстой, „была дочерью слѣпого князя Николая Ивановича Горчакова, имѣвшаго большое состояніе. Насколько я могу составить себѣ о ней понятіе, это была женщина малообразованная и весьма ограниченная. Какъ и всѣ въ то время, она знала французскій языкъ лучше русскаго (впрочемъ, этимъ и ограничивалось ея образованіе). Сначала ее очень баловалъ отецъ, затѣмъ мужъ и, наконецъ, уже на моей памяти, ея сынъ. Помимо этого, какъ старшая въ семьѣ, она пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ Горчаковыхъ“... Въ смутныхъ воспоминаніяхъ дальняго дѣтства Льва Николаевича „удивительная бабушка“, которая при умываньи умѣла дѣлать „такіе красивые необычайные мыльные пузыри на рукахъ“, рисуется капризной и строптивой барыней, страстно любившей отца (своего сына) и внуковъ, считавшей мать недостойной отца и ревновавшей ее къ послѣднему; „ея бѣлое, довольное, улыбающееся лицо“ то возникаетъ въ памяти внука вмѣстѣ съ восхитительными пузырями, то съ орѣхами, которые она любила собирать въ саду, то она вспоминается ему „засыпавшей, въ бѣломъ чепцѣ, ежедневно подъ однообразныя сказки слѣпца Льва Степановича“.

(Съ портрета, принадлежащаго графу Л. Н. Толстому, Ясная Поляна, Тульской губ.)

102

Le prince **NICOLAS IVANOWITCH GORTCHAKOFF**, 1731—1811, fils du lieutenant-colonel prince Ivan Féodorowitch (1694—1750), marié à la princesse Tatiana Grigoriewna Mortkine, en 1751 fut lieutenant au régiment territorial de Briansk, en 1793 était major retraité. Il était riche et possédait une maison à Moscou, aux Gniezdniky, et avait plus de 1200 serfs dans les districts de Tchernsk, de Biéleff, de Krapivensk et d'Egorieff et dans la lieutenance d'Orel. Il mourut veuf (le nom de sa femme est inconnu) le 4 mai 1811; il eut trois fils: Michel (né en 1769), Basile (né en 1771) et Alexandre (mort tout jeune, avant 1797), et deux filles: Pélagie (née en 1762, † le 25 mai 1838), qui épousa le comte Ilia Andréewitch Tolstoï († 1820), grand-père du comte Léon Tolstoï, et Natalie (née en 1768), qui épousa Léonce Ivanowitch Depréradowitch.

„Ma grand'mère, Pélagie Nikolaewna", écrit le comte L. Tolstoï (La Revue, 1906, № 10), „était la fille d'un aveugle, le prince Nicolas Ivanowitch Gortchakoff, qui avait ramassé une grande fortune. Autant que je puis me faire une idée de sa personne, c'était une femme peu instruite et pas très intelligente. Comme tous alors, elle savait le français mieux que le russe (et c'est à quoi se bornait son instruction). Elle fut d'abord très gâtée par son père, puis par son mari, et ensuite, déjà à ma connaissance, par son fils. En outre, comme fille aînée de la famille, elle jouissait d'un grand respect de tous les Gortchakoff".... Dans les vagues souvenirs de l'enfance lointaine de L. Tolstoï, „la remarquable grand'mère", qui en se lavant, savait faire „sur ses mains de si belles bulles de savon", nous apparaît comme une grande dame capricieuse et fantasque, aimant passionnément son père, son fils et ses petits-fils, trouvant la mère de l'écrivain indigne de son père et jalousant son affection pour lui; son blanc visage, content et souriant, se dresse dans sa mémoire tantôt avec ses admirables bulles de savon, tantôt avec les noisettes qu'elle aimait à cueillir dans son bosquet, tantôt son petit-fils se la rappelle, coiffée d'un bonnet blanc, s'endormant quotidiennement bercée par les contes monotones de Léon Stépanowitch, le conteur aveugle.

(D'après un original, appartenant au comte L. Tolstoï, Iasnaïa Poliana, gouv. de Toula.)

Графъ **ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ**, 175 .—1820, родной дѣдъ графа Льва Николаевича, сынъ графа Андрея Ивановича (р. 1721 г., † 30 Іюня 1803 г.), женатаго на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Щетининой († 2 Февраля 1811 г.), былъ родной правнукъ перваго графа Толстого, знаменитаго современника и сподвижника Петра Великаго, особенно извѣстнаго по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича.

Въ военной службѣ графъ Толстой дослужился до чина бригадира, потомъ былъ Казанскимъ губернаторомъ и умеръ въ 1820 г. тайнымъ совѣтникомъ.

Онъ былъ женатъ на дочери секундъ-майора княжнѣ Пелагеѣ Николаевнѣ Горчаковой (р. 1762 г., † 1838 г.), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей: Николая (р. 1794 г., † 1857 г.; отецъ Льва Николаевича) и Илью, и 2 дочерей: Пелагею (за полковникомъ Вл. И. Юшковымъ) и Александру (за графомъ Остенъ-Сакеномъ).

„Мой дѣдъ, Илья Андреевичъ“, говорится въ автобіографіи знаменитаго его внука, „былъ, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ограниченный, очень кроткій, веселый и не только щедрый, но даже до глупости расточительный, весьма довѣрчивый. Въ его имѣніи Бѣлевскаго уѣзда, Полянѣ (не Ясной Полянѣ), то и дѣло бывали пиры, спектакли, балы и обѣды. Вдобавокъ у дѣдушки былъ одинъ недостатокъ—онъ былъ страстный игрокъ, и игралъ въ ломберъ, не имѣя понятія объ этой игрѣ; кромѣ того, онъ одолжалъ всякому встрѣчному деньги, которыхъ ему никто не возвращалъ, и пускался во всевозможныя предпріятія; все это вмѣстѣ взятое привело его къ полнѣйшему разоренію, и дѣдушка, заложивъ огромное помѣстье своей жены, былъ вынужденъ искать службы; при его связяхъ это было нетрудно: онъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ. Дѣдушка, какъ мнѣ говорили, не былъ взяточникъ, если не считать приношеній, которыя онъ получалъ отъ винныхъ откупщиковъ, что не считалось въ то время предосудительнымъ; онъ даже сердился, когда ему предлагали взятку. Но зато бабушка, судя по всему, что я слышалъ, не задумывалась брать приношенія тайно отъ мужа“. Какъ „пережитокъ барскихъ затѣй дѣдушки“, вспоминается Льву Николаевичу, „слѣпой разсказчикъ Левъ Степанычъ, который былъ купленъ дѣдушкой за его удивительное умѣнье говорить сказки, которыя онъ, со свойственной слѣпымъ памятью, повторялъ слово въ слово.... По вечерамъ онъ приходилъ въ бабушкину спальню, садился на низкій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая, не стѣсняясь, совершала свой ночной туалетъ въ присутствіи слѣпца“: старушка засыпала подъ монотонный голосъ сказочника.

(Съ портрета, принадлежащаго графу Л. Н. Толстому, Ясная Поляна, Тульской губ.)

103

Le comte ILIA ANDRÉEWITCH TOLSTOÏ, 175.—1820, grand-père paternel du comte L. Tolstoï, fils du comte André Ivanowitch (né en 1721, † 30 juin 1803), marié à la princesse Alexandrine Ivanowna Chtchétinine († 2 février 1811), était le petit-fils du premier des comtes Tolstoï, le célèbre contemporain et émule de Pierre-le-Grand, particulièrement bien connu au sujet du procès de l'héritier Alexis Pétrowitch.

Au service, le comte Tolstoï atteignit le grade de brigadier, fut ensuite gouverneur de Kazan et, étant conseiller privé, mourut en 1820.

Il était marié à la princesse Pélagie Nikolaewna Gortchakoff, fille du major (1762—1838) dont il eut deux fils: Nicolas (1794—1837; père de Léon Tolstoï) et Ilia, et deux filles: Pélagie (mariée au colonel Uchkoff) et Alexandrine (qui épousa le comte Osten-Saken).

„Mon grand-père, Ilia Andréewitch", est-il dit dans „l'autobiographie" (La Revue 1906, № 10) de son célèbre petit-fils, „était aussi, me semble-t-il, un homme borné, très doux, très gai et non seulement généreux, mais bêtement prodigue et, principalement, très confiant. Dans son domaine du district de Biéleff, Poliani,—pas Iasnaïa Poliana, mais Poliani—ce n'était que festins, théâtres, bals, dîners. Tout cela joint au défaut de mon grand-père, joueur passionné, qui jouait l'ombre sans savoir jouer, et qui de plus, prêtait à tout venant des sommes qu'on ne lui rendait jamais, et aux nombreuses affaires qu'il entreprenait; tout cela se termina par la ruine, et grand-père, après avoir endetté la grande propriété de sa femme, dut solliciter un emploi, ce qui lui fut facile avec ses relations, et il fut nommé gouverneur de Kazan. Mon grand-père, m'a-t-on raconté, ne prenait pas de pots-de-vin, sauf des fermiers de l'alcool, ce qui était alors admis partout, et il se fâchait quand on lui en proposait. Mais, d'après ce que l'on m'a dit, ma grand'mère, à l'insu de son mari, acceptait parfaitement les pots-de-vin". Léon Tolstoï mentionne, comme „l'un des vestiges de l'antique seigneurie de son grand-père, le vieux conteur aveugle Léon Stépanitch que son grand-père avait acheté uniquement pour dire des contes, que grâce à la mémoire propre aux aveugles, il pouvait raconter mot à mot.... Le soir, il montait dans la chambre à coucher de grand'mère, s'asseyait sur le rebord de la fenêtre, très basse, où on lui apportait à souper de la table des maîtres. Ici il attendait grand'mère qui, sans se gêner, faisait sa toilette de nuit en présence de l'aveugle": grand'mère s'endormait au son de la voix monotone du conteur.

(D'après un original, appartenant au comte L. Tolstoï, Iasnaïa Poliana, gouv. de Toula.)

Свѣтлѣйшая княгиня ШАРЛОТТА КАРЛОВНА ЛИВЕНЪ, 1743—1828, рожденная фонъ-Поссе, жена генералъ-майора Андрея Романовича (Отто-Генрихъ) фонъ-Ливенъ (р. 1726 г., † 1781 г.), послѣ смерти мужа, не имѣя почти никакого состоянія, жила въ своемъ имѣніи, въ Прибалтійскомъ краѣ, посвятивъ себя воспитанію своихъ троихъ сыновей, Карла, Христофора и Ивана, и дочери Екатерины, вышедшей впослѣдствіи за барона Фитингофа. Когда, вслѣдъ за рожденіемъ Великой Княжны Александры Павловны, Екатерина II рѣшила избрать воспитательницу для своихъ внуковъ и внучекъ изъ среды Лифляндскаго дворянства, тогдашній Рижскій генералъ-губернаторъ, Браунъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Императрицы, предложилъ эту должность г-жѣ Ливенъ и не безъ усилій уговорилъ ее принять ее, указывая на выгоды придворной службы въ смыслѣ обезпеченія дальнѣйшей судьбы ея дѣтей. Разсказываютъ, что, по пріѣздѣ г-жи Ливенъ въ Царское, Екатерина II, стоя за ширмой, подслушала ея первый разговоръ съ встрѣтившимъ ее придворнымъ, въ которомъ г-жа Ливенъ, не стѣсняясь, жаловалась на трудности возлагавшейся на нее задачи, указывая на дурной примѣръ, подаваемый дворомъ и образомъ жизни самой Императрицы. Выйдя изъ-за ширмъ, Екатерина сказала г-жѣ Ливенъ: „Вы именно такая женщина, какая мнѣ нужна“, и съ первыхъ же шаговъ ея на новомъ поприщѣ облекла ее своимъ полнымъ довѣріемъ до такой степени, что вскорѣ отъ ея указаній стало зависѣть назначеніе къ Великимъ Княжнамъ даже низшихъ должностныхъ лицъ. При этихъ условіяхъ и при натянутыхъ отношеніяхъ Екатерины II къ Наслѣднику и его супругѣ, систематично устраняемыхъ ею отъ воспитанія дѣтей, положеніе Ш. К. Ливенъ было не изъ легкихъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря своему такту, она сумѣла, сохранивъ довѣріе Императрицы, снискать расположеніе Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, сдѣлавшись впослѣдствіи ея ближайшимъ другомъ. Состоя при дворѣ съ 1783 по 1828 годъ, т.-е. въ продолженіе 45 лѣтъ, Ливенъ не только воспитала всѣхъ дочерей Павла I, любившихъ ее, какъ мать, но принимала участіе въ воспитаніи и Великихъ Князей, которые называли ее „бабушкой“. Держась наружно въ сторонѣ отъ дѣлъ, она имѣла, однако, большое вліяніе на Императрицу Марію Ѳеодоровну, и ее считали опорой нѣмецкой партіи при дворѣ. До конца дней Ливенъ жила постоянно во дворцѣ. Она до такой степени боготворила Царскую фамилію, что послѣ событій 14 Декабря говорила, что не перенесетъ равнодушно, если бунтовщикамъ будетъ оказано помилованіе; правда и то, что почти на ея глазахъ совершилось злодѣяніе 11 Марта, и что ей пришлось первой объявить Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ Павла I. Въ теченіе своей долголѣтней придворной службы Шарлотта Карловна Ливенъ достигла высшихъ почестей и наградъ. Пожалованная Екатериною II въ 1794 г. въ статсъ-дамы и орденомъ св. Екатерины 1-й ст., она въ коронацію Павла I получила 1500 душъ крестьянъ, а 22 Февраля 1799 г. была возведена съ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Въ коронацію Александра I была награждена особымъ знакомъ отличія—драгоцѣнными браслетами съ портретами Императорской четы, а въ 1824 г.—портретомъ Императора, съ цѣпью для ношенія на шеѣ. Въ коронацію Николая I графиня Ливенъ была возведена съ ея потомствомъ въ княжеское достоинство, а въ Декабрѣ того же года получила титулъ свѣтлости. Въ княжескомъ гербѣ князей Ливенъ помѣщенъ двуглавый россійскій орелъ съ вензелями Императоровъ Павла и Николая I. Княгиня Ливенъ скончалась 24 Февраля 1828 г. и похоронена въ имѣніи Мезотенъ, въ Курляндіи; по случаю ея кончины при дворѣ былъ наложенъ трауръ на три дня.

„Дородная и величавая на видъ“, княгиня Ливенъ при большомъ умѣ, соединенномъ съ душевною добротою, строгою нравственностью и религіозностью, обладала большою твердостью, даже суровостью характера и чисто мужскою энергіею. Графъ Безбородко, говоря о ней, сожалѣлъ, „что генеральша Ливенъ не мужчина: она многихъ бы удобнѣе нашлася воспитывать князей молодыхъ“. Ея же свойствъ желалъ графъ С. Р. Воронцовъ всѣмъ генералъ-адъютантамъ Александра I. Строгое и неутомимое исполненіе ею своихъ обязанностей блестяще сказалось въ дѣлѣ воспитанія Великихъ Княженъ: извѣстно, что всѣ дочери Императора Павла I принадлежали къ числу образованнѣйшихъ женщинъ своего времени и играли видную роль въ умственномъ и общественномъ движеніи того времени, правда, не столько въ Россіи, сколько въ тѣхъ странахъ, которыя по замужеству стали ихъ вторымъ отечествомъ.

(Съ портрета Г. Дау, 1822 г.; собственность князя А. И. Ливена, въ Митавѣ.)

La princesse sérénissime CHARLOTTE KARLOWNA LIEVEN, 1743—1828, née de Posse, femme du général-major André Romanowitch (Otto-Henri) Lieven (1726—1781), resta sans fortune après la mort de son mari; elle vécut alors dans son bien des provinces baltiques et se voua à l'éducation de ses trois fils: Charles, Christophe et Ivan, et de sa fille Catherine, qui épousa plus tard le baron Vietinhof. Quand, après la naissance de la Grande-Duchesse Alexandrine Pavlowna, Catherine II résolut de chercher une gouvernante pour ses petits-fils et ses petites-filles dans la noblesse livonienne, le général-gouverneur de Riga, Braun, qui jouissait de sa confiance toute particulière, proposa cette fonction à Mme Lieven; il n'eut pas mal de peine à la convaincre, tout en lui montrant les avantages que pouvait avoir le service de Cour sur l'avenir de ses enfants. On raconte qu'à son arrivée à Tzarskoé Sélo, Catherine, cachée derrière un paravent, entendit son premier entretien avec le courtisan, qui vint à sa rencontre. Mme Lieven se plaignait, sans se gêner, de la difficulté de la tâche qui lui était imposée et appuyait sur le mauvais exemple que donnait la Cour et le genre de vie de l'Impératrice. „Vous êtes celle qu'il me faut", lui dit la Souveraine, en sortant de sa cachette, et, dès les premiers pas que fit Mme Lieven dans sa nouvelle carrière, elle lui témoigna une si pleine confiance que bientôt ce fut d'elle que dépendit la nomination de toutes les personnes, même des plus humbles, attachées aux Grandes-Duchesses. Ces conditions et les rapports tendus qui existaient entre Catherine et le Grand-Duc Héritier et son épouse, et qui éloignaient systématiquement cette dernière de l'éducation de ses enfants, ne lui rendirent pas la tâche facile. Et pourtant, grâce à son tact, elle sut conserver la confiance de l'Impératrice et se concilier les bonnes grâces de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, qui devint plus tard sa meilleure amie. Elle resta 45 ans à la Cour, de 1783 à 1828; elle éleva non seulement toutes les filles de Paul Ier qu'elle aimait „maternellement", mais prit part aussi à l'éducation des Grands-Ducs, qui l'appelaient „grand'mère". Sans avoir l'air de se mêler des affaires, elle eut pourtant une grande influence sur l'Impératrice Marie Féodorowna, et était le pilier du parti allemand à la Cour. Elle y vécut continuellement jusqu'à sa mort. Elle adorait à un tel point la famille Impériale qu'elle disait, après le 14 décembre, qu'elle ne verrait pas d'un œil indifférent les révoltés graciés. Il est vrai que ce fut presque sous ses yeux qu'eut lieu le meurtre du 11 mars, et que ce fut elle qui dut annoncer à l'Impératrice la mort de Paul Ier. Pendant sa longue carrière, Charlotte Karlowna Lieven atteignit les plus grands honneurs: elle reçut en 1794 de Catherine II la dignité de dame d'honneur et l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe; elle obtint au couronnement de Paul Ier 1500 paysans, et, le 22 février 1799, elle fut élevée, elle et sa postérité, à la dignité de comte de l'Empire russe. Le jour du couronnement d'Alexandre Ier, elle reçut une distinction spéciale, de précieux bracelets avec les portraits du couple Impérial et, en 1824, le portrait de l'Empereur à porter au cou. Le jour du couronnement de Nicolas Ier, la comtesse Lieven fut élevée avec sa postérité à la dignité de prince, et, en décembre de la même année, elle eut le titre d'altesse sérénissime. Dans les armoiries princières des princes Lieven on voit l'aigle à double tête russe avec le chiffre des Empereurs Paul et Nicolas. La princesse mourut le 24 février 1828 et fut enterrée dans son bien Méshoten, en Courlande. La cour prit le deuil pour trois jours lorsqu'elle mourut.

„Corpulente et majestueuse", la princesse Lieven joignait à un grand esprit une bonté sincère, une sévère moralité et la piété; elle avait une grande fermeté de caractère, qui allait même jusqu'à l'austérité, et une énergie vraiment masculine. Le comte Bezborodko regrette, en parlant d'elle, „que la générale de Lieven ne soit pas un homme: elle aurait plus facilement que beaucoup d'autres élevé les jeunes princes". Le comte S. R. Worontzoff souhaitait ses qualités à tous les aides de camp généraux d'Alexandre Ier. L'accomplissement sévère et infatigable de ses devoirs eut un brillant succès pour ce qui a rapport à l'éducation des Grandes-Duchesses: on sait que toutes les filles de l'Empereur Paul Ier appartenaient au nombre des femmes les plus instruites de leur temps et jouèrent un rôle marquant dans le mouvement intellectuel et social de l'époque, non pas tant, il est vrai, en Russie que dans les pays, qui devinrent, par leur mariage, leur seconde patrie.

(D'après l'original de G. Dawe, 1822; propriété du prince A. Lieven, à Mitau.)

104

Рис. [illegible] Дан[illegible] — Peint par G. Dan[illegible], 18[illegible]

Свѣтл. Княгиня Шарлотта Карловна Ливенъ,
1743 — 1828

La Princesse Charlotte Karlowna Lieven,
1743 — 1828

105

Рис. Ба[illegible] — Peint par Bar[illegible]

Петръ Степановичъ Валуевъ,
1743 — 1814

Pierre Stépanowitch Valoueff,
1743 — 1814

Экспед. Загот. [illegible] Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ВАЛУЕВЪ, 1745—1814, сынъ картографа и инженера генералъ-майора Степана Мироновича, происходилъ изъ небогатаго и незнатнаго, хотя и древняго рода, и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ женитьбѣ на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (р. 1757 г., † 1836 г.), имѣвшей хорошее родство, а также и своимъ личнымъ свойствамъ. Почти вся его служба прошла въ придворномъ вѣдомствѣ. Въ 1772 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1779 г.— въ камергеры, въ 1791 г. произведенъ въ тайные совѣтники и вскорѣ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Павелъ I пожаловалъ Валуеву въ 1796 г. тысячу душъ крестьянъ и званіе сенатора, а въ 1798 г.—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, но въ 1800 г. Валуевъ подвергся немилости, уволенъ отъ службы и удаленъ изъ Петербурга. По вступленіи на престолъ Александра I, онъ былъ поставленъ во главѣ Дворцоваго управленія въ Москвѣ, какъ главноначальствующій Кремлевской экспедиціи. Его дѣятельность въ Москвѣ оставила замѣтные слѣды: при немъ выстроено новое зданіе для Оружейной палаты (на Сенатской площади), передѣланы Потѣшный и Слободской дворцы, и ему же обязаны своимъ благоустройствомъ грязные, запущенные Прѣсненскіе пруды, сдѣлавшіеся послѣ этого модньмъ мѣстомъ гуляній аристократической Москвы. Валуевъ кое-что сдѣлалъ для сохраненія памятниковъ старины своими заботами объ Оружейной палатѣ и изданіемъ цѣнныхъ археологическихъ сочиненій о палатѣ и о селѣ Коломенскомъ, но еще болѣе онъ принесъ непоправимаго вреда: горячій не по разуму блюститель внѣшняго порядка, чистоты и опрятности, онъ уничтожилъ въ Кремлѣ много древнихъ зданій, „помрачавшихъ своимъ неблагообразнымъ видомъ прочія великолѣпнѣйшія зданія“, въ томъ числѣ разрушены — Срѣтенскій соборъ, дворецъ Бориса Годунова, Гербовая башня, церковь св. Уара и т. п.; многое исчезло не потому, что было ветхо, а потому, что не отвѣчало взглядамъ и вкусамъ Валуева.

Дошедшіе до насъ отзывы современниковъ о Валуевѣ изображаютъ его человѣкомъ угодливымъ и низкопоклоннымъ передъ высшими и высокомѣрнымъ съ тѣми, отъ кого онъ не зависѣлъ. Вигель говоритъ, что Валуевъ всѣхъ перещеголялъ въ искусствѣ ловко нагибаться передъ любимцами Екатерины II и презрительно смотрѣть на толпу, отъ которой началъ отдѣляться. Ростопчинъ называетъ его самымъ низкопоклонствующимъ изъ всѣхъ льстецовъ, занимавшимся шпіонствомъ, съ покорностью переносившимъ униженіе отъ власть имущихъ и становившимся ихъ врагомъ послѣ ихъ паденія. Графъ Головкинъ пишетъ о немъ: „Voyant le grand maître des cérémonies Valuïv, personnage très ridicule et qui ne s'était avancé à la cour que par des enterrements et des obsèques, l'Impératrice dit à Monseigneur (Paul Ier): Qui de nous, pensez-vous, doit mourir pour lui faire avoir le cordon bleu?“ Новые архивные документы обрисовываютъ еще одну черту характера Валуева — его исключительную страсть къ ссорамъ и передрягамъ. Будучи оберъ-церемоніймейстеромъ, онъ постоянно ссорился съ начальниками Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а въ Москвѣ имѣлъ столкновенія съ генералъ-губернаторами, въ особенности съ Ростопчинымъ. Постоянныя ссоры съ лицами высокопоставленными какъ будто идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ представленіемъ о Валуевѣ, какое о немъ составляется на основаніи отзывовъ современниковъ, но, очевидно, Валуевъ зналъ, съ кѣмъ можно ссориться безъ вреда для себя. Скончался онъ 4 Іюня 1814 года. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 8 Іюня напутствовалъ Валуева въ такихъ выраженіяхъ: „Aujourd'hui on enterre le vieux Valoueff qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de récompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait“.

Валуевъ имѣлъ 4 сыновей и 5 дочерей: 1) Петра († 1812 г.), 2) Александра (отецъ графа П. А. Валуева), 3) Павла, 4) Степана († 1844 г.), 5) Екатерину (камеръ-фрейлина; 1774—1848), 6) Анну, 7) Софію, 8) Анастасію и 9) Прасковью (Аксакова).

(Съ портрета Барбье; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

PIERRE STÉPANOWITCH VALOUEFF, 1743—1814, fils du cartographe, ingénieur et général-major Etienne Mironowitch, est issu d'une famille pauvre et obscure, quoique ancienne, et dut son élévation à sa femme, Daria Alexandrowna Kocheleff (1757—1836), qui était bien apparentée, et à ses propres qualités. Il n'a guère été au service que dans le ministère de la Cour. Nous le voyons, en 1772, gentilhomme de la chambre, en 1779 chambellan, en 1791 conseiller privé et bientôt après grand maître des cérémonies. Paul Ier lui donna, en 1796, mille paysans et lui conféra la dignité de sénateur. En 1798, il fut nommé conseiller privé actuel, mais en 1800 il tomba en disgrâce, fut renvoyé du service et exilé de St-Pétersbourg. A l'avènement au trône d'Alexandre Ier, il fut mis à la tête de l'administration de la Cour à Moscou, en qualité de directeur général du service de l'expédition au Kremlin. Son activité à Moscou a laissé des traces sensibles: alors fut construite la nouvelle Oroujéinaïa Palata (place du Sénat) et furent restaurés les palais de Potechny et de Slobodskoï; grâce à lui les „Presnensky Proudy" malpropres et abandonnés devinrent une promenade à la mode pour l'aristocratie moscovite. Si Valoueff a fait quelque chose pour conserver les vieux monuments par le soin qu'il prit de l'Oroujéinaïa Palata et la publication d'ouvrages archéologiques précieux sur ce palais et le village de Kolomenskoé, il leur a fait bien du mal et un mal irréparable: gardien ardent, mais irréfléchi de la propreté et de l'ordre extérieur, il a détruit au Kremlin beaucoup de vieux bâtiments, qui „obscurcissaient par leur laideur les superbes édifices". Parmi les bâtiments détruits, citons la cathédrale de Srétensky, le palais de Boris Godounoff, la „tour héraldique", l'église de St-Ouar, etc.; beaucoup disparurent, non pas parce qu'ils étaient caducs, mais parce qu'ils ne répondaient pas aux vues et au goût de Valoueff.

D'après les dires des contemporains, qui nous sont parvenus, Valoueff était un homme complaisant et bas devant les supérieurs, orgueilleux envers ceux dont il ne dépendait pas. Viegel affirme qu'il l'emportait sur tous dans l'art de se courber adroitement devant les favoris de Catherine II et de regarder avec mépris la foule, dont il commençait à se séparer. Rostoptchine l'appelait le plus vil des flatteurs, s'occupant d'espionnage, supportant avec soumission les humiliations de ceux qui avaient le pouvoir et devenant leur enuemi, une fois qu'ils étaient tombés. Le comte Golovkine écrit de lui: „Voyant le grand maître des cérémonies Valuïv, personnage très ridicule et qui ne s'était avancé à la cour que par des enterrements et des obsèques, l'Impératrice dit à Monseigneur (Paul Ier): Qui de nous, pensez-vous, doit mourir pour lui faire avoir le cordon bleu?" De nouveaux documents, trouvés dans les archives, nous donnent encore un trait du caractère de Valoueff, c'est sa passion exceptionnelle pour les disputes et les grandes alarmes. Il se chamaillait sans cesse, étant grand maître des cérémonies, avec les chefs du Collège des affaires étrangères et eut, à Moscou, des démêlés avec les généraux gouverneurs et surtout avec Rostoptchine. Ses continuelles disputes avec des personnes haut placées paraisseut jurer avec l'idée que l'on se fait de Valoueff d'après les dires des contemporains; mais il est évident que Valoueff savait avec qui il pouvait se quereller, sans se nuire. Il mourut le 4 juin 1814. A. Boulgakoff s'exprime en ces termes dans sa lettre du 8 juin à son frère: „Aujourd'hui on enterre le vieux Valoueff qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de récompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la Cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait". Valoueff eut 4 fils et 5 filles: 1) Pierre († 1812), 2) Alexandre (père du comte P. A. Valoueff), 3) Paul, 4) Etienne († 1844), 5) Catherine (demoiselle d'honneur; 1774—1848), 6) Anne, 7) Sophie, 8) Anastasie et 9) Prascovie (madame Aksakoff).

(D'après un original de Barbier, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ КУРУТА, 1770—1838, грекъ пензвѣстнаго происхожденія, учился въ гимназіи для „иностранныхъ единовѣрцевъ“, когда честолюбивой волей Екатерины II и политическими мечтаніями Потемкина созданъ былъ „греческій проектъ“, и новорожденный Великій Князь Константинъ предназначенъ въ повелители будущей Византійской имперіи; Великому Князю была дана гречанка-кормилица, и въ 1787 г. приставлено нѣсколько молодыхъ грековъ, чтобы съ дѣтства греческій языкъ сдѣлался ему роднымъ. Въ числѣ ихъ былъ Курута, который навсегда остался при Константинѣ Павловичѣ и былъ искренно преданъ Великому Князю: одинъ не могъ обходиться безъ другого. Этой близости Курута обязанъ и своимъ возвышеніемъ, и своей блестящей военной карьерой: выпущенный мичманомъ во флотъ, въ 1789 г. онъ участвовалъ въ Гохландскомъ сраженіи, въ 1794 г. состоялъ инженернымъ офицеромъ при миссіи въ Константинополѣ, въ 1800 г. завѣдывалъ устройствомъ маяковъ на Финскомъ заливѣ; переведенный въ свиту Е. В. по Квартирмейстерской части, онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1805—1807 гг.; въ 1809 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ Дворянскаго полка. Въ 1812—14 гг. участвовалъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ и, произведенный въ генералъ-майоры, былъ одно время директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса, а въ 1816 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ начальникомъ штаба Польскихъ войскъ; награжденный за это время Андреевской звѣздой и 22 Августа 1826 г. графскимъ титуломъ, Курута покинулъ Варшаву вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и при усмиреніи Польскаго мятежа участвовалъ въ сраженіяхъ при Ваврѣ, Гроховѣ, Остроленкѣ и, командуя гвардейскимъ отрядомъ, разбилъ Гельгуда подъ Вильной. Курута не надолго пережилъ своего Августѣйшаго друга и благодѣтеля и скончался въ 1838 году.

Описаніе жизни Цесаревича въ Варшавѣ было бы далеко не полно, если бы не было достаточно отведено мѣста гофмаршалу его двора графу Курутѣ. Расходясь въ оцѣнкѣ его способностей и дарованій, всѣ современники согласно признаютъ его лично человѣкомъ хитрымъ, но тѣмъ не менѣе вліяніе его безусловно благотворнымъ. Денисъ Давыдовъ, не благоволившій къ Курутѣ, пишетъ, однако: „Онъ снискалъ признательность многихъ поляковъ, кои легко могли сдѣлаться жертвами бѣшенаго и своенравнаго Цесаревича. Въ минуты безумнаго гнѣва, когда онъ, съ пѣною у рта, приказывалъ строго наказать виновнаго, имѣвшаго несчастіе возбудить эту бурю, Курута успокоивалъ Цесаревича словами: „Цейцасъ будетъ исполнено“; давъ время пройти вспышкѣ, Курута успѣвалъ большею частью „смягчить эти приговоры“. Для разсѣянія гнѣва онъ начиналъ говорить по-гречески, съ своей стороны Цесаревичъ, изливая свое раздраженіе на классическомъ языкѣ Эллады обзывалъ Куруту рѣзкою, черезчуръ классической всероссійскою рѣчью, переводимою на эллинскій языкъ... При этомъ Курута хладнокровно увѣрялъ, что перевести по-русски этого нельзя, но нѣтъ ничего особеннаго! Князь Вяземскій такъ отзывался о немъ: „Человѣкъ умный и не злой, во все время нахожденія своего при Великомъ Князѣ онъ, вѣроятно, никому вреда умышленно не сдѣлалъ“. Гофмаршалъ и дядька, Курута всѣмъ управлялъ у Цесаревича и во время обѣдовъ сидѣлъ противъ, а „около него тѣснились всѣ любившіе выпить хорошаго вина“; Цесаревичъ называлъ его учителемъ, иногда спрашивалъ совѣта его, иногда ругалъ, иногда схватывалъ его и начиналъ съ нимъ бороться, ломая ворчавшаго старика. „Оба другъ друга любятъ и боятся“, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, „когда Цесаревичъ сердитъ, одинъ Курута имѣетъ доступъ, когда же Цесаревичъ закричитъ на своего дядьку, послѣдній струситъ и спрячется, въ веселую же минуту греческій человѣкъ уязвитъ его словами въ шутливыхъ намекахъ. Курута роста малаго и съ брюшкомъ, структура шарика; голова большая, носъ длинный, лицо смуглое, совершенный грекъ въ карикатурѣ, волоса короткіе и кудрявые, какъ у негра, ножки коротенькія и кривыя, голосъ тихій: по утрамъ онъ жужжитъ, какъ жукъ, а подъ вечеръ пищитъ; ѣздокъ онъ плохой и даже боится лошадей. Курута большой хлопотунъ и до мелочи аккуратенъ: какой бы поспѣшности ни требовало отправленіе бумаги, онъ не отпуститъ ее отъ себя, не обровнявъ краевъ ея ножницами“... Предъ походомъ онъ „съ вечера призоветъ къ себѣ офицеровъ и держитъ у себя ночью, разговаривая въ просонкахъ о пустякахъ“, потомъ, извиняясь, отпуститъ ихъ, и „лишь только выйдутъ, какъ онъ вслѣдъ за ними посылаетъ казака и опять держитъ безъ всякаго дѣла“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le comte DMITRI DMITRIEWITCH KOUROUTA, 1770 — 1838, grec d'origine inconnue, faisait ses études au gymnase „des confessions étrangères", quand l'ambitieuse volonté de Catherine et les rêves politiques de Potemkine crêèrent „la question grecque" et que le Grand-Duc Constantin, qui venait de naître, fut destiné à être le souverain du futur empire byzantin. Le Grand-Duc reçut une nourrice grecque et on lui attacha en 1787 quelques jeunes Hellènes, pour que leur langue devînt, dès son enfance, sa langue maternelle. Au nombre de ces derniers, se trouvait Kourouta, qui resta toujours auprès de Constantin Pavlowitch et qui lui était sincèrement attaché; l'un ne pouvait se passer de l'autre. C'est à cette intimité que Kourouta dut son élévation et sa brillante carrière militaire. Il prit part, en qualité d'enseigne, en 1789 au combat de Hochland; en 1794, nous le voyons officier du génie à l'ambassade de Constantinople et, en 1800, il dirigea la construction du phare du golfe de Finlande. Mis à la suite de Son Altesse, il prit part à la campagne de 1805—1807 et commanda en 1809, avec le grade de colonel, le régiment de la noblesse. Il assista de 1812 à 1814 à toutes les grandes batailles et, promu général major, il fut un temps directeur du second corps de cadets. Lieutenant général en 1816, il devint chef de l'état-major des armées de Pologne et reçut la plaque de St-André et le titre de comte le 22 août 1826. Il quitta ensuite Varsovie avec le Césarévitch, prit part aux combats de Wavre, de Grokhof et d'Ostrolenka lors du soulèvement de la Pologne et, commandant un détachement de la garde, il battit Gelgud sous Vilna. Kourouta ne survécut pas longtemps à son Auguste ami et bienfaiteur et mourut en 1838.

L'histoire de la vie du Césarévitch à Varsovie ne serait pas complète, si l'on ne parlait pas avec quelques détails du maréchal de sa cour, Kourouta. Les contemporains, quoique n'étant pas d'accord sur les capacités et les talents du comte, reconnaissent à l'unanimité que, s'il était rusé de nature, son influence a été sans nul doute bienfaisante. Denis Davydoff, qui ne le voyait pas de bon œil, écrit pourtant: „Il s'attira la reconnaissance de beaucoup de Polonais, qui auraient facilement pu tomber victimes du Césarévitch furieux et fantasque. Quand, dans le paroxysme de la colère, le prince, l'écume aux lèvres, ordonnait de punir sévèrement le coupable, qui avait eu le malheur de déchaîner l'orage, Kourouta tranquillisait Son Altesse, en disant: „A l'instant votre ordre sera exécuté"; et, donnant ainsi aux accès le temps de s'apaiser, il réussissait pour la plupart du temps „à commuer les peines". Il commençait à parler grec pour dissiper la colère, de son côté le Césarévitch, exhalant son indignation dans la langue classique des Hellènes, apostrophait le comte d'une forte injure russe, par trop classique, traduite en grec... „Cette expression", disait alors tranquillement Kourouta, „ne peut être traduite en russe, et il n'y a rien là de particulier". Le prince Viazemsky porte sur lui le jugement suivant: „C'est un homme intelligent et pas du tout méchant, et, pendant tout son séjour auprès du Grand-Duc, il ne fit sciemment de mal à personne". Le maréchal de la cour et le menin de Constantin, Kourouta avait la haute direction chez son maître; il était assis en face de lui pendant les repas „ayant à ses côtés tous ceux qui aimaient boire de bon vin". Constantin l'appelait son maître, lui demandait quelquefois conseil, parfois le grondait, parfois l'empoignait et commençait à se battre avec lui, brisant le vieillard qui grommelait. „Ils s'aimaient l'un l'autre et se craignaient", écrit N. N. Mouravieff, „quand le Césarévitch était fâché, seul Kourouta avait accès auprès de lui, quand le Césarévitch criait après son menin, celui-ci prenait peur et se cachait; dans les bons moments le grec le blessait par ses paroles, en faisant des allusions badines. Kourouta était de petite taille, avait du ventre et la forme d'une boule. Il avait la tête grande, le nez long, le teint bronzé, tout à fait grec en caricature, les cheveux courts et bouclés, comme un nègre, les jambes courtes et cambrées, la voix basse; le matin, il bourdonnait, comme un hanneton, le soir il piaulait; c'était un mauvais cavalier, il craignait même les chevaux. Il était tracassier et exact jusqu'au bout des ongles: quelque pressé que fût l'envoi d'un papier, il ne le laissait jamais partir sans en couper les bords avec ses ciseaux"... Avant une campagne „il appelait chez lui les officiers, les gardait toute la nuit et parlait, moitié endormi, de bagatelles"; puis il s'excusait et les renvoyait, mais „à peine étaient-ils partis, qu'il les faisait rappeler par un cosaque et les retenait de nouveau sans cause".

(D'après l'original de G. Dawe; Galerie 1812, au Palais d'Hiver.)

106

Пис. Дау *Peint par Dawe*

Графъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута,
1770 — 1838

Le Comte Dmitri Dmitriewitch Kourouta,
1770 — 1838

107

Пис. Дау *Peint par Dawe*

Графъ Александръ Францовичъ Мишо-де-Боретуръ,
1771 — 1841

Le Comte Alexandre Franlzowitch Michaud de Beauretour,
1771 — 1841

108

Пис. Рейхель, 1819 *Peint par Reichel, 1819*

Графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ,
1781 — 1840

Le Comte Ivan Ossipowitch de Witt,
1781 — 1840

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ФРАНЦОВИЧЪ МИШО-де-БОРЕТУРЪ, 1771—1841, сынъ архитектора, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду въ Савойѣ и родился въ Ниццѣ; службу началъ въ Сардинскихъ войскахъ и сражался противъ французовъ въ 1792—1796 годахъ. Когда Пьемонтъ былъ занятъ французской арміей, Мишо перешелъ въ 1805 г. на службу Россіи, куда былъ принятъ капитаномъ въ Инженерный корпусъ. Въ 1806 г., подъ начальствомъ адмирала Сенявина, участвовалъ въ Адріатической экспедиціи противъ французовъ и отличился при осадѣ Бокка-ди-Катаро; въ томъ же году онъ переводится въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, т.-е. въ Главный штабъ. Въ Турецкую войну 1810 г. за отличіе при взятіи Туртукая награжденъ Георгіемъ 4 кл., а въ слѣдующемъ 1811 г. за штурмъ Ловчи произведенъ въ полковники.

Въ Отечественную войну 1812 г., находясь при штабѣ 1-й Западной арміи, Мишо, признавъ невыгодность Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря и всю опасность этой позиціи для русской арміи, откровенно высказалъ свой взглядъ Александру I, котораго видитъ тутъ впервые, и тѣмъ сразу заслужилъ расположеніе и довѣріе Императора. Вскорѣ послѣ этого Государь поручаетъ ему, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ, избрать мѣсто для укрѣпленнаго лагеря въ окрестностяхъ Москвы, затѣмъ, по пріѣздѣ въ древнюю столицу, Александръ I отправилъ Мишо для устройства укрѣпленныхъ лагерей на берегахъ Волги, съ цѣлью прикрытія Нижняго и Казани. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Мишо вернулся въ Петербургъ и представилъ свой рапортъ Государю, который отправилъ его въ распоряженіе главнокомандующаго арміями Кутузова. Послѣдній вскорѣ оцѣнилъ способнаго офицера, приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему разныя порученія, требовавшія особеннаго такта. Къ числу такихъ порученій слѣдуетъ отнести извѣстную отнынѣ историческую миссію, возложенную Кутузовымъ на Мишо,—сообщить Императору Александру печальную вѣсть объ оставленіи Москвы русскою арміей, при чемъ Мишо сохранилъ въ своихъ запискахъ всю подробную бесѣду, которой удостоилъ его Государь. Второе свиданіе Мишо съ Александромъ произошло 15 Октября 1812 г. въ Петербургѣ, куда онъ посланъ былъ уже съ радостнымъ извѣстіемъ о Тарутинской побѣдѣ и о начатіи арміей наступательной войны. По возвращеніи въ армію Мишо принимаетъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ Отечественной войны до изгнанія непріятеля изъ Россіи, а затѣмъ и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. За выдающіяся заслуги и храбрость онъ произведенъ въ 1813 г. въ генералъ-майоры, а въ 1814 г. удостоенъ званія генералъ-адъютанта. По вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ, Императоръ Александръ отправилъ Мишо къ Сардинскому королю съ извѣстіемъ о присоединеніи Пьемонта къ Сардиніи, за каковое извѣстіе король Викторъ-Эммануилъ возвелъ его въ графское достоинство Сардинскаго королевства, а впослѣдствіи (въ 1839 году) король Карлъ-Альбертъ присоединилъ къ тому титулу наименованіе „де-Боретуръ (de Beau-Retour)“, намекая этимъ на радостное извѣстіе, доставленное Мишо по возвращеніи его въ свое отечество.

Послѣ похода 1815 г. Мишо было отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ онъ продолжалъ пользоваться самыми лестными знаками Монаршаго вниманія, которое продолжалось и при Императорѣ Николаѣ I. Въ 1826 г., 22 Августа, графъ Мишо произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1840 г. въ генералы-отъ-инфантеріи. Послѣдніе годы, страдая отъ всякихъ недуговъ, Мишо-де-Боретуръ жилъ въ Италіи и 10 Іюля 1841 г. скончался въ Палермо.

Необыкновенно набожный, „уважаемый всѣми, какъ храбрый, свѣдущій и доблестный воинъ, Мишо былъ всѣми любимъ, какъ человѣкъ кроткій и добродѣтельный въ полномъ значеніи слова сего“. Онъ не былъ женатъ, но у него были братья, къ которымъ, однако, титулъ его не перешелъ.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г., въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte ALEXANDRE FRANTZOWITCH MICHAUD-de-BEAURETOUR, 1771—1841, fils d'un architecte, appartenait à une ancienne famille de Savoie et naquit à Nice. Il commença son service dans les armées de Sardaigne et combattit les Français de 1792 à 1796. Mais quand le Piémont fut occupé par l'ennemi, Michaud passa en 1805 au service russe et y fut reçu capitaine du corps des ingénieurs. Il prit part en 1806, sous le commandement de l'amiral Séniavine, à l'expédition de l'Adriatique contre les Français et se distingua au siège des Bouches-de-Cattaro. Il passa la même année à l'Etat-major général. Lors de la guerre de Turquie en 1810, il reçut St-Georges de 4e classe, à la prise de Tourtoukaï et, l'année suivante, en 1811, il fut promu colonel pour l'assaut de Lovtchi.

Il se trouvait en 1812 à l'état-major de la première armée de l'Ouest et, trouvant désavantageux le camp fortifié de Drissa et reconnaissant tout le danger de cette position pour l'armée russe, il exprima ouvertement sa manière de voir à Alexandre Ier, qu'il voyait pour la première fois; il acquit par là les bonnes dispositions et la confiance de l'Empereur. Bientôt après il fut chargé par ordre de S. M., avec l'aide de camp Tchernycheff, de choisir dans les environs de Moscou un emplacement pour un camp fortifié. Puis lorsqu'Alexandre Ier fut arrivé dans l'ancienne capitale de la Russie, il envoya Michaud fortifier des camps sur les bords du Volga pour couvrir Nijni et Kazan. Après avoir accompli les ordres qui lui incombaient, il retourna à St-Pétersbourg présenter son rapport à Sa Majesté, qui le mit à la disposition du commandant en chef Koutouzoff. Ce dernier apprécia bien vite l'habile officier, l'attacha à sa personne et lui confia différentes missions, qui exigeaient un tact spécial. Au nombre de ces dernières, il faut placer la célèbre mission historique, dont Koutouzoff avait chargé Michaud: communiquer à l'Empereur la triste nouvelle de la retraite de l'armée russe, qui avait dû abandonner Moscou. Michaud a conservé dans ses mémoires l'entretien détaillé qu'il avait eu à cet effet avec Sa Majesté. Il eut une seconde entrevue avec Alexandre Ier le 15 octobre 1812 à St-Pétersbourg, où il avait été envoyé, mais cette fois il avait une bonne nouvelle à annoncer: la victoire de Taroutino et le commencement de la guerre offensive. A son retour à l'armée, Michaud prit part à toutes les batailles principales jusqu'à ce qu'on eût chassé l'ennemi de la Russie. Il fit aussi les campagnes de 1813 et de 1814. Il fut promu en 1813 général-major pour ses éminents services et son courage et en 1814 aide de camp général. Lorsque les alliés furent entrés à Paris, Alexandre envoya Michaud auprès du roi de Sardaigne pour lui annoncer la réunion du Piémont à ses états. Victor-Emmanuel l'éleva pour cette bonne nouvelle à la dignité de comte du royaume de Sardaigne, et le roi Charles-Albert joignit en 1839 à ce titre la particule de Beauretour, en souvenir de la joie qu'il avait occasionnée en revenant dans sa patrie.

Après la campagne de 1815, M. Michaud fut logé au Palais d'Hiver, où il continua à jouir des bonnes grâces du Monarque, et l'Empereur Nicolas lui témoigna aussi les attentions les plus flatteuses. Le comte Michaud fut promu le 22 août 1826 lieutenant général et en 1840 général d'infanterie. Il vécut les dernières années en Italie, souffrant d'infirmités et mourut le 10 juillet 1841, à Palerme.

Fort religieux, „Michaud était estimé de tous comme guerrier courageux, expert et vaillant; il était aimé de tous comme homme paisible et vertueux dans le véritable sens du mot". Il ne fut pas marié, mais il avait des frères qui n'héritèrent pas de son titre.

(D'après l'original de G. Dawe; Galerie 1812, au Palais d'Hiver.)

Графъ ИВАНЪ ОСИПОВИЧЪ ВИТТЪ, 1781—1840, полуполякъ, полугрскъ по происхождснію, былъ сынъ графа Іосифа и красавицы-гречанки Софіи (см. т. I, № 72), вышедшей затѣмъ за графа Потоцкаго; отецъ его былъ комендантомъ польской крѣпости Камснца-Подольскаго, а затѣмъ перешелъ на русскую службу; 11-и лѣтъ Виттъ былъ записанъ въ Конную гвардію корнетомъ и 15-и — началъ дѣйствитсльную службу. Въ 1800 г. онъ перешелъ въ Кавалергардскій полкъ, а въ 1801 г. получилъ Мальтійскій крестъ и чинъ полковника. Перейдя въ 1802 г. въ Лейбъ-кирасиры, въ 1805 г. онъ участвовалъ въ Аустерлицкой битвѣ. Въ 1807 г., вслѣдствіе служебныхъ непріятностей, вышелъ въ отставку, въ 1809 г. служилъ волонтеромъ во французской арміи, а въ 1811 г. былъ тайнымъ агентомъ по наблюденію за своими соотечествсн-никами-поляками. Въ 1812 г. Виттъ опять поступилъ на службу и произведенъ въ генералъ-майоры. Ему было поручено сформированіе на Украйнѣ казачьихъ полковъ, которыми онъ затѣмъ и командовалъ, какъ бригадный командиръ и (съ 1814 г.) начальникъ дивизіи. Участіе въ войнѣ 1813 и 1814 гг. дало Витту ордена св. Георгія 3-й ст., Владиміра 3-й ст., Анны 1-й ст. Въ 1817 г. началась его дѣятсльность по устрой-ству южныхъ военныхъ поселеній, во главѣ которыхъ онъ оставался до конца жизни: ему было поручено сформировать Бугскую уланскую дивизію. Алсксандръ I, придававшій большое значеніе поселеніямъ, наградилъ Витта за ихъ устройство звѣздами св. Владиміра 1-й ст. и Александра Невскаго. Назначенный въ 1823 г. командиромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, онъ въ то же время былъ поставленъ во главѣ Одесскаго Ришельевскаго лицея, который за время своего семилѣтняго управленія довелъ до крайней степени упадка. Наблюденіе за Виленскими профессорами, переведенными въ лицей, дало Витту возможность открыть слѣды существованія тайнаго общества во 2-й арміи, о чемъ онъ сдѣлалъ докладъ Александру I незадолго до его смерти. Николай I, подобно своему предшественнику, относился къ Витту милостиво и пожаловалъ ему въ день коронаціи алмазы къ Александру Невскому, а въ 1829 г. чинъ генерала-отъ-кавалеріи и свои вензеля на эполеты. Во время Турецкой войны онъ командовалъ резервными войсками, а затѣмъ принялъ дѣятельное участіе въ подавленіи Польскаго мятежа, за что получилъ Георгія 2-й ст., Бѣлаго Орла и званіе шефа Украинскаго уланскаго полка. Потомъ онъ былъ нѣкоторое время Варшавскимъ военнымъ губернаторомъ и предсѣдательствовалъ въ судѣ надъ польскими мятежниками, а въ 1832 г. назначенъ инспекторомъ „поселенной“ кавалеріи. Въ 1835 г. Виттъ получилъ орденъ св. Андрея, а въ 1836 г. алмазы къ нему и 300/т. руб. за блестящее устройство знаменитыхъ маневровъ подъ Вознесенскомъ, въ которыхъ приняли участіе 350 эскадроновъ кавалеріи и 50 баталіоновъ пѣхоты. Скончался онъ 21 Іюня 1840 г. и погребенъ въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Виттъ производилъ на первый взглядъ благопріятное впечатлѣніе: это былъ весслый, добродушный, въ старости молодившійся человѣкъ, съ тонкимъ умомъ, проницательный и тактичный; получивъ многостороннее, хотя и поверхностное образованіе, онъ былъ интереснымъ и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ; со всѣми онъ былъ любезенъ и никогда не отвѣчалъ отказомъ на просьбы. Болѣе близкое знакомство съ нимъ заставляло измѣнить первоначальное о немъ мнѣніе. Служившій при Виттѣ Е. Ѳ. Брадке дѣлаетъ такую его характе-ристику: „Ни въ чемъ не отказывать и никогда не сдерживать обѣщаннаго, обо всемъ умствовать и ничего не обслѣдовать, всегда влюбляться и всякій разъ ненадолго, всѣмъ говорить любезности и тотчасъ забывать о сказанномъ, таковы были главнѣйшія черты этого ничтожнаго характера“; по словамъ Вигеля, „всякаго рода интриги были стихіей этого человѣка“. Еще болѣе рѣзкій отзывъ о немъ оставилъ Цесарсвичъ Кон-стантинъ Павловичъ: „Menteur et mauvais sujet dans toute la force du terme, une canaille.... sans foi, ni loi, ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence“. Виттъ былъ женатъ дважды. Съ первой женой, Іозефой Валевской, рожденной княжной Любомирской, онъ разошелся и увлекся Теклой-Каролиной Собанской, рожденной графиней Ржевусской (вмѣстѣ съ ней и съ Мицкевичемъ совершилъ онъ путешествіе по Крыму, воспѣтое польскимъ поэтомъ въ его сонетахъ); онъ женился на ней въ 1831 г., вызвавъ этимъ гнѣвъ Николая I, но уже въ 1837 г. вторая жена бросила его и вышла за Чирковича (въ 4-мъ бракѣ она была за историкомъ Лакруа). Потомства графъ Виттъ не оставилъ.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1819 г.; собственность княжны Т. С. Гагариной, въ Баденъ-Баденѣ.)

Le comte JEAN OSSIPOWITCH WITT, 1781 — 1840, demi-polonais, demi-grec d'origine, était le fils du comte Joseph et de la belle grecque Sophie (v. T. I, № 72), qui épousa plus tard le comte Potocki. Son père était commandant de la forteresse polonaise Kamenetz-Podolsk et passa ensuite au service russe. Witt, âgé de 11 ans, fut inscrit cornette aux gardes à cheval et commença à 15 ans son service actif. En 1800, il passa aux chevaliers-gardes et, en 1801, il reçut la croix de Malte et le grade de colonel. Il prit part à la bataille d'Austerlitz en 1805, avec son régiment des cuirassiers de la garde impériale, où il se trouvait depuis 1802. Des désagréments de service lui firent prendre son congé en 1807; il servit comme volontaire dans l'armée française en 1809 et, en 1811, il s'occupa d'espionner ses compatriotes, les Polonais. En 1812, Witt rentra au service et devint général-major, il fut chargé de former en Ukraine les régiments de cosaques, qu'il commanda dans la suite, d'abord en qualité de commandant de brigade (depuis 1814), puis comme chef de division. Les guerres de 1813 et de 1814 lui valurent St-Georges de 3e classe, St-Vladimir de 3e, et Ste-Anne de 1re classe. Ce fut en 1817 que commença son activité pour organiser les colonies militaires du Sud, à la tête desquelles il resta jusqu'à la fin de sa vie; c'est lui qui fut chargé de former la division de uhlans du Boug. Comme Alexandre Ier attachait une grande importance à ces colonies, il récompensa Witt en lui octroyant St-Vladimir de 1re classe, et St-Alexandre Newsky. Nommé en 1823 commandant du 3e corps de cavalerie de réserve, il fut en même temps placé à la tête du lycée Richelieu, à Odessa, qui, pendant les sept ans de son administration, tomba très bas. La surveillance qu'il exerça sur les professeurs de Vilna, transférés au lycée, lui donna la possibilité de découvrir l'existence d'une société secrète dans la 2e armée, et il en fit un rapport à Alexandre Ier quelque temps avant sa mort. Nicolas, comme son prédécesseur, se montra bien disposé envers le comte Witt, lui donna le jour de son couronnement les diamants d'Alexandre Newsky et le nomma en 1829 général de cavalerie avec son chiffre sur les épaulettes. Il commanda dans la campagne de Turquie les troupes de réserve, prit une part active à l'apaisement de la révolte de Pologne et reçut pour ce nouveau service St-Georges de 2e classe, l'Aigle Blanc et le titre de chef des uhlans de l'Ukraine. Il fut ensuite quelque temps gouverneur militaire de Varsovie et présida le tribunal appelé à juger les révoltés. En 1832, on le nomma inspecteur de la cavalerie „coloniale"; en 1835, il reçut St-André et l'année suivante les diamants de cet ordre et 300 mille roubles pour avoir brillamment organisé les fameuses manœuvres de Voznessensk, auxquelles prirent part 350 escadrons de cavalerie et 50 bataillons d'infanterie. Il mourut le 21 juin 1840 et fut enterré au monastère St-Georges à Balaklava.

Witt faisait au premier abord une bonne impression; c'était un homme gai, débonnaire, se rajeunissant dans la vieillesse; il avait un esprit fin et pénétrant; ayant reçu une éducation variée, quoique superficielle, il était intéressant et éloquent causeur; il était avec tous aimable et ne refusait jamais une prière. Mais, en le connaissant de plus près, on changeait sa première manière de voir. E. F. Bradke, qui a servi sous lui, nous fait la caractéristique suivante: „Ne rien refuser et ne jamais tenir sa promesse, raisonner sur tout et ne rien instruire, s'éprendre toujours et jamais pour longtemps, dire à tous des amabilités et oublier à l'instant ce que l'on a dit, tels étaient les principaux traits de ce vil caractère". Suivant Viegel, „l'intrigue était l'élément de cet homme". Le Grand-Duc Constantin porte sur lui un jugement plus fort encore: „Menteur et mauvais sujet dans toute la force du terme, une canaille.... sans foi, ni loi, ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence". Witt fut deux fois marié. Il divorça avec sa première femme, Joséphine Valewsky, née princesse Lubomirsky, et s'éprit de Tekla-Caroline Sobansky, née comtesse Rzevuski (il voyagea avec elle et Mickewicz en Crimée, et ce voyage fut célébré par le poète polonais dans ses sonnets). Il l'épousa en 1831, et s'attira ainsi la colère de Nicolas Ier; mais sa femme le quitta bientôt en 1837, pour se marier à Tchirkowitch (elle se maria en quatrième noces à l'historien Lacroix). Witt ne laissa pas de descendance.

(D'après l'original de Ch. Reichel, 1819; propriété de la princesse T. Gagarine, à Baden-Baden.)

Графиня ВАРВАРА ПЕТРОВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1750—1824, вторая дочь генералъ-аншефа, графа Петра Борисовича Шереметева (р. 1713 г., † 1788 г.) отъ брака съ княжной Варварой Алексѣевной Черкасской, родилась 2 Января 1750 года. Недурная собою, но робкая и застѣнчивая и ума недалекаго, она, послѣ смерти въ 1768 г. своей старшей сестры, графини Анны Петровны, сдѣлалась богатѣйшею въ Россіи невѣстою. Скоро ее сосватали за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (р. 1748 г., † 1822 г.), но сватовство шло довольно вяло, такъ какъ женихъ не чувствовалъ особенной склонности къ своей нареченной. Свадьба состоялась, наконецъ, 23 Февраля 1774 г. и была отпразднована съ большою пышностью въ Москвѣ, гдѣ молодые и поселились, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ ко Двору. За первыя десять лѣтъ супружеской жизни графиня Разумовская сдѣлалась матерью четырехъ дѣтей: двухъ сыновей, Петра и Кирилла, и двухъ дочерей, Варвары (впослѣдствіи княгиня Репнина-Волконская) и Екатерины (замужемъ за графомъ С. С. Уваровымъ). Графъ А. К. Разумовскій, будущій министръ народнаго просвѣщенія, человѣкъ европейски образованный, почитатель Вольтера, характера былъ черствaго и сухого, вспыльчиваго и деспотическаго нрава. Ему скоро надоѣла его „простая, безхарактерная и кое-какъ воспитанная“ жена, какъ своею набожностью и суевѣріями, такъ и своей полнѣйшей безпомощностью. Она же до такой степени сдѣлалась его рабою, что, когда, около 1784 г., вскорѣ послѣ рожденія младшаго сына, Кирилла, онъ приказалъ ей выѣхать изъ его дома, она, несмотря на любовь свою къ дѣтямъ, не подумала даже о сопротивленіи и безропотно оставила свою семью. Купивъ мѣсто въ Москвѣ, на углу Маросейки и Лубянской площади, она выстроила себѣ тамъ домъ, въ которомъ и жила одна, не видясь болѣе съ мужемъ, и только впослѣдствіи переписываясь съ нимъ о дѣтяхъ и о дѣлахъ. Но дѣтей своихъ, особенно же нѣжно ее любившихъ дочерей, она видѣла часто и участвовала въ расходахъ на ихъ воспитаніе, обязавшись, при изгнаніи своемъ изъ дома мужа, уплачивать ему ежегодно на этотъ предметъ 10.000 рублей. Также она одѣляла ихъ и при поступленіи сыновей на службу, и при выходѣ дочерей въ замужество. Но въ своемъ уединеніи на Маросейкѣ, отказавшись совершенно отъ свѣтскихъ знакомствъ, она окружила себя безчисленнымъ числомъ разныхъ воспитанницъ, бѣдныхъ дворянокъ, барскихъ барынь, шутовъ, приживалокъ и приживальщиковъ, и скоро вся эта челядь вполнѣ ею овладѣла. Послѣ смерти въ 1809 г. брата, графа Николая Петровича Шереметева, занимавшагося ея дѣлами, единственнаго человѣка, которому она довѣряла, эта несчастная и одинокая женщина совершенно подпала подъ власть прислуги. Разсказывали, что въ послѣдніе годы своей жизни она не могла даже выѣхать на прогулку, такъ какъ, когда она приказывала заложить экипажъ, изленившіеся кучера отказывались, говоря что онъ сломанъ. Управленіе ея громаднымъ состояніемъ перешло въ руки вольноотпущеннаго лакея ея, Ивана Сырова, который немилосердно ее обиралъ, заставляя расписываться въ каждомъ расходѣ, чтобы оградить себя въ будущемъ. Обширный ея домъ, душный, натопленный, какъ баня, и никогда не провѣтриваемый, былъ полонъ драгоцѣнностей, мебели и предметовъ роскоши, доставшихся ей отъ отца. Переживъ мужа двумя годами, графиня Варвара Петровна не только ему простила всѣ свои огорченія, но, по добротѣ своей, горько его оплакивала. Когда сама она была уже при смерти, окружавшая ее челядь никого къ ней не допускала и не извѣстила о ея болѣзни дѣтей, отсутствовавшихъ въ то время изъ Москвы. Сыровымъ составлено было духовное завѣщаніе, по которому домъ на Маросейкѣ, всѣ наличныя деньги и драгоцѣнности, вообще все благопріобрѣтенное имущество, она оставляла ему; не были забыты и другіе приживальщики. Это завѣщаніе было поднесено Сыровымъ къ подписанію умирающей и уже терявшей сознаніе графини, и подпись ея была засвидѣтельствована ея духовникомъ и извѣстнымъ докторомъ Мухинымъ, получившими по тому же завѣщанію—первый каменный домъ, а второй—50.000 рублей.

Графиня В. П. Разумовская скончалась 27 Мая 1824 г. и похоронена въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, рядомъ съ отцомъ своимъ и дѣдомъ, великимъ канцлеромъ княземъ А. М. Черкасскимъ.

(Съ портрета, писаннаго Аргуновымъ и принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву, с. Кусково, Московск. губ.)

La comtesse VARVARA PÉTROWNA RAZOUMOWSKY, 1750—1824, seconde fille du général en chef, le comte Pierre Borissowitch Chérémeteff (1713—1778) et de la princesse Barbe Alexéewna Tcherkassky, naquit le 2 janvier 1750. Belle, mais timide, craintive et bornée, elle devint en 1768 la fiancée la plus riche de la Russie, après la mort de sa sœur aînée, la comtesse Anna Pétrowna. On la fiança bientôt au comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky (1748—1822), mais les fiançailles durèrent assez longtemps, parce que le fiancé ne sentait pas d'inclination bien prononcée pour la jeune comtesse. Le mariage eut lieu enfin le 23 février 1774 et fut célébré avec pompe à Moscou où les jeunes mariés s'établirent, ne venant que rarement à St-Pétersbourg, à la Cour. Pendant les dix premières années de sa vie conjugale, la comtesse Razoumowsky devint mère de quatre enfants: deux fils, Pierre et Cyrille, et deux filles, Varvara (qui devint princesse Repnine-Wolkonsky) et Catherine (mariée au comte S. Ouvaroff). Le comte Razoumowsky, qui devint plus tard ministre de l'instruction publique, était un homme d'une culture européenne, admirateur de Voltaire et d'un caractère dur, sec, emporté et despote. Sa femme „simple, sans caractère et d'une éducation peu soignée", l'ennuya bientôt, tant par sa piété et ses superstitions que par sa complète incapacité de se tirer elle-même d'affaire. Elle devint jusqu'à un tel point esclave de son mari, que, quand ce dernier lui ordonna, vers 1784, bientôt après la naissance de son cadet, Cyrille, de quitter sa maison, elle ne pensa même pas à lui résister, malgré son amour pour ses enfants, et abandonna sa famille sans murmurer. Elle s'acheta un terrain à Moscou, au coin de la Maroseika et de la place Loubiansky et se construisit une maison, où elle vécut seule, sans jamais revoir son mari; plus tard seulement ils s'écrivirent pour affaires et au sujet des enfants. Mais elle voyait souvent ces derniers, surtout ses filles qui la chérissaient, elle participait aux frais de leur éducation, s'étant engagée, lorsque le comte la chassa de chez lui, à lui payer annuellement à cet effet 10.000 roubles. Elle ne les oublia pas non plus, quand les fils entrèrent au service et quand ses filles se marièrent. Dans sa solitude, retirée complètement du monde, elle s'entoura d'un grand nombre de différentes personnes, de pauvres demoiselles et de dames nobles, de bouffons, de parasites, hommes et femmes, et bientôt toute cette valetaille la domina complètement. Après la mort, en 1809, de son frère, le comte Nicolas Pétrowitch Chérémeteff, qui s'occupait de ses affaires et qui était le seul en qui elle eût confiance, cette malheureuse, sans famille, tomba entre les mains de ses domestiques. On raconte que dans les dernières années de sa vie, elle ne put même pas aller se promener, car, lorsqu'elle ordonnait d'atteler, les paresseux cochers refusaient de le faire, sous prétexte que la voiture était cassée. L'administration de son immense fortune passa entre les mains de son valet affranchi, Ivan Syroff, qui la vola sans miséricorde, tout en lui faisant signer tous les comptes pour se couvrir. Sa vaste maison, mal aérée, chauffée comme un bain, était remplie de raretés, de meubles et d'objets de luxe, qui lui venaient de son père. La comtesse survécut deux ans à son mari; elle lui pardonna non seulement tous les chagrins qu'elle avait endurés à cause de lui, mais elle le pleura même amèrement. Quand elle fut sur son lit de mort, la valetaille qui l'entourait ne laissa personne pénétrer chez elle et n'informa pas même de sa maladie ses enfants, absents de Moscou. Un testament, composé par Syroff, lui donnait la maison de la Maroseika, tout l'argent comptant et les objets précieux, en un mot tout son bien acquis honnêtement; les autres parasites ne furent non plus oubliés. Ce testament avait été présenté par Syroff à la comtesse mourante, quand elle avait déjà perdu connaissance, et sa signature fut légalisée par son confesseur et le célèbre docteur Moukhine, qui reçurent le premier une maison en pierre et le second 50.000 roubles.

La comtesse Razoumowsky mourut le 27 mai 1824 et fut enterrée au monastère Novospassky à Moscou, à côté de son père et de son grand-père, le grand chancelier, prince A. M. Tcherkassky.

(D'après l'original d'Argounoff, appartenant au comte S. Chérémeteff, Kouskovo, gouv. de Moscou.)

La comtesse VARVARA PÉTROWNA RAZOUMOWSKY ([illegible]—1824), seconde fille du général en chef le comte Pierre Borissowitch Chérémétieff (1713—1788) et de la princesse Varvara Alexéevna Tcherkassky, naquit le [illegible]. Belle, mais timide, craintive et bornée, elle devint en 1768 la fiancée la plus riche de Russie, après la mort de sa sœur aînée, la comtesse Anne Pétrowna. On la fiança bientôt au comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky (1748—1822), mais les fiançailles durèrent assez longtemps, parce que le comte ne montrait pas d'inclination bien prononcée pour la jeune comtesse. Le mariage eut lieu enfin le [illegible] et fut célébré avec pompe à Moscou où les jeunes mariés s'établirent, ne venant que rarement à Pétersbourg à la Cour. Pendant les dix premières années de sa vie conjugale la comtesse Razoumowsky devint mère de quatre enfants: deux fils, Pierre et Cyrille, et deux filles, Varvara (qui devint princesse [illegible] Wolkonsky) et Catherine (mariée au comte S. Ouvaroff). Le comte Razoumowsky, qui devint plus tard ministre de l'instruction publique, était un homme d'une culture européenne, admirateur de Voltaire et d'un caractère dur, sec, emporté et despote. Sa femme, simple, sans caractère et d'une éducation peu soignée, l'ennuya bientôt, tant par sa piété et ses superstitions que par sa complète incapacité de se tirer d'une affaire. Elle devint jusqu'à un tel point esclave de son mari, que, quand ce dernier lui ordonna, vers [illegible], bientôt après la naissance de son cadet, Cyrille, de quitter la maison, elle ne pensa même pas à lui résister, malgré son amour pour ses enfants, et abandonna sa famille sans murmurer. Elle s'acheta un terrain à Moscou, au coin de la Maroseika et de la place Loubiansky et se construisit une maison, où elle vécut seule, sans jamais revoir son mari; plus tard seulement ils s'écrivirent pour affaires et au sujet des enfants. Mais elle voyait souvent ces derniers, surtout ses filles qui la chérissaient; elle participait aux frais de [illegible] et quand [illegible] grand nombre de [illegible] hommes et femmes [illegible] de son frère le comte Nicolas [illegible] ce qu'elle eut confiance, celle-[illegible] les dernières [illegible] les paroisses [illegible] en lui laissant [illegible] c'était rempli de [illegible] survécut deux [illegible] à cause de lui [illegible] ne laissa personne pénétrer chez elle et n'informa pas même de sa maladie ses enfants, absents de Moscou. Un testament, composé par Syroff, lui donnait la maison de la Maroseika, tout l'argent comptant et les objets précieux, [illegible] non plus oubliés. Ce testament, [illegible] présenté par Syroff à la comtesse mourante, quand elle avait déjà perdu connaissance, et sa signature [illegible] légalisée par son confesseur et le célèbre docteur [illegible], qui jurèrent le premier une raison [illegible] le second [illegible] troubles.

La comtesse Razoumowsky mourut le 27 mai 1824 et fut enterrée au monastère [illegible] à Moscou, à côté de son père et de son grand-père, le grand chancelier, prince A. M. Tcherkassky.

D'après l'original d'Argounoff, appartenant au comte A. Chérémétieff, [illegible], gouv. de Moscou.

109

Пис. Аргуновъ — Peint par Argounoff

Графиня Варвара Петровна Разумовская, 1750 — 1824 — *La Comtesse Varvara Pétrowna Razoumowsky, 1750 — 1824*

110

Графиня Софья Степановна Разумовская, 1746 — 1803 — *La Comtesse Sophie Stépanowna Razoumowsky, 1746 — 1803*

111

Пис. Р...ленъ, 1773 — Peint par Roslin, 1773

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, 1751 — 1809 — *Le Comte Nicolas Pétrowitch Chérémétefff, 1751 — 1809*

112

Пис. Аргуновъ, 1789 — Peint par Argounoff 1789

Татьяна Васильевна Шлыкова, 1773 — 1863 — *Tatiana Vassiliewna Chlykoff, 1773 — 1863*

Графиня **СОФІЯ СТЕПАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ**, 1746—1803, дочь Степана Федоровича Ушакова (р. 1705 г.), Новгородскаго, а потомъ С.-Петербургскаго губернатора и сенатора, и жены его Анны Семеновны (дѣвичья ея фамилія намъ неизвѣстна; въ 1-мъ бракѣ была за Иваномъ Петровичемъ Бутурлинымъ), родилась 11 Сентября 1746 года. Въ первомъ бракѣ была замужемъ за генералъ-майоромъ Михаиломъ Петровичемъ Черторыжскимъ, флигель-адъютантомъ Петра III (р. 1736 г., † въ концѣ 1771 г.), и рано овдовѣла, не имѣя дѣтей отъ больного, чахоточнаго мужа. Она была извѣстна при дворѣ своимъ щегольствомъ, любовью къ свѣту и ко всякимъ развлеченіямъ и имѣла репутацію „petite maîtresse“. Передъ женитьбой Великаго Князя Павла Петровича, когда у Екатерины II явились сомнѣнія, упрочитъ ли бракъ Цесаревича, вслѣдствіе слабости его здоровья, порядокъ престолонаслѣдія въ государствѣ, на Софію Степановну Черторыжскую возложено было порученіе испытать силу своихъ прелестей надъ сердцемъ Великаго Князя. Въ 1772 или 1773 г. у нея родился сынъ, котораго назвали Семеномъ Аѳанасьевичемъ Великимъ и котораго Екатерина взяла къ себѣ на воспитаніе (о жизни Семена Великаго извѣстно чрезвычайно мало, а смерть его окружена таинственностью: о ней существуютъ разнорѣчивыя показанія). Вскорѣ послѣ рожденія сына, С. С. Черторыжская вышла вторымъ бракомъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго (р. 1751 г., † 1823 г.), оберъ-камергера, второго сына гетмана. Она была на пять лѣтъ старше мужа, и графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ очень недоволенъ этою свадьбою, сильно недолюбливалъ свою невѣстку, которую называлъ „картузною бабою“, и упрекалъ ее за расточительность. Въ этомъ, однако, она только вполнѣ подходила къ мужу, а своею нерѣшительностью и перемѣнчивымъ характеромъ была очень на него похожа; поэтому, вѣроятно, супруги нѣжно любили другъ друга и жили очень дружно. Бракъ ихъ былъ бездѣтенъ; очень слабое здоровье и неизлѣчимая, по мнѣнію старика-гетмана, болѣзнь графини (солитеръ) требовали постояннаго лѣченія, и графиня жила съ мужемъ почти безпрерывно за границею: въ Италіи, Швейцаріи, Голландіи, а также въ Парижѣ и на югѣ Франціи, въ Монпелье, модной въ тѣ времена климатической станціи. Эта, по выраженію гетмана, „цыганская жизнь“ вызывала огромныя траты и постоянныя просьбы къ отцу и свекру о пособіи. По назначеніи графа Петра Кирилловича, при восшествіи Павла I на престолъ, присутствующимъ въ Сенатѣ, Разумовскіе вернулись въ Петербургъ и поселились на углу Набережной и Гагаринской улицы, въ своемъ домѣ, который украсили множествомъ цѣнныхъ вещей, купленныхъ во Франціи во время революціи. Здѣсь и скончалась графиня Софія Степановна, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, 26 Сентября 1803 года. Изъ оставленнаго ею завѣщанія (отъ 28 Ноября 1802 г.) видно, что она была хотя и недалекая женщина, но простодушная, добрая и религіозная и передъ смертью постаралась привести свои дѣла въ порядокъ, составивъ опись своимъ личнымъ долгамъ и назначивъ денежныя выдачи своимъ людямъ, которыхъ просила мужа отпустить на волю. Куріозно при этомъ самое распредѣленіе ею между близкими остающихся послѣ нея вещей, „de mes petites drogues“, какъ она выражается, въ числѣ которыхъ простодушно ею перименовываются образа и Мадонна Карла Долче.

Похоронена графиня С. С. Разумовская въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ, гдѣ ей воздвигнутъ оплакивавшимъ ее мужемъ большой саркофагъ изъ бѣлаго мрамора съ головами медузъ и прекрасной плачущей женской фигурой; на памятникѣ читаются слѣдующія строки:

„Во мракѣ вѣры ты Спасителя любила,
„Любила ближняго, порочныхъ не судила,
„Любила ты меня, любила всѣхъ людей,
„Любовь къ Спасителю былъ свѣтъ твоихъ путей“.

(Съ миніатюры изъ собранія М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

110

La comtesse **SOPHIE STÉPANOWNA RAZOUMOWSKY**, 1746—1803, fille d'Etienne Féodorowitch Ouchakoff (né en 1705), gouverneur de Novgorod, puis gouverneur de St-Pétersbourg et sénateur, et de sa femme, Anne Sémenowna (son nom de jeune fille nous est inconnu; elle fut mariée en premières noces à Ivan Pétrowitch Boutourline), naquit le 11 septembre 1746. Mariée d'abord au général-major Michel Pétrowitch Tchertoryjsky, aide de camp de Pierre III (1736—1771), elle perdit de bonne heure son mari, un poitrinaire, qui ne lui laissa pas d'enfant. Elle était connue à la Cour par son élégance, son amour pour le monde et les distractions et avait la réputation d'une „petite maîtresse". Avant le mariage du Grand-Duc Paul Pétrowitch, quand Catherine doutait que le prince héritier, qui était de faible santé, pût raffermir la loi de succession de l'Empire, elle reçut la mission de séduire de ses charmes le Grand-Duc. Elle eut un fils, en 1772 ou en 1773, Siméon Afanassiéwitch Véliky que Catherine éleva (sa vie nous est peu connue, et il court les bruits les plus contradictoires sur sa mort, qui est entourée de mystère). Bientôt après la naissance du fils, Mme Tchertoryjsky épousa en secondes noces le comte Pierre Kirillowitch Razoumowsky (1751—1823), grand chambellan et second fils de l'hetman. Elle était de cinq ans plus âgée que lui, et le vieux comte était fort mécontent de ce mariage, n'aimait pas du tout sa bru, l'appelait „un vrai paquet" et lui reprochait sa prodigalité. Et pourtant elle ressemblait en cela à son mari; elle lui ressemblait aussi par son indécision et son caractère changeant; aussi les époux s'aimèrent-ils tendrement et vécurent-ils en parfait accord. Leur union fut stérile; elle était de très faible santé, et sa maladie inguérissable, suivant le vieil hetman (elle avait le ténia), exigeait des soins constants. Elle vécut presque toujours à l'étranger avec son mari; ils visitèrent la Suisse, l'Italie, la Hollande, même Paris et le sud de la France, Montpellier, station à la mode du temps. Cette „vie de bohème", comme l'appelait l'hetman, nécessitait des frais énormes et de continuelles demandes d'argent au père et à la belle-mère. Lorsque le comte fut nommé, à l'avènement de Paul Ier sur le trône, membre du Sénat, les deux époux revinrent à St-Pétersbourg et s'installèrent au coin du quai et de la rue Gagarine, dans leur propre maison, qu'ils ornèrent de quantité d'objets précieux achetés en France pendant la Révolution. Elle y mourut bientôt après son retour, le 26 septembre 1803. On voit, par son testament du 28 novembre 1802, que si elle était une femme bornée, elle était franche, bonne et croyante; elle s'efforça avant sa mort de mettre ordre à ses affaires, fit un inventaire de ses propres dettes, légua de l'argent à ses domestiques et pria son mari de leur donner la liberté. La manière dont elle partagea entre ses proches ses objets, „mes petites drogues", comme elle les appelait, était curieuse; il y avait dans le nombre des images saintes et la Madone de Carlo Dolce.

La comtesse Razoumowsky fut enterrée à la laure d'Alexandre Newsky, au cimetière Lazareff, où son mari éploré lui construisit un sarcophage en marbre blanc avec des têtes de méduse et une belle figure de pleureuse. On y lit les lignes suivantes: „Tu as aimé le Sauveur à l'ombre de la foi, tu as aimé le prochain, tu n'as pas jugé les vicieux, tu m'as aimé, tu as aimé tous les hommes. L'amour du Sauveur est la lumière qui a éclairé tes chemins".

(D'après une miniature de la collection de Mlle M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

Графъ **НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ**, 1751—1809, сынъ графа Петра Борисовича отъ брака съ княжной Варварой Алексѣевной Черкасской, родился 28 Іюня 1751 г.; въ дѣтствѣ былъ любимымъ товарищемъ Цесаревича Павла Петровича. Образованіе свое онъ закончилъ продолжительнымъ заграничнымъ путешествіемъ (1769—1773), во время котораго слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. При Екатеринѣ II графъ Шереметевъ былъ назначенъ сенаторомъ, а Павелъ I, тотчасъ по воцареніи, назначилъ друга своего дѣтства оберъ-гофмаршаломъ, возложивъ на него „тяжелую задачу преобразовать Дворъ и устранить злоупотребленія". Графъ Н. П. Шереметевъ не только навлекъ на себя неудовольствіе придворныхъ своими стараніями „не выходить изъ границъ штата", но и самъ своенравный Павелъ, поощрившій его вначалѣ пожалованіемъ ордена св. Андрея, скоро охладѣлъ къ нему настолько, что въ концѣ 1797 г., по выраженію графа Шереметева, для довѣреннаго оберъ-гофмаршала были „совершенно затворены двери кабинета Его Величества". Эти хлопотливыя и неблагодарныя обязанности пагубно отзывались на здоровьѣ графа; два года промучился онъ на этомъ посту, пока 1 Ноября 1798 г. не былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры. Павелъ, впрочемъ, тогда же выказалъ ему свое благоволеніе, пожаловавъ кавалеромъ Мальтійскаго ордена. Графъ Н. П. Шереметевъ увлекся своей крѣпостной, умной и сердечной Прасковіей Ивановной Ковалевской, и 6 Ноября 1801 г. вступилъ съ нею въ бракъ; супруга графа умерла 23 Февраля 1803 г., черезъ три недѣли послѣ рожденія сына Дмитрія. Страшно пораженный смертью жены, Шереметевъ посвятилъ остатокъ дней своихъ воспитанію сына и щедрой благотворительности, за что Сенатъ поднесъ ему 25 Апрѣля 1803 г. золотую медаль съ изображеніемъ самого благотворителя. Онъ умеръ 2 Января 1809 г. и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

Графъ Н. П. Шереметевъ былъ человѣкъ болѣзненный и всю жизнь мучился отъ всякихъ недуговъ; онъ былъ любителемъ музыки, пѣнія и драматическаго искусства и самъ аккомпанировалъ на віолончели Прасковіи Ивановнѣ. Его крѣпостной театръ былъ такъ поставленъ, что иные пріятели его, какъ князь Юсуповъ, раздружились съ нимъ „изъ зависти театра". Останкинскій дворецъ остается памятникомъ его изящнаго художественнаго вкуса. По отзыву бывшаго крѣпостного графа Шереметева, академика Никитенка, онъ „между многочисленныхъ вассаловъ слылъ за избалованнаго и своенравнаго деспота, не злого отъ природы, но глубоко испорченнаго счастіемъ". Не такимъ, однако, рисуется графъ Шереметевъ въ его перепискѣ и особенно въ „Завѣщательномъ письмѣ" къ сыну. Графъ Шереметевъ называлъ себя „простымъ, добрымъ человѣкомъ" и имѣлъ, повидимому, полное право на это названіе: онъ былъ нѣжнымъ, любящимъ сыномъ, мужемъ, отцомъ и братомъ. Во время болѣзни „Маргаридушки" (Реметевой), побочной сестры своей, онъ позднею осенью „въ скукѣ" жилъ въ подмосковной, ссылаясь на то, что „оставить больную никакъ нельзя и жалко". Онъ былъ гуманнымъ господиномъ и заботился объ устройствѣ въ вотчинахъ школъ и богадѣленъ. Послѣ усмиренія бунта въ одномъ изъ его имѣній, графъ Шереметевъ всячески защищалъ виновныхъ и просилъ ревизора, „сколько возможно, быть въ наказаніяхъ человѣколюбиву и отнюдь палками никого не наказывать". Онъ называлъ гордость „порокомъ безумнымъ, гнуснымъ и несноснымъ" и былъ до крайности скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ. „Чувствую", писалъ онъ, „что нѣтъ монхъ никакихъ заслугъ, и я уже и самъ забылъ, что предки наши дѣлали и какъ усердно служили". Имѣя „правъ уединенный и любящій миръ и тишину", онъ, по мѣрѣ силъ, старался „быть полезнымъ въ обществѣ", при чемъ всегда заботился о сущности дѣла, а не о „наружностяхъ", и, будучи оберъ-гофмаршаломъ, считалъ недостойнымъ себя, для успѣха при Дворѣ, „являть себя въ глазахъ Государя расторопнымъ, метаться при бываемыхъ празднествахъ и столахъ". Графъ Николай Петровичъ былъ глубоко убѣжденъ въ суетности и непрочности богатства, лживости „льстецовъ и ласкателей"; отъ его завѣщанія вѣетъ духомъ Экклезіаста: „Во всемъ богатствѣ и пышности не находилъ я ничего утѣшительнаго и цѣлебнаго для изнемогшей души моей. Помни, что житіе человѣка кратко, весь блескъ міра сего исчезаетъ немнуемо!" Но такое настроеніе привело его не къ мрачному мизантропизму, а къ покорности волѣ „всѣмъ управляющаго Промысла" и дѣятельности на пользу больныхъ и обездоленныхъ.

(Съ портрета Рослена 1773 г.; собственность графа С. Д. Шереметева, С.-Петербургъ.)

Le comte NICOLAS PÉTROWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1751—1809, fils du comte Pierre Borissowitch, de son mariage avec la princesse Varvara Alexéewna Tcherkassky, est né le 28 juin 1751; il était dans son enfance, le compagnon favori du Césarewitch Paul Pétrowitch. Il acheva son instruction par un long voyage à l'étranger (1769—1773), pendant lequel il suivit les cours de l'université de Leyde. Sous Catherine II, le comte Chérémeteff fut nommé sénateur, et Paul Ier, immédiatement après son avènement, nomma l'ami de son enfance grand maréchal de la cour, en lui confiant „la tâche difficile de réformer la Cour et de bannir les abus". Le comte Chérémeteff, par ses efforts „pour ne pas dépasser les limites du personnel", s'attira non seulement le mécontentement des courtisans, mais le capricieux Paul lui-même, qui, tout d'abord, l'avait encouragé en lui conférant l'ordre de St-André, se refroidit bientôt à son égard, à un tel point, qu'à la fin de 1797, d'après le comte Chérémeteff, „les portes du cabinet de Sa Majesté étaient complètement condamnées" pour son confident, le grand maréchal. Ces devoirs ingrats et qui causaient tant de tourment au comte, avaient une influence pernicieuse sur sa santé; il peina dans ce poste pendant deux ans, jusqu'à sa nomination, le 1er novembre 1798, à la charge de grand chambellan. Paul, du reste, lui prouva alors sa bienveillance en le créant chevalier de l'ordre de Malte. Le comte Chérémeteff se passionna pour une de ses serves, l'intelligente et sensible Prascovie Ivanowna Kovalewsky et l'épousa le 6 novembre 1801; l'épouse du comte mourut le 23 février 1803, trois semaines après avoir mis au monde un fils, Dmitri. Cruellement frappé par la mort de sa femme, Chérémeteff consacra le reste de ses jours à l'éducation de son fils et à une bienfaisance généreuse pour laquelle le Sénat lui décerna, le 25 avril 1803, une médaille d'or avec l'effigie du bienfaiteur lui-même. Il mourut le 2 janvier 1809 et est inhumé dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le comte N. Chérémeteff était maladif et fut tourmenté toute sa vie par diverses infirmités; il était amateur de musique, de chant et d'art dramatique et accompagnait lui-même Prascovie Ivanowna sur le violoncelle. Son théâtre composé de serfs était si bien monté, que certains de ses amis, comme le prince Youssoupoff, avaient rompu avec lui „envieux de son théâtre". Le palais d'Ostankino demeure comme monument de son goût élégant et artistique. Un ancien serf du comte Chérémeteff, l'académicien Nikitenko, atteste que „parmi ses nombreux vassaux, il passait pour un despote gâté et capricieux, point méchant par nature, mais profondément corrompu par la fortune". Cependant, le comte Chérémeteff ne nous apparaît pas sous ces traits dans sa correspondance et particulièrement dans sa „Lettre testamentaire" à son fils. Le comte Chérémeteff se qualifie de „simple et bon" et avait, selon toute apparence, plein droit à ce titre: comme fils, époux, père et frère, il était tendre et aimant. Lors de la maladie de „Margaridouchka" (Réméteff), sa sœur naturelle, il restait sous Moscou „s'ennuyant" sur le tard de l'automne, expliquant que „quitter la malade était chose impossible et faisait de la peine". Il était humain et s'occupait à établir des écoles et des hospices dans ses biens patrimoniaux. Après la répression d'une rébellion dans l'une de ses propriétés, le comte Chérémeteff défendit les coupables par tous les moyens et priait le reviseur „d'être, autant que possible, humain dans les peines et de ne punir qui que ce fût de la bastonnade". Il définissait l'orgueil „un vice insensé, insupportable et odieux" et était modeste à l'excès dans l'appréciation de ses mérites. „Je sens", écrit-il, „que je n'ai aucun mérite et que j'ai déjà oublié moi-même ce que nos ancêtres ont accompli et le zèle avec lequel ils servaient". Ayant „un naturel solitaire et aimant la paix et la tranquillité", il tâchait dans la mesure de ses forces „d'être utile à la société", soignant toujours le fond des choses et non leur „apparence" et, étant grand maréchal de la cour, regardait comme indigne de lui, pour réussir à la Cour, „de se montrer, sous les yeux du souverain, débrouillé et empressé aux fêtes et aux repas". Le comte était profondément convaincu de la vanité et de l'instabilité des richesses, de la fausseté „des hypocrites et des flatteurs"; dans son testament, on sent comme le souffle de l'Ecclésiaste: „Dans toutes les richesses et les magnificences, je n'ai rien trouvé de consolant et de salutaire pour mon âme abattue. Souviens-toi, que les jours de l'homme sont courts, tout l'éclat d'ici-bas passe immanquablement!" Mais ces dispositions l'amenèrent non à une sombre misanthropie, mais à la soumission à la volonté „de la Providence qui dirige tout" et à travailler au soulagement des malades et des déshérités.

(D'après un original de Roslin, 1773, appartenant au comte S. Chérémeteff, St-Pétersbourg.)

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ШЛЫКОВА, 1775—1863, еще не такъ давно живая свидѣтельница Екатерининской эпохи, родилась, какъ она сама говорила, „черезъ два года послѣ мора“, т.-е. чумы 1771 г., въ Москвѣ. Отецъ ея, крѣпостной графа П. Б. Шереметева, Василій Шлыковъ, былъ оружейнымъ при домашнемъ арсеналѣ графа, а мать, Елена Ивановна, служила при графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметовой, рожденной княжнѣ Черкасской, и была ея довѣреннымъ лицомъ. Въ домъ графа П. Б. Шереметева она была взята на воспитаніе семи лѣтъ отъ роду и со многими сверстницами готовилась къ выступленію на его домашней сценѣ. Отличаясь искусствомъ въ танцахъ, она и появлялась потомъ на театрѣ графа въ Москвѣ, Кусковѣ и Останкинѣ, подъ фамиліей „Гранатовой“. На спектаклѣ, данномъ во время посѣщенія Кускова Екатериной II, она была отличена Императрицей, которая позвала ее въ свою ложу, допустила къ своей рукѣ и подарила ей нѣсколько золотыхъ. Въ числѣ подругъ Шлыковой по сценѣ была Прасковья Ивановна Ковалевская, по театральному прозвищу „Жемчугова“, ставшая впослѣдствіи женою графа Николая Петровича Шереметева. Благодаря своей тѣсной дружбѣ съ Прасковьей Ивановной, Шлыкова сблизилась также и съ ея будущимъ мужемъ; когда въ 1801 г. состоялся ихъ бракъ, Татьяна Васильевна уже давно была съ ними неразлучна и сопровождала ихъ даже въ путешествіяхъ. Послѣ смерти жены въ 1803 г., графъ Н. П. Шереметевъ завѣщалъ „Татьянѣ Шлыковой на приданое 30.000 руб., содержать ее въ домѣ, давать ежегодно по 1000 руб. и имѣть всевозможное о ней и ея спокойствіи попеченіе“.

Неотлучно проживая у Шереметевыхъ съ 1780 г., Татьяна Васильевна сдѣлалась какъ бы членомъ ихъ семьи и до самой смерти своей пользовалась любовью и уваженіемъ послѣдующихъ трехъ поколѣній. Она имѣла свои комнаты въ Петербургскомъ „Фонтанномъ“ домѣ Шереметевыхъ (въ нижнемъ этажѣ, направо отъ входа), собственную прислугу—повара, кучера, дѣвушку и лакея, собственную карету и пару лошадей, а лѣтомъ переѣзжала „на свою половину“ на Шереметевской дачѣ „Ульянкѣ“, по Петергофскому шоссе. Свидѣтельница всѣхъ радостныхъ и горестныхъ событій въ пріютившей ее семьѣ, она близко стояла и къ придворной и общественной жизни своего времени, помнила царствованіе Екатерины, коронаціи Павла и Александра I, двѣнадцатый годъ, Декабрьскій бунтъ, знала всѣхъ выдающихся людей своего времени, и разсказы ея о прошломъ были живою хроникой минувшей старины.

Не будучи въ молодости красавицей, Татьяна Васильевна Шлыкова имѣла выразительное лицо, съ живыми и умными глазами. Замужъ она не вышла, хотя уже въ зрѣлыхъ годахъ за нее сватался англичанинъ Плинке, одинъ изъ хозяевъ Англійскаго магазина въ Петербургѣ. Привѣтливая и общительная, она была „въ разговорѣ своеобразна и поучительна, въ воспоминаніяхъ очень любопытна. Ея свѣтлый умъ и доброе сердце соединялись съ необыкновенною выдержкою и большимъ запасомъ житейской опытности. Она была представительница здоровой среды, глубоко религіозной, чисто русской“. Эти теплыя строки посвящены ей графомъ С. Д. Шереметевымъ, въ домѣ котораго Т. В. Шлыкова безболѣзненно скончалась 25 Января 1863 г., 90 лѣтъ отъ роду. Похоронена она рядомъ съ другими членами своей семьи на Волковомъ кладбищѣ, которое при жизни называла своею „дачею“.

(Съ портрета Аргунова, 1789 г.; собственность графа С. Д. Шереметева, с. Кусково, Московской губ.)

TATIANA VASSILIEWNA CHLYKOFF, 1775—1863, ce témoin dernièrement mort de l'époque de Catherine, est née, comme elle le dit elle-même, „deux ans après la peste" de 1771 à Moscou. Son père, serf du comte Pierre Chérémeteff, Basile Chlykoff, était armurier dans l'arsenal privé du comte, et sa mère, Hélène Ivanowna, était au service de la comtesse Varvara Alexéewna Chérémeteff, née princesse Tcherkasky, et jouissait de sa confiance. Elle fut recueillie, à l'âge de sept ans, dans la maison du comte, pour y être élevée, et elle commença, avec des enfants de son âge, à se préparer à la scène. S'étant distinguée comme danseuse, elle débuta sur la scène du comte à Moscou, à Kouskovo et à Ostankino, sous le nom de „Granatoff". Pendant le spectacle donné à Kouskovo en l'honneur de Catherine II, elle fut remarquée par l'Impératrice, qui l'appela dans sa loge, lui permit de lui baiser la main et lui donna quelques pièces d'or. Au nombre des amies de Mlle Chlykoff, se trouvait Prascovie Ivanowna Kovalewsky, connue sur la scène sous le nom de „Gemtchougoff" et qui devint dans la suite la femme du comte Nicolas Pétrowitch Chérémeteff. Grâce à son intimité avec Prascovie Ivanowna, elle s'approcha aussi de son futur mari et, quand, en 1801, leur noce fut célébrée, elle était depuis longtemps leur compagne inséparable et les accompagnait même dans leurs voyages. Après la mort de sa femme, en 1803, le comte N. P. Chérémeteff légua „à Tatiana Chlykoff une dot de 50.000 roubles, la logea dans sa maison, lui fit allouer 1000 roubles par an et ordonna de veiller avec tout le soin possible à sa tranquillité".

Vivant en permanence chez les Chérémeteff depuis 1780, Tatiana Vassiliewna devint un membre de la famille et jouit, jusqu'à sa mort, de l'amour et de l'estime de trois générations. Elle avait ses appartements dans la maison que les Chérémeteff possédaient à St-Pétersbourg, au bord de la Fontanka (à l'étage inférieur, à droite de l'entrée), ses domestiques à elle, un cuisinier, un cocher, une fille de chambre et un laquais, sa propre voiture avec une paire de chevaux. En été elle déménageait dans la maison de campagne des Chérémeteff „Oulianka", sur la chaussée de Péterhof. Elle fut témoin de tous les événements tristes et gais de la famille qui l'avait accueillie, elle comprenait bien la vie de la Cour et de la société de son temps, se rappelait le règne de Catherine, les couronnements de Paul et d'Alexandre Ier, l'année douze, la révolte de décembre; elle connaissait tous les hommes célèbres de son temps et ses récits du temps passé étaient comme une chronique vivante du vieux temps.

Sans être belle dans sa jeunesse, Mlle Chlykoff avait une figure expressive, aux yeux vifs et intelligents. Elle ne se maria pas, quoique, dans l'âge mûr, elle eût été recherchée par l'Anglais Plinke, un des propriétaires du magasin anglais de St-Pétersbourg. Affable et sociable, elle était „d'une conversation originale et instructive et très intéressante dans ses souvenirs. Son esprit lucide et son bon cœur se mariaient à une maîtrise extraordinaire de soi-même et une grande dose d'expérience de la vie. Elle était le représentant d'un milieu sain, profondément religieux et essentiellement russe". Telles sont les paroles émues que lui a dédiées le comte S. Chérémeteff, dans la maison duquel T. V. Chlykoff s'éteignit sans souffrance le 25 janvier 1863, à l'âge de 90 ans. Elle est enterrée avec les autres membres de sa famille au cimetière de Volkoff, qu'elle appelait de son vivant sa „maison de campagne".

(D'après l'original d'Argounoff, 1789, appartenant au comte S. Chérémeteff, Kouskovo, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЛЬВОВЪ, 1751—1803, сынъ Тверского помѣщика Александра Петровича Львова, родился въ г. Торжкѣ или его уѣздѣ; получивъ обычное домашнее воспитаніе, учился затѣмъ въ полковой школѣ Измайловскаго полка, въ бомбардирской ротѣ котораго началъ службу. Самостоятельныя занятія, чтеніе и пребываніе за границей съ его родственникомъ М. Ф. Соймоновымъ и съ Хемницеромъ расширили кругъ знаній и интересовъ Львова, рано проявившаго горячую любовь къ литературѣ и искусствамъ. Съ конца 1770-хъ гг. онъ служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ члена Коллегіи П. В. Бакунина, у котораго и жилъ одно время, а затѣмъ состоялъ при А. А. Безбородкѣ, питавшемъ къ нему самыя дружескія чувства. Съ 1782 г. онъ былъ присутствующимъ въ Главномъ почтовыхъ дѣлъ правленіи, 6 Декабря 1796 г. произведенъ въ д. ст. совѣтники, получивъ передъ тѣмъ 600 душъ въ Саратовской губ. (с. Рязановъ Бродъ). Уволенный изъ Почтоваго правленія 21 Августа 1797 г. „по случаю разныхъ возложенныхъ на него порученій, каковы суть: исправленіе въ Москвѣ дворцовъ и другихъ казенныхъ зданій, пріискъ и разработываніе земляного угля и дирекція надъ Училищемъ Земляного битаго строенія“, Львовъ въ годъ своей смерти былъ управляющимъ этимъ училищемъ и членомъ Экспедиціи Государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. Незадолго до кончины, онъ ѣздилъ лѣчиться на минеральныя воды, одновременно наблюдая, по порученію Академіи Художествъ, за снятіемъ плановъ и видовъ нѣкоторыхъ мѣстностей на Кавказской линіи, въ Таманн и въ Крыму. Провозглашенный членомъ Россійской Академіи при ея открытіи 21 Октября 1783 г., Львовъ былъ избранъ (12 Мая 1786 г.) почетнымъ членомъ Академіи Художествъ. Лично извѣстный Екатеринѣ II уже въ 1780 г., когда она „апробовала“ составленный имъ проектъ собора св. Іосифа въ Могилевѣ, Львовъ бывалъ въ свитѣ Императрицы во время ея путешествій по Россіи; въ 1782 г. удостоились высочайшаго одобренія составленные имъ проекты зданій Петербургскаго почтамта и рисунокъ ордена св. Владиміра. Львовъ пользовался также неизмѣннымъ благоволеніемъ Павла I; по его порученію, онъ исполнилъ рисунокъ ордена св. Анны (коимъ и былъ награжденъ) и построилъ въ Гатчинѣ зданіе Пріората. Искусный рисовальщикъ, Львовъ былъ весьма недурнымъ гравёромъ, занимался музыкой, театромъ, стихотворствомъ, а также механикой и технологіей, за что былъ избранъ членомъ Вольно-Экономическаго Общества. Его изящный вкусъ и обширныя познанія сосредоточили около него цѣлый кружокъ писателей; знакомый съ древними классиками и съ западной литературой, онъ въ то же время искалъ мотивовъ для творчества въ русской народной поэзіи (извѣстно начало его „богатырской повѣсти“—„Добрыня“, писанной „русскимъ складомъ“), былъ поклонникомъ изящной простоты и врагомъ всего грубаго и напыщеннаго. Съ именемъ Львова неразрывно связаны имена Богдановича, М. Н. Муравьева, А. С. Хвостова, Олешина, Каннпста, а въ особенности Хемницера и Державина; послѣдній былъ въ тѣсной и долголѣтней дружбѣ съ Львовымъ, а затѣмъ и породнился съ нимъ, женившись на Д. А. Дьяковой; извѣстны также его отношенія къ Левицкому, Боровиковскому и архитектору Гваренги. Какъ писатель, онъ оставилъ рядъ мелкихъ стихотвореній, переводъ „Пѣсни Гаральда Храбраго“ (въ стихахъ, 1793), шутливое „Ботаническое путешествіе на Дудерову гору“ (1792), заслужившее ему прозвище „новаго Шапеля“, шутливую поэму „Русскій 1791 г.“ (съ его гравюрой), переводъ „Разсужденія о перспективѣ“ (1789), съ его же гравюрами, „Русскую пиростатику“ (о воздушныхъ печахъ, 1793), „4 книги Палладіевой архитектуры“ (1798) и др.; издалъ „Собраніе русскихъ пѣсенъ“ Прача (1790), двѣ лѣтописи (1792), Басни Хемницера (1799); онъ изобрѣлъ особый способъ „земляного битаго строенія“, который Павелъ I хотѣлъ распространить въ Россіи, и издалъ брошюру о каменномъ углѣ. Нравомъ Львовъ былъ очень общителенъ, привѣтливъ, шутливъ и остроуменъ; онъ умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, 22 Декабря 1803 г.; погребенъ въ своемъ с. Никольскомъ.

Женатый съ 1780 г. на Маріи Алексѣевнѣ Дьяковой, онъ имѣлъ 2 сыновей: Леонида (р. 1784 г., † до 1865 г.) и Николая (р. 1786 г., † 1849 г.), и 3 дочерей, жившихъ послѣ смерти родителей у Державина: Елизавету (р. 1788 г., † 1864 г.; 2-я жена тайнаго совѣтника Ф. П. Львова), Вѣру († 1873 г.; за генералъ-майоромъ А. В. Воейковымъ) и Прасковью († 1839 г.; за К. М. Бороздинымъ).

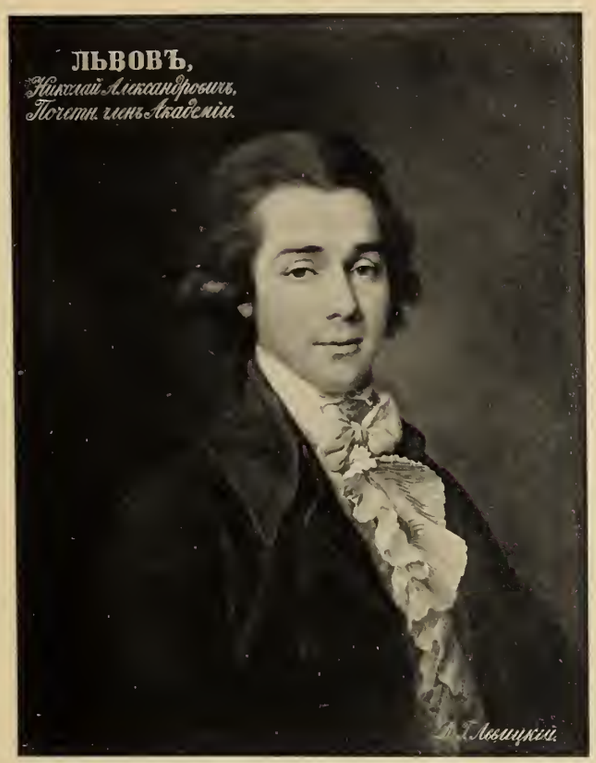
(Съ портрета Левицкаго; Императорская Академія Художествъ.)

NICOLAS ALEXANDROWITCH LVOFF, 1751—1803, fils d'Alexandre Pétrowitch Lvoff, propriétaire de Tver, naquit à Torjok ou aux environs. Il fut d'abord élevé à la maison, puis il entra à l'école du régiment Izmaïlowsky et commença son service dans la compagnie des bombardiers. Ses occupations, la lecture et son séjour à l'étranger avec son parent M. F. Soïmonoff et Khemnitzer élargirent l'horizon de ses connaissances et de ses goûts; il montra, dès sa jeunesse, une vraie passion pour la littérature et les arts. Il entra en 1770 au service du ministère des Affaires étrangères, où il trouva un Mécène dans la personne de P. V. Bakounine, chez lequel il vécut un temps; il servit ensuite sous A. A. Bezborodko, qui nourrissait à son égard les sentiments les plus amicaux. Dès 1782, il fut membre de l'administration générale des postes; le 6 décembre 1796, il devint conseiller d'Etat actuel, après avoir reçu 600 paysans dans le gouvernement de Saratoff (Riazanov Brod). Relevé de ses fonctions le 21 août 1797 „pour différentes missions dont on l'avait chargé, telles que la restauration des palais et autres édifices publics de Moscou, la recherche et l'exploitation du charbon de terre et la direction de l'Ecole de construction en terre battue", Lvoff était l'année de sa mort gérant de cette école et membre de l'Expédition de l'économie gouvernementale, de la tutelle des étrangers et de l'économie rurale. Peu de temps avant sa fin, il alla aux eaux se soigner et fut en même temps chargé par l'Académie des arts de surveiller la levée des plans et des vues de quelques localités qui se trouvent sur la ligne du Caucase, à Taman et en Crimée. Nommé membre de l'Académie russe lors de son inauguration, le 21 octobre 1783, Lvoff fut (le 12 mai 1786) élu membre honoraire de l'Académie des arts. Catherine II le connaissait déjà personnellement en 1780, quand elle „approuva" son projet de la cathédrale St-Joseph à Mohileff. Lvoff était de la suite de l'Impératrice dans son voyage en Russie; ses projets du palais des postes de St-Pétersbourg et ses dessins de l'ordre St-Vladimir méritèrent en 1782 l'approbation de S. M. Il jouit aussi de la faveur de Paul Ier; c'est sur son ordre qu'il fit le dessin de l'ordre Ste-Anne (dont il fut gratifié) et qu'il construisit à Gatchina l'édifice du Priorat. Habile dessinateur, il n'était point mauvais graveur, il s'occupait de musique, de théâtre, de poésie et même de mécanique et de technologie (ce qui le fit nommer membre de la Société économique libre). Son goût exquis et ses vastes connaissances groupèrent autour de lui tout un cercle d'écrivains; c'était un connaisseur des anciens classiques et de la littérature occidentale, et il chercha des motifs pour ses créations littéraires dans la poésie populaire russe (on connaît le commencement de son „conte héroïque" Dobrynia, pastiche vieux-russe). Il était partisan d'une élégante simplicité et ennemi de tout ce qui était grossier et emphatique. Au nom de Lvoff sont indissolublement liés ceux de Bogdanowitch, de M. N. Mouravieff, de A. S. Khvostoff, d'Olénine, de Kapnist et surtout de Khemnitzer et de Derjavine. Ce dernier a été de longues années intime avec Lvoff, puis il devint son parent en épousant Mlle D. Diakoff. On connaît aussi ses relations avec Lévitzky, Borovikowsky et l'architecte Gvarenghi. Il nous a laissé comme écrivain de petites poésies, la traduction du „Chant d'Harold le brave" (en vers, 1793), le plaisant „Voyage botanique sur la montagne de Doudérov" (1792), qui lui valut le surnom du „Nouveau Chapelle", le poème badin „Le Russe de 1791" (avec sa gravure), la traduction des „Commentaires sur la perspective" (1789), avec ses gravures, „la Pyrostatique russe" (des poiles à air 1793), „4 livres de l'architecture Paladieff" (1798), etc. Il a édité un „Recueil de chants russes" de Pratch (1790), deux mémoires (1792), les fables de Khemnitzer (1799). Il inventa un moyen spécial „de construction en terre" que Paul Ier désirait répandre en Russie et édita une brochure sur la houille. Lvoff était très sociable, affable, il aimait à plaisanter et avait de l'esprit. Il mourut à Moscou le 22 décembre 1803, ayant alors le grade de conseiller privé. Il fut inhumé dans son bien Nikolskoé.

Il épousa en 1780 Marie Alexéewna Diakoff et eut deux fils: Léonide (1784—1865) et Nicolas (1786—1849), et trois filles, qui vécurent chez Derjavine après la mort des parents: Elisabeth (1788—1864; seconde femme du conseiller privé T. P. Lvoff), Véra († 1873; mariée au général major A. V. Voeïkoff) et Prascovie († 1839; mariée à K. M. Borozdine).

(D'après l'original de Lévitzky, Académie Impériale des Arts.)

113



Пис. Львицкій — *Peint par Levitzky*

Николай Александровичъ Львовъ, — *Nicolas Alexandrowitch Lvoff,*

1751 — 1803 — *1751 — 1803*

114

Пис. К. Рейхель, 1846 — *Peint par Ch. Reichel, 1846*

Графъ Федоръ Ивановичъ Толстой, — *Le Comte Théodore Ivanowitch Tolstoï,*

1782 — 1846 — *1782 — 1846*

115

Князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, — *Le Prince Boris Andréewitch Golitzyne,*

1766 — 1822 — *1766 — 1822*

116

Татьяна Борисовна Потемкина, — *Tatiana Borissowna Potemkine,*

1797 — 1869 — *1797 — 1869*

Графъ ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 1782—1846, сынъ графа Ивана Андреевича отъ брака съ Анной Федоровной Майковой, родился 6 Февраля 1782 г.; службу началъ въ Преображенскомъ полку (въ 1798 г. прапорщикъ), а въ 1803 г. отправился, въ качествѣ волонтера, въ кругосвѣтную экспедицію лейтенанта Крузенштерна. Постоянныя проказы, нарушенія дисциплины и безпокойный характеръ Толстого (онъ „со всѣми перессорился и всѣхъ перессорилъ“) были причиною того, что Крузенштернъ высадилъ его на берегъ въ Русской Камчаткѣ. Толстой прожилъ нѣкоторое время здѣсь, а затѣмъ—на Алеутскихъ островахъ, послѣ чего возвратился въ Россію; въ Іюлѣ 1805 г. Вигель встрѣтилъ Толстого въ Вятской губерніи, уже на пути въ Петербургъ, и былъ пораженъ наружностью „Американца“: „природа на головѣ его круто завила густые, черные его волосы; глаза его, вѣроятно, отъ жары и ныли покраснѣвшіе, намъ показались налитыми кровью“, но взглядъ у него былъ „почти меланхолическій“, а говоръ—„тихій“, что̀ такъ мало вязалось съ внѣшнимъ его видомъ. При въѣздѣ въ Петербургъ Толстой былъ остановленъ у заставы и прямо отвезенъ въ Нейшлотскую крѣпость; одновременно (10 Августа 1805 г.) онъ былъ переведенъ въ Нейшлотскій гарнизонный батальонъ. Съ началомъ Шведской войны Толстой, по ходатайству князя М. П. Долгорукаго, былъ опредѣленъ къ нему личнымъ адъютантомъ; по словамъ И. П. Липранди, Толстой „завѣдывалъ походнымъ хозяйствомъ“ князя, который „сберегалъ его для отчаянныхъ предпріятій“, въ которыхъ „Американецъ“ неоднократно и отличался безумною своею храбростью. Во время трагической смерти князя Долгорукаго (15 Октября 1808 г.) Толстой находился возлѣ него и „въ память Долгорукаго“ былъ снова переведенъ въ Преображенскій полкъ (31 Октября 1808 г.); находясь въ Або, „Американецъ“ убилъ на дуэли (1810 г.) капитана Брунова и А. И. Нарышкина. Выйдя затѣмъ въ отставку (12 Октября 1811 г.), съ чиномъ подполковника, Толстой во время Отечественной войны вступилъ въ дружину Московскаго ополченія, подъ Бородинымъ былъ тяжело раненъ въ ногу и получилъ чинъ полковника. Поселившись затѣмъ въ Москвѣ, Толстой велъ открытый образъ жизни, пользуясь репутаціей отчаяннаго дуэлиста и бреттёра; крупная и счастливая игра въ карты давала ему возможность жить широко; домъ его славился роскошными, гастрономическими обѣдами, за которыми бывалъ и князь П. А. Вяземскій, въ своемъ посланіи къ Толстому называющій его „обжоръ властителемъ, другомъ и богомъ“. Въ 1821 г., 10 Января, Толстой обвѣнчался со своею сожительницей, Московской цыганкою Авдотьей Максимовной Тугаевой.

Умный,—по выраженію Булгарина, „какъ демонъ“,—поражавшій собесѣдниковъ софизмами и парадоксами, остроумный и находчивый, а въ то же время широко образованный и начитанный, Толстой любилъ литературу и искусства; среди его знакомыхъ было много писателей, музыкантовъ, артистовъ; онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Батюшковымъ, кн. Вяземскимъ, Д. Давыдовымъ, Грибоѣдовымъ, Баратынскимъ, Пушкинымъ; послѣдній былъ съ нимъ въ ссорѣ и написалъ на него (1820 г.) злую эпиграмму („Въ жизни мрачной и презрѣнной ‖ Былъ онъ долго погруженъ“....), но потомъ они сошлись. Толстой съ годами, особенно послѣ смерти любимой дочери Сарры, рѣзко измѣнился, сдѣлавшись уравновѣшеннымъ и даже набожнымъ; онъ умеръ въ Москвѣ 24 Октября 1846 г. и погребенъ на Ваганьковомъ кладбищѣ. Толстой велъ записки (1845 г.), но онѣ неизвѣстны въ печати. Изъ дѣтей его—графиня Сарра (р. 20 Августа 1820 г.), одаренная необыкновенными поэтическими, музыкальными и художественными талантами, но болѣзненная и психически ненормальная, умерла 24 Апрѣля 1838 г.; другая дочь, Прасковья, была за тайнымъ совѣтникомъ В. С. Перфильевымъ (р. 1826 г., † 1890 г.).

Князь Вяземскій въ посланіи къ Толстому (1818 г.) такъ его изображаетъ въ стихахъ: „Американецъ и цыганъ, ‖ На свѣтѣ нравственномъ загадка... ‖ Всегда изъ края мечетъ въ край, ‖ Изъ рая въ адъ, изъ ада въ рай; ‖ Котораго душа есть пламень, ‖ А умъ—холодный эгоистъ; ‖ Подъ бурей рока—твердый камень, ‖ Въ волненьѣ страсти—легкій листъ“. Яркую характеристику его далъ и Грибоѣдовъ:

„Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,—
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ,—и мы всѣ рыдаемъ“.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1846 г.; собственность баронессы М. А. Шепинигъ, въ Москвѣ.)

Le comte THÉODORE IVANOWITCH TOLSTOÏ, 1782—1846, fils du comte Ivan Andréewitch et de sa femme Anne Féodorowna Maïkoff, naquit le 6 février 1782. Il commença à servir au régiment Préobragensky (enseigne en 1798), puis il prit part, en qualité de volontaire, à l'expédition autour du monde du lieutenant Krusenstern. Ses niches continuelles, ses infractions à la discipline, son caractère inquiet (il „se brouilla avec tous et brouilla tout le monde") furent cause que Krusenstern le débarqua au Kamtchatka russe. Tolstoï y vécut quelque temps, puis alla aux îles Aléoutes et enfin revint en Russie. Viegel le rencontra en juillet 1805 dans le gouvernement de Viatka en route pour St-Pétersbourg et fut frappé de l'extérieur de cet „Américain": „dame nature avait fortement frisé ses cheveux noirs et épais, ses yeux, rougis probablement par la chaleur et la poussière, nous paraissaient injectés de sang", mais son regard était „presque mélancolique" et sa voix „basse", ce qui jurait avec son extérieur. A son arrivée à St-Pétersbourg, Tolstoï fut arrêté à la barrière de la ville, conduit à la forteresse de Nyslott et incorporé le 10 août 1805 au bataillon en garnison dans cette ville. Au commencement de la guerre avec la Suède, Tolstoï, sur la demande du prince M. P. Dolgorouky, lui fut attaché comme aide de camp; suivant I. P. Liprandi, il était „intendant en campagne" du prince, qui le „réservait à des entreprises désespérées", où „l'Américain" se distingua plus d'une fois par un insensé courage. Lors de la mort tragique du prince (le 15 octobre 1808), il se trouvait à ses côtés et „en souvenir de Dolgorouky" il rentra au régiment Préobragensky (le 31 octobre 1808). „L'Américain", se trouvant à Abo, tua en duel (en 1810) le capitaine Brounoff et A. I. Narychkine. Le 12 octobre 1811, il prit son congé avec le grade de lieutenant-colonel, mais en 1812, il entra dans la milice de Moscou, fut grièvement blessé au pied à Borodino et devint colonel. Il s'établit alors à Moscou, il mena un grand train de vie, ayant la réputation de désespéré duelliste et de bretteur; sa chance aux cartes, et il jouait gros, lui donna la possibilité de vivre largement; sa maison était réputée par son luxe et ses dîners gastronomiques, auxquels assistait aussi le prince P. A. Viazemsky, qui, dans une épître qu'il adressa à Tolstoï, l'appelle „l'ami, le roi et le dieu des gourmands". Le 10 janvier 1821, Tolstoï épousa la bohémienne Eudoxie Maximowna Tougaeff, qui vivait avec lui.

Intelligent „comme un démon", dit Boulgarine, il étonnait ses hôtes par ses sophismes et ses paradoxes; il était spirituel, plein de ressources et en même temps instruit, érudit; il aimait la littérature et les arts; il avait parmi ses connaissances beaucoup d'écrivains, de musiciens, d'artistes; il était en rapports amicaux avec Batiouchkoff, le prince Viazemsky, D. Davydoff, Griboédoff, Baratynsky, Pouchkine. Ce dernier s'était querellé avec lui et lui avait dédié une méchante épigramme („Dans une vie sombre et vile, il fut longtemps plongé"...), mais ensuite ils se réconcilièrent. En avançant en âge, Tolstoï changea complètement, surtout après la mort de sa fille favorite, Sarah; il devint pondéré et même religieux. Il mourut à Moscou le 24 octobre 1846 et fut enterré au cimetière de Vagankoff. Tolstoï écrivait des mémoires, mais ils ne sont pas connus dans la presse. La comtesse Sarah, sa fille (née le 20 août 1820), était extraordinairement douée pour la poésie, la musique et les arts, mais d'une constitution maladive et d'une mentalité anormale; elle mourut le 24 avril 1838; la seconde fille du comte, Prascovie, épousa le conseiller privé V. S. Perfilieff (1826—1890).

Le prince Viazemsky représente Tolstoï de la manière suivante dans une épître en vers qu'il lui a adressée (1818): „Américain et bohémien, ‖ C'est une énigme dans le monde moral, ‖ Il se jette d'une extrémité à l'autre, ‖ Du paradis à l'enfer, de l'enfer au paradis, ‖ Son âme est une flamme, ‖ Mais d'esprit, il est un froid égoïste; ‖ Dur comme pierre sous les rafales du destin, ‖ C'est une feuille légère à la merci des emportements de la passion".

Griboédoff, de son côté, le caractérise vivement en disant:

„C'est une tête comme il n'en est pas en Russie, point n'est besoin de le nommer, il est reconnaissable à son portrait: brigand nocturne, duelliste, il fut exilé au Kamtchatka, et il en est revenu aléoutien, les doigts fortement crochus. Oui, l'homme d'esprit doit nécessairement être fripon! Quand il parle de la haute honnêteté, se trouvant au pouvoir d'un démon, les yeux injectés de sang, le visage brûlant, il pleure, lui, et nous tous sanglotons".

(D'après l'original de Reichel, 1846; propriété de Mme la baronne M. A. Chepping, à Moscou.)

Князь **БОРИСЪ АНДРЕЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1766—1822, сынъ генералъ-майора князя Андрея Михайловича (р. 15 Августа 1729 г., † 23 Февраля 1770 г.), женатаго на княжнѣ Елизаветѣ Борисовнѣ Юсуповой (р. 27 Апрѣля 1743 г., † 29 Августа 1770 г.), родной племянникъ богача князя Николая Борисовича Юсупова—по матери и фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго—по отцу, родился 15 Мая 1766 г.; человѣкъ очень богатый (у него было 12/т. душъ), онъ увеличилъ еще свое состояніе женитьбой въ 1790 г. на Аннѣ Александровнѣ де-Лицыной, молодой, 27-лѣтней вдовѣ Александра Александровича де-Лицына (р. 1760 г., † 1789 г.; побочный сынъ вице-канцлера князя А. М. Голицына), рожденной княжнѣ Грузинской; знатное и вліятельное родство обезпечивало ему блестящую карьеру. Князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ началъ службу 11 Марта 1779 г. въ Преображенскомъ полку, въ 1783 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1788 г.—въ поручики, въ 1790 г.—въ капитаны, а въ слѣдующемъ году—въ подполковники и, наконецъ, 12 Февраля 1792 г.—въ полковники въ Софійскій карабинерный полкъ. Въ теченіе этого періода онъ участвовалъ въ 1790 г. въ войнѣ со Швеціей, а въ 1794 г. въ Польской кампаніи, при чемъ былъ въ сраженіяхъ при Брестъ-Литовскѣ, Слонимѣ, Бропи и участвовалъ въ штурмѣ Праги и Варшавы и за это, 1 Января 1795 г., заслужилъ Георгія 4 ст.; вслѣдъ затѣмъ, въ 1796 г., назначенъ гофмаршаломъ двора Великаго Князя Константина Павловича; 28 Ноября 1796 г. произведенъ въ генералъ-майоры „отъ кавалеріи“, съ назначеніемъ шефомъ Софійскаго кирасирскаго полка; 18 Марта 1798 г. Голицынъ былъ пожалованъ Александровской звѣздой и чиномъ генералъ-лейтенанта, а 27 Ноября переведенъ въ Конную гвардію, которой и командовалъ до 1800 г.; только-что назначенный инспекторомъ Лифляндской инспекціи, онъ впалъ въ немилость у Павла I, 5 Января 1800 г. былъ отставленъ отъ службы и долженъ былъ отправиться въ свое Владимірское имѣніе, с. Симу. Позднѣе, въ 1812 г., князь Голицынъ командовалъ Владимірскимъ ополченіемъ.

Много мелкихъ замѣтокъ о князѣ Борисѣ Андреевичѣ Голицынѣ разсѣяно въ перепискѣ княжны В. Туркестановой (съ Кристинымъ), которая была близка къ его семьѣ; князь И. М. Долгорукій въ своемъ „Капищѣ Сердца“ говоритъ о Голицынѣ, какъ о человѣкѣ холодномъ, высокомѣрномъ и неблагодарномъ по отношенію къ нему.

У князя Б. А. Голицына было многочисленное семейство, состоявшее изъ 8 человѣкъ дѣтей: 1) Елизавета (р. 1790 г., † 1870; за княземъ А. Б. Куракинымъ), 2) Андрей (генералъ-майоръ; р. 1791 г., † 1861 г.), 3) Александръ (дѣйствительный статскій совѣтникъ, Саратовскій губернаторъ; р. 1792 г., † 20 Января 1868 г.), 4) Ирина (р. 1793 г., † въ дѣтствѣ), 5) Николай (полковникъ; р. 1794 г., † 20 Октября 1866 г.), 6) Софія (р. 15 Августа 1796 г., † 19 Ноября 1871 г.; за генералъ-лейтенантомъ К. М. Полторацкимъ), 7) Татьяна (р. 30 Января 1801 г., † 6 Іюля 1869 г.; за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ А. М. Потемкинымъ) и 8) Александра (р. 1802 г.; за княземъ С. И. Мещерскимъ).

Князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ скончался внезапно 30 Марта 1822 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ его слѣдующая эпитафія:

„Земная жизнь, какъ тяжкій плѣнъ стѣсняетъ;
Удѣлъ земли—мятежъ и суета,
Но въ дебряхъ жизни сей насъ грустныхъ утѣшастъ
Животворящее сіяніе креста.
За нимъ, христіанинъ, отринь ссй жизни бремя;
За нимъ туда, туда, гдѣ зародилось время,
Отколь связуетъ все цѣпь древняя вѣковъ,
Тебя, какъ сына, тамъ ждетъ вѣчная любовь.
Ни тяжкая земля, ни камень гробовой
Души безсмертныя не окуютъ полета:
Она, какъ узница, отъ цѣпи роковой
Летитъ въ безбрежну даль сіянія и свѣта“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

115

Le prince BORIS ANDRÉEWITCH GOLITZYNE, 1766—1822, fils du général-major, le prince André Mikhaïlowitch (né le 15 août 1729, † le 23 février 1770) et de sa femme Elisabeth Borissowna Youssoupoff (née le 27 avril 1743, † le 29 août 1770), neveu maternel du richissime prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff et neveu paternel du feld-maréchal comte P. A. Roumiantzeff-Zadounaïsky, naquit le 15 mai 1766. Il était très riche (il avait 12.000 paysans) et il accrut encore sa fortune en épousant en 1790 Anne Alexandrowna de Litzyne, jeune femme de 27 ans, veuve d'Alexandre Alexandrowitch de Litzyne (1760—1789; fils naturel du vice-chancelier le prince A. M. Golitzyne), née princesse Grouzinsky. Une parenté illustre et influente lui réservait une brillante carrière. Il commença son service en 1779, le 11 mars, au régiment Préobragensky; il fut promu enseigne en 1783, lieutenant en 1788, capitaine en 1790, lieutenant-colonel l'année suivante et enfin colonel le 12 février 1792 dans le régiment de carabiniers de Sophie. Pendant ce temps il prit part en 1790 à la guerre de Suède et en 1794 à la campagne de Pologne; il assista aux combats de Brest-Litovsk, de Slonim, de Broni et aux assauts de Praga et de Varsovie; il en fut récompensé le 1er janvier 1795 par St-Georges de 4e classe. Il fut l'année suivante nommé maréchal de la cour du Grand-Duc Constantin Pavlowitch; le 28 novembre 1796, il fut promu général-major „de cavalerie" et nommé chef du régiment de grenadiers de Sophie; le 18 mars 1798, Golitzyne reçut le grand cordon de St-Alexandre et le grade de lieutenant général. Le 27 novembre, il passa au régiment des Gardes à cheval, qu'il commanda jusqu'en 1800. Nommé inspecteur de Livonie, il tomba en disgrâce auprès de Paul Ier, le 5 janvier 1800, et dut se retirer dans le gouvernement de Vladimir, dans son domaine de Sima. Plus tard, en 1812, le prince Golitzyne commanda les troupes de Vladimir.

On peut trouver beaucoup de notes sur le prince dans la correspondance de la princesse V. Tourkestanoff (avec Christine) qui le connaissait bien. Le prince I. M. Dolgorouky dit dans son „Sanctuaire de mon cœur" que le prince Golitzyne était un homme froid, fier et ingrat envers lui.

Le prince avait une nombreuse famille de 8 enfants: 1) Elisabeth (1790—1870; mariée au prince A. B. Kourakine), 2) André (1791—1861; général-major), 3) Alexandre (conseiller d'Etat actuel et gouverneur de Saratoff; né en 1792, † le 20 janvier 1868), 4) Irène (née en 1793, morte enfant), 5) Nicolas (colonel; né en 1794, † le 20 octobre 1866), Sophie (née le 15 août 1796, † le 19 novembre 1871; mariée au lieutenant général K. M. Poltoratzky), 7) Tatiana (le 30 janvier 1801, † le 6 juillet 1869; mariée au conseiller privé A. M. Potemkine) et 8) Alexandrine (née en 1802, mariée au prince S. I. Mechtchersky).

Le prince Boris Andréewitch Golitzyne mourut de mort subite le 30 mars 1822 et fut enterré dans le cimetière Lazareff, à la laure d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'épitaphe suivante:

„La vie terrestre vous pèse comme une douloureuse captivité; son lot n'est que révolte et tracas. Mais ce qui nous console, nous autres affligés, dans les sentiers de cette vie, c'est l'éclat vivifiant de la croix. Vers elle, chrétien, rejette le poids de cette existence; vers elle au berceau du temps, d'où s'échappe l'antique chaîne des siècles qui enlace tout, là, comme fils, t'attend un éternel amour. Ni la lourde terre, ni la pierre sépulcrale ne peuvent enchaîner l'envolée de l'âme immortelle. Elle s'envole, comme une prisonnière loin des chaînes fatales, dans l'immensité de la splendeur et de la lumière".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА ПОТЕМКИНА, 1797—1869, дочь генералъ-лейтенанта, князя Бориса Андреевича Голицына (р. 1766 г., † 1822 г.), отъ брака его съ свѣтлѣйшей княжной Анной Александровной Грузинской, въ первомъ бракѣ де-Лицыной (р. 1763 г., † 1842 г.), родилась въ Петербургѣ 30 Января 1797 года. Выйдя замужъ, 7 Февраля 1815 г., за Александра Михайловича Потемкина (р. 1787 г., † 1872 г.), впослѣдствіи С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, она вскорѣ послѣ свадьбы была отправлена за границу, по настоянію врачей, нашедшихъ у нея признаки чахотки. Климатъ Швейцаріи и Италіи, гдѣ она провела два года, совершенно поправилъ ея здоровье: она дожила до 72 лѣтъ и скончалась внезапно въ ночь на 6 Іюля 1869 г. въ Берлинѣ, куда только-что пріѣхала лѣчиться отъ послѣдствій сильнаго сотрясенія, испытаннаго ею за два года передъ тѣмъ, при паденіи лифта, на которомъ она поднималась въ церковь во дворцѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ въ Сергіевской пустыни, подъ Петербургомъ.

Извѣстная всей Россіи своимъ благочестіемъ и широкою дѣятельностью на поприщѣ благотворительности, Т. Б. Потемкина всю свою жизнь посвятила дѣлу помощи ближнему. Не было благотворительнаго учрежденія или богоугоднаго заведенія, въ которомъ она не состояла бы членомъ и не принимала бы въ немъ участія. Считаясь одною изъ первыхъ красавицъ своего времени, она еще въ молодости отказалась отъ вечернихъ выѣздовъ и не появлялась на придворныхъ торжествахъ, но принимала у себя въ городѣ и въ своихъ роскошныхъ имѣніяхъ, въ Гостилицахъ, С.-Петербургской губ., и въ Крыму, членовъ Царской фамиліи и Государя Николая Павловича, который разъ навсегда далъ ей позволеніе обращаться непосредственно къ нему всякій разъ, когда это потребуется. Этимъ правомъ она пользовалась широко, пріѣзжая къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ въ часы, когда Государь навѣщалъ своихъ внуковъ. Это давало ей огромное значеніе и вліяніе, которымъ многіе злоупотребляли, пользуясь ея добротой, такъ какъ она никому не умѣла отказывать: „Sire“, писала она однажды Николаю Павловичу, „je tremble en Vous écrivant, mais j'ai encore plus peur de la veuve et de l'orphelin“. Состоя первою предсѣдательницею С.-Петербургскаго Дамскаго тюремнаго комитета, Т. Б. Потемкина оставалась въ этомъ званіи 30 лѣтъ и живо интересовалась этимъ новымъ тогда въ Россіи дѣломъ.

Искренняя ревнительница православія и строгая хранительница уставовъ православной церкви, Татьяна Борисовна Потемкина служила примѣромъ благочестія для всѣхъ ее знавшихъ. Въ домовую церковь ея, на Милліонной, стекалась вся петербургская знать, а домъ ея всегда былъ полонъ странниковъ, странницъ, монашествующихъ и всякой духовной братіи, за которую она неустанно хлопотала, пользуясь своими связями и родствомъ съ министромъ духовныхъ дѣлъ, княземъ А. Н. Голицынымъ. Разсказывали, что С.-Петербургскій митрополитъ Никаноръ объявилъ ей однажды, что всѣ ея просьбы уже „порѣшены“ и, когда она стала его благодарить, отвѣтилъ, смѣясь: „Не стоитъ благодарности; всѣмъ отказано“. Обладая большимъ состояніемъ, Т. Б. Потемкина много тратила и на церковныя нужды: ея стараніями и на ея средства поддержано и возстановлено много церквей и монастырей, между прочимъ древнѣйшая Святогорская обитель, на Дону, въ ея имѣніи Харьковской губерніи.

Не менѣе заботъ посвящала Т. Б. Потемкина улучшенію быта своихъ крѣпостныхъ людей, иногда, впрочемъ, съ совершенно неожиданными результатами. Послѣ покупки ея мужемъ имѣнія Гостилицы, она выхлопотала у Николая I разрѣшеніе вернуть туда 60 человѣкъ крестьянъ, сосланныхъ въ Сибирь за бунтъ при прежнемъ владѣльцѣ, графѣ П. К. Разумовскомъ. Неожиданное возвращеніе мужей послѣ долгаго и, казалось, безвозвратнаго отсутствія породило не мало комичныхъ и даже драматичныхъ эпизодовъ въ неожидавшихъ ихъ семьяхъ: мирная жизнь въ Гостилицахъ была надолго нарушена. Въ Гостилицахъ же Т. Б. Потемкиной была основана еще при Александрѣ I одна изъ первыхъ въ Россіи ланкастерскихъ школъ, и, хотя смотрителемъ ея она назначила прямо изъ острога освобожденнаго по ея просьбѣ чьего-то крѣпостного, посаженнаго въ тюрьму за принадлежность къ какому-то евангелическому сообществу, школа эта процвѣтала долгое время и даже въ царствованіе Николая Павловича не испытала на себѣ послѣдствій стѣсненій, которымъ подверглись вообще ланкастерскія школы.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

TATIANA BORISSOWNA POTEMKINE, 1797—1869, fille du lieutenant-général le prince Boris Andréewitch Golitzyne (1766—1822) et de la princesse sérénissime Anne Alexandrowna Grouzinsky, en premières noces Mme de Litzyne (1763—1842), naquit à St-Pétersbourg le 30 janvier 1797. Mariée le 7 février 1815 à Alexandre Mikhaïlowitch Potemkine (1787—1872), qui devint maréchal de la noblesse du gouvernement de St-Pétersbourg, elle fut, bientôt après la noce, envoyée à l'étranger, sur l'ordre des médecins, qui avaient trouvé en elle des symptômes de phthisie. Le climat de la Suisse et de l'Italie, où elle resta deux ans, rétablit complètement sa santé. Elle vécut jusqu'à 72 ans et mourut subitement dans la nuit du 6 juillet 1869 à Berlin, où elle venait d'arriver pour se soigner d'une forte commotion qu'elle avait ressentie, deux ans auparavant, à la chute d'un ascenseur, qu'elle avait pris pour se rendre à l'église du Grand-Duc Nicolas Nikolaewitch aîné. Son corps fut ramené en Russie et enterré au couvent St-Serge, près de St-Pétersbourg.

Connue de toute la Russie par sa piété et sa vaste activité dans le domaine de la bienfaisance, Tatiana Borissowna Potemkine voua sa vie à secourir son prochain. Il n'y avait pas d'institution de bienfaisance, pas d'établissement de charité, dont elle ne fût membre et auquel elle ne prît part. Elle passait pour une des premières beautés de son temps; dans sa jeunesse déjà, elle refusa d'apparaître aux soirées et aux cérémonies de la Cour, mais elle reçut chez elle, en ville et dans ses luxueux domaines à Gostilitzy, gouv. de St-Pétersbourg, et en Crimée, les membres de la famille Impériale et l'Empereur Nicolas Pavlowitch, qui, une fois pour toutes, lui octroya la permission de s'adresser directement à lui, toutes les fois qu'elle en sentirait le besoin. Elle profita largement de ce droit et arrivait chez la Grande-Duchesse Marie Nikolaewna, aux heures où Sa Majesté rendait visite à ses petits-fils. Cela lui donna une grande importance et une influence, dont plusieurs abusèrent. On profitait de sa bonté, car elle ne savait refuser à qui que ce soit: „Sire", écrit-elle une fois à Nicolas Pavlowitch, „je tremble en Vous écrivant, mais j'ai encore plus peur de la veuve et de l'orphelin". Mme Potemkine resta trente ans première présidente du comité des dames pour les prisons de St-Pétersbourg et s'intéressa vivement à cette œuvre nouvelle alors en Russie.

Sincère zélatrice de l'orthodoxie et sévère gardienne de la discipline ecclésiastique, Mme Potemkine était un modèle de piété pour toutes ses connaissances. Toute la haute société pétersbourgeoise affluait dans son église à la Millionnaïa, et sa maison ne désemplissait pas de pèlerins et de pèlerines, de moines et d'autres membres de confréries religieuses, pour lesquels elle intercédait sans cesse et profitait des relations qu'elle entretenait et des liens de parenté qui l'unissaient au ministre des cultes, le prince A. N. Golitzyne. On raconte que le métropolite de St-Pétersbourg, Nicanor, lui dit un jour que pour ses requêtes, c'était „une affaire faite", et, quand elle l'en remercia, il lui répondit: „Pas de quoi, tout est rejeté". Elle avait une grande fortune et elle dépensa beaucoup pour les besoins de l'église; c'est à ses frais et grâce à ses soins, que beaucoup d'églises et de monastères furent entretenus et restaurés, entre autres l'antique monastère „Sviatogorsky" sur le Don, dans son bien du gouvernement de Kharkoff.

Mme Potemkine voua non moins de soins à l'amélioration de l'existence des paysans, avec des résultats complètement inattendus parfois. Lorsque son mari eut acheté le domaine „Gostilitzy", elle obtint de Nicolas Ier la permission d'y ramener 60 paysans, exilés en Sibérie pour s'être révoltés sous le précédent propriétaire, le comte P. K. Razoumowsky. Le retour inopiné des maris, après une longue absence, qui semblait définitive, engendra plus d'un épisode comique et même tragique dans leurs familles, qui ne les attendaient pas. La paix à Gostilitzy fut longtemps troublée. C'est dans ce domaine que Mme Potemkine fonda, sous Alexandre Ier, une des premières écoles Lancaster et, quoiqu'elle en eût nommé inspecteur un serf, condamné pour avoir appartenu à une société évangélique et libéré sur sa demande, cette école prospéra longtemps et n'eut même pas à subir, sous le règne de Nicolas Pavlowitch, les vexations qu'encouraient en général ces écoles.

(D'après une miniature, appartenant au prince A. Kourakine, à St-Pétersbourg.)

Княгиня **ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1784—1824, дочь генералъ-майора графа Ивана Антоновича Соллогуба, отъ брака съ Наталіей Львовной Нарышкиной, родилась 13 Марта 1784 г., въ Полоцкѣ. Семнадцати лѣтъ отъ роду, 21 Октября 1801 г., вышла замужъ въ Москвѣ, во время коронаціи Императора Александра I, за дѣйствительнаго камергера князя Григорія Сергѣевича Голицына (р. 1779 г., † 1848 г.). Чрезвычайно симпатичная личность этой женщины, являвшейся, по словамъ Вигеля, „своею кротостью и благовидностью, совсѣмъ не думая о томъ, сколкомъ съ Императрицы Елисаветы Алексѣевны", такъ очерчена имъ въ его воспоминаніяхъ: „Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои, къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще, чѣмъ нынѣ. Ихъ образцомъ была Императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностью: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу и если бы могла быть убыль въ ангелахъ, то я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый наборъ". Несмотря на свои чудачества и сумасбродства, мужъ ея, правшій въ Пензѣ, во время своего тамъ губернаторства, роль владѣтельной особы и старавшійся подражать въ интимной жизни Людовику XIV, „любилъ ее и уважалъ и всегда былъ ей вѣренъ", хотя и завелъ себѣ для виду двухъ „метрессъ".

Скончалась княгиня Голицына, сравнительно не въ старыхъ годахъ, 1 Марта 1824 г. въ селѣ Сосновкѣ, Тамбовской губерніи, и 4 Апрѣля того же года похоронена въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губерніи. Оставила она послѣ себя семь сыновей: князей Сергѣя (1803—1868), Льва (1804—1871), Михаила (1808—1868), Григорія (1809—1853), Дмитрія (1812—1873), Николая (1817—1855) и Федора (1819—1887), и двухъ дочерей: княжну Варвару (1802—1873; за виконтомъ де Шуазёль-Гуффье) и Наталію (1816—1874; за И. М. Донауровымъ).

Княгиня Е. И. Голицына, еще не будучи замужемъ, была воспѣта Державинымъ, подъ именемъ „Жидовочки" въ его стихотвореніи „Горы", написанномъ въ 1799 г., т.-е. когда ей было всего 14 лѣтъ, въ имѣніи ея отца, селѣ Горы-Горки, въ Бѣлоруссіи. Державинъ, бывшій тамъ въ 1799 г., на слѣдствіи въ деревнѣ Березятнѣ, имѣніи графа Поллье, возвращаясь однажды вечеромъ къ Соллогубамъ, былъ встрѣченъ молодой графиней, которая, перерядясь въ жидовское платье, поднесла ему нѣсколько застрѣленныхъ бекасовъ, что и послужило темою для шуточнаго стихотворенія, въ которомъ дряхлѣющій поэтъ писалъ:

„Желалъ бы вѣкъ я быть съ жидовочкой прекрасной,
Чтобы въ Горкахъ и Горахъ съ ней время проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставя арфы звукъ, гитары, фортепьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,
Я долженъ разыскать, какъ чернь была вся пьяна,
Какъ Земскому суду угладила бока,
И, словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣть,
Талантовъ тысячью и прелестьми плѣняясь,
Бекасами ея лишь сыту быть умѣть"....

(Съ портрета, погибшаго во время погрома (1905 г.) въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губ., и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

117

Княгиня Екатерина Ивановна Голицына,
1784 — 1823

La Princesse Catherine Ivanowna Golitzyne,
1784 — 1823

118

Князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ,
1779 — 1848

Le Prince Grégoire Sergiéewitch Golitzyne,
1779 — 1848

119

Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ,
1794 — 1861

Le Prince Vladimir Sergiéewitch Golitzyne,
1794 — 1861

120

Пис. Серсне, 1821

Peint par Cersne, 1821

Княгиня Наталія Степановна Голицына,
1796 — 1890

La Princesse Natalie Stépanowna Golitzyne,
1796 — 1890

Князь **ГРИГОРІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1779—1848, старшій сынъ князя Сергѣя Федоровича отъ брака съ Варварой Васильевной Энгельгардтъ, крестникъ Екатерины II и Потемкина, родился въ Петербургѣ 30 Октября 1779 г. и съ колыбели былъ пожалованъ въ гвардіи прапорщики, милость, которой удостоились очень немногіе. Образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ иностранца барона Эйбена, который „самъ ничего не зналъ и воспитанника ничему не научилъ“. При Павлѣ I Голицынъ, несмотря на свою молодость, быстро возвысился: 2 Января 1797 г. пожалованъ былъ во флигель-адъютанты, въ 1798 г. получилъ чинъ генералъ-майора, званіе генералъ-адъютанта и назначенъ управляющимъ Военной канцеляріей Государя, хотя ему было только 18 лѣтъ. Благоволеніе Павла I было, по обыкновенію, непродолжительно, и 12 Февраля 1799 г. Голицынъ былъ отставленъ отъ должности и высланъ изъ Петербурга. Со вступленіемъ на престолъ Александра I, Голицынъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и зачисленъ въ военную службу. Во время коронаціи, 21 Октября 1801 г., онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Соллогубъ. Въ 1811 г. Голицынъ былъ назначенъ Пензенскимъ губернаторомъ, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Онъ занималъ этотъ постъ до 1816 г.; 30 Марта 1819 г. назначенъ сенаторомъ. Скончался въ Москвѣ 17 Января 1848 г. и погребенъ въ с. Зубриловкѣ.

Голицынъ унаслѣдовалъ отъ своего дѣда Потемкина страсть къ необыкновеннымъ затѣямъ и причудамъ. Получивъ на свою долю сравнительно небольшое состояніе, въ старапіи не отставать отъ великолѣпнаго князя Таврпды, онъ скоро его растратилъ. О причудахъ Голицына сохранилось много разсказовъ Вигеля и другихъ современниковъ. Главной его страстью было разыгрывать роль владѣтельной особы. Подобно Александру I, всегда показывавшемуся народу съ милостивой улыбкой, и Голицынъ въ Пензѣ ласково раскланивался направо и налѣво. „Онъ полагалъ, что владѣтельной особѣ для вида необходимо имѣть „метрессъ“, какъ ихъ тогда называли. Онъ слыхалъ о Людовикѣ XIV, а двѣ пожилыя женщины, одна вдова, другая дѣва, влюбились въ князя, и онъ обрадовался тому, какъ способу въ глазахъ свѣта спхъ мнимыхъ наложницъ выдавать за настоящихъ.... И, что всего забавнѣе, онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ спмъ дамамъ“. Вдову онъ называлъ маркизой Монтеспанъ, а дѣвицу Мlle де-Лавальеръ. „Продолжая примѣры свои брать свысока, онъ захотѣлъ быть и преобразователемъ Пензы, какъ Петръ Великій.... Онъ нашелъ въ одеждѣ мужчинъ и женщинъ много отсталаго; легкими, но часто повторяемыми, шутками на счетъ ихъ нарядовъ онъ многихъ заставилъ переодѣться по модѣ. Странность экипажей также не избѣгла его замѣчаній и насмѣшекъ; скоро начали псчезать старыя колымаги и дрожки-линейки“. Но, стремясь распространять новое, Голицынъ любилъ придерживаться старины, если это способствовало его величію. На своихъ маскарадахъ онъ являлся въ богатомъ боярскомъ одѣяніи безъ маски, а гости въ угожденіе ему одѣвались въ шутовскіе наряды и были въ маскахъ; во время Отечественной войны онъ нарядилъ свою жену въ сарафанъ, а самъ носплъ казацкое платье. Въ число своихъ образцовъ Голицынъ взялъ даже царя Давида и въ соотвѣтствующемъ одѣяніи распѣвалъ псалмы на мотивъ „При долинушкѣ стояла“ или „Lison dormait dans un bocage“, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Разыгрывая роль владѣтельной особы, Голицынъ своихъ канцелярскихъ писцовъ называлъ камеръ-юнкерами. Всѣ торжества у него въ домѣ и даже лѣтній переѣздъ въ Зубриловку совершались по опредѣленному церемоніалу. Дворню свою онъ также превратилъ въ придворныхъ и устраивалъ для своихъ статсъ-дамъ, фрейлинъ и камергеровъ изъ дворовыхъ балы, на которыхъ и самъ танцовалъ до упаду; залъ освѣщался сальными свѣчами, а угощеніемъ служили орѣхи и пряники. У Голицына была страсть къ постройкамъ, вслѣдствіе чего онъ при раздѣлѣ наслѣдства взялъ себѣ голую степь, гдѣ все еще надо было устраивать, и во время пожара недавно выстроеннаго имъ дома, онъ уже чертилъ планъ новаго. Любитель церковныхъ обрядовъ, онъ пѣлъ у себя на клиросѣ, читалъ Апостола и даже, говорятъ, дома самъ служилъ обѣдню въ облаченіи. Занятый своими причудами, Голицынъ мало занимался дѣломъ, какъ губернаторъ, и всѣмъ заправлялъ одинъ изъ совѣтниковъ Губернскаго правленія. „И все-таки пензенцы его любили“; многіе считали его неглупымъ, по словамъ же Вигеля, онъ „не былъ глупъ и золъ, но умнымъ и добрымъ его назвать было нельзя: въ немъ не было ни искры чувствъ, ни капли разсудка“.

(Съ портрета, погибшаго въ 1905 г. въ Зубриловкѣ и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

Le prince GRÉGOIRE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1779—1848, fils aîné du prince Serge Féodorowitch et de Barbe Vassiliewna Engelhardt, filleul de Catherine II et de Potemkine, naquit le 30 octobre 1779 à St-Pétersbourg et reçut au berceau le titre d'enseigne de la garde, faveur accordée à bien peu de personnes. Son instruction a été superficielle, sous la direction d'un étranger, le baron Euben, qui „ne savait rien lui-même et n'enseigna rien à son élève". Golitzyne, malgré sa jeunesse, monta vite en grade sous Paul Ier; le 2 janvier 1797, il devint aide de camp, en 1798, général major, aide de camp général et gérant de la chancellerie militaire de Sa Majesté, quoiqu'il n'eût que 18 ans. La faveur de Paul Ier fut, comme d'habitude, de courte durée; le 12 février 1799, il reçut son congé et fut renvoyé de St-Pétersbourg. Lorsqu'Alexandre Ier monta sur le trône, Golitzyne fut nommé chambellan actuel et inscrit au service militaire. Le 21 octobre 1801, lors du couronnement, il épousa la comtesse Catherine Ivanowna Sollohub. En 1811, il devint gouverneur de Penza avec le grade de conseiller d'état actuel (plus tard conseiller privé). Il occupa ce poste jusqu'en 1816, et nous le voyons sénateur le 30 mars 1819. Il mourut à Moscou le 17 janvier 1848 et fut enterré dans le patrimoine des Golitzyne, à Zoubrilowka. Golitzyne hérita de son oncle Potemkine la passion pour les bizarreries et les fantaisies, et il le surpassa même sous ce rapport. Dans son désir de rivaliser avec le magnifique prince de Tauride, il dépensa bientôt sa part de fortune, relativement petite. Viegel et d'autres contemporains nous ont laissé maints récits des extravagances du prince. Il voulait surtout jouer le rôle de souverain. Il se montrait au peuple le sourire aux lèvres, à l'instar d'Alexandre Ier, et, à Penza, il saluait aimablement à droite et à gauche. „Il croyait qu'un souverain devait avoir pour la forme „des maîtresses". Il avait entendu parler de Louis XIV... Deux femmes d'âge mûr, une veuve et l'autre demoiselle, s'éprirent de lui, et il se réjouit de pouvoir faire passer comme réelles aux yeux du monde ces concubines imaginaires... Et ce qui est plus plaisant encore, c'est qu'il força sa femme de battre froid à ces deux dames". Il appela la veuve la marquise de Montespan et la demoiselle Mademoiselle de La Vallière. „Puis, continuant à prendre d'en haut ses exemples, il désira être le réformateur de Penza, comme Pierre Ier. Il trouva beaucoup de choses surannées dans les vêtements des hommes et des femmes, et il força le monde à s'habiller d'après la mode, par ses plaisanteries légères et souvent répétées. Les équipages étranges du temps ne furent pas non plus à l'abri de ses remarques et de ses moqueries, et bientôt les anciennes voitures commencèrent à disparaître". Mais, tout en cherchant à mettre du nouveau à la mode, Golitzyne aimait à s'en tenir à l'antiquité, si cela contribuait à sa magnificence. Il apparaissait dans ses bals masqués en costume de riche boyard sans masque, et ses hôtes, pour lui plaire, s'habillaient en bouffons et étaient masqués; il avait, suivant Viegel, la passion de primer sur les petites gens. Lors de la guerre de 1812, il revêtit sa femme d'un sarafane et lui portait un costume de cosaque. Le roi David se trouvait parmi les modèles du prince et, dans un habit conforme à la circonstance, il chantait des psaumes sur les motifs: „J'étais au bord d'une vallée" ou „Lison dormait dans un bocage", et s'accompagnait sur la harpe. Dans le rôle de souverain qu'il jouait, Golitzyne appelait ses clercs de chancellerie des gentilshommes de la chambre. Toutes les fêtes qu'il donnait chez lui et même son départ pour Zoubrilowka avaient un cérémonial fixé d'avance. Il avait fait de sa domesticité des courtisans et organisait pour les dames, les demoiselles d'honneur et les chambellans attachés à sa personne des bals, où il dansait à n'en pouvoir plus; la salle était éclairée avec des chandelles, et il offrait des noix et des pains d'épice. Golitzyne avait aussi la passion de bâtir et, lorsqu'il y eut partage d'héritage, il prit pour lui une plaine nue, où tout était à organiser. Pendant qu'une maison qu'il construisait brûlait, il dessinait le plan d'une nouvelle. Amateur des cérémonies religieuses, il chantait à l'église avec les chantres, lisait les Apôtres et même célébrait la messe en habits sacerdotaux. Golitzyne était trop occupé de ses extravagances, pour pouvoir s'occuper de ses devoirs de gouverneur, qu'il abandonnait à un des conseillers d'administration. Et pourtant les habitants de Penza l'aimaient; plusieurs ne le trouvaient pas bête. Suivant Viegel, il n'était, il est vrai, ni bête, ni méchant, mais on ne pouvait pas dire qu'il fût intelligent et bon; il n'y avait en lui ni étincelle de sentiment, ni brin de raisonnement".

(D'après le portrait qui avait péri à Zoubrilowka et appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky.)

Князь **ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1794 — 1861, младшій сынъ генералъ-аншефа князя Сергѣя Федоровича и его жены Варвары Васильевны Энгельгардтъ, племянницы Потемкина, „рыжей Вареньки“, родился 16 Марта 1794 г.; началъ службу въ министерствѣ Коммерціи и въ 1810 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ разгаръ Отечественной войны поступилъ корнетомъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ; произведенный въ поручики, участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Рейхенбахѣ, Лейпцигѣ; за бой подъ Мангеймомъ получилъ св. Георгія 4-й ст. и произведенъ въ шт.-ротмистры, послѣ чего переведенъ въ лб.-гв. Конно-егерскій полкъ, при чемъ подъ Парижемъ тяжело былъ раненъ въ ногу; въ 1817 г., 29 Сентября, пожалованъ флигель-адъютантомъ, въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны, а въ 1819 г.—въ майоры, съ переводомъ въ Переяславскій Конно-егерскій полкъ, стоявшій въ Тамбовѣ; въ 1823 г. былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій, которымъ командовалъ въ 1827 г., въ чинѣ полковника, и участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ противъ горцевъ, гдѣ былъ раненъ въ плечо. Въ 1829 г. князь Голицынъ, обыгравшій на крупную сумму гр. Мусина-Пушкина, принужденъ былъ оставить службу; тогда онъ перешелъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, а въ 1835 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника; долги заставили его поступить въ 1839 г. опять въ военную службу, полковникомъ въ Кавказскій корпусъ; въ 1843 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ центра Кавказской линіи, почему позднѣе получилъ прозвище „Центральный“. Въ 1849 г. Голицынъ, вслѣдствіе размолвки съ Воронцовымъ, имѣя ордена св. Анны и Станислава 1-й ст. и Прусскій орденъ „pour le mérite“, вышелъ въ отставку тайнымъ совѣтникомъ и поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ у Бутырской заставы, сдѣлавшись почетнѣйшимъ и старѣйшимъ членомъ Англійскаго клуба. Въ Москвѣ онъ и умеръ 19 Января 1861 г., похороненъ на Міусскомъ кладбищѣ; женатъ былъ, съ 1 Іюля 1821 г., на Аткарской помѣщицѣ Прасковіи Николаевнѣ Матюниной (р. 2 Октября 1798 г., † 29 Іюля 1881 г.; погребена рядомъ съ мужемъ); отъ этого брака были дѣти: Надежда (р. 1822 г., † 1833 г.), Сергѣй (р. 1823 г., † 1879 г.), Александръ (р. 1825 г., † 1864 г.), Владиміръ (р. 1826 г., † 1844 г.), Александра (р. 1831 г.) и Дмитрій († 1835 г.). Кромѣ того, была еще „воспитанница“ Марія („Мими“) Владиміровна (р. въ Маѣ 1819 г., † 1843 г.; въ замужествѣ за И. Арк. Нелидовымъ; по преданію, дочь княжны В. И. Туркестановой).

Голицынъ, отличаясь умомъ и способностями, получилъ небрежное воспитаніе и скудное образованіе: красавецъ въ молодости, статный, ловкій, онъ обладалъ необыкновенной силой и пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ: „игрокъ, пѣвецъ, фарсёръ“, по словамъ Булгакова, неистощимый и остроумный весельчакъ и устроитель всякихъ увеселеній и затѣй, онъ писалъ стихи, водевили, пѣлъ куплеты собственнаго сочиненія, любилъ казаться цѣнителемъ словесности, искусствъ, музыки, любилъ знакомиться съ выдающимися людьми и покровительствовать талантамъ. Служа „шутя“, Голицынъ прожилъ свое крупное состояніе. Современники свидѣтельствуютъ о его добротѣ; такъ, княжна Туркестанова въ 1819 г. писала: „Онъ раскаивается во всѣхъ своихъ безумныхъ поступкахъ; въ немъ заронены сѣмена всего добраго и прекраснаго, но никто не позаботился о ихъ развитіи; у него есть умъ и доброе сердце“. Не такъ былъ снисходителенъ Вигель: „Надѣлалъ шуму болѣе всѣхъ братьевъ Владиміръ, употребляя во зло дары природы; его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и оттого вся жизнь его была сцѣпленіемъ проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ и рѣдко безвинныхъ“. Фадѣевъ также пишетъ: „Жизнь его, исполненная авантюръ всякаго рода, навѣвала иногда тѣнь на иные его поступки!“ Такова трагическая смерть княжны Туркестановой, связанная съ его именемъ. Туркестанова (р. 26 Декабря 1775 г.), несмотря на свои года, была: „Un caractère charmant, une nature enthousiaste et quelque peu fantasque, à laquelle l'origine asiatique de sa famille donnait tout le charme de la femme orientale“; она скончалась 20 Мая 1819 г. или отъ рожденія дочери, или вскорѣ, принявъ ядъ. Виновникомъ этого считали (см. предисловіе къ изд. ея писемъ) князя В. Голицына, будто бы державшаго пари... Изученіе переписки ея съ Кристиномъ, однако, не разсѣиваетъ тумана, окружающаго ея кончину: въ теченіе 1819 г., еще въ Апрѣлѣ, княжна, попрежнему расположенная къ Голицыну, сердечно и тепло отзывается о „Вольдемарѣ“, радуется его успѣхамъ и огорчается его неудачами въ дѣлѣ сватовства его къ княжнѣ Лопухиной...

(Съ портрета, погибшаго (въ 1905 г.) въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губ., и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

Le prince VLADIMIR SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1794—1861, fils cadet du général en chef prince Serge Féodorowitch et de sa femme Varvara Vassiliewna Engelhardt, nièce de Potemkine, „la rousse Varenka", naquit le 16 mars 1794; il commença sa carrière au ministère du Commerce et, en 1810, fut nommé gentilhomme de la chambre. Dans le fort de la Guerre Patriotique, il s'engagea en qualité de cornette au 3e cosaques de l'Ukraine; promu lieutenant, assista aux batailles de Lützen, Bautzen, Reichenbach et Leipzig; reçut, sous Mannheim, la croix de St-Georges de 4e cl. et fut nommé capitaine en second, après quoi il passa au régiment des chasseurs à cheval de la garde et, sous Paris, fut grièvement blessé à la jambe; en 1817, le 29 septembre, il fut nommé aide de camp de S. M., l'année d'après, capitaine et, en 1819, major, en passant aux chasseurs à cheval de Péréiaslaw, en garnison à Tamboff; en 1823, il entra au régiment des dragons de Nijni-Novgorod qu'il commandait en 1827 ayant le grade de colonel et prit part à différentes expéditions au Caucase contre les montagnards, au cours desquelles il fut blessé à l'épaule. En 1829, le prince Golitzyne ayant gagné une somme considérable au comte Moussine-Pouchkine, fut obligé de quitter le service; il passa alors au ministère de l'Intérieur et, en 1835, démissionna, ayant le titre de conseiller d'Etat actuel; ses dettes le forcèrent à reprendre du service, en 1839, comme colonel au corps du Caucase; en 1843, il fut promu major général et nommé commandant du centre de la Ligne du Caucase, ce qui lui valut plus tard le surnom de „Central". En 1849, Golitzyne, à la suite d'une brouille avec Worontzoff, ayant les ordres de Ste-Anne et de St-Stanislas de 1e cl. et l'ordre prussien „pour le mérite" donna sa démission, se fixa à Moscou, dans sa maison, à la barrière de Boutyrky, et devint le doyen d'âge et le premier membre d'honneur du cercle Anglais. C'est à Moscou qu'il mourut le 19 janvier 1861; il est inhumé au cimetière de Miousky; il était marié, depuis le 1er juillet 1821, à une propriétaire d'Atkarsk, Prascovie Nikolaewna Matiounine (2 octobre 1798 — 29 juillet 1881; enterrée aux côtés de son mari); de cette union sont nés: Nadejda (1822—1853), Serge (1823—1879), Alexandre (1825—1864), Vladimir (1826—1844), Alexandrine (née en 1831) et Dmitri († en 1835). Il y avait de plus „une pupille", Marie („Mimi") Vladimirowna (1819—1843, mariée à I. Nélidoff) qui serait, à en croire la tradition, la fille de la princesse Tourkestanoff.

Golitzyne, qui se distinguait par son esprit et ses aptitudes, reçut une éducation négligée et une instruction superficielle; étant jeune, il était beau, bien pris, adroit, possédait une force extraordinaire et avait beaucoup de succès auprès des femmes: „joueur, chanteur, farceur", selon Boulgakoff, gai compagnon, fertile en ressources et spirituel, il organisait des divertissements et exécutait des fantaisies de tout genre; écrivait des vers, des vaudevilles, chantait des couplets de son cru; aimait à faire le connaisseur en fait de littérature, d'art, de musique; aimait à lier connaissance avec les gens éminents et protégeait les talents. Servant „pour rire", Golitzyne mangea sa grande fortune. Ses contemporains attestent qu'il était bon; la princesse Tourkestanoff écrivait en 1819 ce qui suit: „Il se repent de toutes ses folles équipées; il y a en lui les germes de tout ce qui est bon et beau, mais personne n'a veillé à les développer; il a de l'esprit et un bon cœur". Viegel ne se montre pas si indulgent: „Vladimir a fait du bruit plus que tous ses autres frères en mésusant des dons de la nature; on l'appelait Apollon, il avait une force herculéenne et était d'un caractère gai et entreprenant; voilà pourquoi toute sa vie n'a été qu'un enchaînement de farces, parfois cruelles, parfois criminelles et rarement innocentes". Fadéeff écrit aussi: „Son existence, remplie d'aventures de toute sorte, jetait quelquefois de l'ombre sur certaines de ses actions!" Il en est ainsi de la mort tragique de la princesse Tourkestanoff liée à son nom. Malgré son âge, elle (née le 26 décembre 1775) avait: „Un caractère charmant, une nature enthousiaste et quelque peu fantasque, à laquelle l'origine asiatique de sa famille donnait tout le charme de la femme orientale"; elle expira le 20 mai 1819 soit en mettant au monde une fille, soit plutôt après avoir pris du poison. On en rejetait la faute (voir la préface de l'éd. de ses lettres) sur le prince Golitzyne, qui aurait tenu le pari de.... L'examen de sa correspondance avec Christin ne soulève cependant pas le voile qui couvre sa fin: dans le courant de 1819, encore en avril, la princesse, bien disposée comme par le passé envers Golitzyne, parle cordialement et chaudement de „Voldemar", se réjouit de ses succès et s'afflige de ses insuccès lorsqu'il recherchait en mariage la princesse Lopoukhine...

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Golitzyne-Prozorowsky et anéanti (en 1905) à Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.)

Княгиня **НАТАЛІЯ СТЕПАНОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1796—1890, старшая дочь Степана Степановича Апраксина отъ брака съ княжной Екатериной Владиміровной Голицыной, была близнецомъ съ братомъ Владиміромъ: „онъ родился 13 Ноября 1796 г., а Наталія Степановна явилась на свѣтъ на другой день, 14 Ноября, къ великому огорченію родителей, которые, не предвидя ея появленія, наканунѣ, какъ только родился сынъ, отдали его на полное попеченіе и воспитаніе бабушкѣ, княгинѣ Н. П. Голицыной („la princesse Monstache"), чтобы смягчить ея негодованіе по поводу брака дочери съ С. С. Апраксинымъ; не поторопились бы, на другой день отдали бы дочь, а сына оставили бы у себя". Будучи фрейлиной, въ Августѣ 1817 г. вышла замужъ за князя Сергѣя Сергѣевича Голицына (р. 1783 г.), при чемъ свадьба была въ знаменитой подмосковной ея отца с. Ольговѣ. Послѣ свадьбы молодые прожили нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи Сокольникахъ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, которую Апраксинъ купилъ для дочери у Титовыхъ. Тутъ они были сосѣдями Яньковыхъ: „Сосѣдство Голицыныхъ", разсказываетъ бабушка Благово, „было пріятно потому, что князь С. С. Голицынъ былъ очень веселый и милый человѣкъ, весьма любезный и привѣтливый и очень хорошій музыкантъ и сочинитель многихъ романсовъ. Потомъ Голицыны переѣхали жить въ Петербургъ; дѣтей у нихъ не было". Оставивъ военную службу, георгіевскимъ кавалеромъ и флигель-адъютантомъ, Голицынъ былъ пожалованъ въ егермейстеры. 14 Марта 1833 г. княгиня Н. С. Голицына овдовѣла и, по волѣ мужа, назначила своимъ наслѣдникомъ племянника его, князя Сергѣя Федоровича Голицына, котораго и сама очень любила, и который жилъ постоянно у нея въ домѣ, женатый на ея племянницѣ и своей родственницѣ, княжнѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ Щербатовой; 20 Сентября 1849 г. на охотѣ у Апраксиныхъ въ Брасовѣ, Орловской губ., князь Голицынъ нечаянно застрѣлился; тогда княгиня Наталія Степановна назначила наслѣдникомъ его брата Бориса, который умеръ скоро послѣ нея.

Княгиня Н. С. Голицына была далеко не заурядной личностью во всѣхъ отношеніяхъ. Въ молодости она была красива, плѣняла умомъ и обращеніемъ; по словамъ лица, хорошо знавшаго княгиню, она и „до конца дней была веселаго, общительнаго характера и удивительной доброты". Княгиня извѣстна была въ Петербургѣ своей широкой благотворительностью. Вообще у нея, вполнѣ свѣтской женщины, преобладали духовные высшіе интересы: очень начитанная, интересующаяся литературой, она принимала въ своей гостиной Пушкина, Крылова, графа Соллогуба.... Лѣтомъ она жила въ своемъ великолѣпномъ Черниговскомъ имѣніи „Гриневѣ", бывшемъ графа И. А. Безбородка, и купленномъ у дочери послѣдняго, княгини Кл. Ил. Лобановой, гдѣ домъ-дворецъ, почти сколокъ съ Царскосельскаго дворца, былъ настоящій музей: тутъ была громадная библіотека, постоянно пополняемая, въ большомъ порядкѣ семейный архивъ, прекрасные гобелены и картины, цѣлая коллекція, вывезенная изъ Италіи, этрускихъ вазъ (завѣщена княгинею Обществу поощренія художествъ); вообще въ Гриневѣ были „большая умная роскошь и широкое гостепріимство". Петербургскій домъ княгини, на Милліонной, былъ купленъ подъ дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

Княгиня Н. С. Голицына скончалась отъ воспаленія легкихъ 7 Мая 1890 г. и похоронена въ семейномъ склепѣ подъ церковью с. Зубриловки, Саратовской губерніи.

Совершенно подобный прилагаемому портретъ княгини Н. С. Голицыной погибъ въ Зубриловкѣ во время погрома усадьбы, осенью 1905 года.

(Съ портрета Серсне, 1821 г., собственность С. В. Спечинскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse NATALIE STÉPANOWNA GOLITZYNE, 1796—1890, fille aînée de Stéphane Stépanowitch Apraxine, de son mariage avec la princesse Catherine Vladimirowna Golitzyne, était sœur jumelle de Vladimir: „celui-ci naquit le 13 novembre 1796 et Natalie vint au monde le jour suivant, le 14 novembre, au grand chagrin des parents, qui, la veille, ne soupçonnant pas sa présence, avaient aussitôt confié le fils qui leur était né aux soins et à l'éducation de sa grand'mère, la princesse Golitzyne („la princesse Moustache"), pour calmer l'irritation que lui avait causée le mariage de sa fille avec Apraxine; s'ils se fussent moins pressés, ils eussent gardé leur fils en donnant leur fille le jour suivant". Elle épousa le prince Serge Serguéewitch Golitzyne (né en 1783), au mois d'août 1817, étant demoiselle d'honneur; leurs noces furent célébrées à Olgovo, fameuse propriété de son père, sous Moscou. Après leur mariage, les jeunes époux passèrent quelques années dans leur bien de Sokolniki (district de Dmitroff, gouv. de Moscou), qu'Apraxine avait acquis des Titoff pour sa fille. Ils y eurent comme voisins les Yankoff: „Le voisinage des Golitzyne", raconte la grand'mère Blagovo, „était agréable, parce que le prince Golitzyne était un homme très gai et très gentil, extrêmement aimable et affable, excellent musicien et auteur d'une quantité de romances. Les Golitzyne se fixèrent ensuite à Pétersbourg; ils n'avaient pas d'enfants". Le prince Golitzyne, après avoir quitté le service militaire chevalier de l'ordre de St-Georges et aide de camp de S. M., reçut la charge de veneur. La princesse Golitzyne devint veuve le 14 mars 1833 et, exécutant les dernières volontés de son mari, désigna comme héritier le neveu de ce dernier, le prince Serge Golitzyne, qu'elle-même aimait beaucoup et qui vivait constamment chez elle; il était marié à sa nièce et à sa parente à lui, la princesse Olga Chtcherbatoff; le 20 septembre 1849, le prince Golitzyne se tua par accident à la chasse chez les Apraxine, à Brassoff, gouv. d'Orel; la princesse nomma alors comme héritier son frère Boris, qui mourut peu après elle.

La princesse Golitzyne, en toutes choses, n'était pas, tant s'en faut, une personnalité ordinaire. Elle avait été belle dans sa jeunesse, elle charmait par son esprit et ses manières; selon le dire d'une personne qui connaissait la princesse de près, „elle fut jusqu'à ses derniers jours d'un naturel gai et expansif et d'une bonté surprenante". La princesse était connue à Pétersbourg pour sa généreuse bienfaisance. En général, toute femme du monde qu'elle fût, les intérêts intellectuels et supérieurs dominaient en elle: elle avait beaucoup lu, s'intéressait à la littérature et recevait dans son salon Pouchkine, Kryloff, le comte Sollohub... En été, elle demeurait dans sa magnifique propriété de Tchernigoff „Grinevo", qui avait appartenu au comte Bezborodko, et qu'elle avait achetée de la fille de celui-ci, la princesse Lobanoff; la maison-palais de Grineff, calque presque fidèle du palais de Tsarskoïé-Sélo, était un véritable musée: il s'y trouvait une immense bibliothèque, qui se complétait constamment, des archives de famille en bon ordre, de superbes tentures des Gobelins et des tableaux, toute une collection de vases étrusques amenés d'Italie (léguée par la princesse à la Société pour l'Encouragement des Beaux-Arts); il régnait en général à Grinevo „un luxe large et éclairé et une grande hospitalité". La maison de la princesse à Pétersbourg, à la Millionnaïa, a été achetée pour servir de palais au Grand-Duc Michel Nikolaewitch.

La princesse Golitzyne mourut d'une fluxion de poitrine le 7 mai 1890 et est inhumée dans le caveau de famille, sous les dalles de l'église de Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.

Un portrait de la princesse Golitzyne, entièrement pareil à celui que nous donnons, a été anéanti à Zoubrilowka, lors du pillage de l'habitation seigneuriale, à l'automne de 1905.

(D'après un original de Cersnet, 1821, appartenant à S. Spétchinsky, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ, 1729—1774, сынъ инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича отъ 1-го брака его съ дѣвицей Писаревой, родился въ Москвѣ 30 Мая 1729 г. и получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ бабки и тетки своихъ, бывшихъ монахинями Московскаго Зачатіевскаго монастыря. Въ 1744 г., 16-и лѣтъ, Бибиковъ записанъ кондукторомъ въ Инженерный корпусъ и черезъ 2 года былъ уже инженеръ-прапорщикомъ, затѣмъ опредѣленъ къ строенію Кронштадтскаго канала. Въ Семилѣтнюю войну Бибиковъ командовалъ 3-мъ мушкатерскимъ полкомъ и принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ; въ послѣднемъ былъ раненъ и получилъ тяжелый ушибъ отъ упавшей на него убитой его лошади. При осадѣ Кольберга, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, Бибиковъ разбилъ при Трентовѣ и взялъ въ плѣнъ корпусъ генерала Вернера. Императоръ Петръ III произвелъ Бибикова въ генералъ-майоры и назначилъ шефомъ Черниговскаго полка. Въ 1762 г. Бибиковъ посланъ былъ въ Холмогоры для устройства судьбы заключенной тамъ Брауншвейгской фамиліи; хотя онъ и навлекъ на себя при этомъ неудовольствіе Императрицы особымъ участіемъ къ заключеннымъ, которое объяснили склонностью его къ принцессѣ Екатеринѣ, но уже въ слѣдующемъ году ему поручено было подавленіе безпорядковъ и мятежа на заводахъ въ Сибири и въ Оренбургской губерніи. Императрица желала наградить его послѣ этого орденомъ св. Александра Невскаго, но Бибиковъ просилъ возложить этотъ орденъ на своего старика-отца, находившагося въ то время уже въ отставкѣ. Въ 1766 г. Бибиковъ произведенъ былъ въ генералъ-поручики, а въ 1767 г. сопровождалъ Императрицу во время ея путешествія по Волгѣ и принималъ участіе въ переводѣ на русскій языкъ романа Мармонтеля „Велизарій“: ему принадлежитъ XIII глава перевода. При созваніи Комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія, Бибиковъ, будучи Костромскимъ депутатомъ, избранъ въ число трехъ кандидатовъ на званіе маршала Комиссіи и утвержденъ Императрицей, которая еще раньше поручила ему составленіе „обряда управленія Комиссіи“ и „наказовъ“ генералъ-прокурору и маршалу. По закрытіи дѣйствій Большой Комиссіи, Бибикову порученъ былъ осмотръ Финляндской границы, а затѣмъ командованіе корпусомъ въ Польшѣ. Въ 1772 г., имѣя уже польскій орденъ Бѣлаго Орла, Бибиковъ получилъ Александровскую ленту; вслѣдъ затѣмъ Императрица поручила ему усмиреніе Пугачевскаго бунта. Получивъ это важное назначеніе изъ устъ Екатерины, Бибиковъ, много терпѣвшій отъ придворныхъ интригъ, не удержался, чтобы не сказать словами народной пѣсни: „Сарафанъ ли мой, сарафанъ дорогой, вездѣ сарафанъ пригожаешься, а не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь!“ Благоразумными своими распоряженіями онъ оправдалъ довѣріе Государыни: менѣе чѣмъ въ три мѣсяца главныя скопища мятежниковъ были разсѣяны, и бунтъ былъ уже въ агоніи, когда Бибиковъ внезапно умеръ 9 Апрѣля 1774 г. отъ „сильной горячки и апостемы въ груди“ въ татарскомъ селеніи Бугульмѣ, истощенный неутомимой дѣятельностью, не успѣвъ узнать, что заслуги его вознаграждены были Екатериной званіемъ сенатора, орденомъ св. Андрея и чиномъ подполковника Измайловскаго полка. Умирая, онъ говорилъ: „Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: Государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ!“ „У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель, ‖ Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ“, писалъ Державинъ въ одѣ на смерть Бибикова; Н. В. Леонтьевъ посвятилъ ему же слѣдующія строки: „Жизнь смертныхъ измѣрять не надлежитъ годами, ‖ Но ихъ полезными Отечеству дѣлами“.

Бибиковъ погребенъ въ имѣніи своемъ, Баршовкѣ, на правомъ берегу Волги, въ 70-и верстахъ отъ г. Костромы, при чемъ многимъ обязанный Бибикову пѣвецъ Фелицы составилъ ему такую эпитафію:

„Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя.
Стой, путникъ! Стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ“.

Отъ брака съ княжной Анастасіей Семеновной Козловской, Бибиковъ имѣлъ троихъ сыновей: Павла (флигель-адъютантъ; † 1784 г.), Александра (р. 1765 г., † 1822 г.) и Илью, и дочь Аграфену (р. 1753 г., † 1812 г.; за И. С. Рибопьеромъ).

(Съ портрета, принадлежащаго А. С. Тапѣеву, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE ILYITCH BIBIKOFF, 1729—1774, fils de l'ingénieur lieutenant-général Elie Alexandrowitch et de Mlle Pissareff, sa femme en premières noces, naquit à Moscou le 30 mai 1729 et reçut sa première éducation sous la direction de sa grand'mère et de sa tante, sœurs du monastère Zatchatiewsky de Moscou. En 1744, Bibikoff, âgé de 16 ans, entra comme conducteur au corps des ingénieurs et, deux ans plus tard, il y devint ingénieur-enseigne; il fut alors chargé de construire le canal de Cronstadt. Bibikoff commanda dans la guerre de Sept Ans le 3e régiment de mousquetaires et prit une part active aux combats de Zorndorf et de Kunersdorf; il fut blessé dans cette dernière affaire et gravement contusionné par son cheval tué sous lui. Au siège de Kolberg, à la tête d'un détachement, il battit à Trentow et fit prisonnier le corps du général Werner. L'Empereur Pierre III le promut au grade de général-major et le nomma chef du régiment de Tchernigof. En 1762, il fut envoyé à Kholmogory pour décider du sort de la famille de Brunswick, qui y était enfermée. Quoiqu'il se fût attiré le mécontentement de l'Impératrice par l'intérêt tout particulier qu'il témoigna aux prisonniers, intérêt qu'on expliquait par la sympathie qu'il ressentait pour la princesse Catherine, il fut pourtant chargé l'année suivante d'étouffer les désordres et la révolte des usines de Sibérie et du gouvernement d'Orenbourg. L'Impératrice voulut lui octroyer, après qu'il eut accompli sa tâche, l'ordre d'Alexandre Newsky, mais Bibikoff pria la Souveraine de le donner plutôt à son vieux père, qui jouissait déjà de la retraite. Il devint en 1766 lieutenant-général, et en 1767 il accompagna l'Impératrice dans son voyage sur le Volga et participa à la traduction en russe du roman de Marmontel „Bélisaire"; c'est le XIIIe chapitre qui lui appartient. Lorsque fut convoquée la commission pour élaborer le projet d'un nouveau code de lois, Bibikoff, en qualité de député de Kostroma, fut un des trois candidats au poste de maréchal de la commission et fut confirmé dans cette place par l'Impératrice, qui l'avait déjà chargé de rédiger „les statuts de l'administration de la commission" et „les instructions" du procureur général et du maréchal. Lorsque cette grande commission eut cessé de fonctionner, Bibikoff dut inspecter la frontière finlandaise, pour aller ensuite commander un corps en Pologne. En 1772, Bibikoff, en possession de l'Aigle Blanc, reçut Alexandre Newsky. Puis l'Impératrice se décida à le charger d'apaiser la révolte de Pougatcheff. Quand il reçut cet ordre des lèvres de Catherine, il eut beaucoup à souffrir des intrigues des courtisans et ne put se retenir de dire, en employant les paroles d'un chant national: „On ne se souvient de moi que quand on en a besoin, autrement on me relègue". Bibikoff justifia par des mesures sensées la confiance de l'Impératrice: en moins de trois mois les principaux foyers de révolte furent dispersés et l'émeute était à l'agonie quand, épuisé d'un travail sans trève, il mourut subitement le 9 avril 1774 „d'une forte fièvre et d'un apostème à la poitrine" dans le village tatare de Bougoulma. Il n'avait pas appris que Catherine avait récompensé ses services, l'avait nommé sénateur et lui avait donné St-André et le titre de lieutenant-colonel du régiment Izmaïlowsky.

Il dit en mourant: „Je ne regrette ni mes enfants, ni ma femme: l'Impératrice aura soin d'eux, mais je regrette ma patrie".

„Ton image restera éternellement dans le cœur de tous ceux qui aiment la vertu", dit Derjavine dans une de ses odes, en parlant de la mort de Bibikoff. N. Léontieff lui a dédié les vers suivants: „Ce n'est pas par les années qu'il convient de mesurer la vie des mortels, mais par leurs actions utiles à la patrie".

Il fut enterré dans son bien Barchovka, sur la rive droite du Volga, à 70 verstes de Kostroma, et le poète de „Félitza", qui lui devait beaucoup, lui a composé l'épitaphe suivante:

„Il était un habile chef de guerre, un homme de bon conseil, un amant des muses, le ferme soutien de la Patrie, le gardien de la foi, l'ami de la vérité; Catherine l'a estimé pour son service, pour son bon sens, pour sa vertu, pour la sincérité de son âme. Il est mort en défendant le trône. Arrête-toi, passant! Arrête-toi, plein de respect! Ici se trouvent les cendres de Bibikoff".

Il eut de son mariage avec la princesse Anastasie Sémenowna Kozlowsky trois fils: Paul (aide de camp de S. M.; † en 1784), Alexandre (1765—1822) et Elie, et une fille Agrippine (1753—1812; mariée à J. S. Ribeaupierre).

(D'après un original appartenant à A. Tanéeff, à St-Pétersbourg.)

121

Александръ Ильичъ
Бибиковъ,
1729 — 1774

Alexandre Ilyitch
Bibikoff,
1729 — 1774

122

Пис. Людерсъ

Графъ Александръ Борисовичъ
Бутурлинъ,
1704 — 1767

Peint par Luders

Le Comte Alexandre Borissowitch
Boutourline,
1704 — 1767

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ**, 1704—1767, сынъ гвардіи капитана Бориса Ивановича († 1708 г.) и племянникъ „князь-папы“ Петра Ивановича, родился въ Москвѣ 18 Іюля 1704 г.; въ 1716 г. поступилъ въ Морскую академію, а въ 1720 г. взятъ былъ Истромъ Великимъ въ денщики, участвовалъ во всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ предпріятіяхъ Царя, исполнялъ разнообразныя его порученія и своей усердной службой и расторопностью заслужилъ его расположеніе. Екатерина I пожаловала Бутурлина въ камеръ-юнкеры. Онъ пользовался милостью и Петра II, при которомъ сдѣлался камергеромъ, унтеръ-лейтенантомъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-майоромъ и Александровскимъ кавалеромъ, но затѣмъ подвергся опалѣ. Зять князей Голицыныхъ, онъ долженъ былъ казаться опаснымъ Долгорукимъ, но всего больше повредили ему близкія отношенія къ Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, тогда какъ и самъ молодой Императоръ питалъ нѣжныя чувства къ обаятельной красавицѣ теткѣ. Удаленный отъ Двора, Бутурлинъ былъ посланъ сначала въ Украинскую армію, а потомъ на границу Персіи, гдѣ оставался и въ первые годы царствованія Анны Іоанновны. Въ 1735 г. онъ былъ назначенъ Смоленскимъ губернаторомъ, въ 1738 г. принималъ участіе въ Турецкой войнѣ, по окончаніи которой возвратился въ Смоленскъ. Въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ и присутствующимъ въ Московской Военной конторѣ, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Елисавета Петровна поручила своему бывшему любимцу управленіе Малороссіей, а въ день коронаціи пожаловала его въ генералъ-аншефы. Во время Шведской войны Бутурлинъ командовалъ войсками въ Лифляндіи, затѣмъ управлялъ Москвой (1742—1744) и командовалъ дивизіей, расположенной на востокѣ Россіи. Назначенный сенаторомъ, онъ въ 1748—1760 гг. объявлялъ въ Сенатѣ Высочайшія повелѣнія. Елисавета Петровна, въ теченіе всего своего царствованія, осыпала его своими милостями: въ 1747 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1749 г. назначенъ подполковникомъ Преображенскаго полка, въ 1751 г. получилъ Андреевскую ленту, 5 Сентября 1756 г. произведенъ въ фельдмаршалы и назначенъ членомъ Конференціи, а въ 1760 г. получилъ титулъ графа. Указа о возведеніи Бутурлина въ графское достоинство не было, но въ одной резолюціи Государыни онъ былъ названъ графомъ, на основаніи чего Сенатъ предписалъ: „Понеже подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки онъ (Бутурлинъ) написанъ графомъ, того ради велѣть его писать графомъ“. Въ томъ же году Бутурлинъ, по представленію Конференціи, былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей на мѣсто графа Салтыкова. Кампанія, подъ начальствомъ Бутурлина, имѣла неудачный исходъ; Бутурлинъ съ большимъ трудомъ соединился съ Австрійской арміей и вслѣдъ затѣмъ неожиданно отступилъ на сѣверъ. Свое отступленіе, вызвавшее неудовольствіе въ Петербургѣ, онъ объяснялъ желаніемъ спасти армію, страдавшую отъ недостатка провіанта и фуража. Дальнѣйшая дѣятельность Бутурлина обнаружила его неспособность и нерѣшительность; въ Декабрѣ 1761 г. онъ сдалъ командованіе Фермору и уѣхалъ въ Петербургъ. Лаудонъ говорилъ по этому поводу: „C'est une rude besogne que de faire la guerre au roi de Prusse: il a pour se défendre et son génie et l'inepties du maréchal Boutourline“. Петръ III отнесся къ нему милостиво и назначилъ главнокомандующимъ Москвы (1762—1763), а Екатерина II, въ свитѣ которой онъ находился 28 Іюня, пожаловала ему шпагу, украшенную брильянтами, и утвердила въ графскомъ достоинствѣ.

Статный и красивый, Бутурлинъ отличался всѣми свойствами придворнаго человѣка, царедворца, умѣлъ приспособиться ко всѣмъ обстоятельствамъ и угодить сильнымъ людямъ. Только при Дворѣ чувствовалъ онъ себя въ своей сферѣ и, получивъ какое-нибудь назначеніе внѣ Императорской резиденціи, всегда стремился какъ можно скорѣе возвратиться ко Двору.

Графъ А. Б. Бутурлинъ скончался въ Москвѣ 31 Августа 1767 г. и погребенъ въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ, на Дмитровкѣ. Онъ былъ женатъ дважды: съ 1726 г. на княжнѣ Ан. Мих. Голицыной (р. 1699 г., † 1727 г.) и съ 1730 г. на княжнѣ Екат. Бор. Куракиной (р. 1702 г., † 1772 г.), отъ которой имѣлъ сына Петра и 2 дочерей, Екатерину и Варвару (обѣ за князьями Долгорукими).

(Съ портрета Людерса; Гатчинскій дворецъ.)

Le comte ALEXANDRE BORISSOWITCH BOUTOURLINE, 1704—1767, fils du capitaine de la garde Boris Ivanowitch († en 1708) et neveu du „prince-pape“ Pierre Ivanowitch, est né à Moscou le 18 juillet 1704; entra à l'académie de Marine en 1716, et, en 1720, Pierre-le-Grand le prit comme ordonnance; il prit part à toutes les expéditions de terre et de mer du tsar, exécuta ses différentes missions et, par son service zélé et sa vivacité, mérita sa faveur. Catherine Ire nomma Boutourline gentilhomme de la chambre. Il jouit aussi de la faveur de Pierre II, sous le règne duquel il devint chambellan, sous-lieutenant aux gardes à cheval, major général et chevalier de l'ordre de St-Alexandre, mais tomba ensuite en disgrâce. Beau-frère des princes Golitzyne, il devait porter ombrage aux Dolgorouky, mais ce qui lui fit le plus de tort, ce fut ses relations intimes avec la Césarewna Elisabeth Pétrowna, vu que le jeune Empereur lui-même nourrissait de tendres sentiments à l'égard de sa belle et charmante tante. Eloigné de la Cour, Boutourline fut d'abord envoyé à l'armée d'Ukraine et ensuite sur les frontières de la Perse, où il resta pendant les premières années du règne de l'Impératrice Anne. En 1735, il fut nommé gouverneur de Smolensk, prit part en 1738 à la campagne de Turquie, après laquelle il revint à Smolensk. Sous le règne d'Anne, il fut nommé commissaire général des armées et siégea aux Bureaux militaires de Moscou et fut promu lieutenant général. Elisabeth Pétrowna chargea son ancien favori du gouvernement de la Petite-Russie et, le jour de son couronnement, lui conféra le grade de général en chef. Pendant la guerre de Suède, Boutourline commanda les armées en Livonie, gouverna ensuite Moscou (1742—1744) et commanda une division cantonnée dans la Russie orientale. De 1748 à 1760, nommé sénateur, il communiquait au Sénat les décrets impériaux. Elisabeth Pétrowna, durant son règne, le combla de faveurs: en 1747, il fut fait aide de camp général, en 1749 nommé lieutenant-colonel au régiment de Préobragensky, en 1751, il reçut le cordon de St-André, le 5 septembre 1756, il fut créé feld-maréchal et membre de la Conférence et en 1760 reçut le titre de comte. Il n'y eut pas d'oukase élevant Boutourline à la dignité de comte, mais dans une des décisions de l'Impératrice il avait été nommé comte, ce qui donna lieu au Sénat d'ordonner que „Vu que de la propre main de Sa Majesté Impériale, lui (Boutourline) avait été inscrit comte, se basant sur ce fait, décrète de l'inscrire comme tel“. La même année, Boutourline, sur la recommandation de la Conférence, fut nommé généralissime à l'armée active en remplacement du comte Saltykoff. La campagne, sous le commandement de Boutourline, eut une issue peu brillante; Boutourline opéra sa jonction avec l'armée autrichienne à grand'peine, puis battit subitement en retraite vers le nord. Il expliqua cette retraite, qui avait causé du mécontentement à Pétersbourg, par le désir de sauver l'armée, qui souffrait du manque d'approvisionnement et de fourrage. L'activité ultérieure de Boutourline prouva son incapacité et son irrésolution; en décembre 1761, il remit le commandement à Fermor et se rendit à Pétersbourg. Laudon dit à ce sujet: „C'est une rude besogne que de faire la guerre au roi de Prusse: il a pour se défendre et son génie et l'ineptie du maréchal Boutourline“. Pierre III le traita avec bonté et le nomma gouverneur général de Moscou (1762—1763), et Catherine II, à la suite de laquelle il se trouvait le 28 juin, lui fit présent d'une épée enrichie de diamants et lui confirma la dignité de comte.

Beau et d'une belle venue, Boutourline avait tout le propre du courtisan, savait se plier à toutes les circonstances et plaire aux puissants. Ce n'est qu'à la Cour qu'il se sentait dans son élément, et lorsqu'il était chargé d'une mission qui l'éloignait de la résidence impériale, il tâchait toujours de revenir le plus tôt possible à la Cour.

Le comte Boutourline mourut à Moscou le 31 août 1767 et est enterré dans le ci-devant monastère de St-Georges à la Dmitrowka. Il se maria deux fois: en 1726, à la princesse Golitzyne (1699—1727) et, en 1730, à la princesse Kourakine (1702—1772) dont il eut un fils, Pierre, et deux filles, Catherine et Varvara (qui, toutes deux, ont épousé des princes Dolgorouky).

(D'après un original de Lüders, Palais de Gatchina.)

Графъ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1797—1862, сынъ оберъ-шенка графа Григорія Ивановича, женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, родился 14 Декабря 1797 г.; воспитывался сначала дома подъ руководствомъ гувернера масона Жуаё, затѣмъ 2 года учился въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ и 17-и лѣтъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 31 Января 1818 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ 1821 г.—въ штабсъ-ротмистры и въ 1824 г.—въ ротмистры. На несчастье Чернышева въ полку одновременно служилъ его двоюродный братъ Ф. Вадковскій, который „въ глазахъ" Чернышева „порочилъ Правительство, при чемъ говорилъ, что онъ думаетъ, какъ всѣ благомыслящіе люди въ Россіи". То же слышалъ онъ и отъ другихъ товарищей: Свистунова, Муравьева... Въ Маѣ 1825 г. Чернышевъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, при чемъ ему было сообщено, что цѣль Общества „современемъ ввести конституцію въ государствѣ"; только встрѣтившись осенью въ имѣніи отца, селѣ Тагинѣ, Орловской губ., съ Вадковскимъ, Чернышевъ узналъ, что Общество, „въ случаѣ несогласія царствующаго Государя на его требованія", рѣшило „употребить противу его военную силу и даже уничтоженіе Царствующей фамиліи". Арестованный 23 Декабря въ томъ же Тагинѣ, Чернышевъ на допросахъ во всемъ чистосердечно сознался и назвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ Общества. „Узнавъ", показывалъ онъ, „что вступили въ сіе Общество многіе люди, которыхъ познанія и дарованія природныя гораздо болѣе и превосходнѣе моихъ, полагая, что они имѣли въ виду улучшеніе правительства и благосостояніе Имперіи, одна любовь къ Отечеству побудила меня вступить въ ихъ тайное общество". По рѣшенію Верховнаго суда, Чернышевъ былъ лишенъ чиновъ, графства и приговоренъ въ каторжныя работы на 2 года „за знаніе объ умыслѣ цареубійства и за принадлежность къ тайному обществу, съ знаніемъ его цѣли". Онъ былъ наказанъ сравнительно милостиво; „Чернышевъ былъ мало виноватъ и по характеру еще менѣе годился въ опасные заговорщики; по словамъ отца его, Императоръ Николай, видя его чистосердечное признаніе, обѣщалъ ему прощеніе. Но это не было въ интересахъ А. И. Чернышева, который намѣревался овладѣть Чернышевскимъ майоратомъ, что ему, однако, не удалось, и майоратъ перешелъ къ его сестрѣ, графинѣ С. Г. Чернышевой-Кругликовой" (Арх. графа Мордвинова, VII). По случаю коронаціи Николая I срокъ каторги Чернышеву былъ сокращенъ до 1 года; въ началѣ 1827 г. онъ былъ отправленъ въ Иркутскъ, а въ Маѣ 1828 г. мѣстомъ для его поселенія былъ опредѣленъ Якутскъ, но уже 27 Декабря того же года Чернышевъ былъ назначенъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ, куда и доставленъ былъ 9 Апрѣля 1829 года. „З. Чернышевъ вмѣстѣ съ прочими декабристами сдѣлались любимцами солдатъ за ихъ глубокую религіозность и ту безропотность, съ которой они несли заслуженную ими кару". Полковой командиръ, И. Н. Раевскій, былъ искренно расположенъ къ Чернышеву и даже получилъ непріятности по службѣ за послабленія декабристамъ, но „нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Чернышевъ: онъ жилъ въ солдатской палаткѣ, носилъ солдатскую шинель толстаго сукна, не имѣлъ особаго стола"... Въ кампанію 1829 г. Чернышевъ „неоднократно оказалъ опыты отличнѣйшаго мужества". Раненый въ грудь въ 1830 г., онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ прапорщики и подпоручики. Въ 1834 г., будучи у сестры, графини Чернышевой-Кругликовой, въ с. Яропольцѣ, Московской губ., Чернышевъ женился на дочери сенатора Екатеринѣ Алексѣевнѣ Тепловой (дѣти ихъ умерли въ младенчествѣ). 17 Января 1837 г. Чернышевъ былъ уволенъ въ отставку, съ правомъ жить сначала въ Яропольцѣ, а потомъ въ отцовскомъ Тагинѣ. Тутъ ему разрѣшено было поступить на службу секретаремъ Орловскаго дворянства, а въ 1846 г. онъ переведенъ былъ въ Москву, при чемъ самъ Закревскій находилъ, что онъ можетъ быть освобожденъ отъ надзора полиціи. По вступленіи на престолъ Александра II, Чернышеву, которому былъ возвращенъ графскій титулъ, разрѣшено было уѣхать за границу, такъ какъ здоровье жены, которая постоянно болѣла, давно уже требовало этого.

Графъ З. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ, въ Маѣ 1862 г., и похороненъ, рядомъ съ раньше умершей женой, на Римскомъ кладбищѣ Monte Testaccio.

По словамъ его племянницы, графъ Чернышевъ былъ „человѣкъ рѣдкой скромности, мягкій и дѣтски незлобивый, въ семьѣ былъ горячо любимъ, всегда веселъ, одинаково со всѣми любезенъ и привѣтливъ".

(Съ портрета 1842 г., принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Le comte ZACHARIE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1797—1862, fils du grand échanson le comte Grégoire Ivanowitch et de sa femme Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine, naquit le 14 décembre 1797. Il fut d'abord élevé à la maison sous la direction d'un gouverneur franc-maçon Joyeut, puis à l'école des guides de Mouravieff et entra à 17 ans aux chevaliers-gardes, où il devint cornette le 31 janvier 1818; en 1821, nous le voyons capitaine en second et, en 1824, capitaine. Par malheur, son cousin Th. Vadkowsky servait en même temps que lui au régiment, et il „blâma devant Tchernycheff le gouvernement en disant qu'il pensait comme tous les hommes bien-pensants en Russie". Ses camarades, Svistounoff, Mouravieff. . . . lui firent part des mêmes idées. Et, en mai 1825, il se fit membre d'une société secrète, dont le but était, lui disait-on, „d'introduire la constitution dans l'Etat". Ce ne fut qu'en automne qu'il rencontra de nouveau Vadkowsky dans le bien de son père au gouvernement d'Orel, le domaine Taguino, et qu'il apprit que la Société avait décidé que, „si l'Empereur régnant ne consentait pas à ses exigences, on emploierait contre lui la force armée et qu'on anéantirait même la famille Impériale". Arrêté le 23 décembre à Taguino, Tchernycheff fit des aveux sincères et dénonça tous les membres de la Société qu'il connaissait. „Ayant appris", dit-il à l'enquête, „que c'étaient des personnes dont les connaissances et les talents naturels étaient bien supérieurs aux miens qui étaient entrées dans cette Société, et persuadé qu'elles avaient en vue l'amélioration de l'Etat et le bien-être de l'Empire, ce ne fut que mon amour pour la patrie qui m'engagea à y entrer". Par arrêt de la haute cour de justice, Tchernycheff se vit privé de ses titres, de sa dignité de comte et condamné à deux ans de travaux forcés „pour avoir connu le dessein formé de tuer Sa Majesté et avoir appartenu à une société secrète, dont il connaissait le but". Il a été relativement traité avec miséricorde: „Tchernycheff était peu coupable, et il ne convenait nullement par son caractère au dangereux rôle de conjuré; suivant le dire du père, l'Empereur Nicolas, reconnaissant son sincère aveu, lui avait promis le pardon. Mais ce n'était point dans les intérêts de A. I. Tchernycheff, qui avait l'intention de s'emparer du majorat de la famille. Il n'y réussit pas du reste, et le majorat passa à sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff" (Archives du comte Mordvinoff, VII). Le couronnement de Nicolas Ier lui valut une année de diminution de peine. Au commencement de 1827, il fut envoyé à Irkoutsk, en mai 1828, il fut transféré à Yakoutsk et, le 27 décembre de la même année, il entra comme soldat au régiment de dragons de Nijni-Novgorod, qui se trouvait au Caucase; il y resta jusqu'au 9 avril 1829. „Z. Tchernycheff et les autres décabristes devinrent les soldats favoris du régiment grâce à leur profonde piété et à la résignation avec laquelle ils subissaient leur peine méritée". Le chef du régiment, N. N. Raewsky, était bien disposé pour Tchernycheff et eut même des désagréments grâce à son indulgence envers les décabristes, mais „il n'était pas possible d'admirer assez la sévérité de vie que menait Tchernycheff: il vivait dans une tente de soldat, portait un paletot de soldat de gros drap et n'avait pas de table à part". Dans la campagne de 1829 „il fit souvent preuve d'un excellent courage"; blessé à la poitrine en 1830, il fut promu sous-officier, enseigne et sous-lieutenant. En 1834, étant en séjour chez sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff, dans le domaine Iaropoltz, gouv. de Moscou, il épousa la fille d'un sénateur, Elisabeth Alexéewna Teploff (leurs enfants moururent en bas âge). Le 17 janvier 1837, il reçut son congé, avec le droit de vivre d'abord à Iaropoltz, puis dans le domaine paternel de Taguino. On lui permit d'entrer au service comme secrétaire de la noblesse d'Orel, et, en 1846, il fut transféré à Moscou, où Zakrewsky lui-même trouva qu'il pouvait être libéré de la surveillance de la police. Lorsqu'Alexandre II monta sur le trône, on autorisa Tchernycheff, auquel on avait rendu le titre de comte, à aller à l'étranger, ce qu'exigeait du reste depuis longtemps la santé de sa femme, continuellement malade.

Le comte Zacharie Tchernycheff mourut à Rome en mai 1862 et fut enterré, à côté de sa femme, décédée avant lui, au cimetière de Rome, Monte Festaccio.

Il était, à en croire sa nièce, „un homme d'une rare modestie, mou et sans malice, il était ardemment aimé dans sa famille, toujours gai, également aimable et affable avec tous".

(D'après un original, 1842, appartenant au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Le comte ZACHARIE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1797—1862, fils du grand échanson le comte Grégoire Tchernycheff et de sa femme Élisabeth Petrovna Kvachnine-Samarine, naquit le 26 décembre 1797. Il fut d'abord élevé à la maison sous la direction d'un gouverneur [illegible], puis à l'école des pages, de Hompesch et entra à 17 ans aux chevaliers-gardes, où il devint cornette le 31 janvier 1816, en 1817 passa capitaine en second et, en 1821, capitaine. Par malheur, son cousin Th. Vadkovsky servit en même temps que lui au régiment et il „blâma devant Tchernycheff le gouvernement en disant qu'il pensait comme tous les hommes bien pensants en Russie". Ses camarades, Svistounoff, Mouravieff... lui firent part des mêmes idées. Et en mai 1825, il se fit membre d'une société secrète, dont le but était, lui disait-on, „d'introduire la constitution dans l'État". Ce ne fut qu'en automne qu'il rencontra de nouveau Vadkovsky dans le bien de son père au gouvernement d'Orel, le domaine Taguino, et qu'il apprit que la Société avait décidé que, „si l'Empereur régnant ne consentait pas à ses exigences, on emploierait contre lui la force armée et qu'on anéantirait même la famille Impériale". Arrêté le 25 décembre à Taguino, Tchernycheff fit des aveux sincères et dénonça tous les membres de la Société qu'il connaissait. „Ayant appris", dit-il à l'enquête, „qu'il s'y trouvait des personnes dont les connaissances et les talents naturels étaient bien supérieurs aux miens qui étaient entrées dans cette Société, et persuadé qu'elles avaient en vue l'amélioration de l'État et le bien-être de l'Empire, ce ne fut que mon amour pour la patrie qui m'engagea à y entrer". Par arrêt de la haute cour de justice, Tchernycheff se vit privé de ses titres, de sa dignité de comte et condamné à deux ans de travaux forcés „pour avoir connu le dessein formé de tuer Sa Majesté et avoir appartenu à une société secrète, dont il connaissait le but". Il a été relativement traité avec miséricorde. „Tchernycheff était peu engagé, et il ne convenait nullement par son caractère au dangereux rôle de conjuré", suivant le dire de [illegible] l'Empereur [illegible], dont l'entrevue avec lui avait précédé le pardon. Mais ce n'était point dans [illegible] A. I. Tchernycheff qui avait l'intention de s'emparer du majorat de la famille. Il n'y réussit pas [illegible] (Tchernycheff-Kroughlikoff). Archives du comte Moeller [illegible] [illegible] de 1830, il fut promu [illegible]. En 1836, étant en séjour chez sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Kroughlikoff dans le domaine Iaropolets, gouv. de Moscou, il épousa la fille d'un [illegible], Élisabeth Alexeevna Ieploff (leurs enfants moururent en bas âge). Le 17 janvier 1837, il reçut son congé, avec le droit de vivre d'abord à Iaropolets, puis dans le domaine paternel de Taguino. On lui permit d'entrer au service comme secrétaire de la noblesse d'Orel et, en 1840, il fut transféré à Moscou [illegible] lui-même trouva qu'il pouvait être libéré de la surveillance de la police. Lorsqu'Alexandre II monta sur le trône, on autorisa Tchernycheff, auquel on avait rendu le titre de comte, à aller à l'étranger, [illegible] depuis longtemps la santé de sa femme, continuellement malade.

Le comte Zacharie Tchernycheff mourut à Rome en mai 1862 et fut enterré, à côté de sa femme décédée avant lui, au cimetière de Rome, Monte Testaccio.

Il était, à en croire ses pairs, un homme d'une rare modestie, aimé et [illegible] il était [illegible] dans sa famille, toujours gai, également sociable et affable avec tous.

(D'après un original 1842 appartenant au prince A. Chakhovskoï, Grand Kalp, gouv. de Moscou.)

123

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ,
1797 — 1862

Le Comte Zakhare Grigoriewitch Tchernycheff,
1797 — 1862

124

Елизавета Григорьевна Черткова,
1805 — 1858

Elisabeth Grigoriewna Tchertkoff,
1805 — 1858

125

Екатерина Ивановна Вадковская,
176. — 18..

Catherine Ivanowna Vadkovsky,
176. — 18..

126

Федоръ Федоровичъ Вадковскій,
1756 — 1806

Théodore Féodorowitch Vadkovsky,
1756 — 1806

ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА ЧЕРТКОВА, 1805 — 1858, третья изъ шести дочерей оберъ-шепка, графа Григорія Ивановича Чернышева (см. т. II, № 153), отъ брака съ Елизаветой Петровной Кваш-ниной-Самариной (см. т. II, № 154), родилась въ 1805 г.; образцово воспитанная, какъ и остальныя ея сестры, умною и добродѣтельною матерью, въ 1825 г. она хотѣла выйти замужъ за сенатора графа Гр. Вл. Орлова († 1827 г.), а потомъ, незадолго до смерти матери, была помолвлена за Александра Дмитріевича Черткова, впослѣдствіи Московскаго губернскаго предводителя дворянства, нумизмата, основателя Чертковской библіотеки, въ Москвѣ. По желанію матери, завѣщавшей, чтобы изъ-за траура по ней не откладывалась свадьба, она была обвѣнчана 9 Мая 1828 г., и въ томъ же году сопровождала мужа, служившаго въ армейскомъ гусарскомъ полку, въ Турецкій походъ, до границы, гдѣ и осталась ждать его возвращенія въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ. Очень образованная женщина, она интересовалась умственнымъ и литературнымъ движеніемъ своего времени, къ чему пріучена была еще дома, гдѣ, по шутливому замѣчанію ея мужа, у графинь Чернышевыхъ, вмѣсто иконы, вписѣлъ въ изголовьяхъ портретъ лорда Байрона. Она принимала у себя въ Москвѣ, на Мясницкой, многихъ ученыхъ и писателей, между прочимъ Гоголя, присутствовавшаго въ ея ложѣ на представленіи „Ревизора“, въ Москвѣ. Будучи еще молодой женщиною, она почему-то усвоила себѣ наклонности, привычки и туалеты почти старушечьи, отличалась оригинальностью, курила трубку, и, хотя обладала чуднымъ голосомъ и брала до замужества уроки пѣнія у извѣстныхъ московскихъ учителей, никогда не пѣла иначе, какъ въ полголоса.

Е. Г. Черткова имѣла одного сына, Григорія (р. 1832 г., † 1900 г.; женатъ на княжнѣ Мещерской), и трехъ дочерей: Елизавету (за княземъ А. Н. Голицынымъ), Софію (за С. А. Ермоловымъ) и Александру (за Винтуловымъ). Скончалась 25 Мая 1858 г. и похоронена на Московскомъ Ваганьковомъ кладбищѣ.

А. Я. Булгаковъ даетъ о Е. Г. Чертковой такой отзывъ: „Лиза для сердца, чувствъ своихъ и ума — совершенный ангелъ“; съ этимъ мнѣніемъ соглашался и братъ его, К. Я. Булгаковъ, писавшій: „Лиза и мила, и хороша, и добра“.

Подробную характеристику Чертковой даетъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ ея родственникъ, графъ М. Д. Бутурлинъ: „Графиня Елизавета Григорьевна напоминала собою чисто восточный типъ, какъ я видалъ въ гравюрахъ аравитянокъ и израильтянокъ въ библейскихъ сюжетахъ Гораса Верне. У нея были большіе кофейнаго цвѣта глаза (по-англійски „hazel eyes“), правильныя и тонкія античныя черты лица на матово-смугловатомъ фонѣ, темные, но не совсѣмъ цвѣта воронаго крыла волосы; роста средняго, но превосходно сложена, пріемы живые и отрывистые, но граціозна во всѣхъ движеніяхъ, даже въ походкѣ. Съ раннихъ лѣтъ она была неимовѣрно худа и осталась таковою до смерти. Эксцентрическихъ выходокъ было у нея не мало, никакой впрочемъ аффектаціи въ нихъ не было, и онѣ очень потѣшали ея друзей и даже болѣе и болѣе привязывали ихъ къ этой оригинальной женщинѣ. Натура была пылкая и любящая, горячій другъ своимъ друзьямъ, стояла за нихъ горою передъ кѣмъ бы то ни было, и таковою осталась до конца. И какъ ни разны были ея характеръ, вкусы и привычки съ мужниными, она цѣнила мужа вполнѣ и силилась, при всякомъ случаѣ, возвысить его въ мнѣніи общества. Чудное было созданіе, но многими непонятое!“

(Съ миніатюры, принадлежащей баронессѣ М. А. Шеппингъ, въ Москвѣ.)

ÉLISABETH GRIGORIEWNA TCHERTKOFF, 1805—1858, troisième des six filles du grand échanson le comte Grégoire Ivanowitch Tchernycheff (v. T. II, № 153) et de sa femme, Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine (v. T. II, № 154), naquit en 1805. Elle reçut, comme ses sœurs, une brillante éducation de sa mère, femme intelligente et vertueuse. En 1825, elle désira épouser le sénateur comte Gr. Orloff († 1827), mais elle fut fiancée, peu de temps avant la mort de sa mère, à Alexandre Dmitriewitch Tchertkoff, qui devint dans la suite maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou, numismate et fondateur de la bibliothèque Tchertkoff, à Moscou. Sur le désir de sa mère, qui avait, en mourant, demandé qu'on ne remît pas le mariage pour cause de deuil, elle reçut la bénédiction nuptiale le 9 mai 1828 et accompagna jusqu'à la frontière son mari, qui, servant au régiment des hussards, allait faire la campagne de Turquie. Elle y attendit son retour dans un sale trou juif. C'était une femme très instruite, s'intéressant au mouvement intellectuel et littéraire de son temps, ce à quoi elle avait été habituée dans la maison paternelle, où, comme le disait en plaisantant son mari, les comtesses Tchernycheff avaient à leur chevet le portrait de Byron, au lieu d'une image sainte. Elle recevait chez elle, à Moscou, à la Miasnitzkaïa, quantité de savants et d'écrivains, entre autres Gogol, qui avait assisté dans sa loge à la représentation du „Réviseur" à Moscou. Etant encore jeune femme, elle prit, on ne sait trop comment, certaines habitudes; elle portait des toilettes de vieille femme, se faisait remarquer par son originalité, fumait la pipe et, quoiqu'elle eût une excellente voix et qu'elle l'eût développée, avant son mariage, chez de célèbres maîtres de Moscou, elle ne chantait qu'à mi-voix.

Mme Tchertkoff avait un fils, Grégoire (né en 1832, † en 1900; marié à la princesse Mechtchersky), et trois filles: Elisabeth (mariée au prince Golitzyne), Sophie (mariée à S. Ermoloff) et Alexandra (mariée à Vintouloff). Elle mourut le 25 mai 1858 et fut enterrée au cimetière de Vagankoff, à Moscou.

A. Boulgakoff dit ce qui suit de Mme Tchertkoff: „Lise est un ange de cœur, de sentiment et d'esprit". Son frère, K. Boulgakoff, partageait cette opinion: „Lise est gentille—et bonne".

Nous avons une caractéristique complète de Mme Tchertkoff dans les „souvenirs" de son parent, le comte M. Boutourline: „La comtesse Elisabeth Grigoriewna a un type oriental comme ceux que j'ai vus dans les gravures de femmes arabes et israélites sur des sujets bibliques d'Horace Vernet. Elle avait de grands yeux, couleur café (en anglais „hazel eyes"), des traits réguliers, fins, à l'antique sur un fond mat, des cheveux foncés, non pas complètement noirs, la taille moyenne, mais très bien prise, les manières vives et saccadées, mais gracieuse dans tous ses mouvements, même dans sa démarche. Dès sa jeunesse elle était d'une grande maigreur et resta telle jusqu'à sa mort. Elle était excentrique, mais sans aucune affectation, ce qui amusait ses amis et contribuait à les attacher de plus en plus à cette femme originale. De nature vive et aimante, elle était une amie sincère; elle défendait ses amis devant qui que ce soit et resta telle jusqu'à la fin. La différence entre son caractère, ses goûts, ses habitudes et ceux de son mari, ne l'empêchait pas de l'estimer, et elle s'efforçait, dans toute occasion, à l'élever dans l'opinion de la société. Créature admirable, mais incomprise de plusieurs!"

(D'après une miniature appartenant à la baronne M. Chepping, Moscou.)

125

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ВАДКОВСКАЯ, 176 . — 18 . . , старшая дочь фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышева (р. 1726 г., † 1797 г.; см. т. II, № 152) отъ второго его брака съ Анной Александровной Исленьевой (р. 1740 г., † 1794 г.; см. т. II, № 133), въ 1778 г. пожалована во фрейлины Екатерины II, а 2 Сентября 1789 г. вышла замужъ за любимца Великаго Князя Павла Петровича, дѣйствительнаго камергера Федора Федоровича Вадковскаго (р. 1756 г., † 1806 г.).

Отъ этого брака у Е. И. Вадковской было 4 сына: Павелъ (камеръ-юнкеръ; р. 22 Мая 1792 г., † 15 Мая 1829 г.), Иванъ (полковникъ въ Семеновскомъ полку, переведенный въ армію во время извѣстной „Семеновской исторіи"), Федоръ (декабристъ; р. 1800 г., † въ Сибири, въ 1844 г.) и Александръ (тоже замѣшанный въ декабрьскія событія), и 2 дочери: Екатерина (р. 179 . г., † 1861 г.; за Н. И. Кривцовымъ) и Софія (р. 6 Февраля 1799 г., † 8 Августа 1875 г.; въ 1-мъ бракѣ за полковникомъ П. М. Безобразовымъ, р. 17 Апрѣля 1788 г., † 23 Января 1819 г., во 2-мъ, въ 1826 г. — за сенаторомъ И. С. Тимирязевымъ, р. 16 Декабря 1790 г., † 15 Декабря 1867 г.).

Рано овдовѣвъ, Е. И. Вадковская занялась воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыя вышли людьми широко образованными, при чемъ всѣ ея сыновья воспитывались въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ знаменитыхъ въ то время иностранныхъ педагоговъ.

Веселая и живая, „умная и энергичная", по свидѣтельству ея внука, Ф. И. Тимирязева, отличная музыкантша, Вадковская собирала у себя многочисленное и передовое общество: родственныя семьи Чернышевыхъ, Вадковскихъ, Кривцовыхъ и Муравьевыхъ дали цѣлый рядъ декабристовъ или ихъ женъ; между прочимъ у Е. И. Вадковской любилъ проводить время извѣстный Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій, что едва не было причиной его дуэли съ не менѣе извѣстнымъ щеголемъ, красавцемъ и танцоромъ, княземъ Борисомъ Владиміровичемъ Голицынымъ, прозваннымъ „Boris-Vestris". Въ 1826 г. сынъ Е. И. Вадковской, декабристъ, писалъ въ своемъ прошеніи: „Моя мать преклонныхъ лѣтъ, въ параличѣ и слабаго здоровья; безызвѣстность на мой счетъ можетъ ее ввергнуть въ гробъ". Узнать точныя даты ея рожденія и смерти, равно и мѣсто ея погребенія — намъ не удалось.

(Съ миніатюры, принадлежащей Я. П. Обухову, въ Москвѣ.)

125

CATHERINE IVANOWNA VADKOWSKY, 176.—18.., fille aînée du feld-maréchal le comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff (1726—1797; v. T. II, № 152) et de son second mariage avec Anne Alexandrowna Islénieff (1740—1794; v. T. II, № 153), devint en 1778 demoiselle d'honneur de Catherine II, et épousa, le 2 septembre 1789, le favori du Grand-Duc Paul Pétrowitch, le chambellan actuel Théodore Féodorowitch Vadkowsky (1756—1806).

De ce mariage naquirent quatre fils: Paul (gentilhomme de la cour; né le 22 mai 1792, † le 15 mai 1829), Ivan (colonel du régiment de Sémenoff, qui fut transféré dans l'armée, lors de la célèbre „histoire de Sémenoff"), Théodore (décabriste; né en 1800, † en Sibérie en 1844) et Alexandre (qui fut aussi impliqué dans les événements de décembre), et deux filles: Catherine (née en 179., † en 1861; mariée à N. I. Krivtzoff) et Sophie (née le 6 février 1799, † le 8 août 1875; mariée en premières noces au colonel Bézobrazoff, né le 17 avril 1788, † le 23 janvier 1819, et en secondes, en 1826, au sénateur Timiriazeff, né le 16 décembre 1790, † le 15 décembre 1867).

Mme Vadkowsky, devenue veuve de bonne heure, s'occupa de l'éducation de ses enfants, qui devinrent des hommes instruits. Les fils furent élevés dans les établissements d'instruction de différents pédagogues étrangers, célèbres alors.

Gaie et vive, „intelligente et énergique", suivant le dire de son petit-fils, Th. Timiriazeff, excellente musicienne, Mme Vadkowsky réunissait chez elle une société nombreuse et amie du progrès: les familles Tchernycheff, Vadkowsky, Krivtzoff et Mouravieff, qui étaient parentes entre elles, donnèrent toute une série de décabristes ou d'épouses à ces derniers. Le célèbre Evgraf Fédotowitch Komarowsky aimait, parmi tant d'autres, passer son temps chez Mme Vadkowsky, ce qui faillit être cause d'un duel avec un autre élégant, non moins connu, bel homme et danseur, le prince Boris Vladimirowitch Golitzyne, surnommé „Boris-Vestris". En 1826, son fils, le décabriste, écrivait dans une requête: „Ma mère est âgée, paralysée et d'une faible santé; l'incertitude à mon égard peut la conduire au tombeau". Nous n'avons pas réussi à connaître la date exacte de sa naissance et celle de sa mort; nous ne savons non plus où elle est enterrée.

(D'après une miniature appartenant à J. Oboukhoff, à Moscou.)

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ВАДКОВСКІЙ, 1756—1806, сынъ генералъ-аншефа, подполковника Семеновскаго полка Федора Ивановича († 1783 г.), отъ брака съ Ириной Андреевной Воейковой (р. 1717 г., † 28 Ноября 1774 г.), родился 21 Декабря 1756 г.; отецъ Вадковскаго, одинъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ Екатерины II при ея восшествіи на престолъ, былъ близокъ ко двору, а сынъ, почти сверстникъ Великаго Князя Павла Петровича, пользовался съ дѣтскихъ лѣтъ его постояннымъ расположеніемъ. Получивъ дома отличное образованіе, Вадковскій, записанный 8 Декабря 1758 г. солдатомъ въ Семеновскій полкъ и произведенный черезъ 10 лѣтъ въ сержанты, началъ дѣйствительную службу прапорщикомъ 1 Января 1771 г.; въ 1774 г. произведенъ въ поручики, 7 Января 1778 г. въ капитанъ-поручики, а 28 Іюня того же года пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ Сентябрѣ 1781 г. Вадковскій назначенъ былъ состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ во время путешествія его и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны по Европѣ, при чемъ въ Вѣнѣ заслужилъ такой отзывъ Іосифа II: „M. de Vadkowsky est un très joli jeune homme“. 1 Января 1785 г. Вадковскій былъ пожалованъ въ камергеры, а 2 Сентября 1789 г. женился на дочери графа Чернышева, фрейлинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Вступленіе на престолъ Павла I повлекло за собой быстрое возвышеніе Вадковскаго и цѣлый рядъ непріятностей. 21 Ноября 1796 г. уже послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось, что „Е. И. Величество всемилостивѣйше пожаловалъ камергера Вадковскаго въ генералъ-поручики, и дается ему полкъ, составленный изъ 2-хъ баталіоновъ Московскаго гранадерскаго полка, изъ которыхъ одному батальону быть въ гарнизонѣ въ Софіи, другому въ Ораніенбаумѣ, а флигель ротамъ въ Петергофѣ“. Такъ образованъ былъ Павловскій полкъ. Кромѣ того, Вадковскій былъ назначенъ присутствующимъ въ Военной коллегіи и Маріентальскимъ комендантомъ. Годъ спустя (20 Октября 1797 г.), у Вадковскаго Павловскій полкъ былъ отобранъ, а еще черезъ годъ (27 Октября 1798 г.) онъ былъ отставленъ отъ службы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, съ назначеніемъ въ Сенатъ. Конечно, Вадковскій только могъ радоваться и милостивой отставкѣ, и освобожденію отъ военной службы, которая его очень тяготила. „Человѣкъ просвѣщенный и гуманный, Вадковскій съ природнымъ умомъ соединялъ доброе сердце; онъ былъ сибаритъ и дорого цѣнилъ комфортъ, которымъ умѣлъ пользоваться“. По поводу назначенія его шефомъ полка Е. Ѳ. Комаровскій разсказываетъ: „Вадковскаго иначе не видалъ, какъ сидѣвшаго цѣлые дни передъ камиломъ въ вольтеровскихъ креслахъ; онъ былъ камергеромъ при дворѣ, куда никогда не ѣздилъ. Федоръ Федоровичъ самъ не могъ надивиться этой съ нимъ перемѣнѣ и сказалъ мнѣ: „Я долженъ былъ принять то, что мнѣ предложили; я его давно знаю, онъ шутить не любитъ, хотя уже 20 лѣтъ, какъ я военную службу оставилъ“. При дворѣ Вадковскій поневолѣ долженъ былъ вмѣшиваться въ интриги, но онъ поддерживалъ партію Императрицы и былъ сторонникомъ Нелидовой. Изъ всѣхъ современниковъ одинъ графъ Ф. Головкинъ даетъ неблагопріятные отзывы о Вадковскомъ, называя его „aveuglément méchant“: „Parmi les favoris de Monseigneur, le plus médiocre, mais le plus audacieux était M. Vadkowsky, qui, comme tous les sots, s'imaginait trouver un grand intérêt dans le trouble“. Напротивъ, князь И. М. Долгорукій, авторъ „Капища сердца“, посвящаетъ Вадковскому цѣлую страницу теплыхъ о немъ словъ: „Я былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, когда ѣзжалъ ко двору играть съ нимъ на театрѣ Великаго Князя. Онъ меня любилъ, и я къ нему льнулъ преимущественно предъ всѣми прочими шаркателями царскихъ чертоговъ“; онъ былъ „повѣреннымъ“ князя въ его любви и сватовствѣ, „стараніями“ его Долгорукій „достигъ цѣли и пріобрѣлъ лестные знаки вниманія Великаго Князя, на свадьбѣ его онъ былъ шаферомъ у невѣсты князя, Е. С. Смирной, и былъ его „первый гость въ новомъ хозяйствѣ“. „Вадковскій остался и потомъ хорошимъ моимъ пріятелемъ, мы часто видались и въ сообщеніяхъ нашихъ не было ни коварства, ни принужденія. Онъ недолго прожилъ, томился въ мучительномъ недугѣ и слишкомъ рано скончался для всѣхъ, кои способны были разумѣть и цѣнить, несмотря на холодный съ виду характеръ, отличныя его достоинства“.

Ф. Ф. Вадковскій умеръ 27 Августа 1806 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры, принадлежащей Я. Н. Обухову, въ Москвѣ.)

THÉODORE FÉODOROWITCH VADKOWSKY, 1756—1806, fils du général en chef, lieutenant colonel du régiment Sémenowsky, Théodore Ivanowitch († en 1783) et de sa femme Irène Andréewna Voéikoff (née en 1717, † le 28 novembre 1774), naquit le 21 décembre 1756. Son père, l'un des aides les plus actifs de Catherine II lors de son avènement au trône, était très proche de la Cour, et son fils, presque du même âge que le Grand-Duc Paul Pétrowitch, jouit dès l'enfance de sa faveur. Il reçut une excellente éducation à la maison, fut inscrit le 8 décembre 1758 soldat du régiment Sémenowsky, devint dix ans plus tard sergent et commença, en qualité d'enseigne, son service actif le 1er janvier 1771. En 1774, il fut avancé au grade de lieutenant, le 7 janvier 1778, à celui de lieutenant capitaine et, le 28 juin de la même année, il fut nommé gentilhomme de la chambre. En septembre 1781, Vadkowsky fut attaché à la personne du Grand-Duc Paul Pétrowitch pendant le voyage qu'il fit en Europe avec la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, et à Vienne il eut à enregistrer cette remarque de Joseph II: „M. de Vadkowsky est un très joli jeune homme". Le 1er janvier 1785, il fut nommé chambellan et, le 2 septembre 1789, il épousa la fille du comte Tchernycheff, demoiselle d'honneur, Catherine Ivanowna. L'avènement de Paul Ier au trône amena le rapide avancement de Vadkowsky et une masse de désagréments. Le 21 novembre 1796 parut un édit impérial où il était dit: „Sa Majesté a gracieusement daigné nommer le chambellan Vadkowsky lieutenant-général et lui donne un régiment composé de deux bataillons du régiment de grenadiers de Moscou, dont l'un devra prendre garnison à Sophia, l'autre à Oranienbaum et une aile à Péterhof". Ainsi fut formé le régiment Pavlowsky. Vadkowsky fut aussi nommé membre du Collège militaire et commandant de Marienthal. Une année après, le 20 octobre 1797, le régiment Pavlowsky lui fut retiré et, le 27 octobre 1798, il fut éloigné du service avec le grade de conseiller privé actuel et nommé au Sénat. Vadkowsky ne pouvait bien entendu qu'être satisfait de cette retraite honorable et de sa libération du service militaire qui lui était à charge. „C'était un homme instruit et humain qui unissait un esprit naturel à un bon cœur; c'était un sybarite, estimant fort le confort dont il sut profiter". A l'occasion de sa nomination comme chef de régiment, E. F. Komarowsky raconte: „Je n'ai jamais vu Vadkowsky qu'assis dans un fauteuil à la Voltaire devant la cheminée; il était chambellan d'une cour, où il n'allait jamais. Théodore Féodorowitch ne pouvait assez s'étonner de ce changement et me dit: „Je dois accepter ce que l'on me propose; je le connais depuis longtemps, il n'aime pas plaisanter, quoiqu'il y ait vingt ans que j'ai quitté le service militaire". A la Cour, Vadkowsky dut bon gré mal gré se mêler d'intrigue, mais il soutenait le parti de l'Impératrice et était partisan de la Nélidoff. De tous les contemporains, seul le comte F. Golovkine parle défavorablement de lui, l'appelant „aveuglément méchant": „Parmi les favoris de Monseigneur, le plus médiocre, mais le plus audacieux était M. Vadkowsky, qui, comme tous les sots, s'imaginait trouver un grand intérêt dans le trouble". Le prince I. M. Dolgorouky, au contraire, consacre à Vadkowsky dans son „Sanctuaire de mon cœur" toute une page de tendres paroles: „J'étais avec lui dans des rapports amicaux, quand j'allais à la Cour jouer avec lui sur le théâtre du Grand-Duc. Il m'aimait, et je lui étais plus attaché qu'à tous les autres bruyants qui remplissent les appartements impériaux"; il était „le confident" du prince dans ses amours et ses recherches en mariage, et „grâce à ses efforts" Dolgorouky „atteignit son but et reçut des marques flatteuses de la faveur du Grand-Duc, il fut à son mariage garçon d'honneur de sa fiancée E. S. Smirnaïa et devint „le premier hôte dans le nouveau ménage". „Vadkowsky resta encore dans la suite mon bon ami, nous nous voyions souvent, et dans nos relations il n'y avait ni artifice ni contrainte. Il ne vécut pas longtemps, il fut torturé par la maladie et mourut trop tôt pour tous ceux qui étaient capables de comprendre et d'apprécier ses excellentes qualités, malgré un caractère froid d'apparence".

Théodore Féodorowitch Vadkowsky mourut le 27 août 1806 et fut enterré au cimetière Lazareff, à la laure d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature appartenant à J. Oboukhoff, à Moscou.)

127

ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА КРИВЦОВА, 1817—1855, дочь князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго (р. 1778 г., † 1845 г.; см. т. I, № 64) отъ брака съ графиней Варварой Алексѣевной Разумовской (р. 1778 г., † 1864 г.; см. т. I, № 65); была замужемъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Римской миссіи Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ (р. 1806 г., † 12 Августа 1844 г.), которому поручено было наблюденіе за русскими художниками, учившимися въ Римѣ.

Отъ этого брака у ней былъ сынъ Николай († въ умопомѣшательствѣ) и дочь Ольга, въ замужествѣ за Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ.

(Съ портрета Винтергальтера; собственность О. П. Орловой, въ Москвѣ.)

127

ÉLISABETH NIKOLAEWNA KRIVTZOFF, 1817—1855, était la fille du prince Nicolas Grigoriewitch Repnine-Volkonsky (né en 1778, † en 1845; v. T. I, № 64) et de la comtesse Barbe Alexéewna Razoumowsky, sa femme (née en 1778, † en 1864; v. T. I, № 65). Elle épousa le conseiller d'état, chambellan et chargé d'affaires près la légation de Rome, Paul Ivanowitch Krivtzoff (né en 1806, † le 12 août 1844), qui devait surveiller les artistes russes étudiant à Rome.

Elle eut de ce mariage un fils Nicolas (mort fou) et une fille Olga, mariée à Nicolas Mikhaïlowitch Orloff.

(D'après l'original de Winterhalter, appartenant à Mme O. Orloff, Moscou.)

127

ELISABETH NIKOLAEWNA KRIVTZOFF, [illegible], était la fille du prince Nicolas [illegible] [illegible] et de la comtesse [illegible] Alexéewna [illegible] [illegible] Elle épousa le conseiller d'État, chambellan [illegible] [illegible] le 12 août [illegible]

[illegible] mariée à Nicolas [illegible]

[illegible] (C. Orloff, Moscou.)

127

Пис. Винтеральтеръ — Peint par Winterhalter

Елизавета Николаевна Кривцова, 1817 — 1855 — Elisabeth Nikolaewna Krivtzoff, 1817 — 1855

128

Екатерина Федоровна Кривцова, 180 . — 1861 — Catherine Féodorowna Krivtzoff, 180 . — 1861

129

Николай Ивановичъ Кривцовъ, 1791 — 1843 — Nicolas Ivanowitch Krivtzoff, 1791 — 1843

130

Пис. Рокштуль — Peint par Rockstuhl

Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, 1789 — 1858 — Alexandre Dmitriewitch Tchertkoff, 1789 — 1858

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА КРИВЦОВА, 179.—1861, старшая дочь сенатора Федора Федоровича Вадковскаго, отъ брака съ графиней Екатериной Ивановной Чернышевой, получивъ хорошее образованіе въ просвѣщенной семьѣ, пожалованная невѣстой во фрейлины въ 1820 г., вышла замужъ за Николая Ивановича Кривцова, только-что вернувшагося изъ Лондона, въ то время молодого дипломата и англомана, но уже героя, лишившагося лѣвой ноги подъ Кульмомъ.

Кривцова, говоритъ Б. Н. Чичеринъ, была „женщина, соединявшая съ высшимъ изяществомъ формъ тонкій, живой, наблюдательный и нѣсколько насмѣшливый умъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокія чувства; въ молодости она была очаровательной собесѣдницей и всегда была искреннимъ другомъ; тонкая, изящная, съ чуткимъ сердцемъ, съ игривымъ воображеніемъ, съ блестящимъ свѣтскимъ остроуміемъ“; по отзыву декабриста А. Бѣляева: „женщина умная, кроткая и добродѣтельная, она была искренняя и добрая христіанка“. Н. И. Кривцовъ съ желѣзной волей и большой энергіей соединялъ горячій и необузданный характеръ; въ общежитіи онъ былъ тяжелый человѣкъ, особенно принимая во вниманіе его англоманскія причуды и строго размѣренный порядокъ обыденной жизни. Благодаря этимъ особеннымъ свойствамъ характера, Кривцовъ скоро долженъ былъ оставить службу и 37 лѣтъ удалился въ женину деревню Любичи, Тамбовской губ. (на границѣ Саратовской); здѣсь, въ голой степи, на берегу крутого оврага, принялся онъ за постройку барскаго дома со всѣми удобствами англійскаго комфорта, развелъ паркъ, сталъ принимать многочисленныхъ гостей и почитателей... Обиженный, озлобленный въ душѣ, Кривцовъ скрывалъ это и, перефразируя стихи Пушкина, любилъ говорить: „Я долго жилъ и многимъ насладился, ‖ Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство, ‖ Какъ въ Любичи Господь меня привелъ“... Къ тому же онъ считалъ себя „несчастнымъ въ семейной жизни“. Не легко, конечно, жилось Е. Ф. Кривцовой, но Чичеринъ увѣряетъ, что „ея письма въ это время также дышатъ счастьемъ: она наслаждалась природой, ѣздила верхомъ, пѣла, разыгрывала сонаты Бетховена, завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ, носила при себѣ ключи отъ кладовой и выдавала провизію.... Многимъ казалось, что Екатеринѣ Федоровнѣ не легко было жить съ мужемъ, но онъ говорилъ: „Obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander“. Тѣмъ не менѣе, самъ же Чичеринъ признаетъ, что скоро „здоровье Кривцовой пошатнулось, она начала хандрить“; съ 1834 г. пришлось часто ѣздить на зиму въ Петербургъ. Болѣе, кажется, правъ хорошо знавшій Кривцовыхъ Е. И. Сабуровъ, писавшій: „Въ домашнемъ быту онъ не былъ счастливъ; любовь его къ женѣ скоро остыла; онъ съ нею послѣ рожденія единственной дочери жилъ розно; физика его требовала другого, его нѣжность сосредоточилась на Г....“. Дочь свою Софію (р. 19 Августа 1821 г.; за д. тайн. сов. Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ), въ которой Кривцовъ „видѣлъ свой портретъ“, онъ любилъ „выше всего“ и самъ всецѣло занимался ея воспитаніемъ; между тѣмъ „съ женою онъ былъ холоденъ, хотя ея самоотверженіе и даже живое участіе въ его злополучіяхъ заслуживали лучшаго; неизвѣстны тайныя причины или причуды сердца, но дѣло въ томъ, что эта женщина, при всѣхъ своихъ качествахъ, при всей любви своей къ нему, никогда не могла возбудить его участія, хотя и говорятъ, что прежде онъ былъ въ нее влюбленъ страстно.... Неизвѣстно, легкомысліе ли.... или нѣкоторыя заблужденія сердца въ молодости были тому причиной, однакоже, онъ ее никогда не ревновалъ, что приводило ее въ отчаяніе“.

Послѣ двухдневной болѣзни Н. И. Кривцовъ неожиданно скончался 31 Августа 1843 года. По свидѣтельству Чичерина, его вдова была „совершенно убита постигшимъ ее несчастіемъ: ея жизнь слилась съ мужемъ, до такой степени поглащалась имъ, что ничто не могло отвлечь ее отъ прошлаго. Послѣдніе годы она провела почти въ полномъ одиночествѣ, погруженная въ воспоминанія и молитву“.

Е. Ф. Кривцова умерла весной 1861 г., въ С.-Петербургѣ, и похоронена въ с. Любичахъ, въ часовнѣ, рядомъ съ мужемъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей И. А. Обуховой, въ Москвѣ.)

CATHERINE FÉODOROWNA KRIVTZOFF, 179.—1861, fille aînée du sénateur Théodore Féodorowitch Vadkowsky et de la comtesse Catherine Ivanowna Tchernycheff, sa femme, reçut une bonne éducation dans une famille instruite. Nommée demoiselle d'honneur en 1820, elle épousa Nicolas Ivanowitch Krivtzoff, qui revenait de Londres. C'etait alors un jeune diplomate et anglomane, qui avait perdu en héros la jambe gauche à la bataille de Kulm.

Suivant M. B. Tchitchérine, Mme Krivtzoff était „une femme unissant à une forme des plus élégantes un esprit fin, vif, observateur et quelque peu railleur et des sentiments profonds; elle était, dans sa jeunesse, une causeuse enchanteresse et une amie sincère; elle était svelte, élégante, elle avait un cœur sensible, une imagination vive et un bel esprit du monde". „C'est une femme intelligente, douce et vertueuse", écrit le décabriste A. Béliaeff, „c'était une bonne et sincère chrétienne". N. I. Krivtzoff joignait à une volonté de fer et à une grande énergie un caractère ardent et indomptable. La vie en commun avec lui était difficile, si l'on pense à ses fantaisies anglomanes et à l'ordre sévère qui devait régner dans sa vie privée. Grâce surtout à ce côté de son caractère, il dut bientôt quitter le service, et à 37 ans il se retira dans le bien de sa femme, à Lioubitchi, dans le gouvernement de Tamboff (à la frontière du gouv. de Saratoff). Et là, dans une plaine nue, au bord d'un ravin escarpé, il se prit à construire une maison seigneuriale avec tout le confort anglais, il créa un parc et reçut quantité de visites et d'admirateurs... Offensé, souvent furieux, il cachait ses sentiments et aimait à dire, en paraphrasant les vers de Pouchkine: „J'ai longtemps vécu et j'ai joui de beaucoup de choses, mais ce n'est que depuis que le Seigneur m'a conduit à Lioubitchi que j'ai connu la félicité"... Et pourtant il se croyait „malheureux en famille". Mme Krivtzoff n'avait pas la vie facile, mais Tchitchérine affirme que „ses lettres de cette époque respirent le bonheur; elle jouissait de la nature, montait à cheval, chantait, jouait les sonates de Beethoven, menait son ménage, portait sur elle les clefs des entrepôts et distribuait les provisions... Il semblait à plusieurs qu'elle eût beaucoup de peine à vivre avec son mari, qui disait: „Obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander"... Et pourtant Tchitchérine avoue que bientôt „sa santé s'ébranla et qu'elle eut du spleen"; dès 1834, ils durent souvent aller passer l'hiver à St-Pétersbourg. E. I. Sabouroff, qui connaissait bien les Krivtzoff, paraît être plus dans le vrai, quand il dit: „En famille il n'était pas heureux; son amour pour sa femme tiédit bientôt; ils vécurent séparément après la naissance de leur fille unique; son physique exigeait autre chose, et sa tendresse se concentrait sur G.". Il aimait „au-dessus de tout" sa fille Sophie (née le 19 août 1821; mariée au conseiller privé actuel Pompée Nikolaewitch Batiouchkoff); „il voyait en elle son portrait" et s'occupa entièrement de son éducation. „Il était froid avec sa femme, quoique son désintéressement et la vive part qu'elle prenait à ses malheurs méritassent un meilleur sort. Y avait-il à cela des causes secrètes, était-ce un caprice du cœur, on ne le sait; mais une chose est avérée, c'est que cette femme, malgré toutes ses qualités, malgré tout l'amour qu'elle ressentait pour son mari, ne put jamais lui inspirer d'intérêt, quoique, dit-on, il l'eût aimée un jour passionnément... Nul ne sait si c'était de la légèreté, ou quelque erreur du cœur dans sa jeunesse, mais il ne fut jamais jaloux d'elle, ce qui la désespérait".

N. I. Krivtzoff mourut de mort subite le 31 août 1843, après deux jours de maladie. Tchitchérine nous dit que sa veuve „fut complètement brisée par le malheur qui l'atteignait; sa vie s'était confondue avec celle de son mari, il l'absorbait à un tel point que rien ne put la détourner du passé. Elle passa les dernières années de son existence dans une solitude presque complète, plongée dans ses souvenirs et ses prières".

Mme Krivtzoff mourut au printemps de l'année 1861 à St-Pétersbourg et fut enterrée dans la chapelle de Lioubitchi, à côté de son mari.

(D'après une miniature appartenant à Mme N. Oboukhoff, à Moscou.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ, 1791—1843, старшій сынъ Ивана Васильевича Кривцова, Орловскаго помѣщика, отъ брака съ Вѣрой Ивановной Карповой, дѣтство провелъ въ деревнѣ, „безъ серіознаго воспитанія, но при значительномъ баловствѣ“; въ 1807 г. отвезенъ былъ въ Петербургъ родственникомъ своимъ С. Н. Тургеневымъ (отецъ писателя) и опредѣленъ юнкеромъ въ лб.-гв. Егерскій полкъ; въ 1809 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1810 г.—въ подпоручики, въ 1811 г.—въ поручики. Предаваясь со страстью военной службѣ, Кривцовъ старался также пополнить и свое скудное образованіе, въ чемъ ему помогли и его недюжинныя способности, и большой природный умъ. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ, а при Бородинѣ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку и взятъ въ плѣнъ французами. Произведенный въ 1813 г. въ штабсъ-капитаны, Кривцовъ подъ Кульмомъ лишился лѣвой ноги, оторванной ядромъ, при чемъ обнаженная кость причиняла ему постоянныя страданія. Продолженіе военной службы сдѣлалось невозможнымъ, и Кривцовъ, уволенный съ чиномъ подполковника, 5 Апрѣля 1817 г. былъ опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ совѣтникомъ, съ званіемъ камергера; съ 1818 г. по 1821 г. былъ при посольствѣ въ Лондонѣ. „Въ Россію вернулся онъ уже совершенно созрѣвшимъ человѣкомъ, съ довольно ярко либеральнымъ образомъ мыслей“; Кристинъ называлъ его „mon cher Jacobin“, а самъ Кривцовъ, сдѣлавшись неисправимымъ „англоманомъ“, „выше Англіи ничего не зналъ“ и говарилъ: „Все, что мы можемъ придумать лучшаго—это перенять уже сдѣланное въ Англіи“. Женившись въ 1820 г. на богатой невѣстѣ, Екатеринѣ Федоровнѣ Вадковской, Кривцовъ получилъ за ней имѣніе Любичи, въ которомъ потомъ поселился. Живя въ Петербургѣ и Москвѣ, онъ сблизился съ литераторами и поэтами—Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Вяземскимъ и Пушкинымъ, который посвятилъ Кривцову одно изъ своихъ стихотвореній и оставался съ нимъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1823 г. Кривцовъ былъ назначенъ Тульскимъ губернаторомъ, въ 1824 г. переведенъ въ Воронежъ, въ 1825 г.—въ Нижній Новгородъ. Вездѣ онъ считался дѣльнымъ и строгимъ губернаторомъ, переводили его съ цѣлью „поправленія губерніи“, но постоянно поводъ къ переводу подавалъ самъ Кривцовъ. „Характера онъ былъ непреклоннаго, нрава раздражительнаго, бездѣлица выводила его изъ себя“—особенно неправда, взяточничество и неповиновеніе возмущали его: въ Тулѣ онъ высѣкъ почтмейстера, въ Воронежѣ, который всѣмъ хорошимъ обязанъ Кривцову, побилъ палкой совѣтника Кондаурова и обругалъ все присутствіе за „канальство“ и взяточничество, въ Нижнемъ избилъ исправника и наносилъ „безчеловѣчные побои“ ямщикамъ и сельскимъ старостамъ... Въ 1827 г. Кривцовъ былъ уволенъ отъ службы: Комитетъ Министровъ нашелъ „неприличнымъ и вреднымъ оставлять его въ званіи начальника губерніи“, по его „строптивому и запальчивому характеру и крайне предосудительной опрометчивости“. Кромѣ того, ему повредило участіе брата Сергѣя въ дѣлѣ декабристовъ. Кривцовъ неохотно оставилъ службу и тяготился бездѣйствіемъ; поселившись въ Любичахъ, онъ всю свою энергію употребилъ на приведеніе въ блестящій видъ усадьбы и имѣнія и увѣрялъ, что онъ: „Долго жилъ и многимъ насладился, ‖ Но съ той поры лишь вѣдаетъ блаженство, ‖ Какъ въ Любичи Господь его привелъ“. Временами онъ начиналъ сильно скучать и задумываться; будучи вольтерьянцемъ, онъ занимался рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ и постройкой церкви въ духѣ католической архитектуры. Кривцовъ имѣлъ слабость придавать особенное аристократическое происхожденіе своему роду и сочинять разнообразнѣйшіе девизы къ своему гербу, которыми украшалъ даже кіоты въ своей церкви. „Наружность его была величественная, сложеніе атлетическое, грудь высокая, лобъ крутой и высокій, глаза черные, свѣтлые, за золотыми очками; волоса были черные, коротко остриженные; движенія медленны, но ловки, и немногіе примѣчали его деревянную ногу; говорилъ онъ сильно, горячо, краснорѣчиво, писалъ хорошо, но безъ всякихъ прикрасъ; чувствительность если и имѣлъ, то старался подавлять“...

Кривцовъ заболѣлъ лихорадкой 29 Августа 1843 г., а 31 Августа скончался; погребенъ въ часовнѣ, въ с. Любичахъ, и на памятникѣ его, вмѣстѣ съ Адамовой головой и фамильнымъ его гербомъ, написано: „Veritas salusque publica. Николай Ивановичъ Кривцовъ, родился 10 (21) Января 1791 г. Умеръ 31 Августа (12 Сентября) 1843 г. Vixi quem dederat cursum fortunae preci. Nec timeo, nec spero“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Н. А. Обуховой, въ Москвѣ.)

NICOLAS IVANOWITCH KRIVTZOFF, 1791—1843, fils aîné de Jean Vassiliewitch Krivtzoff, propriétaire d'Orel, et de Véra Ivanowna Karpoff, sa femme, passa son enfance au village „sans y recevoir une sérieuse éducation, on le gâtait, au contraire, beaucoup". Il fut amené en 1807 à St-Pétersbourg par son parent, S. N. Tourguéneff (père de l'écrivain), et entra comme sous-officier au régiment des chasseurs de la garde impériale. Enseigne en 1809, sous-lieutenant en 1810 et lieutenant en 1811, il était passionné pour le service militaire. Il chercha aussi à compléter sa petite instruction et il y parvint grâce à ses belles capacités et à son grand esprit naturel. En 1812, il assista au combat de Smolensk, fut blessé au bras gauche à Borodino et fait prisonnier par les Français. Promu capitaine d'état major en 1813, Krivtzoff eut à Kulm la jambe gauche emportée par un boulet, et l'os mis à nu lui causa de continuelles douleurs. Il lui fut impossible de continuer son service, il prit son congé avec le grade de lieutenant-colonel, et, le 5 avril 1817, il entra comme conseiller de collège et chambellan au ministère des affaires étrangères. Il resta à l'ambassade de Londres de 1818 à 1821. „Il revint en Russie, parvenu à la pleine maturité et l'esprit fortement libéral". Christin l'appelait „mon cher jacobin", et Krivtzoff, devenu incorrigible „anglomane", „ne voyait rien au-dessus de l'Angleterre" et disait: „Ce que nous pourrions faire de mieux, ce serait d'imiter ce qui a été fait en Angleterre". Il épousa en 1820 la riche Catherine Féodorowna Vadkowsky, dont il reçut le domaine Lioubitchi, où il s'établit dans la suite. Vivant à St-Pétersbourg et à Moscou, il se rapprocha des écrivains et des poètes Karamzine, Dmitrieff, Viazemsky et Pouchkine, qui lui dédia une de ses poésies et qui resta toujours dans les meilleurs rapports avec lui. Krivtzoff devint gouverneur de Toula en 1823, et il fut transféré en cette qualité d'abord à Voronèje en 1824, puis à Nijni-Novgorod en 1825. Il passait partout pour être un gouverneur actif et sévère; on le transférait dans le but de „mettre de l'ordre dans un gouvernement", mais toujours il donnait lui-même matière à un changement. „Il avait un caractère inflexible, facilement irritable, une bagatelle le faisait sortir des gonds". C'étaient surtout le mensonge, les concussions et l'indiscipline qui l'exaspéraient: il fouetta à Toula le directeur de la poste; à Voronèje, qui lui doit tout ce qu'il y a de bien, il bâtonna le conseiller Kondaouroff et tança vertement la chambre du conseil pour „coquinerie" et concussions; à Nijni-Novgorod, il battit le chef de police du district et porta „des coups inhumains" aux postillons et aux baillis de village... Il reçut son congé en 1827; le Comité des ministres trouva „inconvenant et nuisible de le laisser à la tête d'un gouvernement" à cause de „son caractère têtu, emporté et de sa préjudiciable irréflexion". En outre, la participation de son frère Serge aux événements de décembre lui fut nuisible. Krivtzoff quitta à regret le service, et l'inaction lui était à charge. Il s'installa à Lioubitchi et mit toute son énergie à donner un brillant aspect à sa maison et à son domaine; il disait: „J'ai longtemps vécu et j'ai joui de beaucoup de choses, mais ce n'est que depuis que le Seigneur m'a conduit à Lioubitchi que j'ai connu la félicité". Il s'ennuyait fort de temps à autre et se plongeait alors dans ses réflexions. Partisan de Voltaire, il s'occupait à résoudre des questions religieuses et à construire une église d'architecture catholique. Krivtzoff avait la faiblesse de relever l'origine aristocratique de sa famille et composait différentes devises pour ses armoiries, dont il décorait même les armoires à images de son église. „Il avait l'air majestueux, la constitution athlétique, la poitrine haute, le front dur et élevé, les yeux noirs et lumineux sous des lunettes en or, les cheveux noirs, coupés court; ses mouvements étaient lents, mais adroits, et peu de personnes remarquaient sa jambe de bois; il parlait haut, avec chaleur et éloquence; il écrivait bien, mais sans ornement; s'il avait de la sensibilité, il s'efforçait de l'étouffer"...

Krivtzoff fut atteint de fièvre le 29 août 1843 et mourut le 31. Il fut enterré à Lioubitchi, et son monument porte une tête d'Adam et ses armoiries avec l'inscription suivante: „Veritas salusque publica. Nicolas Ivanowitch Krivtzoff, naquit le 10 (21) janvier 1791 et mourut le 31 août (12 septembre) 1843. Vixi quem doderat cursum fortunae preci. Nec timeo, nec spero".

(D'après la miniature appartenant à Mme N. Oboukhoff, à Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЧЕРТКОВЪ, 1789—1858, тайный совѣтникъ, археологъ и историкъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Васильевича отъ брака съ Евдокіей Степановной Тевяшевой, родился 19 Іюля 1789 г. въ Воронежѣ, гдѣ отецъ его былъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а дѣдъ—генералъ-губернаторомъ; получивъ хорошее домашнее образованіе, 19-и лѣтъ онъ опредѣлился на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ (въ 1809 г.) перешелъ въ военную службу, въ Конную гвардію эстандартъ-юнкеромъ. Произведенный въ корнеты въ 1811 г., онъ принималъ участіе въ войнахъ 1812—1814 гг.; въ 1822 г. Чертковъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника, и 2 года прожилъ за границей—въ Австріи, Швейцаріи и Италіи. Когда началась Турецкая война, онъ поступилъ въ гусарскій эрцгерцога Фердинанда полкъ; по окончаніи кампаніи, выйдя въ отставку, Чертковъ поселился навсегда въ Москвѣ и въ 1835 г. былъ выбранъ Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1844 г. до 1856 г. былъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ.

А. Д. Чертковъ принадлежитъ къ числу немногихъ представителей высшаго свѣта, всецѣло отдавшихся наукѣ. Умственные интересы съ молодыхъ лѣтъ преобладали у него надъ всѣми прочими. Чтеніе книгъ всегда было его любимымъ занятіемъ, начитанность его была обширная и разнообразная. Съ 1813 г. онъ сталъ вести записки, гдѣ отмѣчалъ всѣ прочитанныя книги съ обширными изъ нихъ выписками. Зная съ дѣтства французскій и нѣмецкій языки, онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ изучилъ языки итальянскій и латинскій. Во время путешествія по Италіи онъ съ увлеченіемъ изучалъ ея древности, а въ первые годы жизни въ Москвѣ занялся естественными науками, составилъ минералогическій кабинетъ, собралъ коллекціи бабочекъ и описалъ (на итальянскомъ языкѣ) флору Острогожскаго уѣзда, наконецъ, въ 30-хъ годахъ онъ окончательно избралъ предметомъ изученія русскія и славянскія древности. Имъ напечатано 16 историческихъ сочиненій. Его „Описаніе русскихъ древнихъ монетъ“, первое русское сочиненіе по нумизматикѣ, было удостоено Демидовской преміи, которую Чертковъ пожертвовалъ на изданіе „Остромирова Евангелія“. Однимъ изъ любимыхъ его занятій было разысканіе упоминаній о славянахъ у греческихъ, римскихъ и византійскихъ писателей, при чемъ онъ далеко увлекался за предѣлы исторической достовѣрности, такъ что въ древнихъ этрускахъ и пелазгахъ убѣжденно видѣлъ прародителей славянъ. Въ 1836 г. Чертковъ былъ выбранъ въ вице-президенты Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, а въ 1848 г. въ предсѣдатели этого общества. Ученыя занятія привели Черткова къ собиранію книгъ, и онъ составилъ большую и цѣнную библіотеку, въ основу которой легли книги его дѣда по матери, тоже библіофила. Цѣнность библіотеки заключалась въ томъ, что здѣсь были собраны книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, служащія пособіемъ для изученія Россіи. До образованія въ Императорской Публичной библіотекѣ отдѣла „Rossica“ собраніе Черткова было единственнымъ собраніемъ такого рода. Послѣ смерти Черткова его библіотека была пожертвована его сыномъ Москвѣ (находится теперь въ Историческомъ музеѣ). Чертковъ отличался необыкновенной усидчивостью въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Сосредоточенный и молчаливый, онъ неуклонно слѣдовалъ по избранному пути. При этомъ скромность его была такъ велика, что многіе свѣтскіе знакомые и не подозрѣвали его многосторонней учености. Чертковъ отличался большимъ радушіемъ и всегда готовъ былъ услужить и своими познаніями, и своей книжной сокровищницей. Благодаря правильному образу жизни, умѣлому распредѣленію времени и хорошему здоровью, онъ имѣлъ возможность потрудиться не только на ученомъ поприщѣ, но и на общественномъ и служебномъ.

Чертковъ скончался 10 Ноября 1858 г. и погребенъ въ Москвѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ. Отъ брака съ графиней Елизаветой Григорьевной Чернышевой онъ имѣлъ сына Григорія (р. 1832 г., † 1900 г.) и 3 дочерей: Елизавету, Софію и Александру.

(Съ миніатюры Рокштуля, принадлежащей баронессѣ М. А. Шепинъ, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE DMITRIEWITCH TCHERTKOFF, 1789—1858, conseiller privé, archéologue et historien, fils du conseiller d'état actuel, Dmitri Vassiliewitch, et de sa femme, Eudoxie Stépanowna Téviacheff, naquit le 19 juillet 1789 à Voronèje, où son père était maréchal de la noblesse du gouvernement et son grand-père gouverneur général. Il reçut une bonne instruction chez ses parents et entra à 19 ans au service du Ministère de l'Intérieur, qu'il quitta bientôt (en 1809), pour la carrière militaire. Porte-étendard des gardes à cheval, il fut nommé cornette en 1811, et, en cette qualité, il prit part à la campagne de 1812—1814. En 1822, il prit son congé avec le grade de colonel et vécut deux ans à l'étranger, en Autriche, en Suisse et en Italie. Lorsque commença la campagne de Turquie, il rentra au service, dans le régiment des Hussards de l'archiduc Ferdinand. Après la guerre, il se retira à Moscou. Nous le voyons en 1835 maréchal de la noblesse de district et de 1844 à 1856 maréchal de la noblesse du gouvernement.

Alexandre Dmitriewitch Tchertkoff appartient au petit nombre des représentants de la haute société qui se soient entièrement adonnés à la science. Il s'intéressa, dès ses jeunes années, à toutes les choses de l'esprit, la lecture fut de tout temps son occupation favorite, il avait une lecture vaste et variée. En 1813, il se mit à écrire ses mémoires, où il annotait tous les livres qu'il lisait, en les accompagnant de forts extraits. Il connaissait les langues française et allemande dès sa jeunesse et il apprit dans l'âge mûr l'italien et le latin. Dans ses voyages en Italie, il étudia avec enthousiasme les antiquités et, pendant les premières années de son séjour à Moscou, il s'occupa de sciences naturelles, il ouvrit un cabinet de minéraux, fit une collection de papillons et décrivit en italien la flore du district d'Ostrogojsk. Dès les années 1830, il s'adonna définitivement et entièrement à l'étude des antiquités russes et slaves. Il fit paraître seize œuvres historiques. Sa „description des anciennes monnaies russes" est le premier livre de numismatique russe; il fut jugé digne du prix Démidoff, que M. Tchertkoff employa à éditer „l'Evangile d'Ostromir". Une de ses occupations favorites fut aussi de rechercher si les auteurs grecs, latins et byzantins avaient fait quelque mention des Slaves, et il alla si loin, à l'encontre de toute authenticité historique, qu'il se persuada que les anciens Etrusques et Pélasges étaient les aïeux des Slaves. En 1836, il fut nommé vice-président de la société d'histoire et d'antiquités russes à l'université de Moscou; il en devint président en 1848. Ses études l'amenèrent à collectionner des livres, et il fit une bibliothèque vaste et précieuse, qui avait pour base les livres de son grand-père maternel, connu comme bibliophile. La valeur de sa bibliothèque consistait dans le fait qu'elle contenait tous les livres russes et étrangers pouvant servir à l'étude de la Russie. Cette collection de M. Tchertkoff était la seule dans son genre jusqu'à ce qu'on eût organisé la section „Rossica" à la Bibliothèque Impériale Publique. Après la mort du père, le fils fit présent de la bibliothèque à la ville de Moscou (elle se trouve maintenant au Musée Historique). Tchertkoff se distinguait par une persévérance extraordinaire dans ses études. Concentré en lui-même et silencieux, il suivait, sans broncher, le chemin qu'il s'était tracé. Et pourtant sa modestie était telle que beaucoup de ses connaissances mondaines ne soupçonnaient pas en lui un vrai savant. Sa bienveillance était grande, et il était toujours prêt à vous aider de ses connaissances et de sa bibliothèque; grâce à une vie régulière, à une habile disposition de son temps et à une bonne santé, il eut la possibilité de travailler non seulement à ses études scientifiques, mais aussi de s'adonner à son service et à la carrière publique.

Tchertkoff mourut le 10 novembre 1858 et fut enterré à Moscou, au cimetière de Vagankoff. Il eut de son mariage avec la comtesse Elisabeth Grigoriewna Tchernycheff un fils, Grégoire (1832—1900) et trois filles: Elisabeth, Sophie et Alexandrine.

(D'après une miniature de Rokchtul, appartenant à Mme la baronne M. Chepping, à Moscou.)

131

Принцъ АЛЕКСАНДРЪ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ, 1771 — 1833, сынъ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго и Софіи-Доротеи, принцессы Прусской, родной братъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I, родился 24 Августа 1771 года; сначала служилъ (съ 1794 г.) въ австрійскихъ войскахъ и участвовалъ въ войнѣ съ Французской республикой, а въ 1800 году переселился въ Россію и 7 Мая принятъ былъ въ русскую службу. Въ 1811 г. былъ недолго Бѣлорусскимъ губернаторомъ. Участвовалъ въ войнѣ 1812 г., въ дѣлахъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, при Тарутинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Краснымъ; въ 1813 г. успѣшно осаждалъ Данцигъ, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го кл. и шпагой съ алмазами и надписью „покорителю Данцига“. Съ 1822 г. занялъ мѣсто главноуправляющаго вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, на этой должности исполнилъ рядъ полезныхъ сооруженій, какъ-то: каналы Августовскій и Александра Виртембергскаго, въ С.-Петербургѣ — Троицкій мостъ и цѣпные мосты, учредилъ Кондукторскую школу и Институтъ гражданскихъ инженеровъ, при немъ устроены шоссе между столицами и до Динабурга, и т. д. Въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта въ 1826 году.

Умеръ 22 Іюня 1833 года. Былъ извѣстенъ своей тучностью и носилъ прозваніе принца „Шишки“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

131

Le prince ALEXANDRE de WURTEMBERG, 1771—1833, fils du duc régnant de Wurtemberg et de Sophie-Dorothée, princesse de Prusse, et frère de l'Impératrice Marie Féodorowna, femme de Paul Ier, naquit le 24 août 1771. Il servit d'abord, depuis 1794, à l'armée autrichienne, et fit la guerre avec la République Française, puis passa en 1800 en Russie, où il entra au service le 7 mai. Gouverneur de la Russie Blanche pour peu de temps en 1811, il fit la guerre de 1812, où on le voit à Smolensk, Borodino, Taroutino, Malo-Yaroslavetz, Viazma et Krasnoïé. Le siège victorieux de Dantzig, en 1813, lui valut St-Georges de 2e classe et une épée en diamants avec l'inscription: Au Vainqueur de Dantzig. Directeur général, depuis 1822, des voies de communication et édifices publics, il fit toute une série de constructions utiles, comme les canaux Auguste et Alexandre de Wurtemberg et, à St-Pétersbourg, le Pont Troïtzky et les ponts suspendus, fonda l'Ecole de Conducteurs et l'Institut des Ingénieurs civils, et fit relier les deux capitales par une chaussée, prolongée jusqu'à Dunabourg, etc. Ayant rang de général de cavalerie, il fut fait en 1826 membre du Conseil de l'Empire.

Le prince Alexandre de Wurtemberg mourut le 22 juin 1833. Il était célèbre par son obésité, et connu sous le sobriquet du Prince Chichka (en russe: La Loupe).

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Пис. Г. Дау — Peint par G. Dawe

Принцъ Александръ Виртембергскій, 1771 — 1833 — *Le Prince Alexandre de Wurtemberg, 1771 — 1833*

Пис. Г. Дау — Peint par G. Dawe

Принцъ Евгеній Виртембергскій, 1788 — 1858 — *Le Prince Eugène de Wurtemberg, 1788 — 1858*

Принцъ ЕВГЕНІЙ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ, 1788—1858, родной племянникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, поступилъ на русскую службу при Императорѣ Павлѣ и при кончинѣ его, въ 1801 г., былъ уже генералъ-майоромъ, 13-и лѣтъ отъ роду. Принцъ пользовался особымъ расположеніемъ Павла I, который всячески его ласкалъ. „Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête“, сказалъ Императоръ Государынѣ-теткѣ. Расположеніе къ нему Павла возрастало съ каждымъ днемъ, и, какъ говорятъ, Императоръ объявилъ однажды воспитателю принца, барону Дибичу (отецъ фельдмаршала), что онъ намѣренъ „усыновить“ принца Евгенія и назначить его наслѣдникомъ престола... При Александрѣ I принцъ Евгеній окончилъ свое образованіе, при чемъ обнаружилъ особенную склонность къ военнымъ наукамъ; 18-и лѣтъ онъ находился при генералѣ Бенингсенѣ въ сраженіи подъ Пултускомъ и заслужилъ его одобреніе. Ненавидя Наполеона, принцъ остался на русской службѣ и занимался въ послѣдующіе годы выработкой плана кампаніи противъ французовъ, который близко подходилъ къ методу Барклая, столь успѣшно примѣненному на дѣлѣ. Въ Отечественную войну принцу была поручена 4-я пѣхотная дивизія во 2-мъ корпусѣ Багговута, съ которой онъ умѣло дѣйствовалъ во время отступленія отъ Смоленска, подъ Бородинымъ, а также подъ Тарутинымъ, гдѣ рядомъ съ нимъ былъ убитъ самъ Багговутъ. Въ концѣ кампаніи принцъ Евгеній получилъ 2-й корпусъ, а въ 1813 году особенно отличился подъ Кульмомъ, гдѣ его имя останется въ лѣтописяхъ этой славной битвы рядомъ съ именами Ермолова и графа Остермана-Толстого. На его долю выпала также честь играть важную роль въ центрѣ позиціи въ сраженіи подъ Дрезденомъ и въ кампаніи 1814 года. Знаки орденовъ Александра Невскаго, Владиміра 1-й ст. и Георгія 2-й ст. были наградами за эти дѣла. Въ мирное время принцъ продолжалъ командовать 2-мъ корпусомъ, а въ трудныя минуты 14 Декабря 1825 года находился безотлучно при Императорѣ Николаѣ I и на площади передъ Сенатомъ. Въ кампанію 1828 года принцъ Евгеній командовалъ 7-мъ армейскимъ корпусомъ и принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ подъ Шумлой и Варной. Послѣ этого онъ покинулъ русскую службу, поселился въ своемъ имѣніи, въ Силезіи, и вернулся въ Россію только въ 1839 году на открытіе памятника на полѣ Бородинскаго сраженія. Остальное время жизни своей принцъ Евгеній посвятилъ своей семьѣ и описанію кампаній, въ которыхъ онъ участвовалъ. Его мемуары уже давно изданы и представляютъ большой историческій интересъ.

Принцъ Евгеній былъ женатъ дважды: въ первый разъ—на принцессѣ Вальдекской, умершей въ 1825 г., и вторично — на принцессѣ Гогенлоэ-Лангенбургской; отъ обѣихъ супругъ имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Умеръ 16 Сентября 1858 года.

Отличительной чертой характера принца Евгенія была любовь къ военному дѣлу и умѣнье примѣняться къ русскому солдату и офицеру, чего недоставало другимъ иностранцамъ, наполнявшимъ ряды нашей арміи.

(Съ портрета Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

132

Le prince EUGÈNE de WURTEMBERG, 1788—1858, neveu de l'Impératrice Marie Féodorowna, entra au service russe sous l'Empereur Paul, et, à sa mort, en 1801, était déjà général major, à l'âge de 13 ans. Il jouissait de la faveur particulière de l'Empereur, qui le flattait de toute manière: „Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête", dit-il à l'Impératrice, tante du prince. La faveur de Paul allait croissant de jour en jour, et il déclara, dit-on, un jour au gouverneur du prince, le baron Dibitch (père du feld-maréchal), qu'il voulait l'„adopter" et le proclamer héritier présomptif... Le prince Eugène termina ses études sous Alexandre Ier, et fit preuve d'un goût particulier pour les sciences militaires. A 18 ans, il était à Pultusk sous les ordres de Bennigsen, dont il mérita l'approbation. Avec sa haine de Napoléon, il resta au service russe, et travailla dans la suite à un plan de campagne contre les Français, fort semblable à celui de Barclay de Tolly qui fut mis en pratique avec tant de succès. Lors de la Guerre Patriotique, il eut le commandement de la 4e division d'infanterie du 2e corps de Baggovout et fit à sa tête d'heureuses opérations pendant la retraite de Smolensk et à Borodino, ainsi qu'à Taroutino, où Baggovout lui-même fut tué à ses côtés. A la fin de la campagne, il reçut tout le 2e corps, et, en 1813, se distingua particulièrement à Kulm, où son nom restera lié, dans les annales de cette glorieuse bataille, à ceux d'Ermoloff et du comte Ostermann-Tolstoï. Il eut également l'honneur de jouer un rôle important au centre à Dresde et dans la campagne de 1814. St-Alexandre Newsky, St-Vladimir de 1re classe et St-Georges de 2e classe furent la récompense de ses exploits. A la paix, il conserva le commandement du 2e corps, et, aux minutes difficiles du 14 décembre 1825, se trouva incessamment aux côtés de l'Empereur Nicolas et sur la Place du Sénat. Lors de la campagne de 1828, à la tête du 7e corps de l'Armée, il prit une part active aux combats sous Choumla et Varna. Il quitta ensuite le service russe pour se fixer dans ses propriétés de Silésie, et ne revint en Russie qu'en 1839 pour l'inauguration du monument élevé sur le champ de bataille de Borodino. Il consacra le reste de sa vie à sa famille et à la rédaction de ses souvenirs militaires. Ses Mémoires, parus depuis longtemps, présentent un grand intérêt historique.

Le prince Eugène fut marié deux fois: il épousa en premières noces la princesse de Waldeck, qui mourut en 1825, et en secondes noces la princesse de Hohenlohe-Langenbourg. Il eut de ces deux mariages trois fils et deux filles. Il mourut le 16 septembre 1858.

Le trait distinctif du caractère du prince Eugène de Wurtemberg était son amour du métier militaire et un talent pour s'adapter au soldat et à l'officier russe inconnu aux autres étrangers si nombreux dans les rangs de notre armée.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Князь ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1754 — 1810, сынъ шталмейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Васильевича Гагарина († 1782 г.), женатаго на дочери перваго Петровскаго генералъ-прокурора и любимца, графинѣ Прасковіи Павловнѣ Ягужинской († 1775 г.), служилъ во флотѣ и вышелъ въ отставку въ молодыхъ годахъ капитаномъ 2-го ранга.

Глубоко проникнутый мистицизмомъ, князь Гагаринъ скоро сдѣлался дѣятельнымъ и усерднымъ масономъ въ эпоху образованія въ Россіи „соединенныхъ“ ложъ Елагина и Рейхеля. Здѣсь онъ сошелся со всѣми видными масонами и въ томъ числѣ съ Новиковымъ. Впослѣдствіи Гагаринъ самъ игралъ видную роль въ исторіи русскаго масонства. Между тѣмъ, въ то самое время, когда молодой Гагаринъ всецѣло погрузился въ мистицизмъ, Петербургскіе масоны еще не имѣли высшихъ степеней масонства и горѣли нетерпѣніемъ быть посвященными въ высшія таинства ордена, но встрѣчали непреодолимыя препятствія: Рейхель ссылался на ограниченность своихъ полномочій. Тогда въ Петербургѣ рѣшено было обратиться въ Швецію, масонство которой „славилось древностью и чистотою правилъ“. Въ Сентябрѣ 1776 г., послѣ бракосочетанія Великаго Князя Павла Петровича, былъ отправленъ въ Стокгольмъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ для сообщенія королю объ этомъ событіи; вмѣстѣ съ Куракинымъ ѣхалъ и Гагаринъ. Русскіе масоны дали первому полномочія вступить въ сношенія съ главной Стокгольмской ложей, при чемъ просили посвятить его въ высшія степени. Шведскіе масоны посвятили Куракина и Гагарина въ высшія степени ордена, при чемъ князь Куракинъ сдѣланъ гросмейстеромъ русской провинціальной ложи и подписалъ обязательство, что какъ она, такъ и всѣ подвѣдомственныя ложи поступали навсегда въ зависимость отъ главнаго шведскаго капитула. Прибывъ въ Петербургъ въ 1777 г., Куракинъ предъявилъ всѣ полученныя имъ полномочія и затѣмъ сдалъ должность гросмейстера князю И. С. Гагарину, который, въ фіолетовой лентѣ черезъ плечо, открылъ главную Петербургскую ложу по шведской системѣ. Большая часть ложъ признала подчиненіе этой ложѣ, такъ что Гагаринъ сдѣлался главой русскаго масонства, но зато онъ долженъ былъ разойтись съ прежними единомышленниками — Елагинымъ, Рейхелемъ и другими. Позднѣе онъ сблизился съ профессоромъ Московскаго университета Шварцемъ, масономъ, розенкрейцеромъ, памятнымъ не только въ дѣлѣ развитія русскаго мистицизма, но и въ исторіи просвѣщенія въ Россіи. Шварцъ даже своимъ появленіемъ въ Россіи обязанъ былъ князю Гагарину. „Однажды“, говоритъ Новиковъ, „пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался всю жизнь до самой смерти неразлученъ“; „нѣмчикъ“ этотъ былъ Шварцъ, родомъ изъ Трансильваніи. Въ 1776 г. князь И. С. Гагаринъ за границей познакомился съ Шварцемъ и пригласилъ его занять мѣсто воспитателя при дѣтяхъ своего друга А. М. Рахманова, въ Могилевѣ. Принятый чрезъ В. И. Майкова въ Московскую масонскую ложу, Шварцъ основалъ свою ложу въ Могилевѣ, гдѣ и былъ „мастеромъ стула“. Въ 1779 г. Шварцъ сдѣлался профессоромъ Московскаго университета, а въ 1781 г. имъ основано было „Дружеское ученое общество“, имѣвшее просвѣтительныя цѣли, и князь И. С. Гагаринъ вошелъ въ число его членовъ. Около этого же времени онъ учредилъ свою собственную ложу „Сфинксъ“ и въ 1783 г. рѣшилъ, вмѣстѣ съ княземъ Н. Н. Трубецкимъ, П. А. Татищевымъ и Новиковымъ, прекратить сношенія съ Швеціей: Московскіе масоны получили право считаться независимыми. Ложа князя Гагарина признана была четвертой ложей-матерью (вмѣстѣ съ ложами „Латоны“, „Озириса“ и „Трехъ знаменъ“), „подъ которою“ было нѣсколько младшихъ ложъ.

Князь И. С. Гагаринъ былъ московскій старожилъ, имѣлъ здѣсь обширныя родственныя связи и большое значеніе, вращаясь въ художественныхъ и ученыхъ кругахъ. Старшая дочь его, отъ брака съ княжной Маріей Алексѣевной Волконской, Наталія, вышла замужъ за художника итальянца коллежскаго совѣтника Николая (Сальватора) Ивановича Тончи (р. 1756 г., † 1844 г.), которымъ и написанъ прилагаемый здѣсь портретъ его тестя.

Князь И. С. Гагаринъ умеръ въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; на памятникѣ его написано: „Родился 14 Января 1754 г., скончался 20 Января 1810 г., 56 лѣтъ 5 дней, оставивъ семерыхъ дѣтей“. Рядомъ могила его жены, княгини Маріи Алексѣевны: „Родилась 17 Марта 1753 г.; скончалась 17 Декабря 1804 г., 51 года 9 мѣсяцевъ, въ замужествѣ была 29 лѣтъ“.

(Съ портрета С. Тончи; собственность С. С. Бутурлина, въ Москвѣ.)

Le prince IVAN SERGUÉEWITCH GAGARINE, 1754—1810, fils du prince Serge Vassiliewitch Gagarine († 1782), écuyer, conseiller privé actuel, et de la fille du premier procureur général et favori de Pierre-le-Grand, la comtesse Prascovie Pavlowna Yagoujinsky († 1775), servit dans la marine et prit sa retraite tout jeune comme capitaine de second rang.

Profondément imbu de mysticisme, le prince Gagarine devint bientôt maçon actif et zélé à l'époque de la formation en Russie des loges „réunies" d'Elaguine et de Reichel. Là, il se lia avec tous les maçons en vue, entre autres Novikoff. Lui-même joua dans la suite un rôle marquant dans l'histoire de la franc-maçonnerie russe. Cependant, à l'époque même où le jeune Gagarine était ainsi plongé à corps perdu dans le mysticisme, les maçons de Pétersbourg n'étaient pas encore parvenus aux grades supérieurs, et, brûlant d'être initiés aux mystères suprêmes, se heurtaient à d'invincibles obstacles: Reichel arguait de l'insuffisance de ses pouvoirs. On décida alors à Pétersbourg de s'adresser en Suède, où la maçonnerie „était réputée pour l'ancienneté et la pureté de ses règles". En septembre 1776, après le mariage du Grand-Duc Paul Pétrowitch, le prince Alexandre Kourakine fut envoyé à Stockholm, pour en porter la nouvelle au roi; avec lui partit aussi Gagarine. Les maçons russes avaient donné à Kourakine les pouvoirs nécessaires pour se mettre en relations avec la loge principale de Stockholm et se faire initier aux grades supérieurs: l'initiation fut accordée aux deux envoyés, et Kourakine, fait grand maître de la loge provinciale russe, dut signer, tant pour cette loge que pour toutes les autres, une reconnaissance de leur dépendance perpétuelle du chapitre central suédois. A son retour à Pétersbourg l'année suivante, il présenta tous ses pouvoirs et remit la fonction de grand maître au prince Gagarine, qui, le cordon violet en sautoir, ouvrit la loge centrale de Pétersbourg selon le rit suédois. La plupart des autres loges reconnurent la suprématie de celle-là, de sorte que Gagarine devint le chef de la maçonnerie russe; mais aussi il dut rompre avec ses anciens frères, Elaguine, Reichel et autres. Il se lia dans la suite avec le professeur de l'université de Moscou Schwartz, franc-maçon et rose-croix, connu non seulement dans l'histoire du développement du mysticisme russe, mais aussi dans celle de l'instruction en Russie. Schwartz dut même son entrée en Russie au prince Gagarine: „Un jour", dit Novikoff, „je vois arriver un petit allemand, dont je devins, après un bout de conversation, inséparable toute ma vie jusqu'à la mort". Le „petit allemand" était Schwartz, natif de Transylvanie. En 1776, le prince Gagarine fit aussi sa connaissance à l'étranger, et le fit venir comme précepteur des enfants de son ami Rakhmanoff, à Mohileff. Présenté par Maïkoff à la loge de Moscou, Schwartz fonda à Mohileff une loge à lui. Il devint en 1779 professeur à l'université de Moscou, et créa deux ans après une Société Amicale Scientifique, pour la propagation de l'instruction, dont le prince Gagarine fut membre. C'est vers cette même époque qu'il fonda sa loge le Sphinx; puis il décida en 1783, avec le prince Troubetzkoï, Tatichtcheff et Novikoff, de rompre avec la Suède: les maçons de Moscou reçurent leur indépendance. La loge du prince Gagarine fut déclarée, après les loges Latone, Osiris et Les Trois Etendards, quatrième loge-mère, avec un certain nombre de petites loges „sous elle".

Le prince Gagarine était un vieux moscovite: il avait à Moscou des relations de famille très étendues et était d'une importance considérable, dans les milieux artistiques et scientifiques où il fréquentait. La fille aînée de son mariage avec la princesse Marie Alexéewna Wolkonsky, Natalie, épousa le peintre italien Salvator Tonci (1756—1844), auteur du portrait ci-joint.

Le prince Gagarine mourut à Moscou et fut inhumé au monastère Novodévitchi. On lit sur son tombeau: „Né le 14 janvier 1754, décédé le 20 janvier 1810 à l'âge de 56 ans 5 jours, laissant sept enfants", et sur celui de sa femme, qui est contigu: „Née le 17 mars 1753, décédée le 17 décembre 1804 à l'âge de 51 ans 9 mois, après 29 ans de mariage".

(D'après un original de Tonci, appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

Le prince IVAN SERGUÉEWITCH GAGARINE (1754—1810), fils du prince Serge Vassiliewitch Gagarine († 1782 [illegible]) [illegible] et de la fille du premier procureur général [illegible] de Pierre-le-Grand, la [illegible] Prascovie Pavlovna Yagoujensky († 1775), servit dans la marine et [illegible] retraite [illegible] comme capitaine de second rang.

Profondément imbu de mysticisme, le prince Gagarine devint [illegible] maçon actif et zélé à l'époque de la formation en Russie des loges „réunies" d'Elaguine et de Reichel. [illegible] avec tous les [illegible] une autre [illegible] Novikoff. Lui-même joua dans la suite un rôle [illegible] dans l'histoire de la franc-maçonnerie russe. Cependant, à l'époque même où le prince Gagarine était ainsi plongé à corps perdu dans la [illegible], les maçons de Pétersbourg n'étaient pas encore parvenus aux grades supérieurs, et, brûlant d'être initiés aux mystères suprêmes, se heurtaient à d'invincibles obstacles. Reichel [illegible] de l'insuffisance de ses pouvoirs. On décida alors à Pétersbourg de s'adresser en Suède, où la maçonnerie „était réputée pour l'[illegible] et la pureté de ses règles". En septembre 1776, après le mariage du Grand-Duc Paul Pétrovitch, le prince Alexandre Kourakine fut envoyé à Stockholm, pour en porter la nouvelle au roi, avec [illegible] aussi Gagarine. Les maçons russes avaient donné à Kourakine les pouvoirs nécessaires pour [illegible] relations avec la loge principale de Stockholm et se faire initier aux grades supérieurs. L'initiation fut accordée aux deux envoyés, et Kourakine fut nommé maître de la loge provinciale russe, [illegible] tant pour [illegible] loge que pour toutes les autres, une reconnaissance de leur dépendance [illegible] du chapitre central [illegible]. À son retour à Pétersbourg l'année suivante, il présenta tous ses pouvoirs et remit la fonction de grand [illegible] au prince Gagarine, qui [illegible] ouvrit la loge centrale de Pétersbourg selon le [illegible] suédois. La plupart des autres loges reconnurent la suprématie de celle-là, de sorte que Gagarine [illegible] chef de la maçonnerie [illegible] avec ses anciens frères, Elaguine, Reichel et [illegible]. Il se lia dans la suite avec [illegible] de Moscou [illegible] son [illegible] dans l'histoire du développement [illegible] dans celle de l'instruction [illegible] Russie. Schwartz [illegible] „Un jour", dit Novikoff, „je vis [illegible] un petit Allemand, dont je devins, après en avoir fait la connaissance, inséparable toute ma vie [illegible]. Le „petit Allemand" [illegible] Schwartz, natif de Transylvanie. En 1776, le prince Gagarine [illegible] à l'étranger [illegible] comme précepteur des enfants de son ami [illegible] par Novikoff à la loge de [illegible]. Il devint en 1779 [illegible] à l'Université de Moscou [illegible] scientifique, [illegible] propagation de [illegible] même époque [illegible] sa loge [illegible] avec le prince [illegible] et Novikoff, [illegible] avec la Suède [illegible] indépendance. La loge du prince Gagarine fut [illegible] avec les loges [illegible] Trois Étendards, [illegible] loge-mère, avec un certain [illegible] de petites loges „sous elle".

Le prince Gagarine était un [illegible] moscovite: il avait à Moscou des relations de famille très [illegible] et [illegible] d'une importance considérable, dans les milieux artistiques et scientifiques qu'il fréquentait. [illegible] aînée de son mariage avec la princesse Marie Alexéevna Wolkonsky, Natalie, épousa le peintre italien [illegible] Tonci (1756—1844), auteur du portrait ci-joint.

Le prince Gagarine mourut à Moscou et fut inhumé au cimetière [illegible]. On lit sur son tombeau: „Né le [illegible] 1754, décédé le 20 janvier 1810 à l'âge de 56 ans [illegible] laissant sept enfants", et sur celui de sa femme, qui est contigu: „Née le 17 mars 1755, décédée le [illegible] décembre [illegible] à l'âge de [illegible] après 29 ans de mariage".

(Pastel [illegible] original de Tonci, appartenant à S. [illegible], Moscou.)

Пис. Тончи. Peint par Tonci

Князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ,
1752 — 1810

Le Prince Ivan Sergiéewitch Gagarine,
1752 — 1810

Пис. К. Брюлловъ Peint par Ch. Brulloff

Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ,
1782 — 1837

Le Prince Grégoire Ivanowitch Gagarine,
1782 — 1837

Князь **ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ГАГАРИНЪ**, 1782—1837, сынъ князя Ивана Сергѣевича Гагарина отъ брака съ княжной Маріей Алексѣевной Волконской, родился 17 Марта 1782 г.; въ Іюнѣ 1797 г. князь Г. И. Гагаринъ поступилъ на службу юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году, въ качествѣ переводчика, служилъ въ Московскомъ ея Архивѣ; съ 1802 г. начинается его служба на дипломатическомъ поприщѣ въ чужихъ краяхъ. Назначенный въ этомъ году состоять при нашей миссіи въ Вѣнѣ, онъ черезъ три года переводится въ Константинополь; въ 1806 г. князь Гагаринъ находился при Бенигсенѣ, при чемъ въ слѣдующемъ году получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1807 г., во время переговоровъ въ Тильзитѣ, состоялъ при князѣ Я. И. Лобановѣ-Ростовскомъ; въ Октябрѣ того же года онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Въ Апрѣлѣ 1809 г. князь Гагаринъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и вскорѣ переведенъ въ Петербургъ, въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, откуда въ Октябрѣ 1810 г. вышелъ, чтобы поступить въ Министерство Финансовъ. Произведенный въ Январѣ 1811 г. въ статскіе совѣтники, 26 Октября того же года Гагаринъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Законовъ. Отечественная война вызвала князя Г. И. Гагарина на крупную жертву: онъ сформировалъ въ 1812 г. на свой счетъ полкъ, въ воздаяніе чего ему повелѣно было именоваться шефомъ своего полка. Обратившій на себя особенное вниманіе знаменитой Маріи Антоновны Нарышкиной, князь Гагаринъ, вскорѣ послѣ рожденія ею сына Эммануила, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ Январѣ 1816 г. оставилъ службу и „для поправленія здоровья“, отправился за границу, гдѣ жилъ въ Италіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи. Въ 1822 г. онъ снова вернулся на дипломатическое поприще, будучи въ Апрѣлѣ этого года назначенъ совѣтникомъ посольства въ Римѣ, гдѣ по смерти А. Я. Италинскаго, въ Іюлѣ 1827 г., занялъ постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, который оставилъ лишь въ Апрѣлѣ 1832 г., будучи переведенъ на тотъ же постъ при Баварскомъ дворѣ. Князь Гагаринъ скончался 12 (24) Февраля 1837 года.

Товарищъ Жуковскаго и А. И. Тургенева по Московскому университетскому пансіону, князь Гагаринъ былъ большимъ любителемъ литературы и въ молодости самъ выступалъ, какъ писатель, и прозой и стихами; такъ, въ концѣ 1790-хъ гг. онъ участвовалъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ и „Утренней Зарѣ“, перевелъ вмѣстѣ съ П. Лихачевымъ книжку Блера „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письма“, а въ 1811 году напечаталъ въ С.-Петербургѣ свои „Эротическія стихотворенія“. Онъ находился въ пріятельскихъ и дружескихъ отношеніяхъ со многими выдающимися писателями своего времени, состоялъ почетнымъ членомъ Арзамаса и, находясь долгое время за границей, не порывалъ, однако, сношеній съ прежними друзьями; между прочимъ, А. И. Тургеневъ восхищался его письмами и находилъ, что они „умны и отъ сердца“. Кромѣ того, Гагаринъ былъ большимъ любителемъ искусствъ, театра и въ особенности живописи, и къ міру художниковъ относился всегда въ высшей степени благожелательно. Такъ, въ Парижѣ онъ особенно старался поддержать Уткина, въ Римѣ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ колоніей русскихъ молодыхъ художниковъ, которыхъ Академія Художествъ посылала въ Италію для усовершенствованія; между прочимъ, съ 1827 г. онъ состоялъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ.

Князь Г. И. Гагаринъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Соймоновой, сестрѣ знаменитой Софіи Петровны Свѣчиной.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность княгини М. А. Львовой, въ Москвѣ.)

134

Le prince GRÉGOIRE IVANOWITCH GAGARINE, 1782—1837, fils du prince Ivan Serguéewitch Gagarine et de Marie Alexéewna, née princesse Wolkonsky, naquit le 17 mars 1782. Entré au service en juin 1797 au Collège des Affaires étrangères, il passa l'année suivante à Moscou, aux Archives des Affaires étrangères. En 1802 commence sa carrière diplomatique à l'étranger: attaché cette même année à notre mission de Vienne, il alla trois ans après à Constantinople. Il passa 1806 près de Bennigsen, ce qui lui valut l'année suivante St-Vladimir de 4e classe. En 1807, il fut, lors des négociations de Tilsitt, attaché au prince J. Lobanoff-Rostowsky, puis, en octobre, nommé secrétaire d'ambassade à Paris. Chambellan actuel en avril 1809, il revint bientôt à Pétersbourg, au Collège des Affaires étrangères, d'où il passa en octobre 1810 au ministère des finances. Conseiller d'état en janvier 1811, il fut nommé le 26 octobre suivant secrétaire d'état du Conseil de l'Empire au Département des Lois. La Guerre Patriotique lui suggéra un gros sacrifice: en 1812, il équipa un régiment à ses frais, et se vit en récompense conférer le titre de chef de son régiment. Il fut l'objet de l'attention particulière de la fameuse Marie Antonowna Narychkine; dès qu'elle eut mis au monde son fils Emmanuel, il quitta le service conseiller d'état actuel en janvier 1816 et se rendit à l'étranger „pour raisons de santé", en Italie, en France, en Suisse et en Allemagne. Il rentra en avril 1822 dans la carrière diplomatique, comme conseiller d'ambassade à Rome, et y reçut à la mort d'Italinsky, en juillet 1827, le poste d'envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire, qu'il ne quitta qu'en avril 1832 pour passer à la cour de Bavière avec les mêmes fonctions. Il mourut le 12/24 février 1837.

Camarade de Joukowsky et de A. Tourguéneff à la pension de l'université de Moscou, le prince Gagarine était grand amateur de littérature, et, dans sa jeunesse, s'essaya lui-même comme écrivain en prose et en vers; c'est ainsi qu'à la fin des années 90, il écrivit au Passe-Temps utile et agréable et à l'Aurore, traduisit avec P. Likhatcheff l'ouvrage de Blaire De l'origine et de l'accroissement successif de la langue et de la découverte de l'écriture, puis publia en 1811 à Pétersbourg ses Poésies Erotiques. Il était en bonnes et amicales relations avec nombre d'éminents écrivains de son temps, et membre honoraire de l'Arzamas. Son long séjour à l'étranger ne l'empêcha pas de rester en contact avec ses amis: A. Tourguéneff, entre autres, était enthousiasmé de ses lettres, qu'il trouvait „pleines d'esprit et de cœur". Gagarine était en outre grand amateur de beaux-arts, de théâtre et surtout de peinture. Toujours dans les meilleures dispositions à l'égard du monde des artistes, à Paris, il ne ménagea pas son appui à Outkine, et entretint à Rome les relations les plus chaleureuses avec la colonie russe des jeunes artistes que l'Académie des Beaux-Arts envoyait se perfectionner en Italie. Il fut même, à partir de 1827, membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts.

Le prince Gagarine épousa Catherine Pétrowna Soïmonoff, sœur de la célèbre Sophie Svétchine.

(D'après l'original de Ch. Brulloff, appartenant à la princesse M. Lvoff, Moscou.)

МИХАИЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, 174. — 179., сынъ Алексѣя Михайловича Пушкина отъ брака его съ Маріей Михайловною Салтыковой (р. 1710 г., † 1785 г.), родился въ 1740-хъ гг.; въ 1759 г. былъ воспитанникомъ Благородной гимназіи Московскаго университета, а затѣмъ служилъ въ Преображенскомъ полку и въ 1761 г. былъ произведенъ въ офицеры. Когда, 28 Іюня 1762 г., Екатерина двинулась „походомъ“ изъ Петербурга въ Петергофъ и пожелала надѣть гвардейскую форму, для чего взяла мундиръ капитана Талызина, княгиня Дашкова надѣла на себя мундиръ Пушкина; мужъ княгини былъ сослуживцемъ Пушкина по полку, и между молодыми людьми „установились частыя и фамильярныя отношенія, которыя можно было принять и за дружбу“. По словамъ Дашковой, Пушкинъ „былъ очень уменъ и, благодаря своему тонкому уму и остроумной бесѣдѣ, пользовался большимъ успѣхомъ среди молодежи“, но при этомъ дѣла его были запутаны, такъ какъ отецъ его не могъ ему ничего давать (онъ былъ подъ судомъ за лихоимство въ бытность Воронежскимъ губернаторомъ), а жалованье было невелико; князь Дашковъ „великодушно выручалъ изъ денежныхъ затрудненій какъ его, такъ и его брата“. Супруги Дашковы старались опредѣлить Пушкина, въ качествѣ „кавалера“, къ Цесаревичу Павлу, но Императрица наотрѣзъ отказала, такъ какъ Пушкинъ попалъ въ какую-то „скандальную исторію“. Вскорѣ, однако, благодаря покровительству Г. Г. Орлова, онъ изъ подпоручиковъ Преображенскаго полка былъ опредѣленъ прокуроромъ въ Коммерцъ-Коллегію и, пожалованный 9 Октября 1763 г. въ коллежскіе совѣтники, въ томъ же году (8 Декабря) былъ назначенъ въ „Комиссію для разсмотрѣнія коммерціи Россійскаго государства“. Въ 1765 — 1772 гг. онъ былъ членомъ Мануфактуръ-Коллегіи въ Москвѣ и „за-опекуна“ въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ. Въ Москвѣ онъ и женился, въ 1770 г., на княжнѣ Натальѣ Абрамовнѣ Волконской; во время чумы 1771 года былъ частнымъ смотрителемъ 2-й части города. Послѣ прекращенія повѣтрія, кураторъ Московскаго университета И. И. Мелиссино, въ компаніи съ Пушкинымъ, его братомъ Сергѣемъ и Ѳ. И. Сукинымъ, намѣренъ былъ взять въ свое содержаніе Московскій театръ, но 1772 г. положилъ конецъ благополучію Пушкина: въ Ригѣ былъ схваченъ его братъ Сергѣй, отставной капитанъ и „извѣстный плутъ“, возвращавшійся изъ-за границы, куда онъ проѣхалъ въ Іюлѣ 1771 г. будто бы съ цѣлью лѣчиться минеральными водами, — и у него были найдены приборы для дѣланія ассигнацій. По приказанію Императрицы, былъ арестованъ и Михаилъ Пушкинъ, по подозрѣнію въ соучастіи; Екатерина рѣшила, „въ примѣръ другимъ благороднымъ бездѣльникамъ“, строго наказать обоихъ братьевъ. 25 Октября 1772 г. былъ подписанъ Сенатскій указъ, въ коемъ „сообщалось во всенародное извѣстіе, что Пушкины уличены (и сами повинились) въ воровскомъ умыслѣ къ поддѣлыванію, подъ Государственныя банковыя, подложныхъ ассигнацій“, что Сенатъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, но что Императрица смягчила наказаніе виновнымъ; изъ нихъ Михаилъ, какъ человѣкъ, „презрѣвшій общую къ себѣ довѣренность по знатности своего чина и мѣста“, послѣ возведенія на эшафотъ и преломленія надъ нимъ шпаги (5 Октября), былъ лишенъ чиновъ и дворянства и приговоренъ къ ссылкѣ въ дальнія Сибирскія мѣста; Сергѣй же былъ присужденъ къ вѣчному заточенію; при этомъ повелѣвалось называть обоихъ братьевъ „бывшими Пушкиными“, а имѣніе ихъ отдать родственникамъ. Мѣстомъ ссылки для Михаила Пушкина Юстицъ-Коллегія назначила Енисейскъ, но потомъ онъ жилъ въ Тобольскѣ, гдѣ и провелъ остатокъ своихъ дней, до самой смерти числясь „Тобольскимъ мѣщаниномъ“. Годъ смерти его неизвѣстенъ, но въ 1791 г. Радищевъ, проѣзжая черезъ Тобольскъ, видѣлъ его здѣсь („Пушкинъ ставитъ свѣчку“ — отмѣчено въ его дневникѣ); кромѣ того, онъ сотрудничалъ (анонимно) въ журналѣ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“, издававшемся въ 1789—1791 гг. въ Тобольскѣ (при ближайшемъ участіи сосланнаго туда, также по обвиненію въ поддѣлкѣ ассигнацій, Панкратія Платоновича Сумарокова). Напечатанное тутъ „Посланіе М. А. бывшаго П—на“ (написано 25 Января 1789 г.), по мнѣнію Николева, показывало „рѣдкія дарованія сего несчастнаго человѣка“, а по словамъ П. А. Радищева-сына, Пушкинъ былъ „человѣкъ остроумный, свѣтскій и съ познаніями“.

(Съ миніатюры, принадлежащей С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

MICHEL ALEXEEWITCH POUCHKINE, 174.—179., fils d'Alexis Mikhaïlowitch Pouchkine et de Marie Mikhaïlowna, née Saltykoff (1710—1785), naquit dans les années 40. En 1759, il fut élève du gymnase de l'université de Moscou, puis prit du service au régiment Préobragensky et fut promu officier en 1761. Lorsque, le 28 juin 1762, Catherine fit sa „campagne" de Pétersbourg à Péterhof et voulut revêtir un uniforme de la Garde, elle prit celui du capitaine Talyzine, et la princesse Dachkoff celui de Pouchkine, camarade de régiment de son mari et „lié avec lui de relations assidues et familières, qu'on pouvait bien prendre pour de l'amitié". Pouchkine, dit la princesse, „était un homme de grand sens, à qui son esprit délié et sa conversation spirituelle valaient beaucoup de succès près de la jeunesse"; malheureusement il avait des embarras d'argent, car son père, traîné en justice pour concussion étant gouverneur de Voronèje, ne pouvait rien lui donner, et son traitement était modeste: le prince Dachkoff „le tira généreusement d'affaire, lui et son frère". Les Dachkoff tâchèrent de le faire placer chevalier près du Césarewitch Paul, mais l'Impératrice refusa net, en raison d'une „histoire scandaleuse" à laquelle il avait été mêlé. Bientôt pourtant, grâce à la protection de G. Orloff, il devint de sous-lieutenant au régiment Préobragensky procureur au Collège de Commerce, et, fait conseiller de collège le 9 octobre 1763, fut nommé le 8 décembre suivant à la Commission d'examen du Commerce de l'Empire Russe. De 1765 à 1772, il fut à Moscou, membre du Collège des Manufactures et faisant fonctions de curateur aux Enfants-Trouvés. Il y épousa en 1770 la princesse Natalie Abramowna Wolkonsky. Lors de la peste de 1771, il fut commissaire de surveillance de la seconde section de la ville. L'épidémie passée, le curateur de l'université de Moscou, Melissino, voulait s'associer avec Pouchkine, son frère Serge et Th. Soukine pour prendre la gérance du Théâtre de Moscou, mais l'année 1772 marque le terme de la prospérité de Pouchkine: appréhendé à Riga au retour de l'étranger, où il était allé en juillet 1771 soi-disant prendre les eaux, Serge Pouchkine, capitaine retraité et „gredin fieffé", fut trouvé porteur d'un attirail pour la contrefaçon des assignats. L'Impératrice fit également arrêter son frère Michel, soupçonné de complicité, et décida, „pour faire un exemple aux autres vauriens de bonne famille", de punir sévèrement les deux frères. Le 25 octobre 1772, un oukaze du Sénat portait à la connaissance générale que les Pouchkine étaient convaincus (et avaient fait des aveux) de tentative frauduleuse de fabrication de faux assignats en contrefaçon de ceux de la Banque de l'Etat, que le Sénat les condamnait à la peine de mort, mais l'Impératrice leur faisait grâce de la vie. Michel, en raison de „l'affront fait à la confiance générale par la distinction de son rang et de sa position", fut exposé sur un échafaud et eut son épée brisée au-dessus de sa tête (5 octobre), puis dépouillé de son rang et de sa noblesse et condamné à la déportation dans les régions éloignées de la Sibérie; pour Serge, ce fut la réclusion à perpétuité: les deux frères recevaient en outre pour l'avenir l'appellation de „ci-devant Pouchkine" et leurs biens passaient à leur famille. La résidence de Michel Pouchkine fut fixée par le Collège de Justice à Yénisséisk, mais il alla ensuite à Tobolsk, où il resta jusqu'à la fin de ses jours, avec la qualification de „bourgeois de Tobolsk". La date de sa mort est inconnue, mais Radichtcheff, à son passage à Tobolsk en 1791, l'y vit et note dans son Journal: „Pouchkine met un cierge"; il fit aussi des articles (anonymes) dans la revue L'Irtych transformé en Hippocrène, publiée à Tobolsk en 1789—1791 avec la collaboration active d'un autre déporté, également faux-monnayeur, Pancrace Soumarokoff. L'Epître de M. ci-devant P—ne, parue dans le № du 25 janvier 1789, révèle, au témoignage de Nikoleff, „un talent peu commun chez cet infortuné"; selon P. Radichtcheff fils, c'était „un homme spirituel mondain et éclairé".

(D'après une miniature appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

135

Михаилъ Алексѣевичъ *Michel Alexéewitch*
Пушкинъ, *Pouchkine,*
174. — 179. *174. — 179.*

136

Наталья Абрамовна *Natalie Abramowna*
Пушкина, *Pouchkine,*
1746 — 1819 *1746 — 1819*

137

Варвара Алексѣевна *Varvara Alexéewna*
Нарышкина, *Narychkine,*
1760 — 1827 *1760 — 1827*

138

Княгиня Марія Алексѣевна *La Princesse Marie Alexéewna*
Гагарина, *Gagarine,*
1753 — 1804 *1753 — 1804*

НАТАЛЬЯ АБРАМОВНА ПУШКИНА, 1746—1819, дочь майора князя Абрама Михайловича Волконскаго (р. 1710 г., † 1760 г.) отъ брака съ Евдокіей Михайловной Самариной (р. 1715 г., † 1774 г.; во 2 бракѣ за княземъ Одоевскимъ), родилась 22 Марта 1746 г.; въ 1770 г., въ Москвѣ, она вышла замужъ за члена Мануфактуръ-Коллегіи Михаила Алексѣевича Пушкина; въ Маѣ слѣдующаго года у нея, въ Москвѣ же, въ самый разгаръ чумы, родился сынъ Алексѣй (извѣстный впослѣдствіи острякъ, актеръ-любитель и стихотворецъ, † 1825 г.), а еще черезъ годъ мужъ ея былъ изобличенъ въ намѣреніи дѣлать фальшивыя ассигнаціи, лишенъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь. Пушкина, оставивъ сына въ Москвѣ, у своей кузины П. В. Мелиссино (рожд. княжны Долгорукой, жены куратора университета И. И. Мелиссино), послѣдовала за мужемъ; Императрица не препятствовала этому и еще 11 Октября 1772 г. писала князю М. Н. Волконскому: „Есть ли жена бывшаго Михайлы Пушкина станетъ просить дозволенія ѣхать съ нимъ въ ссылку, то въ ономъ не вижу препятствія, но многіе есть примѣры, что женамъ таковыхъ безсчастныхъ дозволено было съ ними ѣхать“. Въ 1779 и 1786 гг. у нея родились дочери Варвара и Екатерина; когда, въ 1788 г., былъ убитъ на штурмѣ Очакова ея братъ, генералъ-майоръ князь Сергѣй Абрамовичъ Волконскій, поэтъ Н. И. Николевъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ взывалъ къ милосердію Императрицы, въ надеждѣ, что она за геройскую смерть брата окажетъ милость несчастной сестрѣ и ея семейству. Когда стихи эти дошли до Тобольска, М. А. Пушкинъ отвѣтилъ Николеву прочувствованнымъ посланіемъ, въ которомъ, благодаря его за то, что онъ своими словами возбудилъ его духъ, „стѣсненный горестью, бѣдами удрученный“, писалъ, между прочимъ:

„Коль гласъ преступника вниманія достоинъ, Супругой я призрѣнъ, я ею успокоенъ...
Прими признательность изъ нѣдръ души моей!... Я ей дышу!... А ты берешь участье въ ней!“

Надежды Пушкиныхъ, однако, не оправдались: облегченія ихъ участи не послѣдовало. По смерти мужа, Наталья Абрамовна вернулась въ Москву, гдѣ, повидимому, она была уже въ 1793 г.; она не утратила ни званія своего, ни состоянія, которое было довольно велико; въ 1798 г. она еще получила, послѣ смерти бездѣтнаго брата, князя Александра, его Романовское имѣніе; сынъ ея въ это время уже командовалъ полкомъ и около 1800 г. женился на разведенной женѣ генералъ-майора Н. Ѳ. Нѣмцова, Еленѣ Григорьевнѣ, рожд. Воейковой; въ 1802 г. она потеряла меньшую свою дочь, 15-лѣтнюю Екатерину, а черезъ десять лѣтъ (29 Апрѣля 1812 г.) выдала старшую, Варвару († 1854 г.), за князя Сергѣя Ивановича Гагарина. За 1812—1819 годы о Пушкиной часто упоминается въ письмахъ Кристина къ княжнѣ Туркестановой и М. А. Волковой къ В. И. Ланской; изъ этихъ писемъ видно, что Наталья Абрамовна вела въ Москвѣ открытый образъ жизни, постоянно устраивая обѣды, вечера и ужины, на которыхъ собиралось со всей Москвы и даже ея предмѣстій многолюдное и избранное общество. Но отзывы о характерѣ Натальи Абрамовны очень неблагопріятны: „Она—источникъ злорѣчія“, говоритъ въ 1815 г. Кристинъ и, сообщая о ея болѣзни, прибавляетъ: „Немногіе пожалѣютъ, если этотъ источникъ изсякнетъ“; въ томъ же году, узнавъ, что она перестала владѣть однимъ пальцемъ на рукѣ, онъ пишетъ: „Говорятъ, что это предвѣстникъ паралича; если бы этотъ предвѣстникъ могъ расположиться на ея языкѣ,—многіе возблагодарили бы Бога“. Волкова отмѣчаетъ неоднократно, какъ всѣ скучали на собраніяхъ у старухи Пушкиной, „вдовы Авраама“, о которой она пишетъ своей пріятельницѣ: „Старуха, вдова Авраама, настоящая ехидна. Вяземскій (князь П. А.) называетъ ее „Сицилійской отравительницей“, потому что находитъ у нея сходство съ восковой куклой, изображавшей эту женщину... Вяземскій отчасти правъ: если старуха физически не отравляетъ людей, зато рѣчи ея пропитаны такимъ ядомъ, который никого не щадитъ“. Живя безвыѣздно въ Москвѣ, Пушкина умерла 14 Апрѣля 1819 г., 73-хъ лѣтъ. „Наталья Абрамовна скончалась, наконецъ“, писалъ Кристинъ 17 Апрѣля, „послѣ трехлѣтней агоніи, если можно такъ выразиться; ее хоронятъ сегодня; смерть ея — истинное освобожденіе для всѣхъ ее окружающихъ“. Н. А. Пушкина погребена въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ дочерью Екатериной.

(Съ миніатюры, принадлежащей С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

NATALIE ABRAMOWNA POUCHKINE, 1746—1819, fille du prince Abraham Mikhaïlowitch Wolkonsky (1710—1760), major, et d'Eudoxie Mikhaïlowna, née Samarine (1715—1774) et mariée en secondes noces au prince Odoewsky, naquit le 22 mars 1746. Elle épousa en 1770 à Moscou Michel Alexéewitch Pouchkine, membre du Collège des Manufactures, et y mit au monde au mois de mai de l'année suivante, en pleine épidémie de peste, un fils Alexis († 1825), connu dans la suite comme bel esprit, acteur amateur et versificateur. Un an encore plus tard, son mari, convaincu de tentative de contrefaçon d'assignats, fut condamné à la mort civile et à la déportation en Sibérie. Elle laissa son fils à Moscou, à la garde de sa cousine, née princesse Dolgorouky, femme du curateur de l'université Melissino, et le suivit dans l'exil: l'Impératrice n'y mit pas obstacle; elle écrivait encore le 11 octobre 1772 au prince Wolkonsky: „Si la femme du ci-devant Michel Pouchkine demande à l'accompagner dans son exil, je n'y vois pas d'inconvénient: il y a bien des exemples de permission de ce genre donnée aux femmes de semblables infortunés". En 1779 et 1786, elle eut deux filles, Varvara et Catherine. Lorsque, en 1778, son frère, le général major prince Serge Abramowitch Wolkonsky, fut tué à l'assaut d'Otchakoff, le poète Nikoleff composa une poésie pour implorer la pitié de l'Impératrice, dans l'espoir que la mort héroïque du frère serait l'occasion d'une grâce pour la malheureuse sœur et sa famille. Lorsque ces vers parvinrent à Tobolsk, Pouchkine répondit par une épître émue, exprimant sa gratitude pour les paroles qui ranimaient son esprit

„Accablé de douleur, abattu par les maux",

et renfermant ces vers:

„Si la voix d'un coupable est digne d'attention,
„Reçois ma gratitude, et du fond de mon cœur!...
„Mon épouse me soigne, elle me tranquillise...
„Je vis par elle... Et toi, tu prends part à son sort!"

Les espérances des Pouchkine ne se réalisèrent cependant pas: aucune amélioration ne fut apportée à leur sort. A la mort de son mari, la veuve revint à Moscou, où elle paraît avoir été dès 1793. Elle n'avait perdu ni son rang ni sa fortune, qui était assez considérable et à laquelle elle ajouta en 1798 la propriété Romanowskoïé de son frère Alexandre, mort sans enfants. Son fils était alors commandant d'un régiment, et épousa vers 1800 la femme divorcée du général major Nemtzoff, Hélène Grigoriewna, née Voëïkoff. Elle perdit en 1802 sa plus jeune fille Catherine, âgée de 15 ans, et dix ans plus tard, le 29 avril 1812, maria l'aînée, Varvara († 1854), au prince Serge Ivanowitch Gagarine. De 1812 à 1819, il est souvent question d'elle dans les lettres de Cristine à la princesse Tourkestanoff et dans celles de Mlle Volkoff à Mlle Lanskoï; on y voit qu'elle vivait largement à Moscou, organisant incessamment dîners, soirées et soupers, où elle recevait une société nombreuse et choisie venue de tous les coins de Moscou et même des environs. Mais les appréciations sont très défavorables sur son caractère: „C'est une source de médisances", dit en 1815 Cristine, et il ajoute, à propos d'une maladie qu'elle fit: „Il n'y aura guère de regrets si cette source tarit". La même année, comme elle avait perdu l'usage d'un doigt, il écrit: „On dit que c'est un avant-coureur de la paralysie; si cet avant-coureur pouvait se poser sur sa langue, il y aurait bien des grâces rendues à Dieu". Mlle Volkoff note à plusieurs reprises l'ennui général qui régnait aux réceptions de la vieille Pouchkine, „veuve d'Abraham", et écrit à une amie: „Cette vieille, veuve d'Abraham, est une vraie vipère. Le prince Viazemsky l'appelle „l'empoisonneuse de Sicile", parce qu'il lui trouve une ressemblance avec une poupée de cire représentant cette femme... Il a en partie raison: si elle n'empoisonne pas les gens physiquement, ses propos sont imprégnés d'un venin qui n'épargne personne". Elle habita constamment Moscou, et mourut le 14 avril 1819, à l'âge de 73 ans. „Mme Pouchkine est morte enfin", écrit Cristine le 17 avril, „après trois ans d'agonie, si l'on peut ainsi parler; on l'enterre aujourd'hui. Sa mort est une véritable délivrance pour tous ceux qui l'entourent". Elle fut inhumée au monastère Donskoï, près de sa fille Catherine.

(D'après une miniature appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

137

ВАРВАРА АЛЕКСѢЕВНА НАРЫШКИНА, 1760—1827, дочь генералъ-майора князя Алексѣя Никитича Волконскаго († 1781 г.) отъ брака его съ Маргаритой Родіоновной Кошелевой († 1790 г.), родилась 6 Ноября 1760 года и была двоюродной сестрой извѣстнаго мистика Родіона Александровича Кошелева и Дарьи Александровны Валуевой; родная сестра ея, Марія, была замужемъ также за масономъ княземъ П. С. Гагаринымъ. Варвара Алексѣевна была въ замужествѣ за подполковникомъ Михаломъ Петровичемъ Нарышкинымъ (р. 17 Декабря 1753 г., † 23 Августа 1825 г.).

В. А. Нарышкина умерла 1 Марта 1827 г., на 67 году, и похоронена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ рядомъ съ мужемъ; у нея было 3 сына: Кириллъ (генералъ-майоръ; р. 1784 г., † 1857 г.), Михаилъ (полковникъ, декабристъ; р. 4 Февраля 1798 г., † 2 Января 1863 г.) и Александръ (гвардіи капитанъ; р. 12 Марта 1801 г., † 29 Іюня 1846 г.), и 6 дочерей: Маргарита (р. 2 Января 1782 г., † 29 Апрѣля 1852 г.; въ 1-мъ бракѣ за П. М. Ласунскимъ, во 2-мъ—за генералъ-майоромъ А. А. Тучковымъ, убитымъ подъ Бородинымъ; въ инокиняхъ Марія, основательница и игуменія Спасо-Бородинскаго монастыря), Варвара (р. 1787 г., † 1834 г., дѣвицей), Софья (р. 1788 г., † 1829 г., дѣвицей), Евдокія (р. 1790 г.; за княземъ П. А. Голицынымъ), Марія († дѣвицей) и Наталія (р. 1804 г., † 1817 г.).

(Съ портрета Рокотова; собственность С. С. Бутурлина, въ Москвѣ.)

137

VARVARA ALEXEEWNA NARYCHKINE, 1760 — 1827, fille du prince Alexis Nikititch Wolkonsky († 1781), général major, et de Marguerite Rodionowna, née Kochéleff († 1790), naquit le 6 novembre 1760. Elle était cousine germaine du mystique connu Rodion Alexandrowitch Kochéleff et de Daria Alexandrowna Valouïeff; sa sœur Marie était la femme d'un autre maçon, le prince I. Gagarine. Elle épousa le lieutenant-colonel Michel Pétrowitch Narychkine (17 décembre 1753 — 23 août 1825).

Varvara Narychkine mourut le 1er mars 1827, dans sa 67e année, et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï, près de son mari. Elle eut trois fils, Cyrille (1784 — 1857), général major, Michel (4 février 1798 — 2 janvier 1863), colonel, décabriste, et Alexandre (12 mars 1801 — 29 juin 1846), capitaine de la Garde, et six filles, Marguerite (2 janvier 1782 — 29 avril 1852), mariée en premières noces à P. Lasounsky, en secondes noces au général major A. Toutchkoff tué à Borodino, en religion Marie, fondatrice et supérieure du monastère Spasso-Borodinsky, Varvara (1787 — 1854), non mariée, Sophie (1788 — 1829), non mariée, Eudoxie (née 1790), mariée au prince P. Golitzyne, Marie, non mariée, et Natalie (1804 — 1817).

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

138

Княгиня МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА ГАГАРИНА, 1753—1804, дочь генералъ-майора князя Алексѣя Никитича Волконскаго († 1781 г.), женатаго на Маргаритѣ Родіоновнѣ Кошелевой († 1790 г.), племянница извѣстнаго генералъ-аншефа, главнокомандующаго въ Москвѣ, князя Михаила Никитича Волконскаго, родилась 17 Марта 1753 г.; замужемъ была за флота-капитаномъ 2-го ранга княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ (р. 1752 г., † 1810 г.), человѣкомъ передовымъ въ свое время, извѣстнымъ Московскимъ масономъ и старожиломъ.

Отъ этого брака у ней было 2 сына: князь Сергѣй (р. 1777 г.; оберъ-гофмейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта) и князь Григорій (р. 17 Марта 1782 г., † 12 Февраля 1837 г.; тайный совѣтникъ), и 5 дочерей: княжны—Наталія (р. 22 Января 1778 г., † 8 Ноября 1832 г.; за художникомъ итальянцемъ Сальваторомъ Тончи), Варвара (р. 21 Марта 1779 г., † 18 Января 1834 г.; за П. Ф. Карабановымъ; см. т. I, № 69), Александра (въ 1-мъ бракѣ за Р. Ев. Татищевымъ, во 2-мъ—за учителемъ своихъ дѣтей Доброклонскимъ), Екатерина (р. 23 Сентября 1786 г., † 15 Апрѣля 1835 г.; за княземъ С. П. Оболенскимъ) и Марія (р. 9 Ноября 1790 г.; за княземъ И. А. Енгалычевымъ).

Княгиня М. А. Гагарина умерла 17 Декабря 1804 г. и похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

На оборотѣ портрета надпись: „Копія Карла Розена 1794 г. съ портрета Рокотова 1775 года“.

(Съ портрета, принадлежащаго С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

138

La princesse MARIE ALEXEEWNA GAGARINE, 1753—1804, fille du prince Alexis Nikititch Wolkonsky († 1781), général major, et de Marguerite Rodionowna, née Kochéleff († 1790), était nièce du prince Michel Nikititch Wolkonsky, général en chef, connu comme commandant en chef à Moscou, et naquit le 17 mars 1753. Elle épousa le prince Ivan Serguéewitch Gagarine (1752—1810), capitaine de marine de 2e rang, homme avancé du temps, connu comme franc-maçon et moscovite de souche.

Elle eut de ce mariage deux fils, Serge (né 1777), grand maître de la Cour, membre du Conseil de l'Empire, et Grégoire (17 mars 1782—12 février 1837), conseiller privé, et cinq filles, Natalie (22 janvier 1778—8 novembre 1832), mariée au peintre italien Salvator Tonci, Varvara (21 mars 1779—18 janvier 1834), mariée à P. Karabanoff (v. T. I, № 69), Alexandrine, mariée en premières noces à R. Tatichtcheff, en secondes noces au précepteur de ses enfants Dobroklonsky, Catherine (23 septembre 1786—15 avril 1835), mariée au prince S. Obolensky, et Marie (née 9 novembre 1790), mariée au prince I. Engalytcheff.

La princesse Gagarine mourut le 17 décembre 1804, et fut inhumée à Moscou, au monastère Novodévitchi.

Le portrait ci-joint porte au revers: „Charles Rosen, 1794, d'après l'original de Rokotoff 1775".

(D'après un original appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ КОРСАКОВЪ, 1751—1821, сынъ секундъ-майора Ивана Герасимовича меньшого († 1770 г.) отъ брака съ Анной Петровной Трубниковой († 1803 г.), родился 1 Октября 1751 г.; получилъ воспитаніе въ Артиллерійской и инженерной школѣ, преобразованной затѣмъ въ корпусъ, и по окончаніи ея выпущенъ подпоручикомъ 1 Января 1771 г. во 2-й фузилерный полкъ, затѣмъ въ чинѣ капитана назначенъ въ 1774 г. адъютантомъ директора корпуса инженеръ-генерала Мордвинова; въ 1781 г., въ чинѣ майора, состоялъ при пороховыхъ заводахъ, въ 1784 г. переведенъ во 2-й Кадетскій корпусъ, въ 1788 г. въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ, при чемъ въ 1793 г. былъ произведенъ въ полковники, а въ 1796 г., 28 Іюля, въ генералъ-майоры; въ царствованіе Павла I, очень къ нему благоволившаго, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ директоромъ корпуса (1797—1799). Въ 1799 г. Корсаковъ былъ уволенъ отъ должности директора, съ награжденіемъ орденомъ св. Анны 1 ст., и назначенъ начальникомъ Артиллерійской экспедиціи, а въ Февралѣ 1800 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи и назначенъ (7 Марта) инспекторомъ всей артиллеріи. Въ 1803 г., 30 Апрѣля, Корсаковъ назначенъ президентомъ Бергъ-коллегіи, присутствующимъ въ Сенатѣ и директоромъ Горнаго корпуса. По упраздненіи въ 1807 г. Бергъ-коллегіи, онъ былъ назначенъ сенаторомъ, съ оставленіемъ въ должности директора Горнаго корпуса, отъ которой онъ былъ уволенъ въ 1811 г.; послѣдніе годы своей жизни Корсаковъ прожилъ въ Петербургѣ, присутствуя въ Сенатѣ, проводя время въ небольшомъ кружкѣ близкихъ знакомыхъ, вполнѣ отдавшись своей страсти къ искусству. Въ 1794 г. Корсаковъ былъ избранъ въ почетные члены Академіи Художествъ за „знаніе, любовь и почтеніе къ достохвальнымъ художествамъ“. У него было большое собраніе различныхъ рѣдкостей и скульптуръ и замѣчательная картинная галлерея. Жихаревъ, посѣтившій эту галлерею, записалъ о ней въ своемъ дневникѣ: „У А. И. Корсакова пробылъ болѣе часу, потому что онъ преблагосклонно позволилъ мнѣ полюбоваться безподобною своею галлереею. Какія сокровища! Онъ совершенный знатокъ въ картинахъ; между прочимъ сказалъ, что большая ихъ часть пріобрѣтена имъ за безцѣнокъ при разныхъ случаяхъ, какъ-то иногда у незнающихъ охотниковъ, а иногда у мѣнялъ и даже на рынкахъ у продавцовъ всякой ветхой рухляди“. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, очень расположенный къ Корсакову, подарилъ ему большую картину Джіордано „Любовь и пороки обезоруживаютъ мудрость и правосудіе“ (находится въ Румянцевскомъ музеѣ). Въ свободное время онъ любилъ заниматься вышиваніемъ по канвѣ. Жихаревъ видѣлъ вышитое Корсаковымъ изображеніе Богоматери: „Мнѣ показалось искусство необыкновеннымъ: точно миніатюрная живопись!“ Одну такую вышитую картину, чудо искусства и терпѣнія, онъ поднесъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По этому поводу разсказывали, что Императрица, предполагая, что картина работы одной изъ родственницъ Корсакова, прислала въ благодарность брильянтовыя серьги. О Корсаковѣ, какъ о человѣкѣ, дошли противорѣчивые отзывы. Одни изображаютъ его человѣкомъ мягкаго характера, благочестивымъ, неискательнымъ, добрымъ, привѣтливымъ и деликатнымъ въ обращеніи съ людьми, по словамъ другихъ, онъ былъ заносчивъ, гордъ, честолюбивъ, отличался большимъ самомнѣніемъ и крайней лѣностью, вслѣдствіе чего въ служебныхъ дѣлахъ у него былъ большой безпорядокъ. Корсаковъ скончался въ С.-Петербургѣ 25 Августа 1821 г. и погребенъ близъ своего помѣстья, во Введенской пустыни, на р. Свири. Послѣ его смерти картины проданы были съ аукціона, вмѣстѣ съ его домомъ у Смольнаго.

Отъ брака съ дочерью генералъ-поручика Варварой Егоровной Головцыной, Корсаковъ имѣлъ сына Николая (р. 1782 г., † 1853 г.) и дочь Анастасію (за генералъ-майоромъ Ив. Ив. Сорохтинымъ).

Сохранилось описаніе распродажи картинъ Корсакова: галлерея была оцѣнена въ 150/т. руб., но продажа шла туго. Въ Эрмитажъ были куплены: 3 картины П. Пуссена (13/т. р.), Д. Цампіери—св. Францискъ (5500 р.) и портретъ Мазарини—Вандика (1750 р.); А. Л. Нарышкинъ купилъ „Бѣгство въ Египетъ“ Жорданса (3000 р.), Н. С. Мордвиновъ пріобрѣлъ Клаубера (2500 р.), Томиловъ—пейзажъ Гаспара, и т. д.; Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна купила скульптуру Козловскаго. „Лучшая картина, совершеннѣйшее произведеніе“ Луки Джордано, оцѣненная въ 35/т. руб., еще не была продана; картина эта была подарена герцогинею Кингстонъ Потемкину. Тутъ были, кромѣ того, картины Рафаэля, Тиціана, Тинторето, Леонардо-да-Винчи, Дель-Сарто, Гвидо-Рени, Мурильо, Альбрехта Дюрера, Гольбейна, Рубенса, Рембрандта...

(Съ портрета С. Щукина; Императорская Академія Художествъ.)

ALEXIS IVANOWITCH KORSAKOFF, 1751 — 1821, fils d'Ivan Guérassimowitch Korsakoff cadet († 1770), second major, et d'Anna Pétrowna, née Troubnikoff († 1803), naquit le 1er octobre 1751. Il fit ses études à l'école d'artillerie et à l'école des ingénieurs, transformée ensuite en Corps, d'où il sortit, le 1er janvier 1771, sous-lieutenant au 2e fusiliers; puis en 1774, étant capitaine, fut fait aide de camp du directeur du Corps, le général du génie Mordvinoff. Détaché aux poudres en 1781 avec grade de major, il passa en 1784 au 2e Corps des Cadets, et en 1788 au Corps des Cadets d'artillerie, où il fut promu en 1793 colonel et, le 28 juillet 1796, général major, et dont, sous Paul Ier, fort bien disposé à son égard, il devint directeur (1797—1799) avec grade de général lieutenant. Il quitta le Corps des Cadets en 1799 avec Ste-Anne de 1re classe, pour prendre la direction de l'expédition d'artillerie, et, promu en février 1800 général d'artillerie, il devint, le 7 mars suivant, inspecteur général de l'artillerie. En 1803, le 30 avril, il fut nommé président du Collège des Mines, assistant au Sénat et directeur du Corps des Mines. A la suppression du Collège des Mines, il fut fait sénateur, tout en restant au Corps des Mines, qu'il quitta en 1811. Il passa les dernières années de sa vie à Pétersbourg siégeant au Sénat, fréquentant un petit cercle d'intimes, et tout entier à sa passion pour les arts. Il fut élu en 1794 membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts, pour „sa science, son goût et son amour des beaux-arts". Il avait une grande collection d'objets rares de toute espèce et de sculptures, et une galerie de tableaux remarquable. Jikhareff, qui la visita, dit dans son Journal: „J'ai passé plus d'une heure chez Korsakoff, car il m'a fort obligeamment permis d'admirer sa galerie sans pareille. Quels trésors! C'est un parfait connaisseur en tableaux; il m'a dit, entre autres choses, qu'il avait presque tout acquis à vil prix, par occasion, ou bien chez des amateurs non connaisseurs, ou bien chez des changeurs, et même au marché chez des brocanteurs". Le Césarewitch Constantin Pavlowitch, qui l'aimait beaucoup, lui donna le grand tableau de Giordano (Musée Roumiantzeff) L'Amour et les Vices désarmant la Sagesse et la Justice. A ses moments de loisir, il aimait faire de la broderie. Jikhareff a vu de lui une Vierge en broderie: „C'est inouï comme exécution: une vraie miniature!" Il fit un autre travail du même genre, une merveille d'habileté et de patience, pour l'offrir à l'Impératrice Marie Féodorowna; on raconte à ce propos que l'Impératrice, croyant le travail d'une parente de Korsakoff, envoya en signe de reconnaissance des boucles d'oreille en diamants. Sur l'homme, les appréciations sont contradictoires. Les uns représentent Korsakoff doux de caractère, pieux, exempt de flatterie, bon, accueillant, délicat de manières; selon d'autres, il était hautain, fier, orgueilleux, et se distinguait par une grande présomption et une paresse excessive, cause d'un extrême désordre dans ses affaires de service. Il mourut à Pétersbourg le 25 août 1821, et fut inhumé près de son domaine, sur les bords de la Svir. A sa mort, sa galerie fut vendue aux enchères, ainsi que sa maison de Smolna.

De son mariage avec la fille Varvara du général major Egor Golovtzyne, Korsakoff eut un fils Nicolas (1782—1853) et une fille Anastasie, mariée au général major I. Sorokhtine.

On a conservé le compte rendu de la vente des tableaux de Korsakoff. La galerie était estimée 150.000 roubles, mais se vendit mal. L'Ermitage acquit trois Poussin (13.000 r.), un Saint-François de Zampieri (5500 r.) et un Mazarin de Van Dyck (1750 r.). A. Narychkine acheta une Fuite en Egypte de Jordaens (3000 r.), N. Mordvinoff un Klauber (2500 r.), Tomiloff un paysage de Gaspard, etc.; la Grande-Duchesse Alexandra Féodorowna une sculpture de Kozlowsky. „Le meilleur tableau, une œuvre absolument parfaite" de Giordano, estimé 35.000 r., ne se vendit pas; c'était un cadeau de la duchesse de Kingston à Potemkine. Il y avait en outre des Raphaël, Titien, Tintoret, Léonard de Vinci, Del Sarto, Guido Reni, Murillo, Albert Dürer, Holbein, Rubens, Rembrandt, etc...

(D'après l'original de S. Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

ALEXIS IVANOWITCH KORSAKOFF, 1751 — 1821. Fils d'Ivan [illegible] Korsakoff [illegible] 1770, second major, et d'Anna Pétrowna, née [illegible] [illegible], naquit le [illegible] [illegible] Il [illegible] à l'école d'artillerie et à l'école des ingénieurs [illegible] en Corps, [illegible] le 1er janvier 1771, sous-lieutenant au 2e fusiliers, puis en [illegible] devint capitaine, fut fait [illegible] directeur du Corps, le général du génie Mordvinoff. Détaché [illegible] en 1781 avec grade de [illegible] en 1784 au 2e Corps des Cadets, et en 1792 au Corps des Cadets d'artillerie, où il fut promu en [illegible] colonel et, le 28 juillet 1796, général major, et devint, sous Paul Ier, [illegible] directeur (1797 — 1799) avec grade de général lieutenant. Il quitta le Corps des Cadets en 1799 [illegible] de 1re classe pour prendre la direction de l'expédition d'artillerie, et, promu en février 1800 [illegible] lerie, il devint, le 7 mars suivant, inspecteur général de l'artillerie. En 1803, le 30 avril, il fut nommé président du Collège des Mines, assistant au Sénat et directeur du Corps des Mines. A la suppression du Collège des Mines, il fut fait sénateur, tout en restant au Corps des Mines, qu'il quitta en 1811. Il passa les dernières années de sa vie à Pétersbourg siégeant au Sénat, fréquentant le petit cercle [illegible] sa passion pour les arts. Il fut élu en 1794 membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts [illegible] science, son goût et son amour des beaux-arts[1]. Il avait une grande collection d'objets rares [illegible] et de sculptures, et une galerie de tableaux remarquable. Ekhareff, qui la visita, dit dans son Journal: „J'ai passé plus d'une heure chez Korsakoff, car il m'a fort obligeamment permis d'admirer sa galerie [illegible] Quels trésors! C'est un parfait connaisseur en tableaux, il m'a dit, entre autres choses, qu'il [illegible] tout acquis à [illegible] par occasion, ou bien chez des amateurs non connaisseurs, ou bien chez des [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Ekhareff [illegible] Il fit au [illegible] [illegible] l'Impératrice Marie Féodorowna [illegible] Korsakoff [illegible] Korsakoff [illegible] le 13 août 1821 [illegible] près de son domaine sur les bords de la [illegible] maison de Smolna.

De son mariage avec la fille Varvara du général major Egor [illegible], Korsakoff eut un fils [illegible] (1767—[illegible]) et une fille Anastasie, mariée au général major I. [illegible]

On [illegible] la vente des tableaux de Korsakoff. La galerie [illegible] 150,000 roubles, mais se vendit mal. L'Ermitage acquit trois Poussin (15,000 r.), un Saint [illegible] [illegible] (6500 r.) et un Portrait de Van Dyck (1750 r.). A. Narychkine acheta un [illegible] Jordaens (3000 r.), N. [illegible] un Rubens (2500 r.), [illegible] duchesse Alexandra [illegible] une sculpture de Kozlowsky. „Le meilleur tableau, une [illegible] parlante" de Giordano, estimé [illegible],000 r., ne se vendit pas [illegible] à Pétersbourg. Il y avait en outre des Raphaël, Titien, Tintoret, Léonard de Vinci, [illegible] Murillo, Albert Durer, Holbein, Rubens, Rembrandt, etc.

(D'après [illegible] de S. [illegible], Académie Impériale des Beaux-Arts.)

139

Пис. С. Щукинъ — Peint par S. Chtchoukine

Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, 1751 — 1821

Alexis Ivanowitch Korsakoff, 1751 — 1821

140

Пис. Варнекъ — Peint par Warneck

Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, 1753 — 1840

Alexandre Mikhaïlowitch Rimsky-Korsakoff, 1753 — 1840

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1755—1840, сынъ статскаго совѣтника Михаила Андреевича († 1772 г.), родился въ Москвѣ 13 Августа 1755 г. и принадлежалъ къ древнему дворянскому роду: Венцеславъ Корсакъ, въ концѣ XIV вѣка, при Великомъ Князѣ Василіи Дмитріевичѣ, выѣхавшій изъ Литвы, былъ предокъ дворянъ Корсаковыхъ и Римскихъ-Корсаковыхъ. На 15-мъ году Корсаковъ былъ записанъ капраломъ въ Преображенскій полкъ; въ 1775 г. получилъ чинъ подпоручика, а черезъ три года произведенъ въ подполковники, съ переводомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ Польской войнѣ 1778 и 1779 гг.; во вторую Турецкую войну, состоя при австрійскомъ корпусѣ принца Саксенъ-Кобургскаго, участвовалъ при взятіи Хотина въ 1788 г. и особенно отличился въ дѣлѣ при Гангурѣ, сражаясь подъ начальствомъ Каменскаго; 1 Апрѣля 1789 г., при Берладѣ, онъ разбилъ на голову 8/т. турецкій отрядъ; за эти подвиги награжденъ Георгіемъ 4 кл. и переведенъ въ Семеновскій полкъ, входившій въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ. Здѣсь онъ вполнѣ оправдалъ лестный о немъ отзывъ Императрицы, письменно рекомендовавшей его Мусину-Пушкину, въ качествѣ „ревностнаго, храбраго и искуснаго офицера“. Командуя одной изъ колонъ генералъ-поручика Левашева, онъ (21 Августа 1789 г.) разбилъ шведовъ при Кюменгардѣ, 19 Апрѣля 1790 года, овладѣвъ Нейшлотомъ, совершенно истребилъ шведскій постъ при деревнѣ Юляксонъ, при чемъ захватилъ непріятельскія орудія, множество плѣнныхъ и складъ оружія. За это получилъ золотую шпагу, орд. св. Владиміра 2 кл. и пожизненную пенсію въ 2000 рублей. Въ 1793 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ сопровождать графа д'Артуа (впослѣдствіи Карлъ X) въ Англію, гдѣ находился до Мая 1794 года, а затѣмъ, вступивъ волонтеромъ въ армію принца Кобургскаго, участвовалъ во многихъ дѣлахъ. Въ 1796 г. Римскій-Корсаковъ назначенъ на Кавказъ, въ армію Валеріана Зубова, командовать вторымъ вспомогательнымъ корпусомъ. Участвовалъ при взятіи Дербента и крѣпости Елизаветполь, за что награжденъ Павломъ I, 12 Декабря 1797 г., звѣздой Александра Невскаго и назначенъ инспекторомъ С.-Петербургской дивизіи по инфантеріи. Въ Февралѣ 1798 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ командиромъ Семеновскаго полка, шефомъ котораго состоялъ Великій Князь Александръ Павловичъ, съ которымъ онъ сблизился и впослѣдствіи всегда пользовался его благосклонностью; 1799-й годъ былъ несчастнымъ въ жизни Римскаго-Корсакова: 14 Апрѣля ему ввѣрено командованіе арміей, дѣйствовавшей противъ французовъ въ Швейцаріи; печальный исходъ Цюрихскаго сраженія, въ которомъ Римскій-Корсаковъ разбитъ былъ генераломъ Массена 14 Сентября 1799 г., имѣлъ несомнѣнное вліяніе на неудачный исходъ кампаніи. Тѣмъ не менѣе распоряженія Римскаго-Корсакова были оправданы Суворовымъ, который нашелъ, что „всѣ дѣйствія его клонились къ низверженію непріятеля“; однако, недовольный дѣйствіями Корсакова, Павелъ „отставилъ“ его и сославъ въ деревню. 16 Марта 1801 г., по восшествіи своемъ на престолъ, Александръ I снова принялъ Корсакова на службу, и 15 Сентября того же года онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Состоя послѣдовательно Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, инспекторомъ Московской инспекціи, начальникомъ резервнаго корпуса и пользуясь непзмѣннымъ благоволеніемъ Александра Павловича, Корсаковъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ уйти въ 1809 г. въ отставку, вслѣдствіе недоразумѣній съ Аракчеевымъ. Въ Апрѣлѣ 1812 г. онъ снова вернулся на службу и вторично назначенъ генералъ-губернаторомъ Литвы, которою управлялъ до конца 1830 г. и за заслуги по этой должности награжденъ Николаемъ I орденомъ Андрея Первозваннаго; съ 1830 по 1840 г. былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Скончался А. М. Римскій-Корсаковъ 13 Мая 1840 г., на 87 году; похороненъ въ родовомъ имѣніи селѣ Сукромнѣ, Тульской губ., Епифановскаго уѣзда. У Римскаго-Корсакова было 3 сына: Николай († 1814 г.), Владиміръ († 1829 г.) и Михаилъ († 1882 г.).

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE MIKHAÏLOWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1753—1840, fils de Michel Andréewitch Rimsky-Korsakoff († 1772), conseiller d'état, naquit à Moscou le 13 août 1753. Il était de vieille noblesse: Wenceslas Korsak, parti de Lithuanie à la fin du XIVe siècle, sous le Grand-Duc Vassili Dmitriewitch, est la souche des familles nobles Korsakoff et Rimsky-Korsakoff. Enrôlé dans sa 15e année caporal au régiment Préobragensky, il passa sous-lieutenant en 1775, et, trois ans après, fut promu lieutenant-colonel et permuta au régiment d'infanterie de Tchernigoff, avec lequel il fit la campagne de Pologne de 1778/1779. A la seconde guerre de Turquie, attaché au corps autrichien du prince de Saxe-Cobourg, il fut à la prise de Khotine en 1788 et se distingua particulièrement à l'affaire de Hangour, sous le commandement de Kamensky; le 1er avril 1789, il tailla en pièces à Berlad un détachement de 8.000 Turcs. Ces exploits lui valurent St-Georges de 4e classe et le firent passer au régiment Sémenowsky, du corps expéditionnaire de Suède. Il y justifia pleinement la flatteuse appréciation de l'Impératrice, qui l'avait recommandé par lettre à Moussine-Pouchkine comme „un zélé, brave et habile officier". A la tête d'une des colonnes du général lieutenant Lévachoff, il battit les Suédois à Kymengard (21 août 1789), prit Nyslott (19 avril 1790), et, après avoir exterminé un poste suédois au village de Jylakson, enleva l'artillerie ennemie, une foule de prisonniers et un dépôt d'armes. Il reçut en récompense une épée d'or, St-Vladimir de 2e classe et une pension viagère de 2.000 roubles. Général major en 1793, il fut chargé d'accompagner le comte d'Artois (le futur roi Charles X) en Angleterre, où il resta jusqu'en mai 1794; puis on le trouve à plusieurs affaires, volontaire de l'armée de Cobourg. En 1796, envoyé au Caucase sous Valérien Zouboff à la tête du second corps auxiliaire, il prit part aux sièges de Derbent et d'Elisavetpol, pour lesquels Paul Ier lui conféra, le 12 décembre 1797, l'étoile d'Alexandre Newsky et le nomma inspecteur de l'infanterie de la région de St-Pétersbourg. Promu général lieutenant en février 1798, il resta commandant du régiment Sémenowsky, qui avait pour chef le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, dont il se concilia l'amitié et de la faveur duquel il jouit constamment dans la suite. 1799 fut une année malheureuse dans la vie de Rimsky-Korsakoff: il reçut le 14 avril le commandement de l'armée qui opérait en Suisse contre les Français; la désastreuse issue de la bataille de Zurich, où il fut écrasé par Masséna le 14 septembre 1799, eut une influence incontestable sur celle de toute la campagne. Les dispositions prises par lui eurent néanmoins l'approbation de Souvoroff, qui trouva que „toutes ses opérations tendaient bien à l'écrasement de l'ennemi"; toutefois, mécontent de lui, Paul le destitua et le relégua en province. A l'avènement d'Alexandre Ier, il rentra au service le 16 mars 1801, et fut promu général d'infanterie le 15 septembre suivant. Successivement général gouverneur de la Russie Blanche, inspecteur de l'inspection de Moscou, chef du corps de réserve, et toujours objet de la faveur constante de l'Empereur, il dut pourtant prendre sa retraite en 1809, à la suite de malentendus avec Araktchéeff. Il reprit du service en avril 1812, et, nommé une seconde fois général gouverneur de la Lithuanie, il conserva jusqu'en 1830 ces fonctions, qui lui valurent de la part de Nicolas Ier l'ordre de St-André. De 1830 à 1840, il fut membre du Conseil de l'Empire. Rimsky-Korsakoff mourut le 13 mai 1840, dans sa 87e année, et fut inhumé dans son domaine patrimonial de Soukromna, district d'Epifane, gouvernement de Toula. Il eut trois fils, Nicolas († 1814), Vladimir († 1829) et Michel († 1882).

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Графъ МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ ЛАМЗДОРФЪ (von der Wengen-Lambsdorff), 1745—1828, потомокъ Вестфальскаго рода, поселившагося въ Ливоніи въ XV вѣкѣ, сынъ полковника Іогана-Рейнгольда (Ивана Юрьевича), на 18-мъ году поступилъ въ военную службу, участвовалъ затѣмъ въ турецкихъ войнахъ и въ чинѣ подполковника командовалъ Казанскимъ кирасирскимъ полкомъ. Въ 1784 г. онъ былъ назначенъ кавалеромъ къ Великому Князю Константину Павловичу и такимъ образомъ сдѣлался извѣстенъ Цесаревичу Павлу Петровичу. Произведенный въ 1795 г. въ генералъ-майоры, Ламздорфъ былъ назначенъ Курляндскимъ губернаторомъ. Въ 1797 г. Павелъ пожаловалъ ему Анну 1-й ст. и чинъ тайнаго совѣтника. Уволенный въ томъ же году въ отставку, Ламздорфъ снова былъ принятъ на службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта, въ 1799 г., и назначенъ директоромъ Кадетскаго корпуса. Въ 1800 г. онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять вызванъ на службу, чтобы занять мѣсто воспитателя младшихъ сыновей Государя. „Ich habe sie zum Erzieher meiner Söhne gewählt“, объявилъ ему Павелъ I. Ламздорфъ отвѣтилъ, что не смѣетъ принять такого лестнаго порученія, опасаясь исполнить его не съ такимъ успѣхомъ, какого отъ него ожидаютъ. Павелъ I отвѣтилъ: „Wenn sie es nicht für mich thun wollen, so müssen sie es für Russland thun; aber das sage Ich ihnen, dass sie aus meinen Söhnen nicht solche Schlingel machen, wie die deutschen Prinzen es sind“. Императрица Марія Ѳеодоровна поставила еще условіемъ Ламздорфу, чтобы онъ старался отвлечь своихъ воспитанниковъ отъ страсти къ военщинѣ. Павлу I не пришлось увидѣть результатовъ воспитанія, но Императрица мать вполнѣ была имъ довольна; она питала къ воспитателю своихъ младшихъ сыновей чувство глубокаго уваженія и считала его ихъ вторымъ отцомъ. Въ каждомъ письмѣ къ сыновьямъ во время ихъ заграничнаго путешествія въ 1814 г. Марія Ѳеодоровна упоминаетъ о „notre bon et digne général L.“ и шлетъ поклонъ „à notre bon papa L.“. Марія Ѳеодоровна вполнѣ одобряла систему воспитанія Ламздорфа, хотя на самомъ дѣлѣ онъ не обладалъ не только ни одною изъ способностей, необходимыхъ для воспитанія царственнаго ребенка, но и вообще не имѣлъ дарованій педагога. Своей задачей онъ поставилъ переломить ребенка на свой ладъ и итти наперекоръ его наклонностямъ и способностямъ. Мальчиковъ останавливали на каждомъ шагу и преслѣдовали угрозами и наставленіями, выговорами и наказаніями, доходившими до жестокости. Николай Павловичъ пользовался меньшимъ расположеніемъ Ламздорфа, чѣмъ Михаилъ Павловичъ, и Ламздорфъ позволялъ себѣ бить его линейкой и ружейнымъ шомполомъ, а однажды такъ толкнулъ его объ стѣну, что Николай Павловичъ почти лишился чувствъ. Въ еженедѣльныхъ журналахъ постоянно встрѣчаются указанія на жестокое обращеніе съ Великими Князьями. Ламздорфъ, не зная достаточно французскаго языка, писалъ свои отчеты по-нѣмецки; весьма поверхностные, они отличаются лестью. Несмотря на свой почтенный возрастъ, Ламздорфъ преслѣдовалъ нѣжностями молоденькую няню Николая Павловича, миссъ Лайонъ, отнесшуюся къ нему сурово и потому возбудившую его вражду. Несмотря на все это, Ламздорфъ сумѣлъ внушить своимъ воспитанникамъ уваженіе къ себѣ. Николай I, до самой смерти своего воспитателя, относился къ нему съ неизмѣнными милостью и почтеніемъ, Великія Княгини Марія и Анна Павловны, игравшія въ дѣтствѣ съ братьями, также сохранили самыя лучшія воспоминанія объ ихъ воспитателѣ. Награжденный чиномъ генерала-отъ-инфантеріи и орденами св. Александра Невскаго (1801 г.), Владиміра 1-й ст. (1808 г.) и Андрея Первозваннаго (1815 г.), Ламздорфъ въ годъ гражданскаго совершеннолѣтія старшаго воспитанника (1817 г.) получилъ титулъ графа „въ награду достоинствъ, заслугъ, трудовъ и попеченій“. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но преклонныя лѣта и глухота заставили его поселиться въ Курляндской деревнѣ, куда въ день коронаціи Николай I послалъ ему съ фельдъегеремъ свой портретъ, осыпанный брильянтами.

Ламздорфъ скончался 23 Марта 1828 г. въ Петербургѣ. Когда сынъ его явился къ Николаю I сообщить о кончинѣ отца и заявить о его желаніи быть погребеннымъ безъ воинскихъ почестей и при участіи однихъ родныхъ, то Государь сказалъ: „Надѣюсь, что вы меня не исключите изъ числа родныхъ“, и присутствовалъ затѣмъ на отпѣваніи его въ Аннинской церкви.

(Съ миніатюры, принадлежавшей графу В. П. Ламздорфу, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte **MATHIEU IVANOWITCH LAMSDORF** (von der Wengen-Lambsdorff), 1745—1828, descendant d'une famille westphalienne fixée en Livonie au XVe siècle, fils du colonel Johann-Reinhold (Ivan Youriewitch) Lamsdorf, entra au service militaire dans sa 18e année, puis fit les campagnes de Turquie et commanda, avec le grade de lieutenant-colonel, le régiment des cuirassiers de Kazan. Nommé en 1784 chevalier près du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, il se fit ainsi connaître au Grand-Duc Paul Pétrowitch. Promu général major en 1795, il fut fait gouverneur de la Courlande. En 1797, Paul lui conféra Ste-Anne de 1re classe et le rang de conseiller privé. Mis à la retraite la même année, il rentra au service en 1799 avec le grade de général lieutenant et fut nommé directeur du Corps des Cadets. Envoyé l'année suivante en congé illimité, il fut rappelé au service au bout de quelques mois pour occuper le poste de précepteur des plus jeunes fils de l'Empereur. „Je vous ai choisi", lui déclara Paul Ier, „pour faire l'éducation de mes fils". Il répondit qu'il n'osait accepter une mission aussi flatteuse, craignant de ne pouvoir la remplir avec le succès qu'on attendait de lui. „Si vous ne voulez pas le faire pour moi", reprit l'Empereur, „vous devez le faire pour la Russie, mais je vous préviens de ne pas faire de mes fils des polissons comme les princes allemands". L'Impératrice Marie Féodorowna lui imposa encore la condition de faire en sorte de ne pas leur laisser prendre le goût du militarisme. Paul Ier ne put voir les résultats de cette éducation, mais l'Impératrice mère en fut entièrement satisfaite; elle nourrissait à l'égard du précepteur de ses jeunes fils un sentiment de profonde estime et le considérait comme leur second père. Dans chaque lettre à ses fils, lors de leur voyage à l'étranger en 1814, elle fait mention de „notre bon et digne général L." et souhaite le bonjour „à notre bon papa L.". Elle approuvait entièrement le système d'éducation de Lamsdorf, qui n'avait en réalité non seulement aucune des qualités requises pour l'éducation d'un enfant royal, mais même, d'une manière générale, aucun talent de pédagogue. Il entendait l'éducation comme consistant à refondre à sa guise le naturel de l'élève, en allant à l'encontre de ses goûts et de ses aptitudes. Les jeunes princes étaient arrêtés à chaque pas, harcelés de menaces et de sermons, de mercuriales et de punitions poussées jusqu'à la cruauté. Le Grand-Duc Nicolas était moins en faveur près de lui que son frère Michel: il se permettait de le frapper à coups de règle et de baguette de fusil, et un jour il le poussa si brutalement contre le mur, que l'enfant faillit perdre connaissance. Le journal hebdomadaire fait constamment mention de violences envers les jeunes princes. Lamsdorf savait imparfaitement le français et rédigeait en allemand ses rapports, remarquables par leur manière toute superficielle et leur ton flagorneur. Son âge respectable ne l'empêcha pas de poursuivre de ses assiduités la jeune bonne de Nicolas Pavlowitch, Miss Lyon, qui le reçut fort mal et s'attira ainsi son inimitié. Malgré tout, il sut se concilier l'estime de ses élèves. Nicolas Ier, jusqu'à la mort de son précepteur, lui témoigna sa considération et sa faveur constantes; les Grandes-Duchesses Marie et Anne, compagnes de jeux de leurs frères, conservèrent également de lui le meilleur souvenir. Gratifié du grade de général d'infanterie et des ordres de St-Alexandre Newsky (1801), St-Vladimir de 1re classe (1808) et St-André (1815), Lamsdorf reçut en 1817, l'année de la majorité civile de l'aîné de ses élèves, le titre de comte „en récompense de ses mérites, de ses services, de ses travaux et de ses soins". Il fut nommé en 1822 membre du Conseil de l'Empire, mais l'âge et la surdité l'obligèrent à se retirer à la campagne en Courlande, où Nicolas Ier lui fit remettre par un courrier de Cabinet, le jour de son couronnement, son portrait enrichi de diamants.

Lamsdorf mourut à St-Pétersbourg le 23 mars 1828. Lorsque son fils vint en porter la nouvelle à Nicolas Ier et lui faire part de son désir d'être inhumé sans honneurs militaires et avec l'assistance de sa famille seulement, l'Empereur lui dit: „J'espère que vous ne me compterez pas comme étranger à la famille", et assista au service funèbre célébré à l'église Ste-Anne.

(D'après une miniature ayant appartenu au comte Lamsdorf, St-Pétersbourg.)

141

Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ, 1745 — 1828 — *Le Comte Mathieu Ivanowitch Lamsdorf, 1745 — 1828*

142

Графиня Анна Логиновна Ламздорфъ, 17 . . — 18 . . — *La Comtesse Anna Logginowna Lamsdorf, 17 . . — 18 . .*

143

Графъ Густавъ-Эрнстъ Штакельбергъ, 1766 — 1850 — *Le Comte Gustave-Ernest Stackelberg, 1766 — 1850*

144

Графиня Каролина Христофоровна Штакельбергъ, 178 . — 1868 — *La Comtesse Caroline Khristoforowna Stackelberg, 178 . — 1868*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

142

Графиня **АННА ЛОГГИНОВНА ЛАМЗДОРФЪ**, 17 . .—18 . . , рожденная Бетлингъ, супруга извѣстнаго воспитателя Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, генералъ-адъютанта графа Матвѣя Ивановича Ламздорфа (1745—1828), была родная сестра жены Лагарпа, воспитателя Александра I; вдовѣ Ламздорфа была сохранена пенсія мужа въ 10/т. рублей.

Отъ брака съ графомъ М. И. Ламздорфомъ у ней было 9 человѣкъ дѣтей, а именно—6 сыновей: Иванъ-Левинъ (р. 1781 г.), Яковъ (р. 1784 г., † 1835 г.), Константинъ (р. 1786 г., † 1812 г.), Александръ (р. 1794 г.), Федоръ (р. 1800 г.) и Николай (р. 1804 г., † 1877 г.; отецъ бывшаго министра Иностранныхъ дѣлъ), и 3 дочери: Софія (за барономъ Дризенъ), Амалія (р. 1797 г., † 1834 г.; за Гартунгомъ) и Анна (за барономъ Делингсгаузенъ).

(Съ миніатюры, принадлежавшей графу В. Н. Ламздорфу, въ С.-Петербургѣ.)

142

La comtesse **ANNE LOGUINOWNA LAMSDORF**, 17 . . — 18 . ., née Bötling, femme du général aide de camp comte Mathieu Ivanowitch Lamsdorf (1745 — 1828), connu comme précepteur des Grands-Ducs Nicolas et Michel Pavlowitch, était sœur de la femme de La Harpe, le précepteur d'Alexandre Ier. Après son veuvage, elle conserva la pension de 10.000 roubles que touchait son mari.

Elle eut de son mariage avec le comte Lamsdorf neuf enfants, dont six fils, Ivan-Lévine (né 1781), Jacob (1784 — 1835), Constantin (1786 — 1812), Alexandre (né 1794), Théodore (né 1800) et Nicolas (1804 — 1877), père de l'ancien ministre des Affaires étrangères, et trois filles, Sophie, mariée au baron Driesen, Amélie (1797 — 1834), à Hartung, et Anne, au baron Delingshausen.

(D'après une miniature ayant appartenu au comte V. Lamsdorf, St-Pétersbourg.)

Графъ ГУСТАВЪ-ЭРНСТЪ ШТАКЕЛЬБЕРГЪ, 1766—1850, сынъ извѣстнаго русскаго дипломата, посла въ Варшавѣ, одного изъ главныхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ первомъ раздѣлѣ Польши, графа Отто-Магнуса (р. 1736 г., † 1800 г.; возведенъ въ графское достоинство Іосифомъ II въ 1775 г.) отъ брака съ Софіей-Гертрудой Тизенгаузенъ, рожденной Фелькерзамъ (р. 1736 г., † 1815 г.), родился въ Ревелѣ 5 Іюня 1766 г. и дѣтство провелъ въ Варшавѣ, гдѣ получилъ, подъ руководствомъ аббата Дюфрена (Dufresne), прекрасное образованіе, по окончаніи котораго, вмѣстѣ со старшимъ братомъ и съ воспитателемъ, совершилъ съ 1785 по 1788 г. путешествіе по Германіи, Италіи и Франціи, при чемъ нѣкоторое время слушалъ лекціи въ Страсбургѣ. Въ 1788 г. Штакельбергъ возвратился въ Россію и принялъ участіе въ Шведской войнѣ. Записанный въ двухлѣтнемъ возрастѣ въ Измайловскій полкъ капраломъ, онъ въ 1788 г. достигъ чина поручика Конной гвардіи. По окончаніи войны перешелъ на дипломатическое поприще и началъ службу при отцѣ въ Варшавѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Стокгольмъ. Въ 1794 г. началась самостоятельная дѣятельность Штакельберга: онъ послѣдовательно занималъ постъ посланника въ Турціи (1794—1798 гг.), Берлинѣ (1799—1802 гг.), Гаагѣ (1802—1805 гг.), Берлинѣ (1807—1810 гг.), Вѣнѣ (1810—1818 гг.) и Неаполѣ (1818—1835 гг.). Пожалованный въ 1789 г. въ камеръ-юнкеры и въ 1797 г. въ камергеры, Штакельбергъ въ 1799 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника, а въ 1808 г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и былъ награжденъ орденами св. Александра Невскаго въ 1808 г., св. Владиміра 1-й ст. въ 1814 г. и св. Андрея въ 1834 г.; въ 1814 и 1815 гг. онъ былъ представителемъ Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ, но принималъ въ немъ мало участія, занимаясь дѣлами посольства. Въ 1835 г. Штакельбергъ вышелъ въ отставку и поселился въ Парижѣ, гдѣ и скончался 6/18 Апрѣля 1850 года.

Штакельбергъ былъ умный, образованный, вполнѣ свѣтскій человѣкъ, большой дамскій угодникъ, но безхарактерный; благодаря своему происхожденію и воспитанію, онъ не имѣлъ въ себѣ ничего русскаго. Онъ былъ большой острякъ, но общество часто жаловалось на неумѣстность его остротъ. А. И. Михайловскій-Данилевскій, сопровождавшій Александра I въ Вѣну на конгрессъ, дѣлаетъ такую характеристику Штакельберга: „Видъ его не важенъ, онъ росту малаго, но лицо его показываетъ человѣка умнаго; онъ имѣетъ благородную душу, но характера подозрительнаго; онъ хорошій отецъ семейства, и во все время конгресса у него былъ лучшій домъ. Въ обращеніи своемъ съ Императоромъ онъ не имѣетъ робости Нессельроде, но зато рѣдко бываетъ у Его Величества“. Въ свою очередь, Нессельроде, котораго, по словамъ графа Ф. Головкина, въ началѣ его карьеры „on envoya servir sous des ministres habiles et sévères“ (т.-е. Алопеусъ и Штакельбергъ), такъ говоритъ о Штакельбергѣ: „Онъ любилъ дать почувствовать подчиненнымъ тяжесть своей власти. Человѣкъ возвышенныхъ чувствъ, сердца горячаго, права, преисполненнаго странностей и гордыни“... Печатая этотъ отзывъ, П. И. Бартеневъ замѣчаетъ: „Съ этимъ Штакельбергомъ, когда онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ, ссорился поэтъ Батюшковъ. Въ своей дѣятельности онъ былъ болѣе русскимъ человѣкомъ, нежели иные его товарищи, кровные русскіе люди“.

Штакельбергъ отъ брака съ графиней Каролиной Людольфъ († 1868 г.) имѣлъ 12 человѣкъ дѣтей.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Г. Э. Штакельбергу, въ С.-Петербургѣ.)

143

Le comte GUSTAVE-ERNEST STACKELBERG, 1766—1850, fils du diplomate russe connu comme ambassadeur à Varsovie et un des principaux acteurs du premier partage de la Pologne, le comte Otto-Magnus Stackelberg (1736—1800), élevé par Joseph II à la dignité de comte en 1775, et de Sophie-Gertrude Tisenhausen, née Felkersamm (1736—1815), naquit à Rével le 5 juin 1766 et passa son enfance à Varsovie, où il reçut sous la direction de l'abbé Dufresne une excellente éducation; il fit ensuite, avec son frère aîné et son précepteur, de 1785 à 1788, un voyage en Allemagne, en Italie et en France, et suivit quelque temps les cours de l'université de Strasbourg. De retour en Russie en 1788, il fit la campagne de Suède: enrôlé à l'âge de deux ans caporal au régiment Izmaïlowsky, il était alors lieutenant à la Garde à cheval. A la fin de la guerre, il passa dans la carrière diplomatique, où il débuta comme attaché à son père à Varsovie; il alla ensuite à Stockholm. En 1794 commence l'activité personnelle de Stackelberg, successivement ambassadeur à Turin (1794—1798), Berne (1799—1802), La Haye (1802—1805), Berlin (1807—1810), Vienne (1810—1818) et Naples (1818—1835). Gentilhomme de la chambre en 1789 et chambellan en 1797, il reçut en 1799 le rang de conseiller privé et en 1808 celui de conseiller privé actuel, puis les ordres de St-Alexandre Newsky en 1808, St-Vladimir de 1re classe en 1814 et St-André en 1834. Représentant de la Russie au Congrès de Vienne en 1814/1815, il n'y prit guère part, tout entier aux affaires de l'ambassade. Il prit sa retraite en 1835 et se fixa à Paris, où il mourut le 6/18 avril 1850.

Intelligent, instruit, parfait homme du monde, flirteur enragé, mais faible de caractère, Stackelberg, par son origine et son éducation, n'avait rien de russe. Grand faiseur d'esprit, la société trouvait souvent ses pointes déplacées. Mikhaïlowsky-Danilewsky, qui accompagna Alexandre Ier au Congrès de Vienne, donne de lui la caractéristique suivante: „Il est sans apparence et petit, mais son visage dénote l'esprit. Il a l'âme noble, mais le caractère soupçonneux. Bon père de famille, il a eu tout le temps du Congrès la meilleure table. Dans son attitude avec l'Empereur, il n'a pas la timidité de Nesselrode, mais aussi il va rarement chez Sa Majesté". A son tour, Nesselrode, qu'au commencement de sa carrière, dit le comte Golovkine, „on envoya servir sous des ministres habiles et sévères" (Alopéus et Stackelberg), s'exprime ainsi sur son compte: „Il aimait faire sentir à ses subordonnés le poids de son autorité. C'était un homme aux sentiments élevés, au cœur chaud, au caractère plein de bizarreries et de fierté"... En publiant cette appréciation, Barténeff ajoute: „Ce Stackelberg, étant ambassadeur à Naples, eut une querelle avec le poète Batiouchkoff. Il fut dans ses actes plus russe que d'autres de ses collègues, russes pur sang".

Stackelberg épousa la comtesse Caroline Ludolff († 1868), dont il eut douze enfants.

(D'après une miniature appartenant au comte G. Stackelberg, St-Pétersbourg.)

144

Графиня **КАРОЛИНА ХРИСТОФОРОВНА ШТАКЕЛЬБЕРГЪ**, 178 . — 1868, дочь австрійскаго графа Христофора Людольфъ, супруга дипломата, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Густава-Эрнста (р. 1766 г., † 1850 г.), за котораго вышла замужъ въ 1805 году. До замужества была фрейлиной русскаго двора, а затѣмъ кавалерственной дамой ордена св. Екатерины меньшого креста. Она умѣло поддерживала достоинство мужа, бывшаго представителемъ Русскаго Императора въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Неаполѣ. Во время Вѣнскаго конгресса была одной изъ видныхъ представительницъ русской колоніи. Скончалась въ Парижѣ 8/20 Іюня 1868 года.

Графиня Штакельбергъ имѣла 6 сыновей и 6 дочерей: 1) баронессу Софію Мейендорфъ (1806—1891); 2) графа Отто (р. 1808); 3) баронессу Каролину Зассъ (1809 — 1863); 4) графа Густава; 5) графа Эрнста (1813 — 1870; бывшаго посломъ въ Парижѣ); 6) графа Александра (р. 1814); 7) графа Магнуса (1815 — 1820); 8) маркизу Елизавету де-ла-Ровере (1817 — 1840); 9) графиню Марію (1818 — 1840); 10) графиню Елену Угарте (1820 — 1843); 11) графа Рейнгольда (1823 — 1837); 12) баронессу Элеонору Деказъ (р. 1827).

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Г. Э. Штакельбергъ, въ С.-Петербургѣ.)

144

La comtesse **CAROLINE KHRISTOFOROWNA STACKELBERG**, 178 .—1868, fille du comte autrichien Christophe Ludolff, était femme du comte Gustave-Ernest Stackelberg (1766—1850), diplomate, conseiller privé actuel, qu'elle épousa en 1805, après avoir été demoiselle d'honneur de la Cour de Russie; elle devint ensuite dame de Ste-Catherine. Elle soutint habilement la dignité de son mari, représentant de l'Empereur de Russie à Berlin, Vienne et Naples, et fut, lors du Congrès de Vienne, une des dames les plus marquantes de la colonie russe. Elle mourut à Paris le 8/20 juin 1868.

La comtesse Stackelberg eut six fils et six filles, la baronne Sophie Meiendorf (1806—1891), le comte Otto (né 1808), la baronne Caroline Sass (1809—1863), le comte Gustave, le comte Ernest (1813—1870), ambassadeur à Paris, le comte Alexandre (né 1814), le comte Magnus (1815—1820), la marquise Elisabeth de La Roveraie (1817—1840), la comtesse Marie (1818—1840), la comtesse Hélène Ugarte (1820—1845), le comte Reinhold (1823—1837), la baronne Eléonore Decazes (née 1827).

(D'après une miniature appartenant au comte G. Stackelberg, St-Pétersbourg.)

145

ВАРВАРА ИВАНОВНА ПОТЕМКИНА, 1786 — 1810, рожденная Сафонова, была первой женой Якова Алексѣевича Потемкина (р. 1781 г., † 1851 г.), съ 31 Мая 1805 г. полковника, позднѣе извѣстнаго командира Семеновскаго полка и генералъ-губернатора Волынскаго и Подольскаго.

Родившись 29 Декабря 1786 года, Варвара Ивановна Потемкина скончалась на 24 году жизни, 30 Октября 1810 года; дѣтей у нея не было.

(Съ миніатюры изъ собранія П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

145

VARVARA IVANOWNA POTEMKINE, 1786—1810, née Safonoff, était la première femme de Jacob Alexéewitch Potemkine (1781—1831), colonel le 31 mai 1805, connu dans la suite comme commandant du régiment Sémenowsky et général gouverneur de Volhynie et Podolie.

Née le 29 décembre 1786, elle mourut dans sa 24e année, le 30 octobre 1810, sans enfants.

(D'après une miniature de la collection de P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

145

Варвара Ивановна Потемкина, 1786 — 1810

Varvara Ivanowna Potemkine, 1786 — 1810

146

Николай Николаевичъ Мазовской, 1756 — 1807

Nicolas Nikolaewitch Mazowskoï, 1756 — 1807

147

Пис. Р[illegible]

Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, 1781 — 1831

Peint par R[illegible]

Jacob Alexéewitch Potemkine, 1781 — 1831

148

Леонтій Ивановичъ Де-Прерадовичъ, 1766 — 1844

Léonce Ivanowitch De-Preradowitch, 1766 — 1844

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

146

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЗОВСКОЙ, 1756—1807, генералъ-майоръ, шефъ Павловскаго гренадерскаго полка, во главѣ котораго, сражаясь подъ Фридландомъ, умеръ смертью героя. Происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи. Военную службу началъ въ 1773 году рядовымъ л.-гв. Семеновскаго полка, въ которомъ провелъ большую часть службы. Принималъ участіе въ главнѣйшихъ войнахъ царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I. Въ 1803 году, въ чинѣ генералъ-майора, назначенъ шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка. Въ кампанію 1805 года вмѣстѣ съ полкомъ отправился моремъ на островъ Рюгенъ, а оттуда въ Шведскую Померанію и Ганноверъ, гдѣ находился до 1806 года.

Подъ Фридландомъ, раненый пулею въ руку, а затѣмъ въ ногу, не имѣя возможности сидѣть на конѣ, Мазовской велѣлъ нести себя двумъ гренадерамъ передъ полкомъ, ободряя солдатъ среди этой потрясающей обстановки. Изнемогая отъ ранъ, онъ въ послѣдній разъ повелъ своихъ гренадеръ въ штыки передъ самымъ предмѣстьемъ Фридланда. „Друзья“, говорилъ онъ, „непріятель усиливается, умремъ или побѣдимъ!“ Гренадеры бросились впередъ. Передъ окончаніемъ сраженія картечная пуля поразила его на смерть. Послѣднія его слова были: „Друзья не робѣйте!“ Моментъ, когда два гренадера несутъ на ружьѣ раненаго Мазовского, увѣковѣченъ прекрасной картиной художника Шарлеманя.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Н. Н. Оболенскому, въ Москвѣ.)

146

NICOLAS NIKOLAEWITCH MAZOWSKOÏ, 1756—1807, général major, chef du régiment de grenadiers Pavlowsky, à la tête duquel il mourut en héros à Friedland, était d'une famille noble du gouvernement de Novgorod. Il entra au service militaire en 1773 comme simple soldat au régiment Sémenowsky de la Garde, où il fit presque toute sa carrière. Il prit part aux principales guerres des règnes de Catherine II, de Paul Ier et d'Alexandre Ier. En 1803, général major, il fut nommé chef du régiment de grenadiers Pavlowsky. Lors de la campagne de 1805, il passa avec son régiment sur l'île de Rugen, et de là en Poméranie Suédoise et en Hanovre, où il resta jusqu'en 1806.

A Friedland, blessé d'une balle au bras, puis à la jambe, et hors d'état de se tenir à cheval, Mazowskoï se fit porter par deux grenadiers en avant de son régiment, exhortant ses hommes dans ce décor saisissant. Epuisé par ses blessures, il entraîna une dernière fois ses grenadiers à la baïonnette aux portes même de Friedland. „Mes amis", s'écria-t-il, „l'ennemi vient en force: il faut vaincre ou mourir!" Les grenadiers s'élancèrent. Mortellement atteint d'un biscaïen vers la fin de la bataille, ses derniers mots furent: „Courage, mes amis!" L'épisode de Mazowskoï blessé porté sur des fusils par deux grenadiers a été immortalisé dans le magnifique tableau de Charlemagne.

(D'après une miniature appartenant au prince N. Obolensky, Moscou.)

147

ЯКОВЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ, 1781—1831, сынъ генералъ-майора, егермейстера Алексѣя Яковлевича (1741—1810) отъ брака съ княжной Анной Богдановной Друцкой-Соколинской (1751—1798), родился въ С.-Петербургѣ 16 Октября 1781 г. и на 13-мъ году поступилъ въ 1-й Кадетскій корпусъ, затѣмъ состоялъ камеръ-пажемъ при Павлѣ I, а въ 1799 г. пожалованъ въ поручики Конной гвардіи; отставленный въ 1800 г. отъ службы, въ слѣдующемъ — снова принятъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій батальонъ. Въ 1805 г., въ чинѣ полковника, Потемкинъ участвовалъ въ бою подъ Аустерлицемъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.; за отличія въ сраженіяхъ при Фридландѣ получилъ золотую шпагу и орденъ св. Георгія 4-го класса. Въ Шведскую войну 1808 г. Потемкинъ участвовалъ въ составѣ корпуса Барклая-де-Толли и получилъ орденъ св. Владиміра 3-го класса. Въ Отечественную войну онъ командовалъ егерской бригадой 17-й пѣхотной дивизіи, въ корпусѣ Багговута, который, отступая отъ Вильны, поручилъ Потемкину арріергардъ своего корпуса, при чемъ онъ особенно отличился подъ Витебскомъ, за что награжденъ чиномъ генералъ-майора, подъ Смоленскомъ, Вязьмой и, наконецъ, при Бородинѣ. Милорадовичъ, подъ начальство котораго онъ вступилъ послѣ Можайска, высоко цѣня его воинскія заслуги, предложилъ ему исполнять обязанности начальника его штаба. Съ тѣхъ поръ, до Декабря 1812 г., во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, Потемкинъ былъ неразлучнымъ спутникомъ Милорадовича. Наградами за подвиги въ Отечественную войну были алмазные знаки св. Анны 2-й ст., Аннинская лента и назначеніе командиромъ Семеновскаго полка, шефомъ котораго состоялъ Александръ I. Во главѣ этого славнаго полка онъ участвовалъ подъ Кульмомъ, гдѣ у Гелленберга, благодаря его мужеству и распорядительности, была спасена гвардейская артиллерія, за что Потемкинъ былъ пожалованъ Георгіемъ 3-го кл., Австрійскимъ орденомъ Маріи-Терезіи и Прусскимъ желѣзнымъ крестомъ, а полку пожалованы Георгіевскія знамена. Потемкинъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ кампаній 1813 и 1814 годовъ и въ Парижѣ пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Состоя при особѣ Государя во время его путешествія въ Англію, онъ получилъ званіе почетнаго члена Оксфордскаго университета и дипломъ на званіе доктора правъ. Съ 1820 по 1828 г. командовалъ 2-й и 4-й пѣхотными дивизіями, а въ началѣ Турецкой войны 1828 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, состоялъ при Николаѣ I, а позднѣе былъ начальникомъ отряда, блокировавшаго Журжу; за это получилъ шпагу съ алмазами и звѣзду св. Александра Невскаго; въ 1829 г. онъ дѣйствовалъ на Кавказѣ, а въ 1830 г., во время Польскаго мятежа, назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Подольскимъ и Волынскимъ. На этомъ посту онъ и скончался въ г. Житомірѣ, 1 Февраля 1831 года.

По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, онъ „принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ былъ добръ и любезенъ, любилъ роскошь и щегольство; бывъ душою общества, онъ былъ обожаемъ и предводимыми имъ войсками“. Назначеніе командиромъ Семеновскаго полка, вмѣсто Потемкина, грубаго солдата Шварца было одной изъ причинъ извѣстнаго возмущенія въ этомъ полку.

Я. А. Потемкинъ былъ женатъ 3 раза: 1) на Варварѣ Ивановнѣ Сафоновой, 2) на Варварѣ Дмитріевнѣ Бахметевой и 3) на Ольгѣ Ѳедоровнѣ Брискорнъ. У него было 2 сына: Александръ (р. 1820 г., † 1849 г.) и Алексѣй (р. 1822 г.), и дочь Софья (съ 1838 г. за барономъ Э. А. фонъ-Вольфомъ).

(Съ миніатюры Росси, принадлежащей И. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

147

JACOB ALEXÉEWITCH POTEMKINE, 1781—1831, fils du général major et veneur Alexis Yakovlewitch Potemkine (1741—1810) et d'Anne Bogdanowna, née princesse Drontzky-Sokolinsky (1751—1798), naquit à St-Pétersbourg le 16 octobre 1781. Il entra dans sa 13e année au 1er Corps des Cadets, puis fut page de la chambre de Paul Ier, et devint en 1799 lieutenant à la Garde à cheval. Destitué en 1800, il reprit du service l'année suivante au bataillon des chasseurs de la Garde. En 1805, colonel, il prit part à la bataille d'Austerlitz et fut décoré de St-Vladimir de 4e classe; ses exploits à Friedland lui valurent une épée d'or et St-Georges de 4e classe. Il fit la guerre de Suède de 1808 au corps de Barclay de Tolly et reçut St-Vladimir de 3e classe. A la Guerre Patriotique, il commandait la brigade de chasseurs de la 17e division d'infanterie du corps de Baggovout; celui-ci, en se retirant de Vilna, lui confia son arrière-garde, à la tête de laquelle il se distingua particulièrement à Vitebsk, où il gagna le grade de général major, à Smolensk, Viazma, et enfin Borodino. Miloradowitch, sous le commandement duquel il se trouva après Mojaïsk, faisait grand cas de ses mérites, et lui proposa les fonctions de chef de son état-major. Depuis lors, et jusqu'en décembre 1812, dans toutes les opérations militaires, Potemkine fut inséparable de Miloradowitch. Ses hauts faits de la Guerre Patriotique lui valurent les insignes en diamants de Ste-Anne de 2e classe, le cordon de Ste-Anne et le commandement du régiment Sémenowsky, dont le chef était Alexandre Ier. A la tête de ce glorieux régiment, il prit part aux combats livrés sous Kulm: là, ce furent sa bravoure et son habileté qui sauvèrent à Hellenberg l'artillerie de la Garde; il reçut en récompense St-Georges de 3e classe, l'ordre de Marie-Thérèse d'Autriche et la Croix de Fer de Prusse, et le régiment se vit conférer les étendards de St-Georges. Potemkine prit part à tous les combats les plus importants des campagnes de 1813 et 1814 et fut promu à Paris général aide de camp. Attaché à la personne de l'Empereur lors de son voyage en Angleterre, il reçut le titre de membre honoraire de l'université d'Oxford et le diplôme de docteur en droit. De 1820 à 1828, il commanda les 2e et 4e divisions d'infanterie, et, au début de la guerre de Turquie de 1828, ayant le grade de général lieutenant, fut attaché à Nicolas Ier; dans la suite, chef du détachement chargé de l'investissement de Jourja, il reçut une épée en diamants et l'étoile de St-Alexandre Newsky. En 1829, il opéra au Caucase, et, l'année suivante, lors de l'insurrection de Pologne, fut nommé général gouverneur de Podolie et Volhynie. Il mourut dans ce poste à Jitomir le 1er février 1831.

Au témoignage de Mikhaïlowsky-Danilewsky, il „était des hommes les plus instruits de son temps. Bon et aimable, il aimait le luxe et le chic. Grand boute-en-train en société, il était également adoré de ses hommes“. Son remplacement à la tête du régiment Sémenowsky par le grossier personnage qu'était Schwartz fut une des causes de la fameuse révolte de ce régiment.

Potemkine fut marié trois fois, à Varvara Ivanowna Safonoff, à Varvara Dmitriewna Bakhméteff et à Olga Féodorowna Briscorn. Il eut deux fils, Alexandre (1820—1849) et Alexis (né 1822), et une fille Sophie, mariée en 1838 au baron E. von Wolff.

(D'après une miniature de Rossi, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

ЛЕОНТІЙ ИВАНОВИЧЪ ДЕ-ПРЕРАДОВИЧЪ, 1766—1844, по происхожденію сербъ, сынъ генералъ-майора Ивана Родіоновича († 1812) и жены его Софіи (NN), съ которой онъ разъѣхался, началъ службу въ 1771 г. вахмистромъ въ Бахмутскомъ гусарскомъ полку, затѣмъ служилъ въ Воложскомъ и Украинскомъ гусарскихъ, въ Смоленскомъ драгунскомъ полкахъ, до чина полковника, откуда былъ переведенъ въ Астрахапскій гренадерскій и, наконецъ, съ производствомъ, 13 Августа 1799 г., въ генералъ-майоры назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, которымъ командовалъ въ теченіе 7-и лѣтъ, послѣ чего внезапно долженъ былъ покинуть службу. Участникъ Крымскаго похода (1771—1774), Польской (1783, 1784 и 1794) и Турецкой (1788) войнъ, Де-Прерадовичъ всюду проявлялъ качества энергичнаго и храбраго офицера. За штурмъ Очакова награжденъ золотымъ крестомъ и чиномъ секундъ-майора; за сраженіе при Мацеовицахъ награжденъ Георгіемъ 4-й ст. и чиномъ премьеръ-майора; за взятіе Праги и Варшавы—золотымъ крестомъ. Въ этомъ сраженіи онъ проявилъ необыкновенное мужество при взятіи непріятельской батареи и былъ тяжело раненъ картечью. Въ царствованіе Павла I, Де-Прерадовичъ, въ качествѣ командира Семеновскаго полка (1799 г.), пользуется особеннымъ довѣріемъ Августѣйшаго шефа Семеновцевъ. Обстоятельствомъ этимъ не преминули, повидимому, воспользоваться ближайшіе руководители заговора, стремившіеся привлечь на свою сторону офицеровъ гвардейскихъ полковъ и ихъ начальниковъ, и имя Де-Прерадовича фигурируетъ въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, послѣдствіемъ котораго было событіе 11 Марта 1801 года. Такъ, по отзывамъ современниковъ, заговорщики неоднократно собирались у командира Семеновскаго полка, который велъ широкую, открытую жизнь, устраивалъ, подъ видомъ обѣдовъ и вечеринокъ, у себя собранія. Въ началѣ царствованія Александра I, Де-Прерадовичъ принимаетъ участіе въ кампаніи 1805 г. и отличается подъ Аустерлицемъ. Въ теченіе 7-и лѣтъ своего командованія Семеновскимъ полкомъ, онъ продолжалъ пользоваться довѣріемъ Государя, но въ 1807 году, во время Фридландскаго сраженія, произошло обстоятельство, сразу пресѣкшее его карьеру. Останавливаясь на этой эпохѣ жизни Де-Прерадовича, историкъ Семеновскаго полка указываетъ лишь на то, что „Государь остался недоволенъ распоряженіями его во время Фридландскаго сраженія, и онъ долженъ былъ оставить службу, сдавъ полкъ генералу Вердеревскому". Между тѣмъ генералъ Карцовъ приводитъ, со словъ генералъ-адъютанта Набокова, слѣдующій разсказъ, поясняющій его удаленіе со службы: „Причиною отстраненія генерала Де-Прерадовича (указъ 27 Іюня 1807 г.) отъ командованія полкомъ была не столько его расточительность, сколько странное его поведеніе во время сраженія подъ Фридландомъ. Въ то время, когда объ этомъ съ негодованіемъ говорили не только въ полку, но и вообще въ арміи,—въ Петербургѣ никто не хотѣлъ этому вѣрить. Да и трудно было повѣрить, чтобы человѣкъ, державшій себя два года тому назадъ, подъ Аустерлицемъ, по-рыцарски и бывшій на глазахъ Великаго Князя Константина Павловича подъ ядрами и пушками, могъ такъ измѣниться. Причина столь странной перемѣны заключалась въ томъ, что передъ кампаніей 1807 г. Де-Прерадовичъ вступилъ въ связь съ какой-то француженкой и настолько привязался къ ней, что имѣлъ слабость взять ее съ собой въ походъ. Въ день Фридландскаго сраженія никто не видалъ полкового командира передъ фронтомъ. Послѣ полудня, передъ атакой нашей гвардейской позиціи дивизіею генерала Биссона, старшій полковникъ Вельяминовъ послалъ адъютанта отыскивать полкового командира, котораго онъ нашелъ въ одномъ изъ сараевъ, въ коляскѣ, вмѣстѣ съ его подругою. Несмотря на просьбы и убѣжденія выѣхать къ полку, онъ не появлялся, отговариваясь болѣзнью. Патріотизмъ ли или боязнь за любимаго человѣка были причиною, что француженка не выпустила Де-Прерадовича до конца сраженія, но это испортило его блестяще начатую карьеру".

Де-Прерадовичъ умеръ 78 лѣтъ 7 Февраля 1844 г. и былъ погребенъ на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ; могила его не существуетъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Николаевнѣ Горчаковой (р. 1768 г., † послѣ 1851 г.), родной сестрѣ бабки графа Льва Николаевича Толстого.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

LÉONCE IVANOWITCH DE PRÉRADOWITCH, 1766—1844, d'origine serbe, fils du général major Ivan Rodionowitch de Préradowitch († 1812) et de sa femme Sophie, dont il se sépara, entra au service sous-officier au régiment des hussards de Bakhmout, puis servit aux hussards de Valachie et de l'Ukraine, aux dragons de Smolensk jusqu'au grade de colonel, aux grenadiers d'Astrakhan, et enfin, fut promu le 13 août 1799 général major et nommé commandant du régiment Sémenowsky de la Garde, à la tête duquel il resta sept ans, après quoi il dut quitter brusquement le service. A la campagne de Crimée (1771—1774), aux guerres de Pologne (1783, 1784 et 1794) et de Turquie (1788), partout il se montra énergique et vaillant officier. L'assaut d'Otchakoff lui valut une croix d'or et le grade de second major, la bataille de Maciejowice St-Georges de 4e classe et le grade de premier major, la prise de Praga et de Varsovie une croix d'or: il déploya dans cette bataille un courage extraordinaire à l'enlèvement d'une batterie ennemie et fut grièvement blessé d'un coup de mitraille. Sous Paul Ier, comme commandant du régiment Sémenowsky (1799), il jouit près de l'Auguste chef de son régiment d'une confiance particulière, dont ne manquèrent sans doute pas de profiter les meneurs de la conspiration, désireux de s'assurer la connivence des officiers de la Garde et de leurs chefs: le nom de Préradowitch figure au nombre de ceux des membres de la conspiration qui aboutit à l'événement du 11 mars 1801. Ainsi, au témoignage des contemporains, les conspirateurs se réunissaient chez le commandant du régiment Sémenowsky, qui vivait largement, tenant table ouverte et organisant des réunions sous le couvert de dîners et soirées. Au début du règne d'Alexandre Ier, il prit part à la campagne de 1805 et se distingua à Austerlitz. Durant les sept années de son commandement au régiment Sémenowsky, il ne cessa de jouir de la faveur de l'Empereur, mais en 1807, à Friedland, survint une conjoncture qui interrompit du coup sa carrière. A cette époque de la vie de Préradowitch, l'historien du régiment Sémenowsky s'arrête et se borne à mentionner: „L'Empereur fut mécontent de ses dispositions à la bataille de Friedland, et il dut quitter le service et remettre son commandement au général Verderewsky". Or, le général Kartzoff rapporte de la bouche du général aide de camp Nabokoff le récit suivant pour expliquer cette révocation: „Si le général de Préradowitch fut destitué" (par oukaze du 27 juin 1807), „ce fut moins en raison de sa dissipation que de son étrange conduite à la bataille de Friedland. Alors qu'on en parlait avec indignation non seulement au régiment, mais dans toute l'armée, à Pétersbourg personne ne voulait y croire. Il était en effet difficile de penser qu'un homme qui deux ans plus tôt, à Austerlitz, s'était conduit en chevalier et que le Grand-Duc Constantin avait vu braver la mitraille et les balles, pût changer à ce point. Cet étrange changement tenait à ce qu'avant la guerre de 1807, il avait noué des relations avec une française, qu'il n'avait pu résister à la faiblesse de prendre avec lui en campagne. Le jour de Friedland, personne ne vit le commandant du régiment sur le front de bataille. L'après-midi, au moment de l'attaque de notre Garde par la division Bisson, le plus ancien colonel Véliaminoff envoya un aide de camp à la recherche du commandant, qui fut trouvé sous un hangar, dans une voiture avec son amie. Toutes les prières et les objurgations ne purent le décider à rejoindre son poste, sous prétexte de maladie. Etait-ce patriotisme ou amour? Toujours est-il que la française ne lâcha pas de Préradowitch avant la fin de la bataille. Ce fut la ruine d'une carrière si brillamment commencée".

De Préradowitch mourut à 78 ans, le 7 février 1844, et fut inhumé au cimetière de Smolensk, à Pétersbourg. Son tombeau a disparu. Il avait épousé la princesse Natalie Nikolaewna Gortchakoff (née 1768, † après 1831), sœur de la grand'mère du comte Léon Tolstoï.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА КОЗИЦКАЯ, 1746—1833, младшая дочь Уральскаго горнозаводчика Ивана Федоровича Мясникова, женатаго на сестрѣ богачей рудопромышленниковъ братьевъ Твердышевыхъ, Татьянѣ Борисовнѣ, родилась 24 Октября 1746 года. Отецъ ея, унаслѣдовавъ громадное Твердышевское состояніе послѣ смерти братьевъ своей жены, не оставившихъ мужского потомства, въ свою очередь его увеличилъ, такъ что четыре дочери его явились чуть ли не самыми богатыми невѣстами своего времени и, получивъ въ приданое каждая по два завода и по 19.000 душъ крестьянъ, сдѣлали, несмотря на свое незнатное происхожденіе, очень приличныя партіи и явились родоначальницами богатства многихъ изъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій. Старшая изъ нихъ, Ирина, вышедшая за П. А. Бекетова, положила основаніе состоянію Бибиковыхъ и Балашевыхъ, вторая, Дарья, чрезъ замужество съ А. И. Пашковымъ и послѣдующіе браки своихъ дочерей передала свою часть Твердышево-Мясниковскихъ богатствъ въ фамиліи князей Долгорукихъ и Васильчиковыхъ и графовъ Левашевыхъ; отъ третьей, Аграфены, вышедшей за бригадира А. Н. Дурасова, разбогатѣли какъ мужское потомство Дурасовыхъ, такъ и графы Толстые и Закревскіе. Младшая изъ Мясниковыхъ, Екатерина Ивановна, въ то время какъ старшія сестры ея всю жизнь втайнѣ принадлежали къ старообрядчеству, приняла православіе и вышла замужъ за Григорія Васильевича Козицкаго (р. 1724 г., † 1775 г.), происходившаго изъ старинаго, но обѣднѣвшаго рода Волынской шляхты. Козицкій пользовался сильнымъ покровительствомъ братьевъ Орловыхъ, которые и устроили его бракъ съ богатой невѣстой и приблизили его къ Екатеринѣ, доставивъ ему должность статсъ-секретаря Императрицы, въ которой онъ явился ея ближайшимъ сотрудникомъ въ составленіи Наказа и въ литературныхъ ея занятіяхъ. Умная и энергичная женщина, съ характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, Е. И. Козицкая обладала большимъ тактомъ и, будучи дочерью простого „мужика“, сумѣла составить себѣ самостоятельное положеніе въ высшемъ свѣтѣ, въ которомъ выдающуюся роль играли ея дочери, княгиня А. Г. Бѣлосельская и графиня Лаваль. Не зная ни слова ни на одномъ иностранномъ языкѣ, она держала себя съ большимъ достоинствомъ въ самыхъ чопорныхъ кружкахъ и вела бесѣды съ иностранными дипломатами при помощи своихъ внучекъ. Сама она жила открыто и много принимала какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ у нея былъ большой и прекрасный домъ на Тверской, на углу Козицкаго переулка. Переживъ мужа болѣе чѣмъ на полстолѣтіе, Екатерина Ивановна Козицкая скончалась въ глубокой старости 6 Мая 1833 г. и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Е. И. Козицкая имѣла двухъ дочерей: Анну, бывшую замужемъ за княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ, и Александру, за графомъ Иваномъ Степановичемъ Лаваль; дочери передали свои доли екатеринскихъ богатствъ въ семьи князей Бѣлосельскихъ и Трубецкихъ, графовъ Лебцельтерновъ и Борховъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, С.-Петербургъ.)

CATHERINE IVANOWNA KOZITZKY, 1746—1833, plus jeune fille de l'usinier de l'Oural Ivan Féodorowitch Miasnikoff et de la sœur Tatiana Borissowna des frères Tverdycheff, les riches propriétaires miniers, naquit le 24 octobre 1746. Son père, héritier par les frères de sa femme, morts sans descendance mâle, de l'immense fortune des Tverdycheff, l'accrut encore à son tour, de sorte que ses quatre filles se trouvèrent être, ou peu s'en faut, les plus riches partis du temps, firent avec leur dot de chacune deux usines et 19.000 têtes de paysans, malgré leur naissance roturière, des mariages fort convenables, et furent l'origine de la fortune de nombre de familles russes des mieux titrées. L'aînée Irène épousa P. Békétoff, jetant ainsi les bases de la fortune des Bibikoff et des Balachoff; la seconde, Daria, par son mariage avec A. Pachkoff et, dans la suite, ceux de ses filles, transmit sa part de l'héritage Tverdycheff-Miasnikoff aux familles des princes Dolgorouky et Vassiltchikoff et des comtes Lévachoff; la troisième, Agrippine, mariée au brigadier A. Dourassoff, enrichit la descendance mâle des Dourassoff, ainsi que les comtes Tolstoï et Zakrewsky. La plus jeune, Catherine, tandis que ses aînées appartinrent secrètement toute leur vie à la secte des Vieux-Croyants, se convertit à l'orthodoxie, et épousa Grégoire Vassiliewitch Kozitzky (1724—1775), d'une vieille, mais pauvre famille de la noblesse de Volhynie. Kozitzky jouissait de la puissante protection des frères Orloff qui le marièrent à ce riche parti et l'approchèrent de Catherine en lui faisant obtenir le poste de secrétaire d'état de l'Impératrice, dont il fut le collaborateur immédiat pour la rédaction du Nakaze et pour ses travaux littéraires. Intelligente et énergique, caractère ferme et résolu, Mme Kozitzky eut le tact nécessaire pour réussir, fille d'un simple moujik, à prendre pied personnellement dans la haute société, où jouaient un rôle marquant ses deux filles, la princesse A. Bélosselsky et la comtesse Laval. Sans savoir un mot de langues étrangères, elle fit très dignement figure dans les cercles les plus guindés, ayant recours à ses petites-filles pour causer avec les diplomates étrangers. Elle-même vivait largement et recevait beaucoup, tant à Pétersbourg qu'à Moscou, où elle possédait une grande et belle maison dans la Tverskaïa, au coin du Kozitzky Péréoulok. Veuve plus d'un demi-siècle, elle mourut dans une vieillesse avancée le 6 mai 1833, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Mme Kozitzky eut deux filles, Anne, mariée au prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky, et Alexandrine au comte Ivan Stépanowitch Laval, qui firent passer leur part des richesses maternelles aux familles des princes Bélosselsky et Troubetzkoï et des comtes Lebzeltern et Borch.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince K. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

149

Пис. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Екатерина Ивановна Козицкая, 1746 — 1833 — Catherine Ivanowna Kozitzky, 1746 — 1833

150

Княгиня Марія Александровна Тюфякина, 1749 — 1804 — La Princesse Marie Alexandrowna Tioufiakine, 1749 — 1804

151

Марія Степановна Талызина, 1742 — 1796 — Marie Stépanowna Talyzine, 1742 — 1796

152

Марія Васильевна Талызина, 1762 — 1853 — Marie Vassiliewna Talyzine, 1762 — 1853

150

Княгиня **МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТЮФЯКИНА**, 1749—1804, дочь бригадира князя Александра Михайловича Долгорукаго (р. 17 Августа 1714 г., † 17 Декабря 1750 г.) отъ брака съ княжной Екатериной Осиповной Щербатовой (р. 9 Ноября 1722 г., † 28 Ноября 1757 г.), родилась 28 Ноября 1749 года. Племянница князя Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго, въ концѣ 1760-хъ годовъ она вышла замужъ за князя Ивана Петровича Тюфякина, въ 1801 г., въ день коронаціи Александра I, пожалованнаго въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Отъ этого брака былъ единственный сынъ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ (р. 1769 г., † 1845 г.), гофмейстеръ, послѣдній представитель рода князей Тюфякиныхъ, одной изъ вѣтвей князей Оболенскихъ.

Княгиня Марія Александровна Тюфякина, въ послѣдніе годы жизни психически ненормальная, умерла 29 Января 1804 года и похоронена въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. Н. Долгорукому, с. Волынщина, Московской губ.)

150

La princesse **MARIE ALEXANDROWNA TUFIAKINE**, 1749 — 1804, fille du prince Alexandre Mikhaïlowitch Dolgorouky (17 août 1714—17 décembre 1750), brigadier, et de Catherine Ossipowna, née princesse Chtcherbatoff (9 novembre 1722 — 28 novembre 1757), naquit le 28 novembre 1749. Nièce du prince Basile Mikhaïlowitch Dolgorouky-Krymsky, elle épousa à la fin des années 60 le prince Ivan Pétrowitch Tufiakine, qui fut fait conseiller privé actuel en 1801, le jour du couronnement d'Alexandre Ier.

Elle eut de ce mariage un fils unique, le prince Pierre Ivanowitch Tufiakine (1769 — 1845), maître de la Cour, dernier représentant de la famille des princes Tufiakine, une des branches de celle des princes Obolensky.

La princesse Marie Tufiakine, qui eut l'esprit dérangé dans les dernières années de sa vie, mourut le 29 janvier 1804, et fut inhumée à Moscou, au monastère Daniloff.

(D'après un original appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

МАРІЯ СТЕПАНОВНА ТАЛЫЗИНА, 1742—1796, вторая дочь фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702—1758) отъ брака съ Аграфеной Леонтьевной Соймоновой (1719—1771), родилась 20 Мая 1742 года. Воспитывалась она въ имѣніи отца своего, с. Ольговѣ, Московской губерніи, перешедшемъ затѣмъ къ ея брату; 19 Января 1763 г. М. С. Апраксина вышла замужъ за поручика Семеновскаго полка Александра Федоровича Талызина, одного изъ участниковъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ Екатерины II. Не такая красивая, какъ сестра ея, блестящая княгиня Елена Степановна Куракина, Марія Степановна Талызина въ молодости была „пребойкая и пребѣдовая“, охотница до ночныхъ катаній съ адъютантами отца; какъ говорятъ, за нею ухаживалъ даже покровитель ея старшей сестры, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Впослѣдствіи она близко сошлась съ извѣстнымъ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, и отношенія эти прекратились лишь со смертью Панина. Сильно растолстѣвшая съ годами, она уже никого не могла плѣнять своею наружностью; это вызвало со стороны одного пріѣзжаго въ Петербургъ дипломата замѣчаніе, что вѣрность стараго графа дѣлаетъ ему честь, такъ какъ другой, на его мѣстѣ, не нашелъ бы въ себѣ достаточной для этого добродѣтели. Тяжеловѣсная фигура Маріи Степановны, сдѣлавшаяся пословицею въ семействѣ, не мѣшала, однако, ей любить свѣтскія развлеченія и танцы и удивлять своихъ молодыхъ племянниковъ легкостью, съ которою она танцовала „не только менуэты и польскіе, но и контрдансы“. Благодаря своей близости къ Панину, М. С. Талызина была очень извѣстна въ Петербургскихъ дипломатическихъ кружкахъ и имѣла репутацію интригантки между иностранными дипломатами. Будучи родною теткою „великолѣпныхъ“ князей Александра и Алексѣя Борисовичей Куракиныхъ, опекуномъ коихъ состоялъ ея мужъ, Марія Степановна пользовалась съ ихъ стороны большою любовью и уваженіемъ, при чемъ принимала большое участіе въ ихъ воспитаніи; у нея же воспитывался, послѣ смерти матери, и братъ ея, Степанъ Степановичъ Апраксинъ, извѣстный Московскій красавецъ и пожиратель сердецъ въ молодости, впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи, богачъ, принимавшій всю Москву у себя въ Ольговѣ, любитель театра, всякихъ увеселеній и причудъ, человѣкъ пустой, но гостепріимный, простой и добрый, временами самодуръ, не знавшій предѣла своимъ выдумкамъ. Овдовѣвъ, Марія Степановна постоянно проживала въ домѣ брата до самой его женитьбы (въ Іюлѣ 1793 г.), раздѣливъ 12 Октября 1790 г. между дѣтьми все свое имѣніе, по 500 душъ на каждаго, при чемъ дѣти обязаны были выплачивать матери по 1000 руб. въ годъ, а сыновья заплатить ея долги въ размѣрѣ 120/т. руб., на что имъ былъ данъ особо домъ въ Петербургѣ, на „Новой Морской“.

У Талызиной было два сына: Степанъ и Петръ, и двѣ дочери: Екатерина (за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ М. А. Обресковымъ) и Татьяна (въ первомъ бракѣ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ І. Я. Гедеоновымъ, а во второмъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ С. А. Шишкинымъ).

М. С. Талызина умерла въ Москвѣ, 10 Декабря 1796 г., и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ братомъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

MARIE STEPANOWNA TALYZINE, 1742—1796, seconde fille du feld-maréchal Stéphane Féodorowitch Apraxine (1702—1758) et d'Agrippine Léontiewna, née Soïmonoff (1719—1771), naquit le 20 mai 1742. Elevée dans la propriété de son père, Olgovo, près Moscou, qui passa ensuite à son frère, elle épousa le 19 janvier 1763 Alexandre Féodorowitch Talyzine, lieutenant au régiment Sémenowsky, un des acteurs de l'élévation au trône de Catherine II. Moins belle que sa sœur, la brillante princesse Hélène Stépanowna Kourakine, elle était dans sa jeunesse „d'une hardiesse et d'une espièglerie extrêmes", et grand amateur de promenades nocturnes en compagnie des aides de camp de son père; on dit même qu'elle reçut les hommages du protecteur de sa sœur aînée, le comte Pierre Ivanowitch Chouvaloff. Plus tard, elle se lia avec le célèbre comte Nikita Panine, et la liaison ne cessa qu'à la mort de Panine. Devenue avec l'âge d'un embonpoint extrême, elle ne pouvait plus alors avoir rien de séduisant pour personne, ce qui fit dire à un diplomate de passage à Pétersbourg que la fidélité du vieux comte lui faisait honneur, car un autre, à sa place, ne saurait trouver pour cela une vertu suffisante. La corpulence de Mme Talyzine, devenue proverbiale dans la famille, ne l'empêchait cependant pas d'aimer les divertissements mondains et la danse, et d'étonner ses jeunes neveux par la légèreté avec laquelle elle dansait „non seulement le menuet et la polka, mais aussi la contredanse". Grâce à son intimité avec Panine, elle était bien connue dans les cercles diplomatiques de Pétersbourg, et avait la réputation d'une intrigante parmi les diplomates étrangers. Ses neveux, les „magnifiques" princes Alexandre et Alexis Kourakine, dont son mari était le tuteur, avaient pour elle une grande affection et une grande considération: elle s'occupa beaucoup de leur éducation, et se chargea également, quand sa mère mourut, de celle de son frère Stéphane Stépanowitch Apraxine, dans la suite général de cavalerie, connu à Moscou dans sa jeunesse comme bel homme et mangeur de cœurs; fort riche, il recevait toute la ville à sa maison d'Olgovo; grand amateur de théâtre et de toute espèce de distractions et de fantaisies, c'était un homme futile, mais hospitalier, simple et bon, parfois extravagant et ne connaissant pas de bornes à ses caprices. Devenue veuve, sa sœur habita constamment chez lui jusqu'à son mariage, en juillet 1793. Elle partagea, le 12 octobre 1790, tout son bien entre ses enfants: il leur revint 500 têtes de paysans à chacun, mais avec l'obligation de lui servir une pension annuelle de 1000 roubles chacun, et, pour les fils, de payer ses 120.000 roubles de dettes; ils reçurent spécialement à cet effet une maison à Pétersbourg, sur la Nouvelle Morskaïa.

Mme Talyzine eut deux fils, Stéphane et Pierre, et deux filles, Catherine, mariée au conseiller privé actuel M. Obreskoff, et Tatiana, en premières noces au conseiller d'état actuel M. Gédéonoff et en secondes noces au conseiller d'état actuel S. Chichkine.

Mme Talyzine mourut à Moscou le 10 décembre 1796, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, près de son frère.

(D'après un original appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

152

МАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА ТАЛЫЗИНА, 1762—1853, дочь гвардіи-поручика князя Василія Михайловича Голицына, женатаго на Маріи Алексѣевнѣ Татищевой, родилась 5 Марта 1762 года; 20 Января 1800 г. 38-лѣтняя княжна вышла замужъ за 35-лѣтняго генералъ-майора Степана Александровича Талызина (р. 1765 г., † 1815 г.; см. т. II, № 114), вдовца послѣ двухъ женъ, имѣвшаго, впрочемъ, единственнаго сына Александра (р. 22 Марта 1795 г.).

У Маріи Васильевны было двое дѣтей: сынъ Василій, умершій вскорѣ послѣ рожденія, и дочь Марія, скончавшаяся 13-и лѣтъ (р. 6 Мая 1808 г., † 29 Мая 1821 г.).

Бракъ ея не былъ счастливъ, несмотря на далеко не юный возрастъ супруговъ; они тяготились другъ другомъ, разъѣзжались, съѣзжались, но большею частью жили отдѣльно. С. А. Талызинъ жаловался сыну на „неуживчивый, строптивый характеръ и ревность“ мачехи, но жена имѣла полное къ тому основаніе, ибо мужъ имѣлъ стороннія привязанности: въ это самое время у С. А. Талызина является трое „воспитанниковъ“ — Василій и Анна Гурьяновы и Иванъ Степановичъ Виттъ. Свою предсмертную болѣзнь Талызинъ приписывалъ „постоянному раздраженію“ противъ жены, что не помѣшало ему скончаться на ея рукахъ, въ Москвѣ, 19 Апрѣля 1815 года. Вдова его умерла въ глубокой старости, почти 40 лѣтъ спустя; она жила постоянно въ Москвѣ, въ своемъ старомъ домѣ, въ Денежномъ переулкѣ; отличаясь добротой и широкой благотворительностью, М. В. Талызина завѣщала все свое недвижимое имѣніе и капиталъ въ 30.000 рублей на „училище для дѣвицъ“, нынѣ Маріинскій институтъ, въ Москвѣ; съ семьей пасынка она оставалась въ самыхъ теплыхъ, родственныхъ отношеніяхъ.

М. В. Талызина умерла въ Москвѣ 5 Января 1853 года и похоронена въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ и дочерью.

(Съ портрета пастелью, принадлежащаго Л. и В. А. Талызинымъ; с. Денежниково, Московской губ.)

152

MARIE VASSILIEWNA TALYZINE, 1762—1853, fille du prince Basile Mikhaïlowitch Golitzyne, lieutenant de la Garde, et de Marie Alexéewna, née Tatichtcheff, naquit le 5 mars 1762. Elle épousa le 20 janvier 1800, à l'âge de 38 ans, le général major Stéphane Alexandrowitch Talyzine (1765—1815; v. T. II, № 114), âgé lui-même de 35 ans, deux fois veuf et ayant, du reste, un fils unique Alexandre (né 22 mars 1795).

Mme Talyzine eut deux enfants, un fils Basile, qui ne vécut pas, et une fille Marie, morte à 13 ans (6 mai 1808—29 mai 1821).

L'union ne fut pas heureuse, malgré l'âge plus que raisonnable des conjoints. A charge l'un à l'autre, se séparant, puis se réunissant, ils ne vécurent presque pas ensemble. Lui, se plaignait à son fils du „caractère difficile, intraitable et jaloux" de sa femme, qui, de son côté, avait de bonnes raisons, car elle lui savait des liaisons: il se trouve, à ce moment, à la tête de trois „pupilles", Basile et Anne Gourianoff et Ivan Stépanowitch Witt. Il attribuait sa dernière maladie à son „exaspération continuelle" contre sa femme, ce qui ne l'empêcha pas de mourir dans ses bras, à Moscou, le 19 avril 1815. Elle-même ne mourut que près de quarante ans plus tard, dans une vieillesse avancée. Elle était constamment à Moscou, dans sa vieille maison de Dénejny Péréoulok. Connue par sa bonté et sa large bienfaisance, elle légua tous ses immeubles et un capital de 30.000 roubles à l'Ecole de Jeunes Filles, aujourd'hui Institut Marie, de Moscou. Elle conserva avec la famille de son beau-fils les relations les plus affectueuses, les plus maternelles.

Mme Talyzine mourut à Moscou le 5 janvier 1853, et fut inhumée à Dmitrovo, gouvernement de Moscou, au monastère Boris et Gleb, près de son mari et de sa fille.

(D'après un pastel appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ, 1749—1802, сынъ Саратовскаго помѣщика Николая Аѳанасьевича Радищева отъ брака съ Ѳеклой Степановной Аргамаковой, родился 20 Августа 1749 г.; Радищевъ получилъ воспитаніе сначала дома, а затѣмъ въ Москвѣ, въ домѣ дяди, М. Ф. Аргамакова, подъ руководствомъ профессоровъ Московскаго университета, и, наконецъ, въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ числѣ 6 лучшихъ учениковъ былъ отправленъ въ Лейпцигскій университетъ. Въ Лейпцигѣ Радищевъ потерялъ своего однокашника, „вождя своей юности“, „друга любезнѣйшаго“, Ѳ. В. Ушакова, „Житіе“ котораго (въ 1778 г.) описалъ. Несмотря на неблагопріятныя условія жизни, Радищевъ усѣлъ въ Лейпцигѣ обогатиться основательными познаніями, главнымъ образомъ въ области философіи, естественныхъ наукъ, химіи и медицины. Онъ слушалъ такихъ знаменитостей, какъ Платнеръ, Геллертъ; изъ философовъ его увлекалъ Лейбницъ и Гельвецій; въ области политики сильное впечатлѣніе произвелъ на Радищева Мабли: переводъ его „Observations sur l'histoire de la Grèce“ былъ однимъ изъ первыхъ литературныхъ опытовъ Радищева. Переводъ былъ сдѣланъ уже въ Петербургѣ, куда Радищевъ вернулся въ Ноябрѣ 1771 г. и гдѣ поступилъ на службу протоколистомъ въ Сенатъ; въ 1773 г. онъ служилъ оберъ-аудиторомъ въ штабѣ графа Брюса; въ 1775 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ секундъ-майора, и женился на Аннѣ Васильевнѣ Рубановской; 22 Декабря 1777 г. онъ снова поступилъ на службу асессоромъ въ Коммерцъ-коллегію; въ 1780 г. былъ назначенъ помощникомъ управляющаго, а въ 1790 г. управляющимъ Петербургской таможней. Въ Іюнѣ этого года Радищевъ за напечатаніе своего „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость. Екатерина II, ознакомившись съ „Путешествіемъ“ Радищева, нашла въ немъ „разсѣиваніе“ французской заразы, а въ авторѣ „едва ли не мартиниста или чего подобнаго“. Преданный суду, за которымъ внимательно слѣдила сама Императрица, Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, несмотря на то, что въ своихъ показаніяхъ авторъ отрекался отъ своей книги и признавалъ, что она „наполнена гнусными, дерзкими и развратными выраженіями“. Указомъ 4 Сентября 1790 г. смертная казнь была замѣнена ссылкой въ Илимскій острогъ, куда Радищевъ и былъ привезенъ въ Январѣ 1792 г.; въ Илимскѣ онъ написалъ замѣчательный трактатъ „О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи“. Ссылку раздѣляла съ Радищевымъ его вторая супруга, Елизавета Васильевна Рубановская, сестра его первой жены. По воцареніи Павла I, 23 Ноября 1796 г. послѣдовалъ указъ о его освобожденіи, и въ Іюнѣ 1797 г. Радищевъ былъ уже въ своемъ имѣніи, с. Нѣмцовѣ, Калужской губ.; овдовѣвъ (Елизавета Васильевна скончалась въ 1797 г., въ Тобольскѣ), Радищевъ исхлопоталъ разрѣшеніе посѣтить своего престарѣлаго отца, жившаго въ Саратовской губерніи, въ имѣніи котораго, с. Преображенскомъ, Радищевъ провелъ весь 1798 г.; послѣдующіе два года онъ прожилъ въ своемъ Нѣмцовѣ; между прочимъ здѣсь была написана имъ большая „богатырская повѣсть“ въ стихахъ — „Бова“. Полную свободу Радищевъ получилъ лишь по вступленіи на престолъ Александра I, по указу 15 Марта 1801 г.; въ томъ же году, 6 Августа, онъ вновь былъ принятъ на службу членомъ Комиссіи сочиненія законовъ. Разсказываютъ, что здѣсь, въ отвѣтъ на его мнѣніе по поводу нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій графъ Завадовскій указалъ ему на „молодость его сѣдинъ“ и даже напомнилъ о Сибири, и что будто бы это было поводомъ къ самоубійству Радищева; онъ умеръ въ ночь на 12 Сентября 1802 г. и на слѣдующій день былъ погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, какъ „умершій отъ чахотки“; могила его затеряна.

Кромѣ упомянутыхъ произведеній, Радищеву принадлежитъ нѣсколько стихотвореній и мелкихъ статей. Радищевъ не былъ поэтомъ; не мало недостатковъ найдется и въ прозаическихъ его произведеніяхъ, но автора „Путешествія“ не даромъ признаютъ писателемъ; таковымъ признавалъ его и Пушкинъ, перо котораго сдѣлало много для популярности имени Радищева, не меньшую роль сыграли здѣсь и цензурныя гоненія. Н. А. Радищевъ оставилъ слѣдующую характеристику своего отца: „А. Н. былъ нрава прямого и пылкаго; всѣ горести сносилъ съ стоическою твердостью, никогда не изгибался и былъ врагъ лести и подобострастія. Въ дружбѣ былъ непоколебимъ, а оскорбленія забывалъ скоро; честность и безкорыстіе были отличительными его чертами. Обхожденіе его было просто и пріятно, разговоръ занимателенъ, лицо красиво и выразительно, ростъ средній“. Внукъ Радищева, художникъ А. П. Боголюбовъ, открылъ въ Саратовѣ въ 1878 г. достойный памятникъ своему дѣду — „Радищевскій музей“, лучшій музей Поволжья.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE NIKOLAEWITCH RADICHTCHEFF, 1749—1802, fils du propriétaire de Saratoff Nicolas Afanassiewitch Radichtcheff et de Thècle Stépanowna, née Argamakoff, naquit le 20 août 1749. Il commença ses études dans sa famille et les continua à Moscou, chez son oncle M. Argamakoff, sous la direction de professeurs de l'Université de Moscou, et enfin au Corps des Pages, où il fut des six meilleurs élèves envoyés à l'université de Leipzig. Là, il perdit son camarade, „le guide de sa jeunesse", „son excellent ami", Th. Ouchakoff, dont il publia la Vie en 1778. Les conditions défavorables dans lesquelles il y vécut ne l'empêchèrent pas d'acquérir de solides connaissances, particulièrement en philosophie, en sciences naturelles, en chimie et en médecine. Il suivit les cours de célébrités comme Plattner, Hellert; ses philosophes préférés étaient Leibniz et Helvétius, et, dans le domaine de la politique, Mably fit sur lui une forte impression: une traduction de ses Observations sur l'histoire de la Grèce fut un de ses premiers essais littéraires. Il la fit à Pétersbourg, où il revint en novembre 1771 et entra comme rédacteur au Sénat. Auditeur général en 1773 à l'état-major du comte Bruce, il prit sa retraite en 1775 comme second major et épousa Anne Vassiliewna Roubanowsky. Rentré au service le 22 décembre 1777 comme assesseur au Collège de Commerce, il devint en 1780 directeur adjoint, et en 1790 directeur de la douane de Pétersbourg. En juin de la même année, à la suite de la publication de son Voyage de Pétersbourg à Moscou, il fut arrêté et interné dans une forteresse. Catherine II, après examen de l'ouvrage, y trouva „la diffusion" de la contagion française et déclara l'auteur „une espèce de martiniste ou quelque chose du même genre". Traîné en justice,— et l'Impératrice suivit elle-même de près les débats,— il fut condamné à mort, bien qu'il eût dans sa déposition désavoué son livre et l'eût déclaré „plein d'expressions infâmes, impertinentes et perverses". Un oukaze du 4 septembre 1790 commua la peine capitale en déportation à l'île d'Ilimsk, où il arriva en janvier 1792, et composa un remarquable traité sur L'homme, sa mortalité et son immortalité. Il fut suivi dans son exil pár sa seconde femme, Elisabeth Vassiliewna Roubanowsky, sœur de la première. A l'avènement de Paul Ier, un oukaze du 23 novembre 1796 lui rendit la liberté, et en juin 1797 il était déjà dans ses terres de Nemtzoff, gouvernement de Kalouga; veuf de sa seconde femme, morte à Tobolsk en 1797, il se fit donner l'autorisation d'aller dans le gouvernement de Saratoff voir son vieux père, dans la propriété duquel, à Préobragensky, il resta toute l'année 1798. Il passa les deux années suivantes dans son Nemtzoff, où il composa entre autres une grande „nouvelle héroïque" en vers, Bova. Sa liberté complète ne lui fut rendue qu'à l'avènement d'Alexandre Ier, par oukaze du 15 mars 1801, et il reprit du service le 6 août de la même année comme membre de la Commission de rédaction du Code. On raconte que là, répondant à son avis sur quelques points de droit civil, le comte Zavadowsky lui représenta „la jeunesse de ses cheveux gris" et fit même allusion à la Sibérie, et que cet incident l'aurait conduit au suicide. Il mourut dans la nuit du 12 septembre 1802, et fut inhumé le lendemain au cimetière Volkovo, comme „mort de phthisie"; sa sépulture a disparu.

Outre ses ouvrages déjà nommés, Radichtcheff est l'auteur de poésies et de menus articles. Il n'était pas poète; on trouvera même bien des défauts dans ses écrits en prose: mais l'auteur du Voyage n'est pas sans raison considéré comme un écrivain. Telle était aussi l'opinion de Pouchkine, dont la plume contribua beaucoup à populariser son nom: les rigueurs de la censure n'y furent pas non plus pour rien. Son fils fait de lui le portrait suivant: „C'était un caractère droit et ardent. Il supportait tous les ennuis avec une fermeté stoïque, incapable de ramper et ennemi de la flatterie et de la servilité. Inébranlable dans l'amitié, il oubliait vite les offenses; la probité et le désintéressement étaient ses traits distinctifs. Il avait des manières simples et agréables, une conversation intéressante, une belle tête expressive et une taille moyenne". Un petit-fils de Radichtcheff, l'artiste A. Bogoliouboff, a créé en 1878 à Saratoff un digne monument à la mémoire de son grand-père, le Musée Radichtcheff, le plus beau de la région du Volga.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

153

Александръ Николаевичъ Радищевъ,
1749 — 1802

Alexandre Nikolaewitch Radichtcheff,
1749 — 1802

154

Анна Васильевна Радищева,
175. — 1783

Anna Vassiliewna Radichtcheff,
175. — 1783

155

Николай Ивановичъ Новиковъ,
1744 — 1818

Nicolas Ivanowitch Novikoff,
1744 — 1818

156

Семенъ Ивановичъ Гамалѣя,
1743 — 1822

Siméon Ivanowitch Gamalëia,
1743 — 1822

АННА ВАСИЛЬЕВНА РАДИЩЕВА, 175.—1783, первая супруга писателя Александра Николаевича Радищева, старшая дочь статскаго совѣтника, члена Главной Дворцовой канцеляріи Василія Кирилловича Рубановскаго († 1775 г., въ Москвѣ), воспитывалась, какъ и двѣ младшія ея сестры, въ Императорскомъ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ (Смольномъ монастырѣ), гдѣ кончила курсъ съ шифромъ; особенно близкая къ ней ея подруга Г. И. Алпмова (въ замужествѣ Ржевская), пережившая Анну Васильевну, отзывается о ней въ своихъ воспоминаніяхъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Съ своей будущей супругой А. Н. Радищевъ познакомился чрезъ товарища по Лейпцигскому университету М. К. Рубановскаго, приходившагося Аннѣ Васильевнѣ дядей. Браку Радищева съ Анной Васильевной долго противилась мать послѣдней, но, наконецъ, лѣтомъ 1775 г. свадьба состоялась въ Москвѣ; послѣ свадьбы молодые тотчасъ уѣхали въ Петербургъ, гдѣ Радищевъ снова поступилъ на службу (асессоромъ въ Коммерцъ-коллегію). Замужняя жизнь Анны Васильевны была непродолжительна, всего восемь лѣтъ, но счастлива.

А. В. Радищева скончалась въ Петербургѣ 3 Августа 1783 г., вскорѣ послѣ рожденія третьяго сына (Павла), и погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Мужъ посвятилъ покойной прочувствованную эпитафію въ стихахъ, которую, однако, какъ говорятъ, ему не позволили вырѣзать на надгробномъ камнѣ, по той причинѣ, что въ ней „выражается недостаточная увѣренность въ безсмертіи души“, и памятникъ съ эпитафіей будто бы былъ поставленъ А. Н. Радищевымъ въ саду при его домѣ. По словамъ сына писателя, Анна Васильевна „была небогата, но имѣла все то, что могло составить счастіе хорошаго человѣка“.

Отъ брака съ А. Н. Радищевымъ у нея было три сына: Василій (р. 1777 г.), Николай (р. 1779 г., † 1829 г.), Павелъ (р. 27 іюля 1783 г., † послѣ 1858 г., въ Таганрогѣ), и дочь.

Въ 1792 г. А. Н. Радищевъ, будучи въ ссылкѣ въ Илимскѣ, вступилъ во второй бракъ съ сестрой Анны Васильевны, Елизаветой Васильевной, и отъ этого брака имѣлъ двухъ дочерей и сына Аѳанасія (бывшаго въ 1851 г. Ковенскимъ губернаторомъ). Елизавета Васильевна скончалась въ Тобольскѣ въ началѣ 1797 г., простудившись въ дорогѣ, при возвращеніи Радищева со всей семьей изъ ссылки. Говорятъ, что она „была не хороша лицомъ и ряба, но умная женщина. А. Н. былъ много обязанъ ей во время ссылки; она его поддерживала и не давала ему падать духомъ; привезла къ нему дѣтей, прилежно занималась хозяйствомъ и дѣлала его жизнь по возможности пріятною. Зато онъ всегда говорилъ о ней, что это была женщина съ геройскимъ духомъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ.)

154

ANNE VASSILIEWNA RADICHTCHEFF, 175.—1783, première femme de l'écrivain Alexandre Nikolaewitch Radichtcheff, fille aînée de Basile Kirillowitch Roubanowsky, conseiller d'état, membre de la Chancellerie générale du Palais, mort en 1775 à Moscou, fut élevée à Smolna comme ses deux plus jeunes sœurs, et en sortit avec le chiffre. Mme Rjewsky, née Alimoff, sa camarade d'institut et sa grande amie, qui lui survécut, parle d'elle dans ses souvenirs de la manière la plus chaleureuse. Radichtcheff fit la connaissance de sa future femme par son camarade de l'université de Leipzig Roubanowsky, oncle de la jeune fille, dont la mère s'opposa longtemps au mariage. La cérémonie fut enfin célébrée à Moscou à l'été de 1775, et les jeunes époux partirent immédiatement pour Pétersbourg, où Radichtcheff reprenait du service comme assesseur au Collège de Commerce.

La vie conjugale de Mme Radichtcheff fut courte, huit ans seulement, mais heureuse. Elle mourut à Pétersbourg le 3 août 1783, peu après la naissance de son troisième fils Paul, et fut inhumée au cimetière Lazareff, au monastère d'Alexandre Newsky. Son mari composa en vers émus une épitaphe qu'on ne lui permit cependant pas, dit-on, de graver sur son tombeau, en raison „de la manière insuffisante dont y était affirmée la croyance en l'immortalité de l'âme"; il aurait alors fait élever un monument portant l'épitaphe dans le jardin de sa maison. Au témoignage d'un fils de l'écrivain, Mme Radichtcheff „était pauvre, mais avait tout ce qu'il fallait pour faire le bonheur d'un bon mari".

De son mariage avec Radichtcheff, elle eut trois fils, Basile (né 1777), Nicolas (1779—1829) et Paul, né le 27 juillet 1783, mort après 1858 à Taganrog, et une fille.

En 1792, Radichtcheff, alors déporté à Ilimsk, se remaria à la sœur de sa femme, Elisabeth, et eut de ce mariage deux filles et un fils Athanase, qui fut en 1851 gouverneur de Kovno. En revenant de l'exil avec les siens, il perdit sa seconde femme, qui prit froid pendant le voyage et succomba à Tobolsk au commencement de 1797. „Elle n'était pas belle et avait le visage marqué de petite vérole, mais c'était une femme d'esprit. Elle fit beaucoup pour son mari dans l'exil; elle le soutint et ne lui laissa pas perdre courage; elle lui amena ses enfants, s'occupa de son intérieur avec sollicitude et lui fit la vie aussi agréable que possible. Mais aussi disait-il toujours que c'était une femme d'un cœur héroïque".

(D'après un original du Musée Radichtcheff, Saratoff.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НОВИКОВЪ, 1744—1818, сынъ статскаго совѣтника, служившаго раньше во флотѣ, Ивана Васильевича Новикова и жены его Анны Ивановны, родился 27 Апрѣля 1744 г. въ с. Авдотьинѣ, Бронницкаго у.; 14-ти лѣтъ Новиковъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ дворянскую гимназію, откуда послѣ трехлѣтняго пребыванія былъ исключенъ „за лѣность и нехожденіе въ классы". Въ Январѣ 1762 г. онъ поступилъ въ Измайловскій полкъ и при воцареніи Екатерины II былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры; въ 1767 г. Новиковъ, выдававшійся среди гвардейцевъ способностями, былъ отправленъ въ Москву для занятій письмоводствомъ въ Коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія. Участіе въ занятіяхъ Коммиссіи, сдѣлавшее Новикова извѣстнымъ Императрицѣ, имѣло громадное значеніе для него въ томъ смыслѣ, что поставило передъ нимъ густую сѣть важнѣйшихъ вопросовъ общественной и частной жизни тогдашней Россіи, надъ которыми онъ поработалъ въ теченіе своей послѣдующей жизни. Оставивъ въ 1768 г. службу въ чинѣ поручика, онъ въ слѣдующемъ же году выступилъ, какъ издатель ряда журналовъ. Живая, мѣткая и смѣлая сатира, не боявшаяся вступать въ полемику со „Всякой Всячиной", осмѣивавшая недостатки тогдашней частной и общественной жизни, имѣла выдающійся успѣхъ. Но Новиковъ понималъ, что „чистить нравы" одной сатирой было недостаточно: надо было указать добродѣтель и путь къ ней болѣе серіозными средствами. Надо было, въ противовѣсъ извращеннымъ нравамъ вѣка, дать „начертаніе правовъ и обычаевъ" нашихъ предковъ, „чтобы мы познали величество духа ихъ, украшеннаго простотою"... И вотъ начинаетъ появляться съ 1773 г. „Древняя Россійская Вивліоѳика или Собраніе разныхъ древнихъ сочиненій", немного ранѣе „Древняя Россійская Идрографія", затѣмъ „Повѣствователь древностей Россійскихъ"; еще раньше Новиковъ издалъ свой замѣчательный „Опытъ историческаго Словаря о россійскихъ писателяхъ". Уже въ этомъ изданіи сказалось стремленіе Новикова привлекать къ своей дѣятельности общество; эта мысль ясна въ призывѣ организовать „общество, старающееся о напечатаніи книгъ". Между тѣмъ душевный складъ Новикова, мучившія его противорѣчія и исканія привели его къ масонству, сначала къ ложѣ „Астрея", затѣмъ къ системѣ Рейхеля, въ актахъ которой все было обращено на нравственность и самопознаніе; Новиковъ издаетъ „Утренній Свѣтъ" (1777), посвященный именно вопросамъ нравственности и самопознанія, а доходы съ этого журнала обращаетъ на фондъ для основанія въ Петербургѣ училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей; два такихъ училища, дѣйствительно, были открыты. Съ 1779 г. начинается новый и самый плодовитый періодъ дѣятельности Новикова: подъ вліяніемъ убѣжденій своихъ друзей-масоновъ и Хераскова, предложившаго Новикову арендовать типографію Московскаго университета, онъ переѣхалъ въ Апрѣлѣ 1779 г. въ Москву, гдѣ за первыя 6 лѣтъ напечаталъ болѣе 400 названій книгъ; кромѣ того, онъ издавалъ „Московскія Вѣдомости", „Прибавленія" къ нимъ, „Московское Изданіе", „Вечерняя Заря", „Покоящійся Трудолюбецъ". Послѣ указа о вольныхъ типографіяхъ Новиковъ, ставши во главѣ знаменитой „Типографической компаніи", поднимаетъ издательское и книгопродавческое дѣло до небывалыхъ въ Россіи размѣровъ. Однако, дѣятельности Новикова, какъ издателя, одного изъ главныхъ дѣятелей „Дружескаго ученаго общества", виднаго и вліятельнаго масона и благотворителя, скоро былъ положенъ конецъ. Съ 1784 г. начались у него столкновенія съ администраціей; въ 1786 г. была сдѣлана опись книгамъ, изданнымъ Новиковымъ, самъ онъ подвергся допросамъ, и даже благожелательный отзывъ о немъ архіепископа Платона не оградилъ его отъ преслѣдованій, какъ „мартиниста". Въ 1789 г. онъ былъ лишенъ права аренды Университетской типографіи. Его дѣятельность сокращалась, энергія ослабѣвала, и въ концѣ 1788 г. онъ уже поселился въ Авдотьинѣ; наконецъ, въ Ноябрѣ 1791 г. пришлось ликвидировать дѣла „Типографической компаніи"; по указу 2 Апрѣля слѣдующаго года былъ произведенъ у Новикова обыскъ, и самъ онъ былъ арестованъ въ Авдотьинѣ; указомъ 1 Августа 1792 г. „тягчайшая и нещадная казнь", которой Новиковъ подлежалъ „по силѣ законовъ", была замѣнена заключеніемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ, откуда онъ былъ выпущенъ по повелѣнію Павла I. Новиковъ опять поселился въ своемъ Авдотьинѣ, гдѣ и провелъ длинный остатокъ своихъ дней. Онъ скончался 31 Іюля 1818 г. и погребенъ въ Авдотьинской церкви, имъ самимъ построенной.

Н. И. Новиковъ былъ женатъ (съ 1781 г.) на Александрѣ Егоровнѣ, рожденной Римской-Корсаковой, и имѣлъ двухъ дочерей, Варвару и Вѣру, и одного сына, Ивана († послѣ 1826 г.).

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

NICOLAS IVANOWITCH NOVIKOFF, 1744—1818, fils du conseiller d'état ayant servi dans la marine Ivan Vassiliewitch Novikoff et de sa femme Anne Ivanowna, naquit le 27 avril 1744 à Avdotyino, district de Bronnitzy. A l'âge de 14 ans, il fut emmené à Moscou et mis au gymnase de l'université, d'où il se fit chasser au bout de trois ans „pour sa paresse et ses absences". Entré en janvier 1762 au régiment Izmaïlowsky, il passa sous-officier à l'avènement de Catherine II. En 1767, Novikoff, qui se distinguait parmi les Gardes par ses capacités, fut envoyé à Moscou comme rédacteur à la Commission du projet de nouveau Code. Sa participation aux travaux de la Commission le fit connaître à l'Impératrice, et fut pour lui d'une importance considérable en ce qu'elle le mit en présence d'un réseau compact des questions les plus sérieuses de la vie sociale et privée de la Russie du temps, qui l'occupèrent toute sa vie durant. Il quitta le service comme lieutenant en 1768 pour se faire l'année suivante éditeur d'une série de journaux. Sa satire, vive, hardie et portant juste, qui ne craignait pas d'entrer en polémique avec Vsiakaïa Vsiatchina, et tournait en ridicule les travers de la vie privée et sociale du temps, eut un énorme succès. Mais il comprenait que, pour „épurer les mœurs", c'était peu de la satire: il fallait indiquer d'une manière plus sérieuse la vertu et le moyen d'y parvenir. Il fallait, comme contrepoids aux mœurs dépravées du siècle, „retracer les mœurs et habitudes" de nos ancêtres, „afin que nous pussions connaître la grandeur de leur âme et la simplicité dont elle était ornée"... Aussi paraissent successivement à partir de 1773 Ancienne Bibliothèque Russe ou Recueil de diverses Œuvres Anciennes, quelque temps après Ancienne Hydrographie Russe, puis Le Nouvelliste des Antiquités Russes. Bien avant, Novikoff avait publié son remarquable Essai de Dictionnaire Historique des Ecrivains Russes, où se voit déjà son idée de faire concourir la société à son œuvre, idée nettement exprimée dans son appel en vue d'organiser „une société pour l'impression de livres". Cependant sa mentalité, les contradictions et les besoins qui le tourmentaient l'amenèrent à la franc-maçonnerie, d'abord dans la loge Astrée, puis selon le système de Reichel, dans les actes duquel tout gravitait vers la moralité et à la connaissance de soi-même; il fonde en 1777 La Lumière du Matin, revue consacrée précisément aux questions de cette nature et dont le revenu est destiné à constituer un capital pour la création à Pétersbourg d'écoles de pauvres et d'orphelins: deux de ces écoles furent effectivement ouvertes. En 1779 commence une nouvelle période, la plus féconde de son activité: sous l'influence des convictions de ses amis maçons et de Khéraskoff, qui lui proposait de louer l'imprimerie de l'université de Moscou, il va en avril 1779 s'établir à Moscou, et là, en six ans, imprime plus de quatre cents ouvrages différents, et publie en outre Le Journal de Moscou avec son Supplément, L'Edition de Moscou, Le Crépuscule, Le Travailleur au repos. Après l'oukaze sur les imprimeries privées, il se met à la tête de la célèbre Compagnie d'Imprimerie et élève les affaires d'édition et de librairie à un niveau jusqu'alors inconnu en Russie. Pourtant sa carrière d'éditeur, de membre des plus actifs de la Société Amicale Scientifique, de maçon et bienfaiteur marquant et influent fut bientôt interrompue. En 1784 commencent des démêlés avec l'administration; deux ans plus tard a lieu un inventaire des éditions de Novikoff, lui-même est soumis à des interrogatoires, et un rapport favorable de l'archevêque Platon même ne l'empêche pas d'être persécuté comme „martiniste". En 1789, on lui retire le droit de prendre à loyer l'imprimerie de l'université. Son activité déclinait, son énergie faiblissait: dès la fin de 1788, il s'était retiré à Avdotyino. Enfin, en novembre 1791, il fallut liquider la Compagnie d'Imprimerie; puis l'oukaze du 2 avril suivant ordonna une perquisition chez lui, et lui-même fut arrêté à Avdotyino. Par oukaze du 1er août 1792, „le châtiment terrible et sans merci" qu'il avait encouru „en vertu des lois" fut commué en quinze ans de forteresse à Schlusselbourg. Paul Ier lui fit ensuite grâce: il retourna dans son Avdotyino, où il passa les longues années qui lui restaient à vivre; il y mourut le 31 juillet 1818, et fut inhumé dans l'église qu'il y avait fait élever lui-même.

Novikoff avait épousé en 1781 Alexandrine Egorowna, née Rimsky-Korsakoff, et eut deux filles, Varvara et Véra, et un fils, Ivan († après 1826).

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ ГАМАЛѢЯ, 1743—1822, родился 26 Мая 1743 г., по однимъ даннымъ въ Кіевѣ и былъ сынъ генеральнаго судьи и богатаго Черниговскаго помѣщика Ивана Андреевича Гамалѣя (женатъ былъ дважды: на Маріѣ Ивановнѣ Анненковой и на Аннѣ Ивановнѣ Бороздиѣ), по другимъ — онъ родился въ С.-Петербургѣ и былъ сынъ бѣднаго дворянина. Извѣстно, что С. И. Гамалѣя въ зрѣломъ возрастѣ былъ образованнымъ и глубоко начитаннымъ человѣкомъ, отлично владѣвшимъ нѣсколькими языками, въ томъ числѣ латинскимъ и нѣкоторыми восточными, но гдѣ онъ получилъ образованіе — точныхъ указаній нѣтъ. Началъ онъ службу учителемъ въ Сухопутномъ и Морскомъ шляхетныхъ кадетскихъ корпусахъ; съ 1770 г. служилъ небольшимъ чиновникомъ въ Сенатѣ и при образованіи губерній былъ откомандированъ въ Могилевскую губернію, гдѣ скоро сталъ извѣстенъ графу З. Г. Чернышеву, въ то время намѣстнику Полоцкой и Могилевской губ., который сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи (26 Іюня 1774 г.); эту же должность Гамалѣя занималъ при графѣ Чернышевѣ и въ Москвѣ, когда графъ былъ тамъ главнокомандующимъ (съ 1782 г.). По смерти Чернышева, Гамалѣя, въ 1784 г., вышелъ въ отставку, отдавшись всецѣло тому поприщу, къ которому влекли его религіозно-мистическія и филантропическія наклонности. Онъ не напрасно слылъ за „Божьяго человѣка“: о его честности, незлобіи, смиреніи, безсребренничествѣ говоритъ рядъ фактовъ изъ его жизни и много анекдотовъ. Вся его дѣятельность на поприщѣ общественно-литературномъ проникнута высокими гуманными чувствами и убѣжденіями. Еще въ 1776 г., когда прививка оспы только еще начинала распространяться въ Россіи, Гамалѣя перевелъ сочиненіе Эйзена „О легчайшемъ способѣ прививки оспы“. Однако, духовная природа человѣка всегда влекла его къ себѣ болѣе, чѣмъ физическая, и онъ еще ранѣе, въ 1768 г., перевелъ „Путеводитель къ премудрости“ Вивеса. Исканіе мудрости и тайнъ духовнаго міра человѣка привело религіозно настроеннаго Гамалѣю къ масонству и сблизило съ Новиковымъ. Онъ скоро вошелъ, какъ близкій человѣкъ, во всѣ предпріятія Новикова, пережилъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ несчастія, обрушившіяся на послѣдняго, и какъ другъ его семьи прожилъ, послѣ ликвидаціи всѣхъ предпріятій Новикова, 30 лѣтъ въ его Авдотьинѣ, чтобы больнымъ дѣтямъ Новикова замѣнить отца; тамъ онъ и скончался 10 Мая 1822 г., и тамъ же похороненъ.

С. И. Гамалѣя сошелся съ Новиковымъ и вступилъ въ члены „Дружескаго Общества“ и Московскихъ масонскихъ ложъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву вмѣстѣ съ графомъ Чернышевымъ, рекомендованный кружку друзей Новикова И. П. Тургеневымъ, служившимъ также при Чернышевѣ. Какъ членъ „Дружескаго Общества“, Гамалѣя оказалъ ему большія услуги, главнымъ образомъ въ литературныхъ предпріятіяхъ Общества, будучи знатокомъ языковъ и неутомимымъ переводчикомъ. Не мало заботился Гамалѣя и объ образованіи молодыхъ людей, воспитывавшихся на счетъ Общества, о направленіи ихъ дѣятельности, доставленіи имъ средствъ къ жизни... Между прочимъ, разсказываютъ, что Гамалѣя составилъ „инструкцію“ для Карамзина, планъ путешествія, передъ отправленіемъ его за границу. Кромѣ того, Гамалѣя былъ въ числѣ членовъ учредителей „Типографической Компаніи“ и однимъ изъ ея управляющихъ; его же имя встрѣчается и въ числѣ лицъ, подписавшихся подъ актомъ объ уничтоженіи Компаніи (1791 г.), когда пришлось ликвидировать всѣ предпріятія Новикова. Не мало услугъ принесъ Гамалѣя и Московскимъ масонамъ; онъ былъ мастеромъ стула въ ложѣ „Девкаліонъ“, членомъ „Ордена Злато-розоваго Креста“ и переводчикомъ множества книгъ мистическаго содержанія; большинство его переводовъ, какъ и переводъ всѣхъ сочиненій Я. Бема въ печати не появлялись. По смерти Гамалѣи друзья его издали собраніе его писемъ („Письма С. И. Г.“, 2 ч., 1832 г.; 2 изд., въ 3 ч., 1836—1839); „Письма“ эти въ продажу не поступали, а расходились между его почитателями и пользовались такимъ уваженіемъ, что ихъ называли „пастырскими посланіями“.

О внѣшности Гамалѣи находимъ слѣдующее замѣчаніе современника: „Семенъ Ивановичъ былъ небольшого роста, имѣлъ высокій лобъ, маленькіе глаза съ нависшими бровями; въ обществѣ былъ молчаливъ, отчего казался суровымъ философомъ, но у себя въ кабинетѣ былъ очень ласковъ и словоохотливъ, говорилъ очень убѣдительно и съ одушевленіемъ“. На рамкѣ прилагаемой миніатюры, кругомъ, вырѣзана слѣдующая надпись: „С. І. Гамалѣя — искренній, вѣрный и сердечный другъ мой и благодѣтель дѣтей моихъ; родился 26 Маія 1743“.

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

SIMÉON IVANOWITCH GAMALÉÏA, 1743—1822, naquit le 26 mai 1743. D'après certaines sources, il serait né à Kieff et fils du magistrat et riche propriétaire de Tchernigoff Ivan Andréewitch Gamaléïa (marié deux fois, à Marthe Ivanowna Annenkoff et à Anne Ivanowna Borozdna); selon d'autres, il serait né à St-Pétersbourg et fils d'un noble sans fortune. Ce qui est certain, c'est que, parvenu à l'âge d'homme, il avait de l'instruction et de fortes lectures, et savait dans la perfection plusieurs langues, entre autres le latin et des langues orientales: mais d'où tenait-il ces connaissances, on ne sait à cet égard rien de précis. Il débuta au service comme maître aux Corps des Cadets de l'armée et de la marine. En 1770, il obtint une petite place au Sénat, et, lors de la formation des gouvernements, fut envoyé dans celui de Mohileff; il s'y fit bientôt remarquer par le comte Z. Tchernycheff, alors lieutenant des gouvernements de Polotzk et Mohileff, qui lui confia le 26 juin 1774 la direction de sa chancellerie, et qui, nommé en 1782 commandant en chef de Moscou, lui conserva ses fonctions près de lui. A sa mort, Gamaléïa quitta le service en 1784, pour se consacrer tout entier à la carrière vers laquelle le portait son penchant au mysticisme religieux et à la philanthropie. Il passait à bon droit pour un „homme de Dieu“: son naturel honnête, débonnaire, humble et désintéressé est attesté par nombre de traits et d'anecdotes. Toute son œuvre dans l'ordre social et littéraire témoigne de ses sentiments de profonde humanité et de ses convictions. Dès 1776, alors que la vaccine commençait seulement à se répandre en Russie, il traduisit l'ouvrage d'Eisen Du plus simple procédé de vaccination. Pourtant le côté spirituel de l'homme l'attira toujours plus que le côté physique, et il avait traduit auparavant, en 1768, le Guide de la Sagesse de Vives. La recherche de la sagesse et des mystères du monde spirituel de l'homme fit verser ses tendances religieuses dans la maçonnerie, et le rapprocha de Novikoff, à toutes les entreprises duquel il prit une part intime, partageant toutes les infortunes qui l'assaillirent. Après la liquidation des affaires de Novikoff, il vint, en qualité d'ami de la famille, dans son Avdotyino tenir lieu de père à ses enfants malades: il y resta trente ans, y mourut le 10 mai 1822, et y fut inhumé.

Gamaléïa se lia avec Novikoff et entra à la Société Amicale et aux loges moscovites dès son arrivée à Moscou avec le comte Tchernycheff, sur la recommandation de I. Tourguéneff, également subordonné de Tchernycheff. Il rendit de grands services à la Société, surtout pour ses entreprises littéraires, grâce à sa connaissance des langues et à son zèle infatigable de traducteur. Il ne fut pas non plus sans s'occuper de l'instruction des jeunes gens élevés par les soins de la Société, leur donner une orientation pour l'avenir, leur procurer des ressources matérielles... Ce fut, dit-on, lui, par exemple, qui composa l'„instruction“ de Karamzine, le plan de son voyage, lors de sa mission à l'étranger. Il fut en outre des membres fondateurs de la Compagnie d'Imprimerie et un de ses directeurs; son nom se trouve encore au bas de l'acte de dissolution de cette société (1791), à la liquidation des affaires Novikoff. Il ne rendit pas moins de services aux maçons de Moscou: vénérable de la loge Deucalion, membre de l'Ordre de la Croix Rose-d'Or, il traduisit une foule d'ouvrages de contenu mystique; la plupart de ses traductions, entre autres celle des œuvres complètes de J. Böhm, ne furent pas publiées. A sa mort, ses amis firent paraître un recueil de ses lettres (Lettres de S. I. G., en deux parties, 1832; 2e édition, en trois parties, 1836—1839); non mises en vente, elles furent exclusivement réservées à ses admirateurs, parmi lesquels elles jouissaient d'une vénération qui leur valut le nom d'épîtres pastorales.

Sur le physique de Gamaléïa, un contemporain donne les détails suivants: „Petit de taille, le front découvert, de petits yeux sous de longs sourcils. Peu loquace en société, ce qui le faisait passer pour un philosophe austère, dans son cabinet il était fort aimable et avait la parole abondante, très persuasive et inspirée“. La miniature porte en exergue gravée sur le cadre, l'inscription suivante: „S. I. Gamaléïa, mon sincère, fidèle et cordial ami et bienfaiteur de mes enfants; né le 26 mai 1743“.

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

ИВАНЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЛОПУХИНЪ, 1756—1816, сынъ генералъ-поручика Владиміра Ивановича Лопухина отъ брака съ Евдокіей Ильинишной Исаевой (отецъ которой, Илья Ивановичъ Исаевъ, былъ еврейскаго происхожденія), родился въ Орловской губерніи 24 Февраля 1756 г.; дѣтство провелъ въ Кіевѣ и получилъ самое скудное образованіе, которое, послѣ непродолжительной службы въ Преображенскомъ полку (1775 г.), пополнилъ разнообразнымъ чтеніемъ, будучи почитателемъ Вольтера, Руссо, барона Гольбаха; вскорѣ, однако, одинъ случай „перемѣнилъ вкусъ его чтенія и рѣшительно отвратилъ его отъ вольнодумства“: подъ вліяніемъ новаго настроенія онъ написалъ „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ“; съ этого времени въ немъ укрѣпляется то религіозно-мистическое направленіе, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни, и которое поставило его въ ряды ревностнѣйшихъ послѣдователей масонскаго ученія; вступленіе его въ масоны относится къ 1782 г., когда онъ вышелъ въ отставку полковникомъ и поселился въ Москвѣ; здѣсь вскорѣ онъ былъ назначенъ совѣтникомъ, а затѣмъ предсѣдателемъ Уголовной палаты. Несогласія съ главнокомандующимъ, графомъ Брюсомъ, вынудили его, однако, выйти въ отставку (1785 г.); до 1795 г. онъ жилъ частнымъ человѣкомъ, сдѣлавшись однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ кружкѣ Московскихъ масоновъ, участвуя собственными трудами и средствами въ ихъ издательской и филантропической дѣятельности: онъ составилъ много масонскихъ сочиненій и употребилъ на изданіе книгъ почти все свое состояніе. Когда въ 1791 г. была закрыта „Типографическая Компанія“, а затѣмъ арестованъ Новиковъ, Лопухинъ не столь пострадалъ, какъ его друзья: ему было разрѣшено остаться въ Москвѣ, съ запрещеніемъ лишь „всякихъ связей по прежнему своему товариществу“; состоя подъ надзоромъ, онъ жилъ, „занимаясь попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ, любимымъ своимъ чтеніемъ, знакомствомъ съ малымъ числомъ друзей“, а также—переводами изъ иностранныхъ писателей и собственными сочиненіями. Павелъ I вызвалъ Лопухина въ Петербургъ и назначилъ его статсъ-секретаремъ, пожаловавъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; однако, милости къ нему продолжались недолго: пробывъ при дворѣ всего полтора мѣсяца, Лопухинъ въ Январѣ 1797 г. былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, при чемъ, однако, награжденъ былъ слѣдующимъ чиномъ; въ 1800 г. онъ ревизовалъ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую губ., а въ 1801 г. былъ посланъ Александромъ I, вмѣстѣ съ сенаторомъ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, на ревизію Слободско-Украинской губерніи; здѣсь онъ вступился за притѣсняемыхъ духоборовъ и получилъ по этому случаю благодарность Государя за гуманность, а со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ—упреки въ потаканіи расколу. Въ 1802 г. онъ былъ командированъ въ Крымъ „для разбора споровъ и опредѣленія новинностей“; здѣсь онъ работалъ свыше 3 лѣтъ и успѣшно выполнилъ порученное дѣло. Присутствуя затѣмъ въ Сенатѣ, онъ въ 1806 г. занимался организаціей земской милиціи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ 1807 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а въ 1809 г.—орденъ Александра Невскаго. При нашествіи французовъ Лопухинъ удалился въ свое Богородское имѣніе, с. Савинское, а потомъ переселился въ с. Воскресенское-Ретяжи, Кромского уѣзда, гдѣ и провелъ остатокъ жизни, занимаясь перепискою съ друзьями, чтеніемъ, сочиненіями и переводами, а также дѣлами благотворенія, утѣшаясь успѣхами и литературными трудами своего племянника по женѣ, Александра Ковалькова, котораго онъ считалъ „чудомъ своего рода“.

И. В. Лопухинъ умеръ 22 Іюня 1816 г. въ с. Воскресенскомъ, гдѣ и погребенъ; имѣнія, а также его домъ были проданы для уплаты его долговъ. По мнѣнію Невзорова, Лопухинъ былъ „однимъ изъ первыхъ драгоцѣнныхъ камней въ коронѣ свободнаго каменщичества“; мнѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ, въ большинствѣ случаевъ, въ пользу его; таковы отзывы Лубяновскаго, А. Ѳ. Воейкова, Жуковскаго (который считалъ Лопухина въ числѣ своихъ „благодѣтелей“): всѣ они высоко ставятъ нравственныя качества Лопухина, его христіанскія добродѣтели, умъ и образованіе. Все написанное Лопухинымъ имѣетъ лишь спеціальный интересъ, кромѣ его „Записокъ“, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія; написанныя около 1807—1808 гг., онѣ были изданы въ 1860 г., а затѣмъ въ 1884 г. въ „Русскомъ Архивѣ“. Въ старости Лопухинъ женился на женщинѣ изъ простого званія, Матренѣ Ефимовнѣ Никитиной, но дѣтей не имѣлъ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

IVAN VLADIMIROWITCH LOPOUKHINE, 1756—1816, fils du général lieutenant Vladimir Ivanowitch Lopoukhine et d'Eudoxie Ilyinitchna, née Issaeff d'un père d'origine juive, naquit dans le gouvernement d'Orel le 24 février 1756. Il passa son enfance à Kieff et reçut une instruction des plus sommaires, qu'il compléta, après une brève apparition au régiment Préobragensky en 1775, par des lectures variées de ses écrivains favoris Voltaire, Rousseau, le baron Holbach. Bientôt cependant le hasard seul „modifia son goût de la lecture et le détourna absolument de la libre-pensée". C'est sous l'influence de ce nouvel état d'esprit qu'il écrivit sa Dissertation sur l'abus de la raison chez quelques écrivains modernes et réfutation de leurs principes nuisibles, et dès lors s'affermit en lui cette tendance au mysticisme religieux à laquelle il resta fidèle toute sa vie et qui lui fit prendre place dans les rangs des plus zélés adeptes du dogme maçonnique. Son entrée dans la maçonnerie date de 1782, époque de sa retraite comme colonel et de son installation à Moscou, où il fut bientôt nommé conseiller, puis président de la Cour d'assises. Des dissentiments avec le commandant en chef comte Bruce l'obligèrent cependant à donner sa démission (1785). Il resta dans la vie privée jusqu'en 1795, et se fit une place marquante dans le cercle des maçons de Moscou, contribuant de sa personne et de son argent à leurs œuvres d'édition et de philanthropie: il composa de nombreux ouvrages maçonniques et dépensa en publication de livres presque toute sa fortune. En 1791, lors de la suppression de la Compagnie d'Imprimerie, puis de l'arrestation de Novikoff, Lopoukhine fut moins éprouvé que ses amis: il put rester à Moscou, avec interdiction cependant „de toutes relations dans son ancien entourage"; placé sous la surveillance de la police, il était tout entier „aux soins de son vieux père, à sa lecture favorite et à son petit cercle d'amis", et travaillait aussi à des traductions d'écrivains étrangers ainsi qu'à ses propres ouvrages. Paul Ier le fit venir à Pétersbourg, le nomma secrétaire d'état et le fit conseiller d'état actuel. Cependant il ne resta pas longtemps en faveur: après six semaines seulement passées à la Cour, en janvier 1797, il fut nommé sénateur à Moscou, avec un grade de plus pourtant. En 1800, il passa la revision des gouvernements de Kazan, Viatka et Orenbourg, et l'année suivante, fut chargé par Alexandre Ier, avec le sénateur Y. Nélédinsky-Méletzky, de celle du gouvernement d'Ukraine, où la protection qu'il accorda aux Doukhobores opprimés lui valut de la part de l'Empereur des remerciements pour son humanité, et, de celle de quelques personnages, laïques et ecclésiastiques, le reproche de favoriser le schisme. Envoyé en Crimée en 1802 „pour examiner les différends et établir les charges publiques", il y travailla plus de trois ans et mena à bien sa mission. Ensuite, au Sénat, il s'occupa en 1806 de l'organisation de la milice territoriale dans plusieurs gouvernements et reçut en 1807 le rang de conseiller privé actuel et en 1809 St-Alexandre Newsky. A l'invasion française, il se retira dans sa propriété de Bogorodskoïé, à Savinskoïé, puis alla se fixer à Voskressenskoïé-Rétiaji, district de Kroma, où il passa le reste de sa vie, tout entier à sa correspondance avec ses amis, à ses lectures, à ses ouvrages et traductions, et aussi à ses œuvres de bienfaisance, faisant sa joie des succès et des travaux littéraires du neveu de sa femme, Alexandre Kovalkoff, qui lui paraissait „un prodige en son genre".

Lopoukhine mourut le 22 juin 1816 à Voskressenskoïé, où il fut inhumé. Ses biens, ainsi que sa maison, furent vendus pour payer ses dettes. Il était, dit Névzoroff, „un des premiers joyaux de la couronne de la franc-maçonnerie". Les appréciations de l'homme lui sont en général favorables; telles sont celles de Loubianowsky, de A. Voeïkoff, de Joukowsky, qui le compte au nombre de ses „bienfaiteurs": tous font grand cas de ses qualités morales, de ses vertus chrétiennes, de son esprit et de son instruction. Tout ce qu'il écrivit n'a d'intérêt que pour les spécialistes, sauf ses Mémoires, qui conservent encore aujourd'hui toute leur importance; composés vers 1807/1808, ils furent publiés en 1860, puis en 1884 dans l'Archive Russe. Il épousa sur ses vieux jours une femme de petit état, Matrone Efimowna Nikitine, mais n'eut pas d'enfants.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.)

157

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ,
1756 — 1816

Ivan Vladimirowitch Lopoukhine,
1756 — 1816

158

Евгеній Александровичъ Головинъ,
1782 — 1858

Eugène Alexandrowitch Golovine,
1782 — 1858

159

Автопортретъ

Autoportrait

Василій Андреевичъ Тропининъ,
1776 — 1857

Basile Andréewitch Tropinine,
1776 — 1857

160

Писъ. Бугаевскій-Благодатный

Peint par Bougaewsky-Blagodatny

Владиміръ Лукичъ Боровиковскій,
1757 — 1826

Vladimir Loukitch Borovikowsky,
1757 — 1826

ЕВГЕНІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛОВИНЪ, 1782 — 1858, сынъ Александра Ивановича и Екатерины Ивановны, рожд. Вельяминовой, получилъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1796 г.; въ 1797 г. онъ поступилъ въ военную службу подпранорщикомъ въ Преображенскій полкъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Могилевскій гарнизонный полкъ. Въ 1799 г. Головинъ совершилъ заграничный походъ, дойдя до Богеміи; въ 1801 г. былъ переведенъ въ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ 1805 и 1812—14 гг. и въ турецкой кампаніи 1811 г. и которымъ командовалъ съ 1811 до 1814 года. За боевыя отличія онъ получилъ Георгія 4-й ст. (за Батинъ) и чины полковника (за Бородино) и генералъ-майора (за Лейпцигъ). Съ 1816 по 1828 г. Головинъ командовалъ бригадой 3-й гренад. дивизіи, л.-гв. Егерскимъ полкомъ и гвардейской бригадой (Егерскій и Финляндскій полки) и 22 Августа 1826 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1828 г. онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, командуя частью войскъ, осаждавшихъ Варну, а по взятіи Варны назначенъ былъ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ. Въ это время въ Варнѣ появилась чума. Когда умерли первые 2 солдата, никто не хотѣлъ выносить ихъ тѣла. Головинъ явился въ лазаретъ и обратился къ солдатамъ съ такими словами: „Ребята, иду выносить вашихъ покойниковъ, неужели не найдется между вами, русскими солдатами, охотниковъ помочь мнѣ въ этомъ святомъ дѣлѣ?“ Охотники нашлись, и Головинъ съ тремя изъ нихъ вынесъ первое зачумленное тѣло. Изъ нихъ двое заразились и умерли. Въ 1830 г. Головинъ, назначенный Оренбургскимъ губернаторомъ, отказался отъ этой должности и просилъ увольненія отъ службы, чѣмъ вызвалъ гнѣвъ Николая I: онъ былъ уволенъ, съ воспрещеніемъ жить въ столицахъ, и навсегда лишился званія генералъ-адъютанта. Когда началась Польская война, Головинъ исходатайствовалъ прощеніе, получилъ командованіе 26-й пѣх. дивизіей и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, получивъ Георгія 3-й степени. Позднѣе онъ командовалъ 2-й пѣх. дивизіей и 1-мъ пѣх. корпусомъ и занималъ должности директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго (1834—1837), Варшавскаго губернатора и главноначальствующаго на Кавказѣ (1837—1842), гдѣ ему пришлось продолжать: во-первыхъ — упорную борьбу съ горцами, доставившую ему орд. св. Александра Невскаго, Владиміра 1-й ст., золотое оружіе и чинъ генерала-отъ-инфантеріи, во-вторыхъ — вводить новое гражданское положеніе, выработанное въ Петербургѣ. Ревизія по случаю неурядицъ при введеніи этого положенія заставила Головина просить объ увольненіи отъ должности; черезъ 3 года онъ былъ призванъ на постъ Рижскаго генералъ-губернатора. Здѣсь Головинъ поставилъ своей задачей объединеніе Прибалтійскаго края съ имперіей и весьма содѣйствовалъ стремленію латышей къ переходу въ православіе. Однимъ изъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ былъ извѣстный Юрій Самаринъ. Хотя Головинъ нисколько не посягалъ на нѣмецкія привилегіи, его дѣятельность возбудила противъ него ненависть нѣмцевъ, добившихся въ 1848 г. его отозванія изъ Риги. Онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Скончался Е. А. Головинъ въ Іюнѣ 1858 года. Принадлежа къ числу ревностныхъ послѣдователей сектантки Татариновой, онъ былъ проникнутъ такимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ ея особѣ, что, не желая съ ней разстаться, рѣшился отказаться отъ Оренбурга. Головинъ былъ освобожденъ на ея собраніяхъ отъ „круженія“, но зато долженъ былъ класть по нѣскольку тысячъ земныхъ поклоновъ передъ иконой. Татаринова имѣла, по собственному сознанію Головина, сильное нравственное вліяніе на него: благодаря ей, его суровый характеръ, причинявшій много страданій его подчиненнымъ и домашнимъ, сдѣлался болѣе мягкимъ. Головинъ былъ одаренъ умомъ и получилъ хорошее образованіе, владѣлъ нѣмецкимъ и французскимъ языками, а по-русски говорилъ и писалъ съ замѣчательными точностью и силою выраженій. Въ служебныхъ дѣлахъ онъ отличался строгой исполнительностью и неумолимой взыскательностью, но администраторъ былъ посредственный, въ особенности въ преклонномъ возрастѣ, когда безнамятство и слабохарактерность часто дѣлали его игрушкой въ рукахъ людей, умѣвшихъ на него вліять. Головинымъ открыто на Кавказѣ цѣлебное свойство Боржомской воды, и по его имени и по имени его дочери источники названы Евгеніевскимъ и Екатерининскимъ. Отъ брака съ Елизаветой Павловной Фонъ-Визинъ Головинъ имѣлъ 2 сыновей: Павла († 1849 г.) и Сергѣя, и дочь Екатерину (за Я. В. Ханыковымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

EUGENE ALEXANDROWITCH GOLOVINE, 1782—1858, fils d'Alexandre Ivanowitch Golovine et de Catherine Ivanowna, née Véliaminoff, fit ses études à Moscou, à la pension de l'université, puis à l'université, qu'il quitta en 1796; entré en 1797 au service militaire comme porte-enseigne au régiment Préobragensky, il passa l'année suivante au régiment de garnison de Mohileff. Il fit en 1799 une campagne à l'étranger et poussa jusqu'en Bohême; en 1801, il passa au régiment des grenadiers de Fanagorie, avec lequel il fit les guerres napoléoniennes de 1805 et de 1812—1814, ainsi que la campagne de Turquie de 1811, et qu'il commanda de 1811 à 1814. Ses exploits lui valurent St-Georges de 4e classe (Batine) et les grades de colonel (Borodino) et de général major (Leipzig). De 1816 à 1828, il commanda une brigade de la 3e division de grenadiers, le régiment des chasseurs de la Garde et une division de la Garde (régiments des chasseurs et de Finlande), et, le 22 août 1826, fut promu général aide de camp. En 1828, il fit la campagne de Turquie, à la tête d'une partie du corps d'investissement de Varna, dont il fut fait général gouverneur après le siège. La peste se déclara alors dans la place. A la mort des deux premières victimes, personne ne voulut enlever les corps. Golovine arriva à l'hôpital, et, s'adressant aux hommes: „Soldats", dit-il, „je vais enlever vos morts: est-ce que je ne trouverai pas un seul soldat russe de bonne volonté pour m'aider à remplir ce devoir sacré?" Des volontaires s'offrirent, et Golovine, avec trois d'entre eux, enleva le premier pestiféré. Deux furent contaminés et succombèrent. Nommé en 1830 gouverneur d'Orenbourg, Golovine refusa cette fonction et demanda sa retraite, provoquant ainsi le courroux de Nicolas Ier: il fut destitué, avec interdiction de séjour dans les capitales, et perdit pour toujours son titre de général aide de camp. Au début de la guerre de Pologne, il obtint son pardon, reçut le commandement de la 26e division d'infanterie, fit la campagne et gagna St-Georges de 3e classe. Dans la suite, il commanda la 2e division, puis le 1er corps d'infanterie, et devint successivement directeur de la commission pour l'intérieur et les cultes et l'instruction publique du Royaume de Pologne (1834—1837), gouverneur de Varsovie et commandant en chef au Caucase (1837—1842), où il eut, d'abord à soutenir contre les indigènes une lutte acharnée, qui lui valut St-Alexandre Newsky, St-Vladimir de 1re classe, une épée d'or et le grade de général d'infanterie, puis à introduire le nouveau règlement civil élaboré à Pétersbourg. A la suite d'une revision faite en raison d'irrégularités dans l'application de ce règlement, il dut donner sa démission; trois ans plus tard, il fut appelé au poste de général gouverneur de Riga. Là, il travailla surtout à l'incorporation des Provinces Baltiques à l'Empire et favorisa largement la conversion des Lettes à l'orthodoxie. Un de ses collaborateurs actifs fut le célèbre Youri Samarine. Sans avoir pourtant porté la moindre atteinte aux privilèges des Allemands, il encourut leur inimitié, et fut, sous leur pression, déplacé de Riga en 1848. Il devint alors membre du Conseil de l'Empire.

Golovine mourut en juin 1858. Il était du nombre des fervents adeptes de la sectatrice Tatarinoff, pour laquelle il était pénétré d'une telle estime et d'une telle vénération, que c'est pour ne pas la quitter qu'il résolut de refuser Orenbourg. A ses réunions, il était dispensé de „tournoyer", mais en revanche, il devait faire à l'icone des milliers de grandes révérences. Au témoignage même de Golovine, Mme Tatarinoff avait sur lui une influence considérable: ce fut elle qui réussit à adoucir ce caractère dur si difficile pour ses subordonnés et ses proches. Golovine était bien doué et reçut une bonne instruction: il savait l'allemand et le français, il parlait et écrivait le russe avec une précision et une force d'expressions remarquables. Dans le service, il était d'une rigoureuse exactitude et d'une impitoyable exigence, mais se montra médiocre administrateur: avec l'âge surtout, la faiblesse de sa mémoire et aussi de son caractère en faisaient souvent un jouet aux mains de qui savait le dominer. Ce fut lui qui découvrit au Caucase les propriétés médicinales de l'eau de Borjom, dont les sources furent appelées de son nom et de celui de sa fille, Eugène et Catherine. Il eut, de son mariage avec Elisabeth Pavlowna von Vizine, deux fils, Paul († 1849) et Serge, et une fille, Catherine, mariée à J. Khanykoff.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ТРОПИНИНЪ, 1776—1857, крѣпостной графа А. С. Миниха, еще мальчикомъ перешелъ, въ качествѣ приданаго за женой (графиней Наталіей Антоновной Минихъ), къ графу Ираклію Ивановичу Моркову (см. т. I, № 132). Несмотря на рано проявившіяся художественныя способности мальчика, графъ, предпочитая имѣть собственнаго кондитера, отдалъ Тропинина въ обученіе этому искусству. Однако, кому-то изъ родственниковъ Моркова удалось убѣдить его отдать его въ 1799 г. учиться къ извѣстному портретисту С. С. Щукину. Проработавъ тутъ 5 лѣтъ, Тропининъ выставленною въ Академіи картиною, „Мальчикъ съ птичкой“, обратилъ на себя вниманіе не только академическаго начальства, съ графомъ Строгановымъ во главѣ, но и самой Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Казалось бы, обстоятельства сложились теперь благопріятно для молодого художника. Окончивъ курсъ въ 1804 г., Тропининъ поселился въ Москвѣ. Между тѣмъ, графъ Морковъ, узнавъ, что у его крѣпостного оказался большой талантъ, очень этимъ возгордился и, чтобы избѣжать всякихъ разговоровъ объ отпускѣ его на волю, отправилъ художника въ свое Подольское имѣніе, такъ что графу Строганову ничего не оставалось, какъ только публично выразить сожалѣніе, что Тропининъ „принадлежитъ упрямому человѣку, а то можно было бы за него похлопотать“. Въ имѣніи графа Тропининъ долженъ былъ нести всѣ обязанности простого дворового—служить за столомъ, сопровождать Моркова въ его поѣздкахъ, красить заборы и полы и, какъ отрадный отдыхъ, заниматься обученіемъ рисованію графскихъ дѣтей и писаніемъ фамильныхъ портретовъ (двѣ семейныя группы Морковыхъ изъ этой эпохи, еще не установившагося таланта, колебавшагося въ подражаніяхъ Лампи и др., были на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ; вмѣстѣ съ имѣніемъ Моркова онѣ перешли во владѣніе А. И. Павлушкова). Но друзья Тропинина добились, наконецъ, того, что на Пасху 1823 года графъ Морковъ, христосуясь со „своимъ“ живописцемъ, вручилъ ему отпускную. Въ этомъ году, вмѣстѣ съ радостью освобожденія, Тропининъ снова испыталъ горе: Академія отказала ему въ званіи академика, заподозривъ въ несамостоятельности выставленныя имъ произведенія (знаменитая „Кружевница“—Румянцевскій музей), и только въ 1824 г. за портретъ медальера Леберехта онъ получилъ это званіе. Сдѣлавшись, наконецъ, свободнымъ человѣкомъ, онъ отказался отъ всякой службы. „Все-то я былъ подъ началомъ“, говаривалъ онъ въ отвѣтъ на разныя предложенія, „да опять придется подчиняться то Олснину, то тому, то другому; я хочу теперь спокойной жизни, никакой обязанности на себя не приму“, и продолжалъ скромно жить въ Москвѣ. Можно сказать, что Тропининъ переписалъ всю современную ему Москву; по словамъ Рамазанова, имъ исполнено до 3000 работъ. Болѣе 50 его портретовъ украшало выставку Таврическаго дворца, много его произведеній въ Румянцевскомъ музеѣ и Третьяковской галлереѣ, прекрасное собраніе его портретовъ находится (по наслѣдству отъ Морковыхъ) у князя Н. Н. Оболенскаго. Пять превосходныхъ, наиболѣе типичныхъ портретовъ кисти Тропинина вошли ужс въ изданіе „Русскіе портреты“, въ томъ числѣ знаменитый портретъ Пушкина, имѣющій свою исторію. Чуждый погони за славой, Тропининъ даже не посылалъ своихъ произведеній на выставки, а скромно и неутомимо работалъ, получая за исполненіе заказовъ самую умѣренную плату, такъ что, несмотря на то, что постоянно былъ заваленъ заказами, жилъ самымъ скромнымъ образомъ и умеръ бѣднякомъ.

Тропининъ былъ женатъ, съ 1807 г., на Аннѣ Ивановнѣ Катиной (вѣнчался въ церкви ссла Киковки, Подольской губ., для которой передъ тѣмъ написалъ иконостасъ; жена его р. 1780 г., † 30 Сентября 1855 г.) и имѣлъ сына Арсснія († 6 Октября 1886 г.), также художника (его портретъ въ Румянцевскомъ музеѣ). Умеръ В. А. Тропининъ 3 Мая 1857 г. и похороненъ на Московскомъ Ваганьковомъ кладбищѣ, рядомъ съ женой.

Изъ автопортретовъ его извѣстны еще два, такихъ же: одинъ въ Академіи Художествъ, другой у г. Остроухова. Превосходный портретъ его, въ старости, находится въ Румянцевскомъ музеѣ.

(Съ автопортрета, принадлежащаго князю Н. Н. Оболенскому, въ Москвѣ.)

159

BASILE ANDRÉEWITCH TROPININE, 1776—1857, serf du comte A. Minich, passa, encore enfant, dans la dot de la comtesse Natalie Ivanowna Minich, à son mari le comte Héraclée Ivanowitch Morkoff (v. T. I, № 132), qui, en dépit des aptitudes qu'il manifesta de bonne heure pour les arts et préférant avoir un confiseur à lui, le mit en apprentissage dans la confiserie. Un parent du comte put pourtant le décider à l'envoyer en 1799 chez le portraitiste connu S. Chtchoukine. Au bout de cinq ans d'atelier, l'Enfant à l'Oiseau exposé par Tropinine à l'Académie attira l'attention, non seulement de l'Académie même, le comte Stroganoff en tête, mais aussi de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna. La fortune semblait maintenant sourire au jeune artiste. A la fin de ses études, en 1804, il alla se fixer à Moscou. Cependant le comte Morkoff, apprenant que son serf avait du talent, en conçut une grande fierté, et, pour couper court à toute question de mise en liberté, l'envoya dans sa propriété de Podolie; le comte Stroganoff ne put ainsi qu'exprimer publiquement le regret que Tropinine „eût un maître si entêté, sans quoi on aurait pu faire quelque chose pour lui". Chez le comte, l'artiste avait à faire toutes les besognes d'un simple domestique, servir à table, accompagner le maître en voyage, passer les clôtures et les parquets en couleur, et, comme distraction pour ses loisirs, donner des leçons de dessin aux enfants du comte et faire des portraits de famille (Deux groupes de la famille Morkoff à l'époque, d'un talent encore mal assuré et cherchant sa voie dans l'imitation de Lampi et autres, ont figuré à l'Exposition du Palais de Tauride: ils ont passé, avec la propriété de Morkoff, aux mains de A. Pavlouchkoff). Mais les amis de Tropinine arrivèrent pourtant à leurs fins: à la Pâque de 1823, le comte Morkoff donna à „son" peintre, en même temps que le baiser de Pâques, la liberté. Ce bonheur eut la même année sa compensation: l'Académie, défiante de l'authenticité des œuvres exposées par lui (la célèbre Dentellière du Musée Roumiantzeff), lui refusa le titre d'académicien, qu'elle ne lui accorda que l'année suivante pour un portrait du médailliste Leberecht. Enfin libre, il ne voulut d'aucun emploi. „Je n'ai jamais été sans dépendre de quelqu'un", répondait-il à diverses propositions, „et il va encore falloir que je me plie, tantôt à Olénine, tantôt à l'un, tantôt à l'autre! Je veux maintenant une vie libre; je ne contracterai aucune obligation", et il continua sa vie modeste de Moscou. On peut dire que toute la Moscou de l'époque a passé devant son chevalet; Ramazanoff prétend qu'il n'exécuta pas moins de 3000 commandes. Il a figuré plus de 50 portraits de lui à l'Exposition du Palais de Tauride, le Musée Roumiantzeff et la Galerie Trétiakoff comptent nombre de ses œuvres, et il y a de lui une admirable collection de portraits (hérités des Morkoff) chez le prince N. Obolensky. Cinq magnifiques portraits des plus typiques dus au pinceau de Tropinine enrichissent déjà les présents Portraits Russes, entre autres le célèbre portrait de Pouchkine qui a toute une histoire. Exempt de toute ambition, il n'envoyait même pas ses œuvres aux expositions, et, travailleur modeste et infatigable, se contentait pour ses commandes de la rétribution la plus insignifiante, de sorte que, tout en étant sans cesse submergé de commandes, il menait la vie la plus simple et mourut pauvre.

Tropinine épousa en 1807, à l'église de Kikovka, en Podolie, pour laquelle il avait peint un iconostase, Anne Ivanowna Katine (1780—30 septembre 1855), et eut un fils Arsène († 6 octobre 1886), également artiste, dont le portrait figure au Musée Roumiantzeff. Il mourut le 3 mai 1857, et fut inhumé à Moscou, au cimetière Vagankoff, près de sa femme.

Outre l'autoportrait ci-joint, on en connaît deux autres identiques, l'un à l'Académie des Beaux-Arts, l'autre chez Ostroukhoff. Il y a un magnifique portrait de lui vieillard au Musée Roumiantzeff.

(D'après un autoportrait appartenant au prince N. Obolensky, Moscou.)

ВЛАДИМІРЪ ЛУКИЧЪ БОРОВИКОВСКІЙ, 1757—1825, происходя изъ казачьей старшины и притомъ изъ семьи, гдѣ и отецъ его, и братья занимались иконописью, съ раннихъ лѣтъ, живя въ своемъ родномъ Миргородѣ, онъ тоже занимался этимъ искусствомъ, самоучкой. Во время путешествія на югъ Россіи, Екатерина II обратила вниманіе на аллегорическія картины, написанныя Боровиковскимъ для торжественной ея встрѣчи въ Миргородѣ, и предложила ему поступить въ Академію Художествъ. Здѣсь онъ пользовался совѣтами своего земляка Левицкаго, учился у Лампи-отца и скоро занялъ почетное мѣсто на ряду съ ними. Боровиковскій, крупный, самобытный талантъ, сдѣлался выдающимся русскимъ художникомъ и излюбленнымъ, модньмъ портретистомъ. Онъ написалъ цѣлую массу изображеній своихъ современниковъ, въ ихъ типичной обстановкѣ: около сотни его портретовъ было на одной портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, цѣлый рядъ помѣщенъ въ настоящемъ изданіи, при томъ многіе не попавшіе на выставку, а сколько еще исчезло отъ времени, погибло отъ разныхъ случаевъ или еще лежитъ по кладовымъ и старымъ усадьбамъ, забытые, заброшенные, въ пыли...

Портреты его работы отличаются глубиной психическаго анализа, обаятельною нѣжностью и тонкостью отдѣлки, поразительной и типичной техникой.... А между тѣмъ занимался онъ портретами лишь по необходимости, исполняя заказы, самого же его, особенно въ позднѣйшій періодъ жизни, гораздо болѣе влекла къ себѣ религіозная живопись. Горячій мистикъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Татариновскаго кружка, Боровиковскій каждую свободную отъ заказовъ минуту посвящалъ религіознымъ картинамъ, исполняя ихъ исключительно по внутреннему влеченію. Всѣ эти иконы и картины полны чарующей поэзіи и необыкновенной красоты; въ нихъ грезится, по его собственному выраженію, „міръ свѣта, радости, покоя и блаженства“. Дошедшія до насъ письма Боровиковскаго и его записныя книжки свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ религіозномъ настроеніи, какимъ былъ глубоко проникнутъ художникъ. Посѣщая собранія Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ, онъ тамъ пѣлъ, пророчествовалъ и „приходилъ въ сокрушеніе, и слезы лились“, что не мѣшало ему часто замѣчать: „Поспѣшилъ домой и пилъ чашку съ ромомъ!“ Къ самой „Екатеринѣ Филипповнѣ“ (Татариновой) онъ питалъ глубокое почтеніе, цѣловалъ ея руки, кланялся ей въ землю, „потому что Богъ ею владѣетъ“; для нея онъ писалъ иконы (были конфискованы и отданы въ Невскую лавру) и написалъ картину „Соборъ“ въ ея хлыстовскомъ „Кораблѣ“, съ портретами всѣхъ участниковъ радѣній. Боровиковскій пользовался покровительствомъ видныхъ мистиковъ: митрополита Михаила, Лабзина, князя А. Н. Голицына; есть извѣстіе, что онъ писалъ портреты и самой Татариновой, и Родіона Кошелева, но гдѣ они находятся, — намъ неизвѣстно. Изъ иконъ наибольшей извѣстностью пользуются его Благовѣщеніе и Евангелисты, въ Казанскомъ соборѣ, на царскихъ вратахъ; можно указать еще на мѣстныя иконы въ иконостасѣ домовой церкви князя Голицына, на Фонтанкѣ, а также на иконы, бывшія въ Троицкой церкви, на Смоленскомъ кладбищѣ (теперь въ Музеѣ Александра III).

„Красота его религіозной живописи“, говоритъ біографъ Боровиковскаго Горленко, „одухотворенная, идеальная; надо вернуться къ прерафаэлитамъ или къ великимъ творцамъ Возрожденія, чтобы найти образцы живописи этого рода“. Самое отношеніе его къ своей работѣ напоминаетъ нашихъ старинныхъ иконописцевъ. По свидѣтельству его племянника, „приступая къ какой-нибудь важной и серіозной работѣ, Боровиковскій прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ холстъ или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе святого, котораго изобразить предположилъ, и, остановясь на какомъ-либо текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывая рисунокъ, и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе“.

В. Л. Боровиковскій похороненъ на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, около Троицкой церкви виденъ еще маленькій саркофагъ, на которомъ сохранилась надпись: „На семъ мѣстѣ предано землѣ тѣло совѣтника Академіи Владиміра Лукича Боровиковскаго, скончавшагося на 68 году отъ рожденія, въ 6 день Апрѣля 1825 года“.

(Съ портрета Бугаевскаго-Благодатнаго, 1825 г.; собственность г. Гафетъ, въ С.-Петербургѣ.)

VLADIMIR LOUKITCH BOROVIKOWSKY, 1757—1825, de vieille souche cosaque, était d'une famille où le père et les autres fils faisaient tous de la peinture d'images saintes, et, dès sa plus tendre enfance, dans sa ville natale, Mirgorod, fit, lui aussi, de cet art, qu'il apprit tout seul. Lors de son voyage au midi de la Russie, Catherine II remarqua les peintures allégoriques qu'il avait faites pour sa réception triomphale à Mirgorod, et lui proposa d'entrer à l'Académie des Beaux-Arts. Là, il reçut les conseils de son compatriote Lévitzky, travailla chez Lampi père, et se fit bientôt un rang honorable parmi eux. Gros talent, bien personnel, il devint éminent peintre russe et portraitiste favori, à la mode. Il fit une masse de contemporains, dans leur pose familière; il y eut une centaine de portraits de lui à la seule Exposition du Palais de Tauride, il en figure dans les présents Portraits Russes toute une série, et dont beaucoup n'ont pas été à l'Exposition: combien d'autres ont disparu avec le temps, ont été victimes d'accidents, ou sont au fond de quelque magasin, de quelque vieille maison de campagne, oubliés, abandonnés, poudreux!...

Sa manière se distingue par une étonnante profondeur d'analyse psychologique, un ravissant moelleux et une extrême finesse d'exécution, une technique frappante et bien typique.... Et cependant, il ne faisait le portrait que par nécessité, sur commande: son goût personnel, surtout dans la dernière période de sa vie, le portait plutôt vers l'art religieux. Fervent mystique, un des membres les plus actifs du cercle Tatarinoff, il consacrait tout le temps que lui laissait le travail commandé au genre religieux, qu'il traitait uniquement d'inspiration. Icones et tableaux de lui sont d'une poésie enchanteresse et d'une beauté extraordinaire; on y sent planer, selon sa propre expression, „un monde de lumière, d'allégresse, de paix et de félicité". Les lettres qui nous sont parvenues de lui et ses livres de notes témoignent du sentiment religieux élevé et profond dont il était pénétré. Aux réunions organisées par Mme Tatarinoff au Château Michel, il chantait, prophétisait, et „était touché de contrition et versait des larmes", ce qui ne l'empêchait pas de noter fréquemment: „Rentré vite et pris une tasse avec du rhum!" Pour „Catherine Filippowna" (Tatarinoff) elle-même, il avait une profonde considération, lui baisant les mains et la saluant jusqu'à terre, „car elle est possédée de Dieu"; il peignit pour elle des icones, qui furent confisquées et déposées au monastère d'Alexandre Newsky, et fit le tableau Le Congrès dans sa Nef de flagellants avec les portraits de tous les assistants. Il jouissait de la protection des mystiques marquants, le métropolite Michel, Labzine, le prince A. Golitzyne; il existerait de lui des portraits de Mme Tatarinoff elle-même, ainsi que de Rodion Kochéleff, mais nous n'avons pu les découvrir. De ses icones, les plus connues sont son Annonciation et ses Evangélistes, dans la cathédrale de Kazan, aux portes de l'iconostase; on peut citer encore celles de l'iconostase de la chapelle de l'hôtel du prince Golitzyne (Fontanka), ainsi que celles de l'église de la Trinité du cimetière de Smolensk, actuellement au musée Alexandre III.

„La beauté de sa peinture religieuse", dit Gorlenko, le biographe de Borovikowsky, „est animée, idéale; il faut remonter aux préraphaélites ou aux génies créateurs de la Renaissance pour trouver des modèles d'un genre semblable". Son procédé de travail même rappelle celui de nos vieux peintres d'icones. Au témoignage de son neveu, „il ne se mettait pas à un travail sérieux et de quelque importance, avant d'avoir été à l'église et assisté au service. La toile ou la planche une fois prête, il se faisait lire à haute voix l'Evangile ou la vie du Saint qu'il avait à représenter, arrêtait la lecture à un endroit donné pour jeter son esquisse, puis poussait plus loin la réalisation de son idée".

Borovikowsky fut inhumé au cimetière de Smolensk, à St-Pétersbourg. On voit encore, près de l'église de la Trinité un petit sarcophage portant l'inscription: „Ici repose la dépouille du Conseiller de l'Académie Vladimir Loukitch Borovikowsky, décédé dans sa 68e année le 6 avril 1825".

(D'après l'original de Bougaewsky-Blagodatny, 1825, appartenant à M. Gafett, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАХМЕТЕВЪ, 1774—1841, сынъ гвардіи-капитана Николая Николаевича, женатаго на Софьѣ Львовнѣ Масловой, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Бахметевыхъ, татарскаго происхожденія; Бахметевъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, на 16-мъ году былъ переведенъ въ Измайловскій, съ которымъ въ 1790 г. принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ со Шведами. Быстро повышаясь въ чинахъ, въ 1798 г. онъ былъ уже полковникомъ, а въ 1800 г. генералъ-майоромъ и шефомъ Сибирскаго гренадерскаго полка, который и назывался его именемъ. Въ 1805 г., въ эпоху первой войны Императора Александра съ Наполеономъ, Бахметевъ находился въ отрядѣ войскъ, отправленныхъ на Іоническіе острова подъ начальствомъ генерала Анрепа. Изъ Корфу онъ переправился съ полкомъ въ Неаполь, а оттуда въ Римъ. Не дойдя до этого города, командующій отрядомъ русскихъ войскъ генералъ Ласси получилъ повелѣніе отправить часть войскъ на Іоническіе острова, что было вызвано Аустерлицкимъ сраженіемъ. Исполнивъ это повелѣніе, Ласси съ частью войскъ, въ числѣ которыхъ находился и Бахметевъ, прибылъ въ Одессу. Въ Турецкую войну 1806—1810 гг. Бахметевъ принималъ участіе въ главнѣйшихъ дѣлахъ этой кампаніи и былъ награжденъ орденами св. Анны 2-й ст. съ алмазами, св. Владиміра 3-го кл. и за Татарицкое сраженіе (10 Сентября 1809 г.) орденомъ св. Георгія 3-го кл.; въ этомъ дѣлѣ Бахметевъ овладѣлъ Турецкой батареей и былъ раненъ въ бокъ картечью; за участіе во взятіи Силистріи награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., за Шумлу получилъ шпагу съ алмазами, наконецъ, при взятіи приступомъ Рущука былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги. По выздоровленіи, назначенъ начальникомъ 26-й пѣхотной дивизіи, которая въ Апрѣлѣ 1812 г. вошла въ составъ 1-й Западной арміи, находясь въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ графа Шувалова. Съ этой дивизіей А. Н. Бахметевъ участвовалъ въ бою подъ Островной и, наконецъ, въ Бородинскомъ сраженіи, гдѣ былъ выдвинутъ въ первую линію, на мѣсто корпуса Раевскаго, совершенно уничтоженнаго. Здѣсь непріятельское ядро оторвало ему ногу, благодаря чему онъ навсегда былъ лишенъ возможности продолжать службу въ строю. За Бородинское сраженіе Бахметевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Черезъ два года онъ вступилъ на административное поприще и въ Августѣ 1814 г. назначенъ Подольскимъ военнымъ губернаторомъ и вслѣдъ затѣмъ, одновременно, намѣстникомъ Бессарабской области. Въ 1818 г., посѣтивъ Бессарабію, Императоръ Александръ, будучи встрѣченъ Бахметевымъ въ Каменецъ-Подольскѣ, обнялъ своего раненаго сподвижника и пожаловалъ ему Александровскую ленту. Въ 1823 г. онъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ Нижегородскимъ, Казанскимъ, Пензенскимъ и Симбирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ царствованіе Императора Николая I, въ 1828 г., онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; въ этой должности онъ и скончался 15 Сентября 1841 года, въ своемъ имѣніи Подольской губерніи.

А. Н. Бахметевъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака съ разведенной графиней Викторіей Станиславовной Шуазель-Гуфье, рожденной графиней Потоцкой († 1824 г.), онъ имѣлъ дочь Варвару Алексѣевну (въ замужествѣ за гвардіи полковникомъ Валеріаномъ Григорьевичемъ Столыпинымъ); отъ второго — съ княжной Наталіей Готфридовной Четвертинской, у него былъ одинъ сынъ Николай (р. 1833 г.), получившій 28 Октября 1856 г. графскій титулъ съ фамиліей Протасова-Бахметева.

По словамъ современника, Бахметевъ былъ „высокаго роста и въ молодости красавецъ; образованный, привѣтливый, кроткій и веселаго нрава; въ бояхъ являлся онъ распорядителемъ хладнокровнымъ“. До раны подъ Бородинымъ „всегда одѣтъ былъ щеголемъ“, въ послѣдніе годы жизни, на костылѣ, постоянно „мучимъ былъ тѣлесными страданіями“.

(Съ портрета Дау, 1821 г.; собственность свѣтлѣйшаго князя Н. П. Лопухина-Демидова, м. Корсунь, Кіевской губ.)

161

ALEXIS NIKOLAEWITCH BAKHMÉTEFF, 1774—1841, fils du capitaine de la Garde Nicolas Nikolaewitch Bakhméteff et de Sophie Lvowna, née Masloff, descendait de la vieille famille noble des Bakhméteff, d'origine tatare. Enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il permuta dans sa 16e année au régiment Izmaïlowsky, avec lequel il prit part en 1790 à quelques affaires contre les Suédois. Il eut un avancement rapide: déjà colonel en 1798, il était en 1800 général major et chef du régiment des grenadiers de Sibérie, qui portait son nom. En 1805, lors de la première guerre de l'Empereur Alexandre avec Napoléon, il fut du détachement envoyé aux Iles Ioniennes sous le général Anrep. De Corfou, il passa avec son régiment à Naples, puis à Rome; mais, avant d'arriver dans cette dernière ville, le général Lassi, chef du contingent russe, reçut, en raison de la bataille d'Austerlitz, l'ordre de renvoyer une partie de ses troupes aux Iles Ioniennes, puis, cet ordre exécuté, se rendit avec l'autre partie, dont était Bakhméteff, à Odessa. A la campagne de Turquie, de 1806 à 1810, où il fut de toutes les affaires les plus importantes, Bakhméteff gagna Ste-Anne de 2e classe avec insignes en diamants et St-Vladimir de 3e classe, et la bataille de Tataritzy (10 septembre 1809), où il enleva une batterie turque et reçut une décharge de mitraille dans le côté, lui valut St-Georges de 3e classe. A la prise de Silistrie, il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe; après Choumla, il reçut une épée en diamants; enfin, à l'assaut de Rouchtchouk, il fut grièvement blessé aux deux jambes. Une fois remis de ses blessures, il fut nommé commandant de la 26e division d'infanterie, qui fit partie, en avril 1812, de la 1re armée de l'Ouest, au 4e corps d'infanterie du comte Chouvaloff. Avec cette division, il prit part au combat d'Ostrovnaïa, et, enfin, à Borodino, se trouva en première ligne, à la place du corps Raewsky, complètement anéanti: là, il eut une jambe emportée par un boulet, et dut dès lors renoncer au service actif; il fut en même temps promu général lieutenant. Entré deux ans plus tard dans la carrière administrative, il fut fait en août 1814 gouverneur militaire de Podolie, et, immédiatement après, lieutenant de la région de Bessarabie. Reçu par lui à Kamenetz-Podolsk, lors de sa visite en Bessarabie en 1818, l'Empereur Alexandre embrassa son compagnon d'armes mutilé et lui remit le cordon de St-Alexandre. En 1823, il passa général d'infanterie et fut nommé général gouverneur de Nijni-Novgorod, Kazan, Penza et Simbirsk. Il devint, sous l'Empereur Nicolas Ier, en 1828, membre du Conseil de l'Empire, et mourut dans ces fonctions le 15 septembre 1841, dans sa propriété de Podolie.

Bakhméteff fut marié deux fois. De son premier mariage avec la comtesse divorcée Victoria Stanislawowna Choiseul-Gouffier, née comtesse Potocki († 1824), il eut une fille Varvara, mariée au colonel de la Garde Valérien Grigoriewitch Stolypine; et du second, avec la princesse Natalie Gotfridowna Tchetvertinsky, un fils Nicolas (né 1833), qui reçut, le 28 octobre 1856, le titre de comte et le nom de Protassoff-Bakhméteff.

Au témoignage d'un contemporain, Bakhméteff était „grand, et, dans sa jeunesse, bel homme; instruit, aimable, gai et de caractère doux. Sur le champ de bataille, il savait prendre ses dispositions avec sang-froid". Avant sa mutilation de Borodino, „il était toujours mis avec chic"; dans les dernières années de sa vie, il allait à béquilles, incessamment „torturé par la souffrance physique".

(D'après l'original de G. Dawe, 1821, appartenant au prince sérénissime N. Lopoukhine-Démidoff, Korsoun, gouv. de Kieff.)

[illegible] 1774—1841, fils du capitaine de la Garde [illegible] Masloff descendait de la vieille famille [illegible] Préobragensky, il permuta dans sa 16e [illegible] à quelques affaires contre les Suédois. Il [illegible] général major et chef du régiment des [illegible] guerre de l'Empereur Alexandre avec [illegible] le général Anrep. De Corfou, il passa avec [illegible] dernière ville, le général Lassi, chef du [illegible] de renvoyer une partie de ses troupes aux [illegible] dont était Bakhméteff, à Odessa. A la [illegible] les plus importantes, Bakhméteff gagna [illegible] classe, et la bataille de Tataritzy (10 [illegible] de mitraille dans le côté, lui valut St-[illegible] de 1re classe; après Choumla, il reçut [illegible] blessé aux deux jambes. Une fois [illegible] d'infanterie, qui fit partie, en avril 1812, [illegible] Chouvaloff. Avec cette division, il prit part au [illegible] ligne, à la place du corps Raewsky, [illegible] dut des lors renoncer au service actif; il [illegible] plus tard dans la carrière administrative, il [illegible] immédiatement après, lieutenant de la région de [illegible] au Bessarabie en 1818, l'Empereur Alexandre [illegible] de St-Alexandre. En 1825, il passa général [illegible] Kazan, Penza et Simbirsk. Il devint, sous [illegible] et mourut dans ces fonctions le 15 septembre [illegible]

[illegible] premier mariage avec la comtesse divorcée [illegible] († 1824), il eut une fille Varvara, [illegible] second, avec la princesse Natalie Gotfri[illegible] 1856, le titre de comte et le nom de [illegible]

[illegible] était „grand, et, dans sa jeunesse, [illegible] de bataille, il savait prendre ses [illegible] „il était toujours mis avec chic", dans les [illegible] par la souffrance physique".

(D'après l'original de [illegible] appartenant au prince sérénissime N. Lopoukhine-[illegible] gouv. de Kieff.)

Пис. Г. Дау, 1821 — Peint pa G. D[illegible], 1821

Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, 1774 — 1841

Alexis Nikolaewitch Bakhméteff, 1774 — 1841

Пис. Жерарь — Peint par G[illegible]rd

Викторія Станиславовна Бахметева, 1780 — 1827

Victoria Stanislavowna Bakhméteff, 1780 — 1827

ВИКТОРІЯ СТАНИСЛАВОВНА БАХМЕТЕВА, 1780—1827, дочь графа Феликса-Станислава Потоцкаго († 1805), воеводы Чернорусскаго, потомъ генералъ-аншефа русской службы, отъ перваго брака его съ Іозефиной Георгіевной Мнишекъ (1752—1798), родилась въ 1780 году. Во фрейлины была пожалована Екатериной II 2 Января 1793 г., въ день мирнаго торжества съ турками. Въ первомъ супружествѣ была за графомъ Октавіемъ Шуазель-Гуфье, пэромъ Франціи (1773—1840), но недолго жила съ нимъ и, разведясь, вышла замужъ за Алексѣя Николаевича Бахметева, генерала-отъ-инфантеріи, полномочнаго намѣстника Бессарабской области, одного изъ храбрѣйшихъ русскихъ генераловъ, потерявшаго ногу подъ Бородинымъ, человѣка благороднѣйшаго характера. Умная и ловкая женщина, извѣстная въ Петербургѣ и Москвѣ какъ особа, любившая хорошо покушать и отличавшаяся вслѣдствіе сего чрезмѣрною полнотою, она пріобрѣла большое вліяніе на мужа и, по словамъ Вигеля, много злоупотребляла своимъ высокимъ положеніемъ въ неустроенномъ Бессарабскомъ краѣ.

„Какъ всякая полька“, говоритъ Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ 1819 г., „она любила власть и оттого любила начальствовавшаго мужа, безногаго, пожилого и хвораго. Какъ полька, любила деньги и оттого любила дикую еще Бессарабію, въ которой нашла для себя золотой рудникъ. Какъ полька, любила она роскошную жизнь, всякій вечеръ принимала у себя гостей и часто дѣлала балы. Общество при ней процвѣтало, тѣшилось, а земля платила за его увеселенія: нельзя же забавлять людей все даромъ! Министромъ финансовъ ея былъ армянскій архіепископъ Григорій, столь же любезный, какъ глубоко и откровенно безнравственный человѣкъ... Собирателями не совсѣмъ добровольныхъ приношеній были вызванные ею изъ Подольской губерніи евреи“.

В. С. Бахметева имѣла отъ второго брака одну лишь дочь Варвару (замужемъ за Валеріаномъ Григорьевичемъ Столыпинымъ), и скончалась еще нестарой женщиной въ Москвѣ, въ Іюнѣ 1827 года. Оба мужа ея были женаты вторымъ бракомъ: первый на дѣвицѣ Тизенгаузенъ, оставившей записки объ Императорѣ Александрѣ I, а второй на княжнѣ Наталіи Готфридовнѣ Четвертинской, отъ которой имѣлъ сына Николая Алексѣевича, возведеннаго въ 1856 г. въ графское достоинство, съ именемъ графа Протасова-Бахметева.

(Съ портрета Жерара; собственность свѣтлѣйшаго князя Н. П. Лопухина-Демидова, м. Корсунь, Кіевской губ.)

162

VICTORIA STANISLAVOWNA BAKHMÉTEFF, 1780—1827, fille du comte Félix-Stanislas Potocki († 1805), voïévode de Russie-Rouge, puis général en chef russe, et de sa première femme Joséphine Guéorguiewna Mniszek (1752—1798), naquit en 1780. Elle fut faite demoiselle d'honneur de Catherine II le 2 janvier 1795, le jour de la célébration de la paix avec les Turcs. Elle épousa en premières noces le comte Octave de Choiseul-Gouffier (1773—1840), pair de France, mais ne vécut pas longtemps avec lui, divorça, et se remaria au général d'infanterie Alexis Nikolaewitch Bakhméteff, lieutenant plénipotentiaire de la région de Bessarabie, un des plus braves généraux russes, qui perdit une jambe à Borodino, et homme d'une haute noblesse de caractère. Intelligente et adroite, connue à Pétersbourg et à Moscou comme portée sur sa bouche et douée en conséquence d'un embonpoint excessif, elle prit sur son mari un ascendant considérable, et, au témoignage de Wiegel, abusa fortement de sa haute situation dans le pays à peine organisé de Bessarabie.

„En bonne polonaise", dit Wiegel dans ses Souvenirs à la date de 1819, „elle aimait l'autorité, et aimait en conséquence son mari qui en était revêtu, mutilé, vieillissant, maladif. Polonaise, elle aimait l'argent, et aimait en conséquence la Bessarabie encore sauvage, où elle s'était trouvé une mine d'or. Polonaise, elle aimait la vie luxueuse, recevait tous les soirs et donnait fréquemment des bals. Avec elle, la société florissait, s'amusait, et c'était la terre qui payait: car enfin, on ne peut pas distraire son monde sans jamais rien payer! Elle avait pour ministre des finances l'archevêque arménien Grégoire, dont l'amabilité n'avait d'égale que la profonde et franche immoralité.... Elle faisait venir des juifs de Podolie pour les envoyer récolter des offrandes qui n'étaient pas absolument spontanées.

Mme Bakhméteff n'eut de son second mariage qu'une fille Varvara, mariée à Valérien Grigoriewitch Stolypine, et mourut encore jeune à Moscou en juin 1827. Ses deux maris se remarièrent, le premier à Mlle Tisenhausen, auteur de Mémoires sur Alexandre Ier, et le second à la princesse Natalie Gotfridowna Tchetvertinsky, dont il eut un fils Nicolas, élevé en 1856 à la dignité de comte avec le nom de comte Protassoff-Bakhméteff.

(D'après un original de Gérard, appartenant au prince sérénissime N. Lopoukhine-Démidoff, Korsoun, gouvernement de Kieff.)

ЮРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ, 1752—1829, единственный сынъ Александра Юрьевича († 1804 г.) отъ брака его съ княжной Татьяной Александровной Куракиной (р. 1732 г., † 1754 г.), родился въ Москвѣ 6 Сентября 1752 г.; отецъ его, потерявъ жену, уѣхалъ за границу, откуда вернулся лишь въ 1767 г., и маленькій Юша жилъ сперва у бабушки съ отцовской стороны, Анны Ивановны, рожд. Талызиной († 1764 г.), въ Москвѣ, а потомъ у другой бабушки, княгини Александры Ивановны Куракиной, въ Петербургѣ; здѣсь росъ онъ, подъ надзоромъ тетки, княжны Аграфены Александровны, вмѣстѣ съ двоюродными своими братьями, князьями Куракиными, и въ 1769 г. былъ посланъ съ ними въ Страсбургскій университетъ, но пробылъ здѣсь лишь годъ. Записанный еще въ 1758 г. въ артиллерію, онъ былъ отправленъ, въ Маѣ 1770 г., во 2-ю армію, находился при осадѣ Бендеръ, состоя ординарцемъ у дѣда своего по матери, графа П. И. Панина, затѣмъ участвовалъ въ покореніи Крыма и въ Турецкой войнѣ; въ 1775 г., въ качествѣ кавалера посольства, сопровождалъ своего дядю, князя Н. В. Репнина, въ Царьградъ, въ 1776—1779 гг. находился въ Финляндіи, а затѣмъ, уже въ чинѣ подполковника, былъ въ Крыму, гдѣ, между прочимъ, занимался (1783 г.) переводомъ „Запры“ Вольтера. Выйдя въ 1785 г. въ отставку полковникомъ, онъ поселился въ Москвѣ и въ Маѣ 1786 г. женился на княжнѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Хованской, а въ Сентябрѣ былъ назначенъ директоромъ Московскаго Главнаго Народнаго училища. При воцареніи Павла I Нелединскій-Мелецкій былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ къ принятію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя; во время коронаціи получилъ 800 душъ и сопровождалъ затѣмъ Императора въ его путешествіи по Россіи; въ 1798 г. произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и получилъ Анну 1-й степени, но уже 22 Іюля былъ отставленъ и уѣхалъ въ Москву. За время службы при дворѣ пріобрѣлъ особенное расположеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а также Е. И. Нелидовой. Въ Декабрѣ 1800 г. опала смѣнилась новой милостью: Нелединскому данъ былъ чинъ тайнаго совѣтника и званіе сенатора. Въ 1801 г. онъ, вмѣстѣ съ Лопухинымъ, ревизовалъ Слободско-Украинскую губернію; въ 1802 г. былъ назначенъ членомъ совѣта вновь учрежденныхъ Московскихъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго; 4 Февраля 1813 г. былъ назначенъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Милости, довѣріе и даже дружба къ нему Императрицы Маріи никогда не прекращались, и „Bon vieux Nélédinsky“ всегда бывалъ у нея желаннымъ гостемъ. Въ 1814 г. онъ составилъ отъ имени Синода, Государственнаго Совѣта и Сената извѣстное прошеніе къ Александру I о принятіи титула „Благословенный“ и о разрѣшеніи воздвигнуть ему памятникъ, а затѣмъ завѣдывалъ устройствомъ праздника въ Павловскѣ для встрѣчи Государя. Удалившись, 22 Апрѣля 1826 г., отъ всѣхъ должностей, онъ переѣхалъ въ Калугу, къ зятю и дочери, князьямъ Оболенскимъ, въ домѣ которыхъ и скончался 13 Февраля 1829 г.; погребенъ онъ въ Калужскомъ Лаврентьевомъ монастырѣ.

Какъ писатель, Нелединскій-Мелецкій пріобрѣлъ особенную извѣстность своими пѣснями, по выраженію Батюшкова, „вдохновенными страстью“; изъ нихъ одна: „Выйду я на рѣченьку, Погляжу на быструю“... не забыта и до сихъ поръ. Вообще пѣсни его (всего 17) высоко цѣнились современниками — отъ Карамзина до Жуковскаго и Пушкина; не будучи присяжнымъ литераторомъ, онъ считался „Анакреономъ и Шольё своего временн“, но писалъ очень мало. Человѣкъ съ природнымъ умомъ, образованный и начитанный, веселый, живой, незамѣнимый и остроумный собесѣдникъ, онъ, кромѣ пѣсенъ, оставилъ нѣсколько одъ, хоровъ, басенъ, посланій, мадригаловъ, переводилъ изъ Лафонтена, Томаса, Шекспира и самъ писалъ французскіе стихи. „Во многихъ отношеніяхъ“, говоритъ князь Вяземскій, „Нелединскій былъ натура совершенно своеобразная, натура крайностей и противоположностей, но не противорѣчій... Щедро одаренная натура его умѣла и могла вынести, могла даже согласовать, уравновѣшивать внутреннія противорѣчія, это междоусобіе врожденныхъ свойствъ, склонностей, порывовъ, страстей“; такъ, будучи большимъ поклонникомъ женской красоты, повѣсой и волокитой, постоянно, даже на старости лѣтъ увлекаясь кѣмъ-нибудь, онъ нѣжно любилъ свою жену и долго оплакивалъ ея потерю. У него былъ одинъ сынъ, Сергѣй (р. 1795 г., † 1871 г.), умершій холостымъ и передавшій фамилію племяннику своему, князю С. А. Оболенскому, и 3 дочери: старшая за Тиличеевымъ, Аграфена (р. 1789 г., † 1829 г., два дня спустя послѣ смерти отца; съ 1809 г. за княземъ А. П. Оболенскимъ) и фрейлина Софія (за Ф. В. Самаринымъ).

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго графинѣ Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

YOURI ALEXANDROWITCH NÉLÉDINSKY-MÉLETZKY, 1752—1829, fils unique d'Alexandre Youriewitch († 1804) et de Tatiane Alexandrowna, née princesse Kourakine (1732—1754), naquit à Moscou le 6 septembre 1752. Son père, devenu veuf, partit pour l'étranger, d'où il ne revint qu'en 1767, et l'enfant fut élevé d'abord chez sa grand'mère paternelle, Anne Ivanowna, née Talyzine († 1764), à Moscou, puis chez son autre grand'mère, la princesse Alexandrine Ivanowna Kourakine, à Pétersbourg: c'est là qu'il grandit, sous la surveillance de sa tante, la princesse Agrippine Alexandrowna, avec ses cousins germains les princes Kourakine; en 1769, il fut envoyé avec eux à l'université de Strasbourg, mais n'y resta qu'un an. Enrôlé dès 1758 dans l'artillerie, il fut incorporé en mai 1770 à la 2e armée, alla au siège de Bender comme ordonnance de son grand-père maternel le comte P. Panine, puis prit part à la conquête de la Crimée et à la guerre de Turquie. En 1775, il accompagna, en qualité d'attaché, son oncle le prince Repnine à Constantinople, de 1776 à 1779, se trouva en Finlande, puis, déjà lieutenant-colonel, alla en Crimée, où il travailla, entre autres choses, à la traduction de Zaïre de Voltaire (1783). Retraité en 1785 comme colonel, il se fixa à Moscou, épousa en mai 1786 la princesse Catherine Nikolaewna Khovansky, et fut nommé en septembre suivant directeur de l'Ecole Générale Primaire de Moscou. Sous Paul Ier, il fut fait conseiller d'état et mis au Bureau des Requêtes adressées au nom de Sa Majesté. Il reçut 800 têtes de paysans lors du couronnement et accompagna ensuite l'Empereur dans son voyage en Russie. Conseiller d'état actuel en 1798, il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe, mais dès le 22 juillet, il fut révoqué et partit pour Moscou. Durant son service à la Cour, il s'était concilié la faveur particulière de l'Impératrice Marie Féodorowna, ainsi que celle de Mlle Nélidoff. En décembre 1800, ce fut une rentrée en grâce: il reçut le rang de conseiller privé et le titre de sénateur. En 1801, il alla, avec Lopoukhine, faire la revision du gouvernement d'Ukraine, et devint l'année suivante membre du conseil des écoles de l'ordre de Ste-Catherine et St-Alexandre, récemment fondées à Moscou. Le 4 février 1813, il fut nommé tuteur du Conseil de Tutelle de St-Pétersbourg. Les faveurs, la confiance et même l'amitié de l'Impératrice Marie ne lui firent jamais défaut, et le „bon vieux Nélédinsky" était toujours le bienvenu chez elle. En 1814, il rédigea, au nom du Synode, du Conseil de l'Empire et du Sénat, la fameuse supplique adressée à Alexandre Ier pour le prier de prendre le titre de Bien-Aimé et d'autoriser l'érection d'un monument en son honneur; puis il dirigea les préparatifs de la réception organisée à Pavlowsk pour son retour. Il se démit le 22 avril 1826 de toutes ses fonctions pour se retirer à Kalouga chez son gendre et sa fille, prince et princesse Obolensky: il y mourut le 13 février 1829, et fut inhumé au monastère St-Laurent, à Kalouga.

Comme écrivain, Nélédinsky-Méletzky s'est fait une réputation particulière par ses chansons „enflammées de passion", dit Batiouchkoff, et dont une,

„Je m'en vais à la rivière,
„Je la vois couler rapide"...

n'est pas encore oubliée aujourd'hui. En général ses dix-sept chansons furent hautement appréciées, de Karamzine à Joukowsky et Pouchkine; sans être littérateur attitré, il était regardé comme „l'Anacréon et le Chaulieu" de son temps, mais il écrivit très peu. Bien doué comme esprit, avec de l'instruction et des lectures, gai, animé, spirituel et sans égal dans la conversation, il a laissé, outre ses chansons, un certain nombre d'odes, chœurs, fables, épîtres, madrigaux, traductions de La Fontaine, Thomas, Shakespeare, et aussi des vers français. „Sous bien des rapports", dit le prince Viazemsky, „c'était une nature à part, un composé d'extrêmes et d'oppositions, mais non de contradictions..., nature richement douée, qui sut et put supporter, qui put même accorder et équilibrer ses contradictions intestines, ces dissensions de divers éléments innés, penchants, transports, passions"; ainsi, grand amateur de beau sexe, faiseur de frasques et de révérences, constamment, même dans sa vieillesse, aux prises avec quelque amourette, il aimait tendrement sa femme et pleura longtemps sa perte. Il eut un fils, Serge (1795—1871), qui mourut célibataire et transmit le nom à son neveu, le prince S. Obolensky, et trois filles, dont l'aînée épousa Tilitchéeff, la seconde, Agrippine, née en 1789, morte en 1829 deux jours après son père, épousa en 1809 le prince A. Obolensky, et la troisième, Sophie, demoiselle d'honneur, épousa Th. Samarine.

(D'après une aquarelle appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

163

Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, 1752 — 1826 — *Youri Alexandrowitch Nélédinsky-Méletzky, 1752 — 1826*

164

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1757 — 1835 — *Le Comte Dmitri Ivanowitch Khvostoff, 1757 — 1835*

165

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, 1760 — 1837 — *Ivan Ivanowitch Dmitrieff, 1760 — 1837*

Графъ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ, 1757—1835, сынъ гвардіи подпоручика Ивана Михайловича Хвостова отъ брака его съ Вѣрой Григорьевной Кариной (сестрой писателей), родился въ Петербургѣ 19 Іюля 1757 г.; обучался въ пансіонѣ профессора Литке и слушалъ лекціи у профессоровъ Московскаго университета; въ 1772—1779 гг. служилъ въ Преображенскомъ полку, гдѣ сблизился съ княземъ Д. П. Горчаковымъ (сатирикомъ) и самъ началъ писать стихи; съ 1779 г. служилъ оберъ-провіантмейстеромъ, а съ 1783 по 1787 г.—въ Сенатѣ, откуда былъ уволенъ за неявку къ должности. 17 Января 1789 г., въ Москвѣ, Хвостовъ женился на княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой, родной, по матери, племянницѣ Суворова, по ходатайству котораго, въ 1790 г., былъ принятъ подполковникомъ въ Черниговскій полкъ, съ назначеніемъ состоять при дядѣ; въ 1795 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1797 г.—въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленъ оберъ-прокуроромъ Сената, а въ 1799 г. переведенъ на ту же должность въ Синодъ; въ 1800 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1802 г. вышелъ въ отставку, получивъ 4/15 Октября 1799 г. отъ короля Сардинскаго (по просьбѣ Суворова) графское достоинство, которое признано за нимъ и въ Россіи въ 1802 г.; пожалованный въ 1807 г. сенаторомъ, Хвостовъ въ 1831 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и умеръ въ Петербургѣ 22 Октября 1835 года.

Въ исторіи русской литературы графъ Хвостовъ пріобрѣлъ широкую и громкую, но печальную извѣстность; имя этого плодовитаго, но бездарнаго стихотворца, сдѣлавшееся „притчей во языцѣхъ“, стало нарицательнымъ, связываясь съ представленіемъ о жалкомъ маніакѣ, мегроманѣ. Начавъ свою литературную дѣятельность въ 1777 г. комедіею „Легковѣрный“, Хвостовъ писалъ до послѣднихъ дней жизни, съ настойчивостью проводя въ своихъ произведеніяхъ завѣты ложно-классической школы и ея законодателей Буало и Баттё; окруженный толпой льстецовъ и корыстныхъ прихлебателей, онъ не отступалъ отъ избраннаго однажды пути и не поддавался новымъ вѣяніямъ и направленіямъ въ литературѣ, возникавшимъ на его глазахъ: при Пушкинѣ онъ продолжалъ писать такъ же, какъ писалъ во времена расцвѣта Музы Хераскова... Пріобрѣтя опредѣленную репутацію бездарнаго стихоплета, добродушный по натурѣ, но самолюбивый и убѣжденный въ своихъ поэтическихъ дарованіяхъ графъ Хвостовъ со своими безчисленными, часто малосмысленными стихотвореніями сдѣлался предметомъ самыхъ безпощадныхъ насмѣшекъ и въ литературѣ, и въ обществѣ: ни на кого не писалось такого огромнаго количества эпиграммъ, ни о комъ не ходило столько анекдотовъ, какъ о Хвостовѣ. Его несчастная, болѣзненная страсть осмѣяна даже въ современныхъ лубочныхъ картинкахъ: изображался чортъ, бѣгущій отъ стихотворца, при чемъ подъ картинкой печаталась басня Измайлова съ тѣмъ же заглавіемъ. Свои стихи, по выраженію Батюшкова, „какъ барабанъ, для уха нестерпимые“ и писанные на всевозможные случаи настоящаго, прошедшаго и даже будущаго, Хвостовъ навязывалъ, гдѣ и кому только могъ; „онъ такъ любилъ распространять свою славу, что по дорогѣ въ свою деревню дарилъ свои сочиненія станціоннымъ смотрителямъ“, не говоря уже о Петербургскихъ и иногородныхъ литераторахъ, а также объ училищахъ и библіотекахъ, которымъ онъ раздавалъ и разсылалъ свои произведенія съ удивительной настойчивостью и аккуратностью... Хвостовъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи и почетнымъ членомъ многихъ университетовъ и обществъ. Количество написаннаго имъ весьма велико; сборники и отдѣльныя изданія его лирическихъ произведеній, посланій, одъ, духовныхъ стихотвореній, притчъ (служившихъ „настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ“) и т. п. выходили одни за другими на протяженіи почти полувѣка; въ 1817—1818 гг. напечатано было первое „Полное собраніе“ его сочиненій (4 тома), переиздававшееся съ прибавленіемъ числа томовъ въ 1821—1822, 1827 и 1828—1830 гг. Кромѣ того, Хвостовъ издалъ переводы „Андромахи“ Расина (4 изданія, 1794—1821) и „Науки о стихотворствѣ“ Буало (5 изданій, 1808—1830), которыми онъ очень гордился, какъ своей самой большой литературной заслугой.

Отъ брака съ княжной А. П. Горчаковой (р. 1768 г., † 1843 г.) графъ Хвостовъ имѣлъ лишь одного сына, графа Александра (р. 1796 г.), бывшаго съ 1827 г. камергеромъ и умершаго холостымъ въ 1870 году.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

Le comte **DMITRI IVANOWITCH KHVOSTOFF**, 1757—1835, fils du sous-lieutenant de la Garde Ivan Mikhaïlowitch Khvostoff et de Véra Grigoriewna, née Karine, sœur des écrivains de ce nom, naquit à Pétersbourg le 19 juillet 1757. Il fit ses études à la pension du professeur Litke et suivit les cours de professeurs de l'université de Moscou. De 1772 à 1779, il servit au régiment Préobragensky, où il se lia avec le prince D. Gortchakoff, le satirique, et se mit lui-même à la poésie. Commissaire général des vivres en 1779, il entra en 1783 au Sénat, d'où il fut congédié en 1787 pour absence en service. Il épousa à Moscou, le 17 janvier 1789, la princesse Agrippine Ivanowna Gortchakoff, nièce par sa mère de Souvoroff, qui le fit nommer l'année suivante sous-lieutenant au régiment de Tchernigoff comme attaché à sa personne. Gentilhomme de la chambre en 1795, il devint en 1797 conseiller d'état actuel et procureur général au Sénat, d'où il passa en 1799 au Synode avec la même fonction. Conseiller privé en 1800, il prit sa retraite en 1802, après avoir reçu le 4/15 octobre 1799 du Roi de Sardaigne, sur la demande de Souvoroff, le titre de comte, qui lui fut encore reconnu en Russie en 1802. Sénateur depuis 1807, il passa en 1831 conseiller privé actuel, et mourut à Pétersbourg le 22 octobre 1835.

Dans l'histoire de la littérature russe, le comte Khvostoff s'est fait une considérable et retentissante, mais triste notoriété: le nom de ce versificateur fécond, mais nul, est devenu proverbial pour désigner un lamentable maniaque de la rime. Il débuta dans la carrière littéraire en 1777 par la comédie Le Gobeur, et écrivit jusqu'à ses derniers jours, se réclamant avec opiniâtreté dans ses œuvres du pseudo-classicisme et de ses législateurs Boileau et Batteux; entouré d'une foule de flatteurs et de parasites cupides, il ne dévia pas de la voie qu'il s'était une fois tracée et n'obéit pas aux courants et aux tendances qu'il vit naître en littérature sous ses yeux: au temps de Pouchkine, il écrivait encore comme au temps où florissait la Muse de Khéraskoff... Avec sa réputation bien établie de rimeur sans valeur, sa nature bon enfant, mais aussi son amour-propre et sa conviction dans ses talents poétiques, le comte Khvostoff fut, ainsi que ses innombrables et souvent peu intelligibles poésies, l'objet des railleries les plus impitoyables, tant dans la littérature que dans la société: personne ne fut victime d'une telle quantité d'épigrammes, personne ne fut le héros d'aussi nombreuses anecdotes. Sa malheureuse et maladive passion défraya même l'imagerie populaire du temps: une caricature représentait le diable fuyant devant le poète, avec, pour légende, la fable d'Izmaïloff de ce nom. Ses vers, „comme un tambour, effrayants à l'oreille", dit Batiouchkoff, et composés pour toutes les occasions présentes, passées et même à venir, il les infligeait à tout venant et à tout propos. „Il aimait tant à répandre sa gloire, qu'en allant dans ses terres, il donnait ses œuvres à tous les maîtres de poste sur son chemin", sans parler encore des littérateurs de Pétersbourg et d'ailleurs, ni des écoles et bibliothèques, auxquelles il les distribuait et faisait distribuer avec une insistance et une ponctualité étonnantes... Khvostoff était membre effectif de l'Académie Russe et membre honoraire de nombre d'universités et de sociétés. Ses écrits sont en quantité considérable; œuvres lyriques, épîtres, odes, vers spirituels, apologues („livre de chevet et de récréation de l'Arzamas"), etc., se succédèrent en recueils et en éditions séparées durant près d'un demi-siècle. En 1817/1818 fut publié le premier Recueil Complet de ses ouvrages, en quatre volumes, réédité et augmenté en 1821/1822, 1827 et 1828—1830. Il fit paraître en outre une traduction de l'Andromaque de Racine (quatre éditions de 1794 à 1821) et de l'Art Poétique de Boileau (cinq éditions de 1808 à 1830), dont il était très fier, comme de son plus grand mérite littéraire.

De son mariage avec la princesse Gortchakoff (1768—1843), le comte Khvostoff n'eut qu'un fils, Alexandre (né 1796), chambellan depuis 1827 et mort célibataire en 1870.

(D'après un original de l'Académie Impériale des Sciences.)

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ, 1760—1837, сынъ Симбирскаго помѣщика Ивана Гавриловича и жены его Екатерины Аѳанасьевны Бекетовой (сестры фаворита), родился въ с. Богородскомъ, Симбирской губ., 10 Сентября 1760 г.; учился въ частныхъ пансіонахъ, а затѣмъ дома; въ 1774 г. поступилъ въ Семеновскій полкъ; учился въ полковой школѣ и до 1787 г. несъ строевую службу, посвящая досуги чтенію и литературнымъ опытамъ; къ 1777 г. относится появленіе его въ печати, а къ 1783 г.—знакомство съ Карамзинымъ, перешедшее вскорѣ и уже навсегда въ тѣсную дружбу. Въ 1787 г. произведенный въ прапорщики, онъ былъ въ походѣ къ границамъ Финляндіи (1788 г.); вскорѣ (1790 г.) познакомился съ Державинымъ, а съ 1791 г. сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Карамзинскаго „Московскаго Вѣстника“; здѣсь, между прочимъ, появилась „сказка“ его—„Модная жена“, съ которой началась его литературная извѣстность. Въ 1794 г. онъ былъ на родинѣ и путешествовалъ по Низовому краю; въ это время написалъ лучшія свои произведенія, а въ 1795 г. издалъ сборникъ подъ названіемъ „И мои бездѣлки“. Выйдя въ отставку полковникомъ (1796 г.), онъ былъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатѣ, а вскорѣ—товарищемъ министра въ Департаментѣ удѣловъ и оберъ-прокуроромъ 3-го Департамента Сената; 30 Декабря 1799 г. вышелъ въ отставку тайнымъ совѣтникомъ, купилъ себѣ домъ въ Москвѣ, у Красныхъ Воротъ, и, поселившись въ немъ, „возобновилъ авторскую жизнь“; 6 Февраля 1806 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ (въ Москвѣ), получилъ Анну 1-й ст., въ 1808 г. былъ посланъ въ Рязань для слѣдствія о злоупотребленіяхъ по винному откупу и въ Кострому—„изслѣдовать поступки“ губернатора Пасынкова. Вызванный Александромъ I въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ 1 Января 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта и министромъ юстиціи, каковой постъ занималъ до 29 Августа 1814 г.; выйдя въ отставку и получивъ 10.000 р. пенсіи, онъ снова поселился въ Москвѣ, гдѣ, на Спиридоновкѣ, выстроилъ себѣ, по проекту А. Л. Витберга, домъ. Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи для пособія разореннымъ жителямъ Москвы и получилъ чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 1-й ст.; живя съ этихъ поръ частнымъ человѣкомъ, онъ съ интересомъ слѣдилъ за литературой, посѣщалъ ученыя и литературныя собранія, пополнялъ свою библіотеку. Почти оставя литературныя занятія, онъ въ 1824—1826 гг. составилъ свои „Записки“, цѣнныя и въ обще-историческомъ и въ историко-литературномъ отношеніяхъ, хотя онѣ и отличаются недостаточною откровенностью, давшею поводъ князю Вяземскому сказать, что Дмитріевъ писалъ ихъ какъ будто „въ мундирѣ“; впрочемъ, эта сдержанность, осторожность и натянутость, граничившія съ напыщенностью, составляли отличительную черту Дмитріева, какъ человѣка. Какъ писатель, онъ имѣетъ неоспоримое право на почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, являясь однимъ изъ ближайшихъ и способнѣйшихъ сотрудниковъ Карамзина въ дѣлѣ преобразованія нашего литературнаго слога. Внѣшняя форма его стихотвореній по достоинству была оцѣнена еще его современниками и учениками; самъ признавая, что его произведенія страдаютъ „скудностью въ глубокихъ чувствахъ и воображеніи“, онъ сознавалъ, что достигъ нѣкотораго успѣха „въ механизмѣ стиха, въ живости разсказа“, плавности слога и богатствѣ рѣчи.

Дмитріевъ умеръ въ Москвѣ 3 Октября 1837 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ; онъ былъ холостъ, но съ молодыхъ лѣтъ питалъ нѣжныя чувства къ женѣ своего сослуживца П. И. Сѣверина, Аннѣ Григорьевнѣ, рожд. Брагиной, и сына ея, извѣстнаго Д. П. Сѣверина, называлъ своимъ „пюпплемъ“; онъ посвятилъ имъ обоимъ нѣсколько стихотвореній; эти отношенія даже послужили поводомъ къ возникновенію, уже въ 1833 г., слуховъ о женитьбѣ его на вдовѣ Сѣвериной. По словамъ его родственника, А. И. Кетова, „черепъ Дмитріева, хорошо развитый, былъ почти совершенно обнаженъ, и И. И. носилъ густой парикъ, сѣдой, но не бѣлый, съ короткими, зачесанными кверху волосами надо лбомъ и приглаженными впередъ на вискахъ. Цвѣтъ лица его былъ немного красноватъ, глаза сѣро-голубые, умные, холодные; Дмитріевъ имѣлъ привычку прищуривать одинъ глазъ, чтобы, по возможности, скрыть косоглазіе, довольно сильное, что видно на портретѣ, рисованномъ Тончи. Живописный портретъ Дмитріева, работы Кипеля, въ свое время, навѣрно, былъ очень похожъ. Носъ И. И. былъ великъ, но недурной формы; губы тонки и нѣсколько сжаты. Держался онъ прямо и сановито, но безъ всякой натяжки. Одѣвался онъ тщательно, просто; чаще всего можно было видѣть его во фракѣ сѣраго цвѣта, точнѣе—грифельнаго. Звѣзды носилъ онъ, какъ и всѣ тогда, постоянно“.

(Съ портрета, принадлежащаго Е. М. Пельтъ, въ Москвѣ.)

IVAN IVANOWITCH DMITRIEFF, 1760—1837, fils du propriétaire de Simbirsk Ivan Gavrilowitch Dmitrieff et de Catherine Afanassiewna, née Békétoff, sœur du favori, naquit à Bogorodskoïé, gouvernement de Simbirsk, le 10 septembre 1760, et fit ses études dans des institutions particulières, puis dans sa famille. Entré en 1774 au régiment Sémenowsky, il alla à l'école du régiment et, jusqu'en 1787, fit du service actif, consacrant ses loisirs à la lecture et aux essais littéraires; de 1777 date son apparition dans la presse, et de 1783 sa connaissance avec Karamzine, qui fit bientôt place, et pour toujours, à une étroite amitié. Porte-enseigne en 1787, il fit l'année suivante campagne à la frontière finlandaise. Il se lia en 1790 avec Derjavine et devint en 1791 collaborateur actif au Messager de Moscou de Karamzine, où il publia entre autres son „conte" La Femme à la mode, qui marque le début de sa notoriété littéraire. En 1794, il alla dans son pays et voyagea dans la vallée du bas Volga; de cette époque datent ses meilleurs ouvrages, et il publia en 1795 un recueil intitulé Et encore mes bagatelles. Mis à la retraite en 1796 comme colonel, il fut nommé au bureau du procureur général du Sénat, et bientôt fait ministre adjoint des Domaines et procureur général du 3e département du Sénat. Le 30 décembre 1799, il prit sa retraite comme conseiller privé, s'acheta une maison à Moscou, près de la Porte Rouge, et s'y fixa pour „reprendre sa vie d'auteur". Sénateur à Moscou le 6 février 1806, il reçut Ste-Anne de 1re classe, et en 1808, fut envoyé à Riazan faire une enquête sur les abus de la ferme de l'alcool, et à Kostroma „examiner les actes" du gouverneur Passynkoff. Appelé à Pétersbourg par Alexandre Ier, il fut nommé le 1er janvier 1810 membre du Conseil de l'Empire et ministre de la justice, poste qu'il occupa jusqu'au 29 août 1814. Il quitta alors le service avec une pension de 10.000 roubles, et retourna à Moscou, où il se fit bâtir sur la Spiridonowka une maison d'après les plans de Wittberg. En 1816, il fut fait président de la commission de secours aux habitants de Moscou ruinés par l'invasion et reçut le rang de conseiller privé actuel et St-Vladimir de 1re classe. Rentré dès lors dans la vie privée, il suivit avec intérêt la littérature, fréquentant les réunions savantes et littéraires et complétant sa bibliothèque. Il renonça presque complètement aux lettres pour composer en 1824—1826 des Mémoires précieux tant au point de vue historique qu'à celui de l'histoire littéraire, mais manquant malheureusement de sincérité, au point que le prince Viazemsky put dire qu'il s'était en quelque sorte „mis en uniforme" pour les écrire; d'ailleurs, cette allure retenue, circonspecte et guindée, confinant à l'emphase, était bien le trait distinctif de l'homme. Comme écrivain, il occupe sans conteste un rang honorable dans l'histoire de notre littérature, comme un des plus actifs et des plus capables collaborateurs de Karamzine dans l'œuvre de la transformation de notre style littéraire. La forme de ses poésies fut, dès l'époque même, appréciée à sa valeur par ses contemporains et ses élèves; convenant lui-même d'une certaine „pauvreté comme profondeur de sentiment et comme imagination", il se reconnaissait quelque succès „comme mécanisme du vers, comme vivacité de récit", comme égalité de style et richesse de rime.

Dmitrieff mourut à Moscou le 3 octobre 1837, et fut inhumé au monastère Donskoï. Il était célibataire, mais éprouva dès sa jeunesse un faible pour la femme de son collègue P. Séverine, Anne Grigoriewna, née Braguine, dont il nommait le fils bien connu, D. Séverine, son „pupille". Plusieurs de ses pièces de vers leur sont dédiées à tous deux; le bruit se répandit même, dès 1833, d'un mariage avec la veuve Séverine. Au témoignage d'un parent, A. Kétoff, „son crâne, largement développé, était presque complètement dénudé et couvert d'une perruque touffue, non pas blanche, mais grise, avec de petits cheveux courts en brosse sur le front et tombant à plat sur les tempes. Il avait le teint un peu coloré, les yeux gris-bleus, le regard intelligent et froid; il clignait toujours d'un œil, pour masquer autant que possible un strabisme assez fort, visible sur le portrait de Tonci. Le portrait de Kuhnel était certainement très ressemblant dans son temps. Il avait le nez grand, mais assez bien fait, les lèvres fines et un peu pincées. Son attitude était droite et majestueuse, mais sans la moindre affectation. Sa mise était simple et soignée; on pouvait le voir le plus souvent en habit gris, ou plus exactement ardoise. Il portait constamment toutes ses décorations, comme tout le monde à l'époque".

(D'après un original appartenant à Mme Pelt, Moscou.)

Графиня **ЕКАТЕРИНА ЛЬВОВНА ГОЛОВКИНА**, 1762—1820, дочь оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина (1733—1799) отъ брака съ Маріной Осиповной Закревской (1741—1800), родилась въ 1762 году. Въ 1784 г. вышла замужъ за графа Юрія Александровича Головкина (1749—1846), впослѣдствіи начальника перваго русскаго посольства въ Китай и оберъ-камергера, только за годъ передъ тѣмъ пріѣхавшаго въ Петербургъ изъ-за границы, гдѣ прожившало все семейство Головкиныхъ со времени опалы, которой подвергся при Елисаветѣ вице-канцлеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. По словамъ современницы (Елизаветы Романовны Поляпской, фаворитки Петра III), родители, въ особенности мать Е. Л. Нарышкиной, вначалѣ были противъ брака дочери съ Головкинымъ, не имѣвшимъ никакого состоянія и казавшимся слабаго здоровья, но потомъ согласились и дали за нею 1000 душъ крестьянъ. Но бракъ этотъ не былъ, кажется, счастливъ, и записки Вигеля, близко знавшаго семью Нарышкиныхъ, заставляютъ предполагать въ жизни графини Екатерины Львовны Головкиной много тѣневыхъ сторонъ. „Не знавши“, говоритъ онъ, „трудно было сказать, сколько ей отъ роду лѣтъ. Еще смолоду имѣла она мужскія черты, была непригожа и старообразна, и въ лѣтъ 45 Катерина Львовна была то же, что въ 16: дурна собою и не стара. Прибавьте къ этому, что она была стройна, какъ двадцатилѣтняя дѣва, и что нарядъ ея соотвѣтствовалъ ея стану; еще прибавьте къ тому ея ловкость, умъ, необыкновенную любезность, сильное желаніе нравиться (мнѣ бы не хотѣлось прибавить — ея щедрость), и вы безъ труда повѣрите, что были люди, которые безъ труда соглашались ее любить.... Графиня Головкина уже давно была только по имени супругою; искренняя нѣжная взаимная дружба съ мужемъ давно уже заступила мѣсто, даже, я думаю, не любви супружеской, а только ея обязанностей.... Грустно было подумать, что обѣ эти женщины (она и ея дочь), которыхъ зналъ я во всемъ блескѣ, такъ печально кончили свое поприще. Когда, наскучивъ свѣтомъ, женщины покидаютъ его для набожной или просто спокойной жизни, то уваженіе слѣдуетъ за ними въ ихъ убѣжище; но горе тѣмъ, которыя, разрывая съ нимъ связи, удаляются отъ нѣмыхъ его приговоровъ для того, чтобы свободнѣе предаваться осужденнымъ имъ наслажденіямъ“.

Графиня Екатерина Львовна Головкина скончалась 5 Ноября 1820 года и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа. Единственная ея дочь, графиня Наталья Юрьевна, въ замужествѣ за княземъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ, была послѣднею въ родѣ Головкиныхъ, вслѣдствіе чего по Высочайшему указу въ 1845 г. получила, съ ея потомствомъ, фамилію княгини „Салтыковой-Головкиной“.

(Съ миніатюры, принадлежащей свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Салтыковой-Головкиной, въ Москвѣ.)

La comtesse CATHERINE LVOWNA GOLOVKINE, 1762—1820, fille du grand écuyer Léon Alexandrowitch Narychkine (1733—1799) et de Marine Ossipowna, née Zakrewsky (1741—1800), naquit en 1762. Elle épousa en 1784 le comte Youri Alexandrowitch Golovkine (1749—1846), dans la suite chef de la première ambassade russe en Chine et grand chambellan, depuis un an de retour à Pétersbourg de l'étranger, où était fixée toute la famille Golovkine à la suite de la disgrâce encourue sous Elisabeth par le vice-chancelier comte Michel Gavrilowitch Golovkine. Au témoignage d'une contemporaine (Elisabeth Romanowna Poliansky, la favorite de Pierre III), les parents de Catherine Narychkine, surtout sa mère, s'opposèrent d'abord au mariage avec Golovkine, qui n'avait aucune fortune et paraissait n'avoir pas de santé: ils finirent cependant par consentir, et la jeune fille eut en dot 1000 têtes de paysans. Mais l'union ne semble pas avoir été heureuse, car les Mémoires de Wiegel, qui connaissait de près la famille Narychkine, font voir bien en noir certains côtés de la vie de la comtesse. „Sans savoir", dit-il, „il était difficile de lui donner un âge. Toute jeune encore, elle avait des traits hommasses, un physique ingrat et vieillot: vers 45 ans, elle était la même qu'à 16, laide et pas vieille. Ajoutez à cela qu'elle avait une tournure de vingt ans et une toilette en conséquence; ajoutez-y encore de la désinvolture, de l'esprit, une extrême amabilité, un vif désir de plaire (je ne voudrais pas parler de libéralité), et vous croirez facilement qu'il s'en est trouvé pour se décider sans peine à l'aimer.... Depuis longtemps elle n'était plus épouse que de nom; depuis longtemps une franche et tendre amitié réciproque leur tenait lieu avec son mari, je ne dirai même pas de l'amour conjugal, mais simplement de ses obligations.... Quand on pense que ces deux femmes" (elle et sa fille), „que j'ai connues dans tout leur éclat, ont fait une fin si lamentable! Quand les femmes sentent le monde leur peser et le quittent pour la vie pieuse ou simplement tranquille, l'estime les suit dans leur retraite; mais malheur à celles qui, rompant avec lui, ne fuient ses jugements muets que pour se livrer plus librement aux plaisirs qu'il condamne!"

La comtesse Golovkine mourut le 5 novembre 1820, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Sa fille unique, la comtesse Natalie, mariée au prince Alexandre Nikolaewitch Saltykoff, était la dernière des Golovkine; aussi reçut-elle par oukaze Impérial en 1845, pour elle et sa descendance, le nom de princesse Saltykoff-Golovkine.

(D'après une miniature appartenant à la princesse sérénissime Saltykoff-Golovkine, Moscou.)

166

Графиня Екатерина Львовна Головкина,
1762 — 1820

La Comtesse Catherine Lvovna Golovkine,
1762 — 1820

167

Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ,
1762 — 1846

Le Comte Youri Alexandrowitch Golovkine,
1762 — 1846

168

Марія Яковлевна Нарышкина,
1789 — 1854

Marie Yakovlevna Narychkine,
1789 — 1854

169

Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ,
1786 — 1838

Cyrille Alexandrowitch Narychkine,
1786 — 1838

Графъ **ЮРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛОВКИНЪ**, 1762 — 1846, сынъ графа Александра Александровича отъ брака съ баронессой Вильгельминой-Юстиной Мосгеймъ, бывшей во 2-мъ бракѣ за герцогомъ Ноайль, родился 4 Декабря 1762 г. въ Лозаннѣ. Дѣдъ его, графъ Александръ Гавриловичъ, бывшій посланникомъ въ Гаагѣ, послѣ ссылки въ Сибирь при Елисаветѣ Петровнѣ его брата, вице-канцлера, остался навсегда въ Голландіи. Живя за границей, потомки его измѣнили православію, а русскаго у нихъ осталась одна фамилія. Поэтому и графъ Юрій Александровичъ былъ реформатскаго вѣроисповѣданія. Воспитаніе онъ получилъ за границей въ духѣ философіи энциклопедистовъ; воспитателемъ его былъ извѣстный Роммъ, перешедшій потомъ къ Строганову. Въ началѣ 80-хъ годовъ Головкинъ поступилъ на русскую службу, при чемъ Императрица пожаловала ему большія имѣнія. Павелъ I назначилъ его сенаторомъ, Александръ I — президентомъ Коммерцъ-Коллегіи и оберъ-церемоніймейстеромъ, а 17 Февраля 1805 г. — чрезвычайнымъ посломъ въ Китай. Предлогомъ посольства были поздравленіе богдыхана съ восшествіемъ на престолъ и извѣщеніе о воцареніи Александра I, цѣлью же его — установленіе прочныхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Китаемъ и уступка Россіи Амура. Посольство было очень многочисленно; въ него входили военные и чиновники, ученые и духовныя лица. Для свѣтскихъ членовъ его установлена была особенная форма: мундиръ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, съ прибавленіемъ богатаго серебрянаго шитья, военная сабля, вмѣсто шпаги, и головной уборъ, представлявшій нѣчто среднее между киверомъ и каской. Посольство Головкина не увѣнчалось успѣхомъ. Еще въ предѣлахъ Россіи онъ получилъ протестъ Китайскаго правительства противъ многочисленности посольской свиты и долженъ былъ ее сократить. Посольство добралось только до Урги, гдѣ Головкину были предъявлены такія требованія относительно церемоніала его пріема, что онъ счелъ ихъ непріемлемыми и возвратился въ Сибирь. Неудача возбудила неудовольствіе Государя, и Головкину долго пришлось прожить въ Иркутскѣ, пока ему было разрѣшено явиться въ Петербургъ. Онъ возвратился туда въ Декабрѣ 1806 года. До 1816 г. Головкинъ числился въ отпуску и жилъ за границей. Въ 1808 г. Императрица Марія Ѳеодоровна поручила ему дѣло сватовства Великой Княжны Екатерины Павловны. Возвратившись на службу, Головкинъ былъ посланникомъ въ Карлсруэ, Штутгартѣ и Вѣнѣ (1819—22), послѣ чего опять въ теченіе 9 лѣтъ былъ въ отпуску. Николай I, очень благоволившій къ Головкину, назначилъ его въ 1831 г. членомъ Государственнаго Совѣта и оберъ-камергеромъ. Послѣднія 12 лѣтъ своей жизни Головкинъ былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Скончался онъ 21 Января 1846 г. и погребенъ въ своемъ майоратномъ имѣніи Константиновѣ, Роменскаго уѣзда.

Головкинъ былъ воплощеніемъ типа большихъ баръ XVIII вѣка. Большого роста, тучный, величавый, съ большимъ, гладко выбритымъ лицомъ, орлинымъ носомъ и умными глазами, съ большими сѣдыми волосами, зачесанными по модѣ времени Екатерины II, онъ былъ одѣтъ всегда изысканно, но по старинному, носилъ чулки и башмаки и опирался на трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ. Къ каждому изъ гостей своихъ онъ обращался съ любезнымъ привѣтствіемъ и даже въ преклонномъ возрастѣ продолжалъ волочиться за женщинами. Головкинъ всегда оставался дореволюціоннымъ французомъ, отличаясь французскими любезностью, самонадѣянностью и легкомысліемъ. „Съ поверхностными познаніями, кои онъ имѣлъ“, говоритъ Вигель, „могъ онъ въ обществѣ, гдѣ никогда не углубляются въ обсуживаемые предметы и скользятъ по нимъ, казаться свѣдущимъ во всѣхъ наукахъ. Только въ дѣлахъ — это было все ничтожество русскихъ знатныхъ господъ новѣйшихъ временъ. Зато, что за выходъ, что за важность, что за представительность!“ Воспитанный за границей, онъ никогда не могъ выучиться говорить по-русски. По словамъ князя П. Долгорукаго, однажды Павелъ I сдѣлалъ замѣчаніе сенаторамъ за неправильное рѣшеніе дѣла, „исключая графа Головкина, такъ какъ онъ совсѣмъ не знаетъ русскаго языка“, но при этомъ ему предложено было научиться по-русски возможно скорѣй. Много лѣтъ спустя, отправляясь въ Китай, Головкинъ встрѣтилъ въ Зимнемъ дворцѣ Ф. П. Уварова, который спросилъ его: „Mon comte, vous allez en Kitaï?“ Головкинъ ему отвѣтилъ: „Да, генералъ, я ѣду въ Шину“, и, пять минутъ спустя, сказалъ кому-то: „Pourquoi Ouvaroff parle-t-il le français? Il ne faut jamais s'exprimer dans une langue que l'on connaît mal!“

Отъ брака съ Екатериной Львовной Нарышкиной онъ имѣлъ дочь Наталію (за княземъ А. И. Салтыковымъ), которой онъ, какъ послѣдній въ родѣ, передалъ фамилію Головкиныхъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Салтыковой-Головкиной, въ Москвѣ.)

Le comte YOURI ALEXANDROWITCH GOLOVKINE, 1762—1846, fils du comte Alexandre Alexandrowitch Golovkine et de la baronne Wilhelmine-Jnstine Mossheim, mariée en secondes noces au duc de Noailles, naquit le 4 décembre 1762 à Lausanne. Son grand-père, le comte Alexandre Gavrilowitch Golovkine ancien envoyé à La Haye, après la déportation en Sibérie du vice-chancelier son frère sous Elisabeth Pétrowna était resté pour toujours en Hollande. Vivant à l'étranger, ses descendants abjurèrent l'orthodoxie et ne conservèrent de russe que leur nom: aussi le comte Youri Golovkine était-il protestant. Son éducation se fit à l'étranger dans l'esprit de la philosophie encyclopédiste, sous la direction du célèbre Romme, qui fut ensuite précepteur de Stroganoff. Au début des années 80, il entra au service russe, et l'Impératrice lui octroya alors des biens considérables. Paul Ier le fit sénateur, Alexandre Ier président du Collège de Commerce et grand maître des cérémonies, et, le 17 février 1805, ambassadeur extraordinaire en Chine. L'ambassade avait pour prétexte de féliciter le bogdychan à l'occasion de son avènement et d'annoncer celui d'Alexandre Ier, mais pour but réel d'établir entre la Russie et la Chine des relations commerciales durables et de préparer la cession de l'Amour. L'ambassade, très nombreuse, comprenait des militaires et des fonctionnaires, des savants et des ecclésiastiques. Les laïques portaient un uniforme spécialement créé pour la circonstance, celui des Affaires étrangères enrichi d'une précieuse broderie d'argent, un sabre de guerre au lieu d'épée, et une coiffure qui tenait le milieu entre le shako et le casque. L'ambassade Golovkine n'aboutit pas: elle n'avait pas encore quitté le territoire russe, qu'elle reçut une protestation du gouvernement chinois contre le nombre considérable des personnes de la suite, et dut le réduire. Elle ne dépassa pas Ourga: là, Golovkine se heurta à de telles exigences pour le cérémonial de la réception, qu'il ne crut pas pouvoir les accepter et rentra en Sibérie. L'insuccès provoqua le mécontentement de l'Empereur, et Golovkine dut rester longtemps à Irkoutsk avant de recevoir l'autorisation de se présenter à Pétersbourg. Il n'y revint qu'en décembre 1806. Jusqu'en 1816, il fut porté en congé et vécut à l'étranger. En 1808, l'Impératrice Marie Féodorowna le chargea du mariage de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna. Rentré au service, il fut envoyé à Carlsruhe, Stuttgart et Vienne (1819—1822), après quoi il reprit un congé de neuf ans. Nicolas Ier, fort bien disposé à son égard, le fit en 1831 membre du Conseil de l'Empire et grand chambellan. Pendant les douze dernières années de sa vie, il fut curateur de l'arrondissement scolaire de Kharkoff. Il mourut le 21 janvier 1846, et fut inhumé dans son majorat de Konstantinovo, district de Romna.

Golovkine était l'incarnation du type des seigneurs russes du XVIIIe siècle. Grand, corpulent, majestueux, une large face rasée de près, un nez aquilin et des yeux spirituels, de longs cheveux blancs coiffés à la manière du temps de Catherine II, il était toujours mis avec recherche, mais à l'ancienne mode, portant des bas et des souliers et s'appuyant sur une canne à pommeau de prix. Il avait une parole aimable pour chacun de ses invités, et même dans un âge avancé ne cessa de faire la cour aux dames. Il resta toujours un français d'avant la Révolution, se distinguant par l'amabilité, la suffisance et la légèreté françaises. „Avec les connaissances superficielles qu'il avait", dit Wiegel, „il pouvait, dans la société, où on ne fait qu'effleurer les sujets sans rien approfondir, avoir l'air de connaître toutes les sciences. Seulement, en affaires, c'était toute la nullité des russes de distinction de l'époque moderne. En revanche, quelle allure aux réceptions, quelle importance, quelle prestance!" Elevé à l'étranger, il ne put jamais arriver à parler bien le russe. Au témoignage du prince I. Dolgorouky, Paul Ier fit un jour une observation aux sénateurs sur une irrégularité de procédure, „en exceptant le comte Golovkine, qui ne sait pas du tout le russe", et l'invita en même temps à l'apprendre au plus tôt. Longtemps après, au moment de son départ pour la Chine, Golovkine rencontra au Palais d'Hiver Ouvaroff, qui lui dit en français: „Mon comte, vous allez en Kitaï?" (Kitaï est le nom russe de la Chine). —„Oui, Général", répondit-il en russe, „je vais en Chine", en employant le nom français affublé d'une terminaison russe. Et quelques minutes après, il dit à quelqu'un: „Pourquoi Ouvaroff parle-t-il le français? Il ne faut jamais s'exprimer dans une langue que l'on connaît mal!"

De son mariage avec Catherine Lvowna Narychkine, il eut une fille Natalie, mariée au prince A. Saltykoff, à laquelle, comme dernier survivant, il transmit le nom de Golovkine.

(D'après une miniature appartenant à la princesse sérénissime C. Saltykoff-Golovkine, Moscou.)

168

МАРІЯ ЯКОВЛЕВНА НАРЫШКИНА, 1789 — 1854, дочь Малороссійскаго генералъ-губернатора, члена Государственнаго Совѣта, оберъ-камергера князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго (см. т. I, № 133) отъ брака съ княжной Александрой Николаевной Салтыковой (р. 1764 г., † 1829 г.), супруга оберъ-гофмаршала, незадолго до смерти пожалованнаго въ оберъ-гофмейстеры Кирилла Александровича Нарышкина (р. 1786 г., † 1838 г.), родилась 22 Октября 1789 года; скончалась въ Гейдельбергѣ 4 Іюня 1854 года и погребена въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

По отзыву племянника ея мужа, графа В. А. Соллогуба, она была женщина болѣзненная, но весьма симпатичная и всѣми уважаемая. Она имѣла двоихъ сыновей, Льва (р. 1809 г., † 1855 г.) и Сергѣя (р. 1819 г., † 1854 г.), и дочь Александру (р. 1817 г., † 1856 г.; по 1-му браку графиню Воронцову-Дашкову, по 2-му — баронессу де-Пойли), извѣстную красавицу, воспѣтую Лермонтовымъ.

Въ 1827 г. К. П. Брюлловымъ написана въ Римѣ акварель, изображающая М. Я. Нарышкину, съ мужемъ, верхомъ на лошадяхъ (собственность В. Л. Нарышкина).

(Съ миніатюры, принадлежавшей В. Л. Нарышкину, въ С.-Петербургѣ.)

168

MARIE YAKOVLEWNA NARYCHKINE, 1789—1854, fille du prince Jacob Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky (v. T. I, № 133), grand chambellan, membre du Conseil de l'Empire, général gouverneur de Petite-Russie, et d'Alexandra Nikolaewna, née princesse Saltykoff (1764—1829), femme du grand maréchal de la Cour, grand maître de la Cour peu avant sa mort, Cyrille Alexandrowitch Narychkine (1786—1838), naquit le 22 octobre 1789. Elle mourut à Heidelberg le 4 juin 1854, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Au témoignage d'un neveu de son mari, le comte V. Sollohub, c'était une personne maladive, mais très sympathique et estimée de tous. Elle eut deux fils, Léon (1809—1855) et Serge (1819—1854), et une fille Alexandrine (1817—1856), en premières noces comtesse Worontzoff-Dachkoff, en secondes noces baronne de Poilly, connue pour sa beauté et chantée par Lermontoff.

On a de K. Brulloff une aquarelle, faite à Rome en 1827 et appartenant à B. Narychkine, représentant Marie Narychkine à cheval avec son mari.

(D'après une miniature ayant appartenu à B. Narychkine, St-Pétersbourg.)

169

КИРИЛЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ, 1786—1838, сынъ оберъ-камергера Александра Львовича, женатаго на Маріи Алексѣевнѣ Сенявиной (см. т. I, №№ 119, 165), родился 17 Августа 1786 г.; въ 1805 г. совершилъ путешествіе въ Китай, въ качествѣ дворянина посольства, во главѣ котораго стоялъ графъ Ю. А. Головкинъ, женатый на его родной теткѣ, а затѣмъ, подобно дѣду и отцу, посвятилъ себя придворной службѣ, на которой достигъ высшихъ степеней. Пожалованный въ дѣйствительные камергеры, онъ въ началѣ царствованія Николая I занималъ должность гофмаршала и президента Придворной конторы; въ 1829 г. назначенъ оберъ-гофмаршаломъ, въ 1834 г.—членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1838 г. пожалованъ въ оберъ-гофмейстеры. Скончался 26 Октября 1838 года въ Крыму и погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

По свидѣтельству Вигеля, Нарышкинъ унаслѣдовалъ черты характера обоихъ своихъ родителей: въ немъ „соединились Нарышкинское барство, роскошество и шутливость отца съ крутымъ нравомъ, благородными чувствами, бережливостью и аристократической гордостью матери“. По отзыву же его илемянника, графа В. А. Соллогуба, онъ былъ вельможа большой руки, съ барской наружностью, замѣчательно умный и остроумный, но крайне вспыльчивый; большой любитель разсказывать анекдоты о старинѣ. Посвящая зиму службѣ при дворѣ, Нарышкинъ лѣтомъ уѣзжалъ на свою дачу въ Сергіевскомъ, гдѣ у него составлялся свой собственный дворикъ: у него тамъ постоянно жили—Гераковъ, поэтъ во вкусѣ Третьяковскаго, драматургъ князь Шаховской и разные нахлѣбники. Гостепріимный Нарышкинъ, унаслѣдовавшій отъ отца, несмотря на широкую жизнь послѣдняго, большія средства, жилъ не роскошно, но весело. Отъ брака съ княжной Маріей Яковлевной Лобановой-Ростовской имѣлъ 2 сыновей и дочь.

Въ собраніи В. Л. Нарышкина имѣются еще два портрета К. А. Нарышкина—одинъ, писанный Моньс, другой работы Лежень, гдѣ Нарышкинъ изображенъ въ особомъ мундирѣ, данномъ посольству графа Головкина.

(Съ миніатюры Росси; изъ собранія В. Л. Нарышкина, въ С.-Петербургѣ.)

169

CYRILLE ALEXANDROWITCH NARYCHKINE, 1786 — 1838, fils du grand chambellan Alexandre Lvowitch Narychkine et de Marie Alexéewna, née Séniavine (v. T. I, NN^{os} 119 & 165), naquit le 17 août 1786. Il fit en 1805 le voyage de Chine avec l'ambassade du comte Golovkine, mari de sa tante, puis, se consacra, comme son grand-père et son père, au service de la Cour, où il parvint aux rangs les plus élevés. Chambellan actuel, il était, au début du règne de Nicolas Ier, maréchal de la Cour et président des Bureaux de la Cour. Il fut, en 1829 grand maréchal de la Cour, en 1834 membre du Conseil de l'Empire, et en 1838 grand maître de la Cour. Il mourut le 26 octobre 1838 en Crimée, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Au témoignage de Wiegel, Narychkine avait des traits de caractère de ses deux parents: „il joignait à l'allure princière des Narychkine, au luxe et à la jovialité de son père, le caractère rude, l'élévation de sentiments, l'esprit d'économie et la fierté aristocratique de sa mère". Son neveu, le comte V. Sollohub, le représente comme un grand seigneur de haute marque, à l'extérieur princier, pétri d'intelligence et d'esprit, mais d'un extrême emportement, grand raconteur d'anecdotes du temps passé. A la grande Cour l'hiver, il passait l'été à sa villa de Serguiewskoïé, où il se faisait toute une Cour à lui: il y entretenait en permanence Guérakoff, poète dans le goût de Trétiakowsky, le prince Chakhowskoï le dramaturge et toute espèce de parasites. Aimant ainsi recevoir, Narychkine, avec la grosse fortune héritée de son père qui avait pourtant vécu sur un grand pied, menait la vie gaîment, mais sans luxe. De son mariage avec la princesse Marie Yakovlewna Lobanoff-Rostowsky, il eut deux fils et une fille.

La collection de B. Narychkine renferme deux autres portraits de Cyrille Narychkine, un de Monnier, l'autre de Lejeune avec la tenue spéciale de l'ambassade du comte Golovkine.

(D'après une miniature de Rossi, collection de B. Narychkine, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ, 1777—1861, сынъ статскаго совѣтника Петра Алексѣевича Ермолова отъ брака съ Маріей Денисовной Давыдовой, по первому мужу Каховской, родился въ Москвѣ 24 Мая 1777 г.; въ ранней юности онъ участвовалъ въ Польскомъ и Персидскомъ походахъ и за штурмъ Праги получилъ Георгія 4-й ст.; заключенный Павломъ въ крѣпость, онъ сосланъ былъ затѣмъ, вмѣстѣ съ Платовымъ, въ Кострому, гдѣ Ермоловъ, на свободѣ, пріобрѣлъ большія познанія въ историческихъ и военныхъ наукахъ и даже выучился у протоіерея Груздева латинскому языку. При Александрѣ I Ермоловъ, въ чинѣ подполковника, получилъ роту конной артиллеріи и отличился при Аустерлицѣ и Прейсишъ-Эйлау. Произведенный въ 1806 г. въ полковники, въ 1808 г. въ генералъ-майоры, онъ въ 1809 г. находился въ Молдавской арміи и въ 1810 г. командовалъ гвардейской артиллерійской бригадой, а затѣмъ гвардейской пѣхотной дивизіей, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ Литовскаго полка. Заслуживъ „благосклонное вниманіе“ Цесаревича, съ которымъ онъ даже помѣнялся крестами, Ермоловъ „его отзывами сдѣлался Государю извѣстенъ“. Назначенный въ 1812 г. начальникомъ штаба 1-й арміи, онъ посылалъ Александру I секретныя донесенія о дѣйствіяхъ Барклая-де-Толли. При Малоярославцѣ Ермоловъ, на свой страхъ, приказалъ Дохтурову спѣшить къ этому городу и тѣмъ преградилъ Наполеону путь въ неопустошенныя области. При Кульмѣ онъ принялъ начальство отъ раненаго графа Остермана, и Александръ I, вмѣстѣ съ Остерманомъ, признавалъ его „главнымъ виновникомъ побѣды при Кульмѣ“. Произведенный въ 1813 г. въ генералъ-лейтенанты, Ермоловъ въ 1816 г. былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго (позднѣе Кавказскаго) корпуса и полномочнымъ посломъ въ Персію; въ 1818 г. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, въ 1821 г. переименованъ въ главноуправляющаго Грузіей. Ермоловъ былъ сторонникомъ послѣдовательной и рѣшительной политики по отношенію къ горцамъ: рядомъ экспедицій онъ навелъ страхъ на хищниковъ и для обузданія ихъ построилъ крѣпости: Грозную, Внезапную и Бурную, создалъ Имеретинскую и Кахетинскую линіи, положилъ основаніе Сунженской линіи и упорядочилъ Военно-Грузинскую дорогу. Въ то же время онъ покровительствовалъ торговлѣ, промышленности, винодѣлію и шелководству; онъ перестроилъ Тифлисъ, представлявшій до него „безпорядочную кучу неопрятныхъ камней“, и „призвалъ къ жизни“ Кавказскія минеральныя воды. Съ Александромъ I „было похоронено и счастье“ Ермолова. Промедленіе, допущенное имъ при приведеніи войскъ къ присягѣ, произвело непріятное впечатлѣніе на Николая I. Послѣдовавшее затѣмъ нападеніе персіянъ, предусмотрѣнное, правда, Ермоловымъ, но неожиданное для гр. Нессельроде, окончательно подорвало кредитъ Ермолова. Назначеніе Паскевича въ помощники Ермолову, яко бы „для подробнѣйшаго изъясненія намѣреній“ Императора, заставило Ермолова въ началѣ 1827 г. подать прошеніе объ отставкѣ, мотивированное тѣмъ, что онъ „не имѣлъ счастья заслужить довѣренности Его Императорскаго Величества“. Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, Ермоловъ не захотѣлъ принять участія въ его засѣданіяхъ, обычно подавалъ мнѣніе „съ большинствомъ голосовъ“ и иногда даже притворялся спящимъ, а 14 Марта 1839 г., по его прошенію, еще болѣе раздражившему Государя, былъ „уволенъ въ отпускъ до излѣченія болѣзни“ и съ того времени жилъ въ Москвѣ, въ скромной обстановкѣ, пользуясь уваженіемъ и любовью москвичей, избравшихъ его въ 1855 г. начальникомъ Московскаго ополченія. Николай I показывалъ ему наружные знаки благоволенія и въ день открытія Кульмскаго памятника пожаловалъ орденъ св. Андрея. Занимаясь составленіемъ своихъ мемуаровъ, чтеніемъ и перелетомъ книгъ, Ермоловъ дожилъ до глубокой старости и умеръ отъ водянки въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Пречистенкѣ, 12 Апрѣля 1861 года. Погребенъ онъ въ Троицкой кладбищенской церкви г. Орла.

Видѣвшій Ермолова, незадолго до смерти, князь Вяземскій 5 Октября 1860 г. писалъ: „Умъ и память еще очень свѣжи, но иногда говоритъ какъ-то съ трудомъ, тяжело, невнятно. Разговоръ зашелъ объ умѣньѣ выбирать людей и о томъ, какъ рѣдко это умѣнье встрѣчается въ правителяхъ“. Отъ разныхъ связей Ермоловъ имѣлъ дѣтей: Виктора (отъ черкешенки Сюйды), Севера и Клавдія (отъ черкешенки Тотай) и Николая, получившихъ отъ Александра II права законныхъ дѣтей, и дочь Саніатъ (Софію), оставшуюся въ мусульманствѣ и вышедшую замужъ за горца Махай-Оглы.

(Съ портрета Захарова; Музей Императора Александра III, С.-Петербургъ.)

ALEXIS PÉTROWITCH ERMOLOFF, 1777—1861, fils du conseiller d'état Pierre Alexéewitch Ermoloff et de Marie Dénissowna, née Davydoff, en premières noces Kakhowsky, naquit à Moscou le 24 mai 1777. Il fit tout jeune encore les campagnes de Pologne et de Perse, et reçut pour l'assaut de Praga St-Georges de 4e classe. Mis par Paul Ier en forteresse, il fut ensuite relégué, ainsi que Platoff, à Kostroma, où il passa ses loisirs à acquérir des connaissances étendues en histoire et en art militaire, et apprit même le latin avec l'archiprêtre Grouzdeff. Sous Alexandre Ier, il reçut, ayant grade de lieutenant-colonel, une compagnie d'artillerie montée et se distingua à Austerlitz et à Eylau. Colonel en 1806, général major en 1808, il alla en 1809 à l'armée de Moldavie, et commanda en 1810 une brigade d'artillerie de la Garde, puis une division d'infanterie de la Garde, tout en étant commandant du régiment de Lithuanie. Il attira „la bienveillante attention" du Césarewitch, avec lequel il échangea même une croix, et qui „le fit connaître à l'Empereur". Nommé en 1812 chef d'état-major de la 1re armée, il envoya à Alexandre Ier des rapports secrets sur les opérations de Barclay de Tolly. A Malo-Yaroslavetz, il fit, à ses risques et périls, occuper en hâte la ville par Dokhtouroff, barrant ainsi à Napoléon la route des régions non dévastées. A Kulm, il prit le commandement des mains du comte Ostermann blessé, qui, ainsi qu'Alexandre Ier, le déclara „l'auteur principal de la victoire de Kulm". Général lieutenant en 1813, il fut en 1816 fait commandant du corps détaché de Géorgie (plus tard du Caucase), en 1818 promu général d'infanterie, et reçut en 1821 le titre de gouverneur général de la Géorgie. Il se montra partisan d'une politique systématique et résolue à l'égard des indigènes: il entreprit une série d'expéditions qui jetèrent la terreur parmi les pillards, et éleva, pour les tenir en respect, les forts de Grozny, Vnézapny et Bourny, créa les Lignes d'Imérétie et de Kakhétie, jeta les bases de celle de la Sonja, et réorganisa la Route Militaire de Géorgie. Il favorisa en même temps le développement du commerce, de l'industrie, de la viticulture et de la séricículture; il restaura Tiflis, qui n'était auparavant qu',,un entassement désordonné de pierres malpropres", et „appela à la vie" les eaux minérales du Caucase. La fin d'Alexandre Ier „fut aussi celle du bonheur" d'Ermoloff. Le retard qu'il laissa apporter à la prestation de serment des troupes fit sur Nicolas Ier une mauvaise impression. Puis survint l'incursion perse, prévue, à la vérité, par lui, mais inattendue pour le comte Nesselrode, et qui ruina définitivement son crédit. Lorsqu'on lui eut envoyé Paskewitch comme adjoint, soi-disant „pour définir d'une manière plus précise les intentions" de l'Empereur, il donna au commencement de 1827 sa démission, motivée par ce qu'il „n'avait pas eu le bonheur de mériter la confiance de Sa Majesté". Nommé membre du Conseil de l'Empire, il ne voulut pas prendre part aux séances, se ralliant d'ordinaire à l'avis „de la majorité", et parfois même faisant semblant de dormir; enfin, le 14 mars 1839, sur sa demande, qui porta au comble l'irritation de l'Empereur, il fut „mis en congé pour raisons de santé", et mena dès lors à Moscou une vie retirée, entouré de l'estime et de l'affection des moscovites, qui l'élurent en 1855 chef de la milice de Moscou. Nicolas Ier lui témoignait des marques extérieures de bienveillance, et le décora de St-André le jour de l'inauguration du monument de Kulm. Tout entier à la rédaction de ses Mémoires, à ses lectures et à ses travaux de reliure, il parvint à un âge avancé. Il mourut d'hydropisie à Moscou, dans sa maison de la Prétchistenka, le 12 avril 1861, et fut inhumé dans l'église de la Trinité, au cimetière d'Orel.

Le prince Viazemsky, qui vit Ermoloff peu avant sa mort, écrivait le 5 octobre 1860: „L'intelligence et la mémoire sont encore très fraîches, mais la parole est parfois un peu pénible, lourde et indistincte. La conversation a porté sur l'art de choisir les hommes, et sur la rareté de cet art chez les gouvernants". Ermoloff eut de différentes liaisons plusieurs enfants, Victor (de la tcherkesse Suida), Sévère et Claude (de la tcherkesse Totaï), et Nicolas, tous légitimés par Alexandre II, et une fille Sapiath (Sophie), qui resta musulmane et épousa l'indigène Makhaï-Ogly.

(D'après l'original de Zakharoff, Musée Alexandre III, St-Pétersbourg.)

Пис. З. харовъ — Peint par Zakharoff

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ,
1777 — 1861

Alexis Pétrowitch Ermoloff,
1777 — 1861

Пис. О. Кипренскій — Peint par O. Kiprensky

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ,
1784 — 1839

Denis Vassiliewitch Davydoff,
1784 — 1839

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ, 1784—1839, сынъ дѣйств. статскаго совѣтника Василія Денисовича отъ брака съ Еленой Евдокимовной Щербининой, родился въ Москвѣ 16 Іюля 1784 г. и получилъ дома блестящее, хотя и поверхностное, образованіе и воспитаніе въ духѣ старо-дворянскихъ традицій. Уже съ дѣтства сталъ онъ обнаруживать наклонность къ войнѣ: ему посчастливилось видѣть героевъ Екатерининскаго времени: Румянцева, Потемкина и говорить съ самимъ Суворовымъ, спросившимъ его: „Любишь ли ты солдатъ, другъ мой?“—„Я люблю графа Суворова, въ немъ все, и солдаты, и побѣда, и слава!“—„Помилуй Богъ, какой удалой; это будетъ военный человѣкъ, я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ“. Въ 1801 г. Давыдовъ зачислился въ Кавалергардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ и въ 1802 г. произведенъ въ корнеты, а въ 1804 г. поручикомъ переведенъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, гдѣ подружился съ Бурцевымъ: ему онъ посвятилъ нѣсколько своихъ стихотвореній, воспѣвающихъ беззаботную, разгульную гусарскую жизнь. Переведенный въ 1806 г. въ лейбъ-гусары, Давыдовъ, въ качествѣ адъютанта Багратіона, принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ, а затѣмъ участвовалъ въ войнахъ шведской, турецкой и въ кампаніяхъ 1812—15 годовъ. Въ 1812 г. онъ перешелъ въ Ахтырскій гус. полкъ и первый обратился къ Багратіону съ проектомъ партизанской войны. Замѣнивъ гусарскій ментикъ кафтаномъ, отпустивъ бороду (ее пришлось потомъ сбрить, съ усами же, „вывѣской силы и мужества“, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться), съ образомъ Николая Чудотворца на груди, Давыдовъ сталъ во главѣ партизанскаго отряда: налеталъ врасплохъ на непріятеля, отбивалъ обозы и боевые запасы, а впослѣдствіи принималъ участіе и въ серіозныхъ дѣлахъ. Наградой за его подвиги были: чинъ полковника и ордена Георгія 4-й ст. и Владиміра 3-й ст.; въ 1814 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Ахтырскаго гус. полка и произведенъ въ генералъ-майоры. Съ этого времени начинается рядъ служебныхъ неудачъ. Смѣлый и въ рѣчахъ, онъ попалъ въ немилость у начальства. Его производство въ генералъ-майоры объявлено было „ошибкой“, и ему пришлось нѣкоторое время еще быть полковникомъ. Съ 1818 по 1820 г. онъ былъ начальникомъ штаба 7-го, а потомъ 3-го пѣхотныхъ корпусовъ, но эта должность была не по немъ: онъ стремился на Кавказъ; когда же ему не удалось осуществить своего желанія, онъ вышелъ въ отставку въ 1823 году. Наконецъ, въ 1826 г. ему удается попасть въ Грузію, но замѣна Ермолова Паскевичемъ вынудила его выйти въ отставку. Послѣдній разъ является онъ на войнѣ во время Польскаго мятежа. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, Давыдовъ по окончаніи войны поселился въ своемъ Симбирскомъ имѣніи. 23 Апрѣля 1839 г. онъ скончался отъ апоплексическаго удара; погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Отъ брака съ Софьей Николаевной Чирковой онъ имѣлъ 5 сыновей и нѣсколько дочерей.

По оригинальному складу ума, разнообразнымъ талантамъ, цѣльности своихъ убѣжденій, широтѣ взглядовъ, горячему патріотизму, Давыдовъ былъ выдающейся личностью. Главной его страстью была война: въ мирное время изучавшій политическую экономію, переводившій Тацита, онъ все бросалъ, лишь „загремятъ въ полѣ“, и спѣшилъ подъ знамена. Всегда отзывчивый, мягкій и уступчивый, хотя и рѣзкій въ словахъ, онъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Чувство товарищества заставляло его раздѣлять шумныя и разгульныя похожденія однополчанъ, что и создало ему не вполнѣ заслуженно репутацію кутилы. Однажды даже Николай Павловичъ высказался въ этомъ смыслѣ Ермолову, который былъ сродни Давыдову. Удивившись, что Денисъ занимается серіозными сочиненіями, Государь сказалъ: „Я этого не зналъ; можетъ-быть, урывками, такъ же, какъ и служитъ! Жаль, что онъ урывками служитъ; онъ былъ бы полезенъ, и для всѣхъ и для себя, съ его средствами и дарованіями онъ пошелъ бы далеко! Онъ, однако, прежде писалъ неприличные стихи?“ Ермоловъ на это отвѣтилъ: „Правда, Государь; бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино, и оттого прослылъ пьяницей, а онъ такой же пьяница, какъ и я“. До самой кончины сохранилъ Давыдовъ изумительную молодость сердца. Веселость его была заразительно-увлекательна, и онъ всегда былъ душой дружескихъ бесѣдъ. Членъ Арзамаса и Общества любителей россійской словесности, онъ сблизился съ корифеями тогдашней литературы: Пушкинъ, Баратынскій, Вяземскій, Языковъ были его друзьями. Давыдовъ писалъ стихи и прозаическія статьи, главнымъ образомъ военныя воспоминанія. Наибольшею извѣстностью пользуются его стихотворенія, воспѣвающія гусарскую жизнь.

(Съ портрета О. Кипренскаго; Музей Императора Александра III.)

DENIS VASSILIEWITCH DAVYDOFF, 1784—1839, fils du conseiller d'état actuel Basile Dénissowitch Davydoff et d'Hélène Evdokimowna, née Chtcherbinine, naquit à Moscou le 16 juillet 1784, et reçut chez ses parents une instruction brillante, mais superficielle, et une éducation dans le goût des traditions de la vieille noblesse. Dès son enfance, il manifesta son penchant pour la guerre; il eut le bonheur de voir les héros du temps de Catherine, Roumiantzeff, Potemkine, et de causer avec Souvoroff, qui lui demanda: „Est-ce que tu aimes les soldats, mon ami?"—„J'aime le comte Souvoroff; il est tout, les soldats, la victoire et la gloire!"—„Bon Dieu! Quel gaillard! Il fera un homme de guerre: avant que je sois mort, il aura déjà gagné trois batailles". En 1801, Davydoff s'enrôla porte-étendard aux Chevaliers-Gardes, fut promu cornette l'année suivante, et passa en 1804 lieutenant au régiment des hussards de Russie Blanche: il s'y lia d'amitié avec Bourtzeff, auquel sont dédiées quelques-unes de ses poésies en l'honneur de la vie insouciante et joyeuse menée aux hussards. Passé en 1806 aux hussards du Corps, Davydoff fit comme aide de camp de Bagration la guerre contre Napoléon, puis prit part aux campagnes de Suède et de Turquie et à celles de 1812 à 1815. En 1812, il passa aux hussards d'Akhtyrka, et fut le premier à proposer à Bagration un projet de guerre de partisans. Il quitta la pelisse de hussard pour revêtir un caftan, laissa pousser sa barbe (il fallut plus tard la raser; quant aux moustaches, „enseigne de vigueur et de courage", il ne voulut jamais s'en séparer), puis, un scapulaire à l'image de Nicolas le Thaumaturge sur la poitrine, se mit à la tête d'une troupe de partisans, faisant des escarmouches, enlevant équipages et munitions, et, dans la suite, prenant également part à des affaires sérieuses. Ses exploits lui valurent le grade de colonel, St-Georges de 4e classe et St-Vladimir de 3e classe; puis, en 1814, il fut nommé commandant du régiment de hussards d'Akhtyrka et promu général major. De ce moment date pour lui le début d'une série d'ennuis dans le service: l'audace dont il faisait également preuve en paroles lui attira la disgrâce de ses supérieurs. On le déclara promu général major „par erreur", et on le remit pour quelque temps colonel. De 1818 à 1820, il fut chef d'état-major du 7e, puis du 3e corps d'infanterie, mais ces fonctions n'étaient pas de son goût: il voulait aller au Caucase, et, n'ayant pu y réussir, donna sa démission en 1823. Envoyé enfin en Géorgie en 1826, le remplacement d'Ermoloff par Paskéwitch lui fit prendre sa retraite. On le retrouve au feu pour la dernière fois lors de l'insurrection de Pologne, avant la fin de laquelle il se retira dans ses propriétés de Simbirsk avec le grade de général lieutenant. Il mourut le 23 avril 1839 d'une attaque d'apoplexie, et fut inhumé à Moscou, au monastère Novodévitchi. Il eut de son mariage avec Sophie Nikolaewna Tchirkoff cinq fils et plusieurs filles.

Par sa tournure d'esprit originale, ses talents variés, la pureté de ses convictions, la largeur de ses vues et son patriotisme ardent, Davydoff fut une personnalité éminente. Sa grande passion était la guerre: occupé en temps de paix à faire de l'économie politique et à traduire Tacite, il abandonnait tout aux premiers grondements du canon pour s'élancer sous les drapeaux. Sensible, tendre et conciliant, malgré sa dureté de parole, il était bien vu de tout le monde. Le sentiment de la camaraderie le portait à se mêler aux bruyantes et joyenses équipées de ses camarades de régiment, ce qui lui fit une réputation un peu imméritée de noceur. Une fois même, l'Empereur Nicolas, étonné de le voir travailler sérieusement, en toucha un mot à Ermoloff, qui était son parent: „Je ne savais pas ça! A bâtons rompus, sans doute? Comme son service: c'est dommage qu'il le fasse à bâtons rompus; il pourrait être utile, aux autres et à lui-même. Avec ses moyens et ses aptitudes, il irait loin! Tout de même, dans le temps, il faisait des vers inconvenants?"—„C'est vrai, Sire", répondit Ermoloff, „étant hussard, il a célébré et chanté le vin, et c'est ce qui le fait passer pour un ivrogne: mais c'est un ivrogne comme moi!" Davydoff conserva jusqu'à son dernier soupir une jeunesse de cœur étonnante. D'une gaîté contagieuse et entraînante, il était toujours l'âme de conversations amicales. Membre de l'Arzamas et de la Société des Amis des Belles-Lettres Russes, il se lia avec les coryphées de la littérature du temps: Pouchkine, Baratynsky, Viazemsky, Yazykoff furent ses amis. Poète et prosateur, il est surtout auteur de souvenirs militaires. Les plus connues de ses compositions sont celles où il chante la vie de hussard.

(D'après l'original de O. Kiprensky, Musée Alexandre III.)

СЕМЕНЪ КИРИЛЛОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ, 1710—1775, сынъ послѣдняго кравчаго, потомъ Московскаго губернатора Кирилла Алексѣевича, женатаго на княжнѣ Анастасіи Яковлевнѣ Мышецкой, родился 5 Апрѣля 1710 года. Получивъ хорошее образованіе, молодой, красивый Нарышкинъ, сынъ любимца Петра и при томъ его родственникъ по царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, пользовавшійся одно время, по удаленіи А. Б. Бутурлина, особеннымъ расположеніемъ Цесаревны Елисаветы, подвергся преслѣдованіямъ Императрицы Анны и бѣжалъ во Францію, гдѣ жилъ подъ именемъ „Тенкина“. Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, пожалованный въ день ея восшествія на престолъ, 25 Ноября 1741 г., въ дѣйствительные камергеры, онъ вернулся въ Россію, не претендуя на прежнее свое положеніе, занятое теперь Разумовскимъ. Назначенный посланникомъ въ Англію, онъ пробылъ тамъ всего 7 мѣсяцевъ и, возвращаясь въ отечество, имѣлъ случай въ Германіи впервые познакомиться съ принцессой Ангальтъ-Цербстской, будущей Екатериной II. Позднѣе ему же первому пришлось встрѣтить ее на русской почвѣ, въ Ригѣ. Пожалованный въ гофмаршалы 20 Марта 1749 г., человѣкъ чрезвычайно богатый, Нарышкинъ женитьбой на Маріи Павловнѣ Балкъ-Полевой (р. 23 Ноября 1725 г., † 28 Мая 1795 г.) еще больше увеличилъ свое колоссальное состояніе. 17 Іюля 1744 г., въ Москвѣ, молодая Нарышкина была пожалована въ статсъ-дамы. Екатерина II въ своихъ „Запискахъ“ разсказываетъ, что завистливая къ чужой красотѣ и ревнивая „ея дорогая тетушка“, Императрица Елисавета, однажды, при всемъ Дворѣ, подозвала къ себѣ Нарышкину, которая, благодаря своей красотѣ, прекрасному сложенію и величественному виду, какой у нея былъ, и исключительной изысканности, какую она вносила въ свой нарядъ, стала предметомъ ненависти Императрицы, и она, въ присутствіи всѣхъ, срѣзала ножницами у нея на головѣ прелестное украшеніе изъ лентъ“. Позднѣе, по словамъ той же Екатерины, М. П. Нарышкина была въ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Кирилломъ Разумовскимъ, женатымъ съ 1746 г. на ея родственницѣ Е. П. Нарышкиной. Самъ Семенъ Кирилловичъ считался первымъ щёголемъ своего времени, славившимся не только роскошью, но и изящнымъ вкусомъ. Такъ, въ день свадьбы Петра III онъ приводилъ въ восхищеніе всѣхъ своей каретой, въ которой вездѣ были вставлены зеркала, даже въ колесахъ, а кафтанъ его былъ весь расшитъ серебромъ: на спинѣ было вышито дерево, сучья и листья котораго расходились по рукавамъ. Нарышкинъ также считается изобрѣтателемъ знаменитой роговой музыки, появившейся впервые въ началѣ 50-хъ годовъ XVIII столѣтія на его дачѣ, около Знаменки, и организованной капельмейстеромъ Марешомъ. Очень громкая, слышная на 7 верстъ, эта музыка была и „поразительно пріятна, напоминая нѣсколько духовный органъ“. Инструменты были некрасивы, обтянуты кожей, но звуки были „нѣжны“; отъ музыкантовъ требовалось самое напряженное вниманіе, каждый долженъ былъ отсчитывать паузу и брать могъ только одну ноту, соотвѣтствующую его инструменту.

Екатерина II въ своихъ „мемуарахъ“ вспоминаетъ, какъ въ Ригѣ, при въѣздѣ въ Россію, ихъ встрѣтилъ камергеръ С. К. Нарышкинъ, который ей и ея матери далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи, такъ, сообщилъ, что „бояръ“ давно уже не существуетъ, и сдѣлалъ указанія, полезныя имъ для первыхъ шаговъ при русскомъ Дворѣ. Кромѣ того, онъ училъ юную принцессу, какъ нужно садиться въ сани: „Чтобы научить меня, онъ сказалъ мнѣ: „Надо закинуть ногу, закидывайте же!“ Это слово, котораго никогда не приходилось мнѣ слышать раньше, такъ смѣшило меня дорогой, что я не могла вспомнить его безъ хохота“. Пожалованный 7 Мая 1757 г. въ оберъ-егермейстеры, а 16 Августа 1760 г. Андреевской звѣздой, Нарышкинъ послѣдніе годы жизни провелъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ своемъ роскошномъ домѣ, на Басманной, 27 Ноября 1775 года, 68-и лѣтъ, 8-и мѣсяцевъ и 23-хъ дней; похороненъ онъ въ Донскомъ монастырѣ. У Нарышкина было двое дѣтей, родившихся послѣ долголѣтняго безплоднаго брака и скончавшихся въ младенчествѣ: Кириллъ (р. 6 Сентября 1761 г., † 4 Сентября 1770 г.) и Екатерина (р. 2 Сентября 1763 г., † 13 Апрѣля 1771 г.).

На оборотѣ прилагаемаго портрета написано оберъ-камергеромъ княземъ А. М. Голицынымъ: „Генералъ-аншефъ, оберъ-егермейстеръ, дѣйствительный камергеръ и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ подарилъ сей свой портретъ въ Москвѣ, Іюля 1775 года“.

(Съ портрета, находящагося въ Голицынской больницѣ, въ Москвѣ.)

SIMÉON KIRILLOWITCH NARYCHKINE, 1710—1775, fils du dernier échanson, dans la suite gouverneur de Moscou, Cyrille Alexéewitch Narychkine, et d'Anastasie Yakovlewna, née princesse Mychetzky, naquit le 5 avril 1710. Muni d'une bonne instruction, jeune et bel homme, fils du favori de Pierre-le-Grand et son parent par la tzarine Natalie Kirillowna, favorisé un moment, après la disgrâce de Boutourline, des bonnes grâces de la Césarewna Elisabeth, il fut en butte aux persécutions de l'Impératrice Anne et se réfugia en France, où il vécut sous le nom de Tenkine. A l'avènement de l'Impératrice Elisabeth, fait chambellan actuel le 25 novembre 1741, le jour de son couronnement, il rentra en Russie, mais sans prétendre à son ancienne position, occupée actuellement par Razoumowsky. Nommé ambassadeur en Angleterre, il n'y resta que sept mois, et, en revenant, eut l'occasion de faire en Allemagne la connaissance de la princesse d'Anhalt-Zerbst, la future Catherine II. Plus tard, ce fut encore lui qui alla la recevoir à son arrivée en Russie, à Riga. Maréchal de la Cour le 20 mars 1749, Narychkine, déjà fort riche, accrut encore sa fortune colossale par son mariage avec Marie Pavlowna Balk-Poleff (23 novembre 1723—28 mai 1793), qui fut faite dame d'honneur le 17 juillet 1744, à Moscou. Catherine II raconte dans ses Mémoires que „sa chère tante" l'Impératrice Elisabeth, envieuse de la beauté et jalouse, ne pouvant souffrir la jeune Mme Narychkine en raison de sa beauté, de la richesse de sa taille, de son grand air et de l'extrême recherche de sa toilette, la fit venir une fois près d'elle en pleine Cour et, devant tout le monde, prit des ciseaux et lui coupa un charmant flot de rubans qu'elle avait dans les cheveux. Dans la suite, toujours au témoignage de Catherine, Mme Narychkine eut une liaison avec le comte Cyrille Razoumowsky, marié en 1746 à sa parente Mlle C. Narychkine. Siméon Narychkine lui-même passait pour le premier élégant de son temps, et était réputé non seulement pour son luxe, mais aussi pour son goût raffiné. C'est ainsi que, le jour du mariage de Pierre III, il provoqua l'extase générale avec sa voiture toute garnie de glaces, même aux roues, et son caftan tout orné d'argent, sur le dos duquel était brodé un arbre dont les branches avec leurs feuilles s'étendaient le long des bras. Il passe également pour l'inventeur de la fameuse musique de cor, qui fit son apparition au début des années 50 à sa villa des environs de Znamenka, sous la direction du chef d'orchestre Marech. Très bruyante, cette musique, qui s'entendait à sept verstes, n'en était pas moins „d'un charme surprenant, qui rappelait un peu l'orgue". Les instruments, tendus de peau, n'étaient pas beaux, mais très „doux" à l'oreille; l'exécution demandait une attention des plus soutenues: chacun avait à compter sa pause, et ne pouvait prendre qu'une seule note, celle de son instrument.

Catherine II rappelle dans ses Mémoires qu'à son arrivée en Russie avec sa mère, elles étaient attendues à Riga par le chambellan S. Narychkine, qui leur donna quelques renseignements sur le pays, leur dit, par exemple, qu'il n'y avait plus de „boyards" depuis longtemps, et leur fournit des indications utiles pour leurs premiers pas à la Cour. Il apprit en outre à la jeune princesse à monter en traîneau: „Pour m'apprendre, il me disait: „Il faut enjamber; enjambez donc!" Ce mot, que je n'avais jamais entendu prononcer, me fit tant rire en chemin, que je ne pouvais m'en souvenir sans éclater".

Grand chambellan le 7 mai 1757 et décoré de St-André le 16 août 1760, Narychkine passa ses dernières années à Moscou, où il mourut dans sa splendide maison de la Bassmannaïa, le 27 novembre 1775, à l'âge de 68 ans, 8 mois et 23 jours. Il fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait eu, après de longues années de mariage, deux enfants qui moururent petits, Cyrille (6 septembre 1761—4 septembre 1770) et Catherine (2 septembre 1763—13 avril 1771).

Le revers du portrait ci-joint porte, de la main du grand chambellan prince A. Golitzyne: „Portrait et don du général en chef, grand veneur, chambellan actuel et chevalier des deux ordres russes Siméon Kirillowitch Narychkine, Moscou, Juillet 1775".

(D'après un original de l'Hôpital Golitzyne, Moscou.)

Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ,
1710 — 1775

Siméon Kirillowitch Narychkine,
1710 — 1775

Пис. Росленъ

Peint par Roslin

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ,
1718 — 1783

Le Prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne,
1718 — 1783

Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1718—1783, сынъ фельдмаршала князя Михаила Михайловича (1674—1730), сподвижника Петра Великаго, отъ 2-го его брака съ княжной Татьяной Борисовной Куракиной (1696—1757), родился 17 Ноября 1718 г.; записанный въ дѣтствѣ въ гвардію, въ 1731 г. былъ уже прапорщикомъ Преображенскаго полка; 17-и лѣтъ отъ роду, Голицынъ сражался на Рейнѣ подъ знаменами принца Евгенія Савойскаго, а возвратившись, въ 1740 г., въ Россію, отправился въ Константинополь въ свитѣ посольства А. И. Румянцева, сынъ котораго, знаменитый графъ Задунайскій, позднѣе женился на родной сестрѣ князя Голицына. Въ 1744 г. Голицынъ былъ пожалованъ въ генералъ-поручики, а затѣмъ назначенъ камергеромъ къ молодому двору Великаго Князя Петра Ѳеодоровича и его супруги. Екатерина II въ своихъ „Запискахъ“ неоднократно упоминаетъ о князѣ Голицынѣ, который сначала былъ женихомъ одной изъ ея любимыхъ фрейлинъ, княжны Анастасіи Алексѣевны Гагариной, скончавшейся чуть ли не въ день объявленія ея невѣстой, а потомъ сдѣлался мужемъ другой фрейлины, сестры предыдущей, княжны Дарьи Гагариной. Екатерина, между прочимъ, хвалитъ его храбрость, въ чемъ онъ, по ея мнѣнію, едва ли не превосходилъ своего зятя, графа П. А. Румянцева; въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, вспоминая свои прогулки и сопровождавшихъ ее тогда, Императрица пишетъ: „La plupart du temps, c'était ou bien le prince Golitzin ou bien le comte Czernischef, mes cavaliers, qui étaient alors aussi vifs et étourdis que nous“. Въ 1748 г., по настоянію матери, Голицынъ перешелъ на дипломатическое поприще и былъ назначенъ посланникомъ въ Гамбургъ, но, убѣдившись въ своей неспособности къ дипломатической дѣятельности, просилъ его отозвать, что и было исполнено; 21 Октября 1754 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и тамъ, въ битвѣ подъ Франкфуртомъ на Одерѣ, былъ раненъ. Императрица Елисавета пожаловала его въ генералъ-аншефы и Александровской лентой, а Екатерина II, въ день коронаціи, сдѣлала своего стараго камергера Андреевскимъ кавалеромъ, генералъ-адъютантомъ и членомъ своего Совѣта. Въ Большой Комиссіи 1767 г. онъ былъ депутатомъ отъ Московской губерніи. Когда началась первая Турецкая война, Екатерина назначила Голицына главнокомандующимъ 1-й арміей, пожелавъ ему „счастія отцовскаго“. Однако, онъ не оправдалъ ожиданій Императрицы; 15 Апрѣля 1769 г. онъ подступилъ къ Хотину, потомъ къ Бендерамъ, нѣсколько разъ затѣмъ опять отступалъ за Днѣстръ. Вообще дѣйствія его не отличались рѣшительностью. 13 Августа того же года Екатерина II рѣшила замѣнить его Румянцевымъ и, отзывая его изъ арміи, увѣряла, что онъ нуженъ ей въ Петербургѣ, „какъ очевидный въ арміи свидѣтель положенія тамошнихъ мѣстъ и дѣлъ“. Пока шелъ этотъ рескриптъ, Голицыну посчастливилось разбить великаго визиря и взять (9 Сентября) Хотинъ, а затѣмъ занять Яссы. За это Голицынъ былъ пожалованъ въ фельдмаршалы, получилъ шпагу съ алмазами, назначенъ главнокомандующимъ Петербурга и сенаторомъ. Въ 1780 г. Голицынъ едва ли не былъ иниціаторомъ подношенія Императрицѣ титула „Великой матери отечества“ и сооруженія для встрѣчи ея тріумфальныхъ воротъ. Екатерина, узнавъ объ этомъ, запретила и то, и другое.

Князь Голицынъ умеръ въ С.-Петербургѣ 11 Октября 1783 г. и похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Екатерина II въ своихъ „шутливыхъ характеристикахъ“ предсказывала ему смерть „de démangeaison“ (отъ зуда).

Отъ брака съ княжной Даріей Алексѣевной Гагариной Голицынъ потомства не оставилъ.

Великолѣпный портретъ князя А. М. Голицына, во весь ростъ, писанный П. Баттони, находится въ Москвѣ, въ Голицынской больницѣ, но отъ небрежнаго храненія настолько испорченъ, что не могъ быть хорошо воспроизведенъ въ изданіи.

(Съ портрета Рослена; собственность князя П. С. Голицына, с. Троицкое-Кайнарджи, Московской губ.)

173

Le prince ALEXANDRE MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE, 1718—1783, fils du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne (1674—1730), feld-maréchal et compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, et de sa seconde femme Tatiana Borissowna, née princesse Kourakine (1696—1757), naquit le 17 novembre 1718. Enrôlé tout enfant dans la Garde, il était déjà en 1731 porte-enseigne au régiment Préobragensky; à 17 ans, il combattit sur le Rhin sous les drapeaux du prince Eugène de Savoie, puis, à son retour en Russie en 1740, alla à Constantinople avec l'ambassade de Roumiantzeff, dont le fils, le célèbre comte Zadounaïsky, épousa plus tard sa sœur. Général lieutenant en 1744, il devint ensuite chambellan à la Petite Cour du Grand-Duc Pierre Féodorowitch et de sa femme. Catherine II, dans ses Mémoires, fait souvent mention du prince Golitzyne, qui, fiancé d'abord à une de ses demoiselles d'honneur préférées, la princesse Anastasie Alexéewna Gagarine, morte presque le jour même des fiançailles, épousa ensuite la sœur de sa première fiancée, également demoiselle d'honneur, la princesse Daria Gagarine. Catherine fait également l'éloge de sa bravoure, qui ne le cédait guère, d'après elle, à celle de son beau-frère le comte P. Roumiantzeff. Elle dit, dans un passage de ses Mémoires, en parlant de ses promenades et des personnes qui l'accompagnaient: „La plupart du temps, c'était ou bien le prince Golitzin ou bien le comte Czernischef, mes cavaliers, qui étaient alors aussi vifs et étourdis que nous". En 1748, sur les instances de sa mère, Golitzyne passa dans la carrière diplomatique et fut nommé ambassadeur à Hambourg, mais, en raison de son inaptitude pour la diplomatie, demanda bientôt son rappel et l'obtint. Promu général major le 21 octobre 1754, il fit ensuite la Guerre de Sept-Ans et fut blessé à Francfort-sur-l'Oder. L'Impératrice Elisabeth lui conféra le grade de général en chef et le cordon de St-Alexandre, et Catherine II, le jour de son couronnement, fit son ancien chambellan chevalier de St-André, général aide de camp et membre de son Conseil. A la Grande Commission de 1767, il fut député du gouvernement de Moscou. Au début de la première guerre de Turquie, Catherine le nomma commandant en chef de la première armée, en lui souhaitant „le bonheur de son père". Cependant il ne justifia pas ces espérances; le 15 avril 1769, il avança sur Khotine, puis sur Bender, pour se replier ensuite à plusieurs reprises sur le Dniester. En général, ses opérations ne brillèrent pas par la résolution. Le 13 août suivant, Catherine décida son remplacement par Roumiantzeff et lui signifia son rappel en prétendant qu'il lui était nécessaire à Pétersbourg, „comme témoin oculaire à l'armée de la disposition des lieux et de l'état des choses". Entre temps, Golitzyne avait réussi à écraser le grand vizir et à enlever Khotine (9 septembre), puis à prendre Yassy: il reçut en récompense le bâton de feld-maréchal et une épée enrichie de diamants, et fut nommé commandant en chef de St-Pétersbourg et sénateur. C'est sans doute lui qui fut en 1780 le promoteur de l'idée d'offrir à l'Impératrice le titre de Mère Glorieuse de la Patrie et d'ériger un arc de triomphe pour la recevoir. Mise au courant de ces deux projets, elle les interdit l'un et l'autre.

Le prince Golitzyne mourut à St-Pétersbourg le 11 octobre 1783, et fut inhumé dans l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky. Catherine II, dans ses „caractéristiques plaisantes", lui avait prédit qu'il mourrait „de démangeaison".

De son mariage avec la princesse Daria Alexéewna Gagarine, il n'eut pas d'enfants.

L'Hôpital Golitzyne, à Moscou, possède de lui un magnifique portrait en pied par Battoni, mais qui a souffert du peu de soin avec lequel il a été conservé au point de ne pouvoir être convenablement reproduit dans la présente édition.

(D'après un original de Roslin appartenant au prince N. Golitzyne, Troïtzkoïé-Kaïnardji, gouv. de Moscou.)

174

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ, 1757—18.., генералъ-майоръ, сынъ члена Коллегіи Экономіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Леонтьевича Ермолова; началъ службу въ Преображенскомъ полку 14 Іюня 1761 г.; тутъ прошелъ чины капрала, фурьера, подпрапорщика и 31 Декабря 1770 г. пожалованъ въ сержанты; въ 1775 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1777 г., 1 Января,—въ подпоручики, а черезъ 2 года, 1 Января 1779 г.,—въ капитанъ-поручики, послѣ чего, въ 1781 г., „выпущенъ въ полевые полки“ подполковникомъ, при чемъ участвовалъ въ Крымскомъ походѣ. Назначенный 13 Мая 1786 г. оберъ-кригсъ-комиссаромъ, въ слѣдующемъ году, 12 Февраля 1787 г., переведенъ въ армію полковникомъ и командиромъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. За участіе въ Шведской войнѣ Ермоловъ 25 Марта 1791 г. былъ произведенъ въ бригадиры, а 24 Ноября 1794 г.—въ генералъ-майоры. 18 Сентября 1797 г. онъ подалъ прошеніе о переводѣ его изъ Каменца-Подольска куда-нибудь ближе къ его имѣніямъ, въ Орловской и Тверской губерніяхъ, или о назначеніи его въ штатскую службу, или, наконецъ, объ увольненіи его въ отставку. Вслѣдствіе этого прошенія, раздражившаго Государя, Ермоловъ 8 Октября 1797 г. былъ „отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ“.

Отъ брака съ Александрой Петровной Хлоповой (р. 4 Іюля 1769 г., † 4 Декабря 1843 г.) имѣлъ 4 сыновей и 3 дочерей, а именно: 1) Петра (р. 1787 г., † 1844 г.), 2) Сергѣя (р. 18 Іюня 1798 г., † 9 Іюля 1856 г.; генералъ-майоръ, отецъ бывшаго министра), 3) Дмитрія, 4) Николая (р. 13 Января 1801 г., † 3 Августа 1863 г.), 5) Анну (р. 1793 г., † 1876 г.; замужемъ за В. И. Шепшинымъ), 6) Марію (р. 23 Марта 1795 г., † 8 Мая 1838 г.) и 7) Екатерину (за Евдокимомъ Васильевичемъ Давыдовымъ).

(Съ портрета пастелью Барду, 1786 г.; собственность Е. П. Ермоловой, въ Москвѣ.)

174

NICOLAS ALEXÉEWITCH ERMOLOFF, 1757—18 . ., général major, fils du membre du Collège d'Economie et conseiller d'état actuel Alexis Léontiewitch Ermoloff, prit du service au régiment Préobragensky le 14 juin 1761: successivement caporal, fourrier, sous-officier, promu sergent le 31 décembre 1770, il devint en 1775 porte-enseigne, le 1er janvier 1777 sous-lieutenant, le 1er janvier 1779 capitaine-lieutenant, après quoi, en 1781, il fut „envoyé aux régiments de campagne" comme lieutenant-colonel, et fit la guerre de Crimée. Nommé le 13 mai 1786 commissaire général de la guerre, il passa le 12 février suivant colonel à l'Armée et commandant du régiment d'infanterie de Tenguine. La campagne de Suède lui valut le grade de brigadier le 25 mars 1791. Général major le 24 novembre 1794, il demanda le 18 septembre 1797 son changement de Kaménetz-Podolsk, pour se rapprocher de ses propriétés des gouvernements d'Orel et de Tver, ou son transfert au service civil, ou enfin sa retraite. Cette demande irrita l'Empereur, qui, le 8 octobre 1797, le mit „à la retraite sans avancement".

De son mariage avec Alexandrine Pétrowna Khlopoff (4 juillet 1769—4 décembre 1843), Ermoloff eut quatre fils, Pierre (1787—1844), Serge (18 juin 1798—9 juillet 1856), général major, père de l'ancien ministre, Dmitri et Nicolas (13 janvier 1801—3 août 1863), et trois filles, Anne (1793—1876), mariée à V. Chenchine, Marie (23 mars 1795—8 mai 1838) et Catherine, mariée à Eudoxe Vassiliewitch Davydoff.

(D'après un pastel de Bardoux, 1786, appartenant à Mlle C. Ermoloff, Moscou.)

174

Пис. Барду, 1786 — Peint par Bardou, 1786

Николай Алексѣевичъ Ермоловъ, 1757 — 18..

Nicolas Alexéewitch Ermoloff, 1757 — 18..

175

Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, 1747 — 1832

Pierre Alexéewitch Ermoloff, 1747 — 1832

176

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 1777 — 1861

Alexis Pétrowitch Ermoloff, 1777 — 1861

177

Пис. Захаровъ

Peint par Zakharoff

Петръ Николаевичъ Ермоловъ, 1787 — 1844

Pierre Nikolaewitch Ermoloff, 1787 — 1844

175

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ, 1747—1832, статскій совѣтникъ, сынъ члена Коллегіи Экономіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Леонтьевича Ермолова, въ началѣ 90-хъ годовъ былъ предсѣдателемъ Орловской гражданской палаты, а по назначеніи въ 1792 г. генералъ-прокуроромъ его свойственника, графа А. Н. Самойлова, сдѣлался правителемъ его канцеляріи (официально онъ состоялъ „у исправленія порученныхъ дѣлъ генералъ-прокурору"). Самойловъ вполнѣ подчинился вліянію Ермолова, человѣка умнаго и дѣлового, такъ что собственно Ермоловъ велъ всѣ дѣла и былъ на дѣлѣ генералъ-прокуроромъ. По восшествіи на престолъ Павла I, Ермоловъ, обвиненный въ разныхъ злоупотребленіяхъ, немедленно былъ удаленъ отъ дѣлъ, подвергся заключенію, а по освобожденіи поселился въ Орлѣ, гдѣ и доживалъ свой вѣкъ. Въ концѣ 20-хъ годовъ Ермоловъ былъ въ Орлѣ директоромъ Орловскаго тюремнаго комитета и 25 Іюня 1828 г. сообщилъ въ „Отечественныя Записки" (1828 г., ч. 35, № 101) статью „О прощаніи и послѣднемъ засѣданіи въ Орловскомъ тюремномъ комитетѣ преосвященнаго Гавріила". Знавшій его въ это время М. М. Муромцевъ называетъ его въ своихъ „Запискахъ" „замѣчательнымъ старикомъ, умнымъ и суровымъ".

Ермоловъ скончался 23 Мая 1832 года и погребенъ въ Орлѣ, на Троицкомъ кладбищѣ.

Отъ брака съ Маріей Денисовной Давыдовой, по первому мужу Каховской, онъ имѣлъ единственнаго сына, знаменитаго Алексѣя Петровича Ермолова, и 2 дочерей: Анну, бывшую замужемъ за А. А. Павловымъ, и Александру, — за Языковымъ и во 2-мъ бракѣ за М. И. Зыбинымъ.

Князь Шаликовъ, узнавъ о кончинѣ П. А. Ермолова, сочинилъ ему слѣдующую „надгробную надпись" (Московскія Вѣдомости, 1832 г., № 51):

„Здѣсь опочилъ отецъ, который видѣлъ въ сынѣ
Побѣдами законъ дающаго судьбинѣ
И во святилищѣ законовъ голосъ свой,
Къ отечеству, къ Царю съ любовію святой!"

(Съ портрета, принадлежащаго Е. П. Ермоловой, въ Москвѣ.)

PIERRE ALEXÉEWITCH ERMOLOFF, 1747—1832, conseiller d'état, fils d'Alexis Léontiewitch Ermoloff, membre du Collège d'Economie et conseiller d'état actuel, était au début des années 90 président du tribunal civil d'Orel, lorsque, en 1792, le comte A. Samoïloff, son parent, devenu procureur général, le fit directeur de sa chancellerie (officiellement, „préposé aux affaires confiées au procureur général"). Intelligent et entendu, il prit entièrement le pas sur son chef, faisant les affaires tout seul et étant en fait le procureur général. A l'avènement de Paul Ier, il fut immédiatement destitué et emprisonné sous l'inculpation d'abus, puis, mis en liberté, se fixa à Orel, où il passa le reste de ses jours. A la fin des années 20, il y était directeur du Comité des Prisons, et publia le 25 juin 1828 dans le journal Otétchestvennya Zapiski (1828, part. 35, № 101) un article intitulé Adieux et dernière séance de Mgr Gabriel au Comité des Prisons d'Orel. Mouromtzeff, qui le connaissait alors, l'appelle dans ses Mémoires „remarquable vieillard, entendu et austère".

Ermoloff mourut le 23 mai 1832, et fut inhumé à Orel, au cimetière Troïtzky.

Il eut de son mariage avec Marie Dénissowna Davydoff, en premières noces Kakhowsky, un fils unique, le célèbre Alexis Pétrowitch Ermoloff, et deux filles, Anne, mariée à A. Pavloff, et Alexandrine, mariée en premières noces à Yazykoff et en secondes noces à M. Zybine.

Le prince Chalikoff, à la nouvelle de la mort d'Ermoloff, lui composa l'Epitaphe ci-dessous (Journal de Moscou, 1832, № 51):

„De celui qui repose ici le vaillant fils
„Par ses exploits guerriers fit au destin la loi,
„Fit entendre sa voix des lois au sanctuaire,
„Plein d'un amour sacré pour le Tzar, la Patrie!"

(D'après un original appartenant à Mlle C. Ermoloff, Moscou.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ, 1777—1861, въ молодости, когда онъ, выпущенный изъ крѣпости, только еще начиналъ свою карьеру. Сложная его натура, крупныя дарованія, разносторонняя дѣятельность плохо вкладываются въ рамки краткаго очерка. Голосъ современниковъ признавалъ Ермолова человѣкомъ „необыкновеннаго ума, въ сраженіяхъ примѣрно хладнокровнымъ“, „homme aux grands moyens“. Вигель находилъ въ немъ „умъ, храбрость, доброту душевную и твердость, высшія дарованія правителя и полководца“. Самая богатырская внѣшность Ермолова, его колоссальная величина, поразившая однажды Императрицу Александру Ѳеодоровну, производила сильное впечатлѣніе, и современники находили у него „орлиный взглядъ“, „голову льва“, „голову тигра на геркулесовскомъ торсѣ“ (Пушкинъ), „слоновое могущество“. Отличительной чертой Ермолова была необыкновенная чуткость къ національному достоинству, „нестощимая“, по выраженію Вигеля, „любовь къ отечеству, отечественному и соотечественникамъ“. Вигель весьма удачно опредѣляетъ характеръ Ермолова, говоря, что „онъ имѣетъ всѣ пороки и всѣ блестящія качества русскихъ; его можно назвать русскимъ народомъ вкратцѣ“. „Никогда“, говорилъ самъ Ермоловъ, „не разлучно со мною чувство, что я россіянинъ“. Этотъ, по выраженію Вигеля, „истинно русскій человѣкъ“ не переносилъ „ледовитыхъ нѣмцевъ“, какъ Барклая или Нессельроде, и, естественно, имъ казался „ein schrecklicher Mensch“. Ермоловъ обладалъ большой твердостью и рѣшительностью: „Знайте“, говорилъ онъ, „что я ни шутить, ни повторять своихъ приказаній не люблю“. „Алексѣй Петровичъ приказалъ“—было закономъ для его подчиненныхъ. Вопреки псевдогуманнымъ предписаніямъ Александра I о „ласковомъ снисхожденіи“ къ варварамъ-горцамъ, Ермоловъ поступалъ съ этими „мошенниками“ такъ, что неповиновеніе, по слову Ермолова, являлось для нихъ „послѣднимъ въ жизни“, а бунтъ „послѣднимъ бунтомъ“. Дѣятельность Ермолова привела къ результатамъ, охарактеризованнымъ стихами Пушкина:

„Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ!—идетъ Ермоловъ!
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно“.

Ермоловъ обладалъ умѣньемъ обходиться съ людьми самыхъ различныхъ положеній: онъ успѣлъ „отравить лестью шаха; въ гнѣвѣ „съ устъ его никогда не вырывалось ничего оскорбительнаго для провинившихся подчиненныхъ“; съ молодыми офицерами онъ держался, какъ старшій товарищъ, игралъ съ солдатами въ свайку, разгавливался на Пасхѣ съ инвалидами, послѣ обѣда кланялся прислуживавшимъ лакеямъ. При всемъ томъ онъ не былъ расточителенъ на награды и былъ до крайности скупъ на казенныя деньги. Отказываясь отъ арендъ, онъ велъ очень простой образъ жизни; въ Москвѣ, всегда бывшей нѣсколько въ оппозиціи, „проконсулъ Кавказа“ былъ очень популяренъ, его считали своимъ, обиженнымъ, и потому любили. На улицѣ его почтительно привѣтствовали купцы, торговцы и простой народъ.

Двоюродный братъ Ермолова, Давыдовъ, признаетъ, что административная система Ермолова „не была лишена большихъ недостатковъ“. Пылкая натура Ермолова доводила его до неприличныхъ для начальника края и безнравственныхъ, несмотря на заключаемый нотаріально „кебинъ“ (договоръ), связей съ черкешенками и до увоза жены отъ живого мужа. Не любившій Двора, Ермоловъ „былъ ненавистенъ придворнымъ и прослылъ злымъ либераломъ, хитрымъ и непроницаемымъ“; „изощряли умъ для изобрѣтенія всевозможныхъ про него клеветъ: его называли интриганомъ, пьяницей, безбожникомъ“. Либерализмъ Ермолова ограничивался дружескими связями съ передовыми людьми, стараніемъ спасти отъ кары какого-нибудь выдающагося либерала, въ родѣ Грибоѣдова, сочувствіемъ возмутившимся грекамъ, нежеланіемъ возстановлять тронъ короля обѣихъ Сицилій и особенно ѣдкими сарказмами по адресу сильныхъ лицъ, въ родѣ переименованія Паскевича-Эриванскаго въ Паскевича-Ерихонскаго. Честолюбіе и властолюбіе заставляли Ермолова пользоваться обстоятельствами, иногда вопреки требованіямъ этики, интриги враговъ побуждали его хитрить и лукавить. „Ясный, рѣшительный, твердый на сценѣ, на поприщѣ дѣйствій“, говорилъ москвичъ М. П. Погодинъ, „за кулисами онъ не могъ дѣйствовать прямо, всегда были у него какъ будто заднія мысли, и искренности, простоты ни, какъ нынѣ говорятъ, задушевности отъ него никогда ждать было нельзя“.

(Съ портрета, принадлежащаго Е. П. Ермоловой, въ Москвѣ.)

ALEXIS PÉTROWITCH ERMOLOFF, 1777—1861, jeune homme, à l'époque où, récemment libéré de son internement, il ne faisait que de commencer sa carrière. Sa nature compliquée, ses talents considérables, son activité variée rentrent mal dans le cadre d'une brève esquisse. La voix des contemporains reconnaissait en lui „un cerveau extraordinaire, un modèle de sang-froid au feu", „un homme aux grands moyens". Wiegel lui trouve „de l'esprit, de la bravoure, de la bonté d'âme et de la fermeté, des qualités supérieures d'homme d'état et d'homme de guerre". Taillé en hercule, d'une stature colossale, il fit une fois l'étonnement de l'Impératrice Marie Féodorowna: son physique produisait une vive impression, et les contemporains lui trouvaient „un coup d'œil d'aigle", „une tête de lion", „une tête de tigre sur un torse d'Hercule" (Pouchkine), „une puissance d'éléphant". Son trait distinctif était une extrême sensibilité en matière de dignité nationale, „un amour", dit Wiegel, „inépuisable de la patrie, de tout ce qui s'y rapporte et de ses compatriotes". Wiegel le caractérise fort heureusement en disant: „Il a tous les défauts et toutes les brillantes qualités des Russes; c'est le peuple russe en raccourci". „Je suis", disait Ermoloff lui-même, „absolument inséparable du sentiment de mon titre de Russe". Ce „vrai Russe", selon l'expression de Wiegel, ne pouvait souffrir „les allemands glacés" dans le genre de Barclay ou Nesselrode, auxquels il faisait naturellement l'effet d'un „schrecklicher Mensch". C'était une nature essentiellement ferme et résolue: „Sachez", disait-il, „que je n'aime ni plaisanter ni répéter un ordre". Un ordre de lui faisait la loi de ses subordonnés. En dépit des prescriptions d'Alexandre Ier, qui, inspiré par un sentiment d'humanité mal entendue, recommandait de „traiter par la douceur" les sauvages du Caucase, il traita ces „chenapans" de manière à leur faire comprendre que le premier acte d'insubordination serait aussi „le dernier", et la première révolte „la dernière". Le résultat est caractérisé dans ces vers de Pouchkine:

„Courbe donc ta tête neigeuse,
„Caucase, soumets-toi! Vois venir Ermoloff!
„De la guerre se tait la clameur effrayante:
„Tout obéit au glaive russe".

Ermoloff avait le talent de s'arranger avec les gens de toute condition: il sut „étourdir le shah de flatteries"; sa colère „ne laissait jamais échapper de propos outrageants à l'adresse d'un subordonné coupable". Avec les jeunes officiers il était comme un camarade plus ancien, jouait à la svaïka avec les soldats, prenait le repas de Pâques avec les invalides, et ne sortait jamais de table sans saluer les domestiques. Ajoutons qu'il était peu prodigue de récompenses et extrêmement parcimonieux des deniers de l'Etat. Il refusa des arrentes pour mener une vie toute modeste; à Moscou, où on a toujours été un peu dans l'opposition, le „Proconsul du Caucase" était très populaire; les moscovites le considéraient comme un des leurs, comme un sacrifié, et l'aimaient en conséquence. Dans la rue, les marchands, les commerçants et le peuple le saluaient avec respect.

Le cousin germain d'Ermoloff, Davydoff, convient que son système d'administration „n'était pas exempt de grands inconvénients". Sa nature fougueuse le portait à des actes, en dépit de tous les contrats notariés, indignes d'un gouverneur et immoraux, comme ses liaisons avec des Tcherkesses et même ses enlèvements de femmes du vivant du mari. Détestant la Cour, „il en était détesté, et y passait pour un libéral mauvais, retors et dissimulé"; „on s'ingéniait à lancer contre lui toutes les calomnies possibles, le traitant d'intrigant, d'ivrogne et d'athée". Son libéralisme se bornait à des relations d'amitié avec quelques hommes avancés, à des démarches en faveur de quelque libéral marquant, dans le genre de Griboïédoff, à des sympathies pour les Grecs insurgés, à de l'opposition au rétablissement du Roi des Deux-Siciles, et surtout à des sarcasmes mordants à l'adresse de quelques puissants, comme Paskewitch-Erivansky, qu'il avait surnommé Paskewitch-Jérichonsky. L'amour-propre et l'ambition le portèrent à profiter des occasions, parfois sans trop de scrupules, et les intrigues de ses ennemis le firent user de ruse et d'artifices. „Lumineux, résolu et ferme sur la scène, dans la carrière où il agissait", dit le moscovite Pogodine, „dans les coulisses, il ne pouvait agir franchement: il avait toujours comme des arrière-pensées, et, quant à des procédés sincères, simples, et comme on dit, à cœur ouvert, il n'y fallait pas songer".

(D'après un original appartenant à Mlle C. Ermoloff, Moscou.)

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ, 1787—1844, сынъ генералъ-майора Николая Алексѣевича отъ брака съ Александрой Петровной Хлоповой (р. 1769 г., † 1843 г.), двоюродный братъ Алексѣя Петровича Ермолова, родился 8 Октября 1787 г. и получилъ хорошее по тому времени домашнее образованіе, которое пополнилъ постояннымъ чтеніемъ. Первопачально, 30 Апрѣля 1806 г., онъ поступилъ на гражданскую службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, потомъ въ Комиссаріатскій штатъ, откуда 31 Мая 1808 г. перешелъ подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, въ 1809 г. былъ произведенъ въ прапорщики и въ 1811 г. въ подпоручики. Онъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812—14 годовъ, при чемъ былъ во многихъ крупныхъ дѣлахъ: при Витебскѣ, при Бородинѣ, гдѣ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст., при Люценѣ, Бауценѣ, за который произведенъ въ капитаны. За Кульмъ онъ получилъ Анну 2-й ст., а за Лейпцигское сраженіе — золотое оружіе. Въ 1816 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и 11 Мая 1817 г. назначенъ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка; 9 Октября 1818 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, а 4 Февраля 1825 г. — 1-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи. Большая часть его службы протекла на Кавказѣ, въ Грузіи. Въ 1816 г. Ермоловъ былъ маршаломъ чрезвычайнаго посольства, отправленнаго въ Персію, въ 1823 г. былъ комиссаромъ при разграниченіи Россіи и Персіи, а въ 1824—27 гг. командовалъ бригадой внутри Россіи. Служа на Кавказѣ, Ермоловъ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ: въ 1818 г. въ Дагестанѣ противъ лезгинъ, въ 1822 г., съ княземъ Эристовымъ, за Алазанью и при взятіи селенія Катехъ. Въ 1827 г., 13 Декабря, Ермоловъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, вслѣдствіе болѣзни, удостовѣренной московскимъ врачемъ Скюдери, а 2 Февраля 1828 г. былъ уволенъ въ отставку. Послѣ этого онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался 20 Іюня 1844 г.; погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ, рядомъ съ женой.

Любознательный по природѣ, Ермоловъ постоянно изучалъ все его окружающее. Результатомъ его путешествія въ Персію было сдѣланное имъ описаніе персидской арміи, о которомъ съ похвалой отзывался Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Ермоловъ былъ членомъ ученыхъ Обществъ: Испытателей природы и Сельскаго хозяйства, въ Москвѣ. Разумная доброта и общительность внушали къ нему любовь и уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Въ Москвѣ его постоянно посѣщали старые товарищи, въ особенности изъ Грузіи. Съ нимъ были дружны Денисъ Давыдовъ, А. А. Вельяминовъ, А. П. Ермоловъ, утверждавшій, что „брата Петра нельзя не любить за его чудесныя свойства“.

Ермоловъ былъ женатъ на Аннѣ Григорьевнѣ Оболонской (р. 7 Февраля 1807 г., † 22 Іюня 1852 г.) и имѣлъ отъ нея 3 сыновей и 4 дочерей: 1) Николая (р. 19 Января 1827 г., † 29 Января 1879 г.), 2) Алексѣя (р. 20 Апрѣля 1836 г., † 25 Іюня 1869 г.), 3) Григорія, 4) Александру (р. 1826 г.), 5) Екатерину (камеръ-фрейлина), 6) Варвару († 1906 г.; за Д. Ѳ. Самаринымъ) и 7) Инну (за М. К. Полозовымъ).

(Съ портрета Захарова; собственность Е. П. Ермоловой, въ Москвѣ.)

PIERRE NIKOLAEWITCH ERMOLOFF, 1787—1844, fils du général major Nicolas Alexéewitch Ermoloff et d'Alexandrine Pétrowna, née Khlopoff (1769—1843), cousin germain d'Alexis Pétrowitch Ermoloff naquit le 8 octobre 1787 et reçut chez ses parents une bonne instruction pour l'époque, qu'il compléta par des lectures continuelles. Il débuta dans le service civil le 30 avril 1806: d'abord au ministère de l'intérieur puis au Commissariat de la guerre, il passa le 31 mai 1808 sous-officier au régiment Sémenowsky, fut promu enseigne l'année suivante et sous-lieutenant en 1811. Dans les campagnes de 1812 à 1814, il prit part à de nombreux combats, Vitebsk, Borodino, où il reçut St-Vladimir de 4e classe, Lutzen, Bautzen, où il fut promu capitaine. Kulm lui valut Ste-Anne de 2e classe, et Leipzig une épée d'or. Colonel en 1816, il fut mis le 11 mai 1817 à la tête du régiment de grenadiers de Géorgie. Promu général major le 9 octobre 1818, il fut nommé en même temps commandant de la 3e brigade de la 21e division d'infanterie, et, le 4 février 1825, commandant de la 1re brigade de la 8e division d'infanterie. C'est au Caucase qu'il fit presque tout sa carrière, en Géorgie. Il fut en 1816 maréchal de l'ambassade extraordinaire envoyée en Perse, en 1820 commissaire pour la délimitation entre la Russie et la Perse, et de 1824 à 1827 commandant d'une brigade de l'intérieur. Au Caucase, il fit de nombreuses expéditions contre les montagnards, en 1818 au Daghestan contre les Lesghiens, et en 1822 avec le prince Eristoff passa l'Alazane et prit le village de Katekh. Il demanda sa retraite le 13 décembre 1827 pour raisons de santé, en présentant un certificat du médecin de Moscou Scudéry, et l'obtint le 2 février suivant. Il se fixa ensuite à Moscou, où il mourut le 20 juin 1844; il fut inhumé au monastère Pokrowsky, aux côtés de sa femme.

Curieux de sa nature, Ermoloff étudiait incessamment tout ce qui l'entourait. A la suite de son voyage en Perse, il fit de l'armée de ce pays une description qui mérita les éloges du Césarewitch Constantin. Il était membre des Sociétés d'histoire naturelle et d'économie rurale de Moscou. Sa bonté réfléchie et son caractère sociable le firent aimer et estimer de tous ceux qui le connaissaient. A Moscou, il recevait constamment la visite de ses vieux camarades, surtout de Géorgie. Il était lié avec Denis Davydoff, Véliaminoff, A. Ermoloff, qui disait: „On ne peut s'empêcher d'aimer le cousin Pierre pour ses merveilleuses qualités".

Ermoloff épousa Anne Grigoriewna Obolensky (7 février 1807—22 juin 1852), dont il eut trois fils, Nicolas (19 janvier 1827—29 janvier 1879), Alexis (20 avril 1836—25 juin 1869) et Grégoire, et quatre filles, Alexandrine (née 1826), Catherine, demoiselle d'honneur honoraire, Varvara († 1906), mariée à D. Samarine, et Nina, mariée à M. Polozoff.

(D'après un original de Zakharoff appartenant à Mlle C. Ermoloff, Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ, 1729—1800, позднѣе графъ Рымникскій и князь Италійскій, генералиссимусъ, которому войска отдавали почести, принадлежащія Императору, даже въ присутствіи Государя, человѣкъ большого ума, родился 13 Ноября 1729 года.

Суворовъ — русскій геній, гордость Россіи и всеобщій русскій любимецъ, имя котораго произносится всѣми съ благоговѣніемъ и любовью; онъ національный герой русскихъ людей — великихъ и малыхъ, дѣтей и взрослыхъ, трудно найти въ Россіи такую мѣстность, гдѣ не знали бы или не слышали имени Суворова, какъ чего-то великаго, составляющаго гордость и честь родины. Суворовъ, можно сказать, самый популярный человѣкъ въ русской народной памяти, въ полномъ смыслѣ любимый народный герой!

Внѣшняя біографія Суворова извѣстна, но ему не посчастливилось еще найти себѣ такого біографа, который сумѣлъ бы полно и удовлетворительно выяснить психическую сторону этой интересной исторической личности: для этого нуженъ крупный талантъ!... Не повезло Суворову и въ отношеніи его внѣшняго вида: портретовъ его и очень много, и очень мало, съ его именемъ у каждаго изъ насъ связывается извѣстное, весьма опредѣленное представленіе, памятное намъ съ дѣтства, но, какъ кажется, самое превратное, далекое отъ оригинала... Напомнимъ вкратцѣ формулярныя данныя изъ жизни Суворова: сынъ генералъ-поручика Василія Ивановича (1705—1776) и жены его Авдотьи Ѳедосьевны Мануковой († 1743 г.), онъ былъ хилый и слабый мальчикъ, мечтавшій о военной карьерѣ и славѣ. Пылкій умъ, богатыя дарованія и страшная сила воли помогли ему закалить себя; онъ не былъ и не хотѣлъ быть похожъ на другихъ. Зачисленный въ 1742 г. въ Семеновскій полкъ, въ 1749 г. произведенный въ унтеръ-офицеры, только въ 1754 г. онъ выпущенъ былъ въ армію поручикомъ. Участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ подполковникомъ и уже тутъ выказалъ свои исключительныя военныя способности и „отчаянную“ храбрость; въ 1762 г. былъ полковникомъ и командиромъ Астраханскаго полка, въ 1763 г. — Суздальскаго; въ 1768 г. произведенъ въ бригадиры и участвуетъ въ войнѣ съ Польшей; въ 1770 г. — генералъ-майоръ; въ 1771 г., за пораженіе Огинскаго, награжденъ Александровской лентой; въ 1773 г. беретъ Туртукай и получаетъ орд. св. Георгія 2-й ст.; въ 1774 г. произведенъ въ генералъ-поручики; въ 1783 г. — генералъ-аншефъ, а въ 1787 г., за Кинбурнъ, гдѣ онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, Андреевскій кавалеръ; въ 1789 г. онъ разбиваетъ турокъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, за что получаетъ титулъ графа Рымникскаго, брильянтовые знаки св. Андрея и Георгіевскую ленту (1-я ст.); въ 1790 г. беретъ Очаковъ, а 11 Декабря штурмуетъ Измаилъ, „дѣло, подобнаго которому“, по словамъ Екатерины, „не было въ военной исторіи“, а Суворовъ, самъ Суворовъ, говорилъ, что „на такой штурмъ можно рѣшиться только разъ въ жизни“. Въ 1791 г. онъ пожалованъ подполковникомъ Преображенскаго полка и получаетъ алмазный эполетъ; въ 1794 г. за Прагу жалуется въ фельдмаршалы; въ 1799 и 1800 гг. за побѣды въ Италіи и знаменитый переходъ чрезъ Альпы получаетъ титулъ князя Италійскаго, чинъ генералиссимуса и портретъ Государя. Скончался онъ 6 Мая 1800 года; похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, гдѣ на плитѣ краткая, но всякому понятная надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

Ровинскому, а за нимъ и позднѣйшимъ авторамъ изслѣдованія о художественныхъ изображеніяхъ Суворова (гг. Симанскій и Стремоуховъ) не были извѣстны его портреты раньше 1795 года (Аткинсона). Прилагаемое здѣсь изображеніе Суворова взято съ портрета, сдѣланнаго эмалью и находящагося на серебряной съ чернью табакеркѣ, Московской работы 1787 года (штамбъ). Съ правой стороны подпись: „Г. Суворовъ“. Генералъ изображенъ въ Андреевской лентѣ, полученной имъ въ этомъ году за побѣду подъ Кинбурномъ. Табакерка недорогая, рыночной работы, очевидно, имѣла въ виду покупателей изъ средняго класса: чиновниковъ, купцовъ, военныхъ въ невысокихъ чинахъ; появленіе ея въ продажѣ, однако, показываетъ, что Суворовъ съ этого времени начинаетъ дѣлаться любимымъ народнымъ героемъ. Значеніе этой табакерки для иконографіи Суворова громадно: изображеніе далеко не художественное, это типъ лубочный, очевидно, распространенный уже въ то время въ Россіи... Между тѣмъ, вглядываясь въ него, мы видимъ, что это столь знакомый намъ, такъ называемый „типъ Шмидта“.

(Съ миніатюры на табакеркѣ изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH SOUVOROFF, 1729—1800, plus tard comte Rymniksky et prince Italiysky, généralissime auquel les troupes russes rendaient les honneurs réservés à l'Empereur, même en présence de Sa Majesté, esprit supérieur, naquit le 13 novembre 1729.

Souvoroff, génie russe, la fierté et l'enfant chéri de la Russie, où son nom n'est jamais prononcé qu'avec vénération et amour, est le héros national de tous les Russes, petits et grands, enfants et hommes faits: il n'y a guère d'endroit en Russie où Souvoroff ne soit connu tout au moins de nom, comme un grand homme, la fierté et l'honneur de son pays. Le peuple russe n'a certainement pas de mémoire plus chère que celle de ce héros populaire préféré par excellence!

La vie de Souvoroff est bien connue matériellement, mais n'a pas encore eu la fortune de rencontrer un biographe qui sache bien mettre en lumière sous tous les rapports la psychologie de cette intéressante personnalité historique: il y faudrait un gros talent!... Souvoroff n'a pas été mieux favorisé comme portraits: il y en a beaucoup et il n'y en a guère; son nom évoque en chacun de nous une image déterminée, bien nette, qui remonte à notre enfance, mais qui semble bien fausse, bien peu conforme à la réalité.... Rappelons brièvement la vie et les états de service de Souvoroff: fils du général lieutenant Basile Ivanowitch Souvoroff (1705—1776) et d'Eudoxie Fédossiewna, née Manoukoff († 1743), c'était un enfant malingre et faible, rêvant déjà carrière militaire et gloire. Son esprit ardent, ses riches aptitudes et sa force de volonté terrible lui permirent de se retremper: il n'était pas et ne voulait pas être comme les autres. Enrôlé en 1742 au régiment Sémenowsky, sous-officier en 1749, il passa en 1754 seulement lieutenant à l'Armée. Il fit comme lieutenant-colonel la Guerre de Sept-Ans, où se manifestèrent déjà ses aptitudes exceptionnelles et sa bravoure „acharnée". En 1762, il est colonel et commandant du régiment d'Astrakhan, et en 1763 de celui de Souzdal; en 1768, il fait comme brigadier la campagne de Pologne; en 1770, il passe général major; en 1771, la déroute d'Oginski lui vaut le cordon de St-Alexandre; en 1773, il prend Tourtoukaï et reçoit St-Georges de 2e classe; en 1774, il est promu général lieutenant; en 1783, général en chef; en 1787, il est blessé au bras gauche à Kinburn et décoré de St-André; en 1789, il écrase les Turcs à Fokchany et sur le Rymnik, ce qui lui vaut le titre de comte Rymniksky, les insignes de St-André en brillants et St-Georges de 1re classe; en 1790, il prend Otchakoff et enlève d'assaut Ismaïl, „affaire", dit Catherine, „sans pareille dans l'histoire militaire", et lui-même, Souvoroff, disait: „Un assaut pareil ne se risque qu'une fois dans la vie"; en 1791, il est fait lieutenant-colonel au régiment Préobragensky et reçoit une épaulette en diamants; en 1794, il gagne à Praga le bâton de feld-maréchal; en 1799 et 1800, ses victoires d'Italie et son célèbre passage des Alpes lui valent le titre de prince Italiysky, la dignité de généralissime et le portrait de l'Empereur. Il mourut le 6 mai 1800, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation, sous une simple pierre, avec une épitaphe d'une éloquente brièveté: „Ci-gît Souvoroff".

Rovinsky, non plus que les auteurs de recherches plus récentes sur les représentations artistiques de Souvoroff, MM. Simansky et Strémooukhoff, ne connaît pas de portrait de lui avant 1795 (Atkinson). La reproduction ci-jointe est faite d'après une tabatière d'argent niellé fabriquée à Moscou en 1787; l'émail, qui porte à droite l'inscription: „G. Souvoroff", représente le vainqueur de Kinburn revêtu du cordon de St-André qu'il venait de recevoir. La tabatière en question est un article de bazar sans grande valeur, destiné probablement aux chalands de la classe moyenne, petits fonctionnaires, négociants, officiers subalternes. Quoi qu'il en soit, sa présence sur le marché montre la popularité sympathique dont commençait alors à jouir Souvoroff, et le portrait est d'une importance considérable pour l'iconographie du héros: comme exécution, rien d'artistique; c'est ce genre de pacotille qui était donc déjà répandu alors en Russie.... Mais l'inspection révèle le type bien connu sous le nom de „type Schmidt".

(D'après une miniature gravée sur une tabatière de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

178

Александръ Васильевичъ Суворовъ, 1729 — 1800

Alexandre Vassiliewitch Souvoroff, 1729 — 1800

179

Пис. Шмидтъ *Peint par Schmidt*

Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, 1729 — 1800

Le Comte Alexandre Vassiliewitch Souvoroff-Rymniksky, 1729 — 1800

180

Александръ Васильевичъ Суворовъ, 1729 — 1800

Alexandre Vassiliewitch Souvoroff, 1729 — 1800

181

Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, 1729 — 1800

Le Comte Alexandre Vassiliewitch Souvoroff-Rymniksky, 1729 — 1800

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

СУВОРОВЪ, 1729—1800, съ портрета, рисованнаго пастелью и приписываемаго извѣстному художнику Шмидту. Этому, такъ называемому (со времени Ровинскаго) „типу Шмидта“ особенно посчастливилось: не говоря о крупныхъ гравюрахъ Фролова и Уткина, этотъ „типъ“ распространенъ въ безчисленномъ множествѣ литографій, фототипій, цинкографій, однимъ словомъ, это портретъ Суворова, который можно найти вездѣ, начиная отъ серіозной книги и кончая копѣечной брошюрой. Въ нашемъ представленіи о Суворовѣ, великій полководецъ всегда является намъ не иначе, какъ въ образѣ „типа Шмидта“. Есть также много миніатюръ, которыя напоминаютъ то же изображеніе, все различіе ихъ заключается, не говоря о разницѣ въ письмѣ, въ цвѣтѣ мундира, поворотѣ головы и въ орденахъ, т.-е. ихъ количествѣ и расположеніи. Ровинскій, со словъ П. И. Бекетова, изображеннаго на гравюрѣ съ портретомъ Суворова такого же типа въ рукахъ, признавалъ этотъ портретъ удачнымъ, а Стремоуховъ „въ общемъ признаетъ этотъ портретъ самымъ лучшимъ, превосходнымъ изображеніемъ русскаго вождя“; онъ находитъ, что въ выраженіи лица „видны умъ и оригинальность, и необыкновенное прямодушіе, и доброта“. Дѣйствительно ли, однако, портретъ этотъ писанъ Шмидтомъ? Въ этомъ весьма и весьма можно усомниться. Жесткій карандашъ, деревянное лицо безъ выраженія, небрежная работа, фантастичность цвѣта и неправильное расположеніе лентъ, все это мало напоминаетъ превосходныя пастели Шмидта, отличающіяся необыкновенной законченностью, мягкостью письма и выразительностью лицъ, а также старательной обработкой деталей (см. въ настоящемъ изданіи портреты графини С. О. Апраксиной и графа А. Р. Воронцова).

О происхожденіи этого портрета Суворова баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, со словъ своего отца, разсказываетъ слѣдующее: „Сеансъ былъ назначенъ Шмидту во время обѣда, часу въ девятомъ утра; Суворовъ сидѣлъ за столомъ, въ рубашкѣ, и разговаривалъ съ генералами; Шмидтъ рисовалъ съ него, сидя на другомъ концѣ стола. Послѣ обѣда Суворовъ прочелъ молитву, а затѣмъ проскакалъ мимо Шмидта на одной ногѣ и закричалъ кукареку; мундиръ и ордена художникъ писалъ послѣ, для чего камердинеръ Прошка вынесъ ему австрійскій фельдмаршальскій мундиръ съ мишурными звѣздами“. При такихъ условіяхъ, конечно, и рѣчи не могло быть объ удобномъ позированіи и выборѣ наиболѣе удачныхъ условій!

Нельзя не принять во вниманіе и разсказа Фукса: Курфюрстъ Саксонскій хотѣлъ имѣть портретъ Суворова, который предназначался „украшать Дрезденскій музеумъ или, лучше сказать, музеумъ Европы“. Суворовъ хотѣлъ уклониться, сказавъ Фуксу: „Откажи ему и скажи, что я мальчишка“, но потомъ согласился. Изъ этого уже видно, что онъ не склоненъ былъ давать серіозные сеансы. Когда вошелъ Шмидтъ, Суворовъ обнялъ его, а затѣмъ, отскочивъ, началъ говорить ему по-нѣмецки рѣчь, смыслъ которой былъ такой: „Ваша кисть изобразитъ черты моего лица, онѣ видны, но мои внутреннія человѣческія свойства скрыты“, „я былъ малъ, я былъ великъ!“ Тутъ онъ вскочилъ на стулъ, потомъ опять сѣлъ... Все это, и по тому, и по другому разсказу, едва ли давало возможность художнику сосредоточиться и схватить выраженіе лица! Удался ли этотъ портретъ Шмидту, тотъ ли это самый портретъ, который мы считаемъ за таковой? Можетъ-быть подлинный Шмидтъ погибъ или остается намъ неизвѣстенъ; наконецъ, послѣднее соображеніе: Шмидтъ писалъ мундиръ и ордена Суворова съ принесеннаго ему Прошкою мундира, не списалъ ли онъ лицо послѣ, съ какого-либо существовавшаго въ Россіи оригинала, съ миніатюрной табакерки и т. п., послѣ того, какъ не удались его сеансы съ причудливымъ русскимъ героемъ. Тогда будутъ понятны и эти разные мундиры и разные ордена на разныхъ изображеніяхъ, не „типъ Шмидта“ послужилъ имъ оригиналомъ, а наоборотъ—они для Шмидта.

Сравненіе пастельнаго портрета Шмидта съ предъидущимъ изображеніемъ на русской лубочной табакеркѣ, гдѣ Суворовъ несомнѣнно является тоже „типа Шмидта“, указываетъ на то, что этотъ „типъ“ извѣстенъ былъ въ Россіи за 13 лѣтъ до портрета, который будто бы въ 1800 году, въ Прагѣ, пытался писать съ натуры Шмидтъ.

(Съ портрета пастелью, принадлежащаго Государю Императору.)

SOUVOROFF, 1729—1800, d'après un pastel attribué à l'artiste connu Schmidt. Le „type Schmidt", comme on l'appelle depuis Rovinsky, a eu une bonne fortune particulière: sans parler des grandes gravures de Froloff et d'Outkine, il s'est répandu par milliers d'exemplaires, en lithographie, phototypie, zincographie, en un mot, c'est le portrait de Souvoroff qu'on peut trouver partout, depuis le livre sérieux jusqu'à la brochure d'un copeck. On ne se représente jamais le grand capitaine autrement que sous le „type Schmidt". Il y a également nombre de miniatures qui le rappellent, le procédé à part, à quelques détails près, comme la couleur de l'uniforme, l'attitude de la tête, le nombre et l'arrangement des décorations. Rovinsky, au témoignage de P. Békétoff, représenté sur une gravure tenant en main un Souvoroff du type en question, l'estimait ressemblant, et Strémooukhoff „le trouve excellent et le meilleur de tous": l'expression en „révèle", dit-il, „l'esprit et l'originalité, la loyauté extraordinaire et la bonté". Mais ce type est-il vraiment bien de Schmidt? Il est très fortement permis d'en douter. La dureté du crayon, le visage figé et sans expression, la négligence du travail, le fantastique du coloris et la mauvaise disposition des décorations, tout cela ne rappelle que de loin les magnifiques pastels de Schmidt, si soignés, si moelleux, si expressifs, et aussi si poussés. (V. dans la présente publication les portraits de la comtesse S. Apraxine et du comte A. Worontzoff.) Sur l'exécution de ce portrait, le baron Th. Bühler raconte, d'après son père, ce qui suit: „La séance fut fixée à Schmidt pendant le repas du matin, vers huit ou neuf heures. Souvoroff était à table, en blouse, à causer avec les généraux, et l'artiste installé à l'autre bout de la table. Le repas terminé, Souvoroff fit la prière, puis vint à cloche-pied vers lui et lui cria cocorico. L'uniforme et les décorations furent faits plus tard, d'après une tenue de feld-maréchal autrichien fournie par le valet de chambre avec des plaques en clinquant". Dans ces conjonctures, il ne pouvait sans doute être question de pose commode ni du choix de conditions avantageuses!

On ne saurait passer non plus sous silence le récit de Fuchs: le prince électeur de Saxe désirait un portrait de Souvoroff, pour „orner le musée de Dresde, ou, pour mieux dire, le musée de l'Europe". Souvoroff ne voulait pas, et dit à Fuchs: „Refuse; dis-lui que je ne suis qu'un petit garçon"; il finit pourtant par consentir. Ceci montre déjà qu'il n'était guère disposé à poser sérieusement. Quand Schmidt arriva, Souvoroff l'embrassa, puis le lâcha brusquement et se mit à lui faire un discours en allemand, pour lui dire en substance: „Votre pinceau représentera les traits de mon visage, qui sont visibles, mais ceux de mon caractère ne le sont pas"; „j'ai été petit, j'ai été grand!" Il sauta ensuite sur la chaise, puis se rassit.... Les deux récits montrent également qu'il n'était guère possible à l'artiste de se recueillir et d'attraper la ressemblance. Fut-il réussi, ce portrait de Schmidt? Est-ce bien celui qu'on considère comme tel? Peut-être le Schmidt authentique est-il perdu ou resté inconnu? Enfin, une dernière conjecture: Schmidt avait fait l'uniforme et les décorations d'après un modèle fourni par le valet de chambre; ne s'est-il pas servi ensuite pour la tête de quelque original alors en circulation, une tabatière à miniature, par exemple, en voyant que les séances avec le fantasque héros n'avaient pas réussi? On comprendrait alors la variété d'uniformes et de décorations des divers échantillons du „type Schmidt": ce serait un de ces échantillons qui aurait fourni l'original du type, et non pas inversement.

La comparaison du présent pastel de Schmidt avec l'émail précédent, qui est certainement aussi du „type Schmidt", montre que ce „type" était connu en Russie treize ans avant le portrait que Schmidt aurait tenté en 1800 d'après nature à Prague.

(D'après un pastel appartenant à Sa Majesté l'Empereur.)

СУВОРОВЪ, 1729—1800, генералъ-поручикъ, съ портрета, находящагося въ с. Андреевскомъ, Владимірской губерніи, во дворцѣ, гдѣ жилъ и скончался канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Этимъ портретомъ начинается группа наиболѣе достовѣрныхъ, на нашъ взглядъ, изображеній великаго полководца. Въ сущности говоря, представленіе о его наружности было до извѣстной степени превратное, при томъ до сего времени не было еще извѣстно ни одного такого ранняго изображенія Суворова. Ровинскій, Козловъ, а за ними Стремоуховъ, не знаютъ портретовъ его ранѣе 1795 года. Дату настоящаго портрета можно установить съ достаточной точностью. Изъ орденовъ на Суворовѣ изображены здѣсь лента св. Александра Невскаго и звѣзда и орденъ св. Георгія 2-й степени. Послѣдній Суворовъ получилъ 30 Іюля 1775 г. за Туртукай, Александровской же звѣздой онъ былъ награжденъ еще раньше, а именно 20 Декабря 1771 г. за пораженіе Огинскаго подъ Столовичами (12 Сентября). На оборотѣ портрета имѣется надпись „генералъ-поручикъ Суворовъ“, а въ генералъ-поручики онъ былъ произведенъ въ 1774 г.; изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что портретъ относится ко времени послѣ 1774 г., но не позже 1783 г., когда Суворову пожалована была Владимірская звѣзда, т.-е. въ возрастѣ его около 45—50 лѣтъ. Суворовъ самъ говарнвалъ, что онъ былъ недуренъ лицомъ въ молодости. Такимъ онъ и является на настоящемъ портретѣ: онъ въ парикѣ, лицо довольно полное, хотя уже съ морщинами, высокія, круто изогнутыя брови надъ красивыми, нѣсколько прищуренными глазами; Суворовъ изображенъ съ улыбкой на тонкихъ губахъ, при чемъ на щекахъ образуются отъ нея ямки. Улыбка и выраженіе лица мягкія и пріятныя, умныя, но съ значительнымъ оттѣнкомъ хитрости... Въ этотъ періодъ времени Суворовъ еще не переставалъ заискивать въ сильныхъ людяхъ; къ этому времени относится и извѣстное донесеніе его Румянцеву: „Слава Богу, слава вамъ“... и письмо къ графу П. П. Салтыкову, котораго онъ презиралъ, съ просьбой о Георгіи: „Вашему Сіятельству и впередъ служу... лишь только, батюшка, давайте поскорѣе второй классъ“... Въ то же время Суворовъ зналъ себѣ цѣну: узнавъ о смерти генерала Вейсмана, онъ сказалъ: „Вейсмана не стало, я остался одинъ“, и скоро потомъ рѣшился писать самому Потемкину: „Я на камушкѣ сижу, на Очаковъ я гляжу“... Но это была еще дерзость даже для Суворова, и онъ это испыталъ. Суворовъ поспѣшилъ! Однако, уже въ это время онъ съ улыбкой говарнвалъ: „Я не прыгалъ смолоду, и зато теперь прыгаю“, и прибавлялъ: „У меня семь ранъ; двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, и пять, самыхъ мучительныхъ—при Дворѣ“... Конечно, Суворовъ не могъ питать никакого уваженія къ „случайнымъ и припадочнымъ людямъ“, возвышавшимся, благодаря красивой наружности... А съ ними приходилось считаться! Суворовъ бѣгалъ отъ Двора, да въ мирное время, не на войнѣ, онъ былъ тяжелымъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Извѣстно, что къ его великимъ подвигамъ присоединялось очень много оригинальныхъ поступковъ, чудачествъ и странностей. Если исключить тѣ изъ нихъ, которые служили на войнѣ для поддержанія бодрости въ войскѣ или для самозакаливанія, то объясненіе происхожденія другихъ чудачествъ далеко неодинаково. Одни объясняютъ эти поступки „естественнымъ слѣдствіемъ его характера, особенностью его натуры и никоимъ образомъ не являются они чѣмъ-либо заранѣе обдуманнымъ“; другіе, напротивъ, видятъ въ этомъ средство, которое избралъ Суворовъ, чтобъ обойти подводные придворные камни. Державинъ, какъ кажется, основательно говоритъ: Суворовъ „понялъ, что не можетъ сравниться ни съ сановитостью Румянцева, ни съ вельможностью великолѣпнаго князя Тавриды, и начерталъ тогда же планъ роли чудака“. Когда онъ во время маневровъ взялъ штурмомъ монастырь, Екатерина пожелала видѣть чудака полковника, „и это свиданіе“, по словамъ Суворова, „проложило ему путь къ славѣ“. Онъ самъ давалъ понять, что онъ разыгрывалъ роль шута по необходимости. Суворовъ во всемъ хотѣлъ быть только Суворовымъ, во всемъ оригинальнымъ, и онъ былъ одинъ: подражанія ему были невозможны. Ранніе чудачества были средствомъ для удовлетворенія самолюбія Суворова, позднѣйшія—были уже нераздѣльною принадлежностью личности Суворова и окружали его ореоломъ славы, безъ нихъ онъ не былъ бы Суворовымъ; онъ не могъ уже отрѣшиться отъ нихъ тогда, когда писалъ: „Я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ!“

(Съ портрета, принадлежащаго графу П. П. Воронцову-Дашкову, с. Андреевское, Владимірской губ.)

SOUVOROFF, 1729—1800, général lieutenant, d'après un original conservé au bourg d'Andréewskoïé, gouvernement de Vladimir, au château où vécut et mourut le chancelier comte Alexandre Romanowitch Worontzoff. Avec la présente reproduction commence ici une série comprenant les portraits selon nous les plus authentiques du grand capitaine. Au fond, on se fait de son physique une idée passablement fausse, et de plus, on n'avait de lui jusqu'ici aucun portrait si jeune: Rovinsky, Kozloff, et après eux Strémooukhoff, ne connaissent rien avant 1795. La date du présent original peut être fixée d'une manière assez précise. Comme décorations, on voit le cordon de St-Alexandre Newsky et l'étoile et la croix de St-Georges de 2e classe; cette croix lui fut conférée le 30 juillet 1773 pour Tourtoukaï, et l'étoile de St-Alexandre plus tôt encore, le 20 décembre 1771, pour la défaite d'Oginski à Stolovitchi (12 septembre). Le revers porte l'inscription: „Général lieutenant Souvoroff"; or il fut promu à ce grade en 1774. Il suit de là que la date est postérieure à 1774, mais sans dépasser 1783, année où il reçut l'étoile de St-Vladimir; il a donc de 45 à 50 ans. Lui-même disait qu'il n'était pas mal de visage étant jeune. Il y paraît bien ici: Souvoroff est en perruque, la figure assez pleine, bien qu'un peu ridée déjà, des sourcils élevés et fortement arqués sur de beaux yeux clignotants; sur les lèvres minces, un sourire creusant des fossettes aux joues et, comme toute l'expression, doux et agréable, spirituel, non sans une forte dose de malice... C'est l'époque où il en était encore à rechercher les bonnes grâces des puissants; c'est aussi celle de son fameux rapport à Roumiantzeff: „Grâce à Dieu, grâce à vous"..., et de la lettre au comte I. Saltykoff, qu'il méprisait, pour lui demander St-Georges: „Toujours aux ordres de Votre Excellence.... mais, de grâce, donnez-moi vite la deuxième classe".... Cependant, Souvoroff connaissait son prix: en apprenant la mort du général Weissmann, il dit: „Weissmann n'est plus, je reste seul", et, peu après, il osa écrire à Potemkine lui-même: „Assis sur un rocher, à regarder Otchakoff"... Mais venant même de Souvoroff, c'était là une impertinence, et on le lui fit sentir. Il s'était risqué trop vite! Alors pourtant, il répétait déjà avec un sourire: „Je n'ai pas fait d'enjambées étant jeune, mais je me rattrape maintenant"; et il ajoutait: „J'ai sept blessures, deux reçues à la guerre, et cinq, les plus cruelles, à la Cour"... Il ne pouvait naturellement avoir la moindre estime pour les favoris et parvenus qui devaient leur élévation à leur physique avantageux. Or il fallait compter avec eux! Souvoroff fuyait la Cour; mais aussi, en temps de paix, ailleurs qu'à la guerre, c'était un homme encombrant et agité. On sait que ses brillants exploits sont inséparables d'une foule d'originalités, d'extravagances et de bizarreries. A part celles qui lui servaient à la guerre à soutenir le moral des troupes ou à se tremper lui-même, on est loin d'être d'accord sur leur mobile. Les uns les envisagent comme „une simple conséquence de son caractère, une particularité de son naturel, absolument exempte de tout calcul"; d'autres, au contraire, n'y voient qu'un procédé pour tourner les écueils de la Cour. Derjavine semble avoir raison de dire: „Il comprit qu'il ne serait jamais à la hauteur ni du personnage imposant qu'était Roumiantzeff, ni du grand seigneur qu'était le magnifique prince de Tauride, et se grima alors en bouffon". Une fois, en manœuvres, comme il avait pris d'assaut un monastère, Catherine voulut voir ce drôle de colonel, et „cette entrevue", dit-il lui-même, „lui ouvrit le chemin de la gloire": il donnait à comprendre qu'il n'avait joué le rôle de bouffon que par nécessité. Il voulait en tout n'être que Souvoroff, original en tout, et il fut unique: l'imitation était impossible. Ses excentricités ne furent au début que des satisfactions d'amour-propre, puis devinrent inhérentes à sa personnalité, qu'elles entouraient d'une auréole de gloire: sans elles, il n'aurait pas été Souvoroff. Il ne pouvait plus s'en défaire lorsqu'il écrivait: „J'ai été heureux parce que j'ai commandé au bonheur!"

(D'après un original appartenant au comte H. Worontzoff-Dachkoff, Andréewskoïé, gouv. de Vladimir.)

СУВОРОВЪ, 1729—1800, фельдмаршалъ, снимокъ съ портрета, находящагося въ знаменитой Апраксинской подмосковной, селѣ Ольговѣ, Дмитровскаго уѣзда. Степанъ Степановичъ Апраксинъ, извѣстный осковскій богачъ и хлѣбосолъ, былъ сподвижникъ и великій почитатель Суворова; съ нимъ онъ былъ подъ Очаковомъ, и на штурмѣ Праги, за который произведенъ былъ въ генералъ-поручики. Апраксинъ юбилъ собирать портреты, при чемъ извѣстно, что онъ обращалъ прежде всего вниманіе не столько на остоинство живописи, сколько на сходство лица. Въ числѣ значительнаго количества собранныхъ имъ въ льговѣ портретовъ есть два Суворовскихъ портрета: одинъ поколѣнный, очень темный, гдѣ Суворовъ зображенъ окруженный всякими эмблемами войны, въ томъ числѣ пушками (Суворовъ за побѣду надъ ѣраковскимъ, подъ Брестомъ, получилъ брильянтовый бантъ на шляпу и 5 пушки), и другой — снимокъ ъ котораго здѣсь прилагается. Сходство его въ чертахъ лица съ предъидущимъ (см. № 180) поразительно. ежду тѣмъ надо думать, что С. С. Апраксинъ могъ достать себѣ похожій портретъ своего благодѣтеля, еловѣка, предъ которымъ онъ преклонялся. Суворовъ изображенъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, съ ндреевской и Георгіевской звѣздами, съ Анной и орденомъ Чернаго Орла на шеѣ, въ лентахъ Андреевской св. Георгія. На этомъ портретѣ мы видимъ то же благообразное лицо, не напоминающее нисколько езобразія такъ называемаго „типа Шмидта“: тѣ же оригинальные брови и глаза, тотъ же ротъ, только лицо стало спокойное и безъ дѣланной улыбки не потеряло, однако, своего пріятнаго выраженія.

Суворовъ достигъ уже прочнаго положенія, онъ уже не стремился къ славѣ, слава окружала его и ерешла далеко за предѣлы Россіи; въ войскахъ, въ народѣ онъ былъ уже любимымъ популярнымъ героемъ. амъ Суворовъ очень цѣнилъ чинъ фельдмаршала и получилъ его, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ жезломъ, въ 1794 г., ослѣ взятія Варшавы: дѣйствія и успѣхи Суворова въ Польшѣ отличались даже для него необычной быготой; посылая Суворова, Екатерина II высказала, что назначеніе это „удостовѣряетъ ее въ успѣхахъ и корыхъ, и несумнительныхъ“; не даромъ она писала: „Посылаю на помощь Суворова, и въ немъ цѣлую рмію“. Обаяніе Суворова было безгранично, его присутствіе поднимало духъ солдатъ, за нимъ они шли на амые невѣроятные подвиги, потому что онъ самъ былъ впереди, „первый изъ самыхъ отчаянныхъ“. Суворовъ создалъ новую, свою систему войны, но „система эта являлась выраженіемъ его характера: глазоѣръ, быстрота и натискъ — это духъ Суворова“. Правила, которыхъ держался великій полководецъ, чисто рактическія, высказанныя имъ болѣе 100 лѣтъ назадъ, остались, однако, принадлежностью одного только мнаго Суворова, а между тѣмъ они такъ просты: „Обучай солдата“, говоритъ онъ, „но не показнымъ тукамъ, а тому, что понадобится въ сраженіи; пріучай дѣлать большіе переходы съ барабаннымъ боемъ музыкой, подъ музыку легче идется; пріучай къ мѣткой стрѣльбѣ, всегда будь готовъ къ выступленію ъ походъ. Много не хвались и не презирай противника, напротивъ того, узнавай его оружіе, его слабыя ороны, и тогда побѣждай. Самъ въ мирное время учись, читай военныя сочиненія, пріобрѣтай познанія, о битва выигрывается на мѣстѣ, одно мгновеніе можетъ измѣнить твой планъ, минута рѣшаетъ побѣду, е упускай ее и кончай дѣло общимъ натискомъ; атакуй непріятеля самъ, не дожидаясь его нападенія; ыстрота, внезапность пугаетъ его, нагрянь внезапно — бей, гони, коли, не давай опомниться: кто испугался, отъ въ половину побѣжденъ, у страха глаза велики: одинъ за десятерыхъ покажется. Ничего нѣтъ страшнѣе тчаянныхъ“...

Заслуживаютъ вниманія изъ портретовъ Суворова, относящихся къ этому времени, по нѣкоторому ходству съ прилагаемымъ: гравюра Шредера, съ одного изъ писанныхъ въ Варшавѣ (Бекономъ) оригиналовъ, портреты, принадлежавшіе С. В. Козлову и князю В. С. Оболенскому (см. Стремоуховъ, стр. 337 и 164), также считающіеся типомъ Аткинсона, по гравюрамъ Валькера, съ неизвѣстныхъ оригиналовъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

181

SOUVOROFF, 1729—1800, feld-maréchal, d'après un original de la fameuse propriété des Apraxine, Olgovo, aux environs de Moscou, district de Dmitroff. Stéphane Stépanowitch Apraxine, le moscovite connu pour sa fortune et ses réceptions, était compagnon d'armes et grand admirateur de Souvoroff; il s'était trouvé avec lui et à Otchakoff, et à l'assaut de Praga, qui lui avait valu le grade de général lieutenant. Grand collectionneur de portraits, on sait qu'il tenait moins au mérite de l'exécution qu'à la ressemblance. Sa considérable collection d'Olgovo renferme deux Souvoroffs, un à mi-jambes, très noir, où le héros est entouré de toute espèce d'attributs guerriers, entre autres de canons (il avait reçu pour sa victoire sur Sierakowsky à Brest un cordon en brillants avec trois canons à la coiffure), et un autre, celui dont la reproduction est ci-jointe. La ressemblance du visage avec le précédent (№ 180) est frappante. Or, il y a lieu de croire qu'Apraxine avait dû savoir se procurer un bon portrait de l'homme qui était son bienfaiteur et qui avait toute sa vénération. Souvoroff est représenté ici en tenue de feld-maréchal, avec les étoiles de St-André et de St-Georges, Ste-Anne et l'Aigle Noir en cravate, St-André et St-Georges en sautoir. On lui voit ce même beau visage qui ne rappelle nullement la laideur du „type Schmidt", avec les mêmes sourcils et les mêmes yeux si originaux, la même bouche: seulement la figure est ici plus calme et l'absence du sourire artificiel n'ôte rien au charme de l'expression.

Souvoroff a maintenant une situation bien assise; il ne recherche plus la gloire: il en est entouré, et elle dépasse de beaucoup les frontières de la Russie. Dans l'armée, dans le peuple, il est déjà le héros populaire préféré. Lui-même faisait grand cas du titre de feld-maréchal, qu'il avait reçu avec un bâton précieux en 1794, après la prise de Varsovie. Ses opérations et ses succès en Pologne se déroulèrent avec une rapidité inouïe même pour lui. Catherine l'avait envoyé en disant qu'elle „assurait ainsi des succès prompts et certains"; ce n'est pas pour rien qu'elle écrivait: „J'envoie Souvoroff à la rescousse; il vaut toute une armée". Son prestige était immense, sa présence ranimait l'esprit du soldat, qui courait à sa suite aux exploits les plus invraisemblables, car lui-même s'élançait en tête, „le premier des plus acharnés". Il avait créé un nouveau système de guerre, un système à lui, qui ne faisait que „refléter son caractère: coup d'œil, promptitude, vivacité d'attaque, voilà l'esprit de Souvoroff". Les principes tout pratiques formulés par le grand homme de guerre il y a plus de cent ans sont restés cependant sa propriété exclusive. Or, ils sont bien simples: „Faire faire au soldat", dit-il, „non pas de la mise en scène, mais ce qui lui servira à la guerre; l'entraîner aux longues étapes avec tambour et musique, la musique enlève; l'habituer à tirer juste, être toujours prêt à partir en campagne. Ne pas trop se vanter ni mépriser l'adversaire: étudier au contraire son armement et ses points faibles pour pouvoir vaincre. S'instruire soi-même en temps de paix, lire les ouvrages militaires, enrichir ses connaissances; mais la bataille se gagne sur le terrain, une minute peut modifier le plan arrêté, un moment décide de la victoire, ne pas le manquer et finir par une vive pression d'ensemble. Attaquer soi-même sans attendre l'attaque. La rapidité, la promptitude déconcertent l'adversaire, fondre sur lui à l'improviste, pousser, presser, charger sans le laisser se ressaisir: l'ennemi saisi est à moitié vaincu. L'épouvante grossit les objets: où il y a un homme, elle en voit dix. Il n'y a rien de plus terrible que des gens déterminés"...

Il faut encore mentionner, en fait de portraits de Souvoroff qu'on peut rapporter à la même époque en raison de la ressemblance avec celui-ci, une gravure de Schrœder, d'après des originaux (de Bécon) faits à Varsovie, les spécimens de feu S. Kozloff et du prince V. Obolensky (v. Strémooukhoff, pp. 337 et 164), et le type dit Atkinson des gravures de Walker, dont les originaux sont inconnus.

(D'après un original appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

182

ВАРВАРА ИВАНОВНА СУВОРОВА, 1750—1806, старшая дочь отставного генералъ-аншефа, князя Ивана Андреевича Прозоровскаго отъ брака съ княжной Маріей Михайловной Голицыной, родилась въ Москвѣ 28 Августа 1750 года. Будучи въ полномъ смыслѣ слова красавицей чисто русскаго типа, полная, статная и румяная, она не обладала, однако, умомъ и получила очень скудное даже для женщины того времени образованіе. 16 Января 1774 г., повинуясь не столько собственному влеченію, сколько желанію почти разоренныхъ родителей, она вышла замужъ за генералъ-майора Александра Васильевича Суворова, не молодого уже и мало привлекательнаго, но считавшагося завиднымъ и богатымъ женихомъ, при томъ съ блестящимъ будущимъ. Первое время супруги, повидимому, жили въ согласіи, и черезъ полтора года послѣ брака у нихъ родилась дочь Наталія, обожаемая отцомъ „Суворочка“. Варвара Ивановна сопровождала мужа въ передвиженіяхъ его военной службы, была съ нимъ въ Таганрогѣ, Астрахани, Полтавѣ и въ Крыму. Но, избалованная съ дѣтства и привыкшая къ роскоши, она трудно мирилась съ тяжелыми условіями гарнизонной службы, со скупостью и чудачествами мужа. Скоро жена перестала быть „магнитомъ, его притягивающимъ“, и между ними начались несогласія, перешедшія въ тяжелый семейный разладъ; въ 1779 г. Суворовъ, постоянно находившійся въ отлучкахъ, при томъ вообще не склонный къ домашнему очагу и тяжелый въ семейной жизни, смотрѣвшій на жену не какъ на друга, а какъ на женщину только, возбудилъ противъ жены процессъ о разводѣ, обвиняя ее въ нарушеніи супружеской вѣрности и увѣряя, что она была „обременена плодомъ три раза“, но, „ради безвременнаго рожденія, младенцы померли“. Дѣлу, однако, не было дано дальнѣйшаго хода, столько же благодаря вмѣшательству знатной родни Варвары Ивановны, сколько и по бездоказательности самаго обвиненія. Состоялось торжественное примиреніе, но примиреніе было непродолжительно; съ одной стороны, легкомысленный, но несступчивый характеръ Варвары Ивановны, съ другой—деспотичный и вспыльчивый нравъ Суворова, преслѣдовавшаго жену своей подозрительностью, дѣлали совмѣстную жизнь невозможной; въ Маѣ 1784 г., за два мѣсяца до рожденія у нихъ сына Аркадія, между супругами произошелъ новый разрывъ, разлучившій ихъ навсегда. Но и тутъ дѣло не дошло до формальнаго развода, несмотря на попытки Суворова, прибѣгавшаго даже къ посредничеству Потемкина передъ Екатериной II, „добиться освобожденія въ вѣчность отъ узъ бывшаго союза“. Девятилѣтняя дочь была помѣщена отцомъ въ Смольный монастырь, а сынъ, родившійся 1 Августа 1784 г., остался при матери.

Прилагаемый портретъ В. И. Суворовой относится приблизительно къ 1775 или 1776 году, когда ей было около 25-26 лѣтъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, С.-Петербургъ.)

182

VARVARA IVANOWNA SOUVOROFF, 1750—1806, fille aînée du prince Ivan Andréewitch Prozorowsky, général en chef retraité, et de Marie Mikhaïlowna, née princesse Golitzyne, naquit à Moscou le 28 août 1750. D'une beauté réelle, et de pur type russe, potelée, bien faite et vermeille, elle était par contre insignifiante intellectuellement et n'avait qu'une instruction très sommaire, même pour une femme de ce temps. Elle épousa le 16 janvier 1774, moins par goût personnel que par la volonté de ses parents presque ruinés, le général major Alexandre Vassiliewitch Souvoroff, qui, malgré son âge et son physique peu attrayant, passait pour un parti avantageux et riche, avec un bel avenir. Au début, le ménage semble avoir vécu en bonne intelligence: au bout de dix-huit mois naquit une fille, la Souvorotchka adorée de son père. La femme suivait son mari dans tous ses déplacements de service, allant avec lui à Taganrog, Astrakhan, Poltava et en Crimée. Mais gâtée toute petite et habituée au luxe, elle s'accommodait mal des pénibles conditions de la vie de garnison, avec l'avarice et les bizarreries de son mari. Elle cessa bientôt d'être „l'aimant qui l'attirait", et la mésintelligence qui survint fit bientôt place à une brouille complète. Constamment absent, d'ailleurs peu porté vers le foyer domestique et difficile à vivre en famille, considérant sa femme non comme une amie, mais simplement comme une femme, Souvoroff, en 1779, forma contre elle une instance en divorce, l'accusant de violer la foi conjugale et d'avoir „été enceinte trois fois", mais, „par accouchement prématuré, fait périr son fruit". Il ne fut cependant pas donné de suite à l'affaire, tant grâce à l'intervention des parents marquants de Mme Souvoroff, que par suite de l'absence de preuves. Il y eut une réconciliation solennelle, mais qui ne fut pas de longue durée; d'une part, l'humeur légère et peu conciliante de la femme, d'autre part, le caractère despotique et violent du mari, qui la poursuivait de ses soupçons, rendaient impossible la vie commune. En mai 1784, deux mois avant la naissance d'un fils, Arcade, eut lieu une nouvelle rupture, qui fut sans retour. Cette fois non plus, on n'en vint pas à un divorce formel, malgré les efforts de Souvoroff, qui eut même recours à Potemkine pour obtenir de Catherine II „la rupture définitive des liens de l'ancienne union". La petite fille, âgée de 9 ans, fut mise par son père à Smolna, et le garçon, né le 1er août 1784, resta avec sa mère.

Le portrait ci-joint date approximativement de 1775 ou 1776: Mme Souvoroff avait alors 25 ou 26 ans.

(D'après un original ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

182

Варвара Ивановна Суворова, 1750 — 1806 *Varvara Ivanowna Souvoroff, 1750 — 1806*

183

Пис. Крейцингеръ, 1799 *Peint par Kreutzinger, 1799*

Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, 1729 — 1800 *Le Comte Alexandre Vassiliewitch Souvoroff-Rymniksky, 1729 — 1800*

184

Пис. гр. К. де-Местръ — Peint par le comte X. de Maistre

Гр. Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, 1729 — 1800 *Le Cte Alexandre Vassiliewitch Souvoroff-Rymniksky, 1729 — 1800*

185

Совтл. кн. Варвара Ивановна Италійская, гр. Суворова-Рымникская, 1750 — 1806 *La P^sse S^ue Varvara Ivanowna Italiysky, Ctesse Souvoroff-Rymniksky, 1750 — 1806*

СУВОРОВЪ, 1729—1800, съ портрета, писаннаго съ натуры Крейцингеромъ въ Вѣнѣ, въ 1799 г., при проѣздѣ русскаго полководца къ союзнымъ арміямъ въ Италію. Прилагаемый портретъ, совершенно до настоящаго времени неизвѣстный, гдѣ Суворовъ изображенъ въ простомъ Преображенскомъ мундирѣ, безъ орденовъ, несомнѣнно былъ прототипомъ того извѣстнаго портрета Крейцингера, на которомъ художникъ изобразилъ Суворова во всѣхъ регаліяхъ и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ. Видимо, послѣдній портретъ написанъ позднѣе по первоначальному наброску: кое-что художникъ измѣнилъ въ лицѣ, а мундиръ и все прочее, конечно, написалъ или съ мундира, который ему „выпесъ“ Прошка, какъ и Шмидту, или по памяти. Послѣднихъ портретовъ, повтореній, намъ извѣстно всего два: одинъ принадлежалъ когда-то князю М. А. Оболенскому (нынѣ собственность князя П. П. Оболенскаго), другой принадлежитъ В. П. Кочубею, въ Кіевѣ. Денисъ Давыдовъ, находя гравюру Уткина („Шмидт. типъ“) неудачной, говорилъ, что самый похожій портретъ Суворова это—писанный Крейцингеромъ, но портретъ этотъ не нравился Ровинскому потому, что „лицу Суворова приданъ нѣмецкій характеръ“, а Стремоухову потому, что Суворовъ ему кажется на портретѣ Крейцингера какимъ-то педантомъ, академикомъ, и что въ наружности его нѣтъ ничего воинственнаго, геройскаго. Но при этомъ забывается, что именно Суворовъ и не былъ совсѣмъ похожъ на генераловъ съ воинственнымъ, грознымъ лицомъ; великій духъ былъ въ тщедушномъ тѣлѣ, слабость котораго побѣждала несокрушимая, желѣзная воля. Что же касается до „педантизма“, то Суворовъ былъ неисправимый педантъ, когда это было нужно, точный до сухости человѣкъ, не только не отрицавшій науки и просвѣщенія вообще, но и считавшій въ высокой степени полезнымъ изученіе спеціальныхъ военныхъ наукъ: изученіе непріятеля во всѣхъ подробностяхъ, а не высокомѣрное къ нему презрѣніе, было основнымъ принципомъ Суворова. Настоящій превосходный портретъ, на нашъ взглядъ наиболѣе похожій, является прямымъ продолженіемъ двухъ предыдущихъ: то же пріятное и доброе выраженіе лица, тѣ же приподнятыя брови, только лицо изборождено морщинами; вообще Суворовъ изображенъ тутъ ветхимъ старикомъ, какимъ онъ и былъ уже въ то время. Суворовъ сталъ быстро хилѣть именно предъ Итальянскимъ походомъ. Опала и вынужденное бездѣйствіе въ с. Кончанскомъ нанесли сильный ударъ его здоровью: какъ это часто бываетъ со стариками, выбитый изъ колеи, онъ сталъ быстро слабѣть. Къ этому прибавилось и глубокое оскорбленіе. Сошлись двѣ величины несовмѣстимыя—одинъ неограниченный монархъ, нервный, неустойчивый, до болѣзненности самолюбивый, довѣрчивый и въ то же время подозрительный, вспыльчивый, добрый и нерѣдко безжалостный, другой — старикъ, создавшій себѣ своими подвигами всемірную извѣстность, стяжавшій славу и величіе себѣ и родинѣ, вполнѣ это сознававшій, гордый и самолюбивый, неограниченно властолюбивый, также нервно раздражительный, вспыльчивый, обидчивый и неуступчивый.... Суворовъ началъ дразнить Павла. Послѣдовала ссылка, опала; но судьба готовила Суворову еще новые подвиги. Въ началѣ 1799 г. Австрійскій Императоръ „настоятельно желалъ“ назначенія Суворова „предводителемъ“ союзныхъ армій, и Павелъ I, посылая его въ Вѣну, сказалъ: „Веди войну по-своему, какъ умѣешь“. Суворовъ какъ разъ въ это время думалъ удалиться въ монастырь; конечно, онъ забылъ все и, награжденный новымъ знакомъ отличія — большимъ крестомъ Мальтійскаго ордена, быстро явился въ Италію и здѣсь одержалъ цѣлый рядъ побѣдъ надъ лучшими молодыми французскими генералами: система его не устарѣла. Наконецъ, въ Швейцаріи онъ явился, въ своемъ безпримѣрномъ переходѣ чрезъ Альпы, побѣдителемъ природы... Могучій духъ еще разъ побѣдилъ въ немъ немощное тѣло. Военные успѣхи Суворова были безпримѣрны, но и физическіе подвиги, которые совершалъ этотъ 70-лѣтній старикъ, были единственны и безпримѣрны: онъ всюду появлялся самъ, какъ въ былыя времена, ободрялъ солдатъ, переносилъ всѣ лишенія; солдаты только для Суворова могли совершить то, что совершили на С.-Готардѣ. Въ круглой шляпѣ, въ легкомъ плащѣ, на казачьей лошади, Суворовъ былъ всегда впереди, подъ дождемъ, въ мятель и вьюгу, среди снѣжныхъ Альпійскихъ вершинъ. Отчаяніе овладѣвало имъ, но онъ рѣшилъ побѣдить, и побѣдилъ. Моро такъ говорилъ о Суворовѣ: „Что же можно сказать о генералѣ, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ“. Но и этого съ Суворовымъ не было!

(Съ портрета Крейцингера, 1800 г.; собственность князя П. П. Оболенскаго, въ Москвѣ.)

SOUVOROFF, 1729—1800, reproduction de l'original de Kreutzinger fait d'après nature à Vienne en 1799, lors du passage du capitaine russe pour rejoindre les armées alliées en Italie. Le portrait ci-joint, complètement inconnu jusqu'aujourd'hui et représentant Souvoroff en simple uniforme Préobragensky, sans décorations, a été certainement le prototype de l'autre portrait bien connu de Kreutzinger où Souvoroff est représenté avec tous ses insignes et le bâton de feld-maréchal à la main, et qui fut visiblement exécuté plus tard d'après une esquisse primitive: il y a çà et là des changements dans le visage, et quant à la tenue et aux accessoires, l'artiste s'est fait remettre, comme Schmidt, un uniforme par le valet de chambre de Souvoroff, ou a travaillé de mémoire. En fait de reproductions ultérieures, nous n'en connaissons que deux, l'une ayant appartenu au prince M. Obolensky et aujourd'hui propriété du prince N. Obolensky, l'autre à V. Kotchoubey à Kieff. Denis Davydoff, qui trouvait la gravure d'Outkine („type Schmidt") peu ressemblante, disait que le portrait le mieux réussi de Souvoroff était celui de Kreutzinger, mais celui-ci ne plaisait pas à Rovinsky parce que „le visage avait un caractère trop allemand", ni à Strémooukhoff à cause de son air pédant, académique, sans rien de guerrier ni d'héroïque. Mais il ne faut pas oublier que précisément Souvoroff n'avait rien d'un général au visage guerrier et formidable; ce puissant génie avait un corps débile, dont la faiblesse était irrésistiblement domptée par une volonté de fer. Quant au reproche de „pédantisme", Souvoroff était bien un incorrigible pédant quand il le fallait, un homme d'une ponctualité confinant à la sécheresse, et qui non seulement prisait la science et l'instruction en général, mais attribuait une grande utilité à l'étude spéciale de l'art militaire: étudier l'ennemi dans le plus grand détail, et non pas lui témoigner un mépris souverain, tel était son principe fondamental. Le magnifique portrait ci-joint, selon nous le plus ressemblant, est une suite directe des deux précédents: même charme et même bonté dans l'expression, mêmes sourcils relevés, seulement le visage sillonné de rides; d'une manière générale, c'est bien là le vieillard décrépit qu'était alors Souvoroff. Il s'était mis en effet à décliner rapidement à la veille même de la campagne d'Italie. Sa disgrâce et son inaction forcée à Kontchanskoïé avaient porté un rude coup à sa santé: comme il arrive souvent aux vieillards, dévoyé, il baissa rapidement, sans parler du sentiment profond de sa dignité offensée. Il y avait en présence deux éléments incompatibles: d'une part, un monarque absolu, nerveux, changeant, d'un amour-propre maladif et d'un caractère emporté, à la fois confiant et soupçonneux, bon et parfois impitoyable; de l'autre, un vieillard, célèbre dans le monde entier par des exploits qui avaient fait sa gloire et sa grandeur et celles de son pays, bien conscient de ses mérites, plein de fierté et d'amour-propre, d'une ambition démesurée, et, lui aussi, nerveux et irritable, emporté, susceptible et intraitable.... Souvoroff s'attaqua à Paul. Ce fut le renvoi, la disgrâce; mais le sort lui réservait encore de nouveaux exploits. Au début de 1799, l'Empereur d'Autriche insista pour le faire nommer généralissime des forces alliées, et Paul Ier l'envoya à Vienne en lui disant: „Fais la guerre comme tu voudras, à ta manière". Souvoroff songeait précisément alors à se retirer dans un monastère; il oublia tout, naturellement, et, honoré d'une nouvelle distinction, fait grand croix de l'ordre de Malte, parut bientôt en Italie, où il remporta toute une série de victoires sur les meilleurs des jeunes généraux français: son système n'avait pas vieilli. Enfin, en Suisse, sans précédent dans son passage des Alpes, il fut vainqueur de la nature.... Une fois de plus, son puissant génie avait dompté son corps débile. Ses succès militaires étaient sans exemple, mais les exploits physiques accomplis par ce vieillard septuagénaire étaient également uniques et sans exemple: il se montrait partout en personne, comme au temps jadis, animant les hommes et supportant toutes les privations; ce n'est que pour Souvoroff que les soldats purent réaliser ce qu'ils firent au St-Gothard. Avec son chapeau rond, son petit manteau et son cheval cosaque, il était toujours en avant, sous la pluie, la neige et la tempête, au milieu des sommets blanchis des Alpes. Le découragement le prenait, mais il avait résolu de vaincre et il vainquit. „Que ne saurait-on dire d'un général", disait Moreau, „qui périra lui-même et sacrifiera toute son armée jusqu'au dernier homme plutôt que de reculer d'une semelle!" Mais Souvoroff n'en fut pas réduit là!

(D'après un original de Kreutzinger, 1800, appartenant au prince N. Obolensky, Moscou.)

СУВОРОВЪ, 1729—1800, съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу и рисованной графомъ Ксавье де-Местромъ; раньше она находилась въ Бекетовской или Бибиковской семьѣ. Этотъ портретъ Суворова любопытенъ какъ по типу его лица, такъ и по тому, что имѣетъ свою исторію. Собирателямъ извѣстна была маленькая гравюра пунктиромъ А. Осипова, приложенная С. Глинкою въ 1811 г. къ „Русскому Вѣстнику“, а въ 1814 г. къ „Русскимъ анекдотамъ“, съ двумя разными подписями: первая—„На огнѣ не горѣлъ, на водѣ не тонулъ. Слова Артемія Булатова“; вторая подписана такъ: „Взоръ, быстрота, съ нами Богъ! Побѣда—ура! Послѣдователю славы Суворова графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу усердно посвящаетъ издатель Русскаго Вѣстника С. Глинка“. Ровинскій не зналъ оригинала, а гравюру основательно считалъ „плохой“; также не знали оригинала и Стремоуховъ, помѣстившій гравюру въ число „неизвѣстныхъ и несхожихъ“, хотя и давшій съ нея снимокъ (стр. 177), и С. В. Козловъ, который считалъ, однако, что „этотъ портретъ отличается сходствомъ и какъ таковой былъ изданъ Глинкою“. Присоединяемся къ мнѣнію Козлова: едва ли можно было посвятить Милорадовичу непохожій портретъ, къ тому же это изображеніе Суворова близко къ тѣмъ тремъ портретамъ, которые мы считаемъ наиболѣе достовѣрными, и особенно напоминаетъ лицо на портретѣ Крейцингера, близкомъ къ миніатюрѣ по времени. Теперь оригиналъ, съ котораго гравировалъ А. Осиповъ, въ натуральную его величину, извѣстенъ; надо думать, что граверъ или получилъ его отъ самого Платона Бекетова или отъ кого-либо изъ родственниковъ послѣдняго (Кушниковы и Бибиковы). Рѣдкая миніатюра эта, перешедшая потомъ къ графамъ Кассини, относится къ 1799 г. (судя по Мальтійскому кресту) и изображаетъ Суворова съ морщинистымъ старческимъ лицомъ, съ губами, сложенными въ добродушную, нѣсколько саркастическую улыбку, безъ парика, съ волосами, завязанными узломъ (подъ парикъ), въ бѣлой рубашкѣ, съ орденами св. Анны, любимымъ орденомъ Павла I, и съ Мальтійскимъ крестомъ, который только передъ Итальянскимъ походомъ былъ Суворовымъ полученъ отъ Государя. Извѣстны еще портреты Суворова въ рубашкѣ, а именно: принадлежавшій С. В. Козлову (по наслѣдству чрезъ жену) и въ собраніи П. И. Щукина, въ Москвѣ. Суворовъ любилъ носить бѣлый китель или бѣлую рубашку съ отложнымъ воротникомъ. Вставая съ постели, онъ „надѣвалъ наколѣнники и китель, бѣлый канифасный съ рукавами“, его онъ носилъ „въ жаркое время и въ стужу“, въ сраженіяхъ при Треббіи и Нови онъ „имѣлъ на себѣ простую бѣлую рубашку съ отложнымъ воротникомъ и бѣлое исподнее бѣлье“; къ рубашкѣ были пришиты ордена, что тогда не являлось нарушеніемъ формы; напротивъ, этому придавалось даже особое значеніе, и наблюдавшій за Суворовымъ въ селѣ Кончанскомъ Николевъ доносилъ: „Суворовъ былъ въ канифасномъ камзольчикѣ, но съ Анной на шеѣ“.

Остается еще упомянуть, что весьма близкими къ достовѣрнымъ по типу, впрочемъ, очень неискусными по рисунку, являются миніатюры съ подписью: „C. Bechon, pinx. a Varso. 1795“. Съ одинаковымъ лицомъ, они различаются различными поворотами фигуры и положеніемъ рукъ. Ихъ извѣстно нѣсколько: въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича, у В. Н. Поливанова, въ Симбирскѣ, и у С. В. Козлова, при чемъ на послѣдней миніатюрѣ къ подписи прибавлено „d'après la Nat.“. О происхожденіи ихъ ничего неизвѣстно; несомнѣнно, однако, что гравюра Шредера (Schrœder) воспроизведена съ одного изъ такихъ именно оригиналовъ, при томъ съ лучшаго, чѣмъ всѣ намъ извѣстные; этотъ гравированный портретъ подаренъ былъ самимъ Суворовымъ въ 1795/6 г. барону Гримму.

Суворовъ ждетъ еще талантливаго біографа и всесторонняго истолкователя, что же касается памяти о немъ и его извѣстности, то правъ Державинъ, сказавшій:

„И славы громъ, Прокатится, пройдетъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ, Промчится, прозвучитъ,
Изъ дали въ даль, съ холма на холмъ, И въ вѣчность возвѣститъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ, Кто былъ Суворовъ!“...

(Съ миніатюры, рисованной графомъ К. де-Местромъ; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SOUVOROFF, 1729—1800, d'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, exécutée par le comte Xavier de Maistre et jadis propriété de la famille Békétoff ou Bibikoff. Ce portrait est curieux tant par son type que pour son histoire. Les collectionneurs ont connu une petite gravure au pointillé d'Ossipoff, insérée par Glinka en 1811 dans le Messager Russe, puis en 1814 dans les Anecdotes Russes, avec deux légendes différentes; l'une: „Le feu ne l'a pas brûlé, l'eau ne l'a pas noyé. Parole d'Artème Boulatoff"; l'autre: „Coup d'œil, promptitude! Dieu nous protège! Victoire, hurrah! A l'héritier de la gloire de Souvoroff, le comte Michel Andréewitch Miloradowitch, dédié par l'éditeur du Messager Russe S. Glinka". L'original était inconnu à Rovinsky, qui jugeait d'ailleurs la gravure, non sans raison, „mauvaise"; il n'était pas connu davantage de Strémooukhoff, qui la classa dans les „inconnus et manqués", tout en en donnant une reproduction (p. 177), ni de S. Kozloff, qui trouvait cependant „ce portrait ressemblant et publié comme tel par Glinka". Nous nous rangeons à l'avis de Kozloff: on ne pouvait guère dédier à Miloradowitch un portrait non ressemblant, et d'ailleurs celui-là est voisin des trois que nous considérons comme les plus authentiques et rappelle surtout le Kreutzinger de la même époque. L'original de la gravure d'Ossipoff, en grandeur naturelle, est aujourd'hui connu; il y a lieu de croire que le graveur le tenait ou de Platon Békétoff lui-même, ou d'un parent de Békétoff, un Kouchnikoff ou un Bibikoff. Cette miniature rare, qui passa ensuite aux comtes Cassini, est de 1799, à juger par la croix de Malte, et représente Souvoroff avec le visage vieilli et ridé, les lèvres plissées en un sourire bon enfant et un peu sarcastique, sans perruque, les cheveux noués pour mettre la perruque, en blouse blanche avec Ste-Anne, la décoration favorite de Paul Ier, et la croix de Malte que l'Empereur lui avait conférée à la veille même de la campagne d'Italie. Il y a encore d'autres portraits de Souvoroff en blouse, celui que S. Kozloff hérita du côté de sa femme et celui de la Collection Chtchoukine, à Moscou. Le grand capitaine aimait la tunique blanche ou la blouse blanche à col rabattu. Il mettait en se levant „des genouillères et une tunique de basin blanc à manches" qu'il portait „par le chaud et le froid". A la Trébie et à Novi, „il avait une simple blouse blanche à col rabattu et du linge blanc" avec ses décorations à sa blouse, ce qui n'était alors nullement irrégulier et avait, au contraire, une importance particulière; Nicoleff, chargé de le surveiller à Kontchanskoïé, rapporte: „Souvoroff était en veste de basin, mais avec Ste-Anne en cravate".

Il convient encore de mentionner comme se rapprochant bien du type authentique les miniatures d'exécution très maladroite, signées: „C. Bechon, pinx. a Varso. 1795". Le visage est presque le même, mais avec des attitudes différentes du corps et des bras. On en connaît plusieurs, celle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, celle de V. Polivanoff à Simbirsk, et celle de feu Kozloff, qui porte, outre la signature ci-dessus, la mention „d'après la Nat.". On ne sait rien de leur provenance; il est toutefois hors de doute que la gravure de Schrœder donnée par Souvoroff lui-même en 1795/6 au baron Grimm est bien la reproduction de l'une d'elles, et d'une meilleure que celles qui sont connues.

Souvoroff attend encore un biographe de talent et une étude complète. Quant à sa mémoire et à sa célébrité, Derjavine dit à juste titre:

„Et le bruit de sa gloire,
„Tel le fracas des flots, tel l'écho des tempêtes,
„De proche en proche, à travers champs,
„Par monts, par vaux, et d'âge en âge,
„Roulera, passera,
„Bondira, sonnera,
„Et pour jamais proclamera
„Ce que fut Souvoroff!"...

(D'après une miniature du comte Xavier de Maistre, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

185

Свѣтлѣйшая княгиня **ВАРВАРА ИВАНОВНА ИТАЛІЙСКАЯ**, графиня **СУВОРОВА-РЫМНИКСКАЯ**, 1750—1806, послѣ далеко не счастливаго брака, разойдясь въ 1784 г. навсегда съ мужемъ (см. № 182), поселилась въ Москвѣ, сперва у отца своего, отставного генералъ-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, а послѣ смерти его, въ 1786 г., переѣхала къ брату, генералъ-майору князю Ивану Ивановичу Прозоровскому. Въ Москвѣ провела Варвара Ивановна остатокъ своей жизни, одинокая и забытая, вдали отъ свѣта и отъ Двора, съ трудомъ проживая на назначенную ей мужемъ скудную пенсію, сначала въ 1200 руб., позднѣе увеличенную до 3000 рублей. И въ это самое время носимое ею имя гремѣло по всей Европѣ и покрывалось неувядаемою славой: битва при Рымникѣ сдѣлала ее графиней, взятіе Мантуи — княгиней Италійской. Въ 1796 г. Варвара Ивановна принуждена была разстаться и съ воспитывавшимся у нея сыномъ Аркадіемъ, назначеннымъ камеръ-юнкеромъ къ Великому Князю Константину Павловичу. Дочь же ея, Наталія, тѣмъ временемъ вышедшая замужъ за графа Н. А. Зубова, уже давно прервала, подъ вліяніемъ отца, всякія сношенія съ матерью. Униженная и оскорбленная, Варвара Ивановна тщетно пыталась нѣсколько разъ умилостивить мужа. „Прикажите дочери нашей меня, несчастную мать, знать, какъ Богомъ узаконено“, писала она ему въ село Кончанское, во время его опалы, жалуясь на свою судьбу, принуждавшую ее „при дряхлости и старости скитаться по чужимъ угламъ, не имѣя дома, экипажа, услуги“... Суворовъ оставался глухъ къ ея письмамъ, и только благодаря вмѣшательству Императора Павла, положеніе графини нѣсколько улучшилось: по его приказанію, фельдмаршалъ передалъ ей свой наслѣдственный Московскій домъ, на Большой Никитской (нынѣ Гагмана), и увеличилъ выдаваемое ей ежегодно содержаніе до 8000 рублей.

Овдовѣвшая, 6 Мая 1800 г., княгиня Суворова привѣтствовала особымъ поздравленіемъ вступленіе на престолъ Александра Павловича, который, выражая ей „признательность“, писалъ, что „служба и подвиги супруга вашего, на пользу отечества подъятые, даютъ вамъ полное право на особенное вниманіе, симъ считаю себя обязаннымъ памяти его никогда незабвенной“. И такъ этой памяти, несчастная въ супружествѣ княгиня Суворова была обязана тѣмъ, что на коронацію Императора Александра I, 15 Сентября 1801 г., она была пожалована въ статсъ-дамы и получила орденъ св. Екатерины 1-го класса. Но ей недолго пришлось пользоваться почетомъ и вниманіемъ, которыхъ она была лишена при жизни мужа; она скончалась 8 Мая 1806 г. и похоронена въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, близъ Москвы.

На прилагаемой миніатюрѣ княгиня В. И. Суворова изображена въ старости, въ послѣдніе годы жизни, будучи уже статсъ-дамой.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. Е. Леонтьевой, въ Москвѣ.)

185

La princesse sérénissime VARVARA IVANOWNA ITALIYSKY, comtesse SOUVOROFF-RYMNIKSKY, 1750—1806, après un mariage qui fut loin d'être heureux, se sépara définitivement de son mari en 1784 (v. N° 182), pour se fixer à Moscou, d'abord chez son père, le prince Ivan Andréewitch Prozorowsky, général en chef retraité, puis à sa mort, en 1786, chez son frère, le prince Ivan Ivanowitch Prozorowsky, général major. Elle y passa le reste de ses jours dans l'isolement et l'oubli, loin du monde et de la Cour, subsistant avec peine de la maigre pension de 1200 roubles servie d'abord par son mari, puis élevée à 3000 roubles. Et cependant le nom qu'elle portait retentissait alors par toute l'Europe, couvert d'une gloire immarcessible: la bataille du Rymnik la fit comtesse, la prise de Mantoue princesse Italiysky. En 1796, elle dut se séparer aussi de son fils Arcade, élevé chez elle, nommé gentilhomme de la chambre du Grand-Duc Constantin. Sa fille Natalie, alors mariée au comte N. Zouboff, avait depuis longtemps, sous l'influence de son père, rompu toutes relations avec elle. Humiliée et outragée, elle tenta à plusieurs reprises, mais sans succès, d'attendrir son mari. „Dites à notre fille de connaître sa malheureuse mère comme il est prescrit par Dieu", lui écrivait-elle à Kontchanskoïé où il était en disgrâce, et elle se plaignait d'en être réduite, „dans son état de vieillesse et de décrépitude, à se traîner d'un coin à l'autre, sans avoir à elle ni maison, ni voiture, ni domestiques"... Souvoroff resta sourd à ses prières, et la situation de la comtesse ne fut améliorée que grâce à l'Empereur Paul, qui obligea le feld-maréchal à donner à sa femme sa maison patrimoniale de Moscou (sur la Grande Nikitskaïa, aujourd'hui maison Hagmann), et à porter sa pension annuelle à 8000 roubles.

Devenue veuve le 6 mai 1800, la princesse Souvoroff accueillit par des félicitations particulières l'avènement d'Alexandre Ier, qui lui en exprima „sa gratitude" en lui écrivant: „Le service et les exploits que votre époux a accomplis pour la patrie vous donnent plein droit à des égards particuliers: je me reconnais ici redevable à sa mémoire à jamais inoubliable". C'est donc à la mémoire de son mari qu'après sa triste vie conjugale, elle dut, le 15 septembre 1801, jour du couronnement, le chiffre de dame d'honneur et l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe. Mais elle ne devait pas jouir longtemps des honneurs et de la considération dont elle avait été privée avant son veuvage: elle mourut le 8 mai 1806, et fut inhumée au monastère Novo-Iérusalimsky, à Voskressensk, près Moscou.

La miniature ci-jointe représente la princesse Souvoroff dans ses dernières années, déjà dame d'honneur.

(D'après une miniature appartenant à Mme M. Léontieff, Moscou.)

Графъ **ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ** фонъ-деръ-**ПАЛЕНЪ**, 1745—1826, сынъ барона Арендта-Дитриха отъ брака съ Елизаветой фонъ-Дерфельденъ, родился 17 Іюля 1745 г., началъ службу рейтаромъ въ Конной гвардіи въ 1760 г. и сейчасъ же принялъ участіе въ походѣ въ Пруссію. Въ 1769 г. онъ, уже въ чинѣ ротмистра, участвовалъ въ 1-й Турецкой войнѣ, былъ раненъ при Бендерахъ и получилъ Георгія 4-й ст.; въ 70-хъ и 80-хъ годахъ Паленъ былъ въ польскихъ походахъ, въ 1778 г. назначенъ командиромъ Ямбургскаго карабинернаго полка и произведенъ въ полковники, въ 1785 г. — въ бригадиры, въ 1787 г. — въ генералъ-майоры. Во время 2-й Турецкой войны онъ отличился при штурмѣ Очакова и получилъ Георгія 3-й ст.; въ 1792 г. Паленъ былъ назначенъ правителемъ рижскаго намѣстничества, и ему пришлось вести переговоры о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. Въ 1795 г. онъ былъ назначенъ Курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, произведенъ въ генералъ-поручики и награжденъ Александровской лентой и имѣніемъ въ Курляндіи (Эккау). По воцареніи Павла I, Паленъ былъ въ числѣ первыхъ подвергшихся гнѣву Императора. Уволенный въ Январѣ 1797 г. отъ должности губернатора, 26 Февраля онъ былъ выключенъ изъ службы „за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ-то при проѣздѣ кн. Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву, для провожанія его же“. Скоро, однако, Паленъ былъ вновь принятъ на службу. Павелъ I, оцѣнившій его исполнительность, назначилъ его командиромъ л.-гв. Коннаго полка и инспекторомъ по кавалеріи. Паленъ, съ помощью Кутайсова, быстро сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе Государя и въ то же время снискалъ уваженіе Императрицы и Нелидовой. Въ 1798 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, получилъ Андреевскую ленту и назначенъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а 22 Февраля 1799 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ Августѣ 1800 г. Паленъ былъ уволенъ отъ должности губернатора, такъ какъ Павелъ I, въ виду предполагаемой войны съ Англіей, предназначилъ ему командованіе одной изъ армій. На пробныхъ маневрахъ Государь остался имъ такъ доволенъ, что возложилъ на него большой крестъ Мальтійскаго ордена. 21 Октября Паленъ опять назначенъ Петербургскимъ губернаторомъ, и тутъ онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ по значенію лицъ, но не могъ считать своего положенія вѣрнымъ при постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Государемъ, при измѣнчивомъ его настроеніи. Поэтому Панину легко удалось привлечь Палена къ участію въ заговорѣ. Превосходя другихъ заговорщиковъ умомъ и энергіей, Паленъ захватилъ въ свои руки все дѣло. По свойствамъ своего характера онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы довести дѣло до конца: „непоколебимое хладнокровіе и ужасающую настойчивость“. Жестокосердый, готовый на всѣ средства для достиженія цѣли, Паленъ умѣлъ выказать такое прямодушіе и благородство, что нельзя было и подозрѣвать его коварные замыслы. Впослѣдствіи онъ самъ съ цинической откровенностью объ этомъ разсказывалъ. Паленъ сталъ сознательно вызывать гнѣвъ и необдуманныя распоряженія Павла I, чтобы увеличить число недовольныхъ. Устроивъ опалу Ростопчина, Паленъ самъ занялъ его должности въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и постъ директора почтъ, и такимъ образомъ еще болѣе усилилъ свое значеніе. Чтобы привлечь на свою сторону Наслѣдника, онъ старался вооружить его противъ отца и сѣялъ вражду въ царской семьѣ. Замѣтивъ, что Павлу I извѣстно о заговорѣ, Паленъ сумѣлъ убѣдить Государя, что онъ самъ стоитъ во главѣ заговора, чтобы наблюдать за дѣйствіями заговорщиковъ, добился письменнаго повелѣнія арестовать Наслѣдника и это повелѣніе показалъ Александру Павловичу, чтобы побороть его колебанія. Не будучи, однако, увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, онъ устроился такъ, что въ случаѣ неудачи могъ поспѣшить на помощь Павлу I и арестовать заговорщиковъ. Паленъ надѣялся, что и при Александрѣ I будетъ играть первенствующую роль, но въ лицѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, презиравшей его за вѣроломное предательство, пріобрѣлъ непримиримаго врага; 1 Апрѣля 1801 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, съ приказаніемъ немедленно выѣхать въ Курляндское имѣніе; онъ скончался въ Митавѣ 13 Февраля 1826 г.; умеръ, какъ и жилъ, безъ раскаянія, убѣжденный, что совершилъ „величайшій подвигъ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу К. И. Палену, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE ALEXEEWITCH von der PAHLEN, 1745—1826, fils du baron Arendt-Dietrich von der Pahlen et d'Elisabeth, née von Derfelden, naquit le 17 juillet 1745. Entré au service à la Garde à cheval en 1760, il fit tout de suite la campagne de Prusse. En 1769, déjà capitaine de cavalerie, il alla à la 1re guerre de Turquie, fut blessé à Bender et décoré de St-Georges de 4e classe. Dans les années 70 et 80, il fit les campagnes de Pologne, en 1778 fut nommé commandant du régiment des carabiniers de Yambourg et promu colonel, en 1785 brigadier, en 1787 général major. A la 2e guerre de Turquie, il se signala à l'assaut d'Otchakoff et reçut St-Georges de 3e classe. Mis en 1792 à la tête de la lieutenance de Riga, il eut à débattre l'annexion de la Courlande à la Russie. En 1795, il fut fait général gouverneur de Courlande, promu général lieutenant et gratifié du cordon de St-Alexandre et du domaine d'Ekkau, en Courlande. A l'avènement de Paul Ier, il fut un des premiers à encourir son courroux. Relevé en janvier 1797 de ses fonctions de gouverneur, il fut destitué le 26 février „pour les honneurs et l'accueil témoignés à des particuliers, lors du passage, par exemple, du prince Zouboff, et pour son absence irrégulière quand il l'avait accompagné à Mittau". Bientôt, cependant, il fut repris au service. Paul Ier, appréciant ses qualités, le nomma commandant du régiment de cavalerie de la Garde et inspecteur de la cavalerie. Grâce à l'appui de Koutaïssoff, il sut à la fois gagner la confiance de l'Empereur et se faire bien voir de l'Impératrice et de Mlle Nélidoff. En 1798, il fut promu général de cavalerie, décoré de St-André et nommé gouverneur militaire de St-Pétersbourg, et, le 22 février 1799, élevé à la dignité de comte. En août 1800, il fut relevé de ses fonctions de gouverneur, pour être affecté, en raison de la guerre projetée avec l'Angleterre, au commandement d'une armée. Aux manœuvres d'essai, l'Empereur fut si content de lui, qu'il le fit grand croix de l'ordre de Malte. Réintégré le 21 octobre gouverneur de Pétersbourg, il devint un personnage de première importance, sans pouvoir d'ailleurs compter sur sa position en raison de l'humeur mobile de l'Empereur, avec lequel il était en rapports constants et immédiats. Aussi Panine n'eut-il pas de peine à le faire adhérer à la conspiration. Supérieur aux autres conjurés comme tête et comme énergie, il eut bientôt pris toute l'affaire en main. Il avait en lui tout le nécessaire pour la mener à bonne fin: „un inébranlable sang-froid et une effrayante persévérance". Impitoyable et prêt à tout pour réussir, il sut déguiser ses intentions perfides sous des apparences de loyauté et de noblesse qui ne laissaient prise à aucun soupçon: lui-même en convenait cyniquement dans la suite. Il entreprit systématiquement de provoquer l'irritation de Paul et de lui faire prendre des mesures inconsidérées, pour accroître le nombre des mécontents. Auteur de la disgrâce de Rostoptchine, il prit sa place au Collège des Affaires étrangères et comme directeur des Postes, et acquit ainsi une importance encore plus grande. Pour mettre l'Héritier de son côté, il tenta de l'armer contre son père et de semer la discorde dans la Famille Impériale: s'étant aperçu que Paul Ier avait connaissance du complot, il sut lui persuader que le chef et surveillant principal en était le Césarewitch, contre lequel il se fit ainsi délivrer un mandat d'arrêt, qu'il remit à l'intéressé pour venir à bout de ses scrupules. Faute de confiance absolue dans le succès, il s'arrangea également pour pouvoir, en cas d'échec, accourir au secours de la victime, et arrêter les conjurés. Pahlen comptait avoir encore sous Alexandre un rôle marquant, mais il s'était fait dans la personne de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui le méprisait pour sa trahison perfide, un irréconciliable ennemi. Le 1er avril 1801, il fut destitué, avec ordre de s'éloigner immédiatement dans ses propriétés de Courlande. Il mourut à Mittau le 13 février 1826. Il mourut comme il avait vécu, sans remords et dans la conviction qu'il avait accompli „un exploit considérable".

(D'après une miniature appartenant au comte C. Pahlen, St-Pétersbourg.)

Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ,
1745 — 1826

Le Comte Pierre Alexéewitch Pahlen,
1745 — 1826

Графиня Юліана Ивановна Паленъ,
1751 — 1814

La Comtesse Julienne Ivanowna Pahlen,
1751 — 1814

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

187

Графиня **ЮЛІАНА ИВАНОВНА** фонъ-деръ-**ПАЛЕНЪ**, 1751—1814, статсъ-дама, дочь барона Эрнеста-Іоанна Шеппинга (р. 1711 г., † 1777 г.) отъ брака съ баронессой Юліаной-Агатой Гейкингъ, супруга генерала-отъ-кавалеріи, графа (прежде барона) Петра Алексѣевича Палена, „злого генія“ Павла I, родилась въ 1751 году (по другимъ свидѣтельствамъ въ 1753 г.). Въ 1799 г. она была назначена гофмейстериной двора Великаго Князя Александра Павловича и въ томъ же году сопровождала въ Вѣну Великую Княгиню Александру Павловну, вышедшую замужъ за эрцгерцога Іосифа.

Холодная, строгая, непривѣтливая, графиня Паленъ, по свидѣтельству графини В. Н. Головиной, внушала первоначально недовѣріе молодымъ Великому Князю и Великой Княгинѣ, дворомъ которыхъ она управляла; они предполагали, что ей поручено наблюдать за ними и отдавать отчетъ во всемъ, происходившемъ у нихъ, но вскорѣ Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна вполнѣ оцѣнила характеръ графини Паленъ, внушавшій къ себѣ уваженіе, и въ отвѣтъ на ея привязанность отвѣтила такими же чувствами. Сама нѣжная мать, графиня въ особенности была полезна, когда Елисавета Алексѣевна лишилась дочери Маріи (р. 18 Мая 1799 г.), умершей 27 Іюня 1800 года.

Въ Апрѣлѣ 1801 г. графъ Паленъ, уволенный отъ службы, долженъ былъ удалиться изъ Петербурга въ свое Курляндское имѣніе, гдѣ послѣ оставался до своей смерти (13 Февраля 1826 г.), надолго пережившъ свою супругу.

Графиня Ю. И. Паленъ скончалась 1 Марта 1814 г., оставивъ 5 сыновей и 2 дочерей: 1) Павла (1775—1834), 2) Петра, 3) Ѳедора (1780—1863), 4) Ивана, 5) Николая, 6) Наталью (за графомъ Дунтенъ), 7) Юлію (за графомъ Тизенгаузенъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей графу К. И. Паленъ, въ С.-Петербургѣ.)

187

La comtesse JULIENNE IVANOWNA von der PAHLEN, 1751—1814, dame d'honneur, fille du baron Ernest-Jean Schœpping (1711—1777) et de Julienne-Agathe, née baronne Heiking, femme du comte, ci-devant baron, Pierre Alexéewitch Pahlen, général de cavalerie, „mauvais génie" de Paul Ier, naquit en 1751 (selon d'autres en 1753). Maîtresse de la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch en 1799, elle accompagna la même année à Vienne la Grande-Duchesse Alexandrine Pavlowna, épouse de l'archiduc Joseph.

Froide, sévère, mal avenante, la comtesse Pahlen, au témoignage de la comtesse Golovine, inspira d'abord la défiance au Grand-Duc et à la Grande-Duchesse dont elle dirigeait la Cour: ils la croyaient chargée de les surveiller et de rendre compte de tout ce qui se passait chez eux; mais bientôt la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna apprécia à sa valeur ce caractère digne de toute estime et paya son attachement de retour. Tendre mère elle-même, la comtesse fut surtout précieuse lorsque la Grande-Duchesse perdit sa fille Marie (18 mai 1799—27 juin 1800).

En avril 1801, le comte Pahlen, destitué, dut quitter Pétersbourg pour se fixer dans ses propriétés de Courlande, où il resta jusqu'à sa mort, survenue le 13 février 1826, longtemps après celle de son épouse.

La comtesse Pahlen mourut le 1er mars 1814, laissant cinq fils, Paul (1775—1834), Pierre, Théodore (1780—1863), Ivan et Nicolas, et deux filles, Natalie, mariée au comte Dunten, et Julie, mariée au comte Tisenhausen.

(D'après un original appartenant au comte C. Pahlen, St-Pétersbourg.)

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ, 1814—1841, потомокъ древняго шотландскаго рода, обрусѣвшаго со времени перехода, въ 1613 г., въ русскую службу Георгія Лермонта, родился въ Москвѣ 3 Октября 1814 г.; сынъ отставного капитана Юрія Петровича Лермонтова отъ брака его съ Маріей Михайловной Арсеньевой, учился въ Московскомъ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ (съ 1828 г.), въ самомъ университетѣ (съ 1830 г.) и въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (съ 1832 г.); въ Ноябрѣ 1834 г. выпущенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка; 27 Февраля 1837 г. за стихотвореніе „На смерть Пушкина“ („Погибъ поэтъ, невольникъ чести“...) былъ сосланъ на Кавказъ, съ опредѣленіемъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; 11 Октября снова переведенъ былъ въ гвардію (въ Гродненскій гусарскій полкъ), а 9 Апрѣля 1838 г. возвращенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Дуэль съ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника (18 Февраля 1841 г.), послужила поводомъ къ переводу Лермонтова въ Тенгинскій пѣхотный полкъ (13 Апрѣля), на Кавказъ, гдѣ поэтъ сражался противъ горцевъ, а 15 Іюля 1841 г. погибъ на дуэли съ Н. С. Мартыновымъ, близъ Пятигорска. 21 Апрѣля 1842 г. прахъ Лермонтова перевезенъ въ имѣніе его бабки, Е. А. Арсеньевой, въ село Тарханы (Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи), гдѣ провелъ онъ годы своего дѣтства, и тамъ погребенъ, рядомъ съ могилой матери, умершей 21 Февраля 1817 года.

До настоящаго времени извѣстно 14 портретовъ Лермонтова, которые можно считать оригинальными; изъ нихъ 1-й по времени, принадлежащій нынѣ Н. А. Шереметевой, изображаетъ поэта ребенкомъ лѣтъ 8-9; затѣмъ слѣдуютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, портреты, исполненные: 2) въ 1831/1832 г. (студентомъ Московскаго университета); 3) въ 1836/1837 г. (въ гусарскомъ мундирѣ, съ шпелью на плечѣ и съ трехугольною шляпой въ рукѣ, писанный масляными красками художникомъ Захаровымъ для А. А. Столыпина; нынѣ у Н. А. Шереметевой; съ него есть гравюра Брокгауза 1865 г.); 4) въ 1837 г., написанный въ Петербургѣ академикомъ живописи П. Е. Заболотскимъ († 1866 г.), дававшимъ Лермонтову уроки рисованія (въ гусарской парадной формѣ; нынѣ у Н. А. Шереметевой; копія съ него, работы В. Г. Перова,—въ Третьяковской галлереѣ); 5) въ 1837 г.—автопортретъ, акварелью, сдѣланный на Кавказѣ (въ буркѣ); 6) въ 1839 г.—карандашный рисунокъ П. Е. Заболотскаго, почти въ профиль, въ сюртукѣ (неизданный, по сомнительный); 7) въ 1839 г. художникъ Клиндеръ исполнилъ два портрета Лермонтова акварелью, въ формѣ л.-гв. Гусарскаго полка: одинъ—для князя Вл. А. Меншикова (съ него есть гравюра Брокгауза при изданіи сочиненій поэта, 1863 г.); другой (8-й)—для В. Д. Бакаева (воспроизведенъ, въ краскахъ, при т. XIV „Русской Старины“, 1875 г.; оригиналъ—въ Лермонтовскомъ музеѣ); 9) въ 1840 г., на Кавказѣ, баронъ Д. П. Паленъ сдѣлалъ карандашный портретъ поэта въ профиль, въ фуражкѣ (съ него гравюра на деревѣ Матюшина при „Русской Старинѣ“ 1884 г.); 10) въ 1841 г. художникъ К. А. Горбуновъ, въ бытность Лермонтова въ Петербургѣ, сдѣлалъ съ него, по заказу А. А. Краевскаго, эскизъ акварелью (въ армейскомъ сюртукѣ, безъ эполетъ, съ шашкой; оригиналъ въ Лермонтовскомъ музеѣ; съ него гравюра Іордана, 1859 г.), а затѣмъ 11), повидимому, уже послѣ смерти поэта, написалъ его портретъ масляными красками, въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ (съ этого портрета въ 1883 г. самъ Горбуновъ сдѣлалъ для Лермонтовскаго музея, по заказу Гусарскаго полка, копію масляными красками; съ него сдѣлана гравюра Брокгауза); 12) въ томъ же 1841 г., на Кавказѣ, А. П. Шанъ-Гирей, по просьбѣ самого Лермонтова, написалъ его поколѣнный портретъ масляными красками, въ разстегнутомъ гусарскомъ мундирѣ (нынѣ въ Лермонтовскомъ музеѣ); 13) на другой день смерти поэта художникъ Р. Шведе написалъ портретъ его масляными красками—на смертномъ одрѣ (въ Лермонтовскомъ музеѣ); наконецъ, 14) портретъ, акварельный, неизвѣстнаго художника, находящійся въ имѣніи Нарышкина, въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губерніи: на немъ Лермонтовъ изображенъ въ разстегнутомъ армейскомъ сюртукѣ, съ эполетами поручика (воспроизведенъ при собраніи сочиненій, изд. Товарищества „Просвѣщеніе“). Должно, однако, замѣтить, что всѣ портреты Лермонтова (равно какъ и здѣсь прилагаемый) мало похожи одинъ на другой и передаютъ лишь общій характеръ чертъ лица поэта; объясняется это или подвижностью его физіономіи, или тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть ихъ исполнена любителями или мастерами не первой величины. Самый сходный, по отзыву современниковъ, принадлежитъ кисти Клиндера,—тотъ, что былъ у В. Д. Бакаева.

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

MICHEL YOURIEWITCH LERMONTOFF, 1814—1841, descendant d'une vieille famille écossaise russifiée depuis l'entrée au service russe, en 1613, de George Lermont, naquit à Moscou le 3 octobre 1814. Fils du capitaine retraité Youri Pétrowitch Lermontoff et de Marie Mikhaïlowna, née Arsénieff, il entra en 1828 à la pension de l'université de Moscou, en 1830 à l'université même, et en 1832 à l'Ecole des sous-officiers de la Garde et des élèves-officiers de cavalerie, d'où il sortit en novembre 1834 cornette aux hussards de la Garde. Le 27 février 1837, sa poésie Sur la mort de Pouchkine le fit reléguer au Caucase et affecter au régiment de dragons de Nijni-Novgorod: réintégré dans la Garde, aux hussards de Grodno, le 11 octobre suivant, il rentra aux hussards de la Garde le 9 avril 1838. Son duel avec Barante, le fils de l'ambassadeur de France (le 18 février 1841), le fit transférer au régiment d'infanterie de Tenguine (13 avril), au Caucase, où il lutta contre les montagnards, et, le 15 juillet 1841, il fut tué en duel par N. Martynoff près de Piatigorsk. Sa dépouille fut ramenée le 21 avril suivant dans la propriété de sa grand'mère, Mme Arsénieff, à Tarkhany, district de Tchembar, gouvernement de Penza, où il avait passé son enfance, et où il repose près de sa mère, morte le 21 février 1817.

Il y a de connus jusqu'à présent 14 portraits de Lermontoff qui peuvent être considérés comme originaux: le premier en date, qui appartient aujourd'hui à Mme N. Chérémeteff, représente le poète à 8 ou 9 ans; viennent ensuite par ordre de date: 2) 1831/1832, alors qu'il était étudiant de l'université de Moscou; 3) 1836/1837, en tenue de hussard, le manteau sur l'épaule, le tricorne à la main, portrait à l'huile exécuté par l'artiste Zakharoff pour A. Stolypine, appartenant aujourd'hui à Mme N. Chérémeteff; il en existe une gravure de Brockhaus, 1865; 4) 1837, en grande tenue de hussard, portrait fait à Pétersbourg par P. Zabolotzky († 1866), de l'Académie des Beaux-Arts, maître de dessin de Lermontoff; appartient aujourd'hui à Mme N. Chérémeteff; il en existe une copie par Péroff à la Galerie Trétiakoff; 5) 1837, en pélerine, autoportrait à l'aquarelle fait au Caucase; 6) 1839, crayon de P. Zabolotzky, presque de profil, en tunique (non publié, douteux); 7) en 1839, l'artiste Klinder fit deux aquarelles en tenue de hussard de la Garde: l'une pour le prince V. Menchikoff, reproduite en gravure par Brockhaus pour l'édition 1863 des œuvres du poète, l'autre, 8) pour V. Bakaeff, reproduite en couleurs dans le Tome XIV de Rousskaïa Starina en 1875, et dont l'original est au Musée Lermontoff; 9) 1840, en casquette, profil au crayon par le baron D. Pahlen, au Caucase; gravure sur bois de Matiouchine dans Rousskaïa Starina, 1884; 10) 1841, esquisse à l'aquarelle faite sur commande de A. Kraewsky par l'artiste K. Gorbounoff pendant le séjour de Lermontoff à Pétersbourg, en tunique de l'Armée, sans épaulettes, avec sabre; original au Musée Lermontoff; gravure de Jordan, 1859; 11) du même Gorbounoff, sans doute après la mort du poète, portrait à l'huile en tenue de hussard de la Garde, dont l'artiste fit lui-même en 1883 une copie à l'huile pour le Musée Lermontoff, sur commande du régiment; il en existe aussi une gravure de Brockhaus; 12) la même année 1841, au Caucase, A. Khan-Guirey, sur la demande de Lermontoff lui-même, le fit à mi-jambes, à l'huile, en tenue de hussard, la tunique déboutonnée; actuellement au Musée Lermontoff; 13) le poète sur son lit de mort, le lendemain de sa mort, par l'artiste R. Schwede; Musée Lermontoff; enfin, 14) aquarelle d'auteur inconnu, conservée dans la propriété Narychkine, district de Kline, gouvernement de Moscou; Lermontoff y est représenté en officier de l'armée, tunique déboutonnée avec épaulettes de lieutenant; reproduite dans l'édition des œuvres du poète publiée par la Société Prosvéchtchénié. Il convient toutefois de remarquer que tous ces portraits, ainsi que celui ci-joint, sont peu ressemblants entre eux, et rendent seulement les traits généraux du visage; cela tient, ou à la mobilité de la physionomie, ou à ce que la plupart sont d'amateurs ou de maîtres de second ordre. Le plus ressemblant, au témoignage des contemporains, serait celui de Klinder, qui a appartenu à V. Bakaeff.

(D'après une aquarelle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

188

189

190

188

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ,
1814 — 1841

Michel Youriewitch Lermontoff,
1814 — 1841

189

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій,
1802 — 1839

Le Prince Alexandre Ivanowitch Odoewsky,
1802 — 1839

190

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ,
1784 — 1833

Nicolas Ivanowitch Gnéditch,
1784 — 1833

Князь **АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ**, 1802—1839, сынъ ген.-майора князя Ивана Сергѣевича Одоевскаго (р. 1769 г., † 1839 г.) и его первой жены Прасковьи Александровны (р. 1770 г., † 1820 г.), рожденной княжны Одоевской. Достаточныя средства позволили Одоевскимъ дать своему сыну прекрасное образованіе дома, подъ руководствомъ недурныхъ учителей, а любовь и ласка, которыя окружали его въ патріархальной и религіозной семьѣ, оказались настолько сильными, что сердце поэта навсегда осталось „обильнымъ источникомъ чистѣйшей любви", что никакія житейскія невзгоды и потери не могли притупить у такого религіознаго идеалиста, какимъ былъ А. И. Одоевскій, чувства любви къ жизни и людямъ... Потерявъ мать, этого „второго своего Бога", Одоевскій, спустя годъ (1 Октября 1821 г.), поступилъ юнкеромъ въ Конную гвардію, гдѣ въ 1823 г. былъ произведенъ въ корнеты. (До поступленія въ полкъ онъ состоялъ съ 1815 г. на службѣ въ Кабинетѣ, откуда въ 1820 г. вышелъ въ отставку.) Любовь къ литературѣ привела его къ дружбѣ съ молодыми представителями послѣдней (особенно съ Грибоѣдовымъ), а дружба съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ, напр., съ Бестужевымъ и Рылѣевымъ, завела въ тайное общество, а оттуда—14 Декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, въ ряды бунтовщиковъ. Зачисленный въ четвертый разрядъ, онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а по окончаніи ихъ—на вѣчное поселеніе въ Сибири. Онъ отбывалъ каторгу въ Читѣ, затѣмъ въ Петровскомъ острогѣ, откуда въ 1832 г. былъ переведенъ на поселенье въ Иркутскую губернію, а черезъ два года—въ Тобольскую. Онъ жилъ въ Ишимѣ до 1837 г., когда былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ. Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, служа въ которомъ подружился съ Лермонтовымъ; на Кавказѣ онъ сошелся съ Н. М. Сатинымъ и Н. П. Огаревымъ, и тѣ полюбили „христоподобнаго", по выраженію Огарева, Одоевскаго, какъ любили его всѣ товарищи по несчастію въ Сибири, всѣ, на кого когда-либо падалъ „блескъ его лазурныхъ глазъ". Умѣвшій въ „нѣмой" Сибири находить наслажденіе въ мирныхъ научныхъ бесѣдахъ, Одоевскій на неспокойномъ Кавказѣ умѣлъ увлекаться военными подвигами: между прочимъ, онъ участвовалъ въ экспедиціи Н. П. Раевскаго (за что былъ произведенъ въ офицеры) и не разъ подвергалъ себя опасности. Впрочемъ, въ это время онъ находился подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ отъ смерти нѣжно любимаго отца: у поэта „порвалась послѣдняя связь съ жизнью", и онъ, просясь „въ дѣло", казалось, самъ искалъ случая развязаться съ земнымъ существованіемъ. Однако, его сразила не пуля, а жестокая мѣстная лихорадка: 10 Октября 1839 г. въ Псезуапе онъ „отдалъ Богу послѣдній вздохъ безпредѣльной любви". Горцы не пощадили его могилы, какъ только въ ихъ руки попалъ клочокъ морского берега, пріютившій останки поэта: отъ могилы Одоевскаго не осталось и слѣда. Такъ безъ слѣда исчезла бы и поэзія Одоевскаго, не печатавшаго своихъ стихотвореній, если бы друзья не сохранили для потомства его „Пѣсенъ изъ гроба", своевременно подбирая ихъ, запоминая и занося на бумагу. Высокія достоинства лирики Одоевскаго давно оцѣнены критикой; историки литературы отводятъ поэзіи Одоевскаго мѣсто „въ ряду тѣхъ непринужденно-искреннихъ, пережитыхъ и прочувствованныхъ, сильныхъ своей простотой и почти совсѣмъ неэффектныхъ лирическихъ стихотвореній, которыя подписывались въ тѣ годы Пушкинымъ и его друзьями". Въ пѣсняхъ Одоевскаго, въ которыхъ поэтъ „славилъ міръ, его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ, Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли", выразилось „уже отходившее въ прошлое религіозно-сентиментальное, въ общемъ оптимистическое міросозерцаніе, не позволявшее человѣку слишкомъ болѣзненно ощущать разладъ мечты и жизни". Изъ портретовъ Одоевскаго, оставленныхъ современниками, приведемъ два: „Изъ всѣхъ декабристовъ", писалъ Н. Сатинъ, „Одоевскій отличался веселостью, открытой физіономіей и игривымъ умомъ... Ему было 34 года, но онъ казался гораздо моложе, несмотря на то, что былъ лысый. Улыбка, почти не сходившая съ его губъ, придавала лицу его этотъ видъ юности". Лермонтовъ такъ говорилъ объ Одоевскомъ:

...„До конца среди волненій трудныхъ
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ.
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную".

На оборотѣ прилагаемой миніатюры написано: „Son âme brûlante semble un rayon de feu séparé du soleil, tant elle est brillante. Dérobé à tous yeux et enseveli dans le fond du cœur de ses tendres amis".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince ALEXANDRE IVANOWITCH ODOEWSKY, 1802—1839, fils du prince Ivan Sergucewitch Odoewsky (1769—1839), général major, et de sa première femme Prascovie Alexandrowna, née princesse Odoewsky (1770—1820). L'aisance des Odoewsky leur permit de faire donner à leur fils une excellente instruction chez eux, sous la direction de bons maîtres; en même temps l'amour et la tendresse qui lui furent prodigués dans cette famille patriarcale et religieuse exercèrent un tel empire, que le cœur du poète resta pour toujours „une source abondante de l'amour le plus pur", et qu'aucun mécompte, aucune perte dans la vie ne purent émousser dans l'idéaliste religieux qu'il était le sentiment de l'amour de la vie et des hommes... Un an après la perte de sa mère, „son second Dieu", il entra le 1er octobre 1821 sous-officier à la Garde à cheval, où il passa cornette en 1823. Avant le régiment, il avait été au Cabinet de Sa Majesté de 1815 à 1820. L'amour des lettres le lia avec les jeunes écrivains, surtout Griboïédoff, et l'amitié de certains d'entre eux, comme Bestoujeff et Ryléeff, l'entraîna dans une société secrète qui le jeta le 14 décembre 1825 sur la Place du Sénat, dans les rangs des insurgés. Classé dans la 4e catégorie, il fut condamné à quinze ans de travaux forcés et à la relégation à perpétuité en Sibérie. Il fit ses travaux forcés à Tchita, puis au bagne de Pétrowsk, d'où il fut en 1832 transféré comme colon, d'abord dans le gouvernement d'Irkoutsk, puis, deux ans après, dans celui de Tobolsk. Il resta à Ichim jusqu'en 1837, et fut ensuite envoyé comme simple soldat au Caucase. Là, enrôlé aux dragons de Nijni-Novgorod, il se lia d'amitié avec Lermontoff; il y fit aussi la connaissance de N. Satine et N. Ogareff, qui prirent en affection ce „modèle du Christ", selon l'expression d'Ogareff, comme l'avaient pris en affection tous ses compagnons d'infortune en Sibérie et tous ceux qu'avait jamais frappés „l'éclat de ses yeux azurés". Après avoir su, dans la „muette" Sibérie, trouver plaisir à de paisibles causeries scientifiques, il sut, au Caucase tumultueux, se passionner pour les exploits guerriers: c'est ainsi qu'il prit part à l'expédition de Raewsky, qui lui valut le grade d'officier, et s'exposa à maintes reprises. Il était d'ailleurs à ce moment sous l'écrasante impression de la mort de son père tendrement aimé: le poète voyait „se rompre son dernier lien avec la vie", et semblait ne vouloir, en demandant à aller au feu, que chercher lui-même l'occasion de rompre avec l'existence d'ici-bas. Cependant il fut terrassé, non par une balle, mais par une grave attaque de la fièvre du pays: le 10 octobre 1839, à Psézouapé, il „rendit à Dieu le dernier soupir de son amour sans bornes". Les indigènes ne ménagèrent pas sa tombe, dès qu'il leur fut tombé entre les mains un lambeau du rivage qui donnait asile aux restes du poète; il n'en reste pas trace. Il ne serait pas non plus resté trace de la poésie d'Odoewsky, qui n'imprimait rien, si ses amis n'avaient conservé pour la postérité ses Chants du Tombeau, les recueillant, les retenant et les inscrivant à mesure. La haute valeur de son lyrisme a été depuis longtemps appréciée par la critique; l'histoire de la littérature place ses poésies „au rang des œuvres lyriques d'une sincérité sans contrainte, vécues et senties, fortes par leur simplicité et presque dépourvues d'effet, que signaient à cette époque Pouchkine et ses amis". Les Chants où il „célèbre le monde et sa beauté, l'harmonie de l'œuvre éternelle, celle de Dieu, conçue pour un but suprême", respirent „une philosophie d'un temps déjà reculé et qui, religieuse et sentimentale, optimiste dans l'ensemble, amortit le choc douloureux de la réalité et de nos illusions". Rapportons deux des caractéristiques laissées par les contemporains: „Parmi tous les décabristes", dit N. Satine, „il se distingue par son humeur gaie, sa physionomie ouverte et son esprit enjoué". Avec ses 34 ans, il en portait beaucoup moins, malgré sa calvitie. Un sourire qui ne le quittait jamais lui donnait cet air de jeunesse". Et Lermontoff dit:

„Jusqu'à la fin, parmi les agitations,
„Dans la foule des gens, dans le désert muet,
„Le feu du sentiment ne s'éteint pas en lui:
„Il conserve et l'éclat de ses yeux azurés,
„Et son rire d'enfant, et sa parole vive,
„Sa foi fière dans l'homme et dans une autre vie".

On lit au revers de la miniature ci-jointe: „Son âme brûlante semble un rayon de feu séparé du soleil, tant elle est brillante. Dérobé à tous yeux et enseveli dans le fond du cœur de ses tendres amis".

(D'après une miniatnre de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

190

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ, 1784—1833, родился въ Полтавской губерніи, въ небогатой дворянской семьѣ и рано остался сиротой; въ дѣтствѣ перенесъ тяжелую оспу; 16-и лѣтъ онъ поступилъ въ Московскій университетъ. Пробывъ здѣсь 3 года, онъ изучилъ хорошо греческій и латинскій языки и увлекался античнымъ міромъ; пристрастившись въ то же время къ Шекспиру и Шиллеру, также увлекался и театромъ. Онъ рано началъ переводить и писать, сочинивъ какой-то оригинальный романъ изъ Испанской жизни. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и быстро вошелъ въ кружокъ тогдашнихъ писателей и театраловъ, сдѣлался своимъ человѣкомъ въ литературномъ домѣ Оленина; благодаря послѣднему, Гнѣдичъ въ 1811 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и назначенъ библіотекаремъ Публичной библіотеки, гдѣ прослужилъ до 1837 г., „въ сосѣдствѣ и дружбѣ“ съ Крыловымъ, съ которымъ, впрочемъ, представлялъ разительную противоположность. Увлекаясь театромъ, онъ еще болѣе увлекался знаменитой Семеновой, съ которой проходилъ усердно всѣ роли, портя ея природный талантъ, и для которой, по словамъ Жихарева, не стѣснялся передѣлывать и коверкать „Короля Лира“... Въ 1809 г. онъ выпустилъ 7-ю пѣснь „Иліады“, затѣмъ ее уничтожилъ и, подъ вліяніемъ С. С. Уварова, избравъ размѣръ подлинника — гекзаметръ, въ 1829 г. перевелъ всю „Иліаду“, чѣмъ и создалъ себѣ память въ исторіи русской литературы. Усиленныя занятія пагубно дѣйствовали на здоровье Гнѣдича, и въ 1825 г. онъ ѣздилъ лѣчиться на Кавказъ, а въ 1831 г. пилъ въ Москвѣ модныя тогда искусственныя минеральныя воды; онъ умеръ 3 Февраля 1833 г. и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ его написано: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира, отъ друзей и почитателей. „Рѣчи изъ устъ его сладчайшія меда лилися“ (Иліада, т. I, с. 249).

Жихаревъ, знавшій Гнѣдича, говоритъ, что онъ былъ „ужъ вовсе невзраченъ собою: кривъ и такъ изуродованъ оспою, что грустно смотрѣть“. О чтеніи его онъ отзывается, что Гнѣдичъ читаетъ хорошо, но черезчуръ „театрально и громогласно: у меня не достало бы груди. Гнѣдича въ университетѣ прозвали ходульникомъ, l'homme aux échasses: онъ всегда говорилъ свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую-то особенную важность, но со всѣмъ тѣмъ нельзя не признать его человѣкомъ умнымъ, съ нимъ не скучно, и если онъ любитъ проповѣдывать самъ, то слушаетъ охотно и другихъ“... Князь Вяземскій даетъ такое изображеніе переводчика „Иліады“: „Гнѣдичъ, испаханный, изрытый оспой, не слѣпой, какъ поэтъ, котораго избралъ онъ подлинникомъ себѣ, а кривой, былъ усереднымъ данникомъ моды: онъ всегда одѣвался по послѣдней картинкѣ. Волоса были завиты, шея повязана платкомъ, котораго стало бы на 3 шеи. Несмотря на непригожество свое, онъ придавалъ себѣ всѣ притязанія и прихоти красавца: иначе не сталъ бы онъ выказывать свое безобразіе, вставляя его въ изысканную нарядную раму. Впрочемъ, театральная хроника стараго времени гласитъ, что и онъ имѣлъ дни своихъ любовныхъ успѣховъ и счастія. Онъ былъ нѣсколько чопоренъ, величавъ, рѣчь его звучала декламаторски; въ чтеніи его было мало простоты и натуральности: голосъ и дикція Гнѣдича были какъ будто подавлены платкомъ, который въ нѣсколько разъ обвивалъ его шею и горловые органы. Гнѣдичъ былъ короче знакомъ съ языкомъ Иліады, нежели съ языкомъ Петербургскихъ салоновъ, т.-е. съ французскимъ, но, одѣтый по модѣ, хотѣлъ онъ и говорить по модѣ; и тутъ французская рѣчь его была до невозможности забавна. Заключимъ свои нѣсколько грѣшныя сплетни словомъ истины: Гнѣдичъ въ общежитіи былъ честный человѣкъ, въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

NICOLAS IVANOWITCH GNÉDITCH, 1784—1833, naquit dans le gouvernement de Poltava d'une famille noble peu aisée, et resta orphelin de bonne heure; étant petit, il fut gravement atteint de la petite vérole. Entré à l'âge de 16 ans à l'université de Moscou, il y passa trois ans à étudier assidûment le latin et le grec et à se passionner pour l'antiquité classique; enthousiaste également de Shakespeare et de Schiller, il se prit aussi de passion pour le théâtre. Il commença de bonne heure à traduire et à écrire, et débuta par un roman original tiré de la vie espagnole. Venu à Pétersbourg, il prit du service au ministère de l'instruction publique, et, bientôt admis dans le monde des gens de lettres et de théâtre, devint un habitué des réunions littéraires d'Olénine, grâce auquel il fut en 1811 élu membre de l'Académie Russe et nommé bibliothécaire à la Bibliothèque Publique. Il y resta jusqu'en 1837, „dans la compagnie et l'amitié" de Kryloff, avec lequel il faisait d'ailleurs un contraste parfait. Passionné de théâtre, il se passionna encore plus de la célèbre Sémenoff, avec laquelle il repassait assidûment tous les rôles et dont il gâtait le talent naturel, ne craignant pas, dit Jikhareff, de remanier et de dénaturer à son intention Le Roi Lear... Il publia en 1809 le 7e chant de l'Iliade, puis le détruisit, et, sous l'influence de S. Ouvaroff, choisit le mètre de l'original, l'hexamètre, pour traduire en 1829 l'Iliade tout entière, son titre de célébrité dans l'histoire de la littérature russe. Ses travaux intensifs eurent une influence pernicieuse sur sa santé; en 1825, il alla faire une cure au Caucase, et, en 1831, buvait à Moscou les eaux minérales artificielles alors à la mode. Il mourut le 3 février 1833, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur sa tombe: „A Gnéditch, qui enrichit la littérature russe d'une traduction d'Homère, ses amis et ses admirateurs. Plus douce que le miel, la parole coulait de ses lèvres" (Iliade, ch. I, v. 249).

Gnéditch, au témoignage de Jikhareff, qui le connut, „était tout à fait disgracié de la nature, borgne et si défiguré par la petite vérole, qu'il faisait peine à voir". Il dit aussi que sa lecture était bonne, mais trop „théâtrale et bruyante: je n'aurais pas assez de poitrine. A l'université, on l'appelait l'homme aux échasses: il avait toujours le verbe haut et donnait aux choses les plus insignifiantes une importance particulière. On ne saurait cependant lui refuser de l'esprit; on ne s'ennuie pas avec lui, et, s'il aime à pontifier, il écoute aussi volontiers les autres"... Le prince Viazemsky fait de lui le portrait suivant: „Le visage labouré, fouillé par la petite vérole, non aveugle comme le poète dont il s'était fait l'interprète, mais borgne, Gnéditch était un fervent adepte de la mode, toujours mis dernier genre, les cheveux frisés, le cou enveloppé d'une cravate dont on aurait pu en faire trois. Affreux comme il était, il se donnait toutes les prétentions et les caprices d'un bel homme: sans quoi, il ne se serait pas risqué à afficher sa laideur en l'encadrant d'une parure recherchée. D'ailleurs, à en croire la chronique théâtrale du temps, il eut, lui aussi, ses succès et son bonheur en amour. Tant soit peu empesé et pompeux, il avait un ton déclamatoire, et sa lecture manquait de simplicité et de naturel: sa voix et sa diction étaient comme comprimées par les tours de cravate dont il s'enroulait le cou et le gosier. La langue de l'Iliade lui était beaucoup plus familière que celle des salons de Pétersbourg, le français: or, la mode, qui présidait à sa parure, l'obligeait aussi à le parler, et son français était des plus comiques. Après ces vilaines médisances, rendons-lui une justice: comme homme, Gnéditch fut un honnête homme; comme littérateur, il fut aussi un honnête homme".

(D'après un original de l'Académie Impériale des Sciences.)

ВАСИЛІЙ РОМАНОВИЧЪ МАРЧЕНКО, 1782—1841, родился 28 Декабря 1782 г. въ Могилевѣ, гдѣ отецъ его былъ губернскимъ стряпчимъ; смерть отца принудила его оставить гимназію и въ 1795 г. поступить на службу въ Верхній Земскій судъ, откуда онъ, въ 1796 г., перешелъ повытчикомъ въ Уголовную палату. Прослуживъ затѣмъ 2 года въ канцеляріи Витебскаго губернатора, Марченко въ 1799 г., благодаря покровительству Вязмитинова, получилъ мѣсто протоколиста въ Комиссаріатѣ, а съ назначеніемъ Вязмитинова военнымъ министромъ, въ 1802 г., перешелъ на службу въ его канцелярію, гдѣ дослужился въ 6 лѣтъ до мѣста экспедитора, чина коллежскаго совѣтника и ордена св. Анны 2-й ст.; служебное положеніе его не пошатнулось и при Аракчеевѣ, но преимущества службы въ Сибири побудили Марченку въ 1810 г. принять предложенное ему Пестелемъ мѣсто губернатора въ Томскѣ; при этомъ онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника; 30 Августа 1812 г. Марченко былъ вызванъ въ С.-Петербургъ „для особыхъ порученій“, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. „Я выписалъ тебя“, сказалъ ему Александръ I, „въ помощь графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву). Теперь у насъ много дѣла, трудись съ нимъ“. Назначенный помощникомъ статсъ-секретаря, Марченко въ теченіе 6-и лѣтъ исполнялъ обязанности секретаря при Александрѣ I, сопровождая его во всѣхъ „вояжахъ“ по Россіи и за границей. За это время онъ получилъ званіе статсъ-секретаря (1815 г.), аренду и орденъ св. Анны 1-й ст.; Аракчеевъ, недовольный близостью Марченки къ Александру I, въ 1818 г. нашелъ способъ „удалить его отъ лица Государя“. Назначенный статсъ-секретаремъ въ Государственный Совѣтъ, Марченко до кончины Александра I оставался въ тѣни. Николай I, 2 Января 1826 г., пожаловалъ Марченкѣ орденъ св. Владиміра 2-й ст., а въ коронацію—брильянты на орденъ св. Анны 1-й ст.; съ назначеніемъ князя Кочубея предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ 1827 г., Марченко былъ сдѣланъ Государственнымъ секретаремъ; въ томъ же 1827 г. онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, въ 1832 г.—орденъ Бѣлаго Орла, въ 1833 г.—Александра Невскаго, а 6 Декабря 1834 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ онъ 6 Декабря 1841 года.

Отъ брака съ разведенной женой надворнаго совѣтника Марьей Осиповной Шмитъ, Марченко имѣлъ дѣтей: Александра и Петра, Марію (за А. Я. Мишковскимъ), Екатерину, Елизавету, Надежду и Варвару. Оставленная Марченкой автобіографія не блещетъ ни глубиной мыслей, ни изяществомъ слога. Типичный чиновникъ, прослужившій всю жизнь „въ секретарствѣ съ разными титулами“, Марченко отличался знаніемъ дѣла. „Я не привыкъ служить какъ-нибудь“, съ гордостью говорилъ онъ. Будучи статсъ-секретаремъ, онъ „съ утра до 12-и часовъ ночи сидѣлъ за работой, лишенный всѣхъ удовольствій свѣтскихъ“, а въ низшихъ должностяхъ, при Аракчеевѣ, „выбивался изъ силъ“, просиживая за работой и ночи. Къ этому онъ присоединялъ осторожность и тонкій служебный тактъ. Пользуясь милостью Императора, Марченко постоянно соображалъ, „какъ приметъ“ тотъ или другой шагъ его Аракчеевъ, и старался, „сколь можно, держать себя поодаль отъ Государя“. Всѣ начальники любили Марченку, даже суровый Аракчеевъ, пока не увидѣлъ въ Марченкѣ соперника, былъ съ нимъ любезенъ, насколько былъ способенъ, „назывался у него обѣдать“, „бралъ съ собою кататься“, „прислалъ ему въ Сибирь гравированный портретъ свой и имѣлъ съ нимъ переписку пріятную“. Императоръ Александръ былъ „удивительно милостивъ“ къ Марченкѣ и высоко цѣнилъ его способности, „раздирая“ душу Аракчеева резолюціями: „Государю угодно знать мнѣніе статсъ-секретаря Марченки“. Марченко не былъ чуждъ служебныхъ расчетовъ. „Жизнь была пріятна“ ему лишь, когда труды его „оцѣнивались“. „Боже праведный! какое принесу Тебѣ благодареніе!“ восклицаетъ онъ, описывая свой вызовъ въ Петербургъ и производство въ генералы. Но вообще онъ предпочиталъ орденамъ денежныя награды; при всѣхъ служебныхъ перемѣнахъ онъ выхлопатывалъ новые оклады, „въ добавокъ къ прежнимъ окладамъ“, объясняя это тѣмъ, что „семья его безпокоила“. Постоянно онъ опасался, какъ бы не растратить „приданое Марьи Осиповны“; постоянно хлопоталъ о судьбѣ дѣтей. „Устроивъ по-маленьку судьбу трехъ дочерей“, Марченко сталъ хлопотать о помѣщеніи въ Лицей сына Петраши, а потомъ подоспѣло время думать, „какимъ путемъ указать ходъ по службѣ Царю и матушкѣ Россіи“ старшему сыну Алексашѣ. Марченко до конца жизни остался оптимистомъ и никогда не роптalъ на службу, но „съ совѣстью спокойною оставался увѣренъ, что дни скорби пройдутъ“. Свою автобіографическую записку онъ заканчиваетъ признаніемъ справедливости пословицы: „За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“.

(Съ миніатюры Кронветтера, 1837 г.; собственность Е. А. Карпинской, въ Москвѣ.)

BASILE ROMANOWITCH MARTCHENKO, 1782—1841, naquit le 28 décembre 1782 à Mohileff, où son père était expéditionnaire dans l'administration; à sa mort, il dut quitter le gymnase pour prendre du service en 1795 au tribunal de 2e instance, d'où il passa l'année suivante greffier à la cour d'assises. Il servit ensuite deux ans à la chancellerie du gouverneur de Vitebsk, puis Viazmitinoff le fit nommer rédacteur au Commissariat de la Guerre, et, une fois ministre, le prit en 1802 dans sa chancellerie: en six ans, il y devint expéditeur avec rang de conseiller de collège et Ste-Anne de 2e classe. Il resta bien en place sous Araktchéeff, mais les avantages du service en Sibérie lui firent accepter en 1810 le poste de gouverneur de Tomsk que lui offrait Pestel; il fut en même temps promu conseiller d'état. Le 30 août 1812, il fut appelé à Pétersbourg pour „commissions spéciales" avec rang de conseiller d'état actuel. „Je t'ai fait venir", lui dit Alexandre Ier, „pour aider le comte Araktchéeff. Nous avons maintenant beaucoup à faire, travaille avec nous!" Il remplit six ans comme secrétaire d'état adjoint les fonctions de secrétaire d'Alexandre Ier, l'accompagnant dans tous ses voyages en Russie et à l'étranger, et reçut dans l'intervalle le titre de secrétaire d'état (1815), une arrente et l'ordre de Ste-Anne de 1re classe. Araktchéeff n'aimait pas le voir si près d'Alexandre Ier, et réussit en 1818 à „l'éloigner de la personne de l'Empereur". Nommé secrétaire d'état au Conseil de l'Empire, il resta dans l'ombre jusqu'à la mort d'Alexandre. Nicolas Ier lui conféra, le 2 janvier 1826, St-Vladimir de 2e classe, et, à son couronnement, les brillants de Ste-Anne de 1re classe. Lors de la nomination du prince Kotchoubey à la présidence du Conseil de l'Empire, en 1827, il y devint secrétaire. Il reçut la même année le rang de conseiller privé, en 1832 l'ordre de l'Aigle Blanc, en 1833 St-Alexandre Newsky, et, le 6 décembre 1834, devint membre du Conseil de l'Empire. Il mourut le 6 décembre 1841. Il avait épousé la femme divorcée du conseiller de cour Schmidt, Marthe Ossipowna, dont il eut deux fils, Alexandre et Pierre, et cinq filles, Marie, mariée à A. Michkowsky, Catherine, Elisabeth, Nadejda et Varvara.

Martchenko laissa une autobiographie qui ne brille ni par la profondeur des idées, ni par l'élégance du style. Vrai type du fonctionnaire, toute sa vie „secrétaire sous des titres divers", il était fort entendu en affaires: „Je n'aime pas l'à peu près dans le service", disait-il avec fierté. Secrétaire d'état, il était au travail „du matin à minuit, renonçant à toutes les distractions mondaines", et, petit fonctionnaire, sous Araktchéeff, „s'exténuait" à passer les nuits au travail. Il joignait à tout cela de la circonspection et un tact très délicat dans le service. Avec la faveur dont il jouissait près de l'empereur, il était sans cesse à se demander „comment prendrait" Araktchéeff telle ou telle de ses démarches et faisait „son possible pour se tenir à distance de l'Empereur". Il était aimé de tous ses supérieurs: le rude Araktchéeff lui-même, avant d'avoir vu en lui un rival, lui témoignait l'amabilité dont il était capable, „s'invitant à dîner chez lui", „le prenant avec lui à la promenade", „lui envoyant en Sibérie son portrait gravé et entretenant avec lui une correspondance amicale". L'Empereur était pour lui d'une „étonnante condescendance", appréciant hautement ses capacités et „déchirant" l'âme à Araktchéeff par ses résolutions: „L'Empereur désire connaître l'avis du secrétaire d'état Martchenko". Il n'était pas dégagé de considérations d'intérêt dans le service. Il ne trouvait „d'agrément à la vie" que quand ses travaux étaient „appréciés". „Juste Dieu! Quelle reconnaissance je vais te vouer!" s'écrie-t-il en retraçant l'époque où il fut appelé à Pétersbourg et promu général. Mais somme toute, il préférait aux décorations les récompenses en argent; à chacun de ses changements, il se faisait donner des augmentations „en supplément au traitement actuel", sous prétexte de „soucis de famille". Il avait constamment peur de dissiper „la dot de Marie Ossipowna", faisait des demandes incessantes en faveur de ses enfants. „Après avoir casé tout doucement ses trois filles", il demanda une place au Lycée pour son fils Pierre, puis il fallut songer à tracer à son aîné „la voie à suivre pour servir l'Empereur et la Patrie Russe". Il fut optimiste toute sa vie et ne murmura jamais contre le sort, „la conscience en repos dans la conviction que les mauvais jours passeront". En terminant sa notice biographique, il cite et approuve le proverbe: Bon service amène bénéfice.

(D'après une miniature de Kronewetter, 1837, appartenant à Mlle E. Karpinsky, Moscou.)

191

Пис. Кронцветтеръ, 1837 — Peint par Kronnowetter, 1837

Василій Романовичъ Марченко, 1782 — 1841

Basile Romanowitch Martchenko, 1782 — 1841

192

Графъ Петръ Кирилловичъ Разумовскій, 1751 — 1823

Le Comte Pierre Kirillowitch Razoumowsky, 1751 — 1823

193

Графъ Петръ Кирилловичъ Разумовскій, 1751 — 1823

Le Comte Pierre Kirillowitch Razoumowsky, 1751 — 1823

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

192

Графъ ПЕТРЪ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1751—1823, второй сынъ гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился 15 Января 1751 года. Получивъ хорошее образованіе, законченное слушаніемъ лекцій въ Страсбургскомъ университетѣ, графъ П. К. Разумовскій служилъ сначала въ военной службѣ. Произведенный въ 1789 г. въ генералъ-поручики и уволенный „къ статскимъ дѣламъ", Разумовскій при воцареніи Павла I былъ назначенъ сенаторомъ и получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Свою служебную карьеру онъ окончилъ въ званіи оберъ-камергера (съ 30 Августа 1814 г.). Разумовскій умеръ 14 Декабря 1823 г. и погребенъ на Старомъ Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Важный и сановитый, подъ конецъ жизни „страшно растолстѣвшій", съ животомъ, похожимъ на „гору", графъ Разумовскій былъ человѣкъ недалекій и неспособный. Онъ не оставилъ слѣда въ тѣхъ областяхъ, гдѣ протекала его служебная дѣятельность, и былъ лишь способенъ вести „цыганскую жизнь" за границей, проматывая разумовскія богатства со своей легкомысленной и болѣзненной женой; братья его находили, что даже исполненіе обязанностей оберъ-камергера можетъ быть ему „не въ тягость" лишь на самое короткое время.

Изображенія графа П. К. Разумовскаго очень рѣдки. Извѣстна только гравюра съ портрета, въ ростъ, писаннаго Гуттенбрунномъ, съ оригинала, принадлежавшаго, по словамъ Ровинскаго, П. А. Васильчикову. Гдѣ находится онъ въ настоящее время—намъ неизвѣстно.

Прилагаемыя двѣ миніатюры графа Петра Кирилловича Разумовскаго (въ молодости и въ старости) идутъ непосредственно отъ его потомковъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

192

Le comte **PIERRE KIRILLOWITCH RAZOUMOWSKY**, 1751—1823, second fils de l'hetman comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 15 janvier 1751. Il reçut une excellente instruction, qu'il compléta à l'université de Strasbourg, puis entra au service militaire. Général lieutenant en 1789, et transféré au service civil, il fut, à l'avènement de Paul, nommé sénateur et conseiller privé actuel. Il quitta le service grand chambellan (depuis le 30 août 1814). Il mourut le 14 décembre 1823, et fut inhumé au Vieux Cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Important et majestueux, devenu sur ses vieux jours „d'une obésité terrible", avec un ventre „comme une montagne", le comte Razoumowsky était borné et incapable. Il ne laissa aucune trace dans les différentes parties où s'écoula sa carrière, et ne sut que mener „la vie de bohême" à l'étranger, à dissiper ses richesses de famille avec sa femme frivole et maladive. Ses frères prétendaient que si les fonctions mêmes de grand chambellan pouvaient „ne pas lui être à charge", c'était à condition de les remplir le moins longtemps possible.

Les portraits du comte Razoumowsky sont très rares. On ne connaît qu'une reproduction en gravure de la copie par Guttenbrunn d'un original en pied ayant appartenu, selon Rovinsky, à P. Vassiltchikoff. Où se trouve actuellement cet original, nous ne le savons.

Les deux miniatures ci-jointes du comte Pierre Kirillowitch Razoumowsky, jeune homme et vieillard, viennent directement de ses descendants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ПЕТРЪ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1751—1823, въ старости; графъ П. К. Разумовскій былъ женатъ на вдовѣ Софіи Степановнѣ Чарторыжской (р. 11 Сентября 1746 г., † 26 Сентября 1803 г.; см. т. III, № 110), дочери сенатора Степана Федоровича Ушакова, въ первомъ бракѣ бывшей за генералъ-майоромъ Михаиломъ Петровичемъ Чарторыжскимъ (р. 1736 г., † въ концѣ 1771 г.), флигель-адъютантомъ Петра III; овдовѣвъ 25-и лѣтъ и не имѣя дѣтей отъ больного, чахоточнаго мужа, Чарторыжская была извѣстна при дворѣ своимъ щегольствомъ, любовью къ свѣту и ко всякимъ развлеченіямъ, и имѣла репутацію „petite maîtresse“. Передъ женитьбой Великаго Князя Павла Петровича, когда у Екатерины II явились сомнѣнія, упрочитъ ли бракъ Цесаревича, вслѣдствіе слабости его здоровья, порядокъ престолонаслѣдія въ государствѣ, на Софію Степановну Чарторыжскую возложено было порученіе испытать силу своихъ прелестей надъ сердцемъ Великаго Князя. Въ 1772 или 1773 г. у нея родился сынъ, котораго назвали Семеномъ Аѳанасьевичемъ Великимъ и котораго Екатерина взяла къ себѣ на воспитаніе (о жизни Семена Великаго извѣстно чрезвычайно мало, а смерть его окружена таинственностью: о ней существуютъ разнорѣчивыя показанія). Вскорѣ послѣ рожденія сына, С. С. Чарторыжская вышла вторымъ бракомъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго, второго сына гетмана. Она была на пять лѣтъ старше мужа, и графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ очень недоволенъ этою свадьбою, сильно недолюбливалъ свою невѣстку, которую упрекалъ за расточительность, но супруги нѣжно любили другъ друга и жили очень дружно. Слабое здоровье графини требовало постояннаго лѣченія, и Разумовская жила съ мужемъ почти безпрерывно за границею: въ Италіи, Швейцаріи, Голландіи, а также въ Парижѣ и на югѣ Франціи, въ Монпелье, модной въ тѣ времена климатической станціи. Эта, по выраженію гетмана, „цыганская жизнь“ вызывала огромныя траты и постоянныя просьбы къ отцу и свекру о пособіи. По назначеніи графа Петра Кирилловича, при восшествіи Павла I на престолъ, присутствующимъ въ Сенатѣ, Разумовскіе вернулись въ Петербургъ и поселились на углу Набережной и Гагаринской улицы, въ своемъ домѣ, который украсили множествомъ цѣнныхъ вещей, купленныхъ во Франціи во время революціи. Здѣсь и скончалась графиня Софія Степановна 26 Сентября 1803 года.

Какъ и всѣ почти Разумовскіе, не имѣя дѣтей отъ законнаго брака, графъ Петръ Кирилловичъ оставилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, „воспитанниковъ“, отъ внѣбрачныхъ связей. Отъ вдовы Александры Васильевны Деденевой, дочери своего двоюроднаго брата Василія Ивановича Разумовскаго, онъ имѣлъ сына Николая Николаевича Оржицкаго (отъ мызы Оржицы, въ Петергофскомъ уѣздѣ), декабриста, сосланнаго на Кавказъ († 1862 г.), и нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна (по фамиліи Рудилова) была замужемъ за генералъ-майоромъ фонъ-Пистолькорсомъ, а другая, Софія, за Крюковскимъ, при чемъ дочь послѣдней, Софія же, вышла замужъ за своего дядю Н. Н. Оржицкаго.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

193

Le comte PIERRE KIRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1751—1823, vieillard. Le comte Razoumowsky avait épousé Sophie Stépanowna Czartorysky (11 septembre 1746—26 septembre 1803; v. T. III, № 110), fille du sénateur Stéphane Féodorowitch Ouchakoff, veuve du général major Michel Pétrowitch Czartorysky (né 1736, mort à la fin de 1771), adjudant de Pierre III. Veuve à 25 ans, et sans enfants de ce mari malade et poitrinaire, Sophie Czartorysky était connue à la Cour pour son chic, sa passion du monde et des distractions de toute sorte, et sa réputation de „petite-maîtresse". Avant de marier le Grand-Duc Paul Pétrowitch, en raison de sa délicatesse de santé, Catherine II voulut s'assurer que le mariage assurerait l'ordre de succession au trône, et ce fut Sophie Czartorysky qui eut à éprouver sur le cœur du prince le pouvoir de ses charmes. En 1772 ou 1773, elle eut un fils, qui reçut le nom de Siméon Afanassiewitch Véliky, de l'éducation duquel Catherine se chargea elle-même, dont on ne sait que fort peu de chose, et dont la mort, entourée de mystère, a donné lieu à diverses conjectures. Peu après la naissance de ce fils, la mère se remaria au comte Pierre Kirillowitch Razoumowsky, second fils de l'hetman, qui vit d'un mauvais œil ce mariage avec une femme de cinq ans plus âgée que le jeune comte et dont il ne pouvait souffrir la prodigalité. Mais les jeunes époux s'aimaient tendrement et vécurent en parfaite union. La délicatesse de la comtesse exigeait des soins incessants; elle était presque constamment à l'étranger avec son mari, en Italie, en Suisse, en Hollande, ainsi qu'à Paris et au midi de la France, à Montpellier, la station climatérique alors à la mode. Cette „vie de bohême", selon l'expression de l'hetman, entraînait des dépenses considérables, auxquelles il lui fallait fournir sans relâche. Nommé au Sénat à l'avènement de Paul, le comte Pierre revint à Pétersbourg et se fixa avec sa femme dans sa maison de la rue Gagarine, au coin du Quai, pour laquelle il avait rapporté une foule d'objets de prix achetés en France sous la Révolution. C'est là que mourut la comtesse, le 26 septembre 1803.

Comme presque tous les Razoumowsky, le comte Pierre n'eut pas d'enfants légitimes, mais laissa plusieurs „pupilles", de diverses liaisons. Il eut d'Alexandrine Vassiliewna veuve Dédéneff, fille de son cousin germain Basile Ivanowitch Razoumowsky, un fils Nicolas Nikolaewitch Orjitzky (d'Orjitza, sa propriété du district de Péterhof), décabriste, relégué au Caucase († 1862), et plusieurs filles, dont une qui reçut le nom de famille de Roudiloff et épousa le général major von Pistolkors, et une autre, Sophie, mariée à Krukowsky, et dont une fille, également Sophie, épousa son oncle N. Orjitzky.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МАТВѢЙ ЕВГРАФОВИЧЪ ХРАПОВИЦКІЙ, 1784—1847, сынъ поручика, Краснепскаго (Смоленской губ.) уѣзднаго судьи Евграфа Яковлевича и его жены Екатерины Васильевны (фамилія неизвѣстна), родился 9 Августа 1784 г.; начавъ службу 20 Іюня 1799 г., изъ камеръ-пажей, поручикомъ Измайловскаго полка, онъ быстро прошелъ низшіе офицерскіе чины и 11 Декабря 1803 г. былъ произведенъ въ полковники. Въ это время Храповицкій имѣлъ уже нѣсколько боевыхъ отличій: еще камеръ-пажомъ онъ сопровождалъ Великаго Князя Константина Павловича въ армію Суворова и участвовалъ во многихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ въ битвѣ при Требіи, а затѣмъ въ знаменитомъ переходѣ Суворова чрезъ Альпы, за что получилъ орденъ св.. Анны 3-й ст. и шпагу за храбрость. За стремительную атаку баталіона Измайловцевъ подъ Аустерлицемъ, Храповицкій награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.; передъ этимъ подвигомъ Цесаревичъ сказалъ Храповицкому: „Покажи, что ты не даромъ получилъ 19-и лѣтъ чинъ полковника!“ Назначенный 29 Октября 1811 г. командиромъ Измайловскаго полка, а 17 Іюня 1812 г.— начальникомъ бригады изъ Измайловскаго и Литовскаго полковъ, Храповицкій принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Отечественной войны и особенно отличился при Бородинѣ, гдѣ его полки, отразившіе стремительныя атаки лучшей непріятельской кавалеріи, заслужили Георгіевскія знамена; самъ Храповицкій раненъ былъ въ лѣвую ногу на вылетъ, но оставался въ строю. Моментъ этотъ изображенъ на картинѣ Гессе, въ Зимнемъ дворцѣ. По окончаніи боя, Коновницынъ сказалъ ему: „Позвольте обнять храбраго начальника безпримѣрнаго полка!“ Подъ Кульмомъ Храповицкій былъ опять раненъ въ ту же ногу и награжденъ Аннинской лентой; участвовалъ затѣмъ во взятіи Парижа. Въ 1816 г. онъ былъ посланъ въ Москву для обученія полковъ 23-й пѣхотной дивизіи и 30 Августа пожалованъ въ генералъ-адъютанты; 20 Августа 1818 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 3-й гренадерской дивизіи. Офицеры Измайловскаго полка, разставаясь съ Храповицкимъ, поднесли ему золотой кубокъ, съ изображеніемъ Бородинскаго и Кульмскаго сраженій и съ надписью: „Единодушіемъ и признательностью“. Въ 1823 г. онъ награжденъ орденомъ Владиміра 2-й ст., а въ 1824 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1829 г. получилъ Александровскую звѣзду, а 23 Декабря 1830 г. назначенъ Виленскимъ и Гродненскимъ военнымъ губернаторомъ. Произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, Храповицкій, по разстроенному здоровью, 23 Августа 1831 г. оставилъ службу, но уже черезъ полгода, 11 Іюля 1832 г., назначенъ командиромъ Гренадерскаго корпуса. Участвуя въ многочисленныхъ комитетахъ по военному вѣдомству, при чемъ въ нѣкоторыхъ онъ былъ предсѣдателемъ, будучи членомъ Военнаго Совѣта, Храповицкій 8 Іюля 1845 г. получилъ порученіе инспектировать всю резервную пѣхоту. Наконецъ, 7 Апрѣля 1846 г. онъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и 17 Апрѣля—членомъ Государственнаго Совѣта.

М. Е. Храповицкій скончался 31 Марта 1847 г. и похороненъ въ Сергіевой пустыни; на погребеніи его присутствовали Государь, Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Онъ былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ на Софіи Алексѣевнѣ Деденевой, вторымъ—на княжнѣ Анастасіи Сергѣевнѣ Щербатовой (во 2-мъ бракѣ за генералъ-адъютантомъ баронъ Вревскимъ); дѣтей у него не было.

По отзыву современника, Храповицкій „имѣлъ красивую наружность, высокій ростъ и былъ права вспыльчиваго, но добраго“.

(Съ портрета Жеренъ, 1814 г.; находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

MATHIEU EVGRAFOWITCH KHRAPOWITZKY, 1784—1847, fils d'Eugraphe Yakovlewitch Khrapowitzky, lieutenant, juge de district dans le gouvernement de Smolensk, et de sa femme Catherine Vassiliewna (nom de famille inconnu), naquit le 9 août 1784. D'abord page de la chambre, il entra au service au régiment Izmaïlowsky, et, après un avancement rapide comme officier subalterne, fut promu colonel le 11 décembre 1803. Il avait déjà alors plusieurs distinctions militaires: encore page de la chambre, il avait accompagné le Grand-Duc Constantin à l'armée de Souvoroff et pris part à plusieurs batailles, entre autres celle de la Trébie, puis au célèbre passage des Alpes par Souvoroff; il reçut en récompense Ste-Anne de 3e classe et une épée d'honneur. L'attaque impétueuse du bataillon Izmaïlowsky à Austerlitz lui valut St-Georges de 4e classe; avant cet exploit, le Césarewitch lui avait dit: „Fais voir que tu n'es pas passé pour rien colonel à 19 ans!" Nommé le 29 octobre 1811 commandant du régiment Izmaïlowsky et le 17 juin suivant chef de la brigade des régiments Izmaïlowsky et Litowsky, il prit une grande part à la Guerre Patriotique, et se signala particulièrement à Borodino, où la victorieuse résistance de ses régiments aux attaques impétueuses de l'élite de la cavalerie ennemie leur valut les étendards de St-Georges; lui-même eut la jambe gauche traversée d'une balle, mais resta au feu. Cet épisode est reproduit par le tableau de Hesse au Palais d'Hiver. A la fin du combat, Konovnitzyne lui dit: „Permettez que j'embrasse le vaillant chef d'un régiment sans pareil!" A Kulm, il fut encore blessé à la même jambe et reçut le cordon de Ste-Anne; il fut ensuite à la prise de Paris. Envoyé à Moscou en 1816 pour l'instruction des régiments de la 23e division d'infanterie, il fut promu le 30 août général aide de camp. Le 20 août 1818, il fut fait chef de la 3e division de grenadiers. Les officiers du régiment Izmaïlowsky lui offrirent pour ses adieux une coupe d'or portant la reproduction des batailles de Borodino et de Kulm et l'inscription: „Unanime reconnaissance". Il reçut en 1823 St-Vladimir de 2e classe, en 1824 le grade de général lieutenant, en 1829 l'étoile de St-Alexandre, et fut nommé le 23 décembre 1830 gouverneur militaire de Vilna et Grodno. Promu ensuite général d'infanterie, il donna sa démission le 23 août 1831 pour raisons de santé, mais, moins de six mois plus tard, le 11 juillet 1832, fut mis à la tête du corps de grenadiers. Membre de plusieurs comités de l'administration militaire, dont il présida même quelques-uns, il reçut le 8 juillet 1845, étant membre du Conseil Militaire, la mission d'inspecter toute l'infanterie de réserve. Enfin, il devint le 7 avril 1846 gouverneur militaire de St-Pétersbourg, et le 17 avril membre du Conseil de l'Empire.

Khrapowitzky mourut le 31 mars 1847 et fut inhumé au monastère St-Serge, en présence de l'Empereur, du Grand-Duc Héritier et du Grand-Duc Michel Pavlowitch. Il se maria deux fois, en premières noces à Sophie Alexéewna Dédéneff, en secondes noces à la princesse Anastasie Serguéewna Chtcherbatoff, qui, devenue veuve, épousa le baron Vrewsky, général aide de camp. Il n'eut pas d'enfants.

Au témoignage d'un contemporain, Khrapowitzky „avait un extérieur avantageux, une grande taille, et était d'un caractère vif, mais bon".

(D'après l'original de Gérin, 1814, Palais de Gatchina.)

Пис. Жерен, 1812

Peint par Gérin, 1812

Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій,
1784 — 1847

Mathieu Evgrafowitch Khrapovitzky,
1784 — 1847

Пис. П. Соколовъ

Peint par P. Sokoloff

Владиміръ Степановичъ Апраксинъ,
1796 — 1833

Vladimir Stépanowitch Apraxine,
1796 — 1833

ВЛАДИМІРЪ СТЕПАНОВИЧЪ АПРАКСИНЪ, 1796—1853, единственный сынъ генералъ-поручика Степана Степановича Апраксина и его жены, княжны Екатерины Владиміровны Голицыной (см. т. I, №№ 155 и 156), родился 13 Ноября 1796 г.; онъ былъ близнецомъ со своей сестрой Наталіей, родившейся на другой день, 14 Ноября. Родители были этимъ очень огорчены, такъ какъ накапунѣ, какъ только родился сынъ, они послали сказать о рожденіи внука его бабушкѣ, знаменитой „princesse Moustache“, княгинѣ Наталіи Петровнѣ Голицыной. Своенравная старуха, не довольная выходомъ своей дочери замужъ за С. С. Апраксина, котораго не считала достаточно родовитымъ, изъявила желаніе взять внука къ себѣ на воспитаніе. Апраксины предпочли бы отдать дочь, если бы она родилась раньше, но теперь дѣлать было нечего, тѣмъ болѣе, что они старались умилостивить строгую княгиню. Воспитанный ею, Апраксинъ горячо ее любилъ и былъ, кажется, единственнымъ человѣкомъ, который ея не боялся. Въ домѣ княгини Голицыной онъ жилъ до самой своей женитьбы на графинѣ Софіи Петровнѣ Толстой.

На службу поступилъ В. С. Апраксинъ изъ школы колонновожатыхъ 15 Сентября 1811 г., и 26 Января слѣдующаго года былъ произведенъ въ прапорщики. Состоя при Кирасирскомъ корпусѣ своего дяди, князя Димитрія Владиміровича Голицына, Апраксинъ во время кампаній 1813—14 годовъ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Дрезденѣ и Кульмѣ, гдѣ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст., въ „битвѣ народовъ“ подъ Лейпцигомъ, за отличіе въ которой произведенъ 7 Февраля 1814 г. въ подпоручики. Затѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Фершампенуазѣ и былъ при взятіи Парижа; 25 Апрѣля 1814 г. онъ былъ переведенъ изъ квартирмейстерской части свиты Его Величества въ Конную гвардію и 17 Іюня 1815 г. произведенъ въ поручики; 25 Марта 1817 г., „въ признательность за отличную службу“ князя Д. В. Голицына и графа П. А. Строганова, „какъ ихъ племянникъ“, пожалованъ во флигель-адъютанты; чрезъ годъ Апраксинъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, 12 Апрѣля 1820 г.—въ ротмистры и 8 Февраля 1824 г.—въ полковники. Произведенный 6 Октября 1831 г. въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ въ свиту, В. С. Апраксинъ скончался въ Курской губерніи 1 Іюня 1833 г. отъ холеры; похороненъ онъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Владѣлецъ болѣе 12.000 душъ, Апраксинъ получилъ это громадное состояніе обремененнымъ долгами расточительнаго отца, умершаго 8 Февраля 1827 г.; для уплаты долговъ ему пришлось продать нѣсколько мелкихъ имѣній, большое мѣсто въ С.-Петербургѣ, на углу Царицына Луга и Мойки, а въ Москвѣ знаменитый отцовскій домъ на Знаменкѣ, гдѣ теперь Александровское Военное училище. Какъ хорошій хозяинъ, онъ скоро привелъ въ порядокъ свои дѣла и сдѣлалъ много улучшеній, особенно въ Брасовскомъ имѣніи, Орловской губерніи, гдѣ у него было 7000 душъ; „онъ облегчилъ участь крестьянъ, уничтоживъ всѣ сборы конопляю, холстами и т. п., и устроилъ школу, откуда вышли отличные служащіе по имѣнію“.

В. С. Апраксинъ былъ „очень веселый, живой, умный и образованный человѣкъ“, всѣ его любили за доброту, а „обѣими сестрами онъ былъ обожаемъ, хотя больше сходился съ младшею, княгинею С. С. Щербатовой, женщиною замѣчательнаго, выдающагося ума“, памятной въ Москвѣ благотворительницею. „Всѣ его подчиненные, знакомые, слуги горько оплакивали его смерть, столь преждевременную“.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; принадлежитъ А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

VLADIMIR STÉPANOWITCH APRAXINE, 1796—1833, fils unique du général lieutenant Stéphane Stépanowitch Apraxine et de Catherine Vladimirowna, née princesse Golitzyne (v. T. I, №№ 155 et 156), naquit le 13 novembre 1796, jumeau de sa sœur Natalie, née le lendemain 14 novembre. Les parents étaient désolés, car, le jour même de la naissance du fils, ils avaient envoyé la nouvelle à la grand'mère, la fantasque princesse Natalie Pétrowna Golitzyne, la fameuse Princesse Moustache, qui, mécontente du mariage de sa fille avec Apraxine, de naissance, selon elle, insuffisante, avait exprimé le désir de se charger elle-même de l'éducation de son petit-fils. Les parents auraient préféré lui donner la fille, si elle était née la première: mais il était trop tard, d'autant plus qu'ils avaient à ménager la farouche princesse. Elevé par elle, l'enfant l'aimait tendrement, et semblait la seule personne qui ne la craignît pas. Il resta chez elle jusqu'à son mariage avec la comtesse Sophie Pétrowna Tolstoï.

Sorti de l'Ecole des Guides le 15 septembre 1811, Apraxine passa porte-enseigne le 26 janvier suivant. Au corps des cuirassiers de son oncle, le prince Dmitri Vladimirowitch Golitzyne, lors des campagnes de 1813/1814, il prit part aux batailles de Dresde et de Kulm, où il reçut St-Vladimir de 4e classe, et à la Bataille des Nations, à Leipzig, qui lui valut le 7 février 1814 le grade de sous-lieutenant. Il fut ensuite à La Fère-Champenoise et à la prise de Paris. Transféré le 25 avril 1814 de l'Etat-Major de la Suite de Sa Majesté à la Garde à cheval, il passa lieutenant le 17 juin 1815. Le 25 mars 1817, „en récompense des distingués services" du prince D. Golitzyne et du comte P. Stroganoff, il fut, „comme leur neveu", fait aide de camp de Sa Majesté. Il devint ensuite successivement, au bout d'un an capitaine de cavalerie en second, le 12 avril 1820 en premier, le 8 février 1824 colonel. Général major le 6 octobre 1831 et affecté à la Suite, il mourut du choléra dans le gouvernement de Koursk le 1er juin 1833, et fut inhumé à Moscou, au monastère Novodévitchi.

Propriétaire de plus de 12.000 têtes de paysans, Apraxine avait reçu de son prodigue de père, mort le 8 février 1827, cette fortune considérable grevée de dettes, qu'il ne put payer qu'en vendant un certain nombre de petites propriétés, un grand terrain à Pétersbourg, au coin du Champ-de-Mars et de la Moïka, et à Moscou sa fameuse maison patrimoniale de la Znamenka, aujourd'hui l'Ecole Militaire Alexandre. Entendu à ses affaires, il eut bientôt fait de les remettre en ordre, et fit nombre de perfectionnements, en particulier dans son Brassovo, gouvernement d'Orel, où il avait 7000 têtes de paysans: „il améliora la condition des serfs, supprima toutes les redevances en chanvre, lin, etc., et fonda une école, d'où sortit un excellent personnel d'exploitation".

Apraxine était „un homme gai, vif, intelligent et instruit"; tout le monde l'aimait pour sa bonté, et „il était surtout adoré de ses deux sœurs, tout en tenant davantage de la plus jeune, la princesse S. Chtcherbatoff, personne d'un esprit remarquable et supérieur", connue à Moscou pour sa bienfaisance. „Subordonnés, amis, domestiques, tous pleurèrent amèrement sa mort si prématurée".

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

Графъ ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГУРЬЕВЪ, 1751—1825, сынъ бригадира Александра Григорьевича Гурьева отъ брака съ Анной Михайловной Ероникиной, съ 1772 г. служилъ въ военной службѣ, а затѣмъ въ Сенатѣ; въ 1802 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра Финансовъ, а въ 1806 г. ему поручено управленіе Министерствомъ Удѣловъ и Кабинетомъ. Въ 1810 г. Гурьевъ назначенъ министромъ Финансовъ и занималъ этотъ постъ до 22 Апрѣля 1823 г., сохранивъ до смерти завѣдываніе Удѣлами. Онъ дослужился до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званія гофмейстера, а 12 Декабря 1819 г. былъ возведенъ въ графское достоинство. Графъ Гурьевъ умеръ 30 Сентября 1825 года. Отъ брака съ графиней Прасковьей Николаевной Салтыковой имѣлъ сыновей—Александра и Николая, и дочерей—Марію (за графомъ Нессельроде) и Елену (за А. В. Сверчковымъ).

Рѣдкій сановникъ былъ такъ непопуляренъ, какъ Гурьевъ. Современники находили въ немъ достойнымъ порицанія все, начиная съ его „грузнаго тѣла“ и кончая его финансовой системой. Рибопьеръ, восхваляющій „честность и познанія“ Гурьева, является едва ли не одинокимъ. Ростопчинъ называетъ его, правда, „умнымъ“, но въ то же время признаетъ, что онъ былъ „интриганъ и честолюбецъ въ высшей степени, столь же грузенъ тѣломъ, сколько тяжелъ на работу“. Вигель называетъ его прямо „тупоголовымъ“, „основателемъ явнаго поклоненія золотому тельцу“ и смѣется надъ его „дурацкой напыщенностью“ и „раздавительной гордостью“ его жены. Кочубей утверждаетъ, что „Гурьевъ всегда неохотно входилъ въ какія-либо сужденія по трудности удержать разсужденіе“; на него даже написаны были тогда стихи: „А графъ, спесивый, толстый графъ ‖ Молчитъ и не промолвитъ слова, ‖ Краснѣетъ только и пыхтитъ“... Лонгиновъ приписываетъ ему „чрезвычайную гордость, пошлость разговоровъ, медленность и тяжесть ума, черствое сердце, низость угодливаго царедворца, надменность рѣзкую и грузную, жадность и стяжательность“. Будучи „чрезвычайно искателенъ и угодителенъ“, онъ началъ своему благополучію, по словамъ Вигеля, положилъ тѣмъ, что, будучи „молодымъ, свѣжимъ, дюжимъ, бѣлымъ и румянымъ“, „овладѣлъ“ молодымъ „женоподобнымъ милліонеромъ“ графомъ П. М. Скавронскимъ и получилъ отъ Потемкина, желавшаго выдать за Скавронскаго свою племянницу, званіе камеръ-юнкера, съ придачей 3000 душъ изъ имѣній Скавронскаго. Свое общественное и матеріальное положеніе Гурьевъ упрочилъ бракомъ съ дочерью князя П. И. Салтыкова, по отзыву Вигеля, „тридцати-лѣтней дѣвкой, уродливой и злой“. Въ министры Финансовъ его провелъ Сперанскій, надѣявшійся имѣть въ немъ покорнаго слугу; впослѣдствіи онъ держался Аракчеевымъ и палъ немедленно послѣ того, какъ временщикъ сталъ считать его своимъ „злодѣемъ“. Какъ министръ Финансовъ, Гурьевъ поставилъ своей задачей возстановленіе металлическаго обращенія. Средства для этого употреблялись простыя: внутренніе и внѣшніе займы, введеніе новыхъ налоговъ и возвышеніе старыхъ. Существуютъ крайне неблагопріятные отзывы о финансовой системѣ Гурьева. Баронъ Штейнгель называлъ ее „ужасной“; Мордвиновъ утверждалъ, что Гурьевъ „не зналъ иныхъ правилъ, иного способа, какъ повсюду ослаблять, истреблять капиталъ, почему и оставилъ по себѣ нищету въ Государственномъ казначействѣ, истощеніе въ частныхъ имуществахъ и всеобщее уныніе и негодованіе подданныхъ къ правительству“. Преемникъ Гурьева, Канкринъ, находилъ, что система Гурьева „основана на совершенно невѣрныхъ началахъ“, вслѣдствіе чего „Казначейство приближалось къ банкротству“. Если даже признать долю пристрастія въ этихъ отзывахъ и принять во вниманіе, что Гурьевъ засталъ уже финансы въ плачевномъ состояніи, то несомнѣнно, что постоянные при Гурьевѣ дефициты, сокращеніе доходовъ, упадокъ промышленности и торговли не свидѣтельствуютъ въ пользу его финансовыхъ способностей. Отличаясь мелочностью, лицемѣрной заботой объ интересахъ казны, Гурьевъ въ то же время выхлопатывалъ „прекрасныя земли и аренды“ себѣ и своему зятю. Неудивительно, что отставка Гурьева была встрѣчена съ восторгомъ, и петербуржцы въ первый день Пасхи, когда былъ обнародованъ рескриптъ объ этой отставкѣ, говорили: „Христосъ воскресъ—Гурьевъ исчезъ“.

Не будучи финансистомъ, Гурьевъ былъ спеціалистомъ „по части гастрономической“. Столъ его считался лучшимъ въ столицѣ, и князь А. Н. Голицынъ былъ постояннымъ пахлѣбникомъ министра Финансовъ. Въ этомъ отношеніи у Гурьева „былъ геній изобрѣтательный“, и плодами этого генія были „разные сверхъестественные паштеты и котлеты“, а особенно каша, обезсмертившая имя Гурьева.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte DMITRI ALEXANDROWITCH GOURIEFF, 1751—1825, fils du brigadier Alexandre Grigoriewitch Gourieff et d'Anne Mikhaïlowna, née Eropkine, entra en 1772 au service militaire, d'où il passa au Sénat. Adjoint du ministre des finances en 1802, chargé du ministère des domaines et de la gérance du Cabinet en 1806, il fut nommé en 1810 ministre des finances, et le resta jusqu'au 22 avril 1823, conservant jusqu'à sa mort l'administration des domaines. Il parvint au rang de conseiller privé actuel et à la dignité de maître de la Cour, et, le 12 décembre 1819, fut fait comte. Il mourut le 30 septembre 1825. Il eut de son mariage avec la comtesse Prascovie Nikolaewna Saltykoff deux fils, Alexandre et Nicolas, et deux filles, Marie, mariée au comte Nesselrode, et Hélène, à A. Svertchkoff.

Peu de dignitaires eurent l'impopularité de Gourieff. Les contemporains trouvaient tout à reprendre en lui, depuis sa „lourde corpulence" jusqu'à son système financier. Ribeaupierre est presque le seul à vanter „son honnêteté et ses connaissances". Rostoptchine lui reconnaît bien „de l'esprit", mais l'appelle en même temps „intrigant et ambitieux au suprême degré, aussi lourd de corps que pesant au travail". Wiegel le prétend carrément „stupide", „fondateur du culte patent du veau d'or", et se moque de sa „solennité imbécile" et de „l'écrasante fierté" de sa femme. Kotchoubey assure qu'il „n'aimait pas entrer en discussion, à cause du peu de suite qu'il avait dans les idées"; on faisait même circuler les vers suivants:

„Et le comte, homme épais et fier,
„Muet et sans dire un seul mot,
„Ne fait que rougir et souffler"....

Longuinoff lui reproche „sa hauteur extrême, la banalité de sa conversation, sa lenteur et sa lourdeur d'esprit, sa dureté de cœur, sa bassesse de courtisan complaisant, sa brutale et pesante fatuité, sa cupidité et son avidité". „Insinuant et servile à l'excès", dit Wiegel, „jeune, frais, solide, blanc et vermeil", il jeta les bases de sa fortune en „mettant la main" sur le jeune, „efféminé et millionnaire" comte P. Skavronsky, et en se faisant donner par Potemkine, qui voulait marier sa nièce à Skavronsky, la dignité de gentilhomme de la chambre, avec 3000 têtes de paysans prises sur les biens du comte. Il affermit sa position sociale et matérielle en épousant la fille du comte N. Saltykoff, au témoignage de Wiegel, „fille de 30 ans, affreuse et méchante". Poussé au ministère des finances par Spéransky, qui comptait s'en faire un serviteur dévoué, il s'appuya dans la suite sur Araktchéeff, et tomba dès que le favori l'eut pris pour son „ennemi juré". Comme ministre des finances, il s'était donné pour but le rétablissement de la circulation métallique. Ses moyens étaient simples: emprunts extérieurs et intérieurs, création de nouveaux impôts et élévation des anciens. Les appréciations de son système financier sont des plus défavorables. Le baron Steingel le qualifie d'„affreux"; Mordvinoff prétend que Gourieff „ne connaissait d'autres principes, d'autre procédé que d'affaiblir, de détruire le capital, laissa ainsi le Trésor vide, les particuliers épuisés, et sema partout le découragement et l'indignation contre le gouvernement". Son successeur Cancrin trouvait son système „fondé sur des principes absolument faux" et „fait pour mener à la banqueroute". Faisons même la part de la prévention et tenons compte de l'état lamentable des finances à son entrée au ministère: il n'en est pas moins vrai que le déficit, la diminution des revenus, la décadence du commerce et de l'industrie qui signalèrent toute son administration ne prouvent pas en faveur de ses capacités financières. Vétilleux et faussement soucieux des intérêts du Trésor, il se faisait en même temps conférer „des terres et des arrentes magnifiques", pour lui et son gendre. Sa retraite fut naturellement accueillie avec enthousiasme, et les Pétersbourgeois, le jour de Pâques où elle fut annoncée par oukaze, se félicitaient en ces termes: „Le Christ est ressuscité, Gourieff est disparu".

Si Gourieff n'était pas financier, il était spécialiste „en matière de gastronomie". Sa table passait pour la meilleure de la capitale, et le prince A. Golitzyne s'en montrait pensionnaire assidu. Dans cet ordre d'idées, le ministre avait „un génie inventif" qui donna naissance à des „créations surnaturelles de pâtés et de hachis", et en particulier à l'entremets dit Kacha Gourieff qui immortalisa son nom.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

196

Графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ,
1751 — 1825

Le Comte Dmitri Alexandrowitch Gourieff,
1751 — 1825

197

София Петровна Кушникова,
1772 — 18..

Sophie Pétrowna Kouchnikoff,
1772 — 18..

198

Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ,
1792 — 1870

Dmitri Gavrilowitch Bibikoff,
1792 — 1870

199

Пис. Е. Мартонъ — Peint par E. Marton

София Сергѣевна Бибикова,
179. — 18..

Sophie Sergu'ewna Bibikoff,
179. — 18..

197

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА КУШНИКОВА, 1772—18.., старшая дочь полковника Петра Аѳанасьевича Бекетова (р. 1734 г., † 5 Іюля 1796 г.), женатаго 2-мъ бракомъ на Иринѣ Ивановнѣ Мясниковой (р. 11 Апрѣля 1741 г., † 31 Октября 1823 г.), дочери извѣстнаго богача, заводовладѣльца, присоединившаго къ своему колоссальному состоянію еще многомилліонныя богатства прекратившагося рода купцовъ Твердышевыхъ. Ирина Мясникова при выходѣ замужъ за П. А. Бекетова получила, какъ и ея сестры, кромѣ нѣсколькихъ горныхъ заводовъ, 19.000 душъ крестьянъ. Изъ этого состоянія она дала богатое приданое своимъ дочерямъ, при выходѣ ихъ замужъ, а, кромѣ того, умирая, Ирина Ивановна Бекетова, оставивъ своимъ (роднымъ) холостымъ сыновьямъ состояніе, приносившее каждому по 500/т. руб. чистаго дохода, и на 1 милліонъ рублей запасной мѣди, словесно завѣщала раздать дочерямъ и ихъ потомству 4500 душъ. Завѣщаніе это, однако, не было признано сыномъ ея, камергеромъ Петромъ, тѣмъ не менѣе, когда братья Бекетовы умерли, не оставивъ потомства, все ихъ состояніе перешло къ ихъ племянникамъ и племянницамъ Балашовымъ, Бибиковымъ и Сипягинымъ.

Екатерина Петровна Бекетова вышла замужъ за Сергѣя Сергѣевича Кушникова (р. 1767 г., † 1839 г.; см. т. II, № 45), бывшаго Московскимъ вице-губернаторомъ въ самомъ началѣ царствованія Александра I. Москвичка по рожденію, Кушникова большую часть жизни прожила въ Москвѣ, гдѣ жили, умирали и хоронились въ Новоспасскомъ монастырѣ всѣ члены Бекетовскаго рода. Знаменитый библіофилъ и собиратель русскихъ портретовъ, готовившій ихъ изданіе въ гравюрахъ, Платонъ Петровичъ Бекетовъ былъ ея единокровнымъ братомъ (отъ другой матери).

Годъ смерти Е. П. Кушниковой намъ неизвѣстенъ, ея могилы не найдено ни въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ Невской лаврѣ погребенъ ея мужъ, ни въ Москвѣ. Она была жива еще, когда умирала ея мать (1823 г.). Отъ брака съ С. С. Кушниковымъ у ней было 2 дочери: Софья (за генералъ-адъютантомъ Д. Г. Бибиковымъ) и Елизавета (за генералъ-адъютантомъ Н. М. Сипягинымъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

197

CATHERINE PÉTROWNA KOUCHNIKOFF, 1772—18.., fille aînée du colonel Pierre Afanassiewitch Békétoff (1734—5 juillet 1796), et de sa seconde femme Irène Ivanowna Miasnikoff (11 avril 1741—31 octobre 1823). Sa mère, fille du fameux millionnaire et usinier dont la fortune colossale s'accrut encore des millions des marchands Tverdycheff à l'extinction de leur famille, avait reçu à son mariage, ainsi que chacune de ses sœurs, outre plusieurs usines métallurgiques, 19.000 têtes de paysans. Elle put ainsi doter richement ses filles, laisser à chacun de ses fils célibataires 500.000 roubles de revenu net et pour un million de cuivre en dépôt, et fit de plus à ses filles et à leurs descendants un legs nuncupatif de 4.500 têtes de paysans. Le testament fut attaqué par son fils le chambellan, Pierre: néanmoins, les frères Békétoff morts sans descendance, toute leur fortune passa à leurs neveux et nièces, les Balachoff, les Bibikoff et les Sipiaguine.

Catherine Békétoff épousa Serge Serguéewitch Kouchnikoff (1767—1839; v. T. II, № 45), ancien vice-gouverneur de Moscou tout au début du règne d'Alexandre Ier. Moscovite de naissance, elle passa presque toute sa vie à Moscou, où vécurent, moururent et furent inhumés au monastère Novospassky tous les membres de la famille Békétoff. Le célèbre bibliophile et collectionneur de portraits russes, dont il préparait la reproduction en gravure, Platon Pétrowitch Békétoff, était son frère consanguin.

L'année de la mort de Mme Kouchnikoff nous est inconnue: sa tombe n'a pu être découverte ni à Pétersbourg, où son mari repose au monastère d'Alexandre Newsky, ni à Moscou. Elle vivait encore quand mourut sa mère, en 1823. Elle eut de son mariage avec Serge Kouchnikoff deux filles, Sophie, mariée au général aide de camp D. Bibikoff, et Elisabeth, au général aide de camp N. Sipiaguine.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ДМИТРІЙ ГАВРИЛОВИЧЪ БИБИКОВЪ, 1792—1870, сынъ генералъ-майора Гавріила Ильича отъ 2-го его брака съ Екатериной Александровной Чебышевой, родился 18 Марта 1792 г.; „изъ милиціи Московскаго войска“ онъ 1 Января 1808 г. поступилъ корнетомъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, а въ 1810 г. перешелъ въ лб.-гв. Драгунскій. Съ отличіемъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ и въ кампаніи 1812 г., при чемъ подъ Бородинымъ лишился лѣвой руки и получилъ раны въ грудь и правую руку, за что былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана, орд. св. Анны 2-й ст. и Георгія 4-го кл. Уволенный „за ранами“ отъ военной службы, Бибиковъ въ 1819—24 гг. былъ вице-губернаторомъ во Владимірѣ, Саратовѣ и Москвѣ, а съ 9 Мая 1824 г. по 23 Ноября 1835 г. занималъ постъ директора департамента Внѣшней Торговли. Причисленный въ 1835 г. къ Министерству Финансовъ, Бибиковъ 12 Ноября 1837 г. былъ назначенъ сенаторомъ, а 29 Декабря изъ тайныхъ совѣтниковъ переименованъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генералъ-губернаторомъ. Оставаясь здѣсь 15 лѣтъ, Бибиковъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты (1 Января 1843 г.) и награжденъ: чиномъ генерала-отъ-инфантеріи (10 Октября 1843 г.), орденомъ Александра Невскаго (1859 г.), звѣздой св. Владиміра 1-й ст. (1848 г.) и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта (1848 г.); 30 Августа 1852 г. онъ былъ назначенъ министромъ Внутреннихъ дѣлъ и занималъ этотъ постъ до 20 Августа 1855 года. Д. Г. Бибиковъ умеръ 22 Февраля 1870 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Въ управленіи Юго-Западнымъ краемъ Бибиковъ явился энергичнымъ исполнителемъ воли Государя, „чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ древнимъ отечествомъ“, и чтобы онъ „держалъ пановъ въ ежёвыхъ рукавицахъ“. Въ 1840 г. Бибиковъ добился отмѣны дѣйствія Литовскаго Статута въ Юго-Западномъ краѣ, при чемъ, кромѣ чисто политическихъ основаній, ссылался и на то, что „дѣйствіе Статута является вопіющею несправедливостью въ отношеніи къ массѣ населенія, ибо польскіе законы во всемъ покровительствуютъ знатнаго и богатаго“. То же стремленіе отдѣлить народныя массы отъ шляхетства побудило Бибикова улучшить и обезпечить положеніе крестьянъ „мѣрами, исходящими прямо отъ Его Величества“. Съ этою цѣлью въ 1845 г. казенные крестьяне были переведены на оброкъ, а въ 1847 г. были введены „инвентарныя правила“, опредѣлявшія отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Хотя эти правила „съ точки зрѣнія науки не выдерживали критики“ и были „работой, самой грубой и топорной“, но они значительно стѣснили произволъ помѣщиковъ и были важнымъ шагомъ въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянства. Были приняты также мѣры противъ евреевъ и эксплоатаціи ими мѣстнаго населенія. Особенно заботился Бибиковъ о воспитаніи юношества, имѣя въ виду „водворить въ училищахъ вообще и особенно въ Университетѣ св. Владиміра нравственный духъ покорности“. Но все сводилось только къ внѣшней дисциплинѣ; о какомъ-либо нравственномъ воздѣйствіи не было и рѣчи; напротивъ, самъ генералъ-губернаторъ, на шестомъ десяткѣ не переставшій „неотвязчиво“ ухаживать за дамами, видѣлъ въ разгулѣ противоядіе противъ политическихъ увлеченій. Бибиковъ много сдѣлалъ для благоустройства Кіева и для изученія древностей и природы края. „По личнымъ настояніямъ“ генералъ-губернатора были образованы: Центральный Архивъ, Временная Комиссія для разбора древнихъ актовъ и Постоянная Комиссія для описанія Юго-Западныхъ губерній, издавшія рядъ печатныхъ трудовъ. Но, несмотря на эти благодѣтельныя стороны его управленія, „безрукій“, всюду разъѣзжавшій верхомъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, являлся грозою для кіевлянъ и самъ творилъ расправу на чисто отеческихъ основаніяхъ. Постъ министра Внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ занималъ въ тяжелое время, когда къ внѣшней войнѣ присоединялись постоянные неурожаи и эпидемія холеры, а также крестьянскія волненія. Министерство принимало обычныя „рѣшительныя мѣры“, дѣлало „поясненія и наставленія“, имѣвшія, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, вожделѣнный успѣхъ. Во внутреннемъ управленіи Министерствомъ Бибиковъ стремился „къ сокращенію штатовъ и переписки“. Желая дать чиновникамъ „легкое и подручное средство для справокъ и соображеній“, Бибиковъ, не чуждый мелочныхъ и неблагодарныхъ занятій, придалъ исключительно „офиціальный характеръ“ журналу Министерства Внутреннихъ дѣлъ и выпустилъ 4 тома „Сборника циркуляровъ“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

DMITRI GAVRILOWITCH BIBIKOFF, 1792—1870, fils du général major Gabriel Ilyitch Bibikoff et de sa seconde femme Catherine Alexandrowna, née Tchébycheff, naquit le 18 mars 1792. De la „milice de Moscou", il passa le 1er janvier 1808 cornette au régiment des hussards de Russie Blanche, et permuta en 1810 aux dragons de la Garde. Il se distingua à la guerre de Turquie et à la campagne de 1812: à Borodino, il eut le bras gauche emporté et fut blessé à la poitrine et au bras droit; il reçut en récompense le grade de capitaine en second, Ste-Anne de 2e classe et St-Georges de 4e classe. Mis à la retraite „pour ses blessures", il fut de 1819 à 1824 vice-gouverneur de Vladimir, Saratoff et Moscou, puis, du 9 mai 1824 au 23 novembre 1835, directeur du département du Commerce Extérieur. Attaché en 1835 au ministère des finances et nommé sénateur le 12 novembre 1837, de conseiller privé il permuta le 29 décembre général lieutenant et fut nommé général gouverneur de Kieff, Podolie et Volhynie. Il le resta quinze ans, pendant lesquels il fut successivement fait général aide de camp le 1er janvier 1843, promu général d'infanterie le 10 octobre suivant, décoré de St-Alexandre Newsky en 1839 et de St-Vladimir de 1re classe en 1848, et nommé en 1848 membre du Conseil de l'Empire. Il fut ministre de l'intérieur du 30 août 1852 au 20 août 1855. Il mourut le 22 février 1870, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky.

Dans son administration en Petite-Russie, Bibikoff mit à exécution avec énergie la volonté exprimée par l'Empereur, de „réincorporer le pays corps et âme à sa patrie de jadis" et de „tenir la dragée haute aux seigneurs". En 1840, il fit suspendre la mise en vigueur du Statut Lithuanien dans ce pays, en faisant valoir, considérations de pure politique à part, que „l'application en était une criante injustice envers la masse de la population, la loi polonaise étant faite a tous égards au profit des nobles et des riches". Ce fut encore le souci de dégager le peuple de la noblesse qui le porta à „des mesures émanant directement de Sa Majesté" en vue d'améliorer et d'assurer la condition des paysans. Ainsi, en 1845, les paysans de l'Etat furent mis au régime des redevances, et en 1847, un règlement détermina les rapports des serfs et des propriétaires, règlement „dénué de toute valeur spéculative", et, „comme construction, des plus grossiers et rudimentaires", mais qui enraya fortement l'arbitraire des propriétaires et fut un grand pas vers l'émancipation des serfs. Bibikoff arrêta également des mesures contre les Juifs et leur exploitation du reste de la population. Il donna surtout ses soins à l'éducation de la jeunesse, en vue „de faire régner dans les écoles en général, et en particulier à l'université de St-Vladimir, un esprit moral de soumission". Mais tout se réduisit à des formes extérieures de discipline; d'action morale il ne fut point question: au contraire, le général gouverneur lui-même, qui, malgré ses cinquante ans passés, ne cessait de faire une cour „acharnée" aux dames, voyait dans l'inconduite le contre-poison des passions politiques. Il fit beaucoup pour le bien-être de Kieff et pour l'étude des antiquités et de la nature dans la région. C'est à „ses instances personnelles" que durent leur création l'Archive Centrale, la Commission Provisoire pour le classement des anciens actes et la Commission Permanente pour la description de la Petite-Russie, qui publièrent une série de travaux. Mais en regard de ces côtés bienfaisants de son administration, le Mauchot, partout à cheval en compagnie de deux cosaques, était la terreur des habitants, auxquels il administrait lui-même des corrections toutes paternelles. Il arriva au ministère de l'intérieur au moment difficile où la guerre extérieure s'ajoutait à des disettes incessantes et au choléra, ainsi qu'aux désordres agraires. Le ministère eut recours, à son ordinaire, aux „mesures radicales", envoya „des explications et des instructions": tout réussit, disent les pièces officielles, à souhait. Au ministère même, Bibikoff eut en vue „la diminution du personnel et des écritures". Pour fournir aux fonctionnaires „un instrument facile et commode de références et d'échange d'idées", le ministre, sans se rebuter des besognes minutieuses et ingrates, donna au Journal du Ministère de l'Intérieur un caractère purement officiel et publia un Recueil de Circulaires en quatre volumes.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА БИБИКОВА, 179.—18.., старшая дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта Сергѣя Сергѣевича Кушникова (р. 1767 г., † 1839 г.), женатаго на Екатеринѣ Петровнѣ Бекетовой, получила, вмѣстѣ съ сестрой Елизаветой Спиягиной, отъ матери большое состояніе, часть колоссальныхъ Мясниковскихъ богатствъ, легшихъ въ основу Бибиковскаго состоянія. Софья Сергѣевна Кушникова вышла замужъ за Московскаго вице-губернатора, безрукаго героя Бородина, Дмитрія Гавриловича Бибикова, принужденнаго вслѣдствіе раны смѣнить военную карьеру на гражданскую службу. Д. Г. Бибиковъ былъ крупной личностью, даже многочисленные его враги отдавали ему должное.

Современники признавали Бибикова человѣкомъ „великихъ природныхъ дарованій“, съ „могучимъ и сильнымъ характеромъ“,—„умнымъ, характера твердаго, благороднаго и настойчиваго“. Сохранились анекдоты о безстрашномъ отстаиваніи имъ своихъ мнѣній передъ самимъ Императоромъ Николаемъ. Сознавая, что его „смолоду плохо грамотѣ учили“, Бибиковъ пополнилъ свое полученное „на мѣдный грошъ“ образованіе слушаніемъ лекцій въ Берлинскомъ университетѣ, „хорошо говорилъ по-французски и по-нѣмецки, хотя не могъ правильно писать ни на одномъ языкѣ“ и вообще, „прекрасно изъяснялся на словахъ, не имѣлъ дара писать“. Онъ былъ любителемъ археологіи и собралъ библіотеку въ 14.000 томовъ. Но самыя расположенныя къ Бибикову свидѣтельства признаютъ, что онъ „платилъ данъ времени“ и былъ типичнымъ администраторомъ Николаевской эпохи, не стѣснявшимся въ выборѣ „формъ и способовъ къ достиженію своихъ цѣлей“. Безусловное повиновеніе было его идеаломъ. Молодого человѣка, поцѣловавшаго его руку за оказанную протекцію, онъ искренно обнадежилъ, что съ „такими чувствами“ онъ пойдетъ далеко. „Смотрите, вотъ что значитъ повиновеніе, и какъ я учу вашихъ дѣтей“, съ торжествомъ объявилъ онъ Кіевскимъ дворянамъ, когда на собраніи въ Университетѣ гимназисты безпрекословно исполняли нелѣпую команду: „Ложись, спи, храпи, вставай!“ Но и въ этомъ случаѣ Бибиковъ, какъ и всегда, не измѣнялъ природной искренности, охарактеризованной княземъ П. А. Вяземскимъ въ обращенныхъ къ нему слѣдующихъ двухъ стихотвореніяхъ:

„Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты“.

„Разъ принявшися за дѣло,
Не боялся онъ трудовъ
И одной рукою смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ!“

С. С. Бибикова отъ брака съ Д. Г. Бибиковымъ имѣла 3 сыновей: Сергѣя (р. 1828 г.), Дмитрія (р. 1831 г.; женатъ на графинѣ Е. П. Шереметевой) и Николая († въ дѣтствѣ), и 2 дочерей: Софію (р. 1827 г.), бывшую замужемъ, съ 8 Ноября 1853 г., за графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, и Зою (р. 1840 г.; умерла въ молодости, послѣ 1855 года).

Годъ смерти С. С. Бибиковой намъ неизвѣстенъ; она погребена въ Александро-Невской лаврѣ, но даты рожденія и смерти на ея памятникѣ нѣтъ.

(Съ миніатюры Мартенъ; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SOPHIE SERGUEEWNA BIBIKOFF, 179.—18.., fille aînée du conseiller privé actuel et membre du Conseil de l'Empire Serge Serguéewitch Kouchnikoff (1767—1839) et de Catherine Pétrowna, née Békétoff, reçut de sa mère, ainsi que sa sœur Elisabeth Sipiaguine, une grosse fortune provenant de la richesse colossale des Miasnikoff, base de celle des Bibikoff. Elle épousa le vice-gouverneur de Moscou, le héros de Borodino, où il avait eu le bras emporté, Dmitri Gavrilowitch Bibikoff, que sa mutilation obligea à quitter la carrière militaire pour entrer au service civil. C'était un homme supérieur, auquel ses nombreux ennemis mêmes rendaient justice.

Les contemporains reconnaissaient à Bibikoff „une nature richement douée", „un caractère puissant et fort", „de l'esprit, avec de la fermeté, de la noblesse et de la vigueur de caractère". Il y a des anecdotes sur l'intrépidité avec laquelle il défendait ses opinions contre l'Empereur Nicolas en personne. Convenant lui-même de „la manière insuffisante dont on lui avait appris à lire et à écrire", il compléta son instruction „de quelques sous" à l'université de Berlin, et arriva à „bien parler le français et l'allemand, mais sans pouvoir écrire correctement aucune de ces langues": d'une manière générale, „il maniait parfaitement la parole, mais sans avoir le don d'écrire". Amateur d'archéologie, il se fit une bibliothèque de 14.000 volumes. Mais les appréciations les plus favorables reconnaissent qu'il „paya tribut à son temps" en se montrant vrai type d'administrateur de l'époque de Nicolas, peu scrupuleux sur le choix „des formes et des moyens pour arriver à ses fins". L'obéissance aveugle était son idéal. A un jeune homme qui lui baisait la main en reconnaissance de sa protection, il donna l'assurance sincère qu'avec „de tels sentiments" il irait loin. „Voyez ce que c'est que l'obéissance, et comme j'élève vos enfants", déclarait-il triomphalement aux nobles de Kieff un jour qu'à une solennité à l'université, les gymnasistes exécutaient sans broncher le stupide commandement: „Coucher! Dormir! Ronfler! Lever!" Mais là non plus, comme toujours, il ne démentait pas sa sincérité naturelle, caractérisée dans les vers suivants que lui adressa Viazemsky:

„L'homme étant sujet à l'erreur,
„Tu peux bien aussi te tromper,
„Mais tu n'es pas la girouette
„Docile au vent capricieux",

et dans ceux-ci encore, du même Viazemsky:

„S'il se chargeait de quelque affaire,
„Il était prodigue d'efforts,
„Et, du seul bras qui lui restait
„Prêt à lutter contre le mal".

Mme Bibikoff eut de son mariage trois fils, Serge (né 1828), Dmitri (né 1831), marié à la comtesse E. Chérémeteff, et Nicolas, mort enfant, et deux filles, Sophie (née 1827), mariée le 8 novembre 1853 au comte Dmitri Andréewitch Tolstoï, et Zoé, née en 1840, morte jeune, après 1855.

L'année de la mort de Mme Bibikoff est inconnue; elle est inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, mais son monument ne porte aucune date.

(D'après une miniature de Martin, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БѢЛОСЕЛЬСКІЙ-БѢЛОЗЕРСКІЙ, 1752—1809, сынъ князя Михаила Андреевича (р. 1702 г., † 1755 г.), женатаго 2-мъ бракомъ на графинѣ Наталіи Григорьевнѣ Чернышевой (р. 1711 г., † 1760 г.), получилъ прекрасное образованіе и былъ извѣстенъ „блистательнымъ умомъ, обширными познаніями и любовью къ искусствамъ"; человѣкъ богатый, по матери и по второй женѣ, онъ слылъ меценатомъ среди художниковъ и литераторовъ, въ кругу которыхъ любилъ вращаться; онъ и самъ былъ поэтомъ: пытался писать стихотворенія, былъ въ перепискѣ съ философами и учеными, писалъ оригинальныя сочиненія и переводилъ на французскій языкъ Державина, Ломоносова и даже Баркова... (Изъ сочиненій его извѣстны: „Dianalogie", Дрезденъ, 1790 г., „De la musique en Italie", 1778 г., „Circée", Paris, 1792 г. и т. и.). Смолоду онъ избралъ себѣ дипломатическую карьеру и при Екатеринѣ II, пожалованный въ камергеры въ 1783 г., былъ посланникомъ сначала въ Дрезденѣ, затѣмъ въ Туринѣ; при Павлѣ былъ пожалованъ, въ знакъ особаго расположенія, родовымъ командорствомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и 27 Февраля 1799 г., какъ старшій въ родѣ князей Бѣлозерскихъ, прибавкой къ фамиліи „Бѣлозерскій"; при Александрѣ I былъ оберъ-шенкомъ. Формулярный списокъ его, начертанный на его памятникѣ, таковъ: „Дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-шенкъ, бывшій сенаторъ, дѣйствительный камергеръ, почетный членъ 1-го класса С.-Петербургской Академіи Художествъ и Россійской Академіи Наукъ, Булонскаго Института, Нансійской Академіи Словесности, Кассельской академіи древностей членъ, кавалеръ орд. св. Александра Невскаго, княжескаго ордена св. Губерта, Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орла и орд. св. Іоанна Іерусалимскаго бальи и родовой командоръ". Въ 1784 г. князь купилъ у разорившагося графа П. К. Разумовскаго Крестовскій островъ, а позднѣе — домъ на углу Невскаго и Фонтанки (дворецъ Великаго Князя Сергѣя Александровича), гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы и умеръ 26 Декабря 1809 года.

Первымъ бракомъ князь Бѣлосельскій былъ женатъ на племянницѣ П. Д. Ероикина, Варварѣ Яковлевнѣ Татищевой (р. 1764 г., † 25 Ноября 1792 г.; погребена въ Туринѣ). Отъ перваго брака у него былъ сынъ Ипполитъ и дочери: Марія-Магдалина (за А. С. Власовымъ), знаменитая Зинаида (за кн. Н. Г. Волконскимъ) и Наталія (за ген.-лейт. В. Д. Лантевымъ); отъ 2-го брака былъ сынъ Эсперъ и 2 дочери.

Князь Вяземскій такъ пишетъ о князѣ Бѣлозерскомъ: „Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, даромъ слова и живостью разсказа (bon conteur, aimable causeur) отличался и славился князь Бѣлосельскій. Онъ столько же былъ извѣстенъ устною любезностью, сколько эксцентричностью пера своего. Впрочемъ, иногда вырывались у него и дѣльные стихи. Говоря объ одномъ историческомъ лицѣ, онъ писалъ: „D'autres ont fait le mal: il a mal fait le bien" (Другіе дѣлали худое, а онъ худо дѣлалъ хорошее). Поэтическія вольности его были безграничны до невозможности". Однажды онъ написалъ оперетку „Оленька", которая „приправлена была пряностями самаго соблазнительнаго свойства". Публика съ ропотомъ покинула залъ театра А. А. Столыпина; слухъ о скандалѣ дошелъ до Петербурга, и Павелъ I потребовалъ рукопись. Князь просилъ Карамзина „исправить всѣ подозрительныя мѣста, очистить, какъ онъ можетъ и умѣетъ". Дѣло окончилось благополучно.

Князь А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На могилѣ его вдовою поставленъ 19 Сентября 1810 г. красивый памятникъ, работы скульптора Камберленъ-Данвесъ (J. Camberlin-Danvès), изображающій плачущее семейство князя и ангела, уносящаго портретъ усопшаго на небо; И. И. Дмитріевъ составилъ для этого памятника эпитафію:

„Пусть Кліо родъ его отъ Рурика ведетъ;
Поэтъ, къ достоинству любовью привлеченный,
Съ благоговѣніемъ на камень сей кладетъ
Вѣнокъ, слезами музъ и дружбы орошенный".

Къ сожалѣнію, прекрасный памятникъ, необыкновенно прочный, уже потерпѣлъ не отъ всеразрушительнаго времени, а отъ людского невѣжества и невѣроятнаго равнодушія монаховъ къ памятникамъ искусства, украшающимъ кладбища лавры.

(Съ портрета Карафа; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, С.-Петербургъ.)

Le prince ALEXANDRE MIKHAÏLOWITCH BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, 1752—1809, fils du prince Michel Andréewitch Bélosselsky (1702—1755) et de sa seconde femme Natalie Grigoriewna, née comtesse Tchernycheff (1711—1760), reçut une excellente instruction, et était connu pour „son esprit brillant, ses connaissances étendues et son amour des arts". Fort riche par sa mère et sa seconde femme, il était le Mécène des artistes et des littérateurs, dont il aimait à s'entourer: poète lui-même, il s'essaya à faire des vers, fut en correspondance avec des philosophes et des savants, composa des œuvres originales et traduisit en français Derjavine, Lermontoff et même Barkoff... Les plus connues de ses œuvres sont: Dianalogie, Dresde, 1790, De la musique en Italie, 1778, Circé, Paris, 1792, etc. Il se destinait dans sa jeunesse à la carrière diplomatique, et, sous Catherine II, chambellan en 1783, fut ambassadeur d'abord à Dresde, puis à Turin. Sous Paul, il fut fait, par faveur spéciale, commandeur héréditaire de Saint-Jean-de-Jérusalem, et, le 27 février 1799, reçut, comme le plus ancien des Bélozersky, l'autorisation d'ajouter leur nom au sien. Sous Alexandre Ier, il fut grand échanson. Ses états de service, rapportés sur son monument, sont ainsi conçus: „Conseiller privé actuel, grand échanson, ancien sénateur, chambellan actuel, membre honoraire de 1re classe de l'Académie des Beaux-Arts et de l'Académie des Sciences de St-Pétersbourg, membre de l'Institut de Bologne, de l'Académie des Belles-Lettres de Nancy, de l'Académie des Antiquités de Cassel, chevalier de l'ordre de St-Alexandre Newsky, de l'ordre princier de St-Hubert, de l'Aigle Noir et de l'Aigle Rouge de Prusse, bailli et commandeur héréditaire de Saint-Jean-de-Jérusalem". En 1784, il acheta au comte P. Razoumowsky ruiné l'île Krestowsky, et plus tard une maison au coin de la Perspective Newsky et de la Fontanka (aujourd'hui Palais du Grand-Duc Serge Alexandrowitch), où il passa ses dernières années et mourut le 26 décembre 1809.

Le prince Bélosselsky épousa en premières noces une nièce de P. Eropkine, Varvara Yakovlewna, née Tatichtcheff, née en 1764, morte le 25 novembre 1792 et inhumée à Turin. Il eut d'elle un fils Hippolyte et trois filles, Marie-Madeleine, mariée à A. Vlassoff, la fameuse Zénaïde, mariée au prince N. Wolkonsky, et Natalie, mariée au général lieutenant V. Lapteff. De son second mariage, il eut un fils Espère, et deux filles.

Le prince Viazemsky dit du prince Bélosselsky: „A la fin du siècle passé et au commencement de celui-ci, ce fut un bon conteur et un aimable causeur que le prince Bélosselsky. Il était aussi connu pour l'agrément de sa conversation que pour les excentricités de sa plume. Il lui échappait d'ailleurs parfois des vers sérieux. Il écrivait en parlant d'un personnage historique:

„D'autres ont fait le mal: il a mal fait le bien".

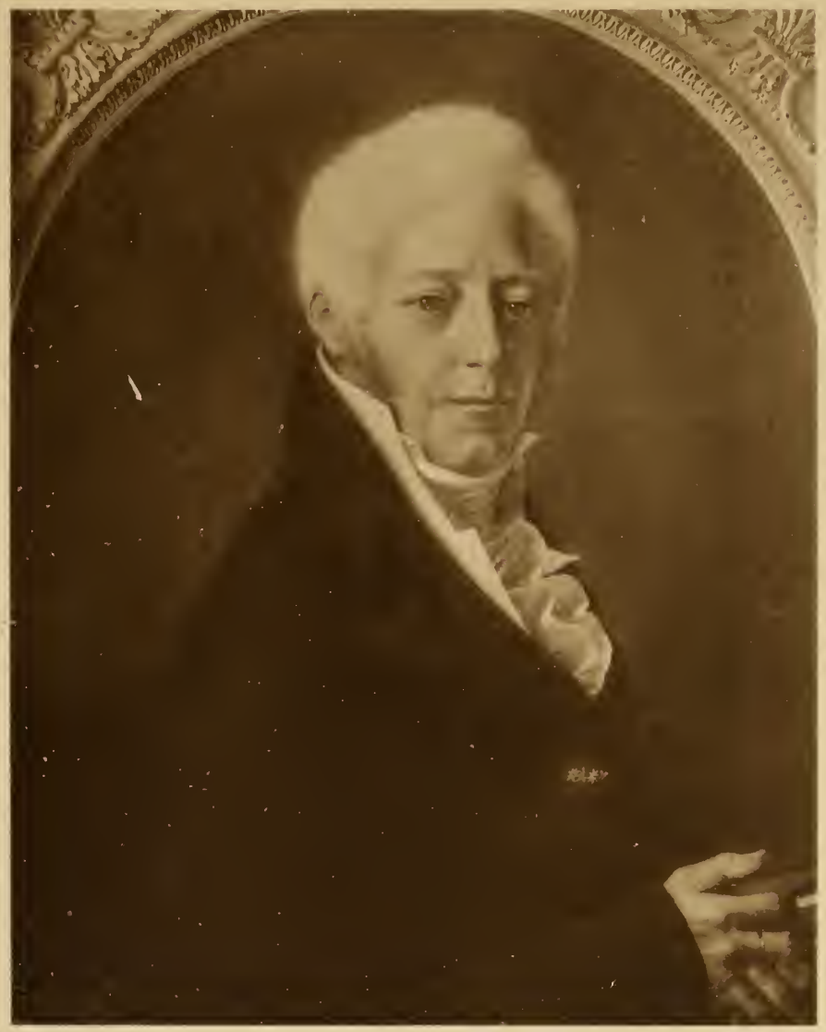
Ses licences poétiques étaient sans bornes et impossibles". Il avait une fois composé une opérette, Olenka, „pimentée de la manière la plus perversive". Le public quitta en murmurant la salle du théâtre de A. Stolypine, le bruit du scandale parvint à Pétersbourg, et Paul Ier demanda le manuscrit. Le prince pria Karamzine „de corriger tous les passages suspects et d'épurer de son mieux". L'affaire n'eut pas de suites.

Le prince Bélosselsky-Bélozersky est inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare. Sa veuve fit élever en 1810 sur son tombeau par le sculpteur J. Camberlin-Danvès un beau monument représentant la famille éplorée et un ange emportant au Ciel l'image du défunt, avec l'épitaphe suivante, de I. Dmitrieff:

„Que Clio de Rurik fasse venir sa race!
„Le poète, au mérite attaché par l'amour,
„Pose sur le tombeau sa pieuse couronne:
„De pleurs l'arroseront ses amis et les Muses".

Malheureusement, le magnifique monument, d'une solidité peu commune, a déjà souffert, non pas du temps impitoyable, mais de l'ignorance de l'homme et de l'incroyable incurie des moines pour les œuvres d'art qui ornent le cimetière de leur monastère.

(D'après un original de Caraf appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)



Пис. К[illegible]ъ

Peint par Caraf

Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій,
1752 — 1809

Le Prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky-Belozersky,
1752 — 1809

Пис. Энръ, 1821

Peint par Ingres, 1821

Графъ Николай Дмитріевичъ Гурьевъ,
1792 — 1849

Le Comte Nicolas Dmitriewitch Gourieff,
1792 — 1849

201

Графъ **НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ГУРЬЕВЪ**, 1792 — 1849, второй сынъ министра Финансовъ графа Дмитрія Александровича Гурьева отъ брака съ графиней Прасковьей Николаевной Салтыковой, дочерью перваго князя Салтыкова, 21 Сентября 1810 г. изъ камеръ-юнкеровъ опредѣленъ прапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, въ 1811 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1812 г. — въ поручики, въ 1813 г. — въ штабсъ-капитаны, въ 1814 г. — въ капитаны; за участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ имѣлъ Анну 4 ст. „за храбрость“ и золотую шпагу съ такой же надписью. Въ 1816 г. Гурьевъ былъ произведенъ въ полковники арміи и назначенъ командиромъ Полоцкаго пѣхотнаго полка, а 25 Октября того же года уволенъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ. Черезъ 2 года, 25 Января 1818 г., передъ женитьбой, онъ вновь поступилъ на службу и пожалованъ флигель-адъютантомъ, но 12 Ноября 1821 г. опять былъ уволенъ отъ службы.

Съ этого времени графъ Н. Д. Гурьевъ избралъ дипломатическую карьеру и, благодаря покровительству своего зятя, графа Нессельроде, послѣдовательно занималъ постъ посланника въ Гаагѣ, Римѣ и Неаполѣ, а затѣмъ былъ статсъ-секретаремъ по Министерству Иностранныхъ дѣлъ, имѣя чинъ тайнаго совѣтника съ 31 Декабря 1834 г. и ордена, кромѣ иностранныхъ, Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и Владиміра 2-й степени.

Графъ Н. Д. Гурьевъ умеръ 21 Февраля 1849 года.

Отъ брака (съ 1819 г.) съ Маріной Дмитріевной Нарышкиной онъ имѣлъ сына Александра и дочерей: Елену, бывшую въ замужествѣ за княземъ Н. Н. Гагаринымъ, и Ольгу, бывшую замужемъ за княземъ В. Б. Четвертинскимъ.

(Съ портрета Энгръ, писаннаго во Флоренціи, 1821 г.; собственность А. Н. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

201

Le comte **NICOLAS DMITRIEWITCH GOURIEFF**, 1792 — 1849, second fils du comte Dmitri Alexandrowitch Gourieff, ministre des finances, et de Prascovie Nikolaewna, née comtesse Saltykoff, fille du premier prince Saltykoff, fut enrôlé le 21 septembre 1810, étant gentilhomme de la chambre, porte-enseigne au régiment Sémenowsky, promu sous-lieutenant en 1811, lieutenant en 1812, capitaine en second en 1813, capitaine en 1814: les guerres de Napoléon lui valurent Ste-Anne de 4e classe „Pour le mérite" et une épée d'or avec la même inscription. Promu en 1816 colonel à l'Armée, il fut nommé commandant du régiment d'infanterie de Polotzk, et prit sa retraite la même année, le 25 octobre. Deux ans plus tard, le 25 janvier 1818, peu de temps avant son mariage, il reprit du service et fut fait aide de camp de Sa Majesté; mais il fut remis à la retraite le 12 novembre 1821.

Le comte Gourieff entra dès lors dans la carrière diplomatique, et, grâce à la protection de son beau-père le comte Nesselrode, occupa successivement le poste d'ambassadeur à La Haye, Rome et Naples, puis devint secrétaire d'état au ministère des affaires étrangères, ayant depuis le 31 décembre 1834 le rang de conseiller privé et, sans parler des décorations étrangères, les ordres de St-Alexandre Newsky, l'Aigle Blanc et St-Vladimir de 2e classe.

Le comte Gourieff mourut le 21 février 1849.

Il eut de son mariage (en 1819) avec Marine Dmitriewna, née Narychkine, un fils Alexandre et deux filles, Hélène, mariée au prince N. Gagarine, et Olga, au prince V. Tchetvertinsky.

(D'après un original d'Ingres, Florence, 1821, appartenant à Mme A. Narychkine, St-Pétersbourg.)

Князь ИЛАРІОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1776—1847, сынъ бригадира Василія Алексѣевича отъ брака съ Екатериной Иларіоновной Овцыной († 1852 г.), родился въ 1776 г. (а по другимъ свѣдѣніямъ не позже 1775 г.). Записанный въ раннемъ дѣтствѣ въ Измайловскій полкъ, службу онъ началъ унтеръ-офицеромъ въ Конной гвардіи въ 1792 г. и 1 Января 1793 г. получилъ чинъ корнета. Возвышеніе его началось въ царствованіе Павла I, пожаловавшаго его въ 1799 г. въ камергеры. Служба при дворѣ и въ гвардіи сблизила его съ Наслѣдникомъ. По вступленіи на престолъ Александра I, Васильчиковъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Назначенный въ 1805 г. командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка, онъ принялъ съ нимъ участіе въ войнѣ 1807 года. Войны 1812—14 гг. дали ему возможность еще болѣе проявить свои военныя способности. За Бородино (здѣсь онъ былъ раненъ) Васильчиковъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. При Кайзерсвальдѣ, гдѣ былъ вторично раненъ, онъ разбилъ французовъ, а при Кацбахѣ, командуя всей кавалеріей Силезской арміи, смѣлой атакой вырвалъ побѣду изъ рукъ непріятеля. Послѣ Лейпцига преслѣдовалъ непріятеля до Рейна. За Ларотьеръ онъ получилъ Георгія 2-й степени. По заключеніи Парижскаго мира, Васильчиковъ былъ посланъ съ извѣстіемъ о немъ въ Москву. Во Франціи имъ былъ сформированъ л.-гв. Конно-егерскій (теперь Конно-гренадерскій) полкъ, шефомъ котораго онъ былъ назначенъ. Въ 1814 г. Васильчиковъ получилъ гвардейскую легкую кавалерійскую дивизію, а въ 1817 г. гвардейскій корпусъ. Положеніе его, какъ корпуснаго командира, было очень затруднительно. Ему приходилось вести борьбу и противъ козней враговъ, и противъ мнительности и недовѣрчивости Александра I. При немъ произошла извѣстная Семеновская исторія, навлекшая на него много нареканій. Въ 1821 г. онъ испросилъ увольненіе отъ должности и назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Видное участіе пришлось ему принять въ подавленіи мятежа 14 Декабря. Онъ убѣдилъ Николая I въ необходимости принять рѣшительныя мѣры: „Sire, il n'y a pas un moment à perdre, l'on n'y peut rien maintenant, il faut de la mitraille". — Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne—возразилъ ему Государь. „Pour sauver Votre empire". Въ день коронаціи Васильчиковъ получилъ Андрея Первозваннаго. Въ 1831 г. ему поручено было командованіе войсками въ Петербургѣ и окрестностяхъ, а 6 Декабря того же года онъ получилъ титулъ графа. Въ 1833 г. онъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи и шефомъ Ахтырскаго гусарскаго полка, въ 1838 г. занялъ постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, 1 Января 1839 г. возведенъ въ княжеское достоинство. Скончался князь Васильчиковъ 21 Февраля 1847 г. послѣ тяжкихъ страданій и погребенъ въ своемъ имѣніи, въ Новгородской губерніи.

По отзывамъ современниковъ, Васильчиковъ является самой привлекательной личностью изъ всѣхъ сотрудниковъ Николая I. Разсудительный, правдолюбивый, безкорыстный, самостоятельный въ своихъ мнѣніяхъ, истинный рыцарь чести, онъ заслуженно пользовался довѣріемъ Александра I и Николая I. Одинъ изъ немногихъ, онъ не гнулъ спины передъ всесильнымъ Аракчеевымъ. Когда Николай I, еще будучи Великимъ Княземъ, на парадѣ оскорбилъ гвардейскаго офицера Норова, Васильчиковъ убѣдилъ его выразить оскорбленному сожалѣніе о случившемся, и Николай Павловичъ, вспоминая впослѣдствіи о своей горячности, благодарилъ Васильчикова за его настойчивость. „Васильчиковъ", говоритъ графъ М. А. Корфъ, „былъ единственный человѣкъ, который во всякое время и по всѣмъ дѣламъ имѣлъ свободный доступъ и свободное слово къ своему монарху; человѣкъ, котораго Николай I не только любилъ, но и чтилъ, какъ никого другого; одинъ, въ которомъ онъ никогда не подозрѣвалъ скрытой мысли, которому довѣрялся вполнѣ и безъ утайки, какъ прямодушному и благонамѣренному совѣтнику, почти какъ ментору; одинъ, можно сказать, котораго онъ считалъ и называлъ своимъ другомъ". „Государи должны благодарить небо за такихъ людей", сказалъ Николай I о Васильчиковѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Б. А. Васильчикову, С.-Петербургъ.)

Le prince **HILARION VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF**, 1776—1847, fils du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff et de Catherine Hilarionowna, née Ovtzyne († 1832), naquit en 1776 (selon d'autres sources, au plus tard en 1775). Enrôlé tout jeune au régiment Izmaïlowsky, il débuta au service sous-officier à la Garde à cheval en 1792, et passa cornette le 1er janvier 1793. Son élévation date du règne de Paul Ier, qui le fit chambellan en 1799. Dans son service à la Cour et à la Garde, il se lia avec le Grand-Duc Héritier. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut promu général major et fait général aide de camp. Nommé en 1803 commandant du régiment d'Akhtyrka, il fit à sa tête la campagne de 1807. Les guerres de 1812—1814 lui fournirent encore mieux l'occasion de déployer ses talents militaires. Borodino, où il fut blessé, lui valut le grade de général lieutenant. A Kaiserswald, où il reçut une nouvelle blessure, il tailla les Français en pièces, et, à Katzbach, à la tête de toute la cavalerie de l'armée de Silésie, son audacieuse attaque arracha la victoire à l'ennemi. Après Leipzig, il poussa la poursuite jusque sur le Rhin, et, à La Rothière, gagna St-Georges de 2e classe. A la conclusion de la paix de Paris, il fut envoyer en porter la nouvelle à Moscou. Il forma en France le régiment des chasseurs à cheval (aujourd'hui des grenadiers à cheval) de la Garde, et en fut nommé chef. Il reçut en 1814 la division de cavalerie légère de la Garde, et en 1817 un corps de la Garde. Il se trouva, comme commandant de corps, dans une situation très difficile, aux prises, d'une part avec les intrigues de ses ennemis, d'autre part avec l'humeur rancunière et défiante d'Alexandre Ier. C'est sous son commandement qu'arriva la fameuse histoire des Sémenowsky, qui lui attira nombre de désagréments. En 1821, il se fit donner sa retraite et fut nommé membre du Conseil de l'Empire. Il eut à jouer un rôle marquant dans la répression de l'insurrection du 14 décembre. Ce fut lui qui fit concevoir à Nicolas Ier la nécessité de mesures radicales: „Sire, il n'y a pas un moment à perdre, l'on n'y peut rien maintenant, il faut de la mitraille".—„Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne", lui répliqua l'Empereur.—„Pour sauver Votre empire!" Le jour du couronnement, il fut décoré de St-André. En 1831, il fut chargé du commandement des troupes de Pétersbourg et des environs, et, le 6 décembre de la même année, reçut le titre de comte. En 1833, il fut nommé inspecteur général de la cavalerie et chef du régiment des hussards d'Akhtyrka, en 1838 devint président du Conseil de l'Empire et du Comité des ministres, et, le 1er janvier 1839, fut élevé à la dignité de prince. Il mourut le 21 février 1847 dans de cruelles souffrances, et fut inhumé dans sa propriété du gouvernement de Novgorod.

Au témoignage des contemporains, Vassiltchikoff est, de tous les collaborateurs de Nicolas Ier, la personnalité la plus sympathique. Judicieux, loyal, désintéressé, indépendant dans ses opinions, vrai chevalier d'honneur, il méritait bien la confiance dont il jouit près d'Alexandre Ier et de Nicolas Ier. Il fut un des rares qui ne courbèrent pas l'échine devant Araktchéeff tout-puissant. Ce fut sur ses instances que Nicolas Ier, alors Grand-Duc, exprima ses regrets à l'officier de la Garde Noroff, qu'il avait outragé à la parade; dans la suite, ce prince, se rappelant son moment de vivacité, le remercia de son insistance. „Vassiltchikoff", dit le comte M. Korff, „était le seul homme qui eût à tout moment et à tout propos libre accès et libre avis près de son monarque, un homme que Nicolas Ier non seulement aimait, mais encore honorait comme il n'honorait personne, le seul auquel il ne soupçonnât jamais d'arrière-pensée, dans lequel il eût confiance entièrement et sans réserve, comme dans un conseiller loyal et bien intentionné, presque comme dans un mentor, le seul, on peut le dire, qu'il estimait et appelait son ami". „Les souverains devraient remercier le Ciel de tels hommes", disait Nicolas Ier de Vassiltchikoff.

(D'après une miniature appartenant au prince B. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

202

Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, 1771 — 1847

Le Prince Hilarion Vassiliewitch Vassiltchikoff, 1771 — 1847

203

Княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова, 1793 — 1875

La Princesse Tatiana Vassiliewna Vassiltchikoff, 1793 — 1875

204

Пис. Виже-Лебренъ

Peint par Vigée-Lebrun

Вѣра Петровна Васильчикова, 1780 — 1814

Véra Pétrowna Vassiltchikoff, 1780 — 1814

205

Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ, 1778 — 1859

Dmitri Vassiliewitch Vassiltchikoff, 1778 — 1859

Княгиня **ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ВАСИЛЬЧИКОВА**, 1793 — 1875, дочь оберъ-егермейстера Василія Александровича Пашкова (р. 1759 г., † 1834 г.) и Екатерины Александровны (р. 1768 г., † 1865 г.), рожденной графини Толстой, вторая жена предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генерала-отъ-кавалеріи князя Иларіона Васильевича Васильчикова (р. 1776 г., † 1847 г.), родилась 25 Іюля 1793 года. Въ статсъ-дамы пожалована 5 Декабря 1837 года.

Скончалась княгиня Т. В. Васильчикова 4 Апрѣля 1875 года и похоронена на погостѣ Струпино, Новгородскаго уѣзда, въ церкви, съ правой стороны придѣла св. Николая Чудотворца.

Имѣла 4 сыновей и 3 дочерей: 1) Александра (общественный дѣятель и писатель-экономистъ; р. 1818 г., † 1881 г.), 2) Виктора (генералъ-адъютантъ, писатель-агрономъ; р. 1820 г., † 1878 г.), 3) Сергѣя (полковникъ; † 1859 г.), 4) Василія (р. 1826 г.), 5) Софію († 1854 г.), 6) Ольгу и 7) Надежду.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Б. А. Васильчикову, въ С.-Петербургѣ.)

203

La princesse **TATIANA VASSILIEWNA VASSILTCHIKOFF**, 1795—1875, fille du grand veneur Basile Alexandrowitch Pachkoff (1759—1834) et de Catherine Alexandrowna, née comtesse Tolstoï (1768—1865), était la seconde femme du prince Hilarion Vassiliewitch Vassiltchikoff (1776—1847), général de cavalerie, président du Conseil de l'Empire, et naquit le 25 juillet 1795. Elle fut faite dame d'honneur le 5 décembre 1837.

La princesse Vassiltchikoff mourut le 4 avril 1875, et fut inhumée à l'église de Stroupine, district de Novgorod, dans la chapelle de Saint-Nicolas-le-Thaumaturge.

Elle eut quatre fils, Alexandre (1818—1881), homme public et écrivain économiste, Victor (1820—1878), général aide de camp, écrivain agronome, Serge († 1859), colonel, et Basile (né 1826), et trois filles, Sophie († 1854), Olga et Nadejda.

(D'après une miniature appartenant au prince B. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

204

ВѢРА ПЕТРОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА, 1780—1814, дочь генералъ-поручика, сенатора Петра Степановича Протасова (р. 1730 г., † 1794 г.) и Александры Ивановны (р. 1750 г., † 1782 г.), рожденной Протасовой, племянница камеръ-фрейлины графини Анны Степановны Протасовой, была первой супругой Иларіона Васильевича Васильчикова, впослѣдствіи князя (р. 1777 г., † 1847 г.). 17 Сентября 1801 г. В. П. Протасова была возведена вмѣстѣ съ остальными племянниками и племянницами пожалованной въ графини А. С. Протасовой въ графское достоинство. Была фрейлиной и незадолго до смерти пожалована кавалерственной дамой ордена св. Екатерины меньшаго креста (30 Августа 1814 г.). Подобно своимъ старшимъ сестрамъ, княгинѣ А. П. Голицыной, графинѣ Е. П. Ростопчиной и графинѣ В. П. Протасовой, перешла въ католичество. Скончалась, въ молодыхъ годахъ, 2 Октября 1814 года, и похоронена въ церкви погоста Струнино, на берегу рѣки Шелони, Новгородскаго уѣзда, въ придѣлѣ во имя Св. Духа.

Князь П. Долгорукій въ своихъ „Мемуарахъ“ разсказываетъ такой „анекдотъ“: „Le prince Vassiltchikow, marié en premières noces à une comtesse Protassow, partait, en 1814, pour l'étranger, avec sa femme, déjà condamnée par les médecins. Il vint, avant son départ, faire une visite à Mme Pachkow, et dit à celle-ci, en parlant de sa fille aînée: „Mademoiselle Tatiana est bien belle; je suis persuadé que vous êtes assaillie de demandes en mariage“. Mme Pachkow lui répondit, en le tutoyant, suivant l'usage russe de la vieille roche: „Mon cher, j'attendrai que tu deviennes veuf, et alors je te la donnerai en mariage!“ Quelques mois après, Mme Vassiltchikow mourut, et son mari, après deux années de veuvage, épousait Mlle Tatiana Pachkow“.

Отъ брака съ П. В. Васильчиковымъ имѣла сына Иларіона (Кіевскій генералъ-губернаторъ, † 1862 г.) и дочь Екатерину, въ замужствѣ за Лужинымъ.

(Съ портрета В.-Лебренъ; собственность князя С. И. Васильчикова, въ С.-Петербургѣ.)

204

VÉRA PÉTROWNA VASSILTCHIKOFF, 1780—1814, fille du général lieutenant et sénateur Pierre Stépanowitch Protassoff (1730—1794) et d'Alexandrine Ivanowna, née Protassoff (1750—1782), était nièce de la demoiselle d'honneur honoraire comtesse Anne Stépanowna Protassoff et première femme d'Hilarion Vassiliewitch Vassiltchikoff (1777—1847), dans la suite prince. Elle fut élevée le 17 septembre 1801 à la dignité de comtesse, en même temps que les autres neveux et nièces d'Anne Protassoff devenue comtesse. Elle fut demoiselle d'honneur et, peu avant sa mort, dame de Ste-Catherine (30 août 1814). Comme ses sœurs aînées, la princesse A. Golitzyne, la comtesse C. Rostoptchine et la comtesse V. Protassoff, elle embrassa le catholicisme. Elle mourut encore jeune, le 2 octobre 1814, et fut inhumée sur les bords de la Chélone, à l'église de Stroupine, district de Novgorod, dans la chapelle du Saint-Esprit.

Le prince P. Dolgorouky raconte dans ses Mémoires l'anecdote suivante: „Le prince Vassiltchikow, marié en premières noces à une comtesse Protassow, partait, en 1814, pour l'étranger, avec sa femme, déjà condamnée par les médecins. Il vint, avant son départ, faire une visite à Mme Pachkow, et dit à celle-ci, en parlant de sa fille aînée: „Mademoiselle Tatiana est bien belle; je suis persuadé que vous êtes assaillie de demandes en mariage". Mme Pachkow lui répondit, en le tutoyant, suivant l'usage russe de la vieille roche: „Mon cher, j'attendrai que tu deviennes veuf, et alors je te la donnerai en mariage!" Quelques mois après, Mme Vassiltchikow mourut, et son mari, après deux années de veuvage, épousait Mlle Tatiana Pachkow".

Mme Vassiltchikoff eut de son mariage un fils Hilarion († 1862), général gouverneur de Kieff, et une fille Catherine, mariée à Loujine.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au prince S. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1778—1859, сынъ бригадира Василія Алексѣевича отъ брака съ Екатериной Иларіоновной Овцыной, младшій братъ князя Иларіона Васильевича, 7-и лѣтъ былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, а на дѣйствительную службу поступилъ въ 1794 г. въ Конную гвардію и въ 1796 г. произведенъ въ корнеты. Въ царствованіе Павла I обоимъ братьямъ удалось выдвинуться; въ 1799 г. Дмитрій Васильевичъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ то время, какъ большинство современниковъ съ ужасомъ вспоминало послѣдніе годы царствованія Павла, у Васильчикова, напротивъ, сохранились о нихъ самыя пріятныя воспоминанія: „никогда такъ не веселились“, по его мнѣнію, „какъ въ это время“. Въ старости онъ любилъ вспоминать эти годы. Между прочимъ, онъ разсказывалъ объ одномъ своемъ смѣломъ постункѣ, который могъ и на него навлечь гнѣвъ Государя: Павелъ I запретилъ танцовать вальсъ; несмотря на это, когда А. П. Лопухина, которой увлекался и Васильчиковъ, высказалась на балу о желаніи провальспровать, онъ именемъ Государя велѣлъ оркестру играть вальсъ и протанцовалъ съ Лопухиной. Павелъ I нашелъ, что пара отлично вальсируетъ, и съ тѣхъ поръ опять вошелъ въ употребленіе запретный танецъ. Въ 1800 г. Васильчиковъ былъ назначенъ совѣтникомъ Государственной экспедиціи для ревизіи счетовъ, въ 1801 г. зачисленъ, въ чинѣ ротмистра, въ Кавалергардскій полкъ, въ 1802 г. произведенъ въ полковники, а въ 1804 г. вторично пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Переведенный въ 1808 г. въ Ахтырскій гусарскій полкъ, Васильчиковъ принялъ съ нимъ участіе въ походѣ въ Галицію въ 1809 г. и въ Отечественной войнѣ, давшей ему ордена св. Владиміра 3 ст. и Георгія 4 ст. и чинъ генералъ-майора. Какъ въ 1812 г., такъ и въ слѣдующіе годы онъ обнаружилъ выдающуюся храбрость, наградой за которую были, кромѣ указанныхъ, ордена св. Анны 1 ст. (Кацбахъ), Георгія 3 ст. (Лейпцигъ), Владиміра 2 ст. (Ларотьеръ) и золотое оружіе. Въ 1814 г. Васильчиковъ получилъ въ командованіе бригаду во 2-й гусарской дивизіи, съ которой вступилъ въ Парижъ, а въ 1816 г.—1-ю уланскую дивизію. Уволенный по болѣзни въ 1822 г., онъ вновь поступилъ на службу въ 1830 г., но уже по придворному вѣдомству вице-президентомъ Гофъ-Интендантской конторы, съ званіемъ гофмейстера. Пожалованный въ 1832 г. въ егермейстеры, Васильчиковъ получилъ въ завѣдываніе придворную охоту, а также гофмейстерскую часть двора Великаго Князя Михаила Павловича. Оберъ-егермейстеръ съ 1838 г., въ 1846 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Часть своего времени Васильчиковъ посвящалъ дѣламъ общественной благотворительности, будучи членомъ, а съ 1853 г. предсѣдателемъ Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія и попечителемъ нѣсколькихъ больницъ. Дойдя до высшихъ служебныхъ степеней, Васильчиковъ имѣлъ и всѣ высшіе ордена, до алмазовъ къ Андрею Первозванному включительно. Скончался онъ въ 1859 г. и погребенъ въ имѣніи Новгородской губерніи.

При красивой наружности Васильчиковъ отличался мягкимъ, веселымъ и живымъ характеромъ. Благодаря своей добротѣ, онъ былъ очень любимъ подчиненными. Пылкій и храбрый, онъ былъ однимъ изъ выдающихся кавалеристовъ своего времени. За лихую атаку его бригады, во флангъ французамъ, Блюхеръ расцѣловалъ его на полѣ сраженія передъ всѣми войсками. До насъ дошелъ и неблагопріятный для Васильчикова отзывъ: декабристъ Якушкинъ называетъ его плохимъ человѣкомъ. Отъ брака съ графиней Аделаидой Петровной Апраксиной († 1851 г.), одной изъ наслѣдницъ состоянія Разумовскихъ, Васильчиковъ имѣлъ 4 дочерей: 1) Елизавету (р. 1805 г., † 1890 г.; за Протасовымъ), 2) Софію (р. 1809 г.; за Н. М. Васильчиковымъ), 3) Екатерину (р. 1811 г.; за графомъ Кушелевымъ-Безбородко) и 4) Татьяну, (р. 1823 г.; за графомъ А. С. Строгановымъ).

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

DMITRI VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF, 1778 — 1859, fils du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff et de Catherine Hilarionowna, née Ovtzyne, et frère aîné du prince Hilarion Vassiliewitch Vassiltchikoff. Enrôlé sergent à l'âge de 7 ans au régiment Préobragensky, il entra au service actif à la Garde à cheval en 1794 et passa cornette en 1796. Sous le règne de Paul, les deux frères firent une carrière rapide; en 1799, Dmitri devint chambellan actuel. Tandis que la plupart des contemporains ne rappellent pas sans effroi les dernières années du règne de Paul, lui, au contraire, en a conservé le meilleur souvenir: „Jamais", dit-il, „on ne s'est tant amusé qu'alors". Dans sa vieillesse, il aimait encore en parler. Ainsi il racontait une chose qu'il avait eu l'audace de faire, au risque d'encourir le courroux de l'Empereur: Paul Ier avait défendu la valse; or, Mlle Lopoukhine, dont il était aussi un adorateur, ayant exprimé au bal le désir de valser, il ordonna à l'orchestre, au nom de l'Empereur, de jouer une valse, et la dansa avec la favorite. Paul Ier trouva que le couple dansait parfaitement, et leva dès lors son interdiction. Vassiltchikoff fut en 1800 nommé conseiller au contrôle financier, en 1801, affecté comme capitaine de cavalerie au régiment des Chevaliers-Gardes, en 1802, promu colonel et, en 1804, refait chambellan actuel. Il permuta en 1808 au régiment des hussards d'Akhtyrka, avec lequel il fit la campagne de Galicie en 1809 et la Guerre Patriotique, où il gagna St-Vladimir de 3e classe, St-Georges de 4e classe et le grade de général major. En 1812 comme les années suivantes, il déploya une valeur peu commune, qui lui valut, outre les distinctions précédentes, Ste-Anne de 1re classe (Katzbach), St-Georges de 3e classe (Leipzig), St-Vladimir de 2e classe (La Rothière) et une épée d'or. Il reçut en 1814 le commandement d'une brigade de la 2e division de hussards, avec laquelle il entra à Paris, et, en 1816, la 1re division de uhlans. Mis à la retraite pour raisons de santé en 1822, il reprit du service en 1830, mais dans le ressort de la Cour comme vice-président du bureau de l'intendance de la Cour avec le titre de maître de la Cour. Il reçut en 1832, avec le titre de veneur, l'administration des chasses Impériales, et devint maître de la Cour du Grand-Duc Michel Pavlowitch. Grand veneur en 1838, il fut fait en 1846 membre du Conseil de l'Empire. Il consacrait une partie de son temps à des œuvres de bienfaisance publique, étant membre, et depuis 1853 président, du Conseil des établissements d'assistance publique et curateur de plusieurs hôpitaux. Parvenu aux plus hauts échelons de la hiérarchie, il eut aussi les plus hautes décorations, y compris St-André en diamants. Il mourut en 1859, et fut inhumé dans sa propriété du gouvernement de Novgorod.

Avec un physique avantageux, Vassiltchikoff avait le caractère doux, gai et animé. Ses subordonnés l'aimaient beaucoup pour sa bonté. Ardent et brave, il était un des premiers cavaliers de son temps. Après une brillante attaque poussée par sa brigade sur le flanc des Français, Blücher l'embrassa sur le champ de bataille en présence de toutes les troupes. Il y a aussi une voix défavorable sur son compte: le décabriste Yakouchkine le qualifie de mauvais homme. Il eut de son mariage avec la comtesse Adélaïde Pétrowna Apraxine († 1851), une des héritières de la fortune des Razoumowsky, quatre filles: Elisabeth (1805—1890), mariée à Protassoff, Sophie (née 1809), à N. Vassiltchikoff, Catherine (née 1811), au comte Kouchéleff-Bezborodko, et Tatiana (née 1823), au comte A. Stroganoff.

(D'après une miniature du Musée Historique, Moscou.)

206

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1776—1854, сынъ камергера Василія Семеновича († 1808 г.) отъ брака съ графиней Анной Кирилловной Разумовской (въ монахиняхъ—Агнія), племянникъ фаворита Екатерины II, родился 9 Сентября 1776 г.; служилъ сначала на дипломатическомъ поприщѣ и состоялъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, подъ начальствомъ своего дяди графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Скончался А. В. Васильчиковъ 18 Апрѣля 1854 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

По отзыву Е. П. Яньковой, Васпльчиковъ былъ человѣкъ необщительный, холодный въ обращеніи, высокаго роста, красивый лицомъ, но съ очень рѣдкими волосами на головѣ. По другому отзыву, онъ былъ человѣкъ весьма обыкновенный, но добрый. Въ семьѣ первенствовала его умная жена Александра Ивановна (р. 1795 г., † 1855 г.), отъ которой онъ имѣлъ 3 сыновей и 2 дочерей. Васильчиковъ имѣлъ хорошія средства, унаслѣдовавъ часть состоянія Разумовскихъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

206

ALEXIS VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF, 1776—1854, fils du chambellan Basile Sémenowitch Vassiltchikoff († 1808) et d'Anne Kirillowna, née comtesse Razoumowsky (en religion Agnès), et neveu du favori de Catherine II, naquit le 9 septembre 1776. Il débuta au service dans la carrière diplomatique et fut attaché à l'ambassade de Vienne, sous les ordres de son oncle le comte André Kirillowitch Razoumowsky, et devint dans la suite conseiller privé actuel et sénateur. Il mourut le 18 avril 1854, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Au témoignage de Mme E. Yankoff, Vassiltchikoff était peu sociable, d'abord froid, grand et beau de visage, mais avec les cheveux très rares. Selon d'autres, il était tout à fait ordinaire, mais bon. La première place dans sa famille appartenait à sa femme Alexandrine Ivanowna (1795—1855), personne de tête, dont il eut trois fils et deux filles. Héritier d'une partie de la fortune des Razoumowsky, il était dans une large aisance.

(D'après une miniature appartenant à Mme M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

206

Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, 1776 — 1854

Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, 1776 — 1854

207

Александра Ивановна Васильчикова, 1795 — 1855

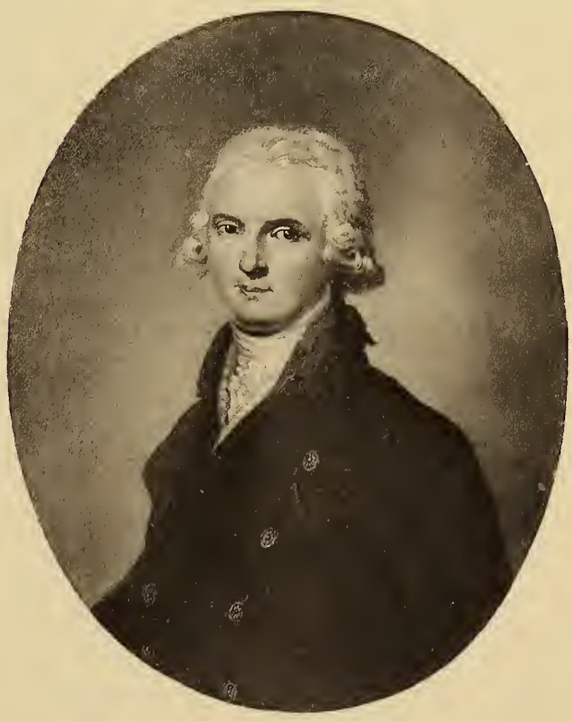
Alexandrine Ivanowna Vassiltchikoff, 1795 — 1855

208

Екатерина Иларіоновна Васильчикова, 175. — 1837

Catherine Hilarionowna Vassiltchikoff, 175. — 1837

209



Василій Алексѣевичъ Васильчиковъ, 1750 — 18..

Basile Alexéewitch Vassiltchikoff, 1750 — 18..

207

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА, 1795 — 1855, дочь генерала-отъ-инфантеріи Ивана Петровича Архарова (р. 1744 г., † 1815 г.), отъ 2-го его брака съ Екатериной Александровной Римской-Корсаковой (р. 1755 г., † 1836 г.), жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Васильевича Васильчикова (р. 1776 г., † 1854 г.), родилась 2 Февраля 1795 года. Любимая фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, она была въ молодости красавицей, но, унаслѣдовавъ строгія правила матери, отличалась такой неприступностью, что за ней никто не дерзалъ ухаживать. Заботливая мать, А. И. Васильчикова на время удалилась изъ столицы въ Кіевъ, чтобы воспитывать дѣтей вдали отъ пагубнаго вліянія большого свѣта. Въ теченіе нѣкотораго времени воспитателемъ одного изъ ея сыновей, вслѣдствіе физическаго недостатка имѣвшаго ненормальныя умственныя способности, былъ Н. В. Гоголь. Она была поклонница англійской системы воспитанія дѣтей, и домъ ея велся на англійскій ладъ. Во время пребыванія въ Кіевѣ, Васильчиковы славились своимъ гостепріимствомъ. Александра Ивановна, по общему голосу всѣхъ знавшихъ ее, отличалась умомъ и высокими душевными качествами.

Скончалась А. И. Васильчикова 2 Іюля 1855 г. и погребена, рядомъ съ мужемъ, въ Донскомъ монастырѣ. У нея было 3 сына и 2 дочери: 1) Василій (съ нимъ занимался Гоголь), 2) Петръ (р. 1829 г., † 1898 г.), 3) Александръ (р. 1832 г., † 1890 г.; директоръ Эрмитажа, авторъ „Семейства Разумовскихъ“), 4) Анна († 1890; за графомъ Павломъ Трофимовичемъ Барановымъ), 5) Екатерина (р. 1825 г., † 1888 г.; за княземъ Владиміромъ Александровичемъ Черкасскимъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

207

ALEXANDRINE IVANOWNA VASSILTCHIKOFF, 1795—1855, fille du général d'infanterie Ivan Pétrowitch Arkharoff (1744—1815) et de sa seconde femme Catherine Alexandrowna, née Rimsky-Korsakoff (1755—1836), et femme du conseiller privé actuel Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff (1776—1854), naquit le 2 février 1795. Demoiselle d'honneur préférée de l'Impératrice Marie Féodorowna, elle fut une beauté dans sa jeunesse, mais, avec les sévères principes qu'elle tenait de sa mère, elle était d'un abord si difficile que personne ne se risquait à lui faire la cour. Dans sa sollicitude, sa mère quitta pour quelque temps la capitale et se fixa à Kieff, pour soustraire ses enfants à la pernicieuse influence du grand monde. Elle eut un certain temps comme précepteur d'un de ses fils, atteint d'un vice de conformation et intellectuellement anormal, Nicolas Gogol. Partisan du système d'éducation anglais, elle avait arrangé son intérieur à l'anglaise. Sa maison de Kieff était renommée pour ses réceptions. Au témoignage unanime de tous ceux qui la connurent, c'était une personne de tête et d'un moral supérieur.

Mme Vassiltchikoff mourut le 2 juillet 1855, et fut inhumée près de son mari, au monastère Donskoï. Elle eut trois fils, Basile, l'élève de Gogol, Pierre (1829—1898), Alexandre (1832—1890), directeur de l'Ermitage, auteur de La Famille Razoumowsky, et deux filles, Anne († 1890), mariée au comte Paul Trofimowitch Baranoff, et Catherine (1825—1888), au prince Vladimir Alexandrowitch Tcherkassky.

(D'après une miniature appartenant à Mme M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

ЕКАТЕРИНА ИЛАРІОНОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА, 1754—1832, рожденная Овцына, дочь бригадира, была замужемъ за бригадиромъ Василіемъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ.

Отъ этого брака Е. И. Васильчикова имѣла 6 человѣкъ дѣтей: 1) Иларіона (р. 1776 г., † 1847 г; князь, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ), 2) Димитрія (р. 1778 г., † 1859 г.; оберъ-егермейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта), 3) Алексѣя (Новгородскій губернаторъ), 4) Николая (р. 1781 г., † 1839 г.; генералъ-майоръ), 5) Екатерину и 6) Татьяну (р. 1783 г., † 1841 г.; статсъ-дама, жена Московскаго генералъ-губернатора свѣтлѣйшаго князя Димитрія Владиміровича Голицына).

Скончалась Е. И. Васильчикова, на 78 году отъ рожденія, 30 Ноября 1832 года и похоронена на берегу рѣки Шелони, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ церкви погоста Струпина, въ придѣлѣ Знаменія Пресвятой Богородицы, рядомъ съ мужемъ.

Совершенно подобные же портреты Василія Алексѣевича и Екатерины Иларіоновны Васильчиковыхъ имѣются въ С.-Петербургѣ у А. Н. Воейкова.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. Н. Долгорукому; с. Волынщина, Московской губ.)

209

BASILE ALEXÉEWITCH VASSILTCHIKOFF, 1754—1830, brigadier, fils du major Alexis Grigoriewitch Vassiltchikoff († 1762) et cousin germain de la favorite de Catherine II, Alexandrine Sémenowna Vassiltchikoff, épousa Catherine Hilarionowna Ovtzyne († 1832), dont il eut quatre fils, „nobles paladins, seigneurs russes dans l'âme", dit Wiegel, Hilarion (1776—1847), prince président du Conseil de l'Empire et du Comité des ministres, Dmitri (1778—1859), grand veneur, membre du Conseil de l'Empire, Alexis, gouverneur de Novgorod, et Nicolas (1781—1839), général major, et deux filles, Catherine et Tatiana (1785—1841), dame d'honneur, femme du prince sérénissime Dmitri Vladimirowitch Golitzyne, général gouverneur de Moscou.

Vassiltchikoff mourut le 5 mars 1830, dans sa 76e année, et fut inhumé à l'église de Stroupine, district de Novgorod, dans la chapelle de l'Apparition de la Vierge.

(D'après un original appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

№№

АЛОПЕУСЪ, графъ Давидъ Максимовичъ . . 52
АЛОПЕУСЪ, Максимъ Максимовичъ . . . 51
АПРАКСИНА, Софія Петровна 39
АПРАКСИНЪ, Владиміръ Степановичъ . . . 195

БАГГОВУТЪ, Карлъ Федоровичъ 58
БАКУНИНА, Екатерина Александровна . . 21
БАКУНИНЪ, Павелъ Петровичъ 20
БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ, князь Михаилъ Богдановичъ 13
БАРТЕНЕВА, Прасковья Арсеньевна . . . 44
БАТЮШКОВЪ, Константинъ Николаевичъ . 80
БАХМЕТЕВА, Викторія Станиславовна. . . 162
БАХМЕТЕВЪ, Алексѣй Николаевичъ . . . 161
БЕЦКОЙ, Иванъ Ивановичъ 7
БИБИКОВА, Софья Сергѣевна. 199
БИБИКОВЪ, Александръ Александровичъ . . 61
БИБИКОВЪ, Александръ Ильичъ. 121
БИБИКОВЪ, Дмитрій Гавриловичъ 198
БОРОВИКОВСКІЙ, Владиміръ Лукичъ . . . 160
БОРЩЕВА, Наталья Семеновна 29
БУНИНА, Анна Петровна 76
БУТУРЛИНА, графиня Анна Артемьевна . . 65
БУТУРЛИНЪ, графъ Александръ Борисовичъ. 122
БУТУРЛИНЪ, графъ Дмитрій Петровичъ . . 64
БѢЛОСЕЛЬСКАЯ-БѢЛОЗЕРСКАЯ, княгиня Анна Григорьевна 43
БѢЛОСЕЛЬСКІЙ-БѢЛОЗЕРСКІЙ, князь Александръ Михайловичъ 200

ВАДКОВСКАЯ, Екатерина Ивановна . . . 125
ВАДКОВСКІЙ, Федоръ Федоровичъ. . . . 126
ВАЛУЕВА, Дарья Александровна. 34
ВАЛУЕВЪ, Петръ Степановичъ 105
ВАСИЛЬЧИКОВА, Александра Ивановна . . 207
ВАСИЛЬЧИКОВА, Вѣра Петровна 204
ВАСИЛЬЧИКОВА, Екатерина Иларіоновна . 208

№№

ВАСИЛЬЧИКОВА, княгиня Татьяна Васильевна 203
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Алексѣй Васильевичъ . . 206
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Василій Алексѣевичъ . . 209
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Дмитрій Васильевичъ . . 205
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, князь Иларіонъ Васильевичъ. 202
ВИРТЕМБЕРГСКІЙ, принцъ Александръ . . 131
ВИРТЕМБЕРГСКІЙ, принцъ Евгеній . . . 132
ВИТГЕНШТЕЙНЪ, свѣтлѣйшій князь Петръ Христіановичъ 91
ВИТТЪ, графъ Иванъ Осиповичъ. 108
ВОЛКОНСКАЯ, княгиня Екатерина Дмитріевна 101
ВОЛКОНСКІЙ, князь Михаилъ Никитичъ. . 97
ВОРОНЦОВА, графиня Екатерина Артемьевна. 67

ГАГАРИНА, княгиня Екатерина Петровна . 33
ГАГАРИНА, княгиня Марія Алексѣевна . . 138
ГАГАРИНА, княгиня Прасковія Федоровна . 70
ГАГАРИНЪ, князь Гавріилъ Петровичъ . . 72
ГАГАРИНЪ, князь Григорій Ивановичъ . . 134
ГАГАРИНЪ, князь Иванъ Алексѣевичъ . . 95
ГАГАРИНЪ, князь Иванъ Сергѣевичъ . . . 133
ГАГАРИНЪ, князь Павелъ Гавриловичъ . . 73
ГАМАЛѢЯ, Семенъ Ивановичъ 156
ГНѢДИЧЪ, Николай Ивановичъ 190
ГОГЕЛЬ, Федоръ Григорьевичъ 59
ГОЛИЦЫНА, княгиня Анна Александровна . 17
ГОЛИЦЫНА, княгиня Анна Александровна . 100
ГОЛИЦЫНА, княгиня Дарья Алексѣевна . . 90
ГОЛИЦЫНА, княгиня Екатерина Ивановна . 117
ГОЛИЦЫНА, княгиня Наталія Степановна . 120
ГОЛИЦЫНА, свѣтлѣйшая княгиня Татьяна Васильевна 2
ГОЛИЦЫНЪ, князь Александръ Михайловичъ. 173
ГОЛИЦЫНЪ, князь Борисъ Андреевичъ . . 115
ГОЛИЦЫНЪ, князь Владиміръ Сергѣевичъ . 119
ГОЛИЦЫНЪ, князь Григорій Сергѣевичъ. . 118

INDEX ALPHABÉTIQUE DES PERSONNAGES.

№№

ALOPÉUS, Comte David Maximowitch . . . 52
ALOPÉUS, Maxime Maximowitch 51
APRAXINE, Sophie Pétrowna 39
APRAXINE, Vladimir Stépanowitch 195

BAGGOVOUT, Charles Féodorowitch 58
BAKHMÉTEFF, Victoria Stanislavowna . . . 162
BAKHMÉTEFF, Alexis Nikolaewitch 161
BAKOUNINE, Catherine Alexandrowna . . . 21
BAKOUNINE, Paul Pétrowitch 20
BARCLAY DE TOLLY, Prince Michel Bogdanowitch 13
BARTÉNEFF, Prascovie Arséniewna 44
BATIOUCHKOFF, Constantin Nikolaewitch . . 80
BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, Princesse Anne Grigoriewna 43
BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, Pce Alexandre Mikhaïlowitch 200
BETZKOÏ, Ivan Ivanowitch 7
BIBIKOFF, Sophie Serguéewna 199
BIBIKOFF, Alexandre Alexandrowitch . . . 61
BIBIKOFF, Alexandre Ilyitch 121
BIBIKOFF, Dmitri Gavrilowitch 198
BORCHTCHEFF, Natalie Sémenowna 29
BOROVIKOWSKY, Vladimir Loukitch . . . 160
BOUNINE, Anne Pétrowna 76
BOUTOURLINE, Comtesse Anne Artémiewna . 65
BOUTOURLINE, Comte Alexandre Borissowitch. 122
BOUTOURLINE, Comte Dmitri Pétrowitch . . 64

CHAKHOWSKOÏ, Prince Jacques Pétrowitch . 62
CHÉRÉMÉTEFF, Comtesse Prascovie Ivanowna. 18
CHÉRÉMÉTEFF, Comte Nicolas Pétrowitch . 111
CHÉRÉMÉTEFF, Comte Pierre Borissowitch . 16
CHLYKOFF, Tatiana Vassiliewna 112
CZARTORYSKY, Prince Adam 26

№№

DAVYDOFF, Denis Vassiliewitch 171
DMITRIEFF, Ivan Ivanowitch 165
DMITRIEFF-MAMONOFF, Comtesse Daria Féodorowna 71
DOMACHNEFF, Varvara Ivanowna 86
DOMACHNEFF, Serge Guérassimowitch . . . 84
ERMOLOFF, Alexis Pétrowitch. 170, 176
ERMOLOFF, Nicolas Alexéewitch 174
ERMOLOFF, Pierre Alexéewitch 175
ERMOLOFF, Pierre Nikolaewitch 177

GAGARINE, Princesse Catherine Pétrowna . . 53
GAGARINE, Princesse Marie Alexéewna. . . 138
GAGARINE, Princesse Prascovie Féodorowna . 70
GAGARINE, Prince Gabriel Pétrowitch . . . 72
GAGARINE, Prince Grégoire Ivanowitch . . 134
GAGARINE, Prince Ivan Alexéewitch. . . . 95
GAGARINE, Prince Ivan Serguéewitch . . . 133
GAGARINE, Prince Paul Gavrilowitch . . . 73
GAMALÉÏA, Siméon Ivanowitch 156
GNÉDITCH, Nicolas Ivanowitch 190
GOGEL, Théodore Grigoriewitch 59
GOLITZYNE, Princesse Anne Alexandrowna . 17
GOLITZYNE, Princesse Anne Alexandrowna . 100
GOLITZYNE, Princesse Catherine Ivanowna. . 117
GOLITZYNE, Princesse Daria Alexéewna . . 90
GOLITZYNE, Princesse Natalie Stépanowna. . 120
GOLITZYNE, Pr. Sér. Tatiana Vassiliewna . . 2
GOLITZYNE, Prince Alexandre Mikhaïlowitch . 173
GOLITZYNE, Prince Boris Andréewitch . . . 115
GOLITZYNE, Pr. Sér. Dmitri Vladimirowitch . 1
GOLITZYNE, Prince Georges Alexéewitch . . 89
GOLITZYNE, Prince Grégoire Serguéewitch. . 118
GOLITZYNE, Prince Théodore Serguéewitch . 99
GOLITZYNE, Prince Vladimir Serguéewitch. . 119

№№

ГОЛИЦЫНЪ, свѣтлѣйшій князь Димитрій Владиміровичъ. 1
ГОЛИЦЫНЪ, князь Егоръ Алексѣевичъ . . 89
ГОЛИЦЫНЪ, князь Федоръ Сергѣевичъ . . 99
ГОЛОВИНЪ, Евгеній Александровичъ . . . 158
ГОЛОВКИНА, графиня Екатерина Львовна . 166
ГОЛОВКИНЪ, графъ Юрій Александровичъ . 167
ГОРЧАКОВЪ, князь Николай Ивановичъ . 102
ГРЕЙГЪ, Сара 87
ГРЕЙГЪ, Самуилъ Карловичъ. 88
ГУРЬЕВА, графиня Марина Дмитріевна . . 57
ГУРЬЕВЪ, графъ Дмитрій Александровичъ . 196
ГУРЬЕВЪ, графъ Николай Дмитріевичъ . . 201

ДАВЫДОВЪ, Денисъ Васильевичъ 171
ДМИТРІЕВЪ, Иванъ Ивановичъ 165
ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА, графиня Дарья Федоровна. 71
ДОМАШНЕВА, Варвара Ивановна 86
ДОМАШНЕВЪ, Сергѣй Герасимовичъ . . . 84

ЕРМОЛОВЪ, Алексѣй Петровичъ. . . . 170, 176
ЕРМОЛОВЪ, Николай Алексѣевичъ. . . . 174
ЕРМОЛОВЪ, Петръ Алексѣевичъ. 175
ЕРМОЛОВЪ, Петръ Николаевичъ 177

ЗУБОВА, графиня Марія Федоровна. . . . 50

ИСТОМИНА, Авдотья Ильинична. 93

КОЗИЦКАЯ, Екатерина Ивановна 149
КОРСАКОВЪ, Алексѣй Ивановичъ 139
КРИВЦОВА, Елизавета Николаевна. . . . 127
КРИВЦОВА, Екатерина Федоровна 128
КРИВЦОВЪ, Николай Ивановичъ 129
КРИВЦОВЪ, Павелъ Ивановичъ 38
КУРАКИНЫ, княжны Елена Алексѣевна и Александра Алексѣевна 42
КУРУТА, графъ Дмитрій Дмитріевичъ . . . 106
КУТАЙСОВА, графиня Прасковія Петровна . 56
КУТАЙСОВЪ, графъ Александръ Ивановичъ. 55
КУТАЙСОВЪ, графъ Павелъ Ивановичъ . . 57
КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ, князь Михаилъ Иларіоновичъ. 12
КУШЕЛЕВА, графиня Любовь Ильинична . 6
КУШЕЛЕВЪ, графъ Григорій Григорьевичъ . 5
КУШНИКОВА, Екатерина Петровна . . . 197

ЛАМЗДОРФЪ, графиня Анна Логгиновна. . 142
ЛАМЗДОРФЪ, графъ Матвѣй Ивановичъ . . 141

№№

ЛЕВШИНА, Александра Петровна 32
ЛЕРМОНТОВЪ, Михаилъ Юрьевичъ (?) . . 188
ЛИВЕНЪ, свѣтл. княгиня Дарья (Доротея) Христофоровна 24
ЛИВЕНЪ, свѣтл. князь Христофоръ Андреевичъ 23
ЛИВЕНЪ, свѣтл. княгиня Шарлотта Карловна. 104
ЛОПУХИНА, Екатерина Александровна . . 53
ЛОПУХИНА, свѣтл. княгиня Жанетта (Анна) Ивановна 11
ЛОПУХИНЪ, Иванъ Владиміровичъ. . . . 157
ЛОПУХИНЪ, свѣтл. князь Павелъ Петровичъ. 54
ЛЬВОВА, Марія Алексѣевна 19
ЛЬВОВЪ, Николай Александровичъ. . . . 113

МАДАТОВЪ, князь Валеріанъ Григорьевичъ . 92
МАЗОВСКОЙ, Николай Николаевичъ . . . 146
МАРЧЕНКО, Василій Романовичъ 191
МАТЮШКИНА, графиня Анна Алексѣевна . 13
МЕНШИКОВА, свѣтл. княгиня Екатерина Николаевна 46
МИШО-де-БОРЕТУРЪ, графъ Александръ Францовичъ 107
МОЛЧАНОВА, Екатерина Ивановна. . . . 30
МУХАНОВА, Варвара Дмитріевна 82
МУХАНОВЪ, Сергѣй Ильичъ 83

НАРЫШКИНА, Варвара Алексѣевна . . . 137
НАРЫШКИНА, Марія Антоновна 35
НАРЫШКИНА, Марія Яковлевна 168
НАРЫШКИНЪ, Дмитрій Львовичъ 36
НАРЫШКИНЪ, Кириллъ Александровичъ. . 169
НАРЫШКИНЪ, Семенъ Кирилловичъ . . . 172
НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ, Юрій Александровичъ. 163
НЕЛИДОВА, Екатерина Ивановна 31
НОВИКОВЪ, Николай Ивановичъ 155

ОБОЛЕНСКІЙ, князь Андрей Петровичъ . . 85
ОДОЕВСКІЙ, князь Александръ Ивановичъ . 189
ОЛЕНИНА, Анна Алексѣевна 74
ОЛЕНИНА, Елизавета Марковна 75

ПАЛЕНЪ, графиня Юліана Ивановна . . . 187
ПАЛЕНЪ, графъ Петръ Алексѣевичъ 186
ПЕРОВСКІЙ, Алексѣй Алексѣевичъ. . . . 81
ПОТЕМКИНА, Варвара Ивановна 145
ПОТЕМКИНА, графиня Елизавета Петровна . 68
ПОТЕМКИНА, Татьяна Борисовна 116
ПОТЕМКИНЪ, Яковъ Алексѣевичъ 147
ДЕ-ПРЕРАДОВИЧЪ, Леонтій Ивановичъ . . 148

№№

GOLOVINE, Eugène Alexandrowitch 158
GOLOVKINE, Comtesse Catherine Lvowna . . 166
GOLOVKINE, Comte Youri Alexandrowitch . 167
GORTCHAKOFF, Prince Nicolas Ivanowitch . 102
GOURIEFF, Comtesse Marine Dmitriewna . . 57
GOURIEFF, Comte Dmitri Alexandrowitch . . 196
GOURIEFF, Comte Nicolas Dmitriewitch. . . 201
GREIG, Sarah 87
GREIG, Samuel 88

ISTOMINE, Eudoxie Ilyinitchna 93

KHOVANSKY, Princesse Catherine Nikolaewna. 28
KHRAPOVITZKY, Alexandre Vassiliewitch. . 25
KHRAPOVITZKY, Mathieu Evgrafowitch . . 194
KHROUCHTCHOFF, Catherine Nikolaewna. . 28
KHVOSTOFF, Comte Dmitri Ivanowitch. . . 164
KORSAKOFF, Alexis Ivanowitch 139
KOUCHÉLEFF, Comtesse Liouboff Ilyinitchna. 6
KOUCHÉLEFF, Comte Grégoire Grigoriewitch. 5
KOUCHNIKOFF, Catherine Pétrowna. . . . 197
KOURAKINE, Princesses Hélène et Alexandrine Alexéewna 42
KOUROUTA, Comte Dmitri Dmitriewitch . . 106
KOUTAÏSSOFF, Comtesse Prascovie Pétrowna. 56
KOUTAÏSSOFF, Comte Alexandre Ivanowitch . 55
KOUTAÏSSOFF, Comte Paul Ivanowitch. . . 57
KOUTOUZOFF-SMOLENSKY, Prince Michel Hilarionowitch 12
KOZITZKY, Catherine Ivanowna 149
KRIVTZOFF, Catherine Féodorowna 128
KRIVTZOFF, Elisabeth Nikolaewna 127
KRIVTZOFF, Nicolas Ivanowitch 129
KRIVTZOFF, Paul Ivanowitch 38

LAMSDORF, Comtesse Anne Logguinowna . . 142
LAMSDORF, Comte Mathieu Ivanowitch. . . 141
LERMONTOFF, Michel Youriewitch (?). . . 188
LEVCHINE, Alexandrine Pétrowna 32
LIEVEN, Princesse Sérénissime Charlotte Karlowna 104
LIEVEN, Princesse Sérénissime Daria (Dorothée) Khristoforowna 24
LIEVEN, Pr. Sér. Christophe Andréewitch . . 23
LOPOUKHINE, Catherine Alexandrowna . . 53
LOPOUKHINE, Princesse Sérénissime Jeannette (Anne) Ivanowna. 11
LOPOUKHINE, Ivan Vladimirowitch 157
LOPOUKHINE, Pr. Sér. Paul Pétrowitch . . 54
LVOFF, Marie Alexéewna 19
LVOFF, Nicolas Alexandrowitch 113

№№

MADATOFF, Prince Valérien Grigoriewitch. . 92
MARTCHENKO, Basile Romanowitch. . . . 191
MATIOUCHKINE, Comtesse Anne Alexéewna . 13
MAZOWSKOÏ, Nicolas Nikolaewitch 146
MENCHIKOFF, Princesse Sérénissime Catherine Nikolaewna 46
MICHAUD DE BEAURETOUR, Comte Alexandre 107
MOLTCHANOFF, Catherine Ivanowna . . . 50
MOUKHANOFF, Varvara Dmitriewna . . . 82
MOUKHANOFF, Serge Ilyitch 83

NARYCHKINE, Marie Antonowna. 35
NARYCHKINE, Marie Yakovlewna 168
NARYCHKINE, Varvara Alexéewna 137
NARYCHKINE, Cyrille Alexandrowitch . . . 169
NARYCHKINE, Dmitri Lvowitch 36
NARYCHKINE, Siméon Kirillowitch 172
NÉLÉDINSKY-MÉLETZKY, Youri Alexandrowitch 163
NELIDOFF, Catherine Ivanowna 31
NOVIKOFF, Nicolas Ivanowitch 155

OBOLENSKY, Prince André Pétrowitch . . . 85
ODOEWSKY, Prince Alexandre Ivanowitch. . 189
OLÉNINE, Anne Alexéewna 74
OLÉNINE, Elisabeth Markowna. 75

PAHLEN, Comtesse Julienne Ivanowna . . . 187
PAHLEN, Comte Pierre Alexéewitch 186
PÉROWSKY, Alexis Alexéewitch 81
POTEMKINE, Comtesse Elisabeth Pétrowna . 68
POTEMKINE, Tatiana Borissowna. 116
POTEMKINE, Varvara Ivanowna 145
POTEMKINE, Jacob Alexéewitch 147
POUCHKINE, Natalie Abramowna 136
POUCHKINE, Michel Alexéewitch 135
PRÉRADOWITCH (DE), Léonce Ivanowitch . 148
PROZOROWSKY, Princesse Anne Mikhaïlowna 22
PROZOROWSKY, Prince Alexandre Alexandrowitch. 98

RADICHTCHEFF, Anne Vassiliewna 154
RADICHTCHEFF, Alexandre Nikolaewitch . . 155
RAZOUMOWSKY, Comtesse Sophie Stépanowna. 110
RAZOUMOWSKY, Comtesse Varvara Pétrowna 109
RAZOUMOWSKY, Comte Alexis Kirillowitch . 14
RAZOUMOWSKY, Comte Pierre Kirillowitch { 192 / 193
RIBEAUPIERRE, Agrippine Alexandrowna . . 49
RIBEAUPIERRE, Ivan Stépanowitch 40

№№

ПРОЗОРОВСКАЯ, княгиня Анна Михайловна. 22
ПРОЗОРОВСКІЙ, князь Александръ Александровичъ. 98
ПУШКИНА, Наталія Абрамовна. 136
ПУШКИНЪ, Михаилъ Алексѣевичъ. . . . 135

РАДИЩЕВА, Анна Васильевна 154
РАДИЩЕВЪ, Александръ Николаевичъ . . 153
РАЗУМОВСКАЯ, графиня Варвара Петровна. 109
РАЗУМОВСКАЯ, графиня Софія Степановна. 110
РАЗУМОВСКІЙ, графъ Алексѣй Кирилловичъ. 14
РАЗУМОВСКІЙ, графъ Петръ Кирилловичъ 192, 193
РИБОПЬЕРЪ, Аграфена Александровна . . 49
РИБОПЬЕРЪ, Иванъ Степановичъ 40
РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, Александръ Михайловичъ 140
РУДЗЕВИЧЪ, Александръ Яковлевичъ . . . 60

САМОЙЛОВА, графиня Юлія Павловна . . 69
СВИСТУНОВА, Марія Алексѣевна 79
СВИСТУНОВЪ, Николай Петровичъ. . . . 78
СЕМЕНОВА, Екатерина Семеновна 96
СЕНЪ-ПРИ, графъ Эммануилъ Францевичъ . 45
СЕСЛАВИНЪ, Александръ Никитичъ . . . 47
СКАВРОНСКАЯ, графиня Екатерина Васильевна 10
СМИРНОВА, Александра Осиповна 77
СПЕРАНСКІЙ, графъ Михаилъ Михайловичъ. 9
СУВОРОВА-РЫМНИКСКАЯ, графиня Варвара Ивановна 182, 185
СУВОРОВЪ, Александръ Васильевичъ . . 178, 179, 180, 181, 183, 184

№№

ТАЛЫЗИНА, Марія Васильевна 152
ТАЛЫЗИНА, Марія Степановна 151
ТЕЛЕШОВА, Екатерина Александровна . . 94
ТИМОФЕЕВА, Прасковія Артемьевна . . . 66
ТОЛСТАЯ, Елена Петровна. 41
ТОЛСТОЙ, графъ Илья Андреевичъ 103
ТОЛСТОЙ, графъ Федоръ Ивановичъ . . . 114
ТОЛСТОЙ, Сергѣй Васильевичъ. 41
ТРОПИНИНЪ, Василій Андреевичъ 159
ТЮФЯКИНА, княгиня Марія Александровна. 150
ТЮФЯКИНЪ, князь Петръ Ивановичъ. . . 27

ХВОСТОВЪ, графъ Дмитрій Ивановичъ . . 164
ХОВАНСКАЯ, княжна Екатерина Николаевна. 28
ХРАПОВИЦКІЙ, Александръ Васильевичъ . 25
ХРАПОВИЦКІЙ, Матвѣй Евграфовичъ. . . 194
ХРУЩОВА, Екатерина Николаевна. . . . 28

ЧАРТОРИЖСКІЙ, князь Адамъ 26
ЧЕРКАСОВА, баронесса Елизавета Михайловна 48
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Захаръ Григорьевичъ . 126
ЧЕРТКОВА, Елизавета Григорьевна. . . . 124
ЧЕРТКОВЪ, Александръ Дмитріевичъ . . . 130

ШАХОВСКОЙ, князь Яковъ Петровичъ . . 62
ШЕРЕМЕТЕВА, графиня Прасковія Ивановна. 18
ШЕРЕМЕТЕВЪ, графъ Николай Петровичъ . 111
ШЕРЕМЕТЕВЪ, графъ Петръ Борисовичъ. . 16
ШЛЫКОВА, Татьяна Васильевна. 112
ШТАКЕЛЬБЕРГЪ, графиня Каролина Христофоровна 144
ШТАКЕЛЬБЕРГЪ, графъ Густавъ-Эрнстъ. . 145
ШУВАЛОВА, графиня Мавра Егоровна . . 4
ШУВАЛОВЪ, графъ Александръ Ивановичъ . 63
ШУВАЛОВЪ, Иванъ Ивановичъ 8
ШУВАЛОВЪ, графъ Петръ Ивановичъ . . . 3

№№

RIMSKY-KORSAKOFF, Alexandre Mikhaïlowitch 140
ROUDZEWITCH, Alexandre Yakovlewitch . . 60

SAINT-PRIEST, Comte Emmanuel 45
SAMOÏLOFF, Comtesse Julie Pavlowna . . . 69
SCHOUVALOFF, Comtesse Mavra Egorowna . 4
SCHOUVALOFF, Comte Alexandre Ivanowitch. 63
SCHOUVALOFF, Ivan Ivanowitch 8
SCHOUVALOFF, Comte Pierre Ivanowitch . . 3
SÉMÉNOFF, Catherine Sémenowna. 96
SÉSLAVINE, Alexandre Nikititch 47
SKAVRONSKY, Comtesse Catherine Vassiliewna. 10
SMIRNOFF, Alexandrine Ossipowna 77
SOUVOROFF-RYMNIKSKY, Comtesse Varvara Ivanowna 182, 185
SOUVOROFF, Alexandre Vassiliewitch . . 178, 179, 180, 181, 183, 184
SPÉRANSKY, Comte Michel Mikhaïlowitch. . 9
STACKELBERG, Csse Caroline Khristoforowna. 144
STACKELBERG, Comte Gustave-Ernest . . . 143
SVISTOUNOFF, Marie Alexéewna 79
SVISTOUNOFF, Nicolas Pétrowitch 78

TALYZINE, Marie Stépanowna 151
TALYZINE, Marie Vassiliewna 152
TCHERKASSOFF, Baronne Elisabeth Mikhaïlowna 48
TCHERNYCHEFF, Comte Zakhare Grigoriewitch 126
TCHERTKOFF, Elisabeth Grigoriewna . . . 124

№№

TCHERTKOFF, Alexandre Dmitriewitch. . . 130
TÉLÉCHOFF, Catherine Alexandrowna . . . 94
TIMOFÉEFF, Prascovie Artémiewna 66
TOLSTOÏ, Hélène Pétrowna 41
TOLSTOÏ, Comte Elie Andréewitch 103
TOLSTOÏ, Serge Vassiliewitch 41
TOLSTOÏ, Comte Théodore Ivanowitch . . . 114
TROPININE, Basile Andréewitch 159
TUFIAKINE, Princesse Marie Alexandrowna . 150
TUFIAKINE, Prince Pierre Ivanowitch . . . 27

VADKOWSKY, Catherine Ivanowna 125
VADKOWSKY, Théodore Féodorowitch . . . 126
VALOUEFF, Daria Alexandrowna. 34
VALOUEFF, Pierre Stépanowitch 105
VASSILTCHIKOFF, Alexandrine Ivanowna. . 207
VASSILTCHIKOFF, Catherine Hilarionowna . 208
VASSILTCHIKOFF, Psse Tatiana Vassiliewna . 203
VASSILTCHIKOFF, Véra Pétrowna 204
VASSILTCHIKOFF, Alexis Vassiliewitch . . 206
VASSILTCHIKOFF, Basile Alexéewitch . . . 209
VASSILTCHIKOFF, Dmitri Vassiliewitch . . 205
VASSILTCHIKOFF, Prince Hilarion Vassiliewitch 202

WITT, Comte Jean Ossipowitch. 108
WITTGENSTEIN, Prince Sérénissime Pierre Khristianowitch 91
WURTEMBERG (de), Prince Alexandre . . . 131
WURTEMBERG (de), Prince Eugène 132
WOLKONSKY, Psse Catherine Dmitriewna . . 101
WOLKONSKY, Prince Michel Nikititch . . . 97
WORONTZOFF, Csse Catherine Artémiewna. . 67

ZOUBOFF, Comtesse Marie Féodorowna. . . 50

Алфавитный указатель художниковъ,

произведенія которыхъ помѣщены въ III томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“ *).

Аргуновъ, И.— 16, 109, 112.

Барбье — 33, 105.
Барду — 174.
Бинеманнъ — 53.
Боровиковскій — 5, 6, 34, 42, 75, 149.
Босси — 69.
Брюлловъ, А.— 57, 81.
Брюлловъ, Карлъ — 11, 38, 44, 96, 134.
Бугаевскій-Благодарный — 160.
Бухгольцъ — 151.

Варнекъ — 76, 140.
де-Вельи — 8.
Виже-Лебренъ — 10, 17, 46, 50, 204.
Винтергальтеръ — 127.

Гау — 68.
Грёзъ — 43.
Гуттенбруннъ — 14, 36.

Дау, Г.— 12, 13, 45, 47, 55, 92, 104, 106, 107, 131, 132, 161.

Жераръ — 162.
Женренъ — 194.

Захаровъ — 170, 177.

Карафъ — 200.
Кауфманнъ, Анжелика — 18.
Кипренскій — 80, 94, 95, 171.
Крейцингеръ — 183.
Кронпеттеръ — 191.

Левицкій — 19, 28, 29, 30, 31, 32, 40, 88, 113.
Липуйль — 27.
Лоренсъ — 23, 24.
Людерсъ — 122.

Мартенъ — 199.
де-Местръ, графъ Ксаверій — 184.
Молинари — 66, 89.

Олешкевичъ — 26.

Рейхель, Карлъ — 22, 108, 114.
Риссъ — 1, 2, 39.
Рокотовъ — 3, 4, 70, 71, 101, 137, 138.
Рокштуль — 130.
Росленъ — 7, 90, 111, 173.
Росси — 147, 169.
Ротари, графъ — 49 (?), 63.

Серсне — 120.
Соколовъ, Петръ — 74, 82, 83, 195.
Стрекль, Эдуардъ — 35.

Тангерманнъ — 100.
Тончи — 133.
Тропининъ — 9, 159.

Шмидтъ — 179.

Щукинъ — 139.

Энгръ — 201.

*) Цыфры указываютъ №№ изображеній.

Index alphabétique des Artistes

dont les œuvres figurent au Tome III des PORTRAITS RUSSES.

(Les numéros sont ceux des portraits.)

Argounoff (I.), 16, 109, 112.

Barbier, 33, 105.
Bardoux, 174.
Bienemann, 53.
Borovikowsky, 5, 6, 34, 42, 75, 149.
Bossi, 69.
Bougaewsky-Blagodarny, 160.
Brulloff (A.), 57, 81.
Brulloff (Charles), 11, 38, 44, 96, 134.
Buchholz, 151.

Caraf, 200.
Cersnet, 120.
Chtchoukine, 139.

Dawe (G.), 12, 13, 45, 47, 55, 92, 104, 106, 107, 131, 152, 161.

Gérard, 162.
Greuze, 43.
Guttenbrunn, 14, 36.

Hau, 68.

Ingres, 201.

Jérin, 194.

Kauffmann (Angélique), 18.
Kiprensky, 80, 94, 95, 171.
Kreutzinger, 183.
Kronewetter, 191.

Lawrence, 23, 24.
Lévitzky, 19, 28, 29, 30, 31, 32, 40, 88, 113.
Lipouille, 27.
Lüders, 122.

Maistre (Comte Xavier de), 184.
Martin, 199.
Molinari, 66, 89.

Olechkewitch, 26.

Reichel (Charles), 22, 108, 114.
Riss, 1, 2, 39.
Rockstuhl, 130.
Rokotoff, 3, 4, 70, 71, 101, 137, 138.
Roslin, 7, 90, 111, 173.
Rossi, 147, 169.
Rotary (Comte), 49 (?), 63.

Schmidt, 179.
Sokoloff (Pierre), 74, 82, 83, 195.
Stracly (Eduard), 35.

Tangermann, 100.
Tonci, 133.
Tropinine, 9, 159.

Veilly (de), 8.
Vigée-Lebrun, 10, 17, 46, 50, 204.

Warneck, 76, 140.
Winterhalter, 127.

Zakharoff, 170, 177.

Нѣкоторыя поправки и дополненія.

Текстъ.

№ 1.— „Съ 1820 г.“—должно быть: „Въ 1820 г.“.
№ 19.— Сыновья М. А. Львовой: Леонидъ и Александръ, Николая не было.
№ 23.— Ливену въ 1789 г. было „15 лѣтъ“ (а не 19).
№ 26.— „Полонизація“, а не „колонизація“.
№ 36.— Д. Л. Нарышкинъ родился 30 Мая 1758 года (СПб. Некрополь).
№ 42.— Княжна Александра Алексѣевна Куракина: 19 Октября 1819 г. И. П. Мартосъ писалъ, что сдѣлалъ „статую Апостола Петра для монумента надъ гробомъ А. А. Чичериной“ (Кіевская Старина, 1896, II, 353).
№ 50.— Миніатюра, изображающая младенца сына графа В. Зубова (по преданію Ф. П. Уварова), имѣется у Д. И. Гурьева, въ С.-Петербургѣ.
№ 58.— Мужъ Юліи Адлербергъ не былъ „графомъ“.
№ 61.— Д. „Студеновка“—должно быть: „Студянка“.
№ 81.— Годъ рожденія А. А. Перовскаго 1787 (а не 1789).
№ 88.— Годъ рожденія Грейга 1736 (а не 1735), годъ же рожденія его сына Алексѣя 1775 (а не 1766).
№ 94.— Телешова „прожила еще 23 года“ (а не „27 лѣтъ“).
№ 98.— Ажександра — вмѣсто: Александра.
№ 113.— Сыновья Н. А. Львова: Леонидъ и Александръ, Николая не было.
№ 115.— Годъ рожденія Т. Б. Потемкиной 1797 (а не 1801).
№ 124.— Григорій Чертковъ женатъ на Софіи Николаевнѣ Муравьевой, а не на княжнѣ Мещерской.
№ 153.— А. И. Боголюбовъ — нужно: А. П. Боголюбовъ.
№ 154.— Алимова — нужно: Алымова.
№ 160.— Имя художника: Бугаевскій-Благодарный.
№ 166.— Графъ Ю. А. Головкинъ родился въ 1762 году (а не въ 1749).

Таблицы.

XXIII — Х. А. Ливенъ: годъ рожденія 1774 (а не 1770). Портретъ письма Лоренса.
XXVIII — Годы рожденія: княжны Хованской 1762 (а не 1758) и Хрущовой 1761 (а не 1758). Портретъ писанъ въ 1773 г. (подпись художника).
XXIX — Годъ рожденія Борщевой 1759 (а не 1758). Портретъ писанъ въ 1776 г. (подпись художника).
XXX — Молчанова: даты должны быть: 1758—1809 (а не 1762—1813). Портретъ писанъ въ 1776 г. (подпись художника).
XXXII — Левшина: годъ рожденія 1757 (а не 1758). Портретъ писанъ въ 1775 г. (а не въ 1773 г.; подпись художника).
XXXV — Портретъ писалъ въ С.-Петербургѣ, въ 1801 г., Эдуардъ Стрекль.
XLII — Княжны Куракины родились: Елена въ 1787 г., Александра въ 1788 году.
LVIII — № 76.— А. П. Бунина: годъ смерти 1829 (а не 1828); портретъ былъ въ собраніи М. П. Погодина, писанъ Варнекомъ.
„ — № 77.— А. О. Смирнова: годъ рожденія 1809 (а не 1810).
LXII — № 87.— Сара Грейгъ: годъ рожденія 1752 (а не 1742).
LXXII — № 117.— Княгиня Е. И. Голицына: умерла въ 1824 г. (а не въ 1823).
LXXVII — № 133.— Князь И. С. Гагаринъ: годъ рожденія 1754 (а не 1752).
LXXXIV — № 160.— В. Л. Боровиковскій: годъ смерти 1825 (а не 1826). Писалъ Бугаевскій-Благодарный.
C — № 208.— Е. И. Васильчикова — даты рожденія и смерти должны быть: 1754—1832.
„ — № 209.— В. А. Васильчиковъ—даты рожденія и смерти должны быть: 1754—1830.

Corrections et additions.

№ 42. — Le sculpteur Martos écrivait, en date du 19 octobre 1819, qu'il avait fait „une statue de l'Apôtre Pierre pour le tombeau de Mme A. Tchitchérine“ (Kiewskaïa Starina, 1896, II, 353).

№ 50. — Il y a une miniature représentant le jeune fils du comte V. Zouboff (fils en réalité, selon la tradition, de Th. Ouvaroff), chez D. Gourieff, à St-Pétersbourg.

№ 76. — Le portrait ci-joint a fait partie de la collection de M. Pogodine.

ERRATA

TEXTE

Numéro	*ligne*	*au lieu de:*	*lire:*
2	10 *du bas*	eues	eu
4	12 *du haut*	amusement	amusements
,,	12 ,, ,,	princesse	comtesse
7	10 *du bas*	paralytique	et paralytique
11	10 ,, ,,	Rosia	Ross
13	16 ,, ,,	vieux camarade	collègue et ancien
18	17 *du haut*	du comte Pierre	de la comtesse Prascovie
19	9 *du bas*	Nicolas	Alexandre
23	3 *du haut*	19	15
26	12 *du bas*	colonisation	polonisation
30	3 *du haut*	Balk-Polévoï	Balk-Poleff
35	*(signat.)*	Strocly	Stracly
36	1 *et* 2 *du haut*	1764	1758
38	*(signat.)*	C. Orloff	E. Orloff
54	2 *du haut*	Chtchetneff	Chetneff
58	1 *du bas*	du comte	de
62	17 ,, ,,	I. Chouvaloff	P. Chouvaloff
72	6 *du haut*	1ère	de 1re
,,	7 ,, ,,	2de	de 2e classe
,,	18 *du bas*	Dmitrovsky	Dmitroff
,,	11 ,, ,,	Totemsk	Totma
,,	9 ,, ,,	18	du 18
73	8 ,, ,,	les vers de Joukowsky	ses vers
75	12 ,, ,,	Nicandrowitch	Nicanorowitch
76	10 *du haut*	ſa	la
,,	16 ,, ,,	londé	fondé
78	6 *du bas*	Kristine	Christin
81	1 *du haut*	1789	1787
84	18 *du bas*	(prhier ier)	(voyelle muette)
,,	18 ,, ,,	Nouvelles	Comptes Rendus
85	17 ,, ,,	lattérales	latérales
88	1 *du haut*	1735	1736
,,	3 *du bas*	1766	1775
94	18 *du haut*	27	23
110	14 *du bas*	belle-mère	beau-père
113	9 ,, ,,	Paladieff	de Palladio
,,	4 ,, ,,	Nicolas	Alexandre
115	10 ,, ,,	1801	1797
120	12 *du haut*	Blagovo	de Blagovo
124	18 ,, ,,	la princesse Mechtchersky	Sophie Nicolaewna Mouravieff
128	6 ,, ,,	M. B.	B. N.
154	4 ,, ,,	Alimoff	Alymoff
158	9 ,, ,,	division	brigade
159	2 ,, ,,	Ivanowna	Antonowna
160	*(signat.)*	Bougaewsky-Blagodatny	Bougaewsky-Blagodarny
166	3 *du haut*	1749	1762

PLANCHES

Planche	*numéro*	*au lieu de:*	*lire:*
II	2	Marie	Mavra
XXIII	23	1770	1774
,,	,,	*Ajouter:*	Peint par Lawrence.
XXVIII	28	1758—1813	1762—1813
,,	,,	1758—	1761— ....
XXIX	29	1758	1759
,,	,,	Lévitsky.	Lévitsky, 1776.
XXX	30	1762—1813	1758—1809
XXXII	32	1758	1757
,,	,,	1773	1775
XXXV	35	*Ajouter:*	Peint par Stracly, 1801.
XLII	42	178 .	1787
,,	,,	1789	1788
LVIII	76	1828	1829
,,	,,	*Ajouter:*	Peint par Warneck.
,,	77	1810	1809
LXII	87	1742	1752
LXXII	117	1823	1824
LXXVII	133	1752	1754
LXXXIV	160	1826	1825
,,	,,	Blagodatny.	Blagodarny.
C	208	175 .—1837	1754—1832
,,	209	1750—18 . .	1754—1830

Въ III томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“, въ составленіи текста біографическихъ очерковъ, участвовали слѣдующія лица: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, И. А. Кубасовъ, Б. Л. Модзалевскій, В. И. Саитовъ, Н. П. Чулковъ, В. В. Шереметевскій и Е. С. Шумигорскій.

Ont collaboré à la rédaction des esquisses biographiques du Tome III des PORTRAITS RUSSES: V. Chérémétewsky, E. Choumigorsky, A. Golombiewsky, S. Kaznakoff, I. Koubassoff, B. Modzalewsky, V. Saïtoff, N. Tchoulkoff, C. Voïensky.

104667

GETTY CENTER LIBRARY
3 3125 00737 5351